

**ИСТОРИЯ
НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА
с древнейших
времен
до конца
XVIII в.**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

АДЫГЕЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

СЕВЕРООСЕТИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ И ФИЛОЛОГИИ

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, СОЦИОЛОГИИ И ФИЛОЛОГИИ

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦИ РАН

instituteofhistory.ru

DEPARTMENTAL

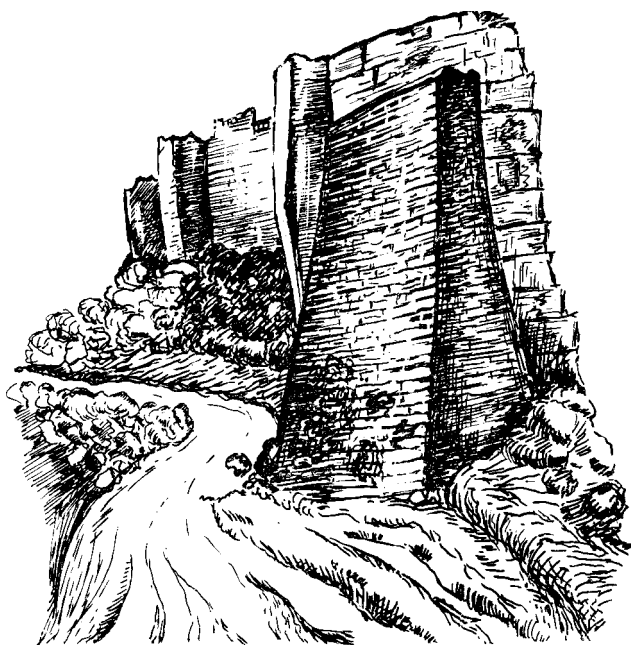
**NOT FOR
PUBLIC RELEASE**

Академия наук СССР

ИСТОРИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

*Ответственный редактор серии
академик
А. Л. Нарочницкий*

Академия наук СССР

9(счч)
1190

**ИСТОРИЯ
НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА
с древнейших
времен
до конца
XVIII в.**

*Ответственный редактор книги
академик
Б. Б. Пиотровский*

Москва «Наука» 1988

ББК 63.3(2...)

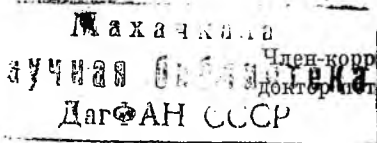
И90

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

А. Л. Нарочницкий — ответственный редактор,
Ю. А. Жданов — заместитель ответственного редактора,
Н. Ф. Бугай — ответственный секретарь,
Ю. В. Бромлей, В. Г. Гаджиев, М. П. Ким, И. И. Минц,
Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, Ю. А. Поляков, А. П. Новосельцев,
Г. Г. Гамзатов, С. С. Хромов, А. П. Проништейн, В. И. Буганов,
В. П. Шерстобитов, Х. И. Хутуев

РЕДКОЛЛЕГИЯ КНИГИ:

В. Б. Пиотровский — ответственный редактор, *А. Л. Нарочницкий,*
А. П. Новосельцев — заместитель ответственного редактора,
В. Г. Гаджиев — первый заместитель ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев — заместитель ответственного редактора,
А. П. Проништейн — заместитель ответственного редактора,
Э. В. Анчабадзе, Н. В. Анфимов, В. И. Буганов, В. Б. Виноградов,
В. А. Кузнецов, Л. И. Лавров, Р. М. Магомедов,
Р. Г. Маршаев — ответственный секретарь

Рецензенты:

Член-корреспондент АН СССР *Я. Н. Шапов,*
доктор исторических наук *Р. Г. Скрынников*

137580

И90 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. — М.: Наука, 1988. — 544с.

ISBN 5—02—009486—2

Книга представляет собой первую в советской исторической науке попытку обобщающего освещения истории северокавказских народов с древнейших времен до конца XVIII в. Труд написан крупнейшими учеными-кавказоведами Москвы, Ленинграда, северокавказских республик, краев и областей РСФСР, Грузинской ССР, опирается на марксистско-ленинскую методологию. Широкое использование многоязычных письменных источников и археологического материала позволили представить наглядную панораму сложнейших событий многовековой истории народов Северного Кавказа и очертить основные тенденции их социально-экономического, политического и культурного развития. Важное место в книге занимает изложение причин процесса сближения северокавказских народов с русским народом, приведшего к их вхождению в состав России.

Для всех интересующихся историей народов Северного Кавказа.

И 0505040000—161
042(02) — 88 41—87—III

ББК 63.3(2...)+63.3(2)4

ISBN 5—02—009486—2

© Издательство «Наука», 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕРИИ

За последние десятилетия изучение истории народов Северного Кавказа ушло далеко вперед. Разработка актуальных проблем исторического процесса у этих народов стала одним из важных и успешно развивающихся направлений советской исторической науки. Появилось много новых документальных публикаций и специальных трудов по истории Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней. Были выявлены и изданы многие ранее неизвестные письменные источники и сделаны важные археологические открытия. Исследования охватили все эпохи в жизни северокавказских народов — от древнейшей стадии каменного века до вступления на стадию социализма. Были созданы и опубликованы сводные труды по истории отдельных областей, автономных республик и народов Северного Кавказа. В трудах советских ученых освещаются их трудовые, патриотические, освободительные традиции, прослеживается развитие их экономики, социальных отношений, общественно-политической жизни и культуры. Особенно много было сделано для освещения положения основных масс трудящегося населения в разные исторические эпохи. Изучались частые в прошлом нашествия на Кавказ соседних государств, многовековая борьба его народов против арабских и монголо-татарских завоевателей, шахского Ирана, Османской империи и Крымского ханства. Подробно исследовалась борьба угнетенных слоев народа против местных эксплуататоров-рабовладельцев и феодалов, князей и ханов. Широко освещались истоки и развитие ориентации народов Северного Кавказа на Россию для защиты от внешней агрессии. Глубоко раскрывались объективно прогрессивные последствия их вхождения в состав России и дальнейшего слияния их судеб с революционной борьбой российского рабочего класса и передового крестьянства против царизма, помещиков и буржуазии за социалистическую революцию. Научное познание судеб ранее угнетенных народов Северного Кавказа все глубже и шире раскрывает значение Великой Октябрьской социалистической революции и передовой России.

В ходе развернувшихся исследований подверглись критике многие ошибочные положения и концепции феодально-клерикальной и помещичье-буржуазной националистической историографии, ложные версии зарубежной «советологии», измышления эмигрантских контрреволюционных авторов, взгляды антисоветской буржуазной историографии и публицистики, преодолеваются разные проявления местной национальной ограниченности.

На основе достигнутых успехов, являющихся составной частью поступательного развития всей советской исторической науки, созрело и стало возможным решение такой сложной, а ранее даже невыполнимой задачи, как создание обобщающей «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней». Издание это, выпускаемое в свет

в виде 4-томной серии трудов, призвано дать целостное освещение истории народов Северного Кавказа в их взаимосвязи между собою, а также с русским и другими народами Советского Союза, подвести итоги отмеченным достижениям науки, раскрыть особенности истории северокавказских народов как проявления общих закономерностей исторического процесса в условиях менявшейся в течение веков исторической обстановки жизни этих народов.

При подготовке обобщающей истории народов Северного Кавказа авторы и редколлегия следовали методологии марксизма-ленинизма, требующей классового анализа исторических явлений, преодоления буржуазного национализма, более глубокого освещения роли народа в ходе истории, отказа от ложной идеализации и приукрашивания деятельности местных феодально-клерикальных верхов и политики царского правительства, имевших место в дореволюционной историографии в России, и теперь присущих зарубежной буржуазно-националистической литературе. Глубокое и объективное понимание прошлого и его связи с настоящим невозможно, если допускается «отход от четкой классовой оценки отдельных исторических событий и фигур»¹.

Как известно, идеологи антисоветизма и антикоммунизма изливают потоки клеветы и лживых вымыслов на Советский Союз и ленинскую национальную политику, приписывают народам Северного Кавказа черты особой исключительности и обособленности. Публикуемый труд содержит обширные фактические данные и выводы, показывающие полную несостоятельность феодально-клерикальных и буржуазно-националистических концепций об исключительности, обособленности и прирожденной замкнутости горских народов Северного Кавказа, ложных версий об их якобы полной невосприимчивости к социализму, встречающихся за рубежом утверждений, будто некоторые из этих народов якобы органично по самой своей природе всегда были связаны с исламом и предписываемым им образом жизни. В действительности ислам распространился на всем Северном Кавказе сравнительно недавно, гораздо позднее, чем во многих других странах мира, и, например, в Чечено-Ингушетии утвердился лишь в XVIII в.

Огромный материал данного издания на примере народов Северного Кавказа подтверждает единство мирового исторического процесса, говорит о том, что в своей многовековой истории народы Северного Кавказа по-своему проходили те же ступени социально-экономического, политического и культурного развития, что и другие народы мира, показывает модификации этих ступеней, зависящие от конкретной исторической эпохи, связанные с взаимодействием народов в ходе исторического процесса. Вхождение в состав России стало предпосылкой того, что Великая Октябрьская социалистическая революция позволила ряду ранее отсталых народов Северного Кавказа перейти к социализму, минуя капитализм. За этим последовал расцвет экономической, политической и культурной жизни всех народов Северного Кавказа. В условиях социализма сложилась новая историческая общность — советский народ, неразрывной составной частью которого стали и народы Северного Кавказа.

В истории этих народов, как и всех народов мира, общие закономерности истории человечества проявлялись в национальном своеобразии, но никогда народы Северного Кавказа не были чем-то исключительным, изолированным.

Как показывают накопленные факты, уже начиная с глубокой древности, исторические судьбы народов Северного Кавказа и ряда других народов нашей страны соприкасались и переплетались между собою,

происходило взаимодействие культур и традиций, скреплялись сложные этнические процессы, в ходе истории сдвигались племенные и территориальные границы. Новейшие археологические открытия позволяют утверждать, что Северный Кавказ, как и Закавказье, является одним из древних очагов жизни первобытного человека, прошел общераспространенные ступени первобытнообщинного строя в условиях каменного, бронзового и раннежелезного веков.

Предпринимаемый обобщающий труд насколько позволяют источники и современное состояние науки раскрывает этнические процессы, происходящие на территории Северного Кавказа. В нем показано, что как и у других народов мира здесь имела место преемственность древнейших культур с культурами последующих времен, отмечались этнические связи между создателями разновременных культурных памятников. Археологические материалы с бесспорностью это доказывают. По письменным источникам можно теперь уже локализовать расселение северокавказских племен, выявить, какие народности складывались здесь в разные исторические эпохи, показать возникновение этнических общностей на основе как старого местного, так и пришлого населения.

Предлагаемый труд показывает несостоятельность идеализации эксплуататорского общественного строя, «местных» и «чужих» царей, ханов, князей и других феодалов, затупевывания возникавших, а во многих случаях и уже вполне сложившихся классовых противоречий в горских обществах.

Авторы уделили большое внимание связям населения Северного Кавказа с обществами и государствами Закавказья, Передней Азии, Крима, Придонья, Приволжья, Восточной Европы, Византией, освещают глубокие исторические связи народов Северного Кавказа со славянским миром, и прежде всего с Древней Русью.

Изучение средневековой истории народов Северного Кавказа свидетельствует, что иноземные нашествия вынуждали их сосредоточиваться в горных ущельях для обороны и самосохранения. Хозяйственная жизнь в труднодоступных горных местах в условиях взаимной разобщенности и постоянной обороны от нападения извне вела к относительной замкнутости и обособленности местных горских обществ, что способствовало длительной многовековой устойчивости и даже своего рода окостенению общинной структуры, традиций, обрядов и обычаев, замедлению исторического процесса. Классообразование протекало своеобразно, в замедленном темпе, происходила как бы консервация, нередко узколокальная, общественной жизни и материального быта, нравов и обычаев. Лишь после вхождения в состав России, а главным образом уже после Великой Октябрьской социалистической революции, смогло совершиться массовое перемещение горского населения на плоскогорье, что коренным образом меняло образ жизни.

Исследование генезиса и развития феодальных отношений у народов Северного Кавказа заставило отказаться от какого бы то ни было упрощенного подведения этого неравномерного и пестрого процесса под один какой-то шаблон. Научный метод типологического и стадийного анализа предполагает учет тех модификаций отдельных стадий и форм исторического процесса, которые возникают под влиянием конкретной обстановки.

Пришлось преодолеть и немалые трудности при выявлении пестрого уровня феодализации горских обществ и роли рабства на Северном Кавказе на разных этапах средневековья. Ход развития науки показал, что недооценка возникновения феодальной эксплуатации, образования

феодалной собственности на землю и скот может приводить к принижению роли классовой борьбы и крестьянских восстаний, неправильному представлению о роли разных слоев населения в межплеменных распрях, к отходу от классового подхода к анализу феодальных междоусобий, грабительских набегов, освободительной борьбы.

В условиях постоянной агрессии иранских шахов и султанской Турции (начиная с XV—XVI вв.) ориентация северокавказских народов на Россию, а затем и вхождение в ее состав имели важное значение для упрочения безопасности народов Северного Кавказа. Владычество Османской империи в Северном Причерноморье, постоянные нашествия монголо-татар, османских войск и крымских отрядов, сопровождаемые захватом и угоном людей в рабство, истреблением местных жителей, насилием и произволом, отсутствие элементарных возможностей для обеспечения жизни и сохранения имущества поселенцев, нарушали хозяйственную жизнь и быт, делали невозможными заселение огромных степных пространств, удобных для земледелия, появление сел и деревень, развитие торговли и промышленности. В этом — одна из важнейших причин того, что, вопреки агрессивным и реакционным целям царизма, присоединение Северного Причерноморья к России, объективно имевшее огромное прогрессивное значение, было жизненно важно и для народов Северного Кавказа.

Северное Причерноморье и Северо-Западный Кавказ в условиях татаро-монгольского, а потом и османского господства были огромной зоной захвата людей и продажи их в рабство на чужбину. Местные северокавказские феодалы и родовая верхушка сами широко использовали захват и продажу людей в рабство на невольничьих рынках Османской империи как источник обогащения. Важное значение для раскрытия эксплуататорской деятельности **местных** феодалов имеют еще очень мало исследованные материалы о работорговле и хищнической добыче рабов, жертвами которой нередко становились жители соседних селений и девочки даже своего племени или аула. Горская феодальная и родовая верхушка возглавляла и использовала **набеги** на соседние земледельческие и другие общины, захватывала **множество** людей для продажи их в рабство, что замедляло развитие производительных сил, мешало развитию оседлой земледельческой жизни, заселению огромных низинных пространств, богатых плодородными почвами, пригодных для расширения собственного производящего хозяйства: росту своего сельскохозяйственного и ремесленного производства.

Важное место в предлагаемой серии трудов занимает освещение того, как в ответ на агрессию шахского Ирана, Османской империи и Крымского ханства на Северном Кавказе, чинившиеся ими опустошения и уничтожения местных жителей, происходили всенародные подъемы освободительной борьбы местного населения. Завоевательная политика и гнет шахского Ирана и Османской империи, агрессия этих государств, находившихся, как писал Ф. Энгельс, на весьма низкой и варварской ступени феодализма¹, велись в ходе упорного сопротивления народов Грузии, Армении, Азербайджана, Средней Азии и других стран. С учетом событий в Закавказье освещаются сложные и противоречивые взаимоотношения между феодальными владетелями Северного Кавказа, в отношении которых агрессоры проводили двойственную политику, стремились привлечь их знать на свою сторону. Часто местная знать вела предательскую политику сделок с угнетателями.

Надо также учитывать слабое развитие феодальных отношений в некоторых районах.

Предлагаемый труд на основе исследований, проведенных за последние десятилетия, преодолевших имевшую ранее место недооценку факта добровольного присоединения народов Северного Кавказа к России, показал, что это было не результатом произвольных и случайных «захватнических» актов царей, а объективным, закономерным и весьма прогрессивным процессом, чему способствовал выход России в Южное Поволжье, на Каспийское море и восточные территории Северного Кавказа по р. Терек, а позднее складывание сословия донского казачества, что содействовало дальнейшему продвижению России на Северный Кавказ с запада.

В 1557 г. Кабарда, Одыгея и Черкесия добровольно присоединились к России. В это время они еще не образовали единой территории с Россией, были отделены от нее неосвоенными пространствами, но уже включились в орбиту внешней политики Русского государства. В 1774 году добровольно присоединилась к России Северная Осетия, в 1779—1781 гг. завершилось вхождение Чечено-Ингушетии в состав России.

Добровольное вхождение народов Северного Кавказа в состав России, начавшееся со второй половины XVI столетия, в основном было оформлено многими договорными актами и присягами XVI—XVIII вв. Юбилейные даты добровольного вхождения в состав России Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии торжественно отмечаются в Советском Союзе, что является ярким показателем единства советского многонационального народа.

В ходе истории имели место различные стадии, формы и пути установления зависимости и вхождения в состав России или присоединения к ней местных обществ и государственных образований (ханств и т. д.).

Добровольное вхождение северокавказских народов в состав России в XVI—XVIII вв. еще не означало немедленного распространения на Северный Кавказ военно-административной власти. На первых порах народы Кавказа оставались еще феодально-раздробленными и находились под управлением своих князей, ханов, феодально-родовой верхушки. Разные местные горские владетели и общества Северного Кавказа, включая Дагестан, позднее, в конце XVIII — начале XIX в., обращались к российским властям с просьбами о принятии их в подданство России. Процесс добровольного вхождения народов Северного Кавказа был длительным, он завершился в первые два десятилетия XIX в. На северо-западном побережье Черного моря до 1829 г. сохранялось османское владычество.

Процесс распространения военно-административной власти России на Северный Кавказ развернулся уже с начала XIX в. и растянулся на длительный период. Значительная часть местных феодалов и феодально-родовой верхушки оказывала сопротивление царизму, стремилась сохранить независимость от российских военно-административных властей, остаться самостоятельными, оставить в прежнем положении возможности для междоусобий и работорговли.

В предлагаемом труде с учетом достижений советской исторической науки проблема эта рассматривается во всей своей сложности, без всяких упрощений. В нем показана несостоятельность мнения, что народы Северного Кавказа были присоединены к России лишь по завершении Кавказской войны в 1859 и 1864 гг., когда военно-административная власть России полностью распространилась на Чечню и Адыгею². В действительности в это время лишь завершился процесс военно-административного подчинения этих областей, уже после ранее совершившегося их добровольного вхождения в состав России при сохранении своих внутренних порядков. Таким образом, нет никакого противоречия между конста-

тацией добровольного вхождения народов Северного Кавказа в состав России в период с XVI до начала XIX в. и изложением последующих событий, когда развернулась освободительная борьба горцев против царизма и местных феодалов и последовала так называемая Кавказская война.

Немалые сложности возникали при анализе подвижности этнических границ народов Северного Кавказа в пору раннего и позднего средневековья. При анализе этих проблем пришлось преодолевать известные местнические тенденции и предубеждения, решать эти вопросы в строго научном историческом плане, памятуя о том, что этнические, политические границы менялись, а задача исторической науки — установление объективной истины.

Одной из важнейших научных задач серии является освещение взаимоотношений русского населения с народностями Северного Кавказа. История этих отношений грубо искажается в буржуазно-националистической и клерикальной исторической литературе и публицистике, стремящихся подорвать дружбу между народами Советского Союза.

В XVII—XVIII вв. связи России с народами Северного Кавказа постепенно расширялись, особенно с возрастанием роли донского казачества.

Важно учитывать существенную особенность продвижения России на Кавказ: она выступала там не в роли заморской державы-завоевательницы, как западные капиталистические государства, которые во многих своих заокеанских колониях были представлены только миссионерами, отдельными купцами, офицерами, чиновниками, крупными землевладельцами. С Россией было иначе: от Северного Кавказа ее не отделяло море; ее территории со временем соединились в одно целое с землями вошедших в ее состав северокавказских народов. Из внутренних и окраинных районов России и Украины в Предкавказье и на Терек уходило много угнетенного люда: крестьяне, бедные казаки, ремесленники. Там они обрабатывали земли, разводили скот, сажали виноградники, ловили рыбу, т. е. становились частью производительного населения Северного Кавказа, вступая в хозяйственные, культурно-бытовые, семейные и другие связи с местными жителями (хотя этому и мешали религиозная рознь и военные столкновения). Низовые казаки подвергались гнету со стороны казачьих верхов. Это создавало предпосылки для сближения в будущем интересов трудовых русских людей с горским населением. Русские на Северном Кавказе стали органической частью многонационального населения. Народные массы Северного Кавказа страдали от гнета царизма и от угнетения местными феодалами, духовенством, появившимися уже капиталистами. Большой интерес представляет участие северокавказских народов в крестьянских войнах России.

Царское правительство привлекало для осуществления своей политики местных феодалов, ханов, беков, князей, духовенство и всячески поощряло их, раздавая им чины и жалования. Сохранение прежних феодально-сословных поземельных прав вместе с введением военно-административного управления особенно отрицательно сказывалось на положении трудящихся. Недовольство горских народов вызывало изъятие земли для основания казачьих станиц и постройки крепостей.

Освободительное движение народов Северного Кавказа за небольшими исключениями — это движение, направленное как против царизма, так и против местных ханов, князей и духовенства. Местные феодалы широко использовали в своих классовых целях нормы адата, шариката и тариката, положения суфизма, реакционную идеологию мюридизма. В главах о

движении горцев под предводительством Шамиля раскрыты социальные аспекты этого движения, как его освободительные тенденции, так и его реакционные аспекты, там разоблачена политика горской феодальной верхушки, реакционность идеологии мюрцизма, вызвавшей переход к газавату («священной войне»). На несколько десятилетий растянулась вооруженная борьба горцев против прямого подчинения их российской военной и административной власти, завершившаяся лишь в 1859 г. Однако объективно продвижение России на Кавказ и в это время имело важные прогрессивные последствия.

Было бы серьезной ошибкой сводить прогрессивное влияние России только к вовлечению народов Северного Кавказа в сферу российского капитализма. Надо видеть более широкую историческую перспективу.

В предлагаемом обобщающем труде освещаются сложные и многообразные аспекты прогрессивной роли России в судьбах народов Северного Кавказа — защита их от истребительных войн и агрессии со стороны шахского Ирана, Османской Турции, Крымского ханства, прекращение феодальных и родоплеменных междоусобиц, ликвидация работорговли. Велико значение экономических связей с Россией, особенно вовлечение народов Северного Кавказа в сферу общероссийского рынка и капиталистического развития. Воздействие передовой русской культуры и революционного движения, слияние судеб народов Северного Кавказа с судьбами российского рабочего движения в ходе борьбы за освобождение от социального и национального гнета, подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции предопределили их последующие успехи в построении и защите социализма в составе Советского Союза.

«Диалектика истории такова, что, вопреки реакционным целям и методам царизма, присоединение народов к России, объединение их сил с силами русского народа в борьбе против национального и социального гнета подготовили общий фронт всероссийского революционного движения, которое во главе с пролетариатом и его ленинской партией привело в конце концов к освобождению всех народов бывшей царской империи и к созданию невиданного в истории социалистического содружества национальностей, населяющих нашу Родину. Для некоторых народов присоединение к России было в свое время единственным путем к спасению от прямого физического истребления»³. Включение в состав России содействовало распространению на Северном Кавказе передовой русской культуры.

Авторы стремились осветить огромный материал о распространении на Северный Кавказ передовой русской общественной мысли, литературы и просвещения. В специальных главах обобщен большой материал о развитии культуры самих народов Северного Кавказа, соприкосновение с которой много дало и самому русскому и другим народам России.

Авторы раскрывают не только воздействие передовой общественной мысли и революционного движения России на Кавказе, но и подчеркивают культурные взаимовлияния — освещают процесс обогащения культуры России в ходе общения с народами Кавказа. Познание Кавказа внесло новую струю в освободительные стремления русских писателей, сосланных декабристов, произвело неизгладимое впечатление на А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, многих других русских передовых людей. Среди величественных гор и прекрасной природы Кавказа, общаясь с вольнолюбивыми горцами, они

еще сильнее ощущали духоту официального Петербурга и реакционность самодержавия. Представители передовой российской общественности осуждали жестокость по отношению к местным жителям, совершаемую парскими войсками во время военных действий. Их гнев и протест вызывали произвол феодальных властителей Кавказа и соседних стран, варварский деспотизм шахского Ирана и Османской империи, кровавые распри и насилия местных ханов, губительность феодальных и родоплеменных междоусобий, работорговли, религиозного фанатизма и «газавата», жестокие обычаи кровомщения, тяжкое положение женщин-горянок.

Но на Кавказе передовые русские люди узнали и другое — гордый ивольный дух горских народов, их смелость, воинственные нравы, презрение к смерти на поле боя, верность дружбе, гостеприимство, народные обычаи, пляски, песни и предания горцев. Мятёжные образы Кавказа усиливали, обогащали освободительные порывы русской общественной мысли, литературы. Кавказские мотивы находили отражение в живописи и музыке. Через Кавказ в Россию проникали художественные изделия, поэзия, сказочная фантазия и напевы Востока. Все это обусловило важное место общения с народами Кавказа в передовой культуре России. Эти проблемы во многом еще ждут своих исследователей. Важно подчеркнуть, что свободлюбие горцев вызывало ответные чувства передовых русских людей, порождало мятежные поэтические образы, содействовало нарастанию кипучих освободительных стремлений в передовых кругах русского общества.

Как справедливо пишет Ю. А. Жданов, «для передовой русской культуры встреча с народами Кавказа отнюдь не исчерпалась впечатлениями этнографического, экзотического или романтического характера. Напротив, эта встреча оказала глубокое, неизгладимое и плодотворное влияние на передовую общественную мысль России, содействовала постановке крупных теоретических проблем, стимулировала освободительное движение, обогащала интернациональные связи»⁴. История русско-кавказских взаимных культурных влияний полностью подтверждает мысль К. Маркса: «Всякая нация может и должна учиться у других»⁵. Недаром В. Г. Белинский отмечал, что «Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музы, поэтической их родимой»⁶.

Сильные декабристы и другие русские передовые люди осуждали военно-феодальные методы политики самодержавия на Кавказе. А. С. Грибоедов выдвигал проекты мирного подъема хозяйственной жизни и просвещения в Закавказье, сплочения таким путем народов Кавказа и укрепления их связей с Россией. Великие писатели — А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой — мечтали не о военном «покорении» Кавказа, а о будущих мирных отношениях, дружбе русского и кавказских народов, чего, разумеется, не могло быть в ту пору, когда в России господствовало самодержавие, а на Кавказе — феодальные распри и набеги. В романтических поэмах о «кавказском пленнике» А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов выдвигали гуманистическую идею — победы любви и милосердия над враждой племен и ненавистью. Носительницей той же идеи в повести Л. Н. Толстого является маленькая девочка-горянка.

В известной повести «Казачи» Л. Н. Толстой дал замечательные образы русских гребенских казаков, расселившихся на Тереке, их жизни, нарушаемой ненужными и трагическими по своим последствиям нападениями чеченцев и вылазками против них. Простых казаков автор противопоставляет испорченному светскому обществу, осуждает воору-

женские столкновения с черкесами. Мысль о тцете и ненужности вражды и сражений между русскими и горцами владела и М. Ю. Лермонтовым, когда он писал стихотворение о кровавом бое с горцами у р. Валерик.

Огромной силы обличение политики самодержавия и феодальных порядков на Кавказе достигает в повести Л. Н. Толстого «Хаджи Мурат» о трагической судьбе одного из аварских ханов, истребляемых Шамилем. Автор создал отталкивающий образ Николая I, жестокого врага революций и освободительных стремлений, ограниченного и самоуверенного, распутного и безжалостного деспота, посылавшего русских солдат на гибель и бессмысленные авантюры на Кавказе. В повести отражено и разложение имамата Шамиля в последние годы его власти, когда на закате горского движения уже иссякали его освободительные тенденции.

В публикуемой серии обобщающих трудов освещено сочувствие освободительным стремлениям горцев как декабристов, так и выдающихся русских писателей, великих русских революционных демократов, украинского поэта революционера и демократа Т. Г. Шевченко и др. Проблемы эти еще требуют дальнейшего исследования.

От великих русских революционных демократов идейная линия ведет дальше — к пролетарским революционерам, в период революционного движения в России, наступивший с середины 90-х годов XIX в., к национальной программе большевистской партии, разработанной В. И. Лениным, к союзу передовых сил России во главе с рабочим классом и его партией с народами окраин, с их национально-освободительным движением.

Этот союз мощно пробивал себе путь вперед, вопреки гнету самодержавия, помещиков и буржуазии в ходе буржуазно-демократических и социалистических революций.

В конце XIX — начале XX в. Северный Кавказ с его национальными, экономическими и другими особенностями включается в общее экономическое, общественно-политическое и культурное развитие России периода империализма. Освещение общественно-политического развития народов Северного Кавказа в рамках общероссийского революционного процесса приобретает особую актуальность в связи с продолжающимися попытками реакционных зарубежных авторов рассматривать революционные события на Северном Кавказе в отрыве от общего хода российских революций, от всего хода их исторической подготовки в экономическом, социальном и политическом отношениях. Буржуазная реакционная литература пытается ложно представить социалистические революции на Северном Кавказе как чисто русское явление, необоснованно приписывает народам Северного Кавказа природную якобы невосприимчивость к социализму, приверженность к закостенелым старым предрассудкам и феодальным пережиткам. Предлагаемый труд всем своим содержанием показывает ложность подобных концепций.

В действительности и на Северном Кавказе сложилась почва для распространения марксизма, свою великую роль сыграла лепинская «Искра» — буревестник народной революции, звавшая к созданию большевистских организаций Северного Кавказа, подготовке их к борьбе против самодержавия за демократию и социализм. В этой связи в публикуемом труде освещается деятельность большевистских организаций таких революционных центров Северного Кавказа, как Ставрополь, Ростов, Екатеринодар (Краснодар), Грозный, Владикавказ (Орджоникидзе), и раскрывается роль русского рабочего класса и его партии как объединяющей революционизирующей силы.

За последние годы вышло немало ценных работ по периоду гражданской войны, которые значительно расширили наши представления о формах и масштабах революционного союза трудящихся края с русским рабочим классом и его партией, раскрыли местные условия подпольной деятельности местных социал-демократических организаций большевиков по укреплению дружбы народов, сплочению революционных сил вокруг рабочего класса России.

Большое место в публикуемом труде занимает освещение процесса слияния на Северном Кавказе рабочего и национально-освободительного движения в борьбе за завершение буржуазно-демократической и проведение социалистической революции.

Вместе с тем показано и то, что на Северном Кавказе базировались крупные силы российской контрреволюции. Не случайно Северный Кавказ называли в те годы «Русской Вандеей». В этих вопросах авторы стремились избежать односторонности, показать как революционные силы, так и сильную опору контрреволюции в крае, подчеркнуть роль помощи передовых сил России делу революции на Северном Кавказе. Авторы стремились раскрывать связь революционного движения и борьбы за социалистическую революцию на Северном Кавказе со всем революционным процессом в России.

Труд направлен против попыток буржуазной эмигрантской литературы изображать Великий Октябрь на Кавказе как нечто привнесенное извне, рассматривать процессы, происходящие в этом регионе, в отрыве от общероссийского революционного движения.

В процессе вовлечения трудящегося горского крестьянства на сторону Советской власти выдающееся значение имели национализация земли и проведение первых аграрных преобразований на основе ленинского Декрета о земле. Эти события найдут широкое отражение в III книге.

На протяжении всей истории революционной борьбы трудящихся соратники В. И. Ленина на Кавказе боролись против раздробленности и обособленности революционных сил, за их сплочение с общим руководящим центром. Русский рабочий класс возглавил эту борьбу в масштабе всей страны. Российская Советская Федеративная Республика выступила организующим центром, вокруг которого добровольно объединились трудящиеся массы всех других народов России в борьбе за свое освобождение, за Советскую власть. Они выступили под руководством своих революционных организаций «Кермен», «Гуммет», дагестанской социалистической группы «Карахалк», и др. В публикуемом исследовании освещается роль ЦК партии, В. И. Ленина, Кавказского краевого комитета, местных партийных организаций, выдающихся деятелей большевистской партии С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, Н. Г. Буачидзе, Б. Э. Калмыкова, А. Д. Шерипова, Н. А. Анисимова, У. Д. Буйнакского, М. Дахадаева, Г. А. Цаголова, К. Кесаева, С. Г. Мамсурова, Г. Ахриева, М. Орахелашвили и многих других в победе власти Советов в крае.

В труде разоблачена реакционная деятельность буржуазных националистических партий, «левых эсеров» и т. д. Показано дальнейшее объединение революционно-демократических партийных организаций Северного Кавказа в составе Российской коммунистической партии (большевиков), что содействовало революционному содружеству народов нашей страны. В связи с этим много внимания уделено обобщению опыта работы Кавказского бюро ЦК РКП(б) по руководству национальным строительством на Северном Кавказе в период укрепления Советской власти и по осуществлению ленинской национальной политики. Примечательным

событием в истории социалистического содружества народов Советского Союза явилось образование в 1920 г. Горской Автономной Советской Республики. Она объединяла многочисленные родственные народы, содействовала их интернациональному сближению. Образование автономных областей и республик в процессе их самоопределения в рамках РСФСР создало благоприятные условия для перехода ряда народов Северного Кавказа к социализму, минуя капитализм. Важное значение приобрели национально-государственное строительство, меры по коренизации государственного аппарата.

Величайшим событием явилось образование в 1922 г. Советского Союза, в состав которого вошли РСФСР и другие союзные республики. Образование РСФСР и Советского Союза при руководящей роли тогда в основном русского рабочего класса нашей страны запечатлены в словах советского государственного гимна: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь».

Размах революционного сплочения народов Северного Кавказа под руководством рабочего класса и его партии отражен в многочисленных письмах, телеграммах, которые шли из северокавказских республик и областей в центральные органы власти, в решениях местных партийных организаций, съездов Советов и т. д. Борьба за воплощение в жизнь идей социализма нашла яркое выражение в деятельности В. И. Ленина и его соратников — С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышева и других партийных руководителей.

В серии найдет отражение деятельность революционных комитетов Северного Кавказа в годы гражданской войны по поддержанию революционного порядка в масштабе всего северокавказского региона. Партийный и национальный состав этих комитетов отражает классовый характер борьбы трудящихся масс за упрочение Советской власти и процесс укрепления дружбы народов.

История народов Северного Кавказа в советскую эпоху — это неуклонное укрепление и развитие их общности на социалистической основе. Важной вехой на этом пути было преодоление фактического, экономического и культурного неравенства народов. Значительное выравнивание уровней развития народов в экономической и культурной жизни, достигнутое уже в предвоенные годы, означало в ряде случаев скачок от докапиталистической стадии развития к социалистическому прогрессу, минуя капитализм.

В III—IV книгах серии большое внимание уделяется мероприятиям Советской власти по переустройству социально-экономических отношений в национальных районах Северного Кавказа, деятельности бедняцко-средняцких союзов, проведению индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции, формированию национальных отрядов рабочего класса, интеллигенции, преобразованию социальной природы крестьянства, таким социалистическим мерам Советской власти, как организация аульских Советов, раскрепощение горянок, борьба с реакционными сторонами деятельности мусульманского и другого духовенства, с такими патриархальными и феодальными пережитками, как кровная месть, калым, умыкание девушек, круговая порука, пережитки юридикзма и имаматства, тейповой системы, основанной на кровнородственной и земляческой общности. Будут освещены изменения в социальном составе сельского населения, ведущие к ликвидации пережитков былой замкнутости горского крестьянства, расширению его политического кругозора, ускорению культурного сближения города и деревни и преодолению различий между ними.

В освещении истории советского народа на Северном Кавказе особое внимание уделено ленинской национальной политике по развитию языков Северного Кавказа, где наряду с народами, обладавшими письменностью, существуют и народы, впервые получившие письменность только при Советской власти.

При освещении расцвета и сближения советских северокавказских наций и народностей с русским и другими народами СССР важное место занимает роль Советского государства в сплочении народов во всех областях жизни — в ходе общесоюзного планирования, рационального распределения материальных ресурсов, общественного разделения труда в общесоюзном масштабе, интернациональной взаимопомощи народов СССР, показывается становление и развитие единого народнохозяйственного комплекса страны, неразрывной составной частью которого является Северный Кавказ.

Суровой проверкой прочности Советского государства явилась Великая Отечественная война Советского Союза. Она показала, что на основе завоеваний социализма советский народ внес решающий вклад в разгром фашизма и освобождение ряда стран от фашистских захватчиков. Особое внимание уделяется немеркнущим подвигам в борьбе с самым страшным врагом, которого знала история, освещено участие в ней воинов Северного Кавказа в первых сражениях, в битвах под Москвой, в обороне городов-героев, в сражениях за Сталинград, в битве за Кавказ и др. Разгром фашистов под Москвой и Сталинградом служили вдохновляющим примером для защитников Кавказа.

Важной задачей обобщающего труда является раскрытие процесса становления советского народа как новой исторической общности на материале истории народов Северного Кавказа, роли рабочего класса как ведущей социальной силы советского народа, удельного веса рабочего класса, формирования социальной однородности наций и народностей, общесоветских черт в духовном облике, психологии и поведении советских людей на Северном Кавказе.

Расцвет народов Северного Кавказа в составе Советского Союза показывает, что советский народ «выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей»⁷. Ставится задача показать развитие экономического и культурного сотрудничества народов Северного Кавказа с другими народами Советской страны на современном этапе, опыт экономической специализации и кооперирования республик и областей, городского и сельского населения, показать выравнивание удельного веса квалифицированных работников, уровня образования населения, развития и закрепления интернациональных черт советского народа, которые складываются в ходе интенсивного взаимобмена между советскими социалистическими нациями в различных сферах экономической, политической и культурной жизни. При этом имеется в виду раскрыть помощь РСФСР и других союзных республик Северному Кавказу в развитии его по социалистическому пути, вклад народов Северного Кавказа в создание и совершенствование социалистического общества в СССР.

На местном материале представлены последовательность и важные последствия экономической политики КПСС, успехи подъема материального и культурного уровня жизни народа, комплексного совершенствования социалистического образа жизни, воспитания советского патриотизма и социалистического интернационализма.

Большое внимание уделяется освещению межреспубликанских и межобластных связей северокавказских народов между собой и связей их со

всем советским народом, межнациональных миграций как прогрессивного процесса, обусловленного закономерностями развития социалистической экономики, способствующих дальнейшему сближению народов страны, обмену материальными и духовными ценностями, взаимообогащению национальных культур, этнических процессов. Необходим анализ сближения наций в различных сферах их жизни — экономике, культуре, языке и т. д.

Освещаются процессы преодоления религиозно-бытовых пережитков прошлого, сказывающихся еще на отношении к женщине, проявлений местничества, родовых и земляческих связей, когда отношение к человеку определяется не деловыми и политическими качествами, а принадлежностью к той или иной этнической, родовой или тейповой общности.

В обобщающем труде находят освещение проблемы межнациональных отношений, влияния экономики на языковые процессы, выдающейся роли русского языка как средства межнационального общения в интернациональном сплочении советских трудящихся, влияния двуязычия и многоязычия на социальную мобильность населения и др.

К важнейшим задачам труда относится анализ совершенствования социалистической демократии, деятельности Советов, выявления возможностей, заложенных в национальной государственности народов Северного Кавказа и связи ее с общим развитием политической системы СССР, определенной в новой Советской Конституции.

Подробно освещается созидательная деятельность народов Северного Кавказа и их борьба за успешное претворение в жизнь социальной и экономической программы, выдвинутой XXVII съездом КПСС, вклад их в борьбу всего советского народа за мир, за разоружение, против угрозы ядерной войны.

Большое внимание уделено роли высшей и средней школы в развитии экономики и культуры Северного Кавказа.

Труд «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней» представляет собой результат творческого научного сотрудничества историков всех краев, областей и автономных республик Северного Кавказа и ученых Академии наук СССР. В его написании участвовали научно-исследовательские институты истории, языка и литературы автономных республик Северного Кавказа, северокавказских университетов и педагогических институтов. Руководство трудом осуществлялось Институтом истории СССР АН СССР и Северо-Кавказским научным центром высшей школы. В работе участвуют институты археологии и этнографии АН СССР.

В 1974—1975 гг. был разработан подробный проспект этого труда в четырех книгах, а затем развернулась авторская и редакционная работа, продолжавшаяся почти 10 лет. Основные положения труда не раз обсуждались и были предметом дискуссий на совещаниях историков Северного Кавказа с участием ученых из академических институтов Москвы и Ленинграда. Таким образом, предлагаемый труд является результатом длительной подготовки и как бы итогом коллективной мысли большинства советских историков, занимающихся проблемами Северного Кавказа.

Имеется в виду выпустить в свет следующие книги серии:

«История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» (книга I);

«История народов Северного Кавказа (Конец XVIII в.— 1917 г.)» (книга II);

«История народов Северного Кавказа от Великой Октябрьской социалистической революции до 1945 г.» (книга III);

«История народов Северного Кавказа в 1945—1985 гг.» (книга IV).

137
Методика 17
ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА СССР

Разумеется, предлагаемая серия трудов не претендует на исчерпывающее изложение и решение всех поставленных проблем. Напротив, авторы и редколлегия надеются, что обобщение и в ряде случаев углубление достигнутых результатов на основании использования уже известных и привлечения новых материалов позволят выявить многие слабо изученные вопросы, быстрее найти пути их решения, поставить новые проблемы, наметить темы новых диссертаций, книг и статей, т. е. даст толчок широкому подъему дальнейших исследований. Известно, что сочетание подготовки обобщающих и специальных трудов и творческое их взаимодействие ускоряют процесс научного познания во всех областях науки. Этого следует ожидать и в изучении истории народов Северного Кавказа.

Достигнутые обобщения облегчат написание новых специальных исследований об этногенезе и формировании народов Северного Кавказа, изменчивости границ их территориального расселения. Подробнее надо изучать общие и особенные черты и различные уровни развития феодальных отношений у разных народов этого региона. Желательно детальнее исследовать историю и губительные последствия агрессии Османской империи, Крымского ханства и шахского Ирана на Северном Кавказе. Следовало бы шире раскрывать положительное значение освоения Южного Поволжья и Дона, а затем и Северного Причерноморья русскими людьми для судеб северокавказских народов, положительные стороны поселения казачества и роли его в освоении края. Мало еще разработан вопрос о добровольном вхождении в состав России ряда дагестанских владетелей и местных горских обществ в период XVII — начала XIX в.

Желательно скорее и как можно полнее опубликовать документы по истории русско-дагестанских отношений, подробнее исследовать все акты принятия российского подданства дагестанскими ханами и горскими обществами в первой трети XVII в., когда к середине 1630-х годов этот добровольный процесс охватил по сути весь Дагестан без всякого применения силы со стороны России и при полном сохранении местных порядков и властей. Завоевательная политика шахского Ирана на Кавказе не раз приводила к лавированию и смене ориентации феодальных владетелей Дагестана. Во время Каспийского похода Петра I связи многих дагестанских владетелей с Россией усилились и было подтверждено их русское подданство. Но дальнейшее развитие прорусской ориентации было прервано шахской агрессией и возобновилось после победоносного завершения народно-освободительной борьбы. В начале XIX в. война России с шахским Ираном вынудила шахский двор отказаться от притязаний на ханства Дагестана и Северного Азербайджана и признать их входящими в состав России. Одновременно интенсивно шел процесс развития русской ориентации на Северо-Западном Кавказе среди многочисленных адыгских обществ, боровшихся за свою независимость против османских и крымских агрессоров. В этом плане нуждаются в дополнительном изучении многие договорные акты, заключенные Россией с Турцией и другими государствами, в которых значительное внимание уделяется политическому статусу народов Северного Кавказа, находившихся уже в составе России. Требуют исследования дипломатические отношения России со странами Западной Европы, непосредственно касающиеся кавказской и восточной политики России, Турции и Ирана. Назрела потребность в глубоком историческом и теоретическом анализе в форме специальных монографий всего хода добровольного вхождения народов Северного Кавказа с XVI в. до начала XIX столетия и соотношения этого процесса с последующим распространением на них военной

и административной власти России, что сопровождалось освободительным, хотя и противоречивым по своим тенденциям, движением горцев и так называемой Кавказской войной.

Немало еще надо сделать для более всестороннего изучения всего комплекса явлений, отражающих объективно прогрессивную роль России, влияние ее передовой культуры и революционного движения на Северном Кавказе.

Предстоит создать немало трудов о богатых культурных связях народов Северного Кавказа с русским и другими народами России и Советского Союза. Следовало бы шире изучать не только влияние русской передовой культуры на Северный Кавказ, но вклад его народов в обогащение русского языка, литературы, музыки, художественного ремесла и т. д. Важно показывать культурные взаимовлияния между народами Северного Кавказа и другими народами России и Советского Союза, роль Кавказа в развитии русской передовой культуры. Полезными оказались бы исследования о весьма позднем утверждении ислама среди ряда народов Северного Кавказа и об использовании реакционных кругов мусульманского духовенства Ираном и Османской империей в своих целях.

Дальнейших исследований требует история русского населения Северного Кавказа и низового казачества. Немало работ может быть создано о разных аспектах реформ 60-х годов XIX в. на Северном Кавказе (там, где реформы были проведены) и о развитии капиталистических отношений, об истории станиц, городов и селений, крестьянства, рабочего класса, передовой интеллигенции, общественной мысли в этом регионе. Критического пересмотра требует история действительных взаимных отношений между народами Северного Кавказа с учетом того, что царская администрация и местные феодальные верхи нередко искусственно разжигали рознь и вражду между этими народами, что не отвечало интересам народных масс. Разоблачение реакционной роли царизма и местных феодальных правителей также требует новых исследований.

Крайне мало еще разработана история научного изучения и освоения природы и естественных ресурсов Северного Кавказа, а это может стать темой многих специальных трудов. Недостаточно анализируются общие черты и особенности культуры народов этого региона. Требуют специального рассмотрения особенности соотношения передовых и реакционных классовых сил в северокавказском регионе в рамках общероссийского революционного процесса, что углубило бы понимание классовой борьбы во время буржуазно-демократических революций и Великой Октябрьской социалистической революции на Северном Кавказе. Слабо разработаны многие аспекты истории передовой общественной мысли на Северном Кавказе и борьбы ее с разновидностями реакционной идеологии в конце XIX — начале XX в. Необходимо расширять критику современных феодально-клерикальных и буржуазно-националистических концепций истории народов Северного Кавказа, создать специальные и обобщающие работы по историографии его народов, разрабатывать проблемы источниковедения их истории и т. д.

Крупные и все более обширные задачи стоят при изучении истории народов Северного Кавказа после Великого Октября в составе Советского Союза. Важно способствовать дальше созданию новых работ по истории партийных организаций автономных краев и областей, автономных республик Северного Кавказа, их рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Более детального освещения требуют происходившие на Северном Кавказе события Великой Отечественной войны. Для обобщающего труда о народах Северного Кавказа в 1945—1985 гг. необходимо

всесторонне изучать их социально-экономические достижения и культурные успехи в составе Советского Союза, раскрыть их роль как неотъемлемой части новой исторической общности — советского народа, осветить их историю, особенно в последние десятилетия, развитие некоторых застойных явлений в 70-х — начале 80-х годов и переход к перестройке в рамках курса, определенного XXVII съездом КПСС. Таков далеко не полный круг проблем новых исторических исследований.

Можно надеяться, что содействие новым специальным исследованиям разных аспектов истории народов Северного Кавказа явится одним из важнейших результатов предлагаемой серии обобщающих трудов об этих народах с древнейших времен до наших дней.

Редколлегия серии

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 6.

² Подробнее см.: Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа: (XVI в.— 70-е годы XX в.). Грозный, 1982.

³ Коммунист. 1963. № 1. С. 21—22.

⁴ Жданов Ю. А. Кавказ и передовая русская культура // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа:

(XVI в.— 70-е годы XX в.). Грозный, 1982. С. 39.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 10.
⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. С. 543.

⁷ Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева 25 февраля 1986 года // Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 53.

ВВЕДЕНИЕ

Первая книга «Истории народов Северного Кавказа» охватывает огромный хронологический период: от появления человека на Кавказе и в Предкавказье до конца XVIII в.

В написании книги приняли участие крупнейшие ученые-кавказоведы Москвы, Ленинграда, северокавказских республик, краев и областей РСФСР, Грузинской ССР. Среди них — историки, этнографы, археологи, в том числе первооткрыватели многих древностей Северного Кавказа. Труды ученых на основе часто скудных данных источников по мере возможности воссоздают собственный строй народов Северного Кавказа, связи этих народов с их дальними и ближними соседями и сложный и впечатляющий процесс зарождения, укрепления русско-кавказских связей, вхождения ряда народов Кавказа в состав России.

Северный Кавказ в широком понимании этого названия (включая сюда не только горные районы, но и степное Предкавказье) всегда был и остается очень сложным регионом как по разнообразию естественно-географических условий, так и по многоэтничному составу его населения.

Находясь на стыке Европы и Азии, Кавказ всегда являлся одним из важнейших районов разносторонних контактов между Переднеазиатскими странами и Восточной Европой. Кавказ издревле привлекал к себе не только разного рода завоевателей, которых манили его богатства, но и путешественников, и ученых, стремившихся больше узнать об этой таинственной «Стране гор». «Много разных племен обитает на Кавказе», — писал «отец истории» Геродот в V в. до н. э. Пятьсот лет спустя выдающийся античный географ Страбон уже довольно подробно описывал Кавказ, но и он удивлялся полиэтничности этой горной страны. По его словам, только в город Диоскурию для торговли приезжали купцы 70 племен, в основном с Западного Кавказа. А почти тысячу лет спустя арабский энциклопедист ал-Масуди отмечал: «Гора Кабк (Кавказ) — великая гора, занимающая громадную площадь. Она вмещает много царств и народов».

Благодаря археологическим изысканиям последних лет стало возможным начинать историю народов Северного Кавказа не с I тыс. до н. э. (время первых известий древних авторов о народах этого края), а с ашельской эпохи нижнего палеолита, отстоящей от нашего времени на 800—400 тыс. лет. Раздвинув в столь значительных масштабах хронологические рамки истории Северного Кавказа, археология наполнила каждый из ее последовательных этапов конкретным содержанием. Теперь мы знаем, как человек заселял отдельные районы Кавказа, как совершенствовались формы хозяйства от ранних этапов земледелия до древней металлообработки, одним из очагов которой и был Кавказ.

Первые четыре главы первой книги истории Северного Кавказа написаны почти целиком на археологических материалах. В них дается об-

стоятельная характеристика прежде мало или совершенно неизвестных периодов истории края: каменного века, энеолита, бронзового века, эпохи раннего железа. Широко использованы археологические источники и при освещении последующих периодов истории (главы IV—XII), зачастую весьма неполно представленных в дошедших до нас сочинениях древних и средневековых авторов. В последних имеется немало неясностей, противоречий и просто лакун, уточнить и заполнить которые и помогают данные археологии. Так, например, открытие и археологическое обследование на Восточном Кавказе (в том числе и в Приморском Дагестане) остатков крупных городищ албанского и раннесредневекового времени подтвердили сведения греческого географа Клавдия Птолема о существовании в древней Кавказской Албании городов. Они уточнили и значительно расширили наши знания о «гуннских» и «хазарских» городах, находившихся, по сведениям средневековых армянских и арабских авторов, к северу от Дербента. Значительно расширился круг наших знаний о Дербенте — уникальной системе укрепленных стен, закрывавших проход в Закавказье. В IX—X вв. арабские ученые писали, что творцами дербентских стен были иранские шахи. Более поздние мусульманские авторы сделали строителем укреплений Дербента Александра Македонского. Но совсем недавно археологи установили, что начало знаменитым укреплениям еще в седой древности положили местные жители современного Южного Дагестана и что дербентские укрепления насчитывают не менее 2700 лет своей истории.

Более полными стали сведения о Кавказе с того времени, когда в Предкавказье появилось русское население. Теперь о Кавказе в полный голос начинают говорить русские источники. Их информация неуклонно возрастает на протяжении XIII—XVIII вв. В сочетании с местными письменными документами, памятниками материальной культуры, данными этнографии русские источники дают возможность изучать историю народов Северного Кавказа этого периода.

В первых четырех главах читатель почерпнет сведения о появлении на Кавказе человека, о ранних контактах жителей Кавказа друг с другом и с обществами Закавказья и стран Передней Азии, где, как известно, классы и государство возникли очень рано.

В главах IV—XII освещается сложный комплекс исторических проблем. Одна из важнейших — возникновение классовых обществ и государств у народов Северного Кавказа. Читатель увидит, что эти вопросы и до сей поры полностью не решены. Идут споры, считать ли, например, так называемую Синдику государством или это было доклассовое племенное объединение. Позже, особенно на Восточном Кавказе, возникают бесспорно раннеклассовые объединения. В книге рассматривается вопрос об их типологии. И тут еще пока не все ясно; есть немало «белых пятен», существование которых обусловлено, с одной стороны, скудостью источников, а с другой, — недостаточной изученностью тех или иных проблем. Порой приходится сталкиваться и с трудностями методологического порядка, связанными с еще неполной и не вполне разработанной классификацией раннеклассовых обществ. В исторической науке на сей счет ведутся споры, которые для северокавказского конкретного материала пока дали еще мало ощутимых результатов, в частности потому, что изучение становления классового общества в пределах всего региона еще не осуществлено, да и для отдельных областей Северного Кавказа ранние процессы классовобразования еще не вполне ясны.

Большое внимание уделено этническим проблемам, которые решаются комплексно, с учетом многих исторических факторов, роли более ста-

рого по времени расселения («автохтонного») и «пришлого» населения. Северный Кавказ относится к регионам, через которые с глубокой древности проходили многие племена — от киммерийцев и скифов еще до нашей эры до разных тюркских племен позднего средневековья. Часть их оставалась на Кавказе, смешивалась с жившим там ранее населением, в результате чего возникали новые этнические общности. Процессы этнических перемещений и изменений в основном завершаются в XIV—XV вв., когда этническая карта горного Кавказа приобретает более или менее стабильный характер и по существу мало отличается от современной.

В книге особое внимание уделено освещению самоотверженной борьбы народов Северного Кавказа за свободу и независимость с иноземными завоевателями с глубокой древности и кончая монголо-татарскими ордами, полчищами турецких султанов, крымских ханов и шахов Ирана.

Но не к одним только войнам сводились контакты жителей Северного Кавказа с соседями или отдаленными народами. Более важное позитивное значение имели разного рода мирные культурные связи с соседними странами и народами, в частности Закавказья. В книге затронута история ранней Кавказской Албании, в состав которой входила и часть территории Дагестана. Рассматриваются культурно-исторические контакты народов горного Кавказа с Грузией, греческими, а потом византийскими колониями на побережье Черного моря. Освещено влияние на культуру народов Северного Кавказа цивилизаций Ирана, арабов и других народов Передней Азии.

В книге, естественно, нашли отражение ранние русско-кавказские связи времен Киевской Руси и периода борьбы народов нашей страны против полчищ Чингис-хана, ханов Золотой Орды, ильханов Хулагидов, Тимура.

Победа русского народа на Куликовом поле, дальнейшая борьба за окончательное освобождение Руси от золотоордынского ига коренным образом изменили международную обстановку в Восточной Европе, в том числе и на Северном Кавказе. Поражение и распад Золотой Орды привели к значительным этническим и политическим изменениям в Предкавказье. По-видимому, в это время основная масса кабардинского населения продвинулась из северного Прикубанья на восток, в районы современной Кабардино-Балкарии и некоторые прилегающие округа. Несколькo облегчилось положение осетин, хотя главными местами их обитания по-прежнему оставались горные районы, куда они были в свое время оттеснены монгольскими завоевателями. Стали постепенно оправляться после опустошительных походов Тимура народы Дагестана. Постепенно возрождались старые феодальные объединения и возникали новые. Несмотря на многоэтничный состав населения Дагестана, и там начала проявляться тенденция к возникновению крупных политических объединений, из которых наиболее значимыми постепенно становятся шамхат и владения аварских нуцалов. Однако процессу консолидации мелких феодальных владений на Северном Кавказе препятствовала политика Османской Порты, Крымского ханства, ханского Ирана.

Огромное и благотворное значение для исторических судеб народов Северного Кавказа имело присоединение к России среднего и нижнего Поволжья (Казанского и Астраханского ханств). Утверждение Русского государства на всем Великом Волжском пути выводило русскую торговлю на Каспий, а через него — и в страны Востока вплоть до далекой Индии. Основная масса коренного населения Северного Кавказа положительно воспринимала эти политические успехи Русского государства.

Доказательством этого явилось возникновение первых русских вольных (казачьих) поселений в районе Терека, а затем прямое обращение ряда северокавказских владетелей в Москву с просьбой о принятии их в русское подданство. Особо здесь надо отметить укрепление русско-кабардинских связей, выразившихся в добровольном переходе Кабарды под власть России. В непосредственной связи с просьбами местного населения возникают и русские укрепления в низовьях Терека, где устанавливаются русские гарнизоны, возникают посады, в которых селятся не только русские, но и кумыки, кабардинцы, чеченцы, а позже армяне, грузины и др.

Такое усиление русского влияния на Северном Кавказе встречало противодействие прежде всего со стороны Османской империи и ее вассала — крымского хана. В XVI—XVII вв. в период турецко-иранских войн через степи Предкавказья крымские татары ходили на помощь турецким войскам, воевавшим с Ираном в Закавказье.

Оценивая большие достижения в развитии русско-северокавказских связей в XVI—XVII вв., надо учитывать всю сложность политической обстановки в регионе, и прежде всего феодальные распри, затрагивавшие и отношения между народами. В разнообразных конкретно-исторических условиях отдельные феодалы в своих корыстных интересах в борьбе с феодальными соперниками нередко переходили на сторону Османской империи, крымского хана или шахского Ирана. Однако не они, как показывает материал данной книги, определяли основную линию развития региона. Вся история народов Северного Кавказа уже со второй половины XVI в. шла по пути сближения с Россией, русским народом. Этот процесс получил дальнейшее развитие в XVIII в., хотя и тогда он проходил не прямолинейно, с отдельными, не отражавшимися, однако, на его основном содержании отклонениями, которые вызывались и ранее действовавшими, и некоторыми новыми причинами. По-прежнему Османская империя использовала противоречия между отдельными местными феодалами и, разжигая религиозную рознь и фанатизм, старалась посеять вражду между мусульманским и христианским населением Кавказа, натравливая народы, исповедовавшие ислам, против христианской России.

В то же время социальная политика самодержавия на Кавказе, связанные с нею акты административного произвола порождали недовольство народных масс, которое использовалось антирусски настроенными феодалами. Так, при поддержке Османской империи возникло движение под водительством шейха Мансура (Ушурмы). Местные реакционные силы и эмиссары султана пытались направить антифеодальные выступления в русло антирусской борьбы под флагом исламского «газавата» (священной войны) с «неверными».

В то же время подобного рода факты отнюдь не могут заслонить тот главный, ведущий процесс, который продолжался и в XVIII в., — дальнейшее сближение народов Северного Кавказа с соседним русским народом и неуклонно продолжавшееся присоединение региона к России на условиях добровольного вхождения в ее состав большинства народов Северного Кавказа. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть потому, что от верной исторической перспективы зависит и правдивость отображения в том же главных событий северокавказской истории XVIII в.

Именно поэтому реакционная зарубежная историография делает постоянный упор на такие события, как движение шейха Мансура, тем самым затемняя другие, гораздо более важные и жизненные явления в истории Северного Кавказа. Между тем XVIII век, как показано в книге, дает примеры многих новых добровольных обращений местных народов о принятии российского подданства и вхождении в состав России.

Такие обращения шли от осетин, чеченцев, ингушей и дагестанцев. В книгу внесены и недавно исследованные материалы о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России в 1781 г. Показательно, что как только возникала опасность новых вторжений султанских или шавских войск, помыслы и надежды всех прогрессивных слоев населения Северного Кавказа обращались к России.

При освещении истории Северного Кавказа XVIII в. учитывался ускорившийся рост русского и украинского населения в разных районах Предкавказья. Наряду со старыми гребенскими и терскими поселениями во второй половине XVIII в. здесь возникали новые станицы по Тереку и его притокам, а затем по правым притокам Кубани и, наконец, с переселением запорожцев — по кубанскому правобережью. Возникновение Линейного и Черноморского казачьих войск, а затем и крестьянских русских поселений в пределах Ставрополя имело огромное значение для истории Северного Кавказа. В сложной истории горско-казачьих отношений в основе все-таки лежала не вражда, а растущие экономические и культурные связи. Эти вопросы в нашей историографии еще изучены плохо, особенно история линейного казачества и его взаимоотношений с горскими соседями. Поэтому в рамках данной книги еще не удалось полностью воссоздать и равномерно осветить экономические, культурные и политические взаимоотношения русского и горского населения Кавказа в XVIII в. Но такая задача как проблема, нуждающаяся в дальнейшей и неотложной разработке, томом поставлена.

История Северного Кавказа XVI—XVIII вв. — это одновременно и история русско-кавказских связей и отношений северокавказских народов с Закавказьем. Большой Кавказский хребет никогда полностью не разделял жителей его южных предгорий и северных степей. Укрепление русско-горских связей и процесс присоединения Северного Кавказа к России, вхождение народов этих регионов в ее состав органически связаны с русско-закавказскими взаимоотношениями, подготовкой вхождения в Россию народов Закавказья. Можно утверждать, что без успехов России на Северном Кавказе вряд ли могли столь успешно развиваться русско-грузинские или русско-армянские связи. И не случайно грузинские цари начиная с XV в. в своих отношениях с Россией опирались на горцев Центрального Кавказа. Знаменательный политический акт — Георгиевский трактат 1783 г., поставивший Восточную Грузию под покровительство России по добровольному прошению Грузии, сыграл огромную роль и в судьбах Северного Кавказа. Описание на таком широком историческом фоне многолетних судеб многонационального Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. и составляет содержание первой книги «Истории народов Северного Кавказа», предлагаемой читателю.

А. П. Новосельцев

* * *

Главы написали: *Введение* — А. П. Новосельцев; *Глава 1* — В. П. Любин, X. А. Амирханов, П. У. Аутлев; *Глава 2* — В. Г. Котович, Р. М. Мунчаев, В. В. Бжания, М. Г. Гаджиев; *Глава 3* — М. Г. Гаджиев, В. Г. Котович, В. И. Марковин, В. М. Котович, А. А. Кудрявцев, И. М. Чеченов, В. И. Козенкова; *Глава 4* — В. Б. Виноградов, Н. В. Анфимов, В. Г. Котович, Б. М. Керейфов; *Глава 5* — И. М. Чеченов, Н. В. Анфимов, В. А. Кузнецов, А. А. Кудрявцев; *Глава 6* — М. Г. Магомедов, М. Х. Багаев,

В. А. Кузнецов, Л. И. Лавров, В. Г. Гаджиев; Глава 7 — А. Р. Шихсаидов, Е. П. Алексеева, В. Б. Виноградов, В. А. Кузнецов, И. М. Чеченов; Глава 8 — Л. И. Лавров, З. В. Анчабадзе, Э. В. Ртвеладзе, А. Р. Шихсаидов; Глава 9 — И. М. Мизиев, Е. П. Алексеева, М. Б. Мужухоев, В. Х. Тменов, А. Р. Шихсаидов; Глава 10 — З. В. Анчабадзе, В. Г. Гаджиев, Л. И. Лавров, А. Р. Шихсаидов; Глава 11 — Р. Г. Маршаев, З. В. Анчабадзе, Ч. Т. Гашимов, Б. Г. Алиев, И. М. Мизиев; Глава 12 — З. В. Анчабадзе, Т. Д. Боцвадзе, М.—С. К. Умаханов, М. Р. Гасанов, Г. Х. Мамбетов, Р. Г. Маршаев; Глава 13 — Т. Х. Кумыков, П. У. Аутлев, В. Г. Гаджиев, В. Б. Виноградов, Л. Б. Заседателева, Р. Г. Маршаев, С. Ц. Умаров; Глава 14 — В. К. Гарданов, Ш. Б. Ахмадов, П. У. Аутлев, М. М. Блиев, В. Г. Гаджиев, Г. Х. Мамбетов, Н. Х. Тхамоков; Глава 15 — В. Г. Гаджиев, В. К. Гарданов, Е. Ж. Налоева; Глава 16 — В. К. Гарданов, В. Г. Гаджиев, Н. П. Гриценко, А. П. Пронштейн, Ф. В. Тотоев; Глава 17 — Г. Х. Мамбетов, Б. А. Калоев, М. А. Меретуков, Л. И. Лавров, М.—З. О. Османов, Е. Н. Студенецкая, С. Ц. Умаров, В. И. Марковин.

Научно-техническую работу по подготовке первой книги выполнили Р. Г. Маршаев.

ПЕРВОБЫТНООБЩИНСКИЙ СТРОЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Глава I

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ОХОТНИКИ И СОБИРАТЕЛИ

1. Формирование Кавказа. Периодизация каменного века

Формирование современного рельефа Кавказа началось около 10 млн лет назад. Первоначально Большой Кавказ представлял собой обширный остров, имевший равнинный или слабо расчлененный рельеф. В условиях постоянных вспышек вулканической деятельности шло образование горного рельефа и погружение межгорных прогибов.

В период истории земли, который геологи называют «сарматским», происходит поднятие Дзирульского массива в виде низкого перешейка и суша Большого Кавказа соединяется с Закавказским нагорьем. К концу раннего плиоцена на Центральном Кавказе высоты достигают 2—2,5 км и там возникает высокогорный рельеф. Продолжающиеся горные поднятия и изменения климата в сторону похолодания вызывают в позднем плиоцене оледенение наиболее приподнятых районов Большого Кавказа и Закавказского нагорья¹.

Поднятия гор, оледенения, мощные вспышки вулканизма, наступания и отступания морей образовывали ту сложную и меняющуюся природную обстановку, на фоне которой протекали ранние этапы истории человека на Кавказе.

Хронология истории первобытнообщинной формации строится на археологической периодизации. В соответствии с ней начальной эпохой человеческой истории является каменный век. Его подразделяют на палеолит (древнекаменный век), мезолит (среднекаменный век) и неолит (новокаменный век). Палеолит охватывает время от возникновения человека на земле (более 2,5 млн лет назад) до начала геологической современности (10 тыс. лет). В палеолите в свою очередь выделяют несколько археологических эпох, соответствующих этапам развития человека и его материальной культуры; таковы олдувейская и аббевильская эпохи, соответствующие самому начальному этапу истории человечества, апельская (от 400 до 80 тыс. лет), мустьерская (от 80 до 35 тыс. лет) и верхнепалеолитическая (от 35 до 10 тыс. лет назад). Эти эпохи соответствуют геологическим периодам в виде сменяющих друг друга оледенений и межледниковий. Археологические эпохи, предшествующие мустьерской, объ-

единяют в нижний или ранний палеолит, мустьерскую выделяют в палеолит средний, а последующий отрезок времени — в палеолит поздний или верхний.

Нижний палеолит. Обилие и многообразие нижнепалеолитических памятников на Кавказе позволяет рассматривать эту область как главный центр расселения раннего человечества на территории нашей страны. Истоки заселения этой области следует искать на сопредельной переднеазиатской территории, однако время первоначального проникновения человека в пределы Кавказа до сих пор не вполне ясно. В свете современных данных наиболее вероятно миндель-рисская дата первичного заселения (500—200 тыс. лет назад), т. е. время большого и теплого предпоследнего межледникового. Широкое же освоение людьми территории Кавказа происходит во второй половине апельской эпохи, особенно в апеле верхнем, соответствующем времени последнего (рисс-вюрмского) межледникового (150—80 тыс. лет назад). Многочисленные следы расселения апельских людей выявлены в основном в южной и западной частях Кавказа (Армения, Юго-Осетия, Колхида, Причерноморье и Прикубанье).

Апельские охотники и собиратели, судя по раскопкам апельских стоянок (Азыхская пещера в Азербайджане, пещеры Кударо I, III в Юго-Осетии), освоили различные природные области Кавказа и различные высотные ландшафты, зоны, приспособив свое охотничье-собирательское хозяйство к конкретным географическим условиям. В горно-лесных районах Западного Кавказа, например, они охотились главным образом на крупных нестадных хищников (пещерный медведь), в горно-степных и лесостепных районах Закавказья — на крупных стадных травоядных (бизон, лошадь, дикий козел и др.). Эта специализированная охота свидетельствует о достаточно отработанной системе охотничьего промысла. Важнейшей особенностью такого первобытного охотничьего промысла являлся его коллективный характер: объединенные усилия коллектива возмещали низкую техническую вооруженность древних охотников.

Люди апельской эпохи на Кавказе были относительно оседлыми и селились главным образом в пещерах, являвшихся естественными жилищами. В периоды оледенений они вынуждены были покидать районы высокогорных пещер и тогда предгорья, куда мигрировали люди из-за наступления ледника, оказывались наиболее густо заселенными.

Апельские каменные орудия в Южном и Центральном Закавказье изготовлялись преимущественно из вулканических пород (обсидиан, андезит, базальт); в Западном Закавказье, в Причерноморье и в Прикубанье — из осадочных пород (кремь, сланец, песчаник). В составе инвентаря апельских стоянок встречаются многочисленные ядрища (нуклеусы) и скальваемые с них заготовки для орудий (отщепы и примитивные пластины), а также сами орудия: грубые скребки разных типов, рубящие орудия (чопперы), различные острия, скребки и другие изделия. Особенно характерны так называемые ручные рубила — крупные массивные орудия (длиной до 15—20 см), изготавливаемые из валунов, жваков, кусков породы или толстых отщепов путем их двусторонней оббивки таким образом, чтобы один конец и продольные края предмета (острие и лезвия) приострялись, а другой конец — захватываемая рукой пятка орудия — оставался утолщенным и закругленным.

На протяжении апельской эпохи форма, размеры и характер перечисленных орудий заметно эволюционируют. В более ранних апельских

комплексах Кавказа преобладают грубооббитые, массивные формы ручных рубил архаичных типов, в верхнеапелельских комплексах — более тщательно оббитые орудия этого типа овальной, сердцевидной и треугольной формы. Совершенствуется также техника расщепления камня: ядрища (нуклеусы) подвергаются предварительной подправке. Рука человека постепенно овладевает искусством нанесения более точного удара, дающего все более совершенные результаты. Апелельские орудия труда были уже более или менее специализированными. Для охоты использовали одни орудия, для разделки туши животных — другие, для производства самих орудий труда — третьи.

К наиболее древним — раннеапелельским — или более ранним находкам на Северном Кавказе относят каменные орудия, встреченные в карьере Цымбал на Тамани и в урочище Игнатенков куток близ станицы Саратовской на р. Псекупс.

Апелельские памятники Северного Кавказа сосредоточены в Прикубанье и в Причерноморье. В Причерноморье следует отметить: Богосские апелельские мастерские близ выходов кремневого сырья на р. Псоу, местонахождение Кадошский мыс севернее Туапсе и нижний культурный слой Ахтырской пещеры близ Адлера.

Многочисленные апелельские памятники Прикубанья размыты водными потоками, и каменные орудия находятся на поверхности; лишь на одном (среднехаджохская мастерская к югу от Майкопа) частично сохранившийся культурный слой находится в первичном положении.

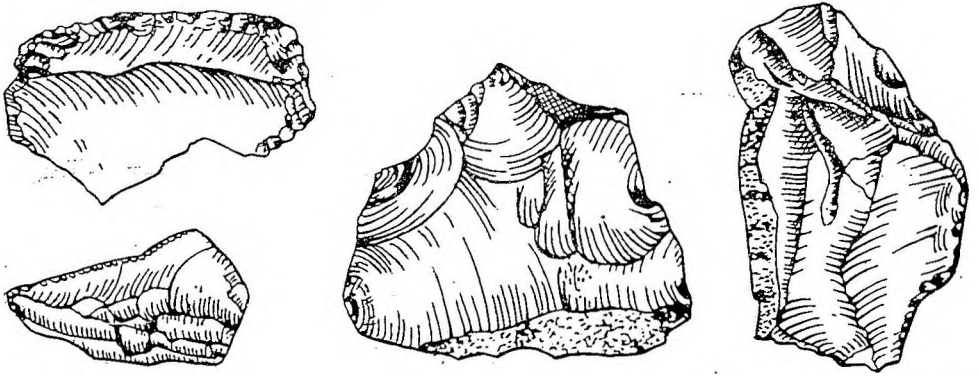
Наиболее важная группировка апелельских местонахождений Прикубанья располагается в бассейне среднего течения р. Белой, на участке Майкоп — Каменноостская. Здесь, кроме указанной среднехаджохской мастерской, находятся местонахождения Фортепянка, Абадзехская, Хаджохское, Курджипское и др.

Местонахождения верхнего — финального — апелеля известны и в долинах многих других рек Кубанского Левобережья. Таковы местонахождения Боровикова Гора на р. Анчас, Камышки на р. Марта, Карпово на р. Пшиш, Мешоко на р. Белой, Ходзинское на р. Ходзь и др.

К востоку от Прикубанья апелельские находки немногочисленны; к ним, вероятно, можно отнести лишь несколько орудий, найденных на территории Северной Осетии и Дагестана. Апелельская культура Кавказа, судя по находкам сходных андезитовых и обсидиановых ручных рубил, имеет ближайшие аналоги в районах, примыкающих к нему с юга (Иранский Азербайджан, Карсский вилайет Турции). В районах, расположенных севернее Кавказа (Приазовье, Донбасс), апелельские находки имеют в общем иной технико-типологический облик. Единичные ручные рубила, обнаруженные близ Макеевки и Амвросиевки, допускают, однако, возможность частичного заселения Русской равнины со стороны Кавказа.

Средний палеолит (мустьерская эпоха). Мустьерская эпоха занимает первую половину последнего (вюрмского) оледенения и охватывает время приблизительно от 80 до 35 тыс. лет от современности. Природная обстановка в течение этого периода претерпевает ряд существенных изменений: начальная холодная фаза оледенения сменяется заметным потеплением, за которым следует фаза более сильного похолодания, рассматриваемая иногда как самостоятельное оледенение. Позднее мустье приходится на начало так называемого среднего вюрма, характеризуемого сокращением площади ледников и неустойчивым в общем климатом.

Мустьерские люди широко расселяются вдоль всего северного склона Большого Кавказа и в Причерноморье и в климатически благоприятные

Рис. 1. Орудия эпохи мустье. Находки в Дагестане

времена проникают в глубину гор Кавказского Причерноморья и отчасти Прикубанья и Дагестана. Мустьерская эпоха — время значительного прогресса и все убыстряющегося развития первобытного общества. Археологические материалы фиксируют оседлый в основном образ жизни, сооружение многообразных искусственных жилищ (хижин и шалашей из деревянных жердей, костей и шкур крупных животных), свидетельства зачаточных религиозных представлений (намеренные погребения), совершенствование способов добывания пищи (развитие охотничьего вооружения и специализированной, избирательной и более добычливой охоты на один-два, как правило, вида крупных животных). Крупные успехи прослеживаются и в развитии техники обработки камня. Исходными заготовками для орудий в эту эпоху являются главным образом более тонкие и правильные отщепы и пластины. Орудия становятся разнообразными и по форме, и по назначению (остроконечники, скребла и ножи разных типов, скребки, проколы, зубчатые, выемчатые, клювовидные и другие изделия).

Усложнение и ускорение развития производительных сил первобытного общества прослеживаются и в материалах мустьерских памятников Северного Кавказа (Прикубанье, Сочинское Причерноморье). Среди них можно выделить долговременные базовые стойбища с культурными слоями, переполненными каменными изделиями, кухонными отбросами, очажными прослойками и т. п., временные охотничьи лагеря с небольшим количеством выборочных каменных изделий, необходимых для охоты и разделки туш (наконечники копий и дротиков, ножи, скребла) и мастерские, где имеются только отходы от первичного расщепления камня.

Наиболее интересными мустьерскими памятниками Северного Кавказа являются: Ильская стоянка, группа разновременных мустьерских местонахождений в Прикубанье, Причерноморье и в Северной Осетии.

Мустьерские местонахождения Прикубанья подразделяются на три хронологические группы: раннемустьерские (Семияблоня, Курджипское, Фарзское, Псефирское, Урупское и др.), среднемустьерские (Колосовское, Смоленское, Тухинское, Хадзыженское, Гришинское и др.) и позднемустьерские (Борисовское и др.). Инвентарь этих местонахождений демонстрирует поступательное развитие техники обработки камня и форм каменных орудий (рис. 1).

Обнаружены на Ильской стоянке остатки искусственного жилища (дугообразная выкладка из доломитовых плиток вокруг скопления культурных остатков и очагов) и в инвентаре ряда стоянок (Ильская,

Лысая гора, Псефирь и др.) — удлиненные листовидные двусторонне обработанные орудия, могущие служить наконечниками копий и дротиков.

При низком уровне развития производительных сил и обусловленной этим слабостью человека в борьбе с природой первобытное производство носило коллективный характер. Главными источниками существования были охота и собирательство. Апшельские и мустьерские стоянки Кавказа содержат огромные скопления костей животных. В апшельских и мустьерских слоях пещеры Кударо I, например, обнаружены остатки более 80 видов крупных позвоночных, грызунов, рукокрылых, птиц, амфибий и рыб.

Эти костные находки являются типичными кухонными отбросами: все кости, имевшие пищевую ценность, раздроблены. Обилие костных находок говорит об исключительном значении охоты в жизни древнего человека. Она доставляла человеку мясную пищу, шкуры (для одежды, одеял, подстилок). Охотничьим оружием служили деревянные дубины, рога, копыя (в мустьерское время иногда, видимо, с каменными наконечниками).

Для эпохи мустье отмечаются уже некоторая избирательность и специализация охоты, обусловленные как ресурсами данной территории, так и совершенствованием охотничьего вооружения людей и накоплением новых навыков. В это время, видимо, начинает развиваться индивидуальная охота. Основными объектами охоты мустьерского населения Северного Кавказа являлись бизоны, козлы, лошади, олени, муфлонобразные бараны, пещерные медведи. Охотничью добычу составляли также некоторые птицы, грызуны и рыбы.

Обитатели каждой отдельной стоянки охотились обычно на один-два вида животных: в пещерах Ахтырской, Навалипенской и Воронцовской пещерному медведю принадлежит соответственно 98,8%, 98,3, 94,2% всех костных остатков. Остатки бизона в Ильской пещере составляют 60% всех костей. О масштабах охоты говорит количество убитых животных: в отложениях небольших устьевых галерей пещер Кударо I и Воронцовской найдены остатки соответственно 140 и 60 особей пещерного медведя; а обитатели стоянки Ильской убили не менее 2400 зубров.

Собирательство — вторая по значению отрасль хозяйственной деятельности древнейших людей — было источником главным образом растительной пищи, по всей видимости, повседневной и в количественном отношении значительной. Скопление апшельских и мустьерских памятников Северного Кавказа, главным образом в Причерноморье и в Прикубанье, можно объяснить тяготением древнего человека к районам, изобилующим растительной пищей.

При раскопках пещер Кавказа были обнаружены и остатки людей поздней апшельской эпохи — так называемых архантропов (фрагмент челюсти в пещере Азых и зуб в Кударо I) и палеантропов мустьерского времени (зубы в пещере Джругула, Ереван I и обломок челюсти в Сакажна), а в верхнем мустьерском слое Ахтырской пещеры — зуб человека современного типа.

Характеристика общественных отношений апшельской и мустьерской эпох может быть дана лишь в той мере, в какой эти отношения нашли отражение в конкретных археологических материалах и фактах. В нижнем палеолите Кавказа в настоящее время установлены группы памятников типа археологических культур (губская, хостинская, кударская и другие мустьерские культуры; кударская апшельская). Каждая из таких групп относится к одному времени, сосредоточена на одной территории, отличается хорошо выраженными местными особенностями и преимущен-

ностью в развитии. В них имеются памятники разного вида: долговременные базовые стоянки, мастерские, охотничьи лагеря.

О сравнительно высоком уровне развития материальной культуры и идеологии нижнепалеолитического общества свидетельствуют также обнаруженные (на ряде стоянок Франции, Крыма, Приднестровья и др.) остатки искусственных жилых сооружений и неандертальских погребений.

Наличие археологических культур, разнотипных памятников, искусственных жилищ, намеренных захоронений предполагает, что отдельные человеческие коллективы являлись самостоятельными экономическими ячейками с определенными нормами общественной жизни (коллективистские производственные отношения, общая собственность на охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ территории и средства труда; половозрастное, а возможно, и более сложное разделение труда; отношения взаимопомощи и взаимной заботы и т. п.).

Население Северного Кавказа в верхнем палеолите и мезолите. Главная особенность верхнего палеолита заключается в становлении человека современного физического типа и практическом прекращении его эволюции как биологического вида. В это время происходят существенные изменения в материальной культуре первобытного человека: становится господствующей техника изготовления орудий, основанная на сколе пластин с призматического ядрища; значительно расширяется набор самих орудий; несравненно чаще, чем в предшествующую эпоху, используются для изготовления орудий кость и рог; достигает высокого уровня развития первобытное искусство.

В верхнем палеолите Северный Кавказ имел почти современный геоморфологический облик. На верхний палеолит приходится заключительный этап последнего (вюрмского) оледенения со сменяющимися друг друга фазами сильных похолоданий и относительных потеплений.

Установлено, что в позднеледниковье на Северном Кавказе обитали такие животные, как бизоны, первобытные быки, дикие лошади, горные козлы и бараны, благородные олени и многие другие. Муфлюнообразные бараны — обитатели открытых горных плато — были распространены только на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан).

На протяжении значительной части верхнего палеолита низкие предгорья Северного Кавказа характеризовались прохладным и, очевидно, менее влажным, чем в настоящее время, климатом. Ландшафт данной территории, характеризуемый в наши дни поясом широколиственных лесов, в указанный период также отличался от современного и выглядел обезлесенным или почти обезлесенным.

На Северном Кавказе, включая Сочинское Причерноморье и территорию Ростовской области, известно около 50 памятников верхнего палеолита. По геоморфологическим условиям расположения эти памятники делятся на среднегорные (стоянка у с. Чох в Дагестане), низкогорные (стоянка Сочинского Причерноморья и др.), предгорные (Губские навесы, Сатанай, Русланова пещера и др.) и равнинные (Ростовско-Таганрогская группа стоянок и местонахождений: Каменная балка I и II, Третий Мыс и др.).

Материалы археологических раскопок являются главным источником наших знаний о культуре и социально-экономической жизни обществ рассматриваемого времени. Их изучение показывает, что Северный Кавказ представлял собой в верхнем палеолите территорию более или менее стабильного сосуществования разных археологических культур. Носите-

ли этих культур владели примерно одинаковыми техническими навыками и находились на одном и том же уровне социального развития, но различались этнографически (техника обработки и форма орудий).

Рассматриваемые памятники хронологически разновременны: они относятся к ранней, средней и поздней поре верхнего палеолита; наибольшее число их приходится на последнюю, третью ступень, на конец ледниковой эпохи. В производстве каменных орудий наблюдается изживание архаических мустьерских форм и возникновение новой обработки с тенденцией уменьшения размеров орудий и приближения к так называемым микролитам.

В верхнепалеолитическое время на Северном Кавказе и в сопредельном Приазовье существовали различные территориально обособленные археологические культуры, характеризующиеся своеобразием каменных орудий.

Определенную верхнепалеолитическую культуру юга Русской равнины составляют памятники Нижнего Дона (Каменная балка I и II, и др.). Отличаясь набором и составом кремневых изделий от верхнепалеолитических памятников Русской равнины, они по ряду существенных показателей (геометрические формы орудий, острия, некоторые разновидности скребков) сближаются с кавказскими стоянками.

Определенное своеобразие каменной «индустрии» демонстрируют и другие, одиночные пока в культурном отношении памятники Северного Кавказа (слои 1 и 2 Губского навеса № 1, Явора, Каменноостская пещера, Широкий мыс).

Несмотря на существующие различия, северокавказские памятники объединяются друг с другом по ряду признаков более общего характера. К таким показателям относятся: промежуточное положение рассматриваемых памятников на протяжении всего верхнего палеолита; отсутствие традиций двусторонней обработки изделий; долгое переживание мустьерских черт; ранняя геометризация и микролитизация индустрий; сравнительная типологическая бедность изделий из кости и некоторые другие. Поскольку такая же картина присуща и для ближневосточных памятников, то есть основание говорить о Кавказе и Передней Азии, как об единой территории (зоне) сходного развития верхнепалеолитических культур.

За сходствами и различиями памятников, географий их размещения, особенностями и составом орудий и отходов домашнехозяйственной деятельности стоят явления социального и природного характера. Так, густота расположения памятников в Прикубанье при их единичности на остальной территории (особенно в центральной части Северного Кавказа) служит основанием для заключения о неравномерности заселения Северного Кавказа в эпоху верхнего палеолита. Это, очевидно, связано с более благоприятными природно-климатическими условиями Северо-Западного Кавказа в верхнепалеолитическое время.

Рассмотрение памятников с точки зрения их высотного распространения показывает, что заселены были главным образом предгорья и низкогорья. Можно в связи с этим предполагать, что на протяжении большей части верхнего палеолита продвижению людей в глубь гор препятствовало значительное оледенение Большого Кавказа.

Мезолит (средний каменный век) является следующим за верхним палеолитом этапом археологической периодизации истории общества. В эту эпоху происходят заметные изменения в образе жизни людей и в характере их материальной культуры: охота принимает более индивидуальный характер (возможно, с применением лука и стрел); рыболовст-

во приобретает важное хозяйственное значение; собирательство становится более интенсивным, и складываются предпосылки для возникновения производящего хозяйства. В технике обработки камня также появляются новшества: ведущее место в первичном расщеплении начинают занимать конические нуклеусы, большинство разновидностей орудий мельчает в размерах; составные орудия из мелких обработанных камней (микролитов) получают широкое применение.

Мезолит Северного Кавказа изучен недостаточно полно. На Северном Кавказе известно шесть мезолитических памятников: Чох, Мекеги, Козьма-нохо, Шау-легет, Сосруко, Медовая пещера 2. Немногочисленность известных в настоящее время памятников, очевидно, объясняется неполнотой наших знаний, а не следствием менее редкой заселенности Северного Кавказа в мезолите, чем в предшествующую эпоху. Можно с уверенностью говорить о том, что последнедевонские природно-географические условия не создавали каких-либо серьезных преград для расселения людей в обширной горной части рассматриваемой территории. Об этом, кстати, свидетельствует и тот факт, что большинство известных в настоящее время мезолитических памятников расположено именно в среднегорной части. Вряд ли оставались незаселенными и более благоприятные для обитания предгорные и равнинные районы, а также долины рек и побережье Каспийского моря.

В хронологическом отношении указанные памятники делятся на раннемезолитические (Мекеги, нижние слои Сосруко, Шау-легет) и памятники развитого мезолита (слои 2 и 1 Чоха, верхние слои Сосруко).

Установлению относительной хронологии помогает наличие двух многослойных стоянок — Чохской и Сосруко, которые показывают связь мезолита с верхним палеолитом и его самостоятельное развитие.

Одним из наиболее сложных для выяснения является вопрос о духовной культуре верхнепалеолитического и мезолитического населения Северного Кавказа. Источники для разрешения этой проблемы пока еще крайне малочисленны. Если говорить о древнейшей палеолитической изобразительной деятельности, то она представлена только линейными нарезками на стенах пещеры Мгвимеви, прочерченными орнаментальными фигурами на костях из отдельных верхнепалеолитических памятников Закавказья и декоративными костяными поделками (преимущественно подвески из резцов диких животных, просверленные в корневой части). Что же касается памятников мезолитического искусства рассматриваемой территории, то в Дагестане в гротах Чувал-хвараб-нохо и Чинна-хитта сравнительно недавно выявлена группа наскальных изображений, которые, возможно, относятся к эпохе мезолита. На стенах названных гротов краской нарисованы безоаровые козлы, зубры, многочисленные соляные изображения.

Подытоживая все данные о верхнем палеолите и мезолите Северного Кавказа, можно утверждать, что исторический процесс на данной территории в рассматриваемые эпохи характеризовали непрерывность, автохтонность и преемственность. Эти наиболее общие, принципиальные направления развития, конечно, не исключают вероятности более или менее существенных территориальных подвижек населения, контактов между носителями разных культур и как следствие этого — заимствований, диффузий и других подобных явлений.

¹ Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. М., 1977. С. 206—224.

Глава II

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И СКОТОВОДЫ

1. Племена Северного Кавказа в эпоху неолита и энеолита

Неолит. В разных частях Кавказа были обнаружены неолитические памятники. На Северо-Западном Кавказе — это Нижнепиловское поселение вблизи Адлера, местонахождение Овечка под Черкесском и неолитический слой в Каменноостской пещере в Адыгее. В центральной части Северного Кавказа находится известное Агубековское поселение. На Северо-Восточном Кавказе поселения Буйнакское, Тарнаирское, Сага-Цука, Какала-Кадалахар, кремневые мастерские Арачалла-бек, Дузани, святилище Харитани I и другие находятся в Дагестане, в Чечено-Ингушетии — местонахождение каменных орудий неолитического облика (Кезенойам). В ряду памятников особое место занимает многослойное Чохское поселение, расположенное в горном Дагестане. Остатки неолитических стоянок обнаружены и в степях Восточного Предкавказья (Ястак-Худук, Бажиган, Ачикулак, Махмуд-Мектеб, Терекли-Мектеб) (рис. 2).

Наряду с орудиями, сохранившимися от мезолита (нуклеусы, микропласты, резцы, микролиты), в неолите широко представлены и типичные неолитические орудия: крупные ножовидные пластины, острия, сверла, наконечники стрел и др. Появляются и крупные, так называемые макролитические, орудия, в том числе клиновидные топоры — тесла, двусторонне обработанные пикообразные мотыги, первые зернотерки в виде плоских камней со следами растирания, песты, камни для пращи и др. Появляется новая техника обработки камня — полирование, сверление.

Сочетание архаических и новых черт свидетельствует о том, что неолитические культуры Северного Кавказа сложились на базе предшествующих мезолитических культур. Дальнейшее развитие изготовления орудий Северного Кавказа характеризуется заменой мелких, так называемых микропластинок мезолитического типа, из которых изготавливались орудия, на крупные пластины, характерные для развитого неолита и последующей энеолитической эпохи.

Возросшие потребности в качественном сырье привели к интенсивной разработке в неолите месторождений кремня и обсидиана, вблизи которых обычно располагались своеобразные мастерские по добыче сырья и изготовлению орудий. Продукция этих мастерских путем обмена поступала к племенам, не имевшим своих сырьевых ресурсов.

Достижением неолитических племен было овладение гончарством, изготовлением глиняной посуды, которая стала важнейшим признаком неолитической культуры.

Существенно изменился в неолите и выбор места для поселений. Преобладающее большинство их представляло собой неукрепленные селища на берегах рек и озер. Лишь некоторые неолитические общины, следуя древним традициям, продолжали жить в пещерах.

Раскопки обнаружили остатки жилищ на Угубековском поселении. Жилища представляли собой легкие постройки, сооруженные из плетеного каркаса, обмазанного с обеих сторон глиной.

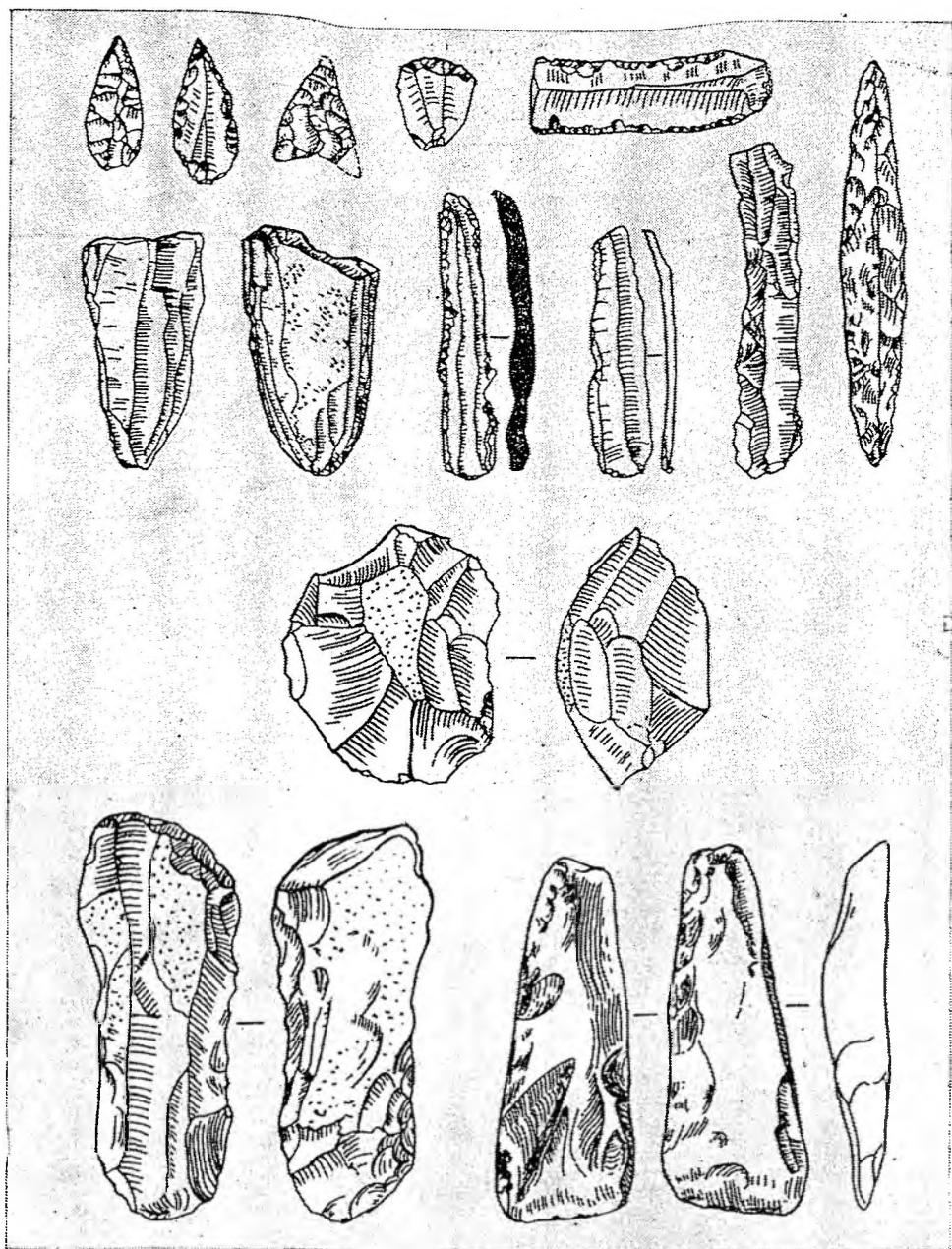

Рис. 1. Каменные орудия из неолитических памятников Дагестана (Сага-Цука, Тарнаир, Буйнакск)

Изменения произошли и в технике изготовления каменных орудий труда. Большинство их, как и прежде, изготовлялось из кремня и обсидиана с применением приемов расщепления и вторичной обработки. Наряду с этим появляются и новые приемы, например двусторонняя ретушь, при которой отжимной техникой наконечникам стрел придавали правильные округло-листовидные очертания. При изготовлении орудий из других

пород камня применялось сверление, пиление, шлифование и даже полирование.

При сооружении внутренних перегородок в жилищах и печей уже применялись специальные заготовки из слабо обожженной глины, имевшие форму продолговатых, утолщенных с одного края «лепешек». Можно предполагать, что в горных районах Северного Кавказа в неолите начало практиковаться и строительство из камня, довольно широко представленное здесь в бытовой архитектуре и фортификации в последующую энеолитическую эпоху (Гинчи).

Важнейшим достижением северокавказских неолитических племен явился переход к производящему хозяйству, основанному на земледелии и скотоводстве. Процесс зарождения и становления земледельческо-скотоводческого хозяйства на Северном Кавказе был длительным и сложным. Имеющиеся сейчас археологические материалы недостаточно освещают его начальные этапы, хотя и позволяют наметить вехи этого процесса.

Природные условия Кавказа, благоприятствовавшие жизни и деятельности первобытного человека, открыли перед ним новые возможности при переходе к производящему хозяйству. Обилие животных, служивших объектами охоты, таких, как муфлонообразные бараны, безоаровые козлы и кабаны, считающиеся предками соответствующих домашних видов, богатый растительный мир, изобиловавший разнообразными съедобными растениями,— все это создавало благоприятный природный фон для развития специализированных форм охотничье-собирательного хозяйства. В его рамках и могли быть сделаны первые шаги на пути приручения животных и окультуривания злаков, положившие начало зарождению скотоводства и земледелия.

Известно, что Кавказ сыграл важную роль в становлении земледелия.

Академик Н. И. Вавилов доказал, что наиболее древние области возделывания хлебных злаков, зерновых, бобовых и льна сосредоточены на Кавказе, в Юго-Западной Азии и на сопредельных территориях. «Закавказье, Дагестан,— писал он,— непосредственно входят в очаги происхождения данных культур... Здесь сосредоточено большое число диких видов — ближайших предков данных культурных растений».

Археологические исследования в Дагестане подтвердили в основном заключения, которые основывались раньше преимущественно на биогеографических данных. Неолитический слой Чохского поселения, датированный началом — первой половиной VI тысячелетия до н. э., доставил кости домашних животных и зерна окультуренных злаков: пшеницы однозернянки и двузернянки, ячменя пленчатого и голозерного. В этом же слое найдены орудия, предназначавшиеся для возделывания, сбора и переработки злаков. К ним относятся мотыжка каменная, каменная и костяная основы жатвенных ножей с составными прямыми лезвиями, оснащавшимися вкладышами-микролитами, и зернотерки. Все эти факты свидетельствуют о первых шагах примитивного земледелия в среде раннеолитического населения по крайней мере восточной части Кавказа, если не всей этой горной страны в целом.

На протяжении неолитической эпохи земледелие и скотоводство — эти новые виды хозяйственной деятельности — заняли ведущее положение в экономике северокавказских племен. Потребности развившегося земледелия определили существенные изменения в формах орудий. С помощью нового типа орудия — каменного топора-тесла — вырубались деревья и кустарники, расчищались участки для посевов и жилья, сооружались жилища и хозяйственные постройки, загородки и изгороди, изготовлялись деревянные орудия труда, оружие, утварь, а в случае необхо-

димости они могли использоваться и как наконечники мотыг для рыхления почвы, рытья ям, добычи глины и т. п. Широкое распространение этих орудий в неолитических памятниках Северного Кавказа свидетельствует о том, что потребность в них уже стала здесь в ту пору повседневной. Наряду с ними встречаются двусторонне обработанные орудия, служившие преимущественно наконечниками мотыг, а также терки и песты, предназначенные для размола растительной пищи.

Среди кремневых изделий в раннем неолите преобладали традиционные еще со времени мезолита микропластинки, из которых составлялись разнообразные режущие орудия, в том числе и жатвенные ножи. Но в неолите для тех же целей стали употребляться и крупные ножевидные пластины. Последние отличались большой прочностью, вследствие чего они с течением времени вытеснили микропластинки из производственного инвентаря.

Существенные изменения произошли в ту эпоху не только в изготовлении орудий, но затронули и другие сферы материальной культуры.

Установлено, что одной из начальных форм земледелия являлось так называемое лиманное земледелие. Оно основано на использовании таких земельных участков в горах и предгорьях, в устьях горных рек, которые хорошо орошались и пополнялись плодородной почвой, смываемой с горных склонов. Лиманное земледелие не требовало ни обработки, ни поддержания плодородия почв. Однако количество пригодных для такого вида земельных участков невелико. Поэтому древнейшие северокавказские земледельцы стали осваивать и плодородные аллювиальные долины более крупных рек. В условиях относительно мягкого и влажного климата горных и предгорных районов Северного Кавказа примитивное земледелие еще не требовало искусственного орошения. Однако немало труда приходилось затрачивать на очистку от обильной древесной и кустарниковой растительности, с чем, очевидно, и связано повсеместное распространение топоров в инвентаре неолитических поселений. Можно предполагать, что, как и в других облесенных областях с умеренно влажным климатом, здесь применялась подсеčno-огневая система земледелия, при которой растительность на участке вырубалась и тут же сжигалась, создавая хорошие условия для земледелия. Неолитические племена Северного Кавказа возделывали разные сорта пшеницы, ячменя, ржи и бобовых культур.

Наряду с земледелием тогда же на Северном Кавказе складывалась еще одна новая отрасль производящего хозяйства — скотоводство.

Достоверно установлено, что обитатели неолитического слоя Чохского поселения в Дагестане содержали домашних овец и коз уже в начале — первой половине VI тысячелетия до н. э.

Приручение животных началось здесь, вероятно, еще в мезолите. В неолите оно достигло немалых успехов. Костные остатки, обнаруженные, например, в Каменноостской пещере, показывают, что ее обитатели разводили уже домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, свиней и собак), а также занимались охотой на оленя, косуль, медведя, зайца, барсука и др. Следовательно, не только охота, но и скотоводство служило в ту пору одним из основных источников мясной пищи.

Судя по находкам специализированных орудий труда, для обработки дерева (долота и долотообразные орудия) обитатели неолитических поселений широко использовали в повседневном быту разнообразные деревянные поделки и утварь, которые не сохранились.

Обработка кости, шкур и кожи также занимала немаловажное место в хозяйстве неолитических племен. Однако в ту пору уже зарождается

и ткачество, что подтверждается находками отпечатков плетения на глиняных изделиях отдельных неолитических памятников края (Агубеково и др.).

Производство глиняной посуды развивалось быстро, и в отличие от каменных орудий, довольно однотипных в пределах всего северокавказского региона, керамика, обнаруженная при раскопках хронологически близких памятников, заметно различается как по формам, так и по технологии изготовления (плоское и заостренное дно, начальные формы прорезанного на поверхности сосуда орнамента). В глиняное тесто иногда подмешивалась известняковая дресва и толченая раковина.

Более развитой облик имеет керамика Агубековского поселения. Здесь встречено уже несколько типов сосудов. Все они плоскодонны, но в большинстве своем не орнаментированы. Некоторые из сосудов имели ручки. Вся посуда Агубековского поселения, отличающегося слабым обжигом, изготовлена из низкокачественной глины, в которую добавлялись кусочки слюды и зерна кварца.

Среди других глиняных изделий Агубековского поселения особенно интересна находка обломка сильно схематизированной женской статуэтки — древнейший на Северном Кавказе образец ритуальной антропоморфной пластинки.

Археологи, учитывая этнографические соответствия, полагают, что основной социальной ячейкой неолитической эпохи была родовая община, состоявшая из парных семей и возглавляемая старейшиной. Счет родства мог быть и матрилинейным и патрилинейным. Члены родовых общин обычно селились в одном поселении. Родовая община владела прилегающей территорией, использовавшейся для земледелия, скотоводства и охоты. Численность общины всегда была такой, чтобы она могла обеспечить необходимой рабочей силой все циклы земледельческих работ. Однако коллективные трудовые усилия всех членов общины требовались нечасто, обычно лишь при выполнении наиболее трудоемких работ по созданию новых участков. Остальные виды земледельческих работ выполнялись членами одной или нескольких близкородственных парных семей. В рамках таких семей содержался скот, развивались домашние производства.

Переход к производящему хозяйству вызвал переворот и в духовной жизни древнейших земледельцев, наложил свой отпечаток на их верования и культы. Некоторое представление об этом дают немногочисленные пока на Северном Кавказе памятники искусства неолитической эпохи. Весьма интересно святилище Харитани I в горах Дагестана, где на стенах труднодоступного грота нанесены контурные и силуэтные рисунки, выполненные красной краской. Над всеми изображениями как бы доминирует крупная фигура человека с поднятыми вверх руками. Ее поза, обнаженные руки и грудь, ромбический рисунок — символ женского начала богини-матери, часто встречаемого в древних памятниках искусства ранних земледельцев Передней Азии. На Хаританинском панно богиня плодородия изображена в окружении быков и пятнистых хищников, а ниже помещены значительно меньшие по размерам изображения людей, быков, оленей, собак, хищников и змей. Эта композиция обнаруживает сходство с росписями неолитических святилищ Малой и Передней Азии, свидетельствуя о широком распространении у ранних земледельцев Передней Азии, Юго-Восточного Прикаспия и Северного Кавказа культа женского божества. Существование такого культа подтверждается и упомянутой выше антропоморфной глиняной статуэткой Агубековского поселения.

Неолитические племена Северного Кавказа поддерживали оживленные связи с населением сопредельных областей. Особенно тесными они были с племенами Закавказья и Передней Азии, поддерживались также контакты с племенами Приазовья и степей Украины.

Племена, жившие в разных частях северокавказского региона, также имели постоянные связи, носившие часто характер постоянного налаженного обмена. Так, кремневые и обсидиановые орудия в неолитических памятниках Восточного Предкавказья изготовлялись из сырья, месторождения которого находились на расстоянии в несколько сотен километров — в центральной части Северного Кавказа, вблизи нынешних Минеральных Вод и в высокогорной Кабарде.

Энеолит. С культурой энеолита знакомят материалы Ругуджинских селищ и поселения Гинчи в горном Дагестане. Они также располагались в речной долине. Среди каменных орудий Ругуджинских стоянок микролитические поделки совершенно отсутствуют, они заменены крупными пластинами, из которых изготовляли ножи, скребки и шилья. Найдены здесь и небольшие терки, изготовленные из плоских речных валунов. Но особенно интересны находки обломков груболепных неорнаментированных глиняных сосудов бурого и красного цвета. На поселении Малин-Карат найдены части сковороды с рядом сквозных проколов, широко распространенные в Дагестане вплоть до эпохи средней бронзы, свидетельствующие о глубокой преемственности традиций местного керамического производства.

Хронологически близкие Ругуджинским поселениям единственный пока в центральной части Северного Кавказа энеолитический памятник — Нальчикский могильник. Он представлял собой невысокий округлый холм, образовавшийся в результате слияния насыпей над отдельными могилами и группами могил. Под насыпью открыто 147 захоронений, относящихся как к энеолиту, так и к бронзовому веку. Древнейшие — энеолитические захоронения — производились в скорченном положении. Женщин хоронили преимущественно на левом боку, мужчин — на правом. Отмечены случаи группировки до 5—8 разновременных захоронений, по видимому, членов одной семьи или семейно-родовой ячейки. Встречены и парные захоронения. Большинство костяков было густо посыпано красной краской. Древнейшие захоронения ориентированы по направлению запад—восток. Многие из них не имели никакого погребального инвентаря. Лишь в некоторых встречены украшения: каменные браслеты, кольца и пластины из кости, подвески из зубов животных (оленья, кабана, быка, козы, лисицы, кошки), различные бусы, подвески из раковин. В трех захоронениях встречены кремневые ножевидные пластины, а в одном — медное колечко. Особенный интерес представляют найденные здесь костяная пластинка с гравированными изображениями змей и каменное навершие булавы.

Наиболее изученным в настоящее время энеолитическим памятником Северного Кавказа является поселение Гинчи, находящееся в центральной части горного Дагестана. Поселение Гинчи располагалось в речной долине, на древней террасе. Занятый поселением участок террасы был с двух сторон огражден скальными откосами, а с открытой — речной — стороны его защищала каменная оборонительная стена, достигавшая в среднем 1,5 м ширины. Это древнейшее из известных сейчас на Северном Кавказе оборонительных сооружений. На поселении Гинчи выявлены также остатки круглых в плане (диаметр до 2,5—4 м) и, возможно, прямоугольных каменных построек. Круглопланные жилища имели централь-

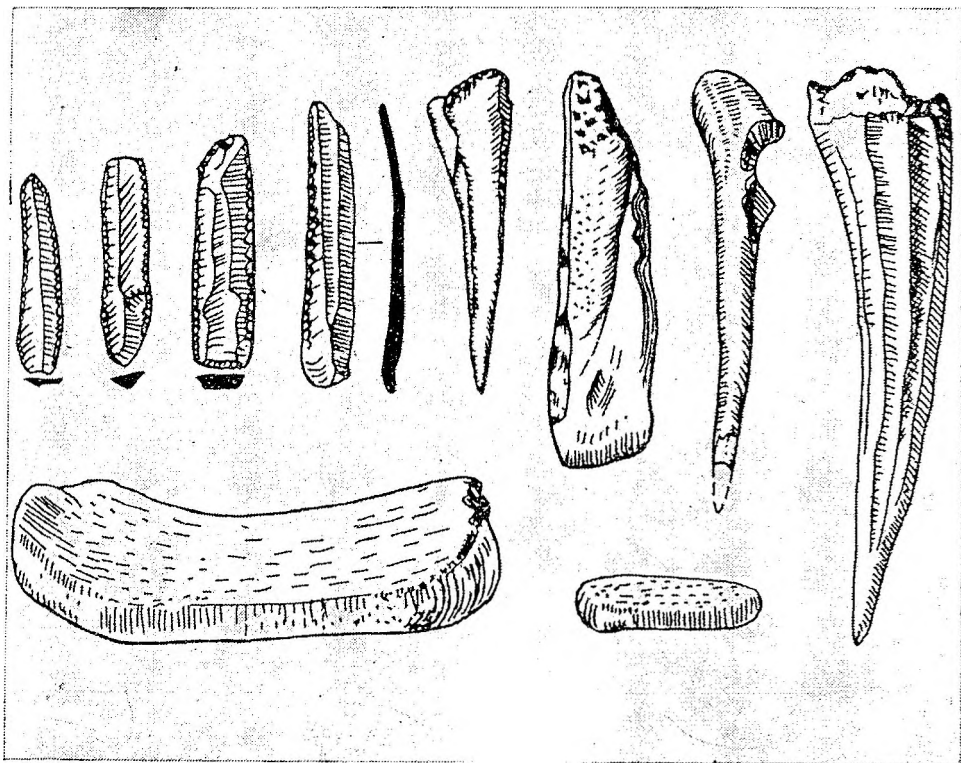

Рис. 2. Каменные и костяные орудия из энеолитического поселения Гинчи

ные столбы для поддержки кровли. Специальных печей в жилищах, по-видимому, не было, раскопками выявлены только следы открытых костров. Для хранения запасов продуктов в полы помещений вкапывались большие сосуды; найдены и ямы-хранилища. В некоторых жилищах прямо под полами находились захоронения (рис. 2).

Основу экономики энеолитических племен Северного Кавказа составляли земледелие и скотоводство. Посевы производились в поймах рек и на речных террасах, у подножий горных склонов. Достаточное количество осадков в вегетационный период, наличие естественно поддерживаемого плодородия почв гарантировали получение устойчивого урожая без применения искусственного орошения. Землю обрабатывали каменными и костяными мотыгами. Сеяли пшеницу и ячмень, отпечатки зерен которых встречаются на стенках глиняных сосудов. Жатва производилась серпами, составляемыми из кремневых ножевидных пластин. Наряду с архаическими прямыми жатвенными ножами были известны весьма совершенной формы изогнутые серпы. Разлом зерна производился на зернотерках, часто крупных.

Дальнейшее развитие получает скотоводство. Стада состояли из овец, крупного рогатого скота и свиней. В начале эпохи главную роль в стаде играл мелкий рогатый скот. Уже в эту эпоху часть скота в летние месяцы перегонялась на альпийские луга, в связи с чем в высокогорьях возникают сезонные летние поселения пастухов. Несмотря на развитие скотоводства, охотничий промысел продолжал еще играть большую роль. Ос-

новными объектами охоты были олени и дикие козы, мясо которых составляло до 40% мясного рациона обитателей поселения Гинчи.

С переработкой продуктов скотоводства и охоты связана значительная часть орудий труда и бытового инвентаря. Для переработки молочных продуктов предназначались специальные сосуды — цедилки. Разделка туш производилась ножами, изготовленными из кремня. Для обработки шкур применялись кремневые и костяные скребки. Многочисленные костяные проколки использовались для изготовления одежды, обуви и иных предметов обихода.

Значительное место в хозяйстве занимали и другие виды производственной деятельности. Одним из главнейших среди них было изготовление орудий. Большинство их, как и прежде, изготовлено из камня. Режущие инструменты, вкладыши жатвенных орудий, ножи для разделки туш животных и обработки дерева делались из кремневых и обсидиановых пластин и отщепов. Из плоских камней, преимущественно речных валунов, изготавливались зернотерки и песты. Размеры зернотерок заметно увеличиваются на протяжении энеолита, свидетельствуя тем самым о возрастании количества обрабатывавшегося с их помощью зерна. Многие орудия труда — наконечники мотыг, скребла, лопатки — делались из кости. Камень и кость служили главным материалом и для производства украшений. Некоторые из них, например каменные браслеты, отличались высоким мастерством изготовления. Как и прежде, большое место занимали обработка дерева и кожи, из которых вырабатывались разнообразная бытовая утварь и одежда. О развитии ткачества свидетельствуют отпечатки тканей еще грубого плетения на глиняной посуде. Больших успехов достигло в энеолите строительное дело. В горных районах Дагестана выявлены древнейшие среди известных ныне на территории нашей страны образцы каменного строительства бытовых и оборонительных сооружений.

Особенно заметных успехов достигло в энеолите керамическое производство. Найденные на поселении Гинчи многочисленные и разнообразные по форме глиняные сосуды лепились на рогожных и матерчатых формах или ленточным способом. Обжиг производился уже в специальных печах. Кухонная керамика изготовлялась из глины с большими примесями дресвы — толченого камня. Поверхности сосудов в большинстве случаев грубо заглаживались, иногда лощились. Лощеная столовая посуда красного и серого цвета представлена мисками, горшками и кувшинами, иногда имевшими сливные носики. Много и крупных сосудов, служивших для хранения зерна и других пищевых продуктов. Поверхности большинства сосудов покрывались ангобом — специальной облицовкой из более качественной глины, которая затем заглаживалась или подвергалась лощению.

Горловины сосудов украшались нарезными, вдавленными или штампованными узорами в виде елочек; встречается орнамент в виде рядов насечек по закраине. Редко применялся рельефный орнамент в виде конусов, шишечек, валиков с вдавливаниями. Сосуды украшались изредка росписями, сделанными красной и коричневатой красками по светлому фону. Изображались геометрические фигуры — ромбы и треугольники, иногда вертикальные и горизонтальные полосы сочетались с круглыми мазками.

Отличительной особенностью энеолитической эпохи являлось использование металлов. Однако пути зарождения и ранние этапы становления древней металлургии Кавказа освещены еще крайне недостаточно. Известные сейчас наиболее ранние находки медных изделий в Передней Азии относятся к VIII—VI тысячелетиям до н. э., а в соседнем Закавказье — лишь к V — началу IV тысячелетия до н. э. В энеолитических

памятниках Северного Кавказа знакомство с металлом документировано единственной пока находкой медного колечка в Нальчикском могильнике. Однако уровень развития домашних производств, особенно керамического производства, существование гончарных печей, в которых достигалась температура, достаточная и для плавки меди, позволяет считать, что необходимые для перехода к металлургии производственные возможности были достигнуты здесь еще в энеолите. На Северном Кавказе имеется месторождение самородной меди, а также вторичных или окисленных руд, широко использовавшихся в древности. Все это позволяет уверенно предполагать, что зарождение металлургии у северокавказских племен произошло именно в рассматриваемый период, который мы называем энеолитом, т. е. медно-каменным веком. Отсутствие же находок металлических изделий на многих энеолитических памятниках Закавказья и других областей объясняется тем, что металл в ту пору был еще редок и ценился особенно высоко. Поломанные изделия не выбрасывались, как каменные или костяные, а шли на переплавку.

Существенные сдвиги, происшедшие в энеолитическую эпоху во всех ведущих отраслях материального производства и обусловленные окончательным утверждением производящей земледельческо-скотоводческой экономики с постепенным усилением роли скотоводства, сказывались и на общем ходе социального развития местных племен.

Основной социальной ячейкой энеолитического населения Северного Кавказа по-прежнему оставалась родовая община, состоявшая из парных семей, на что указывают и размеры жилищ, открытых в поселении Гинчи.

В Нальчикском могильнике количеством украшений отличались некоторые женские захоронения, что служило показателем особого социального положения женщин в местном обществе. Однако по мере развития таких отраслей хозяйства, как скотоводство, металлургия, создаются предпосылки для установления патриархальных отношений.

Рост скотоводства, приносявшего прибавочный продукт, и вместе с тем охрана скота и борьба за пастбища приводили к обострению отношений между племенами, к необходимости укрепления поселений, возведению оборонительных стен (Гинчи).

Возникшие еще в неолите земледельческие верования и культы продолжали существовать и на протяжении энеолитической эпохи. Наскальные изображения и росписи сосудов энеолитической эпохи уже заметно отличаются от неолитических. Рисунки стали схематичными и условными и приобрели форму символов, среди которых очень распространены солярные знаки, но вместе с тем в наскальных росписях горного Дагестана встречаются изображения стен пахоты, засеяния поля, молотьбы, колосьев. В мотивах расписной керамики и даже в орнаменте часто встречаются изображения змей. Вся эта символика имеет параллели в символике различных памятников искусства, распространенных у других раннеземледельческих племен. Из Нальчикского могильника происходят антропоморфная каменная статуэтка и костяная подвеска с изображениями змей, вероятно, служившие предметами культа.

Разнообразны были и формы погребения умерших членов своего рода. Племена, оставившие Нальчикский могильник, хоронили умерших в стороне от поселения на специальном участке, общем для всех членов общины. Покойных обильно посыпали красной краской, символизировавшей огонь, кровь, жизнь. Обитатели же Гинчи в горном Дагестане хоронили своих покойных и на территории самого поселения.

В энеолитическую эпоху расширяются связи племен Северного Кавказа. Особенно тесными они были с южными соседями, с племенами За-

Кавказа и Передней Азии. В результате этих связей из производственных центров Древнего Востока попадали на Северный Кавказ различные предметы: например, найденные в Нальчикском могильнике мраморные, пастовые и сердоликовые бусы, а также подвески из средиземноморских раковин.

Связи и контакты населения Северного Кавказа не ограничивались только южными областями. Существовали тесные связи и с населением Приазовья и Подонья.

Выросшая непосредственно из неолитической культуры, культура северокавказского энеолита, в свою очередь, послужила основой для развития культуры Северного Кавказа последующего периода — эпохи ранней бронзы.

Трудно судить о том, как происходили в энеолите процессы исторического развития населения Северо-Западного Кавказа. На этой территории памятники энеолитической эпохи пока не исследованы. Можно предполагать, что в это время здесь складывались предпосылки для возникновения высокоразвитой культуры раннебронзового века Прикубанья, которая так ярко представлена знаменитым Большим Майкопским курганом и дольменами станицы Новосвободной.

По антропологическому облику энеолитическое население Северного Кавказа было длинноголовым и узколицым. Оно принадлежало к так называемому южному каспийскому типу, к которому относилось также население Закавказья и Передней Азии (Иран, Месопотамия).

---

¹ Вавилов Н. И. Опыт агроэкологического обзора важнейших полевых культур. М.; Л., 1957. С. 87—88, 116.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-СКОТОВОДЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ

В бронзовом веке Северного Кавказа выделяются три периода:

Первый — эпоха ранней бронзы (III тысячелетие до н. э.), время активного развития на Северном Кавказе земледелия и особенно скотоводства, первобытных ремесел, прежде всего металлопроизводства и гончарного дела, интенсивного социального развития местного общества, широкого вовлечения местных племен в орбиту культурно-экономических связей с сопредельными областями и, особенно, с передовыми цивилизациями Древнего Востока.

Второй — эпоха средней бронзы (II тысячелетие до н. э.). Это время значительного изменения характера материальной культуры, изменений в связи со специализацией некоторых первобытных ремесел, усиления в хозяйстве роли скотоводства, замедления темпов общественного развития и расширения связей со степными племенами.

Третий — эпоха поздней бронзы (рубеж II — I тысячелетий до н. э.), время расцвета позднебронзовых культур Северного Кавказа и первого появления железа.

Начало бронзового века на Северном Кавказе совпало с завершением процесса сложения в степях Евразии подвижных скотоводческих общностей. «Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров — это было, — писал Ф. Энгельс, — первое крупное общественное разделение труда»¹. Оно повлекло за собой множество разнообразных перемен в истории населения Старого Света. Отношения между подвижными скотоводами степей Восточной Европы и оседлыми племенами Северного Кавказа не были стабильными. Были периоды длительных мирных обменных связей, взаимовлияний. Но несомненными фактами засвидетельствованы вторжения, проникновение степного населения в северокавказскую среду. Эти взаимоотношения в значительной степени определили содержание и специфику процесса исторического и этнокультурного развития населения Северного Кавказа на всем протяжении бронзового века.

1. Этноплеменные общности в эпоху ранней бронзы

В начале эпохи бронзы более четко определилось наметившееся еще в предшествующие эпохи хозяйственное и этнокультурное размежевание различных областей Северного Кавказа. В середине и во второй половине III тысячелетия до н. э. северо-западную и центральную части Северного Кавказа занимали племена майкопской культуры, а северо-восточную — племена куро-аракской культуры. Тогда же на Северо-Западном Кавказе появились и первые дольмены (карта 1).

Племена майкопской культуры. Свое название майкопская культура получила от знаменитого кургана, раскопанного в 1897 г. у г. Майкопа.

Его высота достигала почти 11 м. Основание курганной насыпи было окружено каменным кольцом — кромлехом. В его центре находилась огромная четырехугольная могильная яма. Она разделялась на две камеры — северную и южную. Северная, в свою очередь, делилась еще пополам. В большой камере был захоронен мужчина, а в двух других — женщины. Все они лежали в скорченном положении, на боку, головой на юг и были обильно посыпаны красной краской (суриком). Погребенный в большой камере был буквально усеян золотыми украшениями, состоящими из штампованных фигурок львов и быков, колец, нашитых на полог, которым он был укрыт. При костяке обнаружено множество разнообразных бус и серег из золота, сердолика и бирюзы, на черепе была диадема из пятилепестковых розеток. В могиле обнаружены серебряные сосуды с чеканными рисунками, изображающими горный пейзаж и зверей, четыре серебряные трубочки от балдахина с массивными фигурками быков из золота и серебра, каменный сосуд с золотой крышкой, разнообразные глиняные сосуды, бронзовые топоры, тесла, ножи, долота, кирки, шила, а также каменные оселки, топор, кремневые наконечники стрел.

При двух женских погребениях найдены золотые височные кольца, многочисленные золотые и сердоликовые бусы, крупный красноглиняный сосуд и медная посуда — два котла, ведро, плошка.

Большой майкопский курган характеризует ранний этап майкопской культуры. К этому же времени относится поселение Мешоко в Прикубанье. Несколько позднее число поселений заметно возросло и обнаружены они в основном на Северо-Западном и реже на Центральном Кавказе (хуторы Веселый, Ясенева, Дольяна, Скала). Поселения же позднего этапа известны от Тамани до Чечено-Ингушетии включительно.

На майкопских поселениях выявлены остатки жилищ, очаги и хозяйственные ямы.

К позднему этапу майкопской культуры относятся захоронения в дольменах курганов у ст. Новосвободной в Прикубанье, в г. Нальчике и у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии. Они представляют собой монументальные прямоугольные сооружения в виде домиков с плоской или двускатной, или конической крышей, построенных из огромных, тщательно обработанных каменных плит. В могилах найдены многочисленные золотые и серебряные украшения, разнообразные бронзовые, каменные и костяные изделия, глиняные сосуды.

Наряду с этими богатыми захоронениями на Северном Кавказе известны десятки могильников, состоящих из небольших курганов, содержащих относительно бедный погребальный инвентарь.

Основу экономики майкопских племен составляло прежде всего скотоводство. Есть основания полагать, что в это время в отдельных районах Северного Кавказа начали уже, видимо, использовать лошадь для верховой езды, что обеспечило продвижение на далекие расстояния (рис. 1).

Достижением майкопских племен было развитие металлообработки. Образцами местного производства являются найденные во многих памятниках Прикубанья, Пятигорья и Чечено-Ингушетии крупные бронзовые котлы, ножи-кинжалы, проушные топоры, плоские тесловидные орудия, желобчатые долота, псалы и другие предметы. Они изготовлялись из мышьяковистой бронзы и реже из сплава меди, мышьяка и никеля. О высоком же уровне развития майкопской металлообработки свидетельствует как широкий набор разнообразных изделий, так и отдельные виды их, например котлы. Последние делались из тонкой листовой бронзы, иногда они были орнаментированы. Кстати, бронзовые котлы майкопской куль-

Рис. 1. Бронзовый котел и крюк со втулкой. Майкопская культура (III тысячелетие до н. э.), с. Бамут

Рис. 2. Красноглиняные миска и горшок из погребения № 2 раскопа II Псекупского могильника (майкопская культура)

туры представляют собой самые ранние образцы металлической посуды, обнаруженной на территории СССР. Развитие металлообработки на Кавказе в эпоху ранней бронзы достигло такого уровня, что ее продукцией стали широко пользоваться племена Подонья и Поволжья. На протяжении более тысячи лет, примерно до середины II тысячелетия до нашей эры, Кавказ оставался почти единственным источником, откуда металл поступал в сопредельные области Восточной Европы, к племенам ямной и катакомбной культуры.

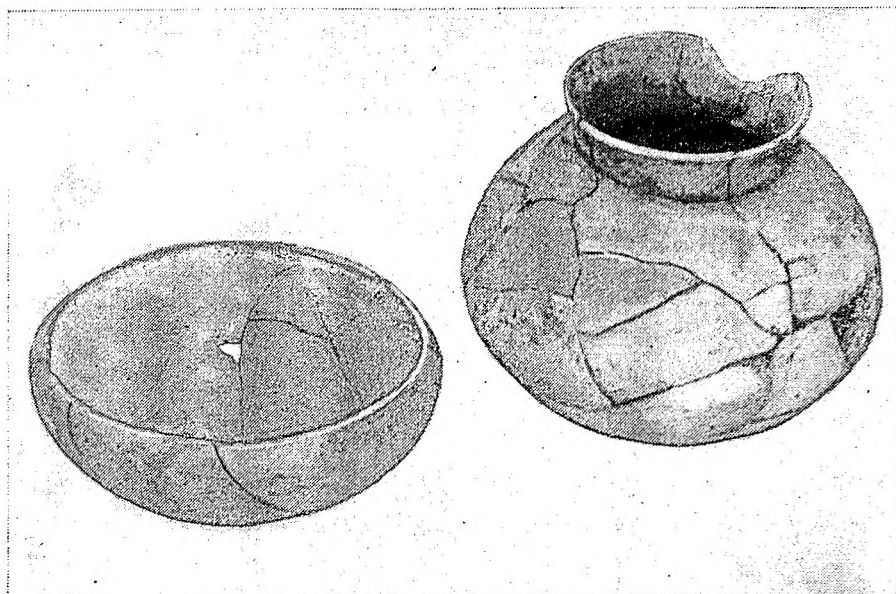
Высокого мастерства достигли носители майкопской культуры и в керамическом производстве. Ранняя керамика характеризуется небольшими, прекрасно обожженными тонкостенными сосудами. Поздние сосуды были разнообразными по форме и назначению: горшки, кувшины, миски, крупные шаровидные и яйцевидные сосуды. Возможно, в это время гончарное ремесло, знавшее уже гончарный круг, выделяется в самостоятельную отрасль производства (рис. 2).

Часть орудий труда и оружия (вкладыши серпов, наконечники стрел, проколки и др.) майкопские племена изготовляли еще из камня и кости.

Находки пряслиц на поселениях, а также остатков шерстяных и холщовых одежд в Новосободненских дольменах и обрывков льняной ткани в Нальчикской гробнице доказывают, что племена майкопской культуры достигли больших успехов в производстве тканей.

Майкопская культура формировалась и развивалась на местной основе, но значительную роль в этом сложном процессе сыграло также и влияние культур Передней Азии. Погребальный инвентарь Майкопского кургана и других памятников проявляет значительное сходство с соответствующими предметами из Месопотамии и Сирии. Некоторые типы керамики и бронзовых изделий, серебряные сосуды, украшения из золота, серебра, иранской бирюзы и сердолика, среднеазиатской ляпис-лазури и анатолийского цветного камня — «морской пенки» — находят многочисленные аналогии в древних памятниках Ближнего Востока.

Племена майкопской культуры развивались в тесной связи с племенами ямной культуры степей Юго-Восточной Европы, куро-аракской

культуры, дольменной культуры Западного Кавказа. Так, о взаимосвязях с северными соседями, даже о возможности инфильтрации их в ареал майкопских племен говорят некоторые особенности погребального обряда и инвентаря отдельных курганов, характерные для майкопской культуры, а также древнейшие антропоморфные каменные стелы Кабардино-Балкарии, которые имеют аналогии в Северном Причерноморье, Центральной и Западной Европе. В свою очередь, воздействие майкопской культуры, особенно в металлургии, прослеживается на обширной территории Европейского юга нашей страны.

Особенно активными и сложными были взаимоотношения древних майкопцев с племенами западнокавказской дольменной культуры. О взаимовлияниях и частичном смешении обеих культур говорят монументальные мегалитические сооружения из курганов ст. Новосвободной, г. Налчика и с. Кишпек, являющиеся подражаниями настоящим дольменам.

Интенсивное развитие экономики, особенно скотоводства и общинных ремесел, активные связи с Передней Азией и другими областями способствовали созданию прибавочного продукта и сосредоточению в руках отдельных представителей родоплеменной верхушки значительных богатств в виде скота, драгоценных металлов, бронзовых изделий, возникновению имущественной и социальной дифференциации, обособлению наиболее сильных в экономическом отношении патриархальных семей, выдвигавших из своей среды вождей всего племени. Ф. Энгельс подчеркивал, что при этом «отдельная семья сделалась силой, которая угрожающе противостоит роду»².

Стремление аристократизирующейся родоплеменной верхушки укрепить свои экономические привилегии путем захвата чужих богатств резко усилило межплеменные столкновения. Майкопские племена расселяются в труднодоступных, удобных для обороны местах. Поселения ограждаются мощными каменными стенами (Мешоко, Ясенева поляна). Постоянные войны обогащали вождей, причем захват пленных приводил к возникновению рабства. Наряду с сравнительно небольшими курганами с относи-

тельно бедным погребальным инвентарем, принадлежавшим рядовым общинникам, появились огромные насыпи с монументальными погребальными камерами, в которых хоронили племенных вождей (Майкоп, Новосвободная, Налчик, Киппек). В потусторонний мир таких вождей сопровождали не только роскошный инвентарь, но и преднамеренно убитые люди.

Идеологические представления майкопских племен связаны с астральным культом. Каменные кольца-кромлехи вокруг могил, возможно, связаны именно с этим культом. Погребальные обряды свидетельствуют о вере в загробную жизнь, так как в могилу покойника клали то, чем он пользовался до смерти: разнообразная посуда, орудия труда, оружие, украшения. Красной краске (сурик, охра), которой посыпались погребенные, придавалось значение очистительной силы огня.

Эти архаичные черты в верованиях майкопских племен сочетались с различными культами, заимствованными из Закавказья и Передней Азии. Очажные роговидные подставки из поселений майкопской культуры, связанные с культом быка, были распространены на обширной территории от Средиземноморья до Северо-Восточного Кавказа. Женские статуэтки, символизирующие богиню плодородия, более характерны для Передней и Средней Азии, Средиземноморья, а также для трипольской культуры. В Прикубанье же найдены обломки антропоморфных глиняных сосудов, которые сближаются с культовой керамикой из Трои в Малой Азии.

Племена куро-аракской культуры. Юго-восточными соседями майкопцев были племена иной культуры, связанной с Закавказьем. Впервые памятники этой культуры были выявлены в междуречье Куры и Аракса, почему она и была названа куро-аракской. Теперь под этим условным названием подразумевается раннебронзовая культура оседлых земледельческо-скотоводческих племен, обитавших почти во всем Закавказье (за исключением Черноморского побережья), в Восточной Анатолии и Северо-Западном Иране и на Северо-Восточном Кавказе в III тысячелетии до н. э. Ни одна из кавказских культур, ни до того, ни после, не достигала такого широкого распространения, как куро-аракская. Отдельные элементы этой культуры выявлены далеко на юге — в Восточном Средиземноморье, в Сирии и Палестине.

На Северном Кавказе куро-аракская культура была распространена на всей территории Дагестана, включая прикаспийскую плоскость, предгорные и высокогорные районы Чечено-Ингушетии, где она граничила с майкопской культурой, а также в Северной Осетии.

На равнине и в начале предгорий поселения, существовавшие длительное время, обычно располагались на вершинах естественных холмов (Каякент, Великент, Серженьюрт I—II). В глубине предгорий и в горных районах места для поселений выбирались у крутых берегов рек, на мысах (Мекеги), на крутых склонах гор (Галгалатли I).

Типичным горным поселением было Чиркейское поселение в Дагестане, на берегу Сулака, на вершине горы с отвесными и крутыми склонами. Дома располагались рядами на склоне, ступенчато возвышаясь друг над другом. Каждый дом состоял из круглопланового каменного жилища диаметром 5—6 м, с углубленным в землю очагом, с очажными подставками, каменными лавками вдоль стен и пристроенного к нему овального или четырехугольного помещения с двучастными печами. В жилищах и пристройках к ним находились зернохранилища в виде ям или вкопанных в землю крупных глиняных сосудов. Остатки таких же домов обнаружены на поселениях Галгалатли I и Мекеги. Это были характерные для

куро-аракских племен двучастные дома. В горном Дагестане они строились из камня. Каменные круглоплановые дома существовали и на равнине. Но здесь наряду с камнем в строительстве широко использовались глина и дерево. Дома представляли собой легкие плетеные постройки, обмазанные глиной. В поселениях приморского Дагестана сооружали также землянки и полуземлянки. Потребности скотоводческого хозяйства привели к возникновению наряду с оседлыми поселениями сезонных поселений (Чинна, Шау-Легет), что связано с выгоном скота в летнее время на горные пастбища.

Основу оседлого быта куро-аракских племен Северного Кавказа составляло комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Потребностями земледельческо-скотоводческого хозяйства определялся выбор места для поселений вблизи пахотных угодий и пастбищ. Для обработки полей наряду с мотыгами применялись уже простейшие плуги, сохи. С развитием пашенного земледелия в горных районах вскоре стала ощущаться нехватка пригодных для этой цели земель, что привело к необходимости создания искусственных террасных полей и раннему становлению в горном Дагестане своеобразного террасного земледелия.

Землю засевали различными сортами пшеницы (мягкая, твердая), ячменя (голозерный, пленчатый). Практиковались и смешанные посевы. Судя по находке на Гильярском поселении в Южном Дагестане обуглившегося зерна льна, местные племена выращивали его для производства ткани.

Жатва производилась с помощью изогнутых серпов с кремневыми вкладышами, нередко употреблялись и металлические серпы. К этому же времени относится появление молотильной доски. Применение в земледелии пахотных орудий и молотильной доски с использованием тягловой силы животных способствовало повышению продуктивности земледелия, что повлекло за собой появление зернохранилища в виде глубоких ям. В одном сосуде, найденном на поселении Галгалатли I, находилось более 15 кг обуглившегося зерна пшеницы и ячменя. Размол зерна производился на каменных зернотерках.

В горном Дагестане, где полукочевое скотоводство не было, происходит увеличение в стадах крупного рогатого скота.

Изменилась и форма ведения скотоводческого хозяйства. В горном Дагестане входит в практику пастушеское отгонное скотоводство, основанное на использовании в летнее время альпийских пастбищ вдали от оседлых поселений, в связи с чем в высокогорьях возникают сезонные поселения.

Крупный рогатый скот использовался не только в качестве тягловой силы в земледелии, но и для передвижения на повозках. Остатки таких повозок и глиняные модели колес обнаружены в ряде памятников Северного Кавказа.

Металлообработка у племен Северного Кавказа предстает уже в достаточно развитом виде. Они были хорошо знакомы со свойствами сплавов и умело использовали их при изготовлении из мышьяковистой бронзы изделий различного назначения. Существовало уже местное литейное дело. Из бронзы производили топоры, плоские тесла, клинки ножей, шилья, наконечники копий, другой инвентарь и разнообразные украшения.

Керамические изделия местных гончаров отличаются совершенными приемами ручной лепки, многообразием и выработанностью форм, хорошей отделкой поверхности и высоким качеством обжига, который производился в специальных гончарных горнах. Продукция гончаров представ-

лена многочисленной и разнообразной кухонной и столовой посудой. Однако северокавказская керамика отличается некоторым своеобразием, что позволило выделить здесь особый местный вариант куро-аракской культуры.

Рост производительных сил, усложнение различных отраслей хозяйства и производства отражаются на социальной организации общества. В горном Дагестане появляются склепы, в которых хоронили представителей больших патриархальных семей. Выделение патриархальных семей, накопление семейной собственности подрывали основы первобытно-общинных отношений. Имущественную и социальную дифференциацию усиливали войны и военная добыча. Родоплеменная знать сосредоточивает в своих руках богатства, присваивает большую часть военной добычи. Выделение такой знати нашло отражение в появлении погребений с повозками (Утамыш).

Религиозные представления куро-аракских племен были тесно связаны с основными видами хозяйственной деятельности — земледелием и скотоводством. Ведущую роль в религиозных представлениях, как и прежде, играло женское божество — богиня плодородия. Изображающие ее глиняные фигурки найдены в Дагестане на поселении Великент и в кургане у Дербента. Существовали культы солнца и огня, которым приписывалась магическая сила, а также культ домашнего очага. Новым содержанием наполнилась погребальная обрядность. Умерших хоронили уже за пределами поселения на общеродовом могильнике.

С переходом к патриархальному роду и главенствующему положению мужчин связаны и идолы, символизирующие мужское начало.

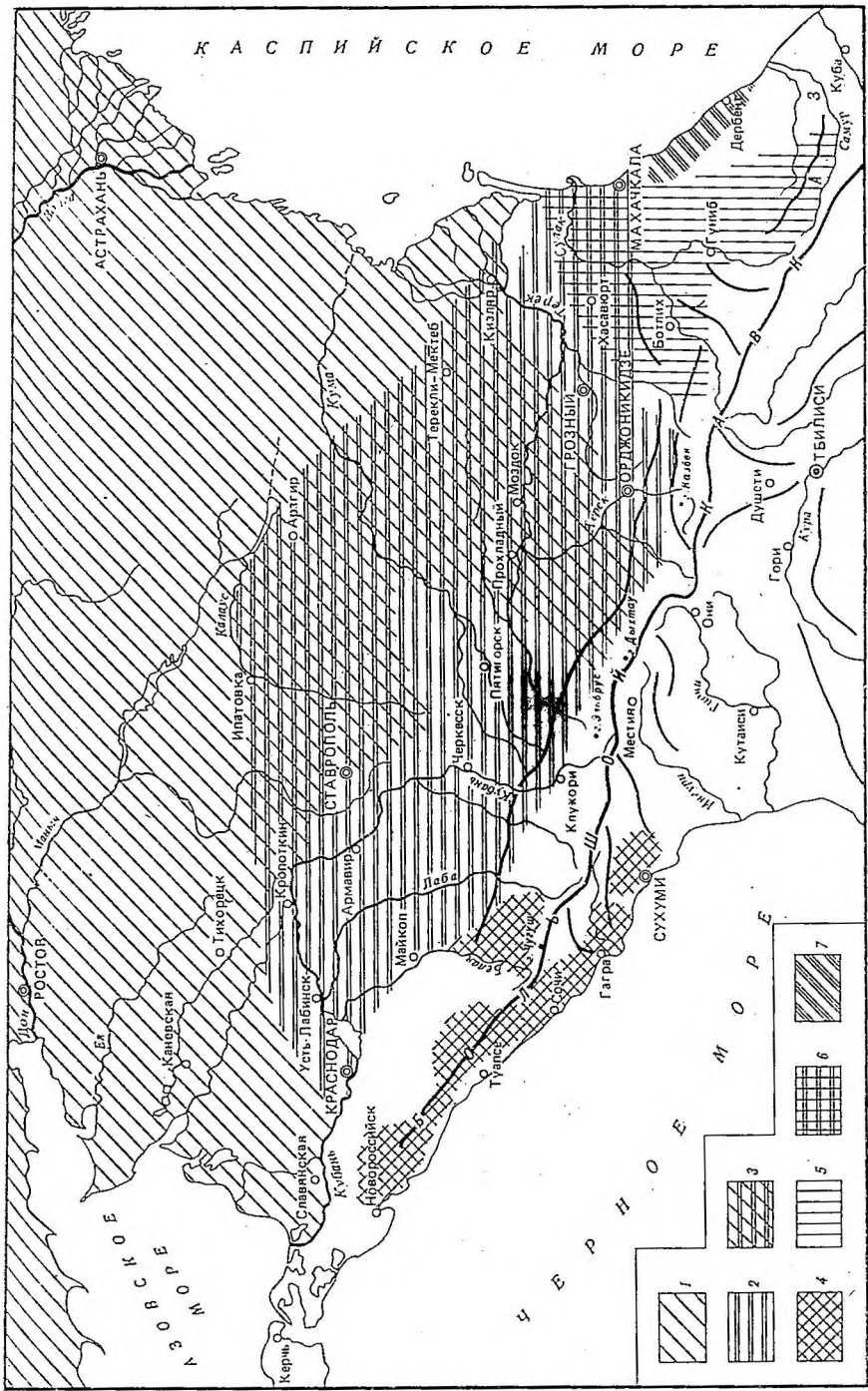
Племена Северо-Восточного Кавказа поддерживали тесные связи с кавказскими и майкопскими племенами. Об этнокультурных связях между ними говорит поселение со смешанными куро-аракскими и майкопскими чертами в Чечено-Ингушетии (Луговое). Куро-аракские племена поддерживали связи и с населением южнорусских степей, о чем свидетельствуют встречающиеся на куро-аракских поселениях боевые топоры, наконечники стрел и выпрямители древков стрел, характерные для степных культур.

В конце III тысячелетия до н. э. завершился важный этап в истории племен Северного Кавказа — эпоха ранней бронзы. Многие производственные и культурные традиции, выработанные местными племенами — носителями майкопской и куро-аракской культур, сохранило северокавказское население и в последующую эпоху — во II тысячелетии до н. э.

2. Северный Кавказ в эпоху средней бронзы

Дольменная культура. Культура с погребальными сооружениями в форме дольменов была распространена на значительной территории Причерноморья — от Таманского полуострова до г. Очамчиры и бассейна р. Кубани, занимая в основном горно-лесные районы. Древнейшие дольмены на Западном Кавказе появились еще в эпоху ранней бронзы, между 2400—2100 гг. до н. э. Как мы уже знаем, они представляют собой монументальные (мегалитические) постройки, сложенные из каменных плит и блоков или высеченные в скальном массиве. Дольмены служили усыпальницами. У адыгейцев и абхазов они известны под названием «испун», «спыун» («дома карликов», «пещеры»), а также «кеунеж», «адамра» («древние могильные дома»). Сейчас на территории Западного

Карта 2. Схема распространения археологических культур Северного Кавказа. Концы III — первая половина II тысячелетия до н. в.
 1 — Катакомбная культура. 2 — Северокавказская культура. 3 — Зона стыка культур. 4 — Дольменная культура. 5 — Памятники типа Гинчи-Гатыл-Кале. 6 — Зона стыка культур. 7 — Манасская группа какакомб.

Кавказа известно более 2200 дольменов. Наиболее распространены сооружения плиточного типа, реже — монолиты, высеченные в скалах. Они снабжены отверстиями круглой или аркообразной формы, через которые помещали покойника в камеру. Наиболее древние дольмены отверстий не имели. Древнейшие дольмены содержали от одного до трех покойников, положенных скорченно и густо засыпанных красной охрой (станция Новосвободная, бассейн р. Кизинки). Это были захоронения родоплеменных вождей. В эпоху расцвета дольменной культуры (первая половина II тысячелетия до н. э.) в них появляются массовые захоронения в позе сидя. К этому времени относятся огромные скопления дольменов («поляны») с сотнями построек (ст. Даховская, Новосвободная, Баговская, пос. Каменноостровский) (карта 2).

Археологические находки из дольменов и отдельных поселений позволяют говорить о высокой культуре их строителей. Это были племена, занимавшиеся земледелием и скотоводством, а в приморской полосе — морским промыслом; они прекрасно владели мастерством не только обработки камня, но и металла; умели лепить прочную глиняную посуду, скупо украшенную орнаментом.

Исследователи полагают, что форма западнокавказских дольменов или появление их на Кавказе объясняется далекими морскими связями кавказских народов. Как бы то ни было, кавказские строители не просто заимствовали чужую практику возведения подобных построек, а вложили в нее собственную изобретательность. Эпоха существования дольменов на Северо-Западном Кавказе была временем, когда возникало имущественное неравенство, а род еще представлял сильную общественную организацию, хотя уже и разделившую между отдельными семьями свое некогда коллективное хозяйство, когда высокого уровня развития достигла строительная техника и получил распространение заупокойный культ. Культуру дольменов обычно связывают с древнейшим абхазо-адыгейским этносом.

Северокавказская культура. Зона распространения дольменов соприкасалась с территорией северокавказской культуры, которая на востоке подходила к предгорьям Дагестана (бассейн р. Сулак), на юге — к главному Кавказскому хребту, примыкала к Закавказью, а с севера, со стороны степей, проходила широкая зона, где перемещались как племена Северного Кавказа, так и исконно степное население, в основном носители катакомбной и срубной культур.

Памятники северокавказской культуры многообразны: курганы — в степных и предгорных районах, грунтовые некрополи, содержащие могилы в виде каменных ящиков, склепов и ям. Широкое использование камня при возведении погребальных сооружений, близкий ритуал и отдельные типы керамических сосудов позволяют генетически связывать носителей северокавказской культуры с предшествующей майкопской культурой.

Среди предметов материальной культуры северокавказского населения II тысячелетия до н. э. выделяются изящно выгнутые боевые и ритуальные топоры, которые носят условное название «кабардино-пятигорских», они изготовлялись из плотных, обычно желто-зеленых пород камня (змеевика), крупные булавы, сделанные из еще более твердых горных пород (диорит, диабаз и др.). Глиняные сосуды имеют округлые и приземистые формы. Они часто украшены оттисками веревочки в виде орнаментальных поясков или свисающих зубцов. Иногда орнамент дополнен налепными валиками и шишечками. Подобно керамике, шнуровым

узором, но выпуклым и литым украшались металлические изделия — подвески, булавки, бляхи и даже втульчатые (проушные) топоры, изготовленные из мышьяковистой бронзы.

Сочетание различных орнаментальных мотивов, их расположение на сосудах, формы булавок, которыми скреплялись одежды, имеют довольно строго очерченное распространение (локальные районы). Вероятно, ими характеризуются территории, на которых жили родственные племена, обладающие своими особенностями. Они заметны как в предметах быта, так и в духовной культуре (погребальные обряды и ритуалы, семантика орнамента). Таких локальных районов намечается не менее четырех — на территории современных Прикубанья, Ставрополя, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечни.

Основу хозяйства населения по-прежнему составляли скотоводство и земледелие. Стада состояли из мелкого и крупного рогатого скота и лошадей, причем лошадь, как и ранее у майкопских племен, использовалась для верховой езды. Земледелие также играло значительную роль: выращивали пшеницу и ячмень, землю обрабатывали мотыгой, а урожай убрали составными серпами с кремневыми вкладышами. К концу эпохи бронзы широко распространяются бронзовые серпы.

Важными занятиями племен северокавказской культуры были металлургия и металлообработка. Сырьем служили местные руды. Медь добывалась как на поверхности залежей, так и в шахтах и штольнях. В верховьях р. Большой Зеленчук была открыта горизонтальная шахта и отходящие от нее вертикальные штольни. Здесь были обнаружены и орудия рудокопов — каменные желобчатые молоты и каменный терочник.

Носители северокавказской культуры поддерживали связи со строителями дольменов, племенами Закавказья и Дагестана. Особенно оживленными были контакты со степными племенами — катакомбными и в меньшей степени срубными. Местные племена представляли собой сообщества с патриархальным бытом.

При сравнении уровня социально-экономического развития носителей майкопской и связанной с ней северокавказской культур выявляется, что в послемайкопское время процесс социально-экономического развития местного общества как бы затормозился. Во II тысячелетии до н. э. уже не воздвигали такие богатые курганы, как Майкопский. В археологических памятниках северокавказской культуры не столь отчетливо проявляется имущественная дифференциация. Ученые по-разному подходят к оценке этого явления. Одни объясняют его угасанием связей с Передней Азией, другие видят в нем результат постоянного включения степных племен, более низких в социальном отношении, в северокавказскую среду.

Катакомбная культура. Была распространена на обширной территории степей — от Поволжья до Приднепровья. Название это связано с особенностью погребального обряда: для погребения в одной из стенок глубокой подкурганной ямы вырубали особую камеру — катакомбу. С покойником клали глиняные сосуды со шнуровым узором, а также богато орнаментированные глиняные курильницы в виде чаш, стоящих на крестовидной ножке. Внутри чаш имеется перегородка: в одной части тлели угли, а в другой (меньшей) курились благовонные травы. Металлические изделия и украшения с рельефным орнаментом, имитирующим шнуровые узоры, часто являлись кавказскими по происхождению.

Будучи тесно связаны с Кавказом, племена катакомбной культуры распространяли в степях достижения культуры, которые были накоплены кавказскими племенами, общавшимися с центрами древневосточной цивилизации. Большую роль в этом играл колесный транспорт. Повозки с массивными (без спиц) колесами нередко встречаются в катакомбных погребениях.

По своему физическому типу люди катакомбной культуры не являются ни потомками своих предшественников в степях — ямной культуры, ни предками сменивших их племен срубной культуры. Они стояли ближе всего к племенам Северного Кавказа.

Оставленные ими погребения в курганах известны во многих частях Северного Кавказа: в Прикубанье, Ставрополье (Усть-Джегутинский и другие могильники), на Центральном Кавказе (катакомбы в Моздоке и в Кабардино-Балкарии), Чечено-Ингушетии (Бамутские курганы), Дагестане (катакомбы у ст. Манас и г. Дербента) встречаются погребения смешанного типа, сочетающие северокавказские и катакомбные черты.

Племена горной Чечни и Дагестана. Передвижения степных племен Юго-Восточной Европы, сыгравшие определенную роль в этнокультурной истории населения степей и предгорий Северного Кавказа, мало коснулись горных областей Северо-Восточного Кавказа. Здесь, в горах Дагестана и Чечни (в конце III — первой половине II тысячелетия до н.э.), развивалась самобытная культура местного населения. В горной Чечне она представлена могильником Гатын-кале, а в горном Дагестане — могильниками Гинчи, Галдагатли, Чох, Ирганай, Верхнегунибским поселением. Генетически эта культура связана с северокавказским вариантом куро-аракской культуры. Однако характер культуры значительно изменился. Поселения располагались на высоких речных террасах, труднодоступных горных склонах. Но дома были уже не круглого плана, а прямоугольные и многокомнатные, располагавшиеся на склоне террасообразно. Людей хоронили в большесемейных подземных каменных склепах круглого и прямоугольного плана.

Основу хозяйства по-прежнему составляют земледелие и скотоводство. В технике земледелия существенных изменений не происходит. Форма ведения скотоводческого хозяйства остается прежней.

Продолжала развиваться металлургия и металлообработка. Об этом свидетельствуют открытые на Верхнегунибском поселении остатки литейной мастерской, где обнаружены глиняные литейные формочки, тигельки, «вкладыши» сопла, каменные ступки и песты. Продукция местной металлообработки состояла из проушных топоров, кинжальных клинков, разных украшений. Наиболее типичными украшениями были булавки с дисковидными головками и височные подвески с широкими лопастями (рис. 3).

В керамическом производстве исчезают некоторые типичные для куро-аракской культуры сосуды, широко распространяются неизвестные ранее в горном Дагестане приемы обмазывания поверхности сосудов жидкой глиной, появляется круглодонная посуда. Ведущими орнаментальными элементами становятся треугольные резвые фестоны и различная рельефная орнаментация.

Основной ячейкой общества стала большая патриархальная семья. Ее членов хоронили в больших склепах, количество захоронений в которых достигает 50. Резко выраженное имущественное и социальное неравенство по погребенным не наблюдается.

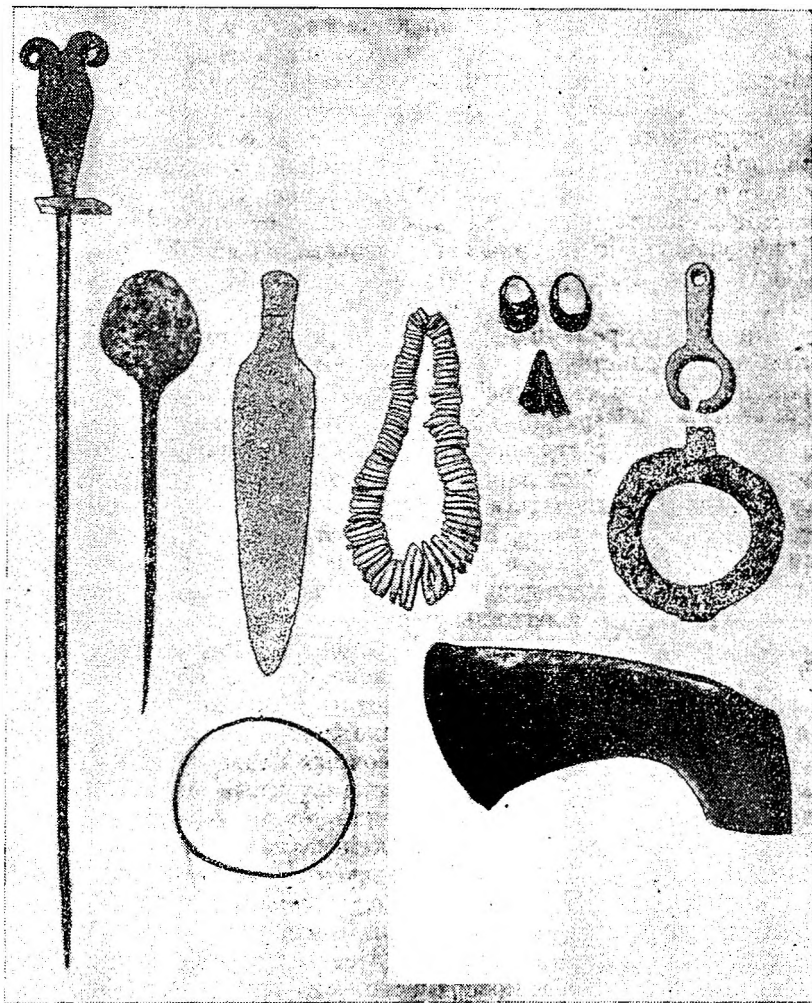

Рис. 3. Орудия труда (топор), оружие (нож-кинжал), украшения (бронзовые булавы, подвески, браслет, бусы из раковины). Могильник Гатын-кале (1700—1400 гг. до н. э.)

Религиозные представления по-прежнему были связаны с земледелием и скотоводством. К старым земледельческим культам прибавляется культ пашни. В культовых целях пекли ритуальные хлебцы, изображающие вспаханное поле. Остатки печи для их выпечки обнаружены на Верхнегунибском поселении.

Большое место в идеологических представлениях занимали также культ предков, вера в «потусторонний мир», загробную жизнь, которую старались приблизить к земной, строя погребальные сооружения в виде реально существовавших жилищ и сопровождая умерших бытовой утварью и пищей.

Население горной Чечни и Дагестана было тесно связано с племенами сопредельных областей, и особенно с племенами северокавказской культуры, от которых в горы попадали типичные металлические вещи северокавказского происхождения. В зоне стыка местной и северокавказ-

ской культур бытуют предметы, характерные для разных районов. Такой зоной был бассейн среднего и верхнего Сулака, где известны курганы со смешанными чертами местной и северокавказской культур.

Каякентско-хорочоевская культура. С середины II тысячелетия до н. э. на Северо-Восточном Кавказе складывается каякентско-хорочоевская культура, получившая свое название от имени Каякентского могильника в Дагестане и Хорочоевского — в горной Чечне. Будучи связанной многими своими элементами с культурой предшествующего периода, она характеризует уровень культурно-исторического развития местных племен Северо-Восточного Кавказа в третьей четверти II тысячелетия до н. э. (карта 3).

Поселения этого времени изучены пока недостаточно. Но и имеющиеся данные свидетельствуют о распространении глинобитно-каркасных, или турлучных, построек в предгорьях (Курчалой, Новолакское), а каменных — в горах (Верхний Гуниб). Почти повсеместно на Северо-Восточном Кавказе распространяется новый погребальный обряд, характеризующийся одиночными или парными захоронениями в каменных ящиках.

Продолжают существовать и развиваться те же отрасли хозяйства, что и в предшествующем периоде. Но в земледелии не прослеживаются заметных изменений, тогда как в скотоводстве возникает новая отрасль — коневодство. Кони использовались и для верховой езды, и для запряжки в легкие двухколесные колесницы и повозки, изображения которых имеются на стенке каменного ящика на Берикейском могильнике и среди наскальных изображений вблизи г. Буйнакса.

Изделия местных металлургов известны по находкам разнообразных украшений. Особенно характерны принадлежности женского головного убора в виде крупных пластинчатых височных подвесок, полусферических колпачков, трубочек-накосников, а также круглые браслеты с незамкнутыми концами. На одежду навешивали яркие, блестящие сурьмяные привески. Находки металлического оружия весьма редки.

Заметно беднее, однообразнее становится керамика. Полностью прекращается производство лощеных кубков, гладкостенных мисок и других видов столовой посуды. Продолжают изготавливаться и получают широкое распространение в горной Чечне и Дагестане всего три устойчиво повторяющихся типа горшков, поверхности которых покрывались перед обжигом характерной обмазкой из жидкой глины. Они различались лишь по орнаментации: керамика в горных районах украшалась налепными валиками либо поясами вдавленного узора, а на равнине и в предгорьях преобладал нарезной геометрический узор в сочетании с налечами.

Новым явлением в социальном развитии населения горных районов Чечни и Дагестана следует считать начавшийся в ту пору процесс дробления большесемейных общин. Это отразилось в заметном уменьшении размеров жилищ и особенно в погребальном обряде: на смену склепам — коллективным усыпальницам членов больших семей — приходят одиночные и парные захоронения в каменных ящиках. Однако родственные узы между парными семьями, входившими в большесемейные общины, были еще весьма крепкими. На родовых кладбищах захоронения в каменных ящиках располагались обычно отдельными группами, каждая из которых была оставлена близкими родственниками.

Племена каякентско-хорочоевской культуры поддерживали тесные связи с населением сопредельных областей Кавказа и степей Юго-Восточной Европы. Можно полагать, что контакты с племенами срубной культуры способствовали развитию коневодства на Северо-Восточном Кавказе, а вместе с тем — и применению легких повозок и боевых колесниц.

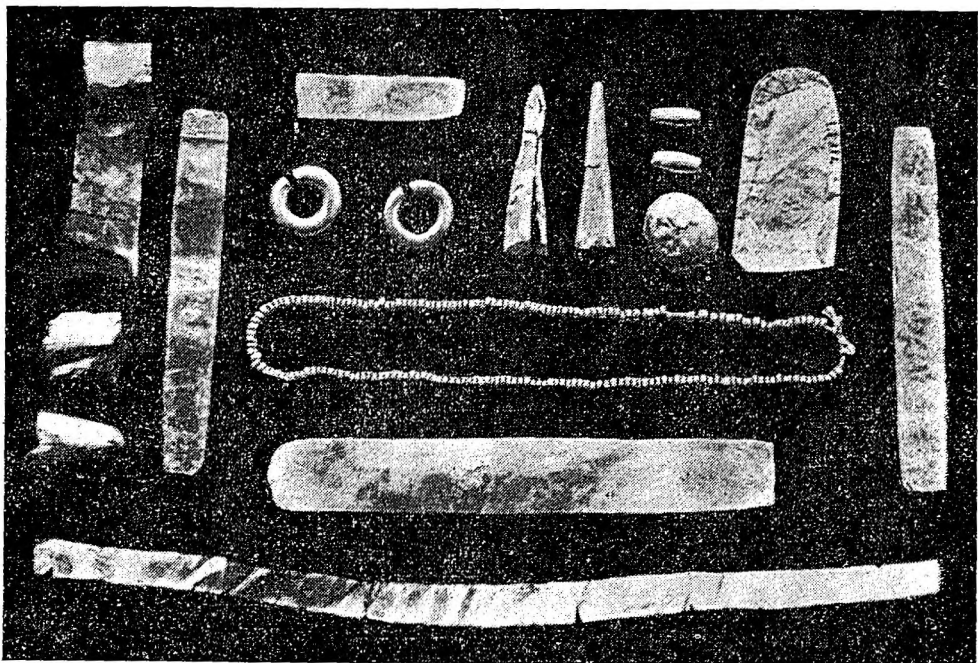

Рис. 4. Золотые украшения из Мальчикской подкурганной гробницы

Искусство эпохи бронзы. С искусством северокавказских племен эпохи бронзы нас знакомят наскальные изображения, культовые памятники, предметы домашней утвари и различные украшения.

Наскальные изображения, рисованные красками и выбитые или вырезанные на скалах, получают в эту эпоху широкое распространение. Значительное место в их тематике занимают солярные знаки. Солярной символикой стали наделяться и изображения животных: олени и козлы, а также птицы, обычно орлы. В росписях часто изображаются домашние животные. По-прежнему много рисунков диких животных и сцен охоты на них.

В конце эпохи бронзы появляются и изображения коней и всадников. И хотя все рисунки достаточно схематичны, многие из них очень выразительны и исполнены динамики.

На поселениях этой эпохи найдены глиняные фигурки, изображающие людей и животных. Человеческие (обычно женские) фигурки сильно стилизованы, фигурки же животных трактованы более реалистично. Появляются каменные антропоморфные стелы. Созданные первоначально как надгробные памятники, позднее они были использованы в качестве строительного материала (Нальчик). Покрывающий их лицевые стороны орнамент в виде треугольников, углов, концентрических ромбов и кривой сетки повторяет земледельческую символику, известную на Северном Кавказе по наскальным рисункам и орнаментам керамики. Нальчикские стелы — это древнейшие среди известных ныне на Кавказе образцы монументальной антропоморфной скульптуры.

Расцвет художественной обработки металла запечатлен в находках из курганов, среди них древнейшие на Кавказе образцы тореветики, множество других ювелирных изделий, отличающихся сложной техникой обра-

ботки, включающей чеканку, штамповку, гравировку, тиснение, литье по восковой модели и другие приемы.

Изделия из металла, отличающиеся высокими художественными достоинствами, представлены также в Старомышаотовском кладе, Новосвободненских доменах, Нальчикской и Кизлукской подкурганых гробницах и многих других памятниках (рис. 4).

Художественный вкус северокавказских гончаров проявился в отделке и орнаментации керамики и других изделий из глины. Особенно выделяются найденные на Верхнегунибском поселении рельефы со стилизованными изображениями пашни и быков и художественно оформленные штампы для украшения ритуального хлеба (Дагестан).

Нельзя не отметить успехи в развитии искусства резьбы по дереву, блестящим образцом которого является украшенная художественной резьбой доска от ларца из Кафркумукского могильника (Дагестан). Мотивы этой резьбы близко напоминают орнаменты на керамике эпохи бронзы.

3. Эпоха поздней бронзы

Конец II — начало I тысячелетия до н. э. (XI—VIII вв. до н. э.) — особый культурно-исторический этап на Северном Кавказе.

Господствующими типами хозяйства оставались земледелие и отгонное скотоводство специфической формы, обусловленной вертикальной зональностью Кавказского региона. В предгорьях сформировался так называемый придомный тип скотоводства с преобладанием в стаде домашних свиней и крупного рогатого скота.

В этот период окончательно утверждается пашенное земледелие, происходит дальнейшая культивация и направленный отбор известных с глубокой древности видов злаков (мягкой и твердой пшениц, ржи, проса-магары, нескольких сортов ячменя). Жатва производилась бронзовыми и редко железными серпами. Находки их известны из поселений начала I тысячелетия до н. э. и в кладах.

Развитие и рост производительных сил в конце II — начале I тыс. до н. э. выражались в расцвете металлообработки. Бронзовые предметы этого времени отражают высокое мастерство и глубокие знания приемовковки, литья, обработки поверхности предметов. Находки литейных форм на Северном Кавказе документируют полный переход отковки изделий к массовому литью в односторчатых и двусторчатых формах, к сложному литью по восковой модели. Широко распространяются оловянистые бронзы. Технологические навыки в области обработки меди и бронзы явились одной из предпосылок раннего знакомства северокавказских металлургов с железом.

Свидетельством раннего знакомства северокавказских племен с железом являются железные шлаки из слоя рубежа II—I тысячелетий до н. э. Нижне-Сигитминского поселения (Дагестан). Не менее показательны находки бронзовых изделий, инкрустированных железом, в погребениях конца II — начала I тысячелетия до н. э. в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

Важные качественные изменения происходили в этот период и в предкавказских степях. Из среды пастушеских племен выделились кочевые племена скотоводов, в хозяйстве которых основным стало табунное коневодство. Их взаимоотношения с оседлыми племенами Северного Кавказа складывались по-разному. Периоды длительных взаимовлияний нередко прерывались военными конфликтами.

На рубеже II—I тысячелетий до н. э. на Северном Кавказе жили прочно оседлые племена, создавшие ряд в общих чертах близких между собой археологических культур, в том числе кобанскую и позднюю каякентско-хорочоевскую. Вероятно, отдельная культура бытовала и в Прикубанье, но памятники этого периода здесь пока слабо изучены.

Кобанская культура. Горные области Центрального Кавказа по обе стороны Главного Кавказского хребта, а также северные склоны предгорий Центрального и частично Северо-Восточного Кавказа заселяли племена кобанской культуры, названной так по могильнику, открытому близ с. Кобан в Северной Осетии. Для носителей кобанской культуры эпохи расцвета (XI—VIII вв. до н. э.) характерна прочная оседлость. Поселки были расположены на естественно укрепленных возвышенностях (Серженьюртовское поселение в Чечено-Ингушетии, Земейское в Северной Осетии, поселение на Крестовой горе в Кисловодске). Жилища были наземные из камня и плетеного деревянного каркаса с глиняной обмазкой.

На отдельных поселениях прослежены остатки узких улочек, вымощенных булыжником. Строения, как правило, состояли из двух отделений: жилого и хозяйственного. В хозяйственной половине открыты остатки домашнего производства, костерезного, камнеделательного, гончарного. Особо выделяются сооружения, связанные с металлообработкой, что указывает на раннюю специализацию.

Могильники кобанской культуры располагались вблизи поселений. Захоронения производились в простых грунтовых ямах, в ямах со стенками, выложенными булыжником или плитками, в массивных каменных ящиках, перекрытых целыми или обломками плит. Покойники погребались в скорченной позе, на левом или правом боку, с руками, помещенными перед грудью или перед лицом. В могилу помещались глиняные и бронзовые сосуды, заупокойная пища, в том числе бараны или коровы. В мужских могилах конца IX — рубежа VIII—VII вв. до н. э. иногда погребался вместе с покойником и его конь с полным набором узда. В мужских могилах встречаются орудия труда, разнообразное оружие. В женских нередко глиняные грузики для веретей, швейные иглы, предметы, связанные с первобытной магией. Специфические формы украшений, оружия и особенно посуда хорошо выделяют носителей кобанской культуры среди других племен Кавказа и сопредельных областей. Посуда древних кобанцев разнообразна: корчагообразные чернолощенные сосуды, сосуды с округлым туловом и плавно отогнутым венчиком, миски, кружки. Сосуды центральной и западной групп украшались нарезным геометрическим узором, а для восточной группы характерен налепной орнамент. К середине I тыс. до н. э. отмечается общее огрубление техники домашнего гончарства и появление новых форм.

Племена Дагестана и Юго-Восточной Чечни. На востоке древние кобанцы соприкасались с потомками носителей каякентско-хорочоевской культуры. Поселения их располагались в естественно защищенных местах, а в случае необходимости они вместе с пашнями обносились еще дополнительно сложными системами оборонительных сооружений. Наряду с турлучными постройками появляются жилища с глинобитными стенками на каменном основании. Погребальный обряд в эпоху поздней бронзы устойчиво повторяет древний ритуал одиночных и парных захоронений в каменных ящиках. В начале I тысячелетия до н. э. к ним добавляется обряд захоронения в грунтовых могилах. Появляются захороне-

ния с многочисленным и разнообразным инвентарем, а в отдельных случаях — в сопровождении коней.

Земледельческо-скотоводческое хозяйство по-прежнему составляет основу экономики местного населения. Развивается местная металлургия. Исчезают пластинчатые височные подвески, колпачки, наконечники и сурьмяные бляшки, еще незадолго перед тем определявшие самобытный облик каякентско-хорочовской культуры. Взамен них появляются новые типы украшений — головные булавки, гривны, пуговицевидные бляшки. Увеличивается количество металлического оружия, которое непрерывно развивается и совершенствуется. Среди них — наконечники стрел разных типов, втульчатые наконечники копий, кинжальные клинки и кинжалы, а затем и мечи с литыми бронзовыми рукоятками, топоры и секиры, наверхия булав, а также принадлежности конской сбруи. Большинство этих видов оружия повторяло закавказские и переднеазиатские образцы. На их основе вырабатываются и своеобразные типы местного оружия — наконечники стрел, кинжалы, секиры. В начале I тысячелетия до н. э. появляются первые образцы железного оружия — ножи, наконечники копий, биметаллические кинжалы, у которых к стальным клинкам приделывались бронзовые рукояти.

Заметно интенсифицируются культурные связи, достигавшие порой весьма отдаленных областей. Развитие производительных сил, стимулировавшее быстрый рост различных отраслей производства, способствовало убыстрению процессов социального развития местного населения. Углубление имущественной, а затем и социальной дифференциации археологически документируется появлением богатых инвентарем погребений и особенно воинов-всадников. Появление на укрепленных городищах цитаделей, служивших постоянными резиденциями выделившейся знати, резкое возрастание количества оружия — все это новые социальные признаки, присущие обществам, уже вступившим на ступень так называемой «военной демократии».

Прикубанская культура. На Северо-Западном Кавказе в конце II — начале I тысячелетия до н. э. отмечено существование особого прикубанского очага металлообработки, близкого кобанскому. В бассейне левобережья Кубани известны две группы различающихся между собой археологических памятников. Верховья Кубани примерно до Урупа были заняты на рубеже II—I тысячелетий и в начале I тысячелетия до н. э. верхнекубанской группой западного варианта кобанской культуры (Заслонкинское поселение, Инжучукунский могильник, Кяфарский клад и т. д.). Вторая группа памятников локализуется в бассейне левых притоков среднего течения Кубани (Большая, Малая и Белая Лаба, Фарс и др.). Видимо, ее следует относить к особой культуре Северного Кавказа позднебронзового века, которую можно назвать Прикубанской. Ранние ее памятники представлены отдельными находками X—IX вв. до н. э. в районе Пидунды и Сочи. Развитой этап этой культуры представлен и так называемыми протомеотскими памятниками VIII—VII вв. до н. э. (Николаевский, Кубанский, Колосовский, Ясеновополянский могильники) в Адыгее. Они показывают оседлый образ жизни скотоводческо-земледельческого населения с развитой металлургией бронзы и знакомого с первыми железными изделиями. Погребения совершались в грунтовых ямах в скорченной позе на боку и сопровождалась богатым и разнообразным инвентарем. Имели место и захоронения в вытянутой позе на спине. Отмечены могилы всадников с захоронениями коня в уздечке, причем в могилу погребали не всю тушу лошади, а только шкуру с конечностями и

головой. В погребениях найдены кости домашних животных (коровы, лошади, овцы, свиньи). Особо выделяет эти памятники Северо-Западного Кавказа набор характерной для них керамики (корчагообразные сосуды с малым дном и шаровидным туловом, кувшинчики с ручкой, чарки или черпалки с высокими ручками, украшенные нарезным геометрическим орнаментом, миски с широкими ручками с «рожками»). Материалы из Прикубанья обнаруживают близость к кобанской культуре. Для памятников Прикубанья и кобанской культуры характерны одинаковые формы конской узды, кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа, бронзовые секиры, некоторые украшения. Так же, как и кобанские племена, население Прикубанья к первым векам I тысячелетия до н. э. находилось на стадии разложения первобытнообщинного строя. Экономически это выражалось в дальнейшем развитии производительных сил, в накоплении богатств в руках избранных (всадническая и жреческая верхушка), в значительном развитии металлообработки бронзы и железа и домашних ремесел. Особо следует подчеркнуть роль племен Прикубанья в развитии натурального обмена и в укреплении регулярных торговых связей Северного Кавказа с Восточной Европой, что было обусловлено особым посредническим положением этой территории на пути транзита не только материальных предметов (оружия, конского снаряжения), но и культурных явлений. Племена Северо-Западного Кавказа способствовали проникновению в горные районы, а также далеко в области Северо-Восточного Кавказа предметов из Восточной и Центральной Европы (наконечников копий и конской узды так называемого трансильванского типа, ножей, кельтов, кинжалов так называемого срубного типа). В свою очередь, через Прикубанье распространялись далеко на запад, в Средней и Юго-Восточной Европе, в Северном Причерноморье, в Нижнем Подонье и в Поволжье северокавказские предметы конца II — начала I тысячелетия до н. э. (боевые топоры кобанского типа, бронзовые сосуды, ножные бронзовые браслеты, украшения и др.).

Киммерийцы. Киммерийцы были первыми обитателями Северного Причерноморья, чье древнее имя дошло до нас благодаря письменным источникам.

Источники (ассирийские и греческие) содержат как мифологические, видимо, более ранние данные, так и вполне конкретные сведения об этих племенах³. Судя по этим данным, «люди киммерийские» исконно занимали земли по берегам Черного моря, а затем были вытеснены отсюда скифскими племенами, пришедшими с востока. Поскольку имя киммерийцев в форме «гимирри» упоминается в источниках уже в 20-х годах VIII в. до н. э. безотносительно к скифам, некоторые ученые полагали, что часть киммерийцев ушла из Причерноморья в Малую Азию уже в конце II — начале I тысячелетия до н. э. через Балканы. Затем это переселение повторилось в начале VII в. до н. э. через Кавказ по Меотидо-Колхидскому пути, после чего пребывание их в Передней Азии стало связано с политическими событиями конца VII в. до н. э. в Ассирии, Мидии и Урарту. В начале VI в. до н. э., как пишет Геродот, мидийский царь Алиатт (615—656) «изгнал киммерийцев из Азии»⁴. Дальнейшая судьба их неизвестна. Археологи выделяют и комплекс предметов, которые относятся к киммерийским. Вероятно, генетически они были связаны с племенами срубной культуры. Северо-Западный Кавказ и Азово-Прикубанская территория были главным плацдармом для походов киммерийцев в Закавказье и Малую Азию. Об этом, в частности, свидетельствуют изделия степных типов из Прикубанья (станция Удобная) и центральной части

Предкавказья (ст. Бекешевская, сел. Курц, Каменноостское). Активизация межплеменных отношений способствовала втягиванию северокавказских племен рубежа II—I тысячелетий до н. э. в общий процесс передвижения народов.

Интенсивные межплеменные связи способствовали постепенным изменениям внутри родоплеменного общества. Наряду с имущественной дифференциацией и накоплением частной семейной собственности шло оформление социальных групп и закрепление их иерархической соподчиненности друг к другу. Имущественно обособляется патриархальная семья. Участие северокавказских военных дружин в союзах племен, расселение кобанцев, возвышение государства Урарту усилили связи обоих склонов Большого Кавказского хребта и более южных районов вплоть до Передней Азии. В памятниках горного Кавказа встречены ассирийские и урартские племя (Дигория), кивжалы луристанского (Дагестан, Северная Осетия) и кахетинского (Чечено-Ингушетия) типов, закавказские топоры (Дагестан, Северная Осетия), конская узда средиземноморского типа (Северная Осетия). В свою очередь, кобанские изделия конца II — начала I тысячелетия до н. э. известны в Закавказье (Мусиери, Банис-Хеви, Лечхум, Хртноц, Астхиблур, Варташен и др.).

В это время зародились эпические циклы, оформившиеся позднее в знаменитые сказания нартского эпоса. Героики древних донесли предметы прикладного искусства эпохи поздней бронзы — раннего железного века (кобанская глиняная и бронзовая антропоморфная и зооморфная пластика, наскальные изображения Дагестана).

Верования и духовный мир населения Северного Кавказа в эту эпоху соответствовали общему развитию патриархально-родового общества. Одухотворение сил природы, культ плодородия, поклонение предкам и духам-покровителям земледелия, скотоводства, ремесел и охоты отчетливо угадываются в атрибутах святилищ (Змейское и Серженьюртовское поселения), в жертвенниках с костями животных, в предметах, связанных с магией. Особую роль играло жречество, занимая верхние ступени структуры северокавказского общества.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 160.

² Там же. С. 162.

³ Геродот. История. В 9 кн. Л. 1972. I, 6, 15—16, 108; IV. 1, 11—13; VII, 20. (Далее: Геродот.)

⁴ Геродот. I, 16.

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

1. Освоение железа и его социально-экономические последствия

Последствия освоения железа на Северном Кавказе. В начале I тысячелетия до н. э. происходит переход от эпохи бронзы к раннему железному веку. Начинается период, когда «человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории...», когда появились «орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов»¹.

Производственное освоение железа на Северном Кавказе началось с VIII в. до н. э., а со второй половины VII—IV в. до н. э. железо стало основным материалом для изготовления орудий производства и оружия.

При переходе к раннежелезному веку получили дальнейшее развитие местные культуры в разных областях Северного Кавказа. В Прикубанье не позднее VIII—VII вв. до н. э. складывается культура древнеомеотских племен, представленная Николаевским, Кубанским и многими хронологически следующими за ними могильниками, поселениями и городищами. На Центральном Кавказе продолжает свою эволюцию кобанская культура, наиболее яркие памятники которой исследованы в Пятигорье (могильники: у мебельной фабрики г. Кисловодска (№ 1), Султан-Горский (№ 1), Минераловодческий и др.), Кабардино-Балкарии (могильники: Каменно-мостский, Заюковский, Нижне-Чегемский и др.), Осетии (поселение Змейское, могильники: Кобанский, Глийский, Моздокский, Корца и др.), Чечено-Ингушетии (поселения Серженьюртовское, Бамутское, Алхастинское, Ханкальское 2-е; могильники: Серженьюртовский. Аллеровский 1-й, Луговой, Нестеровский, Новогрозненский и др.). Племена, населявшие территорию Дагестана и прилегающих к нему районов Юго-Восточной Чечни (Ичкерии), были носителями культур, сложившихся на основе каякентско-хорочоевской культуры и оставивших поселения Шах-Сенгер, Аркас, Урцеки, Макинское; могильники Зандакский, Мугерганский, Хабдинский, Шаракунский, Яман-Су, Балан-Су, Ялхой-мохк и др.

Бытовые памятники этой эпохи разнообразны. На большей территории края продолжает сохраняться много открытых поселений, расположенных порою в естественно защищенных местах (на р. Куксе — правом притоке Кубани у сел. Красногвардейское, Хумаринское, Змейское, Бамутское, Аллероевское 1-е, Макинское, Согратлинское и др.). С IV в. до н. э. возникли специально укрепленные поселения, обнесенные валами и рвами. Некоторые из поселений имели уже и небольшие крепости, служившие резиденцией местной знати в Прикубанье: Старо-Корсунские, Воронежские, Ладожские и др.; Сурхахинское, Ханкальское 2-е и др. — на Северо-Восточном Кавказе. Укрепленные поселения — городища — существовали с самого начала раннежелезного века: Шах-Сенгер, Урцеки и др.

При раскопках поселений и городищ обнаружены остатки жилищ. В горной зоне они обычно сложены из камня на глинистом растворе, в плоскостной — турлучные и сырцовые. Жилища состояли из нескольких прямоугольных помещений, внутри которых находился очаг, а иногда и закрытая печь для выпечки хлеба. Отмечены элементы благоустройства поселков (булыжные мостовые и дорожки, мусорные ямы с дезодорирующими зольными прокладками и пр.). Вероятно, что такие жилища принадлежали уже малым семьям.

Вблизи бытовых памятников располагались могильники той же поры. В плоскостной зоне Северного Кавказа преобладали грунтовые (реже подкурганые) захоронения одиночных, скорченных на боку костяков. В горах и предгорьях могилы оформлены камнем (каменные ящики, обкладка и засыпка булыжником грунтовых ям, перекрытие их плитами и т. п.) и чаще встречаются коллективные погребения. Умерших сопровождал разнообразный инвентарь, включавший посуду, орудия труда, оружие, украшения.

Основу хозяйства населения Северного Кавказа, как и в предшествующую эпоху, составляло земледелие, которое доминировало на равнине и в предгорьях, и скотоводство, роль которого возрастала в высокогорье и которое господствовало в некоторых районах безлесных степей. Обе эти отрасли сельского хозяйства теперь существенно продвинулись в своем развитии.

Земледелие было плужным, причем деревянные плуги начинают оснащаться железными наральниками и лемехами. Наряду с отживающими серпами с кремневыми вкладышами и массовыми из бронзы появились железные серпы и садовые ножи (Серженъюрт, Аркас, Хабада). Обмолот зерновых производился молотильными досками; для рушки и размола зерна употреблялись каменные ступки, зернотерки и даже примитивные каменные жернова (Семибратнее городище, Луговое поселение).

С распространением железных орудий труда повсеместно расширились площади обрабатываемых земель, а на Северо-Восточном Кавказе интенсифицировалось строительство искусственных земледельческих террас в горных районах и предгорьях. Зарождались элементы искусственного орошения полей.

Большинство обрабатываемых угодий использовалось под яровые и озимые посевы зерновых (пшеница, ячмень, просо), культивировались бобовые — чина, вика, конопля. Часть земель отводилась для садоводства, а в прибрежных районах Каспия и Черноморья — виноградарства.

Запасы зерна хранились в специально подготовленных ямах с тщательно обмазанными глиной (а иногда специально обожженными) стенками. Для хранения муки, моченых фруктов, молочных продуктов и вина использовались крупные глиняные сосуды.

Судя по костным остаткам на поселениях, поголовье домашнего стада состояло в основном из крупного и мелкого рогатого скота и свиней, составлявших большую часть мясного рациона. Скотоводство носило пастьбицкий характер с обычно преобладающей ролью крупного рогатого скота, а в горной зоне Центрального Кавказа, вероятно, овцеводства. Предгорная форма овцеводства и преобладание свиноводства были характерны для предгорной зоны Северного Кавказа. Наличие отгонного (яйлачного) скотоводства для данной эпохи отрицается специалистами применительно к Дагестану и признается реальным для территории бытования кобанской культуры, носители которой издревле поддерживали связи с обитателями равнин, заключая с ними взаимовыгодные союзы.

С появлением конницы быстро развивается коневодство. В горах су-

ществовал местный тип толстоногой лошади, приспособленной к рельефу. На равнине табуны коней были близки по типу к табунам кочевых народов Евразии. В Дагестане, по земле которого проходил важнейший путь через Кавказ, бытовали евразийские породы лошадей.

Развивалось и птицеводство. А подсобную роль в обеспечении населения пищей играли охота и рыболовство. Последнее, однако, было наиболее развито в приморских районах и в долинах таких рек, как Кубань, Терек, Сулак и др.

Существенную функцию в хозяйственной деятельности играли и другие отрасли производства и промыслы. Особенно быстро развивалось железоделательное производство, базирующееся к середине I тысячелетия до н. э. на рудах Дагестана, верховий Кубани, Центрального Кавказа.

О наличии местного кузнечного производства свидетельствуют остатки сырцового горна на Аркаском городище, где во множестве встречены также железные шлаки, бракованные железные изделия и даже запасы сидеритовых руд. Железные шлаки обнаружены и на Макинском, Нестеровском, Мартан-Чуйском № 3, Хумаринском поселениях. Но ярче всего оно подтверждается частыми со второй половины VII, а особенно массовыми начиная с VI в. до н. э. находками железных изделий в памятниках всего Северного Кавказа. Обычными становятся железные мечи, боевые серповидные ножи, наконечники копий и стрел, удила. Микроструктурный анализ этих изделий показал, что они изготовлялись из сырцово-кованной стали с применением горячейковки, а в немногих случаях — и закалки. Подавляющее большинство предметов из железа в VI—V вв. до н. э. изготовлялось на месте не без влияния, однако, развитых железоделательных традиций Закавказья и Северного Причерноморья.

С широким распространением железа и изготовлением из него основных орудий труда и оружия роль цветных металлов отходит на второй план, но бронзолитейные мастерские продолжают существовать. Кроме бронзовых наконечников стрел и редких образцов защитных доспехов, биметаллических кинжалов и мечей, бронза служит теперь только для изготовления принадлежностей одежды (пряжки, пояса, фибулы, булавки, бляхи и пр.), украшений (браслеты, височные кольца, гривны, перстни и пр.), частей конского убора и предметов художественной пластики (культовые фигурки людей и животных). Многие из бронзовых, а также реже встречающихся серебряных и золотых изделий того времени выполнены с большим художественным вкусом и мастерством.

Продолжает совершенствоваться керамическое производство. Оно повсеместно на Северном Кавказе сохранило традиции предшествующего времени в типах и орнаментации посуды. В некоторых памятниках Дагестана и Чечено-Ингушетии встречены крупные сосуды-хранилища и кувшины, напоминающие своей отделкой закавказские образцы, изготовленные уже на гончарном круге медленного вращения. У племени Прикубанья под влиянием античной культуры на грани V—IV вв. до н. э. широко распространился гончарный круг, приведя к господству сероглиняной посуды весьма разнообразных форм и высокого качества.

Прогрессирует ювелирное, плотничье и столярное дело. Кожевенное, косторезное и особенно прядильно-ткацкое производства чаще всего не выходят за рамки домашних промыслов.

С применением железных орудий — тесел, молотов, топоров, долот и пр. — в некоторых районах развивается фортификационное дело: сооружение рвов, валов, тынов вокруг городищ, а в ряде местностей (Дагестан, возможно, Центрально-Кавказское высокогорье) — добыча, обработка и

использование строительного камня, в том числе и при воздвижении оборонительных стен (Урцекки, Таргу), бытовых и хозяйственных построек, благоустройства дорог и т. п.

Интенсивное развитие местной железной и цветной металлургии и металлообработки, применение гончарного круга, возросший уровень строительного дела — все это признаки заметной специализации некоторых отраслей производства, постепенно выделявшихся (особенно в Прикубанье и Дагестане) в ремесленные отрасли хозяйства. Этим самым был сделан большой и важный шаг по пути ко второму обществу общественному разделению труда — отделению ремесла от земледелия.

Рост производительных сил и обусловленное этим возрастание продуктивности различных отраслей производства способствовали не только увеличению общественных богатств, но и возрастанию самого населения. Все чаще отпочковываются от материнских общин новые коллективы, устремлявшиеся на поиски неосвоенных земель или теснивших соседнее население. Количество оседлого населения увеличивалось за счет оседания кочевых и полукочевых элементов, в том числе и принадлежавших к местным группам племен. В условиях горского малоземелья и зафиксированной в районе современной Северной Осетии археологическими памятниками густоты населения это порождало все более частые и ожесточенные столкновения между родами и племенами за обладание жизненно необходимыми угодьями. Усилилось освоение плодородных плоскостных земель. Резко возрастает военная опасность, свидетелем чего может служить начавшееся в то время возведение укреплений вокруг поселений, а в некоторых случаях и вокруг пахотных участков (Шах-Сенгер).

Массовые переселения, частые военные походы и столкновения укрепили власть родоплеменной верхушки, способствовали сосредоточению в ее руках значительных богатств, поступавших в виде военной добычи, в результате межплеменного обмена, а также в качестве производимого соплеменниками прибавочного продукта. Некоторые укрепленные поселения служили во время военных столкновений узлами обороны, а в обычных условиях — резиденциями местных правителей. На родовых могильниках встречаются погребения, резко выделяющиеся богатством вещевых наборов, включающих и изделия из драгоценных металлов, а порою и погребальным обрядом. Практикуются сопутствующие захоронения отдельных черепов (Дагестан) и умерщвленных людей, что подтверждает существование рабов из числа пленных (курганы знати в Прикубанье, Нижне-Чегемский могильник). Однако рабство не получило широкого распространения и оставалось на стадии патриархального.

Но и масса рядовых общинников не оставалась однородной. Соответственно возросшей производительности труда малая семья становится средоточием зарождающейся частной собственности. Это способствует дальнейшему росту имущественной и социальной дифференциации внутри общин. «Семейные» участки и коллективные (семейные) захоронения на многих могильных полях отличаются теперь степенью состоятельности погребенных. Свободные члены общины постепенно разделялись на рядовых общинников и военную аристократию, группировавшуюся вокруг вождя и составлявшую дружину, часто конную. Последняя была оснащена дорогостоящим оружием и иным снаряжением, что засвидетельствовано материалами погребений, а также изображениями всадников в наскальных рисунках (Дагестан) и металлопластике.

В ту тревожную эпоху группы родственных, а порою и просто соседствовавших племен объединялись в крупные территориальные союзы, способные не только противостоять вражеским набегам, но и своими силами

совершать таковые. Вместе с ними возникают и новые звенья организационно-управленческой и военной власти, формируется общество типа военной демократии, «военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»².

Все эти процессы активно стимулировали разложение первобытнообщинного строя, заметно ослабляли родовые отношения, способствовали замене их новыми территориальными или соседскими отношениями. В этих условиях еще более усиливается значение имущественного и социального неравенства, создаются предпосылки к формированию классового общества, а с ним — к возникновению государственности.

Разумеется, отмеченные процессы в различных областях Северного Кавказа протекали неодинаково. Более динамичным было население плоскостных и приморских районов и территорий, прилегавших к важнейшим путям через Кавказ (Дербентский и Дарьяльский проходы, Меото-Колхидская дорога). Замедленнее шло развитие в высокогорной зоне. Но общие тенденции с началом железного века затронули всех.

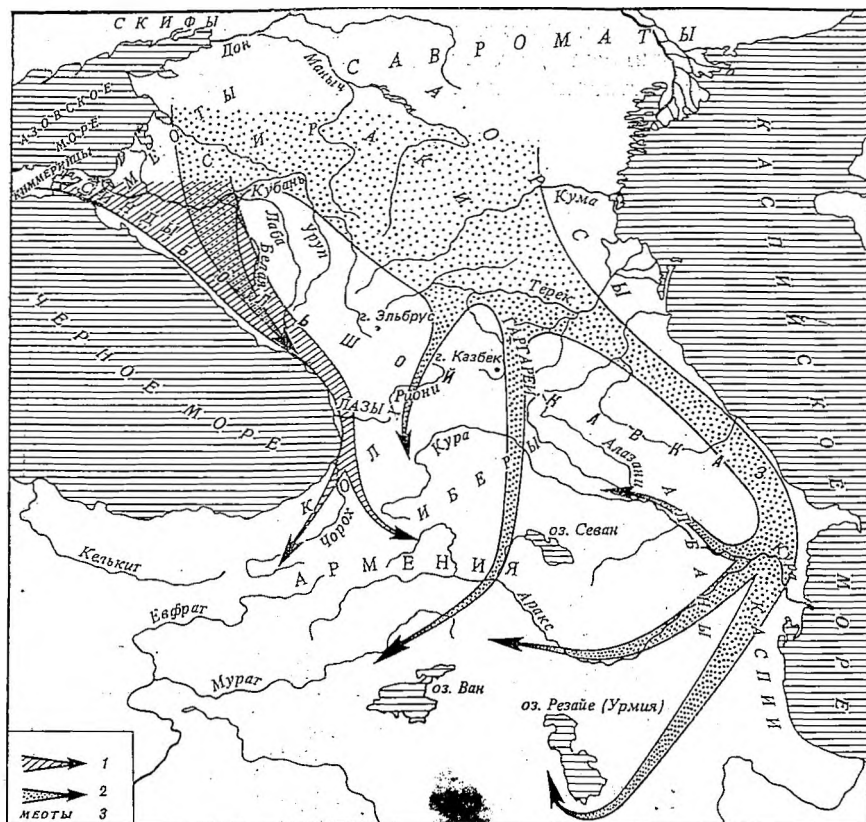
Скифы на Северном Кавказе и их контакты с местными племенами. Согласно последним исследованиям, складывается мнение, что древнейшей областью обитания скифов (не позднее VIII в. до н. э.) были степи в низовьях р. Дон (Танаис) и северные районы Предкавказья. Это не могло не привести к тесным и двусторонним контактам с кавказскими аборигенными племенами. Скифы являлись, вероятнее всего, потомками срубных племен Северного Причерноморья, хотя существует мнение и об их приходе в Европу из Азии в VII в. до н. э. Как бы то ни было, они имели кочевническую культуру (весьма близкую киммерийцам), на заре рассматриваемой эпохи отождествляемую скорее всего с культурой «типа Новочеркасского клада» (карта 4).

Однако в 70-х годах VII в. до н. э. сложившаяся обстановка была решительно изменена серией скифских походов из Северного Причерноморья в Закавказье и на Ближний Восток. Основной дорогой скифов был Прикаспийский путь через Дербентский проход, хотя некоторые отряды их использовали и менее доступные перевальные тропы через Дарьяльское ущелье, Мамисонский и Клухорский перевалы и т. п., а также Меото-Колхидскую дорогу. Скифы и сопутствующие им савроматы вступили в военное столкновение с северокавказскими обитателями плоско-сти, что привело к гибели ряда поселений (Аллероевское 2-е, Шах-Сенгер и др.) и временному сокращению численности местного населения. Возможно, часть местных насельников была вовлечена в скифские походы.

Военно-политическая активность скифов в Азии длилась вплоть до начала VI в. до н. э. За это время и не без участия кавказских элементов выработался тот комплекс черт, который характеризует скифскую степную культуру и более всего ее оружие, конскую сбрую, оригинальное искусство и пр. Археологический облик собственно скифов, окончательно обосновавшихся в Северном Причерноморье, был близок облику многих народов евразийских степей и лесостепей, в том числе савроматов, обитавших в VI в. до н. э. в Северном Прикаспии, где в области Донско-Волжского междуречья они соприкасались с Северным Кавказом.

С VII—VI вв. до н. э. на Северном Кавказе наблюдается изменение облика местной материальной культуры, основанной на сочетании традиционных археологических форм с формами степного скифского типа. Оно определялось не столько дальнейшим присутствием в предкавказских степях кочевнического населения — потомков азиатских скифо-

Карта 4. Походы скифов через Кавказ (по В. И. Крупнову). 1 — Походы киммерийцев в VIII в. до н. э., 2 — Походы скифов в VII в. до н. э., 3 — Племена и народности Кавказа (по данным античных авторов).

сарматских племен, оставившего курганы типа Ставропольских, Нартаиских, Гвардейского и, вероятно, Келермесских. Значительно важнее, что эпоха скифских походов и последующие события привели к заметному оживлению хозяйственно-культурных взаимоотношений местного населения с окружающим миром.

Археологические материалы позволяют проследить связи с одновременными памятниками Крыма, Северного Причерноморья и Прикаспия, Среднего Поволжья. Контакты тут были взаимными. В местных могильниках и культурных слоях поселений часто встречаются предметы вооружения, конской сбруи, изобразительного искусства, исполненные в характерных скифских и савроматских традициях. В комплексах же Поднепровья, Подонья, Поволжья находят бронзовую посуду, оружие, украшения, керамику, привезенные с Северного Кавказа. Происходило взаимное обогащение приемов кузнечного, ювелирного, гончарного ремесел. Складывалась известная общность ряда элементов культуры, затрагивавшая прежде всего всадническую верхушку местных племен. В свою очередь, скифское население Предкавказья подвергалось культурному воздействию своих савроматских, местных, кобанских соседей.

Из Закавказья и Передней Азии во множестве поступали украшения, в том числе многоцветные бусы из пасты и стекла, а также детали

металлических доспехов, некоторые образцы оружия, посуды. Местные племена, и в особенности Дагестана, исторически приобщались к культурным и производственным достижениям смежных с юга областей и стран.

Плодотворным контактам с окружающим миром не препятствовали политеистические, языческие религиозные представления, одухотворяющие силы и явления природы. Они в границах региона имели много общего. От более ранних периодов сохранились пережитки тотемистических верований; бытовали и развивались различные земледельческие, скотоводческие, охотничьи культы, воплотившиеся в образах людей и животных в металлопластике, орнаментации сосудов, в наскальных рисунках, каменных алтарях и пр.

Ярким примером религиозно-магического и изобразительного синтеза стали местные образцы изделий, выполненных в так называемом скифо-сибирском «зверином» стиле. В самом возникновении последнего северокавказские традиции и мотивы сыграли известную роль. В свою очередь, заимствовав от ираноязычных кочевников Евразии многие сложные схемы и стилистические приемы трактовки зооморфных магическо-декоративных сюжетов, северокавказские мастера (в особенности у меотов и жителей плоскогорий кобанцев) перерабатывали их (с большей или меньшей основательностью), применяя к собственным изобразительным вкусам и обычаям.

В целом обстановка периода освоения железа в существенной мере активизировала местный исторический процесс, предопределив его дальнейшее своеобразие.

2. Племена Северного Кавказа

Синды и меоты. Основным населением Северо-Западного Кавказа на всем протяжении раннежелезного века являлись меоты и племена Черноморского побережья Кавказа — керкеты, тореты, зихи, ахеи, этнически родственные между собой. Термин «меоты» является собирательным, объединяющим ряд небольших родственных племен. Впервые меоты упоминаются в античных источниках, относящихся к VI в. до н. э. Затем сведения о них становятся обычными у целого ряда древнегреческих и римских авторов. Страбон сообщает, что к числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореаты, аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, досхи и многие другие³. Названия меотских племен встречаются также и в эпиграфических памятниках Боспора, в которых упоминаются синды, всессы, фатеи, досхи, дандарии и тореаты. Об их этнической принадлежности идут большие споры.

Большинство кавказоведов относят меотов к кавказским племенам. На основании анализа местных языков, топонимики и ономастики Северо-Западного Кавказа ряд исследователей обосновывают принадлежность древнего меотского населения к адыго-кабардинскому этническому массиву, что согласуется и с археологическими памятниками, свидетельствующими о глубокой самобытности сложения и развития меотской культуры и ее связи с последующими культурами средневековых адыгов.

Античные авторы помещают меотов по восточному побережью Азовского моря, в нижнем и среднем течении р. Кубани. На основании археологических исследований территория, занятая меотами, очерчивается в следующих границах: на западе — Азовское море, на юго-востоке — Черное море. Южная граница шла по северному склону Кавказского

хребта; на севере, в степной части, меоты граничили с савроматами, на востоке же граница расселения меотских племен доходила до Ставропольского плато (район нынешней станицы Темижбековской). Далее по правобережью Кубани вплоть до станицы Прочнооконой меотских городищ нет. По р. Урупу и восточнее ее впадения по р. Кубани жили племена, этнически родственные меотам.

Локализовать отдельные меотские племена на современной карте пока навряд ли возможно. Единственным исключением в этом отношении являются синды, которые занимали Таманский полуостров, левобережье Кубани и Черноморское побережье до Анапы. Согласно Псевдо-Скилаку (вторая половина IV в. до н. э.), за Синдской Гаванью жили керкеты, далее — тореты, ахеяне, моски, а за ними — гениохи. Страбон же первыми называет ахеян, за ними — зихов и лишь далее — керкетов⁴.

Несколько неясным остается вопрос о меотах, населявших северную часть Восточного Приазовья, дельту Танаиса и более западные области побережья Меотиды. Они по своей археологической культуре отличаются от меотов Прикубанья. В связи с этим высказано мнение, что их культура сложилась на разных основах. Северная группа меотов, жившая издавна среди ираноязычных обитателей южнорусских степей, в том числе скифов и савроматов, могла быть ираноязычной искони или рано подвергнуться иранизации, т. е. относиться к меотам косвенно, будучи лишь покрываема этим этнонимом.

До недавнего времени некоторые советские археологи заведомо синдо-меотские памятники, такие, как Семибратние курганы, Карагодеушские, без достаточных оснований причисляли к скифским, полагая, что часть скифов продолжала жить на Кубани «вперемешку с аборигенами» — синдами и меотами. На самом деле, хотя история меотов и взаимосвязана со скифами и савроматами, сами меотские племена составляли самостоятельную большую группу аборигенных племен, игравших значительную роль в исторической жизни всего юга нашей страны.

У местных племен Прикубанья и Восточного Приазовья существовало два хозяйственных уклада: земледельческий — у оседлых племен и кочевое скотоводство с преобладанием коневодства — у кочевников и полукочевников. Кочевники занимали в основном степную правобережную часть Прикубанья. Оседлое население жило по восточному побережью Азовского моря и по нижнему течению степных рек, не заходя далеко в степь, по правобережью Кубани и по ее левым притокам. По высокому берегу Кубани городища тянутся почти непрерывной цепью — от станицы Марьянской и далее на восток — до станицы Темижбекской, где Кубань делает резкий поворот на запад.

Основным занятием меотов были плужное земледелие и пастушеское скотоводство. Кроме них, одной из важных отраслей хозяйства меотов являлось рыболовство. Меоты применяли сетяные орудия лова (типа невода, сетей) и крючковую снасть. В низовьях Кубани и в Приазовской низменности главное промысловое значение имели судак, осетровые, сазан; на Средней Кубани — сазан, осетровые, сом.

Несмотря на преимущественно земледельческий характер экономики у меотов, у них довольно рано отмечается развитие ремесел и промыслов, обычных для данной эпохи.

В раннемеотское время в основе общественного строя у племен Прикубанья лежит родоплеменная организация, низшим социальным звеном которой является семья. С развитием производительных сил, торговли, войн происходит накопление богатств в руках отдельных семей, дальнейший рост имущественного неравенства, проникающего в среду и рядовых

общинников. Основная часть местных племен Северо-Западного Кавказа пребывала на ступени «военной демократии» с присущим ей племенным делением; главенством вождей и наличием военной дружины вокруг них, противопоставляемой рядовым общинникам.

Племена кобанской культуры. К востоку от Кубани в VII—VI вв. до н. э. расселились племена носителей кобанской культуры. Территория их обитания охватывала горную зону Северного (а в районе Осетии и южного) склона Центрального Кавказа до Аргунского ущелья на востоке и плоскостные районы, простирающиеся на левобережье верховий Кумы и среднего течения Терека, а на востоке — до Аксая.

Конкретные названия этих племен неизвестны, лишь Страбон сохранил этническое имя гаргарей, относящееся, очевидно, к части плоскостных кобанцев бассейна Терека и Сунжи².

Носители кобанской культуры, очевидно, относились к иберийско-кавказской языковой семье. Однако среди современных специалистов не существует единства по вопросу о том, с каким из последующих языков народов Северного Кавказа генетически связана речь кобанцев.

В скифское время углубляются локальные отличия в единой кобанской культуре. За этими отличиями скрывается специфичность исторического пути конкретных племен, хотя постоянно фиксируются и внутренние миграционные процессы внутри кобанской общности.

Больше традиционных черт сохраняют кобанцы горной зоны. В их хозяйстве преобладает овцеводство, имеющее, вероятно, отгонный характер. Сохраняется высокий уровень бронзолитейного дела наряду с развитием металлургии железа. Поселения горных кобанцев практически не исследованы, а по материалам могильников они предстают людьми, удерживающими основные ~~исходные~~ обычаи и обряды, хотя и не изолированными от внешнего мира и международных связей эпохи (прежде всего со степями юга России и с Закавказьем).

Племена, населявшие округу Пятигорья, были более подвержены внешним влияниям, сказывающимся и в эволюции погребального обряда (появление вытянутых на спине захоронений с западной ориентировкой), и в появлении новых черт в материальной культуре, особенно в оружии, конской сбруе, новых черт в изобразительном искусстве. Далеко ушли на этом пути и кобанцы северокавказских равнин и предгорий к востоку от Баксана. Оседлые земледельцы, как и их пятигорские соседи, они оставили многочисленные поселения и городища с мощными культурными напластованиями. Плоскостные кобанцы оказались вынужденными жить вперемешку с кочевниками — остатками скифских орд времен их походов через Кавказ — и постоянно проникающими в эти районы савроматскими выходцами (Нальчикские, Нартанские, Вольно-Аульские, Гойтинские, Мескер-Юртовские и другие курганы). Здесь наблюдается проникновение степняков в среду местного населения, но оно незначительно (примерное соотношение 1:12) и не позволяет согласиться с предложением о завершении в скифское время языковой или любой иной ассимиляции даже только плоскостных (а тем более горных) кобанцев. Напротив, сами ираноязычные в своей основе кочевники, оказавшись среди кобанцев на долгий срок, постоянно подвергались их влиянию, восприняли многие местные элементы культуры. Последние особенно ярко отразились в керамике, бронзовых украшениях (фибулы, браслеты и др.), некоторых типах вооружения (боевые ножи, кинжалы, наконечники копий, стрел и пр.), металлической зоо- и антропоморфной пластике.

Племена кобанской культуры активно общались со своими соседями на Северо-Западном и Северо-Восточном Кавказе. В пограничных зонах культура имела смешанный характер.

Племена Северо-Восточного Кавказа. Племена, обитавшие на территории Ичкерии и Дагестана, являлись также коренным местным населением и были носителями восточнокавказских языков. Переживание в их культуре древних элементов, присущих местным культурам середины II — начала I тысячелетия до н. э., дает основание считать эти племена прямыми потомками носителей каякентско-хорочоевской культуры Северо-Восточного Кавказа. В их среде возникали и новые, несвойственные соседним культурам элементы: прямоугольные поясные пряжки со своеобразной, иногда ажурной орнаментацией, височные кольца с разомкнутыми и расходящимися концами, что может свидетельствовать о наличии этнокультурных связей между оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами данного ареала.

Но обстановка той изобиловавшей военными столкновениями эпохи не способствовала и здесь длительному сохранению подобных связей. На протяжении эпохи раннего железа на Кавказе сохраняется та этническая пестрота, которая впервые засвидетельствована на карте Геродота⁶ еще в середине I тысячелетия до н. э. и которая доживает до нового времени.

К сожалению, из-за недостаточной изученности соответствующих памятников в настоящее время не представляется возможным выявить локальные варианты местных культур скифского периода (кроме очевидного обособления древностей Ичкерии, испытавшей все возрастающее влияние кобанской культуры на фоне остальной части Северо-Восточного Кавказа), чтобы на этой основе более конкретно обрисовать течение данного процесса.

Северными соседями всех северокавказских аборигенов в VI—IV вв. до н. э. оставались савроматы Волго-Донского междуречья. Южной границей их постоянных кочевий были степи к югу от Кумы до Маныча. Отсюда наблюдается проникновение савроматов к подножьям Кавказских гор, проявлявшееся в памятниках V—IV вв. до н. э. Взаимные культурные связи савроматов и кавказцев были постоянными и плодотворными.

3. Греческая колонизация

Греческие колонии на Черноморском побережье Кавказа. К VI в. до н. э. относится древнегреческая колонизация Северного Причерноморья. На обоих берегах Керченского пролива, называвшегося в древности Боспором Киммерийским, возникает в это время целый ряд городов-колоний. Античные авторы сохранили нам свыше тридцати названий возникших в разное время греческих пунктов. Наиболее крупным был Пантикапей (на месте нынешнего города Керчи), южнее его — Нифрей и северо-восточнее Пантикапея — Мирмекий. На другом берегу Керченского пролива — на Таманском полуострове, который по древнегреческим представлениям лежал уже в Азии, возникла Фанагория — колония малоазийского города Тесса; севернее ее — милетская колония Кепы на восточном берегу Таманского пролива и на запад от Фанагории — Германасса (на месте станицы Тамань). Наиболее значительным городом здесь была Фанагория, которая сосредоточивала в своих руках всю торговлю с племенами Прикубанья. На месте нынешней Анапы, в земле

синдов, возник населенный пункт, получивший название Синдская гавань. В начале IV в. до н. э. он был переименован в Горгиппию и превратился в крупный город на Черноморском побережье.

Около 480 г. до н. э. города, расположенные по берегам Боспора Киммерийского, объединились в одно государство, которое известно под названием Боспорского царства. Столицей его стал Пантикапей. Первыми правителями на Боспоре были Археанактиды. В 438 г. власть переходит к династии Спартокидов, правившей на Боспоре до конца II в. до н. э. С именем первых Спартокидов связан и наибольший политический и экономический расцвет Боспорского государства. Границы его расширяются на западе вплоть до Феодосии в Крыму. Уже с момента возникновения колоний греки вступили в более тесные связи с синдами, на территории которых возникли наиболее крупные города — Фанагория, Кепы, Гермонасса. Вернее всего, что та часть синдов, которая жила в непосредственной близости от античных городов, политически подчинялась им, и принадлежавшая синдам территория составила сельскохозяйственную округу этих городов.

Ряд исследователей считают возможным говорить о сложении в восточной Сицике под влиянием Боспора государства. Основным доводом в пользу этого являются синдские монеты. Кроме того, в пользу существования государства говорит наличие городов, которых в настоящее время мы знаем не менее трех (Семибратнее, Краснобатареиное и Раевское городища), и неукрепленных сельских поселений при отсутствии типичных для других меотских племен городищ, являвшихся родовыми поселениями. Наиболее важным является Семибратнее городище, расположенное в низовьях Кубани, на левом ее берегу. Оно возникло во второй половине VI в. до н. э. и уже в начале V в. было окружено мощной каменной стеной с башнями и пристенными каменными лестницами. Город являлся торговым и стратегическим пунктом древней Сицики, контролирующим сообщение Кубанского бассейна с морем. Рядом с городом возвышаются знаменитые Семибратние курганы, в которых погребены представители синдской знати. Этот город и считается резиденцией синдских царей.

Однако другие ученые отрицают наличие у синдов государства, считая, что синды в своем социально-экономическом развитии не могли далеко уйти от остальных меотских племен. Они считают, что монеты с этноконом «Сицидон», не несущие имя «царя», выпущены одним из боспорских городов (возможно, городом Синдская гавань). Синдские же «цари», вероятно, были просто племенными вождями.

Боспорское царство. Боспорское царство в конце V — начале IV в. до н. э. переходит к активной политике на востоке, что сказалось в первую очередь во вмешательстве во внутренние дела синдов и Сицики с целью подчинить их своей власти.

Восстановление на престоле боспорским царем Сатиром I синдского царя Гекатая, с которым он потом породнился, выдав за него свою дочь, и бегство царицы Тиргатаа вызвали длительные войны меотов с синдо-боспорской коалицией. По-видимому, с этими войнами связано разрушение ранних стен Семибратнего городища. Только преемнику Сатира I ценою богатых даров меотским вождям удалось добиться мира.

В начале IV в. до н. э., при Левконе I, Сицика потеряла свою самостоятельность и была включена в состав Боспорского царства. Это немало укрепило позиции Боспора на Черноморском побережье Кавказа в

азиатской части и облегчило подчинение ему многих меотских племен уже в первой половине IV в. до н. э.

Экспансия Боспора в восточном направлении нашла свое отражение в боспорских посвяtitельных надписях, по которым можно проследить последовательность подчинения отдельных меотских племен. Преемник Левкона I, Перисад I, в одной из последних надписей именуется «царем» вообще всех меотов. Само присоединение меотских племен к Боспору, по-видимому, было больше формальным, чем фактическим. Территория их не была включена в границы собственно Боспорского царства. Недаром Страбон пишет, что «иногда то один, то другой народ отпадали от него»⁷. Спартокиды только номинально считались «царями» меотских племен. Последние сохраняли своих правителей, племенных вождей и известную самостоятельность. На это указывает участие «царя» фатеев, правителя одного из меотских племен, живших по реке Фат, в междоусобной войне за власть между сыновьями Перисада I. Спустя по описанию местности, можно предполагать, что военные действия происходили на левобережье нижнего течения р. Кубань. Эпизод с междоусобной борьбой сыновей Перисада и участие в ней меотов (если только Арифарн — «царь» меотского племени фатеев, а не сарматского племени сираков, как считают некоторые) представляет значительный интерес, открывая завесу над взаимоотношениями Боспора с местными племенами, и показывает ту крупную роль, которую меоты играли в политической истории Боспора.

Подчинение меотских племен Боспору означало не только признание верховной власти боспорских «царей», пусть и формально, но, возможно, влекло за собой и выплачивание определенной дани натурой, зерновым хлебом, и предоставление полной свободы торговой деятельности боспорским купцам. В конце IV в. до н. э. на Средней Кубани на месте меотского городища возникает Боспорский эмпорий (станция Елизаветская), ставший основным торжищем среди меотских племен.

Связи племен Северного Кавказа с греческими колониями. Импортные античные изделия попадали к меотам еще в VI в. до н. э., но тогда связи меотских племен Среднего Прикубанья с античными колониями были еще незначительны. С V в. до н. э. экономические связи с меотами усиливаются. В начале IV в. до н. э. положение резко меняется, что было связано с развитием Боспорского царства и с возросшей потребностью Афин в северопричерноморском хлебе. Приток импортных вещей в Прикубанье с IV в. до н. э. намного увеличивается, причем в круг торговых интересов втягиваются теперь широкие слои рядовых общинников. Взамен импортных товаров меоты поставляли на Боспор в первую очередь хлеб. Прикубанье для Боспора служило главной житницей. В IV в. до н. э. Боспор становится важнейшим поставщиком хлеба в Афины.

Тесные экономические и политические связи Боспора с синд-меотскими племенами приводили и к культурному взаимодействию. Меоты заимствовали ряд достижений материальной и духовной культуры античного мира. Именно под влиянием греков у меотов появляется гончарный круг, некоторые керамические формы подражают античным образцам. Среди широких слоев местного населения распространяются привозные вещи (амфоры, ювелирные изделия и пр.), представители родовой и племенной знати пользуются греческими доспехами, синды используют античные приемы градостроительства (Семибратнее городище). Кроме того, Боспор испытывал влияние и местной культуры. Боспоряне заимствовали тактику боя, некоторые виды вооружения, типы одежды, более удобной в усло-

виях Северного Причерноморья, чем греческая. Взаимовлияние выражалось и в синкретизации некоторых религиозных культов. В составе населения городов азиатской части Боспора уже с раннего времени наблюдается инфильтрация синдо-меотских элементов, которая с течением времени все более усиливается.

Значительно слабее было влияние античной культуры на население к востоку от Прикубанья. В кобанских памятниках изредка встречаются образцы греческой и меото-боспорской посуды, доспехов, украшений, предметов туалета, зеркала «ольвийского» типа, отдельные ювелирные изделия, бусы. Вероятно, не без влияния греческой махайры вырабатывается особый тип массивных однолезвийных рубящих клинков (Луговой могильник). Некоторое количество образцов скифо-сибирского «звериного» стиля, найденных тут, может считаться изделиями боспорских ремесленных центров, обслуживающих «варварскую» периферию.

Чрезвычайно интересны материалы разведочных раскопок Грушевского городища у города Ставрополя. Они позволяют говорить о существовании в степном Предкавказье в VII—IV вв. до н. э. мощного поселения, а затем и городища, население которого по крайней мере в течение ряда десятилетий конца IV — первой четверти III в. до н. э. имело оживленные торговые связи с Боспором, откуда транзитом получало малоазийские товары, в частности и амфоры с острова Родоса.

В Ичкерии и Дагестане в VII—IV вв. до н. э. влияние греческих колоний Северного Причерноморья практически неощутимо. Однако пусть нерегулярные и неглубокие, но реальные контакты между Боспорским царством, соседними местами и остальной частью Северного Кавказа (в русле всех греко-кавказских связей) отразились в некотором росте осведомленности античных письменных источников о местном населении.

4. Северный Кавказ в конце I тысячелетия до н. э.

Расселение сарматов в степях Северного Кавказа. Последние века до нашей эры в истории северокавказских народов ознаменовались продвижением в предкавказские степи вплоть до предгорий Кавказа ираноязычных кочевников-сарматов, ранее известных под именем «савроматы».

Родиной сарматов, местом формирования их культуры являлись степи Северного Прикаспия. Будучи во многом близкими, культуры отдельных племенных групп этого обширного региона обладали и своеобразными чертами. К IV в. до н. э. внутри старых племенных союзов происходит перегруппировка. В Южном Приуралье создается новый могущественный союз под главенством племени аорсов, который с III в. до н. э. выходит на широкую историческую арену Восточной Европы. В условиях увеличения родовых групп и развития общества военной демократии у кочевников только война могла решить спор о господстве той или иной сарматской группировки.

Двигаясь на запад и юг, аорсы сломали сопротивление нижневолжского объединения родственных им савроматов, потеснив их в Предкавказье. Эта часть савроматов явилась основой формирования в предкавказских степях сиракского союза сарматских племен, противостоящего аорсам, кочевья которых заходили и в эти степи.

Письменные источники подтверждают, что наиболее подробные сведения о пребывании сираков и аорсов в последние века до нашей эры в

предкавказских степях содержатся у Страбона. «Спускаясь в предгорья, — пишет он, — попадаем в область, расположенную севернее, но с более мягким климатом ...эта область прилегает к равнинам сираков ... Аорсы живут по течению Танаиса, а сираки — по течению Ахардея, который вытекает с Кавказских гор и впадает в Меотиду»⁸. Вопрос об Ахардее окончательно не решен. Одни исследователи считают, что это современный Маныч с притоками, другие склонны отождествлять его с Кубанью. Но в любом случае — это предкавказские степи.

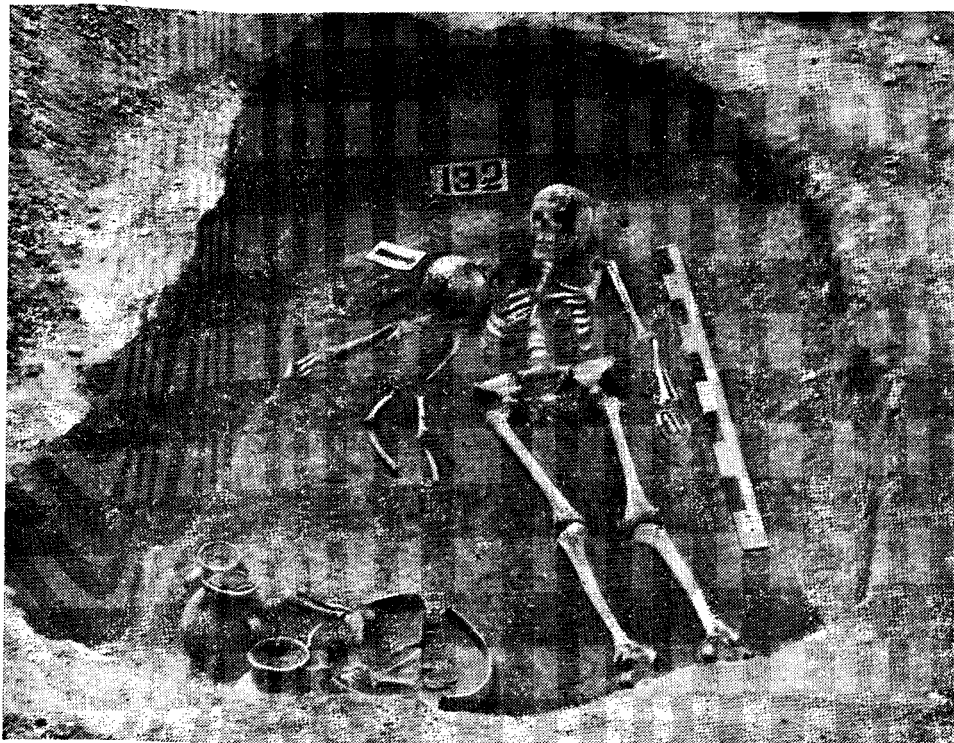
Страбон говорит также о том, что аорсы владели огромной территорией и господствовали над большей частью Каспийского побережья. В их руках был древний путь из Северного Причерноморья на Восток — в Среднюю Азию и Китай.

Натиск сарматских племен в их движении к Кавказским горам испытывали в различной степени все местные племена равнин и предгорий, но исторические последствия расселения сарматов для разных областей Северного Кавказа были неодинаковы. Если захватнические устремления кочевников на Северо-Западном Кавказе были ограничены многочисленными и сильными меотскими племенами Прикубанья и активной политикой Боспора, то в центральных районах Северного Кавказа имелись все предпосылки для установления их политического господства над разрозненными и разобщенными позднекобанскими племенами. Успех расселения сарматов в Центральном Предкавказье определялся не только количественным составом полчищ, но и превосходством средств войны. Сарматы, как и скифы, были великолепными конниками. Оружием у них были не только луки и стрелы, но и длинные мечи и тяжелые копья, а затем пики. Все это сказалось в борьбе с местными племенами, которые пытались, но в основном безуспешно оказать сопротивление путем укрепления мест своих поселений (каменная стена Грушевского городища, валы и рвы, появившиеся на большинстве поселений бассейна Терека).

Взаимоотношения сарматов с местными племенами. С обоснованием на Северном Кавказе сарматов происходит процесс сложного взаимодействия между ними и местным населением.

С конца III в. до н. э. в степной и частично предгорной полосе Центрального Предкавказья постепенно исчезают местные погребальные обряды и традиции (скорченное положение погребенных и неустойчивая их ориентировка в грунтовых ямах, иногда заваленных булыжником), что свидетельствует о резком уменьшении количества оседлого населения. Некоторые местные племена едва ли не полностью растворились в среде пришельцев, и их памятники можно выделить лишь по отдельным элементам местной культуры в обряде могил и среди сопровождающих покойника вещей (грунтовые погребения Моздокского могильника, курган у сел. Верхний Акбаш и др.). Другие аборигены, сохранив традиционные места обитания и очевидную генетическую преемственность от предшествующих веков, подверглись сильному воздействию духовной и материальной культуры сарматов (Ханкальский, Хаян-Куртовский могильники, Кобан-Горский склеп), что привело к появлению «смешанного» погребального обряда и инвентаря.

В то же время массовое распространение на равнинах получают куртанные погребения с явно выраженным сарматским обликом. Подобные захоронения в прямоугольных могильных ямах, где покойники лежат вытянуто на спине головой на запад, обнаружены археологами повсеместно в Центральном Предкавказье (Этоко, Чегем I, Кишшек, Мекенская, Черв-

Рис. 1. Курган-кладбище, погребение (катакомба) 132. Сел. Чегем II.

ленная, Ассинская и пр.). В них найдены груболепная, типично сарматская керамика, железные мечи и наконечники стрел, разбитые зеркала и бараньи тушки. Считается, что они оставлены сираками.

Другие памятники — Нижне-Джуглатский могильник и курган-кладбище у сел. Чегем II — свидетельствуют о неоднородном составе предкавказских сарматов, начинающих к рубежу нашей эры переходить к оседлости. Катакомбные захоронения этих могильников принадлежат, возможно, выходцам из аорского союза племен, если только это не социальный признак сиракской верхушки. Обильная меловая подсыпка в могилах, разнотипные курильницы, длинные железные мечи и характерные бронзовые зеркала больших размеров свойственны различным группам сарматов. В степях встречаются и курганы с захоронениями по сарматскому ритуалу, но с инвентарем, в котором преобладают меото-кобанские типы вещей, что выдает явную культурную зависимость части прапоязычных пришельцев от кавказских аборигенов (рис. 1).

Активное проникновение в центральные районы Северного Кавказа было связано со стремлением сарматов овладеть важными стратегическими и торговыми путями, ведущими в богатые районы Закавказья.

Сильным был сарматский натиск и в сторону Боспорского царства. Он более всего диктовался желанием новых кочевников установить непосредственные экономические и политические контакты с античными городами Северного Причерноморья.

Сарматы (в первую очередь сираки) начинают довольно интенсивно проникать в степную часть правобережья Кубани не позднее II в. до н. э.,

а, возможно, по мнению некоторых исследователей, — и с рубежа IV—III вв. до н. э. Во II в. и в первой половине I в. до н. э. происходит постепенное вклинивание сираков и в среду оседлого земледельческого меотского населения. Проникновение сираков в Прикубанье происходило не сразу, а в течение одного-двух столетий и в основном осуществлялось более или менее мирным путем. Конечно, это не исключало и вспышек враждебности, приводивших к военным действиям. Процесс этот усиливается в I в. до н. э. и во второй его половине приводит к постепенной сарматизации меотов (распространение общесарматских предметов материальной культуры, частичное изменение погребального обряда, синкретизм культов, зарождение новых направлений искусства и т. п.). Однако это ни в коем случае не означало, что меотские племена растворились в новой волне пришлых ираноязычных племен, что произошла смена языка, этноса, основных элементов культуры. В Прикубанье по-прежнему доминирует культура оседлого земледельческого населения. Под ее влиянием сами сарматы переходили к оседлости, поселяясь среди аборигенов, и, несмотря на высокую политическую активность и роль в местных исторических событиях, постепенно ассимилировались меотами.

Сарматы и Боспор. Племенные передвижения, межплеменные войны III—I вв. до н. э. существенно нарушали налаженные торговые связи античных городов с местным населением и приводили к ослаблению экономики Боспора. Одновременно с сарматской экспансией активизировались в Крыму и скифы. В конце II в. до н. э. Боспорское царство не имело уже сил оказывать сопротивление постоянно наседавшим скифам и правитель Боспора Перисад V передал власть понтийскому «царю» Митридату VI.

Во время вспыхнувшего восстания рабов и зависимого скифского населения под руководством Савмака Перисад V был убит и восстание охватило всю европейскую часть Боспора (граница Европы и Азии в то время шла по Дону и Керченскому проливу). Нашло ли оно отражение в азиатской части, нам неизвестно, но пройти незамеченным здесь оно, естественно, не могло. Восставшие продержались около года. После подавления восстания Боспор оказался под властью Митридата VI и вошел в состав Понтийского государства. Боспор должен был служить Митридату поставщиком живой силы, хлеба, сырья. Известно, что в войсках Митридата против римлян сражались скифы, сарматы и меоты. Так, во время третьей войны Митридата с Римом отличился смелостью и силой правитель племени дандариев — одного из меотских племен — Олфак⁹. После гибели Митридата VI много десятилетий на Боспоре велась борьба за власть, в которой активное участие принимали племена азиатской части Боспора. С начала I в. до н. э. здесь устанавливается новая династия, Боспор попадает под римское влияние, боспорские «цари» признают римских императоров своими покровителями, но фактически остаются самостоятельными. На I—II вв. н. э. приходится второй расцвет Боспорского царства. В этот период особенно большую роль в истории Боспора играют сарматские племена.

Военно-политические контакты, культурный и торговый обмен между сарматами и населением Северного Кавказа сыграли решающую роль и в нивелировке культуры разноэтнических племен плоскости и предгорий Центрального Кавказа. Весьма активные связи сираков и аорсов с Боспорским царством и сопредельными районами подтверждаются наличием в сарматских могилах и в погребениях сарматизированных аборигенов значительного числа импортных или сделанных им в подражание вещей,

которые через посредство сарматов не только распространились в плоскостных и предгорных зонах, но и проникли в высокогорные районы.

Сарматские памятники последних веков до нашей эры в Предкавказье отличаются большим своеобразием. В результате тесных и продуктивных контактов с местной этнической средой, изменением хозяйственных занятий, под влиянием специфических ландшафтно-географических условий они значительно отличаются от степных, кочевнических эталонов сарматской культуры Северного Прикаспия. В среде сарматов равнинного Предкавказья и их кавказских соседей устойчиво бытуют «консервативные» типы вещей (курильницы с боковыми «кармашками», литые пряжки с неподвижным язычком, мечи с серповидными и иными архаическими навершиями и пр.), вырабатываются новые оригинальные формы материальной культуры (зеркала-подвески, зооморфная керамика, двуручные сосуды с гальками внутри культового назначения и т. п.), широко используется посуда, изготовленная в гончарных мастерских Северо-Западного Кавказа.

Оригинальности облика сарматских памятников Предкавказья во многом способствовало сильное этническое смешение ираноязычных пришельцев и аборигенов.

Местные племена горных районов Центрального и Северо-Восточного Кавказа. В последние века до нашей эры в горах Центрального Кавказа начинают появляться инородные элементы материальной культуры, не свойственные местным позднекобанским, но характерные для сарматских погребений (бронзовые кольцеобразные пряжки с подвижным язычком, длинные мечи сарматских типов, зеркала и пр.). Наличие их в культуре позднекобанских племен горной зоны объясняется не той массовой сарматизацией, которая наблюдается в степных и предгорных районах, а, скорее всего, следствием обмена с сарматами и походов сарматских племен в Закавказье. Картографирование подобных предметов и элементов последних веков до нашей эры показывает, что они сосредоточены, как правило, в памятниках, расположенных вблизи Дарьяльского прохода — военной дороги сарматов через Кавказский хребет. Южная граница освоенных сарматами территорий простиралась не далее лесистых предгорий центральных районов Северного Кавказа. Далее в горах жили племена позднекобанской культуры, сохранившие свой суверенитет. К сожалению, их древности изучены крайне недостаточно. Тем не менее, известные археологические памятники (Кубан, Гунделен, Хасаут и др.) свидетельствуют, что историческое развитие позднекобанских племен III—I вв. до н. э. определялось устойчивостью исконных традиций. В те века горные районы оказываются временно отрезанными от предгорий и плоскости сарматами, и позднекобанские племена теряют доступ к равнинам, что, несомненно, отразилось в «консервативном» характере культуры этих племен.

Археологические объекты III—I вв. до н. э. степной части Северо-Западного Прикаспия изучены весьма слабо и не позволяют воссоздать облик сарматской культуры, бытовавшей в границах Предкавказья. По письменным источникам устанавливается господство здесь аорсов.

Некоторое влияние сарматов испытывали племена Дагестана и Ичкерии. Оно отразилось в эпизодических переменах обряда захоронения (появление вытянутых на спине погребений в грунтовых ямах, положение кистей рук на тазовые кости) и в довольно редких случаях находок оружия, зеркал, посуды сарматских типов. Однако общий облик культуры, представленный материалами III—I вв. до н. э. в Хабадинском, Гоцат-

ливском, Новолакском, Лехкч-Кортювском, Яман-Су и других могильниках, неоспоримо свидетельствует о полном преобладании местных традиций раннежелезного века.

Дагестан в составе Кавказской Албании. Вопрос о вхождении современной территории Дагестана в состав Кавказской Албании до сих пор окончательно не решен. Одни исследователи считают, что северные границы Кавказской Албании проходили севернее Дербента, другие их отодвигают до р. Сулак и далее. Как бы то ни было, значительную часть Дагестана вполне обоснованно включают в состав этого древнейшего на Восточном Кавказе государственного образования.

Причина расхождения — в отсутствии четких указаний источников о северной границе Кавказской Албании, обусловленном слабой осведомленностью античных авторов в географии Северо-Восточного Кавказа. Они считали, что восточная оконечность Кавказа, подобно его центральной и западной частям, состояла из одной горной цепи и совершенно не подозревали о существовании здесь еще и Бокового хребта с многочисленными отрогами, образовавшими обширную горную провинцию Северо-Восточного Кавказа. Поэтому, основываясь на том, что северными соседями албанов античные географы часто называют сарматов, населявших в ту пору северокавказские равнины, следует думать, что прав был Страбон, проводивший границу между албанами и сарматами через Керевыские горы (северо-восточные отроги Кавказа), и тем самым признать вхождение части горного Дагестана в состав Албанского государства. Такому заключению не противоречат и другие свидетельства античных авторов (Плутарх, Плиний, Тацит), указывавших, что часть албанов населяла долину реки, тогда как другие обитали в горах.

О социальном устройстве Кавказской Албании известно немного. По сведениям Страбона¹⁰, на ее территории проживало 26 различных по языку племен и народов, каждый со «своим царем». Позднее (вероятно, к рубежу II—I вв. до н. э.) они объединились под властью одного «царя», являвшегося также военачальником. В необходимых случаях возглавить войска мог и брат «царя». Страбон сообщает, что албаны «ставят большее войско, чем иберы. Они вооружают 60 000 пеших воинов и 22 000 конных»¹¹. Часть воинов имела тяжелое снаряжение, подобно армянам и иберам, а остальные воины, поднимавшиеся по тревоге, были снаряжены легко, подобно скифам и сарматам. Эти различия в составе албанского войска — свидетельство существования социальной дифференциации внутри самого албанского общества. В частности, тяжеловооруженная пехота и конница, очевидно, рекрутировались из наиболее состоятельных и знатных слоев населения. Известны албанские «гегемоны», — очевидно, местные правители, подчиненные «царю».

Были в Албании и особые — священные или храмовые — области. Одна из них, посвященная божеству Луны, была обширной и густо населенной. Ею управлял жрец — наиболее уважаемое лицо после «царя». В ведении этого жреца находились также храмовые рабы — гиеродулы.

В последние века I тысячелетия до н. э. Восточный Кавказ втягивается в торговлю с эллинистическим миром. Ярким тому свидетельством служат находки селевкидских и парфянских монет, обнаруженные в Южном Дагестане и Терской области. По мере развития торговли и торговых связей некоторые поселения Прикаспийского Дагестана начинают разрастаться в города. К их числу могут быть отнесены досасанидские поселения Дербента, городища Таргу, Махачкалинское, где обнаружены культурные напластования раннеалбанского периода.

5. Население Северного Кавказа в начале нашей эры

Этническая карта Северного Кавказа. К рубежу нашей эры сравнительно полное представление об этнической карте Северного Кавказа имели Страбон, Плиний Старший и Клавдий Птолемей. Теперь, кроме традиционно подробной панорамы меотских племен Северо-Западного Кавказа, становятся известны многие детали, касающиеся населения иных областей региона.

Фактически безымянными продолжают оставаться горские племена «самых высоких частей подлинного Кавказа», т. е. между Эльбрусом и Казбеком. О них сообщается, что живут они за счет скотоводства, охоты и собирания дикорастущих плодов. Подчеркивается суровость климата их страны, сложность общения с внешним миром и многоплеменность («все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая между собой в сношения...»¹²). Тем не менее многие из них «сходятся в Диоскуриаду» для меновой торговли, т. е. поддерживают взаимоотношения с античным и иным населением Черноморского побережья. Страбон свидетельствует также о «соседстве и родстве» горских обитателей Центрального Кавказа «скифам и сарматам», что приводит к союзничеству между ними «в случае какой-нибудь тревоги»¹³.

Плиний Старший и Клавдий Птолемей упоминают некоторые из племен кавказского высокогорья, но лишь редкие из них могут быть сравнительно твердо локализованы и сопоставлены с конкретными из позднейших этнических групп Осетии и Чечено-Ингушетии («талы» — двалы, «аккисы» — аккинцы, «соды» — садои и т. д.). По-прежнему использовался Дарьяльский проход — важная дорога через Центральный Кавказ.

В предгорьях, лежащих севернее и имеющих «более умеренный климат, так как они соприкасаются уже с равнинами сираков», отмечены некоторые «троглодиты» (пещерники), «полифаги» (многоеды), а также «заметиты» и «исадики», живущие в селениях и успешно занимающиеся земледелием. «У них уже и хлеб родится в изобилии»¹⁴. Местонахождение их окончательно не выяснено.

Где-то к северу от восточных отрогов Кавказа локализуются «гаргарей», название которых, возможно, относится к группе родственных племен вайнахско-дагестанского круга.

Еще дальше к северу, уже на «сиракских равнинах», обитали «кочевники» — набианы и панканы (этническая атрибуция которых неопределенная), после которых Страбон называет «племена сираков и аорсов» с указанными в предыдущем параграфе координатами размещения.

Чрезвычайная пестрота населения фиксируется и на Северо-Восточном Кавказе, и в Восточном Закавказье. Среди племен Кавказской Албании у Страбона известны лупени, обитавшие по южным склонам Большого Кавказа, а также гелы, леги, дидуры, населявшие горные районы и предгорья Дагестана, и др.¹⁵

Часть прикаспийских аорсов осела на равнине, прилегающей с севера к Дербентскому проходу, и смешалась с обитавшими тут удинами-утнями. Плиний называет их утидорсами¹⁶.

Сираки и аорсы в событиях рубежа нашей эры. Сирако-аорские отношения в Предкавказье были далеко не мирными. Они вовлекали в конфликты и местные политические силы, способствовали оформлению более или менее устойчивых союзов.

Так, в 35 г. н. э. часть сарматов, вероятно сираки, пришли на помощь Иберии (Грузии) и ее царю Фарасману в борьбе с Парфией и ее союзником Арменией. Другие же сарматы, очевидно аорсы, пытались прорваться к войскам парфяно-армянской коалиции.

Значительными потрясениями была отмечена середина I в. н. э. В 49 г. против сираков и части меотов, особенно дандариев, поддерживавших изгнанного римскими наместниками боспорского царя Митридата VIII, выступили римские легионы и аорские конные дружины. Сираки во главе с их «царем» Зорсином были разгромлены. Взяты и разрушены укрепленные «города» дандариев и других союзников Митридата в Прикубанье и Приазовье, в том числе и столица сираков «город Усна». «Избиением успийцев был внушен страх остальным, которые уже ни в чем не видели безопасности...» Митридат VIII, лишившись союзников, «сдался на милость царя аорсов Эвнона»¹⁷. В 193 г. н. э. сираки вновь были разгромлены, теперь уже боспорским «царем» Савроматом II.

Внутренние сарматские междоусобицы рубежа нашей эры археологически подтверждаются усилением пестроты и разнообразия похоронных ритуалов сарматских памятников. Катакомбные, подбойные и так называемые диагональные (положение костяка по диагонали в квадратной могильной яме) захоронения, зачастую врытые в более ранние курганы, перемежаются с обычными в Предкавказье сарматскими впускными погребениями с широтной ориентировкой скелетов. Все это не оставляет сомнений в значительном приливе на Северный Кавказ сарматов из задонско-волжских и североприкаспийских степей.

Выразительным памятником этой эпохи является курган-кладбище II—I вв. до н. э. у сел. Чегем II (Кабардино-Балкария), содержащий не менее полутора десятков разнотипных могил (прямоугольные ямы, подбой, катакомбы и пр.) с явными сарматскими деталями ритуала и богатым вещевым сопровождением. В последнем хотя и преобладают сарматские элементы (типы оружия, украшений, зеркал, некоторых видов посуды и ее орнаментации и пр.), но они сосуществуют с предметами позднекобанских традиций (керамика, бронзовые украшения и др.) и северопричерноморским импортом (красноглиняные кувшины, стеклянные кубки, бронзовый шлем, бусы, скарабей, две монеты — пантикапейского и понтийского чекана). Важно, что здесь удастся проследить постепенный переход от индивидуальных погребений в катакомбах поволжско-приуральских типов к коллективным захоронениям с ярусным залеганием костяков, свойственным катакомбам Чегемского и Нижне-Джуглатского (Кабардино-Балкария) могильников с рубежа нашей эры. Эта эволюция, вероятно, отражает процесс оседания недавних кочевников-сарматов на землю, складывание земельной собственности малой семьи у сарматов.

Ранние аланы на Северном Кавказе. В прямой связи с событиями рубежа нашей эры находится и появление на исторической арене Северного Кавказа алан. Проблема эта весьма дискуссионна. Поэтому рядом ученых ставится вопрос о среднеазиатском происхождении алан. Однако большинство современных исследователей видят в аланах сарматских выходцев из племени аорского объединения в Северном Прикаспии, что не исключает участия массагетских групп в их этногенезе (например, маскуты приморского Дагестана).

Аланы оказались в поле зрения античных авторов в середине I в. н. э. Их присутствие фиксировалось в Подунавье, Подонье и на Кавказе. Особенно пространен рассказ Иосифа Флавия¹⁸, из которого следует, что аланы жили около Танаиса и Меотийского озера, откуда совершали в

70-х годах I в. н. э. опустошительные набеги вплоть до южных границ Закавказья. В последующих источниках аланы нередко фигурировали под общим наименованием «сарматы».

Новая этнополитическая сила громко заявила о себе. Упоминаниями о «неукротимых», «храбрых», «вечно воинствующих» аланах пестрят источники той поры. Аланы совершали походы через Кавказ, пользуясь как Дарьяльским (получившим теперь название «Аланские ворота»), так и Дербентским проходами, разоряя Армению, Парфию, Атропатеу, постоянно тревожа Иберию и доходя до Каппадокии в Малой Азии. Особенно пагубными были походы 72—74 и 135—136 гг. н. э. Установив контакт и заключив союз с некоторыми северокавказскими горскими племенами, они выступали попеременно на стороне тех или иных политических сил в Закавказье. Отголоски этих событий сохранились, кроме античных, в армянских и грузинских хрониках. Из Закавказья и Малой Азии предпринимались ответные походы против алан.

Уже во II в. н. э. упоминается «Алания» как территория, заселенная аланами и находящаяся под их контролем. На Северном Кавказе она распространялась на равнины от Прикубанья (в Фанагории существовала группа аланских переводчиков, во главе которой стоял в 208 г. н. э. некто Ирак), что отражает активное участие алан в жизни Боспора (вплоть до Северо-Восточного Кавказа, где нижнее течение Терека получает имя «Алонта»). Одновременно со страниц источников, касающихся Предкавказья, исчезают названия иных сарматских племен. Все это веки процесса, суть которого заключалась в том, что аланы «мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них свое имя»; прежде разобщенные племена «приняли одно имя, и теперь все называются аланами, так как правы и образ жизни у них один и тот же». Собственно же аланы «высоки ростом и красивы», «светловолосы», быстры в движениях, внушают страх «сдержанно-грозным взглядом»¹⁹.

В общественном строе вповь созданного и постоянно прогрессирующего аланского союза сохранились черты военной демократии. Большинство составляли рядовые свободные. Вожди избирались по признаку длительных военных заслуг. Однако археологические памятники свидетельствуют об углубляющемся неравенстве внутри алан.

На Северном Кавказе аланы очень скоро стали переходить к оседлости. Они унаследовали от своих предшественников — сираков — богатый опыт отношений с аборигенами. Используя степи Предкавказья сперва в качестве зимних кочевий и плацдарма для накопления сил перед закавказскими походами, аланы уже с I в. н. э. под воздействием коренного земледельческого населения стали оседать на землю и заниматься земледелием. Возникли первые аланские поселения и городища — Алхан-Кала, Серповодское, Горячесточенское, Али-Юртовское, Виноградное, Моздокское и др. От Прикубанья до Дербента широко распространяются захоронения в катакомбах, превращаясь, возможно не без влияния погребальных традиций Северо-Западного Кавказа, в типично аланское погребальное сооружение — Алхан-Кала, Нижний Джулат, Подкумок, Клин-Яр и др.

Группа ираноязычных кочевников обосновывается в прибрежных районах (очевидно, с I в. н. э.) Дагестана и Азербайджана. В источниках они именуются массагетами-маскутами.

В одежде, вооружении, украшениях, предметах туалета в материальной культуре алан первых веков нашей эры продолжают доминировать сарматские традиции. Но керамическая посуда и различные типы быто-

вых парадных и культовых вещей испытывали заметное влияние местных северокавказских вкусов. В погребальном обряде также прослеживается аборигенное влияние. В ряде предгорных районов верхоя Кубани, округа Дарьяла, Ичкерии по материалам могильников III—IV вв. н. э. фиксируется глубокое смешение пришлых аланских элементов и аборигенов, причем ассимиляционные процессы имеют большие последствия для сармато-алан. В целом расселение алан в I—IV вв. н. э. не идет дальше освоения равнинных областей региона, подступая вплоть к лесистым предгорьям.

Меотские племена в начале нашей эры. В Прикубанье в начальные века нашего летоисчисления продолжали обитать меотские племена. Основой производства оставалось плужное земледелие и скотоводство. Причем особых изменений в видовом составе стада не произошло. Как и прежде, на первом месте стоял крупный рогатый скот, возделывались те же зерновые культуры. Однако наряду с мягкой пшеницей в это время здесь начали впервые культивировать твердую пшеницу и пшеницы-двузернянки. Продолжали развиваться и различные ремесла: металлургическое, гончарное, деревообрабатывающее, косторезное, ювелирное, ткацкое и др. Значительного развития достигло гончарное производство, которое своими традициями уходит в более раннее время:

Расширялись и торговые связи, свидетельством чего являются многочисленные находки импортных вещей в могилах и на городищах. Прикубанье стало в первые века нашей эры районом сбыта для боспорских торговцев, поглощая большое количество товаров, как импортных, шедших транзитом через Боспор из Римской империи, так и непосредственно боспорских. Как и в более раннее время, из Прикубанья шли зерновой хлеб, скот, кожи, шерсть, рыба.

В связи с оседанием среди меотов сираков родовые связи постепенно нарушаются и меняется характер общины: складывается первобытная соседская община, для которой присуще сочетание территориальной и родовой организации, переплетение родовых связей с соседскими. Первобытная соседская община возникает на этапе разложения первобытно-общинных отношений и существует длительное время. Усиливается дифференциация у меото-сарматских племен. Об этом свидетельствуют появление большого количества богатых курганов родо-племенной знати, увеличение в грунтовых могильниках количества более богатых захоронений и возникновение новых оборонительных сооружений. Однако формой общественного строя продолжает оставаться военная демократия как переходный этап от первобытнообщинного строя к классовому.

По многим археологическим памятникам прослеживается настолько сильное и органическое смешение меотов и сарматов, что бывает затруднительно определить этническую принадлежность ряда объектов. К тому же в это время тип погребального сооружения и форма могилы далеко не всегда бывают в Прикубанье связаны только с этническими различиями, но нередко и с социальными. В качестве примера можно привести курганы так называемого «Золотого кладбища» между городом Усть-Лабинском и станцией Казанской. Они определяются то как меотские со значительным влиянием степняков-сарматов, то как сарматские, испытывавшие существенное влияние меотов. Очевидно, меотская аристократия в течение ряда веков сливалась с сарматами, вступая в постоянные семейные и военно-политические связи.

Проникновение на Кубань алан привело к некоторым изменениям обстановки в Прикубанье. В связи с усилением опасности со стороны кочевников жизнь на мелких поселениях прекращается и сосредоточивается на более крупных городищах с мощной оборонительной системой, где она и продолжалась в основном до середины III в. н. э. (Ладожское 7-е, Воронежское 3-е и др.). Возможно, что уже в это время часть оседлого земледельческого населения переселяется в Закубанье.

Объяснение прекращения жизни на правобережных кубанских городищах надо искать в усилении в степной части Прикубанья алан, под давлением которых оседлое земледельческое население принуждено было покидать свои насиженные места и переселяться в Закубанье. Здесь, в лесостепных районах, наравне с ранее существовавшими городищами возникают новые укрепления.

Переселившиеся в Закубанье меоты и частично ассимилировавшиеся сарматы вместе с ранее жившими здесь местами и племенами зихского союза Черноморского побережья заложили основы в сложении мощной адыго-черкесско-кабардинской этнической общности и в формировании в дальнейшем будущих адыгских народов.

Население Центрального Кавказа. Своеобразно складывались в первые века нашей эры судьбы аборигенного населения Центрального Кавказа и Ичкерии.

Здесь, в предгорно-плоскостной зоне, наблюдалась наибольшая сарматизация. Могильники Терезе, Моздокский, в особенности Ханкальский не оставляют сомнений в том, что оставлены они местными племенами позднекобанской культуры. Однако, сохраняя традиционные типы погребальных сооружений плоскости, в материальной культуре аборигенов происходят существенные перемены. Получают распространение черешковые железные наконечники стрел, длинные мечи без эфеса, пряжки и различные украшения сарматского облика. Вместе с тем весь характер культуры плоскостной зоны нивелируется и по инвентарю уже невозможно судить об этнической принадлежности погребенных.

В ряде мест выявлено наличие на общих могильных полях аборигенных грунтовых могил и катакомб сармато-алан, перешедших к оседлости и смешавшихся с местным населением. Особенно показательны в этом отношении могильники Нижне-Джулатский, Чегем II, Клип-Ярский и др.

Могильники начала нашей эры в Ичкерии (Яман-Су, Балан-Су, Гудермесский, Галайтинский, Лехкч-Кортовский и др.) проявляют в своих материалах все возрастающую зависимость от культуры предгорно-плоскостных районов Центрального Кавказа, к которым они территориально примыкают. Здесь также наблюдается известная нивелировка культуры, но в целом сохраняется традиционная близость к древностям Дагестана.

Для памятников горной зоны Центрального Кавказа по-прежнему характерна устойчивость исконно кобанских форм обряда погребальных сооружений и вещевого инвентаря. Но и тут с I в. н. э. происходят очевидные перемены, выражающиеся в распространении новых форм фибул, зеркал-подвесок, браслетов, что доказывает расширение и укрепление связей между местными племенами и сармато-аланскими обитателями равнин, а через их посредство — с населением Причерноморья.

Кроме сохранения традиционных связей с Закавказьем, заметно усиливаются контакты с позднеантичными городами и ремесленными центрами, в том числе и переднеазиатскими. Это выражается распространением в могильниках ущелий Баксана, Чегема, горной Осетии привозных изделий — фибул, посуды, ожерелий, бус, античных монет. Резко возрастает

в первых веках нашей эры египетский импорт разнообразных подвесок из египетского фаянса, использовавшихся как амулеты.

В популярности всех подобных предметов у населения даже отдаленных горных ущелий Осетии и Кабардино-Балкарии решающую роль сыграли походы сарматов и их горских союзников, чаще всего использовавших Дарьяльский проход.

Дагестан в первые века нашей эры. Возрастает значение и Прикаспийского пути как одного из главных транскавказских путей транзитной торговли. По свидетельству Страбона, аорсы перевозили по нему «на верблюдах индийские и вавилонские товары, получая их от армян и мидян»²⁰. Вдоль Прикаспийского пути разрастаются сравнительно крупные города, возникают укрепленные поселения на местных коммуникациях. Дербентское поселение, выполнявшее задолго до этого роль крупного опорного пункта, запиравшего приморский проход, стало одним из крупных городов в Дагестане. Оно получило широкую известность у античных авторов под именем Каспийских или Албанских ворот. Не исключено, что к началу I тысячелетия н. э. в самом проходе также были воздвигнуты оборонительные сооружения (как и в Дарьяльском ущелье, где также письменными источниками отмечаются некие «ворота», «стены», «крепости»). Вокруг подобных важных стратегических пунктов не раз происходили ожесточенные столкновения, вследствие чего, например, Дербент не раз подвергался разрушениям, а затем восстанавливался вновь.

Население Дагестана в первые века нашей эры, как и прежде, вело оседлый образ жизни. Знаменательно, что, по свидетельству Птолемея, в Албании было 29 городов и крупных поселений (больше, чем в Иберии и Колхиде). К сожалению, пока они точно не локализируются. Упомянутый им крупный город Албана нередко помещается в Южном Дагестане на месте Белиджиинского городища Топрак-кала. Если согласиться с этим, придется признать, что помещенные Птолемеем севернее Албана города и поселения находились на территории нынешнего Дагестана. Здесь поименно названы крупные города Телеба и Гелда и еще 9 поселений²¹. Но они пока не локализованы среди 50 городищ с культурными напластованиями албанского периода. Однако к IV в. н. э. произошли изменения и северная граница Албании стабилизировалась в районе Дербента.

Дагестанские городища албанского периода в большинстве своем имели относительно небольшие размеры — 6—7, редко 10 га (Эскиюрт, Охли, Куппа), хотя среди них встречаются и более крупные, площадь которых достигает 15—20 и более га (Таргу, Шамшахар, Урцеки, Нижняя Сигитма, Андрей-аул). Многие из них обладали мощной системой оборонительных сооружений, окружавшей ядро городища, а иногда и всю площадь населенного пункта. Каждый памятник имел свою сельскохозяйственную территорию, пахотные и пастбищные угодья.

Картину жизни, быта, социального устройства дагестанского населения в первые века нашей эры во многом дополняют материалы относящихся к этому времени могильников (Тарки, Карабудахкент, Шаракун, Хабада, Урцеки, Цыйша, Сумбатль и др.).

Хозяйственные занятия. Основными занятиями населения Центрального и Северо-Восточного Кавказа продолжали оставаться земледелие и скотоводство. При раскопках во множестве встречаются ямы-хранилища мелкого рогатого скота, а иногда, как, например, в Таркинском могиль-

нике и поселении Исти-Су, даже ритуальные изображения хлебцов-чурек из глины. Сельскохозяйственный инвентарь не претерпел в то время значительных изменений. Как и прежде, возделывались преимущественно разные сорта злаков — пшеница, ячмень, а также бобовые культуры. Практиковалось садоводство и виноградарство, особенно в предгорных районах Дагестана.

Продолжают развиваться и разнообразные ремесла и промыслы. В металлургии выделяются ювелирное и оружейное дело, усложняются приемы обработки железа и цветных металлов.

В памятниках этого времени во множестве встречаются украшения головного убора и одежды — бляхи, височные кольца, булавки, серьги, браслеты, гривны, предметы туалета, зеркала, нередко отличающиеся изяществом форм и тонкостью исполнения. Часты находки мечей, напоминающих боспорские и сарматские образцы (Лехкч-Корт, Гуни, Цыйша, Мекеги, Сумбатль), наконечников копий, стрел и даже обрывков кольчуг и пластин от панцирей (Карабудахкент, Урцеки, Цыйша, Сумбатль). Можно полагать, что в эти века в Дагестане начинают складываться специализированные центры оружейного производства.

Резкое возрастание числа больших и малых городов в Прикаспии, укрепленных поселений обусловило бурное развитие строительного дела. Домостроительство и фортификация тут камелные. Жилые дома зажиточной части населения нередко имели по два этажа — верхний — жилой и нижний — для подсобных и хозяйственных нужд, как это прослежено в Урцеках и Охли. На цитадели городища Таргу зафиксированы следы дворцовых или храмовых построек.

На памятниках, тяготевших к равнине, преобладало сырцово-глинобитное и турлучное строительство.

Заметно усложнилась технология изготовления и расширился ассортимент употреблявшейся в ту пору глиняной посуды. В Северном Дагестане широко распространяется сероглиняная, орнаментированная посуда, близко напоминающая ялойлутапийские образцы (Тарки, Нижняя Сигитма, Андрей-Аул), а на остальной территории края повсеместно бытует бело- и красноангобированная посуда и керамическая тара, также восходящая к восточнокавказским образцам. То же самое следует отметить и в отношении целого ряда металлических украшений — разнообразных головных булавок, браслетов с подвязанными кошмами, некоторых типов фибул, серег, перстней. Широко распространились импортные украшения: бусы, подвески, амулеты, изготовленные из полудрагоценных камней, самоцветов, стекла, фаянса; более редки индийские раковины и перламутровые поделки, стеклянные флаконы. Все это привозилось из Закавказья, Восточного Средиземноморья и более отдаленных стран.

Тесные связи поддерживались и с сарматскими племенами. Одним из результатов этого явилось почти повсеместное распространение сарматских типов оружия — всаднических мечей, трехперых черешковых наконечников стрел, и не случайно Страбон писал о том, что горцы-албаны были вооружены подобно скифам и сарматам²². Особенно сильное влияние сарматов испытывало население приморских районов, где оседали аорсы, а затем и племена аланского круга. В погребальном обряде здесь прослежено немало сарматских черт (посылка покойника мелом, обычай класть в могилу испорченное оружие, разбитые зеркала). Керамику же для прикаспийских и нижневолжских сарматов производили частично, кроме северокавказских и нижнедонских, и дагестанские гончары.

В памятниках этого времени имеются семилопастные пряжки и пряжки-сюльгамы (Карабудахкент, Урцеки, Губден, Аллерой-2), характерные

для Прикамья, массивные круглорамочные пряжки (Мекеги, Урцеки), распространенные в причерноморских степях, изделия из уральских самоцветов и прибалтийского янтаря.

В общественном устройстве местного населения также произошли изменения. Ослабевают повсеместно родовые связи, все более заменяемые территориальными или соседскими связями. Усиливаются процессы социальной дифференциации, о чем свидетельствуют многие археологические факты. В топографии городищ все более выделяются их укрепленные части, застроенные усадьбами наиболее знатных и богатых семей-патронимий, члены которых погребаются теперь в каменных склепах (Карабудахент, Урцеки, Гапшима, Сумбатль). Часто встречаются и конские захоронения (Тарки, Урцеки, Сумбатль, Галайты, Цыйша).

Эти процессы затронули и население высокогорных районов, где, например, на Цыйшинском могильнике засвидетельствованы захоронения знати (грунтовые ямы со значительным инвентарем) и зависимого населения, вероятно, даже рабов (безынвентарные захоронения нескольких людей).

В первые века нашей эры на территории Дагестана складывается новый тип расселения, присутствовавший затем на протяжении всего средневековья. Он характеризуется группировкой некоторого количества малых городищ (иногда — более 10) в пределах геоморфологически замкнутых районов речных долин, ущелий, плато, нередко вокруг более крупного городища. Подобные случаи зафиксированы вокруг городищ Таргу, Урцеки, Верхнечирюртовского и Андрейаульского, а также на Левашишском плато. Данный тип расселения в общих чертах соответствует описанному Птолемеем взаиморасположению крупных городов и селений в северной части Кавказской Албании, подразделенной им по большим рекам на четыре района. По-видимому, подобные группы памятников принадлежали небольшим территориально-политическим образованиям, предшественникам упомянутых источниками (для V—VI вв.) «княжеств» и «стран» раннесредневекового Дагестана.

Маскуты, появившиеся в прибрежном Дагестане еще в начале нашей эры (а возможно, и раньше), образовали политическое объединение, иногда именуемое «царством». Его центр в IV в. н. э., возможно, располагался на месте нынешнего Белиджинского городища. Прочно утвердившись в приморских районах Южного Дагестана и Северного Азербайджана и владея Дербентским проходом, маскуты совершили в 30-х годах IV в. опустошительный набег на Армению. Спустя некоторое время состоялось повое вторжение «северных народов» в Закавказье, отраженное объединенными войсками армянского царя Тиграна и сасанидского шахиншаха Шапура II²³.

Образовавшееся в 226 г. Сасанидское царство первоначально ограничивалось территорией Парфии, но вскоре развернуло активную борьбу за расширение своих границ. В сфере его агрессивной политики оказались и народы Закавказья. В III в. н. э. среди подвластных сасанидскому шаху Шапуру I стран называются Атурлатская Армения, Иберия, Албания, Балагасан «и дальше вплоть до гор Кап (Кавказ) и Албанских ворот»²⁴. Однако прочно утвердиться тогда в Южном Дагестане и Дербентском проходе сасанидам не удалось. Свидетельством этого служат упоминавшиеся только что набеги маскутов и еще более опустошительные и грозные походы гушнов на страны Закавказья и Передней Азии, совершенные в конце IV — начале V в. н. э.

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 163.
- ² Там же. С. 164.
- ³ Страбон. География, XI.2.11 // Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе/Сост. и ввел с рус. пер. В. В. Латышев. СПб., 1890. Т. 1. С. 133. (Далее: *Страбон*); ВДИ. 1947. № 4. С. 212—213.
- ⁴ Страбон. XI, 2, 14; ВДИ. 1947. № 4. С. 214.
- ⁵ Страбон. XI, 5, 1—2; ВДИ. 1947. № 4. С. 222.
- ⁶ Геродот. История. В 9 кн. Л., 1972. I. 203. (Далее: *Геродот*).
- ⁷ Страбон. XI. 2. 11; ВДИ. 1947. № 4. С. 213.
- ⁸ Страбон. XI. II. 5. 7. 8; ВДИ. 1947. № 4. С. 211.
- ⁹ Плутарх. Митридат, 16 // Известия древних писателей...: ВДИ. 1947. № 4. С. 281.
- ¹⁰ Страбон. XI. IV. 4. 6; ВДИ. 1947. № 4. С. 220.
- ¹¹ Там же. Древние часто преувеличивали численность войск.
- ¹² Страбон. XI. IV. 1—8; V, 6; ВДИ. 1947. № 4. С. 219—225.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Страбон. XI, V, 7; ВДИ. 1947. № 4. С. 224.
- ¹⁵ Тацит. Анналы. VI, 33 (Далее: *Тацит*) ВДИ. 1949. № 3. С. 210.
- ¹⁶ Плиний Старший. Естественная история. IV, 38 // ВДИ. 1949. № 2. С. 302.
- ¹⁷ Тацит. XII, 15—18; ВДИ. 1949. № 3. С. 213—215.
- ¹⁸ Посид Флавий. Иудейские древности // ВДИ. 1947. № 4. С. 336.
- ¹⁹ Аммиан Марцеллин. История // ВДИ. 1949. № 3.
- ²⁰ Страбон. XI; V, 8; ВДИ. 1947. № 4. С. 280.
- ²¹ Клавдий Птолемей. География. XI, 1—7 // ВДИ. 1948. № 2. С. 252—254.
- ²² Страбон, XI; IV, 5; ВДИ. 1947. № 4. С. 220.
- ²³ История Армении Фавстоса Бузанда. Ереван, 1953. С. 13, 14.
- ²⁴ *Marisc A. Resgestae divi Saporis // Syria. P., 1958. T. 35. N 1—4. P. 306—307.*

СТАНОВЛЕНИЕ
ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава V

«ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ»
И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

1. Нашествие кочевых племен

Гунны на Северном Кавказе. Около III в. до н. э. в Северном Китае и Монголии образовался крупный союз кочевых скотоводческих племен гуннов (или хуннов). В конце I — середине II в. часть их появилась в Средней Азии и Приуралье. Приблизительно в это время отдельные группы гуннов стали проникать в Восточную Европу и на Северный Кавказ. Согласно данным Птолема, «между бастернами и роксаланами живут хуны» в Причерноморье¹. Армянский писатель V в. Фавстос Бузанд упоминает о гуннах в связи с событиями 30-х годов IV в. Царь маскутов Санесон, сообщает он, собрал огромное войско в составе «гуннов, похов, таваспаров, хегматаков, ижмахов, готов и гдуаров, гутаров, шигбов, и биласичев, и егарсанов, и несметное множество других разноплеменных кочевых неоседлых племен» и напал на армянского царя Хосрова II². Однако подавляющая часть гуннских племен оставалась к востоку от Поволжья.

Массовое вторжение гуннов в Восточную Европу и на Кавказ началось в 70-х годах IV в. По словам антиохийского грека Аммиана Марцелина, гунны отличаются физической силой, грубым, «чудовищным и страшным» видом. «Питаются они кореньями и полусырым мясом». У них никто не занимается хлебопашеством и не касается сохи. «Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам... с кибитками, в которых они проводят жизнь... гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми»³. Из оружия наибольшее распространение у них имели железные мечи и большие дальнбойные луки со стрелами, снабженные зачастую костяными наконечниками. Важной принадлежностью вооружения гуннов был также аркан, которым они, ловко забросив на противника, стаскивали его с лошади и захватывали в плен или убивали.

Экономика гуннов целиком базировалась на экстенсивном кочевом скотоводстве. Недостаточное развитие производительных сил ставило существование этих племен «в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать... Давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий

Азии вторгаться в государства Древнего мира»⁴. Гунны находились на той ступени социально-экономического развития, когда война ведется «только ради грабежа, становится постоянным промыслом»⁵. Немаловажное влияние на движение гуннов на запад оказывали и внешние факторы. Потерпев ряд поражений от племен тоба, вытесненные из Семипречья, гунны, присоединив к себе значительные массы других племен Средней Азии, откатились на запад, что, в свою очередь, привело к дальнейшему увеличению «избытка населения» в степях Приуралья и прилегающих к нему областях.

Многочисленные, но разрозненные племенные союзы Восточной Европы и Предкавказья не могли выдержать стремительного натиска гуннов. Не в состоянии оказалась противостоять им и Римская империя, где политический кризис, связанный с общим кризисом рабовладельческой системы, особенно сильно обострился к IV в.

Гунны выступали под военным предводительством вождей одного и того же рода, возглавлявшего мощный союз племен в порядке наследственной привилегии. Вместе с тем во главе отдельных племен, входивших в гуннское объединение, стояли свои наследственные вожди.

Первыми, на кого обрушились гунны после форсирования Волги в начале 70-х годов IV в., были аланские племена, кочевья которых занимали прикаспийские и предкавказские степи до низовий Дона. Аланы оказали им упорное сопротивление. Но гунны, по словам Марцеллина, произвели «страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе»⁶.

В 371 г. главные силы гуннов, увлекая за собой покоренные массы алан, продвинулись через низовья Дона к Северному Причерноморью. Другая часть гуннов, преследуя уцелевшие группы аланских племен, двинулась на Северный Кавказ по прикаспийским степям на юг — до Терека и Кубани, а затем на запад — до Таманского полуострова. Производя страшные разрушения и опустошения на этом пути, они вышли через Крым в междуречье Дона и Днепра и там соединились с основной ордой, двигавшейся более северной дорогой. Затем гунны внезапно вторглись во владения восточногерманских племен готов, продвинувшихся еще в первой половине III в. из Прибалтики и бассейна р. Вислы вплоть до Северного Причерноморья и Крыма.

При первых же ударах гуннов готский союз разнородных племен, занимавший обширную территорию от Северного Причерноморья до Дуная, а также Молдавии и лесостепной Украины, распался. Их вождь Германих покончил жизнь самоубийством, а некоторые племена (в частности, росоманы) перешли на сторону завоевателей. Большая же часть готов, в основном западные (визиготы), были в 376 г. вытеснены в пределы Восточно-Римской империи, а восточные готы (остготы) оказались под властью победителей. Наибольшая часть этих племен уцелела в Крыму, где они в V в. были известны под названием готов-тетракситов. Опустошив завоеванную у готов территорию, гунны начисто уничтожили так называемую черняховскую культуру. Затем, разорив ряд городов Римской империи, гунны временно остановили свое движение на запад. За спиной устремившихся на запад гуннов в степях Восточной Европы утвердилось могущественное племя акациров. На Северном Кавказе обосновались предки болгар. Судя по имеющимся сведениям, гунны в период вторжения на Северный Кавказ и Восточную Европу имели разноплеменные политические организации. Борьба за объединение разрозненных частей гуннского этнолингвистического массива сопровождалась кровопролитными побоищами побежденных.

В конце IV—V в. гунны и другие связанные с ними кочевники совершали через Северный Кавказ опустошительные походы в Закавказье и переднеазиатские страны. В 395 г. огромная гуннская орда ворвалась в Закавказье, оттуда вторглась в пределы Ирапа, прошла Сирию и Малую Азию. Весь Восток «содрогнулся» при внезапно разнесшемся известии о том, что «от далекого Меотиса, земли ледяного Танаиса и страшного народа массагетов, где в Кавказских ущельях дверью запертые дикие народы, вырвалась орда гуннов»¹. Однако под натиском крупных сил персов гунны вынуждены были отступить на Северный Кавказ мимо Апшерона через Дагестан.

Гуннское нашествие имело крайне тяжелые последствия для Северного Кавказа. Походы завоевателей сопровождалась грабежом и разорением, погромами городов и поселений, истреблением населения. Многие жители Северного Кавказа оказались вовлеченными в войны гуннов с Ираном и Византией, а отдельные районы региона превратились в арену кровопролитной войны между ними. Все это подрывало производительные силы, тормозило социально-экономическое и культурное развитие народов Северного Кавказа.

Нашествие гуннов существенно перекроило политическую и этническую карту Северного Кавказа. Было уничтожено Боспорское царство, разрушены многие античные города Крыма и Северо-Восточного Причерноморья — Тиритака, Кепы, Фанагория и др. Восточное Приазовье стало ареной безраздельного господства кочевников. Встречающиеся здесь в единичных случаях памятники V—VI вв. (Елизаветинский 2-й, Пашковский 1-й могильники), связываемые с меотами, говорят об обратном переселении незначительной группы протоадыгского этноса, что, вероятно, стало возможным в условиях относительной стабилизации политической обстановки после первых гуннских погромов.

Положение адыгских племен еще больше ухудшилось в связи с тем, что в конце IV или начале V в. н. э. выселившиеся из Крыма готы-тетрактиты захватили часть Черноморского побережья на Тамани и в прилегающих к нему районах, вытеснив оттуда керкетов на восток.

В результате всего этого в IV—V вв. политическая роль меотских племен на Северо-Западном Кавказе была настолько подорвана, что их этническое название очень редко упоминается в письменных источниках того времени. Аналогичные последствия гуннское нашествие имело и для аланских племен Северного Кавказа. Под натиском гуннов многочисленные группы алан, избежавшие истребления или не вовлеченные в движения кочевников на запад, отступили из степных районов на юг, главным образом на правобережье Терека (с. Малкай) и в верховья Кубани, где в последние века до н. э. и в начале нашего летоисчисления проживало родственное им праноязычное население, а также автохтонные кавказские племена. О резком увеличении плотности населения в связи с переселением алан свидетельствуют большое число бытовых и погребальных памятников V—VI вв. н. э. и увеличение размеров городищ Нижне-Джуглайского, Терекского, Хамидиевского, Алханкалинского и др.

Судя по остаткам катакомбных могильников алан, они в основном продвинулись в места, прилегающие к удобным перевальным путям, ведущим в Закавказье (Дарьяльский проход у верховий Терека, Клухорский перевал в верховьях Кубани). В целом же значительную часть населения горной зоны края составляли местные кавказские племена. На равнинную территорию вплоть до предгорий зоны Центрального Кавказа в V—VI вв. проникали также и отдельные гуннские племена.

Неисчислимые бедствия принесло нашествие гуннов и населению Дагестана. Захватив в конце IV в. Прикаспийскую низменность, они разорили города и селения, уничтожили производительные силы, истребили большое число жителей. Территория Дагестана, расположенная между современным г. Махачкала и р. Уллу-чай, стала называться «Страной гуннов», а часть населения приморских районов — «гуннами». Однако под этим наименованием скрывалось и оставшееся здесь автохтонное население Дагестана. На это указывают памятники «Царства гуннов» — «гуннский» город Таргу, Урцекское и Махачкалинское городища, катакомбные захоронения в Джемикенте, на р. Гамри-озень, у с. Утамыш близ ст. Манас и др.

В приморской части Дагестана и Азербайджана (от р. Дароваг-чая и района Дербента до р. Куры) проживали также племена праноязычных маскутов.

Гуннское нашествие тяжело отразилось также и на положении племен горного Дагестана. Захват гуннами Прикаспия резко ограничил жизненно необходимые для горцев контакты и взаимосвязи с населением равнин Дагестана. А походы и погромы кочевников представляли прямую угрозу для существования самого населения гор, и оно упорно отстаивало свою независимость. Видимо, этим в известной мере и объясняется возникновение в IV—V вв. многочисленных укрепленных поселений в горах (Охлинское, Ахкентское, Урминское и др.), зачастую прикрывающих важнейшие пути во внутренний Дагестан (городища Сигитминское, Шамшахар и др.).

Обосновавшись в прикаспийской части Дагестана, гунны активно вмешивались в политические дела Закавказья, совершали многократные походы в Кавказскую Албанию, Армению, Грузию. Территория Дагестана, особенно ее южно-прикаспийская часть, превратилась в один из главных очагов кровопролитных войн на Северном Кавказе, в которые вовлекались и местные племена.

После смерти Атиллы, как известно, гуннский племенной союз распался. Часть гуннских племен осталась на Дунае и в Причерноморье, а часть оточевала на Восток (гунны-эфталиты). В связи с этим стали возникать новые племенные союзы. Причем некоторым военным объединениям удавалось распространить свою власть на большую территорию, но эфемерные союзы не были долговечны: они распадались с такой же быстротой, с какой и возникали. По традиции эти племенные союзы и различные этнические группы Северного Причерноморья и Предкавказья письменные источники называли «гуннами». Но вместе с тем все чаще стали возникать и другие кочевые племена, появившиеся в Восточной Европе и на Северном Кавказе еще с гуннами.

Болгары. Утигуры и кутригуры. В V в. сложился союз тюркоязычных племен, которые со временем стали называться «болгарами». Основной территорией расселения их было Северное Причерноморье и Восточное Приазовье вплоть до р. Кубани. Отдельные группы болгар проживали и на территории Дагестана. За Каспийскими воротами, говорится в сирийской хронике Захария Ритора, составленной в середине VI в., живут болгары «со (своим) языком, народ языческий и сарварский». И далее перечисляется 13 народов, живущих в палатках и существующих «мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием»⁸. И действительно, под именем гуннов и болгар были известны родственные болгарам утигуры (т. е. «малые угры») и кутригуры. Утигуры занимали господствующее положение среди гуннских племен Восточного Приазовья, а кутригуры

стояли во главе племен Причерноморья. Вдоль северо-западного побережья Черного моря, по соседству с аланами, сообщает Прокопий Кесарийский, «осели многие племена гуннов». Занимаемая ими территория от Черного моря до Меотского озера и р. Танаис (Дон) называется Евлисейей и населена варварами, которые «в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами».

Племенные союзы утигур и кутригур оказались беспокойными соседями не только для народов Северного Кавказа, но и Восточно-Римской империи. Начиная с 499 г. они не раз вступали в вооруженную борьбу: вторглись во Фракию, опустошили Балканский полуостров, а в 539—540 гг. проникли в Грецию и даже в Малую Азию. Но, располагая силами для их отражения, византийские императоры, ловко разжигая жадность кочевников подкупом и посулами, натравливали их друг на друга. В 552—553 гг. утигуры, воспользовавшись тем, что основные силы кутригур находились в придунайских областях империи, напали на них. Несмотря на отчаянное сопротивление, кутригуры были разбиты, «лишь немногие бежали и спаслись, кто как мог». Тогда же в Византию вернулись и находящиеся у кутригур пленники-romeи, исчислявшиеся «многими десятками тысяч»⁹. Кутригуры оказались вынужденными заключить с Византией мирный договор, по условиям которого в случае невозможности вернуть свою землю, империя обязывалась предоставить кутригурам земли для поселения, а они, в свою очередь, обязаны были сохранить границы Византии. Этот договор вызвал недовольство среди правящей верхушки утигур. Казалось, конфликт был неизбежен. Однако византийскому императору богатыми дарами удалось успокоить утигур. В 559 г., когда кутригуры, перейдя Дунай, вторглись в пределы Византии, утигуры вновь выступили против кутригур. Ловкая политика Византии вызвала ожесточенную борьбу между родственными племенами — утигурами и кутригурами; которая довела их почти до взаимного истребления. «Подорвав свои силы и разорив себя,— говорит Агафий,— они даже потеряли свое племенное имя... Если и сохранилась их часть,— продолжает он,— то, будучи рассеянной, она подчинена другим и называется их именами»¹⁰.

Савиры. Другое крупное объединение гуннских племен связано с именем савиров (сувар, субар, сибир). Вытесненные из Западной Сибири более сильными племенами, они расселились к западу и востоку от низовьев Волги, завладели равниной вдоль Каспийского моря и Кавказских гор до Дербента. Савиры, по словам Прокопия Кесарийского, — племя многочисленное, «разделяется ... на множество самостоятельных колен. Их начальники вели дружбу — одни с римским императором, другие — с персидским царем. Из этих властителей каждый обычно посылал своим союзникам известную сумму золота ... по мере надобности»¹¹. Аналогичную оценку савирам дает и Агафий. «Этот народ,— говорит он,— и величайший и многочисленнейший, весьма жаден и до войны и до грабежа, любит прожывать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу, присоединяясь в качестве участника войны и опасностей то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с римлянами, то с персами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим»¹².

И действительно, савиры склонялись то на одну, то на другую сторону двух постоянно соперничавших между собой держав — Византии и Ирана, которые старались распространить свое влияние на Кавказе.

В самом начале VI в. савиры, пройдя через «ворота», которые охранялись персами, и «через тамошние горные места, достигли персидских пределов» и потребовали от сасанидов увеличения сумм, платимых им Ираном. «Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся всякой мясной пищей», — говорили они. Византийский император «обещал нам умножить подать, если мы разорвем дружбу с вами, персами... или дайте нам столько, сколько (дают) ромеи... или принимайте войну». Сасаниды обещали удовлетворить их требования, но, использовав благоприятную обстановку рассредоточения их сил, напали на гуннов-савир, однако одолеть не смогли¹³. В связи с этими событиями, очевидно, связан поход гуннов-савир в 515 г. в Закавказье.

В 527 г. могущественная правительница савир Боарикс — «вдова, под властью которой находилось сто тысяч гуннов», заключила союз с Византией. Сасанидский шах Ковад склонил на свою сторону «двух царей других гуннских племен», живущих во внутренних краях, помогать ему в войне против римлян. Когда они проходили двенадцать тысячами войска в Персию через владения «царицы», Боарикс напала на них, одного из них — Глениса — убила в сражении, а другого — Стирака — захватила в плен и отослала в Константинополь¹⁴. В последующие годы, как увидим ниже, савиры принимали участие в ирано-византийских войнах то на стороне сасанидов, то на стороне империи, а чаще всего на стороне Ирана. Это, очевидно, объяснялось тем, что савиры были северными соседями сасанидской державы, тогда как непосредственные связи с Византией были затруднены отсутствием общей границы.

Авары. Тюркоты. В VI в. в политической обстановке в Средней и Центральной Азии произошли существенные изменения. Разгромив жужанский каганат, племена тюркотов (ту-кю) образовали еще более обширный Тюркский каганат. Правящая династия из рода Ашина (волк) была монгольского происхождения. Часть жужаней оказалась ассимилированной тюрками, другая часть тюркских, монгольских и угро-финских племен, возглавляемых аварами, двинулась на запад. В 50-х годах VI в. они появились в степях Северного Кавказа. Савиры и другие гуннские племена, по словам Феофилакта Симокатта, «почтили» аваров «блестящими дарами, рассчитывая тем самым обеспечить безопасность»¹⁵. Однако авары, заключив союз с аланами, обрушились на болгар и подчинили их своей власти.

В 558 г. при посредничестве аланского «царя» Сарозия авары вступают в переговоры с Византией. Аварский посол Кандих вызывающе заявил византийскому императору: «К тебе приходит самый великий и сильный из народов; племя аварское неодолимо, оно способно отразить и истребить противников. И поэтому тебе полезно будет принять авар в союзники и приобрести себе в них отличных защитников: но они только в том случае будут в дружеских связях с Римской державою, если будут получать от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно и будут поселены тобой в плодородной земле»¹⁶. Византия решила удовлетворить аваров и заключить с ними союз, поскольку в это время кутригуры были готовы вторгнуться в пределы империи. Однако авары, заключив мир с Византией, недолго соблюдали союзнические отношения. По указке императора они напали на савир и салов, но вскоре же, вопреки желаниям Византии, вмешались в борьбу болгарских племен, приняли сторону кутригур и напали на союзников империи утигур. А в 560—561 гг. авары перешли Дон, разгромили славян-антов и в конце концов стали оседать на среднем течении Дуная, где и образовали Аварский каганат, который

объединил различные племена, не имевшие ни общей экономической базы, ни общего языка. После этого авары начали войну с Византией. В 626 г. они даже задумали захватить Константинополь. Однако под Константинополем авары были разбиты. Это поражение аваров послужило началом повсеместного выступления местных народов против Аварского каганата. Около этого времени в Предкавказье вторглись тюркоты и заняли всю приморскую часть Северо-Восточного Кавказа до самого Дербента. Сувар, где уже зародилась государственность, стал федератом Западно-Тюркского каганата. Тюркские ханы охотно включали суварских воинов как квалифицированную военную силу, владеющую навыками военной техники, и особенно стенобитными машинами, в свои отряды как равноправных союзников. Правителем Западно-тюркского каганата, представлявшего весьма агрессивную и грозную силу, был тогда каган Истема. Он потребовал от Ирана выплаты дани, но сасаниды оставили это требование без ответа, а Истема не решился на войну. Позже тюркский каган не раз вступил в борьбу.

Однако в 569 г. военные действия прекратились, а в 571 г. между сасанидами и тюркотами был заключен мирный договор, после чего Истема перенес военные действия против аваров, занявших степи от Савы до Дона, и их союзников алан. В итоге этой борьбы тюркоты овладели всем Северным Кавказом. Теперь владения тюркотов у Боспора стали непосредственно граничить с Восточно-Римской империей.

Византия, будучи зажата сасанидами с одной стороны и аварами — с другой, решила поправить свое положение заключением союза с Тюркским каганатом. Начались оживленные переговоры. Но желанного союза Византия не добилась. Поэтому в 570 г. Византия оказалась вынуждена заключить невыгодный для себя мир с аварами.

Тюркоты напали на Боспор и взяли его; этим, по словам Менаандра, «обнаружилось, что тюрки ведут борьбу против римлян». Затем они напали на Крым, а в 582—583 гг. пытались через Кавказ проникнуть в Византию, но успеха не достигли. Вскоре в каганате развернулась междоусобная брань, и в связи с этим тюркоты прекратили войну с Византией. Но недолго длился мир. К лету 589 г. тюркоты начали военные действия уже с Ираном, но, пройдя через Дарьяльское ущелье, тюркоты вынуждены были в панике отступить. В военные действия оказались вовлеченными и народы Северного Кавказа: осы, дзурдзуки, дидойцы и др.

Итак, в IV—VI вв. на Северном Кавказе возникло несколько крупных племенных союзов, представлявших собой однотипные конгломераты родоплеменных объединений.

Эти эфемерные объединения в силу ряда внутренних и внешних причин, из которых не последнюю роль играло вовлечение их в сферу общей евроазиатской политики Византии и Ирана, оказались не в состоянии сохранить свою целостность. А очередной натиск тюрков во второй половине VI в. привел к их распаду. Однако население, входившее в эти родоплеменные союзы, оставалось на Северном Кавказе. Естественно, что неоднократные вторжения многочисленных тюркоязычных племен эпохи «великого переселения народов» не только существенно отразились на особенностях социально-экономического и культурного развития Северного Кавказа, но и положили начало новому направлению этнических процессов — тюркизации отдельных групп населения региона.

2. Северный Кавказ в ирано-византийских отношениях в середине I тысячелетия нашей эры

Агрессия Византии на Северо-Западном Кавказе. В V—VI вв. продолжалась дальнейшая активизация политики на Северном Кавказе двух крупнейших, постоянно соперничавших между собой держав — Византии и Ирана. При этом они стремились не только укрепить свои границы, но и распространить свое влияние на Северный Кавказ, который представлялся для них богатым источником сельскохозяйственных продуктов, неисчерпаемых людских резервов в их бесконечных войнах, ареной для расширения транзитной торговли с Восточной Европой, Поволжьем и Приуральем. Для достижения своих целей императоры Византии и шахи Ирана, помимо прямых военных акций на Северном Кавказе, пользовались также целым арсеналом иных средств — подкупами местных вождей и военачальников, натравливанием одних племенных объединений на другие и т. п.

Еще при императоре Юстине I (518—527 гг.) Византия утвердилась на Боспоре, находившемся ранее под властью гуннов. Но особенно упрочились позиции Византии в Северо-Восточном Причерноморье и Приазовье при Юстиниане I (527—565 гг.). Поскольку основной противодействующей силой на данной территории в тот период являлись утигуры и кутригуры, то острее византийской дипломатии было нацелено против них. Причем, как мы видели выше, широко использовался старый, но испытанный метод — подкупы и натравливание этих племенных объединений друг против друга, а также привлечение на свою сторону других кочевников Предкавказья. В 528 г. в союз с Византией вступила могущественная правительница савиров Боарикс, а в Константинополе крестился и тем самым перешел на сторону Византии утигурский князь Горд. Вскоре, однако, восставшие соплеменники-язычники убили Горда, вождем был поставлен Муагерия (Мунла); города Кепы и Фанагорию на Таманском полуострове разрушили, но это мало изменило положение. В 533 г. византийские войска во главе с комитом Иоанном восстановили права империи на обоих берегах Керченского (Боспорского) пролива. «И стал жить Боспор,— сообщает Иоанн Малала, автор VI в.,— в мире под римской властью»¹⁷. Об утверждении власти Византии на Тамани свидетельствует также обнаруженная здесь в 1893 г. надпись о строительстве здания при участии имперского комита и трибуна¹⁸. Приазовские кочевники уже не представляли большой опасности, так как в результате нескольких походов утигур, склонившихся на сторону Византии, кутригурское объединение было обескровлено.

Весьма неровным были взаимоотношения Византии и с другими народами Северного Кавказа. Поэтому-то если значительная часть адыгов, прежде всего зихов, и западная группа алан — жителей верховьев Кубани и Пятигорья — придерживались византийской ориентации, то восточные аланы бассейна р. Терек, как, впрочем, и савиры на территории Дагестана, чаще выступали на стороне Ирана. Однако суверенитет Византии в Северо-Восточном Причерноморье и Приазовье сохранялся вплоть до конца VII в.

Экспансия Ирана в Южном Дагестане. Основным направлением агрессивной политики сасанидского Ирана в конце IV—VI в., как и в предшествующий период, являлась территория Восточного Кавказа. Она привлекала иранских правителей не только своими богатыми природными

ресурсами, но и чрезвычайно выгодным географическим положением, весьма важным в военно-стратегическом и торгово-экономическом отношениях. Подчинив своей власти Северный Азербайджан и Южный Дагестан, сасаниды особое внимание уделяли укреплению Кавказских проходов, и главным образом Дербентского. Уже первые сасанидские цари, как отмечалось выше, прилагали большие усилия, чтобы укрепиться в этих важнейших воротах из Юго-Восточной Европы в Переднюю Азию.

В связи с антииранским восстанием народов Закавказья в середине V в. в проходе Чора были возведены персидские укрепления¹⁹.

При археологических исследованиях выяснилось, что основная фортификация Дербента, по всей вероятности, построенная около 439—450 гг. при Исаидгерде II (439—457), состояла из мощной стены толщиной 8 м, сложенной из крупного сырцового кирпича. Она тянулась от моря до вершины Дербентского холма, на котором возвышалась цитадель из такого же кирпича; толщина ее стен достигала 5—6 м. Эти глиняные укрепления являются первым этапом фортификационного строительства в Дербенте. С этого времени он начинает превращаться из военно-стратегического пункта в крупный политический и экономический центр Кавказа. Дальнейшее укрепление власти Ирана на Восточном Кавказе было ознаменовано возведением в Дербенте огромного оборонительного комплекса из камня.

Обычно принято считать основателем этого колоссального сооружения одного из самых могущественных парей сасанидской династии — Хосрова I Анушйрвана (531—579 гг.). Однако не исключено, что какая-то часть работ по сооружению каменного комплекса Дербента могла быть начата при Перозе (459—484) и Каваде (488—531)²⁰. Временем правления Хосрова I датирует большинство исследователей строительные пехлевийские (среднеперсидские) надписи на стенах Дербента, в которых, как предполагается, было зафиксировано и само название города. Однако все работы по возведению грандиозного укрепления выполняли жители Албании. «Цари персидские, — подчеркивает албанский историк Моисей Каганкатвади, — извурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания (дербентских стен — *Ред.*), которое соорудили между горой Кавказа и великим морем восточным (Каспийским. — *Ред.*)»²¹. Персидские цари, всемерно укрепляя обороноспособность Дербента, переселяли сюда значительное количество военных колонистов из внутренних районов Ирана. Эти меры позволили сасанидам перекрыть важнейшую международную трассу — Прикаспийский путь — и в течение двухсотлетнего периода успешно сдерживать натиск мощных объединений кочевников на северные границы государства.

Война Византии и Западно-тюркского каганата против Ирана. В середине VI в., как отмечалось выше, тюрки выступали в союзе с Ираном. Но после 567 г. этот союз неожиданно сменился враждой. В связи с этим тюрки стали добиваться установления союза с Византией. С этой целью в 569 г. они направили в Константинополь посольство во главе с согдийцем Маниахом, которое через Кавказ добралось до столицы империи и встретило здесь радушный прием²². Причины этого очевидны — византийцы не менее тюрков были заинтересованы в установлении антииранского союза: к этому Византию толкали как военно-политические, так и экономические факторы. Поступающий в Константинополь в большом количестве восточный шелк представлял в те времена особую ценность. Шелк шел не только на удовлетворение потребностей византийской знати, но и на подарки, подкуп европейских государей и вождей

кочевых племен, наем необходимого числа воинов. Стало быть, восточный шелк был важным орудием в руках византийской дипломатии. Однако «Великий шелковый путь» из Китая в Византию шел через Северный Иран (города Рей — Хамадан). Пользуясь этим, сасаниды ввели в качестве пошлины значительную часть шелка, а затем по повышенной цене продавали Византии. Византия не могла мириться с этим, и поэтому она была заинтересована в перенесении «шелкового пути» в обход Ирана. В свою очередь, турки и особенно пахотыющиеся в их зависимости согдийцы были заинтересованы в максимальном расширении торговли шелком. Дело в том, что в руках турков сосредоточилось большое количество награбленного или полученного в виде дани от покоренных народов Востока шелка. Поэтому турки были крайне озабочены тем, чтобы добиться от сасанидов разрешения на провоз шелка через Иран.

Пойти на эту сделку сасаниды не могли, так как свободный провоз шелка через Иран был бы только на руку Византии. Интересы турков и Византии в этом вопросе совпадали. Этим, пожалуй, объясняется и то, что вместе с возвращающимся Маннахом к туркам выехал и византийский посол Земарх. Каган Истеми оказал Земарху благосклонный прием. Союз Византии и Тюркского каганата был заключен. А вскоре начались и военные действия против Ирана.

Союз Византийской империи с каганатом и их военные действия против персов не могли не отразиться на «Великом шелковом пути». С конца VI в. его трасса перемещается к северу и из Согды теперь направляется через плато Устюрт и Северный Прикаспий в степи Северного Кавказа. Вероятно, предкавказская часть трассы шла от низовьев Волги к Ставропольской возвышенности и, миновав ее, выходила в долину Кубани. Об этом пути, известном византийцам и туркам, упоминает Менаандр²³.

Дальнейшее направление «Великого шелкового пути» документально археологическими памятниками и находками китайского, византийского и среднеазиатского шелка. Все эти находки привозных тканей, сконцентрированные на территории современной Карачаево-Черкесии (от с. Хасаут на востоке до могильника Мощевая балка близ с. Курджиново на западе) датируются VII—IX вв. Топографически они тяготеют к перевалам Северо-Западного Кавказа. Основными перевалами, ведущими с Северного Кавказа к черноморским портам Абхазии, были Клухорский (по Кубани, Теберде и ее правому притоку Гоначхир) и Сапчарский (по Большому Зеленчуку и Большой Лябе). В зависимости от местных климатических условий и военно-политических обстоятельств роль этих двух перевалов могла меняться и сообщение шло по более доступному и безопасному перевалу. Известно, что возвращавшееся в Византию посольство Земарха было предупреждено алаиским царем Саросием о том, что на дороге через землю мидийцев находятся в засаде персы. Послав по этой дороге десять посыльчиков с шелком, Земарх по совету Саросия, направился по более западной Даринской дороге и прибыл в Апислию²⁴ — часть современной Абхазии с главным городом Сухуми. Видимо, Земарх следовал через перевал Сапчаро, обогнув путь через Клухорский перевал и Цебельду.

Многочисленные находки остатков шелковых тканей не оставляют сомнения в том, что алапы, контролировавшие перевалы, получали эти ткани в качестве пошлины. Анализ найденных в северокавказских могильниках шелковых тканей дает представление о соотношении стран-импортеров в этом международном товарообороте: около 50% шелковых тканей согдийского производства, около 25% — византийского и около 18—20% — китайского. Как видно, среднеазиатские ткани доминировали.

Итак, во второй половине VI в. было положено начало новой трассы «Великого шелкового пути», сыгравшего и в последующий период немалую роль в социально-экономическом развитии племен бассейна верхней Кубани.

3. Зарождение феодальных отношений

Углубление социального неравенства. Опустошительные нашествия кочевников имели самые отрицательные последствия, особенно для степных и предгорных районов Северного Кавказа, где аборигенное население было оттеснено или даже заменено новым пришлым (кочевым). Нашествие кочевников не только затормозило, но и в некоторой степени отбросило назад экономическое и культурное развитие региона. Однако в дальнейшем со стабилизацией внешнеполитической обстановки начался поступательный процесс социально-экономического развития народов Северного Кавказа. Крупные этнические перемещения, столь характерные для рассматриваемой эпохи, и передвижения местного оседлого населения с мест первоначального обитания, а также начавшийся со временем процесс оседания кочевников на землю увеличили плотность населения степных и предгорных районов Северного Кавказа. На это обстоятельство указывают материалы могильников Гиляч и Тамгазык в Карачаево-Черкесии, погребения у Вольного Аула и г. Майского в Кабардино-Балкарии, катакомб на р. Березовке и в районе г. Кисловодска, в Пятигорье около сел. Брут и хут. Октябрьское в Северной Осетии близ г. Грозного и сел. Мартан-Чу в Чечено-Ингушетии и др. Причем распространение катакомбных могильников указывает на прилив населения и оседание в различных частях Центрального и Северо-Восточного Кавказа древних кочевых и полукочевых племен сарматов массагетского происхождения, и в первую очередь алан.

Относительно редкое население Предкавказья позднесарматского периода уступает место целым этническим массивам, особенно наглядно документированным множеством бытовых памятников. С V—VI вв. в речных долинах и по линии лесистых предгорий, на возвышенных и естественно укрепленных местах возникает густая сеть городищ с мощными культурными слоями и оборонительными сооружениями — каменными стенами в бассейне Кубани и в районе Пятигорья, глубокими земляными рвами — преимущественно на территории Центрального Предкавказья и Чечено-Ингушетии. Некоторые городища, основанные задолго до гуннского нашествия (Нижний Джулат, Терекское, Хамидиевское, Киевское, Алхан-Кала) в силу предшествующих традиций и выгодного положения на пересечении транзитных и местных путей, наличия местных рынков быта и обмена товаров развиваются более ускоренными темпами, становясь, очевидно, экономическими центрами округа.

Такие крупные городища, проявившие определенную тенденцию к превращению в города раннефеодального типа, не могли не привлекать внимания средневековых авторов. У аланов, сообщает Захарий Ритор, пять городов²⁵. В результате социально-экономического развития алан и воздействия на них соседей на правом берегу Кубани, на территории современной Кабарды, в верховьях Терека и в бассейне Сунжи стали возникать аланские земледельческие поселения и городища. Исследование их показало, что аланы занимались земледелием и скотоводством. Заметную роль в хозяйстве алан, как это видно по находкам археологов, занимали рыболовство и охота. Поддерживали аланы и торговые связи с Востором,

приобретая необходимые товары и сбывая, в свою очередь, продукты скотоводства.

У некоторых городищ концентрировались крупные массы населения. Вокруг городища Алхан-Кала, имеющего длину до 1 км, например, расположено огромное количество курганов, часть которых относится к рассматриваемому времени. Одновременно с ростом городищ происходит усложнение их планировки: рвы членят городища на две, три и более части, что связано не только с увеличением обжитой площади и необходимостью ее укрепления, но и с углублением процесса социально-имущественной дифференциации внутри общества.

Своеобразный «демографический взрыв», вызванный этническими перемещениями и частичным переходом кочевников к оседлости в V—VI вв., способствовал активному развитию производительных сил на базе пахотного земледелия и отгонного (традиционного в условиях Северного Кавказа) скотоводства. Сосредоточение прибавочного продукта, получаемого за счет масс трудящихся — общинников, в руках родоплеменной верхушки, сопровождалось накоплением материальных ценностей, добываемых во время военных предприятий. Известны случаи крупных выплат северокавказским аланам и гуннам за их военное союзничество с персами и византийцами в VI в.²⁶ Сосредоточение крупных материальных ценностей ускорило процесс социального расслоения. Предводители — вожди или «начальники народов» того времени в Алании, часто именуемые средневековыми авторами «царями» (например, Саросий в VI в.), по своему социальному и имущественному положению, равно как и по некоторым функциям в обществе, заметно отличались от вождей периода родового строя и, скорее всего, представляли собой феодализирующуюся аристократию.

Под воздействием внутренних экономических факторов и влиянием местного земледельческого населения начали переходить к оседлой жизни и отдельные группы болгар и савир Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа — об этом со всей убедительностью свидетельствуют археологические материалы Андрейаульского, Верхне-Чирюртовского, Казар-Калинского городищ, Верхне-Чирюртовского могильника и других памятников. По сведениям Захария Ритора, за Каспийскими воротами живут болгары: «У них есть города»²⁷. Однако процесс оседания у них, так же как у савир и остальных тюркоязычных кочевников этого времени, происходил довольно медленно, так что основными жителями этих «городов» было старое местное население.

Судя по имеющимся данным, среди кочевников Северного Кавказа были общности с различным культурно-хозяйственным укладом и разным уровнем разложения кровно-родственных связей и становления раннеклассового общества. По Захарью Ритору, — это «аунгур аугар, савир, булгар, куртагар, авар, хазар, дирмар, сиргур, баграск, кулоск, абдел, афталит»²⁸.

Каждое племенное подразделение управлялось своими старейшинами, а объединение племен возглавлялось военным вождем, власть которого имела явную тенденцию стать (или уже стала) наследственной. Одно из наиболее активных племен — акациры (*тюрк.* агац-ере — лесной человек), т. е. жители, либо связанные с лесом, либо расселившиеся в лесных районах после миграции²⁹. У гуннов-хайландур, отождествляемых рядом ученых с аугандурами, сообщает Егише, свой «царский род»³⁰. Правителей гуннов Болоха и Грода Феофан Исповедник и Гевонд называют «князьями», а вдову Болоха — Боарикс — «царицей», ее недругов Стирака и Глениса, о которых речь шла выше, — «царями других гуннских племен».

И все же из сообщения Феофана можно заключить, что «царица Боарикс была главной правительницей савиров», а Стирак и Гленис, «обитающие во внутренних краях», — вождями вассальных племен. Выделяющаяся племенная знать и главным образом военные предводители кочевых объединений сосредоточивали в своих руках богатства, скот и всевозможные драгоценности, награбленные во время походов или полученные в дар от союзников. Об этом свидетельствуют хотя бы археологические материалы, и в частности уже упоминавшееся выше захоронение богатого дружинника или военного предводителя у сел. Кипшек в Кабардино-Балкарии. Здесь, в огромной могильной яме, обнаружено большое количество золотых, позолоченных и серебряных изделий (пряжки, бляхи от конской сбруи, бляшки от одежды, а также великолепный шлем «иранского» типа, железные канделябры, предметы вооружения, остатки кольчуги и седла, различные сосуды и пр.) (рис. 1).

О далеко зашедшем в V—VI вв. процессе имущественного и социального расслоения кочевников свидетельствует также наличие у них большого количества рабов из военнопленных. Однако по своему положению рабы отличались от бедных сородичей и обслуживающих их скотоводческое хозяйство в основном тем, что они лично не были свободны. Со временем они могли обзаводиться семьями, иметь небольшое количество скота и личного имущества. Захарий Ритор сообщает, что пленники у гуннов через три-четыре года обзавелись семьями и детьми³¹.

Социальное развитие местного населения. Социально-экономическое развитие у адыгских племен Закубанья с глубокой древности базировалось на плодородных черноземных почвах и совершенной для своего времени сельскохозяйственной технике. Адыги еще в предшествующие периоды, как отмечалось выше, занимались плужным земледелием, выращивали мягкую пшеницу, просо, бобовые растения. В период «великого переселения народов» традиции земледельческой культуры не были утрачены.

Археологические памятники V—VI вв. свидетельствуют о прочной оседлости и земледельческо-скотоводческом характере экономики адыгов (городища Гатлукайское, Пшикуйхабльское, Некрасовское, Кошихабльское, Ново-Вочешпиновское, Ново-Михайловское и др.).

Многие из этих городищ, расположенные преимущественно на левом берегу р. Кубани или по ее притокам, состоят из хорошо защищенной округлой (или вытянуто-овальной в плане) цитадели на холме и прилегающего к ней поселения без четко выраженного рельефа, которое сравнительно редко укреплялось искусственными рвами и валами (Тахтамукайское и Гатлукайское). Такие особенности планировки средневековых городищ являются показателем социальной дифференциации у адыгов, поскольку сама цитадель представляла в тот период место жительства феодализирующейся верхушки общества, а примыкающее к ней поселение заселялось рядовыми общинниками.

Определенное представление об имущественном и социальном делении адыгов дают и погребальные памятники (Ново-Бжегакоевский, Колосовский, Ленино-Хабльский, Ясеново-Полянский и др.).

Процесс социально-экономического развития более ускоренными темпами шел у зихов. В V в. территория, занимаемая зихами, значительно увеличилась за счет перемещения их на северо-запад. «От старой Ахэи (ныне Туапсе.— *Ред.*) до старой Лазики (устье р. Негепсыхо.— *Ред.*) и ватем до р. Ахэунта,— сообщает Псевдо-Арриан,— прежде жили народы, носившие имена: иняиехи, кораксы, колики, меланхлэны, махелоны, кол-

хи и лазы, а ныне живут зихи»; и далее: «От гавани Пагра до Старой Ахэи прежде жили так называемые ахэйцы, а ныне живут зихи»³². Такое могло произойти в результате военно-политического усиления зихов. Очевидно также, что с этими событиями в известной мере связано начало этнической консолидации адыгов Причерноморья и ассимиляционных процессов.

Вещественные данные вышеупомянутых городищ и некоторых могильников (Борисовский, Агойский и Ново-Михайловский) свидетельствуют о достаточно высоком развитии у зихов местного ремесленного производства и земледелия, в том числе виноградарства, а также об их интенсивных торговых связях с другими народами, в том числе и заморскими. Социальное развитие у зихов создает благоприятные предпосылки для проникновения христианства. На территории небольшой крепости V—VI вв. в сел. Ново-Михайловка, защищенной каменными стенами толщиной до 3 м и отождествляемой со старой Лазикой, обнаружены фрагменты мраморной капители византийско-коринфского типа и облицовочные плиты от христианского храма, скорее всего базилики.

С большим трудом воссоздается картина экономического и социального развития автохтонного населения горной зоны Центрального Кавказа и современной территории Чечено-Ингушетии. Обследованные в Карачае и Балкарии несколько бытовых памятников IV—VI вв. и связанные с местным населением Карт-Джуртское и Кызыл-Калинское селища, нижние слои Гилячского, Узун-Кольского, Кир-Кольского, Гижигитского могильников были характерны для предгорно-плоскостных районов Центрального Кавказа и Чечено-Ингушетии. Уже этот факт указывает на то, что процесс социально-имущественной дифференциации здесь шел более медленными темпами. Об этом же говорят и материалы многочисленных и весьма разнотипных погребальных памятников — грунтовых могил и так называемых «грунтовых каменных гробниц», подземных и полуподземных склепов, каменных ящиков (Гиляч, Сентинская гора, Узун-Кол, Тырнауз, Гижигид, Былым, Зилги, Верхняя Рутха, Кумбулта, Донифарс, Верхний Дай, Харачой и т. д.). Причина замедленного социально-экономического развития в этой зоне — прежде всего в особенностях естественной географической среды, мало пригодной для ведения земледельческого хозяйства, а также в ее относительной изолированности от торговых путей, непосредственно связывающих более развитые страны. Однако и в этих районах развивалось горное скотоводство, составлявшее, очевидно, основу экономики, в меньшей мере — земледелие, различные ремесла. Население этих районов поддерживало также торгово-экономические связи с соседями и даже более отдаленными областями. В Былымских склепах IV—VIII вв., расположенных в высокогорной зоне Центрального Кавказа, например, наряду с другими предметами найдены византийская пиксидарохранительница, привозная пряжка с эмалью, монета шаха Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.) и многочисленные золотые индикации императоров Юстиниана II (685—695 и 705—711 гг.), Тиверия III (698—705 гг.) и Льва III (717—741 гг.). Предметы, свидетельствующие о довольно развитых ремеслах и оживленных связях горцев Центрального Кавказа с причерноморскими портами, Закавказьем, Византией и со степными районами Предкавказья и Восточной Европы, содержались и в каменных ящиках Верхней Рутхи, в Северной Осетии (высококачественные глиняные сосуды с черным лощением, золотые ювелирные украшения со вставками из граната, пряжка византийского типа и прочие металлические изделия), а также в кладе у с. Галайти в Чечено-Ингушетии (серебряные с позолотой бляшки, пластины, богато орнаментированная по-

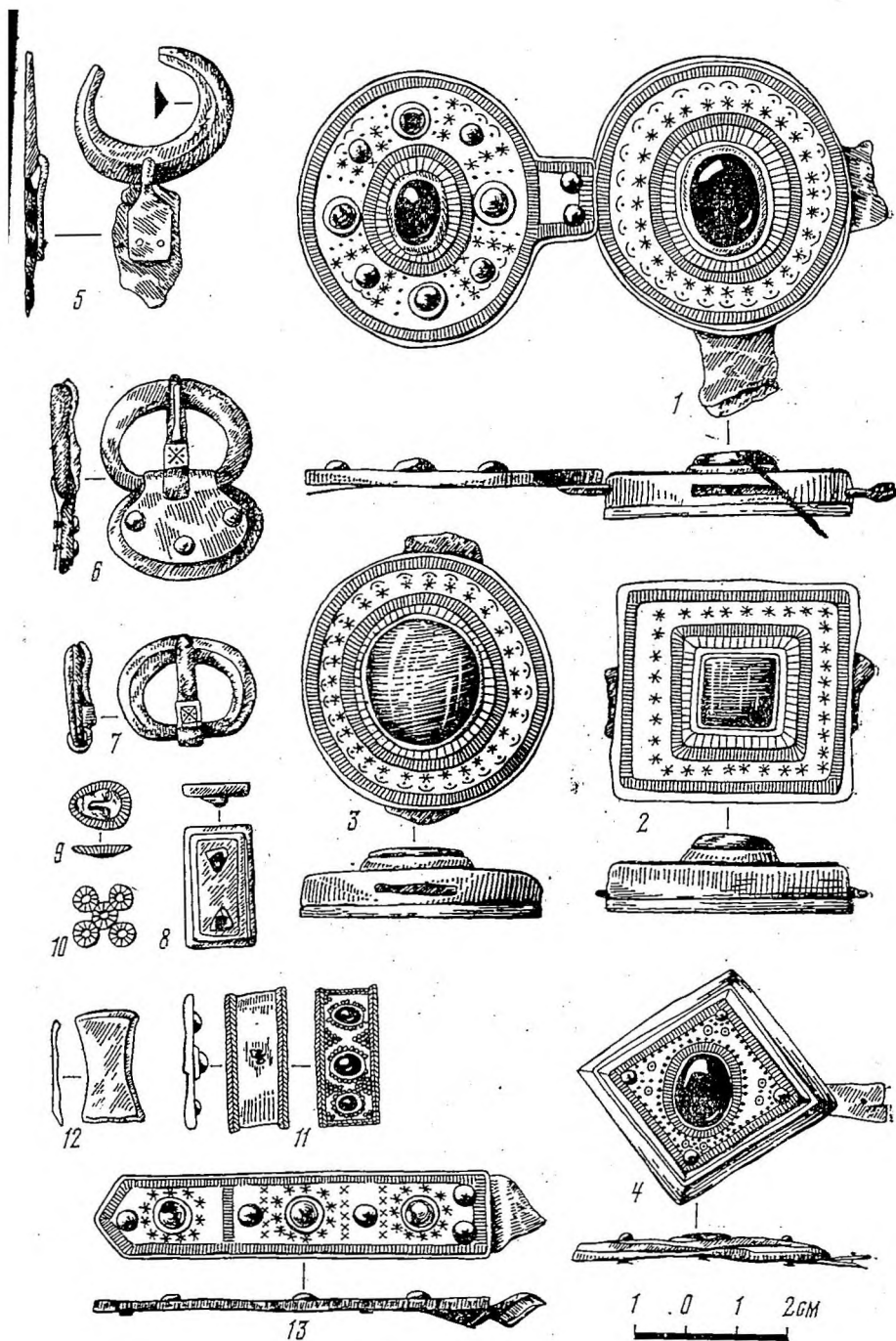

Рис. 1. Полихромные бляхи от конской сбруи и золотые украшения из богатого захоронения в кургане V в. н. э. у с. Кишпек, КВ АССР

золоченная облатка седла, вещи с инкрустацией и т. д.). Судя по имеющимся материалам, можно полагать, что и некоторые горские племена Центрального Кавказа, и территории Чечено-Ингушетии в рассматриваемый период также находились на стадии разложения родового строя.

Более ускоренными темпами развивались социально-экономические отношения в Дагестане. Внутренние процессы и политические события, связанные с подчинением Кавказской Албании и нашествием кочевых племен, сопровождались усилением социально-имущественной дифференциации, что привело к образованию ряда политических объединений. Армянские авторы сообщают об «одинадцати царях»-горцах и о Шергире — «царе леков». Согласно сообщению арабских авторов, в Дагестане имелись владения Маскут, Дербент — в наиболее узком проходе между Каспийским морем и горами, Табасаран — к северо-западу от Дербента (в бассейне р. Рубас), Сарир — в нагорном Дагестане, Лакз — в Южном Дагестане и другие «царства гуннов» на приморской равнине.

В V—VI вв. в Дагестане происходило дальнейшее развитие основных отраслей сельского хозяйства, земледелия и скотоводства. Медленно, но неуклонно расширялись площади, занятые под основными полевыми культурами — пшеницей, ячменем, овсом, просом. В горной части заметно увеличивается число участков террасного земледелия, основанного на многовековом агротехническом опыте горцев. В низменной и горной зонах развивалось искусственное орошение. Растет поголовье крупного (на плоскости) и мелкого (в горах) рогатого скота.

Развитие сельского хозяйства, особенно земледелия, позволяло обеспечить продуктами питания весьма многочисленное население.

Во второй половине I тысячелетия н. э. Приморский Дагестан представлял одну из наиболее густозаселенных областей Северного Кавказа. Достаточно сказать, что за последний период в равнинной и предгорной зонах Дагестана выявлено большое число раннесредневековых городищ и поселений.

Возникнув в основном как военно-политические пункты на Прикаспийском пути, многие из них оказались в дальнейшем втянутыми в сферу международных торговых связей, что привело к превращению их в важные торгово-ремесленные центры. В таких городах прослеживалась двух- или трехчастная структура с развитой системой улиц и крепостных сооружений, включавших в себя стены и башни из камня или сырцового кирпича, а также глинобитные валы, достигавшие порой 15—20 м высоты. Составными частями выступают цитадель и собственно город. Расположенное у современной станции Белиджи городище Топрах-кала, занимающее площадь около 100 га, обнесено было внушительным рвом шириной до 20—25 м и мощным глиняным валом, достигающим высоты 10—12 м. На городище, как можно судить по сохранившимся остаткам, имелись правильные ряды построек и монументальное сооружение в виде высокой насыпной террасы, возможно цитадели или дворца. По всей вероятности, к концу IV — первой половине V в. Топрах-кала достигает своего расцвета. И хотя в последующие годы Топрах-кала все еще продолжал оставаться довольно крупным и важным населенным пунктом Северо-Восточного Кавказа, все же функции его, видимо, существенно ограничили в связи с возвышением Дербента как главного экономического и военно-стратегического центра региона. Со времени захвата части Южного Дагестана сасанидами Дербент стал резиденцией иранских наместников-марзпанов. Как отмечалось выше, первоначально дербентские стены были сложены из сырцового кирпича, а в первой половине VI в. был сооружен каменный оборонительный комплекс, включавший в себя цитадель, северную и

южную стену города длиной 3,5 км и «горную» стену, протянувшуюся от цитадели к непреступным вершинам Кавказского хребта более чем на 40 км. Каменные стены тянулись от Дербентского холма до берега, а затем уходили в море, по одним сведениям, на 0,5—3 мили, а по данным других источников — на 600 локтей, или 6 башен. Между морскими стенами был устроен порт, выход в море строго контролировался.

«Дивные стены» Дербента сохранили свой древний вид до наших дней. Это объясняется конструктивными особенностями кладки стен, когда облицовочные блоки размером $1 \times 0,7 \times 0,35$ м укладывались поочередно продольной стороной и торцом, а пространство между ними заполнялось бутовым камнем, скрепленным необычайно прочным известковым раствором. Все работы по возведению поистине грандиозных укреплений выполняли жители Албании.

В планировке Дербента четко выделяются две части — цитадель и собственно город. Даже в первоначальный период, когда была обжита лишь территория цитадели и прилегающей к ней верхней части города, площадь его достигала 25—30 га.

Другие города Дагестана, возникшие на месте древних укрепленных поселений, контролировавших внутренние коммуникации, складывались постепенно, без единого плана, с разновременной застройкой; по сравнению с городами первого типа они имели менее упорядоченную планировку. Таковы Сигитминское, Урцекское и Шампахарское городища. Наиболее значительное из них — Урцеки, отождествляемое с «великолепным городом Варачаном», который контролировал важный путь, шедший от побережья Каспия в глубь гор Дагестана. Он был окружен сложной системой оборонительных сооружений. На возвышенности находилась цитадель, защищенная стенами и башнями. Археологи обнаружили в цитадели цистерны для воды, помещения для гарнизона, святилище. Под стенами кое-где прослеживаются остатки рва. К. Маркс писал: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»³³. Несомненно, цитадель Урцеки — феодальный замок местного правителя. Вблизи цитадели сохранились постройки и усадьбы жителей и следы посада. Все это говорит о том, что Урцеки был не только феодальным гнездом, но и центром ремесленного производства.

В городах — ремесленных центрах Дагестана развито было керамическое и стеклоделательное производство, камнерезный и металлообрабатывающий промыслы, ткачество и др. Те или иные виды этих ремесел известны и в других местах Дагестана. Большой вещественный материал, обнаруженный при археологическом изучении городов Дербента, Урцеки, Таргу, городища Верхний Чир-Юрт, захоронений в Джимикенте, Манасе, Утамыше и др., свидетельствуют о довольно обширных и разносторонних связях Дагестана с Закавказьем и странами Ближнего Востока, Византией и с Восточной Европой. Естественно, что развитие производительных сил в Дагестане неизбежно вело к возникновению новых производственных отношений, характерных для генезиса феодализма.

Разложение родовой общины, продолжавшееся с эпохи бронзы и раннего железа, привело еще в начале нашей эры к образованию территориальной, соседской общины, упрочившей свои позиции к описываемому времени. Основу общественной структуры, особенно в горных районах с их террасным земледелием, составляла малая семья, что подтверждается наличием остатков многокамерных жилищ на поселениях того периода. Вместе с тем в ряде областей продолжала существовать также большая патриархальная семья. Масса общинников еще оставалась свободной.

Особую привилегированную верхушку среди местного населения Дагестана составляли упомянутые выше «цари», военачальники и другие лица управления.

Все сказанное не оставляет сомнения в неравномерности исторического развития отдельных районов Северного Кавказа. Однако при всем этом выделяются два основных культурно-хозяйственных региона, зависящих от особенностей естественно-географической среды: степное Предкавказье с приморскими областями и горный Кавказ. Племена степной и предгорной зон находились на стадии распада родовых отношений. Более ускоренными темпами шло развитие оседлого земледельческого населения приморских областей, а также наиболее плодородных предгорных равнин, протянувшихся полосой от Черного до Каспийского моря вдоль Кавказского хребта. На этой территории, как и в других земледельческих обществах, социальное развитие шло в сторону постепенного зарождения феодальных отношений, когда на основе имущественной и сословной дифференциации внутри общин вычлениются разного рода социальные группы, из которых одни служат основой для оформления класса феодалов, другие — зависимых крестьян. Однако этот процесс в описываемое время зашел еще не так далеко.

4. Культура и быт. Проникновение христианства

Особенности социально-экономического и этнического развития в V—VI вв., а также миграция различных племен, вызванная «Великим переселением народов» и его последствиями, наложили свой отпечаток на развитие культуры и быта населения Северного Кавказа. В этот период сложились четыре этнокультурные области, условно называемые: Закубанская, Центрально-Кавказская, Дагестанская и Предкавказская. Несмотря на разноязычный состав и смешанность населения, в ареале каждой из этих областей доминировали определенные этнические группы, характеризующиеся своими особенностями в материальной и духовной культуре.

Основной этнический массив Закубанской этнокультурной области, простиравшейся от Северо-Восточного Причерноморья до р. Лабы, составляли адыги.

В Центрально-Кавказской этнокультурной области, охватывавшей значительную территорию от верховьев р. Кубани до Чечено-Ингушетии включительно, выделяются две культуры — аланская (преимущественно в бассейне верхних притоков р. Кубани и в предгорно-плоскостных районах бассейна р. Терека) и культура автохтонных племен горной зоны, сыгравших более или менее активную роль в процессе этногенеза карачаевцев и балкарцев, осетин, чеченцев и ингушей. Разноэтничный состав населения Центрально-Кавказской этнокультурной области нашел отражение в том, что в ареале собственно аланской культуры прослеживаются два локальных варианта (один — в верховьях р. Кубани и районе Пятигорья, другой — в бассейне р. Терек), а в культуре местных племен горной зоны — три локальных варианта: западный, центральный и восточный.

В Дагестанской этнокультурной области, соответствовавшей главным образом горным и предгорным районам современной территории ДАССР, явно преобладали местные племена.

Предкавказская этнокультурная область, расположенная в степной зоне, к северу от р. Кубань, в среднем течении р. Терек до низовьев р. Сулак, являлась ареной почти безраздельного военно-политического господства гуннских племен.

В ряде районов Северного Кавказа, особенно в зонах стыка названных этнокультурных областей и их локальных вариантов (в частности, в Пятигорье, верховьях Кубани и Терека и северо-западной части Дагестана), разнотипные археологические памятники располагаются вперемешку между собой или содержат материалы смешанного характера. Этот факт, очевидно, свидетельствует об определенной этнокультурной интеграции в этих районах.

В V—VI вв., как отмечалось выше, на Северном Кавказе возросло количество укрепленных поселений, возникавших в удобных для обороны местах.

Типы поселений. Укрепленные поселения предгорно-равнинных районов, так называемые земляные городища, чаще всего занимали плоские возвышенности и особенно надпойменные террасы рек и оврагов. С наиболее уязвимой (напольной) стороны они были защищены глубокими искусственными рвами, за которыми впоследствии нередко возникали открытые селища. Городища, укрепленные каменными стенами и башнями, встречаются в основном в Дагестане и Северо-Восточном Причерноморье (например, Ново-Михайловка).

В горных районах Северного Кавказа, в частности в Дагестане и бассейне верхних притоков Кубани (а также в Пятигорье), характер планировки и топографии большинства городищ в значительной мере предопределялся своеобразием рельефа местности, стремлением максимально использовать его особенности для создания оборонительных сооружений. Как правило, такие городища, условно называемые «каменными», находятся на высоких скальных плато, останцах и мысах, которые далеко не всегда приемлемы для постоянного жительства, но весьма удобны для создания труднодоступных оборонительных пунктов. В отличие от большинства городищ предгорно-плоскостной части многие поселения горной зоны укреплялись каменными стенами, а в отдельных случаях — и оборонительными башнями (городища Левашинского плато в Дагестане, Узун-Кол в горах Карачаево-Черкесии и др.).

Основными типами жилищ в предгорно-плоскостной части Северного Кавказа по-прежнему являлись легкие турлучные постройки и глинобитные полуземлянки с глиняными полами, в которых у стен или посредине комнаты устраивались очаги. Однако в предгорной зоне имелись и каменные жилища (Заяковское поселение в Кабардино-Балкарии). Гораздо чаще жилища из камня, а также самана строились в предгорьях и на плоскости Дагестана. Нередко жилища были однокамерными, но встречаются остатки двух- и трехкамерных построек.

Судя по архитектурным особенностям многих бытовых, оборонительных и культовых сооружений, а также погребальных памятников (склепов, каменных ящиков и пр.), у жителей Северного Кавказа наблюдаются значительные сдвиги и в строительной технике, в деле обработки камня и дерева. Особенно заметные успехи в этом отношении были достигнуты в Дагестане, где фасады домов, дверные и оконные проемы украшались нередко резным камнем, а внутренняя поверхность стен и пола покрывалась алебастровой штукатуркой или хорошо обработанными плитами. Для оформления ворот Дербента были использованы камни с прекрасной резьбой и скульптурные изображения.

В отличие от коренного населения Северного Кавказа основным видом жилищ кочевников по-прежнему были кибитки, которые в период перекочевок становились на повозки.

Быт и прикладное искусство. В быту оседлого населения Северного Кавказа очень широко использовались разнообразные по формам и назначению керамические изделия, и особенно разнотипная столовая, кухонная и тарная посуда — кувшины, горшки, кружки, миски и пр. Многие сосуды орнаментировались всевозможными нарезными, желобковыми и рельефными узорами в виде прямых и волнистых линий, сетки и т. д. Некоторые из них покрывались серым и черным лощением, имеющим иногда зеркальный блеск. Пользовались и деревянной посудой. В приморских районах известны находки стеклянных сосудиков.

В памятниках конца IV—VI в. часто встречаются также различные орудия труда (железные топорики, топоры-молоты, ножи, глиняные пряслица, оружие и доспехи, кинжалы, разнотипные наконечники стрел и копий, шлемы, кольчуги), принадлежности конского снаряжения (удила и псаши, бляхи от сбруи, остатки седла) и др.

Примечательны многочисленные и разнообразные украшения и принадлежности одежды, наглядно указывающие на дальнейшее развитие у северокавказских племен ювелирного искусства. Это бронзовые, серебряные и золотые серьги, перстни, браслеты, гривны, пряжки, фибулы, застежки, бляхи, зеркала, подвески, а также бусы из различных металлов, стекла и минералов, туалетные ложечки, ногтечистки и копоушки. Часть этих изделий орнаментирована рельефными и врезными узорами, насечками и зернью. В это время широкое распространение, особенно в приморских городах, получили полихромные украшения и уздечные наборы, изготовленные из золота, серебра и бронзы и богато инкрустированные вставками из драгоценных и полудрагоценных камней (гранат, яшма, турмалин, сердолик и др.), а также различных минералов, цветных стекол.

Народные верования и проникновение христианства. В религиозных представлениях племен Северного Кавказа в описываемое время продолжал явно доминировать политеизм. Наибольшее распространение имели языческие верования, связанные с культом предков, животных, растений, небесных тел, природных явлений и т. д. Разновидные погребальные сооружения (склепы, каменные ящики, катакомбы, грунтовые ямы) и обнаруживаемый в них могильный инвентарь говорят об особенностях верования населения Северного Кавказа в загробную жизнь, о стремлении обеспечить покойника всем необходимым в «потустороннем мире».

Гуны и другие племена приморского Дагестана поклонялись богу молнии Куару и особенно верховному божеству Тангри-хану, «кого персы называют Аспандат», которому «они приносили в жертву жареных лошадей». Обожествляли также солнце, луну, огонь, воду, деревья, чтили богов путей. Особым почитанием у дагестанских гунов пользовался высокий дуб у г. Варачана. Были у них и служители культов: жрецы, чародеи, колдуны³⁴.

В начале средневековья на Северном Кавказе, особенно в его приморских районах, начинается распространение христианства. И большую роль в данном процессе сыграли Византия, Армения, Иберия и Албания.

Христианство в руках византийских политиков всегда являлось средством для распространения своего влияния на «варварские» народы, окружавшие империю. Заинтересованная в создании прочного военного

барьера вдоль своих границ, Византия предпринимает большие усилия для насаждения христианства в Северном Причерноморье и на Кавказе. Уже в начале IV в. христианство проникает на Боспор: в 1898 г. в Керчи было найдено христианское надгробие с именем Евтропия и датой 304 г.; на Вселенском соборе в Константинополе в 325 г. присутствовал епископ Веспора Кадм. На Боспоре исследован ряд усыпальниц-катакомб V в., на стенах которых нанесены краской кресты и надписи христианского содержания.

Вскоре христианство проникает на Северо-Западный Кавказ. На Константинопольском соборе 519 г. присутствовал епископ Фанагории Иоани. Можно полагать, что этот факт свидетельствует о возникновении на Таманском полуострове церковной организации, находившейся под византийско-боспорской юрисдикцией. По словам Прокопия Кесарийского, жившие на Тамани готы-тетракситы «не хуже многих других с благовоением соблюдают христианский закон». В 548 г. они отправили к императору Юстиниану послов с просьбой дать им, подобно абасгам (абхазам), епископа. Юстиниан, продолжает Прокопий, «очень охотно исполнил их просьбу»³⁵, и, возможно, тогда же у готов-тетракситов была создана епископская кафедра.

Полулегендарные апокрифические сказания V—VI вв. содержат сведения о крещении алан и зихов. На это указывают и отдельные памятники церковной архитектуры Северо-Западного Кавказа (руины базилик в с. Ново-Михайловка). Однако в апокрифическом описании третьего путешествия Андрея Первозванного говорится: «Население этой страны, называемое зихами, занимается земледелием. Зихи жестоки, по нравам варвары и донные в большинстве, чтобы не сказать все, дики и неверны»³⁶. Из этой откровенно пренебрежительной характеристики адыгов вытекает, что, несмотря на проникновение христианства в их среду, они около середины I тысячелетия н. э. еще оставались в основной массе верны традиционному язычеству. Видимо, христианством в эту эпоху были охвачены лишь социальные верхи западнокавказских племен, причем преимущественно тех из них, которые жили близ Черноморского побережья.

В целом насаждение христианства среди адыгов (так же, как у алан и других племен Северного Кавказа) особенного успеха не имело. В рассматриваемое время процесс социального развития в среде местного населения еще не достиг того уровня, при котором христианство могло найти себе прочную социальную базу.

Попытки распространения христианства имели место и среди гуннских племен. Выше уже говорилось о крещении в Константинополе утигурского предводителя Горда. Кроме того, письменные источники сообщают о проникновении христианских проповедников в гуннские кочевья. Захарий Ритор приводит любопытные сведения о том, что семь священнослужителей во главе с армянским проповедником Кардосом добрались через горы в страну гуннов и занимались не только обслуживанием находившихся там племенных христиан, но и окрестили и обучили многих гуннов. Тогда же эти священнослужители перевели на язык гуннов церковные книги. Кардос оставался у гуннов 14 лет и был сменен другим армянским епископом — Макаром, который начал сеять хлеб и построил кирпичную церковь³⁷.

О проникновении христианства в среду гуннов и других племен равнинного Дагестана свидетельствуют и обнаруженные в Верхне-Чирюртовском городище остатки часовен, золотые и керамические кресты. В тот же период христианство начинает проникать в горы Дагестана.

Крупным центром христианства на Северо-Восточном Кавказе в это время являлся Дербент. Первые попытки распространения христианства в этом районе, как отмечалось выше, были предприняты еще в первой половине IV в. С этой целью сюда был отправлен епископ Григорис, который прибыл в стан «царя маскутов, имя которого было Санесан» и попытался склонить его, «повелителя войск гуннов», принять христианство. Однако эта миссия не имела успеха. Григорис был схвачен и умерщвлен.

В районе Дербента (Чола) находился глава христианской церкви Албании, престол его был позже перенесен в г. Партав. С проникновением христианства надо связывать основание в Дербенте внуком епископа Григориса христианского храма, здание которого впоследствии было приспособлено под мечеть.

Нартский эпос. Вершиной в развитии средневековой духовной культуры народов Северного Кавказа является героический нартский эпос, воспевающий подвиги богатырей — нартов. Нартские сказания принадлежат к числу шедевров устного народного творчества и заслуженно получили мировую известность. Яркие образы нартов — Урызмага, Сослана, Батрадза, «матери нартов», «мудрого Сатаны», поведение этих героев, представляющее своеобразный кодекс чести северокавказского средневекового рыцаря и образец для подражания, — все это оказывало в течение веков глубокое воздействие не только на психологический уклад, но и на всю общественную жизнь, регулируемую обычным правом. Поэтому нартский эпос имеет не только художественно-эстетическую ценность, но и является интересным источником для познания далекого прошлого народов Северного Кавказа.

Сходство многих образов и сюжетов нартского эпоса северокавказских народов (разумеется, при различиях разных национальных вариантов) делают вопрос о происхождении его основного ядра необычайно сложным. Окончательно этот вопрос еще не решен, хотя бытование его наиболее архаичных циклов у адыгов, абхазов и осетин может указывать на то, что основных создателей ядра эпоса следует искать именно среди них. Но при всех случаях представляется несомненным интернациональный характер нартских сказаний, ибо в их развитии, обогащении и совершенствовании в эпоху средневековья участвовали также другие этнические группы Северного Кавказа — предки карачаевцев и балкарцев, народов Чечено-Ингушетии и Дагестана.

Бытование основных циклов эпоса у адыгов, осетин и абхазов свидетельствует о весьма длительных и глубоких этнокультурных связях этих народов в ту пору, когда они жили в непосредственном соседстве, и подтверждает факты сложения нартского эпоса и его циклизации в основном в течение раннего средневековья.

Содержание нартского эпоса, отраженная в нем живая и полнокровная историческая действительность подтверждают сказанное. В эпосе с большой художественной силой запечатлен период разложения родового строя и перехода от родовой общины к территориально-родовой. На фоне безраздельного господства архаического быта и нравов эпохи «военной демократии» выступают отдельные элементы феодализма, звучат социальные мотивы. Анализ нартского эпоса привел к заключению о сложности и длительности хронологических напластований, вошедших в состав эпоса и придавших ему неповторимый колорит. Зародившись в виде мифов и легенд в древности и постоянно находясь в развитии, героический эпос сформировался как жанр устного народного творчества в насыщен-

ную событиями эпоху «военной демократии» и классового образования, когда родовое общество переживало период ломки его учреждений, а выделяющаяся из его среды знать еще не порвала уз, связывающих ее с остальными общинниками, когда постоянные войны и походы накладывали свой отпечаток и на реальную жизнь, и на народное творчество.

- ¹ *Клавдий Птолемей*. География // ВДИ. 1942. № 2. С. 238.
- ² *Фавстос Бузанд*. История Армении. СПб., 1883. С. 13—15. На древнеарм. яз.
- ³ *Аммиан Марцеллин*. История, XXXI, 3, 1, 3; ВДИ. 1949. № 3. С. 305—306. (Далее: *Марцеллин*).
- ⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 568.
- ⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 164.
- ⁶ *Марцеллин*. XXXI, 3, 1, 3; ВДИ. 1949. № 3. С. 306.
- ⁷ *Socratis ecclesiasticae history* // According to the text of Hussey. Т. 3. Oxford: Clarendon Press, 1833. P. 238—239.
- ⁸ *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 165.
- ⁹ *Прокопий из Кесарии*. Война с готами/Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950. С. 384.
- ¹⁰ *Агафий*. О царствовании Юстиниана/Пер. М. В. Левченко. М.; Л., 1953. С. 163—164.
- ¹¹ *Прокопий из Кесарии*. Указ. соч. С. 407.
- ¹² *Агафий*. Указ. соч. С. 116—117.
- ¹³ *Пигулевская Н. В.* Указ. соч. С. 149—150.
- ¹⁴ Летопись византийца Феофана от Дюклетяна до царей Михаила и сына его Феофилакта/Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского // ЧОИДР. М., 1884. Кн. 1—4. С. 130; 1887. Кн. 1—4. С. 136. (Далее: Летопись Феофана).
- ¹⁵ *Феофилакт Симокатта*. История/Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957. С. 3—4.
- ¹⁶ *Менандр Византиец*. Продолжение истории Агафиевой... // Византийские истории/Пер. С. П. Дестунина. СПб., 1860. С. 321—322.
- ¹⁷ *Кулаковский Ю.* Керченская христианская катакомба 491 года // МАР. № 6. СПб., 1891. С. 27.
- ¹⁸ *Лагшнев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен на Южной России. СПб., 1896. № 98. С. 101—103.
- ¹⁹ *Египсе*. О Вардане и войне армянской. Ереван, 1971. С. 92.
- ²⁰ *Ат-Табари*. Тарих ар-русул ва-л-мулк. Лейден, 1881—1882. Т. 1. С. 895—896. На араб. яз.
- ²¹ *Моисей Каганкатвацци*. История агван. СПб., 1861. С. 105.
- ²² *Менандр Византиец*. Указ. соч. С. 370—375.
- ²³ Там же. С. 381—384.
- ²⁴ Там же. С. 384.
- ²⁵ *Пигулевская Н. В.* Указ. соч. С. 165.
- ²⁶ *Прокопий из Кесарии*. Указ. соч. С. 381, 407; *Прокопий Кесарийский*. История войн римлян с персами. СПб., 1880. Кн. 1—2. С. 231.
- ²⁷ *Пигулевская Н. В.* Указ. соч. С. 165.
- ²⁸ Там же.
- ^{29—30} *Египсе*. Указ. соч. С. 127.
- ³¹ Летопись Феофана. С. 136; История халифов, Вардапета Гевонда, писателя VIII в./Пер. И. Патканова. СПб., 1862. С. 71.
- ³² *Арриан*. Обезд Эвксинского повета // ВДИ. 1948. № 1. С. 270—275.
- ³³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 164.
- ³⁴ *Моисей Каганкатвацци*. Указ. соч. С. 273—274, 284—285.
- ³⁵ *Прокопий из Кесарии*. Указ. соч. С. 384—385.
- ³⁶ *Петровский С. В.* Апокрифические сказания об апостольской проповеди по Черноморскому побережью // ЗООИД. Одесса, 1898. Т. 21. С. 149.
- ³⁷ *Пигулевская Н. В.* Указ. соч. С. 166—167.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В VII—IX ВВ. АРАБО-ХАЗАРСКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

1. Булгары и хазары

В раннесредневековой истории Северного Кавказа видная роль принадлежит тюркоязычным кочевым племенам булгар. Первое упоминание об этих племенах на Кавказе содержится в греческом хронографе 354 г.¹ Появление основной массы булгар в степях Юго-Восточной Европы и на Северном Кавказе связывается с гуннским нашествием; племена булгар могли входить в состав гуннской орды². В дальнейшем булгары становятся известны многим средневековым авторам, и о них пишут Аммиан Марцеллин, Захария Ритор, Иордан, Малала, Константин Багрянородный и др. Судя по сообщениям этих авторов, булгары в середине I тысячелетия н. э. жили в степях Предкавказья, включая нижнее Прикубанье. На этой территории обитал основной массив булгарских племен, и уже в VI в. здесь возникло их племенное объединение, включавшее и часть местного автохтонного населения.

Характеризуя территорию булгар, византийский автор начала IX в. Феофан свидетельствует: «До реки, называемой Куфис (Кубанирсу), где ловится булгарская рыба ксистон, простирается древняя Великая Булгария»³. На ту же территорию указывает другой византийский автор IX в. — Никифор: «У Меотидского озера, по реке Кофис, располагается называвшаяся в древности Великая Булгария»⁴. Сведений об истории приазовских булгар сохранилось мало. В 50-х годах VI в. булгары имели столкновение с аварами, вступившими в союз с аланским царем Саросием, и были аварами подчинены, но ненадолго⁵. Уход аварской орды на запад освободил булгар от зависимости, но вскоре (в 60-х годах VI в.) в Предкавказье появились новые пришельцы из Азии — турки Тюркского каганата. В 576 г. турки вторгаются на Таманский полуостров, переправляются через Керченский пролив и овладевают Боспором⁶. С этих пор приазовские булгары оказываются в длительном подчинении у них.

Начавшиеся в конце VI в. внутренние смуты и борьба за власть привели к распаду Тюркского каганата и его ослаблению. С упадком Тюркского каганата непосредственно связан подъем освободительной борьбы против тюрков, поддержанной Византией. Византийские войска освобождают от тюрков Боспор. К 590 г. он уже управляется херсонесским стратилатом Евпатерием⁷. Общность интересов в совместной борьбе против тюрков способствовала сближению Византии и булгар и политическому объединению булгарских племен. По свидетельству патриарха Никифора, в 619 г. в Константинополь прибыл «государь гуннского народа» со свитой и женами принял здесь крещение, получив при этом сан патриарха⁸. Как считают ученые, в действительности это был булгарский владетель Органа⁹.

Наибольшего могущества Великая Булгария достигла при племяннике Органы Кубрате¹⁰. Покидая Константинополь после миссии 619 г., Органа оставил там малолетнего Кубрата. Как свидетельствует автор

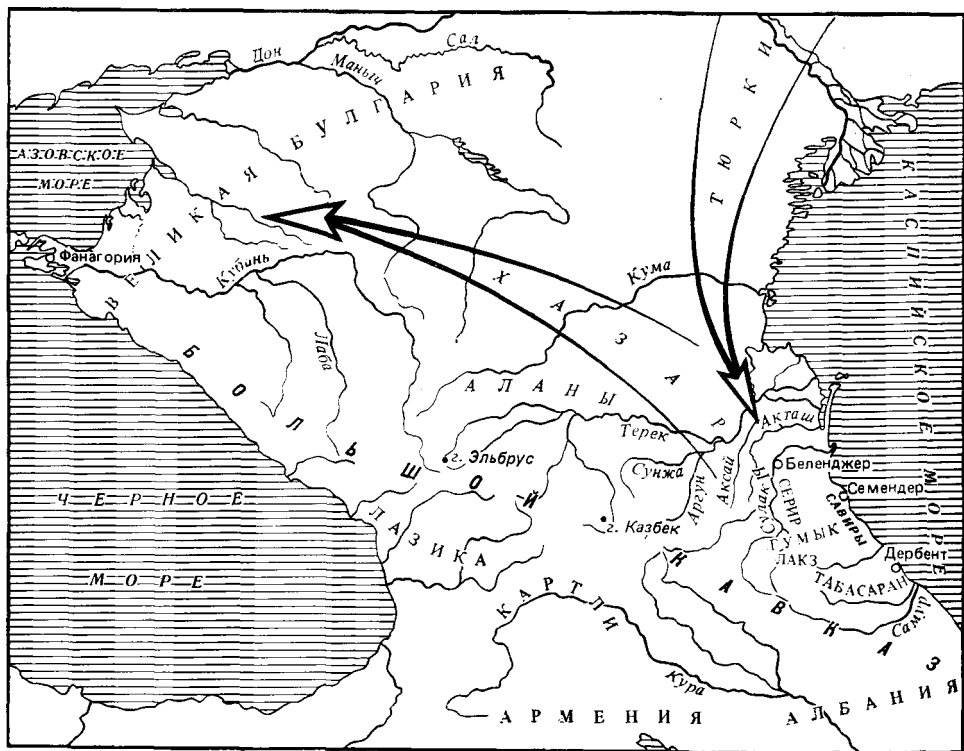
VII в. Иоанн Никиусский, «Кубрат, князь гуннов¹¹ и племянник Органы, в юности был крещен и воспитан в Константинополе, в недрах христианства, и вырос в царском дворце»¹². Опираясь на дружеские отношения с императором Ираклием, Кубрат «силой и светом животворящего крещения победил всех варваров и язычников»¹³ (скорее всего, тюрков). Освобождение от тюркского владычества и политическое объединение булгарских племен было завершено.

Интересные сведения о булгарских племенах Прикубанья — Приазовья содержатся в «Армянской географии» (VII в.)¹⁴. Перечисляя самоназвания северокавказских булгар, «Армянская география» в пространной редакции указывает, что их племена именуются по названиям рек: Куш-Булгар, Дучи-Булкар, Огхондор-Булкар — пришельцы, Чдар-Булкар»¹⁵. Из этих четырех племен в настоящее время приблизительной локализации поддается только племя Куш-Булгар, где «Куш» означает «Куфис» — Кубань. Эта группа булгар занимала земли по нижнему течению Кубани. Что касается размещения остальных трех групп, возможно, располагавшихся по небольшим речкам Приазовья, их локализация остается неясной и весьма спорной. Следует полагать, что эти булгарские племена и были объединены около середины VII в. Кубратом.

Центром возникшей державы стала Фанагория. Однако это военнополитическое объединение, не имевшее прочной экономической базы, было недолговечным. В царствование византийского императора Константина II (641—668 гг.) умер Кубрат¹⁶. В Булгарии началась междоусобная борьба между сыновьями Кубрата, закончившаяся их расселением. Часть булгар во главе с ханом Аспарухом ушла на Дунай и, подчинив жившие здесь славянские племена, положила начало Дунайской Болгарии. Эти булгары, однако, быстро слились с более многочисленным славянским населением, приняли язык последнего. Вторая часть булгар во главе с ханом Батбаем осталась в Приазовье — Прикубанье. Наконец, третья часть булгар передвинулась на север к Дону, а отсюда — на Волгу, положив тем самым начало Волжской Булгарии¹⁷ (карта 5).

Миграции булгарских племен с Северного Кавказа стоят в прямой связи с возникновением Хазарского каганата и борьбой приазовских булгар с ним. Хазары воспользовались междоусобицами среди булгарских племен. Именно потому, пишет патриарх Никифор, что народ так «разделился и расселялся, племя хазар, поскольку оно поселилось поблизости от сарматов, из глубины страны, называемой Верилия, стало с тех пор безнаказанно совершать набеги»¹⁸. Прямые указания о том же дает «Армянская география»: Аспар-Хрук (Аспарух), сын Хубрата (Кубрата) бежал «от хазар из гор Булгарских...»¹⁹ и прогнал авар на запад. Совершенно очевидно, что в борьбе с хазарами булгары потерпели поражение и те из них, которые остались на Северо-Западном Кавказе, отныне были подчинены хазарам и вошли в состав Хазарского каганата. В период арабо-хазарских войн (VIII—IX вв.) и позже²⁰ следы булгар обнаруживаются в верховьях Кубани.

Историческая судьба булгар отлична от судьбы многих других объединений кочевников раннего средневековья, зачастую бесследно исчезавших и оставивших память о себе лишь на страницах хроник. Булгары приняли участие в этногенезе братского болгарского народа и через Волжскую Булгарию — в этногенезе казанских татар и чувашей. Наконец, есть некоторые основания считать, что оставшиеся на Северном Кавказе булгары, передвинувшиеся в VIII—IX вв. в верховья Кубани и Приэльбрусья, позже сыграли важную роль в формировании современных тюркоязычных народов — карачаевцев и балкарцев²¹. Данная гипотеза

Карта 5. Хазары и Великая Булгария в VI—VII вв. (по С. А. Плетневой)

еще нуждается в дальнейшей разработке и аргументации, но имеющиеся археологические материалы²² во многом ее подтверждают.

Вторжения кочевников Гуннского племенного союза непосредственно коснулись и Дагестана, существенно изменив этнический облик его приморских районов. На всем протяжении V—VI вв. Прикаспийские степи служили основной дорогой степняков в их опустошительных набегах в страны Закавказья или аремой беспрерывных столкновений между разрозненными объединениями племен и местных народов. Самое значительное объединение кочевников в степях Предкавказья было создано в VI в. саврами²³. Несколько позже к северу от Дербента, по свидетельству армянских и арабских источников, возникло «царство гунзов» со столицей Варачан²⁴, которая сопоставляется с остатками обширного раннесредневекового Урцекского городища, расположенного в 10 км к западу от г. Избербаша. Возникновению этих политических образований способствовали изменения экономического уклада кочевников, обусловленные оседанием части их на землю со смешением с местным земледельческим населением. В сирийской хронике VI в. дается перечень тринадцати народов (углов, савир, болгар, куртигур, авар, хазар и др.), живущих за воротами Дербента в «пределах гунских». У некоторых из них отмечено наличие городов²⁵, что, возможно, свидетельствует о наметившемся процессе оседания кочевников на поселениях местных земледельцев.

Наиболее мощным политическим объединением, сложившимся в середине VII в. в Приморском Дагестане и восточном Предкавказье, являлся Хазарский каганат.

В орбиту созданного хазарами государства были втянуты не только народы Кавказа, но и многочисленные племена кочевников (алан, гуинов, савир, булгар, тюрк и др.), сменявших друг друга на степных просторах Причерноморья и Прикаспия. Хазария просуществовала более 300 лет — от середины VII в. до второй половины X в. — и оставила память о себе в летописях, в географической и исторической литературе. В византийских, закавказских и арабских исторических хрониках хазар часто смешивают с родственными им гунно-савирскими племенами, принимавшими активное участие в качестве союзников или наемников в византийско-иранских войнах. Сначала хазары входили в состав Савирского военно-политического объединения, а затем, когда часть савир переселилась в Закавказье, а оставшаяся была серьезно потеснена аварами, господствующее положение в Северном Дагестане перешло к хазарам, и савиры оказались в числе подвластного им населения²⁶.

Сохранилась любопытная легенда о происхождении хазар. В хронике Михаила Сирийского (1126—1199) говорится, что в конце VI в. «из внутренней Скифии вышли три брата, которые дошли вместе до р. Танаис. Отсюда один из братьев-булгар отправился на запад и получил от римского императора Маврикия земли близ Дуная. Племя его стало называться булгарами. Два других брата пришли в страну алан, называемую Берсилия... Когда над страной (Берсилией) стал господствовать чужой народ, они были названы хазарами, по имени того старшего брата, имя которого было Хазарик. Это был сильный и широко распространенный народ»²⁷.

Этническое родство савиро-булгар и хазар видно и из ответов хазарского «царя» Иосифа²⁸ на письмо придворного кордовского халифа, еврея Хасдая Ибн Шафрута, в котором последний просил «царя» ответить на ряд вопросов о происхождении хазар, о размерах его государства, о политическом и экономическом устройстве страны. Отвечая на эти вопросы, Иосиф, в частности, писал, что народ его происходит из рода Тогармы, сына Иафета. У Тогармы, согласно сведениям Иосифа, было 10 сыновей: Агийор, Тирас, Авар, Угин (Угуз), Биз-л, Т-р-на, Хазар, Знур, Б-л-г-д, Савир²⁹. Арабские авторы ал-Истахри и Ибн-Хаукаль (X в.) отмечали, что язык булгар подобен языку хазар³⁰. Тюркологи относят язык булгар к группе западных тюркских языков, следовательно и хазарский язык являлся западнотюркским.

В легенде, сохраненной Михаилом Сирийским, особого внимания заслуживает локализация хазар в стране Берсилии. Связь хазар со страной Берсилия подтверждается и сведениями византийских хроник Феофана Исповедника и Никифора. Феофан отмечал: «Хазары — великий народ, выпедший из Берсилии»³¹. По мнению известного востоковеда И. Маркварта, территория Берсилии простиралась на юге до Дербента, а на севере — до равнины при Сулаке и Тереке³². Берсилы (басилы) неоднократно упоминаются в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци³³ и у Мовсеса Каланкатваца³⁴. Хазары были тесно связаны с барсилами не только тем, что поселились в стране, носившей их имя, но и этнической и политической общностью, потому они и выступают совместно во время грабительских походов в Закавказье³⁵.

Прослеживаемое по археологическим исследованиям оседание кочевников в Терско-Сулакском междуречье способствовало не только развитию земледелия и освоению ремесел, но и широким торговым связям. С этим связано в определенной мере и формирование Хазарского государства, первой столицей которого стал город, известный в арабских памятниках под названием Беленджер³⁶. Его обычно отождествляют

ныне с остатками обширного Верхне-Чирюртовского городища, расположенного в предгорьях Дагестана³⁷. Остатки городища протянулись до 1 км вдоль берегов Сулака и замкнуты с трех сторон отрогами приморских хребтов. С открытой приморской стороны город был укреплен глубоким рвом и грандиозными оборонительными стенами, достигавшими 10 м толщины, сооруженными из камня, сырцовых кирпичей и глинобитая. Стена укреплена дополнительно полукруглыми, регулярно расположенными башнями. Кроме них, с помощью перемычек со стеной соединены массивные выносные башни, основанием для которых служили громадные насыпи-курганы. О мощных укреплениях Беленджера сообщают письменные источники. По свидетельству «Худуд-ал-Алам», Беленджер был известной хазарской крепостью³⁸.

В письменных источниках Беленджер называется и страной³⁹. И на самом деле, Верхне-Чирюртовское городище закрывает вход в плодородную долину Сулака, которая была в хазарскую эпоху чрезвычайно плотно заселена. На протяжении 10—15 км здесь обнаружено 12 городищ и поселений с общей культурой серолощеной керамики.

О богатстве Беленджера, где, по сведениям письменных источников, были сосредоточены значительные ценности⁴⁰, свидетельствуют различные вещи из погребений хазарской аристократии. Огромный курганный могильник хазарской знати простирается на несколько километров к востоку от городища⁴¹. Погребальный инвентарь из подкурганых катакомб представлен разнообразными и высокохудожественными изделиями из бронзы, золота, серебра (различные бляшки, пряжки и наконечники ремней, золотые византийские монеты и др.). Выразительны предметы вооружения и снаряжения коня (лук и стрелы, слабоизогнутые сабли, кольчуги и панцири, в том числе и конские). От седел сохранились золотая и костяные накладки с выгравированными на них сценами конной охоты⁴².

Могильники рядовых горожан с бедными захоронениями в грунтовых ямах, в подбойных могилах и в бескурганых катакомбах расположены к югу от городища по берегам Сулака. Они свидетельствуют о социальной и этнической пестроте обитателей первой хазарской столицы. Здесь погребены представители различных племен (гуннов, савир, берсил, булгар и др.), объединенных в составе постепенно разраставшейся Хазарии.

В VII—VIII вв. культура серолощеной керамики, характерная для хазарских памятников, распространяется по всему предгорному Дагестану, до Дербента включительно. Она представлена на многочисленных памятниках, расположенных в предгорных долинах; сливающихся с приморской полосой⁴³. Распространение этой локальной культуры к югу от Сулака — следствие расширения первоначальных терско-сулакских пределов Хазарии в результате военной экспансии в Закавказье. Письменные источники сообщают нам о переговорах обеспокоенного хазарскими вторжениями Хосрова I Ануширвана с каганом, состоявшихся в Барша-лии (Берсалии). В результате этих переговоров оба правителя вступили в родственные связи и установили новую границу между своими владениями⁴⁴. По договору с Ираном хазары приобрели обширную территорию по предгорному Дагестану.

Хазары считали себя прямыми наследниками и продолжателями политики Тюркского каганата в Западном Прикаспии. Вместе с династией из рода Ашина Хазария унаследовала государственные традиции и международный авторитет тюркской державы и стремилась к возрождению ее былого могущества⁴⁵.

Политика Хазарии на раннем этапе своего существования ничем не отличалась от политики Тюркского каганата. Сначала Хазарский каганат покорил кочевое население Северо-Западного Прикаспия. В выборе направления экспансии сыграли роль династические интересы. Первый удар хазары нанесли по булгарам. В своем ответе Хасдаю Ибн Шафруту каган Иосиф писал: «В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тры, [они] были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их до реки по имени Дуна»⁴⁶. Захват Приазовья казался хазарам настолько важным, что Иосиф считал этот политический акт началом образования Хазарского каганата.

С возросшими размерами и мощью государства в Хазарии появляется и новая столица, известная из источников под названием Семендер (вероятно, она же ал-Байда (Белая) арабских источников)⁴⁷. Большинство исследователей (Ю. Клапрот, И. Маркварт, А. Гаркави, А. К. Казембек, Б. А. Дорн, В. Ф. Минорский, Л. И. Лавров и др.) отождествляют Семендер с современным с. Тарки близ Махачкалы. Новый район выделяется стратегическими преимуществами по сравнению с местом нахождения Беленджера. Здесь горы близко подходят к морю, образуя узкий четырехкилометровый коридор, который легко можно было перекрыть стенами и другими укреплениями. Судя по письменным источникам, Семендер был укреплен еще при персидском шахе Хосрове I Ануширване в VI в. Выгодное положение у морского побережья и выдвинуло Семендер в качестве новой столицы Хазарид, которая стала «сборным местом»⁴⁸, куда стягивались войска каганата для грабительских походов в страны Закавказья. Археологические исследования в с. Тарки выявили остатки обширного города хазарского времени⁴⁹. Сохранились здесь и остатки древней оборонительной стены, которая тянется по гребню склона к морю (как в Дербенте). Располагаясь на древней торговой трассе, соединявшей Юго-Восточную Европу с Закавказьем и Ближнем Востоком, Семендер выступал не только как политический, но и крупный торгово-ремесленный центр Хазарии, в котором жили купцы из различных стран⁵⁰.

К концу VII в. Хазария выступает как крупная политическая сила. Процесс оседания кочевников на землю, наличие в Хазарии не только многочисленных поселений, но и городов наряду с развивающимся имущественным неравенством (особенно ярко наблюдаемым при изучении некрополей и маленьких крепостей — замков) — все это свидетельствует о процессе классовой дифференциации. Значительно возросли и размеры государства. К началу VIII в. Хазария включала в себя земледельческую Берсию и обширные кочевые степи Северного Кавказа. В зависимость от хазар порой попадала Кавказская Албания⁵¹. По сведениям источников, в гареме хазарского кагана было 25 дочерей вассальных владетелей (по числу подвластных хазарам народов). Укреплению каганата способствовала этническая и языковая близость хазар, болгар и других тюркоязычных племен, объединенных в составе Хазарии.

В VII—IX вв. под владычеством Хазарии оказались часть Крыма, Таманский полуостров и город Матрега (Матраха, Таматарха). По сведениям Феофана, хазары овладели всей землей вплоть до Понтийского моря⁵². В 698 г. хазарский каган предоставляет убежище в городе Фанагория (на Таманском полуострове близ станицы Сенной) свергнутому с престола византийскому императору Юстиниану II и поручает наблюдение за ним представителю кагана Папацию и архонту (правителю)

Боспора Болгицию⁵³. Из этих фактов вытекает, что положение хазар на Тамани и в Восточном Крыму к концу VII в. было уже прочным.

История города Матреги в этот период очень слабо освещена источниками. Известно, что и в период хазарского владычества в городе сохранялось христианское население, вероятно, находившееся под юрисдикцией Константинополя. В списке епископских кафедр, составленном перед 787 г., упоминается епископия Таматархи⁵⁴, подчиненная епископу Дороса — центра готской епархии в горном Крыму. Но эти нотии, составленные из разнородных по времени частей, трудно датировать. Можно лишь предполагать, что в течение всего периода хазарского господства влияние Византии в Таматархе и на Боспоре было ослаблено, но не ликвидировано хазарами, не желавшими обострять отношения с союзной им империей. Как только Хазарский каганат начал клониться к упадку, византийское влияние в этих районах вновь активизировалось и уже в первой половине IX в. Таматарха известна как византийский город. В нотиях времени Иоанна Цимисхия (969—976 гг.) Матраха фигурирует уже как самостоятельная епархия, отделившаяся от крымско-готской.

2. Местное население в VII—IX вв.

Вскоре после VI в. адыги завладели побережьем Черного моря юго-восточнее Таманского полуострова, где до этого господствовали готы-тетракситы. Это было связано с усилением адыгского племени зихов, которое стало известным с начала I в. н. э. Сперва зихи считались небольшим племенем, обитавшим где-то между нынешними городами Туапсе и Гагра. Во II в. вождь зихов Стахемфак номинально объявил себя подданным римского императора, что должно было укрепить политические позиции зихов среди соседних племен. К V в. территория зихов значительно расширилась и переместилась на северо-запад, примерно до Цемесской бухты. Автор VI в. Прокопий Кесарийский между «Абазгией» и тетракситами упоминает только одних зихов. После VI в. тетракситы исчезают со страниц истории, а зихи, наоборот, становятся все более известными. Феофан, живший во второй половине VIII и в начале IX в., знал «Зикхию» как уже значительную страну на восточном берегу Черного моря. На южной ее границе, в устье р. Нечепсухе, находился важный по тому времени город Никопсия⁵⁵.

Увеличение территории зихов в I тысячелетии н. э., очевидно, отражало процесс консолидации местных племен. Нет оснований думать, будто зихи вытеснили своих соседей и широко расселились на их территории. Скорее всего, соседние племена объединились с зихами и стали известны под их именем. Очевидно, это объединение означало создание союза племен причерноморских адыгов, ядром которого стало племя зихов. Причины появления этого союза неизвестны, но одной из них могла быть потребность совместной вооруженной борьбы с внешними врагами, например с тетракситами и утургурами.

Однако нельзя отрицать и некоторого, может быть и незначительного, территориального перемещения зихов с юго-востока на северо-запад в течение III—VII вв., поэтому можно допустить смещение племен на Черноморском побережье и неизбежную в таких случаях ассимиляцию одних племен другими. Наглядным памятником смещения племен в этом районе является Борисовский могильник у Геленджика (V—IX вв.), на котором встречаются синхронные захоронения с разным обрядом погребения: труположения в грунтовых ямах и в каменных ящиках, а также

трупосожжения с последующим погребением не только в глиняных урнах, но и в каменных ящиках и грунтовых могилах.

Из ассимилированных зихами племен с достоверностью можно назвать в первую очередь ахеев, обитавших на Черноморском побережье на северо-западе от зихов. Ассимиляции подверглись и некоторые другие мелкие племена.

Но Зихский племенной союз не сумел объединить все население северо-западного Кавказа. Рядом с ним возникли два других племенных союза: Касожский — на севере и Абазгский — на юго-востоке.

Слово «касог» и его варианты («косог», «касах», «кашак») получило распространение у разных народов благодаря аланам, потомки которых (осетины) до сих пор называют адыгов сходным именем. Существовало ли у адыгов племя, называвшее себя этим термином, мы не знаем. Но ранние источники, кажется, отличали касогов от зихов.

Монах Елифанй, проехавший вдоль кавказского побережья Черного моря на рубеже VIII—IX вв., рассказывает, будто апостол Андрей, будучи в Севастополе Великом (ныне Сухуми), проповедовал христианство «косогдианам». В старославянском переводе Елифаня в этом месте указаны «касози», т. е. касоги. Таким образом, первое упоминание касогов относится к концу VIII или началу IX в. Показательно, что Елифанй, как и позднее Константин Багрянородный, не смешивал их с зихами⁵⁶.

Абазгский племенной союз возник на территории Абхазии, но в него вошли и некоторые племена, проживавшие в юго-западных районах нынешнего Краснодарского края.

Центральная часть Северного Кавказа во второй половине I тысячелетия была занята вайнахскими и прапоязычными аланскими племенами. Занимаемая аланам территория в письменных источниках очерчена схематично. На составленной во второй половине IV в. римским географом Касторием «Карте Певтингера»⁵⁷ аланы помещены севернее Кавказского хребта и лазов, т. е. севернее Западной Грузии⁵⁸. Аланы издавна занимали и более восточные районы Предкавказья: во II в. Клавдий Птолемей нижнее течение Терека называл Алонта⁵⁹, что в VII в. зафиксировано в «Армянской географии» в форме Аландон⁶⁰ (т. е. Аланская река). Византийский автор VI в. Прокопий Кесарийский, характеризую Кавказ, писал: «Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы; это — племя независимое...»⁶¹. Преимущественно аланы были расселены в центральных районах Северного Кавказа, хотя отдельные их группы занимали вперемешку с другими племенами и смежные территории.

Археологические памятники середины — второй половины I тысячелетия н. э. соответствуют показаниям письменных источников. Для алан были характерны захоронения в катакомбах — подземных сводчатых усыпальницах с узким входным коридором — дромосом⁶². Ареал катакомбных могильников охватывает территорию к востоку от р. Большая Лаба до границы Чечни и Дагестана⁶³ (за исключением горной зоны Ч-И АССР). Аланские подкурганные катакомбные могильники IV—VI вв. открыты в Южном Дагестане на плато Паласа-сырт; исследователи связывают их с иранским племенем маскутов, зафиксированным здесь письменными источниками⁶⁴.

Картографирование катакомбных могильников рисует картину постепенного продвижения алан в горные ущелья Центрального Кавказа, начавшегося в VI в. (Балта, Чми, Архон, Садон, Галиат и т. д.). Судя по этим памятникам, горные зоны современных Северной Осетии, Бал-

карии и Карачая были освоены аланами к X в. Здесь, как и в предгорьях, они вступают в глубокие и длительные контакты с автохтонными племенами горного Кавказа. На основе этих контактов и взаимопроникновения различных по происхождению этнических групп происходят ассимиляционные процессы, в горах между Эльбрусом и Казбеком приводящие к преобладанию иранских элементов и формированию этнической основы осетинского народа, известного в грузинских источниках под именем «овсы» (овени)⁶⁵.

Горнокавказские племена, жившие на указанной территории, вероятно, были подчинены аланами и включены в их военно-политическое объединение. Социально-экономической основой этого объединения были развивавшиеся в Алании раннеклассовые отношения, в VII—IX вв. довольно четко фиксируемые в письменных источниках и археологических памятниках⁶⁶.

Выгодное местоположение западных алан на перевальных путях, через которые пролегал трасса «Великого шелкового пути» из Центральной Азии в Византию, делала алан желанными союзниками в политике не только на Кавказе, но и в Восточной Европе. Роль алан особенно возросла в VI в., когда разгоралась ожесточенная борьба Византии и Ирана за обладание Лазикой и Сванетией. В этих решающих событиях VI в. западные аланы выступили на стороне греков, а восточные — на стороне персов: Прокопий Кесарийский сообщает нам о союзнических отношениях алан одновременно с персами⁶⁷ и с «римлянами»⁶⁸ (греками). Агрессия сасанидского Ирана была остановлена, и западные аланы становятся надежными союзниками империи в ее политике на юго-востоке Европы. Именно таким «другом ромеев» в рассказе Менаандра перед нами предстает могущественный вождь западных алан Саросий. Возвращавшееся на родину посольство Земарха было дружелюбно принято Саросием, но сопровождавшие посольство турки были допущены к нему лишь после сдачи оружия⁶⁹. Во второй половине VII в., стремясь укрепить свое влияние в Западной Алании, Византия основывает здесь монастырь Иоанна Крестителя с настоятелем Григорием. В VIII в. протоспафарий Лев (будущий византийский император Лев III Исавр), отрезанный от империи враждебными империи абхазами, провел несколько лет у алан, пока не вернулся в Византию⁷⁰. Несмотря на деньги, предложенные абхазами, аланы не выдали Льва. Число подобных фактов, свидетельствующих о связях западных алан с Византией, можно умножить.

Сасанидское правительство Ирана не менее Византии было заинтересовано в союзе с аланами и придавало этому союзу большое значение⁷¹.

История алан и большинства других северокавказских племен в VII—IX вв. неразрывно связана с казарами и Хазарским каганатом. В этот период аланы были подчинены казарам и находились в сфере их политического влияния⁷². Аланская правящая династия состояла в родстве с хазарской⁷³ и заимствовала у хазар их титулатуру⁷⁴, подражая хазарскому двору. Следует полагать, что хазарское влияние сохраняло свое значение до конца IX в. В первой половине X в. Хазария быстро идет к упадку, и воспользовавшиеся этим аланы постепенно восстанавливают свой суверенитет.

До недавнего времени ряд авторов считали, что в середине VIII в. часть алан с Северного Кавказа мигрировала в среднее Подонье и положила начало так называемой салтово-маяцкой культуре VIII—X вв. Однако археологические исследования хазарских древностей в Дагестане,

особенно раскопки последних лет Верхне-Чирюртовского городища и его некрополей, раскрывают другие, более реальные пути распространения салтово-маяцкой культуры по Волге и Дону. Они в большей степени связаны с перемещением на северо-запад хазар и подвластных им народов (барсии, беленджерцев, савир, булгар, алан и др.). Причины их переселения связаны с арабо-хазарскими войнами VIII в. Под натиском арабов основные центры Хазарии перемещаются на Волгу и Дон. Переселенцы из прикавказской Хазарии скорее всего и перенесли в более северные районы основные компоненты хозяйственно-культурного типа, ведущие элементы которого представлены на археологических памятниках Терско-Сулакского междуречья⁷⁵.

О войнах имеются известия «Армянской географии VII в.». Упоминаемые здесь нахские племена локализируются приблизительно в тех же районах Северного Кавказа, где они живут и в наше время⁷⁶. В числе племен «Армянская география» упоминает нахчаматсанк и нахчаматеанк, кустк (кисты)⁷⁷.

По исследованиям лингвистов, «нахчаматеанк» — это те, которые говорят на чеченском языке⁷⁸, или на языке «нахчоев»⁷⁹.

К VIII в. н. э. нахи представляли собой несколько племен, говоривших на общем языке. К ним относились и кусты (кистк, кисты). В настоящее время установлена не только принадлежность кистов к нахским племенам, но и их локализация — ущелье р. Армхи, которое, по-видимому, и называли по имени племени, жившего здесь, — Кистетис Цкали⁸⁰, а в русские источники оно попало под названием Кистинка⁸¹.

В «Армянской географии VII в.» есть и дурцк⁸². Это, очевидно, дурдзуки, которые упоминаются в «Картлис Цховрѣба» и в других грузинских хрониках⁸³. Этноним дурдзуки встречается и в арабских сочинениях⁸⁴. Можно полагать, что в VII—IX вв. н. э., по сведениям письменных источников, предки чеченцев и ингушей известны как «нахчаматьяны», «кисты» и «дурдзуки»⁸⁵.

На политической карте Дагестана к VIII в. н. э. появился целый ряд ранних государственных объединений как закономерный результат социально-экономического развития общества. В это время становятся известными такие «царства», как Лакз, Табасаран, Сарир, Зирихгеран, Кайтаг (Хайдак), Гумик и др.

Самым южным на территории современного Дагестана было «царство» Маскат. По грузинским источникам, «маскуты у самого моря, куда доходят отроги Кавказа и где построена Дарбандская стена, громадное укрепление (аштарак апагин), входящее в море»⁸⁶. Самостоятельное существование Маската прослеживается до первой половины IX в., когда он входил в состав Дербентского эмирата⁸⁷ и Ширвана. Севернее Маската располагался Дербент, который, благодаря своему стратегическому положению, являлся важным военно-административным центром на Восточном Кавказе сначала сасанидов, а затем арабов. С первой половины IX в. он становится центром самостоятельного эмирата, который включал часть территории бывшего Маската, собственно Дербент и его округу, ряд земель к северу и северо-западу от города⁸⁸.

В сасанидскую эпоху в район Дербента и в Южный Дагестан было переселено значительное количество персов из Ирана⁸⁹, которые должны были охранять северные границы Сасанидской империи.

«Царство Табарсаран» (Табасаран) было расположено к северо-западу от Дербента, в долине р. Рубас, и по его территории проходила часть Дербентской стены⁹⁰. Табасаран в отличие от других земель Дагестана подвергался интенсивной колонизации сначала сасанидами, а затем ара-

бами, и население здесь было этнически разнородным, хотя местный этнический элемент — табасаранцы — преобладал.

Лакз, расположенный в Южном Дагестане, локализуется в основном в долине р. Самур и охватывает территорию, населенную лезгинями.

К северу от Дербента на равнинной и предгорной частях Дагестана после ухода хазар на Волгу образовалось «царство» Кайтаг, «народ которого входит в состав земель хазарских царей»⁹¹. «Цари» Кайтага получили титул и инвеституру от хазарских ханов. К западу от Кайтага, «по направлению к горам, следуют Зарикаран и Зиригеран...»⁹² — районы современного аула Кубачи (Зирих-иран означает по-персидски «изготовители кольчуг», оружейники).

Политическое образование Гумик было расположено в Центральном Дагестане и охватывало территорию расселения современных лакцев. Наименование этого политического образования отразилось в названии самого крупного населенного пункта лакцев — Кумуха.

Территория нагорного Дагестана, в частности аварские земли, в арабских источниках выступает как земля «Сахиб ас-сарир», т. е. «владельца трона». Вероятно «царство» Сарир⁹³ первоначально занимало территорию нагорного Дагестана, населенную аварцами. Позже правители Сарира проводят активную внешнюю политику, захватывая земли, населенные и другими народами.

Среди дагестанских владений встречаются Дудания, Шандан, Филан и др. Дудания занимала территорию Юго-Западного Дагестана, т. е. территорию современной Дидо. Еще «Армянская география VII в.» знала дидойцев, которые принимали самое активное участие в политических событиях рассматриваемого времени. Шандан — это, скорее всего, территория, известная под названием Акуша-Дарго. Локализация других политических единиц на данном этапе изучения затруднительна из-за неясности источников.

Таким образом, в VI—VIII вв. в Дагестане сложился ряд относительно устойчивых политических образований, которые охватывали территорию основных этнических групп Дагестана. В рамках этих политических объединений проходило формирование основных народностей Дагестана.

3. Арабо-хазарские отношения с народами Северного Кавказа

Одну из основных статей дохода Хазарии составляло взимание торговой пошлины и дани с покоренных народов. Обогащению хазарской знати способствовали и многочисленные грабительские походы, особенно в богатые страны Закавказья и Восточной Европы. С 623 по 799 г. хазары совершили шестнадцать вторжений в Кавказскую Албанию, нередко проникая при этом в Армению и Грузию⁹⁴. Целью походов были захват скота, людей, взимание дани⁹⁵. Согласно «Повести временных лет», одно время хазарам платили дань некоторые восточнославянские племена⁹⁶, а по арабским известиям — от хазар зависела Волжская Булгария⁹⁷.

Прочность Хазарского каганата подверглась суровому испытанию в процессе длительных и ожесточенных арабо-хазарских войн за господство на Кавказе. Первое их столкновение произошло в 643—644 гг. Захватив Дербент, арабы под командованием Абд ар-Рахмана ибн Раби'а двинулись к Беленджеру. На подступах к этому сильно укрепленному городу хазары разгромили арабов. Абд ар-Рахман был убит, вместе с ним погибло 4 тыс. воинов, остальные бежали в Дербент⁹⁸. Это столкновение

арабов с хазарами было первым знакомством будущих упорных противников. В конце VII — начале VIII в. арабы предпринимали неоднократные походы для утверждения в Закавказье. И каждый раз они встречали упорное сопротивление хазар, которые выступали против арабов не только самостоятельно, но и как союзники Византии.

Временные успехи хазар в Закавказье в конце VII в. объяснялись состоянием дел в халифате. Там после длительной полосы смут и междоусобий в 90-х годах власть окончательно перешла к династии Омейядов⁹⁹. Подчинив Ирак и Иран, халифы вытеснили хазар и византийцев из Закавказья. Подавление восстания в Армении и сожжение армянских князей в Нахичеване и его окрестностях в 705 г.¹⁰⁰ закрепило власть «наместников пророка» над Арменией. В то же время была подчинена и Кавказская Албания, последний князь которой был лишен престола¹⁰¹. Закавказье было включено в состав халифата и входило в два наместничества — *Армения и Азербайджан, в основном в первое*¹⁰². После этого началась серия арабских походов в области горного Кавказа и преимущественно против хазар. Таких походов в первой трети VIII в. было много¹⁰³, но крупнейшими из них были экспедиции Масламы ибн абд-ал-Малика в 706—707 гг., ал-Джарраха ибн Абдаллаха ал-Хакими в 722—723 гг., и, наконец, самым крупным арабо-хазарским столкновением явился поход Мервана ибн Мухаммеда в 737 г.

Масламе ибн абд-Малику удалось отвоевать у хазар Дербент¹⁰⁴, а затем уже, в 713—714 гг., дойти до Тарку, т. е. современной Махачкалы¹⁰⁵. Однако здесь арабского полководца постигла неудача, результатом которой явилось вторжение хазар в Закавказье, куда Маслама отступил, «преисполненный стыда»¹⁰⁶.

Поход Джарраха был ответным мероприятием арабов на хазарское вторжение в Закавказье. Джаррах взял Дербент, разгромил хазарские войска и продвинулся дальше на север, овладев и Беленджером¹⁰⁷. Намеченный поход на Семендер Джаррах вынужден был отменить, очевидно, учитывая не столь давнюю неудачу Масламы.

В связи с арабо-хазарскими войнами очень важно проследить роль в них коренных народов Северного Кавказа (алан, народов Дагестана). Этот вопрос пока еще изучен плохо. Находясь в зависимости от хазар, все они вынуждены были поставлять в армию хакана дополнительные воинские контингенты и, следовательно, участвовать в войнах с арабскими полководцами. Думается, что во многих случаях такое участие было подневольным. В то же время источники отмечают и специальные походы арабских войск, например против алан, в 723 г.¹⁰⁸

Наибольшее значение для истории самих хазар, арабского халифата, народов Северного Кавказа и даже вообще Восточной Европы имел поход Мервана ибн Мухаммеда в 737 г. Мерван ибн Мухаммед — ближайший родственник халифа (кстати, потом сам ставший под именем Мервана II последним халифом из династии Омейядов) был не случайно назначен полновластным наместником Закавказья. Он успел проявить себя в войнах против Византии как опытный и удачливый полководец, и это, несомненно, способствовало его назначению на должность наместника Закавказья. Мерван, готовясь к походу против хазар, прежде всего принял меры к упрочению власти в странах Закавказья. Здесь он действовал испытанным методом «кнута и пряника». Армянских нахараров Мерван не только областал, утвердив во владениях, но и выделил нужные суммы для снаряжения знаменитой армянской конницы, вошедшей в состав арабского войска¹⁰⁹. Наоборот, в Грузии Мерван проявил себя как беспощадный каратель, за что получил прозвище «Кру» («глухой») — к жа-

лобам и горю)¹¹⁰. Только после всего этого арабский полководец выступил на хазар сразу в двух направлениях: одно войско он вел сам через Дарьял, другое — подчиненный ему военачальник — через Дербент¹¹¹. Хазарского хакана Мерван все время успокаивал ложными сообщениями, и тот не успел собрать ополчения со всей своей державы. Где-то на просторах Северо-Кавказской равнины оба арабских корпуса, соединившись, разгромили хазарские войска, остатки которых бежали на север. Преследуя их, Мерван дошел до Славянской реки (Нахр ас-сакалиба), в которой, по-видимому, надо видеть Дон, и увел оттуда 20 000 семей «славян и других неверных». Так далеко на север арабские войска не доходили ни до Мервана, ни после него. Более того, результатом похода Мервана были значительные перемены на Северном Кавказе. Разгромленный хакан перенес свою резиденцию в устье Волги, и новая хазарская столица Итиль получила название от р. Итиль. Прежняя столица, именуемая в источниках ал-Байда (Белая)¹¹², очевидно, идентична Семенджеру, так как Семендер — в иранских языках «Белый город» — был взят Мерваном и разрушен. Затем Мерван сумел закрепиться в Дагестане, обязав местных правителей платить дань халифу¹¹³.

Начавшиеся в халифате новые смуты, приведшие к власти в середине VIII в. династию Аббасидов, по-видимому, и способствовали возвращению по крайней мере основных областей Северного Кавказа под власть хазар. В 799 г. хазары еще были в силах совершить большой поход в Закавказье¹¹⁴, но это было их последнее мероприятие. В дальнейшем арабы на время закрепились в Закавказье и Южном Дагестане, хазары же в Восточной Европе столкнулись с новыми врагами и новыми проблемами. В нашем распоряжении не очень много известий о событиях в Хазарии и на Северном Кавказе в IX в., но некоторые из них дают основание утверждать, что даже слабевший каганат продолжал в районе горного Кавказа противоборствовать также слабшему халифату. Известно, что во время восстания в 50-х годах IX в. санарийцев (тсанаров), проживавших недалеко от Дарьяльского прохода, под угрозой карательной экспедиции со стороны халифского наместника восставшие направили послов к «царю» хазар, византийскому императору и таинственному до сей поры «Сахив ас-Сакалиба», т. е. владыке славян¹¹⁵.

В целом можно по всем данным полагать, что IX в. был периодом, когда народы Северного Кавказа стали постепенно освобождаться и от власти хазар и от власти халифата.

4. Проблемы экономики и социально-экономических отношений у народов Северного Кавказа периода господства хазар

Основной формой хозяйства на Северном Кавказе VII—IX вв. становится земледелие в сочетании со скотоводством и кочевое скотоводство, сохранявшееся на просторах Предкавказья у племен, входивших в состав Хазарского каганата.

Результаты исследований памятников Терско-Сулакского междуречья свидетельствуют, что земледелие в этом районе было орошаемым от вод Терека и Сулака. Об интенсивном характере земледелия свидетельствуют остатки древних ирригационных каналов, протянувшиеся на десятки километров вокруг Андрейаульского городища. Основной формой земледелия было виноградарство и садоводство, немаловажную роль играли и

зерновые культуры. О многочисленных виноградниках и садах вокруг хазарских городов, и особенно Семендера, сообщают письменные источники ¹¹⁶.

Обширные остеологические материалы с хазарских памятников свидетельствуют о значительных изменениях и в скотоводстве, которое приобрело отгонный характер. Зимой для выпаса скота использовались степные просторы Прикаспия, а весной стада отгонялись на альпийские луга предгорий.

Важное место в хозяйстве населения занимало рыболовство, о чем свидетельствуют многочисленные остатки чешуи осетровых рыб в культурных слоях городищ.

Наряду со специализацией земледельческо-скотоводческого хозяйства и различных отраслей ремесленного производства получает развитие и торговля. Хазария была вовлечена в международную торговлю в силу своего расположения на Волжско-Каспийском торговом пути. Пошлины, взимавшиеся с торговых судов и караванов, проходивших по землям каганата и по морю, являлись одной из доходных статей. О широких и оживленных торговых связях Хазарии свидетельствуют украшения, а также монеты Византии, Ирана и Арабского халифата, найденные в некрополях. Центрами международной торговли выступали приморские города Дагестана, где жили купцы и доставлялись товары из самых удаленных уголков каганата и из других стран ¹¹⁷.

Можно предположить, что в Хазарии была налажена и чеканка собственной монеты. Об этом свидетельствуют некоторые золотые монеты из Верхне-Чирюртовских могильников, которые, по заключению специалистов, являются подражанием византийским образцам.

Определенный подъем наблюдается в ремесленном производстве Дагестана, где прослеживалась отраслевая специализация. Так, например, Дербент специализировался на производстве полотна и полотняной одежды, а Семендер — на обработке шерсти и производстве шерстяной одежды.

Изменения наблюдаются и в гончарном производстве, которое выдвинулось в самостоятельную отрасль, стало ремеслом, о чем могут свидетельствовать неоднократно встречаемые на керамике клейма ремесленников.

Одной из важнейших отраслей ремесла являлась обработка металла. Жители средневекового Кубачи занимались производством «кольчуг, стремян, удила, мечей и других вещей» ¹¹⁸. В работе кузнецы нередко достигали большой виртуозности, были знакомы со сложными приемами обработки металла, ковкой (в том числе и фигурной), художественным литьем, паянием, инкрустацией, чеканкой, лужением, волочением и т. д. ¹¹⁹ Многие изделия кузнецов изготавливались по определенному стандарту, предназначаясь для массового сбыта на рынок.

В рассматриваемое время земледелие продолжало оставаться главным занятием и у плоскостного населения Чечено-Ингушетии. Об этом красноречиво говорит нахождение остатков культурных растений — проса и пшеницы ¹²⁰, наличие большого количества хозяйственных ям для зерна, зернотерок и жерновов в культурных слоях городищ ¹²¹.

Немаловажной отраслью сельского хозяйства было скотоводство. Разводили крупный рогатый скот ¹²², свиней, овец и коз.

В хозяйственной деятельности вайнахов в конце I тысячелетия н. э. значительное место занимает ремесленное производство, и прежде всего гончарное дело и металлообработка. В крае найдено несколько гончарных печей ¹²³. В погребальных и бытовых памятниках в массовом количестве представлена керамическая посуда (кухонная, столовая, тарная, культо-

вая и пр.). Вся керамика по форме и технологии изготовления находит широкие аналогии в керамике Северного Кавказа и салтово-маяцкой культуры.

Важное место в ремесленном производстве вайнахов занимала металлообработка. На многих памятниках VII—IX вв. найдены куски железного шлака, железные крицы и орудия труда, а на могильниках Харачой, Дай, Чпнахой, Мартан-Чу и др. — разнообразные украшения из металла и стекла. Среди них много предметов (в том числе и монеты), свидетельствующих о культурных и торговых связях вайнахов с Византией, Восточной Европой и со странами Закавказья. О развитии торговли свидетельствует и найденный в Дайском могильнике безмен¹²⁴.

При обработке металлов местные мастера пользовались такими техническими приемами, как литье, ковка, чеканка, резьба, тиснение, инкрустация, волочение¹²⁵. О высоком уровне развития прикладного искусства свидетельствуют инкрустированные стеклом и золотом фибулы, медальоны, а также различных форм поясные накладки, перстни и другие украшения.

Ведущей отраслью экономики адыгских племен было также пахотное земледелие. Основные возделываемые культуры — зерновые: мягкая пшеница, ячмень, просо. На поселениях обычны находки каменных зернотерок, встречаются мотыги и серпы.

О развитии скотоводства свидетельствуют кости домашних животных из культурных слоев городищ и селищ. Судя по этим материалам, на равнине разводили преимущественно крупный рогатый скот, в горах преобладало овцеводство. Особое внимание уделялось коневодству. Подсобными промыслами были охота и рыболовство (найжены рыболовные грузила и крючки). В приморских поселениях по берегам Черного и Азовского морей рыболовство было ведущей отраслью хозяйства.

Совершенное вооружение, встречающееся в могильниках, подразумевает наличие развитого ремесленного производства. Намечается специализация, в производственных центрах появляются мастера высокой квалификации (например, оружейники). Улучшается технология, множество предметов вооружения и орудий труда делается из стали или комбинированно — путем сложной сварки стальных и железных частей. К концу I тысячелетия производство оружия, орудий, металлических украшений и т. п. приобретает все более широкий и стандартизированный характер; на первый план выдвигаются недорогие изделия массового спроса, реализация которых могла идти через рынок. То же следует сказать и о гончарном производстве, во второй половине I тысячелетия перешедшем к выпуску более совершенной посуды, изготовлявшейся на гончарном (ручном) круге. Стандартизация форм, технологии и орнамента керамики охватывает значительные территории и постепенно ведет к нивелированию локальных черт и особенностей, стирая грани в материальной культуре отдельных, ранее изолированных районов.

Арабо-хазарские войны нарушили, но не прервали торговые связи с соседними странами и народами. В VII—IX вв. продолжает активно функционировать «Великий шелковый путь» из Китая и Средней Азии в Византию; по нему в обоих направлениях двигаются купеческие караваны, доставляющие восточные и византийские товары. Свидетельством этих внешних связей племен Северо-Западного Кавказа является погребение дальневосточного купца VIII в. в Мощевой балке (р. Большая Лаба), содержавшее обрывки китайской картины на шелке, переплет рукописи, в том числе документ с приходно-расходными записями («... 120 монет ... 10-й месяц 4-й день ... продал»¹²⁶). Из сасанидского Ирана в

Алагирское ущелье Северной Осетии попадает серебряный кубок VII в.¹²⁷, а в Джейрахское ущелье в Ингушетии — бронзовая фигура орла, отлитая в VIII в. в г. Басра (Ирак)¹²⁸. Ярким показателем торговых сношений с внешним миром являются монетные клады и находки отдельных монет, среди которых доминируют восточные и византийские. Таков клад у станции Сунженской, состоявший из 200 серебряных арабских диргемов VIII—IX вв.¹²⁹ и клад арабских монет с куфической вязью VIII—IX вв., обнаруженный близ с. Петровского Ставропольского края¹³⁰. Монетные клады указывают направление основных торговых путей; в частности, клад у с. Петровского приурочен к трассе «Великого шелкового пути», шедшего через Ставропольскую возвышенность к низовьям Волги.

Византийские монеты и индикации с них¹³¹, византийского происхождения поясные пряжки, серьги¹³² и другие ювелирные изделия, роскошные шелковые ткани¹³³, стеклянная посуда свидетельствуют о торговых связях племен Северного Кавказа с империей. Особенно прочно с Византией был связан Северо-Западный Кавказ и Черноморское побережье, где часты находки византийских вещей. В с. Лезгор Северо-Осетинской АССР в XIX в. была найдена бронзовая пластина с выемчатой эмалью, происходящая из Прибалтики¹³⁴. На то же северное направление далёких экономических связей с Прибалтикой и Поднепровьем указывают многочисленные бусы из янтаря. В центральных районах Кавказского хребта второй половины IX в. усиливаются связи с феодальной Грузией¹³⁵.

Если основные черты экономики Северного Кавказа VII—IX вв. благодаря археологическим изысканиям ныне все лучше проясняются, то этого нельзя сказать о социальных отношениях, особенно у племен горного Кавказа. Вопрос упирается в крайнюю скудость письменных источников, а также и в недостаточную изученность последних. Даже в отношении Хазарского каганата дело обстоит отнюдь не лучшим образом. Нам более или менее хорошо известен государственный строй этого объединения, где до IX в. существовало своеобразное двоевластие¹³⁶. Имеются данные о столичной хазарской знати, но мы почти ничего не знаем о положении трудящегося населения, формах эксплуатации в разноплеменном Хазарском государстве. Именно поэтому в наиболее полном на сей день в нашей историографии труде по истории хазар М. И. Артамонова «История хазар» (Л., 1962) социально-экономическая история хазарского общества обрисована беглыми и не всегда ясными чертами¹³⁷. По-видимому, здесь еще необходима дополнительная работа, прежде всего изучение социально-экономической терминологии оригиналов первоисточников на арабском, армянском, древнееврейском языках. Сейчас же можно сделать более или менее уверенный вывод: Хазарское государство, во-первых, было раннеклассовым (точнее сказать пока возможности нет), во-вторых, социальные отношения у народов и племен, входивших в его состав, не были однородными, и это относится не только к кочевому и оседлому населению, но, очевидно, и к разным частям того и другого.

Эти общие выводы могут показаться находящимися в противоречии с той картиной экономики, которую дает археология. Ее данные показывают роль земледелия, ремесла, наличие элементов специализации последнего и значение городов и торговли. Впрочем, последнее может в значительной мере объясняться и ролью Хазарии в международной торговле той эпохи, расположением на выгодных торговых путях. Однако и этот вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Что касается общественного строя коренных народов Северного Кавказа (включая для данного времени и алан), то о нем совершенно нет данных. Некоторое исключение представляет Дербент, но и здесь для VII—IX вв. известий немного. К тому же Дербент был, по сути дела, как бы мостом между горным Кавказом и Закавказьем, так что социальные связи, которые могут быть обнаружены в этом городе, вряд ли распространяются даже на соседние области (Лакз, Табасаран и др.). Для Дербента уже IX в. источники выделяют, помимо эмира (первый самостоятельный эмир Дербента упоминается с 869 г.), «мудрых стариков» («укала») и глав города, начальников («раисов») ¹³⁸. Что-либо конкретное о них для данного времени сказать нельзя. Однако выделение «укала», кажется, говорит о наличии сильных патриархальных пережитков в Дербенте IX—XI вв. Вопрос об этих категориях населения Дербента будет подробнее затронут в следующей главе.

Источники упоминают местных горских «царей» уже по крайней мере с IV в. Так, Мовсес Хоренаци называет Шергира — «арка» (т. е. «царя») леков ¹³⁹. Арабские авторы IX—X и более поздних веков также упоминают ряд «мулук ал-джабал» («царей гор»), обычно связывая их «назначение» с Хосровом I Ануширваном ¹⁴⁰.

Подробнее их перечисление, однако, вряд ли целесообразно до той поры, пока не станет ясно, что конкретно подразумевалось под тем или иным титулом, какое конкретное значение имел он применительно к обществам Северного Кавказа. Армянский термин «арка» (от греческого «архон») обычно означал «царя», правителя разного типа, в том числе мог иметь смысл и племенного вождя, а применительно к горному Кавказу, возможно, — и главу общины. Арабский термин «малик» также имеет очень широкий смысл. Применение персидскими авторами X и последующих веков титула «шах» к некоторым владельцам Дагестана также нуждается в конкретизации и выявлении смысла в каждом отдельном случае. Пока такая работа не проделана, вряд ли можно оперировать этими терминами, тем более в их одном, даже главным для общества, где они возникли, значении.

Можно лишь сказать, что все эти термины (армянские «арка», «тагавор», грузинское «мене», арабское «малик», персидское «шах» и т. д.) означали разных представителей социальной верхушки северокавказских обществ.

О типологии же раннеклассовых обществ Северного Кавказа VII—IX вв. до выявления господствовавших там форм эксплуатации говорить нельзя. Более или менее условно можно писать о них как об обществах раннефеодального типа или, точнее, феодализирующихся. Да и этот вывод можно аргументировать только для более позднего времени, о котором пойдет речь в следующей главе.

5. Культура и быт народов Кавказа VII—IX вв.

О культуре и быте раннесредневекового населения Северного Кавказа наиболее полное представление дают многочисленные археологические памятники. В настоящее время в приморских районах Дагестана известно более 40 памятников, связанных с оседавшими здесь кочевниками. Наиболее плотно было заселено Терско-Сулакское междуречье — колыбель Хазарии. По своим размерам, месту расположения, структуре культурных отложений и особенностям оборонительных сооружений памятни-

ки эти подразделяются на несколько групп¹⁴¹. Основную группу составляют крупные городища, расположенные вдоль речных террас, в предгорьях Дагестана (Таркинское, Верхне-Чирюртовское, Бавтугайское, Андрейаульское, Новокулианское и др.). Они выделяются обширными размерами (наиболее значительные из них достигают 100 га), укреплены мощной системой оборонительных сооружений. Культурные отложения городищ, насыщенные серолощеной керамикой и другими бытовыми остатками, достигают 2—3 и более метров толщины. К городищам примыкают обширные курганные или грунтовые могильники с захоронениями в катакомбах или в ямах различных конструкций. Своеобразны по характеру крепостного строительства городища, исследованные в степной полосе. Они лишены естественной защиты и имеют форму четырехугольника. Массивные оборонительные сооружения вокруг них возведены из глинобита и сырцовых кирпичей. Наиболее крупные городища, расположенные на оживленных перекрестках Прикаспийского пути и внутридагестанских коммуникаций, превращаются в обширные торговоремесленные и политические центры (Верхне-Чирюртовское, Таркинское).

Наиболее многочисленную группу памятников составляют обширные поселения, расположенные в плодородных долинах рек Сулак, Актап, Ярыксу, Аксай, Терек и др. До вторжения кочевников здесь во II—IV вв. бытовали поселения местных землевладельцев (Андрейаульское, Бавтугайское, Аксайское и др.), на которых начинают оседать кочевники. С V—VI вв. с притоком новых волн кочевников в долинах рек появляется и ряд новых поселений, на которых распространяется общая для Терско-Сулакского междуречья культура серолощеной керамики.

Особую группу памятников составляют крепости (замки) округлой в плане формы, характерной для кочевников (Бораульская, Германчикская, Тенг-кала и др.)¹⁴². Крепости примечательны небольшими размерами (диаметры их не превышают 100 м), они также окружены мощными оборонительными стенами из сырцового кирпича и глинобита. Культурные отложения на них с характерной серолощеной керамикой достигают 2—3 м толщины и также датируются II—IX вв.

Своим происхождением культура многочисленных городищ и поселений Терско-Сулакского междуречья восходит к местному оседло-земледельческому населению, связанному с Кавказской Албанией.

Хазары способствовали распространению культуры серолощеной керамики из первоначального Терско-Сулакского центра. В VII—VIII вв. серолощеной керамика распространяется на многочисленные памятники, расположенные по предгорному Дагестану от Сулака и до Дербента включительно. А затем традиции производства сероглиняной посуды широко распространяются на Волге и Дону. Особо выразительно эта культура представлена на крупных городищах, расположенных на естественно защищенных участках долин, сливающихся с приморской полосой (Капчугайское, Таркинское, Гуржиюртовское, Генторунское, Урцекское, Эксиюртовское и др.). Памятники эти характерны обширными размерами и укреплены мощной системой оборонительных сооружений, возведенных из камня. К ним тяготеют мелкие поселения и сторожевые крепости, расположенные на господствующих вершинах хребтов.

Богатые керамические материалы хазарских памятников — это многочисленные сероглиняные кухонные горшки с заглаженной и рифленой поверхностью, котлы, украшенные различными налечами и врезными линиями. Тарная посуда представлена массивными «хумами», диаметры которых нередко достигают 1 м. Наиболее нарядна столовая керамика (кув-

пины, миски, кружки и др.), которая украшена различными комбинациями лощеных и врезных линий. В целом эта керамика характерна стандартностью форм, в большинстве своем она изготовлена на гончарном круге. Гончарные печи на Андрейаульском и Верхне-Чирюртовском городищах, а также многочисленные клейма мастеров на донцах и ручках сосудов свидетельствуют о высоком качестве керамического производства местных народов, объединенных в составе Хазарии.

Значительные успехи наблюдаются и в других отраслях ремесленного производства Хазарии, развитию и специализации которых способствовали и ремесленники, завозившиеся в Хазарию из стран Закавказья и Ирана. Об искусстве кузнецов свидетельствуют разнообразные предметы вооружения — броневойные и свистящие наконечники стрел, граненые наконечники копий, слабоизогнутые однолезвийные сабли, ранее неизвестные на Северном Кавказе. Кроме того, здесь представлено наибольшее количество кольчуг и доспехов, в том числе и конских. Анализ предметов вооружения, и особенно остатков сабель, свидетельствует, что ремесленники Северного Кавказа знали и секреты производства стали.

Украшения из бронзы, серебра, золота — зеркала, перстни, браслеты, наконечники ремней, пряжки и многое другое, найденное особенно в погребениях Верхне-Чирюртовского курганного могильника, выполнены с применением самых различных технических приемов. Местные мастера не только владели высоким искусством ювелирного производства, но и, творчески переосмысливая различные орнаментальные мотивы и композиции, создавали изделия, отвечавшие традиционным вкусам своих заказчиков. В этом плане шедеврами прикладного искусства ремесленников являются костяные обкладки седла с выгравированными на них сценами охоты всадников на диких кабанов.

Остатки монументальных оборонительных сооружений, сохранившиеся вокруг хазарских городов и особенно у Верхне-Чирюртовского городища, а также церквей, исследованных на территории некрополя городища, отражают большие достижения и в этой области производства. Строители Хазарии не только умели возводить монументальные сооружения, но и знали секрет сейсмостойкого строительства. Антисейсмические камышовые пояса для снижения вертикальных и горизонтальных нагрузок прослежены при исследовании крепостных стен Верхне-Чирюртовского городища, расположенного в зоне повышенной сейсмической активности.

Сдвиги в экономическом развитии, расслоение общества неизбежно повлекли за собой и изменения в духовной жизни общества. Многочисленные языческие верования, существовавшие по всей территории Хазарии, уже не соответствовали социально-экономической структуре каганата. В Хазарии началась борьба трех монотеистических религий (христианства, ислама и иудаизма). Проникновению этих религий в Хазарию способствовали политические и торгово-экономические связи с Византией и Арабским халифатом. Из Кавказской Албании, Армении и Грузии с IV—V вв. начинает проникать христианство. О значительных успехах христианских миссионеров свидетельствует наличие двух христианских храмов (VII—VIII вв.) на некрополе у Беленджера¹⁴³. Христианские кресты из камня, керамики и золота — нередкие находки на городище и в погребальных сооружениях Беленджера. Изображения крестов встречаются здесь и на стенках погребальных катакомб. Однако христианство, как и ислам, не стало государственной религией каганата, поскольку принятие этих религий могло привести к идеологическому подчинению Хазарии или Византийской империи или халифату. Очевидно, поэтому в конце VIII в., когда центры Хазарии переместились на Волгу и Дон,

каган и правящая верхушка Хазарии принимают иудаизм¹⁴⁴. Возведение иудаизма в ранг государственной религии демонстрировало независимость и равноправие Хазарского каганата с Византийской империей и Арабским халифатом, а также было реакцией на попытки этих держав подчинить хазар своим интересам¹⁴⁵. Однако религия иудеев в силу своей специфики не стала религией не только многих народов, входящих в состав Хазарского государства, но даже и самих хазар в целом¹⁴⁶. Ее исповедовала лишь верхушка хазарской знати. Несмотря на распространение в каганате трех монотеистических религий, основная масса населения Хазарии продолжала исповедовать традиционные языческие верования.

Многочисленные поселения с культурными отложениями VII—IX вв. выявлены на равнинной части Чечено-Ингушетии, в долинах рек Терек, Аксай, Сунжа, Мартан, Аргун и др. Здесь представлены городища двух типов — слабоукрепленные (без валов, но со рвами) и городища с укрепленными цитаделями, к которым примыкают открытые, незащищенные поселения. Фортификационные сооружения начинают возникать с V в. н. э. на старых неукрепленных поселениях. Их возникновение связано с заметно усилившимися процессами социально-экономической дифференциации местного населения, а также с изменением средств войны, обороны и быта¹⁴⁷. Городища и поселения застраивали обычно турлучными жилищами.

Основной формой жилища на городищах были легкие плетеные турлучные дома, обмазанные глиной и с глинобитными полами. В равнинной части Северного Кавказа этот непритязательный тип жилища был наиболее распространен у всех племен и народов, в том числе у алан и хазар (у последних их описал в X в. Ибн-Хаукаль¹⁴⁸). Зачастую такие жилища углублялись в землю и представляли собой полуземлянки. Дома окружали хозяйственные постройки и глубокие и емкие зерновые ямы, в которых хранилось зерно.

Для верований вайнахов характерны различные культы. О язычестве вайнахов говорят многие археологические объекты-святилища, а также этнографические данные¹⁴⁹.

В конце I тысячелетия н. э. и здесь начало распространяться христианство, которое шло из Грузии и из Византии. Судя по археологическим и лингвистическим данным, к XI—XII вв. н. э. часть вайнахов (особенно ингуши) приняла христианство¹⁵⁰. В языке вайнахов закрепились слова христианской религиозной терминологии¹⁵¹.

В центральной части Предкавказья археологией открыто много городищ и селищ. В верховьях Кубани это известное Хумаринское городище. В VIII—X вв. это была мощная, окруженная каменными стенами 3—5-метровой толщины и с башнями крепость¹⁵², контролировавшая путь по Кубани и Теберде к Клухорскому перевалу. К тому же времени относится возникший несколько ранее археологический комплекс у сел. Хасаут на границе Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Это городище-крепость, окруженная каменными стенами (возможно, и с башнями) и возвышающаяся над долиной р. Хасаут. Рядом с городищем еще в XIX в. были открыты скальные катакомбы с богатыми захоронениями и подземные усыпальницы из плит — «каменные ящики», содержавшие богатые коллективные захоронения V—VI вв. На городищах и селищах верховий Кубани доминировали каменные жилища, возведенные техникой сухой кладки (без раствора) или на глине. Оборонительные стены также сооружались из камня.

В предгорьях и на равнинах Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии господствуют крупные городища, укрепленные могучими (до 10 м глубиной) рвами.

Типичные городища Кабардино-Балкарии, бытовавшие в рассматриваемый период, — Старо-Лескенское, Хамидия, Терекское, Нижний Джулат. В Северной Осетии это городища Киевское, Октябрьское, «Каууат», на южной окраине г. Орджоникидзе; в Чечено-Ингушетии — городища Алхан-Калинское, Ханкальское и т. д.¹⁵³. Стремление обитателей городищ обжить труднодоступные, естественно укрепленные места и сооружение огромных рвов, требовавшее колоссального ручного труда, свидетельствуют о постоянной угрозе нападения со стороны.

Устойчивые экономические связи вели к обмену культурными ценностями, выработанными в течение веков. Именно на этом фоне мы можем понять широко распространение героического нартического эпоса, бытующего у большинства народов Северного Кавказа, а также тех древних элементов духовной культуры, которые до сих пор являются общими для многих из них. Яркий показатель культурных связей — памятники письменности, свидетельствующие также о языковых и этнических контактах. На территории исторической Алании в рассматриваемое время известны лишь древнетюркские рунические надписи VIII — IX вв., открытые на Хумаринском городище и оставленные тюрками (булгарами или хазарами)¹⁵⁴.

Вторая половина I тысячелетия н. э. — время господства у адыгов и адан древних языческих представлений и культов. Судя по сохранившимся реликтам и археологическим памятникам, язычество всех северокавказских народов слагалось из семейно-родовых и обширных земледельческо-скотоводческих культов. Семейно-родовые культы представлены почитанием домашнего очага и его атрибутов (надочажная цепь, зола, огонь); каждый род имел чтимого предка и покровителя. Сюда же относится погребальный культ, весьма развитый у народов Кавказа и сопровождавшийся обильными (иногда разорительными) поминками. Общинные аграрные культы связаны с хозяйственной жизнью общины и из нее вырастают. Общественные функции этих культов — обеспечение хорошего урожая, прекращение засухи или чрезмерных атмосферных осадков, предотвращение падежа скота, эпидемий и эпизоотий¹⁵⁵. В горах в честь семейно-родовых и общинных божеств сооружались святилища, у адыгов почитались деревья и рожи¹⁵⁶. Существовали и профессиональные культы, например культ бога кузнечного производства Тлепша у адыгов и Курдалагона — у осетин.

В VI—VII вв. начинается проникновение христианства (из Византии и Грузии). Кроме монастыря Иоанна Крестителя, находившегося в западной части Алании, свидетельством первого проникновения этой «мировой религии» могут быть крест с греческой надписью VIII в.¹⁵⁷, найденный на Рим-горе близ Кисловодска, и христианские кресты, высеченные на стенах катакомб VII—IX вв., в местности Песчанка близ Нальчика¹⁵⁸. Одновременно появляются и характерные квадратные в плане святилища огня, связанные с зороастрийским культом огня, проникавшим из Средней Азии и Ирана (через Закавказье). В частности, недавно открытое святилище огня на территории Хумаринского городища хронологически и топографически совпадает с временем и маршрутом «Великого шелкового пути», которым широко пользовались согдийские купцы¹⁵⁹. Святилище огня VII в., раскопанное дагестанскими археологами на городище Урдэки, приурочено к трассе другого важнейшего пути из Закавказья, шедшего через Дербент.

Но ни христианство, ни тем более зороастризм не могли подавить традиционные, освященные веками языческие культы, сохранявшие в условиях архаического быта свое общественное значение и доминирующую роль.

В VIII—IX вв. происходило дальнейшее распространение христианства на Северо-Западном Кавказе. Центром одной из христианских епархий константинопольского патриарха на рубеже VII—VIII вв. был город Никопсия в Зихии. Вместе с Боспорской и Херсонесской, эта епархия называлась «Зихской». В списке епархий, составленном перед 787 г., Никопсийская и Себастопольская епархии названы «абазгскими», что дает повод предполагать переход Никопсии под власть Абхазского княжества в конце VIII в. В Никопсии находилась почитаемая христианами гробница, в которой будто бы покоились мощи апостола Симона Кананита. Автор того времени, монах Елифаний, замечает, что «зиххи народ жестокий и варварский и доныне наполовину неверующий». О касогах Елифаний пишет: «Это люди кроткие и доступные вере; они с радостью приняли слово проповеди». Из рассказа Елифания следует, что христианство на рубеже VIII—IX вв. уже значительно распространилось среди закубанской части адыгов (касогов), в то время как приморские адыги (зихи) еще мало поддались проповеди новой для них религии. Но и они были уже лишь «наполовину неверующие», т. е. и среди них около половины считались христианами, центром которых на Северо-Западном Кавказе являлась Никопсия. Никопсийская епархия упоминается в епископском списке, составленном в 807—815 гг., и в другом списке первой половины IX в.

Не только христианские общины Крыма, Тамани и Никопсии проповедовали новую веру. Это, очевидно, делали и сосланные на Кавказ византийские «еретики» вроде Максима Исповедника и его единомышленники¹⁶⁰.

Архитектура второй половины I тысячелетия н. э. на территории Северного Кавказа изучена слабо. Наиболее впечатляющими являются крепостные стены Хумары, имеющие толщину от 3 до 5 м и, несомненно, в древности считавшиеся высокими и неприступными. Внешний и внутренний панцири сложены из больших, тщательно отесанных и подогнанных песчаниковых блоков на извести, промежуток между ними забутован (та же строительная техника применялась и при сооружении жилых и хозяйственных построек, но с применением глины вместо извести). Боевые башни членили стены на куртины и делали Хумаринское городище мощной крепостью. На башни вели каменные лестницы.

Сооружение Хумаринского городища требовало применения усилий не только опытного зодчего, но и большого числа опытных мастеров-каменщиков.

Интересные сооружения открыты раскопками на городищах Адиух и Гиляч (оба в Карачаево-Черкесии). На Адиух исследованы остатки каменных жилищ, обычно однокамерных и тесных, с очагом в центре и каменными лежанками вдоль стен. Застройка очень плотная и хаотичная. Городище было укреплено рвом и оборонительной стеной до 2,5 м толщиной. Стена сопровождалась боевыми башнями¹⁶¹. Того же типа жилые и хозяйственные постройки исследованы на Гиляче. Обнаружены отдельные архитектурные детали (например, каменные арки-архивольты)¹⁶².

О высоком уровне обработки камня и наличии на Северном Кавказе квалифицированных мастеров-строителей свидетельствуют также широко распространенные погребальные сооружения — подземные и полупод-

земные склепы, надземные гробницы, несущие в своей архитектуре древние местные традиции. Для склепов обычны так называемые ложный свод, входной лаз, полки или лежанки для погребенных.

Прикладное изобразительное искусство племен Алании, выросшее на почве древнего кавказского искусства, осложненного сильными включениями степных (скифо-сарматских) и иноземных (иранских, закавказских, византийских) элементов, продолжало развитие по пути, связанному с господствующими культурами символика. Последняя наиболее полно отражена в произведениях металлопластики и орнаментации металла и керамики (например, «солнечная» символика на металлических зеркалах, «солнечные» подвески-амулеты; «шаманские» изображения из бронзы, семантика орнаментов на керамике и т. д.). В V—VI вв. встречаются произведения сармато-боспорского полихромного стиля, эффектно украшенные по золотому фону кроваво-красными вставками из альмагдына и граната (фибулы из Гиляча, Верхней Рутхи¹⁶³). Но история искусства аланских племен Северного Кавказа в I тысячелетии н. э. еще слабо изучена, и мы лишены возможности дать полноценное и обоснованное описание ее развития.

В целом обширные и впечатляющие археологические материалы, исследованные на многочисленных памятниках Северного Кавказа, воссоздают высокий уровень культурного развития кочевых и оседлых народов, объединенных в VII—IX вв. в составе Хазарского каганата.

Развитие земледелия и скотоводства, а также многочисленные войны, которые хазары вели против стран Закавказья, способствовали накоплению значительных богатств в руках представителей аристократизирующейся верхушки и имущественному расслоению общества. Ярво выраженный классовый характер общества отражают остатки укрепленных цитаделей, возвышающихся в хазарских городах (Андрейаульская, Сигитминская, Урцекская и др.). Социальные контрасты хазарского общества наиболее выразительно прослеживаются на материалах могильников (Беленджера и Семендера), где на фоне бедных захоронений основной массы населения резко выделяются погребения хазарской аристократии, сопровождающиеся разнообразными и высокохудожественными изделиями из бронзы, серебра и золота, а также вооружением и снаряжением коня.

На фоне археологических материалов и сведений письменных источников создается внушительная картина культурной эволюции народов и племен Северного Кавказа, основанной на синтезе древней культуры местных племен с дальними и близкими цивилизациями.

Итак, период VI—IX вв. оставил важный след в истории народов Северного Кавказа. Новые нашествия и погромы кочевников сменились временным подчинением местного населения Хазарскому каганату, первоначальный центр которого был расположен на территории Дагестана. Известная политическая стабилизация, оседание части кочевников на землю, восстановление старых транзитных торговых путей способствовали определенному росту производительных сил, дальнейшему формированию классовых отношений, прежде всего у народов и племен равнин и предгорий. В то же время Хазарский каганат был непрочным государственным и племенным объединением, к тому же постоянно воевавшим с арабами, закрепившимися в Закавказье. Эти войны приводили к разорению тех стран, где они проходили.

Народы Северного Кавказа боролись за независимость и против хазар, и против Арабского халифата. Ослабление этих двух держав способствовало постепенному освобождению народов Северного Кавказа, возникно-

вению здесь своих собственных ранних государственных образований (Аланского союза, государств Дагестана). Эти процессы проходили неравномерно и наиболее интенсивно в тех областях, которые были больше связаны с древними цивилизациями Закавказья и Передней Азии. VI—IX века были периодом дальнейшего развития культуры народов Северного Кавказа.

- ¹ *Mommsen Th.* Über der Chronographen vom J. 354 // *Abhandlungen der philologische-historischen Klasse der Königl. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften.* Leipzig, 1850. Bd. 1.
- ² *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 79. Целесообразнее по отношению к кочевым булгарам Восточной Европы применять этот термин, а не «болгары», так как последним у нас именуют современных болгар — народ славянский, в формировании которого принимали участие и булгары-тюрки. Булгарами группу кочевников Восточной Европы называют арабские и персидские источники, а также армянские (*Мовсес Хоренаци.* История Армении, II, 6, 9/Рус. пер. Н. Эмвина. М., 1893. (Далее: *Мовсес Хоренаци*)).
- ³ *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения... // *Древние источники народов СССР.* М., 1980.
- ⁴ Там же. С. 161—162.
- ⁵ *Очерки истории СССР III—IX вв.* М., 1958. С. 593.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Кулаковский Ю.* К истории Боспора Киммерийского в конце VI в.: (По поводу изъяснения надписи Евпатория) // *ВВ.* СПб., 1896. Т. 3. С. 1—17.
- ⁸ *Чичуров И. С.* Указ. соч. С. 159.
- ⁹ *Очерки истории СССР III—IX вв.* С. 596; *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 158, 161—162.
- ¹⁰ О времени правления Кубрата см.: *Чичуров И. С.* Указ. соч. С. 112—113.
- ¹¹ Иоанн Никиусский здесь отождествляет гуннов и булгар — явление довольно обычное в источниках, где гуннами часто именуются и хазары. Это связано не только с генетическим родством всех этих племен, но и с тем, что и булгары, и хазары — осколки племен Гуннского объединения.
- ¹² *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 161.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ «Армянская география VII в. по Р. Х.» (Пер. К. П. Патканова. СПб., 1877) — источник сложный, и ряд деталей, особенно ее протранной редакции, не вполне ясен. Попытка восстановления критического текста этого памятника предпринималась С. Т. Еремянном. См.: историческо-филологический журнал «Патма-банасиракан андес». Ереван, 1968. № 4.
- ¹⁵ Из нового списка «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому/Пер. К. П. Патканова // *ЖМНП.* 1883. Ч. 226. С. 29.
- ¹⁶ *Чичуров И. С.* Указ. соч. С. 112—113.
- ¹⁷ *Мерперт Н. Я.* К вопросу о древнейших булгарских племенах. Казань, 1957. С. 14.
- ¹⁸ *Чичуров И. С.* Указ. соч. С. 162.
- ¹⁹ Из нового списка «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому. С. 26.
- ²⁰ Это «черные булгары», упоминаемые Константином Вагрянородным, «Повестью временных лет», «Худуд ал-алам» и другими источниками.
- ²¹ О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 40—62, 73, 83—95, 103—105; *Алексеева Е. П.* Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкасск, 1963. С. 16—31.
- ²² *Кузнецов В. А.* Надписи Хумаринского городища // *СА.* 1963. № 1. С. 298—305; *Он же.* Аланы и тюрки в верховьях Кубани // *Археолого-этнографический сборник.* Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 76—94.
- ²³ *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 78.
- ²⁴ Там же. С. 183; *Котович В. Г.* О месторасположении раннесредневековых городов Варацана, Беленджера и Таргу // *Древности Дагестана: Сб. статей.* Махачкала, 1974. С. 182. Варацан, кажется, впервые упоминается в «Армянской географии VII в. ...» как город «хонов», т. е. гуннов. См.: *Армянская география VII в. ...* С. 16. На древнеарм. яз.
- ²⁵ *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 82; *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 83.
- ²⁶ *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 128.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Вопрос об этой переписке сложен. См.: *Кочовцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. На древнеевр. яз.
- ²⁹ *Кочовцов П. К.* Указ. соч. С. 20, 74.
- ³⁰ *Ибн-Хаукаль.* *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик.* Лейден, 1939. Т. 2. С. 396. На араб. яз. В другом месте (С. 393) *Ибн-Хаукаль* отмечает, что хазарский язык отличается от тюркского. По-видимому, здесь следует усматривать наметившуюся уже в X в. обособленность болгарского и хазарского языков. Ср. у ал-Бируни: «Они (жители

- Булгара и Сувара.—*Ред.*) не говорят по-арабски, но их язык — смесь тюркского и хазарского» (*Ал-Бируни. Асар ал-баккия*. Лейден, 1876—1878. С. 42. На араб. яз.).
- ³¹ Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и его сына Феофилакта//Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского//ЧОИДР. 1884, 1887. Кн. 1—4. С. 263.
- ³² *Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*. Leipzig, 1903. S. 489. Но, согласно «Армянской географии VII в. по Р. Х.» народ базилов обитал на р. Этил (Волге). См.: Армянская география VII в. С. 16. На древнеарм. яз.
- ³³ *Мовсес Хоренаци*. II, 58, 65, 85.
- ³⁴ *Мовсес Каланкатваци*. История страны алван. Тифлис, 1912. С. 37. На древнеарм. яз.
- ³⁵ *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 132.
- ³⁶ *Иакуг ар-Руми*. Муджам ал-булдан. Бейрут, 1955. Т. 1. С. 489, 490. На араб. яз.
- ³⁷ *Магомедов М. Г.* Древние политические центры Хазарии//СА. 1975. № 3. С. 63.
- ³⁸ Худуд ал-Алам: Рукопись Туманского/С введ. и указат. В. Бартольда. Л., 1930: Л. 38 б.
- ³⁹ *Ат-Табари*. Тарих ар-русул ва-л-мулук. Лейден, 1881—1882. Т. 1. С. 896. На араб. яз.
- ⁴⁰ *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Ч. 1. С. 76.
- ⁴¹ *Магомедов М. Г.* Верхне-Чирюртовский курганный могильник//Ранне-средневековые археологические памятники Дагестана: Сб. статей. Махачкала, 1977. С. 5.
- ⁴² *Магомедов М. Г.* Костяные накладки седла из Верхне-Чирюртовского могильника//СА. 1975. ч 1. С. 275.
- ⁴³ *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983. С. 215.
- ⁴⁴ *Баладзори*. Книга завоевания стран//Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 6—7; о посольстве хазар к Хосрову I упоминает и Ат-Табари. Указ. соч. Т. 1. С. 899.
- ⁴⁵ *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 170.
- ⁴⁶ *Нокочов П. К.* Указ. соч. С. 92.
- ⁴⁷ Арабские писатели дают несколько противоречивую локализацию Беледждера, Семендера и других городов Хазарии. Поэтому вопрос о локализации хазарских городов остается спорным.
- ⁴⁸ *Ибн-Хаукаль*. Из книги путей и царств//Пер. с араб. Н. Караулова//СМОМПК. 1908. Т. 38. С. 88.
- ⁴⁹ *Магомедов М. Г.* Древние политические центры Хазарии//СА. 1975. № 3. С. 70.
- ⁵⁰ *Заходер Б. Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 182.
- ⁵¹ *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959. С. 186—250.
- ⁵² *Чичуров И. С.* Указ. соч. С. 61.
- ⁵³ *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 196—197.
- ⁵⁴ *Лавров Л. И.* Адыги в раннем средневековье//Сб. статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. Вып. 4. С. 57.
- ⁵⁵ О нем см.: *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. С. 110.
- ⁵⁶ Подробнее о Зихском и Касожском племенных союзах см.: *Лавров Л. И.* Указ. соч.
- ⁵⁷ Названа так по имени ее владельца — К. Певтингера.
- ⁵⁸ *Miller K. Itineraria Romana*. Stuttgart, 1916. S. 631—634 (карта).
- ⁵⁹ *Лавышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т. 1. С. 238.
- ⁶⁰ Из нового списка «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому. С. 30.
- ⁶¹ *Прокопий из Кесарии*. Война с готами//Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950. С. 381.
- ⁶² *Нечаева Л. Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе//Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 151—159; *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.
- ⁶³ СА. 1976. № 1. С. 323.
- ⁶⁴ *Котович В. Г.* Новые археологические памятники Южного Дагестана//МАД. Махачкала, 1959. Т. 1. С. 156.
- ⁶⁵ *Картелис Цховрба*. Тбилиси, 1955. Т. 1. С. 12—14, 23, 47—49, 55—57 и др. На древнегруз. яз.
- ⁶⁶ *Кузнецов В. А.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—VIII вв.//СА. 1973. № 2. С. 60—73.
- ⁶⁷ *Прокопий из Кесарии*. Указ. соч. С. 381.
- ⁶⁸ Там же. С. 221.
- ⁶⁹ *Менандр Византиец*. Продолжение истории Агафиевой...//Византийские историки//Пер. С. П. Деслунина. СПб., 1860. С. 333.
- ⁷⁰ *Чичуров И. С.* Указ. соч. С. 65—66.
- ⁷¹ *Колесников А. И.* Иран в начале VII века//Палестинский сборник. Л., 1970. Вып. 22. С. 20.
- ⁷² *Иловайский Д.* Разыскания о начале Руси. 2-е изд. М., 1882. С. 339; История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. М.; Л., 1939. Ч. 3/4. С. 436.
- ⁷³ *Верлин И.* Исторические судьбы еврейского народа на территории Рус-

- ского государства. Пг., 1919. С. 102.
- ⁷⁴ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 204. Прил. 73. С. 221. Пример. 26.
- ⁷⁵ *Нагомедов М. Г.* Хаварские поселения в Дагестане. // СА. 1975. № 2. С. 214; *Он же.* К вопросу о происхождении культуры Верхне-Чирюртовского курганного могильника // МАД. Махачкала, 1977. Т. 7. С. 38.
- ⁷⁶ *Дешериев Ю. Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков п проблемы происхождения и исторического развития горных кавказских народов. Грозный, 1963. С. 24, 25.
- ⁷⁷ Армянская география VII в. по Р. Х. С. 16. На древнеарм. яз.; С. 37 (пер.).
- ⁷⁸ *Дешериев Ю. Д.* Указ. соч. С. 25.
- ⁷⁹ Там же. С. 25—26.
- ⁸⁰ *Вакушти.* Описание царства Грузинского. Тбилиси, 1941. С. 117.
- ⁸¹ *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 29—30.
- ⁸² *Еремьян С. Т.* Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов // ВДИ. 1939. № 1. С. 49.
- ⁸³ Картлис Цховраба. Т. 1. С. 26—28, 45, 66; *Шахелишвили А. И.* Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, С. 37.
- ⁸⁴ *Минорский В. Ф.* Указ. соч. С. 145.
- ⁸⁵ *Харадзе Р. Л., Рабакидзе А. И.* К вопросу о нахской топонимике. КЭС. Тбилиси, 1968. Вып. 2. С. 26.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Армянская география VII в. по Р. Х. С. 16. На древнеарм. яз.
- ⁸⁸ *Минорский В. Ф.* Указ. соч. С. 64.
- ⁸⁹ *Ат-Табари.* Указ. соч. Лейден. Т. 1. С. 896.
- ⁹⁰ *Минорский В. Ф.* Указ. соч. С. 192.
- ⁹¹ Там же. С. 192.
- ⁹² Там же. С. 203.
- ⁹³ О нем см.: *Бейлис В. М.* Сочинения Мас'уда ибн Намдара как источник по истории Арсена и Ширвана начала XII в. и памятник средневековой арабской литературы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Баку, 1975.
- ⁹⁴ *Вуниятов Э. М.* О длительности пребывания хавар в Албании в VII—VIII вв. // Изв. АН АзССР. 1961. № 1. С. 33.
- ⁹⁵ *Крымский А. Е.* Страницы из истории Северного и Кавказского Азербайджана (Классическая Албания): Сб. статей, посвященный С. Ф. Ольденбургу. Л., 1934. С. 300.
- ⁹⁶ Повесть временных лет. М., 1950. Т. 1. С. 20, 47.
- ⁹⁷ См. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана и его путешествие на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 26; ВДИ, 1938. № 1.
- ⁹⁸ *Мухаммед Балами.* Тарах-е Табаря. Тегеран, 1958. С. 336. На перс. яз.
- ⁹⁹ *Белляев Е. А.* Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966. С. 183—184.
- ¹⁰⁰ *Тер-Гевондян А. Н.* Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. С. 77—78.
- ¹⁰¹ История Азербайджана. Баку, 1958. Т. 1. С. 107.
- ¹⁰² О провинции Армения см.: *Тер-Гевондян А. Н.* Указ. соч.
- ¹⁰³ Их изложение (не во всем точное) см.: *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 202—218.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 203.
- ¹⁰⁵ *Левонд.* История. СПб., 1887. С. 41. На древнеарм. яз.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 42.
- ¹⁰⁷ *Ибн ал-Асир.* Тарих ал-каmil. Каир, 1931. Т. 4. С. 186—187. На араб. яз.
- ¹⁰⁸ *Ат-Табари.* Тарих ар-русул ва-л-милук. Каир, 1934. Т. 5. С. 373. На араб. яз.
- ¹⁰⁹ *Тер-Гевондян А. Н.* Указ. соч. С. 89—90.
- ¹¹⁰ Картлис Цховраба. Т. 1. С. 234—236, 238—239.
- ¹¹¹ О походе Мервана сообщают арабские авторы ал-Белазури, ал-Куфи и армянский историк VIII в. Левонд. Детали похода по этим источникам не всегда ясны. См. также: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 367—371.
- ¹¹² *Иакут ал-Хамави ар-Руми.* Муджам ал-булдан. Бейрут, 1955—1957. Т. 1. С. 530; Т. 3. С. 253.
- ¹¹³ *Ал-Иакуби.* Тарих // Пер. с араб. проф. П. К. Жузе. Баку, 1927; *Он же.* Тарих. Париж, 1883. Т. 2. С. 381—382. На араб. яз.
- ¹¹⁴ *Минорский В. Ф.* Указ. соч. С. 143.
- ¹¹⁵ *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* и др. Указ. соч. С. 371—372.
- ¹¹⁶ *Иакут ар-Руми.* Указ. соч. Т. 3. С. 253. На араб. яз.
- ¹¹⁷ Торговые пути через Дагестан описывает географ ал-Истахри. См.: *Ал-Истахри.* Китаб мисалик ва-л-мамалик. Лейден, 1870. С. 217—219, 227. На араб. яз.
- ¹¹⁸ *Минорский В. Ф.* Указ. соч. С. 203.
- ¹¹⁹ *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 227.
- ¹²⁰ *Гурина Н. Н., Крижевская Л. Я.* Обзор полевых археологических исследований ИИМК АН СССР в 1938 г. // КСИИМК. М.; Л., 1939. Вып. 1. С. 27—29; *Крупнов Е. И., Марковин В. И., Козеньков В. И., Мунчаев Р. М., Виноградов В. Б.* Северо-Кавказская экспедиция // Археологические открытия 1966 г. М., 1967. С. 62.
- ¹²¹ *Лялушкин И. И.* Городище Ново-

- троицкое // МИА. М.; Л., 1958. № 74. С. 138—150; *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Древнерусские поселения на Дону. Там же. М.; Л., 1958. № 8. С. 58—71. В нашем случае на Алханкалинском городище в ямах, обмазанных глиной, Г. В. Подгаецкий и В. Б. Виноградов нашли остатки проса и пшеницы.
- ¹²² *Карачаевский В.* Результаты обработки фаунистических остатков из раскопок городища близ с. Алаханка Грозненского района ЧИАССР, 1938 // Архив ЛО ИА АН СССР. Ф. 35. Д. 118а, 1938 г. Л. 67.
- ¹²³ *Маркович В. И.* Отчет СКАЭ за 1961 г. // Архив ИА АН СССР. Ф. 1. № 23320. С. 36; *Виноградов В. Б., Маркович В. И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966. С. 65; *Каманцева А. С.* Гончарная печь в сел. Дуба-Юрт // КСИИМК. М., 1959. Вып. 74. С. 146—150.
- ¹²⁴ *Багаев М. Х.* Раннесредневековая матерпальная культура Чечено-Ингушетии: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. С. 150. Альбом к дис. Рис. 54, 1.
- ¹²⁵ Там же. С. 277—279.
- ¹²⁶ *Иерусалимская А. А.* «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972. С. 7, 8.
- ¹²⁷ *Тревелер К. В.* Серебряный кубок из Урсдонского ущелья в Северной Осетии // Тр. Отд. истории, культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа. Л., 1947. Т. 4. С. 119—130.
- ¹²⁸ *Дьяконов М. М.* Бронзовая пластика первых веков хиджры // Тр. Отд. истории, культуры и искусства Востока. Гос. Эрмитажа. Т. 4. С. 166. Табл. 3.
- ¹²⁹ *Тизенгаузен В.* Проект программы для изучения Кавказа с нумизматическими целями // Тр. V Археол. съезда в Тифлисе. М., 1887. С. CIV.
- ¹³⁰ *Датонов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1959. Вып. 8. С. 28—29.
- ¹³¹ Напр.: *Ртвеладзе Э. В., Рунич А. П.* Находки индикации византийских монет вблизи Кисловодска // Визант. временник. 1971. Т. 32. С. 219—222.
- ¹³² *Уваров П. С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. М., 1900. Вып. 8. Табл. СХХIV, 7—8.
- ¹³³ *Иерусалимская А. А.* О Северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // СА. 1967. № 2. С. 69.
- ¹³⁴ *Амброс А. К.* Деталь восточнобалтийского питьевого рога из сел. Лезгур Северо-Осетинской АССР // Славяне и Русь: Сб. статей к 60-летию акад. Б. А. Рыбакова. М., 1968. С. 13—16.
- ¹³⁵ *Гамбашидзе Г. Г.* Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века // Тез. докл. IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974. С. 65—69.
- ¹³⁶ *Минорский В. Ф.* Указ. соч. С. 195; *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4.
- ¹³⁷ *Артамонов М. И.* Указ. соч. В книге нет отдельной главы, посвященной вопросам социально-экономической истории хазар, этот материал разбросан автором по различным главам.
- ¹³⁸ *Минорский В. Ф.* Указ. соч. С. 65.
- ¹³⁹ *Мовсес Хоренаци.* III, 37—38.
- ¹⁴⁰ *Крачковский И. Ю.* Арабские географы и путешественники // Изв. гос. Геогр. об-ва. 1937. Т. 69. Вып. 5. Любопытный список титулов правителей (среди которых — и правители Северного Кавказа) есть в анонимном «Моджмал ат-таварих» (начало XII в.). См.: Моджмал ат-таварих. Тегеран, 1939. С. 417—419. На перс. яз.
- ¹⁴¹ *Магомедов М. Г.* Хазарские поселения в Дагестане, № 2. С. 200.
- ¹⁴² Там же. С. 213.
- ¹⁴³ *Магомедов М. Г.* Раннесредневековые церкви Верхнего Чир-Юрта // СА. 1979. № 3. С. 198.
- ¹⁴⁴ *Минорский В. Ф.* Указ. соч. С. 193.
- ¹⁴⁵ *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 264.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 426.
- ¹⁴⁷ *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 167.
- ¹⁴⁸ «Жилища Семендера — шатры, постройки их — из дерева (прутьев)...» // *Гаркави А. Н.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 220.
- ¹⁴⁹ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961. Т. 1. С. 35.
- ¹⁵⁰ *Крупнов Е. И.* Указ. соч. С. 178—201.
- ¹⁵¹ *Алироев И. Ю.* Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Грозный, 1975. С. 272—282.
- ¹⁵² *Биджиев Х. Х., Гадло А. В.* Раскопки Хумаринского городища // Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тез. докл. М., 1976. С. 12, 13.
- ¹⁵³ *Чеченов И. М.* Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1965 г. // Учен. зап. Кабард.-Балкар. НИИ. Нальчик, 1967. Т. 25. С. 107—126; *Он же.* Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // Там же. С. 192—225; *Кузнецов В. А.* О чем рассказывают археологические памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1968. С. 36—40; *Круглов А. П.* Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Зап. Чечено-Ингуш. НИИ. Грозный, 1938. № 1.

- ¹⁵⁴ Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища // СА. 1963. № 1. С. 298—305. О хазарской письменности см.: Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 142; Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 76—94.
- ¹⁵⁵ Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1976. С. 183—186.
- ¹⁵⁶ Люлье Л. Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес // Зап. Кавказ. отд. имп. Рус. геогр. общ-ва. Тифлис, 1862. Кн. 5. С. 129; Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 193—226.
- ¹⁵⁷ Лагышев В. В. Кавказские памятники в Москве // Зап. Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1887. Т. 2. С. 44.
- ¹⁵⁸ ОАК за 1898 г. СПб., 1901. С. 124—135. Рис. 9, 34.
- ¹⁵⁹ Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Исследования 1974 г. на Хумаринском городище в Карачаево-Черкесии: Тез. докл. V Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1975. С. 72.
- ¹⁶⁰ Лавров Л. И. Указ. соч. С. 56—59.
- ¹⁶¹ Архив ИА АН СССР. Ф. Р-1. № 292, 579, 718, 946, 1201, 2229.
- ¹⁶² Там же. № 2438. Л. 3. Рис. 4. См. общую публикацию этого памятника: Минаева Т. М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА СССР. М.; Л., 1951. № 23.
- ¹⁶³ Уварова П. С. Указ. соч. Табл. CI, CII.

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В X—НАЧАЛЕ XIII В.

Десятый век — первая четверть XIII в. — один из наиболее интересных периодов в судьбах народов Северного Кавказа. Вплоть до татаро-монгольского нашествия здесь прослеживается дальнейшее развитие производительных сил, расцвет земледелия, скотоводства, подъем ремесла и торговли. Усиливаются экономические, культурные, военно-политические контакты народов Северного Кавказа между собой и с другими народами. Переживает подъем городская и международная торговля.

В горных и предгорных районах все больше распространяется земледелие и используются под пашню новые земли, растет террасное земледелие. В связи с этим изменялось сложившееся соотношение между различными видами хозяйственной деятельности горцев. Эти изменения не могли не сказаться на социальных отношениях в оседлых коллективах. Процесс постепенного оседания отдельных групп кочевых племен, установившиеся со временем контакты оседлого земледельческого и кочевое скотоводческого миров также содействовали дальнейшему экономическому развитию; усиленному земледельческому освоению ряда равнинных районов, непосредственно примыкавших к горам.

В области общественных отношений этот период характеризуется дальнейшими сдвигами в процессе феодализации северокавказского общества, протекавшем с различными в отдельных частях региона интенсивностью, уровнем развития социальных противоречий и влиянием сельской общины на ход феодализации. Перед татаро-монгольским нашествием наблюдается децентрализация политической власти, усиление местной феодальной или феодализирующейся верхушки в одних случаях, усиление и укрепление ряда ранних государств — в других.

В области идеологических представлений наиболее важным явлением стало дальнейшее проникновение монотеистических религий — христианства и ислама. Этот процесс связан с дальнейшим ходом социального развития общества, с его феодализацией.

Рассматриваемый период начался для народов Северного Кавказа при благоприятных внешнеполитических обстоятельствах. Народы Северо-Восточного Кавказа еще в IX в. освободились от гнета Арабского халифата. В конце IX — начале X в. адыгские и аланские земли сбросили хазарское иго. Одновременно этот период характеризуется установлением первых контактов между Русью и народами Северного Кавказа — тех связей, которые впоследствии сыграли огромную роль в истории региона.

1. Освобождение народов Северного Кавказа
от иноземной зависимости
и русско-кавказские связи

Как уже указывалось, народы Северного Кавказа вступили в X век при благоприятно сложившейся внутренней и внешнеполитической обстановке. В X в. на Северном Кавказе наблюдается относительная ста-

билизация политической жизни. Существенную роль в этом, как и во всех сферах внутреннего экономического и социального развития северокавказских народов, сыграло освобождение от иноземной власти.

Напряженная борьба с халифатом, вторжениями новых кочевых племен (мадьяры, печенеги)¹, все растущие внутренние противоречия феодализирующегося общества значительно ослабили Хазарский каганат. Параллельно уменьшилась зависимость отдельных народов от хазарской власти. Источники показывают значительное усиление адыгов и алан к X в.

Адыги (общее самоназвание предков современных адыгейцев, кабардинцев, черкесов) занимали западную часть Северного Кавказа, Прикубанье и часть Черноморского побережья. В византийских и русских летописях адыги были известны под названием «касоги», а у восточных авторов — «кашаки».

По данным арабских, византийских и русских источников, адыги выступают в X в. как крупная политическая сила на Кавказе. В X в. адыги-касоги занимали значительную территорию. Византийский император Константин Багрянородный пишет, что «от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость одноименная, простирается страна Зихия; ее территория — 300 миль. Выше Зихии лежит страна, называемая Папагией, а выше страны Папагии — страна, именуемая Касахия. Выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор — земля Аланская»². Как сообщает арабский автор X в. Ал-Масуди, кашаки расположены за царством аланов и живут «между горой Кабк и Румским (Византийским) морем». Он отмечает, что это многочисленный народ, однако он ослаблен тем, что «они не допускают назначить над собой царя», который бы их объединил³.

В начале X в. возросло политическое значение Алании. Конец продолжавшейся в течение 200 лет политической зависимости от хазар и приобретение самостоятельности способствовали как успехам в области экономической жизни, так и росту международного престижа Алании⁴. Письменные источники (византийские, арабские, хазарские, грузинские) говорят об Алании X—XI вв. как о сильном государственном объединении. Аланы имели значительные военные силы, их «царь», судя по сообщениям авторов X—XI вв., принадлежал к числу сильных правителей того времени⁵.

История Алании — это не только история алан — предков современных осетин. В состав сперва племенного союза, а затем государства алан входили (и, возможно, иногда под этим термином скрывались) отдельные, менее многочисленные группы вайнахов, возможно тюрков, части адыгов⁶.

История Алании представляется, таким образом, историей ряда народов Северного Кавказа, связанных друг с другом общностью исторических судеб.

Что касается территории Дагестана, то освобождение ее от власти халифата произошло еще в IX в. Политическая самостоятельность дагестанских государств в IX—X вв., а также вовлечение Восточного Кавказа в оживленную международную торговлю по Волжско-Каспийскому водному торговому пути и по западному берегу Каспийского моря стимулировали их дальнейшее хозяйственное развитие. Это относится и к равнинным районам Северного Дагестана, вплоть до середины X в. входившим в состав Хазарского каганата.

Параллельно шла борьба народов Северного Кавказа за освобождение от хазарской власти.

С конца IX — начала X в. аланы и их правители развили ярко выраженную антихазарскую деятельность. Значительную роль в этом сыграла Византия, переживавшая в эту пору политический подъем и видевшая в Алании сильного потенциального союзника в борьбе против хазар и печенегов⁷.

Заинтересованная в ослаблении Хазарии и в создании блока из союзных или вассальных народов на подступах к своим границам, Византия ведет в Алании сложную дипломатическую игру, пытаясь при помощи насаждения христианства и богатых даров направить алан против хазар. В сочинении императора Константина Багрянородного «Об управлении государством» специально отмечено, что хазары, боясь нападения алан, будут вынуждены соблюдать мир в отношении византийских владений в Крыму⁸.

Свидетельством усилившегося византийского влияния на Аланию является алано-хазарская война 932 г., когда с помощью нанятых «царем» хазар Адроном тюрок-огузов хазары победили алан и взяли их «царя» в плен. Однако успех хазар в борьбе за Аланию был недолгим. Судя по историко-архитектурным памятникам, византийское влияние в Западной Алании усилилось; продолжается церковное строительство: в ущельях Теберды, Кубани и Большого Зеленчука в X в. сооружаются монументальные, расписанные фресками христианские храмы⁹.

Продолжает функционировать Аланская митрополия, где церковный клир преимущественно состоял из византийских греков. Примерно с середины X в. византийское влияние в западной части Алании стабилизировалось, что хронологически совпадает со временем падения Хазарского каганата.

Об усилении Алании свидетельствуют также самостоятельные действия алан во взаимоотношениях со странами Закавказья¹⁰.

Факты выступлений против хазарской власти нашли отражение и в фольклорном материале, в частности адыгском¹¹.

Окончательное поражение хазар связано с походом Святослава. В «Повести временных лет» под 6473 годом (т. е. 965 г.) зафиксировано: «В лето 6473. Иде Святослав на козары; слышавше же козари, изидоша противу с князем свои Каганом, и съступишася битися, и быши брани, одоле Святослав козаров и град их и Белу Вежу взя. И ясы победы и касогы»¹². Вероятно, речь здесь идет о тех ясах и касогах, которые еще подчинялись хазарам.

Наряду с Саркелем (возможно, позже — в 968/69 г.) войсками Святослава были захвачены и разрушены также города Итиль и Семендер¹³.

Походы Святослава и разгром Хазарского каганата были продуманным мероприятием, вытекавшим из трезвого учета реально существующей политической ситуации и учета потребностей Русского государства.

С середины X в. создаются благоприятные условия для усиления русско-северокавказских контактов. Взаимоотношения народов Северного Кавказа с русами, Русским государством — интересная и недостаточно разработанная историческая проблема. Русско-северокавказские отношения имеют многовековую историю, и походы Святослава были, по существу, продолжением этих контактов. Особо следует остановиться на «восходящих к незапамятным временам связях древней Руси с волжско-каспийским культурным миром»¹⁴.

В основе этих контактов лежат торговые связи славян с ближневосточным миром. Они значительно усилились в IX—X вв. Анализ сведений арабских средневековых авторов (прежде всего Ибн-Хордадбега) дает основание утверждать, что «маршрут купцов русов» (земля русов —

Итиль — Каспийское море — Багдад) был известен еще задолго до его письменной фиксации¹⁵.

По мнению советского востоковеда А. Я. Якубовского, «русские славяне выступали в X в. на Востоке не только как кущи, но и как крупная политическая сила»¹⁶. Еще в конце IX — начале X в. русы совершили ряд походов на побережье Каспия¹⁷, связанных с развитием русско-византийских отношений¹⁸. Поход 909 г. не коснулся, насколько можно судить по источникам, непосредственно территории Северного Кавказа, хотя, двигаясь от устья Волги (Итиля), русский флот, наверное, плыл вдоль дагестанского побережья.

Большое значение в истории русско-северокавказских взаимоотношений имел и поход 944—945 гг., когда русы овладели крупнейшим в то время городом Закавказья Берда'а (Партавом)¹⁹. Примечательно, что в последнем походе в военных действиях на стороне русов участвовали аланы и лезгины²⁰, что является свидетельством союза Киевской Руси с этими народами.

Войны Святослава с хазарами свидетельствуют о растущей мощи Русского государства и об активизации его восточной политики, имевшей целью закрепление в устье Дона и расширение торговых и политических связей с Ираном и Средней Азией. Создались возможности для еще более тесного общения с народами Северного Кавказа.

Очевидно, во время и после похода Святослава отдельные группы русов проникли на Северный Кавказ (скорее всего, на Тамань)²¹. Так, по сообщению местных исторических хроник, эмир Дербенда (ныне Дербент) «тайно искал помощи против раисов у русов», которые прибыли в 987 г. на 18 судах²². По мнению востоковеда В. Ф. Минорского, это было бы невозможно, если бы русы находились далеко от Дербента.

Русы находились на службе и в самом Дербенте в качестве гушамов (слуг), составляя, по-видимому, гвардию эмира. Автор составленного в конце X в. библиографического свода «Фихрист» Ибн-Исхак ан-Надим сообщает о посольстве, которое «один из царей горы Кабк» отправил к «царю русов»²³. Это одно из достоверных свидетельств установившихся мирных контактов русов с северокавказскими народами.

В последующем русы продолжали принимать активное участие в политической жизни Восточного Кавказа, причем в военных акциях на стороне русов нередко участвовали северокавказские народы.

В 1030 г. русы вступили в Ширван, а в 1032 г. «сарирцы и аланы, заключив соглашение, совместно напали на Ширван». В том же, 1032 г. зафиксирован поход русов на владения Ширвана. По всей вероятности, и поход сарирцев и алан, и поход русов были согласованы. Этим и можно объяснить сообщение о том, что «руссы и аланы вознамерились отомстить» и что в 1033 г.²⁴ они совершили в сторону Дербента (на Карах) неудачно окончившийся поход. Это — последнее сообщение о совместных выступлениях древних русов в союзе с народами Северного Кавказа.

Военные акции 1030—1033 гг., в которых русы принимали самое активное участие, были, очевидно, связаны с деятельностью черниговского тмутараканского князя Мстислава Владимировича, правившего до своей смерти (1036 г.) независимо от Ярослава Мудрого в восточных областях Древней Руси²⁵.

Огромную роль в дальнейшем развитии русско-северокавказских контактов во всех сферах — торгово-экономической, культурной, военно-политической — сыграло образование Тмутараканского княжества.

Тмутараканское княжество было основано на Северо-Западном Кавказе, на Таманском полуострове, с центром в Тмутаракани. Территория

княжества охватывала Восточный Крым, Таманский полуостров и, возможно, шире Прикубанье²⁶.

На территории княжества обитали разные народы: касоги, греки, хазары, аланы, русы, армяне²⁷. Население подвластной территории было обложено данью. Под 1066 г. русская летопись отмечает: «Ростиславу соушу Тмутараканю и емлюшу дань су касог и су иных стран»²⁸.

Тмутараканское княжество оказывало сильное влияние на развитие экономики и культуры народов Северо-Западного Кавказа. Город Тмутаракань был крупным торговым и культурным центром. Тмутараканский порт связывал население Северо-Западного Кавказа с Русью, Византией и другими странами. Княжество играло также видную роль в распространении христианства на Северо-Западном Кавказе.

Сохранились немногочисленные сведения о взаимоотношениях Тмутараканской Руси и окружающего населения. Русские летописи и «Слово о полку Игореве» рассказывают о том, что в 1022 г. князь Мстислав Владимирович победил в единоборстве выступившего против него касожского князя Редеду.

Но затем у Мстислава установились союзнические отношения с касогами. В 6532 г. (1023 г.) под Лиственном (недалеко от Чернигова) в битве между Ярославом Мудрым и Мстиславом²⁹ касоги сражались на стороне Мстислава: «Поиде Мстислав с козары и с косагы на великого князя Ярослава»³⁰. Очевидно, речь идет о той части адыгов, которая подчинялась Мстиславу.

Вторжение кипчаков (половцев) и захват ими во второй половине XI в. южнорусских и северокавказских степей нанесли непоправимый удар Тмутараканскому княжеству. Под напором кочевников территория княжества постепенно сокращается, а с 1094 г. оно более не упоминается в русских летописях и, очевидно, в начале XII в. полностью лишается политической самостоятельности. В XII в. Таманский полуостров попадает под влияние Византии, здесь появляется византийский наместник с титулом архонта Матрахи, Зихии и Хазарии³¹.

2. Кыпчаки и раннефеодальное Аланское государство

В IX—X вв. в южнорусских степях господствовали кочевые племена печенегов и торков (узов — у византийских историков). Земли восточного Приазовья между нижним Доном и Кубанью занимали «хазарские печенеги». В середине XI в. из Заволжья в Восточную Европу вторглись новые кочевые тюркоязычные племена — кыпчаки (кипчаки), впервые упомянутые Ипатьевской летописью под 1055 г., когда они появились на берегу Днепра³². С этих пор кыпчаки (русскими летописями именуемые половцами) стали непосредственным и опасным соседом Руси. Частые набег и войны перемежались периодами мирного сосуществования и даже сближения. Племенные союзы кыпчаков и прежде всего возникшее в степях Юго-Восточной Европы кочевое объединение половцев³³ были одним из наиболее сильных военно-политических объединений тюркских племен в период между гуннским и монгольским нашествиями.

Видимо, тогда же — около середины XI в. — кыпчаки появились и в степях Предкавказья. Во второй половине XI в. они известны грузинским летописцам, а к концу XI в., по их свидетельству, кыпчаки играют на Северном Кавказе активную политическую роль, вытеснив оттуда печенегов³⁴.

По сведениям грузинских хроник, кыпчаки постепенно проникли в центральные части Предкавказья, включая часть равнины Чечено-Ингушетии (где был их город Сунджа, возможно, находившийся на р. Сунжа) и часть приморского Дагестана в районе Дербента, где известны «дербентские кыпчаки»³⁵. Археологические памятники уточняют эти границы. Наиболее яркими и выразительными памятниками культуры кыпчаков являются каменные изваяния. Ареал кыпчачко-половецких статуй (в археологии они получили название «каменных баб») на юге проходит по линии верховья Кубани — Пятигорск и Ессентуки — левобережье р. Кумы³⁶. Множество «каменных баб» известно на территории Ставропольского края. В район верховий Кубани группа явно тюркских статуй, обнаруживаемых по ущельям Кубани, Большого Зеленчука, Урупа, относится в период господства кыпчаков в Предкавказье (XII в.). Вполне возможно, что эта группа изваяний свидетельствует об инфильтрации части тюрко-кыпчакского населения в зону лесистых предгорий и определенной роли этих тюрков в этногенезе карачаевцев и балкарцев. Пребывание этой группы кыпчаков в верховьях Кубани документируется также и курганными материалами, обнаруженными у аула Кубина и датированными XII—XIII вв.³⁷

Письменный и археологический материал свидетельствует о том, что кыпчаки заняли на Северном Кавказе огромные пространства равнинного Предкавказья — от Нижнего Дона до Дербента. Несомненно, северокавказские владения кыпчаков были одной из важнейших составных частей «Дешт-и-Кыпчака». История взаимоотношений кыпчаков с аланами, адыгами, вайнахами в самых общих чертах восстанавливается по аланским материалам. Расселение кыпчаков в Предкавказье первоначально сопровождалось столкновениями и борьбой: кыпчаки захватили обширные пастбища, в том числе Черные земли, жизненно необходимые аланам при господствовавшей отгонной системе скотоводства и после падения Хазарского каганата находившиеся под контролем алан³⁸. Не исключено, что та же картина наблюдалась и в степях Восточного Приазовья. На вооруженную борьбу пришельцев-степняков с местным оседло-земледельческим населением недвусмысленно указывает грузинский автор конца XI в. Джуншпер: «В последующее время печенеги и джики во множестве бежали от тюрков и ушли печенеги на запад»³⁹. Джики — это адыги-зихи, а под тюрками Джуншпер имел в виду кыпчаков. Из сообщения Джуншпера вытекает, что в результате вторжения кыпчаков адыгские земли в Прикубанье значительно сократились.

После того как определилась граница между кыпчаками, адыгами, аланами и вайнахами по течению Кубани, Нижней Малке и Тереку (очевидно, в первой половине XII в.), установилось политическое равновесие и началось взаимное сближение. В нем были заинтересованы обе стороны. В 1118 г. грузинский царь Давид IV Строитель, готовившийся к войне с тюрками-сельджуками и нуждавшийся в военных союзниках, провел через земли алано-овсов около 40 тыс. воинов-кыпчаков, составивших постоянное войско царя. Поскольку кыпчаки в ту пору находились во враждебных отношениях с аланами, Давид IV был вынужден отправиться в Аланию на переговоры. «Овсы и кыпчаки, по предложению царя Давида, отдали друг другу заложников, учинили друг с другом обоюдное согласие, между собою мир и любовь. Давид открыл крепости Дарьяльские и все врата Овсетии и Кавказа» и безопасно провел переселенцев в Грузию⁴⁰.

Судя по всему, с этих пор алано-кыпчакские отношения становятся отношениями союзников, и в дальнейшем кыпчаки и аланы-овсы неодно-

кратно выступают совместно как на юге, так и на севере Кавказа. При грузинском царе Георгии III (1156—1184 гг.) в Грузию переселяются несколько десятков тысяч кыпчаков и овсов⁴¹, а в 1223 г. аланы и кыпчаки совместно сражаются против татаро-монголов Джебе и Субудая⁴². Потерпев в 1239 г. поражение от войск Батые, аланы и кыпчаки принимают массовое переселение в Венгрию, где они живут до XVI в.⁴³, ассимилируясь венграми.

Аланы и кыпчаки в X—XIII вв. (до татаро-монгольского нашествия) принадлежали к числу наиболее крупных и важных политических сил, действовавших на Северном Кавказе. Многочисленные адыгские племена, по военному потенциалу не уступавшие аланам, политически были раздроблены и не имели внутреннего единства и военно-политического объединения. Это положение было отмечено арабским автором X в. ал-Масуди⁴⁴. Он же свидетельствует, что кашаки противостоят набегам алан только благодаря крепостям на морском побережье.

Аланы поддерживали постоянные контакты с восточными соседями. Дагестанское владение Гумик (Кумух) «жило в мире с царством Алан», а царь Сарира установил с царем Алании династические связи, «поскольку каждый из них женился на сестре другого»⁴⁵. Аналогичные отношения в начале X в. установились у алан с хазарами. В так называемом Кембриджском документе (X в.) говорится: «Царство алан сильнее и крепче всех народов, которые (жили) вокруг нас (хазар)»⁴⁶. Дряхлеющая хазарская держава находится в аланах сильных, но недостаточно надежных союзников. В начале X в., в царствование хазарского «царя» Вениамина, аланы выступали на стороне хазар против инспирированной византийцами коалиции из трех народов (асиев, тюрок и пайнил)⁴⁷. «Аланский царь пошел на их землю и нанес им (поражение), от которого нет поправления, и ниспроверг их господь перед царем Вениамином»⁴⁸.

Рост производительных сил и в первую очередь земледелия и ремесел, возникновение раннефеодальных городов, переход к классовому обществу, усиление внутренних хозяйственных и политических связей и внедрение христианства как единой монотеистической идеологии стимулировали процессы этнической консолидации и политической централизации у алан. В источниках X—XI вв. аланские «цари» предстают уже не как сильные племенные вожди или вожди союзов племен, а как верховные сюзерены многих народов и племен, власть которых распространилась (в разной мере) на весь Центральный Кавказ. «Аланский царь выступает (в походах) с 30 тыс. всадников. Он могуществен, мужествен, очень силен и ведет твердую политику среди царей», — сообщает в X в. ал-Масуди⁴⁹. Освобождение от хазарской зависимости и последовавшее затем крушение Хазарии, несомненно, положительно отразилось на политической централизации Алании. С начала X в. мы можем говорить об Алании как раннефеодальном государственном объединении, в составе которого были, очевидно, и племена, у которых процесс классообразования только начинался. Эти племена находились от верховного правителя алан в разной степени зависимости, которую не следует преувеличивать. Итак, Алания X в. предстает перед нами как одно из крупных и сильных политических объединений на юго-востоке Европы. В свете этих фактов следует рассматривать и сближение алан и древних русов, и их совместные походы в Прикаспийские области.

В первом совместном походе русов, алан и лезгов (дагестанцев) 944—945 гг. участвовала, видимо, часть восточных алан. В то же время западные аланы, ранее союзники хазар, во время восточных походов

Святославá вместе с частью касогов оказались на стороне его противников. Это видно из уже цитированного нами сообщения «Повести временных лет» о том, что Святослав «и град их Белу Вежу взя. И ясы победи и касогы»⁵⁰. В дальнейшем взаимоотношения алан и русов улучшились и укрепились. В период походов Мстислава Владимировича на Северный Кавказ аланы, как указывалось выше, по-видимому, были его союзниками. В 1032—1033 гг. мы видим алан и русов, совершающих в союзе с сарирцами поход в Восточное Закавказье⁵¹.

Давние этнические и культурные связи существовали у алан с Грузией и Абхазией. Абхазия и Алания были прочно связаны между собой системой горных путей, шедших через Клухор, Псеапхо, Санчаро. По этим путям осуществлялись сношения Западной Алании с причерноморскими портами, а через них — с Византийской империей и Константинополем. По ним в Аланию двигались греческие дипломаты и миссионеры, грузинские мастера, соорудившие северный Зеленчукский и Шоанинский храмы. Теми же путями, возможно, еще в домонгольский период на север Кавказа проникают первые группы абазин, положившие начало массовой миграции абазин с Черноморского побережья Абхазии на Северный Кавказ после нашествия татаро-монголов.

Судя по некоторым данным, процесс политической консолидации Алании наибольшего развития достиг в XI в. при «царе» Дорголеде, которого «Карлис Цховреба» именует «Великим» (Диди)⁵². Доргодел имел широкие династические связи с Византией и Грузией, свидетельствующие о признании его авторитета и силы. С сорокатысячным войском Доргодел участвовал в войне грузинского царя Баграта VI против эмира Фадлона (1062 г.) — правителя Аррана⁵³.

Письменные исторические источники не дают достаточно четкого представления о политических границах Алании, менявшихся в разные периоды ее истории. Однако на основании тех отрывочных сведений, которые сообщают нам некоторые средневековые авторы (Масуди, Константин Багрянородный, Ал-Гарнати и др.), и картографирования аланских катакомбных могильников VI—XII вв. занятую аланами территорию можно ограничить на западе междуречьем рек Уруп и Большая Лаба, на востоке — Ичкерией (Юго-Восточная Чечня), на юге — Главным Кавказским хребтом⁵⁴. Северные пределы, очевидно, менялись чаще всего; ясы (аланы) по русским источникам обитали в Нижнем Подонье. Ал-Масуди сообщает о том, что столицей Алании уже в X в. был г. Маас (Магас)⁵⁵, но не указывает никаких данных о его местоположении.

В средневековой истории народов Северного Кавказа Алания сыграла важную роль, объединив под эгидой алан многие народы Северного Кавказа в единую, хотя и непрочную, политическую систему, ставшую заметным явлением в истории юго-востока Европы X—XI вв.

3. Вайнахи и народы Дагестана в X—XII вв.

Вопросы раннесредневековой истории изучены весьма слабо прежде всего из-за крайней скудости источников.

Письменные источники о населении горной зоны между верховьями Терека и Андийским хребтом практически нет.

Есть упоминания о дурдзуках. Арабские авторы (Белазури, Йакут) и грузинские историки (Леонти Мровели и Джуаншер) в IX—XIII вв. называют дурдзуков в связи с разного рода легендарными и реальными

событиями⁵⁶. Из «Картлис Цховраба» явствует, что дурдзуки были соседями дидойцев и совместно с ними и «лезгинами» совершали походы в Закавказье. Вахушти Багратиони (XVIII в.), возможно, опираясь на не дошедшие до нас древнегрузинские источники, утверждал, что «Дзурдзукети» (в данном случае, очевидно, горная Ингушетия) входила при кахетинском «царе» Квирике III (1010—1037 гг.) в состав Кахетии⁵⁷. А грузинская хроника под 1204 г. сообщает, что «царица» Тамар послала войско против восставших дидойцев, к которым примкнули и дурдзуки⁵⁸. Вероятно, это этническое имя покрывало в предмонгольское время все вайнахское население высокогорных районов, пограничных с Грузией⁵⁹.

Археологическая характеристика вайнахов X—XII вв. затруднена неравномерной и слабой изученностью горной зоны Чечено-Ингушетии. Это особенно относится к поселениям. Единственным стационарно раскопанным является поселение Цеча-Ахк в ущелье р. Фортанги (на границе Чечни и Ингушетии), давшее материал, сходный с позднеаланскими памятниками X—XII вв. плоскостных районов края. С этим периодом обитания Цеча-Ахкского поселения связаны наиболее архаичные из известных вайнахских каменных жилых башен, зачастую сложенных насухо и знаменующих начало эволюции вайнахских жилых башен позднего средневековья⁶⁰.

Могильники этого времени представлены каменными ящиками и склепами. Первые исследованы во многих пунктах Ингушетии (Шуан, Егбл-кас, Могогоали, Лежги, Фуртоуг, Памет, Мужичи, Верхний Датых и др.) и изредка — в Чечне (Келхи, Ушкалой). Каменные ящики были составлены из небрежно обработанных плит и содержали по одному погребенному (редко — парные), который лежал вытянуто на спине, головой, как правило, в сторону запада. В могилах находится много разнообразных предметов вооружения, труда, быта, украшения и т. д.⁶¹

Если в горной Чечне погребения в каменных ящиках составляют особенность всего позднего средневековья, то в Ингушетии они широко распространялись с X в.⁶², что, вероятно, свидетельствует о притоке сюда вайнахского населения, в предшествующие века потесненного аланами.

Хоронили вайнахи своих соплеменников и в склепах (подземных и полуподземных). Они изучены в высокогорье близ селений Цой-Педе, Цеча-Ахк, Шуан, Бишт, Магате и других, у храма Тхаба-Ерды и содержат от двух до семи погребенных и выразительный инвентарь. Склепы в целом значительно богаче инвентарем, нежели синхронные каменные ящики⁶³.

Древности вайнахов в X—XII вв. проливают свет на их взаимные связи с Грузией, Аланией и Дагестаном.

В X—XI вв. среди вайнахских племен усиливается влияние складывающейся грузинской феодальной монархии. Так, во второй половине X в. сооружается грузинский храм Тхаба-Ерды, обслуживавший окрестное вайнахское и горногрузинское население. Его раскопки принесли серию грузинских надписей.

Позднее, вероятно, в XI—XIII вв. в горной Ингушетии были построены другие грузинские церкви (Алби-Ерды, у сел. Таргим и Памет), а также и подражающие им святилища-здания (Итаз-Ерды, Галь-Ерды, Маги-Ерды и др.). Настойчивость в распространении влияния на горную Ингушетию мотивировалась прямой заинтересованностью Грузии в контроле над близлежащим Дарьяльским проходом и в военно-политической лояльности и союзничестве своих горских соседей. Активные связи с Грузией подтверждаются находками грузинских надписей на сосудах,

в склепах, а также стеклянных бус, сосудов, часть которых могла поступать из ремесленных центров Закавказья⁶⁴.

В ингушской лексике зафиксировано много элементов грузинского языка, связанных с проникновением в Ингушетию христианства («воскресенье», «крест», «часовня», «свеча»)⁶⁵.

Памятники материальной культуры (жилые и боевые башни, многочисленные склеповые сооружения с перекрытием из плит шиферного сланца) в Чечено-Ингушетии, Пшавии, Хевсуретии, Тушетии также обнаруживают общие черты. В архитектуре башен в Хевсуретии и Тушетии прослеживается вайнахское влияние⁶⁶.

Тесными и двусторонними были контакты с Аланией, в состав которой, вероятно, входили и вайнахские племена лесистых предгорий⁶⁷. В аланских катакомбных могильниках элементы культурного воздействия горских племен отражены главным образом в специфических типах украшений и их орнаментации (височные подвески, соллярные, некоторые зооморфные и антропоморфные амулеты, отдельные виды каменных бус и т. д.). Более ощутимы и разнообразны следы встречного влияния культуры алан. Они многочисленны в глиняной посуде, оружии, характеризуются массовым распространением в горской среде аланских металлических зеркал, фибул, поясных наборов. Эти заимствования наиболее зримы в памятниках, тяготеющих к плоскости (Верхний Датых, Цеча-Ахк), тогда как в высокогорье они менее заметны и фиксируются преимущественно в памятниках к западу от Аргунского ущелья.

Мирные и дружественные отношения вайнахов и алан в X—XII вв. подтверждаются близким, а зачастую и непосредственным соседством оставленных ими памятников, отсутствием дограничных между ними укреплений, явным тяготением позднеаланских могильников в Чечено-Ингушетии к предгорьям и размещением большинства из них в устьях лесистых ущелий (Дуба-Юрт, Марган-Чу и др.), где и сосредоточена в эти века наиболее активная жизнь обитателей края. Помимо Дарьяла, именно через горы, населенные вайнахами, проходили другие важные дороги, связывающие восточную часть Алании с Грузией (по долине р. Марган и далее к верховьям Чанты-Аргуна, по ущелью Ассы), а также с горнодагестанскими феодальными образованиями (ущелье Хулхулау и др.).

Облик культуры населения горной Чечни к востоку от Аргуна определялся большим сходством с культурой Дагестана. Здесь прослеживаются примеры поразительного сродства, а порою и тождества с раннесредневековыми памятниками прежде всего Аварии («царства Серир»). Существенное единообразие погребального обряда и вещевых наборов, положенных с умершим, знаменует интенсивные связи племен, разделенных Андийским хребтом⁶⁸. Вайнахи в X—XII вв. имели сношения и с более отдаленными областями. Монетные находки свидетельствуют о транзитной торговле с Византией и Ближним Востоком. Некоторые типы оружия (железная булава из могильника Мохде), орудий труда (древосечный топор из могильника Кенхи), украшений (янтарные бусы, отдельные образцы стеклянных браслетов и пр.) могут указывать на связи с Причерноморьем, Восточной Европой, в том числе и с Древнерусским государством.

На территории Дагестана в X в. существовал ряд раннефеодальных государств — Баб ал-абваб (Дербент), Лакз (Южный Дагестан), Табасаран, Хайдак (Кайтак), Гумик (Кумух), Зирихгеран (позже Кубачи), Сарир (Авария), Карах (Уркарах), Филан. Часть территории Дагестана входила в состав Хазарского каганата (до 60-х годов X в.).

Дербент оставался вплоть до нашествия татаро-монголов крупнейшим торгово-ремесленным, административным и культурным центром. Более двух веков Дербент существовал как самостоятельное княжество, однако в 1068 г. город и прилегающие земли подпали под власть ширваншаха, а вскоре — сельджукских султанов⁶⁹. Эта кратковременная зависимость сменилась восстановлением независимости Дербентского эмирата, просуществовавшего около 140 лет — от начала XII в. до 1239 г.⁷⁰

В бассейне р. Самур и окружающих районах была расположена страна лакзов, или Лакз⁷¹. Как писал арабский автор Йакут, к Маскату примыкала «страна лакзов, а они народ многочисленный»⁷². В X в. Лакз охватывал территорию, занимаемую представителями лезгинских языков (лезгинь, агулы, рутулы, цахуры), в бассейне рек Самур, Курах-чай и Чирах-чай⁷³. Вскоре часть земель Лакза оказалась в зависимости от Ширвана, значительно усилившегося в X в.⁷⁴

Табасаран занимал важную в стратегическом отношении территорию юго-западнее Дербента, в бассейне р. Рубас⁷⁵. В XII в. Табасаран, согласно данным арабского путешественника Абу Хамид ал-Гарнати, посетившего Дагестан в 1131 г., был разделен на 24 рустака⁷⁶, под которыми восточные авторы понимали обычно округ, в состав которого входила группа населенных пунктов⁷⁷.

В Центральном Дагестане, в бассейне Казыкумукского Койсу, был расположен Гумик. В X в., со слов Ал-Масуди жители Гумика «не подчиняются никакому царю, но имеют начальников (руаса)»⁷⁸. В середине XI—XII в. Гумик выглядит как единое и наиболее крупное владение, а в середине XIII в. он выступает активнейшим организатором и участником борьбы против татаро-монгольских завоевателей.

Филан, упоминаемый восточными источниками в связи с событиями VI—X вв., — это территория поздней федерации обществ, известной под названием Акуша-Дарго (в составе нынешних Акушинского и Левашинского районов Дагестанской АССР)⁷⁹. Шандан, также встречающийся в источниках и отождествляемый с Акушой с прилегающими землями⁸⁰, и Филан, — очевидно, различные названия одной и той же территории. В X — первой половине XI в. Филан (Шандан) представлял внушительную силу⁸¹. Впоследствии же он попал в зависимое положение от Хайдака (Кайтак). Такова и судьба Караха (Урках и прилегающие к нему земли), упоминаемого в последний раз в 1065 г.⁸²

Хайдак (Кайтак) в X—XIII вв. значительно усиливается. Расположен Хайдак был к северо-западу от Дербента, граничил на юге и юго-западе с Дербентом, Табасараном, Гумиком, на западе — с Сариром, на севере — с Хазарским каганатом, но в связи с разгромом Хазарского каганата северные границы Хайдака, возможно, расширились. По сохранившимся источникам хорошо проследивается усиление Хайдака в XI—XII вв.⁸³

Рядом с Хайдаком был расположен Зирихгеран. Если в VI—IX вв. Зирихгеран понимался как «владение», «область», то позже, в 30-х годах XII в. мы сталкиваемся с иным положением — уже нет «области Зирихгеран», а есть два селения, где «живет народность, которую называют зирихгеран, т. е. кольчужники»⁸⁴.

Значительная часть Западного Дагестана составляла территорию Сарира⁸⁵. В X—XI вв. это еще сильное государство. Сарир активно вмешивается во внутреннюю жизнь Дербента, Ширвана, Кумуха, соседних обществ, заключает соглашения с рядом кавказских владений, в частности с Аланией и Хазарией, его правитель вступает в родственные связи со многими правителями Кавказа. Столицей было сел. Хунза⁸⁶.

В XII в. это государство распалось на более мелкие владения, частично воссоединенные впоследствии в Аварском ханстве⁸⁷.

Приведенные материалы свидетельствуют о серьезных изменениях в исторических судьбах раннесредневековых государств Дагестана. Прежде всего бросается в глаза децентрализация политической власти в большинстве из них (Лакз, Табасаран, Гумик, Сарир). Одновременно наблюдается усиление таких владений, как Дербентский эмират и Хайдак (Кайтагское удмийство). В течение XI—XII вв. теряют свою самостоятельность Филан и Карах. Можно полагать, что в это время идет процесс усиления ряда старых и складывания новых союзов сельских обществ.

Выше уже писалось о равносторонних связях вайнахов, алан и адыгов с народами Закавказья. То же самое надо сказать о народах Дагестана. Их исторические судьбы настолько тесно переплетаются с судьбами соседних закавказских народов, что немыслимо изучение их истории изолированно друг от друга.

Взаимоотношения Дагестана и Ширвана протекали в X—XII вв. в сложной и противоречивой внешнеполитической обстановке. В X в. Ширван значительно усиливается, временами включая в свой состав как Дербент, так и ряд земель, населенных лезгинами⁸⁸. Во второй половине XI в. это влияние еще более ощутимо. В 1068 г. ширваншах занял Дербент, а затем началась борьба за этот город между Ширваном и Арраном. В результате «большая часть округа Ал-Баба оказалась разрушенной»⁸⁹. Этим воспользовались сульджуки, занявшие Дербент и его округу⁹⁰. В борьбу за освобождение от гнета сельджукских султанов вместе с народами Закавказья включились и северокавказские народы (аланы, дагестанцы). В этих условиях уже в XI в. в сознании передовых мыслителей Закавказья укреплялась идея единства кавказских народов-братьев⁹¹.

В экономической, политической и культурной жизни раннесредневекового Дагестана значительное место занимало общение с народами Грузии⁹². В истории этих взаимоотношений много ярких страниц совместной борьбы против иноземных завоевателей, торгово-экономического общения, заимствования культурных достижений. Если до X в. в грузино-дагестанских отношениях военно-политический фактор доминировал, то XI—начало XIII в. характеризуются усилившимися торгово-экономическими и культурными связями, упрочением идеологического воздействия христианской церкви в «языческих» районах нагорного Дагестана. В XI—начале XIII в. в Грузии наблюдался политический и экономический подъем. В состав единого Грузинского государства были включены, помимо собственно грузинских, также некоторые соседние земли. В середине XII в. в Дербенте правил эмир Абу-л-Музаффар, породнившийся с грузинским царем Деметре⁹³. Еще более значительным было влияние Грузии в западных горных районах Дагестана. Стали более оживленными торговые связи. В Дербенте найдено большое число грузинских монет XII—XIII вв., и в то же время в Грузии известна монета дербентской чеканки. Многочисленные данные как письменных и археологических данных, так и языков, топонимики, фольклора дают яркое представление о традиционных, устойчивых связях грузинского и дагестанских народов в X—XIII вв. в области экономики, культуры и быта⁹⁴.

4. Хозяйство и социальный строй народов Северного Кавказа в X—XII вв.

Как письменные источники, так и археологический материал свидетельствуют о том, что X — начало XIII в. характеризуются развитием земледелия, скотоводства, садоводства, ростом и совершенствованием ремесла, подъемом городской жизни на всем Северном Кавказе.

Земледелие и скотоводство составляли экономическую основу производственной деятельности населения Северного Кавказа. В развитии различных видов хозяйственной деятельности огромную роль играл географический фактор (высокогорье, горы, предгорье и равнина, долинные зоны).

Если основным видом хозяйственной деятельности в высокогорных районах было овцеводство, а в горных — скотоводство в целом (овцеводство и крупный рогатый скот) и домашние промыслы, то равнина и предгорье ориентировались преимущественно на зерновые и садовые культуры, крупный рогатый скот, а горно-долинные районы — на садоводство, земледелие, крупный рогатый скот.

Занятие кочевниками огромных степных массивов Предкавказья, а главное — проникновение их в прилегающие к горам равнинно-предгорные районы с развитым земледельческим хозяйством сыграли немаловажную роль в нарушении традиционных связей земледельческого и скотоводческого населения.

Однако постепенно налаживались контакты между носителями кочевых и оседлых традиций, равнина и предгорье постепенно вновь переходили к традиционному земледельческому хозяйству. В IX—X вв. на всем протяжении обширных, примыкающих к горам равнинных земель Северного Кавказа мы сталкиваемся с развитым земледельческим хозяйством. Со второй половины XI в. наблюдаются различные пути хозяйственного развития региона: равнинные районы восточной прикаспийской части Северного Кавказа, отличавшиеся в X в. высокоразвитой земледельческой культурой и наличием городской жизни, после прихода кыпчаков ориентированы полностью на скотоводческое хозяйство, в то время как для равнинно-предгорных районов Северо-Западного и Центрального Предкавказья XI — начала XIII в. характерно продолжение и развитие земледельческих традиций.

Письменные источники дают возможность судить о развитом земледельческом хозяйстве народов Северного Кавказа. «Население этой страны (Зихии)... занимается земледелием», — читаем в апокрифических сказаниях⁹⁵. О наличии оседлого земледельческого населения в Алании и о его густоте хорошее представление дает Ал-Масуди: «Царство (алан) состоит из непрерывного ряда поселений: когда утром започот (где-нибудь) петухи, ответ им доносится из других частей царства ввиду чересполосицы и смежности селений»⁹⁶. Персидский аноним X в. подтверждает эти сведения Ал-Масуди об аланах: «У них тысяча больших деревень»⁹⁷. Согласно Ал-Масуди в Сарире было 20 тысяч долин, населенных людьми разного рода («сунуф»), которые имеют там свои поместья и деревни («дийа ва кура») ⁹⁸.

Перечисленные выше сведения о земледелии на Северном Кавказе относятся к X в. Для последующих веков до начала XIII в. также имеются ценные данные. Автор «Истории Ширвана и Дербента» сообщает о многочисленных «дийа» жителей Ал-Баба и возделываемых землях («имарат») и их «дийа» в Маскате и Табасаране⁹⁹. Под «дийа» следует понимать как земельное владение независимо от его величины,

так и обрабатываемый участок земли вообще. Жители горных областей также занимались земледельческим трудом. По данным Якута, арабского автора XIII в., «у жителей Лакза — многочисленного народа — имеются возделываемые дийа (дийа амира) и населенные области» (Табасаран также имеет «много населенных мест») ¹⁰⁰.

Характерно, что равнинные районы Дагестана севернее Дербента не сохранили для XI — начала XIII в. следов развитой земледельческой культуры. На этой территории также не зафиксированы поселения указанного времени. Вместе с тем в горных районах наблюдается усиление земледельческого освоения земельных участков, расцвет террасного земледелия. Письменные источники также отразили этот процесс. По данным персидского источника XIII в. (использовавшего и сведения X—XI вв.), Сарир — «область большая, очень возделанная... с большим количеством населения» ¹⁰¹.

Иначе шло развитие хозяйственной деятельности населения Центрального и Северо-Западного Предкавказья. Здесь земледельческие традиции равнинно-предгорных районов не прерывались. Характерно, что в X—XII вв. городища покрывают густой сетью именно равнинную и предгорную зоны Алании, фиксируя тем самым непрерывное и последовательное развитие земледельческой культуры на протяжении не менее пяти столетий ¹⁰². На территории одной только Кабардино-Балкарии, помимо многочисленных селищ, известно около 100 средневековых городищ, расположенных, за редким исключением, в предгорьях и на равнине ¹⁰³. Густая сеть раннесредневековых городищ покрывает также территорию верховьев Кубани и Зеленчуков в Ставрополье, долины р. Сунжи, Кумы, правобережья Терека до восточных границ Чечено-Ингушетии ¹⁰⁴. Наиболее крупные из этих городищ — Адньюхское, Кубинское, Нижне-Архызское, Хумаринское, Рим-Гора, Хамидие, Терекское, Кыз-Бурунское, Нижний Джулат, Верхний Джулат, Алхан-Кала, Хатай-Барц, Гумси-Корт и др.

На названных выше городищах и других многочисленных селищах обнаружены различные виды земледельческих орудий: железные серпы (они найдены как в равнинных, так и в горных зонах), каменные ступки для измельчения зерна, многочисленные каменные жернова, огромное количество крупных пифособразных глиняных сосудов-зернохранилиц, много зерновых ям, иногда с остатками зерна.

Письменные источники показывают, что и в предмонгольское время земледелие продолжало занимать здесь ведущее положение. По свидетельству миссионера-доминиканца Юлиана, у алан было развито пашенное земледелие, они сеяли просо, большое значение в хозяйстве имели такие операции, как пахота, помол зерна и т. д. ¹⁰⁵

Арабский автор XII в. Идриси пишет о городе Тмутаракани, который «был окружен возделанными полями и виноградниками», а Ал-Омари (XIII в.) отмечает довольно развитое земледелие у черкесов и ясов в предмонгольское время: «До покорения этой страны она была повсюду возделана. Теперь видны остатки этой возделанности» ¹⁰⁶.

Основными возделываемыми культурами на Северном Кавказе были зерновые: просо, пшеница, овес, ячмень. Зерна этих культурных растений встречаются при исследовании археологических памятников. Так, например, на Адньюхском городище обнаружено большое число зерен проса, а также пшеницы, ячменя. На Хамидиевском городище обнаружено значительное количество мелкосеменной чечевицы и магра ¹⁰⁷. Выше уже говорилось о производстве в высокогорном Дагестане зерна (султ — голозерный ячмень) ¹⁰⁸.

Среди разнообразных сельскохозяйственных орудий особую ценность представляет плужный железный нож — чересло (Адиухское городище). Эта находка — свидетельство наличия усовершенствованного плуга. У Кызбурунского городища в Кабардино-Балкарии был найден клад железных предметов (XI—XIII вв.), в состав которого входил большой лемех весом более 8 кг¹⁰⁹. Как показывают типологические параллели, такой лемех мог принадлежать тяжелому колесному плугу, приводимому в движение несколькими парами волов¹¹⁰. Плуг подобной конструкции предназначался для подъема целинных и залежных земель. Конечно, совершенные колесные плуги могли употребляться только в наиболее сильных хозяйствах. Основная масса крестьян-общинников обрабатывала землю с помощью более примитивной и легкой сохи с железным сошником. В горах были в ходу легкие деревянные сохи.

В горных районах огромное значение имело террасное земледелие. Оно хорошо прослеживается на археологических материалах Дагестана. Возникнув еще в медно-бронзовом веке, террасное земледелие достигает своего наивысшего расцвета в Дагестане в VIII—XIII вв. К периоду раннего средневековья можно отнести и появление террасных полей и в Центральном Предкавказье¹¹¹, однако вопрос этот еще плохо изучен. Можно предполагать, что в горной зоне Центрального Кавказа мы имеем дело с развитием интенсивного подсечного земледелия (находки в лесистых горах и предгорьях Пятигорья и Чечни массивных железных топоров с широкими лезвиями, применявшимися для вырубki леса). Равнинные и предгорные районы Северного Кавказа широко применяли залежно-переложную систему¹¹².

Важное место в земледельческой деятельности народов Северного Кавказа в X—XII вв. занимало садоводство и виноградарство. Как сообщают арабские авторы X в., под сады и виноградники была занята значительная территория приморского Дагестана. Как писал Ал-Мукаддаси (X в.), у жителей Семендера имеются «сады, фрукты, много виноградных лоз и деревьев»¹¹³.

В ответном письме хазарского «царя» Иосифа (краткая редакция) сообщается, что земля Хазарии «состоит из полей, виноградников, садов, парков. Все они орошаются из рек. У нее много всяких фруктовых деревьев»¹¹⁴. Обращает на себя внимание, что речь идет об орошаемом земледелии. В районе Дербента оно зафиксировано еще в VIII в. Следы оросительных каналов обнаружены в верховьях Большого Зеленчука, Теберды, Марухи¹¹⁵.

В горно-долинной зоне садоводство также имело место. Например, Абу Хамид Ал-Гарнати (ум. в 1169 г.) пишет: «Много у них всяких благ, таких, как мед, масло и фрукты в их долинах»¹¹⁶. Вплоть до татаро-монгольских походов на территории Алании виноградарство и садоводство было широко представлено: «В ней растут виноград, гранат, айва, яблоки, груши, абрикосы, персики и орехи. Это остатки от прежних посевов»¹¹⁷. Выше мы уже приводили известие Идриси (XII в.) о виноградниках Тмутаракани.

Важную роль в экономике народов Северного Кавказа наряду с земледелием играло скотоводство, бывшее издавна традиционным занятием населения.

Внешнеполитические условия для развития скотоводства, в частности отгонного, были чаще всего благоприятны (исключая вторую половину XI в.), и это стимулировало хозяйственные контакты гор и степей.

В X — начале XIII в. на всей территории Северного Кавказа продолжала развиваться отгонная (яйлажная) система скотоводства¹¹⁸. Эта

система являлась весьма рациональной и выгодной формой хозяйствования, поскольку давала возможность основной части населения заниматься оседлым хозяйством, а относительно немногочисленной группе пастухов — отгоном и содержанием больших стад мелкого рогатого скота.

Важную роль в производственной деятельности населения играли домашние промыслы и ремесло. Среди различных форм «соединения промысла и земледелия» доминировала форма, характерная переработкой «сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»¹¹⁹. Дальнейшее развитие получили домашние промыслы. Обработка шерсти, кожи, изготовление тканей, одежды, обуви, войлока, бурок, сельскохозяйственных орудий, изделий из дерева, гончарное производство, ковроткачество и т. д. были существенным дополнением домашнего хозяйства, служили удовлетворению собственных нужд этого хозяйства.

Вместе с тем во всех районах Северного Кавказа наблюдается дальнейшее неуклонное развитие ремесленного производства на базе прослеживаемого в ряде случаев отделения ремесла от земледелия.

Одним из важнейших видов ремесленного производства была металлообработка на основе местной добычи железа, меди и других металлов. Неоднократные находки остатков печей для плавки руды, глиняных сопл для металлургических горнов, льячек для разлива жидкой бронзы и большого количества плаков железа, а также цветных металлов — золота, серебра, меди (Заюково, Вольный аул, Хамидие, Лыгыт, уроч. Донгат, Хумаринское городище, Нижний Чегем, Кызбурунский «клад», Нижний Архыз, Цеча-Ахк, Андрей-аул, Аркас¹²⁰) — явное свидетельство местной выработки металлов на Северном Кавказе. Металлургическое производство опиралось на местную рудную базу. Масса орудий труда, оружия, предметов домашнего обихода и т. д. изготовлялась из железа, добывавшегося из местных железорудных месторождений. Все это определило ведущее место кузнечного дела в ремесленном производстве.

Значительное число, разнообразие и высокое качество железных изделий дает основание говорить о кузнечном деле как о специализированной области ремесла. Дошедшие до нас сведения о Зирихгеране (Кубачи) дают об этом хорошее представление. В X в. Ал-Масуди писал о жителях Зирихгерана, что «большинство из них делает кольчуги, стремени, уздечки, мечи и другие виды оружия из железа»¹²¹, а в 1131 г. Абу Хамид Ал-Гарнати свидетельствует, что Зирихгеран — это два селения, жители которых «изготавливают всякое воинское снаряжение: кольчуги и панцири, и шлемы, и мечи, и копья, и луки, и стрелы, и кинжалы и всевозможные изделия из меди... Их жены и сыновья, и дочери их, и рабы, и рабыни занимаются всеми этими ремеслами»¹²².

Как видим, в первой половине XII в. все население двух селений зирихгеранов было занято в сфере ремесленного производства, что свидетельствует о далеко зашедшем процессе дифференциации и специализации отдельных его отраслей.

Кузнецы Северного Кавказа владели также технологией производства стали. Находки сабель на территории Алании, уже известное нам сообщение Ал-Гарнати о производстве панцирей в Зирихгеране в XII в. и др. являются доказательством этого положения. Сабли, обнаруженные на территории Алании, имели наварные стальные клинки с максимальной твердостью лезвия. Наварка стали на железную основу с последующей цементацией требовала от кузнецов высокого мастерства и опыта. Возможно, в ряде случаев существовала простейшая кооперация труда ре-

месленников-смежников. В частности, подобная кооперация могла иметь место при производстве дорогих сабель (мастера-кузнецы, производящие клинки, и мастера-ювелиры, отделяющие и украшающие сабли и ножи)¹²³. Разделение труда существовало в позднейшее время между мастерами — изготовителями сабель и кинжалов в Кубачи и соседнем Амузги; возможно, подобного рода узкая специализация была известна и в изучаемое время в упомянутых Ал-Гарнати двух аулах.

При изготовлении некоторых видов оружия большое внимание уделялось не только боевым качествам и практической надежности, но и внешнему художественному оформлению. Так, некоторые северокавказские сабли X—XII вв. (Змейская, Рим-Гора, Колосовка, Дузукале и др.) можно считать замечательными образцами не только оружейного, но и ювелирного искусства.

Самостоятельной отраслью ремесленного производства была также обработка цветных металлов, имеющая глубокие традиции и базировавшаяся на эксплуатации местных рудопроявлений.

В Дагестане меднолитейное производство зафиксировано в письменных источниках — в начале XII в. писалось о зирихгеранах, которые изготовляли «всевозможные медные изделия». Большое число бронзовых котлов, обнаруженных в Кубачи¹²⁴, является вещественным подтверждением этого сообщения. Некоторые из разновидностей этих котлов (полусферические, открытого типа) датируются XI—XIV вв.

Наиболее ранний из котлов, хранящийся в Дагестанском краеведческом музее, имеет надпись: «Сделал Ахмад б. Али (?) Мервези» — и датируется палеографически XI—XII вв.¹²⁵ «Нисба» (подпись) Мервези встречается и на других котлах, датируемых XII—XIV вв.¹²⁶ Надписи на котлах зафиксировали также термин, относящийся к мастеру-профессионалу меднолитейного дела («саффар» — «медник»). Народы Северного Кавказа достигли замечательных успехов в изготовлении разнообразных и многочисленных ювелирных изделий. Всевозможные бронзовые, серебряные, золотые и позолоченные напильные бляшки, подвески, нателные кресты, зеркала, пряжки, бубенчики-застежки, булавки, серьги, туалетные ложечки, ногтечистки, флакончики, браслеты, перстни и бусы из цветных металлов, стекла, из различных минералов — таков неполный перечень продукции средневековых ювелиров, обнаруженной во многих погребениях. При изготовлении предметов ювелирного искусства применялись различные приемы — литье,ковка, чеканка, штамповка, паяние, зернение, золочение (в том числе и амальгамное), гравировка, инкрустация.

Высокого уровня достигло гончарное производство. Ведущее место в материалах бытовых памятников занимает кухонная посуда, часть которой еще изготовляли вручную в условиях домашнего хозяйства. Но наличие гончарных клейм на днищах столовой и части кухонной керамики указывает на существование специалистов-гончаров, уже выделившихся как ремесленники и обладающих профессиональными навыками, а также необходимым технологическим оборудованием. Таковым, в частности, были печи для обжига керамики, открытые на Аргуданском и Верхне-Джулатском городищах, у с. Дубаюрт, в районе Верхнего Чирюрта, городища Таргу. Почти все они были двухъярусными и состояли из топочной и обжигательной камер¹²⁷.

Строительное дело развивалось по двум направлениям — возведение оборонительных сооружений (крепости, башни) и строительство памятников гражданской архитектуры (жилые дома, хозяйственные помещения, мосты), а также культовых сооружений (мечети, церкви, часовни,

святых). О высоком уровне строительного дела свидетельствуют сохранившиеся памятники — целые комплексы жилых, хозяйственных, производственных построек, оборонительных сооружений на всей территории Северного Кавказа (Лытыт, Нижний Чегем, Адиюх, Гиляч, Нижний Архыз, Тпиг) и культовых построек (Зеленчукские и Верхнекубанские храмы, храмы Тхаба-Ерды, Алби-Ерды и Таргимский, мечети в Кара-Кюре, Кала-Корейше, Рича) ¹²⁸. Памятники эпиграфики зафиксировали еще в XII—XIII вв. профессиональные звания мастеров, например «банна» ¹²⁹. К X—XII вв. относится первое в строительной эпиграфике упоминание имени строителя (правда, без упоминания профессионального звания): Исхак, сын Хасана ¹³⁰.

В ряде районов Северного Кавказа, особенно в Чечено-Ингушетии и Дагестане, широко распространение получили такие памятники монументального каменного строительства, как боевые, жилые и сигнальные башни. Наиболее древними из сохранившихся башен являются жилые башни Ингушетии («кале»), датируемые XII—XIV вв. ¹³¹

Значительное развитие получило ткачество (особенно в районе Дербента). Как писал Ал-Истахри, «из Баб ал-аббаба вывозятся полотняные одежды и нет нигде таких одежд, кроме как здесь, — ни в ар-Ране, ни в Армении, ни в Азербайджане» ¹³², а Ибн-Хаукаль конкретизирует, что речь идет о верхней полотняной одежде ¹³³. Полотно и полотняные одежды производились не только в самом Дербенте, но и в его округе ¹³⁴. В непосредственной связи с развитием ткачества находилось производство марены и шафрана, широко представленное в Азербайджане и Дагестане. Высококачественные ткани производились у адыгов. Со слов Ал-Масуди, в стране кашаков (касогов) «производятся различные ткани из льна того сорта, который именуется „тала“ (?) (золото) и который более тонок и носок, чем сорт „дабики“... один обрез его стоит 10 динаров, и он вывозится в соседние страны ислама. Такие же ткани вывозятся и смежными народами, но славится сорт, вывозимый этими (кашаками)» ¹³⁵.

О широком развитии ткачества на территории Алании свидетельствует археологический материал — находки многочисленных пряслиц, грузил и т. д.

Большую роль в экономической жизни Северного Кавказа играла торговля: местная и международная. Северный Кавказ был связан с соседними и отдаленными странами системой путей, по которым осуществлялись как торговые операции, так и военные походы. Чрезвычайно выгодное положение Северного Кавказа на стыке Европы и Азии, близ развитых государств Закавказья, Передней и Малой Азии, и между трех морей — Черного, Азовского и Каспийского — способствовало усилению значения этих путей. Некоторые из них имели международное значение и функционировали в течение многих столетий (Тана — Предкавказье — Калмыцкие степи — низовья Волги — городские центры Средней Азии — Китай; Тана — правобережье Кубани — левобережье среднего течения Терека — Северный Дагестан — Дербент — Азербайджан — Иран; низовья Волги — Черные земли — долина Кумы — Эльхотовские ворота — Дарьяльское ущелье, Крестовый перевал — Грузия; берег Аральского моря — северный Прикаспий — Алания — Марухский перевал (?) — р. Риони — Трапезунд — Константинополь; Ширван — Дербент — Семендер (до середины X в.) — Нижнее Поволжье).

Немаловажное значение имели также и морские пути по Каспийскому морю и Черному. Дербент был крупнейшим портом Каспийского моря, и через него многие области Кавказа были втянуты в международную торговлю. В XII в. морская торговля продолжала оставаться оживленной.

Между Амолем, на южном побережье Каспия, и Саксином, в дельте Волги, курсировало ежегодно до 400 кораблей¹³⁶, причем с Саксином торговали как купцы из Табаристана, которые ездили вверх по Волге и достигали Булгара, так и купцы Баку, Дербента, Хорезма, Ирака, Сирии, Хорасана, даже Индии. Для Черноморского побережья мы имеем свидетельство Масуди о том, что кашаки (адыги) через море торговали с Трапезундом¹³⁷.

Номенклатура ввозимых и вывозимых предметов была весьма разнообразна. Для северо-западных и центральных районов наиболее отчетливо заметны связи с Византией, Крымом и Русским государством. Из Византии поступала керамика, в том числе тарная (амфоры) и поливная; шелковые ткани, стеклянные сосуды, браслеты, перстни, бусы из полудрагоценных камней, украшения из металла и кости, предметы христианского культа, монеты. Из Руси привозились некоторые виды крестов (энколпионы, кресты-тельники), пряжки, серьги, пряслица из розового шифера (типа овручских, XII в.), глиняные поливные яйца, а из Крыма — амфоры с вином, некоторые виды стеклянных браслетов. Через Русь поступал на Кавказ и янтарь. В позднеаланских погребениях (могильник Мартап-Чу) встречаются находки, свидетельствующие о контактах с кочевниками Северного Причерноморья (керамика) и населением Центральной Европы (мадьярская сумка для огня, детали поясных наборов, украшений).

Отчетливо прослеживаются связи с Малой Азией, Ближним Востоком, особенно с Сирией и Ираном. Из Сирии поступали стеклянные сосуды, бусы, из Ирана — белоглиняная поливная керамика и бусы из драгоценных камней. С Ближнего Востока вывозилась также белоглиняная поливная керамика и шелк, шерстяные и бумажные ткани, пряности. Закавказье поставляло некоторые виды стеклянных браслетов и стеклянные сосуды, из Средней Азии доставлялись шелковые ткани, украшения и керамика, из Индии на Северо-Западный Кавказ попадали бусы из полудрагоценных камней, раковины «каури». Из Булгарии и Руси купцы доставляли хлеб, мед, воск, дорогие меха, скот.

О значительных международных связях Алании свидетельствует тот факт, что в X в. аланские купцы были известны как в Крыму и на всем Кавказе, так и в различных странах Востока — в Хорезме, Египте.

Качественные ткани, изготовленные касогами и их соседями, вывозились по Черному морю во многие страны. Масуди пишет: «Во всяком случае по морю от них (кашаков) недалеко от земель Трапезонда, откуда товары идут к ним на кораблях и с их стороны также отправляются (корабли)»¹³⁸. В прибрежном городе Трапезунде, сообщает тот же Масуди, «ежегодно происходит несколько торгов (базаров), и на них для торговли приходит много народов, таких, как мусульмане, греки, армяне, а также люди из страны кашаков»¹³⁹. В обмен на привозимые изделия местные народы поставляли полотняную ткань, скот, хлеб, воск, мед, рыбу, икру, меха, кожи, лес, металл (серебро и др.), изделия из кожи, металла, дерева, а также рабов.

Наряду с международной торговлей существовала местная торговля, связывавшая между собой отдельные районы Северного Кавказа. Обмен между отдельными, иногда отдаленными районами носил регулярный характер; ориентация отдельных районов на преимущественное развитие земледелия и скотоводства играла здесь важную роль. В целом внутренний рынок был узок — это было следствием господства натурального хозяйства.

Основными центрами торговли (как международной, так и местной) служили города. На противоположных концах Северного Кавказа расцвело два города, одинаково связанных с сухопутной и морской торговлей: Дербент — на юго-востоке, Тмутаракань — на северо-западе.

Купцы Джурджана, Табаристана, Дейлема, Хорезма регулярно прибывали со своими товарами в Дербент. Город имел гавань, находившуюся в цветущем состоянии.

Дербент был также городом многочисленных ремесленников — ткачей, мастеров по обработке кожи, каменщиков, керамистов, инструментальщиков, шелководов и представителей других специальностей.

Крупным торговым перевалочным пунктом и портом, игравшим значительную роль в развитии торговых связей населения Северо-Западного Кавказа с другими народами, были Тмутаракань — Таматарха — Матраха. О значении Матрахи как торгового пункта свидетельствует сообщение Идриси о том, что в этом городе «есть эмпорий и ярмарка», туда приходят со всех окружающих земель и даже из отдаленных краев¹⁴⁰. В Тмутаракани была хорошая гавань. Сюда шли с Востока и отправлялись на Русь шерсть, шелк, бумажные ткани, металлические изделия, стекло, фарфор, пряности¹⁴¹. Из Тмутаракани в глубинные районы Северо-Западного Кавказа импортировались красноглиняные, черносмоленые кувшины, вероятно, стеклянные браслеты, которые там изготавливались, каменные иконки, металлические кресты и другие вещи¹⁴². Там же, на Таманском городище, найдены византийские монеты XI—XII вв.¹⁴³

Экономическое развитие Северного Кавказа, в первую очередь высокий уровень ремесленного производства, — основная причина возникновения и других северокавказских городов. «Худуд ал-алам» называет в X в. ряд хазарских городов — Семендер, Баланджар, Хамидж, Байда, Савгар (?) (очевидно, Саркел), Х-т-л-г, А-к-н, С-в-р, М-с-т и др.¹⁴⁴, в том числе и на территории Северного Кавказа. Точное их расположение неизвестно. Возможно, в этом списке компилятора конца X в. есть и повторения названий¹⁴⁵.

У алан и адыгов прогрессивное развитие общества также привело к появлению городов. Ал-Масуди упоминает столицу Алании город Магас¹⁴⁶. Археологические исследования выявили ряд крупных раннесредневековых городов, остатками которых являются городища Адих, Нижний Архыз, Рим-Гора, Нижний Джулат и др.¹⁴⁷

Средневековые города Северного Кавказа, как и города Закавказья, Средней Азии, Ирана, еще окончательно не отделились от сельских поселений. Городское население, торговый и ремесленный люд, представители торгово-ремесленной знати, городские верхи — все были неразрывно связаны с городской периферией, сельскохозяйственной округой. Многие жители города имели за городской чертой обрабатываемые земельные участки. «Этому городу принадлежат многочисленные сады, расположенные между городом и Баб Ал-Абвабом». Эта фраза Ибн-Хаукаля о Семендере хорошо передает непосредственную связь города с сельским хозяйством. Этот же автор писал о «возделываемых землях Баб Ал-Абваба»¹⁴⁸. Автор «Истории Ширвана и Дербенда», описывая события середины XI в., упоминает «дриа жителей Ал-Баба и обрабатываемые земли их»¹⁴⁹. Феодалная и торгово-ремесленная верхушка северокавказских городов обладала экономической и военной силой, добивалась в своих торговых интересах установления сильной политической власти в городе. Правитель города обычно находил у нее поддержку. В целях обеспечения безопасности, а также успешной торговли создавались купече-

ские корпорации. Нередко местный феодал принимал активное участие в крупной оптовой торговле, выступал и как ростовщик. В силу неокончательного отделения города от деревни, связанного с этим своеобразием социального строя эти черты присущи и городам стран Средней Азии — в таком городе, в отличие от западноевропейского, противоречия между феодалами и собственно городской (торгово-ремесленной) верхушкой проявлялись относительно слабо. Тем не менее история, например, Дербента X—XI вв., как и закавказских и иранских городов, знает борьбу феодалов и торгово-ремесленной верхушки (раисов). Известны для этого времени и элементы городского самоуправления¹⁵⁰.

Важнейшим, но малоизученным является вопрос о социальных отношениях, об уровне социально-экономического развития северокавказского общества, о степени феодализации его отдельных областей. Скудость источников здесь наиболее опутима.

Хотя представляется еще невозможным проследить общие закономерности развития Северного Кавказа в целом, все же можно считать доказанным, что хозяйственные успехи, дальнейшие сдвиги в области земледелия, скотоводства, ремесла неизбежно влекли за собой дальнейшие сдвиги в области социальных отношений.

Источники рисуют нам структуру верховной власти в Хазарии. Номинально главой государства был каган, не имевший, однако, реальной власти. Вся полнота верховной власти была сосредоточена в руках «царя». «Царь» фактически управлял государством, командовал войсками, вел внешние дела, определял наказания¹⁵¹. Важнейшим источником доходов Хазарского каганата была торговая пошлина¹⁵². Однако немало важную роль играли также налоги и подати с покоренного населения¹⁵³.

Сдвиги в социальной, экономической жизни, усиление процесса феодализации, как уже упоминалось, сопровождались принятием верхушкой хазарского общества монотеистической религии — иудаизма. «Борьба за веру» отражала в идеологической сфере изменения в социально-экономической структуре каганата¹⁵⁴.

Хазарский каганат не был прочным государственным объединением. Покоренные народы вели непрерывную борьбу за освобождение.

В 60-х годах X в. в итоге походов Святослава был положен конец существованию Хазарского каганата как государства. Но падение каганата было подготовлено «всею ходом его социального и экономического развития»¹⁵⁵. Немаловажную роль играло здесь усиление отдельных местных владетелей с их центробежными тенденциями.

Социальная структура Алании также недостаточно освещена в источниках. В Алании X—XIII вв., несомненно, существовало сложившееся в основных своих чертах классовое раннефеодальное общество. Структура этого общества в письменных источниках отражена чрезвычайно скупо. Достоверно мы можем говорить лишь о наличии определенной социальной иерархии у господствующего класса феодалов: известны «цари», «владетели» — багатары, которые являлись, очевидно, верховными сюзеренами и политическими вождями в период централизации (X—XI вв.).

Об аланских «царях» и зихских князьях сообщают также византийские и другие источники (Масуди, Николай Мистик, Юлиан). Русские летописи упоминают касожского князя Редюю. В надписи, найденной на развалинах церкви XII в. у ст. Белореченской, упоминается владетель Георгий Пиуперти¹⁵⁶. Для XI—XII вв. в грузинских источниках упомянуты овские «дидобули» и «багатары»¹⁵⁷, под которыми, очевидно, надо понимать феодализирующуюся знать.

О социальном строе вайнахов X—XII вв. данных практически нет. В грузинских источниках упоминаются «цари» («мепс») дурдзуков¹⁵⁸, но неясно, кем они реально были.

В Дагестане господствующий класс также представлен прежде всего феодальными правителями — дербентскими эмирами, князьями, табасаранскими властителями Сарира, «маликами» Лакза и т. д. Они выступают и как верховные сюзерены, и как крупные собственники земельных участков¹⁵⁹. Будучи верховными правителями, местные феодалы установили во многих случаях наследственную форму передачи власти.

Вслед за северокавказскими феодальными правителями шли (по своему политическому весу и богатству) близкие родичи правителя и другие представители правящего дома; вслед за ними класс феодалов в приморском Дагестане представляли владельцы дийа («поместий»), военнослужащая знать, верхушка духовенства, торгово-ростовщическая знать, феодализирующаяся верхушка деревни. Эти категории северокавказского общества обозначены в различных областях различными терминами, но социальная сущность их одина — это представители правящего класса, вся сила и власть которых основана на эксплуатации непосредственных производителей. Это «багатары», «дидобули», «мтавары» Алании, «знатные и благородные» — у вихов и алан; «сарханги» — в Табасаране; «раисы» — в Дербенте и Сарире; «айан ас-сугур» и «айан ас-сунуф»¹⁶⁰ — в Дербенте и, очевидно, «цари дурдзуков» — у вайнахов¹⁶¹.

Письменные сообщения и археологические памятники, взятые в комплексе, позволяют охарактеризовать в общих чертах социальную жизнь отдельных областей Северного Кавказа. Так, например, Якут, опираясь на данные X в., писал, что «среди жителей Лакза имеются свободные (ахрар), называемые хамашира. Выше их — малики, ниже их — м-шак, затем акара и мухкан»¹⁶². Исследование ~~этих~~ терминов показало, что текст Якута хорошо иллюстрирует достаточно далеко зашедший процесс социального расслоения: малики — правящая верхушка; «ахрар» — свободные общинники, акара — издольщики; мухкан — ремесленники. Термин м-шак — пока не ясен.

Социальная структура Дербента прослеживается по весьма ценным данным «Истории Ширвана и Дербенда». С 889 г. городом управляли Хашмиды, установившие наследственную власть. Огромную роль в политической и экономической жизни города играли раисы, главы городских торговых и ремесленных объединений, феодалы различных категорий (крупные земельные собственники в Дербенте и его округе и мелкие феодалы). Раисы X—XII вв. представляли крупную политическую силу, нередко противопоставляя себя дербентскому правителю и его «газиям» («борцам за веру»)¹⁶³. Значительную политическую силу представляли собой простые горожане, ремесленный люд. Их участие решало в конечном счете победу тех или иных группировок правящей верхушки. В условиях X—XI вв. торгово-ремесленный люд часто поддерживал правителей города в их борьбе с городской верхушкой во главе с раисами.

В Сарире (Аварии) в X—XI вв. правитель также обладал сильной властью. Как писал Ал-Масуди, у «царя» (малик) Сарира «было 12 тысяч селений, из которых он набирал столько подвластного люда (йаста-биду), сколько желал».

В X в. Аланией управлял, по словам Ал-Масуди, «царь могущественный, сильный и пользующийся большим влиянием, чем остальные цари». Со слов Ал-Масуди, царь Алании «называется К-кр-идадж (?), что является общим именем для всех их (царей)»¹⁶⁴.

Опорой феодальных правителей в их борьбе за власть, за сохранение и упрочение своего господства над зависимым населением, в борьбе за перераспределение земельной ренты и против центробежных тенденций служили дружины и военно-служилая знать.

Военно-служилая знать лучше всего известна по Дагестану. Получая за службу определенные земельные участки или же долю ренты, она была заинтересована в сильной власти и поэтому поддерживала феодальных правителей. В источниках («Худуд ал-алам», «История Ширвана и Дербенда») она фигурирует под названиями «сипахсалары», «тарханы», «батрики», «раисы». По другим районам региона конкретных данных о знати нет.

Археологический материал дополняет сведения письменных источников. Большое количество оружия (Агачкалинский могильник) — племени, мечи, кинжалы, боевые топоры, наконечники копий (Бежтинский могильник) — принадлежало, несомненно, членам дружины¹⁶⁵. Богатые погребения Убинского и Змейского могильников также, по-видимому, принадлежат дружинникам¹⁶⁶.

Сдвиги в социальной жизни, процесс усиления имущественной дифференциации, противопоставления социальных групп нашли яркое отражение в структуре северокавказского раннесредневекового города. Правящая верхушка, во всяком случае в приморском Дагестане, окончательно отделилась от массы крестьянского и ремесленного населения. Любопытный материал здесь дает структура города по археологическим и письменным известиям. В XI в. в Дербенте четко противопостоят друг другу цитадель, собственно город, и предместье. Трехчастная структура характерна для многих северокавказских городищ — Адиюхского, Кызыл-Калинского, Кызбурунских, Урванского, Баксанских, Аргуданского, Нижнедзулатского, Аркаского и др.¹⁶⁷ На этих городищах наиболее древнюю и хорошо укрепленную часть составляет цитадель, окруженная со всех сторон мощными искусственными рвами и земляными валами, руслом реки, оврагами. Часто у входов во рвы возвышаются курганообразные холмы — сторожевые посты. К цитадели примыкает территория города, где проживали, очевидно, рядовые общинники — крестьяне, ремесленники, простые воины. Эта часть города тоже защищена рвами, но уже менее глубокими, чем у цитадели. Рядом с укрепленной частью городища располагаются селища открытого типа, которые также заселяли трудовые низы общества, видимо, занимавшиеся в основном сельским хозяйством.

Трехчастное деление городищ, однако, не единственная и не ведущая форма структуры северокавказских городищ X—XII вв. Двухчастное деление или же отсутствие признаков членения территории было более обычным явлением. Из 15 городищ на Левашинском плато 14 не имеют цитаделей¹⁶⁸, они имеют двухчастную структуру (крепостную и неукрепленную). Тырнаузские 1-е и 2-е, Гиджидское, Былымское, Булуштуевское, Гунделенское и др. поселения высокогорной Кабардино-Балкарии не имеют резко выраженных признаков членения на отдельные части¹⁶⁹.

Размеры городищ в ряде случаев весьма внушительны. Длина их достигает от 500 до 1000—1300 м при ширине 300—500 м. К числу крупных городищ относятся Рим-Горское, Нижне-Архызское, Хумаринское, Адиюхское, Кубинское, Кызыл-Калинское (Карачаево-Черкесия); Аргуданское, Старо-Лескенское, Терекское, Нижний Дзулат (Кабардино-Балкария); Киевское, Верхний Дзулат (Северная Осетия); Алхан-Кала (Чечено-Ингушетия); у станицы Верхний Чирюрт, Аркас (Дагестан).

Эти крупные городища, несомненно, являются сложными социальными комплексами, с присущим им территориальным или территориально-патронимическим принципом расселения.

Многие городища расположены группами или «гнездами» в пределах видимости. В некоторых из этих групп выделяется, как правило, своими большими размерами, укрепленностью и сложностью планировки одно из центральных городищ, к которому тяготеют менее значительные. Таковы Налчик, Баксан, Куба, Заюково, Аргудан (Кабардино-Балкария); Ади-х, Гиляч (Карачаево-Черкесия); Клевское (Северная Осетия); Сурхал-Али-Юрт (Чечено-Ингушетия); Инжла-Гул, Хив, Ругуджа, Тпит (Дагестан)¹⁷⁰. Расположенные вокруг них мелкие поселения принадлежали, вероятно, одному из родов или патронимий¹⁷¹, или же чисто территориальной единице. «Гнездовое» расположение городищ связывается с сильными родоплеменными пережитками в соответствующем обществе.

Группировка в компактные «гнезда» — не единственный вариант взаимосвязей поселений. В ряде случаев наблюдается расположение непрерывной цепью поселений, территориально и экономически объединенных в рамках одного ущелья или расположенных в долине одной реки. Таковы поселения на правобережье Малого Зеленчука и по долинам других рек (Карачаево-Черкесия); в ущелье речки Сырга-меер (Дагестан)¹⁷².

Размещение городищ Северного Кавказа в X—XIII вв. неодинаково в различных его областях. Если в Кабардино-Балкарии большинство городищ расположено в равнинных и предгорных районах, а в Карачаево-Черкесии — в предгорной и горной зоне, то на территории Дагестана и в нижнем предгорье поселений X—XII вв. не выявлено; основная часть их сосредоточена в горной зоне и в верхнем предгорье. Объяснение этого факта нужно искать, по-видимому, в тех взаимоотношениях, которые сложились между оседлым населением Северного Кавказа и кочевым миром.

Представляет интерес также то обстоятельство, что поселения горных районов Центрального Предкавказья (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия) в преобладающей массе сравнительно малых размеров¹⁷³. Малочисленность и малые размеры, нерасчлененная структура — эти особенности горных поселений отражают, вероятно, тот факт, что процесс социальной дифференциации развивался здесь значительно медленнее, чем в предгорьях. По всей видимости, каждое из таких поселений представляло собой место жительства определенной патронимии. Во всяком случае, можно лишь допустить, что население высокогорной зоны находилось еще на стадии зарождения классовых отношений.

Различия в уровне развития прослеживаются и в других горных районах. Степень внешнего влияния государств с более высокой организацией общественной структуры, а в основном — условия внутреннего развития предопределили, в частности, особенности социального строя вайнахских племен. Грузинские источники упоминают «царей» дурдзуков с их войском и свидетельствуют об участии таковых в военных экспедициях грузинских царей и о политическом влиянии грузинских феодальных государств. В данном случае речь идет, очевидно, о значительном обособлении общинной верхушки (старейшин), более всего заинтересованной в контактах с Грузией. В Юго-Восточной Чечне (к востоку от Аргуна) — удобной для земледельческо-скотоводческого быта — ясно прослеживаются связи с горным Дагестаном. Облик общественного строя, представляющий на основе анализа «родовых» кладбищ, отмечен тут в це-

лом имущественным равенством и всеобщей вооруженностью мужчин, т. е. основная масса общинников была равноправна. Но есть уже и весьма богатые погребальные комплексы ¹⁷⁴.

Обитатели остальной части лесистых предгорий Чечено-Ингушетии подпали, вероятно, под статут раннефеодальной Алании и вполне возможно, что феодальные отношения здесь более всего определялись зависимостью от правителей плоскости, принимая вид данничества или иных обязанностей. Вайнахи, обитатели равнины, составлявшие (как это сейчас предполагается) некоторый процент населения Алании, испытывали более сильное влияние раннефеодальных институтов.

Огромную роль в жизни средневекового Северного Кавказа играла сельская община. Сельская община, сосредоточение основной части эксплуатируемого класса — крестьянства, почти не отражена в источниках. Жизнь крестьянина, основного производителя материальных благ, как и жизнь ремесленника, оставалась в источниках в тени. Арабские источники упоминают только о категории крестьян-издольщиков, наиболее бесправной части крестьянства. Издольщики обозначены двумя терминами («музара» и «акара»), под которыми подразумеваются две категории этого разряда крестьянства — издольщики, имеющие свой клочок земли, инвентарь, но в силу малоземелья вынужденные арендовать землю; и издольщики, совершенно лишенные средств производства. Источники четко разделяют обе категории ¹⁷⁵.

В X—XII вв. значительное место среди сельского населения Северного Кавказа занимало лично свободное крестьянство, владевшее участками земли.

Длительное существование лично свободного крестьянства и сельской общины — характерная черта для большинства стран Северного Кавказа в средние века. Сельская община у ведущих обществ региона уже не носила характера кровно-родственного союза, хотя его пережитки сохранились. Речь должна идти о «земледельческой» общине, о которой писал к В. И. Засулич Карл Маркс ¹⁷⁶. Можно полагать, что такая община была на Северном Кавказе господствующей.

Типология северокавказских поселений лучше всего изучена на дагестанском материале. Выделены поселения территориального типа, территориально-тухумные и тухумные ¹⁷⁷. В X — начале XIII в. в Дагестане бытовали все три типа поселения, в арабских источниках означаемые одним термином — «карайа» («селение»).

Уже с X в. здесь наблюдается и продолжается в течение нескольких столетий процесс складывания крупного села на базе однотухумных или территориально-тухумных поселений.

Одной из особенностей развития феодальных отношений на Северном Кавказе было то, что они развивались при сохранении немаловажной роли рабства. Общества Северного Кавказа миновали рабовладение как формацию, рабство не стало основой производственных отношений, однако играло заметную роль и в экономике (домашнее рабство), и в процессе роста богатств феодальной верхушки или феодализирующейся знати (продажа рабов).

Труд рабов находил применение в домашнем хозяйстве, использовался в ремесле, в тяжелых сельскохозяйственных работах. Это иллюстрируется сообщением доминиканского монаха Юлиана, побывавшего в Алании в первой половине XIII в.: не имея средств к существованию, Юлиан и его спутники решили продать двух своих товарищей, но не нашли покупателей, так как продаваемые в рабство не умели ни пахать, ни молотить зерно ¹⁷⁸.

Однако в X—XII вв. главное место занимала работорговля. Крупнейшим центром работорговли на Кавказе был Дербент с его знаменитым невольничьим рынком. Возросший спрос на рабов в странах Ближнего Востока, дальнейшее расширение каспийской торговли значительно способствовали росту работорговли. По словам Ибн-Хаукаля, в X в. в Дербент «падают много рабов из других земель, прилегающих к нему»¹⁷⁹. Сюда доставлялись на продажу рабы греческие, печенежские, хазарские¹⁸⁰. Товары Сарира состояли, кроме всего прочего, из «рабов, девушек-рабынь»¹⁸¹. «Кабу-наме», источник XI в., сообщает о рабах из тюрок, русов, славян, алан, привозимых через Дербент¹⁸². Персидский аноним XIII в. указывает на невольничий рынок в Алании — «между Абхазом и Кипчаком». Когда тот же автор среди товаров Дербента называет «рабов и очень красивых девушек-рабынь», то, несомненно, речь идет о рабах, поступивших из различных областей Северного Кавказа¹⁸³. Местные правители совершали взаимные нападения, и захват рабов занимал в этих акциях немаловажное место. Когда в 912 г. в Шандане 10-тысячный отряд ширваншаха и эмира Дербента попал в плен, то пленные были поделены «между людьми Шандана, Сарира и хазарами», причем хазары и шанданцы продали своих пленных¹⁸⁴.

Огромное значение в изучении социальной структуры средневекового северокавказского общества имеет вопрос о земельной собственности. Хотя источниковая база весьма скудна, но некоторыми данными мы располагаем, прежде всего по Хазарскому каганату. На основании еврейско-хазарской переписки X в. можно предположить, что «царь» обладал доменальной собственностью («мои поля, виноградники, сады и парки...»)¹⁸⁵.

В ответном письме хазарского «царя» Иосифа имеется фраза, весьма ценная с точки зрения форм земельной собственности: «Мы живем всю зиму в городе, а в месяце нисане выходим из города и идем каждый к своему полю и саду, и к своей (полевой) работе. Каждый из (наших) родов имеет еще известное (наследственное) владение, (полученное им) от своих предков...»¹⁸⁶. Речь идет о выходе на весенние полевые работы, причем имеются в виду как поля и сады, находящиеся в личной собственности, так и наследственные фамильные (агнатические?) владения. Частная собственность на землю, в частности на пахотные участки и сады, сочетается здесь с собственностью, возможно, патронимических коллективов. Такое положение характерно как раз для периода генезиса феодальных отношений.

Аланский «царь» также обладал, возможно, доменом («помимо этого, города, царь владеет замками и летними резиденциями вне городов»)¹⁸⁷.

Можно предположить, что на Северном Кавказе (особенно в его горных районах) рано установилась частная собственность малых семей на возделываемую землю при сохранении собственности общины на пастбища, леса, большинство покосов. Дробление большой семьи на отдельные малые семьи прослеживается и на археологическом материале. К примеру, каменные дома-крепости в Цеча-Ахк (Чечено-Ингушетия) отличаются многокамерностью горизонтальной планировки, причем эти камеры не соединяются друг с другом, имеют отдельные входы, представляя собой жилища отдельной семьи¹⁸⁸.

О категориях земельной собственности на Северном Кавказе наиболее ясные данные опять-таки по Дагестану. В X — начале XIII в. здесь существовали следующие формы земельной собственности: общинная, государственная, фамильная, крестьянская, частнособственническая феодального типа, вакуфная. Трудно определить в точности, какая из этих

форм была преобладающей даже в экономически ведущих районах, но можно предположить, что в последних основной фонд пахотных земель состоял из частнособственнических земельных участков, принадлежащих как феодалам, так и крестьянам (обе категории земельной собственности известны под термином «мулька» — близок раннесредневековому аллоду). В течение X — начала XIII в. соотношения различных форм земельной собственности неоднократно меняются в зависимости от ряда обстоятельств (усиление власти феодала или ослабление этой власти, иноземные вторжения, миграция большого числа новых поселенцев и т. д.), но основной ведущей линией, по-видимому, было укрепление частной земельной собственности. Перераспределение земельного фонда шло как за счет земель общинных, так и мельковых и государственных (или доминиальных).

В общинной собственности в основном находились пастбищные и сенокосные участки, леса.

Государственный земельный фонд, по-видимому, в течение X—XIII вв. значительно сократился, хотя и пополнялся иногда в условиях установления господства более отсталых завоевателей (половцы, сельджуки).

Частные земли неэксплуататорского, крестьянского типа («мульки») были представлены повсеместно, но особенно в союзах сельских общин.

Феодальное землевладение известно под названием «икта», «дийа». Под «икта» подразумевается земельный участок (или доход с участка), данный за службу военную и гражданскую. Если юридический статус «икта» до X в. в Дагестане не уточнен, то при сельджуках «икта» носил условный характер. Постепенно владельцы «икта» стремились превратить эту форму земельной собственности в разряд фактически не только наследственных, но и безусловных земель, т. е. в категорию «мулька».

Вакуфные земли связаны с распространением ислама. В Южном Дагестане количество их в X—XII вв. росло по мере дальнейшего распространения ислама, но в общей сумме категорий земельной собственности они занимали незначительное место. Земли могли быть и в распоряжении христианских монастырей в Западной Алании, в Аланской епархии. В процессе развития феодальных отношений в различных областях Северного Кавказа огромную роль играло дальнейшее укрепление власти местных феодальных правителей, укрепление их земельной собственности и усиление тенденции к освобождению от центральной власти. Эта тенденция привела в конечном счете к ослаблению центральной власти, распаду единого государства на ряд самостоятельных владений (этот процесс сопровождался также освобождением некоторых союзов сельских общин от феодальной зависимости).

К XIII в. этот процесс на Северном Кавказе был доминирующим: распались на ряд мелких владений Алания, Сарир, Табасаран, Лакз. Гумик также распался на ряд независимых единиц еще в X в., но к XIII в. центральная власть там была восстановлена. То же, по-видимому, надо сказать о Кайтаке.

Процесс неравномерного развития политической жизни имел в своей основе двуединый процесс движения форм земельной собственности: с одной стороны, укрепление феодальной земельной собственности, с другой — укрепление частной земельной собственности типа крестьянского «мулька». Первое характерно для Дербента и его округа, второе — для соседних горских владений.

Феодализм у народов Северного Кавказа характерен рядом особенностей (медленные темпы этого процесса, устойчивость, а иногда и рост

значения: сельской общины, отсутствие крупного собственного хозяйства феодалов, основанного на барщинном труде, почти полное господство натуральной ренты, слабые формы внеэкономического принуждения, огромное влияние внешних факторов, прерывавших самостоятельное развитие северокавказского общества).

Вся история средневековья — это история непрекращавшейся борьбы крестьян и городских низов против социального гнета, то усиливавшейся, то заглушавшей, принимавшей самые различные формы (бегство, открытое выступление, отказ от уплаты податей и т. д.).

Сохранившиеся источники дают наиболее яркое (и почти единственное) представление о классовой борьбе, протекавшей в Дербенте. Здесь социальные противоречия были выражены наиболее ярко, протекали в наиболее острой форме. Городские выступления активно поддерживались сельской округой. Факты, относящиеся к классовой борьбе, в основном черпаются из «Тарих Баб Ал-Абваб», дошедшей до нас не в оригинале, а в сокращении XVII в.¹⁸⁹ Отдельные известия есть и в других источниках. Когда Марбан ибн-Мухаммад, основатель династии Саларидов, задумал наложить подати на жителей города, ранее освобожденных от податей за охрану пограничных земель, то горожане восстали; однако восстание было подавлено¹⁹⁰.

Восстания иногда принимали настолько значительные размеры, что охватывали все городское население и завершались сменой правителя¹⁹¹. В 944 г. «люди Ал-Баба восстали против своего эмира Ахмеда, сына Абд Ал-Малика Ал-Хашими и изгнали его из города. На место изгнанного правителя был приглашен ширваншах, которого позднее разочаровавшиеся жители Дербента также прогнали. В 953 г. горожане снова свергли своего правителя и пригласили «даря» лакзов¹⁹²».

Показательно, что уже в X—XI вв. социальные выступления нередко проходили под религиозной оболочкой. В 989—990 гг. произошло крупное движение горожан, связанное с именем гиланского проповедника ислама Муса Тузи. «Горожане восстали против своего эмира, который был вынужден укрыться в цитадели... и народ Ал-Баба осаждал ее 28 дней»¹⁹³. В промежутке между 1019 и 1065 гг. жители города четырежды заставляли эмира покинуть престол¹⁹⁴. Во всех случаях дербентские райсы пожинали плоды успешных выступлений горожан. В 1065 г. «люди Ал-Баба и их райсы восстали против эмира Мансура, сына Абд Ал-Малика и умертвили его», а когда ширваншах со своим войском «напал на деревни Ал-Баба, грабя и опустошая их», то жители города выступили против него и ширваншах потерял много своих воинов¹⁹⁵.

Недовольство народных масс использовали дербентские райсы, которые, опираясь на городские низы, сумели на определенное время полностью подчинить эмира своей воле.

Классовая борьба происходила и в сельской местности. По-видимому, с ней связана надпись из с. Тшиг (надпись палеографически относится к XII—XIII вв.): «Вот восстали против нас все мусульмане. И было разрушено это селение, затем была построена эта крепость». Если вышеприведенное толкование верно, то это единственное на Кавказе зафиксированное на камне известие о выступлении крестьян против феодальной власти. Очевидно, местная знать была вынуждена построить крепость для защиты от подвластного населения. Этот факт подтверждает социальный смысл строительства крепостей во многих районах Северного Кавказа в изучаемое время.

5. Культура и быт. Христианство. Ислам

Разнообразные и многочисленные археологические данные вместе с сохранившимися письменными памятниками дают представление о многих сторонах быта и культуры Северного Кавказа в X—XII вв.

Среди памятников материальной культуры наибольшую ценность представляют бытовые объекты — городища, селища, жилища и т. п. На территории Центрального и Северо-Западного Кавказа подобного рода памятники, датируемые X—XII вв., изучены более основательно и обстоятельно, чем памятники Северо-Восточного Кавказа.

Бытовые памятники Восточной Алании, кроме селищ, представлены большим количеством «земляных» городищ, расположенных группами или цепью на удобных плоских возвышенностях, в надпойменных террасах рек или у оврагов. Подобные же городища известны также в других районах Центрального Кавказа (Орджоникидзевское, Змейское, Киевское, Октябрьское, Гвардейское, Алхан-Калинское и многие другие) ¹⁹⁶.

Жилища в Восточной Алании в основном представляли собой небольшие прямоугольные в плане полуземлянки или легкие турлучные постройки с обмазанными глиной стенами и полом, посередине которых устраивались глинобитные очаги или простые очажные ямы (Змейское, Кубинское, Лечинкайское, Советское, Аргуданское, Хамидиевское и др.) ¹⁹⁷. В X—XII вв. были известны и жилые постройки из самана (Змейское) ¹⁹⁸.

Иными признаками характеризуются памятники материальной и духовной культуры Западной Алании (верховья Кубани), где, помимо ираноязычных алан, проживали довольно многочисленные тюркоязычное население (болгары, ~~царь~~ цоловцы) и автохтонные племена — носители кавказской речи.

Некоторые из городищ Западной Алании также состоят из нескольких разделенных рвами частей — цитадели, посада и т. д. ¹⁹⁹ Как правило, такие городища построены из камня и (условно названные «каменными») находятся на высоких скальных плато, останцах и мысах, далеко не всегда удобных для постоянного жительства, но весьма приемлемых для создания труднодоступных оборонительных пунктов (Клин-Яр I и II, Уллу-Дорбулла, Замок, Амгата, Джапырын-Кала и др.) ²⁰⁰. Одной из характерных черт данного района является повсеместное строительство каменных оборонительных стен на городищах.

Среди бытовых памятников Пятигорья и верховьев Кубани выделяются своими крупными размерами такие города-крепости, как Хумаринское, Рим-Горское и др. Особого внимания заслуживает Нижне-Архызское городище (его общая длина более 2,5 км), которое считается одним из наиболее важных экономических, культурных и христианских центров Западной Алании ²⁰¹.

Жилища Западной Алании строились в основном из камня, нередко были многокамерными, а иногда и двухэтажными (Нижний Архыз, Гиляч, Инджир-Гага) ²⁰². Но встречались здесь, особенно на селищах, и турлучные жилые постройки.

Памятники высокогорной зоны, расположенные главным образом между Скалистым и Главным Кавказскими хребтами, от Чечено-Ингушетии до верховьев Кубани, связываются этнически с исконно местными кавказскими племенами — потомками позднекобанской и прикубанской культур. Для поселений высокогорной зоны (к востоку от г. Эльбрус) не характерно членение территории на несколько частей. Мало распространены здесь и искусственные оборонительные сооружения — рвы,

валы, стены и т. д. Жилища в горах строились из камня (Былым, Гижид). На поселении Лагыз раскопано несколько прямоугольных в плане однокамерных жилищ размерами от 8 до 50 кв. м. Известны в горной зоне, к востоку от верховьев Кубани, и памятники церковной архитектуры²⁰⁴.

Весьма разнообразны и многочисленны также памятники X—XII вв. Северо-Западного Кавказа. Значительная часть местного населения Северо-Западного Кавказа в X—XII вв., как и в предыдущие периоды, продолжала жить в довольно крупных городищах (Кошихабльское, Некрасовское, Таманское, Ильчевское и др.). Однако более характерными здесь были селища открытого типа, расположенные на берегах рек или близости от них (Тлюстенхабльское, Бжегокайское, Усть-Псекупское, Убинское, Колосовское, Армавирское), а в Причерноморье — на высоких мысах (Мысхако, Дооб-Солнцедар)²⁰⁵.

Жилища в таких городищах и селищах представляли собой прямоугольные в плане глинобитные и турлучные постройки с очажными ямами и глинобитными печами на деревянном каркасе²⁰⁶. На Таманском городище дома построены на каменном фундаменте, но стены у них также глинобитные²⁰⁶. Каменные крепости, храмы, монастырские комплексы и другие сооружения распространены в основном на Черноморском побережье — район Сочи, Мзымта, Адлер, Красная Поляна²⁰⁷, хотя в меньшем количестве известны они и в более восточных районах (например, церковь у станции Белореченской)²⁰⁸.

На Северном Кавказе до наших дней сохранились монументальные архитектурные памятники — три Зеленчукских, Шоанинский (рис. 1), Сентинский храмы X в.²⁰⁹ — древнейшие на территории РСФСР. Они связаны с деятельностью Аланской епархии, существовавшей в X—XII вв. Кафедральным собором епархии был северный Зеленчукский храм. Стены северного и среднего Зеленчукских храмов (пос. Нижний Архыз, Карачаево-Черкесской Автономной области) были расписаны фресками греко-византийского происхождения. Наиболее полно живопись сохранилась в интерьере Сентинского храма в ущелье р. Теберды²¹⁰. В конхе над алтарем размещалось монументальное изображение Богородицы Оранты, на северной и южной стенах апсиды — две группы святителей, верхний ярус живописи в кафоликоне храма занимали сцены так называемого праздничного цикла. Как и в Зеленчукских храмах, фрески Сентинского храма сопровождались греческими надписями и автографами прихожан.

Примечательны рациональность и разнообразие приемов в технике строительства. Стены многих жилищ и оборонительных сооружений возводились из частично обработанных снаружи камней без раствора, кладка производилась в два панциря с последующей забутовкой промежутка между ними. Тем не менее такие сооружения были достаточно прочными и долговечными благодаря мастерству кладки. Наиболее мощные оборонительные стены (Хумара, Адиух) и особенно христианские храмы и церкви (Нижний Архыз, хутор Ильич, Сенты и др.) сооружались из хорошо обработанных блоков и брусков, сложенных на известняковом растворе. При строительстве декоративных арок и кладке углов зданий изготовлялись особые профилированные каменные плиты: блоки с пазами, архивольты для дверных и оконных проемов и т. д. (Нижний Архыз, Амгата)²¹¹.

На обширных просторах Предкавказья, преимущественно к северу от Кубани и Терека, в рассматриваемый период развивалась своеобразная культура кочевых тюркоязычных племен — болгар, хазар, а со второй половины XI в. — половцев (кыпчаков, куманов).

Культура половцев Северного Кавказа пока еще изучена слабо. Но по всем признакам она мало отличалась от культуры других половецких племен Восточной Европы, которая хорошо освещена в источниках. Судя по рисункам-миниатюрам Радзивилловской летописи, а также сообщениям Плана Карпини, В. Рубрука и других авторов, жильем для половцев служили в основном разнотипные кибитки: ульевидные, которые ставились на землю; сооружения из досок и бревен в виде навеса, устанавливаемые, очевидно, на зимовищах; относительно легкие палатки или вежи на двух- и четырехколесных повозках, в которых они часто кочевали с семьями²¹².

Довольно подробное описание жилища кочевников дает Плато Карпини: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху... имеется круглое окно... для выхода дыма, стены же и крыша покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие — сообразно достоинству и скудости людей».

В X—XII вв. в ряде районов Северного Кавказа наблюдается усиленное строительство фортификационных сооружений, в частности памятников замковой архитектуры. В Дагестане в XI—XIII вв. строительство крепостей зафиксировано по данным эпиграфики в Ахты, Тпиге и других населенных пунктах, в горных районах Дагестана, в частности в Аварии²¹³.

На территории Чечено-Ингушетии выявлено значительное число башен, наиболее ранние из которых относятся к числу жилых. Строения X—XII вв. здесь представляют собой вместительные двух- и трехэтажные башни прямоугольного плана и циклопической (часто сухой) кладки. Постепенно они усложняются в сторону роста этажности и уменьшения площади основания, т. е. создания классических семейных жилых башен. Сложенные из обработанного камня подземные и полуподземные склепы достигают размеров 5×2,5 м при высоте до 3 м и часто имеют сводчатое перекрытие, требующее известного зодческого опыта.

Значительные навыки и знания требовались и при строительстве некоторых видов погребальных памятников — катакомб, гробниц, склепов. Великолепным образцом высокого мастерства художников-камнетесов того времени можно считать древний дольменообразный склеп на р. Кривой в Западной Алании. Он сооружен из девяти тщательно обработанных и точно подогнанных плит и снаружи уже в эпоху Средневековья сплошь покрыт плоскорельефными изображениями людей, собак, оленей, птиц, крестов и т. д.²¹⁴ Каменные плиты с плоскорельефными изображениями всадников, охотников с луками, овец и прочих фигур и узоров, а также надгробные плиты и кресты с выгравированными на поверхности орнаментальными мотивами и греческими надписями, относящиеся к X—XIII вв. и более позднему времени, найдены и в других местах Центрального Кавказа и Прикубанья (Гиляч, Теберда, Рим-Гора, Малый Зеленчук, Верхний Чегем, Безенги, р. Бахсан и др.).

В тесной связи со строительным делом развивалась резьба по дереву и по камню. Резьба по дереву была развита во многих районах Северного Кавказа, но наибольшее распространение получила в Дагестане. Среди памятников резьбы по дереву следует выделить прежде всего украшенные замечательной резьбой деревянные двери из сел. Кала-Корейш (XII—XIII вв.)²¹⁵ и опорные столбы из Ричинской мечети (XII—XIII вв.). Со строительной деятельностью связано также создание высокохудожественных штукатурных рельефов в Кара-Кюре (X—XI вв.) и Кала-Корейше (XI—XII вв.)²¹⁶.

Рис. 1. Шоанинский храм X в. близ с. Коста Хетаурово (Карачаево-Черкесия)

Со строительством связаны также кубачинские каменные рельефы с изображением различных бытовых или военных сцен, покрытые эпитафическим и растительным орнаментом²¹⁷. Высокая техника исполнения позволяет говорить о глубоких художественных традициях и о сложившейся школе резчиков по камню²¹⁸. Весьма ценными памятниками резьбы по камню являются также многочисленные памятники эпитафики. Наибольшее количество их обнаружено в Дербенте, Рутуле, Рича и других населенных пунктах, свидетельствуя и о значительном подъеме строительного дела в X—XIII вв., и о расцвете этой отрасли камнерезного искусства.

Керамическое производство оставило также огромное количество вещественных доказательств своего совершенствования. В быту очень широко использовались весьма разнообразными по формам и назначению керамические изделия, и особенно глиняная посуда — разнотипные кувшины, горшки, чарки, кружки, миски, пифосы²¹⁹.

Некоторые сосуды покрывались темно-серым, черным и красным лощением, иногда до зеркального блеска. Поверхность многих из них орнаментировалась всевозможными нарезными, желобковыми, рельефными, ногтевидными, точечными узорами и лощеными полосками в виде сетки, прямых и волнистых линий и т. д.²²⁰ Резко повышается качество гончарных изделий, что объясняется широким распространением гончарного круга, появлением усовершенствованных гончарных печей. В X—XIII вв. в ряде районов Северного Кавказа широкое распространение получила поливная керамика. Она выявлена как в горных, так и в равнинных районах. В X в. примитивная полива (в Дагестане) начинает заменяться глазурью²²¹.

Вместе с проникновением тюркского этноса в Предкавказье наблюдается распространение монументальных каменных статуй. Особого внимания заслуживают каменные статуи X—XII вв. из верховьев Кубани, которые принадлежали тюркоязычным племенам, жившим здесь до появления половцев (станицы Преградная, Сторожевая, Исправная, Зеленчукская, р. Бежгон и др.)²²². Эти статуи свидетельствуют не только о высоком мастерстве камнетесов, но и дают определенное представление об одежде, вооружении, верованиях тюрков Северного Кавказа.

Замечательными памятниками изобразительного искусства являются половецкие «каменные бабы» — монументальные скульптурные изображения женщин и мужчин из камня, олицетворявшие умерших предков. Из таких изваяний Северного Кавказа, стоявших близ оживленных трактов, на холмах, древних курганах и других хорошо видных издали местах, до нас дошло лишь несколько десятков, которые хранятся в основном в музеях Москвы, Краснодара, Ставрополя, Пятигорска и Армавира²²³.

Становление и развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа сопровождалось распространением у них монотеистических религий, обосновывавших и закреплявших принципы и социально-экономические устои феодальной эксплуатации, духовно порабоцавших народные массы.

В X—XIII вв. процесс христианизации значительно усилился и происходило это при активной роли многих христианских государств: Византии, Грузии, Руси (Тмутараканское княжество).

В X—XII вв. часть адыгов Северо-Западного Кавказа продолжала исповедовать христианство, поддерживая церковные связи с Византией. Кафедры Матрахи и Зихии фигурируют в notiциях времени Иоанна Цимисхия (969—976 гг.) и позже. Побывавший на Северном Кавказе в 1235 г. доминиканский монах Юлиан «прибыл в страну, которая именуется Сихия, в город, именуемый Матрике (т. е. Тмутаракань на Таманском полуострове), где князь и народ называют себя христианами, имеющими книги и священников греческих»²²⁴. В X—XII вв. на Северо-Западном Кавказе строились и функционировали церкви, бесспорно, обслуживавшие адыгское население, но сохранившиеся памятники единичны²²⁵.

В X—XI вв. крупным очагом христианства на Кавказе была Тмутаракань, несомненно, оказывавшая культурно-религиозное влияние на соседние адыгские племена. Археологическими раскопками на Таманском городище открыты фундаменты двух христианских храмов — крестообразного и одноапсидного (датируемого 1023 г.)²²⁶.

В X—XII вв. христианство, проникшее из Византии при посредстве Грузии, получило широкое распространение в Алании. В начале X в. в связи с пропагандой этой религии Константинополь организует Аланскую митрополию и разворачивает в верховьях Кубани широкое церковное строительство. В ущелье р. Большой Зеленчук сооружается кафедрал Аланской епархии — северный Зеленчукский храм²²⁷. Здесь же складывается христианский центр Алании, откуда христианство распространяется по близлежащим районам. На Нижне-Архызском городище X—XIII вв. (где находилась кафедра Алании) известно 14 церквей и несколько христианских кладбищ того же времени, свидетельствующих о концентрации в этом городе христианского населения.

Крупные христианские общины находились в долинах рек Теберда, Кубань, Уруп. Для обслуживания первых двух в X в. были построены монументальные храмы (Шоанинский и Сентинский). Христианским центром для обитателей долины р. Уруп в X—XIII вв. было Ильчевское городище, где археологами отмечена концентрация христианских древне-

Рис. 2. Христианский храм Тхаба-Ерды, XII—XIII вв. н. э. Ассинское ущелье. Ингушетия

стей, в том числе храмов²²⁸. Два из них относятся к числу типичных для Закавказья зальных одноапсидных церквей и могут указывать на участие грузинских мастеров в их строительстве. Но основная масса христианских древностей верховьев Кубани носит на себе следы сильного византийского влияния.

На территории Восточной Алании и Северо-Восточного Кавказа миссионерская деятельность осуществлялась грузинской церковью.

Наиболее древний памятник грузинской христианской культуры относится к IX в. — это ранний строительный период храма Тхаба-Ерды в Ассинской котловине²²⁹ (Ингушетия). Но наиболее активно миссионерская пропаганда из Грузии развернулась во второй половине XI в. при католикосе Мелхиседеке I, когда завершается сооружение трехнефной базилики Тхаба-Ерды, строятся Таргимский храм и храм Алби-Ерды в той же Ассинской котловине²³⁰, Зругский и Тлийский зальные храмы в Двалетии — Туалгом²³¹ (верховья р. Ардон, Северная Осетия) и Датунская базилика (Дагестан)²³² (рис. 2).

Христианское влияние в Дагестане прослеживается весьма отчетливо по многочисленным данным. Значительное число христианских могильников VIII—X вв. в Аварии (близ сел Урада, Тидиб, Хунзах, Галла, Тинди, Кванада, Ругуджа) — захоронения более двух десятков христиан²³³ — свидетельствует о количестве христианского населения и, несомненно, об успехах политики христианизации. По сообщению грузинских хроник, в XI—XII вв. христианские храмы были «в Анцухе, Тенухи», у «народов Хундзи». Замечательным памятником грузино-дагестанских культурных контактов является, в частности, храм в Датуне (первая половина XI в.).

В рассматриваемое время все большую роль во всех областях жизни народов Северного Кавказа начинает играть ислам. Первые шаги этой

религии на Кавказе относятся к VII—VIII вв. и связаны с арабскими завоеваниями.

Процесс проникновения ислама в Дагестан затянулся примерно на 900 лет²³⁴. В X—XIII вв. территория Юго-Восточного Дагестана постепенно входила уже в число «мусульманских государств». Надписи повествуют о строительстве мечетей и других культовых сооружений.

Проповедниками ислама выступали в X—XII вв. не только арабы и многочисленные «гази» («воители за веру») из разных стран, но и мусульманское население Дербента. В укреплении позиций ислама в XI—XII вв. в ряде районов Дагестана важную роль играли Ширван и Гилян.

Ряд арабских надписей свидетельствует о проникновении ислама и в другие районы Северного Кавказа (долина р. Кумы, Карачаево-Черкесия). В этой связи интересны находки в Нижнем Архызе (Карачаево-Черкесия) трех надгробных каменных плит XI—XII вв. с арабо-мусульманскими куфическими надписями²³⁵.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в христианство или в ислам было обращено меньшинство населения. В Дагестане в X—XII вв. территория Аварии оставалась в основном языческой. В середине XII в. жители Зирихгерана хоронили своих покойников по зороастрийскому обычаю (Ал-Гарнати). Влияние христианства на население Чечено-Ингушетии также было в целом поверхностным. Многие из адыгских племен в X в. придерживались языческих верований. В частности, Ал-Масуди писал о кашаках: «Этот народ исповедует религию магов»²³⁶, а Ибн-Русте сообщал об аланах, что «царь алан — сам христианин, а большая часть его жителей — кафиры и поклоняются идолам»²³⁷.

Дохристианские языческие верования оставались популярными у алан, а некоторые районы Алании (особенно восточные) были почти полностью языческими. В первой половине XIII в., со слов епископа Федора, «аланы — христиане только по имени»²³⁸. Венгерский миссионер Юлпан (XIII в.) рассказывал, что зихский князь имел 100 жен, хотя сам был христианином, а жители Алании «представляют смесь язычников и христиан»²³⁹.

Ни христианство, ни тем более мусульманство на Центральном и Северо-Западном Кавказе в эпоху раннего средневековья не имели прочных корней и не занимали доминирующего положения в религиозных верованиях местного населения. Это видно из данных археологии. Разнотипность конструкции могильных сооружений, характер погребального обряда, многочисленность вещей, сопровождавших покойников в «потусторонний мир», — все это говорит о том, что жители рассматриваемой территории продолжали придерживаться в основном языческих верований.

Господствующей религией у половцев был шаманизм, основные черты которого проявлялись в поклонении вещам, волхвовании, вере в добрых и злых духов, культе предков и животных²⁴⁰. В XII в. среди половцев стало распространяться из Руси христианство, а с Востока сюда проникал ислам.

В непосредственной связи с проникновением ислама и христианства стоит вопрос о письменности народов Северного Кавказа.

Арабский язык стал проникать на Северный Кавказ в основном в связи с арабскими завоеваниями и вместе с переселенцами-арабами, прибывшими в начале VIII в. и продолжавшими прибывать в течение ряда последующих веков²⁴¹. Значительную роль играли также культурные контакты со странами Ближнего Востока (Ираном²⁴² и др.).

В X—XII вв. позиции арабского языка в Дагестане значительно усилились. Среди местного населения появились лица, владеющие арабским языком и писавшие на нем. Большое число эпиграфических памятников XI—XIII вв., обнаруженных в Дагестане, указывает, что арабский язык имел довольно широкое распространение. Если первоначально интерес к арабскому языку был связан с исламом, с чтением Корана, с мусульманским богослужением, то вскоре это оказалось недостаточным. В связи с проникновением богатой литературы народов Востока на арабском языке по самым различным отраслям наук интерес к арабскому языку значительно усилился. Вместе с арабским языком попадали не только Коран и кораническая литература, но и произведения по истории, географии, астрономии, логике, медицине, по арабской грамматике и лексикографии.

Местные культурные силы были сосредоточены обычно в городах (Дербент), но и в горных районах также возникают отдельные очаги культуры. Важную роль играли в распространении арабского языка мусульманские духовные училища-медресе. По известным нам данным в XI—XII вв. медресе были также в Дербенте и Цахуре, но есть основания полагать, что они были и в ряде других крупных населенных пунктов.

Важным событием культурной жизни было создание произведений местной историографии. Опираясь на достижения других народов, на богатую историческую и географическую литературу народов, вошедших в состав Арабского халифата, местные культурные силы перешли к созданию собственных произведений, посвященных историческим событиям на Кавказе, в отдельных его областях. Изучение позднейших исторических сочинений, таких, как «Тарих Дагестан» (XIV в.), «Дербенд-наме» (XVII в.), убеждают, что они включили в себя отрывки из отдельных не дошедших до нас хроник, составленных примерно в X—XII вв.

В начале XII в. был создан важный исторический труд «Тарих ал-Баб» («История Ал-Баба») ²⁴³. Автор этой хроники нам неизвестен, но он был, несомненно, одним из образованных людей своего времени. В своем сочинении он описал события, имевшие место на Восточном Кавказе с VIII до конца XI в. «Тарих Ал-Баб» — ценный источник по истории социальной, экономической и культурной жизни раннесредневековых Дагестана и Ширвана. К более раннему времени (середине XI в.) относится написанное в Дербенте произведение — суфийский трактат «Базилика-пестин и сад тонкостей» Абу Бакра Мухаммада Ал-Дербенди ²⁴⁴.

В X—XII вв. в Дагестан проникла также грузинская письменность. В настоящее время обнаружено около двадцати крестов с грузинскими надписями, некоторые кресты несут двуязычные надписи (на грузинском и местных языках) ²⁴⁵.

Грузинская письменность была распространена и в горах Чечено-Ингушетии. Грузинские надписи на камнях и черепицах Тхаба-Ерды и других храмов, находки рукописных псалтырей в Тхаба-Ерды и Маги-Ерды позволяют думать, что христианское богослужение тут проходило на грузинском языке ²⁴⁶. Однако на облицовке стен склепов (Эгикал), на поверхности глиняных и деревянных сосудов (Цой-Педа, Магата, Мохда) встречаются надписи, сделанные грузинскими буквами, но передающие местные (вайнахские) имена и названия местностей ²⁴⁷.

Как известно, в рассматриваемый период народы Северного Кавказа своей письменности не имели. Прямое указание об этом дает арабский автор конца X в. Ибн Ан-Надим: «Кавказские владетели не имеют собственных писем» ²⁴⁸. Но в X в. на территории Аланской епархии предпринимается пока единственная известная нам попытка создания алан-

ской письменности на основе греческого алфавита. Ее образец — так называемая Зеленчукская надпись, дешифрованная и опубликованная В. Ф. Миллером и содержащая несколько личных имен (видимо, плита была надгробием)²⁴⁹.

На Таманском полуострове открыты надписи, относящиеся к русской Тмутаракани. Это мраморная плита с греческой надписью о смерти Иоанникия в 1078 г.²⁵⁰ и знаменитая плита — «Тмутараканский камень» с русской надписью князя Глеба, измерившего в 1068 г. ширину Керченского пролива²⁵¹.

Интереснейшая русская надпись первой половины XI в. высечена на каменном кресте, стоявшем близ с. Преградное Ставропольского края, на р. Егорлык²⁵². Вполне возможно, что крест с этой надписью был поставлен в память о русских воинах, павших во время одного из походов на Каспий и имевших своей исходной территорией Тмутаракань.

- ¹ Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. 1946. Т. 3. № 5. С. 461.
- ² *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando imperio.* Budapest, 1949. P. 182—183.
- ³ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963. С. 206—207.
- ⁴ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
- ⁵ Ванев Э. В. Средневековая Алания. Сталингр., 1959. С. 128—162; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. С. 17, 228—235.
- ⁶ Проблема возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 196.
- ⁷ Васильевский В. Г. Византия и печенеги // В. Г. Васильевский. Тр. Акад. наук. СПб., 1908. Т. 1. С. 3; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 363—364; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. С. 15—16.
- ⁸ *Constantine Porphyrogenitus.* Op. cit. P. 65—66.
- ⁹ Владимиров И. А. Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области // ИАН. СПб., 1902. Вып. 4. С. 1—14; Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
- ¹⁰ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. С. 22—26.
- ¹¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1947. С. 57—58.
- ¹² Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 47.
- ¹³ *Ибн-Хаукаль.* Книга ал-масалик вал-мамалик. Лейден, 1939. Т. 2. С. 392. На араб. яз.; Пашуто В. Т. Внешняя политика древней Руси. М., 1968. С. 94—95.
- ¹⁴ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. С. 165.
- ¹⁵ Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях... С. 464.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Дорн В. А. Каспий. СПб., 1875; Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Бартольд В. В. Соч. М., 1967. Т. 2. Ч. 1. С. 684—688; Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях... С. 465—470; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 145—155; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 54—55.
- ¹⁸ Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 99—103.
- ¹⁹ Бартольд В. В. Соч. Т. 2. Ч. 1. С. 687, 689, 846—847; Якубовский А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. (943/4 г.) // Визант. временник. Л., 1926. Т. 24. С. 65; Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 102—103.
- ²⁰ Дорн В. А. Указ соч. С. 515.
- ²¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 152.
- ²² Там же. С. 153.
- ²³ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 240; Френ Х. Письмена древних русов // Библиотека для чтения. СПб., 1836. Т. 15. С. 51.
- ²⁴ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 70—71; *Minorsky V. Studies in Caucasian History.* L., 1953. P. 11—12. На араб. яз.
- ²⁵ О кн. Мстиславе Владимировиче см.: Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в. М., 1977. С. 37.
- ²⁶ Монгайт А. Л. О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 55—56.
- ²⁷ Рыбаков Б. А. Предисловие // Керамика и стекло древней Тмутаракани: Сб. статей. М., 1963. С. 3.

- ²³ ПСРЛ. Пг., 1916. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 122.
- ²⁴ Черки истории СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 1. Первобытно-общинный строй: Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии: Древняя Русь (до начала XV в.). С. 519.
- ²⁵ ПСРЛ. Пг., 1924. Т. 24. С. 50.
- ²⁶ История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 352.
- ²⁷ ПСРЛ. Пг., 1923. Т. 2. Вып. 1. С. 150.
- ²⁸ О расселении половцев; пределах «Дешт-и-Кыпчака» (Половецкого поля), половецких объединениях см.: *Расовский Д.* Половцы // *Seminarium Kondakovianum*. Praha, 1937—1938. IX—X.
- ²⁹ *Анчабадзе З. В.* Кыпчаки Северного Кавказа, по данным грузинских летописей XI—XIV вв. // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 115—116.
- ³⁰ *Анчабадзе З. В.* Указ соч. С. 118.
- ³¹ *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА СССР. М.; Л., 1941. № 3. С. 30; *Минаева Т. М.* К вопросу о половецах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Ставрополь, 1964. Вып. 11. С. 167—196; *Шлегнева С. А.* Половецкие каменные изваяния. М., 1974. С. 15—16.
- ³² *Минаева Т. М.* К вопросу о половецах на Ставрополье..., С. 167—196.
- ³³ *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 32.
- ³⁴ *Анчабадзе З. В.* Указ. соч. С. 116.
- ³⁵ *Картлис Цховраба.* Тбилиси, 1955. Т. 1. С. 336. На древнегруз. яз.
- ³⁶ *Анчабадзе З. В.* Указ. соч. С. 119.
- ³⁷ *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 229.
- ³⁸ *Немет Ю.* Список слов на языке ясов, венгерских алаи/Пер. и примеч. В. И. Абаева. Орджоникидзе, 1960.
- ³⁹ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 206—207.
- ⁴⁰ Там же. С. 203—204.
- ⁴¹ *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 34. На древнеевр. яз. С. 116. Рус. пер.
- ⁴² Об этих народах см.: *Коковцов П. К.* Указ. соч. С. 117; Примеч. Здесь асси — предположительно огузии (возможно, это асы, не входившие в Аланский союз), турки — скорее всего венгры, а пайнил — печенеги.
- ⁴³ *Коковцов П. К.* Указ. соч. С. 35. На древнеевр. яз. С. 117. Рус. пер.
- ⁴⁴ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 205.
- ⁴⁵ Повесть временных лет/Подгот. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1950: Т. 1. С. 47.
- ⁴⁶ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 54.
- ⁴⁷ *Картлис Цховраба.* Т. 1. С. 313.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 11—12; *Мамаев Х. М.* Из истории связей раннесредневековой Ичкерии с Дагестаном // Тез. докл. V Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. С. 89—91.
- ⁵⁰ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 204. См. о нем ниже в гл. VIII.
- ⁵¹ *Картлис Цховраба.* Т. 1. С. 27—28, 220.
- ⁵² Там же. Тбилиси, 1973. Т. 4. С. 561.
- ⁵³ Там же. Тбилиси, 1959. Т. 2. С. 111.
- ⁵⁴ *Шавтелишвили А. И.* Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963; *Гамбашидзе Г. Г.* Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века // Тез. докл. IV Крупновских чтений. Орджоникидзе, 1974. С. 68—69.
- ⁵⁵ *Умаров С. П.* Средневековая материальная культура горной Чечни XIII—XVII вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1970. С. 6—9, 16—17; *Он же.* Основные черты материальной культуры позднесредневековой горной Чечни (X—XVI вв.) // МАДИСО. Орджоникидзе, 1975. Т. 3. С. 61—62.
- ⁵⁶ *МАК. М.* 1888. Т. 1. С. 32; *ОАК* за 1886 г. СПб., 1891. С. 115; *ОАК* за 1889 г. С. 72; *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963. С. 16—46, 68; *Крупнов Е. И.* Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи // Тр. ГИМ. М., 1948. Вып. 17. С. 41; *Семенов Л. П.* Археологические разведки в Ассинском ущелье // КСИИМК. М., 1952. Т. 46. С. 111—117; *Марковин В. И., Кузнецов В. А.* Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуна в 1956 г. // Изв. Чечено-Ингуш. republ. краевед. музея. Грозный, 1961. Вып. 10. С. 95; *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С. 100—103; *Вагаев М. Х.* Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1970. С. 5; *Он же.* Работы в Аргунском и Джераховском ущельях Чечено-Ингушетии // АО за 1971 г. М., 1972. С. 130—131; *Даугова Р. А., Петренко В. А.* Новые археологические памятники в Чечне // АО за 1972 г. М., 1973. С. 124; *Виноградов В. В., Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Петренко В. А.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии // АО за 1973 г. М., 1974. С. 101—102.
- ⁵⁷ *Мамаев Х. М.* Об интерпретации каменных ящиков Джераховского и

- Ассинского ущелий // Тез. докл. VI Крупновских чтений в Краснодаре. М., 1976. С. 36—37.
- ⁶³ Кроме работ, названных в сн. 6, см.: Умаров С. П. Основные черты материальной культуры...; Гамбашидзе Г. Г. Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века. С. 66—67; Даутова Р. А. Исследование средневековых памятников в горной Чечне // АО за 1976 г. М., 1977.
- ⁶⁴ Гамбашидзе Г. Г. Древнегрузинские церковные книги из Ингушетии // Тез. докл. V Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1975. С. 115—116; Угерелидзе Н. Н. К истории производства стекла в раннесредневековой Картли. Тбилиси, 1967.
- ⁶⁵ Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей // Зап. коллегии востоковедов. JL, 1930. Т. 5. С. 737—741.
- ⁶⁶ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 43—45; Бардавалидзе В. В. Традиционные общественно-культурные памятники горной Восточной Грузии. Тбилиси, 1974. Т. 1.
- ⁶⁷ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. С. 218; Умаров С. П. Основные черты материальной культуры... С. 60.
- ⁶⁸ Багаев М. Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии. С. 15; Мамаев Х. М. Из истории связей раннесредневековой Ичкерии с Дагестаном // Тез. докл. V Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. С. 89—91.
- ⁶⁹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 61—63.
- ⁷⁰ Там же, с. 184—187; Бартольд В. В. Соч. М., 1965. Т. 3. С. 426.
- ⁷¹ Китаб Футух ал-булданли имам Ахмад б. Йахья б. Джабир ал-Багдади ан-шахир би-л-Белазурл, Ат-табака-ту-л-увла. Каир, 1319/1901. С. 304—305. На араб. яз.; Балadzори: Книга завоевания стран/Текст (араб.) и пер. проф. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 7 на перс. яз. С. 5 на араб. яз.
- ⁷² Якут ар-Руми. Муд'жам ал-Булдан. Бейрут, 1956. Т. 3. С. 218—219.
- ⁷³ Ал-Истахри. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. Лейден, 1870. С. 192. На араб. яз.; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 112.
- ⁷⁴ Ал-Истахри. Указ. соч. С. 191.
- ⁷⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 126.
- ⁷⁶ Путешествие Абу Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., 1971. С. 49.
- ⁷⁷ Бартольд В. В. Соч. М., 1966. Т. 4. С. 31. Примеч. 17.
- ⁷⁸ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 203.
- ⁷⁹ Шихсаидов А. Р. О локализации Фи-лана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.
- ⁸⁰ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 139, 140.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же. С. 77.
- ⁸³ Там же. С. 53—79.
- ⁸⁴ Там же. С. 82—83; Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. С. 50.
- ⁸⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 48, 51, 53, 54, 65, 132—137 и след.; История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 123—124, 182; Якут ар-Руми, основываясь на более ранних материалах X—XI вв., называет Сарир обширным владением, расположенным между Баб-ал-абвадом и аланами. См.: Якут ар-Руми. Указ. соч. Т. 3. С. 218.
- ⁸⁶ Отсюда древнегрузинское наименование аварцев — «хунузни» (мн. ч.). См.: Картлис Цховраба. Т. 1. С. 243 (хундзы — здесь, в источнике XI в. — соседи тушик).
- ⁸⁷ Бейлис В. М. Из истории Дагестана VI—XI вв. (Сарир) // Ист. зап. 1963. Т. 73. С. 265.
- ⁸⁸ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 191.
- ⁸⁹ Там же. С. 78.
- ⁹⁰ Там же. С. 79, 104.
- ⁹¹ Кекелидзе К. Идея братства закавказских народов по генеалогической схеме грузинского историка XI в. Леонти Мровели // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Тбилиси, 1955. Т. 3. С. 96—107.
- ⁹² История Дагестана. Т. 1. С. 165—168, 214—215; Дебиров П. М. Следы грузинско-дагестанских контактов в средневековых памятниках монументально-декоративного искусства Дагестана // II Междунар. симпози. по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977.
- ⁹³ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 222—225.
- ⁹⁴ Гасанов М. Р. Взаимоотношения народов Грузии и Дагестана: (От древнейших времен до XV в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1968.
- ⁹⁵ Петровский С. В. Апокрифическое сказание об апостольской проповеди по Черноморскому побережью. Ч. 2. // ЗООИДР. Одесса, 1898. Т. 21. Ч. 2. С. 149.
- ⁹⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда... С. 205.
- ⁹⁷ Худуд ал-Алам: Рукопись Туманского/С введ. и указат. В. Бартольда. JL, 1930. С. 38а—39.
- ⁹⁸ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда...
- ⁹⁹ Там же. С. 17 (на араб. яз.), 62, 74, 75.

- ¹⁰⁰ *Йакут ар-Руми*. Указ. соч. Т. 1. С. 438, 439.
- ¹⁰¹ *Миклузо-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. М., 1975. Т. 3. С. 205, 206.
- ¹⁰² *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 52.
- ¹⁰³ *Иссен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы Акад. наук СССР. М.; Л., 1941. № 3. С. 23—26; *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии: Материалы к археол. карте. Нальчик, 1969.
- ¹⁰⁴ *Минаев Т. М.* К истории земледелия на территории Ставрополя // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1960. Вып. 10. С. 269—274; *Виноградов В. Б., Маркович В. И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966; *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 51—52; *Алексеева Е. А.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 125—137; *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. С. 48—73.
- ¹⁰⁵ Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом... // Зап. Одес. об-ва истории и древностей. 1863. Т. 5. С. 999.
- ¹⁰⁶ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 237.
- ¹⁰⁷ *Чеченов И. М.* Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1965 г. // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. 25. С. 10.
- ¹⁰⁸ *Генко А. Н.* Указ. соч. С. 96.
- ¹⁰⁹ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.; Л., 1941. С. 234, 235.
- ¹¹⁰ *Чигал С. Г.* Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси. 1953. С. 100—101.
- ¹¹¹ *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 68—75.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Ал-Мукаддаси. Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим. Лейден, 1877. С. 361. На араб. яз.
- ¹¹⁴ *Козовцов Л. К.* Указ. соч. С. 25. На древнеевр. яз. С. 87. (рус. пер.). В оригинале «ган» — сад, и «прдс» — от древнеперс. «парадиси» (совр. — «фердоус»). Здесь, очевидно, — природные фруктовые сады, возможно, охотничьи заповедники, но не парки в современном смысле.
- ¹¹⁵ *Минаева Т. М.* К истории земледелия на территории Ставрополя // Материалы по изучению Ставропольского края. 1967. Вып. 10. С. 266—274.
- ¹¹⁶ Путешествие Абу Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. С. 26.
- ¹¹⁷ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. С. 233.
- ¹¹⁸ О яблочной системе на Центральном Кавказе еще в эпоху бронзы см. в кн.: *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 307; *Тургиев Т. Б.* О скотоводстве у алан // МАДИСО. Орджоникидзе, 1969. Т. 2. С. 120—131.
- ¹¹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 329, 285.
- ¹²⁰ *Иссен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 120. С. 39; *Он же.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. С. 25; *Доме Б. Е.* Верхне-Чегемские памятники VI—XIV вв. // УЗ КБ НИИ. Нальчик, 1963. Т. 19. С. 26; *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. С. 46, 48, 53, 61—62; *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 86—89, 102; *Акртас Л. К.* Археологическое исследование Чегемского ущелья в 1959 г. // УЗ КБ НИИ. Нальчик, 1961. Т. 9; *Мизиев И. М.* Нижне-Чегемское поселение // Там же. Нальчик, 1967. Т. 25. С. 174—175; *Агаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 221—226; *Мамаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и средневекового времени: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1970. С. 10; *Умаров С. У.* Средневековая материальная культура...; *Он же.* Основные черты материальной культуры...
- ¹²¹ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 203.
- ¹²² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. С. 50.
- ¹²³ *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 101; *Он же.* К вопросу о производстве стали в Алании // Кавказ и Восточная Европа в древности: Сб. статей. М., 1973. С. 212—216.
- ¹²⁴ *Орбели И. А.* Временная выставка сасанидских древностей. Пг., 1922. С. 14; *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.; Л., 1949. С. XV—XVI; *Орбели И. А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы // Избр. труды. Ереван, 1963. С. 347—361.
- ¹²⁵ *Шихсаидов А. Р.* Надписи рассказывают. Махачкала, 1969. С. 40; *Он же.* Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник. М., 1984.
- ¹²⁶ Каталог Международной выставки памятников иранского искусства и архитектуры. Л., 1935. С. 428—432.
- ¹²⁷ *Каманцева А. С.* Гончарная печь в селении Дуба-Юрт // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 146—150; *Котович В. Г.* и др. Исследования на городище Таргугу // АО за 1975 г. М., 1976. С. 130. Рас-

- скопки К. А. Бредо: (Археол. экспед. Дагест. филиала АН СССР 1956 г.).
- ¹²⁸ *Минаева Т. М.* Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965. С. 57—64; *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 163—181; *Алексеева Е. П.* Археологические раскопки в районе сел. Верхний Чегем в 1959 г. // Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961. Вып. 9. С. 200—201; *Акритас П. Г.* Археологические исследования Чегемского ущелья в 1959 г. // Там же. С. 189; *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. С. 61—62; *Дебилов П. М.* Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966; *Любимова Г. Н.* Культовые постройки агудльских селений Дагестана // Памятники культуры: Исследования и реставрация. М., 1961. № 3.
- ¹²⁹ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках / Тексты, пер., коммент., введение и прил. Л. И. Лаврова. М., 1976. Ч. 1. Надписи X—XVII вв. С. 64, 82.
- ¹³⁰ *Шихсаидов А. Р.* Новые памятники арабской эпиграфики XI—XIV вв. из Дагестана // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973—1975 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1976. С. 39.
- ¹³¹ *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 71.
- ¹³² *Ал-Истахри.* Указ. соч. С. 1, 184; СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. 29. С. 11.
- ¹³³ *Ибн-Хаукаль.* Книга путей и царств / Пер. с араб. Н. Караумова // СМОМПК. Тифлис, 1908. № 38. Т. 2. С. 339.
- ¹³⁴ *Ал-Истахри.* Указ. соч. С. 236.
- ¹³⁵ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 206.
- ¹³⁶ *Ибн-Исфендийар.* Тарих-е Табаристан. Тегеран, 1940. Ч. 2. С. 89. На перс. яз.
- ¹³⁷ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 206.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Там же. С. 190.
- ¹⁴⁰ Цит. по кн.: *Рыбаков Б. А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. М.; Л., 1952. Т. 43. С. 18.
- ¹⁴¹ Очерки истории СССР: IX—XIII вв. М., 1953. С. 87—88.
- ¹⁴² *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 67—72; *Щапова О. Л.* Стоклянные изделия средневековой Тмутаракани // Там же. С. 103—104; *Габло А. В.* Новый памятник тмутараканского времени из Приазовья // СА. 1965. № 2. С. 217—224; *Монгайт А. Л.* Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // Там же. 1955. Т. 25. С. 340. Примеч. 2.
- ¹⁴³ *Кропоткин В. В.* Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. С. 175—185.
- ¹⁴⁴ Худуд ал-Алам. Л. 386.
- ¹⁴⁵ См. гл. VI настоящего издания.
- ¹⁴⁶ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 204.
- ¹⁴⁷ *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 148—186. И для этого времени необходимо уяснить понятие «город», тем более что и терминология письменных источников не всегда четкая. Тот же автор «Худуд ал-Алам» (на л. 38а) называет город («шахр») Дар ал-Алан, т. е. крепость в Дарьяльском ущелье.
- ¹⁴⁸ *Ибн-Хаукаль.* Указ. соч. Т. 2. С. 340.
- ¹⁴⁹ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 17. На араб. яз.
- ¹⁵⁰ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 64—79.
- ¹⁵¹ *Григорьев В.* Образ правления у хавар. СПб., 1900. С. 281.
- ¹⁵² *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 406.
- ¹⁵³ *Кожовцов П. К.* Указ. соч. С. 81—82, 100—102; *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 405.
- ¹⁵⁴ *Захoder Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе: // Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962. С. 146.
- ¹⁵⁵ Очерки истории СССР: IX—X вв. М., 1958. С. 725.
- ¹⁵⁶ *Камениев Н.* Бассейн Псекупса // Кубанские областные ведомости. 1867. № 37. С. 149; *Помяловский И.* Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881. № 5. С. 4; *Кучик-Ионнасов Х. И.* Армянская надпись XII столетия // МАК. М., 1983. Т. 3. С. 106—109.
- ¹⁵⁷ *Картлис Цховрба.* Т. 1. С. 261; Т. 2. С. 305.
- ¹⁵⁸ Там же. Т. 2. С. 183.
- ¹⁵⁹ О социальных отношениях в Дагестане см.: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда...; Очерки истории Дагестана. Махачкала. 1957. Т. 1; *Магомедов Р. М.* История Дагестана. Махачкала, 1961 (2-е изд.—1963); *Алиев Б., Азмедов Ш., Умаганов М.-С.* Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970; *Азмедов Ш.* Социально-экономическое и политическое развитие Дагестана в V—XI вв.: Рукопись канд. дис. Махачкала, 1968; *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв.: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М., 1974.
- ¹⁶⁰ «Айан ас-сугур» — букв.: пограничная знать, феодалы; «айан ас-сунуф», очевидно, — верхушка торговых и ремесленных корпораций.
- ¹⁶¹ *Кулаковский Ю.* Христианство у

- алан // Византийский временник. СПб., 1898. Т. 5. Вып. 1—2. С. 3.
- ¹⁶² *Йакут ар-Руми*. Т. 1. С. 438.
- ¹⁶³ В X—XII вв. ислам в горном Дагестане еще не утвердился, а потому правители Дербента являлись тут своеобразным «форпостом ислама» и вели «священную войну» (газават) с горцами как с «неверными».
- ¹⁶⁴ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 204.
- ¹⁶⁵ *Смирнов К. Ф.* Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. М., 1951. Вып. 38. С. 113, 117; *Агаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. С. 163—179.
- ¹⁶⁶ *Стрельченко М. Л.* Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII—XV вв.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. JL, 1969. С. 157; *Кузнецов В. А.* К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. 1959. № 2.
- ¹⁶⁷ *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. С. 24—25; *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. С. 48—73; *Кузнецов В. А.* Аланские племена. С. 81—82; *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 125—150; *Агаев Д. М.* Аркаское городище — памятник средневекового Дагестана // Арх. ИЯЛ Даг. ФАН СССР. Ф. 3. Оп. 4. Д. 219. С. 11—16.
- ¹⁶⁸ *Гаджиев М. Г., Абакаров А. И.* К истории поселений горного Дагестана // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973—1975 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1976. С. 7—8.
- ¹⁶⁹ *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. С. 35, 53—56, 60—61.
- ¹⁷⁰ *Иессен А. А.* Археологические памятники... С. 24—25; *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии... С. 49. Карта III; *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 209—210; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 125; Отчет о работе 3-го разведочного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1965 г. // Арх. ИЯЛ Даг. ФАН СССР. Ф. 3. Оп. 3. Д. 225.
- ¹⁷¹ *Иессен А. А.* Археологические памятники... С. 25; *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв.
- ¹⁷² *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии... С. 107; *Шихсаидов А. О.* Надписи рассказывают... С. 106.
- ¹⁷³ *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии... С. 35, 53—56, 60, 61; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии... С. 135—136.
- ¹⁷⁴ *Виноградов В. Б.* Через хребты веков. Грозный, 1970. С. 48, 49; *Багаев М. Х., Виноградов В. Б.* Раскопки раннесредневекового могильника у с. Харачой // КСИА. М., 1972. № 132. С. 80—86.
- ¹⁷⁵ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 26. На арм. яз. С. 75. На рус. яз. У В. Ф. Минорского «акара» переведено как «крестянин».
- ¹⁷⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 402—404.
- ¹⁷⁷ Термин «тухум» — иранский, но на Северный Кавказ он мог попасть из Закавказья, поскольку он бытует в грузинском и армянском языках («тохми» и «тохм»). В самих северокавказских обществах он прошел определенную эволюцию (развую) и мог означать и род, и сельскую общину, выросшую из последнего.
- ¹⁷⁸ Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. 5. С. 1000.
- ¹⁷⁹ *Ибн-Хаукаль*. Указ. соч. Т. 2. с. 339.
- ¹⁸⁰ *Бартольд В. В.* Соч. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 681.
- ¹⁸¹ *Михлуто-Маклай Н. Д.* Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. М., 1975. С. 200.
- ¹⁸² *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 167, 168. Примеч. 165.
- ¹⁸³ *Михлуто-Маклай Н. Д.* Указ. соч. С. 199—200.
- ¹⁸⁴ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 48.
- ¹⁸⁵ *Коковцов П. К.* Указ. соч. С. 82.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 25. На древнеевр. яз. С. 85. На рус. яз. (поле — «садэ», сад — «ган», работа — «авода», род — «мишнахот»). Место, переведенное П. К. Коковцовым как «каждый из [наших] родов имеет еще известное [наследственное] владение» (в оригинале: «ейш лаэм эврат авутиам»), может быть понято и так, но не исключено и иное толкование.
- ¹⁸⁷ *Ал-Масуди*. Мурудж аз-Захаб. Париж, 1863. Т. 2. С. 42; В. Ф. Минорский не совсем удачно перевел как «места отдохновения» (*Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 204).
- ¹⁸⁸ *Умаров С. П.* Средневековая материальная культура. С. 6—10.
- ¹⁸⁹ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 16, 17.
- ¹⁹⁰ *Бартольд В. В.* Соч. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 681.
- ¹⁹¹ О восстаниях в X—XIII вв. в Дагестане см. в кн.: *Магомедов Р. М.* Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 52—74.

- ¹⁹² *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 67—68.
- ¹⁹³ Там же. С. 68—69.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 52—53, 56—57 и др.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 57.
- ¹⁹⁶ *Чеченов И. М.* Средневековые городища Кабардино-Балкарии // Тез. докл., посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971. С. 204—206; *Кузнецов В. А.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв. // СА. 1973. № 2. С. 65—66; *Виноградов В. В., Марковин В. И.* Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1966.
- ¹⁹⁷ *Деолик В. Б.* Змейское средневековое селище // Археологические раскопки в районе Змейское Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961. С. 37—39; *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии... С. 46, 48, 62—63, 69, 71; *Кузнецов В. А.* Отчет об археологических разведках в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесской автономной обл. и Моздокском районе Северо-Осетинской АССР в 1964 г. // Архив Ин-та археологии АН СССР. Инв. № 2915. С. 192—203; *Он же.* Отчет об археологической разведке в Северной Осетии в 1965 г. // Там же. Инв. № 3075. С. 4—27.
- ¹⁹⁸ *Деолик В. Б.* Указ. соч. С. 39—49.
- ¹⁹⁹ *Минаева Т. М.* Городище на балке Адиух в Черкесии // СНТ СГПИИ, Ставрополь, 1955. Вып. 9. С. 146; *Рунич А. П.* Укрепления раннего средневековья в Кисловодской котловине // АЭС КБНИИ, Нальчик, 1971. Вып. 1. С. 100—103.
- ²⁰⁰ *Чеченов И. М.* Средневековые городища... С. 206; *Рунич А. П.* Указ. соч. С. 95—109; *Кузнецов В. А.* Аланская культура... С. 71; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. С. 125—129.
- ²⁰¹ *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 163—196.
- ²⁰² *Кузнецов В. А.* Аланская культура... С. 71.
- ²⁰³ *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии... С. 82, 88—89; *Гамбашидзе Г. Г.* Памятники грузинской архитектуры в Двалетии // Тез. докл. VI региональной конференции по археологии Северного Кавказа в Краснодаре. М., 1976. С. 15, 16.
- ²⁰⁴ *Алексеева Е. П.* Материальная культура черкесов в средние века // ТКЧНИИ, Черкесск, 1954. Вып. 2. С. 235; *Она же.* Погребальный обряд и материальная культура ранне-средневековых адыгских племен // МАДИСО. Т. 3. С. 44, 45.
- ²⁰⁵ *Лавров Л. И.* Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа до редины XVIII в. // СЭ. № 4. 1951. С. 52, 53; *Алексеева Е. П.* Погребальный обряд... С. 45; *Она же.* Материальная культура черкесов в средние века по данным археологии // ТКЧНИИ. Ставрополь, 1964. Вып. 4.
- ²⁰⁶ *Лавров Л. И.* Указ. соч. С. 52.
- ²⁰⁷ *Алексеева Е. П.* Погребальный обряд... С. 44.
- ²⁰⁸ *Помяловский И.* Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881. С. 4, 5.
- ²⁰⁹ *Кузнецов В. А.* Северный Зеленчукский храм X в. // СА. 1964. № 4. С. 136—150; *Он же.* Средний Зеленчукский храм // Там же. 1968. № 3. С. 137, 147; *Он же.* Южный Зеленчукский храм // 1971. № 1. С. 238—244; *Он же.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
- ²¹⁰ *Владимиров И. А.* Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области // ИАК. СПб., 1902. Вып. 4. С. 1—14.
- ²¹¹ *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 132—137.
- ²¹² *Помяловский И.* Указ. соч. С. 4, 5; *Фиркович А.* Археологические разведки на Кавказе // ТВОИАО. СПб., 1858. Ч. 3. С. 134—132; ОАК за 1893 г. СПб., 1895. С. 32, 102; *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Т. 4. С. 104; *Дьячков-Тарасов А. Н.* Сентинский храм и его фрески // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5; *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 134, 135.
- ²¹³ Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Тексты, перев., коммент., введение и прил. Л. И. Лаврова. М., 1966. Ч. 1. X—XVII вв.; *Исламмагомедов А.* Поселения аварцев в XIX—XX вв. // Учен. зап. ИИЛЛ. Сер. ист. Махачкала, 1964. Т. 12. С. 159—160; *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 216; *Котович В. М.* Замок в горах // Советский Дагестан, 1970. № 5. С. 74—76; *Атаев Д. М.* Арасское городище — памятник ранне-средневекового Дагестана. Махачкала. 1960. С. 11—16.
- ²¹⁴ *Кузнецов В. А.* Средневековые долменообразные склепы верхнего Прикубанья // КСИА. 1961. Вып. 85. С. 106—117.
- ²¹⁵ *Башкиров А. С.* Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш // Тр. секции археологии и искусствоведения. М., 1928. Вып. 2.
- ²¹⁶ *Дебилов П. М.* Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966.
- ²¹⁷ *Орбели И. А.* Албанские рельефы... // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.

- 218 История Дагестана. М., 1964. Т. 1. С. 221.
- 219 *Пластнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 5—72; *Алексеева Е. П.* Раннесредневековые адыгские памятники..., с. 173—175; *Дюпюи В. В.* Указ. соч. С. 39—49; *Кузнецов В. А.* Аланские племена... С. 60, 61, 83, 84, 111—114; *Чеченов И. М.* Раскопки городища Нижний Джулат... С. 212—218.
- 220 *Пластнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. С. 5—72; *Алексеева Е. П.* Раннесредневековые адыгские памятники... С. 173—175; *Кузнецов В. А.* Аланские племена... С. 60—61, 81—84, 111—114; *Чеченов И. М.* Раскопки городища Нижний Джулат... С. 212—218.
- 221 История Дагестана. Т. 1. С. 224, 225.
- 222 *Кузнецов В. А.* Аланские племена..., с. 62, 74, 75; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаев-Черкесии... С. 101, 102.
- 223 *Минаева Т. М.* Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965. С. 80—83; *Пластнева С. А.* Половецкие каменные изваяния. М., 1960. С. 25, 101—104.
- 224 Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 12.
- 225 Подробно о христианстве на Северо-Западном Кавказе см.: *Лавров Л. И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. М., 1959. Т. 51. С. 225.
- 226 Архив Ин-та археологии АН СССР. Р-1. Д. 1052. Рис. 21; Д. 1418. Рис. 19—20.
- 227 *Кузнецов В. А.* Северный Зеленчукский храм X в.
- 228 *Ложкин М. Н.* Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае // СА. 1973. № 4. С. 270—276.
- 229 *Гамбашидзе Г. Г.* Из раскопок Тхаба-Ерды // Декоративное искусство СССР. 1970. № 7. С. 50.
- 230 *Семенов Л. П.* К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа // МИА СССР. 1951. № 23. С. 302—306.
- 231 *Долидзе В. О.* Хозита-Майрам — документ культурных связей Грузии с народами Северного Кавказа // Сборник АН ГССР. Тбилиси, 1954. Т. 4, № 2. С. 119—126; *Он же.* Архитектурный памятник — документ культурных взаимоотношений Грузии с Двалетп // Сообщения АН СССР. 1958. Т. 21. № 6. С. 767—773.
- 232 *Шмерлинг Р. О.* Церковь в селении Датун в Дагестане // Мацне. Тбилиси. 1968. № 2. С. 211—218.
- 233 *Агаев Д. М.* Указ. соч. 1963. С. 196—214.
- 234 *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане (XII—XV вв.). Махачкала, 1969.
- 235 *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв. М., 1966. Ч. 1. С. 60; *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 186—189.
- 236 *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 206.
- 237 *Ибн-Русте.* Ал-а'лак ан-нафиси. Лейден, 1891. С. 148. На арм. яз.
- 238 ЗООИДР. Одесса, 1898. Т. 21. Отд. 2. Гл. 24. С. 11.
- 239 Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана...; Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С. 12.
- 240 *Пластнева С. А.* Печенеги, турки, половцы // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 205—207.
- 241 Арабское население на юге Дагестана было еще в XII в. См.: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 223—224.
- 242 Часть населения юга Дагестана, как и Ширвана, говорила на персидских наречиях (например, предки татов).
- 243 *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда... С. 64—79.
- 244 *Саидов М. С.* Творчество дербентского ученого XI в. Абу Бакра Мухаммеда б. Муса б. ал-Фарадж ад-Дербенди // Рукописный фонд ИИЯЛ Даг. АССР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94.
- 245 *Гудава Г. Е.* Две надписи (грузинская и грузино-аварская) из Дагестана // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1954. Вып. 30. С. 185—193.
- 246 *Гамбашидзе Г. Г.* Древнегрузинские церковные книги из Ингушетии // Тез. докл. V Крушевских чтений по археологии Северного Кавказа. С. 115.
- 247 *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963. С. 59, 60; *Гамбашидзе Г. Г.* Указ. соч.
- 248 *Гаргани А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 242.
- 249 *Миллер В. Ф.* Древнеосетинский памятник из Кубанской области // МАК. М., 1893. Вып. 3. С. 110—118.
- 250 *Скржинская Е. Ч.* Материалы по археологии Юго-Западного Крыма. М.; Л., 1953. С. 490.
- 251 *Вертье-Делагард А. Л.* Заметки о Тмутараканском камне // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. Вып. 55. С. 45.
- 252 *Кузнецов В. А., Медынцева А. А.* Славяно-русская надпись XI в. из с. Преградного на Северном Кавказе // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 11—17.

ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ. СОПРОТИВЛЕНИЕ МЕСТНЫХ НАРОДОВ ЗАВОЕВАТЕЛЯМ (XIII—XIV ВВ.)

1. Первый поход татаро-монголов в Восточную Европу и разгром аланов и половцев

В начале XIII в. в Центральной Азии произошли события, сыгравшие огромную роль в истории народов Азии и Европы, наложившие отпечаток на судьбы многих стран и областей — образовалось Монгольское государство, превратившееся вскоре в огромную империю.

Вместе с татаро-монгольскими завоеваниями, обрушившимися на народы Дальнего Востока, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Восточной Европы, началась одна из самых трагических страниц в исторических судьбах этих народов. Завоевания и господство сопровождались убийством десятков тысяч мирных жителей, систематическими грабежами, разорением цветущих городов и деревень, массовым угоном населения в рабство. Многочисленная, хорошо обученная, дисциплинированная армия татаро-монголов неслась вперед, не признавая никаких преград, оставляя за собой развалины цветущих городов, пришедшие в запустение поля и разрушенные оросительные системы. К. Маркс писал: «Между тем орды совершают варварства в *Хорасане*, *Бухаре*, *Самарканде*, *Балхе* и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»¹.

Татаро-монгольское иго наложило тяжелый отпечаток на экономическое развитие многих стран, пагубным образом отразилось на социальном развитии общества, надолго затормозило или отбросило назад прогрессивный ход общественного развития стран, нарушило веками сложившееся, исторически оправданное соотношение различных видов хозяйственной деятельности, земледелия и кочевого хозяйства.

Некоторые зарубежные историки пытались пересмотреть сложившиеся оценки монгольских завоеваний. Деятельность Чингисхана и его наследников, вся история завоевательных войн Монгольского государства рассматривались ими как прогрессивное явление, как благо для населения стран, оказавшихся под татаро-монгольским игом. Советские и монгольские историки на конкретном историческом материале еще раз показали несостоятельность, антинаучность подобного рода утверждений².

Изучение истории народов нашей страны, в частности народов Северного Кавказа в период татаро-монгольских завоеваний, свидетельствует об исключительно отрицательной роли этих завоеваний в судьбах народов. Источники неопровержимо показывают, что этот трагический период в истории народов Азии и Европы являлся вместе с тем периодом героической борьбы народов за свою независимость. Эта упорная, часто стихийная, неорганизованная, но никогда не прекращавшаяся многовековая борьба сыграла прогрессивную и в конечном счете решающую роль для дальнейшего развития производительных сил и освобождения завоеванных татаро-монголами территорий.

Начальным этапом завоевания татаро-монголами стран Западной Азии и Восточной Европы был поход в Среднюю Азию³. Поход начался в 1219 г. и был направлен против государства хорезмшахов, в состав которого входила большая часть Средней Азии, нынешний Афганистан, почти весь Иран. Несмотря на героическое сопротивление местного населения, монгольские войска захватывали один город за другим. Отрар, Сыгнак, Узгенд, Бухара, Самарканд, Ходжент, Хорезм и другие города подверглись основательному разрушению. В течение трех лет Средняя Азия и Восточный Иран оказались в руках завоевателей.

Основной причиной успехов Чингисхана было то, что «монголы, у которых классовые противоречия были еще слабо выявлены (и... на время приглушены в ходе завоевательных войн), сравнительно легко могли разбить войска своих соседей — развитых феодально-раздробленных государств, раздираемых внутренними противоречиями. Сопротивление завоевателям на местах очень часто было героическим, но оно было пассивным, разрозненным, не объединенным единым командованием и общим военным планом»⁴. Империя Чингисхана объединяла военные силы многих кочевых племен Центральной Азии, а местные правители и феодальная знать Северного Кавказа и Средней Азии не сумели объединиться перед лицом внешней опасности, организовать сопротивление, возглавить героическую борьбу народных масс, городских низов и сельского населения. Более того, феодальная знать нередко оставляла рядовых защитников на произвол судьбы.

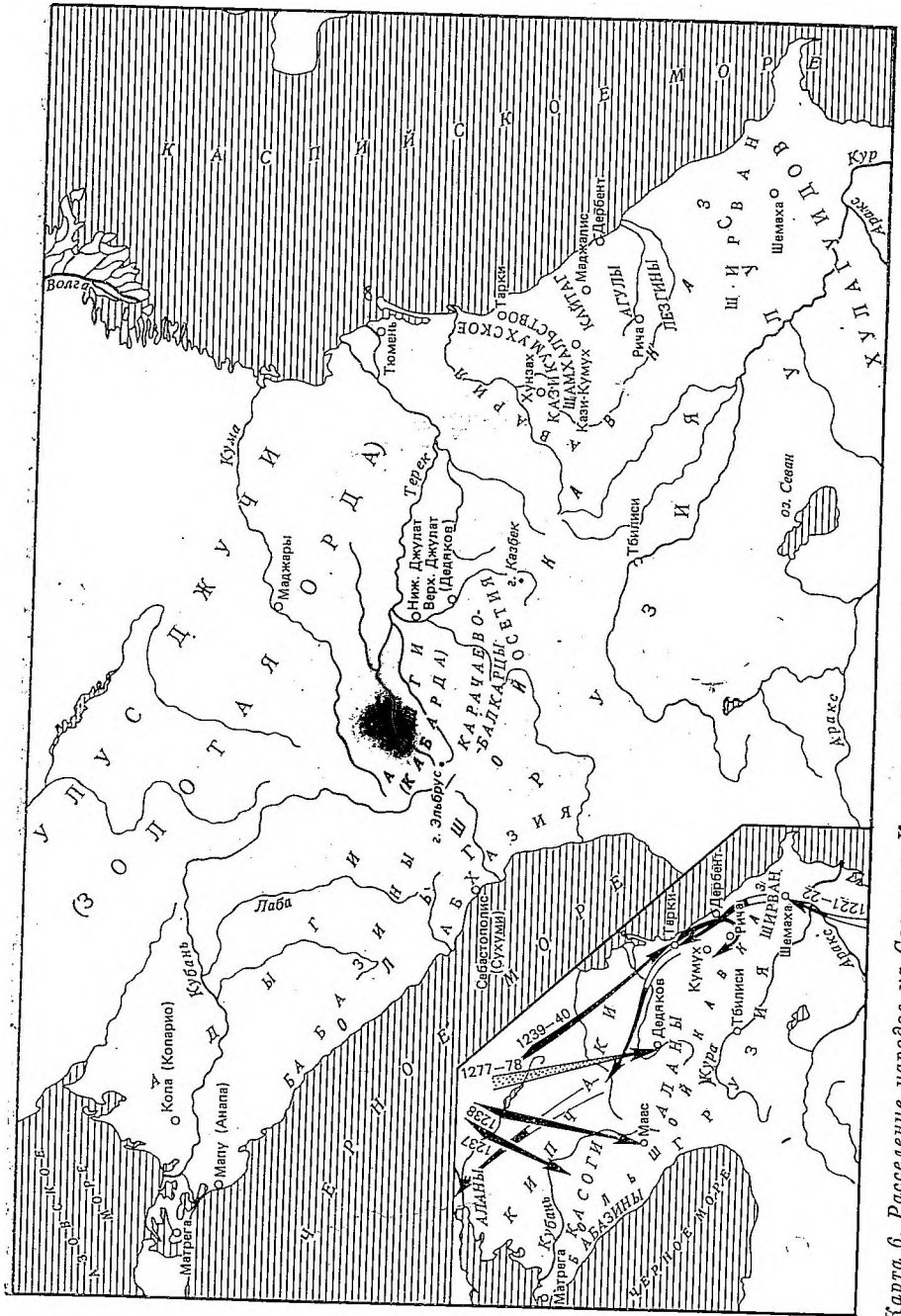
Хорезмшах Мухаммед не сумел оказать серьезного сопротивления завоевателям, бежал со своим сыном Джалал Ад-Дином в Иран. Для преследования хорезмшаха Чингисхан отрядил 20-тысячное войско во главе с лучшими полководцами — Джэбэ и Субэдэем. Помимо преследования хорезмшаха, в задачу Джэбэ и Субэдэя входил и сбор разведывательных сведений о странах, лежащих по побережью Каспийского моря⁵. Хорезмшах Мухаммед, преследуемый монголами, скрылся на одном из островов Каспийского моря, где и скончался в 1221 г., назначив своим преемником старшего сына Джалал Ад-Дина⁶.

После опустошения западных областей государства хорезмшахов монгольский корпус под командованием Джэбэ и Субэдэя прошел огнем и мечом почти весь Северный Иран, затем, в 1220 г., вторгся в Закавказье, в частности в Муган, Арран, Агванию.

Города Азербайджана (Ардебиль, Байлакан, Гянджу и др.) татаро-монголы предали грабежу и разрушениям⁷. Население городов, оказывавшее сопротивление завоевателям, беспощадно истреблялось, а оставшихся в живых обращали в рабство. Армянский историк Киракос Гандзакец, очевидец большинства этих событий, описывает печальную картину: «Страна вся была полна трупами умерших, и не было людей, чтоб похоронить их. Иссякли слезы на глазах любящих, в страхе перед нечестивцами никто не осмеливался оплакивать павших... Как будто мраком был объят весь свет, и полюбили люди ночь тьмы дня ... Разграблены были имущество и богатство, но жадность их (татар) к вещам не была утолена. Они рыскали по всем домам и покоям, но там ничего не осталось... И на такую горькую долю обрекли они многие народы и племена»⁸.

Из Карабаха татаро-монголы двинулись в Грузию. Опустошив часть Грузии, они направились в Ширван и осадили Шемаху, которая была взята завоевателями приступом после героической обороны горожан⁹.

Грузинский царь Георгий IV Лапа (1213—1222 гг.) вместе с полководцем Иванэ выступил против завоевателей, но был разбит¹⁰. Георг-

Карта в. Расселение народов на Северном Кавказе в XIII—XIV вв.
 На врезке: а. Поводы татаро-монголов в XIII в.

гний вскоре умер от ран. Монгольские же войска повернули на северо-восток, чтобы через Ширван выйти к Дербенту. Об их дальнейшем движении подробно рассказывают арабский историк Ибн Ал-Асир (1166—1238 гг.) и персидский историк Рашид Ад-Дин (1247—1318) (карта 6).

Рашид Ад-Дин сообщает о действиях монгольских войск в районе Дербента: «Так как пройти через Дербент было невозможно», то монголы решили пойти на хитрость — они обратились к ширваншаху с предложением заключить мир и послать для этого десять человек из представителей местной знати. Ширваншах согласился с этим и послал их в монгольский лагерь. Однако «(одного) из них (монголы) убили, а другим сказали: „Если вы покажете нам путь через Дербент, мы вас пощадим, в противном случае мы вас тоже убьем“». Они из страха за свою жизнь указали путь, и те прошли»¹¹.

В тексте Рашид Ад-Дина не указано прямо, что жители Дербента оказали сопротивление монгольским отрядам. Автор употребил не совсем ясное выражение («так как пройти через Дербент было невозможно»). Сравнение с данными других авторов дает основание говорить о том, что жители Дербента не пустили войска завоевателей в город. Да и Киракос Гандзакец пишет о том, что «мусульманское войско, находившееся там, не пропустило их». В «Летописи» Себастиана эта мысль отчетливо выражена: «А войска турок, которые были в Дербенте, не пропустили их»¹². Тогда монгольские войска избрали путь в обход Дербента. Они «перевалили через Кавказские горы по неприступным местам, заваливая пропасти деревьями и камнями, имуществом своим, лошадьми и военным снаряжением ...»¹³.

Единственной дорогой, по которой монголы могли выйти на Северный Кавказ, была дорога через внутренний Дагестан по труднопроходимым горам. Здесь можно было бы допустить, что завоеватели, обойдя Дербент, могли выйти на прибрежную часть Дагестана, но источники дают основание предположить, что татаро-монголы прошли именно через внутренний Дагестан: «Пройдя Дербент Ширвана, татары вступили в области, в которых много народностей: аланов, лакзов и несколько тюркских племен (таифа), ограбили и убили много лакзов-мусульман и неверующих и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей тех стран и дошли до аланов, состоящих из многих народностей»¹⁴. Татаро-монголы встретили упорное сопротивление со стороны горцев Северного Кавказа. Следует отметить, что под лакзами Ибн Ал-Асир имеет в виду жителей не только Южного Дагестана (как это делали более ранние арабские авторы), а всех жителей горных районов Дагестана, независимо от их этнической принадлежности.

Следуя дальше на север, татаро-монголы «прибыли к аланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них»¹⁵. В союзе с аланами выступили и кыпчаки (половцы русских летописей). Предводители монгольских войск Джэбэ и Субадэй решили расколоть союз алан и кыпчаков (кипчаков), подкупив последних. С этой целью татаро-монголы обратились к кыпчакам: «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие; мы заключаем с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, (только) представьте их (аланов) нам»¹⁶.

Хитрость удалась. Кыпчаки оставили алан один на один с монгольскими войсками, и монголы легко справились с аланами¹⁷, а затем набросились и на кыпчаков, которые, «чувствуя себя в безопасности в силу заключенного между ними и (татарами) мира, разошлись»¹⁸. Застигнутые врасплох, кыпчаки бежали без боя, часть из них рассеялась, часть

ушла за Днепр, «большинство же их, собравшись, направились к Дербенту Ширвана»¹⁹. Преследуя кыпчаков, татаро-монголы овладели городом Судак на Крымском полуострове²⁰. Кыпчаки, ушедшие на запад, обратились к русским князьям с просьбой оказать им помощь в борьбе с татаро-монголами. Весной 1223 г. русские князья и кыпчаки совместно выступили против завоевателей. Следует отметить, что между русскими князьями не было согласия, что и предопределило исход сражения. Русские полки, увлекшись погоней за отступающими монголами, растянулись по половецкой степи и потеряли связь друг с другом. И, воспользовавшись этим, войско татаро-монголов внезапно ударило по русским и «прежде, чем они собрались вместе, успело перебить (множество) народу ... в конце концов кыпчаки и урусы обратились в бегство»²¹. Это сражение состоялось 31 мая 1223 г. у р. Калка. По словам русского летописца, битва при Калке закончилась полным разгромом русских дружин, ослабленных княжескими раздорами. Было убито шесть князей, только киевлян погибло 10 тыс. воинов. Новгородская летопись писала: «И погыба множество бесчисла люди; и бысть вопль и плач и печаль по градом по всем, и по селом»²². Преследуя отступающие русские войска, татаро-монголы опустошили и разграбили южные области Руси. Но завоеватели не рискнули углубиться в пределы Руси, они повернули назад в кыпчакскую степь, затем направились к волжским булгарам. Однако у города Булгар татаро-монголы были разбиты, «и лишь немногие спаслись»²³ и вернулись в Монголию.

С первым походом татаро-монголов связаны также и события, разыгравшиеся на Кавказе в связи с проникновением сюда кыпчаков после разгрома их монголами на Северном Кавказе. Когда кыпчаки подошли к Дербенту и увидели, что силой взять его невозможно, они задумали хитростью и обманом проникнуть в город и захватить его. С этой целью вначале они обратились к владельцу Дербента с просьбой предоставить им убежище. Владелец Дербента Рашид отказался удовлетворить их просьбу, но все же кыпчакам удалось обманом проникнуть в город и завладеть им. Рашид же вынужден был бежать в Ширван. Из Дербента кыпчаки направились в Закавказье и по пути опустошили Ширван, Арран и Грузию. Одних пленников они обрабали в рабство и продавали, а других беспощадно уничтожали²⁴. «Однако мусульмане, курджи, лакзы и другие почувствовали смелость по отношению к ним, уничтожили их, убили, грабили и захватили в плен, так что кыпчакский раб (мамлюк) продавался в Дербент-Ширване по (самой) низкой цене»²⁵. Таким образом, бесчинства и жестокость кыпчаков в Южном Дагестане и Закавказье привели к тому, что против них совместно поднялись народы Кавказа. По словам Ибн Ал-Асира, после поражения кыпчаки «перешли в страну лакзов». Это сообщение позволяет предположить, что кыпчаки вступили в пределы внутреннего Дагестана. Кыпчаки могли бы пройти обратно и через Дербент по равнинному Дагестану, но источники позволяют говорить, что владелец Дербента Рашид, бежавший в Ширван после захвата города кыпчаками, с уходом последних в Закавказье вернулся в Дербент, перебил оставшихся в городе кыпчаков и укрепился в городе.

В это время на Кавказе появился преследуемый татаро-монголами хорезмшах Джалал Ад-Дин, который намеревался утвердиться здесь для ведения борьбы с захватчиками. Однако организовать эффективную борьбу ему не удалось. Будучи храбрым полководцем, Джалал Ад-Дин оказался недалеким политиком. В своей борьбе с татаро-монголами он искал поддержки народных масс. Вместо создания антимонгольской коа-

лиции он затеял войны с Грузией, Арменией, сельджуками и Багдадским халифатом²⁶.

Армянские и грузинские князья с оружием в руках выступили против Джалал Ад-Дина, нанесли ему серьезное поражение и в 1226 г. освободили Тбилиси и Двин²⁷.

Джалал Ад-Дин решил укрепиться в районе Дербента. С этой целью он пытался захватить Дербентский проход с помощью дружественных ему кыпчаков. По его просьбе в 1227 г. к Дербенту явились 50 тыс. кыпчаков, которые обещали хорезмшаху «взять Дербентский проход». Во главе Дербента тогда стоял малолетний наследник престола, а фактически же городом управлял его атабек Ал-Асад, который вынужден был явиться для переговоров в лагерь Джалал Ад-Дина²⁸, где получил подарки и согласился сдать город, но когда правитель Дербента возвращался в город, всадники Джалал Ад-Дина, сопровождавшие Ал-Асада, заковали последнего в цепи и «стали разорять поселения Дербента вне его стены. Последствия уничтожений и разрушения были таковы, что, казалось, здесь вчера не было ничего»²⁹. Ал-Асаду все же удалось хитростью освободиться и возвратиться в Дербент. Подобные действия войск Джалал Ад-Дина вызвали ненависть жителей Дербента и близлежащих населенных пунктов к завоевателям. В свою очередь, и кыпчаки, которые расположились с северной стороны Дербента, также пытались проникнуть в город и одновременно разоряли окрестности города. «Дело с Дербентом из-за их скверного поступка запуталось, и на его взятие не осталось надежды»³⁰. Завоевательная политика Джалал Ад-Дина вызвала сопротивление народов Кавказа, которые не раз поднимались против него. Рашид Ад-Дин среди народов Кавказа, восставших против Джалал Ад-Дина, называет сариров и лезгинов³¹, что указывает на участие горцев Дагестана в борьбе с последним. Все это создавало благоприятные условия для покорения Кавказа татаро-монголами, которые к этому времени вновь появились с юга на Кавказе и в 1231 г. нанесли Джалал Ад-Дину сокрушительный удар.

Первый поход татаро-монгольских войск имел разведывательный характер и не привел к установлению господства на Северном Кавказе. Такой крупный город, как Дербент, также сохранил свою независимость вплоть до 1239 г.³² Именно в Дербенте в 1222 г. нашли убежище кыпчаки после поражения, нанесенного им татаро-монголами на Северном Кавказе.

2. Второй поход татаро-монголов

К планомерному завоеванию Северного Кавказа татаро-монголы приступили одновременно с завоеванием русских земель. Когда главные их силы во главе с ханом Бату выступили в поход на Русь, часть войск была послана на Северо-Западный Кавказ. В персидской летописи Рашид Ад-Дина говорится, что осенью 1237 г. монгольские царевичи «Менгу-каан и Кадан пошли походом на черкесов и убили государя тамошнего по имени Тукара»³³. Этот поход не был заурядным набегом, так как он длился несколько месяцев, а во главе его стояли крупные военачальники, двоюродные братья хана Бату. Остаются неизвестными результаты этого похода, но упоминание Рашид Ад-Дином гибели адыгского (черкесского) государя может означать поражение адыгов.

Непосредственно после этих событий татаро-монголы временно приостановили свои действия на Северном Кавказе и занялись завоеванием

Крыма³⁴. Не исключено, что поход в Адыгею обеспечил татаро-монголам вторжение в Крым через Керченский пролив.

Лишь осенью 1238 г. возобновились военные действия на Кавказе. На этот раз татаро-монголы нанесли удар по аланам, обитавшим в центральной части Северного Кавказа. Захватчиков должны были привлекать занятые аланами подступы к оживленным перевальным дорогам в Закавказье (нынешние Военно-Сухумская, Военно-Осетинская и Военно-Грузинская дороги). Кроме того, у татаро-монголов были старые счеты с аланами, выступавшими против них еще в 1221—1222 гг.

Новый поход на северокавказских алан длился до сентября 1239 г., т. е. более десяти месяцев. Значение, которое Бату придавал этому походу, видно из того, что во главе его снова были поставлены крупнейшие деятели из окружения Бату (его двоюродные братья Менгу-каан, Гуюкхан и Кадан, а также сын другого двоюродного брата — Бури) и что войска имели в своем распоряжении тяжелые метательные машины.

Самым крупным событием в этом походе была зимняя, полуторамесячная осада аланской столицы, города М-к-с³⁵ (варианты: М-с, М-н-к-с, Мегет, Ме-цио-сы). Мнения о его местонахождении расходятся. Руинами его могут быть городище Нижний Архыз в Карачае или городище Алхан-кала в Чечне. Жители М-к-са, рассказывает персидская хроника Джувейни, «по многочисленности своей были [точно] муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесами до того густыми, что [в них] нельзя было проползти змее. Царевичи сообща окружили [город] с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что [по ней] могли проехать рядом три-четыре повозки, а потом против стен его выставили метательные орудия. Через несколько дней (после завершения осадных работ? — Авт.) они оставили от этого города только имя его и нашли [там] много добычи. Они отдали приказание отрезать [убитым] людям правое ухо. Сосчитано было 27 000 ушей»³⁶. В китайской хронике об осаде Ме-цио-сы (т. е. М-к-с) говорится: «Город, благодаря своей неприступности, долго не сдавался... Си-ли-ц Янь-бу с 11 готовыми умереть храбрецами взобрался по осадным лестницам; вперед же поставили 11 пленников. Они громко закричали: „Город пал!“ За ними полезли, как муравьи, один за другим все остальные воины, и город взяли»³⁷.

В монгольских источниках приводится донесение верховному хану Угедю, посланное от Бату после произведенных им завоеваний в Восточной Европе: «Силою Вечного Неба и величием государя и дяди (т. е. Угедея. — Авт.) мы разрушили город Мегет и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов»³⁸. Таким образом, разорение М-к-са, по мнению Бату, было одним из самых значительных его достижений в Восточной Европе.

Длительная осада аланского города свидетельствует об упорном сопротивлении его жителей. Так как после взятия и разрушения его татаро-монголы оставались в тех местах еще не менее полугода, то возможно, что весной и летом 1239 г. они продолжали военные действия против других очагов сопротивления на Центральном Кавказе.

Еще в разгар аланской кампании Бату отправил другие войска на завоевание Дагестана, что должно было не только обеспечить тыл улуса Джучи с этой стороны, но и создать плацдарм для вторжения его войск в Закавказье через Дербентский проход. Рашид Ад-Дин рассказывает, что весной 1239 г. «назначив войско для похода, они (татаро-монголы. — Авт.) поручили его Букдаю и послали его к Тимур-Кахалка (Дербенту. — Авт.) с тем, чтобы он занял и область Авир»³⁹. Под Авиром имелась в

виду область Авария. В сочинении Рубрука упоминается, что, заняв Дербент, «татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравняв башни со стенами»⁴⁰.

Весна, лето и начало осени 1239 г. ушли у монголов на покорение Аварии, приморской части Дагестана, в том числе городов Тарки и Дербент, лезгинской области Кюра и почти всего Агула. Эпиграфические памятники в агульском селении Рича сообщают о том, что 20 октября 1239 г. татаро-монголы осадили это селение, но ричинцы оборонялись около месяца, после чего, в середине ноября, татаро-монголы захватили Ричу и подвергли ее и ее окрестности сильному разорению. В числе разрушенных построек надписи упоминают крепость и соборную мечеть⁴¹.

Падение Ричи открыло татаро-монголам дорогу во владение Газикумух. Местная хроника рассказывает, что татары (в тексте они названы «тюрьками») во главе с неким Кавсар-шахом напали на Кумух с востока, а союзное им войско Сартана, правителя Аварии, — с запада. Это случилось 1 или 2 апреля 1240 г. Кумухцы «сражались с великим мужеством». Особенно отличились 70 юношей, которые укрылись в замке⁴² и «обязали себя клятвой сражаться и пожертвовать своим имуществом, жизнью и телами». После того как «эти юноши исполнили свой долг», т. е. погибли, татары опустошили Кумух⁴³.

Четыре года понадобилось татаро-монголам для завоевания ключевых позиций в горной полосе Северного Кавказа. Хронологически это совпало с первым и вторым нашествиями их на Русь. Горный рельеф и, особенно, упорное сопротивление горцев вынуждали завоевателей прибегать к длительным осадам населенных пунктов и замедлять темпы своего продвижения. Нашествие сопровождалось разорением городов и селений, а также массовым истреблением жителей. Совместное нападение татаро-монгольского и аварского войск на Кумух показывает, что татаро-монголы пользовались межфеодальными и межнациональными противоречиями для достижения своих целей. Однако нашествие 1237—1240 гг. не привело к повсеместной покорности населения Северного Кавказа. Татаро-монголы проникли не во все горные ущелья, а жители разоренных районов после ухода захватчиков возвращались на свои пещелища, восстанавливали разрушенные постройки и, возведя оборонительные укрепления у своих селений (как было в Риче), готовились к сопротивлению в том случае, если враг снова вторгнется в их пределы⁴⁴.

В середине XIII в. Плано Карпини отмечал, что в числе земель и народов, которые побеждены татаро-монголами, были «комуки», «аланы или ас», тарки и «чиркасы». Однако он же писал, что среди «земель, оказавших им (татаро-монголам.— Авт.) мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им», была часть Алании, причем некую гору в Алании татаро-монголы осаждали уже 12 лет, и за это время аланы «оказали им мужественное сопротивление и убили многих татар и притом вельмож»⁴⁵. Рубрук сообщал, что в его время (1253—1255 гг.) татаро-монголам не удалось еще завершить покорение адыгов («зикая», «черкисы»), алан и дагестанцев («лесгия») ⁴⁶. В 1277—1278 гг. хан Менгитимур совершил большой поход против аланского города Дедякова (который археологи локализуют у сел. Эльхотово). По приказу Менгитимура в этом походе участвовали и русские отряды. После осады «славный град яский Дадаков» (Дедяков) пал 8 февраля 1278 г. и татаро-монголы, как сообщает русский летописец, «полон и богатства много взяша, а иных смерти предаша, а град их сжгоша»⁴⁷.

Таким образом, борьба народов Северного Кавказа против татаро-монголов продолжалась и после 1239—1240 гг.

3. Этнические процессы на Северном Кавказе в период татаро-монгольского ига

Татаро-монгольское нашествие в первой половине XIII в. в корне перекроило этническую карту Северного Кавказа и существенно отразилось на процессе этногенеза многих народов региона. Русская летопись под 1223 г. сообщает о погромах, произведенных татаро-монголами: «И мы слышахом яко многы страны поплениша. Ясы, Обезы, Касоги и Половець безбожных множество избиша и инех загнаша и тако измроша убиваемы...»⁴⁸.

Такие события приводили к значительным перемещениям и смешениям различных этнических групп Северо-Кавказского края, так как не уничтоженные и не покоренные при первых татаро-монгольских походах племена вынуждены были уходить в безопасные места. Арабский автор Ибн Ал-Асир писал, что татаро-монголы, пройдя мечом и огнем Азербайджан и Дагестан, «направились в земли кыпчаков, одного из самых многочисленных племен тюркских, и избили всех тех, которые сопротивлялись им; остальные бежали в болота и на вершины гор, покинув землю свою, и ею овладели татары»⁴⁹. И далее этот же автор вновь повторяет, что из числа разгромленных кыпчаков «одни укрылись в болотах, другие — в горах, а иные ушли в страну русских»⁵⁰.

Предполагается, что высокими горами, куда бежали кыпчаки, могли быть Кавказские горы. Подобные сведения письменных источников в синтезе с данными лингвистики, археологии и этнографии дают определенные основания полагать, что та часть кыпчаков, которая под натиском татаро-монголов ушла в XIII в. в горы Центрального Кавказа, явилась одним из главных компонентов в процессе сложения карачаевского и балкарского народов⁵¹. Однако при этом необходимо иметь в виду, что еще до нашествия татаро-монголов кыпчаками в течение почти двухсотлетнего пребывания на Северном Кавказе были ассимилированы остатки болгар и других родственных им по языку тюркоязычных племен огузской группы. Помимо того, ко времени появления кыпчаков в горной зоне Центрального Кавказа здесь проживали местные автохтонные племена — носители кавказской речи и ираноязычные аланы⁵². По всей вероятности, численность ираноязычного населения в горах, принявших участие в этногенезе карачаевцев и балкарцев, увеличилась также за счет дополнительного притока алан, бежавших в эти же районы вместе с кыпчаками после татаро-монгольских погромов. И, наконец, определенный отпечаток на процесс этногенеза карачаево-балкарцев наложили тесные контакты и взаимовлияния с соседними кавказскими народами в последующие периоды на протяжении всего позднего средневековья.

Что касается болот, куда, по сообщению Ибн Ал-Асира, отступала под натиском татаро-монголов другая часть кыпчаков, то некоторые исследователи склонны отождествлять эти места с заболоченными пространствами в низовьях р. Терек в Дагестане⁵³. В этой связи следует напомнить, что еще в предмонгольское время здесь проживало значительное количество кыпчаков⁵⁴. С приходом половцев древнее тюркоязычное ядро, сложившееся еще в хазарский период в результате ассимиляции автохтонных дагестанских племен булгарами, савирами и другими тюрками, превратилось в тюркоязычную зону⁵⁵.

Сложнейшие этнические процессы, связанные с происхождением карачаевцев, балкарцев и кумыков, нашли отражение в особенностях языка, антропологического типа, материальной и духовной культуры этих народов. Карачаево-балкарский и кумыкский языки относятся к кып-

чакской группе, точнее к кыпчако-огузской подгруппе тюркской семьи языков⁵⁶. Вместе с тем в языке карачаевцев и балкарцев отмечены существенные элементы иранского (аланского или осетинского) и исконно кавказских (например, сванского) языков, а у кумыков — языков коренных народов Дагестана — аварцев, лакцев, лезгин и т. д.⁵⁷ Антропологически все три рассматриваемых народа, наряду с остальными народами Центрального и Северо-Западного Кавказа, представляют кавкасионский тип, или вариант, европеоидной расы⁵⁸. Но при этом у кумыков явно прослеживаются примеси каспийского антропологического типа⁵⁹. И, наконец, традиционная материальная и духовная культура карачаевцев, балкарцев и кумыков мало чем отличается от культуры соседних автохтонных народов Кавказа, хотя при более детальном изучении в ней прослеживаются следы тюркской или кочевнической культуры (особенно кыпчакской)⁶⁰.

Трагическими оказались последствия татаро-монгольских погромов и для других народов Северного Кавказа — алан, адыгов, вайнахов, дагестанцев. По данным письменных и археологических источников, были уничтожены сотни поселений края. Обширные, густо заселенные районы предгорно-плоскостной части края, где интенсивно развивались различные ремесла, земледелие, скотоводческое хозяйство, были почти полностью опустошены и превращены завоевателями в поросшие травами кочевья.

В результате неоднократных погромов Алания как политическая единица перестала существовать⁶¹. Одна часть многочисленного аланского населения была уничтожена, другая — вовлечена в губительные завоевательные походы татаро-монголов или выселена в отдаленные районы Монгольской империи, третья часть — загнана в горы Центрального Кавказа, где в процессе дальнейшего смешения их с другим, ранее проживавшим здесь аланским населением, а также с автохтонными племенами — потомками создателей кобанской культуры — завершилось формирование осетинского народа⁶². Определенную роль в происхождении этого народа сыграли и тюркоязычные племена. Смешанный характер процесса этногенеза осетин нашел отражение в том, что их язык относится к северо-иранской группе индоевропейской семьи, но в нем довольно четко выявляются значительные слои кавказских и тюркских языков⁶³. Антропологически осетины также принадлежат к кавкасионскому типу⁶⁴. А в их материальной и духовной культуре хотя и прослеживаются определенные следы сармато-аланской культуры, но в целом явно доминируют признаки, характерные для других горских народов центральной части региона⁶⁵.

В результате массового бегства алан от татаро-монгольских погромов в горных районах Центрального Кавказа сосредоточился значительный контингент избыточного населения, которое оказалось в крайне тяжелом экономическом положении, связанном главным образом с малоземельем. Единственный выход был найден в миграции части алан на южные склоны Главного Кавказского хребта, на территорию современной Юго-Осетии⁶⁶.

Об одном из эпизодов переселения алано-овсов в Грузию «Картлис Цховрѣба» рассказывает: «Тем временем от (монгольского) каана Берке, прошедшего (в Осетию), спаслась бегством удивительная женщина по имени Лимачей, а с ней маленькие дети ... Пареджан и Бакатар и множество князей». Они предстали перед царем Давидом, который их принял с честью и поселил одних в Тбилиси, других — в Дманиси, а третьих — в Жинвали⁶⁷.

Татаро-монгольское нашествие не только затормозило процесс закономерного социально-экономического и культурного развития населения Северного Кавказа, но и приводило в той или иной сфере к регрессу. Если карачаево-балкарцы, алапо-осетины, вайнахи и другие народы края, надолго изолированные в горах, были обречены на тяжелую борьбу за свое существование, то по-иному сложилась судьба многих адыгских племен Прикубанья, проживавших к северо-западу от р. Лабы вплоть до Причерноморья.

Татаро-монгольское нашествие привело к качественным изменениям в экономике, культуре и быте значительной части предгорно-плоскостных районов Северо-Западного Кавказа. Сущность этих изменений заключалась в том, что многие адыги, для которых издревле было характерно прочное оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство, перешли к полукочевому образу жизни. Основу их экономики составило экстенсивное скотоводство, которое требовало обширных пастбищных угодий. В этой связи и началось продвижение определенных групп адыгов на север от р. Кубани, в восточное Приазовье, а также на юго-восток, в бассейн р. Терек, где к концу XIII—XIV в. они расселились на значительной территории предгорно-плоскостных районов Центрального Кавказа, высвободившихся от алан⁶⁸. Тем самым было положено начало обособлению части адыгов в самостоятельную народность — кабардинцев.

Одним из аргументов для обоснования правомерности расселения кабардинцев в указанное время могут служить сведения «Повести о Михаиле Тверском», написанной в 1319 г. Автор «Повести...», который был очевидцем убийства князя Михаила в ставке золотоордынского хана Узбека в 1318 г., сообщает, что это трагическое событие произошло «за рекою Терком, на реце на Севенци, под городом Тютяковым, минувши горы высокия Яссия, Черкесския, близ врат Железных»⁶⁹. Город Дедяково «отождествляется с Верхним Джулатом (Татартупом) в Северной Осетии»⁷⁰. Предполагается, что если ближайшие к городу Дедяково горы были известны в начале XIV в. как «Черкесския», то начало переселения кабардинцев в данный район предшествовало этому времени⁷¹.

Однако до конца XIV — начала XV в. численность кабардинцев, расселившихся на Центральном Кавказе, была относительно невелика. Расселению больших групп адыгского этноса в XIII—XIV вв. к востоку от Прикубанья препятствовало то обстоятельство, что плоскостная часть края, включая и правобережье Терека с Малкой, а также район Пятигорья, была занята в тот период татаро-монголами и подвластными им многочисленными кыпчакскими племенами, составлявшими основную массу населения Золотой Орды. Об этом свидетельствуют как данные археологии, так и письменные источники (русские летописи, В. Рубрук, П. Карпини, Ибн Батута, Рашид Ад-Дин)⁷². Массовое продвижение адыгов-кабардинцев на восток вплоть до р. Сунжи имело место в XV в. после бесповоротного заката могущества Золотой Орды и крайнего ослабления ее позиций на Северном Кавказе в результате опустошительных погромов армией Тимура в 1395—1396 гг.

Последствия татаро-монгольского нашествия вызвали также значительные перемещения и среди абазин, родственных абхазам, предки которых проживали с древнейших времен на территории Абхазии и к северо-западу от нее⁷³. Массовое переселение абазинских племен на Северо-Западный Кавказ вплоть до верховьев Кубани началось в золотоордынский период (XIII—XIV вв.)⁷⁴. Первые письменные сведения о пребывании абазин в верховьях Кубани связаны с походом Тимура на Северный Кавказ в 1395 г. По сообщению персидских авторов

XV в.— Низам Ад-Дина Шами и Шериф Ад-Дина Иезеди, армия этого завоевателя, пройдя вверх по Кубани, оказалась в «местности Абаса», т. е. во владениях абазин⁷⁵.

Процесс расселения абазин на Северном Кавказе проходил несколькими потоками и продолжался в течение длительного периода (до XVII в.). При этом сначала переселились тапантовцы — восточная ветвь абазин, а затем шкарауовцы⁷⁶. Одной из основных объективных причин их интенсивной миграции, так же как и у адыгов, было усиление роли экстенсивного хозяйства, в частности увеличение удельного веса отгонного скотоводства, что заставило представителей феодализирующейся верхушки абазинских обществ искать новые пастбищные угодья. Этот же процесс ускорялся внутренними феодально-родовыми междоусобицами и натиском внешних врагов⁷⁷. Переселению абазин на северные склоны Кавказского хребта благоприятствовало и уменьшение здесь плотности населения в результате татаро-монгольских погромов и, в частности, гибели Западной Алании⁷⁸.

Как отмечалось, татаро-монголы уничтожили в предгорно-плоскостной части Северного Кавказа сотни городищ и селищ. Однако во многих городах, располагавшихся преимущественно на побережье Черного и Каспийского морей, а также в отдельных местах близ важнейших военно-торговых трактов Центрального Предкавказья, жизнь возобновилась довольно скоро. Быстрое восстановление и разрастание некоторых старых населенных пунктов домонгольского периода и возникновение за короткое время новых городов было связано в значительной мере с активной градостроительной деятельностью центральной власти Золотой Орды⁷⁹. Возникновение и рост городов в определенных районах подвластной территории отвечали экономическим и политическим интересам золотоордынских ханов и военно-феодальной аристократии. Такие города вскоре становились не только главными центрами развития ремесла, торговли и культуры, но и являлись опорными пунктами для политического и идеологического воздействия со стороны Золотой Орды на местное население.

Одним из крупнейших городов того времени на Северном Кавказе был Маджары, который располагался на берегах р. Кумы, у впадения в нее притока р. Мокрой Буйволы. В настоящее время большая часть его территории занята г. Буденновском Ставропольского края. Город возник во второй половине XIII в. на пустом месте или, возможно, на территории сравнительно небольшого поселения предшествующего периода, в окружении многочисленных татаро-кыпчакских кочевий. Особенно быстро он стал разрастаться в XIV в.: общая протяженность его достигла 5 км, а площадь — около 8 кв. км⁸⁰.

Маджары населяли аланы, но основными жителями были, по-видимому, кыпчаки. Кроме того, в городе находилось множество купцов из различных стран, в том числе из Испании, Ирака, Византии, Персии, Аравии, Египта и др.⁸¹ По словам Ибн-Баттуты (XIV в.), Маджары — «город большой, (один) из лучших тюркских городов, на большой реке, с садами»⁸². Здесь же внимание этого автора привлекли большой базар, крупная соборная мечеть и другие общественные здания⁸³. По данным археологии и письменных источников более позднего времени, в Маджарах имелось много мавзолеев, мечетей, медресе и жилых домов, которые сооружались из жженных кирпичей, украшенных разноцветными изразцами; дома рядовых горожан строились из самана. Помимо того, в городе выявлены остатки ремесленных мастерских и водопровода, снабжавшего население водой по глиняным трубам⁸⁴.

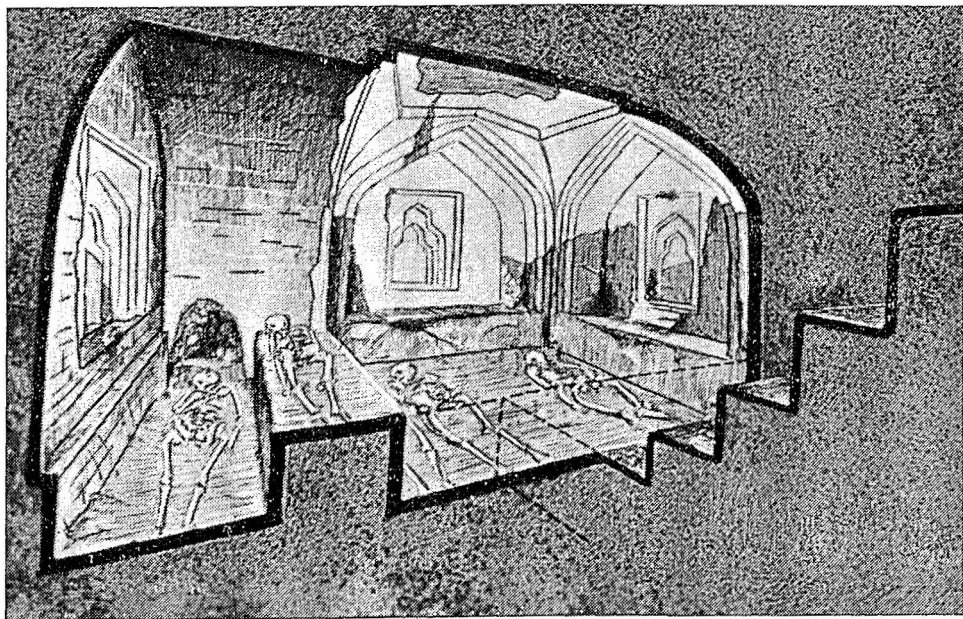

Рис. 1. Городище Нижний Джулат близ г. Майского (КВ АССР). Подземный склеп-мавзолей

Маджары имели сложную планировку, характерную для золотоордынских феодальных городов с довольно сложной социальной структурой. Они состояли из аристократического и торгово-ремесленного районов, кварталов социальных низов, крупного городского кладбища и сельскохозяйственного пригорода⁸⁵.

О важном политическом и экономическом значении Маджар свидетельствует также тот факт, что в XIV в. там чеканились свои монеты⁸⁶.

В золотоордынское время на месте селища Нижний Джулат, возникшего еще в первых веках нашей эры, появился крупный город. Он находился на берегу р. Терек близ г. Майского в Кабардино-Балкарии. Он также имел сложную планировку, доставшуюся от предмонгольского периода, в связи с углублением социально-имущественной дифференциации в интенсивно феодализирующемся аланском обществе. В Нижнем Джулате отчетливо выделяется цитадель, укрепленная с наиболее уязвимых сторон глубокими рвами и земляными валами, а в золотоордынское время — и мощной саманной стеной. В XIV в. цитадель Нижнего Джулата являлась административным и религиозным центром города⁸⁷. Здесь археологами были открыты остатки крупнейшей на Северном Кавказе соборной мечети того периода, построенной из квадратных кирпичей; площадь ее достигала 426 кв. м. Свод мечети поддерживался 48 колоннами, стоявшими в четыре ряда. Под полом мечети находился подземный склеп-мавзолей с арочными стенами и восьмиугольным потолком. Там было погребено несколько знатных людей⁸⁸. Во внешнем облике погребенных антропологами были прослежены явные признаки смешения монголоидов с европеоидами⁸⁹ (рис. 1).

К цитадели Нижнего Джулата примыкал посад, защищенный лишь неглубоким рвом и земляным валом. Судя по многочисленным остаткам производственной деятельности и другим признакам, посад города, оче-

видно, был заселен ремесленниками, рядовыми воинами, крестьянами. К югу от посада располагалось городское кладбище, а к востоку от него — обширное, совершенно не защищенное поселение простых земледельцев и скотоводов⁹⁰.

Третьим крупным городом золотоордынского времени, также возникшим на месте аланского поселения предшествующего времени, являлся Верхний Джулат, или Татартуп (Татарский стап). Он располагался на обоих берегах р. Терек близ современного с. Эльхотово в Северной Осетии. Как уже отмечалось, многие исследователи отождествляют Татартуп «со славным градом Дедяковым», неоднократно упоминаемым в русских летописях в связи с походом в этот город русских князей в составе войск золотоордынского хана Менгу-Темира (1278 г.), а также в связи с убийством на Центральном Кавказе при хане Узбеке князя Михаила Тверского (1318 г.)⁹¹.

При раскопках Татартупа выявлены остатки трех мусульманских кирпичных мечетей, трех христианских церквей, булыжная мостовая на городской площади и другие объекты золотоордынского времени⁹². Площадь города достигала 3 кв. км. Турецкий путешественник середины XVII в. Эвлия Челеби писал о развалинах Татартупа: «Видны остатки древних зданий ... На дверях ... сохранились надписи и даты ... Когдамотришь на этот город с высоты, то видишь 800 старых зданий. По этим развалинам можно судить, что в древности эти здания красились в разные цвета»⁹³. О выдающемся значении Верхнего Джулата (Татартупа) в средневековой истории народов Центрального Кавказа говорит и то, что до недавнего времени его развалины являлись местом особого почитания и суеверного поклонения осетин, кабардинцев, балкарцев, погайцев.

Татартуп и Нижний Джулат, как и некоторые другие городища Центрального Кавказа, содержащие слои золотоордынского времени (Химидиевское, Терекское и т. д.)⁹⁴, возникли и развивались на территории с весьма высоким уровнем сельского хозяйства. При раскопках этих городищ обнаружено огромное количество костей животных (главным образом крупного рогатого скота) и множество зерновых ям с остатками проса и пшеницы⁹⁵. Особенно крупными были ямы-зернохранилища XIV в., выявленные в Нижнем Джулате.

Этот богатый земледельческо-скотоводческий район, в пределах которого располагались названные городища бассейна среднего течения р. Терек, известен в средневековых письменных источниках как «область Джулат»; именно в этой области и «запаслась провизией из тамошних зерновых продуктов» 200-тысячная армия Тимура накануне решительного сражения с Тохтамышем на р. Терек в 1395 г.⁹⁶

Выгодное географическое положение Маджар, Татартупа и Нижнего Джулата в окружении богатых земледельческо-скотоводческих районов, высокий уровень развития ремесел (металлургия и металлообработка, ювелирное дело, керамическое производство, обработка кож, ткачество и т. д.), наряду с некоторыми другими факторами, способствовали развитию широких торговых связей этих городов. Значительной была их роль и как транзитных или перевалочных пунктов. Судя по многочисленным находкам монет и различных импортных предметов, особенно интенсивную торговлю вел город Маджары.

Торговля велась не только с соседними народами Северного Кавказа и другими городами Золотой Орды, но и со Средней Азией, Закавказьем, Русью, Италией, Испанией, Ираном, Китаем, Индией. Главным образом ввозились предметы роскоши, пряности, стеклянная посуда, опреде-

ленные виды поливной керамики, китайские зеркала, изделия из фаянса и янтаря и т. д. Вывозились некоторые виды производства местных ремесленников, продукты земледелия и скотоводства⁹⁷. Широкий размах получила работоторговля, развитие которой было связано с постоянными войнами и грабительскими походами золотоордынских ханов, а также с деятельностью генуэзских колоний, развернувших интенсивную скупку и перепродажу невольников.

Возникновение итальянских колоний в Причерноморье сопровождалось соперничеством и борьбой между Генуей и Венецией. Стремление каждого из этих городов стать полновластным хозяином в бассейне Черного и Азовского морей усиливалось, в частности, и тем, что татаро-монгольские ханы, завоевавшие и контролировавшие огромную территорию от Дуная до Китая, всячески покровительствовали ради своих корыстных интересов развитию торговли. В этой связи значение караванных путей с Востока на Запад через Центральную и Среднюю Азию — низовья Волги — Северное Причерноморье чрезвычайно возросло.

В конкурентной борьбе между итальянскими городами первоначально перевес был на стороне Венеции, флаги которой развевались во многих портах Средиземного, Черного и Азовского морей. В самом начале XIII в. венецианцы возродили торговый город Тану, который располагался на месте древнего греческого Танаиса в устье Дона. Однако во второй половине XIII в. генуэзцы при поддержке византийского императора Михаила Палеолога добились существенных преимуществ на Черном и Азовском морях. По договору с Византией от 1260 г. они получили право беспрепятственного плавания в этих морях и были освобождены от ряда налогов. Вскоре выходцы из Генуи обосновались в Танае, где, кроме венецианцев, жили и представители других народов. По этому же договору доступ кораблям Венеции в Черное море был запрещен⁹⁸. И хотя конфликты и соперничество между этими двумя городами продолжались и в последующие периоды, к концу XIII в. господство в черноморской торговле почти полностью перешло в руки генуэзцев.

Проникнув на Черное море и превратившись в первую торговую державу в Европе, Генуя развернула энергичную деятельность за упрочение своего влияния в Крыму и приморской зоне Северо-Западного Кавказа, которые находились под контролем Золотой Орды. В 1266 г. Менгу-хан разрешил генуэзцам основать на месте небольшого поселка в Крыму торговую колонию Кафу (ныне Феодосия); это явилось важной вехой в процессе колонизации итальянцами Причерноморья.

Стремление к полной независимости выходцев из Генуи, которые отнюдь не собирались делиться своими прибылями с кем-либо, противоречило грабительской политике золотоордынских ханов, что приводило к неоднократным конфликтам и военным столкновениям между ними. В результате татаро-монголы несколько раз разоряли Кафу (в 1238, 1239, 1308 гг.), и Тану (ок. 1345 г.), а также ограбили генуэзских купцов в Сарая (1307 г.)⁹⁹. Но благодаря дипломатическому опыту, необычайному упорству и достаточно сильной армии и флоту Генуя отстояла свои интересы.

В конце XIII—XIV в. генуэзские колонии стали возникать одна за другой в Крыму и на Кавказе. Судя по данным средневековых итальянских карт, на территории между Таной (Азов) и Севастополем (Сухуми) располагалось 39 колоний, поселений и факторий, важнейшими из которых были Матрега (Таматарха) и Копа (Копарио). В числе прочих колоний и поселений на черкесско-абазинском побережье можно назвать Мапу (Анапа), Пеше, Санто Круче, Сан-Джорджио, Лотар и др.¹⁰⁰

Население генуэзских колоний было весьма пестрым как по национальному, так и по социальному составу. Так, в Матреге, Копае и в других колониях и поселениях жили адыги, греки, армяне, татары и др.¹⁰¹ Во всех этих населенных пунктах генуэзцы составляли незначительную часть жителей.

По своему юридическому (сословному) положению жители колонии делились на более привилегированное сословие — граждан (*cives*), представленных генуэзцами, и на горожан (*burgenses*)¹⁰².

Некоторые из городов (Матрега, Копа, Мапа, Лотар, Батарно и др.) находились под двойной зависимостью. С одной стороны, они явились полуфеодальными владениями местных или генуэзских князей, стремившихся к полной самостоятельности, а с другой — подчинялись на правах колонии генуэзскому центру — Кафе.

Генуэзцы не ограничились утверждением своего влияния лишь в причерноморской зоне, а приняли энергичные меры для развертывания торговой деятельности в более восточных районах Кавказа, включая и горную зону края. Этому в значительной мере способствовали католические миссионеры, которые в целях распространения христианства устремились на восток, прокладывая путь торговцам. Еще в 60-х годах XIII в. они достигли Дагестана и, открыв плавание с грузами по Каспийскому морю, завели выгодную торговлю с местным населением¹⁰³.

Остатки торговой дороги, приписываемой генуэзцам, прослеживались еще в 60-х годах XIX в. Она начиналась от Анапы, направляясь к станциям Хомской, Саратовской, Ханской, Царской на реках Кефар, Большой Зеленчук, Маруху и в Карачай; отсюда одна ветвь пути шла через Главный хребет на Цебельду, а другая продолжалась по Тереку к Каспийскому морю. Имеются сведения и о другой дороге, которая шла по направлению Феодосия — Анапа — Геленджик — правобережье р. Кубани — Северный Прикаспий — Туркестан — Иран — Китай¹⁰⁴.

О распространении влияния генуэзцев в более восточных районах Северного Кавказа и их проникновении при этом в горные ущелья свидетельствуют ряд преданий, а также некоторые археологические памятники (развалины крепостей, башен и церквей, надгробные каменные кресты и т. д.), которые местное население края связывает с народом «дженуез» или с «ференками». В частности, адыги приписывали генуэзцам (правда, иногда ошибочно) каменные укрепления в верховьях р. Кубани¹⁰⁵, а балкарцы считали «ференскими» развалины оборонительного сооружения с круглыми башнями, расположенного глубоко в ущелье у с. Верхний Баксан¹⁰⁶.

Проникновение генуэзцев на Центральный Кавказ подтверждается и тем, что упомянутые выше верхнеджулатские церкви имеют ряд признаков, характерных для культовых архитектурных сооружений католиков (например, наличие в них подалтарных склепов — крипт с четырехугольной камерой и круглоплановым сферическим сводом)¹⁰⁷. Это вполне согласуется со сведениями И. Шильтбергера о том, что в начале XV в. в Джулате действовала католическая церковь и что в городе проживали монахи кармелитского ордена, занимавшиеся миссионерской деятельностью и отправлявшие церковную службу на татарском языке¹⁰⁸.

Чем же торговали генуэзцы на Северном Кавказе? Главным образом они ввозили итальянские сукна, бокассины, букаран (легкая драгоценная ткань), хлопчатобумажные и бархатные ткани, парчу, ковры, хлопок-сырец, венецианское стекло, мыло, ладан, клинки сабель (с вытесненными на них надписями, гербами и рисунками), соль, рис, горчицу, имбирь и некоторые тонченые пряности. Вывозились в основном сушеная

и соленая рыба, лисьи, куньи и прочие меха, хлеб, воск, а также мед, икра, вино, фрукты, дерево (самшит и иные сорта), кожи и др.¹⁰⁹

Особенно широкий размах получила работорговля¹¹⁰, основным источником которой являлись военные набеги татарских ханов и местных князей. Известны случаи, когда сами генуэзцы захватывали пленных для продажи. Большинство рабов, продаваемых итальянскими купцами в другие страны, состояло из кыпчаков, адыгов, абхазов, дагестанцев и иных кавказцев.

Определенная часть невольников оставалась в причерноморских колониях. Но главным образом они продавались в мусульманские страны, преимущественно в Египет, где многие из мужчин становились воинами — мамлюками в гвардии султана. Очень много рабов вывозилось и в Европу. Так, по письменным сведениям от 1368 г., число рабов, доставлявшихся из Северного и Восточного Причерноморья в Италию, настолько возросло, что там стали опасаться их восстания; поэтому многих невольников начали перепродавать в другие страны.

Интенсивная работорговля, наложившая определенный отпечаток на процессы социально-экономического и этнического развития Северного Кавказа, имела место и на протяжении последующих столетий позднего средневековья.

4. Борьба с татаро-монголами и ослабление Золотой Орды

Вскоре после захвата Хулагидами Восточного Закавказья отношения их с Золотой Ордой осложнились. Основной причиной этого были претензии Джучидов на контроль над Закавказьем и Южным Дагестаном¹¹¹. Это привело к ожесточенной борьбе чингизидских держав на Восточном Кавказе, продолжавшейся с перерывами почти столетие (1262—1357 гг.)¹¹².

Отзыв Золотой Ордой своих вспомогательных подразделений из армии Хулагу-хана в 1261/62 г. и гибель трех их командиров (все — племянники Бату, царевичи-чингизиды)¹¹³ стали непосредственным поводом к открытой войне, которая в течение пяти лет (1262—1267 гг.) опустошала земли Северо-Восточного Кавказа и Ширвана¹¹⁴. Активные боевые действия велись с переменным успехом обычно каждый год в течение осенне-зимнего сезона в местностях, прилегающих к Дербенту. Источники, однако, свидетельствуют, что действия сторон далеко выходили за указанные пределы во время особенно ожесточенных кампаний 1262/63 и 1265 гг.

В августе 1262 г. золотоордынское войско в составе трех туманов под командованием Ногая, пройдя весь плоскостной Дагестан, вторглось в Ширван. Потерпев там неудачу, Ногай отступил в Дербент, но 8 декабря был выбит оттуда 70-тысячной армией Хулагу и, ведя непрерывные арьергардные бои, отступил за Терек, куда и были перенесены военные действия. Хулагидское войско, разоряя многочисленные «ставки всех эмиров, вельмож и воинов Берке», оставалось там до февраля 1263 г., когда было разбито у Терека огромной золотоордынской армией. Преследуемые остатки ильханского войска отступили по тому же пути за р. Куру¹¹⁵. Дербент был закреплен за Золотой Ордой.

Следующая крупная кампания имела место в 1265 г.¹¹⁶, вскоре после смерти Хулагу. Считая это обстоятельство благоприятствующим, 100-тысячная золотоордынская армия под командованием хана Берке

вторглась через приморский Дагестан в Ширван. Здесь она потерпела неудачу и отступила.

Несмотря на поражение, золотоордынцы, видимо, удержали Дербент. На это указывают и строительство ильханами сразу же после их победы 1265 г. оборонительной линии («сибех») на левом берегу Куры, и прямые свидетельства египетских источников¹¹⁷. Таким образом, сообщение Рашид Ад-Дина о передаче ильханом Абагой под охрану своему брату Юшумуту также и области Дербента, причем еще до их победы 1265 г.¹¹⁸, свидетельствует не столько о пределах государства ильханов, сколько об их претензиях.

Во время войны 1262—1267 гг. плоскостной и отчасти предгорный Дагестан стал и предполем, и плацдармом ордынцев. В 1262/63 г. в плоскостной и предгорной полосе Северо-Восточного Кавказа велись ожесточенные бои, причем битва на Тереке была крупнейшей за все время золотоордыно-хулагидской борьбы. За пять лет войны указанную территорию многократно пересекали многотысячные конные армии обеих воюющих сторон (равно враждебных коренному местному населению). Дербент стал местом постоянных боев, не раз переходил из рук в руки. Все это должно было нанести удар и по городской жизни, и по земледельческому населению плоскости и предгорий Северо-Восточного Кавказа.

В войне 1262—1267 гг. проявилась одна из характерных черт политики чингизидов, которая прослеживалась и далее: стремление использовать в своих целях местные военные силы. Так, после поражения антимонгольского восстания в Грузии, возглавленного царем Давидом VII Улу и его спасателем Саргисом Джакели, ильхан Хулагу принудил их обоих двинуться с грузинскими войсками весной 1263 г. под Дербент в качестве авангарда ильханских сил, дабы первыми принять удар прорвавшейся армии хана Берке¹¹⁹.

Впрочем, тогда же некоторые закавказские феодалы принимали сторону монголов. Так, под Дербентом «отличился» князь Тарсаидж, за что ильхан Абага «взыскал его великими наградами»¹²⁰.

После войны 1262—1267 гг. военная активность Золотой Орды постепенно ослабевает, а затем переносится к другому важному проходу в Закавказье. Непрерывная борьба аланов против агрессоров в это время, очевидно, усиливается и захватывает даже доступную татаро-монголам часть предгорий. Как уже говорилось, в 1277 г. войска хана Менгу-Тимура, в состав которых входили и отряды вассальных русских князей, предприняли карательный поход на «славный град ясыкий Дедаков» (отождествляемый большинством исследователей с городищем Верхний Джулат у Эльхотовских ворот). К 8 февраля 1278 г. армия Менгу-Тимура смогла, наконец, взять Дедаков. Симеоновская летопись сообщает о захвате многочисленного полона и добычи, истреблении сопротивляющихся «без числа» и сожжении города¹²¹.

В то же время на Северо-Восточном Кавказе Золотая Орда все более переходит к обороне. Начало было положено еще при Берке. Дербентские укрепления были «вверены охране знатного эмира»¹²², причем из источников явствует, что, кроме охраны границы, его задачей были также оккупация плоскости и контроль над дагестанскими землями. Это указывает на продолжавшееся сопротивление татаро-монголам, проявления которого описывал еще в 1254 г. Рубрук.

В последней трети XIII в. Золотая Орда создает на доступной ей плоскостной и предгорной территории Дагестана и Чечни владение, напоминающее пограничный округ. Охрана границы, оккупация и подавление сопротивления местного населения осуществляются особой, весьма боеспособ-

собной «сторожевой ратью» («лашкар-и-караул»). Во главе округа долгое время стоял влиятельный член ханского рода Тама-Тогдай, обладавший довольно широкими правами (вплоть до ведения самостоятельных военных действий против соседнего государства) и ленными пастбищными владениями до Терека.

Подобное же положение сложилось и у другого важного транскавказского прохода — Дарьяла. Здесь («в стране Асов») татаро-монголы держали целый туман (десятитысячный конный корпус)¹²³ с целью контроля прохода и усмирения местного населения.

Пассивно-враждебные отношения между обеими чингизидскими державами после 1267 г. персидский источник (Вассаф) удачно определяет как «избегание»¹²⁴.

Инициатива на дербентском направлении с 70-х годов XIII в. постепенно переходит к Хулагидам. В год похода золотоордынцев на Дедаков (1278 г.) Дербент упоминается уже как город, контролируемый Хулагидами наряду с Леквизаном и «горой Эльбрус» — ильханский сахиб-диван Шамс Ад-Дин Джувейни (второе по значению лицо в государстве) отправился туда «и добрыми мероприятиями привел к повиновению те народы, которые ни в какие времена никому не подчинялись»¹²⁵.

Приход к власти Токта-хана в обстановке первого крупного политического кризиса 80—90-х годов XIII в. в Золотой Орде, непрочность его положения заставляют его идти на уступки не только ильханам, но и населению захваченных земель. Междоусобная борьба Токта-хана и Ногая привела к кратковременному прекращению (1299—1300 гг.) золотоордынской оккупации плоскости Дагестана и Чечни, ибо Тама-Тогдай со своим войском ушел на помощь Токта-хану¹²⁶. Видимо, с этого времени берет свое начало та политика компромисса с местной верхушкой, примеры которой дает XIV в.

Что касается другой важной пограничной области, прилегавшей к Дарьялу, то здесь власть Токта-хана временно исчезла вообще, ибо оккупационный корпус (туман), пребывавший в «Стране Асов» по меньшей мере до 1301 г., оказался на стороне Ногая, а затем его сына Джуче (Джека) — противников Токты¹²⁷. Сопоставляя этот факт с постоянными переговорами Ногая с ильханами (обещания службы им, просьбы о покровительстве)¹²⁸, допустимо расценивать это как попытку Ногая создать в районах Центрального Кавказа базу для борьбы против потомков Бату, опирающуюся на широкое недовольство асов золотоордынским режимом и на надежную коммуникацию (Дарьял) с улусом Хулагу. Возможность эта не была осуществлена ввиду подчеркнутого нейтралитета ильхана Газан-хана¹²⁹ и решительных действий Токты: 1301 год застаёт его на Северном Кавказе, а его царевичей и эмиров — даже на плоскости южнее Терека (есть сообщение, что при приближении Газан-хана к границе всем им пришлось бежать оттуда «на ту сторону рек»)¹³⁰.

Видимо, сосредоточение золотоордынских сил во главе с ханом на Северо-Восточном Кавказе сыграло какую-то роль в очередной крупной ильханской акции (на этот раз уже военной) по укреплению своего контроля на восточнокавказской границе, однако главной ее целью было подавление вооруженного сопротивления населения Южного Дагестана. Зимой того же 1301/02 г. Газан-хан проводит в Ширване и Дагестане «охоту»¹³¹, которая у татаро-монголов играла роль военных маневров. Она явилась эффективной антиордынской военной демонстрацией.

Итак, подводя итог действиям Золотой Орды на Северном Кавказе вплоть до завершения ее первого политического кризиса (конец XIII в.), можно заметить, что активность золотоордынцев в основном со-

средоточивается на Дарьяльском и Дербентском направлениях — двух наиболее значительных путях в Закавказье.

На плоскости южнее Терека, примыкавшей к Дербентскому проходу, коренное население, по-видимому, исчезло почти полностью в процессе войны 1262—1267 гг. — о нем не дают никаких свидетельств ни письменные, ни вещественные источники. Упоминание о зимовьях Тама-Тогдая свидетельствует о захвате пастбищ татаро-монгольскими феодалами.

Центральная часть Алании, прилегавшая к г. Дедякову, испытала в 1277—1278 гг. столь же страшный разгром, как и аланская область с г. Магас 40 годами раньше. Источники красноречиво свидетельствуют о полوناх и истреблении «без числа»¹³².

Население Горной Осетии было в несколько лучшем положении, так как не подверглось прямому разгрому. Численность его даже возросла за счет беженцев. Именно в XIII в. наблюдается начало интенсивного притока асов-переселенцев в Нарскую котловину и в верховья Большой Лиакхи¹³³.

Асская феодальная верхушка отнюдь не всецело разделяла бедствие своего народа. Большая группа ассских феодалов с дружинами была даже включена в лейб-гвардию великих ханов, при дворе которых в Монголии (а с 60-х годов XIII в. — в Китае) они служили из поколения в поколение. Численность двух корпусов аланской гвардии достигла к этому времени 30 тыс. человек. Марко Поло свидетельствует об их участии в завоевании Хубилай-ханом Китая (1268—1279). Некоторые из аланов занимали высокие должности в армии великих ханов; группа высокопоставленных аланов была даже включена в состав посольства великого хана в Рим в 1336 г. к папе Бонифацию XII. Впрочем, если до XIV в. они еще сохраняли аланские имена, то к началу эпохи Мин (1368 г.) уже теряют свое этническое лицо и порывают всякую связь со своим народом¹³⁴.

Несколько в ином положении оказалось население Закубанья, горных территорий Дагестана, Чечни, Ингушетии, не примыкавших непосредственно к обоим главным транскавказским проходам. Татаро-монголы даже в ходе завоеваний 1237—1240 гг. ограничились лишь отдельными походами на Северо-Западный Кавказ, что не могло обеспечить их стабильной власти в этих районах.

Примечательно, что письменные источники не дают почти никаких сведений о контактах татаро-монголов с горцами до конца XIII в., а археологические материалы свидетельствуют лишь об усвоении горцами некоторых деталей монгольского вооружения¹³⁵. Примерно к этому же периоду большинство исследователей относят и начало строительства оборонительных башен в Чечне, Ингушетии, Осетии (оно широко развернулось в XIV—XV вв.).

Допустимо рассматривать эти факты как стремление населения этих районов изолироваться от плоскости, где безраздельно господствовали завоеватели, и, опираясь на линию Черных гор, Андийского хребта, Салатавии, Гимринского хребта и северо-восточных складок Левашинского плато, местами усилив ее фортификационными сооружениями, обеспечить защиту внутренней горной части Северо-Восточного Кавказа от возможных вторжений с плоскости.

Такая вынужденная изоляция оказала заметное влияние на многие стороны последующего исторического бытия горцев.

Избегнувшая монгольского контроля горная часть Дагестана к этому времени уже более столетия пребывала в состоянии политической раздробленности. Сравнительно крупные раннесредневековые политические единицы давно распались: последние реальные упоминания письменных

источников о Сарире и Филине относятся к середине XII в.¹³⁶, в то же время засвидетельствован распад Табасарана на 24 рустака (волости)¹³⁷, а, по-видимому, к началу XIII в. относится сообщение Якута об отсутствии единой политической власти в Ал-Лакзе¹³⁸.

На их месте началось формирование новых феодальных княжеств. Аварское княжество сложилось в центральной части прежнего Серира. Центром его остался Хунзах. Вблизи него, в крепости Тануси¹³⁹, по преданию находилась резиденция правящей родственной группы. Из ее среды выходили пожизненные феодальные правители Аварии — нудалы. В описываемое время нудалы были христианами (так же, как их предшественники — правители Серира)¹⁴⁰, но исторические предания настойчиво подчеркивают непрерывность их рода, восходившего к местным языческим правителям¹⁴¹.

Кайтагское княжество включало в себя земли прежнего Хайдака («Джидана»). Ядро его находилось в средней части бассейна р. Улучай, однако границы постоянно расширялись. Власть здесь также находилась в руках родственной группы, возводившей свое происхождение к дяде пророка Мухаммада — Хамзе¹⁴² (некоторые варианты предания добавляют и другого дядю — Аббаса)¹⁴³. Выбравшийся из ее членов очередным правителем получал титул «уцмий».

В бассейне Казыкумукского Койсу и прилегающей к нему территории находилось Казыкумукское шамхальство с центром Кумух. Феодальный правитель носил титул «шаухал» (позже «шамхал»). Предания именуют кумухских шаухалов потомками то Хамзы, то Аббаса (дяди пророка Мухаммада). Это заставляет предполагать существование в Кумухе двух феодальных родственных группировок, каждая из которых возводила себя к одной из упомянутых личностей. По-видимому, представители каждой из них правили под титулом «шаухал» в разные периоды¹⁴⁴. Для XIII—XIV вв. и в преданиях, и в письменных источниках «шаухал» выступает лишь как военный и поллитический предводитель.

Сведения письменных источников о горных землях Дагестана в XIII в. довольно скудны. Эпиграфика показывает, что в бассейне рек Самур и Гюльгерычай существовали самостоятельные общины — Рича, Тпига, Цахура, Рутула. Примечательно, что в каждой из них уже выделилась верхушка, члены которой именуются в надписях феодальными титулами (наиболее часто — «амир»), хотя наследственной преемственности власти проследить не удастся. Рича и Тпиг оказались достаточно сильны, чтобы довольно быстро оправиться от разгрома, учиненного там татаро-монголами в ноябре—декабре 1239 г. Что же касается общин Цахура и Рутула, то татаро-монгольское вторжение их не коснулось и прямого вмешательства захватчиков в свои дела эти общины избегали по крайней мере до 1301/02 г. («охота» Газан-хана)¹⁴⁵.

В отношении восточной части Горного Дагестана эпиграфика свидетельствует лишь о наличии в Кала-Курейпе (в Кайтаге) правителя-мусульманина («обладатель Кала-Курейпа Ах-с-б-р бин Хиздан») не позднее XIII в.¹⁴⁶

Некоторые сведения о Центральном Дагестане дают грузинские источники. Так, они сообщают о «царе хундзов», который пытался помешать небольшому отряду Ала-Тимура¹⁴⁷, прорывавшемуся из улуса Хулагу в Золотую Орду, пройти из Белокаан через Аварию на северокавказскую плоскость.

Более связно и детально происходившие здесь в XIII—XIV вв. события отражены в преданиях, которые были записаны в дагестанских историко-публицистических сочинениях XVI—XVII вв.¹⁴⁸ Иалагаемые в них

сведения о столкновениях нуцала Аварии Сураки (при поддержке его брата Кахру, согласно некоторым вариантам) с независимыми селениями Гумбета¹⁴⁹ следует отнести к началу второй половины XIII в., а затем успешный поход дружины газиев (исходной точкой которого иногда называют Кара-Кайтаг) во главе с шейхом Абу Муслимом (иногда наряду с ним упомянуты и другие шейхи) на Хунзах и захват его газиями¹⁵⁰. Сурака исчезает, а его сын Байар (или Байар-Аббас, Йар-Аббас, Байрам-паша) бежит в Тушетию. В Хунзахе устанавливается теократическое правление Абу Муслима, опирающегося на дружину газиев и насаждающего ислам либо миром, либо силой. Примерно через 30 лет Абу Муслим умирает (либо бежит), а внук Сураки — сын Байара Амир-Султан, опираясь на военную поддержку земель от верхнего течения Андийского Койсу («Цумтал») до чеченского общества Аршты включительно, при поддержке своих сторонников в Хунзахе возвращает себе владения своих предков. «Неверие» немедленно реставрируется¹⁵¹. Впрочем, христианству все это время удавалось, вероятно, сохранять в Аварии свои основные позиции, ибо грузинские источники относят ко времени царствования Дмитрия Самопожертвователя (1271—1289 гг.) успешную деятельность здесь грузинских миссионеров¹⁵²; о том же свидетельствуют и археологические данные¹⁵³.

Вероятно, активизация политической жизни в горных землях Северо-Восточного Кавказа в значительной мере может быть объяснена ослаблением власти Золотой Орды на Северном Кавказе к концу XIII в.

Переход политической инициативы на Кавказе в руки Хулагидов и укрепление их власти сопровождалось переменой их политики в отношении народов Южного Дагестана: от дипломатических мер 70-х годов XIII в. они переходят к прямому насилию, карательным экспедициям. Описывая пресловутую «охоту» Газан-хана в этих землях зимой 1301/02 г., Рашид Ад-Дин сообщает: «В то время все эмиры Лекзистана, которые с давних пор, бунтуя и восставая, скрывались в этих неприступных горах, послушно и добровольно покорились и искренне обратили лицо к служению (государю) и взяли рукой за крепчайшую рукоять послушания и повиновения. Толпу воров и бродяг, которая укрылась из владения Азербайджана в те горы и предпочла грабежи и разбой на дорогах, переловили и перебили»¹⁵⁴.

Итак, феодалы Южного Дагестана здесь названы «эмирами» и далее говорится об их «служении» и «повиновении», следовательно, они подчинились ильханам в обмен на признание последними их сословных привилегий. При этом следует особо отметить и свидетельство о значительном числе противников ильханской власти, находивших надежное убежище и соратников в горах Дагестана.

Примечательно, что в долине Самура не встречается строительных надписей с датой после 1304 г. Единственное исключение — надпись 1365 г. в Цахуре, наиболее «укрытом» обществе в верховьях Самура. Резкий контраст с их обилием во второй половине XIII в. совершенно очевиден. Вероятно, это одно из последствий вышеописанной «охоты» Газан-хана.

Рашид Ад-Дин сообщает, что незадолго до смерти Газан-хана (1304 г.) в пограничных областях улуса Хулагу были размещены «тазикские (мусульманские) войска» и наделены «икта» (земельными наделами за службу)¹⁵⁵. Граница двух чингизидских держав проходила приблизительно по линии Главного Кавказского хребта, среднему течению Самура и далее к северу от Дербента, следовательно, служилые феодалы ильханом были поселены на южных склонах Главного хребта и по обоим

берегам нижнего течения Самура, а также в Дербенте и его округе, т. е. на землях, издавна заселенных южнодагестанскими народностями, попавшими, таким образом, в зависимость от феодалов-чужеземцев.

Кстати, непосредственно перед этим сообщением в источнике приведено содержание речи Газан-хана¹⁵⁶, где, перечисляя свои пограничные области, он называет и Дербент, который, следовательно, перешел из золотоордынских рук в ильханские. В другой речи Газан-хана, обращенной к золотоордынским послам в 1302/03 г., упоминается о существовании в Дербенте «улага» (транспортной повинности) и конечной почтовой станции (ям)¹⁵⁷. Последнее подтверждается эпиграфическим материалом — надписью о передаче частным владельцам 12 мая 1301 г. источника воды и колодца в вакф почтовой станции (причем персидский язык надписи доказывает принадлежность этой станции именно к ильханской сети почтовых трактов)¹⁵⁸. Следует попутно обратить внимание на указание в одном из писем Рашид Ад-Дина (между 1315 и 1318 гг.) на то, что ширваншах сохранил свои владельческие права на Дербент¹⁵⁹.

Среди письменных сведений о действиях на Кавказе войск ильхана Аргуна (1284—1291) есть глухое упоминание об участии «лакзов» в снабжении войска (видимо, ильханского) ежедневно в течение двух месяцев. Очевидно, это одно из первых свидетельств привлечения дагестанцев к военным операциям ильханских войск¹⁶⁰.

Золотая Орда преследовала на Северном Кавказе те же цели, что и Хулагиды, но, ослабев после кризиса конца XIII в., не имела возможностей использовать те же средства (о чем уже говорилось выше). Проводя обычную политику террора и порабощения на легкодоступных пространствах степного Предкавказья и Приморского Дагестана, захватив здесь огромные пастбищные земли (о владениях Тама-Тогдая говорилось выше; источники свидетельствуют также и о владениях Берке-хана на Северном Кавказе)¹⁶¹, золотоордынская верхушка предпочла продолжить политику компромиссов с населением горных и предгорных земель, в особенности стратегически важных пограничных областей¹⁶², стремясь добиться его лояльности.

Выше уже говорилось об асских формированиях в армиях монгольских государств. В связи с событиями конца XIII в. впервые говорится и об адыгских воинах в армии Токта-хана наряду с русскими, кыпчаками, башкирами¹⁶³. Последующие ханы продолжают привлекать адыгов в свои войска вплоть до Куликовской битвы и набегов Тохтамыша¹⁶⁴.

Учитывая, что в 1333/34 г. Ибн-Баттута видел в столице Золотой Орды — Сарае асские и черкесские кварталы¹⁶⁵, надо думать, что создание их должно относиться к несколько более раннему времени. Он же встретил в Сарае некоего правоведа Садр Ад-Дина Сулаймана Ал-Лакзи¹⁶⁶, нисба которого свидетельствует о его дагестанском происхождении. Среди археологических находок в Сарае встречаются характерные дагестанские бронзовые светильники — признак либо торговых связей с Дагестаном, либо проживания там мастеров-дагестанцев¹⁶⁷.

Дагестанский исторический фольклор также содержит указания на какие-то связи дагестанцев с Золотой Ордой¹⁶⁸.

Не устраняя настороженности населения Дагестана к татаро-монголам, компромиссная политика последних в конце XIII — начале XIV в., видимо, дала некоторые результаты. Хулагидский источник утверждает, что «племена лакзов ... имели большую связь с той (золотоордынской) стороной»¹⁶⁹. По этой причине, в частности, они в 1319 г. скрыли от хулагидского гарнизона в Дербенте факт приближения армии Узбека, что и привело к падению мощной крепости без сопротивления. Очевидно,

враждебностью местного населения объясняется и неспособность Хулаидов эффективно использовать дербентский оборонительный комплекс, исторически приспособленный для отражения вторжений кочевников с севера.

Прекращение открытых военных действий почти на 30 лет, военное ослабление Золотой Орды привели к стабилизации политического положения и некоторому оживлению хозяйственной жизни.

Согласно преданиям, к концу XIII в. в Кайтаге уже правил удмий Мухаммад-Султан, связанный династическими браками с домами ширваншахов Кесранидов и шамхалов Кумуха¹⁷⁰. Смерть Мухаммад-Султана в начале XIV в. развязала острый внутривосточный кризис: в Кайтаге началась борьба за власть между сторонниками двух претендентов на удмийский престол: сводных братьев Ахмад-Багадур и Алибека (Бек-Кипи-хана), сыновей Мухаммад-Султана. Алибек обратился к своему дяде по матери — шамхалу Кумухскому. Тот оказал ему военную помощь, и сторонники Ахмада потерпели поражение¹⁷¹. Некоторые из них (предание называет Мухаммад-хана, Амир-хана и Амир-Хамзу) бежали к «повелителям Аварии»¹⁷², а их лидер Ахмад-Багадур — к своему дяде по матери, ширваншаху Гершаспу. Отдельные дагестанские феодалы (связанные родственными узами с ширваншахским домом) имели, по преданию, значительную земельную собственность в Ширване¹⁷³. Хотя за это на них была возложена пограничная служба, земли были переданы им в безусловную собственность¹⁷⁴.

Между тем в Аварии нучал Амир-Султан, вырвав в конце XIII в. престол нучальства из рук сподвижников Абу-Муслима, оказался во враждебных отношениях с соседними мусульманскими княжествами, прежде всего с шамхальством. Это привело к изоляции Аварии от внешнего мира, что вместе с затяжной войной против соседей-мусульман (по преданию, в течение 24 лет) совершенно ~~изнурило~~ ~~внурило~~ ~~изнурило~~ ее. Наконец, в начале XIV в. аварцы под давлением экономической необходимости (так утверждает предание) стали постепенно переходить в ислам¹⁷⁵.

Вскоре оформился антишамхальский союз кайтагских князей с аварским нучалом Амир-Султаном. Объединенное их войско под общим командованием Саратана, сына Амир-Султана, напало на Кумух с запада, а войско тюрок шаха — одновременно с востока. Борьба продолжалась более месяца¹⁷⁶. Особенно долго сопротивлялись 70 молодых добровольцев-смертников в цитадели над кумухской мечетью Кекели¹⁷⁷. Взятием и разграблением Кумуха закончилась продолжительная феодальная война в Центральном Дагестане.

Почти одновременно с вышеизложенными событиями, в начале 1319 г., огромная конная армия Узбека проследовала через равнинный Дагестан и Дербент в долину Куры. Потерпев неудачу, золотоордынцы отступили по тому же маршруту. Даже после отправки части войск в Хорасан вторгшаяся в Ширван золотоордынская армия все же насчитывала 8 туманов¹⁷⁸. Таким образом, дагестанскую плоскость пересекла в обоих направлениях масса конников, значительно превышавшая 80 тыс. человек. Преследуя ее, ильханское войско во главе с амиром Чобаном вторглось в Дербент¹⁷⁹. Согласно части источников, в том же, 1319 г. золотоордынцы предприняли из Приморского Дагестана повторный набег на Ширван, но были отброшены¹⁸⁰, причем одна группа ильханских войск дошла до Терека, а другая, во главе с самим Чобаном, вышла из Грузии через Дарьял в Предкавказье. Узбек вынужден был покинуть свою постоянную летовку¹⁸¹.

Наиболее разорительный ильханский поход состоялся в 1324/25 г. Чобан вторгся из Грузии в Предкавказье и «произвел опустошения»: «Они дошли до берегов Терека и не пощадили никого из деревень, городов и кочевников тех мест; они убивали, грабили и брали в плен ...»¹⁸² Той же участи подвергся и равнинный Дагестан, через который войско Чобана проследовало к Дербенту, в улус Хулагу.

Эти потрясения обострили обстановку в Золотой Орде: в 1327 г. вспыхнуло серьезное восстание на Тереке. Вскоре началась настоящая война Золотой Орды против адыгов: источники сообщают о нескольких походах Узбека «на черкесов»¹⁸³.

Территория к северу от Дербента после походов Чобана, видимо, попала под ильханский контроль.

В улусе Хулагу, однако, к 30-м годам XIV в. внутривластная обстановка накалилась несравненно серьезнее, чем в Золотой Орде. Решив воспользоваться этим, Узбек в 1335 г. двинул из Предкавказья через равнинный Дагестан «огромное войско» в Ширван. Едва достигнув Куры, ордынцы вновь вынуждены были отступить. Однако на этот раз Дербент, по-видимому, остался за ними: на Каталонской карте 1375 г. (составленной по более ранним данным) у Дербента есть пометка: «Страна Узбека»¹⁸⁴.

После прекращения войны с адыгами хану Узбеку, кажется, удалось стабилизировать положение на Северном Кавказе. Ибн-Баттута (1334 г.) свидетельствует о полном контроле Узбека над плоскостью. В течение 20 лет после похода 1335 г. источники не сообщают ни о каких значительных событиях. Даже огромное бедствие средневекового мира — эпидемия чумы 1346—1350 гг. на Северном Кавказе — источниками почти не была отмечена, хотя они и свидетельствуют, что «в землях Узбековых» от чумы «обезлюдили деревни и города»¹⁸⁵.

Тенденция к стабилизации прослеживается в это время и на территории Дагестана. Так, экспансия Хулагидов, а затем и Кесранидов в долину Самура, очевидно, побудила соседние общества к усилению своей обороноспособности. Вероятно, это было одним из основных факторов объединения сельских обществ в междуречье Курахского и Чирахского притоков Гюльгерычая в мощный Курахский союз сельских общин, охватывавший к 1356 г. территорию более 500 кв. км и способный стать барьером против дальнейшей феодальной экспансии с юга¹⁸⁶.

Предание свидетельствует и о стабилизации положения в Центральном Дагестане вскоре после падения Кумуха: участвовавшие в антикумухской коалиции кайтагские князья — бывшие сторонники Ахмад-Багадур — вернули себе свои владения. Кумух попал «в недостойные по происхождению руки», а «все князья кумухские, происходящие от Хамзы (и Аббаса) рассеялись по окраинам вилайатов»¹⁸⁷.

В 1356/57 г. 300-тысячная золотоордынская армия во главе с ханом Джанибеком, перейдя Терек и миновав Дербент, вторглась в Ширван. На этот раз золотоордынцам впервые удалось перейти Куру и даже захватить Тебриз. Вскоре основная часть армии вместе с Джанибеком вернулась обратно тем же путем, а через два месяца за ним последовали оставшиеся 50 тыс. воинов во главе с Бердыбеком¹⁸⁸.

Вскоре в Золотой Орде разразился острый политический кризис, затянувшийся на два десятка лет. В этот период власть ханской администрации на Северном Кавказе заметно слабеет и становится все более формальной. Примечательно, что параллельно прослеживается оживление политической жизни и международных связей на Северном Кавказе.

Так, в Дербенте восстанавливается в 1368/69 г. джума-мечеть, причем работы производятся бакинским архитектором Тадж Ад-Дином. Город имеет собственного правителя Аффрибуруза ибн-Тахмура¹⁸⁹.

В Цахуре после 60-летнего перерыва также возобновляется общественное строительство: в 1365 г. возводится мечеть с минаретом¹⁹⁰.

В 1380 г. татаро-монгольская власть и престиж Золотой Орды падают до небывало низкого уровня вследствие сокрушительного удара, нанесенного мамаевой орде на Куликовом поле героическими войсками русского народа. Последствия этого события дали о себе знать и на Северном Кавказе. Из сообщений источников этого периода исчезают какие бы то ни было указания на власть или значение Золотой Орды на Северном Кавказе.

Предание ничего не сообщает о судьбе удмия Алибека — бывшего союзника шамхала, но повествует о деяниях Амир-Чупана, сына Алибека, который начал править в начале второй половины XIV в. Он заключил мирный договор со «старшинами (или амирами) Кумуха»¹⁹¹ и подчинил Табасаран своему контролю, закрепив его браком с дочерью маасума (это первое упоминание о маасуме в Табасаране)¹⁹². Следующей акцией Амир-Чупана был внезапный вероломный захват Кумуха. По преданию, Амир-Чупан посадил там в качестве шамхала родственника удмиев, возводившего свой род к дяде пророка — Хамзе¹⁹³.

Зирихгиран в XIV в. платил дань шамхалам и под их воздействием постепенно превращался в мусульманскую территорию. Примечательно, однако, что тогда он все еще оставался «областью» (а не отдельным селением Кубачи)¹⁹⁴.

Предание гласит, что после захвата Кумуха Амир-Чупан отправился «в сторону южных гор»¹⁹⁵. Здесь, сделав своей базой с. Маза (южнее среднего течения Самура), он подчинил своему влиянию мелких феодалов Курушского и других владений, вступил в соглашения, а временами и в борьбу с ширванскими феодалами («султан Феридун»), и какое-то время даже контролировал земли до Шемахи¹⁹⁶.

Если на юге политическое влияние Кайтага доходило до долины Самура, а на западе распространялось на Кумух, то на севере итальянские источники (1401 г.) относят к «стране Кайтагской» Дургели и Тарки. Подъему могущества Кайтага в немалой степени должно было способствовать и то обстоятельство, что по контролируемой им территории пролегал значительный отрезок торгового пути от Матреги на Дербент и далее, соединявшего порты Черного и Каспийского морей, а также северную и южную ветви «Великого шелкового пути».

События 80—90-х годов XIV в. показали, что Золотая Орда все еще обладает значительной силой.

Разбитый на Куликовом поле Мамай-хан бежал в Кафу, где и был убит. Власть в Золотой Орде с помощью могущественного властителя Средней Азии Тимура захватил хан Белой Орды Тохтамыш¹⁹⁷. В 1385 г. он во главе 90-тысячной армии вторгся через Северо-Восточный Кавказ в Закавказье. Хотя ему и не удалось подчинить своей власти южный Азербайджан, он сумел восстановить власть Золотой Орды в Ширване и Южном Дагестане, о чем свидетельствуют монеты Тохтамыша, отчеканенные в Дербенте и Баку. В 1390 г. Тохтамыш привлекал местных феодалов на военную службу. Он сумел наладить и отношения с некоторыми владетелями Дагестана. Низам Ад-Дин Шами и Шераф-Ад-Дин Йезди называют кайтагцев «сторонниками Тохтамыша»¹⁹⁸.

5. Опустошительные нашествия полчищ Тимура

В XIV в., создав в Средней Азии обширные государства с центром в Самарканде, Тамерлан (от персидского «Тимур-ланг» — хромой Тимур) стал претендовать на мировое господство. Будучи поклонником Чингисхана, он поставил перед собой задачу превзойти Монгольскую империю (в границах завоеваний Чингисхана и его преемников) и создать «мировую империю», которую не удалось создать его предшественникам. Свои претензии на мировое господство он сформулировал предельно четко: «Все пространство населенной части мира, — утверждал он, — не заслуживает того, чтобы иметь больше одного царя»¹⁹⁹. Вынашивая пресловутую идею мировой империи, Тимур, подобно своему кумиру, для достижения своих целей не останавливался ни перед чем. Разрушал города и села, беспощадно истреблял их жителей лишь «для устрашения народов». «Политика Тимура заключалась в том, — писал К. Маркс, — чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей и мужчин, юношей и, таким образом, *всюду* наводить ужас»²⁰⁰. Однако при необходимости он ловко использовал и мирные средства. Поддерживая честолюбивые планы угодных феодалов, он помогал им стать правителями пограничных областей, а через них, своих вассалов, проводить там угодную ему политику. Как уже сказано, Тимур помог Тохтамышу стать ханом Золотой Орды. Но, став ханом, Тохтамыш, вопреки ожиданиям Тимура, пытался восстановить былое величие Золотой Орды. Тохтамыш, по словам Шами, «осмелился на неподобающие действия», вторгся, как указывалось выше, в Закавказье, предал опустошению Азербайджан. В ответ Тимур (рис. 2) выступил против Тохтамыша.

В 1391 г. обе враждующие стороны сошлись в местности Кундузча (Поволжье). После упорного и кровопролитного сражения Тохтамыш потерпел поражение, но не сложил оружия.

Тогда Тимур, пройдя огнем и мечом в 1394 г. Иран и Закавказье, стянул свои войска в Северо-Восточный Азербайджан. Очевидец события Фома Мецонский, рассказывая о последствиях похода Тимура, сообщает: «О, бедствие! О, горькая печаль! Там можно было видеть страх и ужас как при последнем судилище... Горе и стенания всем нам, армянам! Ибо разрушилась вся наша страна. Начиная от Аргеша и до Иберии... вся страна подверглась всяким терзаниям, резне и пленению, была залита кровью невинных»²⁰¹. Весной 1395 г. во главе огромной армии он двинулся на север вдоль Каспийского моря. Пройдя Дербентский проход, Тимур вступил на территорию Дагестана. Первыми испытали на себе жестокость Тимура кайтаги. Разорение кайтагов было настолько сильным, что, по словам Низам-ад-Дина Шами, «из множества не спаслись (даже) немногие и из тысячи один... все те области были разграблены»²⁰². Видя надвигающуюся грозную силу, Тохтамыш сделал безуспешную попытку к примирению. Тимур продолжал свой поход.

Разгромив на пути авангард Тохтамыша, охранявший переправу через Сулак, и успешно переправившись через Сунжу, армия Тимура стала приближаться к лагерю золотоордынцев на правом берегу Терека. Здесь Тохтамыш рассчитывал дать бой войскам Тимура. Однако в самый последний момент передумал, перешел р. Терек и отступил в северо-западном направлении, к р. Куре. И здесь, перегруппировав войска, приготовился к генеральному сражению. 15 апреля 1395 г. произошла кровопролитная битва. Вначале сражение проходило с переменным успехом, на левом крыле Тохтамыш добился даже некоторого перевеса. Однако введение в бой резервных и основного корпусов сделало свое дело: правое крыло

войск Тохтамыша было снято. А затем войска Тимура достигли успеха и на других участках сражения. Битва завершилась полным поражением золотоордынцев. Сам Тохтамыш с небольшим отрядом бежал в г. Булгар. Тимур досталась огромная добыча.

Преследуя в беспорядке отступающие войска Тохтамыша, Тимур вторгся в Крым, а затем вышел к р. Дон. Отсюда он двинулся на рязанские земли и разорил г. Елец²⁰³.

Однако пойти на Русь Тимур не решился и ушел в Поволжье. Разорив там Бальчимкин, он вернулся в низовья Дона и захватил Азов. Город был разграблен, а население (кроме мусульман) уничтожено. Этим завершился первый этап похода Тимура на Северный Кавказ. Подвергнув опустошительному разгрому западные улусы Золотой Орды, низовья Дона и среднюю Волгу, Тимур приступил к планомерному завоеванию Северного Кавказа — одного из богатейших улусов Золотой Орды. С этой целью осенью 1395 г. Тимур

во главе огромной армии двинулся на Кубань. Учитывая бесполезность вооруженного сопротивления армии Тимура, адыги, по словам Шами, сожгли луга, которые были между Азовом и Кубанью, в результате чего лишенное корма большое количество лошадей и разграбленного скота погибло, а войско Тимура «перенесло много страданий и с трудом перешло через реки, топи и болота»²⁰⁴. Разгневанный этим Тимур направил против адыгов (черкесов) большую карательную экспедицию во главе с мирзой Мухаммед-Султаном, мирзой Маран-шахом, эмиром Джехан-шахом и другими эмирами с тем, чтобы «они поскорее покорили эту область и вернулись обратно». Северо-Западный Кавказ постигла трагедия, стоившая больших людских и материальных жертв. Военачальники Тимура, свидетельствуют Шами и Йезди, «ограбили весь улус черкесский, захватили большую добычу и благополучно возвратились, удостоились чести целования ковра»²⁰⁵.

После этого основное внимание Тимур сосредоточил на покорении современной территории Карачаево-Черкесии. С целью покарать «неверных» Тимур пошел на Буриберди и Буракана, который был правителем народа асов. «Вырубив деревья и проложив дорогу, Тимур оставил эмира Хаджи-Сейф-ад-Дина при обозе, а сам с целью джихада (война за веру) взшел на гору Эльбрус»²⁰⁶. Карательные отряды Тимура «в горных укреплениях и защищенных ущельях» встретили мужественное сопротивление горцев. Однако силы были неравны. Разрозненные отряды горцев не могли бороться с огромной, организованной и хорошо вооруженной армией. Войска Тимура «истребили многих из тех неверных ... разорили их крепости, и милостью судьбы для победоносного войска стала несмет-

Рис. 2. Тимур

ная добыча из имущества неверных» — такую хвастливую редакцию своих деяний впоследствии утвердил Тимур.

После этих погромов Тимур вернулся к своему обозу, дал войскам отдохнуть, а затем выступил в поход против крепостей Кули и Тауса, располагавшихся на территории нынешней Кабардино-Балкарии. Не имея сил дать открытый бой, местные жители под натиском врага уходили глубоко в горы, устраивали засады, со скал и обрывов скатывали камни и образовывали завалы. Тимур уничтожил и разграбил десятки поселений, истребил в Кули и Таусе значительную часть населения, а «те, которые остались в живых, — по словам Йезди, — оказались бродячими, растерянными и бездомными». В это время, по всей вероятности, и погиб некогда цветущий город Нижний Джулат. Раскопки, произведенные в последние годы на городище Нижний Джулат, показали трагическую картину гибели города: обнаружены следы большого пожара, заваленные саманные стены, развалины соборной мечети, мавзолеев и др.

Затем Тимур выступил против владетеля Пулада. Поводом для этого послужил отказ Пулада выдать находящегося у него золотоордынского военачальника Утурку. Пройдя местность Балкана (отождествляемую исследователями с Черекским ущельем — местом первоначального расселения балкарцев), Тимур двинулся на крепость Капчигай, располагавшуюся в недоступном месте (предположительно в районе сел. Верхний Чегем). Войску Тимура потребовались большие усилия для того, чтобы захватить эту крепость. Однако заняв и разорив владения эмира Пулада, Тимур не смог захватить Утурку. Направленные в погоню войска под командованием Мирац-шаха, по всей вероятности, через труднопроходимые ущелья и горные перевалы достигли местности Абаса, где вскоре и был схвачен Утурку. Следуя своим принципам всегда и везде вести борьбу с кяфирами (неверными, т. е. немусульманами), Тимур разорил и ограбил жителей этих мест.

Затем, дав войску кратковременный отдых в Пятигорье, Тимур вторгся на территорию Ичкери (в юго-восточной Чечне). Часть жителей этой области, преимущественно мусульмане, покорилась завоевателям, но другая, отступив в труднодоступные горные районы, оказала им упорное сопротивление. Одолеть их пришлось ценою больших усилий и крайнего напряжения всех сил. На территории нынешней Чечено-Ингушетии войска Тимура с обычной жестокостью истребляли население, разрушали крепости, церкви и капища.

Выйдя из этих районов, Тимур, разорив северные пределы Аварии, прошел по земле кумыков в область Бешкенд, правители которой получили от него жалования (суюргал) за проявленную покорность. Дальнейшие его действия проходили в районе Андийского Койсу, откуда он двинулся на север, переправился через Терек и остановился на зимовку в низовьях Кумы, в местности Бугаз-Кум («Песчаный залив»). Этими событиями заканчивается второй этап похода Тимура, цель которого сводилась к покорению наиболее важных в экономическом и политическом отношении областей Северного Кавказа.

Зимой 1395/96 г. Тимур совершил стремительный поход на золотоордынские города Сарай-Берке и Хаджи-Тархан, попутно почти полностью истребив население, называемое балыкчиян («рыбаки»), жившее на островах у северо-западного побережья Каспийского моря. Хаджи-Тархан и особенно Сарай-Берке подверглись ужасающему разгрому. Большая часть жителей была уничтожена, а сами города сожжены.

Весной 1396 г., вернувшись в Бугаз-Кум, Тимур продолжил свои завоевания в Дагестане. Оставив обоз в сел. Тарки, он с многочисленным

войском дошел до области Ушкуджа, отождествляемой с современным Акуминским районом, и отсюда разослал усиленные отряды по разным направлениям для захвата добычи.

Против Тимура выступило объединенное войско аварцев и лакцев и других горцев во главе с шамхалом Казикумухским. Сражение закончилось победой Тимура. Тем временем другие его отряды подвергли опустошительному разгрому даргинские земли, причем погибших было так много, что, по выражению Йезди, «из убитых сделали холм»²⁰⁷. Запуганные этими событиями, в лагерь Тимура прибыли старшины и вельможи (бузурган), которым были выданы «ярлыки» на управление различными обществами при соблюдении неперемennого условия — продолжения «священной войны» против «неверных» Дагестана.

Сам Тимур, продолжая военные действия в Центральном Дагестане, сломил упорное сопротивление народа и взял крепости Нергес, Мика, Белу и Деркелу и сравнял их с землей. Затем войска Тимура направились в «область Зирихгеран» (Кубачи), население которой оказалось вынужденным изъявить ему покорность. Пройдя земли кайтагов, уже испытывавших за год до этого ужасы нашествия, Тимур вернулся в Дербент, где приказал отстроить и заново укрепить стены и крепость.

Тимур придавал покорению Северного Кавказа большое значение. Поэтому так долго и с таким упорством вел он против горских народов завоевательные войны. Не останавливаясь ни перед чем, Тимур своими жестокостями надеялся покорить горцев и превратить их в послушных рабов. Варварские погромы Тимура принесли неисчислимые бедствия и страдания народам Северного Кавказа. Резко сократилось население, исчез ряд городов и крепостей, пришло в упадок сельскохозяйственное и ремесленное производство. Однако эти крайне жестокие меры оказались не в силах поставить свобододлюбивых горцев на колени. Героическое сопротивление, оказанное горцами Кавказа грозному завоевателю, является яркой страницей борьбы народов Северного Кавказа за независимость и свободу.

Пытаясь наказать непокорного Тохтамышша, Тимур, однако, не уничтожил Золотую Орду как государство. И в дальнейшем его политика была направлена скорее на восстановление этого объединения под главенством самого Тимура. Много лет спустя, перед походом в Китай, в ставку Тимура прибыл посол Тохтамышша, который некоторое время скитался по степям. Тимур «обласкал посланного и обещал следующее: „После этого похода я, с божьей помощью, опять покорю улус Джучиев и передам ему“ (Тохтамышшу.— *Авт.*)». Однако исполнить это обещание Тимур не успел: он умер в 1405 г.

На равнинах Золотой Орды одно за другим стали появляться новые формирования: Ногайская Орда, Казанское, Астраханское, Крымское ханства. В 1480 г. русский народ окончательно свергнул татаро-монгольское иго. К началу XVI в. Большая Орда прекратила свое существование.

Распад государства Тимура и Золотой Орды не принес все же полной свободы народам Центрального и Северо-Западного Кавказа. Они все еще оставались, хотя и формально, в зависимости от татар. «На равнинах Черкесии», притесняя и грабя адыгов, кочевали татары. В 1500 г. в местность в «пяти горах под Черкесы» откочевала даже часть татар Большой Орды. Навязать свою власть пятигорским черкесам пыталась и Ногайская Орда. Однако наибольшую опасность, как мы увидим ниже, для народов Северного Кавказа стали представлять Османская империя, Крымское ханство и шахский Иран.

- ¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1952. Т. 5. С. 221.
- ² *Майский И. М.* Чингисхан // Вопр. истории. 1962. № 5; *Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Чингисхан и его наследие // История СССР. 1962. № 5; Вопр. истории. 1963. С. 10; История Монгольской Народной Республики. 2-е изд. М., 1967; *Партийная жизнь*. 1968. № 14; Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. М., 1970.
- ³ *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. С. 100—133.
- ⁴ Там же. С. 113.
- ⁵ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей/ Пер. с перс. А. А. Хетагуровой и О. И. Смирновой. М.: JL, 1960. Т. 1. Кн. 2. С. 209.
- ⁶ Там же. С. 213.
- ⁷ Там же. С. 227; *Ибн-ал-Асир.* Тарих ал-Камиль/Пер. с араб. П. К. Жуве. Баку, 1940. С. 139—140; *Али-заде А. А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956. С. 92—100.
- ⁸ *Киракос Гандзакец.* История Армении/Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 156.
- ⁹ *Ибн-ал-Асир.* Указ. соч. С. 141.
- ¹⁰ *Киракос Гандзакец.* Указ. соч. С. 138; *Картлис Цховрба.* Тбилиси, 1959. Т. 2. С. 165. На груз. яз.; *Сизарулидзе Ю. М.* Борьба грузинского народа за независимость в XIII—XIV вв. Тбилиси, 1967. С. 42—62. На груз. яз.; История армянского народа. Ереван, 1976. Т. 3. С. 600—602. На арм. яз.
- ¹¹ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 228—229.
- ¹² Армянские источники о монголах: Ивлечение из рукописей XIII—XIV вв./Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. М., 1962. С. 23.
- ¹³ *Киракос Гандзакец.* Указ. соч. С. 138.
- ¹⁴ *Ибн-ал-Асир.* Указ. соч. С. 142.
- ¹⁵ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 26.
- ¹⁶ Там же. М.; JL, 1941. Т. 2. С. 31—32.
- ¹⁷ Там же. Т. 1. С. 26; Т. 2. С. 33.
- ¹⁸ *Ибн-ал-Асир.* Указ. соч. С. 142.
- ¹⁹ Там же. С. 145.
- ²⁰ *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 180.
- ²¹ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 229.
- ²² Цит. по: *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.). С. 182.
- ²³ *Ибн ал-Асир.* Указ. соч. С. 144.
- ²⁴ Там же. С. 145—148.
- ²⁵ Там же. С. 148.
- ²⁶ *Петрушевский И. П.* Указ. соч. С. 124.
- ²⁷ *Галстян А.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Монголо-татары в Азии и Европе: Сб. статей. С. 160—161.
- ²⁸ *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны/Пер. с араб., предисл., примеч. и указ. З. М. Буниятова. Баку, 1973. С. 227.
- ²⁹ *Мухаммад ан-Насави.* Указ. соч. С. 221.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. М.; JL, 1960. Т. 2. С. 27—28.
- ³² *Пахомов Е. А.* О Дербентском княжестве XII—XIII вв. Баку, 1930. С. 11.
- ³³ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 39. Имя черкесского государя читается неуверенно.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Слово это переводится, скорее всего, «высокая», «великая». Ср. венгерское «мадаз» (очевидно, из иранских языков). О вятии татаро-монголами аланской столицы см. также: *Bretschneider E.* A medieval Researches from Eastern Sources. L., 1910. Vol. 2. P. 84, 90.
- ³⁶ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. М.; JL, 1941. Т. 2. С. 23.
- ³⁷ *Иванов А.* История монголов: (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. СПб., 1914. Т. 2. С. 283.
- ³⁸ *Ковин С. А.* «Сокровенное сказание»: Монгольская хроника, 1240 г. М.; JL, 1941. С. 194.
- ³⁹ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 39.
- ⁴⁰ *Вильгельм де-Рубрук.* Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 170.
- ⁴¹ *Лавров Л. И.* Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции (ст. 2) // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; JL, 1953. Т. 18. С. 331—334; *Он же.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1. С. 81—83; *Шихсаидов А. Р.* О пребывании монголов в Рича и Кумухе // Уч. зап. зап. Ин-та истории, языка и литературы Даг. фил. АН СССР. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 7.
- ⁴² Развалины этого замка сохранились в Кумухе.— Авт.
- ⁴³ *Лавров Л. И.* Из эпиграфических находок... С. 334; *Шихсаидов А. Р.* Указ. соч. С. 8.
- ⁴⁴ *Лавров Л. И.* Нашествие монголов на Северный Кавказ // История СССР. 1965. № 5.

- ⁴⁵ *Плано Карпини*. История монголов. СПб., 1911. С. 35—36, 42.
- ⁴⁶ *Вильгельм де-Рубрук*. Указ. соч. С. 66, 88—89, 95, 169.
- ⁴⁷ ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. С. 525; СПб., 1856. Т. 7. С. 173, 174; СПб., 1885. Т. 10. С. 155.
- ⁴⁸ Там же. Т. 1. Вып. 1. С. 446.
- ⁴⁹ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 3.
- ⁵⁰ Там же. С. 26.
- ⁵¹ *Лавров Л. И.* Происхождение балкарцев и карачаевцев // КСИЭ. М., 1959. Т. 32. С. 65—77; см. также кн.: Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачевского народов (22—26 июня 1959 г.): Сб. статей. Нальчик, 1960. С. 9—37, 63—126.
- ⁵² *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962. № 106. С. 130, 131; *Оль же*. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—VIII вв. // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Т. 3. С. 21—34; *Минаева Т. М.* К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971. С. 58—227.
- ⁵³ Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачевского народов... С. 76—77.
- ⁵⁴ *Анчабадзе З. В.* Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV вв. // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачевского народов... С. 118—126; *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961. С. 39—40.
- ⁵⁵ *Федоров Я. А.* К вопросу об этногенезе кумыков // Науч. докл. высшей школы. Ист. науки. М., 1959. Вып. 1. С. 104—106; *Гаджиева С. Ш.* Указ. соч. С. 33—45; *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Половцы-кыпчаки на Северном Кавказе // Вопр. истории Дагестана. Махачкала, 1975. С. 140—171.
- ⁵⁶ *Баскаков Н. А.* Классификация тюркских языков // Тр. Ин-та языковедения. М., 1952. Т. 1. С. 11, 41.
- ⁵⁷ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 271—290; *Гаджиева С. Ш.* Указ. соч. С. 42—44.
- ⁵⁸ *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 200—204.
- ⁵⁹ Там же. С. 203, 204.
- ⁶⁰ Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961. С. 164—188; Очерки истории Карачаево-Черкесии, Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 86—93, 172—190, 354—406, 551—590; История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 87—98, 246—300; *Гаджиева С. Ш.* Указ. соч. С. 192—335; История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 215—231, 293—304, 401—416; *Басилов В. Н., Кобычев В. П., Николай Кувд* // КЭС. М., 1976. Т. 6. С. 47—98, 131—187, 202—237.
- ⁶¹ *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 36—46.
- ⁶² Происхождение осетинского народа: Сб. статей. Орджоникидзе, 1967.
- ⁶³ *Абаев В. И.* Указ. соч. С. 13—129.
- ⁶⁴ *Алексеев В. П.* Указ. соч. С. 134—138, 197—200.
- ⁶⁵ *Калоев В. А.* Осетины. М., 1971.
- ⁶⁶ *Вансеев З. Н.* Средневековая Алания. Сталинград, 1959. С. 180; *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 41—42.
- ⁶⁷ *Карлис Цховрба.* Тбилиси, 1955. Т. 2. С. 251.
- ⁶⁸ *Лавров Л. И.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ. 1956, № 1. С. 19—28.
- ⁶⁹ Цит. по кн.: *Кучкин В. А.* Где искать яский город Тютюков? // Изв. Северо-Осет. НИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. 25. С. 172.
- ⁷⁰ *Лавров Л. И.* Происхождение кабардинцев... С. 27; *Крупнов Е. И.* Еще раз о местонахождении города Дедакова // Славяне и Русь: Сб. статей. М., 1968. С. 291—297.
- ⁷¹ *Лавров Л. И.* Происхождение кабардинцев... С. 27.
- ⁷² *Ргвеладзе Э. В.* К вопросу о времени переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа // Теа. докл. и сообщ. III Крупновских чтений. Грозный, 1973. С. 20, 21.
- ⁷³ *Лавров Л. И.* Абазины // КЭС. М., 1955. Т. 1. С. 8—9; *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. С. 69, 205—206; *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965. С. 47, 52, 93—94, 370; *Алексеева Е. П.* К вопросу о происхождении абазин по данным археологии // Из истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1970. Вып. 6. С. 299—317.
- ⁷⁴ *Лавров Л. И.* «Обезы» русских летописей // СЭ. 1946, № 4. С. 161—170; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 196, 197.
- ⁷⁵ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 123, 183.
- ⁷⁶ *Лавров Л. И.* Абазины. С. 9.
- ⁷⁷ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 138.
- ⁷⁸ Там же; *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. С. 45.
- ⁷⁹ *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 207.
- ⁸⁰ *Ргвеладзе Э. В.* Из истории городской культуры на Северном Кавказе в XIII—XIV вв. и ее связей со Средней Азией: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 8.

- ⁸¹ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 287—288.
- ⁸² Там же. С. 287.
- ⁸³ Там же. С. 286.
- ⁸⁴ *Минаева Т. М.* Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1953. Вып. 5; *Она же.* Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965. С. 88—100; *Волкова Н. Г.* Маджары // КЭС. М., 1972. Т. 5. С. 54, 55.
- ⁸⁵ *Ртвеладзе Э. В.* Из истории городской культуры... С. 8—9.
- ⁸⁶ Там же. С. 11—15; *Волкова Н. Г.* Указ. соч. С. 52—53.
- ⁸⁷ *Чеченов И. М.* Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // Учен. зап. Кавб.-Балкар. НИИ. Нальчик, 1967. Т. 25. С. 192—225; *Он же.* Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата в 1967 г. // Вестн. Кавб.-Балкар. НИИ. Нальчик, 1968. Вып. 1. С. 128—151.
- ⁸⁸ *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 46.
- ⁸⁹ *Алексеев В. П.* К краеведению населения равнинных районов Кабардино-Балкарии // Учен. зап. Кавб.-Балкар. НИИ. Т. 25. С. 178—182.
- ⁹⁰ *Чеченов И. М.* Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата... С. 128—151; *Он же.* Нижний Джулат как раннефеодальный город // Тез. докл. региональной конференции: VII Крупновские чтения. Черкесск. 1977.
- ⁹¹ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 173.
- ⁹² Средневековые памятники Северной Осетии: Сб. статей. М., 1963. С. 48—106; *Крупнов Е. И.* Указ. соч. С. 295—297; *Кузнецов В. А.* Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 107—111; *Он же.* Алалия в X—XIII вв. С. 157—162.
- ⁹³ *Лавров Л. И.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ. 1956. № 1. С. 27.
- ⁹⁴ *Чеченов И. М.* Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1965 г. // Учен. зап. Кавб.-Балкар. НИИ. Т. 25. С. 107—115; *Минаева Т. М.* Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1975. С. 100.
- ⁹⁵ *Крупнов Е. И.* Указ. соч. С. 296; *Чеченов И. М.* Археологические работы... С. 109—110; *Он же.* Раскопки городища Нижний Джулат... С. 192—210, 223—225; *Он же.* Некоторые итоги раскопок... С. 128—136, 146—147.
- ⁹⁶ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 175.
- ⁹⁷ *Минаева Т. М.* Очерки по археологии Ставрополя. С. 96—99; *Волкова Н. Г.* Указ. соч. С. 62—64; *Ртвеладзе Э. В.* Из истории городской культуры... С. 11—15.
- ⁹⁸ *Фелицын Е. Д.* Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5. С. 1—3.
- ⁹⁹ Там же. С. 2—3; *Зевакин Е. С., Пенчко Н. А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // ИЗ. 1938. Т. 3. С. 75—77.
- ¹⁰⁰ *Зевакин Е. С., Пенчко Н. А.* Очерки по истории генуэзских колоний... С. 78—86.
- ¹⁰¹ Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 г. // ЗОИДР. Одесса, 1863. Т. 5. С. 999.
- ¹⁰² *Зевакин Е. С., Пенчко Н. А.* Указ. соч. С. 124; *Они же.* Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. // ИЗ. 1940. Т. 7. С. 5—6.
- ¹⁰³ *Фелицын Е. Д.* Указ. соч. С. 3.
- ¹⁰⁴ *Зевакин Е. С., Пенчко Н. А.* Очерки по истории генуэзских колоний... С. 87, 88.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ *Нарышкин Н.* Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (в Сванетию) с археологической целью в 1867 г. // ИРАО. СПб., 1871. Т. 8. С. 339, 340.
- ¹⁰⁷ *Кузнецов В. А.* Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. // КСИА. 1964. Т. 98. С. 107—111.
- ¹⁰⁸ [*Иоганн Шильбергер*]. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. // Зап. Новорос. ун-та. Одесса, 1867. Т. 1. С. 31—32.
- ¹⁰⁹ *Зевакин Е. С., Пенчко Н. А.* Очерки по истории генуэзских колоний. С. 91—98.
- ¹¹⁰ О размахе работорговли см.: *Brattani G.* Recherches sur la commerce génois dans le mer Noire au XIII siècle. P., 1929; *Heid W.* Histoire du commerce du Levant. Leipzig, 1936. Т. 1.
- ¹¹¹ *Али-заде А. А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII—XIV вв. Баку, 1956. С. 300—330.
- ¹¹² *Криштопа А.* Дагестан XIII—XIV вв. по сообщениям восточных авторов // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сб. статей. Махачкала, 1974. Вып. 4. С. 96—118.
- ¹¹³ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 81—82; Л., 1946. Т. 3. С. 54.
- ¹¹⁴ *Киракос Гандзакечи.* Указ. соч. С. 236—238.
- ¹¹⁵ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 82; Т. 3. С. 59—60; *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 81, 91—92, 99.
- ¹¹⁶ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей.

- Т. 2. С. 82; Т. 3. С. 68; *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 121, 152, 203—205, 276, 380, 509; Т. 2. С. 92, 99, 210.
- ¹¹⁷ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 153, 510.
- ¹¹⁸ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 67, 68.
- ¹¹⁹ Карглис Цховрѣба. Т. 2. С. 248.
- ¹²⁰ История монголов по армянским источникам. СПб., 1873. Вып. 1. С. 48 (Орбелиан).
- ¹²¹ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 75.
- ¹²² *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 204.
- ¹²³ Там же. С. 116—117.
- ¹²⁴ Там же. Т. 2. С. 82.
- ¹²⁵ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 90.
- ¹²⁶ Там же. Т. 2. С. 85.
- ¹²⁷ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 116—117.
- ¹²⁸ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. С. 86—87.
- ¹²⁹ Там же. С. 86.
- ¹³⁰ Там же. Т. 3. С. 188—189.
- ¹³¹ Там же. С. 189.
- ¹³² ПСРЛ. Т. 18. С. 75.
- ¹³³ *Гамрекели В. Н.* Двалы и Двалетия в I—XV вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1958. С. 6.
- ¹³⁴ *Рерих Ю. Н.* Избр. труды. М., 1967.
- ¹³⁵ *Абакаров А. И.* Некоторые предметы вооружения монгольского времени из Горного Дагестана // Древности Дагестана: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1975. Вып. 5. С. 259, 260.
- ¹³⁶ Язык Сарира и Филана упомянул ал-Гарнати. См.: Путешествие Абу-Хамда ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1151). М., 1971. С. 26, 49. Краткая записка о них дана по авторам X в. (*Иакут ал-Хамави ар-Руми.* Китаб муджам ал-Буидан. Тегеран, 1965. Т. 3. С. 218, 219).
- ¹³⁷ *Иакут ал-Хамави ар-Руми.* Указ. соч.
- ¹³⁸ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. 29. С. 17.
- ¹³⁹ Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи (Тарих Дагестан-наме) // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. 5. С. 12—13; *Магомедов Р. М.* Легенды и факты о Дагестане. 2-е изд. Махачкала, 1969. С. 76, 77.
- ¹⁴⁰ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда в X—XI вв. М., 1963. С. 65, 136.
- ¹⁴¹ ССКГ. Вып. 5. С. 10.
- ¹⁴² Кайтахские рукописи // АКАК. Тифлис, 1868. Т. 2. С. 1072.
- ¹⁴³ Там же. С. 1074.
- ¹⁴⁴ См.: Кавкумухские и кюринские ханы // ССКГ. 1869. Вып. 2; *Маршаев Р. Г.* О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // УЗ ИИЯЛ ДФАН. Махачкала, 1986. Вып. 5.
- ¹⁴⁵ *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1. С. 82—83, 85—88, 90—95, 115.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 111.
- ¹⁴⁷ Карглис Цховрѣба. Т. 2. С. 252.
- ¹⁴⁸ АКАК. Т. 2, доп. к т. 1 (Кайтахские рукописи № 1—2); Извлечение из истории Дагестана (привлекался также сводный перевод «Тарих Дагестан», выполненный А. Р. Шихсаидовым); Сказание об основании аула Аргвани/Сводный перевод, вступительное пояснение и коммент. А. Р. Шихсаидова) // Рукописный фонд Ин-та истории, языка и литературы Даг. фил. АН СССР. (Далее: РФ ИИЯЛ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 404. Л. 26—29; Д. 378. Л. 66, 56, 7а, 66.; Д. 2646. Л. 166, 176; Тарихи Дербент-наме. Тифлис, 1898; Хроника аула Ихрав/Дер. и вступительные пояснения Р. А. Шихсаидова по тексту «О событиях в Дагестане в старые времена», содержащемуся в рукописном сб.: К истории Дагестана: Запись Инкачилау // РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 378 (1651 г.); *Криштопа А. К.* вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1976. Вып. 6. С. 149—183.
- ¹⁴⁹ Сказание об основании Аргвани (с. 15—17 перевода А. Р. Шихсаидова, соответствует с. 276 текста рукописи).
- ¹⁵⁰ Там же (с. 17—20 перевода А. Р. Шихсаидова, соответствует с. 28а текста рукописи); ССКГ. Вып. 5. С. 20—24.
- ¹⁵¹ ССКГ. Вып. 5. С. 24, 24—25.
- ¹⁵² *Атаев Д. А.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 211.
- ¹⁵³ *Атаев Д. М.* Указ. соч. С. 206—212.
- ¹⁵⁴ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 3. С. 189.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 285.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 82, 83.
- ¹⁵⁸ *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа... Ч. 1. С. 114—115 (надпись № 276).
- ¹⁵⁹ *Рашид ад-Дин.* Переписка. М., 1971. С. 186.
- ¹⁶⁰ *Баргольд В. В.* Соч. М., 1973. Т. 8. С. 235. Примеч. 66.
- ¹⁶¹ Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 117.
- ¹⁶² Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 77.
- ¹⁶³ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 33.

- ¹⁶⁴ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23 (Ермоливская летопись). С. 124.
- ¹⁶⁵ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 156.
- ¹⁶⁶ Там же. Т. 1. С. 306.
- ¹⁶⁷ *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. Рвс. 28.
- ¹⁶⁸ Лакские эпические песни/Сост. и примеч. Х. Халилова. Махачкала, 1969. С. 89—92 (оригинал). С. 197—201 (пер.).
- ¹⁶⁹ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 86, 87.
- ¹⁷⁰ АКАК. Т. 2. С. 1074.
- ¹⁷¹ Там же.
- ¹⁷² ССКГ. Т. 5. Тифлис, 1971. С. 25.
- ¹⁷³ АКАК. Т. 2. С. 1074.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ ССКГ. Т. 5. С. 25.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 26, 27.
- ¹⁷⁷ Тарих Дагестан. // Отдел рукописей Ленингр. отд-ния Ин-та востоковедения АН СССР. Ф. В-1009 (842). Л. 34а. (Пер. А. Р. Шихсаидова).
- ¹⁷⁸ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 86—87, 100, 132, 142.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 100.
- ¹⁸⁰ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 326, 387 (Ибн-Дукмак. Ибн-Халдуи); Т. 2. С. 100 («Тарих-и Шейх Увейс»).
- ¹⁸¹ Там же. Т. 2. С. 42, 143. См. также С. 92.
- ¹⁸² Там же. С. 92, 143.
- ¹⁸³ Там же, с. 93, 101, 143.
- ¹⁸⁴ *Козубский Е. И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура. 1906. С. 49—50.
- ¹⁸⁵ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 530.
- ¹⁸⁶ *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа... Ч. 1. С. 118, 196—198.
- ¹⁸⁷ ССКГ. Т. 5. С. 27.
- ¹⁸⁸ ССКГ. Т. 5. С. 96, 103.
- ¹⁸⁹ *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа... Ч. 1. С. 120. Там же. С. 118—119.
- ¹⁹⁰ ССКГ. Т. 5. С. 20.
- ¹⁹¹ АКАК. Т. 2. С. 1073.
- ¹⁹² Там же.
- ¹⁹³ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 124, 187; *Лавров Л. И.* Новое о Зихир-Геране и казкумухских шамхалах // *Иа истории дореволюционного Дагестана.* Махачкала, 1976.
- ¹⁹⁴ АКАК. Т. 2. С. 1073. См. также рукопись: История происхождения удмев в кайтагских беков // РФ НИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286 (1845 г.). С. 3.
- ¹⁹⁵ АКАК. Т. 2. С. 1073.
- ¹⁹⁶ *Новосельцев А. П.* Об исторической оценке Тимура // *Вопр. истории.* 1973. № 2. С. 15—10.
- ¹⁹⁷ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 119, 175.
- ¹⁹⁸ *Шериф ад-Дин Иезди.* Соч. СПб., 1877. Т. 1. С. 306.
- ¹⁹⁹ *Архин К. Маркса и Ф. Энгельса.* М., 1939. Т. 6. С. 185.
- ²⁰⁰ *Фома Мецонский.* История Тимур-Ланка. Баку, 1957. С. 62.
- ²⁰¹ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 119.
- ²⁰² ПСРЛ. Т. 25. С. 222—223.
- ²⁰³ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 122.
- ²⁰⁴ Там же. С. 180—181.
- ²⁰⁵ Там же.
- ²⁰⁶ Там же. С. 186.

ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIII—XV ВВ.

1. Социально-экономические отношения

Завоевания татаро-монголов, как отмечалось выше, сыграли крайне отрицательную роль в судьбах всех народов Северного Кавказа. Экономическое развитие стран, по территории которых прошли татаро-монгольские орды, было отброшено далеко назад, хозяйству был нанесен непоправимый урон. Упадок земледелия, угон ремесленников и уничтожение ремесленных мастерских было явлением повсеместным. Цветущие и многолюдные города и ремесленные центры Северного Кавказа, как и других соседних стран, лежали в развалинах. Было бы неверно видеть во всем этом неизбежные последствия одних только военных действий. Уничтожение городов и сел, массовое истребление населения были для завоевателей продуманными, заранее предусмотренными и систематически реализуемыми акциями.

Походы через Северный Кавказ, рейды во внутренние его районы, неоднократные столкновения на территории Предкавказья войск Золотой Орды и Хулагидов, опустошительные походы Тимура — все это пагубным образом отразилось на экономике, культуре, социальном развитии народов Северного Кавказа. Особенно большие изменения произошли в хозяйственной деятельности этих народов.

Низменные земледельческие районы целиком были превращены в кочевья золотоордынцев.

Выше указывалось, что основная масса уцелевших после татаро-монгольских погромов нашла убежище в нагорной части Северного Кавказа. Естественно, что на новом месте они не могли, как в низменных районах, заниматься плужным земледелием.

Земледелие и скотоводство. С прекращением военных действий и постепенной стабилизацией политической обстановки стала усиливаться хозяйственная деятельность народов Северного Кавказа. Благодаря неимоверному труду народных масс хозяйство Северного Кавказа медленно, но неуклонно стало развиваться.

В прибрежном и приморском Дагестане и Прикубанье население больше занималось земледелием, а в центральной части и в нагорных районах Северного Кавказа ведущей отраслью хозяйства оставалось скотоводство. Причем центральную часть Северного Кавказа, где многочисленные земледельческие поселения после татаро-монгольского нашествия, по существу, прекратили свое существование, постепенно стали заселять адыги. Это дало им широкие возможности умножить пастбищные земли и увеличить количество скота. Однако свой многовековой земледельческий опыт бывшие жители равнин и предгорий довольно удачно использовали в новых условиях. В горных районах стало развиваться террасное земледелие. Некоторые исследователи склонны даже считать, что в нагорных районах Центрального Кавказа развитие террасного земледелия было связано в основном с вынужденным переселением земледельческо-

го населения. Однако террасные участки с их крайне малыми размерами и жалким урожаем не могли оправдать и сотой доли затраченного нечеловеческого труда на их создание и обработку. Поэтому пришлое население со временем стало приспосабливаться к горным, веками складывавшимся формам хозяйства, а именно к разведению мелкого рогатого скота.

Арабский писатель Ал-Омари (XV в.) писал о Северном Кавказе: «У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя (т. е. водится скот.— *Авт.*), текут реки и добываются плоды»¹.

Из злаковых культур на Северном Кавказе возделывались ячмень, пшеница, просо, рожь, овес. В XV в. земледельческое освоение равнинных и предгорных районов получило дальнейшее развитие. В Прикубанье, «области Кремук (где ныне проживают адыгейцы.— *Авт.*), — писал И. Барбаро в середине XV в., — хлеба ... много»².

У зихов (черкесов), писал Интериано, «много проса и других зерновых продуктов»³. Как увидим ниже, часть хлеба, выращиваемого на Северо-Западном Кавказе, вывозилась в Трапезунд и в другие места.

Некоторые представления о земледелии у народов Северного Кавказа дают археологические материалы XIII—XV вв. На поселениях Восточного Причерноморья и Закубанья в бассейне Терека и его притоков, датируемых XIII—XV вв., встречаются железные лемехи, мотыги, серпы, топоры для подсечного земледелия, каменные орудия (жернова, зернотерки, ступы, песты и пр.), а также пифосы, которые использовались для хранения зерна. Наличие сошников говорит о пашенном земледелии в Закубанских предгорьях.

Земледелие развивалось и на Центральном Кавказе. Территория Северного Карачая, Балкарии, Осетии вплоть до самых высокогорных районов хранит следы земледельческой культуры. Расчищены поля от камня, видны следы арыков разных назначений, главным образом оросительных. Предки карачаевцев и балкар, наряду с другими зерновыми культурами, преимущественно разводили ячмень (арпа).

Дальнейшее развитие земледелия получило на Северо-Восточном Кавказе, особенно в Дагестане. Здесь возделывались пшеница, ячмень и бобовые. Голозерные, крупноколосные, крупнозерные ячмени горного Дагестана отличались высоким качеством и продуктивностью. Искусственное орошение было распространено в горах Дагестана и Центрального Кавказа.

К XV в. в Дагестане произошли заметные изменения в хозяйственной деятельности населения, как и в других горных районах Северного Кавказа. В то время как равнинные и предгорные районы специализировались на производстве зерна, в нагорной части значительно усилилось животноводческое направление. На равнине, прилегающей к Дербенту, «пашут землю и сеют пшеницу, и ячмень, ярицу, и полбу»⁴. Судя по имеющимся источникам, в равнинной зоне Дагестана практиковалась зерновая система с трехпольным севооборотом. Значительна была роль зернового хозяйства в экономике ряда горных районов. Более того, в XIII—XIV вв., когда низменные районы Дагестана оказались занятыми кочевниками, в нагорной зоне заметное развитие получило террасное земледелие. О развитии земледелия, и в частности зернового хозяйства, в Дагестане говорят и сведения об обязанностях жителей Хунзаха, Кадара, Аракса, Ирганая и др. платить владельцу «хараж» (подать) — пшеницей, а жителей Тарки — рисом.

В ряде мест Северного Кавказа пользовались поливными покосами. Для этого, кроме каналов, прокладывали деревянные, глинобитные и гон-

чарные водопроводные трубы. Они обнаружены на поселениях Дагестана, Балкарии, Карачая и в других местах.

В системе горного полеводства господствовало, очевидно, однополье, но встречалось и трехполье.

Важное место в хозяйственной деятельности народов Северного Кавказа занимало и садоводство, особенно в Дагестане и на Северо-Западном Кавказе, где произрастали орехи, яблоки, груши, айва, абрикосы, персики. В меньших размерах разводили сады в горах Центрального Кавказа карачаевцы, балкарцы, осетинцы, чеченцы и ингуши.

Как уже отмечалось, скотоводство являлось, наряду с земледелием, основным видом хозяйственной деятельности всех народов Северного Кавказа.

Развитию скотоводства на Северном Кавказе благоприятствовало наличие кормовой базы — прекрасные альпийские луга в горах и богатейшие речные долины, изобилующие сочными травами. Здесь по-прежнему разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей, верблюдов, ослов; из птицы — кур, уток, гусей.

По словам ПIANO Карпини, жители Дешт-и-Кыпчака очень богаты скотом: верблюдами, быками, козами и лошадьми. «Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет в целом мире»⁵. Проживавший в 1436—1452 гг. в Тане Йосафат Барбаро свидетельствует, что на Северо-Западном Кавказе много разного скота, хотя лошади и не породысты, но зато «прекрасны крупные быки, причем в таком количестве, что их вполне хватает даже на итальянские бойни»⁶.

Заметное развитие скотоводство получило и у переместившихся с запада на Центральный Кавказ адыгов. В отличие от своих сородичей — адыгов Прикубанья — они стали уделять в XIII—XV вв. больше внимания скотоводству, чем земледелию. При этом особое внимание уделялось коневодству, которое достигло высокого уровня. «У здешних жителей, — сообщает И. Барбаро, — превосходные лошади»⁷. У адыгов, пишет Интериано, лошадьми владеют знатные. Они не терпят, чтобы их подданные занимались коневодством. И отнимают у них лошадей, давая взамен быка⁸.

В отличие от равнинных и предгорных районов, где в большей степени разводили быков, коров, лошадей и в меньшей — мелкий рогатый скот, в горных районах преимущественно разводили овец и коз (преобладали курдючные породы овец). Скотоводство было ведущим занятием в Карачае, Балкарии и Осетии.

Крупный рогатый скот, так же как и лошадей, использовали обычно как тягловую силу. О значительном уровне развития скотоводства в Чечено-Ингушетии свидетельствуют многочисленные башни для жилья с глухими нижними этажами, предназначенными для содержания крупного и мелкого рогатого скота, а также массовые находки в склепах описываемого периода пружинных ножниц для стрижки овец, костей быков, коров, овец, лошадей.

Развито было скотоводство и в Дагестане. Причем, как и в других местах Северного Кавказа, жители равнинных и предгорных зон разводили крупный рогатый скот, а население нагорных районов преимущественно — мелкий рогатый скот. Лошадей большей частью имела феодализирующаяся верхушка сельских общин. В силу специфических горских условий скот не мог круглый год существовать на подножном корму, поэтому на Северном Кавказе скотоводство (особенно овцеводство) носило отгонный характер. Ежегодно на зиму большое количество овец перегонялось на равнину, где имелись достаточно хорошие зимние пастби-

ца. Во время бесконечных опустошительных нашествий татаро-монгольских полчищ жители гор были лишены возможности пользоваться зимними пастбищами. Такая возможность представилась только после прекращения военных действий, что имело важное значение для дальнейшего развития скотоводческого хозяйства горцев Северного Кавказа. У некоторых жителей Северного Кавказа, и в частности ногайцев, скотоводство, являющееся их основным занятием, имело кочевой характер.

Охота, рыболовство и пчеловодство. Серьезным подспорьем в хозяйстве жителей Северного Кавказа в XIII—XV вв., как и ранее, были охота, рыболовство и пчеловодство. Охотой северокавказские жители занимались повсюду, о чем свидетельствуют обнаруженные в археологических памятниках в массе наконечники стрел и дротиков, кости диких животных и сохранившиеся изображения сцен охоты на различных животных. Охотились на медведя, волка, кабана, косуль, тура, лисиц, зайца и других зверей и всевозможных птиц. Мясо многих животных шло в пищу, а также употреблялось как средство, излечивающее от различных недугов. Шкуры зверей шли на изготовление одежды, постельных принадлежностей, применялись для утепления жилищ. Шкуры лисиц, белок, зайцев шли на украшение и добавление к народному костюму. Рога, клыки, зубы животных служили для украшения интерьеров помещений, изготовления различных подвесок, оберегов, талисманов и т. д.

Рыболовство развито было особенно в Приазовье и в Приморском Дагестане. Однако, помимо морской ловли, население Северного Кавказа занималось и речным рыболовством. Шипы осетровых рыб, обнаруженные даже на Верхне-Чегемском городище, датируемые XIII—XIV вв., убеждают в том, что осетровые рыбы из Каспия проникали до высокогорья. Интериано сообщает, что в реках Зихии водятся очень вкусная рыба «больших и малых размеров» из породы осетровых. Население среднего течения Кубани занималось даже «пластанием» (солением и вялением рыбы и изготовлением икры)⁹. Что же касается жителей приморских районов Азовского, Черного и Каспийского морей, то они занимались рыболовством не только для собственного потребления, но для продажи как во внутренние районы Северного Кавказа, так и в другие страны.

В Матрику (Тамань), свидетельствует Рубрук, съезжаются константинопольские купцы, «чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков и других рыб в большом количестве»¹⁰. А. Контарини видел, как в Каспийском море «ловят осетров и белугу, причем в громадном количестве», а также занимаются убоем тюленей, из которых готовят особую жидкость, которую жгут для освещения, и ею же мажут верблюдов; ее развозят по всей стране¹¹.

Пчеловодством занимались на Северном Кавказе повсюду, но наиболее развито оно было в Прикубанье, Карачае, Дагестане.

Арабский путешественник Ал-Омари, имея в виду пчеловодство Северо-Западного Кавказа, писал, что здесь жители собирают много меда «белого цвета, приятного на вкус, лишённого остроты»¹².

Ремесленное производство. Ремесленное производство на Северном Кавказе, несмотря на истребление и угон татаро-монголами большого числа ремесленников, никогда не прекращалось. Причем в XIII—XIV вв. ремесленное производство в основном развивалось в горных районах Северного Кавказа, где нашли убежище и ремесленники, бежавшие с равнинной части. С прекращением военных действий ремесленное производство стало налаживаться и в низменных районах Северного Кавказа.

В XIII—XV вв. на Северном Кавказе обрабатывались все виды сырья: металл, камень, глина, дерево, кость, шерсть, кожа и другие материалы, из которых выделялись одежда, оружие и другие необходимые для жизни горцев предметы.

Значительное развитие в это время получило оружейное, кузнечное, строительное дело. Совершенствовалось гончарное производство, обработка шерсти. Повсеместно имелись кузнецы, оружейники, меднолитейщики и другие мастера. Современники, отмечая хорошее качество панцирей, лат, оружия местного производства, чаще всего называли их «аланскими». По всей вероятности, современники под «аланами» понимали все население равнинно-предгорных зон Центрального Кавказа.

Оружейным делом, и прежде всего приготовлением стрел, колчанов, занимались адыги. В курганах Кабарды XIV—XV вв. встречаются сабли, наконечники стрел, железные оковки и кольца от колчанов. Интересно свидетельство о том, что черкесы делают превосходные стрелы и «немногие стрелы можно найти, которые бы пролетали большее расстояние, чем ихние, с остриями или наконечниками, закаленными наилучшим образом»¹³.

Однако наибольшего развития ремесленное производство в XIII—XV вв. достигло в Дагестане. Здесь значительно углубился наметившийся еще в предыдущие эпохи процесс специализации отдельных населенных пунктов на производстве той или иной продукции: Кубачи, Харбук, Амузги, Микрах, Испик, Кумух, Балхар, Анди и т. д.

Оружейное дело было развито в Кубачи¹⁴. Основным своим занятием — кольчугоделанием — кубачинцы занимались и в период татаро-монгольского нашествия. Они избежали нападения Тимура, поднеся ему «множество броней и кольчуг»¹⁵. Изготовлением кольчуг, панцирей и другого вооружения занимались также жители Амузги, Шиназа и других сел.

Выделившееся в отдельную отрасль ремесленного производства кузнечное дело обеспечивало не только изготовление военного снаряжения, но и необходимого сельскохозяйственного оружия и бытового инвентаря.

Сельские кузнецы Северного Кавказа, удовлетворяя запросы общинников, выступали обычно в роли мастеров-универсалов. Они производили ножи и кинжалы, ножницы портняжные и для стрижки овец, наперстки и многое другое.

Самостоятельной областью ремесленного производства становится и обработка цветных металлов, особенно меди. Высокого профессионального мастерства, совершенства в технологии меднолитейного производства достигли в Дагестане, в частности в Кубачах. Кубачи были и основным центром по изготовлению бронзовых котлов (рис. 1).

Изучение надписей, имеющих на этих котлах, датированных XIII—XV вв., показывает, что они являются произведениями мастеров меднолитейного дела — профессионалов, передававших по наследству свое мастерство.

Развитию металлообрабатывающего производства на Северном Кавказе способствовала богатая сырьевая база. На территории Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии в то время имелись выходы металлических руд — медных, серебросвинцовых, железных. Районы высокогорного Дагестана на всем протяжении — от Чечни до Азербайджана — были рудоносными. О совершенствовании процесса выплавки железа и производства железных изделий свидетельствуют многочисленные изделия кузнечного ремесла.

Значительного развития в это время достигло и ювелирное искусство. В курганах и могильниках сохранилось много изделий из меди, серебра, реже — золота: украшений (серьги, височные кольца, перстни), принадлежностей одежды (металлические пуговицы, пряжки и др.), предметов быта, изредка — декоративных частей оружия.

Местные мастера изготавливали металлическую посуду — как простую, так и парадную — из серебра.

Гончарное дело было в это время значительно развито у адыгейцев, абазин, предгорных осетин, чеченцев, ингушей и, особенно, в Дагестане. В ряде случаев гончарное производство также выступало как специализированная область ремесла, например в дагестанских селениях Балхар и Испик.

Широко развита была на Северном Кавказе и обработка шерсти. Этой отраслью ремесленного производства занимались в основном женщины. Они пряли шерсть, ткали сукно. Из тканей собственного производства, а также из привозных — бархата, шелка, полотна — шили различные принадлежности одежды, платки, сумочки, кисеты и пр. Из шкур домашних и диких животных шили шубы и шапки. Из кож — ноговицы, башмаки. Женщины же изготавливали и знаменитые северокавказские бурки и различного рода одежду из войлока, изделия типа кошмы (с узорами и без узоров).

Мужским занятием было шорное дело. Обработкой дерева также занимались мужчины. Они изготавливали деревянные части орудий труда и оружия, чашки, ложки, люльки, столики, скамеечки, шкатулки, гребни и пр. В приморских районах Северного Кавказа жители делали лодки и даже небольшие суда. В Карачае и Закубанье строили срубные дома.

Из кости делали шилья, накладки на ножи, пуговицы, гребни и прочие вещи, которые часто встречаются в погребениях того периода.

Повсеместно на Северном Кавказе было развито строительное дело и обработка камня. Памятники культовой и гражданской архитектуры и фортификационные сооружения свидетельствуют о высоком уровне строительного дела. Жилые дома, хозяйственные постройки, боевые и жилые башни, мосты строились специальными мастерами. В ряде мест, и в частности в Дагестане, строители гражданских и культовых или инженерных сооружений составляли даже небольшие ремесленные корпорации, которые работали по заказу не только в своих поселениях, но и у соседей. Кстати, строители на Северном Кавказе были чуть ли не самой подвижной категорией из числа ремесленников.

В XIII—XV вв. дальнейшее развитие получило каменное зодчество. Памятниками каменного зодчества Карачая, Балкарии, Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестана являются сохранившиеся до наших времен боевые и жилые башни, крепости и замки. В период татаро-монгольского нашествия особое развитие получили оборонительные сооружения.

Подлинным шедевром каменного зодчества, поражающим простотой форм, являются монументальные жилые, оборонительные, погребальные и культовые сооружения чеченцев и ингушей. Поэтому-то Чечено-Ингушетию считают родиной башенной архитектуры Центрального Кавказа.

Большое число памятников архитектуры XIII—XV вв. сохранилось и в других районах Северного Кавказа. На некоторых из них, в частности в Дагестане (в сел. Рича, Буршаг, Хури, Тидиб, Гоор, Кахиб и в др.), имеются надписи, позволяющие не только определить время сооружения, но и выяснить имена архитекторов, мастеров декоративных работ.

В Дагестане, Чечено-Ингушетии, Осетии и Балкарии сохранилось большое число относящихся к каменному зодчеству надмогильных па-

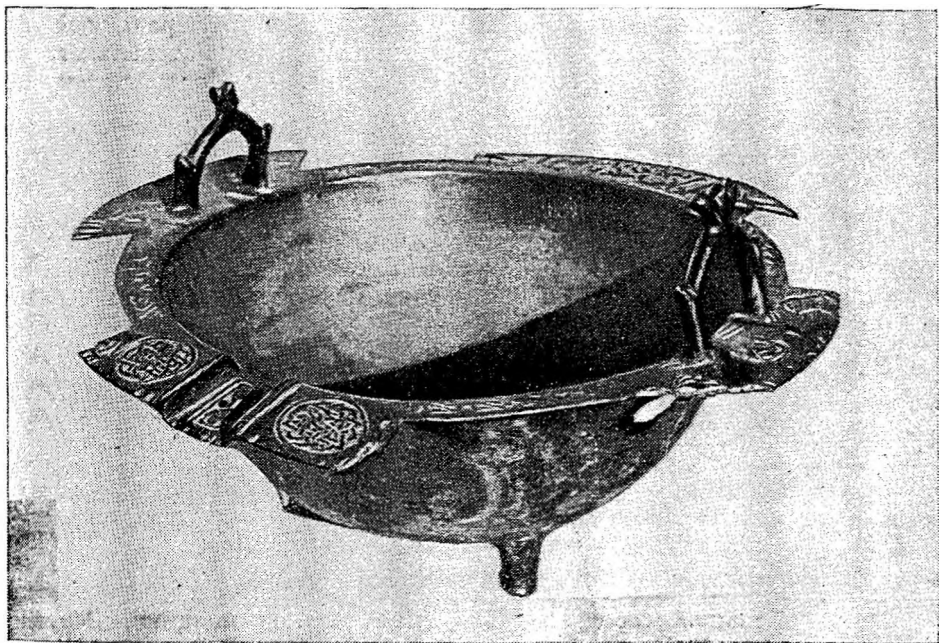

Рис. 1. Бронзовый котел XII—XIII вв. Кубачи

мятников XIII—XV вв. Они предстают как памятники монументально-декоративного искусства и представляют ценный источник для изучения истории религиозных верований.

На Северо-Западном Кавказе в XIV—XV вв. камень как строительный материал использовался реже. Здесь основной формой адыгского жилища и в XIII—XV вв. оставались турлучные постройки из прутьев, обмазанных глиной, крытых соломой, тростником или камышом. Адыги, и среди них особенно кабардинцы, предпочитали легкие турлучные постройки монументальным каменным сооружениям из-за того, что они довольно часто меняли свое местожительство.

Таким образом, ремесленное производство на Северном Кавказе было развито повсеместно. Усилился в это время и процесс специализации районов, а в ряде мест — и специализации сел по производству того или иного вида ремесленного производства. В Дагестане, например, значительного развития достигло ювелирное, оружейное ремесла,ковка меди, гончарное и каменное производство. Здесь отдельные виды ремесла уже отделились от земледелия, например в с. Кубачи, Балхаре и др.

В Чечено-Ингушетии наибольшее развитие получило строительное ремесло, и особенно строительство жилых и боевых башен. Мастера строительного дела Чечено-Ингушетии строили подобные сооружения почти по всему Центральному Кавказу¹⁶.

В Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Закубанье наибольшее развитие получили кузнечное, оружейное и гончарное дело.

Керамическое производство было больше развито на Северо-Восточном Кавказе, нежели на Северо-Западном.

Торговля. В XIII—XV вв. дальнейшее развитие на Северном Кавказе получила внутренняя и внешняя торговля. Причем внутри отдельных эт-

но-политических объединений, а также между соседними народами Северного Кавказа торговые операции осуществлялись путем натурального обмена. Жители гор, не имеющие соли, свидетельствует Иоанн де Галонифонтибус, «приходят к проходу, где их соседи дают им соль, а взамен они оставляют здесь своих животных или гонят их в это самое место. Обмен осуществляется без единого произнесенного слова». Внешняя торговля, которая на Северном Кавказе особенно интенсивно стала развиваться после прекращения военных действий, осуществлялась по Черному, Азовскому и Каспийскому морям, по рекам Волге и Днепру, а также по международным торговым магистралям, проходившим через Северный Кавказ и многочисленным горным перевалам. Через Северный Кавказ, как известно, проходили важные торговые пути международного значения. Один из них связывал Хорезм с Византией и Средиземноморьем. Он проходил через Маджары и далее разветвлялся на Таманский полуостров, на Клухорский перевал и на Дарьяльское ущелье. Крупнейшее значение имел Прикаспийский путь. То была главная магистраль, по которой осуществлялись экономические, военные, политические и культурные связи Ближнего Востока с Восточной Европой. Важную роль играли порты: Дербент — на Каспийском море, Тана (Азов) — на Азовском, Матрега, Мапа и другие — на Черном. В Центральном Предкавказье было несколько городов, игравших крупную роль в торговле. Это прежде всего Маджары и большой город, как его именуют современники, Верхний Джулат (Татартуп), Нижний Джулат и др. Народы Северного Кавказа поддерживали торговые связи с Россией и другими странами Восточной Европы, со средиземноморскими государствами, странами Закавказья, Передней и Средней Азией. Из этих стран народы Северного Кавказа, а точнее феодалы и феодализирующаяся сельская верхушка, получали не только изделия первой необходимости, но и предметы роскоши.

Одни районы Северного Кавказа были больше связаны с Крымом, Малой Азией, другие — с Закавказьем, Ираном.

В то время как Северо-Западный Кавказ оказался втянутым больше всего в византийскую, а позже — в генуэзскую торговлю, северо-восточная часть и Дагестан были связаны в основном с Закавказьем и странами Ближнего Востока. Из этих стран через генуэзские фактории, о которых речь ниже, а также восточных купцов в глубь гор проникали иранские и китайские ткани и фарфор, восточное и итальянское стекло, ковры, драгоценные камни, мыло, соль, металлические украшения из Генуи и Венеции, фаянсовая посуда с Родоса и т. д. Различные поясные наборы шли сюда из Малой Азии (Киликии), поливная посуда — из Крыма, красноглиняная посуда — из Закавказья, Средней Азии, металлические изделия, зеркала — с севера.

Торговля была как меновой, так и денежной. В обиходе были металлические деньги. Маджары и Дербент, как указывалось выше, чеканили свою монету.

Предметами вывоза с Северного Кавказа были скот, продукты скотоводства и изделия ремесленного производства. Значительное, если не первое, место во внешней торговле занимала работорговля. Центрами работорговли были генуэзские колонии (Кафа, Тана, Севастополь) и Дербент. Невольников на Северо-Западном Кавказе больше всего получали европейцы и посланники египетского султана. В Генуе и в Венеции совершались торговые сделки на покупку черкешенок, русских и других девушек. Купленные здесь женщины поступали в гаремы или становились домашней прислугой, а мужчины пополняли войско или же выполняли наиболее тяжелые работы. В Египте и Сирии из невольников, вы-

везенных с Северного Кавказа, формировались отряды мамлюков. Иной характер носили торгово-экономические отношения Северного Кавказа с Закавказьем и Россией. Но о них речь в следующей главе.

Социальные отношения. В XIII—XV вв. процесс феодализации северокавказских обществ еще более углубляется. Современники свидетельствуют, что в адыгском обществе были «знатные, и вассалы, и сервы, или рабы»¹⁷.

Знатные выделяются среди других богатством и влиянием. Значительную часть своего времени, по словам Интериано, они проводят на коне. Совершенно очевидно, что знатные — это феодалы, владельцы, которые эксплуатировали крестьян. Сами же они участвовали в военных походах или набегах, грабежах соседей, служивших им одним из способов обогащения. Знатные считали для себя позорным заниматься сельским хозяйством или торговлей, «исключая продажу своей добычи». Они были уверены, что «благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом». «Знатные женщины» у адыгов также не занимаются никакой работой, за исключением «вышивания и украшения кожаных изделий»¹⁸.

«Знатные» и «благородные» отличались своим богатством, «в домах у них, — по словам Интериано, — имеются массивные золотые чаши стоимостью от тридцати до пятисот дукатов... также и серебряные, из которых они пьют с величайшей торжественностью».

Непосредственные производители, известные в источниках под названием «подданные», «зависимые», «бедные крестьяне», находились в подневольном положении. Знатные могли своевольничать в своих владениях, и «подданные» не смели «чинить им никаких препятствий». «Если подданный вырастит хорошего коня, — свидетельствует Интериано, — его отнимет дворянин и даст ему взамен быка, присовокупляя такие слова: „Вот это, а не конь больше подходит для тебя“»¹⁹. Иными словами, это означало, что простому крестьянину подобает заниматься только сельскохозяйственным производством. В еще более униженном положении на Северо-Западном Кавказе находились «сервы», или рабы, которые у адыгов именовались «унауты», а у абазинцев — «унавы». Основным источником пополнения рабов у адыгов, как и всюду, были военнопленные.

Довольно глубоко зашел процесс феодализации и в Северной Осетии. Здесь были феодалы, которых источники называют князьями. Они подвергали явной и тайной эксплуатации зависимое крестьянство. Владели они и рабами. К сожалению, письменные источники не содержат сведений о социальном строе карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей. Однако вещественные материалы и дошедшие до нас предания и легенды не оставляют сомнения в том, что и среди них к описываемому времени происходил процесс деления общества на антагонистические классы.

Социальное развитие народов Северного Кавказа нашло отражение и в археологических памятниках. Так, например, белореченские курганы XIV—XVI вв. дают богатую материальную иллюстрацию резкой имущественной дифференциации среди адыгейцев.

В памятниках Кабарды, Балкарии, Карачая, Осетии, Чечено-Ингушетии, наряду с массой ничем не примечательных захоронений, встречаются довольно богатые, с украшениями из золота, серебра, с набором оружия — сабель, колчанов и стрел.

Процесс социального деления общества хорошо отражен в архитектурных памятниках Северного Кавказа, таких, как башни, замки, мавзолеи. В Балкарии и Карачае эти сооружения сохранили имена и фа-

мили только феодальной верхушки. В Дигории, Кабарде, Карачае и Балкарии наземные склепы являлись типичными феодальными мавзолеями.

Развитие феодальных отношений более четко прослеживается у народов Дагестана.

В XIII—XV вв. здесь были налицо два антагонистических класса. К господствующему классу в феодальных владениях относились шамхалы, нудалы, уцмии, майсумы с их близкими родственниками (беки), военно-служилая знать и местное мусульманское духовенство. В их руках находились значительные земельные угодья, пахоты и пастбища. В тех же владениях, где ведущее место в сельскохозяйственном производстве занимало овцеводство, в руках феодалов и феодализирующейся верхушки сосредоточивались пастбища при сохранении пахотных участков в собственности отдельных крестьянских хозяйств.

Частные земли, называемые «мюльками», существовали в Дагестане повсеместно.

Крестьянство делилось на две категории — узденей, имевших свои мюльки, и райтов, не имевших собственной земли и пользовавшихся землями феодалов. Имелись и рабы, которые хотя и не составляли основы производственных отношений, но все же играли определенную роль как в хозяйственной жизни (домашнее рабство), так и в процессе роста богатств феодалов (работорговля).

Наиболее универсальной формой эксплуатации непосредственного производителя была в XIII—XV вв. натуральная рента, в XV—XVI вв. сохранился и институт издольной аренды.

Малоземельные и безземельные крестьяне и рабы, посаженные на землю, становились издольщиками. Они-то и составляли основное ядро райтов.

В XIII—XV вв. в Дагестане, как и ранее, существовали четыре формы земельной собственности: феодальная (светская и церковная), крестьянская, общинная и государственная.

Частнофеодальное землевладение образовалось как за счет пожалований и дарений государственных или государевых земель, так и за счет присвоения и прямого захвата, а также покупки общинных или крестьянских мюльков. Известно, например, что в результате реализации реформ Газан-хана в государстве Хулагидов (в состав которого входила часть Южного Дагестана) в 1303 г. земли из государственного фонда, или домена, находившегося в состоянии запустения, были переданы военным и государственным служащим в качестве «икта» (земельного пожалования). Рашид Ад-Дин писал, что Газан-хан «обдуманно и умело увеличил тазикские войска... В горные проходы и малодоступные пограничные области, которые можно оборонять пешим, он назначил тазикские войска и снабдил их одеждой и роздал им икта»²⁰. Известно также, что Тимур в шамхальстве и Аварском нудальстве сохранил за старшинами, «кадиями и вельможами» принадлежащие им земли, «утвердив, — по словам Шереф-Ад-Дина Йезды, — за ними область и дав им ярлык»²¹.

Ширваншах Ибрахим I Дербенди (1382—1417 гг.) также рассматривал подчиненную ему территорию в Дагестане как государственную собственность. И, основываясь на этом, он отдал внуку кайтагского уцмий Мухаммед-беку в управление «ряд населенных пунктов и крепостей в качестве наследственного владения»²².

Наиболее развитой формой землевладения в Дагестане был мюльк — свободно отчужденная безусловная земельная собственность. Причем мюльк как институт частного землевладения имел две категории: мюльк

феодалов и мульк крестьян. Частнособственнические земли крестьянского мулька (как пахотные, так и сенокосные) имелись во всем Дагестане. Однако размеры их были не равны. Некоторые уздени, особенно их феодализирующаяся часть, имели мульки, по своим размерам приближающиеся к феодальному землевладению.

С распространением и утверждением ислама, как утверждалось выше, шло увеличение и вакуфных (мечетских) земель. О количестве и размерах вакуфных земель у нас нет сколько-нибудь достоверных сведений. Но имеющиеся данные о строительстве мечетей в XIII—XV вв. в Дагестане предполагают не только наличие, но и рост примечетских земель.

Значительный земельный фонд Дагестана в описываемое время находился в коллективной собственности сельских общин (джамаатов). Это были прежде всего пастбища, сенокосные участки, леса, в некоторых местах и пахотные земли.

На Северном Кавказе в описываемое время находились кочевья ногайцев. Классовые отношения у них стали складываться еще в тот период, когда они входили в состав Золотой Орды. В XV в. у ногайцев существовали эксплуататоры и эксплуатируемые, которых русские источники называют «улусные лучшие люди» и «улусные черные люди».

Ханы, мурзы владели большими материальными ценностями, и прежде всего скотом. Ногайским мурзам принадлежали пастбища и охотничьи угодья. К господствующему классу относилось и духовенство.

«Улусные черные люди» — беднейшие слои населения — находились в зависимости от мурз, кочевали с ними, а во время походов они обязаны были принимать в них участие со своим оружием и продовольствием, «сколько одному человеку поднять можно». Мурзы и разбогатевшая часть ногайцев владели также рабами, труд которых использовался в домашнем хозяйстве. Однако у ногайцев еще сильны были родовые порядки, деление на племена (кубы) и роды, круговая порука и т. п.

Из сказанного видно, что феодальные отношения на Северном Кавказе имели ряд характерных черт. Это прежде всего исключительная стойкость сельской территориальной общины, живучесть патриархально-родовых отношений. Община не только сохранилась, но в ряде случаев и укреплялась, усиливалась преобразованием в союзы сельских общин. Другой характерной чертой становления феодализма было его неравномерное развитие не только в отдельных частях Северного Кавказа, но и внутри определенной этнической общности. Труд рабов повсеместно не использовался в общественном производстве. Рабство носило патриархальный характер. Феодализму Северного Кавказа было присуще отсутствие барщинного хозяйства, крупного собственного хозяйства феодалов. Отсюда — почти полное отсутствие отработочной ренты, слабые формы внеэкономического принуждения. Замедленный темп развития феодальных отношений на Северном Кавказе — это результат того, что естественный ход социально-экономического развития неоднократно прерывался, тормозился, затягивался вмешательством завоевателей — татаро-монголов, Тимура и др.

Религия и религиозные верования. В XIII—XV вв. значительное распространение на Северном Кавказе получил ислам. В укреплении и распространении мусульманства значительную роль сыграли как Золотая Орда, где ислам утвердился в XIII—XIV вв., так и Тимур. «Война за веру» против христиан и язычников Северного Кавказа превратилась в постоянный промысел так называемых «газиев» (воителей). Однако господствующей религией ислам в описываемое время стал лишь в Юж-

ном и в Центральном Дагестане. В XIV в. ислам принял Зирихгеран, примерно в то же время ислам проник в Аварию, в 1475 г. его приняли жители Гидатля. Среди проповедников ислама, наряду с шамхалами Казикумуха, особенно активны были «газии» Рутула, Цахура, Ихрека и др. Проповедовали ислам и прибывшие для этой цели на Северный Кавказ шейхи из Ирана, Ирака, Йемена, Бухары и других мест мусульманского Востока²³. В XV в. мусульманство стало распространяться и на Центральном Кавказе, в частности среди кабардинцев.

В Дагестане и городских центрах Предкавказья повсеместно строили мечети. В XIV в. соборная мечеть существовала и в Пятигорье. Однако в описываемое время жители ряда районов Северного Кавказа придерживались христианской религии.

Православные храмы существовали в Маджарах, Верхнем и Нижнем Джулате, Матреге, в горах Карачая, Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии в Дагестане.

В Аварии, Чечено-Ингушетии, Балкарии, Закубанье, на Ставрополье археологи неоднократно находили кресты, каменные и металлические, надгробные и нательные, которые датируются XIII—XV вв.

Среди северокавказского православного духовенства были греки, грузины и местные жители. Один из них, иерей Педерико, умерший в Закубанье в 1380 г., по всей вероятности, был адыгом.

Христианство православного толка официально утвердилось среди осетин (алан) и горцев Северо-Западного и Центрального Кавказа. В конце XIII в. Зихская епархия временно соединилась с Аланской, но уже к 1317 г. снова стала самостоятельной. Тогда же была известна и Кавказская епархия, местонахождение которой еще не установлено. В 1347 г. Аланская епархия объединилась с Пицундской и Сотириупольской (Абазгской). В 1347 г. аланский митрополит исполнял свои функции не только в Алании, но и среди православных жителей Танаиса (Азова) и Сарая. Последний раз Аланскую епархию документы упоминают в 1366 г., а Зихскую — в 1398 г. Даже в тех местах, где, казалось, уже господствует ислам, некоторая часть населения не отказалась от христианства. Так, архиепископ Иоанн де Галонифонтибус, имея в виду Дагестан, писал, что его жители «лезги» одни «следуют за сарацинами, — другие — за грузинами, а некоторые — за христианами»²⁴. Тогда же грузинский католикос Евфимий, обозревая свою епархию, видел православные храмы в разных местах Дагестана, в том числе в Цахуре, «Хунд-зе» (Хунзахе. — *Авт.*), а также в Чечне («Нахче») ²⁵.

Римско-католический миссионер Юлиан, имея в виду алан, писал, что они чтут воскресный день недели, когда любой человек у них может пребывать в полной безопасности, а крест у них «в таком уважении, что ... если поместят какой-нибудь крест на конце песта с хоругвью и подняв его несут, во всякое время могут идти безопасно». И в то же время он утверждает, что православный князь зихов на Тамани придерживался многоженства²⁶.

Епископ Федор более категорично заявлял, что «аланы — христиане только по имени»²⁷. Адыги в XIV в., по словам архиепископа Иоанна, «лишь в некоторых обрядах и постах следуют грекам», пренебрегая всеми другими сторонами религии, ибо «они имеют свои собственные культы и обряды»²⁸. Касаясь религии адыгов Северо-Западного Кавказа, Д. Интериано сообщает, что «они исповедуют христианскую религию и имеют священников по греческому обряду. Крещение же принимают лишь по достижении 8 лет... простым окроплением святой водой, причем священники произносят краткое благословение. Знатные не входят в храм

до 60-летнего возраста...», а до тех пор «слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коней»²⁹.

Опираясь на генуэзские и венецианские фактории, католические миссионеры проводили в XIII—XV вв. активную деятельность по распространению своего вероучения. В связи с этим в XIV в. на Северном Кавказе стало распространяться католичество. В 1349 г. адыг Жан де Зики был посвящен папой римским в архиепископы. Католиком, очевидно, был и адыгейский князь Миллен (или Верзахт), с которым в 1329 и 1333 гг. сносился папа римский³⁰. В 1346 г. был назначен католический епископ в Матрегу. Другая епископская кафедра была даже основана в одном из Джулатов, где проживало много католиков, а тамошние священники принадлежали к Ордену кармелитов. Церковная служба у них происходила на татарском языке. Из трех церквей XIII — начала XIV в., раскопанных в Верхнем Джулате, две оказались католическими. Известно также, что католическая церковь существовала в Копарио. Около 1363 г. образовалось католическое «епископство Каспийских гор», а к 1392 г. в Дагестане («в стране Кайтагской») находилось уже пять католических епископских кафедр («Комек, Тума, Таргу, Девели, Микаха»).

Католичество на Северном Кавказе не в состоянии было пустить глубокие корни, а захват генуэзских факторий османами в 1475 г. положил конец деятельности в этом крае папских миссионеров.

Захват черноморских городов Османской империей нанес большой удар и по православию на Северном Кавказе, лишив христиан постоянной связи с Византией. И все же православие в XV в. имело большее распространение на Северном Кавказе, чем католицизм.

И. Барбаро писал, что среди проживающих на Северном Кавказе татар ислам утвердился лишь во время правления Едигея (1397—1419 гг.), а до того многие из них «поклонялись деревянным или тряпочным иступканам и возили их на своих телегах»³¹. Однако и в конце XV в. по свидетельству того же И. Барбаро, среди татар были лица, придерживающиеся языческих верований³². Не было искоренено язычество и среди других народов Северного Кавказа. Юлиан в XIII в. утверждал, что аланы «представляют смесь христиан с язычеством»³³. Архиепископ Иоанн свидетельствует, что адыги по праздникам приносили в жертву животных и головы их выставляли на ветвях дерева, «что предполагает пищу для духов». Около церкви можно было видеть дерево с крестом, которое называли «деревом-господином». Кроме голов жертвенных животных, на нем развешивали разные другие приношения. Вокруг такого дерева бывал начертан круг, внутри которого ничего нельзя было трогать. Там до поры до времени могли скрываться беглые рабы и кровники³⁴.

Интересные сведения о верованиях адыгов оставил И. Шильтбергер (начало XV в.). Он писал, что «у адыгов есть обычай класть убитых молнией в гроб, который потом вешают на высокое дерево. После того приходят соседи, принося с собою кушанья и напитки, и начинают плясать и веселиться, режут быков и баранов и раздают большую часть мяса бедным. Это они делают в течение трех дней и повторяют то же самое каждый год, пока трупы совершенно не истлеют, воображая, что человек, пораженный молнией, должен быть святой»³⁵. Наступление первобытных верований на христианство в XIII—XV вв. наглядно иллюстрирует и судьба христианских храмов в Ингушетии, которые со временем превратились в языческие святилища и склепы.

2. Политическое устройство

В результате опустошительных нашествий татаро-монгольских орд и связанных с этим перемещений коренного оседлого населения в значительной степени изменилась и политическая карта Северного Кавказа. Одни этнические общности и государственные образования распались, другие в силу ряда внутренних и внешних причин возвысились, и, что особенно характерно, увеличилась численность самоуправляющихся союзов сельских общин.

Черкесия. Впервые названием «черкесы» письменные источники стали обозначать адыгов в 30-х годах XIII в. Монголы зафиксировали этот этноним в форме «серкесут»³⁶. Позже, в XIV—XV вв., черкесами стали называть адыгов восточные, европейские и кавказские источники. Появление термина связывают с политическими событиями XIII в., а именно с разгромом татаро-монголами алан, оттеснением их в горы и расселением в Предкавказье тюркоязычных народов. С этого времени и этнические названия северокавказских народов стали фиксироваться и распространяться в источниках через призму тюркских языков. И, как полагают исследователи, этноним «черкес», возникший в среде тюркоязычного населения для обозначения адыгов, был воспринят лицами, посетившими Северный Кавказ, а от них вошел в европейскую и восточную литературу. Хорошо знакомый с Северо-Западным Кавказом генуэзец Д. Интериано сообщает, что «эхи, называемые так на языке простонародном (итальянском), греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют — „адыга“. Они живут (на пространных) от реки Таны до Азии по всему тому морскому побережью, которое лежит по направлению к Боспору Киммерийскому, ныне называемому Восперо»³⁷. Архиепископ Иоанн де Галонифонтибус, посетивший Кавказ в конце XIV — начале XV в. сообщает: «Страна, называемая Зикией или Черкесией, расположена у подножья гор, на побережье Черного моря. Они не имеют царя, и у них есть только несколько мелких феодалов, многие их села никогда никем не управлялись, и они имеют своих собственннх глав»³⁸. И действительно, Черкесия в XIII—XV вв. не представляла единого политического образования, а была разделена на целый ряд объединений (жанеевцев, хатухаевцев, абадзехов и др.), во главе которых стали «знатные» — феодализирующаяся знать. Некоторые западные и восточные источники называют их князьями или эмирами. Рашид Ад-Дин сообщает об «эмире» по имени Черкес Тукаре, который был убит в 1238 г.³⁹ Выше упоминался адыгский князь Миллен (или Верзахт). В донесениях генуэзских консулов второй половины XV в. упоминаются черкесские князья Бебеберды, Кадыберды, Петрозон, Билзибек и др. Князья эти имели своих дружинников, о чем свидетельствуют богатые погребения Убиского могильника, содержащие большое количество оружия и некоторые предметы конского снаряжения.

Кабарда. В XIII—XIV вв. часть адыгов в силу внутреннего развития и внешнего воздействия с Северо-Западного Кавказа продвинулась на восток. Однако до конца XIV — начала XV в. численность адыгов, расселившихся на Центральном Кавказе, была относительно невелика. Расселению больших групп адыгского этноса в XIII—XIV вв. к востоку от Прикубанья препятствовало то обстоятельство, что равнинная часть края, включая и правобережье р. Терек с Малкой, а также район Пятигорья, была занята в тот период татаро-монголами и подвластными им кыпча-

ками. Массовое продвижение адыгов на восток до р. Сунжи имело место в XV в. после бесповоротного заката могущества Золотой Орды. Переселившиеся на восток адыгов начали называть кабардинцами. Впервые этот термин (в форме Кертбея) зафиксировал И. Барбаро. «Если ехать из Тавы... — писал он, — через три дня пути вглубь от побережья встретится область, называемая Кремук (примерно, где ныне живут адыгейцы. — Авт.). Правитель ее носит имя Беберды, что значит „богом данный“. Он был сыном Кертбея, что значит „истинный господин“. Под его властью много селений, которые по мере надобности могут выставить две тысячи конников»⁴⁰.

Исследователи считают, что в этнониме «къэбердэй» частица «берды» взята из тюркских языков и оформлена окончанием «эйч», являющимся показателем принадлежности. «Къэбердэй» — это то, что принадлежит Кабардыю. В начале XIV в. кабардинцы уже населяли широкие просторы предгорий центральной части Северного Кавказа. С обособлением от адыгского этноса в Центральном Предкавказье стала складываться кабардинская народность. Однако оставалось раздробленным управление отдельными объединениями. Малейшие попытки централизации власти вызывали яростное сопротивление со стороны удельных феодалов. По преданию, родоначальнику кабардинских бесленеевских и темиргоевских князей Иналу (жившему в начале XV в.) удалось сломить сепаратистские тенденции ряда феодалов и объединить значительную часть населения под своей властью. Сохранившийся в народной памяти умный, энергичный и решительный правитель Инал стремился обуздать непокорных князей, ликвидировать феодальные междоусобицы, укрепить центральную власть. «Под его твердым и благоразумным управлением, — пишет Ш. Б. Ногмов, — прекратились смуты и беспорядки между адыгейцами... Он упрочил свою власть и успел примирить воюющие стороны и соединить расселенные силы»⁴¹. Однако, как увидим ниже, не долго сохранилось единство Кабарды.

Балкарцы и карачаевцы. Балкарцы и карачаевцы, как полагают исследователи, в начале описываемого времени были единой этнической общностью. Процесс тюркизации доаланского населения Северного Кавказа, начавшийся со времени появления здесь болгар, еще более усилился с приходом на Северный Кавказ кыпчаков. Установлено, что кыпчаки, проникавшие в предгорья Северного Кавказа, хотя и составляли среди предков карачаевцев и балкарцев заметное меньшинство, все же приняли участие в их этногенезе. Установлено, что карачаево-балкарская народность сложилась в XIII—XIV вв. В это время они обитали не только в высокогорной, но и в предгорной зоне. Вблизи сел. Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук и др. обнаружены могильники карачаевцев, датированные XIV—XVI вв. Вблизи сел. Аркиз имеется укрепление Карча-Кала XIII—XIV вв. Балкаро-карачаевские топонимические названия встречаются в предгорьях Кабарды, Карачая и частично Осетии (Гунделен, Кызбурун, Личинская, Кашкатау, Эльхотово, Татартуп и др.)

О проникновении балкар в горы рассказывает грузинская надпись XIV—XV вв., где сообщается о взятии в плен («в бастиян») ксанского эрпстава Ризия Квенишвили. Бастиянами грузины называли часть балкарцев, которые населяли собственно Балкарское ущелье. Именно здесь, согласно дошедшим до нас преданиям, возникли наиболее ранние поселения балкарцев, а затем они заняли другие ущелья.

Арабский автор Абу-ль-Феда (1273—1331 гг.) сообщает, что к западу от Дарьяльского ущелья на северных склонах Кавказа живут «тюрко-

язычные аланы-асы». Иоанн де Галонифонтибус и другие авторы имену-ют карачаевцев «черные черкесы». «У подножья Кавказа на север,— пи-шет итальянский миссионер Аркаджело Ламберти,— живут еще несколь-ко народов, так называемые карачаевцы или карачеркесы, т. е. черные черкесы. Они носят такое имя не потому, что они черного цвета, ибо они очень белые, но, может быть, оттого, что в их стране небо постоянно облачное и темное. Язык их тюркский...»⁴². Соседние народы Кавказа их называли: адыги — «кърэшей», осетины — «къарасейаг», погаи — «къарацай». Самоназвание отдельных групп: карачайлыла, малькъарлы-ла, бызынгылыла, чегемлыла и др. Кабардинцы, помимо бэлькъер или къущхэ (горцы.— *Авт.*) называли их — «бахсэи къущхэ», «шэджем къущхэ», что значит «горцы Баксана» и «горцы Чегема». Надо пола-гать, что эти названия означали не только место жительства отдельных групп балкарцев и карачаевцев. Под этими названиями подразумевалось объединение. Очевидно, это были самоуправляющиеся полунезависимые сельские общины, представляющие собой раннефеодальные образования с чертами государственности⁴³.

Северная Осетия. Осетины, относящиеся по языку к североиранской группе индоевропейских народов, являются прямыми потомками северо-кавказских алан. Как указывалось выше, в период татаро-монгольских погромов часть северокавказских алан была уничтожена, часть ушла в Восточную Европу, часть же была оттеснена в горы. С этого времени на-звания алан, ас (яс), овцы (оси) постепенно стали исчезать. В восточ-ных, европейских, русских источниках XIII—XV вв. встречается лишь название овси (оси). Однако термины (ас, асал) сохранились в кавказ-ских языках. Сами осетины называют балкарцев аси, асси. Исследовате-ли считают, что это одно из самоназваний осетин в прошлом, перенесен-ное впоследствии на жителей той же территории⁴⁴. Грузинский хронограф XIV в. осетин, расселившихся в горах Кавказа, называет овсы, а их страну Овсети, Осетия⁴⁵. Известно, что еще в начале XIII в. ала-ны имели своего правителя, «которому монголы за покорность» разреша-ли «властвовать над своей землей и народом»⁴⁶. Аланские владельцы находились в родственных связях с грузинским царским домом. Домини-канский монах Юлиан, который около 6 месяцев в 1235 г. жил в Алании, писал, что здесь «сколько местечек, столько и князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком; во время пахоты все люди одного местеч-ка отправляются вооруженными на поле, вместе косят на смежных участ-ках и вообще выходят за пределы своего местечка для рубки дров или какой бы то ни было работы, всегда идут вместе с вооруженными, они не могут выходить в безопасности из своих местечек небольшими груп-пами зачем бы то ни было»⁴⁷. Татаро-монгольское нашествие завершило процесс децентрализации Алании. Оказавшиеся в горах центральной части Северного Кавказа осетины не имели единого управления. Гру-зинские источники правителей Осетии не называют «царями», а имену-ют их «мтаварами» (мтавари Овсетиса) — независимыми князьями. В грузинской летописи упоминаются «тагаурские князья»⁴⁸. Это дает основание думать, что в Северной Осетии имелись еще князья Куртаги-ские, Дигорские и др. В руках князей, по существу, была сосредоточена полнота власти. Они вели независимую друг от друга внешнюю полити-ку и во время внешней опасности становились предводителями своего ополчения. В период борьбы народов Северного Кавказа с полчищами Тимура особенно упорное сопротивление, как мы видели выше, оказал

Пулад, которого исследователи характеризуют полунезависимым аским военачальником.

Чечено-Ингушетия. О предках чеченцев и ингушей сведений, относящихся к XIII—XV вв., в письменных источниках очень мало. Достоверно известно, что их в описываемое время не называли «чеченцами» и «ингушами». В «Армянской географии», древнейшая рукопись которой не восходит далее XIII в., упоминается народ «хохчу» без четкой локализации. В грузинском источнике впервые этот этноним встречается в XIV в. Рассказывая о посещении горцев Северного Кавказа, патриарх Грузии Ефрем говорит о «народе нахче»⁴⁹, подразумевая под этим названием предков чеченцев и ингушей. Однако в грузинском источнике XIII в., где приводятся названия 77 народностей, встречается и этноним «кишты»⁵⁰. Исследователи считают, что грузины-горцы, и в частности маховцы, «кистами» называли всех чеченцев и ингушей. Народы Дагестана именовали своих ближайших соседей, предков чеченцев, «мычигыш» (мычигыши-кумаки, мыгыгышдан-даргинцы, мичихич-лакцы). Кстати сказать, и русские документы термином «мичких» (мичкиз) обозначают лишь тех чеченцев, которые проживали на юге от Качкальковского хребта до соседству с кумыками. «Тарихи Дагестан» упоминает также «Варанды (общества Шубут)»⁵¹. Согласно народным преданиям, образование первых чеченских поселений на равнине выходцами из Аккинских гор (из местности Нашха) относится приблизительно к XIV в. Тайпа (род, фамилия) Парской основал сел. Паучнойи Юрт-аул, тайпа Цегой (Цеой) — Цечой (Кешен-аул) на р. Ярыксу. Спустя некоторое время из местности Нашха вышли и другие тайпы: Беной, Цоторой, Курчалей и др. и основали в верховьях р. Аксай и Гумс ряд селений с тайповым названием. Обосновавшихся по соседству с кумыками чеченцев стали называть качкальками (от кумыкского «кхачкхалык», т. е. переселившиеся, по-чеченски «гачалых»).

Грузинский источник XIII в. знает еще один этноним — «мелки», который исследователи связывают с названием чеченского общества Маълх (Малхиста).

Русские источники XVI—XVII вв. перечисляют более десяти названий чеченских и ингушских обществ. Ряд этих названий совпадает с этнонимами, о которых речь шла выше. Все это дает право, хотя бы предположительно, считать, что в Чечено-Ингушетии и в XV в. существовало приблизительно такое же количество политических образований, каждое из которых объединяло несколько селений. Эти союзы сельских обществ были различны по величине занимаемой территории, по численности населения и по своему статусу. Некоторые из них были независимыми объединениями, другая часть их была зависима от соседних феодальных владетелей. Согласно имеющимся данным, весь Мичигыш и Шубут были зависимы от шамхалов Дагестана и посылали ему с каждого дома по одной овце⁵². Известно также, что ряд пограничных с Грузией чечено-ингушских обществ находились в вассальной зависимости от грузинской феодальной монархии. Однако внутреннее управление зависимых, полувисимых и независимых от посторонней власти объединений Чечено-Ингушетии осуществляли органы сельской общины.

Владения Дагестана. Дербент и Южный Дагестан. В политическом устройстве многоязычного Дагестана в XIII—XV вв. произошли довольно существенные изменения. Начавшийся еще в предыдущие эпохи распад некоторых «царств» завершился, а возникшие на месте их обособ-

ленные союзы сельских общин укрепились. Однако в XIII—XV вв. на большей части территории Дагестана происходило укрепление феодальной власти.

Дербент с прилегающей к нему территорией еще в начале XIII в., как указывалось выше, представлял собой самостоятельное владение — эмират. В 1239 г. он подпал под иго татаро-монголов. И лишь в середине XIV в., после длительной зависимости от золотоордынских ханов Хулагидов, Дербент приобрел независимость, вновь стал самостоятельным владением. Однако и на этот раз Дербент и его округа не долго оставались независимыми, и вскоре он оказался включенным в состав крупного государства Закавказья — Ширваншахов и уже в 1437 г. стал одним из центров этого владения. Видный государственный деятель и дипломат ширваншах Ибрагим I происходил из правителей Дербента, и поэтому правящая в Ширване династия называлась Дербенди. Ширваншахи претендовали и на другие районы Южного Дагестана. В XV в. один из ширваншахов, как мы видели выше, передал даже в управление выходцу из рода кайтагских уцмиев Ахмаду Багадуру Ахты сел. Докузпара, Мискинджи, Микрах, а также Рутул и Кюру. Однако жители Самурской долины и Кюри не признавали власти ширваншахов. Ахты, Докузпара, Рутул, Кюра, Курах и др. были типичными союзами сельских общин, каждый из которых объединял несколько сельских общин, и занимали большую территорию. Административное управление этих союзов осуществляли «органы сельской общины» (джамаата), во главе которых находились выделившаяся из общей массы сельская знать и мусульманское духовенство. Однако при решении наиболее важных вопросов войны и мира, урегулировании взаимоотношений между союзами сельских общин обращались за советом и помощью к правителю наиболее влиятельного феодального владения.

В 1494—1495 гг., когда между жителями сел. Хрюг и рутульцами возникла междоусобная борьба и было, как сообщает хроника Абд-ал-Хана, убито «много мужчин», «мы отправились к шамхалу ... он — вали (т. е. правитель. — Авт.) Дагестана — и склонили мы головы перед двором его, крепким и великим: изложили перед ним свою просьбу... Он принял нашу жалобу. Затем он пришел с нами в наше селение, говорил с жителями Ахты и водворил дружбу и братство между нами и ахтыдцами... И стали мы с ахтыдцами подобно брату одному в беде и в счастье»⁵³. Это, очевидно, надо понимать в том смысле, что хрюкцы стали полноправными членами одного из крупных союзов сельских общин Самурской долины.

Майсумство Табасарана. Однако в описываемое время в Южном Дагестане было и феодальное владение. Еще в начале XIII в. владение Табасарана было одним из наиболее крупных политических объединений на юге Дагестана. В период татаро-монгольского ига Табасаран, очевидно, лишился самостоятельности. В середине XV в. майсумство объединяло всю территорию расселения Табасарана, возможно и часть территории лезгин.

Имея в виду Табасаран, автор «Джихан-намэ» подчеркивает, что это «укрепленный замок, в районе которого живут 40 000 семейств». Власть майсума была наследственной. Все вопросы внешнеполитического характера решал сам майсум. Им же с ближайшим окружением осуществлялось внутреннее управление. Согласно дошедшим до нас (возможно преувеличенным) сведениям, майсумы могли выставить 60 тыс. воинов⁵⁴.

Уцмийство Кайтагское. Происхождение титула «уцмий» местная традиция обычно связывает с арабским словом, в переводе означающим «именитый». Однако до середины XV в. этот термин не встречается ни в арабских, ни в местных источниках. Первым историческим правителем Кайтага, носившим титул уцмийа, был Султан-Ахмед-хан⁵⁵. В XIII—XV вв. уцмийство занимало довольно обширную территорию предгорья и нагорья в средней части бассейна р. Уллу-чай.

Первоначально резиденцией кайтагского владетеля была Кала-Корейш, затем она была перенесена в Уркарах, а в XV в. столицей уцмийства стал Маджалис, основанный на том месте, «где собирался народ для совещания» (от чего произошло само название селения). Кстати сказать, и само название правителя Кайтага — «уцмий» — письменные источники впервые упоминают лишь в конце XIII в. В это время уцмием был Мухаммад-Султан. Власть уцмийа была наследственной. Однако в XIV—XV вв. сепаратистские тенденции в Кайтаге были настолько сильны, что нередко после смерти владетеля возникали междоусобицы. При этом претенденты на уцмийский престол прибегали даже к внешней силе. После смерти уцмийа Магомед-хана между наследниками — сводными братьями Ахмадом Багадуром и Али-беком (Бек-Киппи-хан) — началась междоусобица. Старший из них Али-бек обратился к «своему дяде валию Дагестана шамхалу» и с его помощью утвердился в Кайтаге. Другой претендент на уцмийский престол, Ахмад, ушел к ширваншаху, а его сторонники — Мухаммад, Амир-хан, Амир-хамза «бежали к повелителям Аварии...»⁵⁶.

Население уцмийства не было этнически однородным. Здесь, кроме кайтагов (даргинцев), проживали также кумыки, таты, горские евреи и др. Согласно имеющимся данным, уцмий Кайтага в конце XV в. мог выставить 30 тыс. воинов⁵⁷.

Аварское нучальство. Нучальство Аварское в описываемое время было одним из крупных феодальных владений Дагестана. В конце XIII в., после продолжавшихся долгое время междоусобиц, престол нучала занял Амир-Султан. В течение многих лет боролся он против соседних мусульманских владений, и прежде всего шамхальства. И все же в начале XIV в. жители нучальства постепенно стали переходить в ислам. В последующее время, согласно дошедшим до нас сведениям, аварские нучалы, стремясь расширить границы своего владения, вели наступление на соседние аварские и андо-цезские союзы сельских общин, которые упорно отстаивали свою независимость. В конце XV в., согласно «Завещанию нучала Андуника» (датированного 1485 г.), аварское владение объединяло значительную территорию нагорного Дагестана. Юго-восточные границы нучальства проходили по линии современных селений — Гочатль через сел. Голотль до Хочода. На северо-востоке нучальство граничило с территорией тарковских владений и Салатавии.

Столицей нучальства был Хунзах. По соседству с аварским владением, по завещанию Андуника, были уделы Алыклычевичей, а также Дженгутаевское, Бакулалское и союзы сельских общин Андал и Хири, а также сельские общества Хуштада и Баклук, население которых несло нучалу повинности натурой. Андуник завещал своему наследнику стремиться расширить границы своего владения, но и пяди своей земли не уступить другому и держать в вассальной зависимости соседние сельские общества. При этом, говорилось в завещании, «тебе будет поступать соль, мед, виноград, железо, рыба и все другое, что нужно человеку». Согласно этому документу, аварские нучалы могли выставить 20 тыс. воинов⁵⁸.

Шамхальство. Шамхальство занимало огромную по масштабам Северного Кавказа территорию, простирающуюся от р. Терек на юг до границ уцмийства Кайтага и от Каспийского моря на запад до центрального нагорного Дагестана. Столицей владения был Казикумух, о чем свидетельствуют не только письменные источники, но и сохранившееся до наших дней в Кумухе семейное кладбище шамхалов. Шамхальство объединяло большое число народностей Северо-Восточного Кавказа: ногайцев, часть чеченцев, кумыков, верхнедаргинцев, лакцев, агулов, часть аварцев, лезгин и др. В сфере влияния шамхалов находился также целый ряд объединений и союзов сельских общин Дагестана.

Эпиграфические памятники показывают, что в XIV в. Зирихгеран с его округой находился в политической зависимости от шамхалов⁵⁹. Установлено также, что шамхалы имели своих ставленников в Гидатлинском, Андийском союзах сельских общин. Значительную роль шамхалы, как мы видели выше, играли и в Южном Дагестане. По сведениям Мухаммеда Рафи, шамхалы взимали подати чуть ли не со всего Дагестана⁶⁰.

И не случайно все источники местного и иностранного происхождения именуют шамхалов «валиями», т. е. правителями Дагестана. А нудал Аварии Андуник называл шамхала даже падишахом⁶¹. Этим, очевидно, подчеркивается исключительное положение шамхалов среди владетелей Дагестана. Власть шамхала была наследственной. Еще при жизни шамхала (во всяком случае, в XV в.) назначался его наследник, которого называли «крым-шамхалом» (т. е. в последующем времени «шамхал»). К правящей верхушке шамхальства относились эмиры и калантары, стоявшие, очевидно, во главе отдельных отрядов шамхальских войск или управляющие на местах, а также «ходжи и вельможи», т. е. представители высшего местного мусульманского духовенства. По данным аварского нудала Андуника, шамхалы могли выставить 100-тысячное войско⁶².

Тюменское княжество. В XV в. на северо-востоке современной территории Дагестана, в низовьях р. Терек, существовало Тюменское княжество. Само название «тюмень» означает «десять тысяч», «множество, большое число» и «тьма». Если это относится к численности выставляемых владетелем княжества воинов, то надо признать, что это владение было значительным по числу жителей. Однако под термином «тюмень» можно подразумевать и количество голов скота, имеющегося во владении. Как бы ни было, ясно одно, что население данного княжества — турки. О происхождении их высказано различное мнение. Тюменцев связывают то с ногаями, то с куманами (половцами), то с кумыками Дагестана. Если верить Абу-л-Гази, который писал, что часть половцев в XIII в. бежала в юрт «Тюмень»⁶³, то становится ясным, что тюменцы населяли до этого верховья Терека. Следовательно, тюменцы — не только доногайские, но и дополовецкие турки. Очертить точно границы тюменского владения не удастся. Достоверно известно, что кабардинские земли доходили до границ Тюменского княжества. Управление владением осуществлял правитель, власть которого была наследственной и которого источники называют князем, а иногда и шевкалом. И это не случайно, так как княжество это было «в зависимости от шамхалов и платило ему по баранте и мере пшеницы»⁶⁴.

Ногайцы. Ногайский этнос складывался до прибытия ногайцев на Северный Кавказ. Самоназвание — ногай (ногайлар). Под этим названием они известны и соседним народам Северного Кавказа. Название это происходит от имени золотоордынского темника XIII в. Ногай из рода Джугу-

чи, сына Чингисхана, который неоднократно упоминается в письменных источниках того времени⁶⁵. Известно, что Золотая Орда не была этнически однородной. Среди монгольских племен, воспринявших от кыпчаков тюркский язык, были мангыты, большая часть которых была подвластна Ногаю. В XIV в. в связи с распадом Золотой Орды образовалась Ногайская Орда. Полагают, что ее основой было население, которое сами ногайцы называли «мангытским юртом», а русские летописи именуют их просто «мангытами». Это наименование осталось за одним из подразделений, входивших в состав Ногайской Орды. Наименование «кипчак» (или «кыпчак») сохранилось в названиях нескольких ногайских родов, которых так и именовали «кипчакские». Со временем выделившиеся в самостоятельную политическую единицу под названием «ногаи», они становятся известны русским и западноевропейским источникам. «И придаша Ногаю,— сообщает Казанская летопись,— прежде реченное мангыты»⁶⁶. Ногайская Орда подразделялась на улусы. Причем это были уже не родовые объединения, а феодальные образования, возглавляемые наследственными правителями — мурзами.

3. Культура и быт

Поселения и жилища. В XIII—XV вв. на Северном Кавказе существовали поселения разных типов. В горских районах Восточного и Центрального Кавказа поселения были скученными и располагались на горных склонах и ущельях, что делало их малодоступными для нападения. Эти поселения укреплялись боевыми башнями, замками, а иногда каменными защитными стенами. Иногда укрепления состояли из двух или трех этажей, сооружений с башнями и водохранилищами. Поселения имели продольные и поперечные улицы и тупики.

В Дагестане в это время происходил постепенный процесс оставления жителями мелких поселков и образования крупных селений, более приспособленных для обороны.

Для горной полосы Северо-Западного Кавказа был характерен усадебный тип неукрепленных поселений. В степных просторах, занятых кочевниками, постоянными населенными пунктами являлись города: Маджары, Тюмень, Верхний и Нижний Джулат и др.

Не были однотипными и жилища северокавказцев. Строительным материалом в горной полосе Восточного и Центрального Кавказа являлся камень, в предгорьях — преимущественно сырцовый кирпич-саман, а на Западном Кавказе — либо бревна, либо турлук (обмазанный глиной каркас из плетеного хвороста). У степных кочевников жилищем служили круглые в плане войлочные юрты с каркасом из прутьев. При перекочевках юрты перевозили на двухколесной арбе.

Стационарные дома на Северном Кавказе имели прямоугольный план и состояли из одной, двух или трех комнат. Полы были земляными. Крыши на Восточном и Центральном Кавказе были глиняными и плоскими, а на Западном Кавказе — четырехскатными из соломы, камыша или драпки (деревянных пластин). В полу устраивали ямы для хранения зерна. Жилища в Балкарии имели пристенные каменные лежанки. Посредине или у одной из стен находился очаг. В Дагестане его иногда заменял пристенный камин.

В раскопанном жилище на Тлюстенхабльском селище в Адыгее обнаружена глинобитная печька, прямоугольная в плане, вверху полукруглая. Она была сооружена путем обмазывания глиной каркаса из прутьев. В гли-

ну была подмешана солома. Печка опиралась на деревянные конструкции. По словам Интериано, у адыгов в XV в. строили специальное помещение для гостей — кунацкую (хъэщэш).

Судя по дошедшим данным, в домах знатных горцев Дагестана имелись надочажная цепь, светильники, сундуки, детские колыбели, ковры, подушки, одеяла, котлы, деревянная, медная и керамическая посуда, каменные сковороды и жаровни, ручные мельницы, прясла, ножницы, ножи, большие вилки для вынимания мяса из котла, шампур, колодки для иглол и другие предметы обихода.

В Хуламе (Балкария) при раскопках обнаружены остатки водопроводной трубы. Такие трубы в XIV в. производили в г. Азове.

В Верхнем Джулате недалеко от жилища была раскопана деревянная кладовая, в которой среди прочего нашли железный замок и кленовую кадушку.

Транспорт. Основными средствами передвижения у горцев Северного Кавказа служили арбы, запряженные, очевидно, волами или буйволами, верховые и вьючные лошади, верблюды, а на Черном, Азовском и Каспийском морях — парусные баркасы.

Некоторые исследователи считают, что горцы Северного Кавказа, как и татары, не подковывали своих коней. Судя по изображению на куражской стеле 1356 г. в Дагестане, седла того времени отличались от позднейших тем, что их передняя лука была выше и шире. Употреблялась и суконная попона для лошади. Конская упряжь включала подперсье, подхвостник и наголовье с уздечкой и трензелями. Металлические части упряжи и стремяна того времени часто находят при раскопках. На Северном Кавказе, как и в сопредельных странах, всадники обычно обходились без шпор. Однако в погребении из пос. Праздничного на Кубани были найдены железные шпоры. О них же упоминается в эпитафии 1462 г. в Дербенте.

Известно, что на важнейших магистралях в Золотой Орде была организована почтовая служба. Северный Кавказ не являлся исключением. Почтовая станция, как уже указывалось, была и в Дербенте⁶⁷.

По побережью Черного, Азовского и Каспийского морей курсировали небольшие парусные суда, причем эти суда принадлежали не только иностранцам, но и местным жителям. До нас дошли сведения о неоднократных нападениях адыгов на генуэзские корабли в Черном море и о морских сражениях между ними. И в Дербенте имелись небольшие суда, плавающие до Астрахани. «Эти боты, — свидетельствует венецианец А. Контарини, — были на всю зиму вытащены на берег, так как плавать было тогда невозможно. Их строят похожими по форме на рыб (так их и называют), потому что они сужены к корме и к носу, а посередине имеют как бы брюхо: они скреплены деревянными гвоздями и просмолены. Когда они выходят в открытое море, у них два правильных весла и одна длинная лопатина; при помощи последней ботом управляют в хорошую погоду, а в бурную теми двумя веслами». У них «нет компасов, они плавают по звездам и всегда в виду земли...»⁶⁸. Несомненный интерес представляет и обнаруженное в сел. Лучек в Дагестане изображение парусного баркаса с десятком пар весел.

Одежда и вооружение. Об одежде горских народов Северного Кавказа XIII—XV вв. можно судить не только по рассказам путешественников, но и по сохранившимся скульптурным памятникам, фрескам и археологическим находкам. Современники утверждали, что адыгские мужчины,

за исключением «благородных», не носили нательную одежду, а также одежду, спшитую из богатых тканей. Но в богатых погребениях около г. Белореченска обнаружены следы нательного платья из тонкого шелка. Застежками на нем служили мелкие пуговицы и петли из пришивной тесьмы. Такие платья найдены на мужских и женских скелетах. Поверх нижнего платья на погребенных обоего пола были надеты короткие (выше колен) бешметы, покроя которых почти совпадает с покроем бешметов поздних времен. Однако бешметы XIV—XV вв. могли быть и парадной одеждой, так как нередко они шились из шелковой ткани с золотыми или серебряными пуговицами. Окаймленные узорчатой шелковой лентой борта бешметов украшались рядом горизонтальных нашивок из сложенной вдвое шелковой тесьмы.

Такие же бешметы найдены в кабардинских погребениях XIV—XV вв. у станицы Змейской. Изображение такого бешмета можно видеть и на Этокском памятнике в Кабарде.

Ряд погребенных в белореченских курганах поверх бешмета были одеты в халаты. Один такой халат из женского погребения, реставрированный Е. С. Видоной, оказался прямого покроя, однобортным, со сходящимися спереди полами, без воротника, с полукруглыми вырезами ворота и широкими разрезными рукавами. Спереди от ворота до пояса полы застегивались при помощи серебряных пуговиц и нашивных шелковых петель. Халат был длиной почти до пят. Это соответствует сообщению Г. Интериано, который писал, что адыги носят «халат с широкими рукавами из холста».

Обнаруженные в могилах шаровары скроены из двух половинок. Шили их из кожи, а богатые — из шелка. Носили их на очкуре и заправляли в ноговицы.

В женском погребении у Белореченска обнаружены остатки шубы из меха дикой козы. Обычная одежда адыгов из валяной шерсти похожа, по словам Интериано, на церковную мантию, которую «они носят открытой с одной стороны, так, чтобы правая рука оставалась свободной»⁶⁹.

В погребении XIII—XIV вв. у сел. Байрым в Балкарии женщина была одета в шерстяной кафтан, под которым находилась шелковая рубашка, длиной до колен, покроя кимоно с длинными рукавами, с ластовицей. На рукаве — манжет, а на подоле была пришита тесьма-кружево, кружевом были отделаны рукава внизу манжет. Под рубашкой находились широкие, длиной 55 см (до колен) шаровары, сшитые с ластовицей, из четырех прямых равных полотниц.

На погребенной была надеты войлочная шапочка пятигранной формы с конусообразным верхом. Сверху войлок покрыт шерстяной тканью, а поверх нее половина шапочки покрыта легкой шелковой тканью типа газа. На ребре прикреплены тюлевые полоски, связанные узлом, которые, по-видимому, служили украшением и спускались сбоку в виде завязок. Подобные островерхие женские шапочки очень часто дополнялись бронзовым или серебряным шпикаком, а иногда и такими же пластинками. Такие шапочки носили также балкарки, карачаевки, осетинки.

Головные уборы мужчин были двух или трех типов. Парчовые или шелковые тюбетейки, верх которых шился из четырех и шести клиньев, по швам украшенные шнурком или позументом.

Другим типом мужского головного убора был высокий войлочный колпак, о котором Интериано (XV в.) писал, что у адыгов «на голове носят шапку из ... войлока, в виде сахарной головы по форме»⁷⁰. Такие колпаки видны на некоторых фигурах, изображенных на каменном кресте 1581 г. из сел. Эльхотово, и на фресках (колпаки из ткани в клетку).

По словам Интериано, адыги носили «сапоги и ботинки, надеваемые одни на другие и очень нарядные»⁷¹. То были кожаные ноговицы и чуваки. Тип их был одинаков у мужчин и женщин. В упомянутом выше погребении из сел. Байрым оказались две пары сапог. Поверх сапог меньшего размера из мягкой кожи были надеты сапоги большего размера из более грубой кожи. Носили адыги широкие холщовые шаровары, которые у талии держались на шнурке.

Пояса встречались кожаные и шелковые с металлическим набором (пряжки, обоймицы, наконечники, украшения в виде бляшек, колец и пр.). Мужчины подвешивали к поясу оружие и предметы, необходимые в походе. В редких случаях употреблялись пояса в виде сплошной бронзовой, а иногда даже золотой цепи.

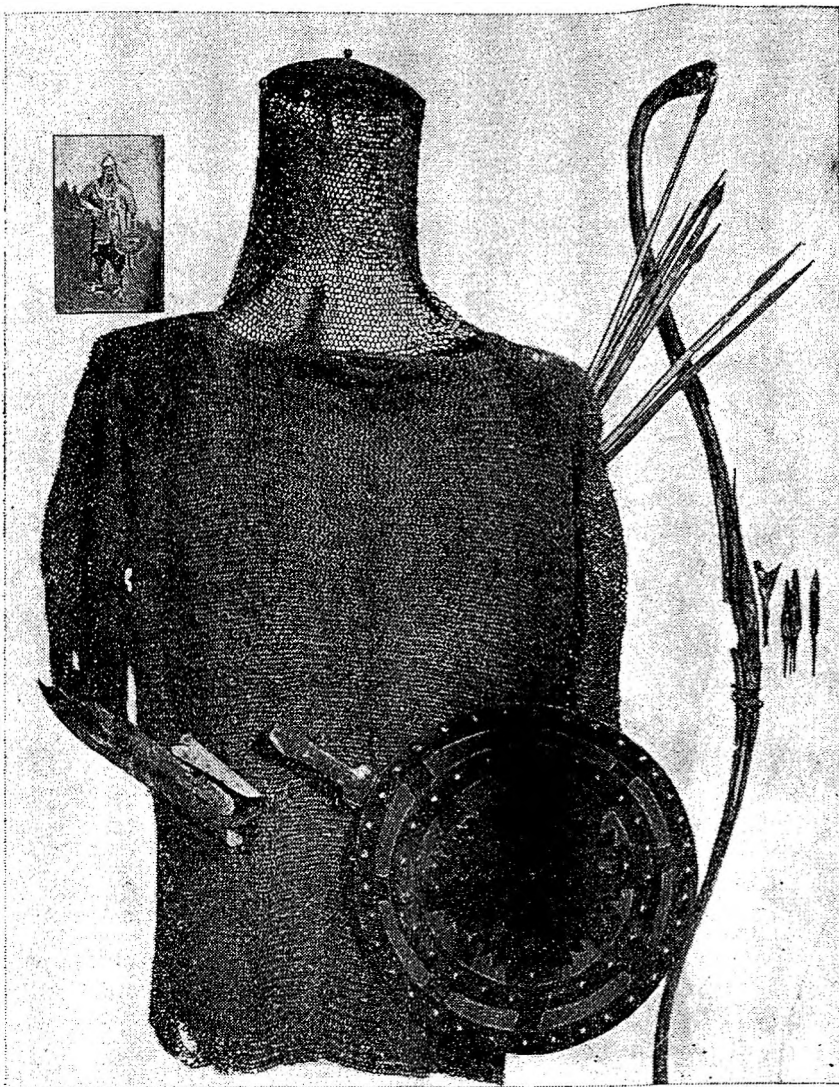
В Карачае были найдены детские вышитые рукавички XIV—XVI вв., а в Чечне — снегоступы того же времени. К сожалению, сведения об одежде других народов Северного Кавказа незначительны. Имеются лишь данные, позволяющие судить о материалах, из которых шили одежду. На изготовление одежды шли материалы местного производства — полотняные и шерстяные ткани, войлок, кожа, а также привозные — сукно, шелк, парча и др.

У всех народов Северного Кавказа украшениями для женщин служили серебряные и золотые серьги, перстни, браслеты, бронзовые пластинки в форме диадемы, иногда и шейные бусы. Последние нередко нашивали на детскую и мужскую одежду. Перстни носили как женщины, так и мужчины.

Г. Интериано сообщает, что адыги под буркой «носят кольчугу, спускающуюся от пояса складками на староримский лад». Вместе с кольчугой непременный атрибут доспехов народов Северного Кавказа составляли также полушарные и остроконечные железные шлемы (иногда с персидскими и арабскими надписями), остроконечные изогнутые сабли с крестовиной у эфеса, кивжалы, ножи, деревянные и берестяные колчаны, обтянутые кожей, такие же саадаки и луки со стрелами. Широкое распространение защитного вооружения вызвало усовершенствование лука и стрел (рис. 2). Луки сложные, с костяными прокладками и тугой тетивой. Получили распространение металлические и сердоликовые кольца, предохраняющие палец при спуске тетивы. Наряду с этим появились и бронебойные наконечники стрел. Редко употреблялись копьё и булавы. В период татаро-монгольских нашествий народы Северного Кавказа познакомились с используемыми татарами при осаде крепостей стенобитными машинами (таран) и керамическими зажигательными бомбами, начиненными нефтью.

Мужчины Северо-Западного Кавказа отпускали усы, а иногда и бороды. На бритой голове они оставляли на макушке или у левого уха длинный чуб, подобный запорожскому «оселедцу». Постоянно с собой носили бритвы и оселок. Женщины заплетали косы. На покойнице из Байрыма косы были уложены на голове в виде короны.

Пища. Известно, что, кроме чисто биологических потребностей питания, в человеческом обществе пища и весь комплекс связанных с ней обычаев и обрядов имеют социальное значение. Однако пища как категория весьма устойчива. Созданные народом блюда не вытесняются даже при значительном изменении быта. Так что и в XIII—XV вв. основу питания горцев Северного Кавказа, как и в предыдущие эпохи, составляли продукты животноводства и растительный рацион. Причем удельный вес мясомолочных и растительных продуктов определялся не только основ-

*Рис. 2. Доспехи и вооружение (кольчуга, защитный головной убор, на-
локотники, кинжал, щит, лук и стрелы) чеченцев и ингушей. Позднее
средневековье*

ным направлением хозяйства, но и материальным благосостоянием семьи, и сезоном года. Значительно отличалась повседневная пища от праздничной, а также предназначенная для главы и старших семейства, для гостя и остальных членов семьи.

Наиболее ценными у горцев были блюда, приготовленные из баранины и говядины. В районах, где утвердился ислам, население не ело свинину. Все народы Северного Кавказа употребляли мясо тура, горного козла и других диких копытных животных, а также птицу. Однако мясо довольно редко входило в повседневную пищу горцев. Чаще употреблялось свежее и прокисшее овечье и коровье молоко и другие молочные продукты. Большую роль в питании адыгов, алан и других играло просо.

Народы же Дагестана больше употребляли пшеницу, ячмень, рис. Повсеместно на Северном Кавказе в пищу употребляли различного рода травы.

Архиепископ Иоанн де Галонифонтибус свидетельствует, что «татары Северного Кавказа не употребляют много хлеба или вина, довольствуясь тем, что имеют — некоторое количество мяса и немного молока», но их «элита ест конину и пьет кумыс, приготовленный так, что он ударяет в голову, снимает... уныние и ... имеет питательную ценность»⁷².

Говоря о Дагестане, Иоанн отмечал, что «это прекрасная страна, плодородная, весьма богатая водой, хлебом, животными и рисом. Их масло, добываемое из орехов, удовлетворяет потребности как в кулинарии, так и в освещении»⁷³.

В XV в. ногайцы Северного Кавказа, по словам И. Барбаро, питались мясом диких и домашних животных, а также разными травами и кореньями. Каждый из них, кто отдалается «от своего народа, берет с собой небольшой мешок из шкуры козленка, наполненный мукой из проса, размятой в тесто с небольшим количеством меда. У них всегда есть с собой несколько деревянных мисок. Если у них не хватает дичины, а ее много в этих степях, и они прекрасно умеют охотиться ... то они пользуются этой мукой, приготовляя из нее, с небольшим количеством воды, род питья, этим они и обходятся»⁷⁴. Г. Интериано сообщал, что адыги едят рыбу, большое количество мяса, а «пшеницы у них нет вовсе, зато много проса и других зерновых продуктов, из которых они делают хлеб и разные кушанья, а также напиток, называемый буза. Они употребляют также вино из меда пчел»⁷⁵. О пище жителей Северного Кавказа можно также судить по археологическим находкам. На городище Верхний Джулат были найдены, кроме зерен, кости рыб (сазана и севрюги), птиц, крупного и мелкого рогатого скота, домашней свиньи, оленя, косули, кабана, лисицы и зайца.

Семейный и общественный быт. К сожалению, дошедшие до нас сведения о семейном и общественном быте населения Северного Кавказа немногочисленны, фрагментарны и относятся преимущественно к северо-западной части края.

Бесконечные междоусобицы и непрекращающиеся иноземные нашествия требовали от каждого горца постоянной боевой готовности. Адыгские феодалы, по словам Г. Интериано, «спят всегда с панцирем, т. е. кольчужной рубахой под головой и с оружием наготове и, пробудившись внезапно, тотчас надевают на себя этот панцирь и оказываются сразу вооруженными». Феодалы организовывали нападения на своих соседей, захватывали в плен крестьян, а затем продавали их заморским купцам в рабство. Особенно много пленных увозилось «в город Каир», в Египет, где они, как отмечалось выше, шли на пополнение султанской гвардии (мамелюки)⁷⁶. Нищета и надежда на лучшую жизнь в чужих странах заставляли многих крестьян продавать и своих собственных детей⁷⁷. В постоянной боевой готовности находилась мужская часть и других народов Северного Кавказа. Феодалы и феодализирующаяся часть сельских общин горских народов Центрального и Восточного Кавказа часто организовывали набеги на своих соседей с целью грабежа, захвата пленных для последующей продажи.

Характерными чертами всех без исключения горцев Северного Кавказа были личная щедрость и гостеприимство, которое считалось у горцев неприменным условием поведения по отношению не только к соплеменникам, но и к чужеземцам. Показателем в этом отношении ответ горского владетеля Пулада, данный в 1395 г. послам всемогущего Тимура. На ка-

тегоричное требование Тимура выдать золотоордынского военачальника Удурку Пулат, не посчитавшись с возможными последствиями, сказал: «Удурку искал у нас убежище. Пока душа будет в теле, я его не выдам, и пока останется один вздох от духа, буду защищать его!»⁷⁸. Пулат, как мы видели выше, сдержал свое слово.

Все народы Северного Кавказа допускали у себя многоженство. Не составляла исключения и та часть населения края, которая придерживалась христианства. Если верить Юлиану, побывавшему в середине 30-х годов XIII в. у адыгского феодала на Тамани, то последний содержал будто бы 100 жен⁷⁹. У адыгов и других народов Северного Кавказа существовал обычай левирата, согласно которому овдовевшая женщина становится женой своего деверя. Довольно сложными и разнообразными были и свадебные обряды. Непременным условием было, чтобы невеста была «чистой девой», иначе брак считался несостоявшимся. Для родителей невесты это считалось большим срамом, и они должны были обратно взять свою дочь. Затем священники и почетные люди пытаются наладить дело. Уговаривают родителей жениха, чтобы они спросили у своего сына, хочет ли он, чтобы она осталась его женой. Если ответ положительный, священник и другие участвующие в этом деле лица вновь приводят ее в дом. «В противном случае их разводят и он возвращает жене ее приданое, подобно тому, как и она должна вернуть платья и другие подаренные ей вещи, после чего обе стороны могут вступить в новый брак»⁸⁰.

Адыгские женщины, писал Г. Интериано, «разрешаются от бремени на соломе, желая, чтобы она служила первым ложем новорожденному, и затем несут его к реке и там купают, не обращая внимания на мороз. Новорожденному дают имя того, кто первым из посторонних войдет в дом после родов. И если это — грек, латынянин или вообще носит иностранное имя, то всегда прибавляют к этому имени (окончание) „ук“. Например: Петро — Петрук, Пауло — Паулук, и т. д.»⁸¹.

У адыгских феодалов, а также у кумыков и ряда других народов Дагестана существовал обычай — атальчество, по которому родители поручали своих детей (преимущественно мальчиков) воспитывать семье своих подданных. Воспитатели обучали их верховой езде, владению оружием и пр. Девушки до замужества пользовались относительной свободой.

Сохранилось подробное описание похоронного обряда у адыгов в XV в. Знатного покойника они бальзамировали и затем клали на сооруженный в поле помост. Родственники и посторонние приносили в дар серебряные кубки, луки, стрелы и др. Жена покойного сидела при этом перед помостом и не плакала, так как это считалось неприличным. По обе стороны помоста стояли два старых родственника покойного, а на помосте сидела девушка и обмахивала лицо его платком, привязанным к стреле. На восьмой день покойника вместе с частью принесенных даров клали в колоду, сделанную из расколотого вдоль и выдолбленного в середине толстого ствола дерева, а потом несли к месту погребения. Над могилой насыпали курган и затем устраивали тризну⁸².

Погребения в колодах или в гробах, относящиеся к XIV—XVI вв., открыты в настоящее время на всей территории бывшего расселения адыгов, за исключением Черноморского побережья, где покойников (иногда предварительно сожженных) помещали во врытые в землю каменные ящики или непосредственно в грунтовые ямы. Погребения в колодах и гробах встречались и у некоторых соседних с адыгами народов. Например, ногайцы, используя колоду для погребения, иногда прикрывали ее колесом от арбы. Простые грунтовые погребения того же времени известны как в степях, так и в горах на всем Северном Кавказе. В Да-

гестане и в горах Центрального Кавказа наиболее распространены были могилы с каменными ящиками. В горах Центрального Кавказа встречаются и позднеаланские катакомбные захоронения. В степной полосе, которую занимали ногайцы, а также в горах Дагестана и Центрального Кавказа встречались наземные и полуподземные склепы и мавзолеи.

Столь большие отличия погребальных сооружений указывают на значительную разницу бытовых особенностей населения Северного Кавказа. Поэтому описанные выше обычаи адыгов и осетин нельзя безоговорочно распространять на все народы этого края.

Прикладное искусство. В XIII—XV вв. на Северном Кавказе дальнейшее развитие получило прикладное искусство: резьба по камню и дереву, художественная керамика, художественная обработка металла, изготовление узорчатых войлоков и ковров, золотошвейное искусство и др.

Каменные плиты со строительными надписями, надгробные памятники, тимпаны и наличники покрывались растительным и геометрическим орнаментом. В Дагестане многие из них представляют высокохудожественные произведения камнерезного искусства. Металлическая посуда, оружие и украшения, вышедшие из мастерских даргинского сел. Кубачи, принадлежат к шедеврам ювелирного искусства. Керамические изделия Дагестана, Закубанья и Центрального Предкавказья отличались изящными формами и геометрическим врезным орнаментом или цветной раскраской. Деревянные детали архитектурных памятников Дагестана и деревянная посуда бывали украшены геометрическими узорами. К лучшим образцам следует отнести украшения опорных столбов в ряде табасаранских и агульских мечетей, а также резные двери в сел. Кала-Корейшп и в сел. Джибахны и др. (рис. 3).

Врезные и рельефные изображения на стенах (с людьми, животными и фантастическими чудовищами) встречаются в Осетии и Чечено-Ингушетии.

В XIII—XV вв. на Северном Кавказе, как уже отмечалось, завершено строительство многих архитектурных памятников. Большинство замков и боевых башен Восточного и Центрального Кавказа были построены в ту эпоху. До нас дошли сведения о строительстве замков в XIII в. в агульском сел. Рича, в XVI в. — в лезгинском сел. Ахты, в 1369—1370 гг. — в даргинском сел. Мути, в XIV в. — в лезгинском сел. Хоредж, в XV—XVI вв. — в даргинском сел. Ицари, в 1432 г. — в сел. Цахур в Южном Дагестане, в 1443—1446 гг. в г. Тамани, в XIV—XV вв. — в устье р. Подлик на Черноморском побережье, в 1519 г. — в г. Темрюке. Выше уже говорилось и о строительстве большого числа мечетей (в сел. Цахуре, Мишлеш, Рутул, Кубачи, Амсаре, Микрах, городах Тами, Хпедж, Хунзахе, Дербенте и Нижнем Джулате, Маджарах и др.).

Своеобразными памятниками архитектуры являлись также мавзолеи и склепы. В XIV в. были построены (не сохранившиеся до наших дней) мавзолеи в Маджарах и вблизи г. Эссентуки. Дошедший до нас мавзолей Султан-бека, сына Худайнада, у ингушского сел. Плиево датируется 1405/06 г. Другой такой же мавзолей шейха Джунай-да Ас-Сефевн, построенный в 1544/45 г., находится у лезгинского сел. Хазры. Все эти мавзолеи имеют квадратное или многоугольное основание, архитектурно выделяющийся портал и шатровое или полусферическое покрытие. Аналогии им имеются в Средней и Передней Азии. Несколько другого типа мавзолей-склепы имелись в горах Центрального Кавказа. Основное отличие этого типа состоит в том, что вместо дверей они имеют окошко,

Рис. 3. Резные двери в с. Кала-Корейш (XII—XIII вв.)

служащее лазом. У этих мавзолеев и склепов нет аналогий за пределами их распространения.

Памятниками архитектуры являются построенные в XIII—XV вв. христианские церкви, о которых речь шла выше. Часто встречающиеся в погребениях XIII—XV вв. ткани с остатками орнамента, вышитого золотом, серебряными и шелковыми нитками, свидетельствуют о широком распространении этого вида прикладного искусства.

Фольклор. Народы Северного Кавказа создали интересные образцы музыкального фольклора и разнообразные произведения словесного искусства. Ни одно торжественное событие не проходило без музыки и танцев. К сожалению, исследователи располагают отрывочными сведениями о народном искусстве жителей Северного Кавказа. И. Шильтбергер упоминает о танцах адыгов. В погребении близ сел. Советское в Чечне были найдены остатки музыкального инструмента типа зурны. Надо полагать, что инструменты такого типа были распространены и в других районах Северного Кавказа. Чуть ли ни у всех народов Северного Кавказа в описываемое время был распространен нартский эпос, являющийся вкладом местного населения в сокровищницу мировой культуры. По всей вероятности, нартские песни, не превратившиеся в мертвые канонизированные формы в XIII—XIV вв., вобрали в себя новое содержание из современной окружающей среды. Во всех уголках Северного Кавказа существовало большое количество преданий, рассказывающих о происхождении народов, где, как правило, первопродком народа является героизированная личность; излагающих об образовании крупных населенных пунктов, союзов сельских обществ и феодальных владений, легенды и предания, рассказывающие о мужественной борьбе горских народов с иноземными захватчиками. Особенно большой след в устном творчестве горцев оставили опустошительные нашествия татаро-монголов и Тимура. В сказаниях отразились реальные факты самоотверженной борьбы горцев с полчищами Чингисхана, Аксак-Тимура. Видимо, с того же времени среди жителей Центрального Кавказа бытует поговорка: «Он объел нас, как Аксак-Тимур». Некоторые представления об устном народном творчестве дают памятники иконографии и письменности.

Примечательна каменная стела сел. Курах (Южный Дагестан). Ее поверхность покрыта арабской надписью и рисунками 1356 г. Рисунки изображают зверя, который преследует фантастическое чудовище, а ниже их помещен всадник с соколом на руке. На спине зверя написано «лев», а в пасти чудовища — «большая змея» или «дракон». Рисунок показывает, что в XIV в. лезгины представляли дракона в виде большого насекомообразного существа на четырех лапах, с четырьмя колючими хвостами, огромной пастью, с колючками на голове и ногах. Чудовище не имеет крыльев.

Хроника Махмуда Хиналутского 1456—1457 гг., а также составленные в XIV—XVI вв. «Дербент-наме» и хроника Мухаммада Рафи зафиксировали династические предания шамхалов казикумухских, удмиев кайтагских и майсумов табасаранских о происхождении их от арабов. Здесь же встречается получившая впоследствии популярность легенда об Абу-Муслиме, покровителе и распространителе ислама в Дагестане. Арабская надпись из даргинского сел. Кала-Корейш (составленная не позже XIV в.) свидетельствует о бытовании тогда легенды, приписывающей основание этого селения выходцам из арабского племени корейшитов.

Архиепископ Иоанн слышал в Дагестане предание о том, что Александр Македонский построил дербентские стены, чтобы оградить юж-

ные страны от вторжения чудовищ Яджудж и Маджудж («Гог и Магог»). Иоанн писал, что дагестанцы уверены в справедливости этого предания. Следы предания отразились и на эпиграфических памятниках в сел. Ихрек (не позже XIV в.) и в г. Дербенте (1438/39 г.). Надпись 1462 г. в Дербенте упоминает фольклорных героев Гиви, Рустама и Гузараа, вошедших в знаменитую поэму Фирдоуси «Шах-наме».

На двух христианских памятниках с территории Северной Осетии высечена фигура всадника, поражающего копьём трехголовую змею. Это старейшее известие о проникновении к горцам мифа о Георгии Победоносце. На обломке камня XIV в. из Маджары высечена надпись, позволяющая предполагать знакомство жителей города с огузским эпосом о деде Коркуте.

Памятники письменности. В начале XIII—XV в. адыги, по свидетельству Юлиана и Интериано, имели у себя богослужебные книги на греческом языке и отправляли церковную службу «словами и письменами греческими»⁸⁹.

На распространённость греческого письма указывает также ряд надгробных памятников XI—XVI вв. с эпитафиями на греческом языке, обнаруженных в Закубанье и на Черноморском побережье, в Кабарде и в Осетии. «Когда возникает необходимость адыгам писать к кому-нибудь, хотя это бывает очень редко,—сообщает Интериано,—то большую частью пользуются услугами евреев и еврейскими письменами». О присутствии в Закубанье грамотных людей говорит и находка в погребении XIV—XVI вв. у станицы Чамлыкской пенала с костяным «калямом», т. е. палочкой, заменявшей перо для письма.

На территории Северной Осетии и Аварии (Дагестан) найдены памятники грузинской письменности, причем часть из них относится к XIV в. В степном Предкавказье, и особенно в Дагестане, известны в очень большом количестве камни с арабскими надписями XIII—XV вв. В Дербенте имеются надписи на персидском, а в Маджарах — на тюркском языках.

Однако население Северного Кавказа пользовалось письменностью не только на чужих языках. В отдельных случаях имели место попытки записывания некоторых текстов на языках местных народов.

В этом отношении показательно утверждение архиепископа Иоанна о том, что адыги «имеют собственный язык и письменность».

До нас дошел ряд известий о памятниках, написанных на местных языках. В сел. Цахур (Дагестан) около 1275 г. были переведены на местный язык два арабских сочинения: «Компендиум Музани» и «Книга имама аш-Шаффи». В Трусовском ущелье Осетии найден надгробный крест XIV в. с эпитафией на осетинском языке, написанной при помощи сирийско-несторианского алфавита. В Аварии обнаружены двуязычные грузино-аварские надписи, сделанные грузинскими буквами в XIV в. В тексте завещания аварского нучала Андуника, написанного по-арабски в 1485 г., содержится 16 аварских слов. На полях арабского философско-богословского труда, переписанного в сел. Акуша Идрисом, сыном Ахмеда, имеются слова на даргинском языке.

В Дагестане при некоторых мечетях функционировали медресе, в которых преподавались арабский язык, основы мусульманского вероучения и некоторые светские науки. В XIII в. в сел. Цахур продолжало функционировать медресе, открытое еще в XI в. В 1404/05 г. открылось медресе в сел. Кубачи и в 1474/75 г. — в Дербенте. Существовали они и в других местах.

Наличие в Дагестане медресе показывает, что грамотными людьми здесь являлись не только выходцы из дальних стран, но и местные жители. Это подтверждается и эпиграфическими памятниками, содержащими имена писцов, иногда с нисбой (т. е. указанием на место их происхождения). Выясняется, что в Южном Дагестане надпись 1239 г. составил житель рутульского сел. Ихрек, а надпись 1462 г. — житель Цахура. О развитии грамотности на Северном Кавказе говорит и то, что целый ряд арабских сочинений разного содержания начиная с XIII в. был переписан в Дагестане.

Эпиграфические памятники Дербента иногда содержат стихотворные эпитафии на персидском языке и, как говорилось выше, упоминания героев поэмы «Шах-наме» Фирдоуси. В разных местах Дагестана высечены цитаты из стихов арабского поэта начала IX в. Абу-л-Атахин. В Дербенте и прилегающих к нему районах, надо полагать, имели распространение сочинения великого Низами, Хагани и др., а среди тюркоязычных народов — «Хосров и Ширин» (Кутба, Кысал, Разбут и др.).

У народов Северного Кавказа пользовались почетом улемы, т. е. знатоки мусульманских догм, правовых норм, исторических традиций и некоторых естественных наук. В 1450 г. в лакском сел. Кумух умер автор юридического сочинения, выходец из Йемена, Ахмед сын Ибрахима. Лакец Али из Кумуха, умерший в 1528 г., оставил после себя рукопись на арабском языке под названием «Конспект». Другой кумухец, Мухаммед, в середине XVI в. написал сочинения «Начало правды» на арабском языке и «Мысли о смерти» на лакском языке.

По всей вероятности, в XIII—XV вв. в Дагестане были составлены исторические хроники, которые легли в основу таких ценных сочинений, как анонимное «Дербент-наме» и «Тарих Дагестан» Мухаммеда Рафи. Первая хроника представляет собой компиляцию известия арабских авторов об истории Дербента и исламизации Дагестана, а также фольклорных версий на эту тему и династических преданий. Вторая хроника включает в себя также династические предания, рассказ о нашествии монголов на Кумух в 1240 г. и сведения о пошлинах, которые шамхал казикумухский получал с разных селений. Оба эти сочинения датируются XIV — первой половиной XVI в.

- ¹ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М., 1941. Т. 1. С. 231, 283.
- ² Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 153, 176.
- ³ АБК. С. 51.
- ⁴ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 234.
- ⁵ Путешествие в восточные страны Пляно Карпини и Рубрука. СПб., 1911. С. 28.
- ⁶ Барбаро и Контарини о России. С. 149.
- ⁷ Там же. С. 153.
- ⁸ АБК. С. 47.
- ⁹ Там же. С. 51.
- ¹⁰ Путешествие в восточные страны Пляно Карпини и Рубрука. С. 88.
- ¹¹ Барбаро и Контарини о России. С. 216.
- ¹² Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 234.
- ¹³ АБК. С. 51.
- ¹⁴ Закария ал-Казвини. Асар ал-билад. Гёттинген, 1848. С. 399—400. На арм. яз.
- ¹⁵ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 137.
- ¹⁶ Иоанн де-Галонифонтibus. Сведения о народах Кавказа. 1404/Пер. Э. М. Буниятова. Баку, 1980.
- ¹⁷ АБК. С. 47.
- ¹⁸ Там же. С. 47—49, 51.
- ¹⁹ Там же. С. 48—49.
- ²⁰ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1946. Т. 3. С. 189.
- ²¹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 186.
- ²² АКАК. Тифлис, 1868. Т. 2. С. 1076.
- ²³ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1. С. 87; Л., 1968. Ч. 2. С. 110; Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 287.
- ²⁴ Иоанн де-Галонифонтibus. Указ. соч. С. 26.
- ²⁵ СМОМПК. Тифлис, 1903. Вып. 32. С. 50.

- ²⁶ Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев // ЗООИДР. Одесса, 1863. Т. 5. С. 999—1000.
- ²⁷ Епископа Феодора «Аланское послание» // ЗООИДР. Одесса, 1898. Т. 21. С. 26.
- ²⁸ Иоанн де-Галонифонтибус. Указ. соч. С. 17.
- ²⁹ АБК. С. 47.
- ³⁰ Византийский временник. СПб., 1898. Т. 5. Вып. 1—2.
- ³¹ Барбаро и Контарини о России. С. 140.
- ³² Там же. С. 146.
- ³³ Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана... С. 999.
- ³⁴ Иоанн де-Галонифонтибус. Указ. соч. С. 17.
- ³⁵ Путешествие Ивана Шильбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. // Зап. имп. Новорос. ун-та. Одесса, 1867. Т. 1. С. 59—60.
- ³⁶ Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника. 1240. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 189.
- ³⁷ АБК. С. 46.
- ³⁸ Иоанн де-Галонифонтибус. Указ. соч. С. 16.
- ³⁹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 503.
- ⁴⁰ Барбаро и Контарини о России. С. 153.
- ⁴¹ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947. С. 54.
- ⁴² Иоанн де-Галонифонтибус. Указ. соч. С. 16—17.
- ⁴³ Карачаевцы. Черкесск, 1978. С. 24.
- ⁴⁴ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1958. Т. 1. С. 79.
- ⁴⁵ Грузинский хронограф XIV в. / Пер. Г. В. Пулая // КЭС. М., 1980. Вып. 7. С. 196, 199, 202.
- ⁴⁶ Из истории монголов: (Юань-Ши) об асах, аланах / Пер. Н. Иванова // ИВ ЮО НИИ. Сталинир, 1941. Вып. 3. С. 68.
- ⁴⁷ ЗООИДР. Одесса, 1963. Т. 5. С. 998.
- ⁴⁸ СМОМШК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 44.
- ⁴⁹ Там же. С. 50.
- ⁵⁰ Институт рукописей Грузии. Ф. «А». Д. 1469. Лл. 10—13—11.
- ⁵¹ Тарихи Дербент-наме. Тифлис, 1898. Прил. IX. С. 167.
- ⁵² Там же. С. 167, 177; ЦГИА ГрССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1239. Лл. 3—6.
- ⁵³ УЗ ИИЯЛ ДФАН. Махачкала, 1963. Т. 11. С. 173—179.
- ⁵⁴ Завещание Андуника Нуцала Булач-Нуцала (890/1458 гг.) // ВИД. Махачкала, 1980. С. 84, 86—87.
- ⁵⁵ АКАК. Тифлис, 1868. Т. 2. С. 1074; История происхождения рода уцмиев // РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 286. Лл. 55; Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. 3. С. 413.
- ⁵⁶ АКАК. Т. 2. С. 1074; История происхождения рода уцмиев... Лл. 55.
- ⁵⁷ ВИД. Махачкала, 1948. С. 87.
- ⁵⁸ Там же. С. 83—84, 87.
- ⁵⁹ Лавров Л. И. Новое о Зрихгеране и казикумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 216, 217.
- ⁶⁰ Тарихи Дербент-наме. С. 176—177.
- ⁶¹ ВИД. С. 84. Падишах — титул монарха в странах Ближнего и Среднего Востока, а с конца XV в. — титул султанов в Османской империи.
- ⁶² ВИД. С. 87.
- ⁶³ Кононов А. Н. «Родословная туркмен». Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.; Л., 1958. С. 20 (на тюрк. яз.). С. 44 (рус. пер.).
- ⁶⁴ ЦГИА СССР. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1239. Лл. 3—6.
- ⁶⁵ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 50—51, 53, 68—75 и след.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. 19. С. 8.
- ⁶⁷ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа... Ч. 2. С. 114—115, 140.
- ⁶⁸ Барбаро и Контарини о России. С. 217.
- ⁶⁹ АБК. С. 48.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же. С. 49.
- ⁷² Иоанн де-Галонифонтибус. Указ. соч. С. 16.
- ⁷³ Там же. С. 25.
- ⁷⁴ Барбаро и Контарини о России. С. 142, 149.
- ⁷⁵ АБК. С. 51.
- ⁷⁶ Там же. С. 48—49.
- ⁷⁷ Путешествие Ивана Шильбергера... Т. 1. С. 59.
- ⁷⁸ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 122.
- ⁷⁹ Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана... С. 999.
- ⁸⁰ Путешествие Ивана Шильбергера... Т. 1. С. 109—110.
- ⁸¹ АБК. С. 47.
- ⁸² Там же. С. 52.
- ⁸³ Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана... С. 999; АБК. С. 47.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА С ЗАКАВКАЗЬЕМ, ГЕНУЭЗСКИМИ КОЛОНИЯМИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И РОССИЕЙ

1. Взаимоотношения народов Северного Кавказа с Закавказьем

Связи народов Северного Кавказа с Азербайджаном. Народы Северного Кавказа и Закавказья одинаково испытали жестокости татаро-монгольского нашествия. Несмотря на огромные лишения и разрушения, резкий упадок хозяйства, уничтожение значительных людских ресурсов, народы Кавказа, как мы видели выше, не встали на колени перед грозным завоевателем, самоотверженно боролись за свою независимость и свободу, за сохранение культурных ценностей, созданных в течение веков. В этой борьбе огромную роль играли взаимные контакты и взаимная поддержка народов между собой, совместное выступление против завоевателей. Общность интересов народов Азербайджана и Северного Кавказа проявилась не только в борьбе против татаро-монгольских войск, но и в совместных выступлениях жителей Ширвана и Аррана с грузинами и горцами Дагестана против кыпчаков, прорвавшихся в Закавказье после их разгрома монголами. Народы Азербайджана и Северного Кавказа выступали совместно и в последующие периоды при продолжающихся торгово-экономических, политических, культурных связях между ними.

Занятие равнинных районов татаро-монгольскими отрядами, борьба ильханов и джучидов на равнинных просторах Северного Кавказа и Азербайджана не только привели к бегству населения в горные районы, но и значительно усилили значение горных перевалов, через которые осуществлялись связи отдельных областей. Значительно выросла роль горных перевалов, соединявших Дагестан и Ширван, между которыми поддерживались постоянные связи. На это обстоятельство указывает хорошая осведомленность ширванцев о Дагестане. Ширванский правовед Йусуф-ибн-Мухаммед Ганджинский сообщил арабскому историку Закарийе ал-Казвини (ум. в 1283 г.) ценные и подробные сведения о дагестанских сел. Цахур и Шиназ, о хозяйственной и культурной жизни их жителей. Он сообщил также, что Цахур расположен «в шести переходах (мархала) от Джанзы (Ганджи)» — свидетельство того, что речь идет об устоявшихся, регулярных маршрутах. Однако основным центром, через который северокавказские народы поддерживали связи с Азербайджаном, был Дербент. В XIV—XV вв. намного оживился и продолжал функционировать важный торговый путь Дербент — Шемаха, о чем свидетельствуют остатки большого числа караван-сараяв на этом пути.

В XIV—XV вв. связи Ширвана и Северного Кавказа значительно усилились. Важным фактором в усилении этих связей было то, что и в Ширване, и в Дагестане наблюдаются дальнейшие успехи в развитии хозяйства, торговли, ремесел; взаимовлияния культур.

На территории Ширвана неоднократно сталкивались интересы двух завоевателей — Тохтамыш и Тимура. Ибрахим I проявил себя даль-

видным политиком, сумев спасти свое государство от разорения, сохранить фактическую независимость Ширвана и Дербента. На ширванские войска была возложена охрана Дербентского прохода от вторжения золотоордынцев. Продолжая политику объединения азербайджанских земель, Ибрахим I распространил свое влияние на Карабах и Шеки.

Воспользовавшись междоусобиями тимуридов, он объединил, хотя и ненадолго, азербайджанские земли. Все это стимулировало усиление взаимовыгодных связей с северными соседями Ширвана.

О все развивающихся ширвано-дагестанских политических связях рассказывает Махмуд Хиналугский в своем сочинении, посвященном описанию истории потомков кайтагского уцмий Султан Мухаммад-хана, составленном в 1456 г. Указав на связи Ширвана с владениями Дагестана, он сообщает о том, что Ибрахим I предоставил убежище эмиру Эльча, сыну кайтагского уцмий. По совету Эльча, Ибрахим I признал власть Тимура, за что последний сохранил за Ибрахимом I его земли. Позже ширваншах передал в управление потомкам Эльча часть Южного Дагестана и будто бы один из сыновей Эльча, Мухаммед-бек, «отправился для управления одной крепостью в округе Докузнара»¹.

Известно, также, что Дербент и его округа при четвертой династии ширваншахов входили в состав Ширвана. Ряд селений в бассейне р. Самур также оказались в это время в сфере политического влияния Ширвана. Потомки упомянутого выше Мухаммад-бека поселились в крупных населенных пунктах Ахты, Хнов, позже в Курахе, Табасаране². Ширваншах Халилуллах (1417—1462 гг.) построил в Ахты крепость. «Владелец этой крепости — ширваншах Халилуллах», — гласит арабская надпись, сохранившаяся в сел. Ахты.

Взаимные политические связи Ширвана и Дагестана продолжались не только при Ибрахиме I (1382—1417 гг.) и Халилуллахе (1417—1462 гг.), но и при ширваншахе Фаррух-Ясаре (1462—1500 гг.). Ширваншахи поддерживали родственные связи с правящим домом кайтагских правителей. Кайтагский уцмий был шурином Фаррух-Ясара³.

Вместе с постепенным подъемом хозяйственной жизни Азербайджана, а также ростом значения Баку как морского порта и транзитного пункта значительно усилились связи Азербайджана с Северным Кавказом. Нефть, шелк и шелковые ткани, пряности, соль и многочисленные товары из областей Ближнего Востока, из Закавказья вывозились в Юго-Восточную Европу через Баку и Дербент. Эти два города выступают в качестве основных транзитных пунктов торговли Ширвана. О торговых связях Ширвана и Дагестана свидетельствуют находки бронзовых светильников XIV в. на территории дворца ширваншахов в Баку.

Значительное место занимало общение в сфере материальной и духовной культуры. Взаимные контакты хорошо прослеживаются в строительном деле, где обмен опытом мастеров-строителей и мастеров декоративных работ носил весьма интенсивный характер. В XIII—XV вв. широкое распространение получил в строительном деле Дагестана и в памятниках ширвано-апперонской архитектуры термин «устанд», которым отмечали строителя-профессионала, имеющего к тому же своих учеников.

Ширванские мастера принимали деятельное участие в строительстве культовых и других сооружений на Северном Кавказе (Дербент, Ахты, Рича, Верхний Джулат). От имени ширваншаха были построены здания и крепостные сооружения в Дербенте и Ахты. Бакинский архитектор Тадж-ад-Дин, сын Мусы (XIV в.), произвел восстановительные работы в джума-мечети Дербента. Северокавказские и азербайджанские мастера при совместном строительстве передавали друг другу богатый многовеко-

вой опыт в возведении гражданских, фортификационных и культовых сооружений.

В литературе уже отмечалось стилистическое родство, наблюдаемое в деталях скульптуры декора Баповского укрепления близ Баку и рельефов, обнаруженных в стенах ряда сооружений сел. Кубачи, а также общие черты, наблюдаемые в архитектуре ряда сооружений (диванхана из комплекса дворца ширваншахов в Баку и пристройка в дербентских воротах Орта-капа).

Взаимные связи и взаимовлияние прослеживаются также в процессе строительства фортификационных сооружений, особенно башенных. Много общих черт в прямоугольных башенных строениях Северного Кавказа и Азербайджана. Что касается «цилиндрических» башен, замечательные образцы которых сохранились на Апшероне, то повторение их черт находим в ряде памятников Дагестана (круглая башня в Ицари).

Реальным подтверждением архитектурных связей Азербайджана и Северного Кавказа является Татартушский минарет (близ станции Змейской в Северо-Осетинской АССР) — памятник XIV в. Он обнаруживает стилистическое родство и принадлежит к одному архитектурному типу, что и минарет XII—XIII вв. близ Шемахи (Шемахинский столп).

Не менее интенсивно протекало общение народов Азербайджана и Северного Кавказа и в области культуры. Памятники азербайджанского фольклора широко были распространены и в Дагестане. Проникали в Дагестан и произведения азербайджанской литературы и науки. В рукописном фонде Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР хранится ряд ценных рукописей, попавших из Азербайджана. В их числе — четыре старейших списка (они датируются 1405, 1452, 1483 и 1485 гг.) «Ал-Анвара» («Лучи») Юсуфа Ардабили (XIV в.) — крупнейшего памятника мусульманского права и ценного источника для изучения общественно-политической и экономической истории. Рукопись 1318 г. («Шарх Ал-иджаз») переписана Мухаммедом Аш-Ширвани, т. е. жителем Ширвана.

Для характеристики общих интересов и связей дагестанских и ширванских алимов (знатоков арабского языка) характерна запись в конце сборной рукописи, один из текстов которой переписан в 1409 г. Каламом, сыном Исфендияра, сына Махмуда, Ал-Бурзи ал-Ширвани «для великого устада... достойнейшего из ученых и факихов... Ширази... а он известный в области Лезгистан ученый». Калам ал-Бурзи ал-Ширвани переписал рукопись в дагестанском селении Мискинджи.

Борьба Ширвана и Дагестана против Кара-Коюнлу и первых сефевидов. В начале XV в. на территории Южного Азербайджана образовалось государство Кара-Коюнлу на базе объединения отдельных тюркских племен. В состав государства вошли азербайджанские земли к югу от Куры, Армения, Курдистан, часть Ирака, а затем Западный Иран. Кара-Юсуф принял ряд решительных мер для подчинения территории Северного Азербайджана — Ширвана. Ширваншах Ибрахим I, грузинский царь Константин, пекинский правитель, которым одинаково была опасна власть Кара-Коюнлу, объединили свои усилия и выступили против Кара-Юсуфа. В ноябре 1412 г. на берегу р. Куры между ними произошла битва. Объединенные войска закавказских владетелей были разбиты, ширваншах попал в плен, но был отпущен после внесения большого выкупа. Вскоре, однако, ширваншах сумел обеспечить себе независимость и подчинение государству Кара-Коюнлу носило чисто номинальный характер.

Источники показывают, что конфедерация кочевых тюркских племен Кара-Кююклу («Чернобаранные») хотя и просуществовала недолго (начало XV в.—1468 г.), но успела нанести значительный урон народам Кавказа. Известны разрушительные походы войск Кара-Кююклу в Армению, Грузию, Ширван. При правителе Искендере (1420—1437 гг.) войска Кара-Кююклу вели войны с государствами Тимуридов, Ширваном, Грузией. Между 1427 и 1434 гг. он трижды совершал разорительные походы на Ширван.

В 1432 г., как сообщает Фома Мецопский, Искендер выступил «в поход на город Шемаху и его область. Он в течение 15 дней беспощадно вырубал деревья и сады и причинил не поддающиеся описанию разрушения... Он прошел дальше Дербентских ворот, разрушил много стран и безжалостно истребил мечом много горцев и степных. Оставаясь там целый год, он пролил столько невинной крови, что невозможно и описать»⁴. Тогда же войска Искендера ворвались также в Южный Дагестан. Надпись из сел. Цахур рассказывает, что в августе 1432 г. войска Кара-Кююклу, поддержанные рутульским отрядом, с двух сторон напали на Цахур, но, потеряв 200 воинов, вынуждены были отступить⁵.

Эта надпись свидетельствует не только о героической борьбе против войск Кара-Кююклу, но и о том, что жители Южного Дагестана, и в частности цахурцы, поддерживали ширваншаха Халилуллаха.

В первой половине XV в. народам Дагестана пришлось вести также борьбу против походов, совершенных первыми сефевидами.

Шейх Сефи-ад-Дин, будучи религиозным мюридом (учителем), пользовался огромным авторитетом и беспрекословной властью среди своих многочисленных послушников. Влияние сефевидов распространялось на обширную территорию, включающую Азербайджан, Малую Азию, Фарс, Ирак, персидский Гилян и др. Особенно сильно влияние Сефевидского ордена было в городах, среди ремесленного люда. Феодальные правители считались с авторитетом шейхов, иногда входили в состав их мюридов (учеников).

Сефевидское государство называлось также Кызылбашским («Кызылбаш»), т. е. «красноголовым». Это прозвище сефевиды получили из-за головного убора, украшенного 12 пурпурными полосами. Официальной религией сефевидов был шиизм — один из двух толков ислама. Шиизм, считавшийся тогда ересью по отношению к официальному исламу в суннитской форме, был взят сефевидами на вооружение как знамя в борьбе за свои политические цели, за влияние на народные массы, среди которых шиизм получил широкое распространение. Военные силы сефевидов состояли из большого числа тюркоязычных племен.

В деле возвышения и усиления Сефевидского государства значительную роль сыграли шейх Джунейд (1447—1460 гг.) и шейх Хайдар (1460—1488 гг.), которые, манипулируя шиитскими лозунгами, умело используя противоречия между государствами Кара-Кююклу и Ак-Кююклу, добивались политического усиления. Причем возвышение сефевидов сопровождалось походами против «неверных», захватом богатой добычи и большого числа пленных.

Шейх Джунейд и его сын шейх Хайдар предприняли ряд походов в Закавказье и в Дагестан. Под знаменем «войны за веру» против «неверных» они напали на Грузию, Ширван, Дагестан. Разорили эти земли, разрушили города и села, увели множество пленников, которых затем продавали на невольничьих рынках.

Шейх Джунейд в течение 1447—1453 гг. неоднократно пытался установить свою власть в различных соседних областях: Ширване, Грузии.

В 1459 г. Джунейд для ведения «священной войны» отправился в «страну черкесов», т. е. на территорию Дагестана. Многотысячная армия сефевидского шейха прошла Ширван, вторглась в Дагестан, захватила богатую добычу и пленных и вернулась в Карабах на зимовку.

Эти походы шейха Джунейда, поддержанного правителем государства Ак-Коюнлу, проводились через территории Ширвана и представляли поэтому огромную опасность для этого государства. Под угрозой стояла также независимость Ширвана, который Джунейд действительно хотел себе подчинить.

Выступление ширваншаха Халилулаха I (1417—1462 гг.) против войск Джунейда было поэтому явлением вполне закономерным. В этой борьбе интересы народов Ширвана и Дагестана полностью совпадали.

Когда в следующем, 1460 г. Джунейд двинулся в сторону Дербента, ширваншах преградил путь войнам сефевидского шейха. Это было действие, согласованное между ширваншахом и дагестанцами, которые обратились к ширваншаху с предложением выступить против газиев шейха. Ширваншах выступил совместно с Джаханшахом Кара-Коюнлу, дагестанцы также выступили на стороне ширваншаха.

В распоряжении шейха Джунейда была хорошо вооруженная многотысячная армия мюридов и суфиев. 3 марта 1460 г. в битве на берегу р. Самур это войско было наголову разбито. Вместе с многочисленными «борцами за веру» пал и шейх Джунейд.

Сын Джунейда, шейх Хайдар, упорно продолжал завоевательную политику своего отца. В течение 5 лет, также прикрываясь лозунгом борьбы против «неверных», он совершил три похода в Дагестан. В 1483 г., заставив правителя Дербента пропустить войска, Хайдар ворвался в земли Табасарана, опустошил страну и вернулся, захватив добычу. При походе 1487 г. в Дагестан он захватил 6 тыс. пленных. Поход Хайдара в следующем году носил еще более разрушительный характер. Его войска захватили Шемаху, сожгли город, учинили массовую расправу с мирным населением. Затем войско вступило в земли Дагестана. Жители Дербента оказали упорное сопротивление и не пустили в город завоевателя.

Шейх Хайдар, по словам персидского историка XVII в. Искендера Мунши, «посоветовавшись с начальниками суфиев и приверженцами династии Сефевидов», решил совершить поход в Дагестан, жители которого, по их мнению, были далеки от «правильного пути». Целью похода по-прежнему объявлялась «священная война против неверных». Шейх Хайдар, продолжает И. Мунши, послал глашатаев известить «суфиев и начальников войсковых отрядов», вскоре было собрано большое, хорошо вооруженное войско, которое было направлено в сторону Дагестана. Ширваншах хорошо понимал, что поход против Дагестана и вообще против черкесов (так персидские источники называли население всего Северного Кавказа в целом) опять угрожает Ширвану. Султан Ак-Коюнлу-Якуб обратился даже к ширваншаху Фаррух-Ясару с грамотой, чтобы тот пропустил сефевидское войско через Дербент на север. Это не было выполнено, вскоре султан Якуб сам решил поддержать ширваншаха.

На этот раз ширваншах также выступил против войск Хайдара. Теперь уже жители Дербента и войска ширваншаха совместными усилиями «повели атаку на шейх-Гайдара и приверженцев, разбили и рассеяли их». В 1448 г. на территории Табасарана состоялось решительное сражение. Войска шейха потерпели поражение, сам Хайдар был убит⁶ и похоронен в Табасаране (его останки впоследствии были перенесены в Ардебиль).

Таким образом, попытки первых сефевидов подчинить Дагестан кон-

чились неудачей. Сефевиды были одинаково опасны как для Дагестана, так и для Ширвана. Совместные выступления народов Ширвана и Дагестана имели место, как отмечают источники, во многих случаях.

Грузино-северокавказские отношения. В первой половине XIII в., в период правления царицы Тамары (около середины 60-х годов XII в.—1207 г.), Георгия Лаша (1207—1222 гг.) и царицы Русудан (1222—1245 гг.) границы грузинской феодальной монархии намного расширились.

Грузинское царство стало одним из крупных и влиятельных государств Закавказья, тесно связанным со всеми народами Северного Кавказа. Экономические успехи и политическое усиление Грузии предопределили и подъем культуры, которая развивалась в тесной связи с культурой других народов Кавказа. Национальная грузинская культура оказывала заметное влияние на культуру соседних народов Северного Кавказа. Опустошительные нашествия татаро-монгольских орд и многократные разорительные вторжения Тимура привели в полное расстройство экономику страны, подорвали ее единство. Не успела многострадальная Грузия залечить раны, как в XV в. оказалась окруженной враждебно настроенными шахскими Ираном и Османским государством. В самой Грузии начались бесконечные феодальные междоусобицы. В конце XV в. в итоге все усиливающихся центробежных сил и внешнеполитических осложнений Грузия распалась на три царства (Картли, Кахети, Имерети) и одно княжество (Самцхе-Саатабаго). Однако грузино-северокавказские отношения развивались и в это тяжелейшее для народов Кавказа время. Особенно тесными они были с ближайшими соседями грузин: осетинами, чеченцами, ингушами и народами Западного Дагестана. Между Грузией и горцами Кавказа поддерживались торгово-экономические и иные связи. Обычно торговые операции с Дагестаном осуществлялись по так называемой «Лекетской дороге», по кратчайшим и наиболее удобным перевальным дорогам или же в обход Кавказского хребта по маршруту Тбилиси — Ширван — Джасар — Самур — Дербент и далее. Основной путь, по которому осуществлялась торговля Грузии с Центральным и Северным Кавказом, проходил через Дарьяльское ущелье, а с Северным Кавказом — по Клухорскому, Махорскому, Марухскому и другим перевалам ⁷.

Предметами обмена между ними, как и ранее, служили продукты земледелия, скотоводства и ремесленного производства. Большой частью свои товары горцы Северного Кавказа сбывали в Тифлисе (Тбилиси) и других торгово-ремесленных центрах Грузии. Анонимный персидский автор XIII в., рассказывая о товарах тифлисского рынка, сообщает, что это «седла, уздечки, колчаны, футляры для луков, инкрустированные слоновой костью, медь, расписные сладости, воск, много гранатов, бобер, выдра, рыба, девушки-рабыни, стекло, пиасы (плитки серебра.— *Авт.*), хорошие хрустальные изделия» ⁸. Несомненно, что среди товаров тифлисского рынка были и товары северокавказского производства. На это обстоятельство указывают современники, которые сообщают, что из нагорного Дагестана в соседние области вывозились меха, бараны и красивые девушки-рабыни ⁹. В сопредельные районы Грузии с Северного Кавказа, и особенно из Дагестана, вывозились также и предметы ремесленного производства, кавказское оружие, ювелирные изделия, бурки, паласы и др. Из Грузии на Северный Кавказ поступали: шелк-сырец, ткани, посуда, украшения, орудия труда, а также продукты питания. Горцы Северного Кавказа нуждались во многих товарах и поэтому жители, располагавшиеся вблизи Дарьяльского ущелья, выступали в роли посредни-

ков, оказывали грузинским торговцам всяческую помощь и поддержку. О развитии торговых связей Грузии с Северным Кавказом свидетельствует широкое распространение грузинской медной монеты на Северном Кавказе. В обнаруженных в Дербенте и в других местах Дагестана кладах значительную часть составляли монеты грузинских царей. В найденном в районе Тбилиси кладе среди мелких серебряных монет оказались также монеты, чеканенные в Дербенте. Однако в основном торговля между северокавказскими горцами и их ближайшими соседями была меновой. Близкое соседство и все развивающиеся связи между грузинами и северокавказцами способствовали заимствованию друг у друга трудовых навыков и орудий труда. Много общего в создании искусственных земельных участков-террас, а также в ведении скотоводческого хозяйства. Народы Северного Кавказа (чеченцы, ингуши и др.) заимствовали грузинский плуг «гутани». Грузинское пахотное орудие «кав-цера» было распространено у дидойцев. Грузинское горное пахотное орудие очень схоже с орудиями жителей Тетри Цкаро (грузин и осетин) в Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Карачае, в Западном Дагестане (у рутульцев). Много схожего и в материальной культуре грузин-горцев и осетин, ингушей, чеченцев и других жителей нагорной зоны Северного Кавказа. Наблюдается и общность ряда социальных институтов грузин и горцев Северного Кавказа. Имеются сходства чеченских, хевсурских и отчасти осетинских башен XIII—XV вв. С взаимовлиянием материальных культур, очевидно, связано и сходство названий целого ряда орудий труда. Грузино-чечено-ингушские языковые параллели показывают, что у грузин были заимствованы слова «херх» (пила), «хақхал» (сошник), «маха» (игла) и др. Сходство между ингушскими, чеченскими, хевсурскими и отчасти осетинскими боевыми башнями, очевидно, объясняется влиянием Ингушетии на своих ближайших соседей.

У народов нагорной зоны Северного Кавказа, имеющих сходные естественно-исторические условия, очень много общего и в их поселениях. Это касается как выбора месторасположения, так и общего облика, планировки и строительства жилищ.

В X—XIII вв. грузинская феодальная монархия, как отмечалось выше, воздвигла в Чечено-Ингушетии, Осетии и в других местах христианские храмы (Тхаба-Ерды, Алябь-Ерды, Таргимский и др.) с использованием местной каменной строительной техники. Эти храмы не могли не оказать известное влияние на строительство культовых памятников в Чечено-Ингушетии, Осетии и в других местах Северного Кавказа. Более того, грузинский храм Тхаба-Ерды в Ингушетии в описываемое время служил местом встречи соседних народов для решения спорных дел по обычному праву.

Грузины-горцы, ингуши, осетины и др. имели и общие праздники, такие, как ингушско-осетинский — «атинаги» и соответствующий ему грузинский — «атенгеноба», связанные с сенокосом. Причем на территории Грузии находился один из центров культа св. Афиногена, о чем свидетельствует пожалование в 1338 г. царем Георгием Ивану Джавахишвили находящегося в Коджори монастыря Атенагауены. В сел. Шатила в Хевсуретии было общее для грузин и соседних с ними кистинских сел (Джарега, Сахана, Кербета, Баниста, Терте, Мицу, Додзу) святилище, где в день Воздвижения собирались хевсуры и кистинцы для отправления ритуала. При этом обычно деканозом бывал хевсур, а знаменосцем — кистинец. Даже когда кистинцы приняли ислам, они продолжали принимать участие в ритуале с той разницей, что теперь деканоз не закалывал жертвенное животное, а лишь делал надрез на ухе животного, так как

магометанам запрещалось есть мясо животного, зарезанного христианином. После общего пиршества деканоз отправлялся в селение кистов, где продолжался праздник.

В XIV—XV вв. в Осетии были христианские церкви, в которых службу совершали грузинские священники. У осетин, сванов и др. наблюдаются и общность в культовых празднествах.

Живя чересполосно и поддерживая между собой тесные добрососедские связи, грузины и горцы Северного Кавказа вступали в родственные связи. Выше указывалось, что грузинские цари Баграт IV, Георгий III были женаты на осетинских княжнах, царица Тамара была замужем за осетином Давидом Сосланом. Эмир Дербента и ряд владетелей нагорного Дагестана заключали династические браки с царями Грузии. Заключались браки и между представителями трудовых слоев грузинского и северокавказских народов.

Между Грузией и Северным Кавказом, особенно в пограничных районах, происходил и обмен этническими элементами. Именно об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней предания о инородном происхождении отдельных фамилий Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Считается, что жители чеченских аулов Мааста Молч — потомки чеченцев и хевсур.

Помимо естественно-генетической близости грузинского и северокавказских языков, принадлежащих к одной иберийско-кавказской семье языков, в ходе тесных исторических связей, существовавших многие годы между этими народами, происходило и взаимообогащение языков, являющихся весьма чутким и стойким показателем культурных взаимоотношений. Причем в отличие от предыдущих эпох с начала XIII в. преобладающее влияние на осетинский, чечено-ингушские и другие языки Северного Кавказа оказывал грузинский язык. Об этом, в частности, свидетельствует не только наличие грузинских слов в языках осетин, чечено-ингушей, кабардино-балкарцев и народов Дагестана, но и найденные в районах расселения этих народов эпиграфические памятники. Обнаружен ряд надписей на грузинском языке на плитах храма Тхаба-Ерды, на стенах склепов и других построек горной Ингушетии. В этом же храме найдена грузинская рукопись, которая свидетельствует о распространении в церковном быту ингушей грузинской письменности. На штукатурке арки одного из могильников в ущелье Ассы обнаружена надпись плени ингушского происхождения, написанная грузинскими буквами. В Осетии, в районе р. Гизельдон и в ущелье Фиагдон в развалинах крепостей и замков и гробниц найдены были серебряные и золотые вещи с грузинскими буквами. В горном сел. Нузал (Алагирское ущелье) имеется церковь конца XIII — начала XIV в. Фрески Нузала являются уникальным памятником грузинского искусства на территории Северной Осетии и важнейшим свидетельством грузино-осетинских связей.

В сел. Цховати, в верховьях р. Ксани, обнаружена грузинская надпись XIV—XV вв. на золотом кресте, которая сообщает о грузинском феодале Ризия Квенишвили, бывшем в плену в ущелье Черке в Балкарии.

В Дагестане в сел. Хунзах, Ругуджа, Гиничутль, Гочатль, в местечках Галла, Тад Раал и др. найдены грузинские надписи, датируемые XIV—XV вв., написанные смешанным алфавитом «могловани» и «нускури». Камни с грузинской письменностью обнаружены в селениях Рутульского района Дагестана. Несомненно, что в эту эпоху происходило обогащение лексического фонда дагестанских, и особенно андо-дидойских, вайнахских, осетинского, адыгского и других языков, за счет про-

викновения культурно-исторических терминов. Все это — объективный показатель влияния грузинского языка и письменности на народы Северного Кавказа. Однако влияние не было односторонним. В свою очередь, в картвельские языки проникали слова из горских языков Северного Кавказа.

Грузины заимствовали у северокавказцев некоторые элементы одежды. Много общего обнаруживается в музыке, танцах и особенно в песенном творчестве. В ряде фольклорных памятников грузин нашли отражение факты из жизни северокавказцев, особенно типично прославление доблести, мужества и героизма своих союзников-горцев. Так, в оде выдающегося поэта Грузии Чакрухадзе немало строк посвящено восхвалению мужества и воинского таланта осетина Давида Сослана.

Цари Грузии, занятые бесконечными внешними и внутренними войнами, вынуждены были обращаться за военной помощью к своим соседям — горцам Северного Кавказа. Осетины, чеченцы, ингуши, горцы Дагестана и представители других народов служили в войсках грузинских царей Баграта IV, Давида Строителя, Георгия III, царицы Тамары, принимали активное участие в их борьбе с врагами. В 30-х годах XIII в., в период неоднократных вторжений в Грузию Джалал-ад-Дина, посильную помощь Грузии оказывали народы Северного Кавказа. В грузинских войсках сражались «аланы, лакзы, дзурзуки и кыпчаки». В период нашествия татаро-монголов, как отмечалось выше, народы Северного Кавказа и Грузии вели героическую борьбу за свою независимость. Упорно и самоотверженно боролись они и за свержение татаро-монгольского ига. Объективно эта борьба вливалась в освободительную борьбу народов против общего врага. Однако народы Кавказа оказывали друг другу и непосредственную помощь и поддержку. Горцы Северного Кавказа находились в числе борющихся с врагом грузинских войск. Известно также, что в период опустошительного нашествия татаро-монголов грузинский царь Давид VI (1292—1310 гг.) укрепился в Осетии в крепости Хода¹⁰.

А когда под папором татаро-монгольских орд часть населения хлынула в горы, осетины, ингуши, чеченцы продвинулись в Грузию и влились в племена двалов, иховцев и др. Исследователи полагают даже, что часть дово-тушинов является потомками переселившихся в это время племен.

Переселение северокавказцев происходило в XIV—XV вв., о чем свидетельствуют ономастические данные, такие, как название местности Кистаури (от кистин), кахетинские фамилии (Мальсагашвили и др.).

В XIII в. началось также массовое переселение в Грузию осетин. Спасавшихся от татаро-монголов бегством осетин грузинский царь Давид Улу (1249—1270 гг.) поселил, по летописным данным, одних в Тифлисе, других — в Дманиси, в третьих — в Жинвали. В 90-х годах XIII в. осетины, пользуясь слабостью центральной власти, поселились в низовьях р. Б. Лиахвы, заняли стратегически важные пункты, в том числе Горийскую крепость. Однако Георгий V Блистательный (1318—1346 гг.), получив от татаро-монголов ярлык на правление всей Грузией, без особого труда подчинил своей власти переселившихся осетин. С этого времени осетины стали органической частью Грузинского государства.

Используя благоприятный момент, связанный с междоусобной борьбой в стане татаро-монголов, Георгий VI «поднял оружие против монголов, сокрушил их силу и изгнал их из пределов царства своего. Затем он победоносно прошел через Ран и Ширван вплоть до Дербента»¹¹. Затем он подчинил своей власти Мингрелию, Абхазию, Сванетию, Гурию и Самцхе¹². В период нашествий Тимура на Грузию вместе с грузинскими войсками самоотверженно сражались и горцы Северного Кавказа. Из-

вестно также, что войско царя Георгия VII (1395—1407) состояло из грузин, осетин и других кавказских горцев, которых он вывел через Дарьяльское ущелье. В 1396 г. это войско «атаковало врага со страшным остервенением». Грузины вместе со своими союзниками победили и отбросили передовые отряды Тимура. Но подошедшие вовремя основные силы татар сделали свое дело, тогда «грузины и их союзники нашли спасение в горах и укрепились в замках». После этого Тамерлан обрушился на Северный Кавказ. Полагают даже, что «покорение Овсетии Тамерлан предпринял только потому, что царь Грузии подкреплял себя войсками из страны овсов»¹³.

Однако татаро-монголы оказались не в силах нарушить традиционные связи народов Северного Кавказа с Грузией. Осетины, черкесы, чеченцы, ингуши, горцы Дагестана несли военную службу в Грузии. Некоторые из них были даже возведены в княжеское достоинство. В родословии грузинских князей отмечается, что предок князей Чолокашвили Чолог (т. е. «Левша») прибыл в 1320 г. из Дагестана: «Царь Георгий принял его радушно, так как сам Чолог и его предки много услуг оказывали Грузии и царям ее: и по сей причине царь утвердил его в княжеском достоинстве и подарил ему угодья в Кахетии»¹⁴. Грузинских князей Церетели также считают выходцами из Дагестана. Во время нашествия Тимура они бежали из Дагестана в Черкессию, откуда прибыли в Имеретию в 1395 г., здесь были возведены в княжеское достоинство и получили в удел местечко Сочхери.

Горцы Северного Кавказа принимали участие и в междоусобной борьбе грузинских феодалов. Союз Давида с овсами мог быть продиктован его планами обуздать партикулярных феодалов с помощью овсов.

В конце XV в. кахетинцы провозгласили своим царем эристава Давида, внука царя Александра; опорой Давида были дидойцы, в стране которых сидел царский эристав Дидоэти. Однако взаимоотношения между царями Грузии и северокавказскими феодалами и феодализирующейся сельской верхушкой не всегда были мирными и дружественными. И между ними вспыхивали феодальные междоусобицы.

Грузинские цари, стремясь расширить границы феодальной монархии, не раз пытались подчинить своей власти соседние горские владения. В XIII—XIV вв., как указывалось выше, грузинским царям удалось немало расширить границы царства и поставить в вассальную зависимость ряд северокавказских владетелей.

Были случаи, когда феодалы Северного Кавказа предпринимали нападения и на грузинское царство. Особенно часты были набеги осетин во второй половине XIII в. Им удалось даже занять г. Гори. Начиная с 1296 г. арагвийский эристав в течение трех лет осаждал укрепившихся в Гори осетин. Известно также, что правитель Бариджан при содействии некоего Сатхиса напал на Тбилиси, но при возвращении был разбит подоспевшими грузинскими войсками. В 1299 г. Осбагатар совместно с татарским полководцем Хутлу-шах-Нойна и грузинским феодалом Шалвой Квином нанес значительный удар грузинскому царству. Позже, узнав о поражении царя Давида VI от татар, он вновь организовал нападение на Грузию. Лишь Георгию V удалось прекратить нападения осетин на Грузию. Даже в это тревожное время народы Центрального Кавказа поддерживали тесные торгово-экономические и иные связи с Грузией. И «пошли осетины в Тбилиси, — говорится в грузинской летописи, — с торговой целью».

Таким образом, междоусобицы и феодальные набеги не определяли взаимоотношения родственных народов. Напротив, определяющими во

взаимоотношениях народов Северного Кавказа с грузинским народом в пору тяжелейших испытаний — нашествий на Кавказ иноземных завоевателей — были мирные добрососедские отношения, взаимная помощь и поддержка.

2. Взаимоотношения народов Северного Кавказа с генуэзскими колониями и Крымским ханством

Отношения народов Северо-Западного Кавказа с генуэзскими колониями в XIV—XV вв. На Северо-Западном Кавказе возникли между Таной (Азов) и Севастополем (Сухуми) 39 генуэзских колоний. Из них наиболее крупным поселением, не считая Таны и Севастополя, была Матрега на Таманском полуострове (быв. Матраха, Тамтарха, Тмутаракань) — крупный торговый центр, связанный с соседними народами Северного Кавказа и заморскими странами, где останавливались все торговые суда, которые не могли из-за мелководья Азовского моря плыть до Таны. До начала XV в. Матрега находилась под властью черкесского князя. В 1419 г. после бракосочетания генуэзца Гизольфи с дочерью черкесского князя Биха-ханум Матрега стала как бы феодем фамилии Гизольфи.

Этнический состав генуэзских колоний: Копа (Локота, Копарио), расположенная на правом берегу Кубани, Мапа (Анапа), Зарир (древ. Бата-Суджук-кале), Пепце (вблизи устьев р. Кубани и Бейсу), Санта-Круче (предположительно располагавшаяся на Северной Таманской косе), порт Сан-Джорджо, порт Лотар и другие были довольно пестрым. Значительный процент в них составляли также черкесы, абхазцы и др. Во всех итальянских колониях причерноморской зоны число генуэзцев было незначительным. В Солдае, Чамбакло, Матреге и Копарио заметно преобладало греческое и адыгское население. Даже в Кафе (Феодосия), являвшейся центром генуэзских колоний, где жили греки, армяне, евреи, караимы, грузины, русские, поляки и др., итальянцы были в меньшинстве. Здесь, по данным конца XV в., из 70 тыс. жителей генуэзцев оказалось всего лишь около 10 тыс. человек¹⁵.

В социальном отношении население генуэзских колоний состояло из купцов и крупных предпринимателей, мелких торговцев и ремесленников, портовых рабочих, матросов, воинов и слуг. В колониях имелись также врачи, юристы, инженеры, учителя. В Кафе функционировали училище, библиотека и другие общественные учреждения, которые должны были способствовать распространению католичества и упрочению влияния генуэзцев в колониях и прилегающих районах края. В некоторых колониях, как указывалось выше, были учреждены епископские и архиепископская кафедры, а также построена церковь (в Копарио). Помимо обслуживания итальянцев, они предназначались для распространения католичества среди местных жителей. Однако и кафедры, и церковь просуществовали недолго, так как миссионерская деятельность оказалась безуспешной.

В юридическом отношении генуэзцы составляли полноправную привилегированную группу граждан, поскольку, будучи в значительном меньшинстве населения в колониях, в органах самоуправления они тем не менее имели столько же мест, сколько все остальные жители, превышающие их в численном отношении в десятки раз. К тому же было принято избирать кандидатов из наиболее зажиточных и именитых, так называемых лучших людей; в результате в колониях власть оказалась в

руках самых богатых генуэзцев и местной аристократической верхушки, которые совместно эксплуатировали трудовые слои населения.

В торгово-экономическом и политическом центре колонии — Кафе — действовала хорошо организованная администрация со своими законами, гербом и тарифами. Верховная власть принадлежала консулу, назначавшемуся из Генуи. Другие должностные лица города — градоначальник, советники, казначей, военачальник, комендант-правитель прилегающих районов и прочие — избирались из местных жителей.

Генуэзские колонии на Северо-Западном Кавказе вели торговлю почти со всеми народами Северного Кавказа.

Торговый путь, видимо, начинался от Анапы и проходил через станции Холмскую, Саратовскую, Большой Зеленчук, Марухт в Карачай; отсюда одна ветвь пути шла через Главный Кавказский хребет на Цебельду, а другая продолжалась по Тереку к Каспийскому морю. Была и другая дорога, которая шла по направлению Анапа — Геленджик — правобережье р. Кубани — Северный Прикаспий — Туркестан — Иран — Китай.

В XV в. суда, принадлежащие генуэзским купцам, плавали по Каспийскому морю. Один из купцов — Джиованни делла Валле — оказал содействие в строительстве военного судна, которое, помимо всего, занималось и морским разбоем¹⁶. По словам Клавихо, при султани Увейс (1356—1376) генуэзские купцы покупали даже земли в Южном Азербайджане и воздвигли вблизи Тавриза (ныне Тебриз) замок¹⁷. Проникали генуэзцы и в горные районы Северного Кавказа. Об этом свидетельствуют ряд преданий, а также развалины некоторых башен, церквей, многочисленные каменные надгробные кресты и другие археологические памятники, которые местное население связывает с народом «генез», «дженуз», или «ференки». В частности, адыги приписывали генуэзцам (правда, иногда ошибочно) каменные укрепления в верховьях Кубани, а балкарцы считали «ференскими» остатками оборонительного сооружения с круглоплановыми башнями, расположенного глубоко в ущелье близ сел. Верхний Баксан.

Проникновение генуэзцев на Центральный Кавказ подтверждается и тем, что церкви Верхнего Джулата (Татартупа), сооруженные не ранее XIV в., имеют ряд признаков, характерных для культовых архитектурных памятников католической Европы: например, наличие в них подальтарных склепов (крипт) с четырехугольной камерой и круглоплановым сферическим сводом. И в этом нет ничего неожиданного. Выше уже приводилось сообщение Иоганна Шильтбергера о том, что в начале XV в. в Джулате действовала католическая церковь и что в городе проживали монахи Кармелитского ордена, занимавшиеся миссионерской деятельностью и отправлявшие церковную службу на татарском языке. В Джулате же находилась тогда и кафедра католического епископа. На Северном Кавказе генуэзцы торговали главным образом итальянским сукном, хлопчатобумажными и бархатными тканями, парчой, коврами. Ввозились также венецианское стекло, мыло, ладан, сабельные клинки, соль, рис, горчица, имбирь и другие пряности. Вывозилась в основном сушеная и соленая рыба, лисьи, куньи и прочие меха, хлеб, воск, мед, икра, вино, фрукты, дерево (самшит и иные породы), кожи и многое другое. Эти товары в генуэзские колонии Причерноморья доставлялись со всего Северного Кавказа, из Руси и других мест.

Особенно широкий размах получила работоторговля. Подавляющее большинство рабов, вывозимых из Восточного Причерноморья в другие страны, состояло из татар, адыгов, абхазов, дагестанцев и иных кавказ-

дев. Наиболее крупные невольничьи рынки находились в Кафе, Танае, Севастополисе, Копарио.

Выше уже говорилось, что, за исключением части невольников, оставшихся на Кавказе, рабы вывозились в мусульманские страны, преимущественно в Египет, где из мужчин комплектовалась воинская гвардия мамлюков, составлявшая главную вооруженную силу султана. Много рабов доставлялось и в Европу, и в частности в Италию. Во второй половине XIV в., как мы знаем, число невольников из Причерноморья в Италию настолько возросло, что, опасаясь восстания, итальянцы стали перепродавать рабов в другие страны.

Рабов для продажи в генуэзские колонии привозили не только татары, но северокавказцы, черкесы, аланы и др. Карачаевцы и балкарцы, писал Иоанн де Галонифонтибус, «на берегу моря... продают пленных работорговцам»¹⁸. Нередко бывало, что и сами генуэзцы предпринимали нападения на соседнее население для захвата невольников и продажи их в рабство. Как бы то ни было, поощряемая властями генуэзских колоний работорговля играла самую отрицательную роль в жизни северокавказских народов.

Важнейшим предметом вывоза из генуэзских колоний был также хлеб. Колонисты приобретали в большом количестве зерно у местного северокавказского населения и вывозили его в города Средиземноморья. Часть северокавказского хлеба реализовывалась также в Крыму и в странах Ближнего Востока. В большом количестве из генуэзских колоний вывозились рыба и рыбопродукты.

На Северный Кавказ колонисты везли, наряду с продуктами первой необходимости, и предметы роскоши, которые могли приобретать феодалы и выделившиеся из основной массы местного населения богатеи.

Несмотря на то что генуэзцы способствовали распространению некоторых элементов европейской культуры на Кавказе, все же их хищническая колониальная политика весьма отрицательно сказалась на исторических судьбах народов края, и прежде всего на населении причерноморских областей. Особенно драматическими и пагубными оказались последствия работорговли, в результате которой значительная часть наиболее дееспособного северокавказского населения отрывалась от родной среды и оказывалась на чужбине. К тому же, будучи торгово-ростовщическими пунктами, генуэзские колонии почти не способствовали развитию в крае производящей экономики.

Правящие верхи генуэзских колоний старались «сохранить дружественные отношения с соседними государствами»¹⁹. С этой целью генуэзцы делали все от них зависящее, чтобы задобрить черкесских и других правителей. В инструкции из Генуи консулам причерноморских колоний на 1458 г. указывалось: «На Черном море четверо владык, а именно: император татарский, император трапезундский, князь Теодоро (Манкупа) с братьями и князь или община Манкастро (Аккерман.— Авт.), подданные которых ведут обширную (прибыльную) торговлю с жителями Кафы и остальными народами, входящими в состав наших владений (на Черном море.— Авт.). По этой причине будьте с ними в хороших отношениях. Мы желаем и поручаем вам, чтобы всеми способами и средствами старались вы жить в мире со всеми ними, избегая всячески несогласия и поводов к столкновению»²⁰. Однако отношения генуэзцев со своими соседями были не только мирными. Не останавливаясь ни перед чем, они вмешивались во внутренние дела народов Северо-Западного Кавказа. Широко использовали при этом подкуп, интриги, открытое военное вмешательство. Нецелесообразная эксплуатация трудовых слоев, назойливое насаж-

дение католической религии и чуждых нравов, постоянное вмешательство во внутренние дела местного населения, захват пленных для продажи в рабство и другие характерные методы деятельности жадных до наживы генуэзцев вызвали недовольство и открытые выступления трудовых слоев причерноморских колоний и прилегающих к ним районов Кавказа.

Вторая половина XV в. — это период непрекращающихся волнений и прямых восстаний местного населения «против Кафы» — колониального центра Восточного Причерноморья.

Борьба адыгов и других народов Северо-Западного Кавказа с колониями проявлялась и в отказе от уплаты налогов, и в нападении на генуэзских купцов, и в вооруженных выступлениях. В городах, где было немало рядовых солдат, матросов и наемных рабочих из разных народностей, подобные волнения перерастали иногда в открытые восстания. Иные, не находя другого выхода, оставив насиженные места, бежали из колоний и больше всего «в Черкессию и в горы Кавказа»²¹.

Местное население использовало любые возможности для борьбы с господством чужеземцев. В 1457 г. адыгский князь Кадибельди захватил замок владетеля Матреги, после чего князь Матреги Заккария Гизольфи писал: «Народ ... восстал против Кафы и завладел означенным замком вместе с князьями Зихии»²². Но и это восстание было подавлено.

Борьба с генуэзскими колониями осложнялась двойственной политикой местных феодалов, которые, с одной стороны, стремились к полной независимости от правителей колонии и увеличению своих богатств за счет генуэзцев, а с другой — мало считались с интересами народных масс в деле их освобождения от колонизаторов. Между тем положение генуэзцев в Причерноморье становилось все более критическим. В середине XV в. Кафа оказалась вынужденной платить крымскому хану дань. Генуя по-прежнему настойчиво рекомендовала Кафе поддерживать мирные отношения с народами края. В метрополии с большим удовлетворением воспринимали сведения об урегулировании каких-либо конфликтов в колониях. И все же мирные договоры о ненападении оказывались недолговечными. Однако судьбу генуэзских колоний решила Османская Порта. Османы разгромили Кафу и тем самым ликвидировали колониальную систему итальянцев в Причерноморье.

Борьба народов Северного Кавказа с Крымским ханством. Со второй половины XIII в. татары стали закрепляться в Крыму. Первоначально они перекочевывали в Крым лишь на зиму и уже весной со своими стадами уходили в приднепровские степи. Со временем татары силой захватили земли и подчинили своей власти проживавшее здесь местное население: алан, армян, греков и славян. Но и после утверждения в Крыму татары в отличие от местного земледельческого населения по-прежнему занимались скотоводством. «Большинство (татар. — Авт.), — свидетельствует посол польского короля Стефана Батория в Крыму М. Броневский, — вовсе не обрабатывают и не отсеивают полей, богатство их заключается в конях, верблюдах, волах, коровах, козах и овцах; этим они и живут».

Укрепившись на Крымском полуострове, татары в начале XIV в. образовали вассальное от Золотой Орды наместничество. Причем назначаемый золотоордынским ханом наместник — «туманджи» (тёмник) или «тудун» пользовался в Крыму значительной свободой: самостоятельно общался с иностранными государствами, заключал мир и объявлял войну, чеканил монету и т. п. Со временем наместник и окружающая его светская и духовная знать стали стремиться к самостоятельности. Осно-

вателем династии крымских ханов Гиреев (или Гараев) стал Хаджи-Девлет, призванный к власти волей татарских мура. В 1433 г. Хаджи-Девлет Гирей официально стал крымским ханом. Образованию этого ханства благоприятствовали сложившиеся к этому времени в Восточной Европе международные отношения и, особенно, заинтересованность ряда государств региона в ослаблении Золотой Орды. Однако недолго Крымское ханство оставалось независимым. В середине XV в. положение ханства намного осложнилось. В 1453 г. османы, захватив Константинополь и став хозяевами южных берегов Черного моря, стали мечтать и о захвате Северного Причерноморья. Уже в 1454 г. Оттоманская Порта, обстреляв с моря Монкастро (Аккерман) и разрушив Себастиополис (Сухуми), показала, что она ставит перед собой ближайшей задачей завоевание западного и северного побережья Черного моря. Правящие круги Крыма поспешили установить дружеские отношения с султаном. Между Портой и Крымским ханством было подписано соглашение, по условиям которого султан обещал помочь хану изгнать генуэзцев из Кафы.

Вскоре представился удобный случай. После смерти в 1466 г. Хаджи-Девлет Гирей в ханстве начались усобицы между его сыновьями. Вмешательство Кафы в эту борьбу послужило поводом для обращения татарских феодалов к султану за содействием. В 1475 г. османы при поддержке татар разгромили Кафу и другие генуэзские колонии. Однако интересы османов и крымских татар совпадали не во всем. Начавшимися между ними разногласиями воспользовался золотоордынский хан Ахмат, войско которого «и взя Крым и всю Азигирееву орду»²³. Однако Оттоманская империя вытеснила золотоордынцев из Крыма и подчинила ханство вассальной зависимости. После этого Крымское ханство приобрело сильную поддержку в борьбе с Большой Ордой и другими странами. С подчинением Крыма Порте создалась реальная угроза для народов Северного Кавказа и России. Тем более, что крымский хан рассматривал себя преемником Золотой Орды и считал, что ему должны подчиниться все народы, которые ранее находились под золотоордынским игом. В Крыму и на Черноморском побережье Кавказа — в Керчи, Кафе, Азове, Матреге (Тамань), Анапе и в других городах появились гарнизоны османов. Двухсотлетнее господство генуэзцев в Восточном Черноморье сменилось тяжелым игом Порты и его вассала — крымского хана. Трудным и полным драматизма оказалось владычество Порты и Крымского ханства над народами Северного Кавказа, и в первую очередь над адыгским народом. В самом начале 90-х годов XV в. крымский хан Менгли-Гирей собрался в поход против адыгов²⁴. Осmano-татарские хроники считают, что он подчинил адыгов Крымскому ханству. Однако адыги не смирились и, как увидим ниже, продолжали самоотверженную борьбу за свою свободу и независимость против Крымского ханства.

3. Русско-северокавказские отношения

Северокавказско-русские связи в XIII—XIV вв. Татаро-монгольское нашествие, принесшее неисчислимые бедствия без исключения всем народам Северного Кавказа, крайне отрицательно сказалось и на взаимоотношениях народов Северного Кавказа с русскими княжествами. Возможно даже, что в пору непосредственных походов татаро-монголов они на некоторое время вовсе прервались. Однако со временем контакты представителей русского и северокавказского народов стали налаживаться — сначала через встречи в столице Золотой Орды. Известно, что рус-

ские князья «ходили в Орду», чтобы засвидетельствовать хану покорность, получить право на княжение, доставлять дань — «выход». Приезжали в золотоордынскую ставку и владетели Кавказа. «Мы видели при дворе императора, — сообщает Плано Карпини, — как знатный муж Ярослав, великий князь Руси, а также сын царя... Грузинский... не получали среди них (татар. — *Авт.*) никакого должного почета ... приставленные к ним татары, какого бы низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное действие»²⁵.

О своих встречах в ставке золотоордынских ханов русских, греков и алан рассказывает другой очевидец — Гильом Рубрук²⁶. Естественно, что резиденцию золотоордынцев посещали и правители Северного Кавказа; в Сарае они оказывались не в лучших условиях, чем русские, грузинские и другие посланники. Русские могли контактировать с населением Северного Кавказа и во время летних перекочевываний ставки золотоордынских ханов с места на место между Каспийским, Азовским и Черным морями. Летописи сохранили сведения об убийстве в предгорьях Северного Кавказа (у гор Ясских и Черкасских) претендента на великокняжеский престол Михаила Ярославича. Накануне его гибели сопровождавшие его воины предлагали князю бежать в горы, где он мог наверняка найти убежище. Однако князь не послушался совета и был приговорен к смертной казни. Перед тем князя Михаила водили за ханом; потом выставили на показ «на торгу», где его видели «множество от всех язык»²⁷.

В ставки золотоордынских ханов часто приезжали и духовные лица русской православной церкви. Плано Карпини сообщает о частых встречах в Золотой Орде и даже в самом Кара-Коруме с «русскими клириками»²⁸. Число представителей русского духовенства, свидетельствует Гильом Рубрук, «среди них весьма велико». И это понятно, в Маджарах и других городских центрах Золотой Орды имелись православные церкви и часовни.

Кроме того, в Золотой Орде было большое число простых русских людей, оказавшихся в татарском плену. Рассказывая о политике татар на Руси, Плано Карпини сообщает, что татары, заняв тот или иной населенный пункт, «спрашивают, кто у них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором»³⁰. Большое число русского населения было угнано в татарскую неволю. «Когда русские не могут дать больше золота или серебра, — сообщает Г. Рубрук, — татары уводят их и их малюток, как стада, чтобы караулить их животных»³¹. Точно так же татары поступали и с народами Северного Кавказа. Рассказывая о расправах татар в период правления Узбека среди черкес, яссов и русских, Эломари сообщает: «Сколько раз он убивал их мужчин, забирал в плен женщин и детей, уводил их рабами»³². Однако большинство угнанных в рабство из России, как и из других стран (в том числе и Северного Кавказа), были ремесленники.

«В земле сарацинов и других, — свидетельствует Плано Карпини, — в среде которых они (татары. — *Авт.*) являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют ко всем своим делам»³³. Угнанные в неволю мастера возводили в Золотой Орде города, строили и украшали дворцы, изготовляли оружие и орудия труда, производили прекрасные ювелирные изделия и всевозможные предметы домашнего обихода.

В Золотой Орде все невольники, независимо от национальности, находились в одинаково тяжелом положении. «Они, — свидетельствует Плано Карпини, — мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если

только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастеров и других хороших ремесленников. Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают и у них нету времени от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были отдыхать или спать, но это могут делать те, кому позволено иметь жен и собственную ставку (т. е. дом.— *Авт.*). Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всякой жалости»³⁴. Еще более драматичны сообщения Эломари: «Во время голода и засухи они (русские и др. жители Дешт-и-Кыпчака.— *Авт.*) продают своих детей»³⁵. Положение невольников усугублялось еще и тем, что с ними хозяева обращались по своему усмотрению. И. Барбаро рассказывает, как один из родственников хана Эделлуг подарил ему «восемь рабов, русских по национальности», говоря: «Это часть добычи, которую я забрал в России»³⁶. Как указывалось выше, среди продаваемых на невольничьих рынках Черноморья большую часть составляли рабы кавказского происхождения: абхазы, черкесы, лезгиньы — и русские³⁷. Кроме того, татары продавали рабов на невольничьих рынках Крыма и Кавказа. Особенно ценились русские женщины и черкешенки. Часть рабов оседала в черноморских городах, значительно большая часть вывозилась в другие страны.

До нас дошли также сведения о постоянном пребывании русских и представителей народов Северного Кавказа — ремесленников и торговцев — в городских центрах и на стоянках золотоордынских ханов. Арабский путешественник Ибн-Баттута, побывавший в Золотой Орде в 30-х годах XIV в., свидетельствует: «В Сарае-Берке было много русских. Каждый народ живет на своем участке отдельно, там и базары их»³⁸. Русские купцы бывали в Маджарах и других торговых центрах Северного Кавказа. Обычно Орда во главе с ханом или его наследником, где бы ни располагалась станом, по словам И. Барбаро, «сразу же раскрывают базары». При татарском войске, продолжает он, «всегда находятся купцы: одни различными путями привозят сюда товары, другие же лишь проходят через Орду с намерением идти в иные страны»³⁹. На этих базарах продавались всевозможные товары, в том числе привезенные из России и Северного Кавказа.

Золотоордынские ханы, как известно, использовали угнанных в неволю мужчин в качестве воинов. От подвластных народов, сообщает Плато Карпини, татары «требуют ... чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно»⁴⁰.

У хана Тохты, свидетельствует очевидец, было войско из «русских, черкесских, кыпчакских, маджарских и прочих воинов»⁴¹. В период кровавых схваток на Северном Кавказе между Тохтамышем и Тимуром золотоордынцы двинули против Тимура войско «из русских, черкесов, болгар, кыпчаков, аланов»⁴².

Для борьбы со своим неприятелем татары часто использовали пленных. Причем их, как правило, выдвигали впереди татарских войск и те первыми вступали в бой. «Таким образом,— пишет Плато Карпини,— вместе с людьми побежденной области (татары.— *Авт.*) разоряют другую землю»⁴³.

Укрепление русско-северокавказских отношений в XV в. Русский народ, как известно, нес всю тяжесть борьбы с татаро-монголами. Одновременно с освобождением Руси в XIV в. происходил и объединительный процесс русских земель вокруг возвышающегося центра Северо-Восточной Руси — Москвы. Началом присоединения княжеств, по словам

К. Маркса, «была заложена основа *могущества Москвы*»⁴⁴ — будущего политического центра русского многонационального централизованного государства. Причем процесс подчинения русских удельных княжеств Москве, как указывает Ф. Энгельс, шел «рука об руку с освобождением от татарского ига» и окончательно был закреплен Иваном III⁴⁵. В конце XV в. изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Москвы, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от москвитов надменные речи.

А самоотверженная борьба русского народа за свое национальное освобождение, как отмечалось выше, по существу, превращалась в борьбу за освобождение всех народов, изнывающих под гнетом татаро-монголов. Успехи русского народа в этой борьбе вселяли надежду и стимулировали усиление освободительной борьбы народов, в том числе и Северного Кавказа, против общего врага. Особую роль в этой борьбе, как отмечалось выше, сыграла знаменитая Куликовская битва. Блестящая победа русского воинства предопределила освобождение от золотоордынцев угнетенных народов и способствовала их сближению между собой. С ослаблением Золотой Орды стали укрепляться торгово-экономические и политические связи Северного Кавказа с Русью. До нас дошли отрывочные сведения о прибытии в 1404 г. русских купцов в Дербент. В основном торговые связи Руси с Северо-Восточным Кавказом поддерживались через Волгу и Каспий, а также по сухопутной «Кавказской дороге».

Проведший в Дербенте зиму 1475/76 г. А. Контарини сообщает, что «город заселен едва ли на одну шестую часть (своей площади), а в сторону моря он весь разрушен. В нем огромное количество могил. Город надлежащим образом снабжен продовольствием и торгует винами, а также разнообразными фруктами»⁴⁶⁻⁴⁷. Побывавший около того же времени в Дербенте Афанасий Никитин сообщает, что в городе преобладали тюркоязычное население и «черкесы»⁴⁸. Надо полагать, что под «черкесами» Никитин подразумевает горцев Дагестана. Если ранее, по свидетельству современников, в дербентскую гавань прибывали корабли, подымавшие до 800 бочек груза, теперь же приходят суда, берущие не свыше 200 бочек⁴⁹. И тем не менее во второй половине XV в. Дербент не только для Северо-Восточного Кавказа, но и для всего Закавказья продолжал служить чуть ли ни основным портом на Каспийском море. Через Дербент в Астрахань и оттуда далее вывозились всевозможные товары. По свидетельству Контарини, на судне, на котором он плыл, кроме команды, было 29 купцов. Они «везли в Астрахань куски атласа, кое-какие шелковые изделия и еще боккасины (краски. — Авт.) на продажу русским; было еще несколько татар, которые ехали за товаром, а именно за пушшиной, которую они продают затем в Дербенте»⁵⁰. Причем часть товаров, поступающих с Кавказа, обменивалась в Астрахани у русских и других купцов, а другая часть отвозилась в Москву. При этом торговые люди Северо-Восточного Кавказа могли включаться в торговые караваны, ежегодно отправляющиеся с посланником хана, с шелком и другими товарами, которые купцы меняли на меха, седла, мечи и иные вещи. В свою очередь, русские купцы привозили всевозможные товары в Дербент и другие места Северо-Восточного Кавказа. Торгово-экономические связи Руси с Северным Кавказом поддерживались и по так называемому Донскому пути, который был тесно связан с Волжским путем: на месте, где сближались эти реки, существовал перевалок. Так что по Донскому пути на Кавказ попадали товары, выво-

зимы и из Северо-Восточной Руси. Судя по имеющимся данным, в конце XV в. по Донскому пути постоянно проходили караваны русских купцов в Азов и Кафу. Из России привозились различного рода товары, а более всего «горностаев, белок и других драгоценных мехов»⁵¹. Надо полагать, что русские купцы посещали все 39 генуэзских торговых колоний и поселений, о которых речь шла выше. Здесь русские купцы встречались и устанавливали торговые связи с горцами Северного Кавказа, и не только проживающими в городских центрах и их окрестностях, но и с жителями более отдаленных мест.

Кроме водных путей, связывающих Северный Кавказ с Россией, поддерживались связи и по сухопутным дорогам, шедшим через степи Северного Кавказа. О связях Северного Кавказа с Русью свидетельствуют обнаруженные в Маджарах и в районе р. Малки металлические кресты, керамические изделия, характерные для русского производства, и найденная среди монет «псковская денга» XV в., обнаруженная близ Нальчика, энколпион (крестообразная нагрудная иконка с изображением на лицевой стороне распятия), найденный в Пятигорске, медный нагрудный крест с двусторонним изображением — из окрестностей Кисловодска; из станиц Мехощевская, Карачаевская — энколпионы, а также крест XV в., обнаруженный близ сел. Майртуп в Чечено-Ингушетии. С Кавказа в Россию ввозились шелка, пряности, изделия ремесла, орехи и другие товары. Среди многочисленных находок в Новгороде археологи обнаружили скорлупу грецких орехов, самшитовые гребни, обрывки восточных шелковых тканей и т. п. Развитию торгово-экономических связей Руси с Северным Кавказом способствовало и то, что Иван III, как подчеркивал К. Маркс, «покровительствовал торговле»⁵².

Одновременно между Русью и народами Северного Кавказа стали укрепляться и политические связи. Известно, например, что владетель Ширвана, в состав которого в те времена входила и часть Южного Дагестана, ширваншах Фаррух-Ясар из династии Дербенди отправил в 1465 г. в Москву к Ивану III посла Хасан-бека. К сожалению, дошедшие до нас сведения не позволяют определить круг вопросов, обсуждавшихся при переговорах. По всей вероятности, предметом переговоров было установление и укрепление взаимоотношений. Не исключено также, что ширваншах просил также у русского царя помощь. Последовавшие за этими переговорами события говорят об их успехе. В 1466 г. Иван III направил к Фаррух-Ясару посольство во главе с Василием Паниным. Вместе с ним возвращался и Хасан-бек с богатыми подарками ширваншаху, в числе которых было 90 кречетов. К этому посольству по обычаю времени присоединились русские купцы, в числе которых был и Афанасий Никитин. «И пошли мы к Дербенту, — сообщает он, — в двух суднах: в одном судне — посол Хасан-бек и с иранцами, да нас русских всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей, да 6 тверичей... На море нас захватила буря. Малое судно разбило о берег, а тут есть городок, а вышли на берег и пришли кайтаги и людей же с него поймали всех». Но вскоре удмий Кайтага по просьбе своего шурина Фаррух-Ясара освободил их. «И Халил-бек, — заключает Афанасий Никитин, — тотчас отослал всех людей свободно в Дербент»⁵³.

В 1475—1476 гг. Контарини в Дербенте встречал русского посла Марка Россо. В 1492 г. в Москву прибыл посол «Из Бверской земли от князя Александра, именем Мурат». Причем в грамоте кахетинский князь называл себя «меншим братом» Ивана III. В 1499 г. в Москву прибыл посол от «шемахинского государя от Махмуда Салтана, Салтан Махметова сына, внука Шерваншаха Шаебедин, и посольство правил о любви».

За помощью к России обращались также северокавказский (таманский) владетель Захарий и др. В 1489 г. установились русско-ногайские отношения.

Все это говорит о том, что в XV в. был заложен прочный фундамент для дальнейшего укрепления экономических, политических взаимоотношений между народами Северного Кавказа и России.

- ¹ АКАК. Тифлис, 1868. Т. 2. С. 1074—1077.
- ² Там же. С. 1076—1077.
- ³ Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. М.; Л., 1958. С. 28—29.
- ⁴ *Фома Мецопский*. История Темир-ланка и его преемников. Баку, 1957. С. 77.
- ⁵ *Давров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1. С. 133—134.
- ⁶ *Шараф-хан Бидлиси*. Шараф-наме. М., 1976. Т. 1. С. 145.
- ⁷ Картелис Цховрѐба. Тбилиси. 1955. Т. 1. С. 249. На груз. яз.
- ⁸ *Мильмухо-Маклай Н. Д.* Географические сочинения XIII в. на персидском языке // УЗИВ. М., 1954. Т. 9. С. 203.
- ⁹ Там же. С. 200.
- ¹⁰ Картелис Цховрѐба. Т. 1. С. 357.
- ¹¹ Там же. С. 338, 427—428.
- ¹² Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. 22. С. 53.
- ¹³ Там же. С. 53, 54.
- ¹⁴ Иверия — Тифлис, 1884. № 5. С. 33—34.
- ¹⁵ *Atti della società di storia patria. Genova*, 1939. Т. 7. Ф. 2, 168, 177, 266, 575—680.
- ¹⁶ Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 138.
- ¹⁷ *Клавихо*. Путешествие ко двору Тимура. СПб., 1881. С. 167—168.
- ¹⁸ *Иоанн де-Галонифонтибус*. Сведения о народах Кавказа. 1404/Пер. З. М. Бунятова. Баку, 1980. С. 17.
- ¹⁹ *Atti della società di storia patria*. Т. 7. Ф. 2.
- ²⁰ *Ibid.*, Ф. 815.
- ²¹ *Ibid.*, Ф. 178.
- ²² *Ibid.*
- ²³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 168.
- ²⁴ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 111.
- ²⁵ Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 34.
- ²⁶ Там же. С. 75, 78.
- ²⁷ ПСРЛ. М., 1962. Т. 5. С. 212.
- ²⁸ Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. С. 41, 48, 78—79.
- ²⁹ Там же. С. 107.
- ³⁰ Там же. С. 54.
- ³¹ Там же. С. 108.
- ³² *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 231.
- ³³ Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. С. 58.
- ³⁴ Там же. С. 58.
- ³⁵ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 241.
- ³⁶ Барбаро и Контарини о России... С. 151.
- ³⁷ *Bratiani L.* Recherches sur le commerce genois dans la mer soire su XIII siecle... P., 1929. F. 192.
- ³⁸ *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 306.
- ³⁹ Барбаро и Контарини о России... С. 147—148.
- ⁴⁰ *Heud.* Т. 2. P. 558.
- ⁴¹ *Клавихо*. Путешествие ко двору Тимура. С. 55.
- ⁴² *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 275.
- ⁴³ *Клавихо*. Путешествие ко двору Тимура. С. 61.
- ⁴⁴ Архив Маркса и Энгельса. М., 1946. Т. 8. С. 149.
- ⁴⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 416.
- ^{46—47} Барбаро и Контарини о России... С. 216.
- ⁴⁸ Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. С. 144.
- ⁴⁹ Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. С. 79.
- ⁵⁰ Барбаро и Контарини о России... С. 217.
- ⁵¹ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 161—163, 269—280, 361, 410, 411, 433.
- ⁵² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 8. С. 160.
- ⁵³ ПСРЛ. М., 1962. Т. 6. С. 331—345; Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. С. 53, 72.

Раздел III

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVI—XVII ВВ. АГРЕССИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ, КРЫМСКОГО ХАНСТВА И ИРАНА. НАЧАЛО ПРИСОЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ

Глава XI

УГЛУБЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

1. Этническая карта Северного Кавказа в XVI—XVII вв.

Расселение народов Северного Кавказа. Этническая карта региона в XVI—XVII вв., как и в предыдущие эпохи, не оставалась неизменной. Многие этнические названия, известные в прошлом, постепенно исчезали. Происходило складывание более крупных этнических объединений, которые постепенно консолидировались в народности. В описываемое время на Северном Кавказе окончательно сложились территориально-языковые общности, основы которых, как мы видели, были заложены в предшествующее время. К сожалению, ввиду отсутствия надежных статистических данных не удается определить численность северокавказских народов в XVI—XVII вв. Одной из крупных этнических общностей региона являлись адыги, известные в источниках данной поры под общим названием черкесов. По сведениям турецкого путешественника Эвлия Челеби, «страна Черкестан простирается от склонов Анапских и Обурских гор, вплоть до берегов реки Кубани»¹. Западную часть Черкесии в 40—60-х годах XVII в. занимали адыгские племена жанеевцев и шагаков. Жанеевцы составляли две территориально независимые политические группы. Большая Жана была расположена на северо-западе от Туапсе, а Малая Жана — по левым притокам р. Кубани: р. Абин, Хабль, Иль.

Шагаки жили вблизи Анапы, у подножия Бешкуйских гор. На прибрежной полосе Черкесии проживала еще одна группа адыгов — адаме. Но наиболее крупной этнической группой среди западных адыгов были хатукаевцы, жившие по р. Абин, Иль и Абурган. Южная граница адыгов в течение XVII в. менялась, постепенно продвигаясь на юго-восток в процессе этнической ассимиляции соседних адыгов — абазин.

К началу XVI в., с отходом кабардинцев на восток от бассейна Кубани, завершается процесс расселения абазин (тапанты и шкарауа) по верховьям Лабы, Урупа, Большого и Малого Зеленчуков и бассейна Верхней Кумы. В источниках XVII в. северокавказские абазины известны также под названием правящих феодальных фамилий — Лоо, Биберди, Дудоруко, Клыч и Джантемир². Карачаевцы и балкарцы занимали смежную территорию у отрогов Эльбруса.

Карачаевцы к 30—40-м годам XVII в. прочно обосновались в верховьях Баксана. На карте А. Ламберти (XVII в.) карачаевцы (карачиоли) помещены на территории нынешнего Карачая³. Согласно русским источникам 1639 г., карачаевцы жили по Баксанскому ущелью. В первой половине XVII в. часть карачаевцев из-за феодальных раздоров выслылась в верховья Кубани.

В первой половине XVII в. балкарцы были расселены по Балкарскому ущелью вдоль р. Черек⁴. Местоположение балкарских поселений не изменилось и во второй половине XVII в. Граница между западной (Закубанской) Черкесией и Кабардой проходила от Эльбруса на север по Пятигорью до верховьев Кумы. Восточный предел адыгейской этнической группы составляли кабардинцы. К XVI в. они занимали равнинные места и предгорья по левым притокам Терека, до входа в горные ущелья, по правому берегу Терека и левому берегу Сунжи. Пятигорье в описываемое время уже не было местом их постоянного жительства⁵.

В связи с распадом в конце XVI в. Кабарды на Большую (от Малки до Уруха) и Малую (от Уруха до Среднего Терека и по правому берегу Терека), происходили массовые внутриабхазские передвижения населения, охватывавшие большие пространства края, хотя и не все эти территории были местом постоянного их обитания. Подвижность кабардинцев связана была не только с характером их хозяйства и внутриабхазскими событиями, но и с постоянной опасностью крымско-султанской агрессии. Известно, что в конце XVI — начале XVII в. кабардинцы Алкасовых кабаков (Малая Кабарда) трижды меняли свое местожительство. Неоднократно передвигались и поселения Алегуки и Хотождуки Казыевой Кабарды⁶.

Этническая территория осетин находилась преимущественно в пределах горных ущелий, у верховьев Терека и его левых притоков: Гизельдон, Фиагдон, Ардон и Урух. В описываемое время происходил также процесс этнической ассимиляции отдельных групп осетин в соседних с Дигорней ущельях. Продолжалась начавшаяся в предыдущие эпохи миграция части осетин в Южную Осетию.

В XVI—XVII вв. как ингуши, так и чеченцы именовались по названиям отдельных обществ. Лишь грузинские источники называют их «кисти». Народы Дагестана называли чеченцев «мычигиш», точно так же и русские источники нередко именуют всех чеченцев «мичикизы» — термином, заимствованным у кумыков Дагестана. В русских документах того периода встречаются и названия отдельных обществ. Как и прежде, чеченцы и ингуши населяли труднодоступные горные ущелья к востоку от верхнего течения р. Терек до Дагестана. К концу XVI в. завершилось переселение кистинцев-бацбийцев в Тушеттию, где они стали называться «цветушныи». Часть аккинцев переселилась в предгорье между р. Аксай и Акташ, по р. Ямансу и образовали Ауховское общество. Поселившиеся вблизи Сунженского острога и Терской крепости аккинцы именовались «ококи», «окочане». В XVII в. началось также переселение чеченцев и ингушей к р. Сунже, постепенно приближаясь к городкам терских казаков.

Некоторое перемещение населения в описываемое время происходило и в Дагестане. К концу XVI в. относится миграция тюменцев в Засулакскую Кумыкию.

В XVII в. завершается процесс переселения части цахуров из Дагестана на юг, в пределы Северо-Западного Азербайджана. В XVII в. цахурские султаны обосновались в с. Елису.

В XVI—XVII вв. продолжалось и переселение аварцев в Джаро-Белоканы.

Миграция части населения Южного Дагестана на южные склоны Главного Кавказского хребта была связана с формами ведения их земледельческо-скотоводческого хозяйства, в результате чего горцы Дагестана оседали на постоянное жительство в указанных районах.

Миграция ногайцев на Северный Кавказ, в частности в Пятигорье, как указывалось выше, началась в XV в.⁷ В XVI—XVII вв. многочисленные передвижения ногайцев в районах Приазовья, Причерноморья по Кубани, Зеленчукам, Баксану, Тереку и оседание их среди местного населения были постоянным явлением. Особенно заметно этот процесс происходил в середине XVI в., когда Ногайская Орда, раздираемая внутренними противоречиями, разделилась на Малую и Большую орду. Отдельные подразделения Малого Ногай в начале XVII в. с Дона откочевали «с улусными людьми к Теркам в Кумыкии» и кочуют, по словам современника, «ныне меж Койсы и Аксаю»⁸.

Часть ногайского населения Чобан-Эль, по свидетельству Эвлия Челеби, породнившись с шефакийскими племенами Черкесии, жила там и кочевала «в горах и степях, имея десять тысяч шатров»⁹. Многие мурзы Малой орды породнились также с рядом черкесских и кабардинских феодальных фамилий.

В 40-х годах XVII в. по западному побережью Каспийского моря кочевали отдельные подразделения ногайцев — найман и других во главе с ханами Уракой и Карасой. Вначале владельцы Кумыкии не препятствовали их расселению. Но когда приток поселенцев по Сулаку заметно увеличился, владельцы Засулакской Кумыкии переселяли их в низовья Терека и Сулака. Как и следовало ожидать, эти меры намного обострили противоречия между ногайскими мурзами. В итоге междоусобной борьбы некоторая часть ногайцев, не желая оказаться под властью местных мурз, откочевала на левый берег Терека. С этого времени их стали именовать каран-ногайцами, т. е. черными, простыми ногайцами, не имевшими мурз.

В описываемое время на Северном Кавказе увеличилась численность армянских поселенцев. Обосновавшихся среди черкесов в XVI в. на Северо-Западном Кавказе армян местные жители стали называть «черкесо-гаями».

В степных районах Северного Кавказа в описываемое время селились также кочевые туркмены, выходцы из Мангышлака (Хивинского ханства).

Однако наиболее существенным событием было переселение русского населения на Северо-Восточный Кавказ. О причинах и времени переселения русского населения, о возникновении первых русских поселений речь будет идти в гл. XIII.

На Северо-Западном Кавказе среди адыгов в описываемое время жили абазыны. Эвлия Челеби называет ряд этнических групп, находившихся между Бзыбью и Туапсе, говоривших «и по-абазински и по-черкесски»: смешанная абазо-адыгская группа хамыш (кумыш); саджа-савзы — джишеты — абхазцы, близкородственные абазыны, суджа-вапихи-

убыхи — родственные и черкесам и абхазцам; ашегали, суук-су и другие, которые, по всей вероятности, были также абазинами. Абазины жили между адыгами и северо-западнее Туапсе — у Анапы вплоть до Кубани.

2. Развитие экономики

Земледелие и скотоводство. Сельское хозяйство на Северном Кавказе в XVI—XVII вв. продолжало развиваться на основе традиционно установившегося естественного разделения труда. Процессы консолидации территориально-языковых общностей, развитие экономической жизни северокавказских народов в этот период приводили к дальнейшей стабилизации и дифференциации хозяйства по зонам.

В предгорьях и горных местностях, в частности у западных адыгов, развивалась подсечная система экстенсивного земледелия. На равнине развивалась переложная система, а в речных долинах — поливное земледелие. Обработка земельных участков производилась деревянным колесным плугом, в который впрягали несколько пар быков. Земледелием, как и ранее, занималось и население предгорных зон. Здесь, особенно в нагорной части, получило дальнейшее развитие террасостроительство. Система земледелия у горцев Дагестана была близкой к трехпольной, с обязательным применением удобрения навозом. Широко применялось чередование культур. Земельные участки, расположенные на каменистых и гористых местностях, обрабатывались вручную мотыгами, а там, где удобно, применялась деревянная соха, в которую впрягали пару быков и в редких случаях — лошадей. Пахотные участки членов общины были разбросаны в различных местах, чем достигалось известное уравнивание качественных различий почвы в разных местах общинной территории. Формы ведения земледелия обусловили возделывание специфических культур. Для переложной и подсечной систем было характерно возделывание яровых культур.

Основными культурами, возделываемыми жителями Северного Кавказа, по-прежнему были просо, рожь, овес, ячмень, пшеница, бобы местного происхождения, которые отличались засухоустойчивостью, стойкостью против вредителей и болезней, скороспелостью.

Зерно мололи с помощью водяных мельниц, строившихся вблизи селений. Применялись также и ручные мельницы простой конструкции.

Наряду с земледелием на плоскости и в предгорьях Северного Кавказа было развито стационарное и отгонное скотоводство.

В экономике населения горных и высокогорных районов Северного Кавказа ведущей отраслью продолжало оставаться овцеводство. Летом скот пасли на горных пастбищах и в речных долинах, а с осени перегоняли в равнинные зоны на зимние пастбища. На летних пастбищах стада каждого аула обычно занимали определенный участок, а после перегона на равнинные пастбища и первого снегопада их размещали по зимним хуторам, кошам, кутанам и ставили на кормление сеном. Горно-стационарное животноводство было развито у жителей горных долин. Общинные порядки строго регламентировали правила передвижения с альпийских пастбищ на зимние и обратно, рациональное использование каждого клочка земли с максимальной пользой, с учетом сохранения его для содержания скота. Отгонное скотоводство преобладало у жителей высокогорных и частично горных зон. Наличие больших массивов пастбищных земель способствовало непрерывному экстенсивному процессу разведения стада овец. В составе стационарного стада скотоводства преобладал менее приспособленный к перегонам крупный рогатый скот,

а в отгонном — овцы и козы, которые лучше переносили длительные перегоны.

Кочевое скотоводство было развито у ногайцев. В поисках подножного корма для скота ногайцы передвигались по степям Северного Кавказа. На зиму скот в кошары не загонялся, и от сильных морозов погибало большое количество овец. В XVII в. под влиянием соседей ногайцы стали заниматься земледелием. Весной они засеивали поля просом и уходили кочевать. Осенью же возвращались на свои поля и собирали урожай. Однако переход от кочевого скотоводства к оседлому земледелию и стационарному скотоводству у ногайцев происходил очень медленно.

Все народы Северного Кавказа, как известно, занимались коневодством. Но особенно коневодство было развито у западных адыгов и кабардинцев, где оно носило отраслевой характер. Лошади «черкесской» и «кабардинской» пород славились красотой, быстротой своего бега и высоко ценились на внутренних и международных рынках.

Садоводство и коневодство, шелководство и мареноводство были развиты у жителей Терека и Южного Дагестана. Из-за постоянной угрозы нападения врагов западные адыги, хатукаевцы и другие, как сообщает Эвлия Челеби, часто переходят с места на место и «поэтому в этой стране черкесов нет ни садов и виноградников, ни постоянных поселений»¹⁰.

Население Северного Кавказа занималось также бортничеством и пчеловодством. Наибольшее развитие оно получило в районах, богатых лесами, и особенно у адыгов и чеченцев.

Рыболовством занимались жители восточного берега Азовского и западного побережья Каспийского моря: «Около города Терка...— свидетельствует тверской купец и путешественник Ф. А. Котов,— находится остров Чечень.... Этот остров большой, и около него много рыбы, на нем терские жители, тарковские кумыки и горские черкесы ловят рыбу»¹¹. В 1633 г. служивший в Терском городе кабардинский мурза Татархан с братьями просил разрешить их людям ловить рыбу в протоках Терека «соопча с городскими с терскими русскими людьми»¹². Промысловое значение рыболовство имело в Темрюке, в окрестностях Анапы, в рыбацком поселении Ачу (на восточном берегу Азовского моря). В описываемое время оно совершенно исчезло в Среднем Прикубанье. Жители окрестностей Анапы (адыги и абазинцы) занимались сбором раковин и добычей жемчуга.

Большая часть Закубанья и Чечено-Ингушетии была покрыта лесом. Лес использовался для строительства домов и мостов, на берегу р. Энджек делали лодки. Нагорные лесные зоны были богаты дикими животными, птицами и зверьми. Жители этих зон занимались индивидуальной и коллективной охотой. Шкуры зверей шли на одежду и вывозились на продажу.

Промыслы. Дальнейшее разделение труда, общее развитие производительных сил, увеличение внутреннего и внешнего обмена способствовали повсеместному развитию домашних промыслов.

Горцы Северного Кавказа, свидетельствует Кемпфер, «очень трудолюбивы и добывают даже железо из рудников, которое они также куят и изготавливают из него всякого рода орудия»¹³. Горными промыслами, добычей нефти и, особенно, руды занимались осетины, чеченцы, ингуши, народы Дагестана. Известно даже, что в чечено-ингушских обществах Калканы и Мылкицы покупали свинец жители русских городов Северного Кавказа. У черкесов Шегаке, свидетельствует Эвлия Челеби, «во всех домах есть очень способные, ловкие, искусные люди, рукам которых не

чуждо ни одно ремесло». В черкесском «кабаке» Субай «все население его ремесленники»; точно так же в «кабаке» Адами, подчеркивает он, «все население — народ ремесленный»¹⁴. То же самое можно сказать и о других народах Северного Кавказа. Однако наибольшее развитие ремесленное производство получило в Дагестане. Повсеместно на Северном Кавказе была развита обработка металлов. Из добытого в горах и выплавленного на месте или приобретенного на стороне железа кузнецы выделывали сошники, топоры, серпы, косы, железные котлы, сковороды, надочажные цепи, всевозможную посуду и другие обиходные изделия, инвентарь для нужд сельского хозяйства, а также предметы вооружения и снаряжения. В Кабарде, Дагестане и в других местах изготовляли кольчуги, панцири, сабли, которые высоко ценились за пределами Северного Кавказа. И не случайно в 1664 г. русское правительство пригласило с Северного Кавказа искусных мастеров в Астрахань, чтобы они обучали местных оружейников изготовлению панцирей и сварке булатных сабель. в XV—XVII вв. дальнейшее развитие на Северном Кавказе получили обработка цветных металлов, изготовление высокохудожественных ювелирных изделий. Их производством, кроме мастеров Дагестана, славились абазинские мастера, которые в описываемое время работали даже на заказ. С появлением на Северном Кавказе огнестрельного оружия, так называемых пищалей, горские мастера научились изготовлять отдельные детали оружия и стали делать порох и свинцовые пули.

Все народы Северного Кавказа, как и ранее, занимались обработкой дерева, камня, глины, кожи, шерсти. Причем обработкой камня, дерева, кости по-прежнему занимались мужчины, а обработкой шерсти, шитьем одежды — женщины. Католический монах Д'Асколи отмечает, что черкешенки — «мастерицы по части шитья и по всем хозяйственным делам»¹⁵. Северокавказские женщины выделывали также бурки, всякого рода войлоки (в Кабарде, Чечне, в Дагестане), паласы, ковры, занимались художественной вышивкой, причем орнамент вышивок совпадал с орнаментом ювелирных изделий. Сочетание растительных и геометрических узоров в орнаменте придавало изготавливаемым предметам неповторимые черты.

В XVI—XVII вв. в Дагестане еще больше углубился процесс специализации отдельных населенных пунктов по производству того или иного предмета. Так, сел. Кубачи, Амузги специализировались в основном по обработке железа и цветных металлов, изготовлению вооружения, Балхар, Испик, Сулевкент — по производству глиняной посуды, Анди — по изготовлению бурок, селения Южного Дагестана — по обработке дерева и т. п. В одном из крупных ремесленных центров Дагестана, сел. Тарки, знаменитый путешественник Адам Олеарий встретил «человека по имени Матфья Махмара, из Эттингена Вюртембергской страны... По ремеслу он был ткач бархата бумажной материи»¹⁶.

Торговля. Развитие экономической жизни народов Северного Кавказа сказалось и на оживлении внутренней и внешней торговли края, базирующейся на общественном разделении труда между различными зонами. Однако внутренняя торговля в основном все еще оставалась меновой. У жителей Северо-Западного Кавказа пегачков, пишет Эвлия Челеби, «нет ни крытых рынков, ни базаров, ни денег... они обменивают товары один на другой»¹⁷. Однако некоторые населенные пункты Северного Кавказа, расположенные на стыке торговых путей, в XVI и особенно в XVII в. превратились в торговые центры. Любопытные сведения, хотя, возможно, и преувеличенные, сообщает Эвлия Челеби. У адыгов в мест-

ности Пяндж-и-Хасан раз в год, и июле месяце, пишет он, «собираются сотни тысяч торговцев, паломников и других... из Хинда и Синда (историческая область в Пакистане), Балха и Бухары, Хатая (Северный Китай) и Хотана (южная часть провинции Синьцзян), Чина и Мачина (Китай), Московии и Швеции, Булгара и Туркмении, Казакии и Кракова, Чехии и Польши, Австрии, и Англии, Нидерландов, Гданска и Дании, а также из Аравии и Ирана. Они разбивают шатры, палатки, натягивают тенты, делают навесы. В усеянной тюльпанами степи [словно бурлит] человеческая река. Сорок дней и ночей длится торг Пяндж-и-Хасан: все товары выносятся на площадь дружбы, покупаются и продаются. Ни один не взглянет со злым умыслом на товары другого, воровства нет и в помине... К этому святилищу Пяндж-и-Хасан приходят дервиши из Дагестана. Это — пора неповторимых зрелищ. А беи Кабарды и Таустана с хорошо вооруженными воинами находятся там, где идет этот торг. Когда же он заканчивается, они приходят в города Кабарды»¹⁸.

Торговым центром в Дагестане были Эндери, Тарки, Кумух, Анди, Дербент и др. В Дагестане, сообщает Эвлия Челеби, «денег — акче и пулов — нет. Но в каждом городе раз в неделю на площади устраивается громадный торг: каждый выносит свои товары и, словно щедрый хозяин, ведет куплю и продажу». В Эндери, продолжает он, «денег алтунов и курушей... также нет. Но торговцев, прибывающих и отъезжающих, здесь много. Все сделки и приобретения производятся путем обмена имеющихся у них товаров»¹⁹.

Крупным торговым центром был и Тарки. Жители Дагестана привозили сюда продукты сельского хозяйства и ремесленного производства. Всевозможные товары в Тарки поступали также из Северного Кавказа, России, Закавказья и стран Ближнего Востока. Некоторые жители Тарки по торговым делам ездили в Россию, в Закавказье и страны Ближнего Востока. Эти торговые люди в Тарках, как и во всем Дагестане, назывались «садагар» (купцы). Все это говорит о наличии в Тарках, быть может, еще небольшой, но уже дающей о себе знать купеческой прослойки. Однако наиболее крупным торговым центром на Восточном Кавказе был Дербент.

В товарообмене особенно нуждались жители гор, для которых собственного хлеба не хватало. Осетины, балкары, карачаевцы и другие горцы обменивали свои товары (продукты скотоводства и изделия домашней промышленности) у жителей равнин на зерно, соль и другие продукты первой необходимости. В своей отписке в Посольский приказ терский воевода Дашков в 1629 г. отмечал, что балкарские «ясачные мужики из Кабарды» хлеб покупают в мешках, на себе носят в горы «для того, что телегами проехать теми месты немочно»²⁰.

Скот и продукты скотоводства, кожи, меха, мед, воск, шерсть, войлоки, бурки, деревянную утварь и другие изделия ремесла горцы Центрального Кавказа обменивали в Грузии и в других местах Закавказья на хлеб, шелковые и хлопчатобумажные ткани, шелк-сырец, железо и другие товары.

Эквивалентом при обмене товаров выступали скот, домотканое полотно, котлы и др. Посредниками во внутренней и внешней торговле нередко выступали и сами феодальные владельцы, и их купчины.

Иностранные монеты, которые поступали на Северный Кавказ, очень редко использовались в торговле и служили большей частью украшениями женской одежды.

3. Социальные отношения

Класс феодалов. Характерной особенностью усилившегося процесса феодального развития XVI—XVII вв. была децентрализация политической власти феодальных владетелей, рост феодальной семейной собственности и феодальной раздробленности. Однако не везде на Северном Кавказе феодальные отношения развивались равномерно. В ряде районов, особенно в высокогорной части Северного Кавказа, феодальные отношения находились в стадии становления.

Устойчивость сельских общин приводила к образованию и возвышению крупных союзов общин (в Дагестане, Чечено-Ингушетии и у западных адыгов), которые успешно отстаивали свою независимость в борьбе против наступления соседних феодальных владений.

Господствующим классом в северокавказских феодальных государственных организациях были: шамхалы, удми, майсумы, ханы, беки, мурзы — в Дагестане; князья (дши), уорки (тлакотлеши, деженуго, кодзы, ши-уорки и др.) — у адыгов; ахи и маришана, агмиста — у абазин; алдары — в Осетии; бии — в Карачае; мурзы — у балкар, чеченцев и ингушей.

В XVI в. в составе феодального сословия выделилась еще одна категория; известная в Дагестане под названием «чанка», или «чанка-талхан», а в Кабарде и на Северо-Западном Кавказе — «тума». Дети феодалов, рожденные от женщин более низкого происхождения, были лишены прямого наследства. Кроме того, в описываемое время сформировалась еще одна группа феодального класса, известная у кумыков под названием «сала-уздени», «сыйли-уздени» («лучшие уздени») и «батыри» — у карачаевцев и балкарцев; «эди» и «бятчо» — у чеченцев и ингушей.

В вассальных отношениях к сюзерену — верховному собственнику всего феодального владения — находились беки, крачи-беки (в Дагестане); уорки-тлакотлеши и уорки-деженуго (у западных адыгов, в Кабарде).

Феодальные владетели Дагестана и мурзы Осетии, Балкаркии были постоянно окружены своими военными слугами. Их земельное право было основано на вассалитете: они несли разнообразную службу у своих правителей, назначались послами, сопровождали их в походах и поездках. В Дагестане и у адыгов «лучшие уздени», по существу, стали правителями аулов и «кабаков» (селений)²¹.

К господствующему классу относилось и местное мусульманское духовенство, которое было тесно связано с феодалами и своими проповедями способствовало укреплению власти шамхалов, удмиев, ханов, мурз и др. В Дагестане, сообщает Эвлия Челеби, духовенство осуществляет правосудие «потому, что в этой стране закон ... находится в руках мусульманских богословов»²².

Глава духовенства (шейх-уль-ислам) занимал высокое положение при шамхальском дворе²³. Он освящал своим авторитетом власть шамхалов, поддерживал феодалов в их борьбе против непокорных сельских обществ.

Собственность духовных лиц и мечетей охранялась вооруженными отрядами феодалов. Духовенство являлось фактическим обладателем вакуфных в данных владениях земель. Однако еще не у всех народов Северного Кавказа мусульманское духовенство заняло такое положение, как в Дагестане. Дело в том, что в Кабарде ислам утвердился только в XVII в., в осетинских обществах Дигории и Тагаурии и некоторых обществах Чечни и Ингушетии — вообще еще только утверждался. «Главарь и знатные Осетии, — писал Вахушти, — суть магометане, а простые

крестьяне — христиане, но они не сведущи в той и другой вере: различие между ними состоит только в том, что кушающие свинину считаются христианами, а кушающие конину — магометанами»²⁴.

Феодалы, используя право сильного, сосредоточив в своих руках большие массивы летних и зимних пастбищ, подвергали эксплуатации крестьян не только своего владения, но и оказывавшееся под их властью население соседних народов. Причем зависимость части чечено-ингушского, карачаевского, балкарского, осетинского и другого населения от феодалов Кабарды и Дагестана была установлена внеэкономическим путем. В условиях непрекращающейся междоусобной борьбы феодальных владетелей и постоянной угрозы иноземных нашествий некоторые сельские общины, чтобы обезопасить себя, принимали покровительство более сильных соседних феодальных владений с обязательством нести соответствующую подать — «ясак», становились как бы «ясачными людьми» (по терминологии русских источников). Часть сельских обществ нагорной зоны, не имея для содержания скота зимних пастбищ, вынуждена была пастись свой скот на пастбищных землях, принадлежавших соседним феодалам, что ставило их в зависимое положение от владельцев пастбищ. Известно, что осетинские общества Дигор и Стургор, жившие в ущелье р. Уруха, платили «ясак» феодалам Большой Кабарды («с кабака по 10 коров, или быков, да по ясырю, да по лошади по доброй, да со двора по овце по суягной, да по четверику пшеницы, да по четверику проса»). В ясачной зависимости от кабардинских князей находились чеченское общество Шубут, а также ряд балкарских, ингушских, осетинских и абазинских обществ²⁵.

Крестьяне Дикеевой деревни в «Шибутской землице» платили «ясак» кабардинскому мурзе Татархану Арасланову, а крестьяне деревни Варанды этого же общества ежегодно обязаны были шамхалам Дагестана платить пять лисьих шкур. На рубеже XV—XVI вв. весь «Мычигыч» (т. е. вся Чечня) считался собственностью шамхала²⁶.

В XVI в. шамхалы, кроме земель, принадлежавших им в нагорном Дагестане, имели вдоль побережья р. Сулак «лучшие уголья, пашни и сенокосы, и рыбные ловли». Обычно шамхалы отдавали пастбища сельским обществам для пастьбы скота за ренту. Кроме того, с подвластного населения шамхалы получали натуральные подати скотом, зерном, медом и другими продуктами, которые из года в год раскладывались «в очередь» подъемно.

Шамхалы, ханы, уцмий, князья-пши, мурзы и члены их семей выступали верховными собственниками всей земли (пашен и пастбищ).

Наряду с государственной собственностью члены феодальных фамилий имели частновладельческие земли, которые обрабатывались зависимым от них крестьянством (по терминологии русских источников «пашенными людьми»).

Феодальные правители являлись основными собственниками крупного рогатого скота, овец и лошадей. Однако точно определить численность скота, принадлежавшего тому или иному феодалу, не удастся ввиду отсутствия надежных статистических данных. Судить о количестве скота феодалов помогают косвенные данные, и в частности жалобы феодальных правителей на своих недругов с указанием количества табунов и стад, отогнанных у них. В одной из таких жалоб кабардинский князь Нарчов Езбузлуков сообщал, что у него отогнали: 300 лошадей и кобылиц; 2 тыс. рогатой животины; в другой раз у него же отогнали: 90 лошадей и кобылиц, 300 рогатой животины²⁷. Естественно, что существовали пастбища, находившиеся в общинной собственности, но на деле ими

пользовались феодалы, которые имели в своем владении большое количество скота. Рядовые общинники же отдавали принадлежащий им скот в стада феодалов и богатеев, но нередко нанимались чабанами, что ставило их в зависимое положение от крупных скотовладельцев. Господствующие в феодальных владениях социальные отношения оказали известное влияние и на союзы сельских общин. Тем более, что феодальные владетели, стремясь втянуть в сферу своего политического влияния соседние независимые или полунезависимые союзы сельских общин, оказывали всяческую поддержку выделившейся из общей массы знати, богатеям, «лучшим людям» в узурпации ими политической власти в общинах и тем самым способствовали ускорению процесса классовой дифференциации.

Крестьянство и его категории. Во всех северокавказских феодальных владениях и союзах сельских обществ основную часть населения составляли лично свободные крестьяне: уздени — в Дагестане, Балкарии, Чечено-Ингушетии, тлофокотли — у адыгов, акави или тльфакопи — у абазин, адамихаты — в Осетии. Они составляли сословие лично свободных общинников, незакрепощенных крестьян, которые находились у разных народов в различной степени зависимости от верховных правителей, феодалов или общинной знати.

Жители селений, входивших в состав феодальных владений, находились также в разной степени зависимости, начиная от крепостного состояния и до простого обязательства нести некоторые повинности. За пользование летними и зимними пастбищами, находившимися в верховной, а иногда и частной собственности феодалов, зависимые или полунезависимые крестьяне, как указывалось выше, обязаны были нести натуральную ренту, преимущественно скотом и продуктами скотоводства. Кроме того, члены сельских общин и феодальных владений несли обязательные повинности: были обязаны участвовать в войнах, содержать феодальное войско — дружину, строить крепости и другие оборонительные сооружения, выставлять рабочий скот для перевозки тяжестей. Крестьяне феодальных владений Дагестана, Кабарды, Балкарии, Осетии, западных адыгов и другие были ограничены и в правовом отношении. Однако наиболее четко это прослеживается во владениях Дагестана и Кабарды. Здесь простые уздени не имели права кровной мести по отношению к феодальному владетелю. Если владетель убивал крестьянина, то в этом случае действовал обычай примирения: феодал обязывался воспитать до совершеннолетия малолетнего сына или брата убитого. «Кровь» феодала-алдаря в Осетии оценивалась в 5 раз дороже, чем «кровь» крестьянина, и более чем в 10 раз — ясыря (пленного).

К числу наиболее эксплуатируемой части населения феодальных владений относились раяты и чагары Дагестана, лагунапыты, оги, ппитли, адыги, каракиши (Балкария) и т. д. Все эти категории являлись лично зависимыми, находившимися на положении крепостных крестьян, сидевших на землях феодалов. Эксплуатация их выражалась в форме взимания ренты продуктами и частично отработки. Источником образования этой категории крестьянства являлись свободные общинники, попавшие в зависимость к феодальным правителям.

В личную зависимость попадали путем коммендации, заключавшейся между разорившимися или приплыми свободными крестьянами и феодалами. Так, например, в XVI—XVII вв. образовались раятские общества Терекеме в Дагестане. В подобных случаях посаженные на землях феодалов крестьяне обязывались уплачивать феодальную ренту всех ви-

дов. Коммендация этого рода оформляла зависимость крестьян от феодалов и играла большую роль в процессе феодального закрепощения крестьян. Феодалы широко пользовались и институтом кровной мести для закрепления своих прав над крестьянством. С этой целью они охотно принимали семьи и родственников убийцы, искавших у них поддержку и покровительство, а затем, уплатив за них установленный обычаем выкуп «за кровь», поселяли их на своих землях как зависимых крестьян.

Категория крепостных пополнялась также из пленников-ясырей, посаженных на землю. Однако самой бесправной частью населения являлись рабы — лаги, лай, унаты. Основным источником образования категории рабов по-прежнему являлись пленные. Большая часть их принадлежала феодальным владельцам и их окружению, а в зависимых или полузависимых сельских общинах — феодализирующейся верхушке. Бесправное положение рабов закрепляли правовые нормы адата. Согласно судебным сборникам Рустам-хана кайтагского и Умма-хана аварского, убитый раба не подлежал мести со стороны его хозяина. Все обиды и увечья, нанесенные рабу, а также цена убитого компенсировались в форме натуральных взысканий, вознаграждение поступало его владельцу. Согласно адатам Гидатлинского союза сельских общин, выкуп за убийство раба поступал в пользу его владельца. За убийство бекского раба, согласно своду Рустам-хана, устанавливалась коллективная ответственность общины, членом которой оказывался виновный. Элементарных имущественных и социальных прав были лишены рабы и в других местах Северного Кавказа. Однако рабство, как и ранее, в основном носило патриархально-домашний характер и в силу этого не играло какой-либо заметной роли в экономике народов Северного Кавказа. И все же рабы по-прежнему являлись доходной статьей для феодальных владельцев и феодализирующейся верхушки, которые вели торговлю живым товаром на невольничьих рынках Анапы, Эндери, Дербента и др. Причем сохранению и развитию на Северном Кавказе работорговли во многом содействовали Оттоманская Порта и шахский Иран, вывозившие с Северного Кавказа рабов в значительном количестве. Часть рабов, оставшихся не выкупленными и не проданными, обычно сажали на землю, но если они вступали в брачные связи с местными свободными людьми, то их, как правило, освобождали от рабской зависимости. А. Олеарий сообщает о встрече в сел. Тарки немца, попавшего в плен к османам и проданного в Тарки и там обращенного в ислам, и еще двух русских жейцин, состоявших в браке с местными кумыками. Ряд лакских сел в Дагестане образовался в результате того, что ясыри были посажены на землю, принадлежавшую феодальным владельцам, и приравнены к крепостным крестьянам.

Сидя на отведенном ему земельном участке, платя своему господину натуральный оброк и находясь почти вне контроля со стороны своего господина, раб менее всего был похож на хозяйственное орудие.

Жестокая эксплуатация рабов, посаженных на землю, осуществлялась путем взимания государственных повинностей в пользу правителей верховных собственников феодальных владений.

С постоянным углублением феодальной раздробленности, наряду с государственной формой эксплуатации в процессе развития сеньориальных отношений и превращения общинной знати в феодалов, появляется частная собственность типа феодального аллода. Однако этот процесс протекал здесь чрезвычайно замедленно. Государственная собственность по-прежнему являлась основой развития феодальных производственных отношений.

Несмотря на имевшиеся в XVI—XVII вв. сдвиги в хозяйственном и общественном строе, классовые отношения все еще тесно переплетались с патриархально-родовыми порядками, а у части северокавказских обществ феодальные отношения развивались внутри еще не потерявших своего значения родственных организаций. Ярким свидетельством их силы были тухумы, тайпы, большие семейные общины, патронимии, власть патриархально-родовой знати в семье, культ семейного очага, кровная месть, соприсяжничество и др.

К XVII в. даже в независимых феодальных владениях высокогорного Дагестана, Чечено-Ингушетии и других уже были налицо условия для классовобразования. Об этом говорит наличие различных видов собственности на землю — наряду с общинной (пастбища, леса, покосы), тайповой (или тухумной) — и индивидуально-семейная собственность.

В ряде мест Северного Кавказа в общинной собственности находились не только пастбища, сенокосы, но и пахотные земли. По адатам Дагестана, общинная собственность на пахотные земли периодически подвергалась переделу — обычно один раз в 7 лет. Первоначально землю делили по количеству тухумов, а затем главы тухумов распределяли доставшиеся им земли между семьями данного коллектива. Это один из показателей того, что общинник не был юридически свободным человеком. К тому же даже те земельные участки, которые находились в личной собственности индивидуальной семьи, не могли быть свободно отчуждаемы в силу действия принципов и норм родового быта в сельской общине. Адагы Гидатлижского и Келебского обществ Аварии XVII в. устанавливают: «Если кто-нибудь предложит своему близкому родственнику купить у него пахотный участок и сад, а тот не захочет купить тот участок будет продан постороннему человеку и если после этого тот родственник заявит, что не знал о продаже участка, он должен подтвердить свое заявление присягой вместе с 7 соприсягателями». Институт предпочтительной покупки и выкупа распространялся и на общинные пахотные и пастбищные земли. Особенно зорко следили, чтобы отчуждаемая земля не попала в руки феодалов. В своде Рустам-хана особая статья грозит изгнанием тому, кто завещал или продал свое имение «в пользу бека или чанки», разрушением дома того, кто станет вступаться за этого завещателя. Институт этот охранял устойчивость общины от все усиливавшихся в XVI—XVII вв. притязаний феодалов.

Наличие права предпочтительной покупки и выкупа земли в горских адатах, с одной стороны, — показатель того, что купля-продажа земли здесь перестала быть случайным явлением, а с другой — что это право могло возникнуть только в условиях наличия имущественных связей между сородичами. Однако в условиях имущественной дифференциации право предпочтения являлось также показателем концентрации земель в руках общинной знати, которая была заинтересована в запрещении продажи земли вне общины и тухума. Реализация земли внутри тухумов являлась одной из основных причин сохранения обособленного положения в составе общины отдельных групп, связанных кровным родством. На базе частного землевладения внутри джамаатов появились владельцы больших участков земли, с одной стороны, и малоземельные и безземельные общинники — уздени — с другой. Последние попадали в различные формы зависимости от общинной феодализирующейся знати, которая, помимо земель, владела и большим количеством крупного и мелкого рогатого скота. И поэтому, как отмечалось выше, фактически использовала общинные пастбища. Естественно, разбогатевшая общинная знать получала также лучшие участки из переделываемой общинной земли. В своем

хозяйстве они использовали и труд обедневших общинников-односельчан, и рабов. Все это показывает, что и здесь происходил, говоря словами Ф. Энгельса, процесс, когда «всякое богатство, состоявшее из движимости, в то время, естественно, зависело от обладания землей и все больше и больше скоплялось в тех же самых руках, что и земельная собственность»²⁸. Важным источником доходов феодализирующейся верхушки было присвоение военной добычи. Поэтому феодализирующаяся знать не только охотно соглашалась на выделение отрядов для участия в набегах феодальных владетелей, но и очень часто сама организовывала нападения на соседей. К тому же феодализирующаяся общинная знать фактически сосредоточивала в своих руках административно-управленческие функции в общине. Более того, в ряде обществ Дагестана, Осетии и других наметился процесс перехода должности старшин по наследству.

О силе и политическом весе общинной знати говорит тот факт, что свод Рустам-хана устанавливает штраф с бека в пользу общины, если он предпримет поход, не посоветовавшись со старшинами джамаата. Все это говорит о том, что в союзах сельских общин хотя и происходил процесс феодализации, но еще не произошло четкого классового деления. Значительную роль в общественной жизни их играли тухумы и народное собрание. В то время как в предгорных обществах более четко выступали развивающиеся классовые отношения, в нагорных обществах социальные отношения были менее развиты.

Своеобразные социальные отношения сложились в чечено-ингушских обществах. Имущественная дифференциация, начавшаяся в чечено-ингушских обществах в предыдущую эпоху, в XVI—XVII вв. еще более углубилась. И тем не менее здесь еще живучи были патриархально-общинные институты, которые сильно препятствовали процессу классового разования. В силу этого во многих чечено-ингушских обществах социальное неравенство возникло между тайпами, являющимися патронимическими организациями. Наряду с богатыми тайпами — «эзди-тайпы» (т. е. «благородные», «сильные») имелись бедные и слабые, именуемые «лай-тайпы». Последние постепенно попадали в зависимость от богатых тайпов и эксплуатировались ими. Это неравенство между тайпами отразилось и в аdataх чеченцев. Если убитый принадлежал крупному или знатному тайпу, то за него уплачивалось 63 коровы. Если он был только ранен, — 20 коров. За убийство члена маленького тайпа — 21 корова, а за ранение — 6 коров²⁹. При этом отдельный член тайпа не выступал как самостоятельное юридическое лицо перед общиной, так как принадлежность к определенному тайпу обеспечивала ему защиту и социальное положение в обществе. Однако становление феодальных отношений не во всех обществах Чечено-Ингушетии происходило равномерно. Более интенсивно этот процесс проходил в сельских общинах, расположенных по соседству с Дагестаном, Кабардой и Осетией, и особенно у аккинцев, переселившихся на равнину окочан и осевших близ Терского городка. В конце XVI в. они находились под властью своих музр, а после убийства Ших-мурзы специально обратились в Москву с просьбой, чтобы царь не доверял больше власть над ними горским владетелям. Однако окочане были зачислены в разряд служилых людей и переданы в ведомство князя Сунчала Янглычева Черкасского, который принуждал их «изделия на него делати, пашни пахати и сена косити»³⁰. Окочане не хотели мириться с таким положением и обратились к русскому правительству с просьбой освободить их из-под власти Сунчала. Но желанных результатов они так и не добились. Аккинцы, поселившиеся в верховьях р. Ямансу, были зависимы от владетелей Засулакской Кумькии. Часть чеченцев

по соседству с владениями аварских ханов была в их зависимости. Калкандцы, жившие «в горах» по дороге к Сонской земле (т. е. вблизи Дарьяльского ущелья), приняли покровительство малокабардинских мурз и платили им ясак. Причем здесь, как и в других частях Северного Кавказа, зависимость, возникшая на почве патроната, была основана на внеэкономическом принуждении, выражавшемся в форме взимания «ясака» (налога) в пользу местных и соседних дагестанских и кабардинских феодалов. Во всех случаях формы внеэкономического принуждения носили характер оброчного обязательства и договорных начал.

Классовая борьба. Патриархально-общинные порядки, укоренившиеся в быту и социальных отношениях, как известно, затушевывали антагонистические противоречия между феодальной знатью и рядовой массой крестьянства. Однако все обостряющиеся социальные противоречия разрывали скорлупу патриархально-общинных форм и выливались в открытую классовую борьбу, которая принимала разные формы. Феодально-подневольные крестьяне отказывались от несения повинностей, от участия в феодальных набегах, устраивали побеги, оказывали открытое сопротивление. Однако наиболее распространенной формой классовой борьбы в XVI—XVII вв. стало бегство зависимых крестьян от феодального угнетения и насилия в соседние владения, особенно в городки терских и гребенских казаков и в другие места, контролируемые русской администрацией. Объясняя причины своего бегства, «окуки» говорили: мы «не хотя горским князем и мурзам служитьи и под ними век быти, покиня свои дома и живот (т. е. имущество.— *Авт.*), все пометав, з женами своими, з детми из Окуцкие землицы утекли душаю да телом и прибегли в твою царскую отчину в Терский город ... на житье на век»³¹.

Во второй половине XVII в. бегство крестьян в пределы России принимает массовый характер. Поэтому владельцы Дагестана и Кабарды в переговорах с русским правительством настойчиво добивались возвращения беглых крестьян-колопов и рабов из Терского города.

Нередко феодально-зависимые крестьяне от глухого протеста переходили к активным действиям. Так, по преданию, кабардинские крестьяне, не вытерпев жестокости князя Кайтуко-Тохтамышева, объединенно, всей общиной выступили против него и заставили его покинуть свои владения. Только благодаря вмешательству общинной знати князю удалось вернуться, но с обещанием не нарушать в последующем установившиеся правовые нормы.

В 1553 г. против казикумухского шамхала открыто выступили крестьяне агульского сел. Тпиг. И, что особенно важно, повстанцы добились освобождения от феодальной повинности в пользу шамхала.

Ожесточенной и длительной была борьба крестьян общины Цахура, завершившаяся истреблением местных феодалов. В 80-х годах XVI в. кайтагские райяты также расправились со своими беками. Вслед за ними против своих угнетателей восстали кайтагские крестьяне сел. Башлы Урджемилского магала Кайтагского уцмийства и крестьяне Табасарана. Неоднократно поднимали восстание против аварских ханов крестьяне союзов сельских общин Хиндалал, Томс, Гидатель, Карата и др. Не раз с оружием в руках защищали свои права крестьяне даргинских и лезгинских союзов сельских общин Акуша, Усиша, Муги и др. Длительной была борьба крестьян западных адыгов, абадзехов, шапсугов, натухайцев и убыхов против князей. В 1630—1631 гг. вооруженные крестьяне дагестанского Табасарана расправились с представителем майсумского рода. Восстание было подавлено с помощью войск иранского шаха. Предводи-

тель восставших Шава-ага и другие были жестоко наказаны. Не менее острой была классовая борьба лакского крестьянства Дагестана против шамхалов.

Длительной была борьба крестьян союзов сельских общин Дагестана, Чечено-Ингушетии, Осетии, адыгов против наступления соседних феодальных владетелей Дагестана и Кабарды. В обычном праве, народных преданиях-легендах, исторических песнях и сказаниях содержатся известия о героической борьбе крестьянства против социального неравенства и феодального угнетения.

В исторических песнях Дагестана рассказывается о легендарном Хочбаре, предводителе гидатлинцев, в течение ряда лет боровшемся против аварских ханов. В балкарской песне о Бейк-Болате говорится о возглавляемой им успешной борьбе крестьян против социального угнетения. Кабардинцы с гордостью хранят память о легендарном герое эпического цикла XVII вв. Андремиркане, страстном борце за интересы угнетенного народа, павшем от рук князей. До нас дошли также многочисленные предания о борьбе крестьян Чечено-Ингушетии против феодальной гнета и о свержении правивших князей. Характерной особенностью крестьянских выступлений на Северном Кавказе в описываемое время было то, что ими преимущественно руководила общинная патриархальная знать и что борьба крестьян против «своих» феодалов тесно переплеталась с борьбой за независимость против соседних феодальных владетелей. Причем сельские общины, объединившись в союзы, благодаря упорной и самоотверженной борьбе сумели сохранить свою независимость. Более того, в силу ряда внутренних и внешних причин, как увидим ниже, в XVII в. увеличилась численность союзов сельских общин.

4. Углубление феодальной раздробленности

Политический строй феодальных владений. Политический строй феодальных владений Северного Кавказа соответствовал уровню их социально-экономического развития. Шамхалы, ханы, удми, майсумы, беки — в Дагестане, уорки, пши — в Кабарде и у западных адыгов, мурзы — в Осетии, Чечено-Ингушетии, Балкарии и Карачае, хотя и отличались друг от друга, все же являлись верховными сюзеренами на подвластной им территории. Носители верховной власти в Кабарде и в некоторых владениях Дагестана формально выбирались на высшем совете представителей патриархально-феодальной знати из владельческих фамилий пожизненно, по принципу старшинства. Младшие представители господствующей фамилии несли службу на местах, хотя их зависимость от центральной власти в ряде владений зачастую была номинальной.

Административное устройство феодальных владений было несложным. Шамхальство, ханство, удмиство, майсумство, княжество Северного Кавказа делились на отдельные территориальные объединения — магалы, джамааты, кабаки. Верховная власть была сосредоточена в руках самого владетеля. Административные, правовые и судебные функции во владениях центральная власть осуществляла с помощью дружины, отдельные представители которой были связаны с владетелями патриархальными узами атальгчества и молочного братства. Во время войны феодальные правители собирали народные ополчения. Причем, по горским адатам, в случае опасности все мужское население обязано было встать на защиту родины. Уклонившихся облагали крупным штрафом или изгоняли из пределов владения. Эвлия Челеби писал, что у черкесов каждый

воин обязан был иметь по одной чистокровной лошади, щит, лук со стрелами, меч, копья. «Их пешие воины все имеют ружья и стреляют свинцовыми пулями так метко, что попадают в глаз блохе»³². Естественно, что вооружение и снаряжение воина зависело от его имущественного положения. Феодалы носили панцири, племы, налокотники, наколенники, а большая часть ополченцев, по словам Эвлия Челеби, носили накидку, которая «не имеет рукавов и представляет собой (кусок) толстой ткани, ворсистой с одной стороны. В битвах они держали эту ткань перед собой...» Действительно, эту ткань не пробивали стрелы и не рассекали мечи. «Иногда (перед) битвой эту ткань мочат». За военную службу ополченцы не получали вознаграждения. Лишь в шамхальстве положенный владетелям по шариату ашар (десятина) не платят: это «засчитывается им как жалованье (за службу)»³³. Для защиты своих земель феодалы и сельские общества строили крепости.

Низовой административной единицей являлась община, которая делилась на магалы и тухумы, состоявшие из малых индивидуальных семей, связанных между собой родственными и хозяйственными узами. Общины, не входившие в состав феодальных владений, были объединены в мелкие и крупные военно-политические союзы. Наибольшее число их было в Дагестане, Чечено-Ингушетии, а также у части западных адыгов. В состав некоторых союзов входило не только этнически однородное, но и разноязычное население. Союзы эти объединяли от 3 до нескольких десятков сельских обществ. Однако в зависимости от конкретных исторических условий число селений, входивших в союзы, менялось.

В конце описываемого времени в ряде наиболее развитых союзов сельских общин (Акуша-Дарго и др.) власть старшин постепенно стала превращаться в наследственную.

В осетинских обществах административная власть давно была сосредоточена в руках феодалов-бадият. Наиболее крупные и многолюдные союзы имели большой политический вес. Владетели искали сближения и поддерживали с ними дружественные и союзнические отношения. Известно, что кадий Акуша-Дарго со своей свитой участвовал в коронации шамхала тарковского. Только ему «как почетнейшему» «по ... обычаю» принадлежало право надевать на вновь избираемого шамхала шапаху и опоясывать его мечом, за что он получал соответствующее вознаграждение³⁴.

В описываемое время чуть ли не во всех союзах сельских общин Северного Кавказа территориальный принцип расселения стал господствующим. Условия жизни их содействовали усилению политических прав сильных семей. Должность старшин в союзах сельских общин Дагестана, Балкарии, Чечни и других стала достоянием исключительно членов определенного тухума. У всех народов Северного Кавказа как органы самоуправления значительную роль играли мирские сходы. В них участвовали представители всего мужского населения данного общества.

На сходах решались разнообразные вопросы, связанные с распределением общинных земель, выпасом скота, началом сельскохозяйственных и общественных работ, выборами административных лиц. Для решения общих для всех вопросов, таких как вопросы войны или мира, урегулирования взаимоотношений между обществами и феодальными владетелями, заключения соглашения «маслагат» и утверждения новых адатных норм, собирались сходы представителей всех общин, объединявшихся в союз, или даже всего народа, как это было в Чечне.

Решающую роль в решении обсуждаемых на сходах вопросов играла влиятельная общинная знать, а в феодальных владениях вместе с об-

щинной верхушкой — уорки, беки и мурзы. «Ежегодно, — говорится в своде Рустам-хана, — бек обязан собирать мудрых людей и по этим постановлениям разбирать тяжущихся и не оставлять без наказания ни вора, ни грабителя».

По существу, сход представителей обществ давно уже перестал быть органом народовластия. Первоначальные функции схода суживались по мере выделения и усиления верхушки феодализирующейся знати, и к описываемому времени фактически высшим органом управления во многих союзах сельских общин Дагестана и других мест стали советы, состоявшие из должностных лиц и верхушки богатых тухумов. Однако определить точно число союзов сельских общин на Северном Кавказе не представляется возможным. Согласно сведениям Эвлия Челеби, только в одном Дагестане их было 47³⁵.

Политическое устройство Северного Кавказа в XVI—XVII вв. характеризовалось чертами феодальной раздробленности, обусловленной усилением феодальной ленной собственности и развитием вассалитета.

Распад шамхальства. В начале XVI в. в Дагестане наиболее крупным феодальным объединением было шамхальство. Границы его простирались с севера на юг — от Кабарды и р. Терек вдоль Каспия до владений удмий кайтагского — и от Каспийского моря на запад до владений Аварского ханства. Шамхальство населяли кумыки, даргинцы, лакцы, агулы, часть лезгин, аварцев и др. Резиденциями шамхалов являлись Кумухи и Тарки. Шамхальство располагало большими для того времени военными силами³⁶. Личная дружина шамхала в Тарках состояла из 50 конных воинов.

Являясь сложным по своему этническому составу объединением, в условиях роста сепаратистских устремлений удельных правителей шамхальство во второй половине XVI в. начало обнаруживать тенденции к распаду. После смерти Чопан-шамхала в 1577 г. в ходе междоусобной борьбы один из его сыновей — Султан-Магомет, рожденный от кабардинки из узденского рода Анзоровых, с помощью своих родственников утвердился в Засулакской Кумыкии, избрав своей резиденцией сел. Эндери. По названию селения владение его стало называться Эндереевским. Со временем Эндереевское владение, в свою очередь, распалось на три части: Эндереевское, Аксаевское и Костековское.

В первой половине XVII в. власть шамхалов над удельными владетелями была номинальной. Последние действовали совершенно самостоятельно. В 1557 г. наследник шамхала, крым-шамхал обратился как независимый владетель к России с просьбой принять его в подданство России³⁷. Вопрос о замещении престола всегда стоял очень остро и, как правило, приводил к кровавым столкновениям. В междоусобицы претенденты не раз вовлекали правителей других феодальных владений. Чтобы как-то стабилизировать обстановку, шамхалы на протяжении первой половины XVII в. не раз созывали съезды, на которых заключали союзы, устанавливали преемственность престола шамхала. На этих съездах попеременно шамхалами были избраны кафыркумукский владетель Андий, сын Сурхая (ум. в 1621 г.), Ильдар Тарковский (ум. в 1634/35 г.), Айдемир Эндереевский (погиб в 1641 г. в походе на Кабарду), Сурхай Тарковский, Бутай Баматов (или Бий Багоматов), Адиль-Гирей. Однако ни съезды, ни другие меры не в состоянии были приостановить процесс распада шамхальства. Более того, после очередного съезда феодальные противоречия еще больше обострились.

В начале 40-х годов XVII в. феодальная знать Казикумуха, воспользовавшись антишамхальским восстанием лакского крестьянства, изгнала шамхала Сурхая, который укрепился в Тарках, образовал самостоятельное владение, получившее с этого времени название шамхальство Тарковское. В начале XVII в. в шамхальстве образовались бийликтава Кабабудахкелтское, Кумторкалинское, Губденское, Баматулинское.

В Кумухе собрание феодальной знати (называвшееся «киат») «избрало» в качестве предводителя лакских джамаатов «хахловчи», Алибека, который принадлежал к побочной ветви шамхальской фамилии. Алибек, по сведениям терских воевод, занимал в Дагестане влияниеное положение. Алибек Казикумухский, писал воевода Н. Вельяминов весной 1619 г., «по всей Кумышской земле волен, все полагаются на него и Ильдар (Тарковский) его слушает во всем»³⁸.

Одновременно от шамхальства отделилось владение Дженгутайское, впоследствии названное по имени основателя владения Мехтия Мехтулинским ханством. В связи с распадом шамхальства образовался целый ряд союзов сельских общин (наиболее крупным было Акуша-Дарго).

Уцмийство Кайтагское. Верховным правителем Кайтага, как уже указывалось, был уцмий. Обычно правителем Кайтага избирался старший в роде уцмиев.

С конца XVI в. столицей владений стало сел. Маджалис, основанное уцмием Султан-Ахмедом (ум. в 1588 г.) на месте, «где собирался народ для совещания». Возвышение Кайтагского владения произошло во время правления Рустем-хана, которому приписывается кодификация «Постановления Рустем-хана». Служивший в крепости Терки кабардинский князь Сунчалей Черкасский говорил о нем: «Князь Кайдацкой в горах человек первый и людьми силен, никому не служит, ни турскому, ни крымскому, ни кызылбашскому, не голодует и ясаку не дает, а человек де он гордый, против Гирея князя (Тарковского) не вставая шапки не сымает...»³⁹. Однако и в уцмийстве центробежные силы давали о себе знать: после смерти Рустем-хана весь Кайтаг был охвачен междоусобной борьбой.

В политических неурядицах между меджелестскими и великентскими феодальными группировками Кайтага активное участие принимали шахи Ирана, которые пытались утвердить уцмием своего ставленника. Борьба эта привела к кровавым столкновениям в 80—90-х годах XVII в. Естественно, что в этих условиях происходило ослабление центральной власти. Параллельно с этим происходил другой, неизбежно ему сопутствующий процесс — выделение отдельных союзов сельских общин. Особенно заметен он был в верхнем нагорном Кайтаге, где целый ряд общин стали самоуправляемыми.

Дербентское владение. К изучаемому времени Дербентское владение потеряло свою самостоятельность. Территориально небольшое, состоящее из самого города и ряда близлежащих, в том числе и лезгинских, селений, это владение входило в состав шахского Ирана в качестве отдельного «улка». Управляли им хакимы, а позже султаны, назначавшиеся шахским правительством. Начиная с середины XVII в. султаны делили власть с набами из дербентской знати. Однако шахи Ирана особую заботу проявляли об укреплении Дербента, о вооружении и снаряжении гарнизона. Иранские шахи щедро одаривали, в том числе и землей, дербентскую знать. Все это делалось с одной лишь целью — иметь силы, готовые в любое время начать наступление на Дагестан.

Распад майсумства Табасаранского. В XVI в. вся территория, населенная табасаранцами, была объединена в единое владение — майсумство. Майсумы Табасарана, как и другие феодальные владетели, делали все, чтобы расширить границы своего владения. Им на некоторое время удалось даже подчинить своей власти ряд сопредельных лезгинских сел. Особенно активную политику в этом направлении проводили майсумы Зихраров и его сыновья Ак-Майсум-хан и Хусейн-хан Майсум. Однако сколько бы майсумы ни старались, они не в силах были приостановить процесс феодального дробления владения. Начавшийся еще в предыдущую эпоху распад табасаранского владения завершился в начале XVII в. образованием двух самостоятельных владений: майсумство плюс владения главы местного мусульманского духовенства — кадия Табасарана, а также полунезависимые союзы сельских общин в горной части, известные под общим названием Девек-Елеме.

Ханство Аварское. В XVI—XVII вв. ханство Аварское занимало территорию, расположенную вдоль аварского Кайсу. Ханам Аварии в это время подчинялся и ряд пограничных с Дагестаном чеченских обществ. Ханством правил владетельный род нуцалов, разделившись к описываемому времени на три ветви: потомство Андуник-нуцала, потомство Мухаммад-шамхала бин Турурав и потомство Каракиши бин Турурава, причем титул нуцала передавался от старшего одной ветви старшему другой ветви. Между тремя ветвями потомков нуцалов проходила явная и тайная борьба за первенство. Известно, что потомки Каракиши поддерживали потомков Мухаммед-шамхала в борьбе за ханский престол. Лишь с 1646 г. в ханстве наметилась тенденция передачи достоинства нуцала наследнику по прямой линии. Однако то, что потомки Каракиши имели своим уделом общества Гумбет и зависимые чеченские территории, позволяет предположить, что и другие ветви имели свои уделы. К сожалению, каковы были взаимоотношения между ними и центральной властью, трудно судить. Но то что в русские источники рядом с нуцалом ставят и «черного князя», и особенно то, что последний приводился русскими властями к шерти (присяге) «за весь свой род и за Аварскую, и за Черную землю»⁴⁰, говорит об очень многом.

Аварские ханы принимали активное участие в политической жизни Дагестана. Используя благоприятный момент ослабления, а затем и распад шамхальства, ханы Аварии пытались подчинить своей власти соседние сельские общины. Особенно упорной была борьба ханов Аварии с союзами сельских обществ Гидатль, Анди и др. Аварским ханам удалось все же занять территорию среди иноязычных богулалцев, чамалальцев, тидалов и др. Очевидно, сюда были переселены жители компактно расположенных сел. Саситль, Сильда, Гако, Тидиб и др.

Однако присоединить союзы сельских общин Гидатль, Анди и др. нуцалам Аварии не удалось. Более того, после распада шамхальства и ослабления центральной власти в других владениях число союзов сельских общин в нагорном Дагестане значительно возросло. По сведениям Эвлия Челеби, как указывалось выше, число союзов (которые он называет «округами», управляемыми кадиями) было равно 47⁴¹. Возможно, что здесь допущена неточность, но совершенно очевидно, что не все эти «округа» управлялись кадиями (судьями), хотя представители местного мусульманского духовенства и играли в них ведущую роль. Главенствующее положение кадий занимал в крупном даргинском союзе сельских общин Акуша-Дарго.

Тюменское владение. На северо-западе Дагестана, в дельте р. Терек, в XVI в. располагалось небольшое Тюменское владение⁴². Русские источники XVI в. владетеля Тюмени называют князем, а иногда «шавкалом» или даже «царем». Известно, что после смерти владетеля Токлуя в 1569 г. тюменским князем стал его племянник Тюген Атяков. Это позволяет думать, что в Тюменском владении в престолонаследии соблюдался принцип старшинства. Однако этот принцип в княжестве не был устойчивым. Чуть ли не каждый раз при передаче престола здесь возникали междоусобицы. В XVI в. упорно и настойчиво добивался престола в Тюмени Мамай Агишев. С 1556 г. владетели Тюмени поддерживали прочные связи с русским правительством. Были даже случаи, когда, не добившись успеха на месте, тюменские феодалы выезжали в Россию. Сам Мамай и его брат приехали в Москву, там крестились и стали основателями одной из ветвей русского дворянства. В 1594 г. территория Тюменского владения вошла в состав России, и с этого времени княжество прекратило самостоятельное сосуществование.

Территория Чечено-Ингушетии. В XVI—XVII вв. территория Чечено-Ингушетии была разделена на целый ряд политических объединений. Выше отмечалось переселение сюда части аккинцев. Это небольшое владение окочан управлялось мурзами. В XVI в. известны были мурзы Ишерим и особенно его сын Ших-мурза. Они поддерживали тесные связи с соседними владетелями и русской администрацией на Северном Кавказе. Как подданные русского царя мурзы выполняли различного рода поручения русских властей на Кавказе. Племянник Ших-мурзы Батай побывал в начале XVII в. в Москве; в 1645 г. в «Окоцкой земле» мурзой был сын Батая Албирюй. В 1621 г. из «Окоцкой земли» выехал служить в Терский городок мурза Кегострой Бийтемиров, потомки которого служили там до конца XVII в.

В конце XVI в. в ауле Ларс в Дарьяльском ущелье был мурзой Салтан, называвший себя братом Ших-мурзы. В первой половине XVII в. переселившиеся из Аварии в Чечню феодалы Турловы⁴³ образовали по нижнему течению Аргуна, Атаги, Герменчук, Чечен-Тала самостоятельное владение. В 1659 г. потомки Турловых — Али-хан, Алибек, Хочбар — являлись владетелями «земли Чачана». Иногда это владение именуют «Уварское меньшее владение». По всей вероятности, это название происходило не только от того, что Турловы были одной из ветвей Аварского владельческого дома, но и потому, что они поддерживали очень тесные связи с ханами Аварии.

Поселившиеся около р. Ямансу ауховцы первоначально зависели от шамхалов, но с выделением из шамхальства Эндереевского княжества они попали под власть владетелей Засулакской Кумыкии. Кроме того, в предгорных и высокогорных зонах Чечено-Ингушетии имелся целый ряд союзов сельских общин, известных в русских источниках под названием «обществ», горских «землиц» или «зимель»: мичкизы, меризи, шубуты, мулки, Окочанская земля, тшавские люди, калки, ерохонские люди, ококи (или аказы), гагга и джерах, отождествленные с кисти, и др. Эти образования в одних случаях объединяли несколько сельских общин, в других — являются наименованием отдельных тайповых организаций, включающих одно-два поселения. Выдвинувшуюся из общей массы общинников сельскую верхушку русские документы называют и «выборными лучшими людьми», «начальными людьми», а иногда «владельцами». Однако их статус не во всех «землицах» был одинаковым. В некоторых обществах, как, например, Шубутлинском, феодализирую-

щаяся сельская знать вела себя как владетели, в других обществах это были обыкновенные старшины. Однако и в тех и в других случаях «начальные люди», «выборные лучшие люди», сосредоточив в своих руках политическую власть, по существу, управляли этими союзами сельских общин. Военную силу джамаатов составляли ополченцы, во главе которых стояли предводители — «бяччи». Для решения наиболее важных вопросов собирались сходы — «кхел», собрание старшин, а иногда и в более широком составе.

Центральный Кавказ. Ни у одного из народов, населяющих территорию нагорной зоны Центрального Кавказа, в описываемое время не было объединяющей власти. Осетины, балкарцы и карачаевцы были разделены на мелкие и мельчайшие политические объединения, причем этот процесс дробления имел тенденцию к еще большему углублению. В Осетии были такие владения, как Стырдигория, объединявшая 20 «кабаков» (а в «кабаке» жильцов по 200 и более), и владения, состоявшие всего из 4 деревень. Таково, например, было в XVII в. владение дигорского мурзы Аслана Карабгоева. Несмотря на то что уровень развития феодальных отношений в осетинских обществах не был одинаковым, ими управляли феодаль-алдары, которые имели различные названия (баделят, царгасат, тагиат, гагуат). К тому же, как отмечалось выше, они были зависимы от кабардинских феодалов.

В Балкарии «аксюек» (белая кость), а также баспаты, секельты и биш-карачая считались верховными правителями подвластной территории. Но многие находились также в вассальной зависимости от кабардинских князей, закрепляемой родственными связями, формами аталычества и молочного братства. Терский воевода свидетельствует, что «местом Балкарии» владеют племянники по матери кабардинского князя Пшимахи Канбулатовича Апшика «с братьею Тауримовы дети», которые «слушают» кабардинского мурзу Алегуко Шеганукова⁴⁴. В 1650 г. среди балкарских владетелей известны Алибек и Айдабул — «дядька», т. е. аталык кабардинского князя Камбулата, сына Пшимахи⁴⁵.

Побывавший в Карачае в 1639 г. Федот Елчин среди мурз называет Елбуздука и Галистана и др. Некоторые из мурз Карачая также были зависимы от кабардинских князей. Эта зависимость отразилась даже в названии («Карачаева Кабарда»).

Образование Большой и Малой Кабарды. В начале XVI в. во главе Кабарды, разделенной между множеством феодалов, стоял старший князь. На эту должность избирались по очереди наиболее достойные из разных кабардинских княжеских семей. В XVI в. старшими князьями были Темрюк Идаров, Камбулат Идаров, Асламбек Кайтукин, Яноох Кайтукин, Шолох из рода Таусултановых и др. В Кабарде не было постоянной резиденции старшего князя; по традиции политическим центром становился замок удельного владетеля, выбранного старшим князем. Борьба за получение достоинства старшего князя («олишпа») в Кабарде очень часто сопровождалась кровопролитными столкновениями. В междоусобную борьбу кабардинских князей оказывались вовлеченными и соседние феодалы, чаще всего феодальные владетели Дагестана. Во второй половине XVI в. при старшем князе Темрюке Ильдаровиче была сделана попытка объединения Кабарды, но эти меры не дали положительных результатов. Безуспешными оказались и решения общекабардинского съезда в 80-х годах XVI в. об объединении Кабарды. Центробежные силы, все больше и больше дававшие о себе знать, не только не

позволяли объединить Кабарду и создать сколько-нибудь сильное централизованное государство, но и неизбежно вели к еще большей децентрализации власти. В итоге к XVII в. сложилось разделение Кабарды на Большую Кабарду и Малую Кабарду.

Наиболее крупным в Большой Кабарде было владение Алегукиных — «Алегукина Кабарда», в которую входили около 50 «кабаков» с количеством узденей: конных — 1 тыс. и 2 тыс. с лишним — пеших «черных людей». В Малой Кабарде выделялось владение Ибаковых, которое называлось также «Шолоховой Кабардой», по имени князя Шолоха Тапсарукова. Во второй половине XVII в., с приходом к власти Келмамета Ибакова, оно получило название «Келмаметова Кабарда». Вокруг этих двух крупных владений группировались более мелкие. В начале XVII в. вне пределов Кабарды, в районе г. Терки, при содействии Русского государства возникло Кабардинское княжество Сунчалевичей Черкасских.

Северо-западные адыги. Северо-Западный Кавказ в описываемое время был также разбит на небольшие политические объединения. На территории западных адыгов, или Западной Черкесии, одним из сильных и относительно крупным было Жанеевское княжество Кансуковых, расположенное в нижнем течении р. Кубань. Со временем это владение распалось на две части: Малую и Большую Жану. Первая из них состояла, согласно имеющимся данным, из 40 деревень и могла выставить 3 тыс. воинов. Большая Жана занимала территорию «от Крыма до реки Абин». Бей, сообщает Эвлия Челеби, — «владелец десяти тысяч богатырей-всадников с колчанами и пеших черкесов-джигитов с ружьями»⁴⁶. К востоку от Большой Жаны располагалось объединение хатухайцев, которыми, по словам того же Эвлия Челеби, управляет «бей — владетель восьми тысяч хорошо вооруженных воинов, отборных и богатых, т. е. владеющих животными». Кемергой, или «Кумургоевская земля» (реже — Темпргой, Темирга), владетелей которой одни источники называют мурзами, другие — князьями. В «4 дня пути» от Большой Жаны было владение Белстопоя⁴⁷. Его владетель, так же как мурзы или князья Кемергоя, вел свое происхождение от родоначальника Болотока. Документы начала XVII в. упоминают Кундуки, «Кундукские кабаки». Исследователи полагают, что это — объединение адыгов, впоследствии известное под названием Хатюкой (Гатюкой, Атуган). Ближайшую к Кабарде территорию в гористых местах «за Кубаном» занимали бесленеевцы. Считается, что их в XVII в. оттеснил улус Малого Ногая. По адыгским преданиям, они отделились от кабардинцев при князе Коноко. Родословная в XVII в. выводит бесленеевских и кабардинских князей от единого родоначальника Акабчу⁴⁸.

Проживающие в горах наиболее многочисленные общества натухайцев, шапсугов, абадзехов и других источники называют «вольными черкесами». В отличие от вышеописанных адыгских владений они не имели «владельцев, а правят между ними старики»⁴⁹. Очевидно, управление абадзехов, натухайцев, шапсугов и других было сходным с управлением вышеописанных союзов сельских общин Северо-Восточного Кавказа.

Политическая раздробленность приводила к постоянным междоусобицам не только между различными феодалами, но и внутри самих же адыгских феодальных семей, усугубляемым вмешательством во внутренние дела адыгов Крымского ханства. Характеризуя феодальные междоусобицы, Д'Асколи сообщает, что «иной отец не всегда безопасен от сына или брата... Всякий, кому не хватает сил собственных подданных,

обращается за помощью к дружественному владельцу»; дело доходит до того, что, когда один из противников одерживает верх над другим, побежденный прибегает к подкупу крымского хана, «обещая ему 200 или 300 рабов»; тот «более чем охотно пользуется случаем и тотчас собирает 40 или 50 тыс. воинов, с которыми идет к позвавшему владельцу»; противник, видя это, «для лучшего исхода решает сойтись с ханом на стольких-то невольниках», затем хан выступает посредником в примирении сторон. «Когда двое ссорятся,— заключает Д'Асколи,— третий радуется, иначе татарину было бы мало выгоды от черкесов... Но теперь черкесы тоже огляделись, прошло уже много лет, как они перестали звать хана»⁵⁰.

Политические образования абазин. Поселившиеся на Северном Кавказе среди адыгов абазинцы были также политически раздроблены. В XVI—XVII вв. они были разделены на две большие группы — «тапанта» и «шкаруа», которые, в свою очередь, делились на более мелкие части. Черкесы называли все подразделения тапантовцев «басхяг», а ногайцы именовали их «алтыкесек абаза», т. е. шестидольная абаза (по старинному делению тапанты). На карте Кабарды 1744 г. Алтыкесек абаза разделена на Нижнюю, Среднюю и Екепцокскую абазы⁵¹. Чаще всего объединения тапантовцев именовались по фамилии владельцев князей, которых по-абазински называли «аха»: от владельцев Лоевых — «лоовцы», от Даруко — «дударуковцы», от Бибардраа — «бебердовцы», от Кълычраа — «кычевцы», от Къячраа — «кячевцы», от Джантемир — «джантемировцы» и т. д. Сведения об абазинах группы «шкаруа» описываемого времени весьма скудны. Источником середины XVII в. известны локальные подразделения абазин «шкаруа» — башилбаевцы (т. е. мысылбаевцы), чаграй (т. е. шахгиревцы), баговцы (т. е. баракавцы)⁵² и др. Кроме них, по данным Эвлия Челеби, по побережью в горах проживали также общности, известные под названием арат, садаша, дженби, камыш, савук, ашаги, юкары, карыпан. Судя по имеющимся источникам, локальными подразделениями абазин управляли князья с помощью дворян, называемых здесь «амыстаду». Амыста составляли и дружину князя. Однако в середине XVII в. верховным правителем «Абазинской земли» считалась феодальная семья во главе с «большим братом» — цекой-мурзой. В то же время подразделения абазинцев в описываемое время были зависимы от кабардинских князей, которым платили дань.

Ногайские улусы. В изучаемое время Ногайская Орда, во главе которой стояли хан, его наследник нурадин и его военачальник, называвшийся кековетом, фактически оказалась разделенной на слабо связанные между собой улусы во главе с мурзами, власть которых приобретала наследственный характер. Эти улусные мурзы считали себя «государем в своем государстве» и лишь условно признавали верховного правителя хана, которого считали «старшим братом». Процесс дробления Ногайской Орды особенно усилился в конце XVII в. После убийства хана Башик Баз-Камбулата в Орде вспыхнула междоусобная борьба. Четыре ногайских подразделения (Куба, Кыпчак, Найман, Терек) и Аскостамчалиев (или Ас-Костамгасиевы), не желая признать власть мурз, откочевали на левый берег Терека, в Моздокскую степь, за что они получили название «яманчи», а затем «кара-ногаи», т. е. «черные», или «простые», ногаи. Позже часть из них откочевала «с улусными людьми к Терекам в Кумыкии». В середине XVII в. часть ногайцев, как указывалось выше.

кочевала в нынешней Карачаево-Черкессии между реками Инджиках — Зеленчук — это так называемые арсланбековские ногайцы. Они были разобщены с теми ногайцами, которые кочевали к востоку от Зеленчука в районе Пятигорья.

Обычное право. Обычное право всех северокавказских народов, приспособившееся к интересам господствующего класса, определяло нормы поведения в обществе, регулировало внутреннюю жизнь общин и их взаимоотношения, определяло круг деятельности сельской администрации и т. д.

Основными мерами наказания по обычному праву являлись: общественное порицание, штраф, изгнание из владения или общины и др. В обычном праве горцев Северного Кавказа твердые позиции все еще занимали нормы, присущие родовому строю, такие, как присяга, соприсяжничество, кровная месть и т. п. Однако самой распространенной формой наказания была система штрафования, которая являлась действительным источником доходов феодалов и местной администрации. Потерпевший получал от ответчика соответствующее возмещение. Причем размер штрафа, как указывалось выше, зависел не только от степени преступления, но и от социальной принадлежности ответчика и истца. В XVI—XVII вв. в связи с углублением развития феодальных отношений усилились нормы обычного права, защищающие интересы феодального класса.

Верховные правители в интересах укрепления своей политической власти, правового положения и ограничения внутреннего самоуправления общин придали нормам обычного права законодательно-правовую форму, ратифицировав их в качестве действующего судебника. Такими памятниками писаного права, дошедшими до нас, являлись сборники адатов XVII в., приписываемые Умма-хану Аварскому и Рустам-хану Кайтагскому. Попытки кодификации сложившихся правовых норм были предприняты и в Кабарде на рубеже XVI—XVII вв. Наглядным показателем уже сложившегося неписаного кабардинского обычного права служат сведения русских источников о «черкасских обычаях». Сравнение норм обычного права XVI—XVII вв. с позднейшими адатами показывает устойчивость и медленность их трансформации. Вместе с тем включение ранее существовавших адатов в судебник, превращение их в писаное право, в законы, на страже которых находилась государственная власть, знаменует новый этап в развитии феодального общественно-политического строя северокавказских обществ. Однако не у всех народов Северного Кавказа, в том числе и ряда адыгских народов, у которых феодальные отношения были сравнительно развиты в XVI—XVII вв., созрели условия для кодификации. Очевидно, это объясняется политической незрелостью феодальной системы, живучестью патриархально-родовых и общинных порядков. «Право, — указывает К. Маркс, — никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»⁵³.

Наряду с адатами в Дагестане и отчасти у адыгов и других народов, среди которых утвердился ислам, действовал шариат, являющийся совокупностью юридических и религиозно-обрядовых норм, основанных на Коране. По шариату разбирались в основном гражданские дела по семейным, наследственным отношениям, завещаниям и др. Шариат прививал населению смирение, полное повиновение верховной власти.

Низовой общественной ячейкой в горских обществах, как известно, была сельская община джамаат, кьуаже-кабак. Джамаат имел свои органы управления.

В сборниках адатов Дагестана джамаат рассматривался как единое целое, как юридическое лицо. За нарушение или отказ от выполнения перечисленных в судебниках норм устанавливалась круговая порука.

В течение длительного периода, отстаивая свою независимость и веками сложившиеся устои общественного быта и управления, общины выработали свои нормы, имевшие яркую антифеодалную направленность. Некоторые из них, очевидно, под давлением рядовых общинников, вошли и в судебник Рустем-хана.

Установлен был запрет на завещание кем-либо своего имущества в пользу бека. Нарушивший запрет подвергался наказанию, отмеченному чертами глубокой древности, — изгнанию из общества. По тем временам это было одним из самых тяжелых наказаний, и не случайно у народов Дагестана бытовали пословицы: «Кто не вместе с аулом, тот покойник и без могилы», «Тот, кто покинул аул отца, тот не увидит хорошего дня».

В период кодификации правовых норм как в дагестанских, так и в других северокавказских феодальных владениях сельские общины в силу хозяйственно-экономических и политических условий жизни еще сохраняли известное единство интересов. Родовые связи и обязанности солидарной защиты не утратили своего значения. Однако, хотя общинники считались формально равными друг другу, на деле, как мы видели выше, собственники земли и скота эксплуатировали рядовых общинников, используя стародавние традиции и обычаи, своими корнями уходявшие в эпоху родовых отношений. По мере классового расслоения и обострения социальных противоречий обычаи приспособлялись к нуждам и целям господствующего класса.

Определяя весь уклад жизни трудящихся, общинные традиции и обычаи ограничивали сферу самостоятельных и независимых действий членов общества, что было на руку социальной верхушке. Афоризм «Постановлений Рустам-хана» («Кто будет беречь род свой, того и голова будет спасена»), неоднократно повторяемый в сборнике, настойчиво внушает мысль о пользе безоговорочного подчинения феодалу.

Большинство норм указанных выше судебников устанавливает за правонарушение различного рода штрафы, которые взыскивались натурой: медными котлами, тканями домашней выработки, овцами и крупным рогатым скотом. Причем штрафы предназначались не только для возмещения ущерба, но и в качестве уголовного наказания, постепенно ограничивающего сферу применения кровной мести.

Система штрафов значительных размеров своим острием была направлена против рядовых общинников, не имевших возможности откупиться уплатой штрафа и вследствие этого оказавшихся в зависимости у феодализирующейся знати и зажиточных элементов. В памятниках права, возникших в период, когда феодальный уклад во многих владениях Северного Кавказа становится ведущим способом производства, зафиксировано немало норм, направленных на укрепление частной собственности. Усиленная охрана частной собственности достаточно убедительно подтверждается мерой ответственности за преступление. В отличие от простого возмещения убытков, как это было в дофеодальный период, за воровство в Кайтагском удийстве устанавливается десятикратное возмещение ущерба, в Аварском ханстве — трехкратное. Убийство вора и грабителя на месте преступления не влекло за собой никакой ответственности. В «Постановлениях Рустам-хана» даже за приближение к воротам чужого дома «со злым намерением» с каждого виновного взыскивался штраф.

Значительные изменения претерпел и обычай кровной мести. Кровную месть, которая в дофеодалном обществе была не только правом, но и обязанностью, обычное право северокавказских горцев XVI—XVII вв. подвергает различным ограничениям. Согласно указанным судебникам, убийца должен был немедленно покинуть селение, а тем временем общинники принимали возможные меры для примирения кровников. Общая тенденция во всех сборниках в отношении обычая кровной мести выражалась в стремлении заменить кровную месть выкупом, в ограничении круга лиц, имеющих право мстить, в устранении определенных, наиболее тяжких преступлений, вызывающих кровную месть.

Наиболее распространенными способами доказательств остались присяга и соприсяжничество. В эпоху патриархально-родовых отношений соприсяжничество допускалось только для круга родственников. В период возникновения рассматриваемых правовых памятников в качестве соприсягателей могли выступать и односельчане. Число соприсягателей значительно уменьшилось. Количество их определялось в зависимости от величины нанесенного ущерба.

Характер соприсяжничества все более приближался к свидетельским показаниям. Кодекс Умма-хана допускал подтверждение факта свидетелями. Но их показания должны были подтверждаться и признаваться правильными старшим духовным лицом в обществе.

5. Взаимоотношения народов Северного Кавказа между собой и с Закавказьем

Взаимоотношения северокавказских народов между собой. В XVI—XVII вв. северокавказские народы, как и в предыдущие эпохи, поддерживали между собой тесные взаимоотношения. Этому прежде всего способствовало то, что между ними не было резко очерченных границ, а жили чересполосно. Имелись также поселения со смешанным населением. В последней четверти XVI в. часть кабардинцев, принявших участие в междоусобной борьбе на стороне эндереевского владетеля Султан-Мута, расселилась в Засулакской Кумыкии.

В конце XVII в. было основано кабардинцами сел. Баташ-Юрт, в котором поселились и кумыки. В трех кварталах одного из крупнейших аулов Северного Дагестана Аксая обосновались чеченцы. На смежных территориях Аварии и Чечни возник целый ряд совместных поселений. Аварское сел. Ансалта, по преданию, считается основанным чеченцами, а чеченский Ишха-аул — аварцами. В устье р. Терек близ русского Терского городка возникли Черкасское, Окоцкое, Татарское и Новокрещенское селения, жители которых совместно несли военную службу и бок о бок вели свое хозяйство. Близкое соседство осетин и балкарцев привело к возникновению племенных названий: «урусписевские осетины», «безинги-осетины» и т. п.

Все это предопределяло дальнейшее развитие добрососедства, укрепление дружественных отношений, куначества, возникновение родственных связей между ними. В Дагестане, Кабарде, Чечено-Ингушетии, Осетии, Карачае, у западных адыгов возникли целые фамилии неместного происхождения. Родоначальники кабардинских фамилий Шамхаловых, Кумыковых, Казанишевых и других были выходцами из Дагестана; фамилии Чегемовых, Баташевых, Кабардиевых, Тамбиевых, проживающих в Дагестане, — выходцы из кабардино-балкарцев, черкесов, из западной Адыгеи; Калмыковых — из Калмыкии, и др. Ингушские тухумы Котиевы,

Точиевы, Канчиговы, Гадаборшовы происходили из кумыков. Родоначальники чеченских фамилий Шавхаловы, Айдемировы и др. были горцами Дагестана.

Добрососедские отношения, существовавшие между горцами Северного Кавказа, имели и экономическую основу. Будучи экономически взаимозависимы, народы Северного Кавказа поддерживали между собой тесные торгово-экономические связи. Жители высокогорной зоны Дагестана (балкарцы, осетины и кочевые ногайцы) приобретали зерно у жителей равнины. Кабардинцы и абазинцы покупали металлы у карачаевцев, балкарцев, осетин. Кабардинские лошади пользовались большим спросом у всех северокавказских народов. Высоко ценились у всех народов Северного Кавказа изделия кубачинских, кумухских и других мастеров Дагестана. Торговый обмен осуществлялся через перевальные пути и так называемый Сунженский перевоз, который сыграл большую роль в установлении торговых связей между простыми горцами. Поэтому местные правители добивались у русских воевод права беспрепятственного проезда кумыков в Кабарду, а кабардинцев — в Кумыкию и обратно. Свободного проезда в Кабарду через перевоз добивался и кайтагский владетель Рустам-хан⁵⁴.

В XVII в. нередко были поездки кабардинцев и других жителей Северного Кавказа в Дербент, Тарки, Буйнак, Эндери и другие торгово-ремесленные центры Дагестана по торговым делам. Здесь они обычно приобретали изделия кустарных промыслов, а также соль.

Очень важную роль в развитии торгово-экономических связей между народами Северного Кавказа в описываемое время, как увидим ниже, играл Терский городок и возникшие вблизи него слободы. Здесь, на месте скрещения важнейших дорог, ведущих с севера в Закавказье и страны Ближнего Востока, жители Северного Кавказа встречались не только между собой, но и с торговыми людьми России, Закавказья и других стран и государств.

В свою очередь, торговые люди Дагестана ездили в Чечню, Кабарду и в другие места. Близ «стоянки Дудуркай»⁵⁵, где жили кабардинцы и абазинцы, ежегодно устраивали базар, посещаемый многими торговыми людьми из разных мест Северного Кавказа. Постоянные базары и сезонные ярмарки, куда прибывали горцы многих районов края, происходили и на Северо-Западном Кавказе.

Раскопки адыгских курганов XVI—XVII вв. показали, что найденные металлические вещи — серебряные штампованные изделия, диадемы, бляшки медные, лунницы-подвески, резные деревянные шкатулки — дагестанского и осетинского происхождения, а в осетинских склепах (Махческ, Дизгор, Даргавс и др.) найдены вещи западноадыгского и кабардинского типа: поясные наборы, пуговицы, пряжки, бляшки, прямоугольные застёжки из серебра и меди.

Между народами Северного Кавказа существовали и другие формы экономических контактов. Абазинцы пасли свой скот на землях кабардинцев и бесленеевцев, карачаевцы и балкарцы, осетины — на землях кабардинцев, ногайцы — на землях «пятигорских черкас», жители нагорной части Чечено-Ингушетии — на землях кумыков. Аварцы и чеченцы, кумыки, кабардинцы и балкарцы, западные адыги, осетины отдавали своим кунакам на выпас скот. Жители ряда северокавказских аулов вместе трудились на папнях, заготавливали сено, занимались рыбной ловлей в протоках Терека и на Каспийском море, особенно на острове Чечень.

В процессе длительных общений между собой горцы Северного Кавказа перенимали друг у друга и трудовые навыки ведения хозяйства.

Феодалыне владетели Северного Кавказа поддерживали между собой тесные политические связи. Однако эти связи не всегда были дружественными. К середине XVI в. кабардинские феодалы контролировали значительные районы северокавказских просторов. В это время, как отмечалось выше, они занимали равнины и предгорья по левым притокам Терека, до входа в горные ущелья, и территории по правому берегу Терека, почти до р. Сунжи. В вассальной зависимости от кабардинских феодалов, как указывалось выше, находились абазины, балкарцы, карачаевцы, часть осетин, ингушей и др. Стремление феодалов Кабарды к дальнейшему распространению своей власти на восток столкнулось в бассейне р. Сунжи и нижнего течения Терека с интересами северодагестанских владетелей, которые также претендовали на расширение границ своих владений и установление своего влияния в этом районе.

В борьбе за преобладание на Северо-Восточном Кавказе феодалыне владетели Кабарды и Дагестана, каждый по-своему, привлекали на свою сторону других феодалов. Созданные таким образом феодалыне группировки в борьбе друг с другом прибегали, исходя из конкретной политической обстановки на Северном Кавказе, к помощи соседних государств.

С середины XVI в. позиции Кабарды на Северном Кавказе значительно укрепились благодаря браку Ивана IV Грозного с дочерью старшего кабардинского князя Темрюка Идарова. Используя благоприятную обстановку, Темрюк повел решительное наступление и дважды организовал походы против шамхальства.

Обострение отношений между шамхалами и кабардинскими князьями привело к вооруженному столкновению. В 1566 г. в Кабарде произошло большое сражение между группировкой феодалов во главе с Темрюком и князьями во главе с Шпеапшокой Кайтукиным. Шамхал Будай поддержал Кайтукина и выступил на его стороне. Сражение завершилось победой Темрюка. Шамхал же погиб в сражении.

В конце XVI в. соотношение сил на Северном Кавказе стало изменяться в пользу владетелей Дагестана. После смерти Темрюка, а затем, в 1589 г., и его брата Камбулата старшим князем в Кабарде стал сторонник шамхала князь Шолох Таусултанов. Шамхалам одновременно удалось склонить на свою сторону также князей из влиятельных родов Тапсоруко и Кайтука. Вскоре к шамхалу примкнул еще один сильный кабардинский князь — Алкас Клехстанов⁵⁸.

Значительно возросло влияние шамхалов и в бассейне Терека после неудачного похода в Дагестан в 1595 г. отрядов под командованием воеводы А. Хворостинина. В результате многие местные владетели перешли на сторону шамхала. Но позже их взаимоотношения вновь обострились.

Наиболее крупное вооруженное столкновение феодалыне правителей Дагестана и Кабарды, в котором приняли участие также некоторые владетели Малого Ногая, разделившиеся между двумя противоборствующими сторонами, произошло в июле 1641 г. в Кабарде, на берегу р. Малки. В этой *кровавой битве отряды, возглавлявшиеся кабардинскими князьями Алегуко и Ходождуко*, нанесли поражение группировке, возглавляемой шамхалом Айдемирмом и кабардинским владетелем Кельмаметом Куденетовичем Черкасским.

Однако не феодалыне междоусобицы определяли взаимоотношения народов Северного Кавказа. В основном между трудовыми слоями северокавказских народов поддерживались мирные и добрососедские отношения. Этому во многом содействовало установление родственных отношений. Известно, что феодалыне владетели заключали между собой династические браки. В таком родстве друг с другом находился целый ряд кабар-

динских и дагестанских, карачаевских, балкарских, западноадыгских, ногайских владетелей. Браки совершались и между простыми людьми. Важное место в укреплении дружественных отношений между различными народами Северного Кавказа имело куначество* и аталычество**.

Мирные отношения владетелей Дагестана и Кабарды еще больше укрепились в связи с вступлением в подданство России Кабарды и ряда владетелей Дагестана, особенно во время службы кабардинского князя Сунчалая Янгличева, его сына Муцала и внука Каспулата Муцаловича в Терском городке. В дружбе с Каспулатом были кафыркумыкский владетель Асланбек-мурза Багаматов и другие феодалы Дагестана. Дружеские отношения поддерживались между эндереевским владетелем Казанальпом и кабардинским князем Кабулатом Черкасским. Были налажены хорошие контакты между кабардинскими князьями и кайтагскими уцмями и аварскими ханами.

Владетели Дагестана часто приглашались в Кабарду, а кабардинские — в Дагестан в качестве посредников для разрешения различных внутренних споров, возникавших между феодалами, обществами, а также для разрешения вопросов, связанных с внешнеполитической обстановкой. Установление мирных взаимоотношений между феодальными правителями объективно сказывалось и на укреплении экономических отношений между народами.

На основе укреплявшихся торгово-экономических, политических, добрососедских и иных связей между народами Северного Кавказа в XVI—XVII вв. усиливалось и развивалось их культурное сотрудничество. В результате всего этого сложилось много общих черт в материальной и духовной культуре, развитию которой способствовали сравнительно одинаковые экономические и социально-политические условия. Это четко прослеживается в предметах хозяйственного и домашнего обихода, в национальной одежде и пище, в декоративном искусстве, в празднествах, в семейном и общественном быту.

Взаимобогащение и взаимовлияние в области культуры дагестанцев, чеченцев, ингушей, кабардинцев, адыгов, карачаевцев, балкарцев, осетин и других, развивавшиеся в результате длительного обмена достижениями художественного и технического производства этих народов, особенно отчетливо проявляется в искусстве кубачинских мастеров. Характерным в этом отношении является орнамент изделий кубачинских и других ремесленных центров Дагестана и их влияние на творчество северокавказских мастеров. В свою очередь, сами кубачинцы воспринимали все лучшее, что было в орнаментовке других народов Северного Кавказа. В результате тесного общения у кубачинцев появились орнаменты, которые сами они именовали «черкесский», «чеченский», «осетинский».

Взаимовлияние народов Северного Кавказа заметно отразилось на их духовной культуре. Это творческое взаимодействие хорошо прослеживается в устном народном творчестве, в танцах, музыке. Характерным стремлением тесного сотрудничества в мире духовной культуры горцев может служить широко распространенный и изучаемый на Северном Кавказе нартский эпос, который является прежде всего художественным многонациональным творчеством, получившим свое оформление в процессе развития народов Кавказа. Как известно, к народам Дагестана нартский эпос пришел в раннем средневековье от осетин и адыгов. Но здесь

* Куначество (от тюркск. *конак*, *кунак* — гость) — обычай вступать в тесные дружеские отношения друг с другом.

** Аталычество (тюрк. *аталык* — отцовство, от *ата* — отец) — обычай отдавать детей на воспитание в другую семью.

он получил свое местное развитие, став самобытным. В свою очередь, фольклор народов Дагестана оказал и обратное влияние на устное народное творчество своих северных соседей, и в частности чеченцев.

О длительных и тесных связях между народами Северного Кавказа свидетельствует также и словарный фонд кавказских языков. В каждом языке народов Северного Кавказа встречается масса слов, заимствованных у близких и далеких соседей. К тому же народы Северного Кавказа, как правило, владели языками соседей. Но особенно распространенными в описываемое время стали тюркские языки, и в частности кумыкский язык, на котором целый ряд владетелей Дагестана и Чечни вели дипломатическую переписку.

Все сказанное свидетельствует, что при всей раздробленности и разобщенности на Северном Кавказе постепенно складывались условия, объективно способствовавшие укреплению добрососедских отношений и дружбы между его народами. Показателем этих дружественных связей, взаимовлияния и взаимоотношения материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа являлось сходство быта и нравов, социальных и общественно-политических институтов.

Взаимоотношения народов Северного Кавказа и Закавказья. Взаимоотношения между братскими народами Северного Кавказа и Закавказья в XVI—XVII вв. развивались в чрезвычайно сложной внутривнутриполитической и международной обстановке, сложившейся на Кавказе в ходе борьбы Оттоманской Порты и шахского Ирана за обладание Кавказом. Шахи и султаны, преследуя далеко идущие цели, вмешивались во внутренние дела народов Кавказа, постоянно провоцировали феодальные междоусобицы, разжигали национальные распри и религиозную нетерпимость.

Одной из основных причин феодальных набегов, сохранения работорговли на Северном Кавказе была систематически подогреваемая султанами и шахами панисламская пропаганда объединенной борьбы «правосверных» мусульман с «неверными» — христианами. Об этом красноречиво свидетельствуют фирманы шахов и султанов, адресованные к феодалам Северного Кавказа. В одном из своих посланий на имя цахурского султана, иранский шах призывал «предпринимать, сколько раз будет возможно, набег на кахетинскую Грузию, грабить ее и опустошать, как подобает вашему героизму, и доказать новый залог вашей преданности и приверженности, могущей обратить на вас милостивое наше шахское внимание»⁵⁷. Однако алчным до чужого добра феодалам не всегда удавалось привлечь широкие слои горского крестьянства к участию в нападении на владения Закавказья.

Когда кумыкский правитель Гирей по требованию шаха готов был начать поход на Грузию, народные массы не только не послушались «своего» владетеля, но выступили против него⁵⁸. В связи с этим Гирей был вынужден бежать к шаху и просить у него покровительства.

И все же происходившая в XVI—XVII вв. на Кавказе непрекращающаяся ожесточенная борьба между шахским Ираном и Османской империей не могла не оказать известного влияния на взаимоотношения народов Кавказа.

Перевес той или иной державы, как увидим ниже, приводил к изменению внешнеполитической ориентации феодальных правителей Северного Кавказа, что влекло за собой изменения характера их взаимоотношений между собой и с народами Закавказья. Однако иноземные захватчики оказались не в силах нарушить традиционные связи между народами Северного Кавказа и Закавказья. Будучи взаимозависимы друг

от друга, народы Кавказа развивали между собой жизненно необходимые торгово-экономические связи. Этому способствовала определившаяся у всех северокавказских народов отраслевая специализация сельскохозяйственного производства. Торгово-экономические связи между народами Северного Кавказа и Закавказья осуществлялись по исконно сложившимся путям, по горным ущельям и перевалам. Северный Кавказ связывал с Грузией путь, проходивший из Терского городка по владениям малокабардинских князей Мударовых, по левобережью Сунжи, ущельям р. Терек, на земли Арагвского эриставства и далее по территории Картли на восток в Кахетию. От Мударовых «кабаков» другой путь проходил через ущелье Терека по владениям Хавсы и земле каракалпакцев, Тушети в Панкиси и в Кахети; и еще от Мударовых «кабаков» на Шатгору до Сонской земли и далее в Кахети. В Грузию можно было попасть по дороге от Сунженского острога по ущелью Чанты-Аргуна в Пирикитскую Хевсурети или Пирикитскую Тушети и далее в Кахети; или же от Сунженского острога на Чичкисские, Пешинские, Тарловские «кабаки» в Кахети⁵⁹.

Самой удобной дорогой для кабардинских и дагестанских торговцев с Азербайджаном, Арменией и Грузией была дорога, проходившая через Терский городок, перевоз Кизляр, через переправу на р. Аксай, далее через р. Койсу на Тарки, Буйнак, Дербент, Шемаху, Шеки, Загеми и, разветвляясь, — в Джульфу и в Тифлис. В дагестано-адыгской и кахетинской торговле определенную роль играла дорога, пролегавшая через владения окодных мурз, вдоль Аварского и Черного Койсу в Кахетию или же через равнинные и горные земли шамхальства по маршруту Терки — Тарки — Кабуло-Кумух — Казанище — Казыкумух — Иверская земля.

В зимнее время торговые пути через перевалы закрывались. Главной дорогой становилась Прикаспийская (Тифлис — Шемаха — Дербент — Тарки — Терки — Астрахань, и обратно).

Дербент являлся крупным транзитным пунктом по продаже изделий горских народов грузинским, армянским, азербайджанским и другим восточным купцам. Изготовленные жителями Дагестана, Чечено-Ингушетии, Осетии, Кабарды сабли, панцири и другое оружие, ювелирные изделия из серебра и золота, бурки, ковры и другие предметы ремесленного производства находили спрос у перечисленных купцов Востока.

Постоянными были взаимоотношения населения пограничных районов. Абазины Северо-Западного Кавказа, дидои Северо-Восточного Дагестана в начале года небольшими группами направлялись в Грузию на сезонные работы и возвращались, взяв в уплату зерно, железо, холсты, сукна, соль и др. Вахушти Багратиони писал, что дидойцы «спускаются в Кахетию» по торговым делам, ибо «из Кахетии они вывозили припасы, одежду, все потребное для себя»⁶⁰. Абазины поддерживали самые близкие отношения со своими соседями абхазцами. Особенно оживленной была торговля в Тамани, Анапе, Артской гавани, Туапсе.

Большую роль в торговле между грузинским и адыгским народами играли армяне. Армянские торговцы объезжали адыгские селения, уплачивали пошлины старшинам и князьям за право торговли, обменивали транзитные восточные товары на местные, а затем перепродавали их в Грузию, Азербайджане и на черноморских рынках. Наибольшее число армян, как известно, жили среди темиргоевцев, хатукаевцев, егерухаевцев, бжедугов и шапсугов. Расселившись среди адыгов, армяне занимались не только торговлей, но и земледелием, и скотоводством. Наравне с адыгской знатью состоятельные армяне имели в горах табуны лошадей, стада овец и рогатого скота. Армяне принимали также деятельное

участие в политической жизни местных народов. Очень часто они становились аталками и воспитывали детей местной знати. В связи с этим многие армянские дети становились их молочными братьями. На них распространялось право урков, и поэтому они пользовались покровительством адыгских феодалов. Убийство армян наказывалось так же, как убийство адыгских урков⁶¹.

Постоянными были торгово-экономические и политические отношения северокавказских народов с народами Азербайджана. Однако наиболее тесные отношения с азербайджанцами поддерживали их ближайшие соседи — народы Южного и Юго-Западного Дагестана. Этому в значительной степени содействовала все углублявшаяся хозяйственная специализация. Особую роль в развитии торгово-экономических связей народов Северного Кавказа с Азербайджаном играл Восточно-кавказский сухопутный и морской путь. Расположенные на этом пути крупные торгово-ремесленные центры привлекали многих торговых людей Северного Кавказа. Причем морская торговля, как отмечалось выше, осуществлялась как на судах дербентских, тарковских, так и азербайджанских купцов.

В 1673 г. в Астрахань прибыл армянский купец на судне, нанятом в Тарках вместе с гребцами.

Торгово-экономические связи между Азербайджаном и Северным Кавказом поддерживались также через кратчайший путь, проходящий через горный Дагестан (Чох — Кумух — Чираг — Ахты — перевалы — Северный Азербайджан).

Наряду с этой дорогой на восточных отрогах имелось большое количество перевалов, используемых многими жителями крупных населенных пунктов для торговли в Азербайджане в летнее время.

В Нуху, Шемаху, Ширван и другие населенные пункты Азербайджана горцы пригоняли овец и лошадей, привозили шерсть, кожу, масло, мясо, сыр, а также изделия домашних промыслов: ковры, сукна, войлок, бурки, оружие, гончарную и деревянную посуду, хлопчатую бумагу, марену и др. В обмен приобретали зерно, пряности, соль, шелк, шелковые и хлопчатобумажные ткани, нефть и ремесленные изделия. Торговые люди Азербайджана привозили в Дагестан ширванские, шемахинские ковры, бархат, тафту, покрывала, пояса, шали.

В развитии торговли Азербайджана с Дагестаном и другими народами Северного Кавказа большую роль играли дербентские, шемахинские, ширванские купцы. Для организации торговли, особенно транзитными товарам, они нередко объединялись в небольшие корпорации для совместного плавания по Каспию или для проезда по сухопутной дороге. В Дербенте, Шемахе, Ширване были созданы для купцов специальные караван-сарай, и среди них «лезгикараван-сарай», служившие местом стоянок, ночлега и рынком сбыта товаров и заключения торговых сделок. Азербайджанские товары поступали к другим народам Северного Кавказа через посредничество дербентских купцов и торговых людей Дагестана. Среди всевозможных шелковых и хлопчатобумажных материй, и особенно шелка-сырца, продаваемых в Терский городок, Астрахань и в другие места, значительная часть была азербайджанского производства. Азербайджанские купцы постоянно торговали в Терском городке и в других северокавказских торговых центрах. Эти же купцы везли в обратном направлении товары Северного Кавказа в Азербайджан, Армению и в другие места Закавказья. В торговле Северного Кавказа немалое место принадлежало и армянским купцам, которые обосновались в Шемахе, Баку, Дербенте, Терском городке, Астрахани и в других городах. В бытность Я. Стрейса в Дербенте армянские купцы, учитывая большие выго-

ды от торговли шелком, предложили голландским купцам ввозить через Каспийское море олово, цинк, ртуть, сукно, атлас и другие нидерландские материи и товары, которые можно хорошо и с большой выгодой продать в Дербенте, Шемахе, Ардебиле, а «всю торговлю шелком направить в Голландию; и гораздо лучше и удобнее отправить товары в Голландию Каспийским путем...», заверяя при этом, «что из Гиляна, Ширвана и других окрестных приморских местностей можно будет ежегодно вывозить более 30 тысяч тюков шелка»⁶². Близкое соседство, хозяйственная взаимозависимость, все возрастающие и укрепляющиеся торгово-экономические связи между народами Северного Кавказа и Закавказья способствовали росту взаимовлияния материальной и духовной культур.

Камнерезы Аварии переняли от грузинских мастеров «хопицан», т. е. копьевидный узор, вид орнамента, употреблявшийся в грузинской средневековой резьбе по камню. Ковроделы Южного Дагестана заимствовали ряд рисунков ковра у азербайджанских и армянских мастериц. У народов Северного Кавказа встречаются песни, аналогичные хевсурским, пшавским, тушинским, грузинским и азербайджанским. Много общего также в танцевальном и музыкальном искусстве. Семейный уклад, музыка, танцы и фольклор, особенно горского населения, соседствующего с Грузией и Азербайджаном, развивались под благотворным влиянием культуры этих народов.

Жители Северного Кавказа и Закавказья, как мы видели из предыдущих глав, имели родственные связи. В описываемое время кахетинский царь Леван обвенчался с дочерью шамхала Тарковского. Дочери шамхала были замужем за сыновьями грузинского царя Александра. В 1563 г. царь Имеретин Георгий II женился на дочери адыгского владетеля Русудани. Династические браки положили начало грузинским княжеским фамилиям — Лекишвили, Черкезишвили и др.

Грузинские цари имели личную охрану и войско из представителей северокавказских народностей, и в частности Дагестана, осетин, адыгов.

Послы Кахетии в Москве в 1591—1592 гг. отмечали, что царь Грузии в «любви и дружбе» с крым-шамхалом и что Кумыцкой земли половина с ним. А послы царя Александра в начале XVII в. в Москве также отмечали: «Да с нами же нынеча лезгинские и шевкальские люди все, что с нами быти им в миру, а на шахова стоять задин с нами, на том договор у нас»⁶³.

В 50-х годах XVI в. правитель Мингрелии Даддани заключил мир с черкесами и, по свидетельству Марино Кавалли, нашел, «что с ними иметь дело лучше, чем с турками, потому что черкесам (также) нисколько не улыбалось вторжение в эти места турок, которые в скором времени обобрали бы его и подчинили себе и победителя и побежденного»⁶⁴.

Особенно близкими и систематическими были отношения Грузии и Осетии. Грузинские цари всячески стремились укрепить христианство в Осетии, постоянно посылали туда миссионеров для проповеди христианства и отправления богослужения. Строили храмы, преобразовывали «капища». Грузинские цари подарили также колокола Рекомскому и Дэвгиси храмам. Заинтересованные в безопасном сообщении с Северным Кавказом и Россией, грузинские цари одаривали феодалов, через владения которых проходили перевальные дороги (и особенно осетинских баделят, располагавшихся в Дарьяльском ущелье).

Взаимоотношения Осетии с Грузией особенно укрепились в период правления Вахтанга V и его сыновей, картлийского царя Георгия XI, кахетинского царя Арчила. Вся деятельность Георгия XI, направленная

на организацию борьбы народов Грузии с иранскими захватчиками, находила поддержку у осетинских обществ Алагири, Куртатии и др.

Однако не следует думать, что все народы Северного Кавказа поддерживали одинаковые связи с Закавказьем. Высокогорный Дагестан и Осетия, граничившие с основными хозяйственными провинциями Восточной Грузии—Шида-Кхаети и Шида-Картли, были в наиболее тесных торгово-экономических связях с этими областями Грузии.

Между Чечено-Ингушетией и Восточной Грузией по долинам рек Алазани и среднего течения Куры жили грузины-горцы (мохевцы, хевсуры, тушины, мтиулы, пшавы), которые резко ничем не отличались от своих соседей-вайнахов по типу хозяйства. Пути по р. Аргун, притоку Сунжи, а также по Дарьяльскому ущелью и правым притокам верхнего течения р. Терек связывали вайнахскую территорию с Тушетией и другими землями горных грузин. В смежных с Грузией северокавказских аулах жили семьи грузин, а в грузинских селах проживали дагестанцы, чеченцы, ингуши, осетины, адыги.

С расселением части кистин-бацби в Тушетии, как отмечалось выше, образовались смешанные грузино-ингушские поселения цова-тушин. Поселившиеся в плодородных долинах Тушетии, ингуши, оторвавшись от своей основной территории, много позаимствовали у грузин. Проживание в окружении тушин, пшавов, хевсур привело к возникновению у бацбийцев двуязычия. Одновременно происходило проникновение в их язык целого ряда грузинских слов из различных областей хозяйственной и культурной жизни. Такого рода процессы происходили и в других местах, в частности в Южном Дагестане.

Известно, что население Южного Дагестана пасло свои общественные и частные стада на зимних пастбищах Северного Азербайджана, и это благоприятно сказывалось на возникновении поселений с азербайджанским и дагестанским этническим составом, как в джаро-белокавказских обществах, где в ряде сел проживали представители Дагестана, Азербайджана, Грузии и др. Ряд селений Елисуйского султанства были со смешанным населением. Взаимоотношения народов Северного Кавказа и Закавказья укреплялись и в совместной борьбе против иноземных захватчиков. В период тяжелых испытаний, нашествий завоевателей на помощь закавказским народам приходили горцы Северного Кавказа. Большое число жителей Закавказья в период кровавых походов шахов и султанов уходило в горы и находило там убежище и приют. Некоторые из них навсегда оставались жить среди северокавказских горцев. Освободительная борьба армянского, грузинского и азербайджанского народов ослабляла силы иноземных захватчиков, расстраивала их планы и тем самым способствовала облегчению борьбы горцев Северного Кавказа против войск шаха и султана. В свою очередь, мужественная борьба народов Северного Кавказа за свою независимость и свободу помогала национально-освободительному движению народов Закавказья.

¹ Элия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 56—57.

² КРО. М., 1957. Т. 1. С. 224, 227, 232, 265—266, 309, 384, 387.

³ Ламберги А. Описание Колхиды. 1654 // СМОМПК. Тифлис, 1913. Т. 42. С. 2, 191—192 и карта.

⁴ КРО. Т. 1. С. 120—124, 125; Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650—1652 гг./Изд.

М. Полиевковым. Тифлис, 1926. С. 32—36, 52—54.

⁵ КРО. Т. 1. С. 311.

⁶ Там же. С. 88, 208, 231, 249—250 и след.

⁷ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 167.

⁸ Белокурова С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. (1578—1616 гг.).

- ⁹ *Эвлия Челеби*. Указ. соч. Вып. 2. С. 52—53.
- ¹⁰ Там же. С. 67.
- ¹¹ *Хождение купца Федота Котова в Персию*. М., 1958. С. 70.
- ¹² КРО. Т. 1. С. 169.
- ¹³ АБК. Нальчик, 1974. С. 117.
- ¹⁴ *Эвлия Челеби*. Указ. соч. Вып. 2. С. 56, 65, 69.
- ¹⁵ АБК. С. 64.
- ¹⁶ *Олеарий А.* Описание путешествия Гольштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 499.
- ¹⁷ *Эвлия Челеби*. Указ. соч. Вып. 2. С. 64.
- ¹⁸ Там же. С. 82.
- ¹⁹ Там же. С. 110, 115.
- ²⁰ КРО. Т. 1. С. 99, 121, 160.
- ²¹ *Белокуров С. А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 292—293.
- ²² *Эвлия Челеби*. Указ. соч. Вып. 2. С. 106.
- ²³ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 494.
- ²⁴ *Вахушти Багратиони*. География Грузии. Тифлис, 1904. С. 141.
- ²⁵ ЦСРЛ. М., 1965. Т. 13. 2-я пол. С. 370—374; *Белокуров С. А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 511.
- ²⁶ КРО. Т. 1. С. 41, 125, 417; М., 1957. Т. 2. С. 137.
- ²⁷ Там же. Т. 1. С. 198.
- ²⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 497.
- ²⁹ *Мамакаев М.* Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973. С. 29—30.
- ³⁰ *Белокуров С. А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 588—591; КРО. Т. 1. С. 60; РДО. Махачкала, 1957. С. 193.
- ³¹ РДО. С. 161—164, 200—201; КРО. Т. 1. С. 84—85, 194—197, 260—261.
- ³² *Эвлия Челеби*. Указ. соч. Вып. 2. С. 59.
- ³³ Там же. С. 59, 106.
- ³⁴ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 502—503.
- ³⁵ *Эвлия Челеби*. Указ. соч. Вып. 2. С. 106—107.
- ³⁶ *Белокуров С. А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 292—293.
- ³⁷ КРО. Т. 1. С. 5.
- ³⁸ РДО. С. 70.
- ³⁹ Там же. С. 64.
- ⁴⁰ *Белокуров С. А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 111, 80—82; КРО. Т. 1. С. 63—69.
- ⁴¹ *Эвлия Челеби*. Указ. соч. Вып. 2. С. 107.
- ⁴² См.: *Белокуров С. А.* Указ. соч. Вып. 1.
- ⁴³ ЦГА ДАССР. Ф. 379. Оп. 1. Д. 355. Л. 115—158.
- ⁴⁴ КРО. Т. 1. С. 120, 125.
- ⁴⁵ [*Полиевктов М.*] Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650—1652 гг. С. 32, 117.
- ⁴⁶ *Эвлия Челеби*. Указ. соч. Вып. 2. С. 63, 64.
- ⁴⁷ ЗООИДР. Одесса, 1879. Т. 11. С. 489.
- ⁴⁸ КРО. Т. 1. С. 384—387.
- ⁴⁹ КРО. Т. 2. С. 141—143, 370.
- ⁵⁰ АБК. С. 63.
- ⁵¹ КРО. Т. 2. С. 114.
- ⁵² *Эвлия Челеби*. Указ. соч. Вып. 2. С. 66.
- ⁵³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 19.
- ⁵⁴ *Белокуров С. А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 530—535.
- ⁵⁵ *Эвлия Челеби*. Указ. соч. Вып. 2. С. 82.
- ⁵⁶ РДО. С. 135—137, 139.
- ⁵⁷ АКАК. Тифлис, 1887. Т. 2. С. 1188.
- ⁵⁸ *Веселовский Н. П.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. М., 1895. Т. 2. С. 352—353.
- ⁵⁹ Там же. С. 258. По части этого пути позднее прошла Военно-Грузинская дорога.
- ⁶⁰ *Вахушти Багратиони*. Описание царства Грузинского. Тбилиси, 1941. С. 104. На груз. яз.
- ⁶¹ *Очерки истории Адыгеев*. Майкоп, 1957.
- ⁶² *Стрейс Я.* Три путешествия. М., 1935. С. 232.
- ⁶³ Русские писатели о Грузии. Тбилиси, 1948. Т. 1. С. 20.
- ⁶⁴ *Relazione dell'impero Ottomano di Marino Cavalle // Relazione degli ambasciatori Veneti*. Roma. 1840. Т. 8. Р. 278—279.

Глава XII

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

В МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКЕ

XVI—XVII ВВ.

1. Международная обстановка

Борьба Ирана и Османской Порты за овладение Кавказом. В начале XVI в. только что образовавшаяся Сефевидская держава за очень короткий период объединила под своей властью обширную территорию, простирающуюся от Амударьи и до Ефрата. «*Шах Исмаил*, — писал К. Маркс, — был завоевателем: за 14 лет своего царствования он завоевал 14 провинций...»¹. На господствующее положение в районе Ближнего Востока и Кавказа претендовала в это время и Османская Порта, являющаяся, по словам К. Маркса, «единственной *подлинной военной державой средневековья*»². Агрессивная политика, проводимая этими государствами, неизбежно должна была привести и привела к длительной и кровавой борьбе, тяжелым бременем ложившейся на плечи трудящихся масс обоих государств. Важнейшим объектом этой борьбы являлось Закавказье, территория которого стала одной из главных арен военных действий враждующих сторон.

Северный Кавказ занимал особое место в военно-стратегических планах обоих государств. Османская империя стремилась использовать его территорию, с тем чтобы со стороны Дагестана нанести удар по Ирану. С той же целью Порта рассчитывала установить непосредственные контакты со среднеазиатскими владетелями.

Со своей стороны сефевидский Иран стремился овладеть стратегическими позициями на Северном Кавказе, чтобы разрушить военные планы Порты и нанести непосредственные удары султанским войскам на территории Северного Кавказа.

На стороне Османской империи в Кавказском секторе войны с Ираном выступал ее вассал — Крымское ханство. Конница крымского хана, как увидим ниже, не раз принимала участие в военных действиях в Дагестане и Закавказье, проникая туда либо по суше, по северокавказскому пути, либо через Малую Азию, куда она перевозилась на судах.

Первый поход на Ширван сефевиды предприняли в 1500—1501 гг. Разбитый наголову ширван-шах Фаррух-Ясар погиб, а его владение было завоевано шахом Исмаилом. Однако сын погибшего ширван-шаха, Шейх-шах отказался от повиновения сефевидам. Это вызвало повторный поход шаха Исмаила на Ширван в 1509 г. На помощь Ширвану прибыли отряды горцев Дагестана. Однако измена ряда феодалов, а также численное превосходство сил позволили сефевидам одержать победу³. Ширван-шах был вынужден сложить оружие и покориться шаху Исмаилу.

Однако правители Дербента Яр Ахмед и Ага Мухаммед-бек, полагаясь на неприступность крепости Дербент и на поддержку и помощь других владетелей, отказались покориться сефевидам. В ответ на это в 1510 г. многочисленная кызылбашская армия окружила Дербент. Горожане мужественно защищались, но силы были слишком неравны. Видя безнадежность дальнейшего сопротивления, правители города прекратили неравную борьбу и сдались на милость победителя⁴.

Шах Исмаил в целях укрепления своей власти переселил в разоренный город из Тавриза (Тебриза) 500 семейств, назначил правителем Дербента с титулом султана Мансур-бека. Вслед за этим сефевиды решили подчинить своей власти весь Дагестан.

С этой целью огромная армия сефевидов вторглась в Южный Дагестан. Жители Самурской долины и Табасарана первые приняли удар шахских войск. В течение полутора месяцев кызылбашам не удавалось сломить упорное сопротивление горцев. И все же под натиском во много раз превосходящих сил противника лезгин и табасаранцы вынуждены были прекратить борьбу. Кызылбашаи жестоко расправились с мирным населением Южного Дагестана. Во избежание кровопролития и страшного разорения ряд горских правителей вынуждены были признать номинальную зависимость от сефевидского шаха.

Успехи Исмаила в Закавказье и в Южном Дагестане обеспокоили османов, которые вынашивали планы покорения Кавказа. Начата была подготовка вторжения на Кавказ. Собирались сведения о сефевидах, налаживались связи с феодалами Кавказа. С целью укрепления своего тыла султан Селим I учинил настоящий разгром шиитам подвластных ему территорий⁵. Сосредоточив 200-тысячную армию на границе шахских владений, Оттоманская Порта объявила сефевидов врагами мусульманской религии и под флагом защиты ислама выступила против шаха Исмаила I. В этом походе, писал К. Маркс, принимали участие «все военные силы османов»⁶. 23 августа 1514 г. на Чалдыранской равнине вблизи Маку между османами и сефевидами произошло кровопролитное сражение, в результате которого шах Исмаил потерпел поражение. Этим решили воспользоваться правители Ширвана и Дагестана.

Жители Дербента, Табасарана, все те владения, которые признавали, хотя и номинально, вассальную зависимость, отложились от шаха, объявили себя независимыми.

Однако сефевиды с этим не хотели примириться. Вскоре шах Исмаил I, воспользовавшись создавшейся для него благоприятной обстановкой в результате войны султана Селима I с Египтом, вторгся на Кавказ. В 1517 г. после кровопролитных боев, подчинив своей власти Ширван, шахские войска ворвались в Грузию и подвергли ее страшному разорению. Тогда же шах учинил жестокую расправу с непокорными жителями Дербента и близлежащих территорий Южного Дагестана. Правителем Дербента шах назначил своего зятя Музафар-султана.

В начале 30-х годов XVI в. с новой силой возобновились военные действия между Ираном и Оттоманской Портой. Сефевиды с трудом сдерживали натиск османов. В связи с этим жители Дербента выгнали ставленника сефевидов и отказались платить подати в шахскую казну.

В 1547 г. против шаха восстал его брат, правитель Ширвана Алкас-Мирза. Это восстание нашло широкую поддержку в Дагестане⁷. А когда повстанцы Ширвана потерпели поражение от шахских войск, Алкас-Мирза бежал в сел. Хиналук, а затем к шамхалу казикумухскому.

Позже, воспользовавшись возобновлением военных действий между Ираном и Оттоманской Портой, население Ширвана, Дербента, Кайтага, возглавляемое Бурхан-мирзой и кайтагским удмием Халил-беком, расправилось с наместником шаха и отказалось подчиниться кызылбашам. Для усмирения повстанцев шах направил значительные силы. В битве при Кулгане объединенные силы повстанцев Азербайджана и Дагестана одержали над войсками шаха победу. Но затем под натиском численно превосходящих сил завоевателей были вынуждены отступить в горы Дагестана. Однако в 1549 г. в связи с уходом основных сил кызылбашей

на войну с османами жители Кайтага вступили в Ширван и расправились с шахским ставленником. Успеху освободительной борьбы горцев Дагестана во многом способствовала героическая борьба грузинского народа, особенно в период правления царя Лаурсаба (1534—1538 гг.)⁸.

В первой половине XVI в. крымские ханы неоднократно совершали опустошительные набеги на Северо-Западный Кавказ. «Не проходило года, — свидетельствует Джованни де-Лукка, — в котором бы татары не производили на их страну какого-либо набега»⁹. Эти походы предпринимались не столько для захвата рабов и другой добычи, сколько в надежде укрепиться на Северо-Западном Кавказе, превратив эту территорию в плацдарм своей дальнейшей экспансии на Северном Кавказе. Систематические вторжения войск Порты и Крымского ханства приводили к истреблению жителей и разорению их жилищ. Об одном из таких походов современник писал, что войска хана «всю землю черкасскую воевали и жгли, и жены и дети имали, и животину, и овцы» угнали¹⁰. Однако эти жестокости не дали желаемых результатов. Стремление султана и крымского хана держать адыгов в постоянном страхе и покорности и не допустить их к сближению с Россией привело к совершенно иным результатам. Именно постоянная угроза нашествия иноземных захватчиков была одной из главных причин роста ориентации адыгов на Россию.

В 1554 г. султан Сулейман I Кануни снова вторгся в Азербайджан и овладел Нахичеванью. Но позже, испытывая нужду в снабжении армии продовольствием, предложил Ирану мир. Шах ответил согласием. Начавшиеся переговоры между воюющими сторонами завершились в 1555 г. подписанием в г. Амасии мирного договора, по условиям которого Имеретинское царство, Гурийское и Мегрельское княжества, западная часть южногрузинской области Самцхе-Саатабаго и Западная Армения достались Османской Порте; Восточная Грузия (Картли и Кахетия), восточная часть Самцхе-Саатабаго, Восточная Армения, Шеки, Ширван и Карабах отошли к Ирану. Однако завершивший целую полосу борьбы Ирана и Порты Амасский мирный договор оказался не в состоянии устранить глубокие противоречия между этими государствами.

Новый султан Мурад III (1574—1590), нарушив условия мирного договора 1555 г., возобновил военные действия против Ирана. Перед вступлением на Кавказ султан направил феодальным владетелям Дагестана письмо с требованием выступить против сефевидов¹¹.

Османы нанесли ряд поражений сефевидам, укрепившимся в Северном Азербайджане и Южном Дагестане. Образовав в Ширване и Дербенте беглербегство и оставив здесь гарнизоны, Лала-паша с основными силами вернулся в Анатолию. Узнав об этом, шах Ирана направил свои войска, которые осадили Шемаху. В связи с этим султан направил в помощь осажденным османское войско во главе с тем же Лала-пашой и велел крымскому хану Мухаммед-Гирею идти войной на шаха через Северный Кавказ. В августе 1582 г. крымское войско было доставлено на судах в устье Кубани. Отсюда они двинулись в Дагестан и лишь через 80 дней добрались до Дербента. В 1578 г. на Кавказ вторглась 200-тысячная османская армия под командованием Мустафы Лала-паши.

Проход османо-крымских войск через Северный Кавказ в известной степени облегчался тем, что в это время Русское государство, занятое Ливонской войной, не смогло оказать помощь народам Северного Кавказа. В мае 1583 г. объединенные османо-крымские войска в битве на р. Самур разгромили сефевидов¹².

Успеху войск Высокой Порты и ее вассала крымского хана не в малой степени способствовало и то, что находившееся под гнетом сефевидов

население Ширвана и Дагестана восстало против кызылбашей. Ободренные успехом и надеясь окончательно подчинить своей власти местных жителей, османы стали устанавливать здесь свои порядки и вводить свое управление. Это вызвало ответные восстания местного населения Северного Кавказа, Ширвана и Грузии.

Осман-паша с крымскими войсками неоднократно предпринимал грабительские походы в глубь Дагестана. Горцы с оружием в руках защищали свою свободу. Наиболее крупное сражение горцев с янычарами произошло в 1582 г. В этом бою участвовали объединенные силы татцев, аварцев и даргинцев. Им удалось нанести серьезное поражение османам. Султану пришлось дополнительно направить против горцев огромное войско, которое жестоко расправилось с непокорным населением. Однако османы приостановили дальнейшее наступление: командующему войсками султана Осман-паше было предписано стамбульским двором отправиться с войсками в Крым для «наказания» хана Мухаммед-Гирея за самовольное возвращение в Крым. В пути через Северный Кавказ османские войска подверглись нападению со стороны горцев и гребенских и донских казаков. В 1584 г. Осман-паша был назначен верховным визирем Порты и главнокомандующим войсками, действовавшими в Закавказье против сефевидов. За короткое время османы заняли почти весь Азербайджан с городами Баку, Тебриз и др. В 1585 г. османы предприняли поход в Южный Дагестан, в результате которого подверглись опустошению кюринские аулы. За время военных действий в 70–80-х годах Дербент, Кумух, Хунзах, Согратль и целый ряд даргинских, лезгинских и др. аулов были опустошены. Грузинский посол в Москве сообщил русскому правительству, что в результате неоднократных походов османов город Дербент обезлюдел, а оставшиеся жители обязаны были содержать турецкий гарнизон. В 1585 г. шахским войскам удалось вытеснить османов из Азербайджана. Однако назначенному после смерти Осман-паши главнокомандующему османскими войсками Фархад-паше удалось в 1588 г. нанести ряд поражений сефевидам.

В начале 90-х годов XVI в. жители Южного Дагестана совместно с кубинцами Азербайджана вновь выступили против османов. Около с. Абад в местности Пилас произошло кровопролитное сражение, в котором войско султана потерпело поражение. Ахмед-паша, разгневанный этим поражением, снарядил большую карательную экспедицию в Кубу. Горцы оказали ожесточенное сопротивление, но перед численно превосходящими силами противника вынуждены были отступить.

Чтобы укрепить свое положение и держать местное население под постоянной угрозой, а следовательно, и в повиновении, османы заложили крепость в с. Кусары, снабдив ее большим гарнизоном. Одновременно Оттоманская Порта вела деятельную подготовку к захвату Северного Кавказа. Она замыслила даже на Тереке город «ставить и приготовленоде у них для этой цели на одной тысяче телегах железа для городского дела»¹³.

Тем временем, терпя поражение за поражением, шахский Иран вынужден был в 1590 г. заключить с Османской империей униженный мир. По условиям Стамбульского мирного договора почти все Закавказье и Южный Дагестан подпали под власть османов. Высокая Порта достигла наибольших успехов на Кавказе. Османы укрепили Дербент и ряд городов Азербайджана, стали создавать на Каспийском море свой флот. Все это делалось с той лишь целью, чтобы превратить район Дербента в плацдарм агрессии в Дагестане и на Северном Кавказе. Захват Портой Закавказья и Южного Дагестана ухудшил внешнепо-

литическое положение народов Северо-Восточного Кавказа и обострил внутреннее положение, так как османы, вмешиваясь во внутренние дела народов Северного Кавказа, натравливали одни владения на другие.

Северный Кавказ во внешней политике западноевропейских держав. В орбиту международных отношений, развивающихся вокруг Кавказа в течение XVI—XVII вв., в той или иной мере включались государства Центральной и Западной Европы. В частности, довольно активную роль в этом играло Польско-Литовское государство (Речь Посполитая). Правительству этого государства было выгодно продолжение войны между Ираном и Портой, которая главным образом происходила на территории Кавказа, так как это в значительной степени ослабляло или на определенное время даже вовсе прекращало экспансию Османской империи и его вассала — крымского хана против польских территорий.

Правящие круги Польши были заинтересованы в обострении политических взаимоотношений между Портой и Россией, поэтому они не шли на заключение военного союза с Россией против Османской империи и Крыма. Более того, в Польше рассматривали султана и крымского хана потенциальными союзниками в своей борьбе против России за украинские и белорусские земли. Вот почему правящие круги Речи Посполитой, заигрывая с султаном и ханом, подогревали их агрессивные устремления, толкали их на выступление против России и ее союзников на Кавказе — адыгов и других горских народов. В этом отношении особенно преуспевали польские короли Сигизмунд-Август и Стефан Баторий. Аналогичной политики придерживалась и Австрийская империя Габсбургов. Постоянно испытывая на себе давление Порты, австрийские императоры были заинтересованы в том, чтобы султан ввязался в новую войну с Ираном или Россией.

Лишь в редких случаях Австрия и Польша шли на антиосманский союз с Россией, как это было, например, в конце XVII в.

Что касается Англии и Франции, то в рассматриваемый период они поддерживали с Османской империей в целом дружественные отношения и, соперничая с Австрией (особенно Франция), не были заинтересованы в чрезмерном ослаблении Высокой Порты. Характерна в этом отношении их позиция во время Карловицкого конгресса (1698 г.), собравшегося для заключения мира между Османской империей и «Священной лигой» (Россия, Австрия, Венеция, Речь Посполитая и др.). Англия, официально выступая посредницей на конгрессе, сделала все возможное, чтобы значительно смягчить условия мирного договора в пользу Османской империи.

Будучи заинтересованы в делах Кавказа, английские и французские послы, торговые и политические агенты в Иране и в Порте зорко следили за происходившими на Кавказе событиями и систематически докладывали своему правительству обо всем, что там происходило.

Политика России на Северном Кавказе. Образование Русского многонационального централизованного государства имело огромное значение не только для истории самого русского народа, но и для всех народов нашей страны. С расширением его юго-восточных границ в результате присоединения Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.) территория России вплотную подошла к Северному Кавказу. С этого времени стали налаживаться и укрепляться прочные связи народов Северного Кавказа с Россией. Русское правительство, заинтересованное в укреплении своих юго-восточных границ, охотно шло на сближение с владетелями Север-

ного Кавказа. Северный Кавказ интересовал Россию еще и потому, что именно через эту территорию проходил ряд военно-стратегических и торговых путей, имевших важное экономическое и политическое значение. Прежде всего вдоль всего Каспийского побережья Кавказа пролегал южный (сухопутный) отрезок старинного Волжско-Астрахано-Ширванского пути, который связывал Восточную Европу, и в первую очередь русские земли, с Ираном и некоторыми другими странами Ближнего и Среднего Востока. Вдоль Каспийского побережья Кавказа проходил и приморский отрезок Волжско-Каспийского пути.

С этим путем непосредственно была связана вторая важная военно-торговая магистраль, соединявшая Каспийское побережье Кавказа с Черноморско-Азовским. Это — собственно Северокавказский путь, пролежавший по линии Темрюк — Пятигорье — Эльхотово — Тарки — Дербент. Последний участок этого пути совпадал с Дагестано-ширванским участком Волжско-Астраханского пути.

Во время ирано-турецких войн XVI—XVII вв. османские и крымские войска не раз проходили по этому пути, и поэтому в источниках того времени он нередко именуется «Османской дорогой».

В центральнокавказском секторе Северокавказского пути от него ответвлялись три дороги в Центральное Закавказье. Одна из них по ущелью Терека вела через Северную Осетию в Картлийское царство, вторая, через ингушские «землицы» по верховьям р. Ассы вела в Картли и Кахети, а третья дорога пролегла по р. Аргун (через чеченские «землицы») и по Алазаянской долине через Тушетию вела в Кахетинское царство.

По мере обострения международных отношений вокруг Кавказа политическое значение дорожных магистралей, проходивших через Северный Кавказ, постоянно возрастало.

Поэтому Россия принимает все меры, чтобы установить свой контроль над северокавказскими торговыми путями, чего окончательно она достигает лишь ко второй половине XVII в. Важную роль в этом сыграла система военных крепостей России на Восточном Кавказе (в первую очередь Терский городок в устье Терека), а также активная деятельность терско-гребенского казачества. Все это, однако, шло вразрез с планами и намерениями Османской империи, которая уже вступила в вооруженную борьбу за завоевание Кавказа. Положение осложнялось еще и тем, что не менее агрессивный шахский Иран стремился прибрать к своим рукам Закавказье и Дагестан, выйти на Волжско-Астраханскую магистраль, установить свое безраздельное господство на Каспийском море, лишить Османскую империю и Крымское ханство возможности осуществления непосредственных связей с Бухарским ханством и другими среднеазиатскими владениями.

В рассматриваемый период наибольшую опасность для России представляли Османская империя и Крымское ханство. Что же касается Ирана, то интересы его резко противостояли политике указанных государств, и поэтому сефевиды на определенном этапе объективно становились даже союзниками Русского государства.

В этой чрезвычайно сложной обстановке национальные интересы России вынуждали ее активизировать свою политику на юге, требовали решения ряда неотложных задач, и прежде всего обеспечения обороны южных и восточных границ от нападения Крымского ханства и Оттоманской Порты, обеспечения себе выхода по Волжскому пути в Каспийское море, укрепления политических связей с феодальными владетелями Кавказа.

В плане реализации этих задач Русское государство активизировало

политику в бассейне Волги и Северного Кавказа. Важнейшим результатом всего этого было добровольное присоединение в 1557 г. адыгов к России. Достижению этих успехов внешней политики России благоприятствовала сложившаяся в регионе международная обстановка, и прежде всего долготелая война шахского Ирана с Высокой Портой.

Однако установление между Ираном и Османской империей относительно мирных взаимоотношений, а затем начавшаяся в 1558 г. изнурительная Ливонская война, затянувшаяся на четверть века, привели к заметному снижению активности Русского государства на Кавказе. В итоге население Северо-Западного Кавказа надолго попадает в сферу политического влияния султана и крымского хана. Однако позиции России в Кабарде остались прочными. Огромную роль в защите южных рубежей России и в укреплении хозяйственных и политических связей с народами Северного Кавказа играли, как увидим ниже, возникшие первоначально как поселения русских беглых людей казачьи городки на Дону и Северном Кавказе.

С целью еще большего укрепления своих позиций на Северном Кавказе русские власти по просьбе кабардинских владетелей возвели на Терек, у впадения в него р. Сунжи, крепость с постоянным гарнизоном и артиллерией. Факт строительства этой крепости Порты использовала как один из поводов для развязывания в 1569 г. войны против России. Начиная войну, султан преследовал далеко идущие цели. Он не достиг главного — завоевания Астрахани, но османам удалось добиться ликвидации Терской крепости, которая сыграла важную роль в деле обеспечения стабильности русских позиций в Кабарде. Впоследствии крепость у слияния р. Сунжи с Терекон неоднократно восстанавливалась, играя в каждом случае важную роль в сохранении политического равновесия на Северном Кавказе.

Вооруженное вмешательство во внутренние дела северокавказских владений султана и его вассала крымского хана, с одной стороны, и сефевидских шахов — с другой, крайне осложняло обстановку на Северном Кавказе. По существу, он на многие годы стал ареной военных столкновений и дипломатической борьбы борющихся за гегемонию в данном районе государств.

Недовольный сближением адыгов с Россией, крымский хан еще в 1553—1554 гг. предпринял опустошительный поход, после которого он хвастливо писал польскому королю Сигизмунду-Августу, что вернулся из похода на пятигорских черкесов «з добычею великою»¹⁴.

Но когда стало известно о готовящемся новом походе татар против черкесов в марте 1555 г., в Москве было принято решение послать «на крымские улусы» 13-тысячное русское войско во главе с боярином И. В. Шереметевым¹⁵. Целью этого похода было, писал князь А. М. Курбский, отвлечь крымского хана от похода «на землю черкесов пятигорских», куда тот пошел «воевати» «со всеми силами своими»¹⁶.

В Москве хорошо понимали значение Северного Кавказа, и в частности Кабарды, в защите своих южных границ от посягательств Крымского ханства и Оттоманской Порты. Поэтому русское правительство неукоснительно выполняло свое обещание о «береженье» черкесов от крымского хана. Когда в 1556 г. хан снова «пошел... на черкесы на пятигорские», русские войска под предводительством Ржевского появились на Днепре под Ислам-Керменом и заставили татар вернуться в Крым. Действия русских войск на Днепре позволили черкесам в 1556 г. со стороны Таманского полуострова освободить от османов крепости Темрюк и Тамань.

В 1560—1561 гг. русские войска вместе с кабардинцами предприняли ряд серьезных военных акций против крымских ханов, вызвавших беспокойство не только султана, но и польского короля.

Однако положение на Северном Кавказе осложнялось еще и тем, что в это время между дагестанским шамхальством и кабардинскими владельцами шла упорная борьба за первенство на Северном Кавказе. Кабардинские князья в своем устремлении раздвинуть территориальные границы, расширить свое влияние встречали противодействие со стороны шамхала Дагестана, который, в свою очередь, старался отодвинуть границы своего владения и подчинить своей власти соседние народы. Шамхал смотрел на кабардинских князей как на своих наиболее опасных противников на пути достижения желанных целей. Существующие между шамхалом и кабардинскими князьями противоречия еще более усугублялись подстрекательской политикой Порты и Крымского ханства.

Последовательную поддержку Кабарды Россией шамхал рассматривал как нежелательное усиление соперника, что не могло не усложнять взаимоотношения шамхала с Россией. Однако изменение внешнеполитической обстановки в связи с продолжавшейся Ливонской войной внесло в 60-х годах XVI в. некоторые коррективы в русско-крымские отношения. Для налаживания этих отношений между Россией и Крымом были начаты переговоры. В связи с этим русское правительство отказалось от активизации своей политики на южных рубежах государства.

Приостановкой русским правительством активных действий на юге не преминули воспользоваться и Крым, и Порта. Они предприняли ряд разорительных походов в Черкессию.

В это время Русское государство продолжало традиционные связи с Кабардой. Укрепление кабардино-русских отношений, строительство на Тереке крепости имели огромное значение для всего Северного Кавказа. Сближение Кабарды с Москвой шло вразрез с планами Крыма и Порты. Крымского хана особенно беспокоило, что русская крепость будет мешать обычным набегам татар на Кабарду и «ответет от Крыма подручных хану и султану черкесов». Беспокоило хана и то, что примеру Кабарды могут последовать и другие владения Северного Кавказа. А Россия, утвердившись на Северном Кавказе, после победы над Литвой и Польшей может взяться за Крымское ханство. Эти опасения подогревал польский король, советуя хану крепить союз, направленный против Москвы.

В сентябре 1567 г. хан, указав, что «черкасы хандыкерену (т. е. султанскому.— Авт.) величеству и нам подручны» (хотя хан хорошо знал, что кабардинцы за 10 лет до того приняли подданство Русского государства), потребовал, чтобы русский «царь не ставили город на земле черкесской и шамшальской и, если он хочет сохранить мир и дружбу с Крымом, снести Терский город»¹⁷. Не удовлетворившись этим, крымский хан совершил в 1567 г. новый грабительский набег на Кабарду.

Османская империя, преследуя далеко идущие цели, всеми имеющимися средствами добивалась уничтожения русского города на Тереке и прекращения сношений Кабарды с Москвой. Кабардинские князья, заявив султану, «наши холопы, кабардинские земли искони вечные наши бывали, а ныне в Кабардинской земле город поставлен», который-де мешает свободному проезду¹⁸.

В 1569 г. Оттоманская Порта и Крымское ханство предприняли поход на Астрахань. Задуманный как крупное мероприятие, этот поход оказался безуспешным. Разбитые русскими отрядами османские и татарские войска вернулись в Азов. В то же время отряд наследника крымского хана Алди-Гирея вступил в Кабарду, где у князя Темрюка был

«со царевичем бой»¹⁹. В итоге после боя Алди-Гирей вынужден был повернуть вспять.

Наличие крепости и русских отрядов на Тереке, а также союз России с северокавказскими владетелями не позволили Высокой Порте и Крымскому ханству прибрать к своим рукам Северный Кавказ. Если бы Россия своевременно не предприняла оборонительных мер на Северном Кавказе, османы и крымские татары из-под Астрахани непременно приступили бы к завоеванию Кабарды и всего Северного Кавказа.

Правящие круги Оттоманской Порты и Крымского ханства не оставили мысли о захвате Астрахани и покорении Северного Кавказа. Посланник крымского хана Девлет-Гирей при переговорах в Москве в начале 1570 г. заявил: «А только деи царь и великий князь дает мне Астрахань, и яз до смерти на царевы и великого князя земли ходити не стану, а голоден де не буду — с левою деи мне сторону литовский, а з другую сторону черкасы, и яз деи стану тех воевати, тамо деи яз и сытнее того буду»²⁰. Это предложение было нарушено в тот же год. Весной того же, 1570 г. крымский хан вновь вторгся в Кабарду, а в 1571 г. он совершил поход на Москву и сжег ее²¹. Вслед за этим крымский хан потребовал от Ивана Грозного отдать ему Казань и Астрахань и снести городки на Тереке. Россия, будучи занята Ливонской войной и не желая еще более обострять отношения с Османской империей и Крымом, порешила «город с Терки-реки... снести ... и людей своих вывести в Азсторохань» и обещала султану разрешить беспрепятственный проезд его людям через Северный Кавказ²². Однако снесение крепости на Тереке не означало отказа Русского государства от дружеских взаимоотношений с Кабардой. Это было только временной уступкой Порте.

Возобновившаяся в 1578 г. война Османской империи с Ираном, переброска войск султана по северокавказскому пути, успехи османов в Южном Дагестане и в Закавказье создали большую опасность для Северного Кавказа и Юга России.

В 1584 г. османы снова задумали захватить Северный Кавказ. Однако перемирие, заключенное Россией на Западе, стабилизация позиции Ирана и переговоры иранцев с Россией о союзе охладили пыл правящих кругов стамбульского двора. Оттоманская Порта ясно представляла, что в сложившейся обстановке для успешной борьбы с шахским Ираном ей крайне необходимо было сохранение мирных отношений с Русским государством.

В начале 90-х годов XVI в. позиции России на Северном Кавказе еще больше укрепились. На р. Сунже, на месте, где ранее существовал Терский городок, была возведена новая крепость. В связи с этим в 1591—1592 гг. крымский хан предпринял походы на Русь. Однако ни султан, ни хан уже не в состоянии были заставить русское правительство снести воздвигнутую на Северном Кавказе новую крепость. Основывая свои позиции на Северном Кавказе, царь Федор Иванович в грамоте к султану Мураду III 6 июля 1594 г. писал, что кабардинские земли, «горские черкасы», шамхалы являются холопами русских царей, что крепости «в кабардинской земле и в шевкальской», «на Тереке и на Сунже города поставлены по их челобитию и людей своих в тех городах устроили для береженья». Однако царь обещал пропускать османов через русские крепости и кабардинские земли в Дербент, Шемаху, Баку и другие города «безо всякого задержанья и зацепки и дорогу ... ратным и торговым людям через кабардинскую землю отворити велели»²³.

Таким образом, османы в XVI в. хотя и достигли значительных успехов в борьбе с Ираном в Закавказье, но не сумели укрепиться на Север-

ном Кавказе и подчинить своей власти его народы. Ведущую роль в сохранении независимости народов Северного Кавказа сыграла Россия. Несмотря на внешнеполитические осложнения, долговременные войны на Западе, разорительные набеги войск султана и крымского хана на Россию, твердая политика Москвы не позволила агрессивным державам прибрать к своим рукам Северный Кавказ. Русские крепости и находящиеся на Северном Кавказе русские войска, а также терские и донские казаки служили надежной защитой против осmano-татарских войск. В то же время мужественное сопротивление, оказываемое широкими народными массами войскам султана, хана и шаха, со своей стороны содействовало успехам восточной политики Русского государства.

2. Борьба народов Северного Кавказа за свою независимость

Война Ирана и Порты в первой половине XVII в. и Северный Кавказ. В конце XVI — начале XVII в. иранский шах Аббас I (1587—1629 гг.) провел в стране ряд административных и военных реформ, которые, подорвав силу кызылбашской знати, укрепили центральную власть и в какой-то степени упорядочили финансы. Особое внимание при этом было обращено на армию. С помощью английских военных инструкторов была создана новая регулярная армия, значительная часть которой была вооружена огнестрельным оружием и даже артиллерией.

Увеличив таким образом боевую мощь своего государства, шах Аббас I, используя благоприятную для себя обстановку (войну Порты с Австрией в 1603 г.), возобновил военные действия с султаном. В связи с этим Кавказ снова превратился в арену ожесточенных столкновений. Пройдя огнем и мечом Закавказье, шахские войска вытеснили османов из Азербайджана и Дербента, Восточной Грузии. При этом шах Аббас I проявил невероятную жестокость. «Перед его бесчеловечностью, — свидетельствовал англичанин Хэйнвей, — тускнеет слава»²⁴. Правителем Шемахи был назначен Зульфигар-шах Караманлы. В юго-восточной части Северного Кавказа было образовано Дербентское наместничество. Таким образом, господство османов было заменено не менее жестоким игом Ирана. Укрепившиеся в Дербенте шахские военачальники не прекращали попыток подчинить своей власти весь Дагестан. Все это не могло не обострить политической обстановки на Северо-Восточном Кавказе. Народы Дагестана, над которыми нависла реальная угроза иранского поглощения, естественно, не могли не искать покровительства сильной державы. В грамоте, присланной терским воеводам, царь Грузии Александр писал: «Да с нами же нынеча лезгинские и шевкальские люди де били челом и хотят быть в вековых холопах под его царскою рукою»²⁵.

Успехи иранского шаха Аббаса I в борьбе с османами и его стремление укрепиться в Дагестане не могли не беспокоить и Россию.

Вскоре, однако, шах, оставив гарнизоны в городах Закавказья, вернулся в свою новую столицу Исфаган. Этот маневр шаха усыпил бдительность и в какой-то степени ослабил опасения владетелей Дагестана. Они полагали, что шах, вытеснив из Закавказья и Южного Дагестана османов, добился своей цели на Кавказе. Но шах Аббас I думал иначе. Основательно укрепившись в Дербенте, он открыто стал претендовать и на Дагестан. Первоначально под предлогом борьбы с суннитами шахские военачальники стали изгонять из Дербента и его окрестностей всех тех,

кто придерживался суннитского толка, а на их место переселять из Ирана шиитов. Тогда же в пограничные с Дагестаном районы были переселены тюркоязычные падары. Все это, как и следовало ожидать, вызвало недовольство народных масс. Обстановка все более и более накалялась.

В 1607—1608 гг. произошло первое вооруженное столкновение горцев Дагестана с шахскими войсками. Поводом послужила попытка иранского ставленника в Ширване захватить у владетелей принадлежащую Табасарану небольшую территорию в Шабране. В этом бою владетель Табасарана потерял убитыми значительное число воинов. Однако на этом борьба не кончилась. В 1610—1611 гг. произошло новое кровопролитное сражение между войсками шаха и табасаранцами. Хорошо вооруженные шахские войска оказались сильнее. Однако расправа сефевидов с отрядами табасаранцев возмутила всех дагестанцев. Они стали готовиться к решительным схваткам.

Тем временем шах Аббас I, добившись значительных успехов в войне с Портой, решил перейти к завоеванию Дагестана. С этой целью он вторгся в Дагестан. В 1611—1612 гг., пройдя Южный Дагестан, сефевиды выступили против жителей союза сельских обществ Акуша-Дарго, но встретили в Дагестане упорное сопротивление. Чуть ли не каждое селение им приходилось брать с боем. Особенно кровопролитными были многодневные бои у с. Урахи, Усища и др. Таким образом, шахским войскам не удалось решить основной задачи. Более того, под напором горцев они вынуждены были отложить покорение даргинских обществ до лучших времен.

Однако в войне с Портой шахские войска добились значительных успехов. В 1611—1612 гг., после ряда поражений в Закавказье, османы несколько раз пытались запросить мир. В 1612 г. между Ираном и Османской империей был подписан мирный договор, который в основном подтвердил условия Амасского договора 1655 г. Ободренный успехом шахский Иран в 1613 г. приступил к покорению Кавказа. В начале 1614 г. многочисленное войско Ирана во главе с самим шахом Аббасом I вторглось одновременно в Грузию и Дагестан. Однако желанных успехов шахские войска в 1614—1615 гг. в Кайтаге и Табасаране не достигли. Но они жестоко расправились с Кахетией: было убито 100 тыс. кахетинцев и столько же угнано в Иран. Вскоре после этого стало известно, что шах Аббас «хочет итти войною на Кумыцкую землю и на кабардинских черкас». При этом он хвастливо заявил, что «ту де сторону очистил до Чернова моря, а сю де я сторону очищу и до Крыма».

Несмотря на угрозы шаха, «кумыцкие де ... люди», по словам сотника Лукина, заявили, что «им шах Басу не бивати челом и ему не служивати. А как де на них пойдет, и им де всем против его стояти головами своими, а в землю его не пустити»²⁶. В 1614 г. Аббас I приказал шемахинскому хану Шихназару подготовить к подходу в Дагестан 12 тыс. человек, чтобы захватить Терки и «посадить» в нем послушного шаху «князя Гирея царем», а «кумыцкую землю соединачить с Шемахою и с Дербенью вместе»²⁷. Распространившаяся на Кавказе весть о намерениях иранского шаха сильно встревожила жителей Дагестана. На кумыцких князей и мурз нашел «великий страх», а помощи «кумыцкие люди все ждали» из Москвы. Одновременно предполагалось направить шахские войска из Грузии через Северную Осетию и Кабарду. При удачном стечении обстоятельств шах намеревался построить крепость на Тереке и на Койсу и поселить в них свои гарнизоны, с тем чтобы держать Северо-Восточный Кавказ под своей властью. Угрозами и посулами шаху Аббасу удалось привлечь на свою сторону одного из кабардинских кня-

зей — Мудар Алкасова, владения которого тянулись до входа в Дарьяльское ущелье. В 1614 г. князь ездил к шаху, вернулся «с шахскими людьми» и по приказу шаха перевел свои «кабаки» на грузинскую дорогу и укрепил их «надолобами», чтобы «шах Басовым был людем тою дорогою ездите было бесстрашно»²⁸. Видя все это, «князья и мурзы,— по словам современника,— были от него (шаха Аббаса.— *Авт.*) в страховании». Узнав о планах и намерениях шаха, русское правительство отправило в Иран гонца с требованием, чтобы шах Аббас с Россией «дружбе и братству помешки не чинил, нелюбья всчинал, на кабардинскую и на кумыкскую землю не вступал» как на земли русских подданных²⁹.

В 1616 г. в Закавказье между Ираном и Османской империей возобновились военные действия, которые с небольшими перерывами продолжались до 1639 г. Оттоманская Порта, как и в предыдущие годы, пыталась организовать поход войска крымского хана через Северный Кавказ в тыл шахским войскам. С целью привлечь на свою сторону северокавказских владетелей и тем самым обеспечить свободный проход для своих войск, султан направил щедрые подарки и грамоты владетелям и Шолоховой, и Казиевой Кабарды. В 1616 г. в Казиеву Кабарду прибыло 3-тысячное войско крымского хана, однако продвинуться дальше оно не смогло. Не удалось султану провести на театр военных действий войска крымского хана через Северный Кавказ и в 1619, 1629 и 1635 гг. Русские укрепления на Тереке, закрывавшие Дагестанскую дорогу, а также последовательная и принципиальная внешняя политика России не позволили османам осуществить намеченные походы. Султан был вынужден перевозить крымские войска в Закавказье по Черному морю на кораблях. Однако правящие круги Порты и Крымского ханства не хотели терять свои позиции на Северном Кавказе и, используя феодальные междоусобицы, постоянно вмешивались во внутренние дела Кабарды и других владений. Якобы для поддержки враждующих группировок крымские ханы совершали походы в 1616, 1629, 1631 гг. в Кабарду. Ни султана, ни хана не оставляла мысль привлечь на свою сторону владетелей Северного Кавказа. В 1638 г. к владетелям Кабарды, ногайцев и кумыков были отправлены эмиссары султана и хана с богатыми подарками и деньгами. Эмиссары должны были уговорить северокавказских владетелей принять участие в их борьбе на Кавказе. Но и эти меры не имели успеха.

Как только был подписан договор с Портой (1618 г.), шах Аббас приступил к покорению Грузии и Дагестана. В 1619 г. по его приказу войска дербентского султана вступили в приморский Дагестан и заставили Султан-Махмуда Эндереевского признать власть шаха.

В 1620—1621 гг. войска Бархудар-Султана дербентского и шемахинского правителя Юсуп-хана совершили поход в Самурскую долину Южного Дагестана, захватили и разрушили с. Ахты. Вступивший после смерти Аббаса на шахский престол Сефи I (1629—1642 гг.) продолжил агрессивную политику своего предшественника. Он задумал покорить Восточный Кавказ, создать здесь крепости на Сунже, Елецком городище и на Татартупе, т. е. у верховьев Терека, почти у самого Дарьяла. Причем по его планам в возведении крепости и Елецкого городка должны были принять участие вместе с отрядами, предводительствуемыми Шагин-Гиреем, и жители, подвластные шамхалу и удмию, а также 15 тыс. ногаев Малой Орды. Территорию эту должен был обезопасить 10-тысячный отряд шахских войск. В случае необходимости предполагалось отправить на Северный Кавказ 40-тысячную армию. Однако эти планы шаха не встретили поддержку феодальных владетелей Северного

Кавказа. Шамхал Ильдар, имея в виду строительство крепости у Елецкого городища, прямо заявил, что «земля де тут государева, а не шахова». Уцмий Кайтага решительно отказался выделить 200 топоров и столько же телег с людьми для участия в возведении крепости. Отрицательно отнеслись к планам шаха владетели Эндереевский, аварский хан, кабардинские князья.

Шах Ирана, будучи занят войной с Портой, не решился начать военные действия на Северо-Восточном Кавказе, но сумел нанести ряд ударов султанским войскам. Потерпев поражение на поле боя, Османская империя в 1639 г. заключила с шахским Ираном мирный договор, который подтвердил условия договора 1612 г. Значительная часть Армении, Восточная Грузия, Азербайджан и часть Южного Дагестана подпали под власть шаха. Многолетние войны между османами и сефевидами, сопровождавшиеся безудержным грабежом местного населения, разрушением производительных сил края, истреблением и угоном в неволю тысяч людей, для народов Кавказа сыграли роковую роль, затормозили их поступательное развитие.

Стремление Ирана покорить Дагестан. Победоносное завершение войны с Османской империей развязало руки шахскому Ирану. Теперь шах Сефи I мог приступить к осуществлению давней мечты — покорению Дагестана. Для этого он полагал достаточным занять важнейшие в стратегическом отношении пункты, поселить там достаточное число своих войск. Над народами Дагестана вновь нависла реальная угроза иноземного поглощения. В этой крайне сложной обстановке большинство феодальных владетелей Дагестана решили обратиться за помощью к русскому правительству, добываясь покровительства и принятия в подданство России.

Захват Дагестана шахским Ираном был не в интересах России. В 1642 г. русское правительство твердо заявило послу Ирана в Москве Аджибеку, что «царскому величеству самому то надобно, чтобы на Койсе и Терках города поставить, потому что та земля царского величества», а «кумыцкие люди вечные холопы царского величества»³⁰. Это в значительной степени охладило пыл шаха Ирана.

Преемник Сефи I, шах Аббас II (1642—1667 гг.), решил осуществить то, что не удалось его предшественнику. Он начал с того, что стал вмешиваться во внутренние дела горских феодалов Северо-Восточного Кавказа, пытаясь изгнать неудобных ему владетелей и на их место посадить своих людей. В 1645 г. шах Аббас II решил силой сместить уцмий Кайтага, который был «непослушен» ему и придерживался просултанской ориентации. Для этого в Кайтаг был направлен отряд шахских войск, однако уцмий Рустам-хан нанес ему поражение. Разгневанный неудачей, шах Аббас II направил в Дагестан усиленный отряд, который занял Кайтаг и «недруга своего прежнего усмея... со владения ево согнал», и на уцмийский престол возвел Амир-хан Султана. Чтобы закрепить в уцмийстве, а затем и расширить агрессию, шах намеревался воздвигнуть крепость в с. Башлы.

Феодальные владетели Дагестана, напуганные событиями в Кайтаге и хорошо сознавая, что им в отдельности не устоять перед силой шаха, вновь обратились за помощью к России. Эндереевский владетель Казаналип в письме к царю Алексею Михайловичу писал: «Яз [с] кызылбашским и с Крымом, из с турским не ссылаюсь, холоп ваш государев прямой. Да бяю челом вам, великому государю: только учнут меня теснить кызылбашеня, или иные наши недруги, учнут на нас посягать, и вам бы,

великому государю, велеть меня дать на помощь астраханских и терских ратных людей и Большому Нагаю помогать»³¹.

Русское правительство сконцентрировало на Тереке значительные воинские силы и потребовало от шаха вывода войск из Дагестана. Не желая вступать в открытую борьбу с Россией, шах возвратил свои войска в Закавказье. Это еще больше подняло престиж русского правительства на Кавказе и усилило ориентацию народов Дагестана на Россию. Феодалы владетели наперебой стали добиваться русского покровительства, и многие, как увидим ниже, были приняты в подданство России. Даже ставленник шаха уцмий Амир-хан Султан обратился к русским властям. Уцмий писал терскому воеводе, что он «будет под ево царскою и шах Абасова величества рукою в опчем холопстве» и, если шах позволит, он «со всем своим владением ему, великому государю, правду свою даст, за все свое владение тотчас на Куране шерть учинит, и послов своих к царскому величеству бити челом государю пошлет, и потому же будет в повеление под его царскою высокою рукою вечном неотступном холопстве до смерти своей»³². Понятно, что шах не мог смириться с этим и оставить свою заветную мечту покорения Дагестана, да и всего Северного Кавказа.

После долгих приготовлений в 1651—1652 гг. шах направил значительные силы во главе с Хосров-ханом Шемахинским для захвата Сунженского городка. К этому походу были привлечены крупные отряды из Дербента и Шемахи. Под угрозой расправы в походе вынуждены были принять участие и уцмий Кайтага Амир-хан Султан, шамхал Сурхай и Казаналип Эндереевский. Однако занять Сунженский городок им не удалось. Захватив добычу («лошадей с 3000, да верблюдов с 500, да рогатой животины с 10 000, да овец с 15 000»³³), шахские войска отступили в Дербент. Объясняя свое участие в походе шахских войск, владетели Дагестана в письме к русским властям писали, что они выступили против подданных кабардинских князей, обижавших их. «А у нас з друзьями с русскими людьми дурна не было» и поэтому «русским людям ни единому человеку и носа не окравили и ни одной соломинны не тронов здорово выпустили для того, что с русскими людьми у нас недружбы не было»³⁴. Но и после этого шах Аббас II не отказался от планов покорения Северо-Восточного Кавказа. С этой целью в Дербент собрались «8 ханов с кызылбапскими ратными людьми для нападения на русские крепости»³⁵. На захваченной территории Дагестана шах Аббас II намерен был построить у Терков и у Соленого озера (Тузлук) крепости, поселить в каждой из них по 6 тысяч «ратных людей»³⁶. К строительным работам намечалось привлечь местное население. Однако и этому замыслу шаха не суждено было осуществиться.

И тем не менее шах Аббас II не переставал вмешиваться во внутренние дела феодалов Дагестана. Он инспирировал феодалыне междоусобицы, рассчитывая таким путем поставить правителями владений угодных и послушных ему феодалов. Пересылал в Дагестан фирманы с признанием их владельческих прав. До нас дошли такого рода фирманы, адресованные владетелям Кайтага и Цахура. Не скупился шах и на щедрые подарки. Владетели Дагестана охотно принимали грамоты и всякого рода подарки шаха, но в остальном вели независимую политику. Современники даже полагали, что Иран выплачивал определенную субсидию владетелям Дагестана, чтобы они не беспокоили закавказские территории шаха. Современник событий англичанин Д. Хэйнвей писал: «Шах Аббас II, вступив на престол, заключил с ними (жителями Дагестана.— Авт.) соглашение, обещав выплачивать ежегодно в виде

субсидии определенной суммы каждому классу. А каждый из них обязался посылать к шаху представителей с подарками: две телячьи кожи, и две кожи ягненка в знак признания власти»³⁷. В последней четверти XVII в. в связи с продолжавшимися междоусобицами правящие круги Ирана вынуждены были на время оставить мысль о покорении Дагестана. Из сказанного видно, что в XVII в. шахский Иран так и не смог поставить на колени народы Дагестана. Упорная и самоотверженная борьба широких масс Дагестана, помощь и поддержка их Россией не дали осуществиться завоевательным планам шахов Ирана на Северо-Восточном Кавказе.

Агрессивная политика Османской Порты и Крымского ханства на Северном Кавказе во второй половине XVII в. Османы, которые также не оставляли мысль покорить Кавказ, в 50—60-х годах XVII в. усилили свои притязания на Центральный и Северный Кавказ, в частности на Кабарду. Стамбульский двор открыто объявил Кабарду, как и всех адыгов, народом, истари являющимся «слугами Высокой державы». Эти ничем не обоснованные притязания представляли особую опасность в период, когда Россия вынуждена была вступить в долговременную войну с Польшей, начавшуюся сразу же после воссоединения Украины с Россией и длившуюся до 1667 г. Русское государство, опасаясь, что Польша, поддерживающая с Крымским ханством союзнические отношения, непременно втянет в войну крымского хана, приняло ряд мер для укрепления своих позиций на Северном Кавказе. Было решено организовать способные противостоять агрессии хана отряды из кабардинцев и других северокавказских народов, а также из калмыков, кочевавших в это время на правом берегу Волги. С этой целью на Северный Кавказ были отправлены царские грамоты с призывом быть готовыми выступить против крымского хана. Однако владетели Казневой Кабарды Хотоджук и Алегуко сообщили, что выставить 1 тыс. ратных людей им «мочи нет», но обещали оказать русским войскам всяческое содействие и, в частности, сообщать известия о «турском и о крымском» передвижении, даже если они окажутся под игом султана и хана.

Такая перешительность казыевских князей объяснялась тем, что в то время в Кабарде находилась прибывшая весной 1653 г. жена крымского хана и сестра Хотоджуки «на плач брата своего Ислама-мурзы»³⁸ и сопровождавший ее отряд под начальством Ага-Али, который одновременно должен был собрать ясак. Алегуко Шегануков не решался воспрепятствовать и тогда, когда посланники хана начали собирать ясак, и позволил им увести 130 человек вместе с большим числом кабардинских лошадей, панцирями, саблями и другим имуществом.

Русские власти убеждали кабардинских князей не позволять посланникам крымского хана собирать ясак на подвластной им территории. Но добиться этого оказалось не так легко. Объясняя свою перешительность, кабардинские князья обычно говорили, что «ни они сами, ни их деды, ни прадеды» не считают себя подданными крымского хана, но платят хану ясак «на всякий год душ по двадцать, по тридцать», так как опасаются разорения их «кабаков»³⁹.

Однако Русское государство, занятое войной на западе, не могло уделять должного внимания Северному Кавказу. Это развязывало руки крымскому хану и давало ему возможность вмешиваться во внутренние дела Кабарды, устраивать грабительские набеги, разорять страну. В 1671 г. крымский хан со значительными силами вторгся в Кабарду, где хозяйничал более восьми месяцев. И лишь после вспыхнувшей эпи-

демии он оставил часть войска в Большой Кабарде для сбора ясака, а сам вернулся в Крым. В это время кабардинцы, не желая подчиняться воле хана и не имея возможности вступить в открытую борьбу, снялись с насиженных мест и ушли «в горы и в крепкие места и с собою все побрали». Не добившись большего, войска крымского хана, захватив 50 заложников и получив согласие князя Бекмурзы Джамбулатова принять участие в войне против Польши, ушли в Крым.

Тем временем назревала война Оттоманской Порты с Россией: султан ультимативно требовал от России отказаться от Украины. Эти претензии Порты русским правительством были отклонены. В связи с подготовкой к войне с Россией султан активизировал свою подрывную деятельность на Северном Кавказе. Естественно, что в этой обстановке и Россия вынуждена была укреплять здесь свои позиции. Таким образом, Кабарда снова стала ареной русско-крымского и султанского соперничества. Положение осложнялось еще и тем, что некоторые находившиеся в подданстве России кабардинские князья, боясь крымско-османской агрессии, не порывали с ними связи. А иные в период феодальных междоусобиц искали даже поддержки крымского хана. В 1674 г. в Крым пытался уйти Мусост Казыев, который после смерти Алегуко и Хатождуко поссорился с Тегинзбеом Алегуковым. Только вмешательство Каспулата Муцаловича остановило его. А вслед за этим Мусост признал и подданство Русскому государству. В это время большинство кабардинских князей и других владетелей Северного Кавказа придерживались русской ориентации. В 1670 г. Россия предприняла поход против Крымского ханства. В нем, как и в других военных операциях, народы Северного Кавказа (кабардинцы, окочане, терские люди и гребенские казаки) принимали самое активное участие на стороне России. В 1672—1673 гг. кабардинский князь Каспулат со своим и калмыкским отрядами выступил против крымского хана и даже отбил у него «русский полон».

В 1674—1675 гг. кабардинский отряд под командованием Каспулата Муцаловича участвовал в успешных походах против Крыма и Азова и оказал большую помощь русским войскам.

В 1676 г. началась русско-турецкая война за Правобережную Украину, которая длилась до 1681 г. и завершилась подписанием Бахчисарайского мирного договора между Портой, Крымским ханством, с одной стороны, и Россией — с другой, сроком на 20 лет с установлением границ по Днестру, признанием Османской империей воссоединения Левобережной Украины и Киева с Россией. Каспулат Муцалович со своим отрядом принимал участие в боях за Чигирин, нес сторожевую службу на Левобережной Украине, у Чугуева и Харькова, оберегал переправу через Днепр у Киева, принимал участие в предварительных переговорах между Русским государством и Крымом по заключению мирного договора.

Таким образом, ни султану, ни его вассалу — крымскому хану — и во второй половине XVII в. не удалось осуществить свои агрессивные планы по покорению Северного Кавказа. Более того, агрессивная политика султана и хана толкала народы Северного Кавказа на сближение с Россией, но об этом речь в следующей главе.

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1940. Т. 7. С. 206.

² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1939. Т. 6. С. 189.

³ *Хасан-бек Румлу*. Ахсан ат-товарих. Барода, 1932. Т. 1. С. 44—45. На перс. яз.

⁴ Там же. С. 108—109.

⁵ *Хонделмир*. Хабиб ас-сийар. Тегеран, 1955. Т. 4. С. 501. На перс. яз.

⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 7. С. 206.

⁷ *Хасан-бек Румлу*. Указ. соч. Т. 1. С. 318—320.

- ⁸ *Вахушти Багратиони*. История царства Грузинского. Тбилиси, 1976. С. 35—38.
- ⁹ АБК. Нальчик, 1974. С. 71.
- ¹⁰ ЦГАДА. Ф. Крымские дела. Кн. 13. Л. 71.
- ¹¹ *Бекир Кутукоглу*. Осман-Иран сияси мунасибве бетлеру. Истамбул, 1962. С. 27. На тур. яз.
- ¹² *Искандер Мунши*. Тарих-е алам арай с Аббаси. Тегеран, 1956. Т. 1. С. 234. На перс. яз.
- ¹³ КРО. М., 1957. Т. 1. С. 70—71.
- ¹⁴ Там же. С. 6.
- ¹⁵ ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. 1-я пол. С. 256—258; *Курбский А. М.* История о великом князе Московском. СПб., 1913. С. 60.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 13. 2-я пол. С. 329; КРО. Т. 1. С. 8.
- ¹⁷ КРО. Т. 1. С. 14—15.
- ¹⁸ Там же. С. 26.
- ¹⁹ *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. (1578—1616 гг.). С. XVIII.
- ²⁰ ЦГАДА. Ф. Крымские дела. Кн. 14. Л. 167.
- ²¹ ПСРЛ. Т. 13. 1-я пол. С. 300—301.
- ²² КРО. Т. 1. С. 28.
- ²³ Там же. С. 71, 72.
- ²⁴ *Hanway D.* An Historical Account of the the British Trade over the Caspian Sea. Dublin, 1754. P. 117.
- ²⁵ *Белокуров С. А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 412.
- ²⁶ *Веселовский Н. И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1895. Т. 2. С. 355, 381.
- ²⁷ Там же. С. 350—351.
- ²⁸ Там же. С. 125, 223, 262, 381; КРО. Т. 1. С. 88.
- ²⁹ Там же. Т. 2. С. 125.
- ³⁰ ЦГАДА. Ф. 77 (Сношения России с Персией). 1642 г. Д. 10. Л. 144; Рукописный фонд ИИЯЛ ДАФАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 1088.
- ³¹ РДО. С. 176.
- ³² Там же. С. 169.
- ³³ Там же. С. 185.
- ³⁴ Там же. С. 191.
- ³⁵ ЦГАДА. Ф. Кумыкские дела. 1651 г. Д. 1. Л. 261.
- ³⁶ Там же. 1659 г. Д. 1. Л. 40.
- ³⁷ *Hanway D.* Op. cit. P. 161.
- ³⁸ КРО. Т. 1. С. 322—420.
- ³⁹ Там же. С. 333.

НАЧАЛО ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ К РОССИИ В XVI—XVII ВВ.

1. Первые русские поселения и крепости на Северном Кавказе

Образование казачества. XVI столетие в истории России — время укрепления единого централизованного государства, борьба со своеволием удельных князей и крупных бояр-вотчинников, с независимым положением русской церкви; время дальнейшего закрепощения крестьян, острой классовой борьбы как ответной реакции на закрепощение; время массовых побегов, народных бунтов и городских восстаний — этих грозных предвестников грядущих крестьянских войн в истории России. Анализируя причины побегов крестьян на окраины Русского государства, в частности на «вольный Дон», который «был центром казачества», К. Маркс писал: «Причины побегов лежали в государственном гражданском порядке...»¹. Уже не отдельные личности, как раньше, но целые семьи и поселения со всеми своими «животами», со всем своим скарбом — крепостные крестьяне и холопы, бобыли и «гулящие люди», посадские и приборные низы — «беглые сходцы» из самых разных городов и сел России — устремлялись на Юг и Юго-Восток — в земли, не подвластные никакому государству или номинально подчиненные местным феодальным владельцам.

Об этих беглых от крепостной неволи людях, из которых образовывалось восточнославянское казачество, К. Маркс писал: «Казачество возникло тогда, когда удельная стихия пала под давлением единодержавия... Ряды казачества наполнялись недовольными элементами, которые не уживались в обществе, не могли переносить его уз. Русь тогда была разделена на два государства: Москву и Литву. В обеих половинах явилось казачество. Тогда как в южной Руси заложилось славное Запорожье, и дух казачества разлился по всей Украине, произошел такой же наплыв народа с севера на Дон... Отсюда казачество завладело берегами Волги, Терека, Яика (Урала) и проникло в далекую Сибирь»².

Несмотря на ряд правительственных запретов уходить на Дон в «молодечество», к 20—30-м годам XVI в. значительное число беглых русских людей поселилось в междуречье Северского Донца и Дона, многие казачьи городки стояли и по левобережным притокам Дона — Хопру, Медведице, Иловле. А уже к середине XVI в. донские степи вплоть до Азова и Волги в какой-то степени контролировались вольными конными ватажками и станицами казаков, достигавших в своих походах «за зипунами» нижнего течения Волги и Каспия и становившихся здесь «волжскими казаками». Отсюда «волжане» уже легко могли попасть на Терек и Яик, будучи выходцами и из «окраинной стражи» рязанских пределов, и с вольного Дона, и из иных областей Руси, и здесь превратиться в «яицких» и «терских» казаков, получая от современников свое название по территориальному признаку. Еще до окончательного обоснования на Северном Кавказе двух географически близких казачьих групп — терцев (терское низовое казачество) и грбенцов (грбенские казаки) подвиж-

ные казачьи ватажки, эпизодически появившиеся в устье Терека (особенно на о. Чечене), а затем и в его среднем течении («Усть-Сююнчи реки»), в дальнейшем прибывали на Северный Кавказ в основном по проторенным и освоенным водным трассам — Волга — Каспий — Терек³. Место первоначального расселения гребенских казаков окончательно не определено. Однако если учесть все существующие точки зрения о местах первоначальной локализации гребенцов, то можно предположить, что формирование терско-гребенского казачества происходило в достаточно широком ареале — от урочищ Голого гребня на юге и до междуречья Терека и Сунжи на северо-западе. Не исключена также возможность, что до своего окончательного обоснования гребенцы, как и другие группы казачества, порой меняли места своих поселений, правда, не покидая районов своего постоянного обитания. О жизни гребенских казаков сообщают, в частности, документы 1627—1629 гг., связанные с поисками серебряных руд в горской «землице Таабыста», находившейся на территории Кабарды и Балкарии⁴. Очевидно, гребенские казаки в хозяйственном плане освоили территории в междуречье Терека и Сунжи. Причем среди терско-гребенского казачества особенно популярны были как наиболее безопасные места для поселений привычные им устья, а также верховья малых рек с их готовыми природными «твердыми» — речными мысами и островами, которые легко можно было превратить в неприступные крепости.

Ранние городки терских и гребенских казаков назывались или по именам первооснователей, или выборных атаманов, или же по местам выхода первооселенцев, а также и в связи с местной топонимикой края; например, Курдюковский (Курдюк Иватов), Шевелев (Федор Шель), Шадрин, Кирьяков, Степанов, Семенов, Барматов, Вязанов и др., по Червленый, Медвеженский, Наурский и т. д.⁵

Некоторые городки назывались по названиям рек — Быстрой, Черной, Белой, Гремячей в Гребенях, или местными именами — Оксай, Аргун и др., или же русскими именами. Ряд городков, как бы «кочуя», перемещался то на левый, то на правый берег Терека, то в его среднем течении и ниже, однако основное «гнездо» городков оставалось в устье Сунжи.

После стихийных бедствий (разливов рек, пожаров, частых моровых поветрий) и разрушений от нашествий иноземных захватчиков городки отстраивались заново или же переносились в новое, более удобное и безопасное место, иногда возрождаясь под новыми именами или же сливаясь друг с другом. Основательно географию расположения гребенских и терских городков перекроил в середине XVII в. поход иранских войск и их союзников на Терек — это так называемое казаками «кызылбашское разоренье» 1653 г., когда были опустошены все казачьи Гребни⁶. Если до этого были городки Шевелев, Царев, Кирьяков, Медвеженский, Бармата, Семенов, Сарафанников, Потапов, Вязанов, Левонтьев, Симонова, Афанасьев, Слепова, то после 1653 г. остались невосстановленными городки Курдюков, Шадрин, Ищерский, Верхний и Нижний Червленый, Наурский, Гладковский, Аристов и др., т. е. было уничтожено более 10 казачьих городков⁷.

Таким образом, если одни городки дали начало позднейшим гребенским станицам, то другие исчезли совсем, а их население либо было уничтожено, либо уведено в плен, а уцелевшие влились в состав населения других русских поселений и казачьих городков.

В момент появления вольных казаков на Тереке их ватаги не представляли собой какую-то конкретную, монолитную группу выходцев из

определенного района Руси. Это подтверждает сам характер ранних казачьих обществ и представление о казаках в документах XVI—XVII вв. как о беглых «сходцах» и «гулящих» людях из различных районов страны (от Русского Севера до «рязанских Украин»). В число первых насельников междуречья Терека и Сунжи входили, например, волжские «воровские» (вольные) казаки, а также и другие беглые «сходцы» из всех районов России, которых жизненные и исторические обстоятельства выталкивали в состав вольных казачьих дружин на Дон, Волгу и Терек. Все это приводило к сложению пестрого этнического состава ранних казачьих обществ на Дону, Волге и Яике⁸.

Таким же полиэтничным по своему составу с самого начала возникновения было и терское казачество, включавшее на протяжении истории разноплеменных выходцев, в том числе и из среды соседних горских народов. Об этом, в частности, говорит множество документов первой половины XVII в. В числе терско-гребенских казаков того времени упоминаются имена и фамилии явно местного происхождения — такие, как Байтерек, Евлац, Агрыжан, Тагайц, Кардавил, Яхдац, Бармата, Остай, Досай, Асанко, Ураков, Иван и Андрей Новокрещеновы и т. д.⁹

Терский городок. Первые русские крепости на Северном Кавказе были построены в начале второй половины XVI в. по просьбе наиболее дальновидных северокавказских владетелей, остро нуждавшихся в близком и постоянном присутствии русских «воинских» служилых людей (с «военным боем»). В свою очередь, русское правительство ставило эти крепости в надежде превратить их в опорный пункт своего влияния, поскольку, не имея их, трудно было оказывать необходимую и своевременную помощь северокавказским союзникам России.

Прибывшее в 1566 г. в Москву очередное кабардинское посольство от тестя Ивана Грозного князя Темрюка Идарова просило построить крепость в устье Сунжи (левый берег реки, при перевозе через Сунжу)¹⁰, чтобы иметь защиту и постоянную воинскую силу от нападения крымских татар и османов. Царь согласился и повелел поставить такую крепость «по челобитию кабардинского Темрюка князя черкасского»¹¹.

Спустя год крепость (деревянный рубленый город), снабженная артиллерией и с гарнизоном из присланных стрельцов, боярских детей и служилых казаков, была построена, что вызвало ярость в правящих кругах Оттоманской Порты и Крымского ханства. Используя это событие как повод, султан и крымский хан, как указывалось выше, совершили на северокавказские народы — союзников России — и на русские территории ряд походов и набегов. В пору наибольших осложнений внешнеполитической обстановки Россия вынуждена была снести этот городок. Окончательно русская крепость на Тереке, в его устье, на протоке Тюменке, была отстроена лишь в 1588—1589 гг. Этому способствовали развивавшиеся по восходящей линии дружеские связи России с народами Северного Кавказа и Закавказья, а также ее упрочившееся положение на Кавказе, когда Россия, отдохнув от длительной и тяжелой Ливонской войны, была готова вновь выполнить свой союзнический долг перед дружественными народами Кавказа.

Примечательно, что возведение Тюменского городка, получившего вскоре название Терки, было также связано с просьбой кахетинского царя, кабардинских князей и ряда других союзников России на Северном Кавказе.

Город Терки к началу XVII в. стал важным центром политических и экономических связей России с народами Северного Кавказа и Закав-

казья. В городе постоянно находился воевода, подчинявшийся астраханскому воеводе, стоял гарнизон из стрельцов, служивших терских казаков и новокрещенцов из горцев, хранилось военное снаряжение и продовольственные запасы. Административным центром Терков был свой небольшой Кремль (Малый город), внутри которого стояли воеводский двор, приказная изба, аманатные избы, пороховой погреб, житница, церковный собор и полторы сотни жилых домов. К Кремлю примыкал Земляной, или Большой, город, окруженный земляными укреплениями с башнями и раскатами, глубоким рвом. Внутри Большого города располагались торговые ряды, три гостиных двора, куда съезжались купцы, харчевни, две приходские церкви, таможня, полковые избы, кружечный двор и т. п.¹² Деревянные Терки часто горели (например, в 1644 и 1688 гг.) и отстраивались заново.

В 90-х годах XVI в. из Кабарды в Терки после острых феодальных междоусобиц выехали на постоянное жительство князья Куденет Камбулатов и Сунчалей Янгычев со своими узденями и холопами; затем к ним добавились и другие выходцы из среды местных горских народов Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, кумыки, татары и др.). Уже в первой половине XVII в. под стенами Терского города, в его заречной части, сложились различные «слободы великие», занятые северокавказским населением: Черкасская, Окоцкая, Новокрещенская и Татарская. Самой крупной была Черкасская слобода. К концу XVII в. в ней насчитывалось 175 дворов, а в Окоцкой — 160 дворов потомков окочан. В целом же общее число выходцев из среды горских народов Северного Кавказа чуть ли не в три раза превосходило число русского населения в городе¹³.

В Терки в надежде на защиту от набегов и притеснений со стороны феодалов на протяжении всей истории города прибывали беглые холопы северокавказских владетелей. Очень часто последние обращались и к местным властям, и с челобитными на имя царя с просьбой вернуть их обратно, причем, если беглый крестился (т. е. принимал православие), его не имели права выдать назад.

Население зареченских «слобод великих», как правило, находилось на военной, дипломатической и прочей административной службе у Русского государства (переводчики, послы, проводники, служившие «воинские люди», и т. п.)¹⁴. Именно местное население и было одним из тех связующих звеньев, посредством которых осуществлялась политика России на Северном Кавказе, а также крепились дружеские связи русского народа с народами всего Кавказа.

2. Добровольное присоединение адыгов к России

Причины сближения Кабарды с Россией. Сложившаяся к началу XVI в. внутренняя и внешнеполитическая обстановка властно толкала народы Северного Кавказа на сближение с Россией. Выше уже отмечалось, что народы Северного Кавказа, а адыги в особенности, систематически подвергались нападению со стороны Османской империи и Крымского ханства. Адыги, как и все народы Северного Кавказа, самоотверженно боролись против полчищ султана и его вассала крымского хана. Однако прекратить агрессию Порты и Крыма своими силами они были не в состоянии. Во много раз превосходя силы адыгов, войска султана и хана время от времени разоряли страну, угоняли множество людей в

рабство. Естественно, что в условиях постоянной борьбы с иноземными захватчиками и непрекращающихся междоусобиц адыги, как и другие народы Северного Кавказа, вынуждены были искать поддержки и покровительства вовне. Таким государством, способным прочно оградить и защитить народы Северного Кавказа, была Россия. Поэтому среди народов Кавказа и росла ориентация, которая в середине XVI в. привела к сближению адыгов с Россией. Однако среди кабардинских феодалов были и такие, которых мало беспокоила судьба своего народа. Надеясь укрепить свои позиции, они прибегали к помощи султана и крымского хана, многократно разорявших страну и истреблявших ее народ. Это еще больше усугубляло крайне тяжелое положение страны.

Создалась такая альтернативная ситуация, которая должна была привести или к настоящей гибели, или к спасению народа. Внутреннее и внешнее положение адыгов и вытекавшие из него интересы самосохранения объективно-исторически требовали присоединения адыго-кабардино-черкесов к сильному государству, каким в это время уже была Россия.

В конце 40-х — начале 50-х годов XVI в. у адыгов выработалась своего рода общенациональная (за исключением некоторых феодалов, по-прежнему ориентировавшихся на султана и хана) платформа, настоятельно требовавшая выхода из сложившейся катастрофической ситуации путем сближения с Россией. Наиболее прогрессивно мыслящие деятели адыгов поставили вопрос о присоединении к России. Выдающуюся роль в сближении кабардинских, абазинских, западноадыгских владетелей с Россией сыграли известные военные и политические деятели — Сибок, Эльбездук и Темрюк Идаров. Они сумели правильно оценить сложную международную и внутреннюю обстановку и поняли, что устранить угрозу порабощения своего народа иноземными захватчиками можно лишь с помощью военной мощи России, при условии вхождения их земель в состав Русского централизованного государства.

Стремление адыгов принять подданство и покровительство России отвечало интересам Московского государства, которое, как мы знаем, преследовало на Кавказе собственные интересы военно-политического и торгово-экономического характера.

Обращение народов Северного Кавказа за помощью к Москве облегчало России распространение своего политического влияния на Кавказе¹⁵. Таким образом, вхождение адыгов в состав России было подготовлено всем ходом социально-экономического и политического развития края.

Добровольное присоединение адыгов к России. В ноябре 1552 г. в Москву прибыло первое, по летописным данным, посольство от адыгских народов. В состав посольства входили представители разных адыгских и других обществ, и в частности князья Машук Кануков, Езбузлуев, Танащук и др. Посольство просило, чтобы «их государь пожаловал, вступился за них, а их с землями взял к себе в холопы, а от крымского царя оборонил»¹⁶. Царь Иван IV направил к адыгам (в Черкесию) посольство во главе с боярским сыном Андреем Щепотьевым с целью выяснить на месте действительную обстановку (чтобы «правды их видети»).

В августе 1555 г. Андрей Щепотьев вернулся в Москву. С ним прибыло большое посольство, в составе которого, кроме кабардинцев, были представители северо-западных адыгов и абазин, жанеевского князя Сибокка с братом Адимгуко и сыном Куденека, князем Тутарыка Езбузлуевым и др., сопровождаемое свитой из 150 всадников. Возглавляющие это представительное посольство князья «били челом... ото всей земли черказ-

ской», чтобы русский государь принял их в вечное подданство. Вместе с тем кабардино-черкесские послы просили помощи не только против крымского хана, но и против османов, находящихся на Таманском полуострове в Азове. Андрей Щепотьев в присутствии членов царского двора и адыгских послов сообщил царю Ивану IV о том, что они «дали правду всюю землею быт им неотступным от царя, и великого князя и служити им в веки, как им государь велит». И тогда царь Иван IV пожаловал послов «великим своим жалованием» и объявил им, что они приняты в вечное подданство России со своей пятигорской землей. Что касается просьбы адыгских послов оказать им военную помощь в их борьбе против османов, то Россия, не желая нарушить мир с Портой, указала, что «турский салтан в миру со царем и великим князем», а от крымского хана «их хочет государь беречь, как возможно, а во свои им земли учинил отъезд и приезд добровольной»¹⁷.

В июле 1557 г. в Москву прибыло новое посольство во главе с Канклычем Кануковым с той же просьбой. Снарядили его кабардинские князья Темрюк Идаров и Тазрют. По словам летописца, «кабардинские черкесы» действовали не только от имени Кабарды, но и от имени грузинского князя и всей «Иверской земли», с которой они состоят «в одной правде и в заговоре».

Русское правительство, тщательно изучив предложение послов, взвесив все за и против, решило удовлетворить просьбу кабардино-черкесских князей и принять их со всеми своими подвластными в подданство России. Акт добровольного присоединения адыгов к России был совершен на условиях сохранения прав местных князей как удельных, наподобие русских служилых князей, обязанных вассальной службой великому князю — царю — с выходом на войну в случае необходимости с войсками своего верховного повелителя.

Значение этого исторического акта высоко оценил сам народ, который «более всего ... был обрадован союзом и покровительством России. Народ, — по словам М. В. Ногмова, — сложил песни и поговорки, отражающие свое отношение к России. Так, например, тогда возникла такая поговорка: „Дай присягу именем царя Ивана“»¹⁸.

Добровольное присоединение к России Кабарды сыграло огромную роль в исторических судьбах всех народов Кавказа, и особенно в жизни адыгских народов. В приветствии Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС Верховному Совету Кабардино-Балкарской АССР, Совету Министров и Кабардино-Балкарскому обкому КПСС в связи с празднованием 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России говорится, что это историческое событие «имело решающее значение в исторических судьбах кабардинского, балкарского и других народов. Оно обеспечило этим народам возможность дальнейшего национального развития, спасло их от порабощения и истребления со стороны иностранных захватчиков, создало благоприятные условия для экономического и культурного общения с русским и другими народами нашей страны»¹⁹.

С добровольным присоединением Кабарды к России не хотела мириться Оттоманская Порта, которая, как известно, давно и очень настойчиво пыталась овладеть Северным Кавказом. Вот почему султан и его вассал крымский хан делали все, чтобы «отвоевать» Кабарду у России. И не случайно после присоединения Кабарды к России в 1558 г. Иван IV дает распоряжение князю Большой Ногайской Орды Исмаилу, находившемуся в дружеских и родственных отношениях с Темрюком, действовать «заодин» с кабардинцами против крымцев.

Русские власти на Северном Кавказе, как мы видели выше, оказывали народам Северного Кавказа военную и дипломатическую помощь в их борьбе против шахского Ирана, Османской империи и Крымского ханства. В свою очередь, народы Северного Кавказа, и в частности адыги, оказывали посильную помощь России. Старший кабардинский князь Темрюк Идаров, чтобы еще больше укрепить союз с Москвой, в 1558 г. отправил в Москву своего сына Салнука, который там был крещен и под именем Михаила остался служить при русском дворе, а в последующем стал близок к Ивану IV.

В Москву, «чтобы служить царю со многолюдными конными дружинами», приезжали и другие кабардинские князья. В период Ливонской войны 1558—1583 гг. в русской армии служили и адыги. Под предводительством своих князей Сибока и Машука они бок о бок с русскими ратными людьми участвовали при взятии 20 замков.

С января по март 1559 г. адыгские воины в составе передового русского полка сражались в битвах при городах Риге, Алгусте («Ялыста»), Гюлбене («Голбина»), «Чесвином» и др. В период подготовки нового наступления на города Мильтен, Мариенбург, Феллин и Эрмес по повелению Ивана IV, решившего открыть военные действия против Крыма по трем направлениям (со стороны Днепра, Дона и Северного Кавказа), адыгские дружины в феврале 1560 г. были направлены с заданием «прорыть над крымским царем»²⁰. Вместе с русскими войсками они «спустились по Дону мимо Таны (Азова), овладели несколькими крепостями и достигли Кафы (Феодосии)». Однако в 1562 г. феодалы северозападных адыгов неожиданно прервали связи с Москвой. Возможно, что они усмотрели в борьбе Ивана IV с остатками старой системы уделов внутри страны опасность лишиться своих удельных прав. Одновременно они выступили и против стремления старшего кабардинского князя Темрюка Идара с помощью России объединить всех адыгов. В создавшемся положении Османская Порта, используя княжеские раздоры, сумела укрепиться в некоторых районах Черноморского побережья Северного Кавказа. Однако ориентация западноадыгских (кяхских) феодалов на Порту и Крымское ханство не соответствовала чаяниям широких народных масс Северо-Западного Кавказа. Именно поэтому, несмотря на неоднократные попытки, крымскому хану так и не удалось проникнуть в глубь адыгской территории и подчинить ее население своей власти. Более того, западные адыги оказывали посильную помощь России, как бы сохраняя ей верность. В этом большое умение проявил Темрюк Идаров, стремившийся к объединению всех адыгов.

В 1561 г. Иван IV Грозный женится на дочери Темрюка Идарова Кученей (Гошаней). В Москве она была крещена и стала русской царичею Марией²¹. После свадьбы царь послал к Темрюку большое посольство с богатыми дарами.

Женитьба Ивана IV на кабардинской княжне имела большое политическое значение. Она еще более укрепила и расширила связи России и укрепила положение Кабарды. Однако с этим не хотели мириться ни султан, ни крымский хан. Им удалось организовать в Кабарде выступление феодалов против Темрюка и его сторонников. Обеспокоенный этим, Темрюк обратился за помощью к Москве. Русское правительство отправило в Кабарду в 1562—1563 гг. войска во главе с воеводой Плещеевым, а в 1565—1566 гг. — с воеводами Дашковым и Ржевским. Однако султан и хан продолжали набеги и в последующие годы. В 1569 г. крымский хан открыто потребовал от России снести крепость «в Кабардинской земле», чтобы «отпереть астраханскую дорогу»²². А весной 1570 г. крым-

ский хан Девлет-Гирей напал на Темрюка. В бою при Ахупсе (левый приток Кубани) Темрюк, названный в исторической песне, посвященной этому сражению, «помощником русского царя», его «желанным гостем», был смертельно ранен, а два его сына взяты крымцами в плен. К тому же Россия была вынуждена снести крепость на Терек.

Все это тяжело сказалось на положении Кабарды. И все же, сколько бы ни старались внешние и внутренние враги оторгнуть Кабарду от России, им это так и не удалось. Весной 1578 г. в Москву прибыло кабардинское посольство, которое подтвердило «службу», т. е. подданство кабардинцев России, просило восстановить русскую крепость у устья Сунжи, а также прислать воеводу и стрельцов для защиты Кабарды «от крымского дая и от иных недругов». Посольство возглавляли брат Темрюка, старший князь Камбулат Идаров, а также сын Пшеапшоки Кайтукина Казый и Созоруко Тапсаруков из рода Таусултановых, т. е. представители трех наиболее крупных в то время кабардинских владений. Объединиться их заставила реальная опасность со стороны Крыма и Порты.

Вместе со старшим князем в Москву прибыл его сын Хоропай (в крещении Борис), впоследствии занимавший видные военные посты в России. Посольство «от всей черкесской Кабарды» встретило в Москве хороший прием. Камбулату вручили жалованную грамоту с золотой печатью, утверждавшую его старшинство в Кабарде. На Терек был послан воевода Лука Новосильцев с отрядом стрельцов и плотниками, которые восстановили деревянную крепость у устья Сунжи.

В 1588 г. кабардинские послы, сын Темрюка Мамстрюк и сын Камбулата Куденет, просили русского царя построить крепость на Терек, чтобы защитить кабардинцев от внешних врагов. В 1589 г. Камбулат Идаров умер и в Кабарде начались междоусобицы за звание старшего князя. В итоге в 1589 г. старшим князем Кабарды был избран Янсох Кайтукин. Он созвал представительный съезд, который подтвердил верность Кабарды России.

3. Адыго-кабардино-русские политические отношения в XVII в.

Русско-кабардинские отношения. Польско-шведская интервенция начала XVII в. ухудшила международное положение России. Иранские шахи начали борьбу за овладение Дагестаном, на Северо-Западном Кавказе усилились агрессивные устремления Османской Порты и ее вассала — Крымского ханства. Прикубанские адыгские народы, занимавшие обширную территорию от Тамани до бассейна Лабы, оказались под влиянием Крымского ханства и Порты. Отсюда крымские ханы совершали походы против Кабарды и других народов Центрального Предкавказья, рассчитывая прибрать к своим рукам и этот район. В Кабарде в это время вели подрывную антирусскую деятельность многочисленные эмиссары султана и хана. Согласованно с ними действовала просултански настроенная группировка кабардинских феодалов. Они рассчитывали с помощью Порты восстановить свое господство над князьями, придерживавшимися традиционных дружественных связей с Россией. Но, несмотря на это, в основном русско-кабардинские отношения в конце XVI—XVII в. развивались в сторону углубления и расширения. Значительно увеличилось число кабардинцев, выезжающих в Россию на постоянное жительство, многие из которых впоследствии стали видными военными и государст-

венными деятелями России. Через Кабарду, как известно, султан и хан пытались направить в Закавказье свои войска. Встревоженные этим кабардинские князья неоднократно просили Россию защитить их, и Россия оказывала им возможную дипломатическую и военную помощь. В свою очередь, кабардинские князья со своими отрядами принимали участие в походах русских войск на Восточный Кавказ. Они поддерживали тесные связи с терскими воеводами.

В декабре 1605 г. в Москве побывал кабардинский мурза Сунчалей Янгличев. Лжедмитрий I принял его и дал ему «жалованье». В 1609 г. посол старшего в Кабарде князя Шолоха Тапсарукова Кардан Индороков пытался проехать в Москву, где после свержения Лжедмитрия I царем стал Василий Шуйский. Кардана задержали приверженцы Лжедмитрия II, и он попал в Москву лишь в 1614 г., когда русский престол занял Михаил Федорович Романов. В это тяжелое для России время Терский городок оказался оторванным от центра страны. И все вопросы внутреннего и внешнего порядка терский воевода Петр Головин должен был решать на месте. В этом постоянную помощь воеводе оказывал проживающий в Терском городке кабардинский князь Сунчалей Янгличев.

В 1613 г. кабардинский князь Сунчалей, посоветовавшись с воеводой Головиным, съездил к атаману И. М. Заруцкому. О чем он говорил с Заруцким, мы не знаем. Но известно, что Заруцкий рассчитывал поднять казаков и народы Северного Кавказа против Москвы. С этой целью от имени «царицы» Марины Мнишек и малолетнего «царевича» им были разосланы грамоты с требованием покорности. Была даже сделана попытка захватить терского воеводу П. Головина, но казаки не выдали его прибывшим в Терки людям Заруцкого.

В следующем, 1614 г. Заруцкий вновь попытался привлечь на свою сторону кабардинцев. Гонец Заруцкого Михаил Черный был схвачен в пути и на допросе признал, что был «послан поднять кабардинских князей и черкас итти на Русь войною». Терский воевода П. Головин и князь Сунчалей сформировали отряд из терских казаков, кабардинцев и окочан во главе с Василием Хохловым и отправили его в Астрахань для борьбы против Заруцкого²³. Очень плодотворной была деятельность Сунчалей Янгличева в Терках и по поддержанию и развитию русско-северокавказских отношений в это беспокойное время. При его непосредственном участии в 1614—1615 гг. ряд феодальных владетелей Кабарды, Дагестана и других поддерживали сношения с Россией. Мало того, с его помощью было подтверждено их подданство России. В Кабарде приняты присягу на верность России старший кабардинский князь Шолох Таусултанов, князья Клехстановы, Айдаровы и Казый Пшеашпоков. Эти заслуги Сунчалей высоко оценило правительство царя Михаила Федоровича. В 1615 г. в Москве Сунчалейу была вручена царская грамота о признании его князем над «черкасами и окочанами». Такого рода грамоты от царского правительства, как увидим ниже, в XVII в. получили потомки Сунчалей Янгличева.

Русско-кабардинские отношения в 20—40-х годах XVII в. развивались в чрезвычайно сложных международных и внутривосточных условиях, в обстановке непрекращающихся междоусобиц за звание старшего князя и приобретение соседних территорий, за права на эксплуатацию феодально-зависимых сословий и т. п. В междоусобной борьбе враждующие феодальные группировки искали помощи и поддержки вне Кабарды, часто меняя в зависимости от конкретных событий внешнеполитическую ориентацию. Еще летом 1614 г. Казый Пшеашпоков просил у терского воеводы оказать ему военную помощь для борьбы с «казыевыми недругами» —

князьями Таусултановыми, объединившимися с мурзами Большого Ногай.

Однако, находясь в затруднительном положении, воевода не имел возможности оказать ему помощь. В 1615 г. Шолох с помощью Большой Ногайской Орды разбил отряд Казыя; сам Казый был убит, его «кабаки» разорены. Поражение и гибель Казыя Пшеапшокова вызвала ответный поход феодалов из его группировки и примкнувшего к ним тарковского князя Гирея. Их поддержали и русские ратные люди Терской крепости. Эта группировка нанесла сильный удар Шолоховой Кабарде. В следующем, 1616 г. Шолохову Кабарду подвергли разорению войска крымского хана, которые «подняли» на Шолоха его племянник Алегуко Шегануков. В 1619 г. в Терском городке Алегуко дал присягу России и просил воеводу дать ему ратных людей для похода на Большой Ногай. На этот раз с ним объединились владельцы Малой Кабарды Клехстановы, часть западных адыгов, чеченцы, ингуши, кумыки. В итоге Большие Ногаи вынуждены были откочевать на левую сторону Волги.

В 1616 г. Куденек из Айдаровичей получил в Москве жалованную грамоту, утверждавшую его в звании старшего кабардинского князя. Русское правительство и в дальнейшем стремилось удержать старшинство за князьями Айдаровичами, считая их людьми, последовательно придерживающимися со времен Темрюка русской ориентации. В 1624 г. Куденек после смерти его брата Пшимаха, а в 1631 г. Айдарович-Нарчов Езбузлуков добивались звания старшего князя. Однако ни тот, ни другой не были признаны старшим князем в Кабарде. После того как царская грамота не помогла Айдаровичу-Нарчову получить признание в Кабарде, русское правительство перестало оказывать влияние на смену старших князей и поддерживать притязания Айдаровичей на это звание. Это соответствовало происшедшим изменениям в соотношении сил феодальных группировок. Если в XVI в. Айдаровичи пользовались большим влиянием в Кабарде, то к середине XVII в. они его утратили. Наиболее значительными в Кабарде стали владения князей Алегуко и Хотоджуки. Изменились и позиции князей Сунчалеевичей. Если Сунчалей Янглычев поддерживал в Кабарде своих родственников Айдаровичей, то его сыновья после женитьбы Шолоха Сунчалеевича на сестре Алегуко сблизились с князьями Казыевыми. В столкновении Куденековичей с князем Казыевым в конце 1630 г.— начале 40-х годов XVII в. Муцал Сунчалеевич и его брат были на стороне Казыевых. Эти изменения не могло не учитывать русское правительство.

К тому же Казыева Кабарда, чаще других подвергавшаяся набегам крымского хана, постоянно обращалась за помощью к терским и астраханским воеводам, более всего желая сближения с Россией. Что же касается России, то ее интересы требовали сохранения подданства владений Алегуко и Хотоджоки, т. е. Кабардыевой Кабарды. Тем более, что некоторые кабардинские князья установили родственные связи с крымскими феодалами и, опираясь на силу ханов Крыма, пытались занять в Кабарде первенствующее положение. Русское правительство не могло не беспокоить и то, что Алегуко выдал сестру замуж за крымского царевича Шагин-Гирея. Русское правительство было осведомлено и о том, что в 1638 г. крымский хан прислал щедрые подарки феодалам Кабарды, Дагестана и Малого Ногай и что при осаде Азова в 1641 г. османами и крымцами к ним примкнули и адыгские отряды. Однако старания крымского хана и его подручных, просултански настроенных князей, оторвать Кабарду от России им так и не удалось.

В 1645 г., после смерти царя Михаила Федоровича, по обычаю времени терские воеводы приводили к присяге новому царю Алексею Михайловичу население Терского городка. Вместе с русскими жителями, гробенскими и терскими казаками присягу приняло население нерусских слобод крепости, а также соседних кабардинских и других владений Северного Кавказа. В Малую Кабарду был послан стрелецкий голова Иван Кошкин, в Большую — Борис Малыгин: перед ними «шпертовали» владельцы Кабарды. В Малой Кабарде присягой подтвердили подданство России Шолоховы, Мударовы, Аоховы, тлекотлеши Анзоровы; в Большой Кабарде — Муцал Сунчалеевич с племянниками и Алегуко Шегануков с родственниками. Это означало, что новому царю присягнули почти все кабардинские владения.

Кабардинские князья на русской службе. Заслуги кабардинского князя Сунчалаея перед Россией, как уже отмечалось, высоко оценило правительство царя Михаила Федоровича Романова. В 1615 г. царской грамотой он был утвержден князем над «черкесами и окочанами» (т. е. над всеми живущими в слободах Терского городка выходцами из Кабарды, Чечено-Ингушетии и Дагестана) с правом «и в ратном строении и во всяких делах их ведать» и ходить с ними в военные походы вместе с терскими ратными людьми²⁴. Аналогичные грамоты в течение XVII в. получали и потомки Сунчалаея Янглычева: в 1625 г. — его старший сын Шолох, в 1645 г. — второй сын Муцал, в 1661 г. — внук Каспулат Муцалович. Служившие с Сунчалеевичами в Терском городке уорки и окочкие люди составляли довольно значительный отряд. С Муцалом Сунчалеевичем, например, в середине XVII в. служило более 500 уорков. Вместе с грамотами на княжение они неоднократно получали и щедрые царские подарки, и денежное жалование. В течение всего XVII в. значительна была их роль в качестве посредников в сношениях русских властей не только с кабардинцами, но и с другими народами Северного Кавказа. Сунчалеевичи постоянно бывали в Москве, где находили поддержку у царя и его окружения. В эти годы в Москве на службе находился целый ряд кабардинских князей, влившись в ряды русского феодального класса и нередко занимавших видное положение в русском правительстве и при царском дворе. Среди них особенно выделялись: Дмитрий (Канлов) Мамстрюкович, внук Темрюка Айдаровича, в Смутное время он был одним из видных деятелей земского освободительного движения, а также одним из кандидатов от земщины на царский трон в 1613 г. В 20—30-х годах XVII в. он возглавлял Приказ Казанского двора в Москве, т. е. то центральное учреждение, которое управляло восточными областями Русского государства; два внука Камбулата Айдаровича — Яков (Урускан) Куденетович и Иван Борисович, которые в разные годы XVII в. управляли московскими Приказами Большой Казны — Стрелецким и Поместным.

Яков Куденетович был видным военным деятелем, сыграл большую роль в освобождении украинских и белорусских земель. Особенно раскрылся его военный талант во время войны России с Польшей в 50—60-х годах XVII в. И не случайно его причисляют к самым выдающимся полководцам царствования Алексея Михайловича. Я. К. Черкасский, являясь «первым воеводой Большого полка», сражался с войсками литовского гетмана Радзивилла. В июле—августе 1655 г. русские войска, частью которых командовал Я. К. Черкасский, взяли г. Вильно, Ковно, Гродно. В следующем, 1656 г. 12-тысячная армия под командованием Я. К. Черкасского осадила г. Ригу²⁵. Григорий (Сунчалаея), сын Сунча-

лея Янгычева, был в 60-х годах XVII в. первым воеводой в Астрахани; внук Сунчалая Михаил Алегукович занимал пост казанского воеводы в конце XVII в., а затем — и влиятельное положение в правительстве. В 1678 г. он был назначен воеводой «Большого полка у Киева», затем вместе с Б. А. Голицыным, Т. Н. Стрешневым и другими возглавил партию Нарышкиных и принимал активное участие в подготовке переворота. «Если Петр I пока еще играл в „потешные“, то его сторонники, и особенно М. А. Черкасский, уже стремились превратить потешные батальоны в регулярные полки, снабженные далеко не потешным оружием»²⁶. Новое правительство во главе с Нарышкиным, правившее от имени обоих царей, стремилось к централизации власти. Яков Куденетович Черкасский становится одним из соратников и любимцев Петра I. Во время своих отлучек Петр I оставлял своим заместителем Черкасского. Как известно, Петр I по возвращении из-за границы заставил брить бороды всем боярам. Он не обреза бороды только у самых почтенных стариков — Т. Н. Стрешнева и Михаила Алегуковича Черкасского. Это говорит об особом уважении Петра I к М. А. Черкасскому. Местоположение его обширных московских дворов в Белом городе до сих пор сохранилось в существующих названиях двух переулков — Большого и Малого Черкасского. Кабардинские князья, находившиеся на русской службе, способствовали расширению русских контактов с народами Кавказа, сближению народов, укреплению южных границ России.

Взаимоотношения западных адыгов с Россией. Западные адыги, как мы знаем, подвергаясь постоянным нашествиям полчищ крымских ханов и Османской Порты, искали покровительства у России. Особенно заметным стремление к сближению с Россией было у широких народных масс адыгов. И это понятно: именно они в основном и несли тяжесть бесконечных нашествий захватчиков и непрекращающихся феодальных усобиц.

Русское правительство считало западных черкесов и абазин своими подданными. В дипломатических документах 1600 г. в числе «вновь прибылых» к России «государств» названы «Черкесская земля и Абазы»²⁷. К 1614—1615 гг. вместе с другими народами Северного Кавказа царю Михаилу Федоровичу присягнули западные черкесы. В 1634 г. в Турки приехали от темиргоевцев Безрука Канмурзин и от абазин — Мурза Отлешпукин Левов (Лоов). Они «шертовали» Русскому государству и были пожалованы по обычаю сукнами²⁸. Абазины приезжали в Турки и позже, когда шли переговоры о принесении присяги Казиевой Кабарды. В переговорах участвовали абазинские мурзы: Хачака-мурза, Янтемир-мурзин, Саралан-мурза Левов, Казимурза Доруков, Консух-мурза Байбердиев, Алкас-мурза Бегипев и Джаныш-мурза Бабуков. Они представляли абазин: тапантовцев, джантемир, лоо, дударуков, беберды, бабуковцев. После переговоров в 1643 г. Сартан-мурза вместе с Алегуком и мурзами Малого Ногай в Терском городе дали присягу и были признаны русскими подданными²⁹. По всей вероятности, абазины вместе с владельцами — кабардинскими князьями присягнули России и в 1645 г.

В 50-х годах XVII в. бесленеевцы, абазины и другие оставались верными своей присяге Русскому государству. В августе 1652 г. в Турки для подтверждения своей присяги прибыли представители от абазин Лоов и от бесленеевцев — Кантемир-мурза. Они «шертовали» Русскому государю: «за себя, и за братью свою, и за племянников, и за все свое владение и мурзы и козлар и уздены ево...на Куране шертовали»³⁰. А бесленеевцы не порывали связи с Россией и в 60-х годах.

Русское правительство старалось не утратить, а если возможно, и укрепить свое влияние в Западной Черкесии и с этой целью имеющимися средствами, чаще всего дипломатическим путем, оказывать западным адыгам возможную помощь и поддержку. В 1670 г., например, русское правительство ультимативно потребовало от крымского хана Адил-Гирея «Черкасской земли ... не воевать».

Несмотря ни на что и во второй половине XVII в. русское правительство продолжало считать западных адыгов своими подданными. Именно поэтому царь Михаил Федорович именовался государем «черкасских и горских князей». Алексей Михайлович, Иван Алексеевич и Петр Алексеевич назывались царями «кабардинской земли, черкасских и горских князей». Таким образом, подданными русского царя в XVII в. считали себя не только кабардинцы, но и «черкасские и горские князья», т. е. западные черкесы и абазины.

4. Дагестано-русские политические отношения в XVI—XVII вв.

Взаимоотношения владетелей Дагестана с Россией в XVI—начале XVII в. Во второй половине XVI в. между владетелями Дагестана и Русским государством устанавливаются прочные связи. Сразу после присоединения Астрахани сюда прибыли «гости» из Дербента, шамхальства и других владений Дагестана. «Звук оружия, — писал Н. М. Карамзин, — изгнал чужеземных кушцов из Астрахани, спокойство и тишина возвратила их. Они приехали из Шемахи, Дербента, Шевкал...»³¹. В эти же годы в Москву прибыло посольство из Дагестана, а в последующие годы послы появлялись здесь постоянно. Прибывшие в 1555 г. к Ивану IV послы из Дагестана, по словам документа, «дань же на себе кладут и на службе на государевы ходити хотят с государевыми воеводами вместе». В следующем, 1556 г. астраханские воеводы доносили царю, что к ним «была присылка о мире и о торговле от владетелей из Шемахи, Шевкал и Тюмени и они (воеводы. — Авт.) по государеву наказу послали к ним служилых татар»³².

В 1557 г. в Москву прибыло посольство от шамхала и от тюменского князя «с поминки бити челом», чтобы государь пожаловал их и велел «быти в своем имени, и в холопстве», с просьбой оберегать их от «всех сторон» и «торговым людям дорогу пожаловал»³³. Однако русское правительство стало на путь прямой поддержки находящихся в неприязненных отношениях с владетелями Дагестана кабардинских князей. В 1560 г., по просьбе сыновей кабардинского князя Темрюка, воевода Ивана Грозного И. С. Черемисинов вышел из Астрахани на судах в море, высадив десант у г. Тарки и заставил шамхала отступить в горы. Но, поскольку Россия не ставила целью захват Тарков, войска вскоре вернулись в Астрахань.

Русско-дагестанские отношения обострились еще и потому, что Будаи-шамхал оказывал помощь кабардинскому князю Пшеапшокову в его борьбе с князем Темрюком. В одном из сражений в Кабарде шамхал Будаи был убит.

Новый шамхал решил не обострять отношений с Россией и в 1567 г. отправил в Москву посла «с великими поминки». Он добивался, чтобы Россия защищала их от кабардинских князей и крым-шавкала, «а они все землю холопи государево не отступно»³⁴. Ответное посольство из Москвы в Тарки разрешило вопрос о согласии шамхала на постройку русского города на р. «Овечьи Воды» (р. Койсу-Сулак).

Установление тесных связей Москвы со старшим кабардинским князем Темрюком и шамхалом Дагестана и постройка у впадения Суужи в Терек русского городка в 1567 г. привели к укреплению русско-грузинских отношений. Однако в связи с резким обострением турецко-крымско-русских отношений и активизацией военных приготовлений Порты против Ирана на Кавказе, как известно, в 1571 г. Терско-Сунженский острог был снесен. И восстановлен он был лишь в 1579 г.

Выше говорилось о том, что после победы над шахскими войсками в битве на берегах Самура Осман-паша во главе значительных сил Порты совершил поход через Северный Кавказ в Крым. Магомед-Гирей Крымский был убит, а его сыновья бежали из Крыма: Саадет-Гирей и Сафа-Гирей бежали в Дагестан к шамхалу, а Мурат-Гирей — в Россию.

Весной 1586 г. в Москву из Дагестана прибыло посольство, в состав которого, кроме посланника шамхала, его брата, сыновей Султан-Магмута Эндереевского и Суркая, входили посланники с просьбой оказать помощь Мурат-Гирею. Вместе с тем они заверяли, что шамхал и Саадет-Гирей «буде турецкого и крымского рать пойдет в Кизылбаш, и им де о дороге битца, чтоб дороги не дати да и казны б из Азова в Дербень не пропустили»³⁵. В ответ русское правительство отправило Мурат-Гирея с большим войском в Астрахань. Ему было дано указание в случае похода на Крым договориться с шамхалом, тюменским князем, с ногаями Большой Орды, грузинским царем, с «черкасами» и со всеми «горскими князьями» о совместном выступлении против Крыма и подручных ему владетелей Малого Ногая, «а взяв Крым, сесди ему в Крыму царем, а служити ему царю и великому князю». Однако поход в Крым, как известно, не состоялся. Одновременно на шамхала оказывала воздействие Оттоманская Порта. Докладывая о сложившейся ситуации в донесении в сентябре 1589 г., воевода Хворостинин писал: «Шевкал деи отказал, что не хочет служити ни турецкому, ни московскому, а хочет жити о себе; а вам-де приказал шевкал, что хочет он быть под государевой рукою». А сына Темрюка Домонука шамхал просил «проведать быти ли государеву городу впредь на Терке, не будет ли ему покидки»³⁶. Более последовательными оказались другие феодальные владетели Дагестана. Посетив Дагестан, Ших-мурза Окоцкой (о нем речь ниже) доносил: «Да есть здесь Аварский князь и он тебе служил же; ...Да яж шевкалова Алкаса и с людьми его к шерти привел на том, что ему тебе, государю, служить и твоим государевым именем слыл к Турскому и к Крымскому не приставать». И действительно, в августе 1589 г. в Терки вместе с кабардинскими мурзами сын «Черного князя» Герей «шертвал» за всю Аварскую и Черную земли на верность России³⁷.

Однако строительство Терского городка и, особенно, распространившиеся (не без участия зарубежных эмиссаров) слухи о намерениях русских властей поставить и другие крепости в Дагестане обострили отношения шамхала и его кабардинских союзников — князей Кайтукина и Таусултанова с Россией. Тем временем Оттоманская Порта, достигнув значительных успехов в Закавказье, реально стала претендовать на Северный Кавказ. Допустить это русское правительство не могло. Поэтому, получив поддержку кабардинского князя Янсоха и хакетинского царя Александра, русское командование на Кавказе поставило в устье р. Койсу-Сулак острог, а затем и заняло Тарки. Но сохранить за собой земную резиденцию шамхала и продвинуться к столице его владения Кумуху стрельцам не удалось³⁸.

В конце XVI в. русское правительство попыталось договориться с шамхалом об урегулировании пограничных споров и приведении его к

шерти (присяге). Но эти переговоры не дали положительных результатов. Шамхал в категоричной форме требовал сноса Койсинского острога. Однако сложившуюся обстановку другие феодалы Дагестана оценивали иначе. В 1602—1603 гг. вассалы шамхала, кафыркумукский владетель Сурхай Тарковский и Султан-Махмуд Эндереевский, прислали в Москву послов с просьбой принять их в подданство России. Это совпало со временем, когда османы, принудив сефевидов подписать унижительный для себя мир, укрепились в Дербенте и стали на Каспийском море заводить свой флот. В Дагестане между шамхалом и его наследником крым-шамхалом вспыхнула ожесточенная междоусобная борьба. Шамхал, рассчитывая на помощь и поддержку султана, стал склоняться на сторону Оттоманской Порты. А наследник шамхала продолжал придерживаться русской ориентации. «Крым-шевкал,— говорили грузинские послы в Москве,— с нами в любви и дружбе: и кумыцкая земля половина с ним стоит, а мы их под государеву руку приняли и божьею милостью шевкальское дело плохо стало». Поэтому просили они у русского правительства «послать большую рать с вогненным боем», взять Тарки и шамхала бы «под царскую руку привели и через кумыцкую землю дорогу очистить»³⁹. И в последующие годы грузинские цари не раз жаловались шамхалам и настоятельно просили послать на «шевкала рать», поставить город в Тарках, «на Турзлуки у Соли» и на р. Бойнак.

Между тем, готовясь к новым схваткам с султаном, шах Аббас в переговорах с Москвой, обещая уступить Дербент, Шемаху и Баку, предложил русскому правительству заключить двойственный союз. Однако русское правительство, учитывая, что в сложившейся чрезвычайно сложной международной обстановке важное значение приобретал Дагестан, решило укрепить здесь свои позиции. С этой целью решено было предпринять поход в Дагестан. Поход 1604—1605 гг. возглавлял воевода И. М. Бутурлин. Русские войска, не встречая сопротивления, заняли Эндерей и Теплые воды, заложили крепость на Турзлуке; шамхал бежал в горы. Русские войска заняли Тарки и сразу же приступили к строительству укрепления, назвав его Новым городом.

Но затем Бутурлин был окружен в Тарках войсками султана, прибывшими из Шемахи, и отрядами шамхала и кабардинских феодалов из группировки Казыя Пшеалшокова и Шолоха⁴⁰. Оказавшись в тяжелом положении, Бутурлин «учинил мир» с пашой, «чтоб его выпустить (из Тарков.— Авт.) на Терек здорово». Однако эти условия не были выполнены. При движении на север значительная часть войска Бутурлина была истреблена. Сунженский и Койсинский остроги были сожжены. Но напасть на Терский городок османы не решились.

Между тем в Закавказье возобновились военные действия между Портой и шахским Ираном. На этот раз удачливее оказались войска шаха Аббаса. Господство Османской империи в Закавказье сменилось игом шахского Ирана. В этой обстановке произошла очередная внешнеполитическая переориентация феодальных владетелей. Горцы Дагестана, ведя самоотверженную борьбу с полчищами шаха, снова искали покровительства и помощи у русского правительства.

В 1610 г., в самый разгар шведской интервенции, шертовали перед терским воеводой на верность московскому царю тарковские правители Гирей и Ильдар Сурхаевы и бывшие с ними «в одиначестве» семь князей и мурз. Среди них Алибек Казикумухский, Мехти Аварский, Сурхай Карабудахкентский и др. Гирей обязался честно служить России, встречать и провожать русских послов и купцов на подвластной ему территории, выполнять все указания терских воевод. Давая эти обязательства,

Гирей просил разрешить кумыкским узденям и «черным» людям, имеющим пропуск с его печатью, свободный проезд в Кабарду и обратно. Положительное решение этого вопроса имело для Гирея очень важное значение, так как дружественные торгово-экономические и политические связи его с кабардинскими владельцами требовали поддержания постоянных взаимоотношений. Об укреплении связей Дагестана и других народов Северного Кавказа убедительно говорит тот факт, что в Смутное время, когда Россия вынуждена была отозвать с Кавказа часть войск для борьбы с польско-шведской интервенцией, в «Сунженских Гребнях» остались предоставленные сами себе терско-гребенские казаки, которые смогли сохраниться только благодаря добрососедским отношениям с горскими народами Северного Кавказа.

Начало вхождения Дагестана в состав России. В октябре 1612 г. второе ополчение, возглавляемое нижегородским посадским старостой К. Мининым и воеводой князем Д. Пожарским, окончательно освободило Москву от интервентов. Царем был избран Михаил Федорович Романов. И тем не менее положение в стране оставалось тревожным. Россия вынуждена была подписать невыгодный для себя мирный договор со Швецией в 1617 г. и Речью Посполитой в 1618 г. Весть о восшествии на престол нового царя в Дагестан привез гонец Гр. Шахматов. Владетели Дагестана не замедлили заверить Россию и нового царя в своей верности. В конце 1614 г. из Дагестана в Москву прибыл посол Томулдук, который официально подтвердил акт вступления тарковского Гирея в русское подданство. По сообщению посла, «Гирей-князь за свою братью и за детьми... великому государю ... шерть учинил, что ему, Гирею ... великому государю ... служити во веки и прями и ни к которым государям не приставати»⁴¹. Вместе с ним в подданство России «шертовали Казикумухский Алибек-князь з детьми, уварский (аварский.— Авт.). Махтей-князь, шевкалов сын Альбирой з детьми ж, Аметхан з братьею, ерпелнский князь Будачив, брат Магмет-Мирва. А у шерти ... говорили ... меж себя быти всем в одиначестве и служити и прями ... государю, и добра во всем хотети и впред быти под ... царского величества высокою рукою в холопстве неотступном на веки»⁴². Тогда же было принято решение правительства о принятии эндереевского владетеля Салтан-Магмуда в русское подданство. Находясь в мирных отношениях с шахом, русское правительство в эти годы соглашалось с фактом признания дагестанскими правителями «опчего холопства» России и Ирану. Однако каждый раз, когда над народами страны гор нависала угроза со стороны шахского Ирана, русское правительство брало их под свое покровительство и предотвращало агрессию Ирана на Дагестан. Естественно, что Москва постоянно оказывала помощь тем феодальным владельцам, которые придерживались русской ориентации. Так было и в 1615 г. Терские воеводы поддержали Гирея в его борьбе с Султан-Махмудом Эндереевским. После этого Гирей еще больше сблизился с Россией и оставался ей верным. На уговоры антирусски настроенных феодалов, чтобы он от государя «отстал и был бы с ними в одиначестве и ... государю не служил», Гирей категорически заявил, что он «от ... царские милости неотступен»⁴³. Как бы в ответ на это русское правительство указало терскому воеводе начать переговоры с Султан-Махмудом, а при этом дать ему понять, что он может быть принят в русское подданство, если только на то будут согласны Гирей и кабардинский князь Сунчалей Черкасский. Последовательная политика России в Дагестане дала положительные ре-

зультаты. Намного укрепились в эти годы отношения между шамхалом Султан-Махмудом Эндереевским, аварским ханом и др.

Начиная с 1616 г. значительно укрепились связи кайтагского удмийства с Россией. Добываясь русского подданства, удмий обязывался верно служить России и беспрепятственно пропускать через Кайтаг русских купцов⁴⁴, гарантировать их безопасность в пути и, в свою очередь, предлагал разрешить его «купчинам» беспрепятственно торговать в пределах Русского государства. Между тем внешнеполитическая обстановка, как указывалось выше, все более и более накалялась. В условиях надвигающейся со стороны шахского Ирана опасности шамхал Андий, Ильдар Тарковский, Алибек Казыкумухский, удмий Кайтагский, Султан Махмуд Эндереевский и другие, собравшись на съезд, заключили мир между собой и предложили Султан-Махмуду принять русское подданство и дать аманата (заложника) в Терский городок. Здесь же наследником шамхальского престола был избран Ильдар — сторонник сближения с Россией. При этом Москва обещала Ильдару при решении вопроса о принятии в подданство России того или иного владетеля Дагестана полагаться на его мнение. В 1616 г. грамотой царя Михаила Федоровича в подданство России был принят Султан-Махмут Эндереевский. В 1617—1618 гг. в Москву с заверением в своей верности и просьбой принять их в подданство России вновь обратились шамхал Андий, аварский хан, кайтагский удмий⁴⁵.

После смерти Андия на общедагестанском съезде феодалов шамхалом был избран Ильдар. А в скорое и русское правительство утвердило его в шамхальском достоинстве⁴⁶ и установило ему ежегодное жалование, равное жалованью старшего кабардинского князя. Ободренный поддержкой России, Ильдар-шамхал занял независимое от иранского шаха положение и, надеясь на военную поддержку, стал добиваться подчинения своей власти эндереевского владетеля. Русское правительство обещало оказать помощь «ратными людьми», но с выполнением обещания не торопилось. В самом начале 40-х годов XVII в. стало известно, что Ильдар намерен оказать помощь находящемуся на шахской службе крымскому царевичу Шагин-Гирею, который собирался воздвигнуть иранские крепости на Суэже, Татартупе и Елецком городище под Кабардой. Все это не могло не насторожить русское правительство. Москва перестала поддерживать стремление шамхала покорить Эндереевское владение.

В июле 1631 г. в Терском городке сын Султан-Махмуда Айдемир договорился с воеводой о совместных действиях против Шагин-Гирея и его покровителей кызылбашей. Тогда же к терскому воеводе обратился с письмом владетель Аварии. Подтверждая свое подданство Москве, он просил уведомить его в случае военных действий против Шагин-Гирея⁴⁷.

Удмий Кайтага Рустам-хан, находящийся в неприязненных отношениях с Ильдаром, также решительно отклонил предложения шахского ставленника Шагин-Гирея и склонился на сторону России. В 1631/32 г. в Москву прибыл посол удмий Рустам-хана Шамсей с просьбой принять Кайтагское владение в русское подданство и разрешить его людям свободно торговать в Русском государстве. Эти переговоры завершились успешно. В 1633 г. удмий в своей резиденции в с. Башли подписал шертную запись, составленную в Москве. «Мне, удмею, и детям моим, и братьей, и дядье, и племянником, и всем моим моего удмева владенья людем,— говорилось в ней,— к турскому султану, и в Крым, и в Ногай, и ни в которые государства от царского величества не отступити». Вместе с тем он обязывался выполнять все указания государя и «во всем слушати, и измены ни в чем не учинити, и с полков з государевыми недруги не

ссылаться и служить великому государю правдою во всем до своего живота»⁴⁸.

В 1635 г. в Москве побывало второе посольство от уцмий, в результате которого было подтверждено подданство и был урегулирован вопрос о таможенных пошлинах. Итак, в 10—30-х годах XVII в. почти все владения Дагестана вошли в состав России. Это отвечало экономическим и политическим интересам народов Дагестана и соответствовало объективному процессу вхождения Кавказа в состав России.

Вскоре русское правительство возобновило Сунженский острог. В итоге всего этого планы шаха были сорваны. Намечавшийся поход Шагин-Гирея на Северный Кавказ не состоялся.

После смерти Ильдара в шамхальстве возникли междоусобицы. Шах поддерживал Сурхай Тарковского, в то время как на съезде феодалов Дагестана титул шамхала был вручен Айдемиру, старшему сыну Султан-Махмуда. Владетелем Эндери остался другой сын Султан-Махмуда — Казаналип, который сразу же присягнул на подданство России. В 1637 г. Сурхай обратился к Москве с просьбой дать ему жалованную грамоту на достоинство шамхала. Однако русское правительство знало, что Сурхай протезе шаха, не получивший признания на общedaгестанском съезде феодалов, и поэтому в выдаче ему грамоты отказало. В 1641 г. в междоусобной борьбе кабардинских князей погиб шамхал Айдемир. Правитель Тарков Сурхай по старшинству мог бы быть утвержден шамхалом, однако этого не случилось. Он был обвинен в нарушении утвердившегося обычая престолонаследия, а также в связях с неугодной шамхальству феодальной группировкой Кабарды и изгнан из Кумыха. И все же при поддержке шаха Аббаса II он занял шамхальский престол. В 1642 г. Сурхай вновь обратился в Москву с просьбой выдать ему грамоту, утверждавшую его шамхалом. На этот раз настоячивые просьбы Сурхая были удовлетворены. В грамоте царя Михаила Федоровича Сурхаю об утверждении его шамхалом говорилось: «И пожаловали есмь по твоему челобитью, учинили тебя в Кумыках к большому чину в Шевкальстве... И ты б шевкал Суркай, будучи в Кумыках на шевкальстве, нам, великому государю ... з братью своею, и з детьми, и с племяники, и со всеми людьми о нашем государском деле радел и в нашем царском жалованье под нашу царскую высокою рукою был навеки неуступен и на наших недругов и непослушников с своими ратными... ходил и под нашу царскую высокую руку приводил»⁴⁹.

В начале 40-х годов XVII в., как указывалось выше, международная обстановка на Кавказе осложнилась. В 1639 г., заключив мир с Портой, шах Ирана Аббас II открыто стал вмешиваться во внутренние дела Дагестана. А в середине 40-х годов шахские войска, вступив в Кайтаг, сместили уцмий Рустам-хана, находившегося под покровительством России (под «государевой рукою»), и поставили уцмием Амир-хан-Султана⁵⁰. Однако и после этого русская ориентация в Дагестане не ослабла. Более того, в 1645 г. в Терском городке послы правителей Северного Дагестана дали шерть «за все их владень». В том же году в присутствии терского сына боярского в Аварии в резиденции аварского хана в Хунзаке состоялась церемония принятия в русское подданство аварского нупала. Он «шертовал» за свое владень «за 500 кабаков». Тогда же в Кафыркумухе «шертовал» кафыркумухский Багамет-мурза⁵¹.

Велись переговоры и со ставленником шаха уцмием Амир-хан Султаном. Но открыто «шертовать великому государю» без «шаха указа» уцмий боялся. И все же после длительных переговоров он дал шерть. Не менее сложным оказалось и положение Сурхай-шамхала. На переговорах

в Терском городке шамхал заявил, что он «по се время у шах Аббасова величества, как он учинился в Кизылбашской земле шахом, не бывал и ему не шертовал и аманатов не давал». Позже он задумал изгнать Казаналипа и подчинить своей власти Эндереевское владение. Но этому помешала поддержка, оказанная русскими властями и владельцами Кабарды эндереевскому владельцу.

Между тем в 1652 г. шахское правительство, недовольное восстановлением Сунженского острога, вместе с подручными им феодалами организовало нападение на русскую крепость. Однако и эти крайние меры шаха не достигли желаемых результатов. Провал агрессивных планов шаха еще больше сблизил владельцев Дагестана с Россией. В 1658 г. при посредстве кабардинского князя Касбулата Мудаловича Черкасского и Казаналипа Эндереевского на русское подданство присягнули Ахмед-хан Мехтиев Дженгутейский, казанищенский владелец Будаи и др.

В 1659—1660 гг., как указывалось выше, в Дагестане происходило антииранское движение, которое было жестоко подавлено войсками Ирана. Россия, будучи занята войной со Швецией и Польшей, не могла отвратить шахскую агрессию и оказать горцам вооруженную помощь. Но направленному послом в Иран в 1662 г. князю Мирославскому было дано указание «проведать, за что на кумык и на Тарковского Сурхая шевкала шаховы ратные люди войною» посылались и «что у них в той войне сделалось»⁵². В обстановке новой агрессии шаха в 1662 г. владелец Буйнака Будаи «учинился вновь в вечном неотступном холопстве царю». С подтверждением подданства в г. Терки обратился и аварский владелец Турлов Алейхан-мурза⁵³.

Из сказанного видно, что все укрепляющиеся дагестано-русские политические связи в начале 40-х годов XVII в. завершились принятием подданства России всеми феодальными владельцами Дагестана.

5. Политические связи народов Центрального Кавказа с Россией

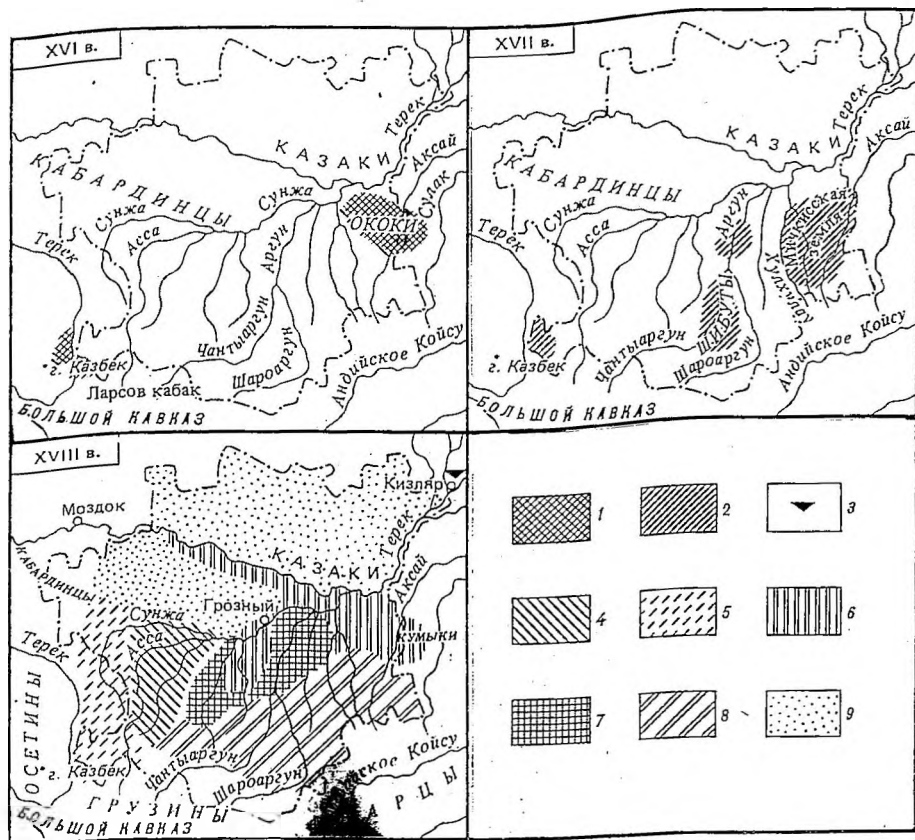
Взаимоотношения чеченцев и ингушей с Россией. Вхождение адыгских народов (кабардинцев, адыгейцев, черкесов и абазин) и Дагестана в состав России, строительство по просьбе горцев на Тереке и Сунже русских крепостей способствовали укреплению политических и иных связей населения Центрального Кавказа с Россией. Выше отмечалось, что в XVI в. вблизи Терского городка образовалась слобода окочан. В 1588 г. они добровольно приняли русское подданство. В челобитной царю Федору Ивановичу правитель окочан Ших-мурза писал: «Преж сево которые ваши государевы на Тереке города были,— и в те поры я с отцом своим Ушарым-мурзою тебе, государю, верою и правдою служили; и после того как велел еси, государь, те города разорити,— и мы тогда с твоими государевыми с терскими атаманы и казаки тебе, государю, служили... и х турскому, и х крымскому не приставал и им которые прямили и тех с твоими государевы казаки воевал. И как нынче прислал еси, государь, воеводу своего М. И. Бурцова с товарищи на Терек город ставить ... и я тотчас в тот новый город к твоим государевым воеводам приехав, перед ними тебе, государь, правду дал». Отец мой Ушарым мурза «приказывал: слово твое на голове держати и тебе служит, сколько твоей службы не будет»⁵⁴. И действительно, владельцы ококов служили верою и правдой Ивану IV Грозному и его сыну Федору Ивановичу. Однако наибольших успехов в своей службе в России достиг

Ших-мурза Окоцкий. С подвластными ококами и мичикизами Ших-мурза участвовал почти во всех мероприятиях терских воевод. Заметную роль играл он и как посредник во взаимоотношениях терских воевод с владельцами Северо-Восточного Кавказа. Он сопровождал русские посольства в Закавказье. О верной службе России Ших-мурзы хорошо знали в Москве. Высоко оценивая деятельность владельца окочан, в ответной грамоте Ших-мурзе русский царь писал: «Нам твоя прямая служба ведома ... Держати тебя и твой юрт под своею царскою рукою и в обороне тебя держати хотим ото всяких недругов и воеводам нашим Астраханским и Терским в том приказ наш царский крепкой»⁵⁵. Тогда же подданства России добивались Султан-мурза, предводитель ингушского общества Ларс в Дарьяльском ущелье. В 1588 г. русским послам, которых он сопровождал в Грузию, «Султан-мурза говорил: то есм слышал от узденей и брата своего Ших-мурзы Окоцкого, что кабардинские все князи били челом в службу государю вашему, а яз ныне хочу государю же служить по свою смерть, как государю вашему служит брат мой Ших-мурза Окоцкой. И на непослушников государевых со государевыми воеводами ходить готов и на то государю правду даю, шертую на Каране и вас проважаю... А вы мою службу государю своему известите, чтоб государь пожаловал, велел дать мне свою государеву грамоту, какую прислал к ... Ших-мурзе» (присягнувшие России местности см. на карте 7).

В 1595 г., когда в междоусобной борьбе Ших-мурза был убит, окочане решили: «И как ... Ахматкан (кумыкский князь.— *Авт.*) убил Ших-мурзу и нас почал к себе звати, а землицею хотел окоцкою владети; да и пные, ... многие горские князи и мурзы нас призывали к себе. И мы ... не хотим им ... служить и под ними век быти, покиня свои дома и живот вес пометав, з женами своими и детьми из окоцкой землицы утекли душею да телом и прибегли в ... Терский город на житье на век»⁵⁶. С тех пор окочане проживали в городке Терки и постоянно принимали в свои ряды не только бежавших из Чечено-Ингушетии, но и из других районов Северного Кавказа. В конце 1605 г. в Москву вместе с кабардинским князем Сунчалеем Янгличевым приехал Батай-мурза. Его сопровождали пятеро терских ококов. Здесь Батай был принят и обласкан Лжедмитрием I, очевидно, признавшим его главенство над терскими окочанями, и пожалован деньгами и дарами. Ему было разрешено также приобрести 16 металлических доспехов «на себя и свои люди». Выдано было жалованье и его узденям, среди которых Тавбурла Темиргозин назван «лутчим»⁵⁷. Возвратившись в Терский городок, Батай-мурза продолжал нести службу России до ноября 1609 г., после чего он бежал с семьей и несколькими сподвижниками в родные «окоцкие кабаки», где примкнул к Султан-Махмуду — владельцу Эндери⁵⁸. По всей вероятности, причиной неожиданного отъезда было неудачное соперничество между Батаем и Сунчалеем, постепенно завоевывавшим позиции «начального» над всем нерусским населением Терского города. Однако весной 1616 г. Батай-мурза вновь принес присягу и был принят в русское подданство, но и в последующие годы оставался в Окоцкой земле.

Ококи Терского города по-прежнему играли видную роль в поддержании связей России и горских народов Северного Кавказа. В 1614—1621 гг. служилые ококи неоднократно бывали в Москве, привозили «от всех окоцких жилицких людей» разнообразных челобитные. Посылались ококи также «во все горские землицы» прилегающих к Теркам районов с различными поручениями. Не без влияния окочан и других проживающих в Терках и близ Терков горцев складывался тип русского служилого люда на Кавказе вроде терского стрелецкого сотника Микиты Зиновьева,

Карта 7. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России в XVI—XVIII вв.
 XVI в. 1 — Общества Чечено-Ингушетии, присягнувшие России во второй половине XVI в.,
 XVII в. 2 — Общества Чечено-Ингушетии, присягнувшие России в XVII в.,
 XVIII в. 3 — Ожоки в. Кизляра (присягнувшие России в 1735 г.), 4 — Карабулак
 (присягнувшие России в 1762 г.), 5 — Ингуши (присягнувшие России в 1770 г.),
 6 — Чеченцы, вошедшие в состав России на протяжении 30—70-х годов XVIII в.,
 7 — Основные сельские общины плоскостной Чечни, договорно оформившие условия
 подданства и возобновившие присягу России в 1781 г., 8 — Общества горной Чечни,
 вошедшие в состав России через посредство плоскостных чеченцев в 40—70-х годах
 XVIII в., 9 — Земли, не заселенные в 1781 г.

говорившего «по-татарски» и «все их (горские.— Авт.) обычаи ведавшего».

Возможно через посредство тех горцев, что далеко разъезжали по «государевым службам» либо оказывались причастны к судьбам довольно многочисленных в то время посольств через Кавказ (причем не только русских, но и западноевропейских), попадали сюда европейские монеты и различного рода украшения, найденные в погребении начала XVII в. у сел. Гатын-Кале и Махкеты в Чечне. Довольно высокая осведомленность русских источников XVI—XVII вв. о чеченцах и ингушах является показателем оживленности связей между ними. В документах той поры с различной степенью постоянства фигурируют горские чечено-ингушские общества (Мичкисская, Окопкая, Мерезинская, Шибутская, Мулкинская, Отчанская, Калканская и другие «земли» и «землицы», Ероханские, Тшанские и другие «люди» и «кабаки»), одновременно общающиеся с Россией. Представители их, в частности, участвовали в похо-

дах совместно с войсками Терского городка и его союзниками, приезжали «для своих надобностей» в Терки, принимали у себя служивых оков, гребенских казаков и терских стрельцов, ездивших в эти годы «на государеву службу», для «государева дела»⁵⁹. В 1627 г. шибутские люди Лаварсканко Языев и Затышко Лаварсанов (очевидно, отец и сын) принесли России присягу за 20 дворов из родного селения⁶⁰. Отдельные эпизоды военных столкновений, продиктованные сложной местной политической обстановкой и постоянными междоусобными происками местных феодальных верхов (например, «поиск» терских стрельцов и казаков в 1616 г. против Султан-Махмуда, укrywшегося в Окоцких «кабаках»); поход терских ратных людей в горы Чечни в 1618 г. (по просьбе «верского Нуцала-князя и брата его Сулемана-мурзы и Чернова князя сына Турлова-мурзы»), не меняют общей картины мирных и дружественных в целом русско-чечено-ингушских отношений.

Взаимоотношения России с Осетией, Балкарией и Карачаем. В конце XVI — начале XVII в. взаимоотношения Осетии с Россией все более и более укреплялись. Постоянная угроза экспансии иноземных захватчиков, давление соседних феодалов усиливали стремление осетинского народа встать под покровительство России. Участвовавшие проезды через Осетию грузинских послов, добровольное присоединение Кабарды к России еще больше упрочили ее связи с Россией. Кабардино-осетинские и осетино-грузинские отношения носили традиционный характер. Кабардинские владетели, используя свое выгодное положение в предгорных и плоскостных районах, имевших жизненное значение для осетин, балкарцев и других, стремились извлечь из этого материальные выгоды. Тагаурские владетели, со своей стороны, старались заручиться поддержкой влиятельных кабардинских князей, прочно связавших свою судьбу с Россией. Между ними развито было куначество, установились брачные связи. Русские послы в Грузии Михаил Татищев и дьяк Андрей Иванов в 1604—1605 гг. сообщали, что «осинцы бывали в Айтек-мурзою Черкасским да от него отложились»⁶¹.

Кабардинские князья распространили свое влияние и на балкаро-карачаевцев, живших в Черкесском, Чегемском и Баксанском ущельях. Из распросной речи в Посольском приказе кабардинского мурзы Каншова Битемрюкова стало известно о рудных залежах в местечке Абасте Табиста, вблизи «Ибаковых кабаков», которые находятся под государевой властью. Русское правительство отправило в Кабарду и Балкарию экспедицию во главе с «рудознатцами» и «золотознатцами» С. Фритчем и Г. Герольдом. Экспедиция обнаружила, что местечко Абиста принадлежало балкарским таубиям Апше (Апшита) и Абдаулу, которые пользовались поддержкой кабардинского князя Ибакова. В отписке терского воеводы Дашкова от 11 января 1629 г. уточнялось, что «живут в тех порях ясачные люди кабардинских мурз Ильдара з братею Ибаковых детей, да из Балкар и тем де место Балкары владеет его, Каншов-мурзы, племянник Абшита Взреков»⁶².

И действительно, балкарские таубии Абдаул и Апш приходились племянниками кабардинскому князю Пшимахи (их мать была сестрой Пшемахи). И, что особенно важно, они, как подчеркивает источник, «слушают ... Черкасского Алегуку-мурзу Шеганукова», который «послушен государю». Таким образом, это балкарские таубии, хотя и не жившие и не «дававшие закладов» в Терском городке, все же через кабардинских князей были связаны с Терками. В XVII в. постепенно устанавливались связи терских властей и с живущими на перевальных путях в Грузию

балкарцами и карачаевцами. Слово «Карачай» встречается в посольских документах лишь с 1636 г. под названием «Карачаево-Кабарда». Известно также, что в 1639 г. Федот Елчин ездил к карачаевским мурзам — Езбуздуку и Галистану и менял у них «сукна шелковые и бумажные» на персидские деньги, серебряные женские украшения и серебряную посуду.

Русско-ногайские отношения. Во второй половине XVI в. взаимоотношения России с ногайскими улусами были разнообразны. Более устойчивыми были связи Русского государства с Большими Ногаями. Что же касается Малого Ногай, то они, кочуя вблизи Крыма, большей частью пребывали под влиянием Османской Порты и Крымского ханства. Нередко были даже случаи, когда султаны и ханы инспирировали их выступления против адыгских народов, ориентировавшихся на Россию. Сложными оставались отношения Малых Ногаев с Россией и в XVII в. Часто в зависимости от внутренних раздоров и внешнеполитической обстановки они меняя свои кочевья, вынуждены были столь же часто менять свою политическую ориентацию. К тому же в своих корыстных целях крымские ханы делали все возможное, чтобы поссорить ногайцев с горскими народами Кавказа и казаками. Столкновение между ними крымские ханы могли использовать для очередного вторжения на Северный Кавказ. Одновременно крымские ханы пытались увести часть ногаев. Но несмотря на все это в 40-х годах XVII в. Большие Ногаи отошли от Крыма и приняли подданство России. Позже, как указывалось выше, ногайское объединение распалось на отдельные, мало связанные между собой части. Часть ногаев, кочевавших вблизи Терского городка и казачьих станиц, поддерживала дружественные связи с Россией и русским населением Северного Кавказа; другие, живущие поблизости от владений крымского хана, часто меняли внешнеполитическую ориентацию, склоняясь то на сторону хана, то на сторону России. А та часть ногаев, которая проникла в верховья Кубани на современную территорию Карачаево-Черкесии, была самостоятельной. Терские воеводы хорошо были осведомлены о них, но непосредственных сношений в первой половине XVII в. с ногаями не установили.

Укрепление связей народов Центрального Кавказа с Россией в первой половине XVII в. Новая активизация взаимных связей населения Центрального Кавказа с Россией началась во второй половине 30-х годов XVII в. В 1633 г. в Терский городок, а в 1638 г. — в Москву прибыло посольство из «Дадрианской земли» (Мегрелии). Оно стало началом развертывания многочисленных дипломатических акций. В 1637—1640 и 1647—1648 гг. состоялись посольства (соответственно Волконского и Хватова, Мышецкого и Ключарева) в Кахетию. В 1639—1640 гг. в Мегрелию было направлено посольство Елчина и Захарьева, а в 1650—1652 гг. — посольства Толочанова и Ивлева, Жидовинова и Порошина. В 1657—1659 гг. кахетинский царь Теймураз, находившийся в это время у имперетинского царя Александра, предпринял путешествие в Москву и обратно в Кахетию. Маршруты всех названных миссий (кроме посольства Мышецкого и Ключарева, шедшего вдоль побережья Каспийского моря до Дербента) пролегали через Центральный Кавказ. При этом из-за междоусобиц арагвского эристава с кахетинским царем пришлось отказаться от традиционной дороги через Крестовый перевал. Посольство Волконского и Хватова в Кахетию, не доходя сел. Ларс в Дарьяльском ущелье, свернуло на юго-восток и через боковое ущелье

(скорее всего р. Армхи) прошло в глубь Тушетии, а оттуда — в Панкисскую долину. Был и еще один путь в Кахетию, минуя Дарьял, — через верховья р. Аргун. Им пользовались ококи Терского городка, а также тушинские и грузинские посольства.

Путь в Имеретию от района Татартупа и Анзоровой Кабарды шел либо по рекам Псыгансу, Череку Балкарскому и через Балкарское ущелье выходил в Рачу, либо — через Дигорское ущелье выходил к перевалу Гезе-афнег в Раче. Маршрут в Мегрелию пролегал от Алегукиной Кабарды через Карачаеву Кабарду в Сванетию. Все эти перевальные дороги через Главный Кавказский хребет создавали большие трудности для русских и ответных посольств и вместе с тем неизбежно вводили их в тесное соприкосновение с окрестным горским населением, как правило, содействовавшим послам. Поэтому «статейные списки» и «распространенные речи» названных дипломатических миссий содержат не только ценные сведения по этнографии этих народов, но и данные о их взаимоотношениях с Россией и своими соседями.

При первом же прибытии русских послов в Осетию к ним явились дигорцы Измаил и Чибирка и сообщили, что они находятся в дружбе с кабардинскими князьями Алегуко и Хатождуко, которые оберегают их от врагов, а за ними в горах вверх по «реке по Урухе» находятся стырдыгорцы в количестве 20 «кабаков». В ходе переговоров они заявили о желании их народа отдаться под покровительство России: «Только де государь изволит близко гор поставить свой государев город и воинских людей устроит и они де, дигорцы, и все горские люди будут его государевы холопы. И что дают черкасским мурзам ясак, и тот ясак будут давать московскому государю»⁶³.

В период имеретинского посольства стало известно, что балкарский владетель Артутай Айдабулов, вассал и аталык кабардинских князей, проявил интерес к России. Его «дети» в числе других балкарских феодалов проводили в 1655 г. Василия Жидовинова и Федора Порошина «до гор» в Балкарии («в Балхаровой щели»). Он сам сопровождал кахетинского царя Теймураза до Москвы, где и был в сентябре 1658 г. принят царем Алексеем Михайловичем и получил жалованье «сорок соболей в 40 рублей». Артутай пробыл в столице России около года, а затем возвратился на родину. Мы не знаем, о чем он конкретно говорил в Москве, но, несомненно, как первый посланник Балкарии он не мог не ставить вопрос об установлении и укреплении связей с Россией.

Послы Волконский и Хватов, первые из русских дипломатов, воспользовавшись энергичной помощью «земли своей владельца» Хавсы, побывали в ряде мест в Ингушетии. В дипломатических документах середины XVII в. не раз упоминаются и различные чеченские «землицы». В рапортах терского воеводы кн. В. А. Оболенского, датированных 1646—1647 гг., излагаются сложившиеся взаимоотношения между «мичкизянами», Кабардой, обитателями Терско-Сунженского междуречья, гребенскими казаками; он особо выделяет обстоятельства принятия русского подданства «всею Мичкизскою землею», насчитывавшей «36 кабаков». От лица мичкизов в этом событии выступили «выбранные лутчие люди ото всей Мичкизской земли Муралея с товарищи четырех человек»⁶⁴.

В том же, 1647 г. «начальные люди» четырех шибутских кабаков — Алга, Анака и Ильдей — шертовали «на Коране» в подданстве России. Одновременно в источниках появляется целый ряд названий «кабаков» и «деревень» шибутских людей (Дикеева, Баранцева, Тумцова, Шандорова, Уйтева и др.), сообщается о зависимости части из них от кабардинских мурз и дагестанских феодалов. Прибывшие в 1657 г. в Москву грузин-

ские послы передали, что они проехали через Шебуты и что люди этой «земли ... приказали им — буде великий государь изволит их, грузинцев, принять под свою государеву высокую руку, и они б великому государю и об них били челом, чтобы великий государь изволил и их под свою государеву высокую руку принять с ними ... вместе и в том де они меж собою верились, чтоб им быть вопче»⁶⁵. В 1657—1658 гг. трое шибутцов — Алхас, Сусло, Алхан — вместе с группой тушин и кахетинским царем Теймуразом, балкарским владетелем Артутаем прибыли в Москву, где они были приняты русским царем и одарены (причем Алхан — на уровне Артутая), «учинили веру в соборной церкви» в Кремле и дали ценную информацию о Шибутской земле. В письме к царю Алексею Михайловичу, излагая цель своего прибытия, шибутцы подчеркивали: «Мы, из Шибутского джамаата, чтобы быть подданными великого царя», обещали привести под протекцию царя «много много сел», настойчиво просили принять их в подданство России⁶⁶. В связи с этой присягой из Терского городка в Аргунское ущелье в 1658 г. «для разведывания и до-смотру» был послан стрелецкий голова Михайло Молчанов. Он составил «роспись Шибутцкой земли владельцам и сколько за кем во владенье дворов».

В последней трети XVII в. грузинскому царю Арчилу и его сыновьям не раз приходилось скрываться от врагов в Дигории и Балкарии. Оттуда они проезжали через Кабарду в Терский городок.

Естественно считать, что без содействия горских партнеров России такие поездки не совершались. Поддерживались отношения по-прежнему и с обитателями Аргунского ущелья. В 1674 г. в Терках среди многих прочих кавказских аманатов названы и люди от Шибутской земли⁶⁷.

На равнине, примыкающей к Аргунскому ущелью, в районе старинного городища Чечень, использовавшегося, вероятно, и казаками до середины XVII в., о чем свидетельствует епископ Епифаний, в 1665 г. появляется постоянное чеченское население, находившееся под управлением мурзы Алхана, представителя феодальной фамилии Турловых, который упорно ищет русского покровительства⁶⁸. В 1658 г. в связи с посольством в Москву грузинского царевича Давида впервые в русских источниках упоминается этническое имя «чеченцы», т. е. название, ставшее впоследствии в устах русских собирательным и обозначающим один из вайнахских народов, самоназвание которого «нахче». Продолжают свою жизнь в Терском городке и служилые ококи, ряды которых пополняются новыми выходцами из предгорий и гор. Согласно «росписи служилым людям» в Терках, «в слободах черкасских мурз» к 1637 г. проживало «жалованных новокрещенов и узденей и юртовских татар и окоцких людей 350 человек» и «прохожих нежалованных черкес и окочан, и татар, и мичкизян, и шибутян, братья и детей 680 человек»⁶⁹. По словам иностранцев, горские обитатели Терков (черкесы, ококи и др.) «говорят по-русски»⁷⁰. Они по-прежнему несли нелегкую службу во многих уголках Центрального и Северо-Восточного Кавказа, участвовали в составе русских войск в обороне Северного Кавказа от войск шаха, султана и крымского хана.

Представители терских ококов неоднократно названы в числе спутников кабардинских князей и мурз, выезжавших в Москву в 1640—1642, 1645—1646, 1648 и 1674 гг. Окоцкие мурзы Кожостров, Бийтемиров, Албирь, Чепай, будучи верны России, своей деятельностью способствовали укреплению русского подданства среди своих родичей, оставшихся в «горских земляцах».

Развивающиеся на протяжении всего XVII в. контакты населения Центрального Кавказа с Россией постепенно размывали прежнюю замкнутость горских обществ, приводя их во все более тесное соприкосновение с историей и культурой многонационального Русского государства, к которому они проявляли очевидное тяготение.

Участие народов Северного Кавказа в борьбе Русского государства с Крымским ханством и в русско-турецкой войне 1678—1681 гг. Оправившись после шведско-польской интервенции, Русское государство в 30—50-х годах XVII в. развернуло грандиозные по своим масштабам оборонительные работы в южных областях страны. Была восстановлена и расширена «засечная черта». Только в районах основных направлений походов крымских татар в течение 30—40-х годов XVII в. было построено 28 новых городов. Энергичные меры Русского государства по укреплению южных границ привели к перелому в русско-крымских отношениях в пользу Москвы. Открылись широкие возможности для дальнейшего, более активного вовлечения народов Кавказа в сферу политики Русского государства для равностороннего их сближения.

Русско-кавказские отношения стали заметно расширяться и углубляться. Стремясь не допустить сближение народов Северного Кавказа с Россией, крымские ханы, как отмечалось выше, резко активизировали свою военно-политическую деятельность, стали совершать частые набеги крупными силами на Северный Кавказ, в особенности на адыгов, а также и в глубь территории России. Все это создавало напряженную обстановку как на Северном Кавказе, так и по всей линии южнорусской границы. В Кабарду, Дагестан, ногайские улусы и в другие места для ведения антирусской пропаганды были отправлены многочисленные эмиссары султана и хана.

Однако не только поднять горцев на борьбу с Россией, но и помешать их сближению они оказались не в состоянии. Горские князья и правители Малых Ногаев обычно отказывались от участия в их походах. Притязания султана и хана усилились особенно после того, как русское правительство оставило Азов. В этих сложных внешнеполитических условиях в Москве было признано необходимым принять решительные меры по поддержанию народов Северного Кавказа и казачьего населения юга страны, ведущих неравную борьбу против агрессии Крыма и Порты.

В мае—июне 1646 г. на Дон с отрядом русских войск прибыл воевода Ж. Кондырев, а из Астрахани — князь С. Пожарский. Предполагалось, что командующий русскими войсками князь С. Пожарский двинет основные силы на Крым. Однако по настоятельной просьбе донского казачества основные силы были сосредоточены в окрестностях Азова. К ним присоединился и прибывший с Северного Кавказа значительный отряд (1200 воинов) под командованием кабардинского князя Муцала Черкасского⁷¹, состоящий из терских ратных людей, чеченцев, кабардинцев, тюменцев, ногайцев и др. Отряд Черкасского сразу же вступил в боевые операции русских войск. Но особую стойкость и высокие боевые качества проявили горцы в разгроме десятитысячного войска крымского царевича Ният-Гирея. В первых числах июля 1646 г. после ряда удачных боев с вражескими силами русские войска расположились на отдых в районе казачьего города Черкасск на «крымской стороне» Дона. Отряд же Черкасского остановился отдельно на противоположной, «ногайской стороне» реки. Перед утренней зарей 6 июля на него неожиданно напало крымское войско под водительством царевича Ният-Гирея. Отряд Муцала Сунчалеевича смело вступил в бой с многочисленным войском крымских

татар. Это дало возможность основным силам русских войск и донских казаков благополучно переправиться через Дон и вступить в сражение. Характеризуя действия отряда Черкасского, донской атаман Осип Петров доносил: крымские войска — «десять тысяч человек — напали на Черкасского и на Бий-мурзу Исцерекова. И послыша мы тот их бой и крик, вышли мы к нему, к князю Мусалу, на выручку... А твоего царского величества стольнику и воеводе князю Семену Романовичу Пожарскому подали мы о том весть.. И князь Семен Романович Пожарский пришел к нам со всею ратью, не замешкав ни часу. И билися, государь, мы с ними с утра и до вечера, и кровопролитие, государь, у нас с ними было великое»⁷². Крымцы понесли большие потери и вынуждены были отступить.

В русских войсках служили представители народов Северного Кавказа и во время русско-польской войны. Кабардинский князь Яков Куденетович Черкасский командовал отрядом войск в Терском городке, князь Касбулат Муцалович Черкасский был одним из организаторов похода калмыков и других на Крым и сам со своими людьми принимал участие в этом походе.

Известно, что в 1669 г. Османская империя ультимативно потребовала от России отказаться от Украины. Русское правительство отклонило эти требования. Понимая, к чему все это приведет, русское правительство стало готовиться к войне и, чтобы выбить у врага инициативу и обезопасить свои южные границы, в начале 70-х годов предприняло ряд походов против Крымского ханства. В них самое деятельное участие приняли кабардинцы, чеченцы, тюменцы, гребенцы и другие северокавказцы.

В 1672—1673 гг. Касбулат Муцалович Черкасский с отрядом из горцев разных народов Северного Кавказа и 10-тысячным войском калмыков выступил в поход против крымских войск, отбил и освободил русских пленных. В 1674—1675 гг. отряд князя К. М. Черкасского снова принял деятельное участие в походах русских войск против Крыма и крепости Азов под начальством русского воеводы Я. И. Хитрова. Касбулат Муцалович и на этот раз сумел привлечь калмыцкие войска к участию в походе. Оживленные сношения поддерживал он и с донским атаманом Корнилой Яковлевым и атаманами запорожских казаков. Учитывая воинский опыт Касбулата Муцаловича, его неоднократно приглашали в Москву для обсуждения в Посольском приказе планов военных действий⁷³.

В начале русско-турецкой войны 1677—1682 гг. главные военные действия развернулись вокруг крепости Чигирин, на правом берегу Днепра. Летом 1678 г. Касбулат Муцалович с отрядом около 4 тыс. воинов подошел к Чигирину и принял участие в упорных боях с войсками султана и хана. Хотя удержать крепость Чигирин и не удалось, но османско-крымские войска были настолько ослаблены в боях, что и они оставили Чигирин, разрушив его укрепления.

В 1679—1680 гг. отряд князя Касбулата Муцаловича был направлен для защиты от набегов крымского хана районов Левобережной Украины, городов Чугуева и Харькова. В его войске, кроме кабардинцев и других горцев, были и ногайские мурзы со своими людьми⁷⁴. В 1680 г. по просьбе гетмана Ивана Самойловича князь Касбулат со своим отрядом направляется под Киев для охраны переправы через Днепр.

Касбулат Черкасский принимал участие и в мирных переговорах России с Портой. Русское правительство поручило ему начать с крымским ханом предварительные переговоры о мире между Россией и Портой. В 1679 г. он послал крымскому хану Мурат-Гирею своих доверен-

ных людей и предложил от своего имени снестись с султаном на счет заключения мира с Россией, обещая свое посредничество в Москве. В ответном обращении к Касбулату крымский хан выдвинул неприемлемые для России требования, но впоследствии сам дал знать о желании султана начать переговоры, после чего начаты были переговоры, завершившиеся заключением в начале 1681 г. в Бахчисарае мирного договора, по условиям которого Высокая Порта признала за Россией Левобережье Украины вместе с Киевом.

Через пять лет, в 1686 г., был подписан с Польшей «вечный мир», который ликвидировал длившийся многие годы конфликт между обоими государствами. Польша и Россия объединили усилия в борьбе против осmano-крымской агрессии. Поэтому Россия сразу же заявила об отказе от Бахчисарайского договора с Портой.

Конец XVII в. ознаменовался возобновлением военных действий против Османской империи. В июле 1696 г. русские войска взяли Азов. Это был крупный военный и внешнеполитический успех Петра I. Взятие Азова и создание русского морского флота подготавливали условия для вытеснения Порты с Северного Кавказа и вместе с тем открывали новые перспективы для укрепления и расширения русско-северокавказских взаимоотношений.

6. Экономические связи северокавказских народов с Россией в XVI—XVII вв.

Торгово-экономические связи. С установлением и укреплением политических связей развивались и торгово-экономические связи народов Северного Кавказа с Россией. Выше уже отмечалось, что после присоединения Астрахани к России сюда прибыли из Дагестана торговые люди «со всякими товарами». В развитии русско-кавказской торговли важное место занимал и крупный торгово-ремесленный центр Северо-Восточного Кавказа — Дербент. Английский посол в Москве в XVI в. Д. Флетчер сообщал, что вблизи Астрахани «лежит область Шелкалы и Мидия (Азербайджан), куда ездят русские купцы добывать шелк-сырец, сафьян, кожу и другие произведения. Дербент и Шемаха — главные города... где находится складочное место шелка-сырца».

Торгово-экономические связи Северного Кавказа с Россией поддерживались, как уже отмечалось, через Каспий и по сухопутной караванной дороге (Астрахань — Терки — Эндерей — Тарки — Дербент и далее).

Торговые отношения по морскому пути и указанной караванной дороге интенсивно развивались, ослабевая лишь в периоды борьбы горцев с иноземными захватчиками. В годы иностранной военной интервенции и Крестьянской войны укрепление торгово-экономических связей России с северокавказскими народами было крайне необходимо для жителей селения Терки и вообще всего русского населения края. Жители Терки, не получая продуктов питания из России, приобретали хлеб и другое в Кабарде, Тарках, Карабудахкенте, у дербентских купцов, приезжавших в Терки. Подвоз хлеба из этих районов в Терки не прекращался и позднее.

В конце первой четверти XVII в., как отмечалось выше, Терская крепость становится крупным торговым центром, где имелись торговые ряды и гостинные дворы, в которых велась торговля между русскими, северокавказскими, закавказскими и восточными купцами. Два раза в неделю, в базарные дни, местные северокавказские жители пригоняли в Терский

городок лошадей и скот на продажу, северокавказские феодалы отгоняли в Москву табуны лошадей через так называемые ордобазарные станции⁷⁵.

Из Дагестана в Россию шли кумачи красные, платки, паласы, ковры, сафьян, кожи, овчины бараньи, сабли, нефть, марена, орехи грецкие, курага и др. Дербентские купцы, имевшие собственные суда, систематически занимались реэкспортом в Русское государство из Закавказья и стран Ближнего Востока товаров, пользовавшихся особым спросом на Руси, таких, как шелк-сырец, киндяки, дараги, ковры, камка, атлас, парча, бархат, кисея, сафьян, замша и пр. Перепродажа шелка-сырца и изделий из него приносила огромные доходы занимавшимся этим промыслом торговцам Дагестана и русским купцам. В Терках и Астрахани пуд шелка-сырца стоил 45—50 р., в то время как в Ярославле за него платили 50—60 р., в Архангельске — 70 руб., а в странах Западной Европы еще дороже.

Из Кабарды шли войлочные и кожаные изделия, конская упряжь и седла, оружие, известное под названием «черкасское», шлемы, панцири, бурки и всевозможные продукты сельского хозяйства. Поэтому в своих донесениях терские воеводы отмечали, что черкаские земли являются житницей для горожан Терки. В России высоко ценились лошади-аргамаки кабардинской породы. Образование Окоцкой слободы способствовало развитию торговых отношений чечено-ингушских обществ с Терки. Затем установились связи с Астраханью. В 1676 г. терский окочанин, например, вывез из Астрахани такие товары: семь «юфтей красного товара», шесть — муки ржаной и пшеничной, 15 коробок красных, 10 лариков окованных, 30 мерлушек, 10 зеркал, 2000 иголок, полпуда белил, два аршина сукна немецкого, шесть пудов смолы, 60 ножниц, 10 сит, два пуда зеленой котловой меди, две лохани большие зеленой меди, 5 мехов заячьих белых, да «бархат изобрат», да работных людей 10 человек. Постепенно в торгово-экономические связи вступили и жители нагорной части Северного Кавказа.

В самом начале XVII в. на Терек по торговым делам приезжали чеченцы из Аргунского ущелья. В 1629 г. терский стрелец сообщал в Москву о том, что он ездил к черкесам и чеченцам Калкана и Мылкыцы «под грузинскую землю» для приобретения свинца⁷⁶.

Налаживалась торговля Осетии с Россией. Терские ококи поддерживали также тесные торгово-экономические связи с Астраханью. Русские хлопчатобумажные товары и металлические изделия поступали к осетинам через кабардинцев или грузин, или непосредственно через русских торговцев и послов, направлявшихся по территории Осетии в Закавказье⁷⁷.

В XVII в. с Россией поддерживали торговые связи черкесы, абазинцы и ногайцы. В Черкесии ежедневные базары в местности Адем, у подножия горы Абаза, посещали и русские купцы. В местности Бештау, к западу от территории басивбиев, бывали весенние базары, куда приезжали торговые люди из разных мест, в том числе и купцы из Москвы. В свою очередь, черкесы, абазинцы и другие северокавказцы по торговым делам приезжали в Терки и другие места. Обычно ногайцы пригоняли в русские города и казачьи городки отары овец, табуны лошадей и привозили различные продукты скотоводства для продажи и обмена на русские товары, необходимые им в быту и в хозяйстве.

Северокавказские торговые люди и купцы нередко приезжали в Москву в составе официальных посольств от феодальных правителей. В 1621, 1623, 1627 гг. вместе с послом Ильдара Тарковского Томулдуком

в Москву приезжал «купчина» Фаргат, который привез восточных товаров в общей сложности на 8557 руб.; в 1642 г. — посол и «купчина» Сурхай-шамхала привез товаров на 8100 руб.; в 1635 г. и 1643 г. на такую же сумму привезли товаров кайтагский посол Бадархан и купец Варданас⁷⁸.

В 1651 г. узденъ князя Муцала Сунчалеевича Черкасского привез в Москву товаров общей стоимостью на 4242 руб.⁷⁹ Эти крупные партии состояли также из восточных товаров, покупавшихся в Дербенте и в торговых пунктах Азербайджана. В ассортименте товаров, привозившихся из России в Астрахань, а из Астрахани в Терский городок для продажи местным северокавказским жителям, важнейшее место занимали изделия, изготовлявшиеся в России, а также шедшие через Россию западноевропейские товары: сукна, холст, кожи, меха, скорняцкие изделия, дорогие и дешевые пубы, шапки собольи, башмаки, сапоги, деревянные изделия (ларцы, коробки расписные, сундуки, блюда, решета), металлы и металлические изделия (тазы, котлы, наперстки, иголки, булавки, ларчики, проволока, ножницы, зеркала). Привозились также соль и мука⁸⁰. Торговые сделки между русскими купцами и горцами Дагестана совершались не только в русских городах и торговых центрах Северо-Восточного Кавказа, но и в городах Закавказья, и в частности в Шемахе. Как отмечалось выше, в Шемахе был как караван-сарай, где останавливались русские купцы, торгующие оловом, медью, юфтью и саблями, так и «лезги-караван-сарай», где останавливались торговые люди Дагестана. Со своей стороны кабардинские владельцы закупали в Москве сабли, панцири, шлемы, наручи, наколенники. В 1631 г. Муцал Сунчалеевич просил у русского царя разрешения купить «всякое ружье и доспехи, сабли и пищали и пансыри» (покупка только пищалей не была разрешена)⁸¹. Россия и в последующие годы ограничивала продажу горцам огнестрельного оружия. Обычно товары, как привозимые от имени феодальных правителей по челобитью, освобождались от уплаты пошлин. Этим правом со времен царя Михаила Федоровича пользовались дети князя Черкасского, «если они для своей нужды с собой или со своими людьми будут посылать товары»⁸². «Купчины» шамхалов также освобождались в Астрахани от уплаты пошлинных сборов на товары, не превышающие сумму 600 руб. ежегодно⁸³. Сверх этой суммы все товары подлежали взиманию пошлины. Вероятно, на таких же условиях вели торговлю в Астрахани кабардинский князь Сунчалеевич, мурзы Келмамет и Ильдар Куденетовичи.

Товары, привезенные послами северокавказских владельцев, сначала показывались придворным или даже самому царю, который выбирал для себя понравившийся ему товар. После выбора вещей, годных «про государев обиход», торговым людям разрешалось свободно продавать свои товары. Причем терские и астраханские воеводы и таможенные главы внимательно следили за внешнеполитической ориентацией северокавказских владельцев. И в зависимости от этого применяли к их «купчинам» таможенные и другие санкции. Когда воеводам стало известно, что Татархан Арсланов уклонился от участия в походе князя Пожарского на Азов и участвовал в разгроме Муцаловых «ясачных мичкизских людей», по распоряжению Посольского приказа в 1647 г. получаемое Татарханом жалованье было убавлено на одну четверть. А астраханские таможенники потребовали от Татархана-мурзы, везшего в Москву товары («дараев и шелку, и киндяков, и кумачей, и сафьянов, и ковров 63 таи да 15 коробей» и другого на сумму 7 тыс. руб.), выплатить пошлину свыше 100 руб., сославшись на то, что в прошлом «с князя Шолоха да Муца-

ла-мурзы ... товаров пошлин иметь не велено» до 300 руб., а с товаров Будаичи Сунчалеевича — до 200 руб., «а что сверх того будет ... и с того велено взять пошлины»⁸⁴.

Северокавказские феодалы через своих послов неоднократно добивались специального разрешения у русского правительства на покупку «заповедных товаров» (панцири, шлемы, наручи и т. д.). Такое право правительством было предоставлено некоторым кабардинским феодалам. Рядовые северокавказские торговцы, не имевшие таких льгот, пытались избежать уплаты пошлин в таможенных и в Терках, и в Астрахани. Терские воеводы часто сообщали в Москву, что кумыки, черкесы, чеченцы, ингуши и другие приезжают в Черкасскую, Окоцкую и в другие слободы Терского городка и торгуют там, не платя таможенных пошлин. Для запрещения «самочинного торга» и сокращения притока населения на постоянное жительство в Терский городок русские власти поставили даже специальные таможенные караулы на «Кизлярском перевозе» и в других местах⁸⁵. С этой же целью тарковскому шамхалу Гирею был выдан «серебряный перстень»-печать с изображением льва для письменных «пропусков» приезжающим из Кумыкии и торговым людям в Терский городок и Астрахань.

В свою очередь феодалы Северного Кавказа взимали пошлину при провозе товаров через их территорию. Нередки были случаи, когда сами феодалы организовывали нападение на купеческие караваны, проезжающие через их владения. И несмотря ни на что торгово-экономические связи Северного Кавказа с Россией в XVII в. все более и более крепились. Постоянно увеличивалось не только количество, но и ассортимент ввозимых и вывозимых товаров. Среди них в 80—90-х годах XVII в. значительное место занимала и писчая бумага. Только в июле 1688 г. из Астрахани 4 купца вывезли в Дагестан 140 стоп бумаги⁸⁶.

Экономические связи горцев с русским населением Северного Кавказа. Северокавказско-русские отношения крепились не только в процессе экономических и политических связей, но и в результате постоянного общения горцев с русским населением Северного Кавказа. Известно, что, когда русские люди стали селиться на Северном Кавказе, кабардинский князь Мисост объявил их своими гостями. Узнав об этом, шамхал Будаич-хан обратился к Мисосту с просьбой отпустить их в его владение. Со временем между русскими переселенцами и горцами Северного Кавказа установились тесные связи, основой которых были известная обоим взаимозависимость и взаимозаинтересованность. В Дагестане, Кабарде и в других владениях Северного Кавказа производили оружие и необходимый для хозяйства инвентарь, в которых нуждались казаки. У горских народов казаки приобретали также лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, продукты скотоводства и земледелия, брали даже «жен не венчальных». Именно на этой основе экономических и иных связей между горцами и казаками зародилось и укрепилось куначество — этот своеобразный обычай кавказского побратимства. Обычай этот связывал кунаков взаимным гостеприимством и взаимопомощью. В свою очередь терские и гребенские казаки охотно поддерживали куначество с горцами, гордились своей дружбой и передавали ее детям как священный завет от поколения к поколению. Горцы Северного Кавказа оказывали влияние и на материальную культуру русских переселенцев. Однако влияние это не было односторонним. Русские переселенцы, в свою очередь, оказывали благотворное влияние на горцев. Причем это влияние шло по линии духовной и значительно сильнее — по линии материальной

культуры. Благодаря этому горцы совершенствовали некоторые процессы трудовой деятельности, усваивали культуру быта гребенского казака. Казаки перенимали у горцев снаряжение, оружие и пр.

Восприняв у местного населения приемы культивирования винограда, казаки стали заниматься виноградарством и виноделием. Характеризуя экономику казачьего населения, терский воевода сообщал в Москву: «В Терский город виноградное питье терченя и терские и гребенские казаки привозят, и тот же виноград на Терке продают, и про себя держат». Казаки научились у местных жителей сбору марены, произрастающей в 60 км от Терского городка⁸⁷. Учитывая растущий спрос на марену в России, правительство принимает меры, чтобы ограничить продажу ее персидским кушцам, но сдавать всецело в пользу казны, для чего предлагалось строить «амбары и выбрать поля». Общине на Северном Кавказе укреплялось на почве взаимозначеских проникновений и нивелировки форм одежды и быта. Казаки стали одеваться на «черкешенский манер», т. е. по образцу кабардинцев⁸⁸.

7. Терский городок, терско-гребенское и донское казачество и классовая борьба в России в XVII в.

Участие терско-гребенского и донского казачества в первой Крестьянской войне. Одной из ярких героических страниц в истории Северного Кавказа и Дона XVII в. явилось активное участие донского и терско-гребенского казачества в Крестьянских войнах под руководством И. И. Болотникова в 1606—1607 гг. и С. Т. Разина в 1667—1671 гг. Несмотря на то что до начала XVII в. казачество еще не успело проявить себя в качестве серьезного противника феодально-крепостнического строя, поскольку численно росло и организационно оформлялось на протяжении всего XVI в., однако своей борьбой с царизмом оно успело зарекомендовать себя как определенная антифеодальная сила, складывающаяся на окраинах страны в противовес крепостническому государству и вопреки воле правящего класса феодалов России.

Зарождавшееся в начале на Терке в тяжелые голодные 1604—1605 гг. движение терских казаков как типичный казацкий разбойничий поход «за зипунами» изменилось и приняло ярко выраженный характер борьбы против «лихих бояр» и за «хорошего царя». Казачий круг выбрал на роль «царевича Петра» Илейку Муромца (Илью Горчакова)⁸⁹. Отзвуки начавшейся смуты в Русском государстве докатились и до далекого Терка, коснувшись в первую очередь Терского городка. Весть о событиях в центре страны всколыхнула казачьи массы и городскую гольтыбу Терков еще до начала восстания И. Болотникова. Казаки и стрельцы подняли ропот, обвинив терских и астраханских воевод во многих «неправдах» и в том, что они много раз «великою оплошкою и нерадением на Терке государевым людям нужду великую учинили», задерживая или вообще не давая жалованья, хлеба и «запасов». Судя по косвенным указаниям источников, в Терках в это время произошел раскол среди казаков и служилых людей, часть из которых лояльно относилась к правительству, другая же, наоборот, резко враждебно. «Смута» в Терках началась с того, что «триста человек, опроче всего войска, тайно» решили начать борьбу с «лихими боярами» и «царскими воеводами». Попытки терских атаманов и старшины, а также терского воеводы Петра Головина помешать тремстам «молодых товаришпов» (т. е.

казацъей голытьбе) выйти из Терека в Каспий на о. Чечень, куда «съехали все казаки из юртов», ни к чему не привели. Движение терских казаков уже нельзя было остановить.

Если вначале поход отряда терцев и примкнувших к ним астраханских стрельцов и волжских казаков проходил как обычный, предпринятый с традиционной казацъей целью «итить на Волгу, громить судов торговых», то со временем он все больше и больше наполнялся конкретным социальным содержанием. Получив известие о гибели Лжедмитрия I, перед тем пригласившего «царевича Петра» на Москву, казаки и стрельцы решили уже было повернуть назад, но на Дону узнали «о воеводе царя Дмитрия» Болотникове, штурмующем Москву, дабы наказать народных супостатов — «лихих бояр». С этого момента наступает еще один, очень важный перелом в движении «царевича Петра»: из во многом еще разбойного предприятия оно наполняется четким классовым содержанием — казаки принимают решение идти на помощь Болотникову. Так постепенно казачий поход перерастал в составную часть первой Крестьянской войны 1606—1607 гг. Отныне терская, волжская и донская казацъя голытьба, показывая примеры мужества, героизма и самопожертвования, сражается в рядах восставших в известных битвах — под Веневом, на р. Вырке, под Серебряными прудами, Дедиловым, на р. Пчельне, под Калугой, на р. Восме и Упе, в осажденной Туле вплоть до момента подавления всего движения и гибели его отважных предводителей — И. И. Болотникова и И. И. Горчакова в 1608 г.

После смерти Илейки Муромца участие казачества в восстании не прекращается. В частности, ~~волжане~~ волжане, терцы и донцы в своей массе, как это отмечено в нескольких допесениях воевод и правительственных агентов в 1608 г., во многом были причастны к событиям в Астрахани, сражаясь в составе отрядов самозванных астраханских «царевичей» Ивана-Августа, Лавра и Осиповика. «Казаки действовали на Нижнем Поволжье и Тереке, контролируя огромную территорию, в том числе и Терек. Терские власти и служилые люди не репались выступать в защиту правительства Шуйского ни в 1607 г., ни в последующие годы, хотя Шуйский неоднократно делал попытки привлечь на свою сторону как астраханцев, так и терцев»⁹⁰.

К 1608 г. силы повстанцев иссякли, по всей стране гасли огни восстания. Последние остатки разбитых и рассеянных повстанцев уходили на «украины» государства — на Дон, Яик и Терек. В Гребнях, на Тереке и Сунже тоже нашли прибежище некоторые из участников грозных событий «Смутного времени», передававшие эстафету борьбы с самодержавием следующим поколениям казацъих бунтарей. В Гребнях нашли пристанище вольные «воровские казаки, беглые стрельцы и гулящие всякие люди, которым в государевой отчине Терском городе появиться нельзя», т. е. участники восстания Болотникова и Горчакова, выходцы из Тулы, Переяславля-Рязанского, Переяславля-Залесского, Боровска и др. Есть сведения, что беглых и «воровских казаков» укрывало у себя и местное горское население. Весть об этом дошла до самого царя. Раздраженный самодержец приказал навести порядок на Тереке.

Терско-гребенские и донские казаки в Крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина. Спустя шестьдесят лет, в новой исторической обстановке, при далеко зашедшем имущественном и социальном расслоении внутри самого казачества — выделении старшинской верхушки и «домовитых» казаков, постепенно захватывающих власть, при обострении классовых противоречий между «лучшими» и «голытьбой», усиливающимся

ся притоке беглых из центральных районов России началось новое движение казачьих низов, переросшее затем в Крестьянскую войну под руководством С. Т. Разина (1667—1672 гг.). Как и движение Илейки Муромца на Тереке, оно началось с организации похода донской верховской гольтыбы «за зипунами» на Каспий, чтобы затем выплеснуться бунтарской казачьей волной на берега Яика и Терека, Волги и Дона и докатиться на севере до Нижнего Новгорода, Муррома, Тулы и Коломны. Именно северокавказскими степями шли с Дона на соединение с Разиным «казаки-гультаи», в то время как отважные «ватажники» прославленного предводителя казачьей вольницы вырвались на просторы Каспия и направились к его западным берегам, в район устья Терека. В середине лета 1668 г. на р. Куму и к казачьим гребенским городкам подошли несколько отрядов донской гольтыбы: атаман Боба с ватагой в 400 человек, Алексей Протокин с сотней казаков, кроме них должен был подойти большой отряд атамана Алешки Каторжного с 2 тыс. конных воинов; стекались сюда и более мелкие, разрозненные казачьи группы⁹¹. Один из прибывших отрядов (до своего воссоединения с разинцами, стоявшими в устье р. Терек на о. Чечень) послал в Шадринский городок «человек с 5 донских казаков», видимо, для переговоров о помощи и «сманивания» гребенцов. Такие же делегации были посланы в Курдюковский, Червленый и другие казачьи городки. Перепуганный терский воевода П. Прозоровский обратился к брату, астраханскому воеводе И. Прозоровскому, с просьбой о помощи. В ответ на его просьбы воевода посоветовал обратиться к «кавказскому воеводе», кабардинскому князю К. М. Черкасскому. Показательно полное молчание этой переписки о позиции местных (терских и гребенских) казаков по отношению к «воровским казакам», разрозненные отряды которых можно было бы разбить поодиночке, если бы гребенцы приняли сторону правительства.

«Красноречивое умолчание» о возможной помощи терских казаков гарнизону г. Терки говорит лишь о том, что царские воеводы явно не доверяли терцам и не рассчитывали на них, опасаясь привлечь их к военным действиям против восставших братьев с Дона.

У Степана Разина появилась мысль использовать в своих дальнейших планах и Терек, превратив его в «запасной выход» на Дон, если его отряду никак не удастся прорваться через блокированную правительственными войсками Волгу. Двигаясь вдоль западных берегов Каспия на пути в Персию, Разин на несколько недель обосновывается на о. Чечень, перед устьем р. Терек, рассчитывая дать отдых отряду, измученному тяжелой ящжкой «осадой» зимой, отремонтировать суда (чего не удалось сделать в Яицком городке), пополнить запасы продовольствия и снаряжения, оставить на Тереке раненых и больных, набрать из шедших на воссоединение с ним новых людей, взамен выбывших. Уже одно это говорит о том, что разинская база на о. Чечень (где, судя по всему, у Разина и созрел план использовать Терек) в дальнейшем в подготовке похода Разина в Персию сыграла значительную роль. Здесь у разинских «ватажников», несмотря на малообнадеживающие известия о блокаде устья Волги и о дальнейшем усилении ее к моменту возвращения из похода, появилась твердая уверенность в благополучном исходе всей персидской операции⁹². В развернувшейся затем Крестьянской войне 1670—1671 гг., когда «пламя восстания,— по словам очевидца событий, голландца Я. Стрейса,— разбросало во многих местах свои искры»⁹³, не остался в стороне и Терек, хотя сведения об участии терско-гребенского казачества в восстании Разина в силу плохой сохранности документов второй Крестьянской войны довольно противоречивы. Однако эти

данные, дополняемые сведениями иностранных путешественников, свидетельствуют, что во время занятия Астрахани восставшими их подержали и некоторые соседние «государствы» — города и городки, в их числе и Терки.

По словам «приговорной записи» того времени, «атаманы и все казаки — донские, волжские, терские и гребенские... и пушкари, и затинщики, и посадские люди, и гостинна двора торговые люди написали меж собою письмо, что жить здесь в Астрахани в любви и совете, и никого в Астрахани не побивать и стоять друг за друга единодушно и итти де им вверх и побивать и выводить изменников бояр». В этой первой «астраханской хартии» восставших среди подписавших ее указаны терские и гребенские казаки, чего не могло бы быть, если бы они и г. Терки не примкнули к восстанию Разина. В войске Степана Разина находился даже сын кабардинского князя Каспулата Черкасского Андрей⁹⁴. В этой связи большой интерес представляет сообщение капитана первого крупного русского парусно-гребного военного судна на Волге «Орел» голландца Д. Бутлера. Сражаясь на стороне правительственных войск при осаде разинцами Астрахани, он затем бежал в г. Терки, но и там, по его словам, «копмары восстания» преследовали его, ибо «этот город перешел на сторону казаков, и там перебили различных начальников и офицеров, совершенно разграбили их дома, а упомянутого губернатора (воеводу П. Прозоровского. — Авт.) держали в плену в его собственном доме»⁹⁵. При этом все имущество «разных начальников и офицеров», как это практиковалось в казачьей среде, было снесено на майдан и подвергнуто согласно казачьему обычаю «дуванному дележу». «Великого государя казны, которую воры пограбили, и иных грабежных паев не имели» ни от «воровских казаков», ни от терских жителей⁹⁶, говорится в челобитной верных царю старшин и атаманов в 1675 г. Далее Бутлер, люто ненавидевший взбунтовавшуюся «чернь», описывает расправу восставших в Астрахани и в Терках над представителями царской администрации и дворянами. По его словам, пойманного царского агента, дворянина Д. Туликова, тайно пытавшегося переправиться с донесением о состоянии дел в Терках, местные казаки поймали в степи, привезли в город и утопили (по выражению того времени, «посадили в воду»)⁹⁷. Захваченный казаками и примкнувшими к ним стрельцами городок Терки по суше и по морю поддерживал оживленные сношения с Астраханью, а его атаман переписывался с руководителями восстания в Астрахани — В. Усом и Ф. Шелудяком, получая от них инструкции⁹⁸.

Как показывают документы по истории Крестьянской войны под руководством С. Т. Разина, сами Терки и прилегающие к нему районы также принимали активное участие в восстании, особенно на заключительном его этапе, в августе-сентябре 1670 г., когда Терки присоединились к Астрахани⁹⁹. Это время в ряде правительственных документов оценивается как «захват» Терков и «воровская смута».

Классовая борьба в конце XVII в. Пламя крестьянской войны на окраинах не угасало и после разгрома реакции. Вновь, как и прежде, окраины России наполнились толпами беженцев, искавшими спасения от преследований «ратных людей» из отрядов царских карателей («мясников», как их презрительно именовали на Дону), уничтоживших в ходе подавления восстания, по словам современников и очевидцев, более 100 тыс. человек¹⁰⁰. Реакция торжествовала победу. Однако еще спустя годы и десятилетия «бунтарский дух» наследников Стеньки Разина давал себя знать на Дону и за его пределами. Так, в верховьях Дона

в 1673 г. все еще продолжались партизанские действия «воровских казаков» атамана Миюски, товарища Разина, а в 1675 г. к нему примкнул отряд еще одного соратника вождя Крестьянской войны — атамана Сеньки Буянки, вышедшего на операции за пределы верхнего Дона. Только в 1682 г. были разбиты такие же отряды Ильи Иванова и Ивашки Донцова. Наконец, в течение 13 лет держался один из медведицких верховских городков, как и многие другие, построенный и укрепленный еще в разинское время. Он пал во время разгрома Донского восстания верховских раскольников (1688—1689 гг.), окруженный превосходящими силами карателей.

Через некоторое время после гибели С. Т. Разина донские бунтари пытались вновь и вновь собраться под старые знамена — под стенькин «прапорец», заботливо спрятанный до поры до времени, чтобы снова идти по его стопам на Каспий и Волгу. Царский осведомитель драгун В. Тарков накануне восстания раскольников в 1688 г. сообщал в Москву, что казаки вновь готовы восстать и идти на Царицын, Астрахань, Терек и Куму-реку к «воровским казакам». По проторенной еще разинской голытьбой кумской дороге, шедшей через северокавказские степи, они старались заранее переселить на Куму своих жен и детей — «той же дорожкой, которою прежние воровские же казаки жен своих с Дону на Куму перевозили». Распространялись слухи, будто бы дело Разина был готов продолжить его приемный сын Афоня, который в 1690 г. собрал недобольных казаков и грозился выступить.

Отдельные группы последних разинцев и донских раскольников вплоть до конца XVII в. продолжали прибывать на Северный Кавказ. Из районов верхнего Дона после подавления движения ушел на р. Куму атаман Л. Маныцкий со своими казаками, построивший среди развалин Старых Можар (место впадения р. Томузлов в р. Куму) земляной городок, имевший свою артиллерию на случай прихода государевых «ратных людей». Вскоре за счет казаков, беглых крестьян и раскольников население кумского «воровского городка» увеличилось до 2 тыс. человек, и войсковой атаман гребенских казаков Иван Кукля предложил беглецам переселиться на Терек, русское население которого росло очень медленно и часто убавлялось после очередных вражеских набегов. Однако донцы решили уйти в безопасное место, подальше от глаз терских «государевых» воевод. В результате беглецы поселились на землях кабардинского князя Мисоста и дагестанского шамхала, в горах среди чеченского населения и даже на Кубани. Таким образом, на протяжении целого столетия и далее с момента первой Крестьянской войны юго-восток страны с его старым политическим центром — Астраханью — был тем самым резервуаром, где скапливалась наиболее активная часть русского беглого населения, сохранялся живой бунтарский дух вольного казачества, до поры до времени тлели скрытые искры будущих восстаний и крестьянских войн, которые показали наличие в крестьянстве «революционных элементов»¹⁰¹.

¹ Маркс К. Стенька Разин // Молодая гвардия. 1926. № 1. С. 117.

² Там же. С. 115.

³ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. Кн. 6. Л. 145; КРО. М., 1957. Т. 1. С. 35—36.

⁴ КРО. Т. 1, С. 114, 120—123, 226, 228—229, 232, 407.

⁵ ЦГАДА. Ф. Кумыцкие дела. 1637 г.

Д. 1. Л. 111—118; Ф. Ногайские дела. 1627 г. Д. 1. Л. 413, 416; Ф. Кабардинские дела. 1644 г. Д. 5.

⁶ ЦГАДА. Ф. Кумыцкие дела. 1653 г. Д. 1. Л. 277—279; КРО. Т. 1. С. 302, 311—315, 419.

⁷ ЦГАДА. Ф. Кумыцкие дела. 1654 г. Д. 1, Л. 66—71; КРО. Т. 1. С. 302—306.

- 8 ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1664—1645 гг. Д. 5. Л. 504; Кумыцкие дела. 1654 г. Д. 1. Л. 66—69; КРО. Т. 1. С. 158, 164, 257, 276.
- 9 ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1664—1645 гг. Д. 5. Л. 504; Ф. Кумыцкие дела. 1654. Д. 1. Л. 66—69; КРО. Т. 1. С. 158, 164, 256—257, 276.
- 10 КРО. Т. 1. С. 13, 393. Постройке этого «города», видимо, предшествовало сооружение крепости для князя Темрюка в 1563 г. царским воеводой Г. С. Плещеевым во время его похода против недругов Идарова. См.: ЦГАДА. Ф. Сношения России с Крымом. 1563 г. Кн. 10. Л. 166.
- 11 КРО. Т. 1. С. 38.
- 12 Там же. Т. 1. С. 377—379.
- 13 ЦГАДА. Ф. Кумыцкие дела. 1638 г. Д. 1. Л. 112, 114; КРО. Т. 1. С. 94—96, 138, 143, 164.
- 14 КРО. Т. 1. С. 73—75, 120—127 и след.
- 15 ПСРЛ. Т. 13. 1-я пол. С. 228; КРО. Т. 1. С. 3.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 259; КРО. Т. 1. С. 4.
- 18 *Ногмов Ш. Б.* История адыгского народа. Нальчик, 1968. С. 143—144.
- 19 Правда. 1957. 6 июля.
- 20 КРО. Т. 1. С. 392.
- 21 ПСРЛ. Т. 13. 2-я пол. С. 329—330, 332—333, 339, 343—344.
- 22 КРО. Т. 1. С. 14.
- 23 АИ. СПб., 1841. Т. 3. № 248, 257, 269.
- 24 КРО. Т. 1. С. 265—266.
- 25 ЦГАДА. Равряд 27. Д. 86. Ч. 1. Л. 233.
- 26 Краткая история СССР. 2-е изд. Л., 1972. С. 168.
- 27 Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 298, 333.
- 28 КРО. Т. 1. С. 224, 227, 232—234, 265—266, 309.
- 29 Там же. С. 224, 227, 232, 234, 265—266.
- 30 Там же. С. 300—310.
- 31 *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1892. Т. 8, Кн. 2. С. 143.
- 32 *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1 (1578—1616 гг.).
- 33 ПСРЛ. Т. 13, 1-я пол. С. 284; КРО. Т. 1. С. 5.
- 34 ПСРЛ. Т. 13. 2-я пол. С. 313, 322; *Веселовский Н. И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. М., 1895. Т. 2. С. 27, 43, 53.
- 35 КРО. Т. 1. С. 58—59.
- 36 Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 129. С. 387, 413—414, 503—505.
- 37 *Белокуров С. А.* Указ. соч. Вып. 1. С. III, 80—82.
- 38 Там же. С. III, 251—256, 391—405.
- 39 Там же. С. 253, 255—256.
- 40 Там же. С. 449, 513—514.
- 41 РДО. Махачкала, 1958. С. 40.
- 42 Там же. С. 37.
- 43 Там же.
- 44 Там же. С. 55.
- 45 Там же. С. 59—67.
- 46 Там же. С. 75.
- 47 Там же. С. 89—90.
- 48 Там же. С. 127—128.
- 49 Там же. С. 160—161.
- 50 Там же. С. 169.
- 51 КРО. Т. 1. С. 265—269.
- 52 ЦГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 14. Л. 73, 251—251 об.
- 53 Там же. Л. 393.
- 54 *Белокуров С. А.* Указ. соч. Вып. 1. С. 84.
- 55 Там же. С. 66.
- 56 Там же. С. 150.
- 57 Там же. С. 559.
- 58 Там же. С. 524—537.
- 59 Там же. С. 111, 124, 554—559.
- 60 ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. 1628 г. Д. 3. Л. 218—219.
- 61 *Скитский Б. В.* Хрестоматия по истории Осетии: Дзауджикау. 1949. Ч. 1. С. 123.
- 62 КРО. Т. 1. С. 113—120.
- 63 Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650—1652 гг./Изд. М. Полиевктовым. Тифлис. 1926. С. 119.
- 64 К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII в.: Документы // УЗ КВНИИ. Нальчик, 1957. Вып. 13, С. 83—84, 108.
- 65 ЦГАДА. Ф. Сношения России с Грузией. Оп. 1. 1656 г. Д. 1. Л. 54—56.
- 66 Письмо 1657 г. из Шубутского джамата царю Алексею Михайловичу/Публ. пер. и коммент. Е. И. Кушевой, М. А. Усманова // СЭ. 1978. № 6. С. 101—102.
- 67 ЦГАДА. Ф. Сношения России с Грузией. Оп. 1. 1665 г. Д. 2; 1675 г. Д. 1; 1676 г. Д. 1—2.
- 68 АИ. Тифлис, 1887. Т. 5. С. 369.
- 69 *Порфиоров С.* Роспись служилым людям по области Казанского двора на 1146 (1637) г. // ИОАИЭ. Казань, 1912. Т. 27. Вып. 4/5. С. 459.
- 70 *Олеарий А.* Подробное описание путешествия Гольштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 407, 410.
- 71 КРО. Т. 1. С. 272, 273.
- 72 Там же. С. 418—419.
- 73 Там же. С. 348—358.
- 74 Там же. С. 363.
- 75 ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 3. № 1585; РДО. С. 201—219.
- 76 ПСРЛ. Т. 13, 1-я пол. С. 281.
- 77 *Вахушти Багратиони.* География Грузии. Тифлис. 1904. С. 143.
- 78 РДО. С. 128, 129.
- 79 КРО. Т. 1. С. 301.
- 80 РДО. С. 201, 219.
- 81 КРО. Т. 1. С. 132, 408.
- 82 Там же. С. 280—283.
- 83 РДО. С. 92.
- 84 КРО. Т. 1. С. 280—283.

- ⁸⁵ Там же. С. 140.
- ⁸⁶ РДО. С. 215—217.
- ⁸⁷ КРО. Т. 1. С. 317, 318.
- ⁸⁸ Там же. С. 416.
- ⁸⁹ Восстание И. Болотникова: Док. и материалы. М., 1950. С. 222—226.
- ⁹⁰ Там же. С. 232, 233, 236, 237.
- ⁹¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. М., 1954. Т. 1. С. 111—112, 118, 120, 141.
- ⁹² Там же. Т. 1. С. 112, 140, 145; М., 1959. Т. 2. Ч. 2. С. 101.
- ⁹³ Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С. 200.
- ⁹⁴ Крестьянская война... Т. 2. Ч. 2. С. 101.
- ⁹⁵ Стрейс Я. Указ. соч. С. 369; Иностран-
ные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования. Л., 1975. С. 68.
- ⁹⁶ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1969. Т. 3. С. 354.
- ⁹⁷ Стрейс Я. Указ. соч. С. 369.
- ⁹⁸ Крестьянская война... Т. 3. С. 273.
- ⁹⁹ Там же. М., 1959. Т. 2. Ч. 1. С. 191, 535.
- ¹⁰⁰ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 112—113.
- ¹⁰¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 228.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVIII В.

1. Территория и население

Адыги. Территория Северного Кавказа (в том числе Дагестана) включала пространство между бассейном р. Кумы, Главным Кавказским хребтом и побережьями Азовского и Каспийского морей. Население этой крупной историко-этнографической области в XVIII в. отличалось большой этнической пестротой.

Западную часть Северного Кавказа в начале XVIII в., как и ранее, составляла страна адыгов — Черкесия, занимавшая пространство между левобережьем р. Кубани и Главным Кавказским хребтом, области в Причерноморье (до района современного Сочи) и на востоке доходившая до р. Сунжи — притока р. Терек. В очерченных границах жили множество групп (племен) западных адыгов (предки современных адыгейцев) и кабардинцы. Первые в начале XVIII в. населяли земли от левобережья р. Кубани на юг до Кавказского хребта и на востоке до левобережья р. Лабы, а также области в Причерноморье, вторые — пространство между Пятигорьем на западе и р. Сунжей на востоке. Данная территория проживания в течение XVIII в., в общем сохраняя намеченные границы, в некоторых районах менялась. Прежде всего это происходило на восточных рубежах Черкесии, по р. Сунже, а также по Черноморскому побережью Кавказа, где адыги граничили с южными абазинами и убыхами.

Политическая и социальная ситуация XVIII столетия, создавшаяся в этой части Северного Кавказа (походы крымских ханов, феодальные междоусобицы и др.), рождала общие для всего адыгского этноса процессы, приводившие к существенным переменам этнического и демографического порядка. Причем у одних «племен» имело место сокращение численности и территории расселения, у других — наоборот, происходило увеличение их численности и расширение занимаемой ими территории. К первым следует отнести жанеевцев, хегаков, адале, хатукаевцев, егерукаевцев, махошей, бжедугов и мамхегов, ко вторым — абадзехов, шапсугов, натухайцев (в дореволюционной литературе их называли «демократическими племенами», как не имевшими своих князей), численность которых в значительной мере возрастала за счет беглых крестьян из так называемых аристократических племен.

Жанеевцы — самое западное адыгское племя — в XVIII в. занимали две области: в нижнем течении р. Кубани и в Причерноморье пространство между реками Цемез и Пшада. В дальнейшем значительное сокращение этой территории и численности жанеевцев привело к тому, что в конце XVIII в. осталось только 6 небольших селений, находившихся на левом берегу р. Кубани¹. Значительная часть жанеевцев влилась в состав других адыгских племен, и прежде всего шапсугов и натухайцев. Аналогичные процессы были характерны также для хегаков, занимавших в начале XVIII в. значительные области в Причерноморье и Приазовье. В 90-х годах XVIII в. от них сохранилась только одна небольшая группа под Анапой. Эпидемия чумы, нападения соседей и как следствие

этого миграции большого числа хегаков на восток к темиргоевцам предельно уменьшили численность этого «племени» и сократили территорию его расселения. По побережью между Темрюком и Таманью жила группа адыгов, известная под именем «ададе». В 1711 г. их насчитывалось более 2 тыс., однако в конце XVIII в. большая часть ададе ушла на восток и поселилась среди темиргоевцев, с которыми впоследствии она слилась. Соседями жанеевцев были хатукаевцы, жившие по рекам Иль, Абин и Надис (приток р. Афиц). В 1802 г. хатукаевцы также переселились к темиргоевцам.

Территория абадзехов, вытеснивших с верхнего течения р. Псекупс бжедугов и с левого берега р. Курджипс егерукаевцев, расширялась. В конце XVIII в. абадзехи занимали обширную площадь в верхней части бассейнов рек Белой и Псекупс. Натухайцы к этому времени жили по рекам Адагум, Бакан, далее до Анапы, по р. Цемес и до Геленджикского залива. Здесь они граничили с шапсугами, земли которых в Причерноморье простирались до р. Шахе (Малый Шапсуг) и граничили с убыхами. Шапсугские села в конце XVIII в. располагались также по рекам Антхир, Бугундур, Абин, Чибик и Афиц (Большой Шапсуг). Соседями абадзехов были бжедуги, разделявшиеся в XVIII в. на хамышевцев и черченевцев. Первые занимали районы в низовьях р. Псекупс и территорию между реками Псекупс и Афиц. Вторые обитали между реками Псекупс и Шпиш. Горные районы по р. Белой в первой половине XVIII в. населяли темиргоевцы, численность которых, по неполным данным, составляла 2 тыс. домов. Однако в течение всего XVIII в. происходило расширение территории темиргоевцев, и в конце столетия, кроме р. Белой, темиргоевские селения располагались по р. Лабе. Значительно возросла и их численность, поскольку в их состав, как отмечалось выше, вошли переселившиеся сюда хатукаевцы, ададе, хегаки и др. В пределах территории темиргоевцев расселялись также небольшие по численности группы адыгов — егерукаевцы, адамиевцы, мохоши и мамхеги, находившиеся в политической зависимости от темиргоевских князей. Самым восточным «племенем» среди западных адыгов были бесленеевцы, в первой половине XVIII в. занимавшие области между левобережьем р. Лабы и истоками р. Псефири, левого притока р. Лабы.

Более существенно в XVIII в. менялась этническая территория кабардинцев. Во второй половине XVIII в. Большая Кабарда занимала земли по рекам Малка, Баксан, Чегем, Нальчик, Черек, Куркужин, Шалущке, Гунделен и части р. Терек. Малая Кабарда располагалась по обоим берегам Терека в районе Татаргуца до места впадения в Терек р. Малки, а также по небольшим притокам Терека — Курпу, Пседаху, Ассокаю, Яманкулу и др. Кроме того, малокабардинские поселения имелись западнее этой территории — на р. Лескен.

Однако не все указанные места, считавшиеся в XVIII в. территорией Кабарды, были местом постоянного жительства кабардинцев. Таковы, например, Закубанье, Пятигорье, верховья р. Кумы. Эти земли обычно использовались кабардинцами под пашни, пастбища, служили убежищем в случае нападения крымского хана. Карта Кабарды (1744 г.) обозначает территорию Большой Кабарды между верховьем р. Кумы на западе и р. Урух на востоке, но кабардинские селения (74 села и 7 княжеских укрепленных дворов) размещались на более узкой полосе — от правых притоков р. Малки до р. Черек, на которой только в 1753 г. появляется одно кабардинское поселение. Карта 1744 г. не фиксирует постоянные кабардинские поселения в Пятигорье (отсюда кабардинцы ушли в 1709—1711 гг. по рекам Куме, Золке и Малке). Здесь только в 1743 г. появи-

лось сел. Бабуково. В верховьях р. Кумы находились абазинские села. Но земли по названным рекам не пустовали и по возможности использовались кабардцами под пашни и пастбища. С присоединением Крыма к Русскому государству исчезла опасность набегов крымских татар на Пятигорье, что сделало возможным вторичное заселение кабардцами этого района.

Селения Малой Кабарды реже меняли местоположение. Объяснялось это прежде всего тем, что набеги крымских ханов обычно заканчивались в Большой Кабарде. По данным 1744 г., в Малой Кабарде было 46 сел и 2 княжеских укрепленных двора, располагавшихся по обоим берегам Терека (район Татартупа), в низовьях р. Урсдон, по р. Сунже и ее притокам — Назрани и Эндерицу. Однако во второй половине XVIII в. произошло заметное расширение территории расселения кабардинцев. На юге кабардинские села возникли вблизи ущелий: Борукины поселения на равнине по притоку р. Фиагдон, три села Муртазовых в низовьях р. Дур-дур и т. п. На севере граница кабардинских поселений продвинулась в сторону урочища Моздок и притоков р. Терек (Курп, Пседах, Асокай, Яманкул), на западе — в сторону Пятигорья. На востоке область расселения кабардинцев к этому времени сократилась. Отсюда, из района р. Сунжи, кабардинцы уходят в течение 40—50-х годов XVIII в. и поселяются по рекам Урсдон, Курп, Пседах и др.²

Абазинь. Соседями западных адыгов и кабардинцев были абазинь, к XVIII в. составлявшие две территориально обособленные группы: северокавказскую (тапанта и шкарауа) и южную. В состав тапанта, как и ранее, входили лоо, дударук, джантемир, биберд, клыч, кяч и трам, называвшиеся по фамилиям своих князей. В составе шкарауа были башилбай, бег, кызылбек, чаграй, баракай и там. К середине XVIII в. абазинь-тапанта занимали районы по рекам Большой и Малый Зеленчук, по Баксану и Малке (здесь они жили вместе с кабардинцами), Куме и Подкумку. Однако область расселения тапанта, находившихся в политической зависимости от Кабарды, нередко изменялась. Причиной этого была большая подвижность абазинских поселений, вместе с кабардинскими часто менявших свое местоположение и передвигавшихся с р. Кумы и Баксана на р. Кубань и обратно, с р. Малки на р. Куму и т. п.

Абазинь-шкарауа в середине XVIII в. населяли территории по рекам Большой и Малый Зеленчук, Малой Лабе, Урупу и Фарсу. К началу XIX в. из-за эпидемии чумы шкарауа ушли с р. Большой Зеленчук на р. Уруп. В это время они неизвестны также и по р. Фарс, где можно предположить, что шкарауа слились с адыгами-абадзегами³.

Более стабильной в XVIII в. была территория расселения южных абазин, занимавших прибрежные и горные районы Причерноморья. Абазинь, жившие ближе к морю, назывались садзами и занимали район между Гагринским хребтом и р. Соча. Река Бзыбь на юге была границей садзов с абхазами. Горные абазинь жили в верховьях рек Мзымты, Псоу и ее притоков и были известны под названием «медовеевцев». К абазинам относилась также часть населения общества Облагакуадж (селение фамилии Облага), находившегося в долине р. Соча. Кроме абазин, здесь жили убыхи и адыги. Этническая граница в этом районе, представлявшая стык территории трех народов — адыгов, абазин и убыхов, была неустойчивой, поскольку здесь протекали активные процессы ассимиляции с адыгами абазин и убыхов. Кроме сел. Облагакуадж, убыхи, этнически родственные адыгам, абазинам и абхазами, жили в прибрежном обществе Вордане и в горном обществе Убых. В целом территория этого народа

располагалась по рекам Лоу, Дагомыс, Шахе и Хосте. В прибрежных районах убыхи жили смешанно с абазинами и адыгами, в горах, между реками Хоста и Шахе, было чисто убыхское население⁴.

Ногайцы. Территория обитания этого народа охватывала значительные пространства, что было связано с кочевым образом жизни ногайцев. В начале XVIII в. их кочевья располагались на пространстве от р. Яика до р. Днестра. В территорию их обитания входили также районы Северного Кавказа и Предкавказья, где ногайцы не только кочевали, но постепенно переходили к оседлому образу жизни. Значительное влияние на территорию расселения ногайцев оказывали также внешнеполитические факторы. Неоднократные походы крымских ханов и калмыков вызвали многочисленные передвижения ногайцев с Волги на Кубань (1715—1723 гг.) и обратно, кубанских ногайцев — в Крым и Большую Кабарду. К XVIII в. ногайцы политически разделялись на Большую и Малую Орды (в которые входили джедисан, едйшкул, джембойлук, новруз, кыпчак, мангыт, найман и др.), а также караногайцев. Этнически все названные подразделения ногайцев не различались. В начале XVIII в. на Северном Кавказе они занимали значительную территорию. Между р. Кубанью и Азовским морем располагалась Кубанская Орда, которую составляли ногайцы, кочевавшие от крепости Ачу и далее в сторону Азова. Группы ногайцев жили среди черкесов Закубанья, а также кочевали вокруг Анапы, по р. Лабе, в устье Большого и Малого Зеленчука, к верховьям Кубани. В устье р. Лабы, по р. Кубани и в Пятигорье имелись оседлые поселения ногайцев.

Кочевья ногайцев находились также по Тереку, Куме и Малке. На северо-востоке Северного Кавказа жили две группы караногайцев — терская и аксайско-сулакская. Первая располагалась около крепости Терки (меньшая ее часть жила оседло, а большая — кочевала). После оставления крепости в 1724 г. кочевья этих ногайцев были устроены у крепости Св. Крест на р. Сулак, а затем переведены к Кизляру. Часть караногайцев кочевала по Аксаю и Сулаку. Аксайско-сулакские ногаи имели 44 аула, из которых 5 находились под властью аксайских князей, 12 — эндереевских, 24 — шамхала Тарковского. Тысяча семей этих караногайцев во время Прикаспийского похода Петра I в 1722 г. откочевала на левый берег р. Терек⁵.

Присоединение Крыма к России (1783 г.) и последующая русско-турецкая война 1787—1791 гг. во многом изменили картину расселения ногайцев. Группы этого народа, кочевавшие севернее р. Кубани, частично поселились в Восточном Предкавказье, частично ушли к адыгам в Закубанье. В 1785 г. часть закубанских ногайцев была поселена в Кизлярской степи между караногайцами, но уже в 1799 г. около 400 кибиток закубанских ногайцев из-за осложнившихся отношений с караногайцами ушли на поселение в урочище Ачикулак. Две тысячи кибиток из ногайцев, кочевавших между устьями Уруца и Лабы, в 1787 г. с разрешения русского правительства перешли на правый берег р. Кубани и присоединились к кочевавшим там 1500 кибиткам ногайцев. Сюда же под натиском адыгов в 1790 г. вынуждены были уйти ногайцы, кочевавшие и жившие оседло по р. Лабе. В 80-х годах XVIII в. в пределах только что созданной Кавказской губернии были известны 3 группы ногайцев — кизлярские (в основном из караногайцев), моздокские (из переселенцев с р. Кубани) и бештовские, жившие в районе Пятигорья. Кизлярские ногайцы кочевали по р. Терек и в степях Прикаспия. Кочевья моздокских ногайцев располагались по р. Куме (зимние пастбища) и в урочище Ачикулак (лет-

ние пастбища). Часть бештовских ногайцев кочевали (по рекам Танлык, Джегута, Караус), часть жили оседло. Их селения были устроены по Куме, Сабле и у Бештау. Часть ногайцев кочевали в Закубанье и жили оседло между абазинами по рекам Большой Зеленчук и Уруп.

Балкарцы и карачаевцы. На северных склонах центральной части Главного Кавказского хребта в труднодоступных ущельях жили карачаевцы и балкарцы. Первые в конце XVIII в. занимали верховья р. Кубани, вторые — пять ущелий: Баксанское (по р. Баксан), Чегемское (по р. Чегем), Холамское (среднее течение р. Черек Бзингиевский), Бзингиевское (верховья той же реки) и Балкарское (верховья восточнее р. Черек). На востоке балкарцы граничили с осетинами-дигорцами.

В течение XVIII в. внутри намеченной территории происходили некоторые изменения. Так, на Баксане, откуда карачаевцы ушли в конце XVII — начале XVIII в., новые группы тюркоязычного населения появляются лишь в период 1743—1780 гг. Запись опроса кабардинских владельцев, произведенная русской администрацией в 1743 г., не называет тюрков в Баксанском ущелье. «Пятый народ (балкарцы.— *Авт.*), — говорится в документе, — состоит в разных пяти волостях и оным звание свое имеет. А общего всему народу звания нет. Из оных 1 волость Чегем лежит в вершинах реки Чегем, от Кабарды расстоянием день езды... 2 волость Бзинге, 3 волость Хулам, 4 волость Хусыр, 5 волость Малкар лежит в вершинах Череха реки»⁶. Около половины переселенцев в Баксанском ущелье составили выходцы из Бзинги и Карачая, остальные — из Чегема, Балкарии и Холама⁷.

Примерная численность населения в обществах Балкарии в 70-х годах XVIII в. составляла в Балкарском обществе — 1 тыс. семей, в Чегемском — 360 семей, в Холамском и Бзингиевском — до 100 семей⁸.

Осетины. Этническая территория осетин в первой половине XVIII в. заключалась преимущественно в пределах горной части Центрального Кавказа. «Ущелья, оставшиеся за царями оссов (осетин.— *Авт.*), — пишет Вахушти, — называются так: Чими, Тагаури, Картаули, Валагири, Пайкоми, Дигори и Басиани (Балкарское ущелье.— *Авт.*)»⁹. Кроме Северного Кавказа, большие группы осетин жили на южных склонах Кавказского хребта в Грузии, где они к тому времени компактно населяли область Кударо по р. Джоджара, Джавское ущелье и Урс Туалту в верховьях р. Большой Лиахви, верховья р. Малой Лиахви, Ксани и Лехуара (приток р. Ксани), некоторые территории по р. Арагви, верховья р. Терек (Трусовское ущелье). Внутри этой территории на протяжении XVIII в. границы этнографических групп (дигорцы и иронцы) и горных обществ осетинского народа сохраняли значительную стабильность.

Дигорцы в начале XVIII в. занимали верховья р. Урух (в 70-х годах здесь насчитывалось до 50 сел). Алагирское, Куртатинское и Тагаурское ущелья населяли иронцы. Самое восточное из этих ущелий — Тагаурское, или Даргавское, — находилось на р. Гизелдон — притоке р. Терек. Здесь в 70-х годах XVIII в. имелось 16 сел с 697 дворами. К западу от Тагаурии, по р. Фиагдон, располагалось Куртатинское ущелье (21 село с 807 дворами). Алагирское ущелье находилось по р. Ардон (в 20-х годах XIX в. число жителей 6,4 тыс. чел.). Верховья этой же реки занимала область Туалта, население которой формировалось за счет переселенцев-алагирцев. Помимо Туалты, алагирцы переселялись в высокогорный район — Уаллагком. В 80-х годах XVIII в. группы алагирцев образовали два села в предгорьях по течению р. Ардон¹⁰.

Значительно большим изменениям в XVIII в. подверглись внешние границы этнической территории осетинского народа. В течение почти всего XVIII в. продолжались активные переселения осетин-иронцев на южные склоны Кавказского хребта. Северную этническую границу осетин составляли выходцы из Дигорского, Алагирского, Куртатинского и Тагаурского ущелий, по которым осетины граничили с кабардинцами. Именно здесь в течение XVIII в. происходили наиболее существенные изменения в территории расселения осетин. В предгорьях появляются дигорские поселения: по р. Уруху — Караджаево (оно указано на карте Кабарды 1744 г.), в 70—80-х годах — сел. Кубан, Ватшило, Вассило и Тума, по р. Дур-дур — сел. Кубати, в истоках р. Урсдона — два селения Кубати. Новые поселения были образованы баделятскими фамилиями — Караджаевы, Кубатиевы, Тугановы, поселившимися на этих землях со своими подданными. С 60-х годов XVIII в. осетины начинают переселяться также в район только что образованного Моздока, а с 80-х годов — и вокруг Владикавказской крепости, возникшей в урочище Заур. Эта возможность переселений осетин в равнинно-предгорные районы к северу от Кавказского хребта, появившаяся во второй половине XVIII в., значительно ослабила их миграции на южные склоны хребта, куда еще до недавнего времени передвижения осетин были весьма активными. К первой половине XVIII в. относятся также изменения на восточной этнической границе Осетии. Здесь, по левому берегу р. Терек, в 20—30-х годах XVIII в. переселенцами из Алагирского ущелья были образованы Ларс, Чми, Балта. Миграции осетин продолжались еще восточнее этой территории — в нижнее течение р. Армхи, куда переселялись выходцы из Алагирского и Куртатинского ущелий. Однако здесь, живя в ближайшем соседстве с ингушами, осетинские переселенцы утратили родной язык и полностью были ассимилированы ингушским населением¹¹.

Чеченцы и ингуши. С востока в районе Дарьяльского ущелья граничили ингуши, восточнее которых жили чеченцы, карабулаки и аккинцы. Этническая территория этих народов в XVIII в. занимала территорию между северными склонами Главного Кавказского хребта, правобережьем Терека, бассейном р. Аксай на востоке и низовьями р. Армхи на западе.

На востоке Чечни, в верховьях рек Хухлулау и Аксая, находилась область, называемая чеченцами Нохчи-мохк («Земля нохчей», нохчи — самоназвание чеченцев) и широко известная под именем Ичкерии. К югу от Ичкерии, в районе оз. Казеной-Ам, располагалось общество Чеберлой. В горной зоне бассейна Аргуна находились общества Шатой, Майсты, Шарой, Малхиста, Терлой, Нашхо, около оз. Галанчоуж и в верховьях р. Гехи жили галашевцы и горные аккинцы. Карабулаки (орстхойцы) населяли ущелье р. Фортанги, на границе Чечни и Ингушетии. В верхней части бассейна р. Ассы располагались ингушские (галгаи) селения, а по р. Армхи жили ингуши-фаппинцы, граничившие в нижней части ущелья с джераховцами.

В течение XVIII в. территория расселения чеченцев и ингушей существенно менялась. Уже к XVIII в. в Тарской долине известно сел. Ангушт (отсюда русское наименование народа — «ингуши») ¹², а в 60—80-х годах по обоим берегам Камбилеевки и по р. Ачалук образовались значительные группы ингушских поселений (Большие и Малые Ингуши). Здесь жили выходцы главным образом из галгаевцев и фаппинцев, причем «жители этих селений, — как отмечал Штедер, — сохраняют с ингушами в горах фамильную связь, поддерживая с ними дружбу...» ¹³. Миграции ингушей происходили также вниз по р. Сунже и ее притокам —

Назрани и Эндеришсу. В среднее течение р. Ассы передвигаются в 70-х годах XVIII в. карабулаки.

На протяжении всего столетия происходит быстрое увеличение чеченского населения на равнине и в предгорьях. В «деревне Чечен» и окрестных ей сел. «Хажн-Алиа-аул, Астаункул, Жатага, Шихкерей, Сурь, Хашват-аул, Башем баха-аул, Алда»¹⁴ поселились массы горцев. К концу XVIII в. равнина вдоль правобережья Сунжи между реками Гехи и Хулхулау была населена чрезвычайно густо и постепенно пополнялась новыми переселенцами.

Не позднее середины XVIII в. часть ичкеринцев, карабулаков и аккинцев появляется в равнинных районах Качкалыковского хребта и продолжает заселять среднее течение рек Аксай, Ямансу, Ярык-су, Акташ. Часть таких поселенцев известна по имени «ауховцы». Чеченские села создавались также на Кумыкской равнине.

Переселение с гор чеченцев на правобережье Терека (выше впадения в него Сунжи) началось не ранее 40-х годов. Первым поселением в этих местах было Девлетгиреевское (позднее Старый Юрт). В 70—90-х годах значительное число чеченцев расселилось вдоль Терека — от «Брагунской деревни» до Верхнего Наура, образовав здесь (напротив казачьих станиц) около десятка крупных населенных пунктов. В целом тенденция миграции с гор на равнину стала определяющей в жизни вайнахов XVIII столетия.

Народы Дагестана. Приморская равнина между Тереком и речкой Орасай-Булак в XVIII в., как и ранее, была населена кумыками. Здесь проживали также чеченцы (качкалыковцы), кочевали ногаи в количестве 1 тыс. кибиток, жили аварцы, села которых располагались вверх по левому берегу р. Сулак (сел. Чиркей, Миатлы и др.). В прибрежной части Южного Дагестана жили тюркоязычные терекеме (сел. Падар, Татлар и др.), ираноязычные таты и горские евреи, в Дербенте и вблизи его — азербайджанцы. Предгорные и горные районы к юго-западу от кумыков неселяли даргинцы (кайтаги, каракайтаги, кубачинцы, акупшинцы). «Все сии вышепоказанные народы, — писал в конце XVIII в. Д. И. Тихонов, — по причине их жительства в непроходимых почти горах и чрезвычайных стремнинах, к которым только с трудностью можно проехать верховой ездой... и потому называют их вообще горцами дарго»¹⁵. К юго-западу от них территорию Центрального Дагестана занимали лаки. Весь нагорный Дагестан — от Салатавских гор на юго-западе до границ Грузии и Азербайджана — населяли аварцы, андийцы, ботлихцы, годоберинцы, чамалалы, багулалы, тиндали, каратины, ахвахцы, цезы (дидойцы), бежтинцы, генухцы, хваршинцы. Река Дарбах была не только естественным рубежом Северного и Южного Дагестана, но и этнической границей кайтагцев и табасаранцев, территория которых доходила почти до Дербента. Табасаранцы занимали земли по рекам Большой и Малый Дарбах, Рубас, Недрех и Гургели, т. е. равнинно-предгорные и горные районы. Река Самур отделяла Дагестан от Азербайджана. В нижнем и среднем ее течении находились поселения лезгин, выше — рутульцы и цахуры. В четырех ущельях (Агул-дере, Кура-дере и др.) жили агулы.

Картина расселения народов Дагестана обнаруживает большую стабильность. Это, однако, не означает, что в Дагестане вовсе не происходило миграционных процессов. В XVIII в. довольно интенсивны были переселения безземельных горцев Дагестана в Северный Азербайджан, в Джаро-Белоканские общества и Елисуйский султанат, население которых составилось преимущественно из аварцев и цахур.

Переселение на Северный Кавказ русских, украинцев, армян, грузин и других народов. В XVIII в. усилился приток на Северный Кавказ переселенцев — русских, украинцев, армян, грузин, калмыков, туркмен и др. Гребенские казаки к началу столетия населяли ряд небольших «городков» по обоим берегам р. Терек: Курдюков, Наурский, Червлёный и др. В дальнейшем все гребенские станицы были размещены на левом берегу Терека. В 1723 г. здесь обосновались 500 семей донских казаков, в 1735 г. — новая группа тех же донцов, переведенная из упраздненной к этому времени крепости Св. Крест. В 70-х годах XVIII в. на пространстве между Гребенским войском, крепостью Моздок и станицами Каргалинская, Бороздинская, Дубовская были устроены еще 517 семей донских казаков, ранее поселенных на р. Волге. В течение последней четверти XVIII в. новые станицы возникали при крепостях Павловской, Марьинской, Георгиевской и др. Кроме казачьих поселений, в центральной части Северного Кавказа во второй половине XVIII в. создавались села государственных крестьян, поселявшихся нередко с казаками. Так было, например, с селами по рекам Кюре, Золке, Калаус, Тапшы и др., где в 70—80-х годах, помимо казаков, было устроено около 4 тыс. крестьян преимущественно Курского, а также Воронежского и Тамбовского наместничеств.

На Северо-Западном Кавказе в течение XVIII в. происходили переселения русских и украинцев. После подавления Булавинского восстания на р. Дон (1708 г.) около 8 тыс. казаков ушли за Кубань к ногайцам. Однако это была не первая группа донцов на Северо-Западном Кавказе. Уже с конца XVII в. в местности Копыл жили около 300 казаков, также ушедших с Дона после подавления восстания Льва Маноцкого. Впоследствии эти казаки поселились в окрестностях Анапы. Вновь пришедшие в 1708 г. казаки обосновались в местности Хан-тепе (недалеко от Темрюка). Со временем к ним присоединились новые группы казаков и, таким образом, к 1710 г. здесь насчитывалось до 10 тыс. чел., известных под именем «некрасовцы». В 1791 г., после взятия Анапы русскими войсками, некрасовцы ушли в Бессарабию и Болгарию. В 1792 г. земли от Тамани по правобережью р. Кубани до устья р. Лабы именованным указом были пожалованы во владение Запорожскому войску, названному Черноморским казачьим войском. Уже через 3 года после переселения на новые земли численность казаков здесь составила около 25 тыс. чел. В дальнейшем число их возрастало преимущественно за счет переселения жителей малоземельных губерний Украины. Правобережные районы по р. Кубани восточнее устья р. Лабы до укрепления Преградный Стан с конца XVIII в. заселялись русскими, в основном выходцами с Дона (станцы Усть-Лабинская, Кавказская и др.).

Армянское население Северного Кавказа формировалось в основном за счет выходцев из Турции и Персии, переселение которых происходило в XVIII в. и продолжалось в дальнейшем. Однако, как мы уже знаем, на Северном Кавказе проживали армяне, известные под именем «черкесоган». В конце XVIII в. черкесоган начали переселяться из горных районов Закубанья и устраиваться в Нахичевани-на-Дону (современный Ростов) и в районах поселений черноморских казаков. Миграции армян вплоть до XIX в. направлялись в основном в районы Притеречья. В конце XVIII в. около 3,5 тыс. армян из Бакинского, Дербентского и Кубинского ханств поселились в Кавказской губернии, причем основная часть переселенцев устраивалась в городах Кизляре и Моздоке. В Кизляре в 1799 г. обосновались также армяне — выходцы из Карабаха.

В течение XVIII в. происходили миграции на Северный Кавказ грузин. Часть из них, сопровождавшая царя Вахтанга VI во время его переселения в Россию (1725 г.), осталась в прикаспийских районах. В течение XVIII в. эта группа пополнялась новыми переселенцами из грузин, служивших до 1735 г. в Гиляни, Дербенте и Баку и ушедших с русскими войсками после оставления ими западного побережья Каспия. Это население в основном концентрировалось в Кизляре и его окрестностях и в Моздоке. Сюда же впоследствии переселялись грузины из Грузии. Пополнение грузинского населения Северного Кавказа происходило также за счет пленных, бежавших из Крыма, Дагестана и других районов.

Городское население. Городское население Северного Кавказа к началу XVIII в. имелось только в восточной части края. В Дагестане это прежде всего Дербент, где к концу XVIII в. насчитывалось до 2 тыс. домов мусульман (суннитов и шиитов) и около 90 домов армян. «Языки,— писал Гербер в 20-х годах XVIII в. о жителях Дербента,— персидский, турецкий и татарский помещанный. В письмах употребляют больше персидский язык, или варс (фарси—*Авт.*), а особливо хаджи или духовные. А простой народ варс, или персидский язык, не разумеет»¹⁶. В Дагестане в XVIII в. роль городов выполняли также и центры крупных феодальных владений: Тарки, Эндрей, Кумух, Хувзах и др. Этнический состав таких центров не отличался от окружающего их населения: в Тарках жили кумыки (и лишь немного евреев), в Кумухе—лакцы, в Хувзахе—аварцы.

К началу XVIII в. группы северокавказцев (кабардинцы, чеченцы, кумыки) жили в крепости Терки, в устье р. Терек. Часть этих поселенцев, принявших христианство, находилась в самих Терках, часть—мусульмане—жила в слободах: Окоцкой, Черкасской, Татарской. В 1722 г., во время Каспийского похода Петра I, в Терки из Большой Кабарды переселились со своими подданными князя Бековичи-Черкасские, а также некоторые владельцы Малой Кабарды. К концу 1722 г. число живших в слободах северокавказских фамилий составляло около трехсот. Большая часть жителей и гарнизон Терков в 1724 г. были переведены в крепость Св. Креста, выстроенную на пустом месте в 20 верстах от устья р. Сулак. В дальнейшем население этой крепости, состоявшее из русских и северокавказцев, пополнялось переселенцами с Дона, а также грузинами и армянами, пришедшими с русскими из Гиляни и Дербента. В 1735 г., по Гянджинскому трактату, крепость Св. Креста была оставлена, а население переведено в Кизляр, вновь воздвигнутый к этому времени на левом берегу Терека. Вблизи Кизляра станицами были устроены казаки Терскосемейского войска, а в городе поселились окочаны (т. е. северокавказцы, принявшие христианство), грузины, армяне и казанские татары. Большинство этих поселенцев, знавших местные языки, использовалось администрацией для дипломатических поручений в разные места Кавказа и Крыма. В окрестностях Кизляра обосновались ногайцы, ранее кочевавшие около крепости Св. Креста. В городе имелось также 60 дворов персидских купцов (тезиков). Число жителей Кизляра быстро росло. Грузинское и армянское население этого города, помимо естественного прироста, увеличивалось за счет переселенцев из Грузии, различных ханств Азербайджана, а также из Астрахани, Москвы и других мест России, но более всего за счет пленных грузин и армян, бежавших с гор (Закубанье, Кабарда, Чечня и др.), из Ногай и Крыма. Только в период с 1763 по 1768 г. в Кизляр «из плена вышло» 385 человек, в том числе 174 грузина. В 1796 г. население города состояло из 2,8 тыс. армян,

1 тыс. окочаев, 0,8 тыс. грузин, 0,7 тыс. тевиков, 0,1 тыс. казанских татар, 0,1 тыс. русских (купцов и мещан) и 0,1 тыс. ясырей (т. е. рабов), имевшихся у всех живших в Кизляре иностранцев.

Возникновение городов в центральной части Северного Кавказа относится к 60-м годам XVIII в. В 1763 г. малокабардинскому владетелю Коргоче Кончокину по его просьбе была предоставлена возможность основать поселение в урочище Моздок по р. Терек. В 1764 г. здесь были образованы форпост и таможня, а в 1770 г. Моздок был объявлен городом. Население Моздока и его ближайших окрестностей увеличивалось за счет беглых крестьян из Кабарды (чему всячески препятствовали кабардинские владельцы), переселенцев осетин, а также грузин и армян (как беглых пленных, так и выходцев из Кизляра). К 1789 г. общая численность населения Моздока составляла около 3,5 тыс. человек, в том числе 1 тыс. армян, 1 тыс. грузин, 0,4 тыс. кабардинцев, 0,3 тыс. осетин, 0,3 тыс. русских (помимо воинской команды), 0,3 тыс. казаков (команда, набираемая из горцев), 50 католиков (видимо, армян-католиков) и 26 греков¹⁷.

2. Экономическое развитие Северного Кавказа в XVIII в.

Экономика народов Северного Кавказа в XVIII в. развивалась сравнительно медленно. Это в значительной мере объяснялось неблагоприятной внешней и внутренней политической обстановкой. Народы региона по-прежнему жили в условиях постоянной военной напряженности, угрозы нашествия внешних врагов и феодальных междоусобиц. Особый ущерб хозяйству горцев причиняли многочисленные набеги крымско-османских войск и нашествия иранских шахов. От крымско-иранской агрессии прежде всего страдали закубанские народы — адыги, ногойцы, абазинцы. Не могла уберечься от набегов крымского хана и Кабарда, хотя она находилась в большем отдалении от Крыма, чем народы Закубанья. О том, насколько отрицательно сказалась на развитии хозяйства Кабарды крымско-османская агрессия в XVIII в, свидетельствует тот факт, что кабардинцы вынуждены были в 30—40-х годах XVIII в. прекратить пользование землями Пятигорья, являвшегося одним из наиболее важных в экономическом отношении районов Кабарды, который долгое время в прошлом служил даже ее центром. Бедствием для народов Дагестана была агрессия шахского Ирана, особенно кровавые походы шаха Надира.

Немало страданий приносили народам Северного Кавказа и феодальные междоусобицы.

Однако несмотря на крайне неблагоприятную политическую обстановку хозяйство народов Северного Кавказа хотя и медленно, но неуклонно продолжало развиваться. Этим оно было обязано прежде всего трудолюбию народа, его умению в самых тяжелых условиях развивать свое хозяйство, его искусству в различного рода ремеслах.

Земледелие. Крайне ограниченное количество земель, пригодных для хлебопашества в горах Северного Кавказа, привело к развитию здесь наиболее интенсивных форм земледелия. Широко распространенная в кавказоведческой литературе точка зрения, что земледелие в горах было вообще примитивнее, чем на плоскости, не подтверждается фактическими данными. Именно в горных районах Северного Кавказа, особенно Дагестана и Черкесии, в XVIII в. широко применялись удобрения, орошение,

нивелировка местности, террасирование горных склонов, укрепление их каменными стенами, создание на скалистой основе искусственной почвы путем переноса ее с других земельных участков. Очевидно, что в горах именно вследствие малоземелья больше уделялось внимания улучшению природных условий не только пахотных, но и сенокосных участков, которые тоже нередко искусственно орошались и огораживались. В горах получило большое развитие также садоводство. Жители равнин Северного Кавказа, за исключением Кумыкской плоскости и прикаспийской части Дагестана, почти совсем не занимались садоводством, тогда как во многих горных районах Дагестана и Черкесии садоводство было хорошо развито.

У большинства народов Северного Кавказа земледелие сочеталось со скотоводством. Даже у тех народов, у которых в хозяйственных занятиях преобладало скотоводство, ведение земледельческого хозяйства было необходимым условием нормального существования населения. Посевы сельскохозяйственных культур, если это позволял наличный фонд пахотных земель, производились как минимум в размерах, удовлетворявших собственные потребности в хлебе и зерне и для корма скота при его стойловом содержании. Однако зерно для корма скота употреблялось в сравнительно ограниченном количестве, главным образом для корма рабочих волов, молочных коров и, особенно, верховых лошадей. Единственным народом на Северном Кавказе, который почти совершенно не занимался земледелием, были ногайцы. Остальные народы Северного Кавказа, обитавшие на равнинах Кубани и Терека, хотя и занимались преимущественно скотоводством, обязательно имели посевы проса, пшеницы, полбы, ржи, ячменя и овса.

Все адыгские народы, жившие в Закубанье (бесленевцы, темиргоевцы, махошевцы, бжедуги), занимались земледелием, иногда даже в размерах, превышавших их собственные потребности в зерне (например, бжедуги). Занимались земледелием и кабардинцы, хотя у них, как и у всех адыгов, принадлежавших к группе «аристократических племен», земледелие играло второстепенную роль по сравнению со скотоводством, что объяснялось широкими возможностями, имевшимися у феодальной верхушки этих народов для развития скотоводческого хозяйства. Кабардинцы, как и другие адыгские народы, жившие на равнинах и в предгорьях Северного Кавказа, вводя довольно экстенсивное земледельческое хозяйство, часто меняли свои пахотные земельные участки, чего требовала распространенная у них переложно-залежная система полеводческого хозяйства. Однако, часто меняя свои пашни и перегоняя с места на место свои стада и табуны, кабардинцы и другие «аристократические племена» адыгов отнюдь не были номадами, как их изображают многие авторы XVIII в. Не правы и те авторы, которые представляли адыгов чуть ли не ежегодно передвигающимися с места на место народами. «Два-три года подряд,— писал Клапрот о черкесах,— они используют один и тот же земельный участок, а когда он истощится, то обрабатывают другой. Если же новый участок находится поодаль (от их жилищ.— Авт.), то они переселяются туда вместе со всем своим имуществом»¹⁸.

В XVIII в. у кабардинцев, как и у других адыгских народов, господствовала переложно-залежная система хозяйства, которая хорошо сочеталась с преимущественным занятием скотоводством, но отнюдь не сопровождалась ежегодной сменой посевных участков, а тем более переменной жителями. Земли, находившиеся под перелогом, использовались в качестве пастбищ и сенокосных угодий, которые, в свою очередь, время от времени распахивались под посевы зерновых культур. Переход к экс-

плуатации новых земельных участков не приводил к переселению. Кабардинские аулы по многу лет находились на одном месте, а если и переходили на другое, то главным образом не по причинам хозяйственного характера, а из-за феодальных междоусобиц и нападений внешних врагов.

Как и у всех адыгов, основной полеводческой культурой у кабардинцев в XVIII в. было просо. Оно лучше всего было приспособлено к переложной системе земледелия, давая высокие и устойчивые урожаи. Просо употребляли не только для продовольственных целей. Оно было и ценным кормом для верховых лошадей¹⁹, превосходя по своим качествам даже овес.

В XVIII в. кабардинцы, кроме традиционного проса, сеяли также ячмень, полбу, пшеницу, а в конце века стали сеять и кукурузу. Прибывший 11 марта 1745 г. от кабардинских князей кашкатавской партии кизлярский дворянин Василий Черкесов сообщил кизлярскому коменданту, что кашкатавцы собираются весной переселиться «к Бештовым горам» и на том месте «пахать просо, пшеницу и ячмень»²⁰. О посевах в Кабарде пшеницы говорится и в «Описании кабардинского народа», составленном по материалам Коллегии иностранных дел в мае 1748 г.²¹

Пшеница, однако, в XVIII в. в Кабарде не получила большого распространения вследствие низкой урожайности. Кабардинцам в то время была известна только яровая пшеница. Что касается проса, то его посевы производились обычно поздно — в мае, а уборка уже осенью — в сентябре и даже иногда в начале октября. Эти сроки более подходили для полбы и ячменя, которые, так же как и просо, не боялись осенних холодов.

Ячмень шел главным образом для корма лошадей, и посевы его были сравнительно незначительными. Однако на зиму в каждом кабардинском селении в XVIII в. наряду с запасами сена хранились и запасы ячменя.

Масштабы земледельческого хозяйства Кабарды в XVIII в. должны были быть довольно значительными уже по одному тому, что они с избытком удовлетворяли внутренние потребности в хлебе. Как свидетельствуют русские архивные документы, кабардинцы в XVIII в. никогда в привозном хлебе не нуждались, несмотря на то что хлебные поля Кабарды нередко вытаптывались и выжигались вторгавшимися войсками крымского хана²². Следовательно, в Кабарде имелись обычно и некоторые запасы хлеба, что позволяло кабардинцам выходить из критического положения, в которое они попадали при уничтожении хлеба на корню врагами.

В «Описании кабардинского народа», составленном по материалам Коллегии иностранных дел в мае 1748 г., указывается, что кабардинцы просо «для себя на год запасенное, зарывают в землю»²³. Видимо, запасы проса в Кабарде делались с таким излишком, что в случае необходимости могли прокормить население и в неурожайные годы, и в годы неприятельских вторжений.

Известно также, что кабардинцы в XVIII в. привозили хлеб на продажу в Кизляр и в другие русские поселения. В 1764 г. кизлярский комендант Н. А. Потапов предлагал русскому правительству предоставить кабардинцам ряд таможенных льгот, в числе которых первой, по его мнению, должна была быть беспоплиная взаимная торговля хлебом, «потому что оно более будет сюда привозимо, нежели отсюда»²⁴.

В XVIII в., кроме кабардинцев, продавали хлеб в русские пределы и другие адыгские народы. Когда в 1792—1793 гг. по правобережью Кубани начало расселяться Черноморское казачье войско, его в значительной мере стали снабжать хлебом соседние, жившие по левобережью

Кубани адыги, среди которых были не только богатые хлебом бжедуги и жанеевцы, но и хатукаевцы и темиргоевцы. С 1792 по 1796 г. они, сообщает Н. Н. Короленко, «доставляли казакам все нужное по хозяйству и во всем пособляли, сколько могли. Хлеб всех родов в зерне для посева, фруктовые деревья для разведения садов и даже оружие они сами привозили на кордоны и отдавали казакам за самое ничтожное количество соли, а иногда и даром»²⁵.

Об излишках хлеба у прикубанских адыгов говорят и следующие данные. В 1796 г. на Богоявленском меновом дворе адыгами было продано пшеницы и другого зерна 5,063 пуда²⁶, а на Екатеринодарском меновом дворе, который играл главную роль в торговле черноморцев с закубанцами, было в это же время адыгами продано хлеба в зерне 20,746 пудов²⁷.

Получение зерна от адыгов Закубанья имело столь важное значение для Черноморского войска, что, когда в сентябре 1797 г. за Кубанью появилась чума и по распоряжению врачебной инспекции всякие сношения с адыгами были запрещены, это вызвало большой недостаток в хлебе, и войсковое начальство стало усиленно добиваться возобновления торговли с «черкесами», заявляя, что иначе оно «не имеет ни малейших способов продовольствовать служащих на пограничной страже казаков»²⁸.

Кроме черноморцев, западные адыги (особенно натухайцы, шапсуги) в конце XVIII в. снабжали хлебом и Анапу.

Излишки хлеба у горных народов Черкесии — шапсугов, натухайцев, абадзехов — были значительно большими, чем у адыгов, живших на равнинах. Именно у этой части адыгов земледелие приобрело особое значение, причем наряду с хлебопашеством у них было развито садоводство. Интенсивное занятие горных адыгов земледелием, садоводством позволило им располагать свои ~~сады~~ сады на гораздо более близком расстоянии друг от друга, чем это делали жители равнинных районов Черкесии.

Весьма рационально велось земледелие в горах Дагестана. Поскольку в большей части нагорного Дагестана удобной пахотной земли было крайне мало, горцы буквально отвоевывали у суровой природы каждый клочок земли, пригодной для хлебопашества.

Известно, что Дагестан является одним из наиболее развитых районов горного земледелия на всем Кавказе. Горный Дагестан — это классическая область террасного земледелия, где террасирование горных склонов в целях создания пахотных участков было широко распространено.

Террасное земледелие в XVIII в. играло большую роль в хозяйстве горцев Дагестана, унаследовавших технику сооружения террас у своих предков и усовершенствовавших ее. В XVIII в., несомненно, существовали уже все виды террас, характерные для нагорного Дагестана, в том числе искусственные террасы с каменными подпорками и стенами, созданные путем переноса на каменистые склоны гор земли из других районов с целью увеличения почвенного слоя. Террасы в горном Дагестане создавались не только с целью выращивания на них хлебных злаков, но и для разведения садов. Иногда хлебные поля на террасах сочетались с садовыми насаждениями. Это, видимо, делалось с той же целью, что и в горных районах Черкесии, где на хлебных полях специально оставляли деревья для защиты посевов от чрезмерно палящего солнца и сохранения влажности почвы.

Земледелие в Дагестане в XVIII в. еще более было развито на плоскости — в Кумыкии, Нижнем Табасаране, в районе Дербента. По отзы-

вам современников, и в горах, и на плоскости Дагестана в XVIII в. было широко развито садоводство. Целый ряд горных районов славился своими фруктами. В частности, широкой известностью пользовались фрукты из садов Кумыкии, Кайтага, Табасарана, лезгинских районов Аварии. Дагестан был также районом развитого виноградарства, причем виноградники были распространены не только на плоскости, но и в предгорной и горно-долинной зонах. Горцы Дагестана широко применяли различного рода удобрения. Наиболее распространенным из них был навоз, иногда смешанный с золой. Применялись и другие удобрения, в частности ил и птичий помет. В горах Дагестана в качестве удобрения применялась также солома, смешанная с золой и дерном: пласты земли с дерном складывались в кучу свыше 2 м высотой, снизу подкладывали солому и навоз, и потом все это сжигали.

И в горах, и на плоскости в Дагестане широко применялось орошение. Террасы в горах часто орошались с помощью подводимых к ним водопроводов. В равнинной части Дагестана из рек были «проведены жителями водяные каналы, которыми во время сухого лета наповают засеянную разным хлебом землю для лучшего произрастания»²⁹. Искусство, с которым дагестанские горцы возводили ирригационные сооружения не только на плоскости, но и высоко в горах, поражало многих путешественников.

В XVIII в. народы Северного Кавказа занимались в небольших размерах огородничеством: выращивали лук, морковь, свеклу, красный перец, чеснок, арбузы, дыни.

В Дагестане занимались и посевами технических культур, в частности хлопка и марены. Посевы последней особенно увеличились в конце XVIII в.

Техника земледелия горцев была по-прежнему примитивной. На равнине землю пахали большим деревянным плугом с железным лемехом и резаком, в который впрягали 3—4 пары быков. Этот плуг имел приспособление для регулировки глубины и ширины борозды. В горах повсеместно был распространен легкий плуг, свойственный многим горным странам. Горный плуг часто делался из суковатого дерева, которое по своим формам позволяло легко превратить его в несложное пахотное орудие. Несмотря на примитивность этого пахотного орудия, оно было хорошо приспособлено для обработки горных почв. Горный плуг был легок, не переворачивал пласта, а только взрыхлял землю. Кроме того, в горах широко применялась мотыга, которая была очень удобна для обработки крутых склонов гор, где нельзя было использовать упряжное пахотное орудие. Неглубокие каменистые почвы в горах сделали невозможным применение здесь для обработки почвы бороны. Но боронование в горах заменяла в известной мере многократная вспашка. В Черкесии, например, как правило, в горах пахали два раза; в Дагестане — многократно, причем использовали и перекрестное вспахивание. В горах Дагестана применялась иногда трехпольная система земледелия, на равнинах Дагестана — двухпольная; перелог имел иногда место и в Кумыкии.

Имеющиеся у нас сведения о состоянии земледелия в Дагестане в общем показывают, что, несмотря на его интенсивность в горах, своего хлеба там большей частью не хватало, хотя были отдельные селения, которые обладали хлебными излишками. Зато плоскостные районы, как правило, обладали излишками хлеба, поступавшими на рынок. Это прежде всего относится к Кумыкии, которая, находясь в плодородной Терско-Сулакской долине, являлась одним из основных поставщиков хлеба на Северном Кавказе.

Острый недостаток земли в горах Осетии и Ингушетии не благоприятствовал земледелию. Несколько лучшим было положение в Чечне, где, например, в Ичкерии были благоприятные условия для развития земледелия. Однако в других горных районах Чечни хлебопашеством в значительных размерах заниматься было так же невозможно, как и в Осетии и Ингушетии.

Об Осетии в середине XVIII в. Вахушти писал: «Плодородность этой страны незначительная, ибо никакие другие зерна не рождаются, кроме пшеницы, ячменя и овса, по причине холода, позднего лета и ранней осени, но и это засеивается не изобильно по малоземелью и скалистой местности...»³⁰.

Недостаток пахотных земель в горной Осетии и Чечено-Ингушетии требовал от земледельца огромных затрат труда для освоения неудобных и малопригодных к хлебопашеству угодий. В XVIII в. здесь получило широкое распространение террасирование склонов, удобрение почв навозом домашних животных и пометом птиц (в том числе диких голубей), искусственное орошение и пр.

В конце XVIII в. современники отмечали, что карабулаки и кисты (чечены и ингуши) занимаются скотоводством, разводят в большом количестве коноплю, а также кукурузу и табак.

Иначе обстояло дело на равнине Чечено-Ингушетии. Здесь к началу XIX в. сунженские и терские чеченцы освоили большие площади пахотных земель.

Скотоводство. В XVIII в. у всех народов Северного Кавказа было развито в весьма значительных размерах скотоводство. На это обстоятельство указывают все авторы, писавшие о состоянии хозяйства народов Северного Кавказа в это время. «Черкесы,— указал С. М. Броневский,— держат многочисленные стада рогатого скота и овец... По числу лошадей и скота измеряется у них богатство частных лиц»³¹. Много скота было также у ногайцев, абазин, карачаевцев и балкарцев. Особенно благоприятные условия для развития скотоводства были у жителей долин Кубани и Терека — закубанских черкесов, кабардинцев, ногайцев, абазин, кумыков, поселившихся на равнинной части ингушей, карабулаков. Скотоводство было развито также и в горах Дагестана и Чечни. Однако в Осетии и горной Ингушетии из-за нехватки горных пастбищ скота по сравнению с другими горными районами Северного Кавказа было значительно меньше³².

В составе стада у горцев первое место занимали овцы и козы. У жителей равнин — преимущественно овцы. Крупный рогатый скот у всех народов Северного Кавказа составлял, как правило, меньшую часть их стад. Однако у жителей низменных районов Дагестана крупный рогатый скот составлял более значительный процент, чем в горах Дагестана и в других районах Северного Кавказа. У располагавших на равнинах обширными пастбищами кабардинцев, кумыков, абазин, ногайцев имелись в значительном количестве конские табуны, которые, как правило, принадлежали феодальной верхушке. Северокавказские породы лошадей высоко ценились и были известны далеко за пределами Кавказа. Особенно славились «черкесские» лошади, под которыми прежде всего подразумевались кабардинские и абазинские. Коневодство в XVIII в. было доступно только крупным феодалам, располагавшим даровым трудом многочисленных крепостных. Именно черкесским, абазинским и кумыкским князьям принадлежали наиболее известные породы лошадей на Северном Кавказе. Подделка тавра строго каралась. В этой связи надо отметить,

что тавро не только подтверждало породность лошади, но и оберегало ее от похищения, так как кража лошадей из табунов горских князей каралась по обычному праву горцев огромным штрафом, во много раз превышавшим ее стоимость.

Замечательные качества черкесских лошадей были хорошо известны в XVIII в. по всему Кавказу, в Крыму, в России и даже в Польше и Литве. «Черкесские лошади,— сообщает Пейсонель,— чрезвычайно ценятся; они высокие, хорошо сложены, чрезвычайно сильны и очень выносливы... Их голова несколько напоминает клюв ворона; они отчасти похожи на английских лошадей. Здесь (т. е. в Черкесии.— *Авт.*) особенно заботятся о продолжении определенных пород...»³³. Лошади из Черкесии в большом количестве вывозились за границу. В конце XVIII в. значительная часть черкесских лошадей покупалась для России.

В XVIII в. в Кабарду часто приезжали из северокавказских городов и казачьих станиц специально для закупки верховых лошадей. В большом количестве кабардинских лошадей вывозили в Закавказье.

Чрезвычайно высоко черкесские лошади в XVIII в. ценились в Крыму. Пейсонель отмечал, что «наиболее известными породами» черкесских лошадей в его время были «шолох» и «бекаш»³⁴. Вывозили, по его словам, только мериноз. «Их,— писал Пейсонель,— поступает очень большое количество в Крым, где они очень ценятся; за них до сих пор платят до 200 пиастров» (в 10—13 раз дороже обычной цены лошади). Были еще более дорогие черкесские лошади³⁵, превышающие стоимость средней крымской лошади в 25 раз.

Большим спросом на внешнем рынке пользовались также продукты горского скотоводства, прежде всего овцеводства. Шерсть горской северокавказской овцы, известной в западноевропейской литературе под названием «черкесской», отличалась мягкостью, длиной завитка.

Крупный рогатый скот у горцев Северного Кавказа не отличался высокими качествами. Коровы и быки были сравнительно небольших размеров и походили на телок европейских пород. Коровы давали сравнительно мало молока, удельный вес которого в общем балансе молочных продуктов был невелик, так как в то время значительная часть молока поступала от овец и коз. Наибольшее значение в хозяйственном отношении имели волю, являвшиеся главным видом рабочего скота у горцев. Большое значение имела кожа крупного рогатого скота, из которой выделывались горская обувь и конская сбруя. Для хозяйственных нужд горцами также широко использовались рога этих домашних животных; в частности, из них изготовлялись рукоятки ножей, кинжалов и шашек, наконечники для деревянных вил и другие костяные поделки. Часть кожи крупного рогатого скота шла на экспорт.

Пчеловодство и охота. В XVIII в. в хозяйстве многих народов Северного Кавказа значительное место занимало пчеловодство. Сады и дикие фруктовые деревья, степные и горные пастбища, покрытые цветами, обширные хлебные поля— все это давало возможность во множестве разводить пчел и получать огромное количество меда. Причем в изобилии мед и воск производили не только на Северо-Западном и Центральном Кавказе, но и в северо-восточной его части. Я. Штейлин в 1771 г. писал, что мед и воск чеченцы добывали в огромном количестве и высокого качества³⁶. Высококачественный мед Северного Кавказа, вывозившийся в другие страны³⁷, пользовался большим спросом и в России.

Немаловажное значение в хозяйственной жизни горцев имела и охота. В горах и степях, в многочисленных лесах Северного Кавказа в

XVIII в. было много дикой птицы и зверей, мясо которых шло в пищу, а мех диких животных использовался в одежде. Значительное количество меха вывозилось даже в другие страны. М. Пейсонель сообщает, что из одной лишь Черкесии ежегодно вывозилось 200 тыс. волчьих и лисьих, 55 тыс. куньих, 3 тыс. медвежьих шкур³⁸. Пейсонель называет лишь важнейшие виды пушнины, вывозившиеся с Северного Кавказа: он не упоминает ни о заячьих, ни о выдровых, ни о барсучьих шкурах, которые, по данным русских источников, в большом количестве вывозились в русские города на Кавказской линии и в Астрахань³⁹.

Население Северного Кавказа занималось рыболовством, особенно на Каспии — от устья Терека до Самура. Однако в XVIII в. рыболовство еще не носило промышленного характера. Это был лишь подсобный промысел незначительной части населения. Только в хозяйстве терского казачества и жителей, проживающих в низовьях Терека (бывшее Тюменское княжество), рыболовство играло значительную роль. «Терские татары», как называют их источники, занимались рыболовством, причем не только для удовлетворения собственных нужд, но и для продажи. Источники сообщают, что они рыбу «солят, супат и татарам в горы продают»⁴⁰.

В XVIII в. часть населения Северного Кавказа занималась также горным промыслом. Имеются сведения о наличии и разработке в Кабарде и в других местах Центрального Кавказа залежных руд. Добыча металлов — железа, меди, свинца и серебра — была специализированна. При этом добыча серебра составляла профессиональную тайну немногих лиц. Однако из-за недостатка знаний металл извлекался из руд примитивным способом, представлявшим большие трудности. В незначительном количестве добывались медь, свинец, серебро, селитра и в Дагестане. Здесь же добывали нефть из открытых колодцев (которая в основном шла на освещение), а также соль.

Домашняя промышленность и ремесло. Домашняя промышленность составляла необходимую принадлежность любой горской крестьянской семьи, что еще лишний раз подчеркивало господство натуральных отношений в горском хозяйстве. По замечанию С. М. Броневского, «образ жизни горских народов довольно разъясняет, что число ремесел должно быть ограничено необходимыми нуждами. Жены у них — портные, ткачи, швеи, тесемщики»⁴¹. Его наблюдения об огромной роли домашней промышленности полностью подтверждает в отношении Черкесии Тетбузде-Марины, который писал, что в этой стране «в пределах каждого дома изготовляется все необходимое для его обитателей. Женщины обычно заняты изготовлением сукна, бурок, подушек для седел, холста, одежды, обуви, галунов, ножен для пашек, чехлов для ружей и пистолетов ... Мужчины плотничают, чинят оружие, отливают пули, изготовляют довольно хороший порох, красят шкуры...»⁴².

Разнообразие и широкое развитие домашней промышленности у всех горцев позволяло полностью использовать имевшееся в хозяйстве сырье (прежде всего, шерсть и кожу) и тем самым удовлетворить потребности семьи в одежде, обуви, в средствах передвижения, домашней мебели и утвари, конской сбруе и т. д. Следует заметить, что домашние промыслы часто незаметно перерастали в ремесло и в мелкое товарное производство, что позволяло, в частности, широко использовать женский и даже детский труд для изготовления различного рода промышленных изделий на рынок. Естественно, что особенно широким ассортиментом отличались изделия из шерсти и кожи: войлоки, бурки, сукна, башлы-

ки, шляпы, хурджины, подседельники; различного рода паласы и ковры производились почти повсеместно в горских селениях. Правда, качество изделий было далеко не одинаковым — мастерство было выше там, где оно больше было связано с рынком или должно было удовлетворить требование заказчика.

По сравнению с домашней промышленностью ремесло на Северном Кавказе в XVIII в. было развито значительно слабее и отнюдь не повсеместно. Судя по всем данным, ремесло в Дагестане получило гораздо большее развитие, чем в Черкесии и в других районах Северного Кавказа. Об этом говорит тот факт, что нам, по существу, неизвестны какие-либо ремесленные центры XVIII в. у адыгов и других, тогда как у народов Дагестана мы знаем десятки селений, которые славились прежде всего как центры определенного вида ремесла. В Дагестане и Черкесии на ремесленной стадии развития находилось кузнечное, оружейное, шорное, седельное и ювелирное производства. По существу, ремесленный характер носили также такие отрасли, как металлообработка, ткачество, гончарное производство, обработка дерева, кости и пр. Масштабы производства ремесленных изделий на рынок свидетельствовали о том, что ремесло на Северном Кавказе в XVIII в. в этих двух областях — Дагестане и Черкесии — вышло из той стадии, когда ремесленник работал на заказчика или на местный рынок. Изделия ремесленников Дагестана и Черкесии вышли за пределы рынков Северного Кавказа. Они в большом количестве поступали в Россию, Крым и Закавказье, в Польшу, Турцию и в другие страны.

По данным Пейсонеля, черкесские бурки и сукна продавались на крымском, русском, турецком, польском, молдавском, валахском рынках. Насколько высокого качества были некоторые сорта черкесского сукна, видно из сообщаемого Пейсонелем следующего факта: «Сын Абдувели-Аги, главного казначея Крыма, носит белую одежду; сделанную из этой материи (т. е. из черкесского сукна. — *Авт.*), до того прекрасной, что я принял ее за французское сукно, и мне стоило большого труда отказаться от своего заблуждения»⁴³.

Славились также на внешнем рынке и черкесские бурки; их производили в большом количестве и различного качества, причем один из сортов отличался такой тонкой выделкой и так высоко ценился, что, по свидетельству того же Пейсонеля, специально заказывался крымской знатью для собственного употребления или для подарков «высоким персонам» в Турцию⁴⁴.

Довольно многочисленные горские кузнецы, оружейники, кинжалщики, чеканщики, ювелиры обслуживали главным образом потребности внутреннего рынка, весьма широкого для этого вида товаров, ибо каждый горец, имевший хоть какую-нибудь возможность, приобретал себе хорошее оружие или стремился украсить его серебром или золотом. Поэтому немудрено, что у горцев было много ювелиров и они достигли большого мастерства в своей работе. «Единственный промысел, который у них развит довольно высоко, это выделка золотых и серебряных изделий. У них, — пишет Дюбуа-де-Монпере, — есть очень искусные мастера, особенно по обработке серебра и рисунку на черненом серебре; черненым серебром они покрывают рукоятки пистолетов, сабель, ножны кинжалов; умеют также насекать узоры на стволах ружей, выделывать дамасскую сталь ... Они делают прекрасные табакерки, бляшки к поясам, пряжки, перстни, кубки, чаши и т. п.»⁴⁵. С. М. Броневский также особо отмечал искусство черкесских серебряников. «Сии последние, — писал он, — наводят чернь с золотою насечкою на серебре и стали для

конских уборов и других оружейных украшений на такой же образец и едва ли с меньшим искусством в отделке, чем работают в Великом Устюге»⁴⁶.

Огромной славой на Кавказе и за его пределами пользовались дагестанские ремесленники. Изделия кубачинских, кумухских и других мастеров не имели себе равных на Кавказе. Кубачи вообще представляли собой исключительное явление на Северном Кавказе. Здесь, по существу, ремесленники уже полностью оторвались от сельского хозяйства и представляли собой мастеров-профессионалов самого высокого класса. Жители с. Кубачи, писал И. Г. Гербер в 1728 г., «особливо питаются рукоделием, ибо оные все люди мастеровые, у них делается самая лучшая серебряная работа, оружие, добрые сабли, панцири, и прочее, которое не токмо во всех здешних местах, но и в Персии и в Турецкой земле славно, и такое оружие с охотой покупают, отчего они все люди богатые...»⁴⁷. Кубачи были не единственным, вполне сложившимся центром ремесла в Дагестане XVIII в. Как уже отмечалось, в Дагестане в это время происходит специализация селений по отдельным видам ремесла. В расположенном недалеко от Кубачей даргинском сел. Амузги выделывали клинки, в Харбуле изготовляли ружейные и пистолетные стволы, топоры, подковы, косы, сохи, в Акуше и Цудахаре — сукна, Сулевкент славился гончарным производством. У лаков в Кумухе, Унчукатле ремесленники специализировались по металлообработке, жители Кунди, Кая, Вихли, Цовкра славилась выделкой сукон, жители сел. Балхар — гончарным производством. В Аварии жители сел. Голотль, Кахиб, Урада производили холодное оружие. Гоцатль, Чох были известны производством медной посуды и серебряных изделий, Ругуджа — обработкой камня, Анди, Ботлих, Аюалта — изготовлением бурок. У лезгин Ахты, Микрах, а у табасаранцев — Аркит, Мужгюль, Хучни, Хурик-Хэлаг были известны ковроделием.

Для Дагестана была характерна специализация не только по целому виду промышленного изделия, но и по его отдельным частям. Так, например, отдельно изготовлялись части огнестрельного и холодного оружия, причем соответствующие мастера жили в разных аулах, что требовало кооперации между ними. Это тоже было показателем высокого уровня развития обрабатывающей промышленности в Дагестане. По-видимому, такая специализация ремесленников имела место и у адыгов. Известно, что славившиеся по всему Кавказу кабардинские седла изготовляли: арчачник (делал деревянную часть седла), шорник, кузнец, а украшали ювелиры.

Отходничество. В XVIII в. формы отхода были прежними. Однако число отходников по сравнению с предыдущим столетием намного увеличилось. Чаще всего небольшими группами, по несколько человек, горцы уходили не только в соседние общества, но и в города Кавказа. «Некоторое время, — писал кабардинский князь астраханскому губернатору О. И. Брылкину 21 октября 1748 г., — из наших подвластных людей художники к деланию сабель, стрел и прочего семь человек ездили для своего пропитания работою в Кубанскую сторону»⁴⁸. Но наибольшее число отходников давал Дагестан. Некоторые из них выполняли различного рода сельскохозяйственные работы в плоскостных и предгорных районах Дагестана, а также на Северном Кавказе и в Закавказье. Другая часть отходников-ремесленников со всем необходимым инвентарем переходила из одного владения в другое, где выполняла различного рода работы. Уходили ремесленники Дагестана и в города — Дербент,

Кизляр, Моздок, Нуху и др. Часть горцев, уходившая в Закавказье, служила у грузинских царей Ираклия II и Георгия XII, а также у ханов Азербайджана.

Торговля. Важное значение в жизни народов Северного Кавказа имела торговля. В XVIII в. внутренняя торговля у адыгов, балкарцев, карачаевцев, осетин, чеченцев и ингушей была развита слабо. Это объяснялось сравнительно невысоким уровнем общественного разделения труда и зачаточным состоянием развития обрабатывающей промышленности. Как отмечалось, домашняя промышленность у некоторых из названных народов была довольно развита, но она, являясь необходимой принадлежностью натурального хозяйства, не могла стимулировать развитие внутри страны торговли и обмена.

Имеющийся обмен в основном сводился к тому, что жители гор обменивали свои товары (главным образом скот, шерсть и продукты скотоводства) с жителями равнин на хлеб. Обмен производился и ремесленными изделиями различных районов. В большей степени торгово-обменными операциями были заняты жители Прикаспийских и Причерноморских областей Северного Кавказа, а также жившие вдоль линии укреплений по Кубани и Тереку. Наиболее оживленная внутренняя торговля проходила в Дагестане и Черкесии.

Внешняя торговля осуществлялась в довольно значительных масштабах, главным образом потому, что продукты горского хозяйства, в особенности продукты скотоводства и изделия ремесла, превышали спрос на внутреннем рынке. По данным Пейсонеля, в Крым и в другие места из Черкесии вывозилось большое количество лошадей. В середине XVIII в., по данным Пейсонеля, через порты Таманского полуострова ежегодно вывозилось от 80 до 100 тыс. центнеров мытой шерсти и 500 тыс. овечьих шкур, около 200 тыс. пар бычьих рогов и 5—6 тыс. штук «прекрасной соленой кожи» крупного рогатого скота, весившей около 1,5 тыс. центнеров, и всевозможные изделия из шерсти — бурки, сукна, черкески, шаровары и др. Ежегодно вывозилось также 5—6 центнеров «превосходного меда» и более 800 центнеров воска. По-видимому, эти товары в порты Северо-Западного Кавказа поступали из Закубанской Черкесии, Кабарды, Карачая, Балкарии и от ногайцев.

Большая часть внешней торговли Северного Кавказа проходила через Дербент, Тарки и другие торговые центры прикаспийской части Дагестана. В Дербенте имелись торговые ряды русских, армянских, грузинских и иранских купцов. Хотя торговля Дербента, как и вся вообще торговля по Каспийскому побережью, на протяжении XVIII в. все более сокращалась, она все еще являлась важной частью внешней торговли Северного Кавказа со странами Закавказья и Ближнего Востока. В XVIII в. все большее значение приобретают причерноморские порты Северного Кавказа, такие, как Тамань, Темрюк, а с конца XVIII в. — Анапа.

В XVIII в. все большую роль во внешней торговле народов Северного Кавказа стала играть Россия. Это объяснялось не только усилением влияния Русского государства на Северном Кавказе и, следовательно, падением роли Турции, Ирана и Крыма в этом регионе, но и характером торговли. Население русских городов Северного Кавказа нуждалось в продуктах горского хозяйства, а горцы — в промышленных товарах первой необходимости, вырабатываемых в России.

Большую роль в развитии и углублении экономических связей Русского государства с народами Северного Кавказа сыграло основание го-

родов Кизляр и Моздок. В конце XVIII в. важное значение в торговле с закубанскими народами стал играть город Екатеринодар и другие поселения черноморских казаков, где были открыты специальные меновые дворы. Развитие русско-горской торговли имело огромное прогрессивное значение для горцев. В отличие от торговли с Турцией или Ираном торговля с Россией доставляла горцам прежде всего товары широкого потребления. Из России, например, ввозились хлопчатобумажные ткани и холст (а не шелка, которые преимущественно ввозили из стран Востока); из России шло железо и различного рода металлические изделия, в которых остро нуждалось горское крестьянство. Из России в годы неурожая поступал хлеб, а с Востока везли дорогие пряности. В то же время товары, вывозившиеся в Россию, охватывали широкий круг продуктов горского сельского хозяйства и изделий домашней промышленности и ремесла, тогда как в торговле с Востоком, а особенно с Турцией, наиболее ходким и ценным товаром были рабы.

Таким образом, торговля горцев с Востоком, по существу, удовлетворяла лишь потребности узкого круга феодальной аристократии. Одно то обстоятельство, что торговля с Турцией и ее вассалом Крымским ханством приводила к постоянному вывозу с Кавказа «живого товара» — людей, делала эту торговлю фактором, сказывающимся резко отрицательно на социально-экономическом развитии народов Северного Кавказа.

Все авторы, писавшие в XVIII в. о торговле Турции и Крыма с Северным Кавказом, единогласно свидетельствуют об исключительной роли в ней работорговли. Пейсонель прямо указывает, что «рабы являются одним из главных предметов торговли Черкесии»⁴⁹.

Крымские купцы специально отправлялись на Северный Кавказ для покупки рабов, которых они привозили затем в Кафу, куда, в свою очередь, приезжали купцы из Константинополя и других мест Анатолии и Румелии. Крымский хан, по словам Пейсонеля, покупал ежегодно большое количество рабов, независимо от тех, которых он получал от черкесов в виде дани. Хан имел преимущественное право покупки рабов на рынке Кафы, и когда прибывала новая партия рабов из Черкесии, никто не мог приобрести их до тех пор, пока сам хан не отберет «лучший товар».

Высокая стоимость рабов и большой спрос на них как на внешнем рынке, так и внутри страны делали их ходкой монетой на всем Северном Кавказе в XIX в. Это особенно было заметно в прибрежных районах страны, где постоянное наличие крымских и османских работорговцев обеспечивало быструю возможность реализации этого «товара». Северокавказские феодалы часто предпринимали набеги на соседние племена и русские поселения с целью захвата пленных, которых затем в качестве рабов продавали османским купцам. Османская империя всячески поощряла работорговлю на Кавказе вообще, а в Черкесии прежде всего. По всему Черноморскому побережью Черкесии, находившемуся до 1829 г. под политическим верховенством османов, шла бойкая торговля рабами-пленными — жителями Кавказа.

В XVIII в. большую роль в поддержании работорговли на Северном Кавказе играло Крымское ханство. Этот вассал Османской империи служил как бы посредствующим звеном для снабжения рынков рабами с Северного Кавказа. Крымский хан, не довольствуясь данью рабами, которую он получал от многих адыгских племен, совершал в XVIII в. частые походы в Черкесию для захвата в плен возможно большего числа людей, которых затем увозили в Крым и обращали в рабов. Значитель-

ная часть этих крымских пленников также шла на продажу в Константинополь или посылалась в качестве «пешака» (подарка) сановникам и самому султану.

Не останавливаясь более на характеристике роли Османской Порты и Крыма в работорговле на Северном Кавказе, отметим в заключение, что продажа рабов в названные страны была важнейшей экономической нитью, связывавшей горских феодалов с Османской империей и Крымским ханством. Именно работорговля во многом способствовала политической ориентации определенной части горских феодалов на Константинополь в XVIII в. и даже в первой половине XIX в.

3. Классы и классовая борьба

Классовая структура. Социальный строй народов Северного Кавказа в XVIII в., как и раньше, продолжал характеризоваться неравномерностью своего развития. В то время как в одних районах имелись лица более зрелые и юридически уже оформленные феодальные отношения, в других районах феодализм еще не окончательно установил свое господство. Существовали феодальные владения Дагестана, такие, как шамхальство Тарковское, удийство Кайтагское, ханство Казикумухское и др., княжество Кабарда, так называемые аристократические племена закубанских адыгов и союзы сельских общин Дагестана, тухкумы Чечено-Ингушетии, «демократические племена» закубанских и причерноморских адыгов.

Неравномерность социального развития наблюдалась не только между отдельными народами (этносомами), но и внутри них. Так, адыги (черкесы) в XVIII в. подразделялись по уровню и характеру развития феодальных отношений на две группы — «аристократическую» и «демократическую» (как их стали именовать в русской литературе XIX в.). Аварцы, даргинцы, лезгинцы входили одной частью в состав феодальных владений, другой частью составляли «вольные общества». Осетины различных ущелий тоже отличались по уровню своего социального развития. Феодальные отношения на Северном Кавказе в значительной степени вызревали в недрах дофеодальных отношений и под прикрытием различного рода родовых и общинных учреждений и институтов. Переплетение феодальных отношений с более или менее сильными пережитками (при ведущей роли феодальных) дает нам возможность определять эти отношения как феодально-патриархальные. Однако, подчеркивая все еще значительную роль дофеодальных, патриархально-родовых и первобытно-общинных отношений в социальном строе горцев Северного Кавказа в XVIII в., мы не должны забывать, что эта роль была все-таки второстепенной, подчиненной.

Безусловно, одним из наиболее важных показателей недостаточного развития горского феодализма в XVIII в. было наличие у большинства народов Северного Кавказа весьма значительной прослойки полусвободного, еще не полностью закрепощенного крестьянства. Таковыми были уздени в Дагестане, тфокотли у адыгов и другие по названию, но вполне соответствующие по своему социальному положению категории крестьян в Осетии, Карачае, Балкарии. Есть серьезные основания предполагать, что многочисленность этой социальной прослойки в XVIII в. объяснялась систематическим пополнением ее рядов за счет освобождавшихся различными путями крепостных и феодально-зависимых крестьян. Таким образом, было бы неверным считать, что в данном слу-

чае мы всегда имеем дело с исконно свободными непосредственными производителями. В отношении, например, адыгов можно считать доказанным факт слияния в XVIII в. в крестьянстве незакрепощенных общинников (тфокотлей) с вольноотпущенниками (азатами) и беглыми крепостными. Именно это обстоятельство привело к тому, что число так называемого «свободного» крестьянства у адыгов в XVIII в. не уменьшилось, а даже значительно возросло по сравнению с предыдущим периодом и продолжало возрастать на протяжении всей первой половины XIX в. Важнейшую роль в этом процессе увеличения числа относительно свободного сельского населения сыграла классовая борьба. Антифеодальные восстания горского крестьянства представляют наиболее важную особенность гражданской истории народов Северного Кавказа в XVIII в. Антифеодальные движения, как увидим ниже, проходят почти непрерывно на протяжении всего XVIII столетия. Волны стихийных крестьянских восстаний прокатываются одна за другой по всему Северному Кавказу — от Каспийского до Черного моря, от Дагестана до Черкесии. У адыгских народов во главе феодальной лестницы стояли князья (пши). Князь пользовался у адыгов неограниченной властью. Его высокое социальное положение признавали не только адыги, но и многие соседние народы Северного Кавказа. Он считался верховным владельцем всех земель, населенных его подданными, главой своего народа, начальником его вооруженных сил, старшим из дворян. Князю непосредственно принадлежали населенные деревни. Княжеские аулы располагались обыкновенно вблизи княжеского жилья, которое обносилось оградой. За усадьбой князя селились его вольноотпущенники, за ними — дворяне-урки.

Кроме эксплуатации своих крепостных крестьян, князь имел право пользоваться трудом вольных жителей своего аула. В вассальной зависимости от князя находились все живущие в его владении урки.

Основную часть класса феодалов у адыгов составляли урки, подразделявшиеся на несколько степеней. Однако деление адыгских урков на степени условно.

Резко выделялись по своим правам и привилегиям из общей массы адыгских урков состоявшие из нескольких фамилий тлекотлеши и деженуго, которые представляли первостепенных урков. Эти два разряда урков, хотя и являлись вассалами князей, находились от них в сравнительно меньшей зависимости и гордились тем, что свое высокое положение в адыгском обществе они занимали по рождению и что своим званием они не были обязаны княжескому пожалованию, как другие адыгские урки. Более знатными признавались тлекотлеши. Деженуго несколько уступали тлекотлешам в своей родовитости, что отразилось и в их наименовании, означавшем «позолоченное серебро»*.

Тлекотлеши и деженуго в отличие от других княжеских вассалов всегда жили отдельными от князя аулами, которые назывались по их фамилиям, что указывало на особые привилегии. Тлекотлеши и деженуго сами были сюзеренами, имея при себе урков-вассалов. Наличие своих вассалов было отличительным признаком всякого тлекотлеши и деженуго. С некоторыми оговорками тлекотлешей и деженуго можно уподобить русским боярам-вотчинникам. Тлекотлеши и деженуго пользовались правами привилегированных феодальных землевладельцев и в своих аулах наделали земель не только своих крестьян, но и своих вассалов-урков.

Следующую ступень в феодальной иерархии занимали беслан-урки и урки-шаутлугузы, первые из которых были вассалами князей, а вто-

* Другой перевод *тлекотлеши* — «сильный род»; а *деженуго* — «рыжесеребряные».

рые — первостепенных уорков. Эти уорки получали от своих сюзеренов при вступлении в вассальную зависимость «уорк-тын» («узденскую дань»), состоявший из земельного участка, некоторого числа крепостных, рабов, скота, оружия и т. д. Размер «уорк-тына» зависел от обоюдного согласия сюзерена и вассала. «Уорк-тын» переходил, как правило, по наследству, но в случае, если вассал хотел покинуть своего сюзерена, он должен был возвратить ему «уорк-тын».

Феодально-зависимое крестьянство делилось так же, как и класс феодалов, на несколько категорий. Основную массу феодально-зависимого крестьянства у адыгов составляли так называемые тфокотли (у кабардинцев — тлхукотли). Особенно многочисленной эта категория крестьянства была у абадзехов, папсугов и натухайцев. У «аристократических племен» адыгов эта прослойка, состоявшая в основном из еще не закрепощенных общинников, была в XVIII в. значительно меньше и подвергалась относительно большей эксплуатации, чем у «демократических племен». Крепостное крестьянство у адыгов подразделялось на две основные категории. Одни из них имели свое собственное хозяйство и жили отдельно от своих господ. Они носили название «ог» и напоминали по своему положению барщинных крестьян России. Другая категория крепостных состояла из крестьян, живших во дворе своих господ и не имевших своего хозяйства. У закубанских адыгов эта категория крестьян обычно носила название «дехефетейт»⁵⁰⁻⁵¹, у кабардинцев — «лагунапыты». Обе категории крепостных крестьян именовались у адыгов пшитлями. Они представляли собой менее эксплуатируемую и имущественно более обеспеченную категорию крепостного крестьянства. Самый низкий и бесправный разряд эксплуатируемого населения у адыгов составляли рабы-унауты. Они пополнялись главным образом за счет военнопленных или похищенных людей, обращавшихся в рабов. Рабы у адыгов часто переводились из положения домашних рабов в положение дворовых или барщинных крепостных. В этом случае они получали от своих господ рабочий скот и необходимый сельскохозяйственный инвентарь, обзаводились семьей и жили отдельными домами. Это показывает, что у адыгов, как и других горцев Кавказа, рабство уже исторически изживало себя и основной формой эксплуатации непосредственных производителей являлась в XVIII в. феодальная эксплуатация, которая у адыгов и других народов Северного Кавказа осуществлялась в форме продуктовой и отработочной ренты.

В Дагестане во главе класса феодалов стояли шамхалы, ханы, уцмии, майсумы, кади и другие, также являвшиеся верховными собственниками земли в своих владениях. Вслед за ними по значимости стояли беки. Они были тоже крупными земельными собственниками, наследственно владели папнями, покосами, пастбищами. Кроме того, имелись земли, данные владетелями за службу в условную собственность на определенный срок или пожизненно, а иногда даже с правом передачи по наследству. Беки Дагестана делились на беков, которые свое происхождение вели от шамхалов, ханов и других феодальных владетелей Дагестана, и так называемых карачи-беков, которые свое происхождение возводили к тем далеким временам, когда еще не было в Дагестане указанных верховных правителей. Карачи-беки имелись только лишь в нескольких селениях Северного Дагестана: Карабулахкенте, Губдене, Эрпели, Каранае, Ишкарте.

Вслед за этими двумя разрядами беков шли так называемые чанка-беки, т. е. беки, рожденные от неравного брака феодальных владетелей или беков с женщинами незнатного происхождения. К феодалам отно-

сились также и сала-уздени у кумыков, хиуни катри цмирдал — у лавков и аналогичные разряды феодалов — у других народов Дагестана.

Наиболее многочисленную часть крестьянства в Дагестане составляли свободные общинники, носившие у большинства народов Дагестана название «уздени»*. Эта категория крестьянства по своему социальному положению была аналогична тфокотлям закубанских адыгов. Она также подвергалась более тяжелой эксплуатации в феодальных владениях и была более свободной и многочисленной в «вольных обществах», где почти все считались узденями. Различные категории крепостных крестьян в Дагестане выполняли, как и у адыгских народов, барщинные повинности и платили продуктовый, а иногда и денежный оброк.

У осетин тагаурцев и куртатинцев господствующий класс феодалов носил название алдар-тагиат, в зависимости от которого находились различные категории крестьянства. Наиболее многочисленная из них называлась фарсаглаги. Это были, подобно адыгским тфокотлям или дагестанским узденям, еще не окончательно закрепощенные крестьяне. Они имели право в любое время уйти от феодала и даже владели собственными участками земли. Промежуточное между крепостным крестьянином и рабом положение занимали «кавдасарды», рожденные от брака алдар-тагиата с женщиной из сословия фарсаглагов или наложниц-рабынь. Кавдасарды являлись собственностью той феодальной семьи и фамилии, к которой принадлежал их отец, и находились в полурабской зависимости от своих родственников по отцовской линии. Однако они не могли быть проданы или подарены кому-либо. Кавдасарды могли иметь свою семью, хозяйство, владеть землей. Круг их обязанностей и повинностей был довольно неопределенен и зависел от воли их господ. Эта категория крестьянства замечательна тем, что ее происхождение показывает нам один из своеобразных путей перерастания в условиях Северного Кавказа домашнего рабства в крепостничество. Характерно, что в Тагаурии имелась и категория рабов, ряды которых пополнялись за счет пленных и купленных невольников.

Несколько отстававшее в своем развитии Алагирское общество осетин тоже делилось на два сословия: феодалов-алдаров и крестьян-фарсаглагов. Примерно такой же была и социальная структура в Дигории, где феодалы именовались «баделятами», в зависимости от которых находилась полукрепощенная категория крестьян — адамихаты и кумаяги, происхождение которых и положение которых было сходно с кавдасардами и других районов Осетии. Как и всюду в Осетии, в Дигории были рабы — косоги и хехесы.

В Балкарии господствовали феодалы-таубии, в различной степени зависимости от которых находились каракиши и ясакчи. Каракиши пользовались землей на правах личной собственности, однако продавать ее без разрешения таубии, которому они были подвластны, не могли. Утратив уже в значительной мере личную свободу, каракиши должны были выполнять в пользу таубиев некоторые повинности и платить им натуральный и денежный оброк. Ясакчи уже потеряли права на землю, но сохранили личную свободу. Они тоже платили, подобно тому, как это делали каракиши, оброк в пользу таубиев, на земле которых они жили. На положении крепостных крестьян из Балкарии находились чагары, которые выполняли для своих господ все виды барщины. В бесправном положении рабов находились казаки (мужчины) и караваша (женщины).

* Следует иметь в виду, что в русских документах XVIII в. термином *уздени* обычно обозначались кабардинские и другие адыгские (черкесские) *юрки-феодалы*.

Очень близки были по своему общественному строю к балкарцам родственные им карачаевцы.

Высшим сословием абазинского общества были князья — «аха», которые возглавляли отдельные абазинские племена. В XVIII в. абазинские князья находились обычно в зависимости от кабардинских или бесленевских князей и потому считались уже не вполне самостоятельными сюзеренами. В этом отношении они напоминали балкарских таубиев и дигорских баделят. За ними шли два разряда вассалов. Наиболее многочисленный слой их составляли агмыста. Они равны были по своему положению второстепенным кабардинским уоркам и находились на службе или непосредственно у князя, или у «больших агмыста» — агмыстаду, которые были владельцами отдельных селений и по своему положению напоминали первостепенных кабардинских уорков.

Основная часть абазинского крестьянства состояла из лично свободных общинников, носивших название «тлякоша», или «ававы». Эта же категория крестьян в источниках и литературе именуется «анхаю». На положении крепостных находились лыги. Они имели собственные средства производства, которыми обрабатывали господское поле и выполняли другие барщинные работы. В самом бесправном положении находились домашние рабы — унавы.

Значительным своеобразием в XVIII в. отличался общественный строй Чечни и Ингушетии, продолжавший развиваться по пути феодализации в специфических местных условиях.

В горной зоне кровнородственные союзы — тайпы — в XVIII в. (как и в предшествующие столетия) не имели хозяйственного единства и социальной однородности. Внутри тайпов протекал интенсивный процесс имущественного и социального расслоения, укрепление богатых и влиятельных семей, для которых общетайповое единство и солидарность служили удобным прикрытием фактической эксплуатации сородичей. Главенствующее положение занимали старшины, именуемые в документах того времени «лучшими», «благородными», «влиятельными», «почетными» людьми. К концу XVIII в. в горной Ингушетии старшины, будучи избираемы из богатейших семей и «по причине частого повторения выборов из тех же семейств, обыкновенно присваивают себе права старшинские от отца к сыну наследственно»⁵². Нередко «старшина карабулаков» становился «приемным отцом» (аталыком) кумыкских и других князей, что сближало их с феодальной знатью соседних народов⁵³. Рядом с ним в сословной иерархии занимали место бяччи — военные предводители и служители культа (муалы, кадии и др.). Эта верхушка и задавала тон на сходках селений и сельских обществ.

Основная масса горских крестьян была лично независима, представляя собой крайне пеструю картину социально-экономической состоятельности — от прочной зажиточности (заживные) до безземельных и безлошадных бедняков (убогих, бездомных голяков, бойгушей). Все они, однако, считались одинаково узденями и крайне дорожили этим статусом.

Особую прослойку составляли личные рабы, происходившие чаще всего из военнопленных, захваченных «на стороне» и в соседних обществах собственно Чечни и Ингушетии⁵⁴, включая и тех, кто попал в кабалу в силу различных экономических причин. Положение лая (раба) в обществе было бесправным, а прикрепление его владельцем к земле приравнивало к положению феодально-зависимых крестьян. Не случайно в русских документах лая фигурируют как холопы.

Кроме того, многочисленный, традиционно обеспеченный хорошими сельскохозяйственными угодьями, а значит, сильный и богатый тайп не только дифференцировался внутри, но и сам в целом занимал привилегированное положение среди других тайпов. В результате среди чеченских и ингушских обществ (т. е. отдельных тайпов или их союзов-туккумов) в XVIII в. четче стали различия, и одни из них попадали в зависимость от других. Общественно неполноправными часто оказывались тайпы «пришлые», которым противопоставлялись коренные в данной местности поселенцы. И хотя члены главенствующих и зависимых тайпов именовались равно узденями, их социальный статус был фактически столь же различен, как и тех тайпов, к которым они принадлежали. Таким образом, при всей незавершенности еще процесса феодальной эволюции общественного строя у горных чеченцев и ингушей наименование всех их узденями заглушает те социальные противоречия, которые наличествовали у них в XVIII в.

С переселением части чеченцев и ингушей на равнины социальные отношения у них начали развиваться более ускоренно. Традиционные способы роста богатства и авторитета старшин пополнялись тут активным участием в торговле с русской пограничной линией и сложными отношениями с иноплеменными князьями.

Кумыкские и кабардинские князья, аварские ханы, в зависимости от которых находилась часть чечено-ингушской территории, всеми способами насаждали там феодальные порядки. В нарождавшейся чечено-ингушской знати феодалы до поры находили себе опору и союзников. Некоторыми чеченскими обществами управляли переселившиеся сюда из Кумыкии, Аварии и других мест феодалы. Они также способствовали укреплению позиций узденей, которые в обществе имеют силу, в то время как их сородичи по бедности оказывались в феодальной зависимости.

Характерно и то, что в XVIII в. сами старшины сельских обществ выступают как настоящие феодальные владетели. В присяге 21 января 1781 г. старшин Большого Чеченя и Аджи-Аула на русское подданство говорится: «Ежели же будут наши холопы магометанского закона от нас убежать и являться в Российских границах, оных нам отдавать обратно...». Там же они обязуются «беглых русских не принимать»⁵⁵. И не случайно чеченский фольклор без колебаний именуется некоторыми такими старшин «князьями» (элий).

Таким образом, внешние и внутренние факторы действовали в Чечне и Ингушетии в одном и том же направлении, помогая вызреванию феодальных отношений в причудливом переплетении разных тенденций классовообразования.

У ногайцев феодальная знать именовалась «мурзами». Их вассалами были кайбаши и асламбеки. Незакрепощенные общинники у ногайцев носили название «узденей». Они обязаны, однако, были давать своим мурзам определенное количество хлеба, скота, сена, привозить дрова и выполнять еще некоторые другие повинности. Категория крепостных крестьян — джоллукулы — была у ногайцев сравнительно немногочисленная. Они вместе с рабами — джолсызкулами — обслуживали хозяйство своих господ и снабжали их всем необходимым.

В XVIII в. на всем Северном Кавказе увеличивается влияние мусульманского духовенства, особенно значительна была его роль в Дагестане, где ислам распространился давно и пустил глубокие корни. Верхушка мусульманского духовенства в XVIII в., используя свое влияние среди верующих, весьма обогатилась и стала присваивать себе фео-

дальние права, хотя многие муллы, кадий и другие служители мусульманского культа были выходцами из числа свободного, а иногда даже и крепостного крестьянства.

Формы классовой борьбы. XVIII век характеризуется повсеместным обострением классовой борьбы на Северном Кавказе. Это было прежде всего связано с дальнейшим развитием феодальных отношений, сопровождавшимся усилением социального гнета. Наступление феодалов на общинные права, стремление расширить сферу своей эксплуатации и закрепить те слои горского крестьянства, которые сохраняли еще личную свободу и экономическую независимость, вызывали законное возмущение и протест со стороны трудовых масс горских народов Северного Кавказа. И в XVIII в. одной из самых распространенных форм классовой борьбы феодально-подневольного населения Северного Кавказа с гнетом и произволом феодалов оставался побег крестьян.

Обычно крестьяне бежали от «своих» феодалов в места, где феодальная эксплуатация носила более мягкий характер. Нередко крестьяне бежали из феодальных владений в так называемые союзы сельских общин. Так, население Цатаниха, находившееся в зависимости от аварских ханов, ушло в значительной своей части в Койсубулинское общество. Точно так же поступили жители сел. Тануси, находившегося во владении хана аварского, — часть их переселилась в общество Хиндаляль, образовав пос. Коло. В обществе Гид переселились лакцы Казикумухского ханства, образовали поселения Тлануб и Цекоб. Жители Цахура, желая избавиться от гнета своего султана, покинули свои дома и перешли на новое место, образовав аулы Сигют и Хиах.

Беглые крестьяне владения майсума табасаранского основали аул Ругуж. Бегство крестьян было очень распространенной формой классовой борьбы и в других районах Северного Кавказа. На Северо-Западном Кавказе, подчеркивает Хан-Гирей, «подвластные князьям и дворянам люди соседних владений, крепостные или вольные земледельцы при малейшей обиде или угрозе со стороны владельцев» начали переходить туда, «где были принимаемы и водворяемы». Хан-Гирей считал, что переселение к абадзахам, палсугам и натухайцам крестьян из «княжеских владений» было важнейшей причиной ослабления этих владений и усиления указанных народов, не зависящих от власти князей⁵⁶. Именно за счет притока беглых крестьян из «аристократических племен» адыгов увеличилась численность «демократических племен».

Увеличение русских поселений в XVIII в. на Северном Кавказе открыло для горского крестьянства новые возможности избавиться от феодального гнета путем бегства в русские пределы. Крепость Св. Крест, г. Кизляр, Моздок и другие стали убежищем для беглых кабардинских, осетинских, чеченских, ингушских, кумыкских и других горских крестьян. Эндереевские беки добились от Петра I даже специального указа о возвращении таких беглых обратно их владельцам, за исключением лишь тех, кто принимал христианство: за этих русское правительство уплачивало бекам по 30 р. за человека. Однако русское начальство на Терек не очень строго выполняло этот указ и эндереевские беки продолжали жаловаться царю на невозвращение своих «холопов». Видя, что их жалобы не удовлетворяются, а крестьяне продолжают целыми селениями уходить за Терек, эндереевские владетели Айдемир, сын шамхала тарковского Чопан с аксайским владетелем Казаналипом совершили в 1720 г. набег на Терек и переселили насильно почти всех жителей, поселившихся там в ауле Крыбавлы⁵⁷. Конечно, совершать такие набеги для горских фео-

далов было небезопасно и они могли позволить себе это лишь только в исключительных случаях.

В Дагестане крестьяне часто совершали побег из одних владений в другие. Перебегая на новые места, они рассчитывали, что их новые феодальные владельцы предоставят им некоторые льготы и их положение несколько улучшится. Действительно, желая привлечь к себе беглецов, феодальные владельцы Дагестана предоставляли им на первых порах некоторые льготы, взимая с вновь прибывших несколько меньший оброк и сокращая барщину. Однако это продолжалось недолго, и беглецам приходилось снова менять свое место жительства, если они хотели облегчить свою участь.

Еще больший размах такое бегство крепостных приобрело в Кабарде. Начиная с 40-х годов XVIII в. кабардинские феодалы непрерывно обращаются к русскому правительству с жалобами на то, что убегающих от них в русские поселения «холопов» им не отдают обратно. Бегство кабардинских «холопов» в русские пределы особенно усиливается после того, как в урочище Моздок в 1763 г. на месте небольшого военного русского форпоста были основаны крепость и город Моздок. Однако царское правительство, желая использовать это бегство в своих интересах, заигрывало с угнетенным и эксплуатируемым кабардинским крестьянством. На протяжении длительного времени царское правительство категорически отказывалось выдавать обратно беглых из Кабарды крепостных и рабов.

Другой формой протеста крестьян Дагестана против феодального угнетения и произвола были убийства своих владельцев. В 1775 г. доведенные до отчаяния табасаранцы убили майсума табасаранского. В 1779 г. эндереевцы убили своего владельца Эльдар-бека⁵⁸. Нередко классовая борьба принимала ожесточенные формы в виде крестьянских восстаний. Однако выступления крестьян носили стихийный характер, были разрозненными и обычно кончались жестоким подавлением и расправой феодалов с восставшими.

В 1736 г. восстали кубинцы и лезгины. Кубинский хан оказался вынужденным обратиться за помощью к соседним феодалам. Это восстание было подавлено с помощью правителя Дербента и шамхала Тарковского. Характерно, что шамхал Тарковский поспешил из одного конца Дагестана в другой на помощь своим собратьям по классу, ибо до этого, в 1735 г., в самом шамхальстве Тарковском были крупные народные волнения. Обострение классовых противоречий в Дагестане, достигшее уже в первой половине XVIII в. большой напряженности, было не случайным, так как именно феодальные владения Дагестана отличались наиболее развитыми формами феодализма. В частности, в шамхальстве крестьяне подвергались весьма значительной по сравнению с другими областями эксплуатации. Ожесточенные формы классовой борьбы приняла и в Засулакской Кумыкии, где феодально-подневольные крестьяне с оружием в руках выступали в защиту своих прав. В 1795 г. восстали крестьяне сел. Губден. Против них был направлен вооруженный отряд во главе с сыном шамхала Мехти, после чего восстание было подавлено. В то же время против шамхала восстали жители с. Карабудахкент, но и это выступление было разгромлено. Более продолжительным было восстание жителей Уржамильского магала против уцмья Катайга, однако и это восстание потерпело жестокое поражение. Открытые крестьянские выступления против феодалов-эксплуататоров имели место и в нагорном Дагестане. Доведенные до крайности жители аула Табахлу восстали против казикумухских ханов. Карателями аул был разорен и сожжен, а уце-

левшие жители были вынуждены переселиться в Кайтаг. Против казыхумухских ханов восставали также крестьяне селений Унчукать, Карапа и др.

Против гнета и произвола аварских ханов поднимались на вооруженную борьбу жители аварских селений Хиндах, Мосох, Батлук, Харахл, Амешта, Тукига, Инхо, Орота и др.

Активную борьбу с дагестанскими владельцами на протяжении всего XVIII в. вели уздени так называемых вольных обществ Дагестана. История этих восстаний, к сожалению, не отразилась в письменных источниках и документах, но зато существует много народных преданий о борьбе «вольных обществ» с аварскими, кайтагскими, лакскими и другими феодалами. В «вольных обществах» имели место выступления и против «своих» богатеев. В Рутульском вольном обществе, например, выделявшаяся из основной массы узденей фамилия Саилусариаров «до того надоела своими захватами», что крестьяне, сговорившись, созвали почти всех их на пир, «устроили пожар и многие Саилусариары сгорели».

В связи с увеличением побегов кабардинские феодалы в апреле 1767 г. приняли решение переселить своих крестьян с Малки и Терека подалее от русских границ на р. Куму, с тем чтобы затруднить побег своих крепостных и рабов в Моздок и в другие русские укрепления. В ответ на это кабардинские крестьяне подняли всеобщее восстание. Более 10 тыс. крестьян «отложились от своих владельцев» и перешли в укрепленный лагерь между реками Малкой и Терек, близ урочища Бештамак. Восставшие крестьяне возвели мост через Терек, обеспечив себе возможность в случае нападения кабардинских феодалов уйти за Терек. Вожди повстанцев Калабек Кефов, Муса Шпитатешев и Мерем Бичоев обратились за помощью к кавказскому командованию. Кизлярский комендант генерал Н. А. Потапов решил использовать крестьянское восстание, чтобы помешать переселению кабардинцев на р. Куму, а возможно, и за Кубань. Через посланного к восставшим майора русской службы Петра Татарова (по происхождению кабардинца, бежавшего в свое время от гнета кабардинских князей) генерал Потапов заверил восставших, что они будут защищены и поддержаны русскими властями. В связи с огромным размахом восстания крестьян (сторону которых приняла и кавказская администрация) кабардинские феодалы решили пойти на переговоры, отказавшись от первоначальных планов вооруженного подавления восстания. Депутация из 26 наиболее влиятельных кабардинских князей и первостепенных уорков прибыла в лагерь восставших крестьян и стала уговаривать их вернуться в родные селения. В ответ на это восставшие потребовали: 1) чтобы за крестьянами в случае обид, нанесенных им господами, было сохранено право свободного перехода к другому владельцу до тех пор, пока их господин не удовлетворит обиженного; 2) чтобы «и подать брали с них умеренную, каковую и прежде они платили»⁵⁹.

Опасность ситуации вынуждала феодалов пойти на уступки. Представители князей и уорков пообещали крестьянам выполнить их требования, подтвердить это присягой и дать письменное обязательство, а также заверить, что и все остальные князья и уорки принесут присягу и дадут подписку. Крестьяне поверили клятвенным обещаниям и покинули свой лагерь. После этого оставшаяся часть депутатов князей и уорков разрушила мост повстанцев через р. Терек, отрезав тем самым путь на Моздок.

Кабардинским князьям удалось сорвать начавшееся всеобщее восстание крестьян Большой Кабарды. Им удалось также переселить часть кабардинских селений на р. Куму. Но борьба кабардинского крестьянства не прекратилась, и история всей второй половины XVIII в. свидетельст-

вует о готовности «черного» кабардинского народа истребить своих князей и уорков. Таким образом, на исход классовой борьбы горского крестьянства Северного Кавказа в XVIII в. стала оказывать заметное воздействие политика русского правительства. Царизм проводил на Северном Кавказе сложную политику, приноравливаясь к местным обстоятельствам.

Крупное крестьянское восстание произошло в 1781 г. в Западной Осетии — Дигории. По свидетельству очевидца, русского офицера Л. Штедера, в Дигории до этого восстания уже несколько лет шли непрерывные волнения крестьян, возмущенных непомерными претензиями феодалов к адамихатам и кавдасарам по сравнению с теми нормами повинностей, которые были определены обычным правом. В своих эксплуататорских устремлениях дигорские феодалы — баделята опирались на поддержку кабардинских феодалов. «Баделята, — писал Штедер, — кормились податью и лихоимством с дигорцев, над которыми они с помощью кабардинских князей отстаивали свое господство...»

В восстании принимало участие крестьянство всей Дигории, давшее ополчение численностью около 900 вооруженных человек. К ним присоединилась и часть кумаягов — 200 человек, которые «когда-то были свободны от всяких податей», но «в новое время» владельцы стали смотреть на них и их имущество как на свою собственность, домогаясь от них произвольно устанавливаемых выплат и повинностей. Повстанцы добивались «полного уничтожения баделят», будучи убеждены, что «без умерщвления их нельзя было надеяться в будущем на спокойствие».

Восставшие собрались у сел. Кубати, где постановили по первому требованию России дать ей присягу верности, насильно задержать баделят, «защищаться сообща под страхом смерти».

Характерно, что осетинские крестьяне в своей борьбе с феодалами рассчитывали на поддержку России. Русское командование на Кавказе и в данном случае обещало дигорским крестьянам оказать в нужном случае поддержку.

Осетинские баделята в ходе восстания обращались за поддержкой к кабардинским и балкарским феодалам, но последние не могли прийти к ним на помощь. Зато на помощь восставшим прибыл балкарский отряд Бекби, что существенно изменило соотношение сил в пользу повстанцев⁶⁰. Баделята вынуждены были согласиться на переговоры, которые завершились на следующих условиях: 1) насильно обращенные в зависимое состояние должны быть освобождены; 2) повинности с крестьян должны взиматься по нормам древних обычаев; 3) феодалы должны были освободить кумаягов, уравнив их в правах с остальным народом; 4) все дигорцы должны были присягнуть в верности России.

Продолжалась антифеодалная борьба в Чечне и Ингушетии: горные ингуши, карабулаки, чеченцы, находившиеся в зависимости от кабардинских, дагестанских и иных феодалов, постоянно роптали и использовали любую возможность апелляции к русской администрации с целью ликвидировать эту зависимость и не раз вооруженно отражали нападение феодалов, силой подкреплявших свои «права». Но ярче всего антифеодалная борьба чеченцев плоскости разыгралась в 50—80-х годах XVIII в. Исторические источники свидетельствуют о бегстве чеченских «холопов» в русские города и станицы, говорят о создании «бездельнических» ватаг, об острых трениях иноплеменных феодалов со своими чеченскими подданными, об изгнании и даже убийстве этих князей.

Весной 1785 г. в Чечне вспыхнуло движение под водительством шейха Мансура (Ушурмы). В нем, как увидим ниже, принимала участие

эксплуатируемая часть чеченского крестьянства, которая рассчитывала сбросить феодальный гнет.

Весь XVIII век, и особенно его вторая половина, был заполнен напряженной классовой борьбой народов Закубанья. Особый пакал эта борьба приобретает у адыгов. Крестьяне «аристократических племен» все в большем количестве уходят к «демократическим племенам» абадзехов, шапсугов и натухайцев, которые дают приют не только адыгским крестьянам, но и выходцам из других племен Закубанья, прежде всего абазинам. Как отмечалось выше, натухайцы, шапсуги и абадзехи давали у себя убежище всем недовольным из соседних племен; от этого «народонаселение их быстро увеличивалось»⁶¹. Став наиболее многочисленными подразделениями адыгов, абадзехи, шапсуги и натухайцы приобрели большое влияние в Черкесии в XVIII в. и стали уверенно противопоставлять себя всем другим адыгским «княжеским владениям», из которых состояла в то время «аристократическая часть» Черкесии. Все адыгское крестьянство смотрело с большой надеждой на ту борьбу, которую вели шапсугские, абадзехские и натухайские крестьяне со своими феодалами.

Борьба крестьян «аристократических племен» с феодалами долгое время шла с переменным успехом, пока в 1792 г. у шапсугов не вспыхнуло всеобщее антифеодальное восстание, поддержанное абадзехами и натухайцами. Огромный размах восстания, которое на первых порах увенчалось изгнанием шапсугского дворянства, перепугал феодалов всех адыгских племен, выступивших с оружием в руках на защиту своих братьев по классу. Это привело к образованию сплоченной феодальной коалиции во главе с бжедугскими князьями, которые приютили у себя шапсугских дворян. Не полагаясь на собственные силы, адыгские феодалы обратились за помощью к Екатерине II. В 1793 г. в Петербург была направлена депутация шапсугских и бжедугских дворян, которая, заверив русскую императрицу в своих «верноподданнических чувствах», просила ее об оказании военной поддержки против восставшего крестьянства. Екатерина II сочувственно отнеслась к просьбе адыгского дворянства, распорядившись послать за Кубань в помощь шапсугским и бжедугским феодалам казачий отряд, не посчитавшись с тем, что закубанские адыги в это время обитали за территориальными пределами России.

В 1796 г. произошла знаменитая в истории адыгов Бзюкская битва, в которой народное ополчение шапсугов, абадзехов, натухайцев встретилось с дворянским войском, возглавлявшимся бжедугами. Первоначально успех сопутствовал восставшим крестьянам, но тогда феодалы прибегли к коварству, заманив преследовавших их крестьян к лесу, где был скрыт присланный по велению Екатерины II казачий отряд с пушками. От залпов картечи народное ополчение понесло большие потери и вынуждено было отступить.

Несмотря на неудачу Бзюкской битвы, восставший народ не капитулировал и продолжал борьбу. В результате Бзюкской битвы некоторые уорки были истреблены или изгнаны, но большая их часть осталась среди своих соплеменников. Политический строй абадзехов, шапсугов и натухайцев претерпел определенные изменения в сторону демократизации, но самые основы феодального строя у этих племен остались в силе.

Итак, социальный строй народов Северного Кавказа в XVIII в. развивался в общем по пути укрепления раннефеодальных отношений, которые у них еще не вытеснили разнообразные формы разлагающихся патриархально-родовых отношений. В XVIII в. феодальная собственность на землю у народов Северного Кавказа окрепла, что позволило феодалам увеличить феодальные повинности с крестьян. Это вызвало усиление на-

пряженности отношений между феодалами и закрепощенным крестьянством; они часто перерастали в грозные крестьянские антифеодалные восстания, которые иногда принимали всеобщий характер и выходили за пределы территорий отдельных народов.

4. Политический строй

Северный Кавказ в XVIII в. по-прежнему дробился на значительное число самостоятельных или полусамостоятельных политических образований. Большое число таких образований находилось на территории Дагестана. Нам известны владения Эндереевское, Аксаевское, Костековское и Тарковское шамхальство, Кайтагское удмийство, Табасаранское майсумство, владения кадия Табасарана, Аварское, Казикумухское, Мехтулинское ханства и несколько десятков аварских, даргинских, лезгинских союзов сельских общин, известных в литературе как «вольные общества». Феодалные владения Дагестана не были этнически однородны. В Эндереевское, Аксаевское и Костековское владения вместе с кумыками входили ногайцы и часть аварских и чеченских селений. В шамхальстве Тарковском, например, вместе с кумыками проживали даргинцы, ногаи, горские евреи и др. В удмийство Кайтагское вместе с даргинцами входили кумыки, терекемейцы, таты и некоторые табасаранские села. Мехтулинское ханство состояло из кумыков и аварцев. В Казикумухское ханство вместе с лакцами и лезгинами входил ряд даргинских, агульских, аварских селений.

Феодалные владения Дагестана имели довольно развитую систему административного управления. Управление владениями Засулакской Кумыкии, Эндереевским, Аксаевским и Костековским шамхальствами осуществляли князья (бии): в каждом из владений существовал совет князей, во главе которого был старший князь. При старших князьях находилась дружина. Для разбора тяжб совет назначал судей, которые разбирали уголовные дела по адату. Все гражданские дела по шарияту разбирали представители местного мусульманского духовенства. Для исполнения различного рода распоряжений при совете князей имелись бегуалы. Верховным правителем в Тарковском владении являлся шамхал. Однако для решения важных вопросов он созывал совещание из наиболее влиятельных феодалов, живших в его владениях. Отдельными отраслями управления ведали «визирь». Местное управление находилось в руках сельских старшин. Суд вершили представители мусульманского духовенства — кадии, которые руководствовались при решении дел шариятом. Полицейские обязанности выполняли тургаки, а отчасти и чауши, в обязанности которых входило доводить до сведения населения постановления шамхала и его чиновников. Вооруженные силы шамхала состояли из отрядов вукеров, которые несли постоянную военную, административную и полицейскую службу. В военное время шамхал производил мобилизацию всего взрослого мужского населения, способного носить оружие.

Внутри шамхальства сохранялись еще отдельные феодалные уделы — бийлики. Таких уделов в XVIII в. насчитывалось четыре: Буйнакский, Эрпелинский, Карабудахкентский, Баматулинский. Владелец Буйнака считался наследником шамхала и носил титул крым-шамхала. Большим политическим влиянием в Дагестане пользовался кайтагский удмий. Его владения делились на две части: Верхний Кайтаг (горная часть) и Нижний Кайтаг (низменная прикаспийская часть удмийства).

В административном отношении удмийство делилось на магалы и бекства. Каждый магал, по существу, являлся самостоятельным союзом общин. Магалы располагались в Верхнем Кайтаге. Их всего было восемь. В Нижнем Кайтаге общинные отношения уже не сохранились, вся земля здесь принадлежала бекам, в руках которых находилось и все административное управление, тогда как в Верхнем Кайтаге земли находились в руках общины и ее представители управляли административными делами.

Довольно своеобразно управлялся Табасаран, где находились два самостоятельных феодальных владения; во главе одного из них стоял майсум, а во главе другого — кадий. В свою очередь каждое из этих владений делилось на две части: на так называемую райятскую и узденскую. В райятском Табасаране вся власть находилась в руках беков. В узденских селениях административное управление осуществляли старшины — кевхи совместно с местным мусульманским духовенством. Административный аппарат, находившийся в непосредственном ведении майсума и кадия, был очень несложен. Он состоял из нукеров, которые в мирное время выполняли полицейские функции, а в военное время составляли дружину майсума или кадия. Кроме этого сравнительно небольшого числа служилых людей, в Табасаране не было никаких чиновников.

Более сложным было управление в Казикумухском ханстве, которое в XVIII в. принадлежало к числу наиболее крупных феодальных владений Дагестана. Казикумухские ханы в XVIII в. вели активную политику, пользуясь каждым удобным случаем для расширения своих территорий за счет соседних. Благодаря этому население Казикумухского ханства отличалось особой этнической пестротой. В административном отношении ханство было разделено на десять округов. Непосредственными помощниками хана по управлению являлись визири. Полицейские функции выполняли нукеры, состоявшие в основном из рабов (лагов) хана. Они же составляли и его военную дружину. Непосредственное управление селениями находилось в руках старшин, кадиев. Власть их была весьма велика. Решения и распоряжения их, именуемые «низамами», заносились, как правило, в особую книгу, хранившуюся в мечети. Вновь присоединенными к ханству территориями управляли или родственники хана, или же наиболее отличившиеся беки.

В XVIII в. большое значение в Дагестане приобрели аварские ханы. Занимая центральное положение в нагорном Дагестане, они оказывали большое давление на соседние «вольные общества», за счет которых значительно расширили свою территорию. Наибольших успехов в этом направлении достиг аварский Умма-хан, правивший в 1774—1801 гг. При нем Аварское ханство расширило свои границы как за счет подчинения соседних аварских «вольных обществ», так и за счет соседней чеченской территории (прежде всего общества Чеберлой). Административное устройство этого ханства мало чем отличалось от Казикумухского и других ханств Дагестана.

В XVIII в. большая часть аварских, даргинских и лезгинских союзов сельских общин подпала в той или иной степени под власть соседних кумыкских, аварских и казикумухских владетелей. Другие сохраняли свою независимость, хотя тоже часто номинально и ненадолго. В «вольных обществах» управление находилось в руках сельских старшин. В ряде общин должность старшины являлась уже наследственной. В других «вольных обществах» старшины избирались, однако, как правило, из числа наиболее богатых и влиятельных лиц. Народные сходы на протяжении XVIII в. все более теряли свое значение, они часто лишь подтверждали решения, которые были приняты влиятельной узденской верхуш-

кой. Судебная власть в этих областях находилась в руках духовенства, что давало ему возможность приобретать большое политическое влияние и обогащаться за счет тяжущихся. Некоторые «вольные общества» Дагестана объединились в крупные политические союзы, которые по своему значению не уступали феодальным владениям. Примером может служить Акушинский союз сельских обществ (Акуша-Дарго), занимавший большую территорию. В этот союз входило шесть обществ (Акушинское, Цудахарское, Усишинское, Мугинское, Мекегинское и Урахинское). Управление союзом осуществлял акушинский кадий, в руках которого сосредоточивалась духовная, светская и военная власть. По своему значению акушинский кадий являлся самым влиятельным феодальным владельцем Дагестана.

Политический строй Чечни и Ингушетии и в XVIII в. характеризовался крайней раздробленностью и наличием многих независимых друг от друга обществ.

Разобщенность более всего царил в горной зоне, где формой объединения тайпов (кроме случаев прямой экономической и политической зависимости «слабых» от «сильных») были союзы или ассоциации (туккумы, джамааты, т. е. общества, «колена» по терминологии русских источников). Это территориальные объединения Чеберлой, Шатой-Шубуты, Нохчмахкой, Орстхой, Фяппи и др. Существовали тайпы, не входившие в туккумы и жившие самостоятельно: Майстой, Садой, Пешхой и др.⁹² Все это определяло чрезвычайно дробность населения и служило серьезным препятствием к внутреннему преодолению исконной политической дробности. Часть таких горских обществ находилась или подпадала под политическую власть соседних, более развитых феодальных образований (Авария, Грузия, Кабарда). Но, будучи управляемы в селениях старшинами и в границах туккума регулируя свои отношения на советах старейшин, они выражали свою подвластность установленным объемом дани (своеобразный выкуп, предохранявший от набегов и захватов со стороны феодальных дружин) и некоторой согласованностью внешнеполитических действий.

Выходя на плоскость, чеченцы и ингуши в целом сохраняли традиционную форму старшинского управления, приобретавшего в условиях смешанных многотайповых сельских общин характер советов «выборных стариков», опиравшихся якобы на мнение «советов всех стариков и молодых людей». Сельская община на плоскости была жизнеустойчива, так как поддерживалась совместным трудом по расчистке угодий для земледелия, строительством ирригационных систем, борьбой с наводнениями, но особенно — противодействием внешней опасности. В селениях, собравших выходцев из разных тайпов, необходимое общественное равновесие поддерживалось старшинами и мусульманским духовенством. Решительный прорыв вековой замкнутости тайпового и туккумного бытия привел к дальнейшему усилению роли старшин как арбитров сложных политических взаимоотношений внутри чеченских и ингушских сельских общин плоскости.

Однако на равнинах преобладающая часть вайнахских переселенцев с гор попадала в сферу владений кумыкских и кабардинских князей. Так, ингуши Терской долины и побережья Кумбулевки, карабулаки, гихинцы, качкальковцы, айховцы и другие, поселяясь на землях, считавшихся собственностью кабардинских и кумыкских князей, подвергались постоянно ощущаемому притеснению последних. Это была одна из серьезных причин тяготения к России как защитнице от междоусобиц и произвола князей.

В широкой округе низовий Аргуна ситуация была еще сложнее. Номинальная собственность иноплеменных князей на эту землю сочеталась с довольно продолжительной к середине XVIII в. традицией непосредственного управления вновь возникающими чеченскими сельскими общинами со стороны кабардинских, аварских, кумыкских княжеских фамилий, живших среди них (Айдемировы, Турловы, Казбулатовы, Черкасские и др.). Зависимость выражалась тут чаще всего в форме натурального налога или отработки в княжеских хозяйствах и обеспечения вспомогательных военных контингентов в княжеских дружинах. Но и тут старшинское руководство отдельными селениями или тайповыми кварталами в них было неизбежно, гарантируя крайнюю несложность и незавершенность политического строя этих чеченских обществ с княжеским управлением. Возрастала роль мусульманского духовенства. Общий политический климат таких раннефеодальных образований в Чечне был зыбок, неустойчив. С постоянным ростом чеченского населения на плоскости и экономической состоятельности крупных селений обострялась внутриполитическая борьба, последствия которой пагубно сказывались прежде всего на статусе иноплеменных князей, терявших свою и без того относительно власть над чеченцами.

В связи с резкой активизацией этнополитических и экономических процессов, обусловленной переселением на равнину, с середины XVIII в. заметны тенденции к политической консолидации некоторых частей вайнахского населения. Формы и способы этого были различны.

Именно в XVIII в., судя по имеющимся данным, возрастает роль мехкелов («советов страны») — совещаний старшинско-мусульманской верхушки разных обществ с целью выработки единой политики. Знаменательно, что места общих ингушских, карабулакских и чеченских сходок переносятся теперь в равнинные районы. В фольклорных произведениях, связанных с событиями XVIII в., отразилось складывание основ создания общенародного единства чеченцев, ингушей. В 40-х годах (не без инициативы и поддержки со стороны русской администрации) на Тереке происходит расширение и усиление феодальных владений Девлет-Гирея Черкасского и Расланбека Айдемирова. Базируясь на крупные плоскостные чеченские аулы (соответственно Герменчик и Чечен-Аул), каждый из них распространил свою власть и влияние над широкой округой окрестных селений, а частью и горной зоны Чечни (первый — в Аргунском ущелье и низовьях Хулхулау, второй — в Ичкерии). Но эти политические образования были крайне непрочны как внутри, так и в результате разгорающихся междоусобиц между их владельцами.

К началу 70-х годов XVIII в. оформляется некоторое политическое единство ингушей. Основой его было стремление обезопасить себя от происков соседних феодалов.

Но в характерных условиях Чечни и Ингушетии предпосылки для создания сколько-нибудь прочных политических объединений отсутствовали. Центростремительные силы были слабы, а устойчивые центробежные устремления предопределяли общую политическую слабость Чечни и Ингушетии на исторической арене XVIII в.

В этом таился один из мощных стимулов тяготения к России и постепенного принятия ее подданства разрозненными чеченскими и ингушскими обществами. Политическая раздробленность была характерна и для всей остальной территории Северного Кавказа. Она была обусловлена общим уровнем социально-экономического развития страны, которое еще не создало условия для образования централизованных феодальных государств. Более того, в районах, где развитие феодальных отношений сде-

ладо наибольшие успехи, политическая раздробленность проявлялась с особой остротой и приносила огромные бедствия народным массам из-за непрерывных феодальных междоусобиц. Так было, например, у адыгов, где многочисленные княжества находились между собой в постоянной вражде, нападая друг на друга и жестоко разоряя владения своих противников. Даже в Кабарде, где феодальные отношения были наиболее развиты по сравнению с другими адыгскими областями, отсутствовала централизация политической власти. Сохранившийся в XVIII в. обычай выбора старшего князя не мог предотвратить княжеские междоусобицы и объединить эту адыгскую область в единое целое. Кабарда в первой половине XVIII в. делилась между пятью княжескими фамилиями, каждая из которых имела свое самостоятельное владение, во главе которого стоял свой старший князь. Во второй половине XVIII в. число уделов увеличилось до шести. К ранее существовавшим пяти фамильным княжеским владениям (Мисостово, Джамбулатово, Атажукино, Талаустаново и Келахстаново) прибавились (благодаря разделению Джамбулатова удела) владения Кайтукинской и Бекмурзиной фамилий. Таким образом, феодальное дробление Кабарды продолжалось и в XVIII в., хотя вся Кабарда по-прежнему находилась во власти князей, родоначальником которых был Инал. Это фамильное родство кабардинских князей находило свое выражение в избираемом ими пожизненно старшем князе всей Кабарды. Однако власть этого князя была в значительной мере номинальной, и старшие князья отдельных уделов нередко с ней не считались.

Феодальные междоусобицы в Большой Кабарде привели к тому, что здесь во втором десятилетии XVIII в. образовались две феодальные группировки, враждовавшие между собой на протяжении всего столетия. В русских источниках эти группировки именовались Баксанской и Кашкатаусской партиями. В Баксанскую партию входили князья Атажукины и Мисостовы, в Кашкатаусскую — князья Джамбулатовы (позднее Кайтукины и Бекмурзины). Феодалы обеих группировок вели ожесточенную борьбу за власть, за земли и подданных. Обычно перевес в этой области бывал на стороне Баксанской партии как более сильной. Нередко во время своих междоусобиц кабардинские князья обращались за помощью к соседним феодальным владельцам и крымскому хану, что делало их столкновения еще более кровавыми и опустошительными.

5. Взаимоотношения народов Северного Кавказа и Закавказья

В XVIII в. еще более усилились контакты народов Северного Кавказа и Закавказья, как и ранее проявлявшиеся в разных сферах их жизни: в хозяйстве, политике, культуре. Следует учесть, что развитие такого рода связей между названными частями Кавказа в XVIII в. происходило в иной по сравнению с XVII в. исторической ситуации, отражавшей усиление политического и экономического влияния России на Кавказе, интенсивную борьбу Турции, Ирана и России в кавказском вопросе.

Как и прежде, в Закавказье с Северного Кавказа вели древние перевальные пути, проходившие через Главный Кавказский хребет. Дорога через Крестовый перевал связывала Северный Кавказ с Грузией (с Карли и Кахетией). Сюда же, в Восточную Грузию, через Аргунское и Ассинское ущелья пролегли пути из Чечни и Ингушетии, через Кодорский перевал — из Дагестана. Кроме того, связи Дагестана с Азербайджаном и Грузией осуществлялись также через прибрежные районы Прикаспия и

по Каспийскому морю. К западу от Крестового перевала имелось несколько важных путей, которые связывали Северный Кавказ с Западной Грузией и Абхазией. Это Мамисонский и Клухорский перевалы: пути через Баксанское ущелье по р. Накре в Сванетии, через Гезеафцех — в Рачу и др. Армения не имела с Северным Кавказом и Дагестаном общей границы, поэтому характер ее связей с этими странами был несколько другим, чем у Грузии и Азербайджана, и выражался преимущественно в значительных миграциях армян на Северный Кавказ, в создании здесь армянских колоний и в контактах северокавказского армянского населения с местными жителями.

Общая граница северокавказских народов с Грузией и Азербайджаном способствовала прежде всего возникновению постоянных и глубоких хозяйственных контактов — торговли, отходничества, отгона скота. В усилении торговых связей Северного Кавказа с Закавказьем значительную роль сыграли некоторые факторы, появившиеся не ранее первой половины XVIII в. К ним следует отнести возникновение на Северном Кавказе городов Кизляра и Моздока, ставших значительными торговыми центрами Кавказа, появление на Северном Кавказе больших масс русского населения, что усилило приток товаров из России, предназначенных специально для широкой торговли, упразднение в 1774 г. Арагвского и Ксанского эриставств, что сделало свободным путь по Дарьяльскому ущелью. Здесь в эти годы была построена колесная дорога, заменившая прежнюю, опасную вьючную тропу.

Как уже отмечалось, важным центром кавказской торговли XVIII в. стал Кизляр, куда, помимо русских и северокавказских товаров, поступали также товары из Персии и Азербайджана. Другим значительным центром торговли с Грузией был Моздок. В Грузию через Моздок вывозились сукна, холсты, чекмени, бешметы, башлыки, бурки, выбойки, зеркала, иглы, гребни, мерлушки, меха беличьих и хорьковых, серебряная парча, выбойчатые платки и многое другое.

Из Грузии на Моздок, Кизляр и далее в Россию купцы везли меха, гиланский шелк, исфаганские выбойки, выбойки из бязи, бумажные и шелковые платки, шальвары из шелковой материи, чадры, кушаки, шелковые покрывала, волосы, вплетавшиеся «азиатскими женщинами в косы и виски», золотые перстни с различными камнями, книжалы, оправленные серебром. Главными предметами вывоза из Грузии были шелк-сырец и белая бязь⁶³.

Помимо значительной по объему караванной торговли северокавказских обществ с ближайшими к ним обществами Грузии, была развита меновая торговля. Так, карачаевцы, балкарцы и осетины торговали со свапами, осетины и балкарцы — с рачишцами, осетины и ингуши — с маховцами Восточной Грузии, с Дагестаном. Лишь в Дагестане и вдоль Военно-Грузинской дороги имели хождение деньги. И в самой Грузии, в селах, также предпочтительно велся товарообмен. Будучи заинтересованными в укреплении торгово-экономических связей с народами Северного Кавказа, грузинские цари освобождали их товары от пошлинного обложения «по стародавнему обычаю»⁶⁴.

Торговля Грузии с Прикаспийским ареалом осуществлялась не только на территории Грузии, но и в торгово-ремесленных центрах Северо-Восточного Кавказа — в Низовой, Дербенте, Тарки, Эндерее, Аксае, Кизляре и в других местах, в промежуточных рынках Азербайджана — Шеке, Шемахе и др. Кроме того, грузинские, армянские купцы участвовали в торговле Дагестана и Чечни с Астраханью. Источники подтверждают, что грузины и армяне вывозили с Северо-Восточного Кавказа

товары в Астрахань и, наоборот, из Астрахани привозили всевозможные товары в Дербент, Тарки и более отдаленные районы Северного Кавказа. Причем торговля в Прикаспийском ареале в значительной степени велась в товарно-денежной форме, в среднем для Кавказа объемах (оборачивающиеся капиталы отдельных купцов исчислялись в тысячах и десятках тысяч рублей).

Известны факты политических связей Кабарды, Осетии с Грузией. Так, грузинский царь Вахтанг VI был женат на дочери кабардинского князя Таусултанова (по другим данным — Мисостова), в истории Грузии известной под именем Русудан. С Большой Кабардой в XVIII в. был связан еще один район Закавказья — абхазское горное общество Цебельда, княжеская фамилия которого — Маршания — в различных политических ситуациях общалась с князьями Большой Кабарды; военные отряды Северного Кавказа широко использовались царями Картлии и Кахетии Гаймуразом II, Ираклием II, Георгием XII в борьбе с соседними ханами. «В недавних временах, — писал Ираклий II, — джаробелоканцы оказывали услуги кахетинскому царю»⁶⁵. Горцы Северного Кавказа вовлекались и в феодальные междоусобицы в самой Грузии. Горцы Дагестана совместно с кахетинскими крестьянами выступали и против грузинских феодалов. Следует иметь в виду, что в XVIII в. продолжались феодальные междоусобицы. Феодалы Дагестана, Осетии и других областей устраивали набеги на Грузию. Однако сводить взаимоотношения народов Северного Кавказа и Грузии к феодальным набегам неверно. Более внимательное изучение проблемы убеждает в том, что, несмотря на наличие целого ряда факторов, вызывавших обострение политической обстановки, способствовавших осложнению грузино-дагестанских отношений, «ни в коей мере не прерывался ритм органических грузино-дагестанских отношений в культурно-экономической жизни, что указывало на полное отстаивание принципа многовековой дружбы и добрососедства между грузинскими и дагестанскими народами»⁶⁶. Тесные торгово-экономические связи поддерживали народы Северного Кавказа и, особенно, Дагестана с Азербайджаном. Этому во многом способствовало и то, что важнейшая торговая магистраль, соединяющая Юг России с Закавказьем и странами Ближнего Востока, проходила через Прикаспийскую равнину Дагестана и Азербайджана. Торговля между Азербайджаном и Северным Кавказом и в XVIII в. велась через перевалы Главного Кавказского хребта: Мачкал-Россо, Гумелевский, Дундинский, Атгагайский и многие другие. Основными центрами торговых сделок в Азербайджане были: Куба, Нуха, Шемаха, Шеки, Кабала, Баку, Кахи; и Дербент, Ахты, Тарки, Кумух, Эндерей — в Дагестане. Горцы Дагестана в Азербайджан привозили продукты скотоводства, изделия домашних промыслов. Особенно ценились ружья, ювелирные изделия Кубачей, Кумуха, андийские бурки. Из Азербайджана в Дагестан и другие районы Северного Кавказа вывозили зерно, шелк-сырец, шелковые ткани и др. Кроме того, горцы Южного Дагестана перегоняли на зиму свой скот на пастбища Азербайджана. В XVIII в. намного увеличилось и число ремесленников Дагестана, прибывающих в Азербайджан на заработки. Немалое число горцев нанялось и на военную службу к феодальным владетелям Азербайджана. Они служили у кубинского, пекинского, карабахского и других ханов.

Проживая чересполосно, народы Азербайджана и Дагестана поддерживали между собой не только тесные добрососедские дружественные отношения, но и имели родственные связи. Продолжали существовать и смешанные поселения, где проживали совместно представители народов Дагестана и Азербайджана. Процесс образования совместных поселений

дагестанцев и азербайджанцев наиболее интенсивно происходил в Закавказском и Кубинском районах Азербайджана. Нередки были случаи, когда азербайджанцы поселялись в районах Дагестана. Наиболее наглядно это прослеживается в Табасаране: целые роды азербайджанцев проживали также в селениях Нижний Катрух, Гильяр, Голхер, Витихар, Фурикар, Хутаргар.

Связи Северного Кавказа и Закавказья выражались также во взаимных миграциях: на южные склоны Кавказского хребта продолжали переселяться северокавказские народы, и, наоборот, народы Закавказья (главным образом армяне и грузины) мигрировали на Северный Кавказ. Первое направление миграции проявилось, например, в продолжавшихся в XVIII в. передвижениях значительных групп осетин, небольших групп вайнахов, отдельных фамилий адыгов, карачаевцев, балкарцев, чеченов и ингушей преимущественно в горные районы Грузии. Переселения охватывали и другие районы этой страны. Так, на протяжении XVIII в. осетинами заселялась территория Самухроне, опустошенная набегами дагестанских владетелей. В 70-х годах XVIII в. в Ача-Бети, в ущелье Большой Ллахвы, главной резиденции князей Мачабели, Ираклием II были поселены зарамагские осетины. Проведенная в 1770 г. им же перепись населения Восточной Грузии показывает численность осетин в некоторых районах страны. Например, в Арагвском эриставстве из 3300 дымов считалось 1200 дымов осетин, в Ксанском эриставстве из 3600 дымов было 2000 дымов осетинских. Во владениях князей Мачабели жило 860 осетинских семей⁶⁷.

Второе направление миграции — это переселение на Северный Кавказ значительных по численности масс армян и грузин, создавших там компактные поселения.

¹ Pallas P.-S. Bemerkungen aus einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1803. Bd. 1. S. 360.

² КРО. М., 1957. Т. 2. С. 114—115, 201; ЦГАДА. Ф. 23. Д. 9. Ч. 7. Л. 491.

³ КРО. Т. 2. С. 59, 97, 114, 156, 194, 369.

⁴ ЦГВИА, Коллекция. 414. Д. 301. Л. 29, 30 об.; Ф. ВУА. Д. 18510. Л. 4—7.

⁵ ЦГАДА. Ф. 127. Д. 1. Л. 2, 2 об., 3.

⁶ МАДИСО. Т. 2. С. 32.

⁷ ЦГИА ГССР. Ф. 545. Оп. 1. Д. 2935. Л. 32—35.

⁸ *Göldenstädt J. A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. St.-Pbg., 1787. Th. 1. S. 460.*

⁹ *Вахушти Багратиони. География Грузии. Тбилиси, 1957. С. 138.*

¹⁰ Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1950. Т. 2. С. 80; История осетин в документах и материалах. Цхинвали, 1962. Т. 1. С. 67, 74, 77, 115, 124.

¹¹ МАДИСО, Т. 2. С. 32; История осетин в документах и материалах. Т. 1. С. 15—18, 179, 201.

¹² *Вахушти Багратиони. Указ. соч. С. 152.*

¹³ *Штедер Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. // Осетины глазами*

русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 28—46.

¹⁴ ИГЭД. Махачкала, 1968. С. 123.

¹⁵ Там же. С. 131.

¹⁶ Там же. С. 85.

¹⁷ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в./ Сост. В. Н. Гамрекели. Тбилиси, 1968. С. 30—35, 51—52, 62; ИГЭД. С. 130.

¹⁸ *Klaproth J. von. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808... enthaltend eine vollstündige Beschreibung der kaukasischen Länder und ihrer bewohner... Berlin, 1812—1814. Bd. 1. S. 583.*

¹⁹ АВПР. Ф. Кабардинские дела, 1743 г. Д. 6. Л. 18.

²⁰ Там же. 1745 г. Д. 2. Л. 10.

²¹ Там же. 1748 г. Д. 6. Л. 13 об.

²² Там же. 1720—1721 гг. Д. 6. Л. 38, 43 об., 112 об.; 1731—1732 гг. Д. 2. Л. 83.

²³ Там же. 1748 г. Д. 6. Л. 18 об.

²⁴ Там же. 1761 г. Д. 15. Л. 407.

²⁵ *Короленко Н. Н. Материалы по истории Кубанского казачьего войска. // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1908. Т. 13. С. 18.*

²⁶ ГАРК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 35. Л. 2, 4—13.

²⁷ Там же. Л. 4—13.

²⁸ Там же. Д. 355. Л. 231.

- ²⁹ ИГЭД. С. 126—128.
- ³⁰ *Валушги Баграгиони*. Указ. соч. С. 139, 151.
- ³¹ *Броневский С. М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 22.
- ³² *Валушги Баграгиони*. Указ. соч. С. 139, 151.
- ³³ *Reyssonel M.* Traite sur le commerce de la Mer Noire. P., 1787. Vol. 1. P. 288.
- ³⁴ Порода «шолох» была выведена в Кабарде. См.: *Броневский С. М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 134.
- ³⁵ *Reyssonel M.* Op. cit. Vol. 1. P. 180—182, 288—289. В середине XVIII в. один турецкий пиастр равнялся 75 русским копейкам.
- ³⁶ *Штейлин Я.* О черкесской и кабардинской земле // Географический месяцеслов на 1772 г. СПб., 1771.
- ³⁷ *Reyssonel M.* Op. cit. Vol. 1. P. 284, 285.
- ³⁸ *Ibid.* P. 286.
- ³⁹ ИГЭД. С. 62.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Броневский С. М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 52.
- ⁴² *Taitbout de Marigny.* Voyages on Circassie. Odessa et Simpheropol, 1836. P. 88.
- ⁴³ *Reyssonel M.* Op. cit. Vol. 1. P. 23.
- ⁴⁴ Напоминаем, что под словом «черкесские» Пейсонель подразумевал не только изделия обрабатывающей промышленности адыгов, но и многих других народов Северного Кавказа, ибо этнический термин «черкесы» приобрел в европейской литературе обратное значение и часто употреблялся в качестве общего наименования всех кавказских горцев. Что же касается бурок, о которых в данном случае идет речь, то вполне возможно, что на этот раз под «черкесскими» бурками могли фигурировать даже сделанные в Дагестане и Чечне. Как известно, на всем Кавказе, помимо черкесских бурок, славились также андийские, под видом которых продавали и чеченские бурки.
- ⁴⁵ АБК. Нальчик, 1974. С. 454.
- ⁴⁶ *Броневский С. М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 141.
- ⁴⁷ ИГЭД. С. 75.
- ⁴⁸ КРО. Т. 2. С. 164.
- ⁴⁹ *Reyssonel M.* Op. cit. Vol. 1. P. 282—287.
- ^{50—51} *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978, С. 125.
- ⁵² *Броневский С. М.* Указ. соч. Ч. 2. С. 163, 164.
- ⁵³ *Штедер Л.* Дневник путешествия. С. 28—46.
- ⁵⁴ *Леонтович А.* Адагы кавказских горцев. Тифлис, 1883. Ч. 2. С. 80—81; *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССКГ. Тифлис, 1871. Т. 6. С. 14.
- ⁵⁵ ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 243. Л. 4 об.
- ⁵⁶ *Хан-Гирей.* Указ. соч. С. 211.
- ⁵⁷ ЦГАДА. Ф. Дела Эндереевской деревни. 1721 г. Л. 3.
- ⁵⁸ *Бутков П. Г.* Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Т. 2. С. 22—62.
- ⁵⁹ АВПР. Ф. Кабардинские дела. Оп. 105/2. 1765—1767 гг. Д. 17. Л. 688 об.
- ⁶⁰ *Штедер Л.* Осетины во второй половине XVIII в. Орджоникидзе, 1940. С. 45, 50, 53, 55—58.
- ⁶¹ ЗКОИРГО. СПб, 1857. Кн. 4. С. 229, 230.
- ⁶² *Мамакаев М.* Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозный, 1862. С. 12 и след.
- ⁶³ *Бутков П. Г.* Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Т. 1. С. 505.
- ⁶⁴ ГДИД. Тбилиси, 1960. С. 436.
- ⁶⁵ АКАК. Тифлис. 1893. Т. 1. С. 481.
- ⁶⁶ ИГЭД. Махачкала, 1958. С. 115; Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931. С. 52—53.
- ⁶⁷ История осетин в документах и материалах. Т. 1. С. 13, 15, 103—104, 179.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И ШАХСКИМ ИРАНОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

1. Русско-кавказские отношения и османско-крымская агрессия в первые десятилетия XVIII в.

Внешнеполитическая обстановка на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в. В конце XVII — начале XVIII в. над народами Кавказа по-прежнему висела угроза иноземного нашествия и поглощения. Хотя с конца XVII в. в истории Османской Порты, по определению турецких историков, начинается «период отступления» («риджат деври»), Османская империя и в начале XVIII в. оставалась одним из сильнейших военно-феодальных государств. Вынужденные после поражения в войне 1683—1699 гг. и Карловицкого договора поддерживать мирные отношения с европейскими державами, правящие круги Османской империи стремились компенсировать себя завоеваниями на Востоке и с самого начала XVIII в. обратили свои взоры на Кавказ.

В 1703 г. османы завершили строительство крепости Еникале («Новая крепость»), укрепили Керчь, усилили свои позиции на Северо-Западном Кавказе и задумали покорить Грузию («воевать и в подданство привести»). Усиление военно-политической экспансии Османской империи на Кавказе и на юге России особенно проявилось после прихода к власти представителя наиболее агрессивных кругов османских феодалов султана Ахмеда III. Порта потребовала, чтобы Россия срыла крепость Каменный Затон, уничтожила корабли в Азове, прекратила строительство кораблей на Воронежских верфях, произвела размежевание русско-турецкой границы, согласилась на строительство турецкой крепости на Днепре выше Очакова. «Понеже Черное море,— говорилось в грамоте султана,— состоит под владением нашего величества, иной никто тем не владеет, а по постановленному мирному договору постановлено и не малой лодки на Черное море не выходить»¹. И чтобы привлечь на свою сторону народы Кавказа, Порта отправила в Ширван, Дагестан, Кабарду, Черкесию и в другие места своих эмиссаров.

В 1707 г. по требованию султана крымский хан Каплан-Гирей при поддержке османского беглербега Кафы вторгся в Кабарду. Он ультимативно потребовал от владетелей Кабарды покориться и выдать 3 тыс. юношей и девушек. Но кабардинцы, оставив селения и укрыв скот и имущество, заняли выгодные для обороны позиции в тесных горных ущельях. В то время, когда Каплан-Гирей готовился к штурму, кабардинцы сами пошли в атаку. Произошла кровопролитная битва, войска хана вынуждены были отступить. Вскоре, получив подкрепление, крымский хан предпринял новый поход на Кабарду. Однако и на этот раз крымцы потерпели поражение, а сам хан спасся бегством. В этих походах погибло более 30 тыс. крымских татар. «Никогда не слыхано было,— восклицает османский историк Фундуклу,— такого их избиения». Султан отстранил

укрывшегося у ногайских мурз Каплан-Гирей, а ханом Крыма утвердил Давлет-Гирей. В том же, 1707 г. по указке султана закубанский Наиб-Султан совершил нападение на терско-гребенских казаков. Но и это нападение не имело успеха. В 1709 г. крымский хан Давлет-Гирей вступил с гетманом Украины Мазепой в тайную связь, рассчитывая оторвать Украину от России. Одновременно он разослал на Северный Кавказ эмиссаров с заданием организовать антирусское выступление горцев. Не считаясь с предупреждениями России, крымский хан при подстрекательстве Порты устраивал непрерывные набеги на Северный Кавказ, что приносило хозяйственное разорение и неисчислимые бедствия.

В этих условиях для народов Северного Кавказа отвлечь агрессию османских и крымских захватчиков было жизненной необходимостью. Однако в то время горские народы Северного Кавказа не могли одни противостоять агрессии османских султанов и крымских ханов. Вот почему феодальные владельцы адыгских и других народов Северного Кавказа «стремились под е. и. в. высокодержавную монаршую руку поддаться, и тем себя и подданных своих из-под ига султана турецкого и от налога и разорения хана крымского освободить»².

Русское правительство, нуждаясь в обеспечении безопасности южных границ государства, старалось привлечь народы Северного Кавказа на свою сторону. Еще в 1700 г. Петр I приказал астраханскому воеводе Мусину-Пушкину укреплять дружественные и торговые отношения с горцами Дагестана, оказывать им возможную помощь и поддержку. Одновременно русское правительство, учитывая осложнившуюся обстановку в связи с тем, что османы «начинают помышление о войне», запросило азовского губернатора, «похотят ли они (жители Северного Кавказа.— Авт.) с нами за одно быть»³.

На весну 1711 г. Османская империя готовила нападение на Россию. И уже 4 марта 1711 г. Петр I в грамоте кабардинским владельцам и народу писал: «Только желаем, дабы вы показали к нам ныне свою дружбу и верность против салтана турецкого и хана крымского, которые против нас войну начали, наруша мир несправедливо против данных многих обещаний. И ежели будете у нас в подданстве, то не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодное вам жалованье давать определим»⁴. В то же время на Кубань был отправлен 9-тысячный отряд под командованием генерала П. А. Апраксина, а на Терек для «государя нужнейших дел» — кабардинец по происхождению, сподвижник Петра I, князь А. Бекович-Черкасский.

Народы Северного Кавказа, и прежде всего адыги, приняли деятельное участие в русско-турецкой войне. Кабардинцы летом 1711 г. пошли походом на Кубань: они атаковали крымцев с востока, в то время как войска Апраксина наступали с севера.

30 октября 1711 г. кабардинцы нанесли поражение войску Мурад-Салтана, «побили 359, да полон взяли 40 человек, а других потопили в реке Кубане. И сам де Салтан ушел ранен с немногими людьми. Также и лошадей взято многое число»⁵. Вслед за этим Порта обвинила кабардинцев в измене, потребовала повиновения: «Кабардинские владельцы, князи черкеския, чего ради вы московскому государю войску пристав, наших подданных, кубанских жителей разорили и войско их разбили, если бы не вы, и мы бы (в) разорении не были, для чего вы на своего государя и на веру свою руку подняли. Ныне вы придите и принесите повинную, и отпустится ваша прегрешение и не разоритесь до конца, и во всякой будете милости. А буде того не учините, и в нашей воли не будите, князей ваших и узденей ни едина до вас не спасется»⁶.

Осенью 1710 г., подстрекаемая Швецией и Францией, Порта развязала войну с Россией. В начале кампании русские войска одержали ряд побед над османами, но затем военные действия развернулись для России неблагоприятно. На берегах Прута 44-тысячная русская армия оказалась окруженной войсками Османской империи и Крымского ханства общей численностью 127 тыс. человек. В итоге Россия вынуждена была подписать невыгодный для себя Прутский мир и уступить Азов. После этого Порта под угрозой физического истребления потребовала от народов Северного Кавказа подчиниться власти султана. На Северный Кавказ «кумытским владельцам» Султан-Муту и шамхалу Адил-Гирею и другим были отправлены посланцы султана, чтобы они «и других тамошних владельцев пригласили и были б единомышленно воли крымского хана, что им повелит хан делать, быть неослушным»¹. Одновременно Османская империя начала деятельную подготовку к вторжению на Кавказ. По словам иранского историка Мухамед Хасан-хана, османские войска собирались захватить Азербайджан и Грузию².

Создавшаяся обстановка благоприятствовала агрессивным планам султана. Раздираемый внутренними противоречиями и междоусобицами, шахский Иран не в состоянии был противостоять османам.

В Ширване и Дагестане вспыхнуло антишахское восстание, возглавляемое Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом Казикумухским. В 1711—1712 гг. повстанцы заняли ряд населенных пунктов в Северном Азербайджане. Восстания против шахского владычества в этот период происходили в Грузии и Армении. Ожидая османского вторжения, Россия предприняла меры по укреплению своих юго-восточных границ. В 1711—1712 гг. генерал Апраксин переселил на левый берег Терека гребенских казаков. Они построили несколько укрепленных городов — станицы Червленную, Шадринскую, Новогладковскую, Старогладковскую.

Побыв во многих местах и детально изучив сложившуюся обстановку, князь А. Бекович-Черкасский писал Петру I, что от султана «к вольным князьям», имеющим владения близ ~~гор~~ между Черным морем и Каспийским, направлены были посланцы, которые старались их «со владениями своими» склонить под власть султана, за что они могут «многую милость получать и повсягодным жалованием определены будут». Но, не добившись успеха в Кабарде, они возвратились в Крым. Эмиссары Порты, прибывшие к «владельческим князьям кумытским и шавкалам, дабы приклонить их також де обещая им много, а паче всего они желают, дабы всех тех соединить даж до персидской границы, и тако особливо край тот в волю свою привести и подданными учинить. И если оное турецкое намерение исполнится и оный народ будет при Порте утвержен, то, когда в войска сложатся, могут немалую силу показать, нежели оной народ лучше в войне, кроме легулярного войска». Для предотвращения османской экспансии Черкасский предлагал действовать «не упуская времени». А привести в подданство России, продолжал он, не будет никакой трудности, «понеже тот народ вольной», и с давних времен шамхалы и другие владельцы Дагестана находились в подданстве России «и детей своих в аманаты давали». Кроме того, необходимость присоединения Северо-Восточного Кавказа к России А. Бекович-Черкасский видел в том, что «много обретается разных руд в тамошнем краю, от чего мог бы прибыток не малый быть государству Российскому». Он считал необходимым для обеспечения «всяких руд» в Кумыкии построить крепость³.

В 1715—1718 гг. военно-политическое и экономическое обследование восточного Кавказа производил А. П. Вольтский. В одном из своих доносений Петру I, докладывая о внутриполитической обстановке, он

заклучил, что «малым корпусом великую часть к России присовокупить без труда мочно». Он советовал Петру I «кумыцкий народ» принять в подданство России. Шамхал тарковский Адил-Гирей и владетель Султан-Махмуд, продолжал А. П. Волынский, «показали верности», и, «по моему мнению, для склонения того народа и для иных факций, оный был бы не без потребен. Ежели позволите удовольствоваться и дать для охранения Тарков одну роту солдат (о чем он сам просит), так же и жалованья ему денежного и хлебного прибавить»¹⁰.

В 1717 г. шамхал Адил-Гирей писал Петру I: «Многие люди через ваши щедроты нужды свои управляли и в радостях бывали, того ради и я, прибегая к вашему милосердию, нижайше всепокорно прошу, прежде сего отцы и прародители наши служили вам в верности и во всяких службах ваших вседушно радели, будучи в службе России, а ныне и я, покорный раб ваш, всегда с придержанием во услугах ваших пребывать и с союзными и друзьями вашими в дружбе и в союзе быть, а с неприятелями вашими противиться от сердца желаю...», точно так же «и ныне все в краях наших пребывающие кумыки, и кайтаги, и казикумуки, и их сильные князи и начальники и старшины здесь суть согласившись вашу службу приняв поддались»¹¹.

С аналогичной просьбой обратился шамхал и в 1719 г. А вслед за ним к России обращались удий Кайтага, эндереевские, аксаевский и другие владетели Дагестана. Активизировались в это время взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией. В своем ответе тарковскому Адил-Гирею Петр I писал: «Усмотря по твоей последнее прошение, указали с тобою съехаться на Терке астраханскому нашему губернатору А. Волынскому и о всех делах и требованиях твоих, о которых ты у нас ... милости просишь, у тебя выслушать и на оное надлежащее по пристойности дела решение учинить, и на каких кондициях тебе к службе нашей, царского величества, в подданстве быть, о чем возможно договориться и постановить». Губернатору А. П. Волынскому дана «полная мочь, с которыми надлежит тебе по вышеописанному указу нашему съехаться в Терках, о всех требованиях своих согласиться и поставить»¹².

В ответной грамоте кабардинским князьям, обращавшимся с просьбой защитить их от нападения, Петр I 8 июля 1719 г. писал, что дано распоряжение казанскому губернатору П. С. Салтыкову «в нужном случае вам от нашествия неприятельского крымского и кубанских и татарских орд вспоможение чинить и до разорения не допустить»¹³.

Весной 1720 г. крымский хан с 40-тысячным войском вторгся в пределы Кабарды. Разорив ряд селений, он потребовал, чтобы кабардинцы подчинились его власти, выдали по одному ясырю с каждого двора и возместили убытки, понесенные татарами во время похода Каплан-Гирея в 1707 г., «а буде сего не учинят», то «жилица их разорит», а самих их «всех порубает». Однако кабардинцы отвергли домогательства крымского хана. Они говорили захватчикам, что «истари как деды их и отцы, так и они служат его царскому величеству в подданстве и у его величества пребывают всегда в верности».

Ответ кабардинцев вызвал негодование крымского хана. Он решил силой покорить их, вторгся в Кабарду; «и пожгли у них ханские войска деревни и около оных хлеб на поле нежатый и сена в стогах»¹⁴. Кабардинцы не в состоянии были оказать сопротивление namного превосходившим их крымским войскам и ушли в горы. Находясь в крайне тяжелых условиях, они вновь обратились за помощью и поддержкой к России. Сложившееся в связи с новым нападением крымцев положение встревожило Петра I, и он, несмотря на продолжавшуюся Северную

войну, решил оказать Кабарде военную помощь. В указе Коллегии иностранных дел А. П. Волынского подчеркивалось, «что ежели на них, кабардинцев, будет наступление от хана крымского, то в таком случае послать тебе к ним на вспоможение и оборону донских и других казаков, сколько сот человек пристойно будет». Причем казакам приказать, что если кабардинские владетели сами организуют против «крымцев или кубанцев поход, то б они с ними туда не ходили, дабы тем не подать туркам причины к нарушению имеющихся между Россией и Портой мирных трактатов»¹⁵.

Ангишранское выступление в Дагестане. Между тем в Дагестане вновь еще с большей силой вспыхнуло движение против гнета шахского Ирана. Собрав значительные силы повстанцев, Хаджи-Дауд и Сурхай-хан 21 июля 1721 г. осадили Шемаху, а 7 августа заняли этот важный торгово-ремесленный и административный центр Северного Азербайджана. Большую роль в падении Шемахи сыграл переход части горожан на сторону повстанцев. «Тамошние жители соединились с бунтовщиками, оных полки в город ввели», — свидетельствует современник событий, житель Дербента Муртаза-Кули¹⁶. Взяв Шемаху, повстанцы, по словам А. П. Волынского, «стали зажигать и грабить дома знатных. Между тем хана взяли в полон, а знатных порубили». Русских купцов обнадеживали, что «их грабить не будут, но потом ввечеру и к ним в гостинный двор напали... иных побили... а товары все разграбили, которых было около 50 000 (в том числе, у одного М. Евреинова на 170 000 руб. персидскою монетою)»¹⁷. Позже выяснилось, что русские купцы подверглись разорению лишь потому, что пытались скрыть в своих складах ценности шемахинской знати. Что же касается христианского населения — армян и других, то, по свидетельству католикоса Есаия, «как жители города также остальных селений, за исключением немногих, не потерпели от резни»¹⁸.

Вблизи Шемахи повстанцы разбили войска гянджинского и эриванского ханов. Многие ставленники шаха, в том числе и правитель Дербента, бежали в Иран. Хаджи-Дауд укрепился в Шемахе. Сообщая об успехах Хаджи-Дауда и Сурхая, А. П. Волынский писал Петру I: «Сколько им войну не продолжать, а где-нибудь, конечно, надобно сыскать безопасный и основательный фундамент, понеже... Теперь они с дву сторон имеют себе смертельный страх, паче же от в.в., сего ради и паче всего опасаются и чаю, что они, конечно, будут искать протекции турецкой»¹⁹. Однако Хаджи-Дауд 22 апреля 1721 г. обратился с письмом к астраханскому губернатору И. В. Кикину, в котором писал: «Преж сего нам от кызылбаш многие обиды были и покою нам от них, кызылбаш, не было, и от того мочи нашей не стало для того, что они сделали обиду через силу, и за то стали мы с ними, кызылбаш, в неприятельстве и за свою кровь им отомстили... а я ныне для дружелюбия пресветлейшему и державнейшему великому государю под руку иттить, также и юрты свои отдать и ему, государю, верно служить готов»²⁰.

Осенью того же, 1721 г. астраханскому губернатору через кабардинских князей стало известно, что Хаджи-Дауд-бек и Сурхай-хан обратились к турецкому султану через крымского хана с просьбой, чтобы он их принял под свое покровительство и помог бы войсками.

В обоих случаях предводители движения просили принять их под протекцию. При этом, однако, нельзя упускать из виду ориентацию Хаджи-Дауда и Сурхай-хана на Османскую империю, обусловленную классовыми и национально-религиозными интересами феодалов.

А. П. Волынский после возвращения посланника, побывавшего у предводителя движения с целью выявления его истинных целей, писал Петру I: «Кажется мне, Дауд-бек ни к чему не потребен, посылаю я к нему отсюда поручика (как я перед сим в. в-у доносил), через которого отвечает ко мне, что, конечно, отберет города от персиан, и которые ему удобны, а прочие уступит в. в-у, кои по той стороне Куры до самой Гиспогани, чего в руках никогда не будет, и тако хочет, чтоб наших был труд, а его польза»²¹. Однако значительная часть населения Северного Кавказа, как об этом свидетельствуют многочисленные письма-обращения к Петру I, ориентировалась на Россию. Шамхал тарковский, уцмий Кайтага и другие владельцы Дагестана писали Петру I, что желают «служить верно»²². Кабардинский владелец Ислам-бек Мисостов писал: «Поклонились и покорились от всего сердца» России; «и не извольте, в. в., сомневаться, чтобы мы впредь к кримцам пристали; но соизволите верить нам, что от таких мыслей весьма отделились, а от в. в. уже никогда не отложимся. И в поведеньях ваших послушнейшими и верными быть и служить в. ц. в. всегда готовы»²³.

2. Петр I в Прикаспии

Поход русских войск на побережье Каспийского моря. В первой четверти XVIII в. Иран переживал глубокий экономический и политический кризис. Все возрастающая феодальная эксплуатация крестьянства, трудового населения городов привела к подрыву сельского хозяйства и ремесла. Сефевидское государство подрывали также и не прекращавшиеся феодальные междоусобицы, коррупция, разложение шахского двора и т. п. Пользуясь сложившейся ситуацией, Османская империя решила «к себе присовокупить владения на Кавказе»²⁴. О плане Порты и намерениях хорошо знали русские власти. Поэтому, выражая опасения, А. П. Волынский предлагал Петру I опередить османов и выступить, а в качестве повода использовать инцидент в Шемахе. Сам Петр I тоже придерживался таких же взглядов. «Тогда нам, — заявлял он, — крайняя нужда будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже... турок тут допустить невозможно»²⁵. И стал готовиться к походу. Сообщая о мерах, предпринимаемых Петром I, французский посланник Кампредон писал: «Ему хочется предупредить турок... которые подали повод к этой войне»²⁶. Совершенно очевидно, что утверждение Османского владычества в Прикаспии намного ослабило бы позиции России на Кавказе и создало бы реальную угрозу юго-восточным границам империи. Стало быть, основной задачей похода Петра I на Кавказ было предотвратить овладение Османской империей Закавказьем и Прикаспием. К тому же в планах Петра I Прикаспию отводилась важная экономическая роль. Присоединив прикаспийские области, он надеялся обеспечить необходимым сырьем развивающуюся мануфактурную промышленность России. Кроме того, царь желал превратить Россию в посредницу в торговле между Европой и Востоком. С этой целью Петр I был намерен перевести торговлю шелком Ирана и Кавказа с константинопольского пути на Астрахань. Готовясь к походу, Петр I принял в подданство России владельцев Северного Кавказа и Дагестана²⁷. В то же время, учитывая, что Порта могла вторгнуться на Кавказ, русскому посланнику в Константинополе И. И. Неплюеву было предписано «на их турецкие поступки... прилежно смотреть и о подлинном их намерении всякими образы поведать и нам о том... доносить»²⁸. Неплюеву было также предписано, чтобы он пред-

принял все меры, чтобы Порта не приняла в свое подданство Хаджи Дауда и Сурхай-хана. К маю 1722 г. была завершена подготовка к походу. В Астрахани было сосредоточено 46 тыс. войск, построен флот, состоящий из 47 парусных и 400 галерных судов.

На аудиенции турецкому посланнику в Петербурге было объявлено, что поход предпринимается не для ссоры с султаном и «не для войны с шахом», а только для «отмщения той обиды» захватившим Шемаху «лезгинским бунтовщикам» и для «получения достойной сатисфакции». Накануне выступления 15 июля 1722 г. был обнародован манифест на «татарском, турецком и персидском языках», а для распространения его в Дагестан и Азербайджан был направлен А. Лопухин с 30 всадниками. Манифест извещал, что поход предпринимается только с целью наказания «возмутителей и бунтовщиков», и всему населению гарантировал безопасность²⁹. Как мы видим, шемахинские события использовались Петром I лишь в качестве повода для начала военных действий. Целью похода было присоединение к России важных в экономическом и политическом отношении прикаспийских провинций Кавказа. Как и следовало ожидать, за исключением Хаджи-Дауда, Сурхай-хана и их окружения, манифест Петра I в Дагестане был встречен радушно. Но зато весть о начале похода русских войск вызвала сильную тревогу в правящих кругах Османской империи. Константинопольский двор неистовствовал, а беспрепятственное продвижение войск Петра I разъярило его еще больше. В Константинополе, доносил Неплюев, «следует великое приготовление к войне. Посылают беспрепятственно и амуницию, и артиллерию в Азов и Арзрум. И во всю Азию указы посланы, чтобы войско собиралось», и чтобы «маршировать с тем войском в Дагестанскую землю»³⁰.

Когда же Порта объявила о принятии Хаджи-Дауда в подданство, 27 июля 1722 г. Петр I с основными силами высадился в Аграханском заливе. Тем временем шедшая из Астрахани сухим путем конница также вступила в Северный Дагестан. К ним добровольно присоединились владетели Большой Кабарды Эль-мурза Черкасский и Малой Кабарды — Аслам-бек Комметов. Только эндереевские владетели Айдемир и Чапалав, «причинившие в минувшем 1721 г. толико вреда окольным городам Терки, а теперь ожидая российского мщения» с «частью чеченцев»³¹ пытались безуспешно оказать сопротивление отряду русской кавалерии, но были опрокинуты. 2 августа 1722 г. русская кавалерия, а также 10 тыс. донских и малороссийских казаков и 5 тыс. калмыков хана Аюки прибыли в Аграхан. В это же время к Петру I прибыли посланцы эндереевцев с просьбой «прощения и принося свое подданство, на которое и дали присягу, включив в оное и подданных своих чеченцев».

5 августа, оставив в аграханском ретраншементе 300 человек регулярного войска и 1500 казаков, русские войска направились морем и сушей на юг. В тот же день Петр I с армией прибыл на Сулак и расположился лагерем. 6 августа к Петру I явились владетели Костековский, Аксаевский и шамхал Тарковский. Они выразили покорность и изъявили верность России. Кроме того, шамхал передал Петру I 1600 быков, запряженных в телеги, и 150 — на пополнение провианта и 3 персидских лошади, «одна из них с убором, на котором седло оправлено серебром, да муштук с золотым набором», 6 лошадей и 100 быков на содержание войск подарил аксаевский владетель³². И так как на путях перехода от Сулака на каждой стоянке по приказанию шамхала приготавливались фураж и другое необходимое снабжение, то без задержки и затруднения для войска 12 августа Петр I прибыл «под Тарки». На следующий день Петр I посетил Тарки. К этому времени из Дербента были получены

3 письма: «одно — от Юзбаша Имам-Кули-бека, два — от жителей, под-
писанные 49 и 101 дербентцем». В них говорилось, что манифест ими
получен «со удовольствием и покорным благодарением» и что дербентцы
с нетерпением ждут прихода русских войск в их город, а «которых чем
явятся е. в. противны, тех они признают изменников»³³. При встрече
с Петром I шамхал тарковский предложил к его услугам «все свое вой-
ско», но царь отказался и взял лишь несколько отборных наездников,
а со своей стороны отправил к шамхалу 12 солдат, которые в виде почет-
ного караула оставались в Тарках. 15 августа русские войска двинулись
к Дербенту. Султан-Магмут Отемьшский пытался оказать сопротивление
передовым отрядам войск, но был без особого труда разбит.

23 августа войско, предводительствуемое Петром I, подошло к Дер-
бенту. Жители Дербента «все стар и млад вышли навстречу из города». Наиб Имам-Кули-бек приветствовал Петра I и вручил ключи от город-
ских ворот. «Наиб сего города, — писал Петр I в Сенат, — встретил нас и
ключ поднес от ворот. Правда, что сии люди неліцемерно любовию
приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили»³⁴. В Дер-
бенте к Петру I обратились уцмий Кайтага, кадий и майсум Табасарана,
владелец Бойнака и другие с просьбой принять их в подданство России.
Народы Кавказа, писал современник событий, историограф шахского
двора Мирза-Мехти-хан, «опасаясь владычества турок как непримиримых
врагов, без разрешения шаха» явились к Петру I «с покорностью»³⁵.

Обстановка благоприятствовала продолжению похода. Однако из-за
внезапно возникших трудностей в связи с крушением у Аграханского залива
двух эскадр, а также с ~~решением~~ заболеванием среди солдат и падением
лошадей 29 августа 1722 г. ~~было~~ принято решение приостановить поход.
Оставив гарнизон в Дербенте, ретраншементах Рубас, Бойнак и др.,
Петр I с основными силами вернулся в Аграхан. Здесь он обследовал
берега Сулака и нашел, что «сие место zelo довольно конским кормом,
водою и лесом»³⁶. И в том месте, где р. Кайсу делится на два рукава —
Сулак и Аграхан, велел заложить крепость Святого Креста. После этого,
поручив командование генералу Матюшкину, отбыл в Астрахань.

Между тем Порта приказала Хаджи-Дауду, «чтобы он всеми мерами
старался выгнать российский гарнизон из Дербента и из прочих тамош-
ных краев»³⁷. А вскоре и османские войска вторглись на Кавказ. «Так
как водворение русских в тех краях противно было интересам Турции», —
признает Джевдет-паша, то весной 1723 г. она поспешила «завладеть
столицей Гюрджистана — Тифлисом, посадила от себя правителя в Ше-
махе»³⁸. В связи с этим генералу Матюшкину дан был приказ принять
надлежащие меры для защиты Дербента и Баку.

В сентябре 1723 г. напуганный вторжением османских войск на Кав-
каз Иран подписал с Россией договор. По условиям Петербургского до-
говора шах признавал за Россией прикаспийские области Кавказа. Это
еще больше обострило русско-турецкие отношения. Султан объявил о
принадлежности Порте всего Ирана и о своем намерении присоединить
Дербентское ханство, как якобы давно ему принадлежащее, а также рас-
порядился, чтобы пограничные паши и крымский хан были готовы к вой-
не с Россией. Враждебность Порты к России по-прежнему поддерживали
Англия, Австрия и другие западные государства. Послы этих государств,
доносил Неплюев, внушают, что Петр I «только от Персии некоторые
провинции желает себе взять во владение аще де вы в том ему не вос-
примите оружием, то де он, взяв те провинции, не вдалече от тех стран,
вас атакует»³⁹. Даже Франция, игравшая роль «посредника» между Рос-
сией и Османской империей, фактически подогревала агрессивные наме-

рения Порты⁴⁰. Над Кавказом нависла угроза османского завоевания. Свои опасения в связи с агрессивией Порты, занятием Грузии и движением к Шемахе Петр I выразил в письме генералу Матюшкину так: «Дело опасно, чтоб не захватил Баку».

Войну, казавшуюся неизбежной, все же удалось отвести благодаря заключенному в Константинополе в июле 1724 г. договору о разделении кавказской территории на сферы влияния. По условиям этого договора за Россией закреплялись прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана. Остальная же территория Дагестана, Азербайджана, а также Грузия и Армения отходили к Турции. Ширван был объявлен особым Шемахинским ханством под протекторатом Турции с условием, что «не будет в нем гарнизона турецкого», исключая случаи, что «или хан взбунтует и выйдет из послушания, или между жителями провинции той окажутся непорядки».

Последствия присоединения Прикаспия к России. Народы Грузии, Армении, Азербайджана и Дагестана отказывались признать власть Порты. Всюду османские завоеватели встречали упорное сопротивление широких народных масс. Не подчинился власти султана Сурхай-хан Казикумухский и другие владетели Дагестана. Сурхай-хан был недоволен османами из-за того, что последние «предпочли ему, природному князю, мужика Дауда»⁴¹. Зимой 1725 г. он учинил нападение на Мюшкюр. «Возымев смертельную ненависть» к Хаджи-Дауду-беку, Сурхай-хан действовал против него... неприятельски и всенески досаждал туркам». Когда же османы, завладев Грузией, хотели было построить крепость, чтобы «знатнейший проход» перекрыть и привести в подчинение джаробелоканцев, но «джаринцы, по побуждению Сурхая, собирались тайно, напали на турков, и побили из них более 500 чел. Остальных рассеяли и начатую крепость до основания разорили».

Серьезный урон нанесли горцы османам и в сражении при Джинихи. Учитывая, что Сурхая не удастся подчинить силой, султанское правительство решило «склонить его на свою сторону ласкою»⁴², отправило ему щедрые подарки, послало многообещающие письма. «Кабала ему отдана была и он, Сурхай, в оном укрепился так же и Агдаш противно повелениям турецким во власть взял и к тому требовал, чтобы ему Шемахою владеть добром повелено было бы»⁴³. В свою очередь, Россия также старалась привлечь на свою сторону Сурхая. «Трудились как русские, так и турки, чтобы его каждый в свою сторону привести»⁴⁴, — свидетельствует И. Г. Гербер. Но Сурхай, умело используя сложившуюся обстановку, выжидал. Волнения в Ширване в это время не прекращались, а османы предъявляли Хаджи-Дауду все большие требования, которые он не в состоянии был выполнить. Не видя другого выхода, Хаджи-Дауд обратился к России с просьбой принять его в подданство. Однако Россия отклонила просьбу Хаджи-Дауда, так как не хотела нарушать условия Константинопольского договора.

В 1727 г. Османская империя предложила Сурхаю чин двухбунчужного паши и жалованье 3 тыс. руб. в год. Сурхай склонился на сторону османов и дал присягу на верность. В 1728 г. султанские власти увезли арестованного Хаджи-Дауда, а владетелем Шемахи утвердили Сурхая.

Опасаясь нападения османов, русское правительство со времени Петра I старалось укрепить свои позиции в Прикаспии. К 1724 г. в основном было завершено строительство крепости Святого Креста, куда был переведен гарнизон и жители г. Терки. Там же была поселена 1 тыс. семейств донских казаков. Вблизи крепости поселились проживавшие

близ Терека выходцы из народов Северо-Восточного Кавказа, которые образовали там «Татарскую слободу». Туда же откочевала часть ногайцев и переселились многие армяне. Строительство крепости недружелюбно встретил шамхал Адил-Гирей. К тому же против русских его подстрекали османы. О намерении шамхала напасть на крепость русскому командованию сообщили владетели Засулакской Кумыкии Султан-Махмуд, Чопан и др.⁴³ В марте 1725 г. шамхал сделал безуспешную попытку овладеть крепостью Святого Креста, но был отбит, после чего войско его распалось. Широкие народные массы не поддержали шамхала и его приспешников. Осенью того же года шамхал вслед за эрпединскими и байнакскими биями, которые раскаялись и получили прощение, явился в лагерь русских войск. Здесь Адил-Гирей был арестован, а затем сослан в Астраханскую губернию. Тогда же «Российской империи поддался и присягу учинил» и сына в заложики дал Султан-Махмуд Утамышский «с сыновьями и всеми старшинами от уездов присягу учинил и аманатов дал удмий Кайтага, купно с ним» присягал старшина Кубачи. В подданство России вступили также Акуша-Дарго и владетель Табасарана.

В 1727 г. наконец-то было завершено разграничение владений между Россией и Портой на Кавказе. Народы Дагестана, Азербайджана, Грузии и Армении, подпавшие под власть османов, оказались в очень тяжелом положении. Они, по словам В. В. Долгорукого, были «так ожесточены, вконец разорены, и такое ругательство и тиранство турки делают, как больше того быть вельзя. И так все народы, как христиане, так и басурманы, все против них готовы, только просят, чтобы им была надежда на нас»⁴⁴. Об этом свидетельствуют и многочисленные факты вступлений народных масс против османских оккупантов. Многие, не выдержав насилий иноземных захватчиков, переходили под власть России.

В 1726 г. подданство России принял кубинский хан Хусейн-Али-хан. В 1727 г. владетель Аварии дал в крепости Св. Крест присягу на подданство России. Тогда же на верность России присягали кюринские старшины, но в подданство они не были приняты, так как Кюра находилась под властью Сурхай-хана. В сентябре 1731 г. «андийцы, весь народ, добровольно пришли в подданство российское и в том присягнули» в крепости Святого Креста»⁴⁵.

Велись также переговоры о вступлении в подданство России и других владений и союзов сельских общин Дагестана. Объездив сухим путем подвластные России территории Кавказа, В. В. Долгорукий доносил Екатерине I: «Во всех провинциях... с великою радостью меня встречали... не только которые в нашу порцию достались, но и которые по трактату и не в нашей порции, все желают быть в подданстве в. и. в. и просят меня, чтобы я их принимал в протекцию Российской империи... И так весь здешний народ желает в. и. в. протекции, с великою охотою видя, какая от нас справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем и смотрим крепко, чтобы отнюдь ни мало им обиды от нас не было и крепкими узами во все команды от меня подтверждено под жестоким штрафом»⁴⁶.

По всей вероятности, В. В. Долгорукий несколько приукрашивал положение вещей. Вряд ли все без исключения жители Кавказа придерживались русской ориентации. И все же то, что наибольшая часть населения Северо-Восточного Кавказа склонялась на сторону России, убедительно показывают факты. И нет ничего удивительного в том, что народы Кавказа предпочитали подданство соседней России — оно гарантировало им внешнюю защиту и обеспечивало хозяйственное развитие края. Кроме того, Россия оказывала горским народам известную матери-

альную помощь. Еще во время пребывания Петра I в Дербенте некоторые офицеры «принесли ему жалобу, что жители не продают им хлеба. Добродушный царь,— пишет мурза Хайдер Везиров,— желая легко удостовериться в справедливости их жалобы, взял с собой проводника и двух солдат и отправился в первую попавшуюся ему улицу Малик-Куче, вошел в один двор и застал хозяйку, раскладывавшую только что испеченные чуреки. Государь просил ее продать ему чурека, предлагая за них цену, какую она сама назначит, но хозяйка ответила, что без позволения хозяина (мужа) она не может сделать этого. Запасы муки у них были недостаточными для продовольствия собственного их семейства; сказав это, она разломилась один чурек на 4 части и подала по куску каждому, решительно отказавшись от платы, которую ей предлагали. Император, довольный добротой этой женщины, наградила мужа ее и повелел каждому бедному семейству выдать по 2 четверти муки и по 20 аршин холста, что было немедленно исполнено»⁴⁹.

В конце 1722 г. наиб Дербента в связи с продовольственными затруднениями обратился к России за помощью. В ответ на это из Астрахани отправлено было 5 тыс. четвертей хлеба, а также масло, соль и другие продукты. Тогда же жители Дербента были извещены о том, что «они могут свободно получать хлеб из Гиляна», и для доставки хлеба велено было им «определенные бусы дать»⁵⁰. В сентябре 1723 г. наиб Имам-Кули-бек доносил о получении 300 кулей муки. В то же время разрешен был отпуск шамхалу тарковскому из крепости Св. Крест «пороха, свинца и кремня», а также «отданы были» две бусы «для посылки за товарами в Дербент и другие места».

Стремление русского правительства обеспечить русскую мануфактурную промышленность сырьем Прикаспия объективно способствовало развитию экономики края. В крае стало увеличиваться производство шелка-сырца, хлопка, шерсти, марены, шафрана. Но особенно русская администрация обратила внимание на развитие виноградарства, садоводства, огородничества. В Дербенте было создано дворцовое хозяйство, где разводились виноград, инжир, тутовник, гранаты, яблоки, груши. Посадка винограда и уход за ним велись под надзором специалиста из Венгрии. Изготовлением вина тоже руководили иностранные мастера. Уже в 1723 г. винный завод Дербента произвел 2 тыс. ведер вина.

Пытаясь расширить волжско-каспийскую торговлю, Россия поощряла к ней дербентцев и других жителей. С этой целью в 1723—1724 гг. проводились работы по строительству гавани в Дербенте. Тогда же на р. Сулак была построена плотина, позволявшая проводить средние суда по Аграхану почти до самой крепости Святого Креста. Все это позволило установить более регулярное сообщение с Астраханью, что, в свою очередь, способствовало развитию торговли края. К развитию торговли в Прикаспии Россия стала привлекать армян. Их поселили в Дербенте, у крепости Святого Креста и в других местах. Армяне и другие жители Кавказа из Астрахани «для кущества и нужд их в Тарки, в Дербент и Гилян» отпускались свободно⁵¹.

Определенную роль в развитии русско-кавказской торговли сыграла учрежденная в 1723 г. в Астрахани компания по торговле с Персией. Согласно имеющимся данным, эта компания вела торг и с народами Северо-Восточного Кавказа. Важное значение для торговли имел указ Петра I 1724 г., по которому разрешалось вывозить из России в Дагестан железо, свинец, порох, а также дозволялся беспошлинный провоз (и свободная торговля) вина, табака, «всяких хлебных и мясных припасов» и скота в Дербенте, в крепости Св. Крест и в других местах новой

провинции⁵². По указу местным торговцам предоставлялись льготы. К их услугам были и русские купеческие суда. Принятые меры незамедлительно сказались и на росте внутренней торговли. В Тарках, Эндерее, Аксае и в других местах стали возникать торговые ряды русских, армянских и северокавказских купцов.

Большое значение имело и начатое еще до похода русских войск изучение природных ресурсов, истории и этнографии народов Северо-Восточного Кавказа. Описания края, составленные А. П. Вольнским, А. И. Лопухиным, А. Бекович-Черкасским, И. Г. Гербером, Л. Ф. Еропкиным, Д. К. Кантемиром, Ф. И. Соймовым и многими другими, являются ценным источником для изучения его истории и этнографии.

Однако народы Дагестана и Азербайджана недолго оставались в составе России. После 13-летнего владения, по условиям Рештского (1732) и Гянджинского (1735) договоров, Россия вынуждена была уступить их Ирану. Русская граница была определена по р. Терек, на левый берег которой были переведены войска, а крепость Святого Креста скрыта (ее население перевели в Кизляр).

3. Нашествия шаха Надира и его поражение от горцев Дагестана

Первый поход Надира на Дагестан. В 30-х годах XVIII в. Надир, став после продолжительных неурядиц фактическим правителем Ирана, начал борьбу с Османской Портой за возвращение ранее принадлежавшей Ирану территории. Население, находившееся под игом Османской империи, изнывало и готово было на борьбу со своими поработителями. К тому же в 1730 г. в Константинополе был свергнут султан Ахмед III, после чего начались обычные феодальные усобицы. Все это благоприятствовало действиям Надира. К сентябрю 1730 г. он овладел Тавризом, а затем без особого труда занял Ардебил. Окрыленный успехами, Надир отправил в Ширван Сурхай-хану «подарки и указ, чтобы Сурхай пребывал в его верности, за что учиняет везиром, над Шемахою командиром и дает ему Тарковское шамхальство и над всеми горами учиняет его владельцем»⁵³.

В то время как Надир вел подготовку к походу на Эривань (Ереван), стало известно, что оставшие жители Хорасана убили его брата. Надир направился для подавления восстания. В отсутствие Надира шах Ирана решил начать военные действия, рассчитывая военными успехами восстановить свой подорванный авторитет. В 1731 г. он начал военные действия против султана. Перед тем шах распространил фирман, в котором призывал народы подняться на борьбу против османов. С таким фирманом в Ширван к Сурхаю были отправлены 20 человек. Но он не принял приглашения шаха, убил 19 посланцев, а одного из них вернул шаху.

Безуспешными оказались и военные действия шаха. В апреле 1731 г. он потерпел поражение под Эриванью, после чего войска султана двинулись в Южный Азербайджан. В это время от турецкого Али-паши Сурхай получил приказ, чтобы он со своим войском соединился с османскими войсками в Гяндже и шел на Тебриз⁵⁴.

Сурхай-хан выступил, но, прибыв в Гянджу, потребовал у паши «провианта и денег». Тот оказался не в состоянии дать Сурхаю требуемое. Тогда Сурхай, по словам очевидца, разграбил «деревни неприятельские — о чем ему от сераскира Али-паши дано знать с выговором, за что он рассердился и возвратился назад в Шемаху»⁵⁵. Однако предпринять

какие-либо решительные меры против Сурхая османы не могли, «дабы он совершенно от них не отложился»⁵⁶. Более того, в конце 1731 г., чтобы Сурхай «не отложился», султанское правительство прислало ему щедрые подарки: «большое число халатов и денег 20 тысяч или 50», как доносил лазутчик Ахмед. Даже после этого Сурхай-хан просимого султаном войска не выставил и не выступил в Кубу, ограничившись тем, что отправил султану «2 меха собольих, 2 меха горностаевых и несколько штук европейской парчи»⁵⁷.

Тем временем шах, потерпев ряд поражений, вынужден был отказаться от продолжения войны и в январе 1732 г. в Керманшахе подписать невыгодный для Ирана мирный договор. Но этот договор оказался недолговечным. Вернувшись из Хамадана, Надир низверг Тахмосиба II, шахом провозгласил его 8-месячного сына под именем Аббаса III, сам же стал при нем регентом; аннулировал только что подписанный с султаном договор, возобновил против Порты военные действия. По приказу султана для борьбы с Ираном в Закавказье были направлены 20—25-тысячные крымско-татарские войска под командованием Фаты-Гирея. Однако Россия, заинтересованная в мире с Ираном, оказывала ему поддержку в борьбе с Портой. Русские войска, сосредоточенные в крепости Св. Креста, нанесли серьезный урондвигающимся крымским войскам. Лишь части этого отряда удалось проникнуть в Дагестан.

Обеспокоенные угрозой шахского порабощения, горцы не поняли истинных намерений османов, тем более, что те распространяли слухи о том, что султан направил войско с единственной целью — защитить их от «кызылбашских еретиков». В этом направлении действовали также феодалы и местное мусульманское духовенство, на которых, по словам Г. Алкадари, «крымский правитель потратил до 2500 туманов деньгами и ценными вещами, и они приводили в исполнение... увольнения и назначения в Дагестане»⁵⁸. В частности, в Тарках от власти был отстранен Хасбулат и назначен шамхалом Ильдар. Тем временем Надир одержал решительную победу над османами, которая вынудила султана запросить мир. В феврале 1733 г. в Багдаде между Ираном и Турцией был заключен мирный договор. Границы между ними определялись в рамках ирано-турецкого договора 1639 г. В связи с этим султан отправил свой хатишариф (высокое повеление) ко всем правителям завоеванных территорий с требованием возвратиться в Турцию. А когда турецкое правительство сообщило о передаче Ширвана Ирану, Сурхай-хан отказался подчиниться воле султана и ответил, что «мечами лезгинских львов мы покорили Ширван, какое имеет право Ахмед из Багдада или кто-либо вмешиваться в таком случае»⁵⁹.

Надир принял решение наказать Сурхая. Летом 1734 г. во главе огромной армии он вторгся на Кавказ, а в конце августа занял Шемаху и велел разрушить ее до основания, а население перевести в Агсу. В урочище Деве-батана, у Кабалы, произошла битва между шахскими войсками и горцами. Сурхай-хан потерпел поражение и отступил в горы Дагестана. Войска иранского шаха, преследуя Сурхая, достигли Казикумуха. Сурхай бежал в Аварию. Шахские войска заняли Казикумух, подвергли грабежу и разрушили резиденцию хана и ряд близлежащих сел. Жестокость персов не сломила дух свободолюбивых горцев, многие из которых уходили в Аварию.

Надир не решился продолжать поход. Назначив шамхалом Хасбулата, изъязвившего ему покорность, он решил вернуться в Закавказье. При возвращении иранские войска разоряли попадавшиеся на пути горские аулы. Близ сел. Ахты горцы разрушили мост и преградили дорогу шахским

войскам, но под давлением превосходящих сил противника вынуждены были отступить. Надир жестоко расправился с горцами. Некоторых из них «шах в порыве гнева наказывал даже самолично»⁶⁰.

Опустошив Южный Дагестан, 3 октября 1734 г. Надир прибыл в сел. Куткашен. И вскоре начал решительные военные действия против султанских войск в Закавказье. Используя благоприятный момент (уход русских войск из Прикаспия), Османская империя решила прибрать Дагестан к своим рукам и с этой целью направила крымского хана с 80-тысячным войском. Однако Россия решительно заявила, что она «никогда татарам прохода через свои области не позволит, а меньше еще согласится на принятие Портою в подданство дагестанцев». Канцлер А. И. Остерман сделал посланнику Неплюеву внушение, указав, что уступки Ирану касаются городов «Баку и Дербента, а не дагестанских народов»⁶¹. И, как увидим ниже, Россия сделала все, чтобы воспрепятствовать османам осуществить захватнические планы, отстаивала Северный Кавказ от покушения со стороны Порты. Чтобы «побуждать Тахмас-Кули-хана (Надира) к непрерывному продолжению с турками войны, чтобы все персидские провинции возвратились от них оружием» к шаху был послан князь М. М. Голицин.

Второй поход Надира на Дагестан. Между тем Надир, нарушив условия Гянджинского договора, заключил с Портой договор о передаче Ирану Грузии и Восточной Армении и приступил к покорению Дагестана. Во главе большой армии он вторгся в Джаро-Белоканы, но встретил упорное сопротивление, прошел через Шеки и Шемаху, добрался до границ Южного Дагестана. Там он разделил армию на части: крупный отряд под командованием своего сына Риза-Кули направил на Будуг и Хиналуг, другой отряд двинул на покорение жителей Самурской долины. Ценой больших потерь, сломив упорное сопротивление горцев, Надир безжалостно расправился с населением Самурской долины и Табасарана. Многие жители бежали в горы, где Сурхай-хан Казикумухский, уцмий Ахмед-хан Кайтагский, шамхал Ильдар и кадий Акушинский готовились к обороне. Узнав об этом, Надир вступил в Кайтаг, занял сел. Маджалис, которое оборонял сын уцмий Магомед-хан. Сражение закончилось победой иранцев.

2 января 1736 г., разоряя населенные пункты, Надир двинулся из Губдена через Дженгутай на Казикумух. В местности Дусрах, недалеко от Кумуха, горцы, заняв горные высоты, решили преградить путь иранцам. Атакующие с четырех сторон во много раз превосходящими силами противника, горцы вынуждены были отступить. Сурхай-хан, не задерживаясь в Кумухе, ушел в Аварию. Лишь к ночи после занятия иранцами позиции горцев, пришел на помощь Сурхаю шамхал Ильдар, отряд которого иранцы без особого труда разбили. Вслед за этим Надир занял Казикумух, старейшины которого изъявили ему покорность. Казалось бы ничто не препятствовало Надиру продолжать поход. Однако Надир, оценив создавшуюся обстановку, и на этот раз отказался от преследования Сурхай-хана. При возвращении из Кумуха Надир рассеял отряд кадия Акушинского, жестоко расправился с населением, предал огню и мечу ряд селений. Из Акуша он направился в Кайтаг и принудил уцмий просить о пощаде, а табасаранцев и жителей Самурской долины — выдать заложников.

Свои военные победы Надир использовал в 1736 г. для провозглашения на Мугани себя шахом Ирана, после чего назначил своего брата Ибрагим-хана правителем Грузии, Армении, Азербайджана и Дагестана,

а сам с основными силами армии направился к столице сефевидов — Исфагану.

Не успел Надир уйти из Закавказья, как в Азербайджане и Дагестане начались антииранские выступления. Бывший ширванский владетель Султан-Мурад, заключив союз с Сурхай-ханом, напал на Дербент, убил ставленника Надира — беглербега Ширвана Мехти-Кули-хана и занял Дербент. Сообщая России об антииранских выступлениях народов Кавказа, резидент И. П. Калущкин писал: «И такие великие волнения шагу успокоить трудно, что повсюду надо войско, которого за всеконечным оскудением людей, набрать негде»⁶². Однако восстание в Дербенте было подавлено. Сардар-бек-Кырклуафшар с титулом хана стал правителем Ширвана, а в Дербенте посадил Неджеф-Султана. Задумано было даже из Дербента в глубь Ирана, в Хамадан, выселить 100 семейств и решено отправить в Дагестан «войска для расположения оброку» на удмию Кайтага, Сурхай-хана, шамхала и других владетелей. Как и следовало ожидать, эти меры успеха не имели.

Однако антииранская борьба не утихала. Против азербайджанских и дагестанских повстанцев была направлена 20-тысячная армия во главе с братом Надира Ибрагим-ханом. Но он многого не добился, если не считать того, что джаро-белоканцы «заключили с ним мир, не внося ему ничего, ни податей, ни заложников, ни чего другого»⁶³.

Мир был недолговечен. Джаро-белоканцы вновь восстали и перебили много иранских воинов. Более того, джарцы вместе с прибывшими на помощь горцами из Дагестана выступили в сторону Тифлиса. Летом 1737 г. Ибрагим-хану удалось нанести в Кахетии горцам несколько поражений, после чего они были вынуждены отступить в горы Дагестана.

Однако удмий Кайтага, сын Сурхая, Мартаза-Али и предводитель Анпуха Ганега отказались подчиниться власти Ирана. В 1738 г. во главе 32-тысячной армии Ибрагим-хан направился против непокорных горцев Дагестана. Узнав о продвижении иранцев, джаро-белоканцы обратились за помощью к Сурхай-хану Казикумухскому, удмию Кайтага, владетелю Табасарана и другим владетелям.

Обычно в годы тяжелых испытаний, иноземных нашествий горцы Дагестана оказывали друг другу поддержку и помощь. И на этот раз на призыв джаро-белоканских аварцев прибыло около 20 тыс. горцев из самых различных частей Дагестана.

Во главе объединенных сил горцев Дагестана встали опытные предводители — джаро-белоканцы Ибрагим-Диван и Халил. Первое время иранцам удалось потеснить горцев. Однако в середине 1738 г. вблизи Джаника горцы наголову разбили иранцев. В бою был убит сам Ибрагим-хан и другие военачальники Ирана. Только Мухаммед-хану с трудом удалось собрать остатки разгромленного войска и привести его к берегам Аракса. По имеющимся данным, из 32-тысячной армии спаслись 7 или 8 тыс., остальное «войско погигло»⁶⁴. Победителям достались богатые трофеи. Вслед за этим антииранское движение охватило многие районы Северного Азербайджана. В январе 1739 г. И. П. Калущкин доносил: «Лезгинцы» (т. е. горцы Дагестана) «от старой Шемахи, даже до Дербента, в великом собрании стоят и путь так затворили, что никому, ни пешему, пробраца никак нельзя»⁶⁵.

Антииранское выступление в Дагестане и Азербайджане совпало с походом Надира в Индию. Поэтому Иран не был в состоянии организовать крупное наступление на Дагестан. Тем не менее правителем на Кавказе был назначен Амрарслан-хан, перед ним была поставлена задача во что бы то ни стало подавить сопротивление в Азербайджане и Даге-

стане. Но это оказалось ему не под силу. Поэтому летом 1739 г. правительство Ирана направило на Кавказ большое войско под командованием Сифи-хан-Султана. Несмотря на некоторые успехи, и ему не удалось подчинить шаху свободолюбивых горцев. Недовольный этим, Надир снова направил на Кавказ многочисленные войска под командованием Гани-хана Абдальского, Фатали-хана и Мухаммед-Али-хана. Преодолевая отчаянное сопротивление горцев в течение нескольких месяцев, они огнем и мечом прошли Джаро-Белоканы. Иранцы, писал Г. Алкадари, «разграбили имущество и стада тех магалов, разрушили их селения, а также заняв дороги, ведущие в другие края, убивали и брали в плен бежавших по ним. В общем они там не оставили следов и разрушили все селения»⁶⁶. Однако жестокости не сломили горцев. Они не сложили оружие и по-прежнему нападали на иранцев. Тогда Надир потребовал от Фатали-хана, не дожидаясь его возвращения, двинуть войска в Дагестан «на Сурхаевы и Умеевы жилища и всех он горских людей рубил наповал»⁶⁷. Ведя неравную борьбу с иранскими захватчиками, «многие из владетелей Дагестана обращались к России, прося покровительства и защиты против Надира»⁶⁸.

Разгром войск Надира в Дагестане. Правящие круги Ирана были уверены в том, что, не подчинив Дагестан, им не удастся подавить антииранские выступления в Закавказье. Поэтому, завершив победоносный поход в Среднюю Азию, Надир стал деятельно готовиться к новому походу на Дагестан. На этот раз он полагал проявить такую силу оружия войск иранского государства, чтобы непокорные страшались шаха и чтобы исчезли всякие надежды на избавление от его власти. «Стоило мне ногой лягнуть,— хвалился Надир,— и вся Индия рушилась с престолом Великого Могола. Если я обейми ногами лягну, весь свет в пепел обращу»⁶⁹.

Летом 1741 г. «гроза вселенной» Надир во главе огромной армии вторгся в Дагестан. Озлобленный шах уничтожил первые попавшиеся на пути 14 горских аулов. Так поступал он и в дальнейшем, сравнивая с землей аулы, убивая всех. Рассказывая о жестокостях Надира, И. П. Калущкин сообщает, что «по указу шахову ни одного человека... живого не оставляют, все рубят наповал»⁷⁰.

В этой чрезвычайно тяжелой обстановке горцы Дагестана все чаще и чаще стали обращаться к России, многие из них, говоря словами П. Г. Буткова, «сами отдавались в подданство России»⁷¹. О росте ориентации Дагестана на Россию свидетельствуют многочисленные факты. Прибывшие в Кизляр посланцы горцев, сообщает очевидец, просили, чтобы Россия приняла их «под свое могучее покровительство»⁷². К тому же русское правительство из достоверных источников знало, что Надир вынашивает планы нападения на Россию⁷³.

«Хотя Надир намерен иметь дело со всем светом,— писал И. П. Калущкин,—... виды и приготовления наглавейшие против Российской империи устремляет»⁷⁴. В Петербурге были осведомлены о том, что Надир старался склонить султана к совместному выступлению против России. Такого союза добивались и западные державы. Естественно, что в таких условиях Россия не могла принять в свое подданство владения Дагестана или оказать им вооруженную помощь. Но «к кумыкским, чеченским и кабардинским владельцам писано в утверждении их верности; а тайно, под рукою, сделаны были засылки к признанию в верное и вечное подданство горских владельцев: шамхала, усмия и прочих, сходно с присланными прошениями их о том»⁷⁵.

В то же время русское правительство стало укреплять кавказские границы государства. На Терскую линию были стянуты с Волги и Дона войска, усилены укрепления Кизляра «и везде по границе Терской и в Гребнях, взята крепкая предосторожность». В Астрахани начато было строительство флота. Эти меры не могли не оказать воздействия на шаха, но они не в состоянии были облегчить участь народов Дагестана. Несмотря на упорное сопротивление горцев, «грозе вселенной» Надир-шаху удалось выиграть ряд сражений, занять Табасаран, Кайтаг, Мехтули, Акушу и достигнуть Казикумуха. Казикумухский Сурхай-хан, удмий Ахмед-хан, кади Акушинский и другие феодалы изъявили Надир-шаху покорность. Шах уже чувствовал себя победителем. «Видя Сурхая и усмея власти своей покоренные,— писал И. П. Калужкин,— Надир час от часу в такую заносчивую гордость приходит, которую и описать трудно, и он хочет со всей Дагестани потребовать в службу до 20 тыс., а остальные перевести на житье в Персию. И для того в окрестные места разослал едва ли не все свое войско, между которыми и сопротивляющимися лезгинами, по-неже они о переселении и слышать не хотят, непрестанно схватки происходят»⁷⁶.

Хотя измена некоторых феодальных владетелей несколько и подорвала, но не сломила сопротивления горцев. Они навязали иранцам партизанскую войну. Больше всего войско шаха беспокоили внезапные ночные нападения горцев, захват обозов, угон вьючного скота. К тому же население, скрывавшееся в горах, покидало села, не оставляя ни единого зерна. И где бы ни появились войска шаха, их всюду встречали горцы с оружием в руках. Преодолевая сопротивление горцев, осенью 1741 г. основные силы Надира со стороны Казикумуха вторглись в Андалаял. Войска под командованием Лютф-Али-хана и Гайдар-бека двигались в Аварию через Аймакинское ущелье. Наступление иранцев всколыхнуло народные массы Дагестана. Перед лицом опасности разрозненные силы горцев стали объединяться.

В Андалаял толпами стали собираться горцы со всего Дагестана. Были случаи, когда враждовавшие, забыв обиды, объединялись для борьбы против общего врага — иранских захватчиков. В это же время горцы письменно потребовали от Надира вывода войск из Дагестана.

Шах жаждал лишь одного — покорить горцев. С этой целью многочисленные иранские войска начали военные действия одновременным нападением на сел. Согратль, Мегеб, Уллучара, Обох, Чох и др.⁷⁷ Близ этих селений в течение нескольких суток длился кровопролитный бой. Первоначально борьба шла с переменным успехом, затем войскам шаха удалось несколько оттеснить горцев; казалось, поражение их было неминуемо. Однако, когда Надир начал решающее наступление, подошло подкрепление, среди которого было очень много женщин-горянок. Невероятным усилием горцы добились перевеса. Шахские войска не выдержав мощного натиска горцев, дрогнули, а затем обратились в бегство. Поражение, доносил французский посол де-Ла-Шетарди, было тем значительнее, что Надир «дал заманить себя в ловушку и попал в ущелье, где скрытые с двух сторон войска провели ужасную резню над большей частью его армии». Считается, что в Андалаяле Надир потерял половину людей и почти всех лошадей. Даже личный секретарь шаха Мехти-хан Астрабадский назвал Андалаял «областью несчастья», где «солдаты Надира пришли в добычу врагам».

Стремясь как-то поправить свое положение, Надир сделал попытку привлечь щедрыми подарками и всевозможными обещаниями на свою сторону владетелей Дагестана.

Однако Аварский, Мехтулинский ханы, удий Кайтага и сын Сурхайхана Муртузали отвергли предложение Надира.

В ответном письме Надиру хан Аварии писал: «Для чего ты пришел к нам? Я советую скорее возвращайся в Иран, а то мы тебя пошлем в пекло, чтобы ты мог там найти своего брата; твоя слава миновала. Теперь тебе самому видно, что ты не такой страшный, чтоб нельзя было справиться с тобой»⁷⁸. Не имели также успеха попытки шаха поднять боевой дух армии. Напрасно, писал И. П. Калушкин, «он столько труда принимает, потому что он скорее все свое войско потеряет и сам пропадет, нежели лезгинцев покорит»⁷⁹.

В итоге Надир вынужден был начать отступление. При этом иранские войска подвергались нападением горцев, которые и самого шаха «принуждали троекратно к обороне назад оборачиваться». «Надир отступал быстрым маршем, который по справедливости за побег причесть можно... ибо великое число в войске его хворые и пешие, имелись и тако же и те, у которых лошади были худы и за ним поспешить не могли, оставляя позади, все в руки неприятельские достались»⁸⁰. Сам шах со свитой чуть было не попал в плен к горцам. В этом походе шахские войска потеряли более 30 тыс. человек, более 33 тыс. лошадей и верблюдов, 79 пушек, большую часть вооружения и снаряжения.

Наконец, Надир дошел до Дербента. Но и здесь он не смог обеспечить войска продовольствием. «В лагере шахово во всем такой недостаток имеется,— пишет И. П. Калушкин,— что генеральный голод претерпевают, не меньше того и здесь, в Дербенте, в пищи крайнее оскуднение продолжается, ибо много людей от голода померло, и везде по улицам и паче в нижнем городе и за городом мертвые тела валяются, тако же и дорога отсюда до Шемахи оными устлана, между которыми и большая часть раненых».

В связи с этим в иранских войсках усилилось дезертирство. Однако Надир не оставил мысль любой ценой покорить Дагестан. Образовав недалеко от Дербента лагерь, который впоследствии получил название «Иран-хараб» (т. е. разорение Ирана), Надир стал совершать карательные экспедиции в Дагестан, разорял селения, уничтожал посевы, захватывал скот. Но и эти меры не принесли успеха. Всюду, где появлялись шахские войска, горцы давали достойный отпор, нанося им большой урон. Все кровопролитные бои и в 1742 г., и в начале 1743 г. кончались поражением шахских войск. Шахские отряды с большой неохотой углублялись в горы. Шахское войско, писал очевидец, «от лезгинцев так настрашено, что с великою боязнью в путь отправлялось»⁸¹. Учитывая все это, Надир пытался подкупом владетелей восстановить свое положение.

Однако ни щедрые подарки, ни деньги не дали результатов. Горцы продолжали партизанскую войну. Продолжительная война и голод истощили иранскую армию. Надир, по словам Д. Хэйнвея, «могущественный завоеватель, оказался в таком жалком состоянии, что остатки его разстроенного войска, доведенные до 20 тыс., должны были дезертировать или просто погибнуть»⁸².

Шах пытался закупить провиант на Северном Кавказе, но русское правительство запретило купцам привозить продовольствие к берегам Каспийского моря. Не без влияния России отказались продавать провиант иранцам калмыки и народы Северного Кавказа. Эти меры были на руку горцам, ибо отсутствие продовольствия еще более усугубляло крайне тяжелое положение шахских войск. Если бы не страх перед горцами, писал резидент В. Братищев, «все персидское войско разбежалось

бы в горы». Не популярна была эта война и в правящих кругах Ирана. Ближайшие к шаху «фавориты, военные командиры, статские люди» были недовольны продолжением войны и «только вид верности отдают». Все более становилась очевидной пагубность политики Надира. Говоря словами Братищева, «довольно показываются гнилые плоды действий его, что через два года ничего в дагестанской стороне достигнуть не мог, кроме что государство свое подорвал, народ истощил, войско растерял и остальное крайне изнурил»⁸³.

Вскоре и сам Надир убедился, что дальнейшее продолжение столь непопулярной в Иране войны с горцами Дагестана нежелательно. Поэтому в феврале 1743 г. Надир вывел свои войска из Дагестана. Но это еще не означало, что шах отказался от мысли покорить Дагестан. Этим он хотел получить лишь передышку, организовать на Мугани укрепленный лагерь, сосредоточить крупные военные силы и начать новое наступление на Дагестан. Однако надвигавшиеся военные действия против Османской империи и особенно освободительная борьба народов Закавказья отодвинули планы Надира.

Антииранское выступление в Ширване, возглавляемое Сефи-Мирзой, выдававшим себя за сына шаха — Хусейна, сефевиды, поддерживали правители Кумуха — Сурхай и его сын Магомед-хан, а также жители Кюри и Табасарана. Тогда же вспыхнуло восстание в Дербенте. В 1745 г. началось антииранское движение в Дагестане, и даже феодалы, принимавшие ранее сторону Надира, включились в эту борьбу. Шамхал Хасбулат тайно связался с комендантом Кизляра и добился принятия в русское подданство. Подданства России желали и жители других владений Дагестана. «Дербентцы и другие мещане и деревенские обыватели, — свидетельствует современник, — за особливую благодать признавать готовы, ежели бы Российской власти подчинены были». Кайтагский, мехтулинский, аварский владетели и горские старшины, доносил в 1743 г. князь В. В. Долгорукий Елизавете I, твердо решили стать вечными и верными подданными России. Даже сторонники шаха, владетели Дагестана (шамхал Хасбулат и др.), которые намеревались вместе с ним вторгнуться в русские владения, тайком просили, чтобы их приняли в русское подданство. А широкие народные массы, по словам В. Братищева, «с вожделенною радостию пришествия российских сил ожидали, в уповании якобы тем способом от тиранских надировских рук единожды избавиться» могли⁸⁴.

Важной помощью освободительному движению народов Дагестана была мужественная борьба народов Закавказья против иранских завоевателей, где их карательные отряды неоднократно были разбиты. Но Надир, не желая примириться с этим, в 1744 г. решил расправиться с антииранским движением Дагестана. В середине декабря во главе 30-тысячной армии он, миновав Шемаху, прибыл в Дербент, где его войска разорили окрестные селения и «несколько тысяч всякого скота забрали»⁸⁵. Часть шахских войск была направлена в шамхальство Тарковское. А вслед за этим Надир сварядил карательный поход в Нагорный Дагестан. И на этот раз, не добившись успеха, он был вынужден ответить свои войска в Южный Азербайджан.

В начале следующего, 1745 г. Надир вновь повел наступление на повстанцев Азербайджана. Ценой огромных усилий он сумел подавить антииранское движение в Шеки, а затем направился в Дагестан, занял Казикумух, где «никого не застал». Обозленный шах все «выжег, хлебы потолочил, сады порубил; да человек з десять тамошних горских жителей поймал, а протчие де все ушли в горы и ничего им более описанного

зделать не мог, и потом через сутки как и возвратился в лагерь, а из взятых в плен десять человек по их обыкновению иным глаза выколол, а других передавил»⁸⁶. Но неудачи ничему не научили «завоевателя вселенной». Он надеялся в будущем блокировать Дагестан «со всех сторон, так чтобы лишить горцев пропитания», чтобы они, «претерпевая крайний голод, сами добровольно... покорились»⁸⁷. Однако и эти планы не сбылись. 9 мая 1747 г. Надир был убит в результате дворцового заговора, а созданное им государство, представлявшее конгломерат народностей и племен, распалось.

4. Русско-турецкая война 1736—1739 гг. и народы Северного Кавказа

Кабарда в русско-турецко-крымских отношениях. В 30-х годах XVIII в. перед Россией стояли унаследованные от предыдущего столетия три крупные региональные внешнеполитические проблемы — балтийская, польская и черноморская. Особая заинтересованность ряда европейских и азиатских государств в этих вопросах превращала все эти проблемы в один запутанный клубок, мешая разрешению каждой из них. Так, из-за резкого расхождения с Россией по польскому вопросу Франция подогривала антирусские настроения, подстрекала султана на вооруженный конфликт, одновременно подталкивая Швецию и Польшу на войну против России. В годы «войны за польское наследство» (1733—1735 гг.) Османская империя была враждебна России. Двойственной была политика Швеции, так как определенная часть риксдага вынашивала планы реванша и пересмотра итогов Северной войны. Натянутыми были отношения с Данией из-за Шлезвига. Английская дипломатия, заинтересованная в обострении русско-турецких и русско-турецких отношений, мешала сближению России с Австрией и Францией против Османской империи.

Англии и Франции выгодно была изоляция России от рынков Ближнего Востока, и они всячески препятствовали урегулированию русско-турецких противоречий. Между тем Порты в ущерб жизненно важным экономическим и политическим интересам России продолжала безраздельно господствовать на Черном и Азовском морях и совершать грабительские набеги на ее земли. Черное море по-прежнему оставалось закрытым для России.

Вследствие такого положения в 30-х годах XVIII в. черноморская проблема, с которой также перешлеталась и каспийская, приобрела острый характер, но Россия не была подготовлена к войне с османами.

Предвидя в ближайшем будущем столкновения с Портой, русская дипломатия развила энергичную деятельность и в течение первой половины 30-х годов добилась сближения России с Англией и Данией, возобновления союза со Швецией, избрания благожелательного кандидата на польский престол и заключения Рештского (1732 г.) и Гянджинского (1735 г.) договоров с Ираном, согласно которым Россия возвращала все прикаспийские провинции Ирану, а он обязывался выступить против Порты в случае ее нападения на Россию. В итоге политико-дипломатическая ситуация была значительно смягчена в пользу России.

Зато весть о Рештском договоре насторожила Порту, и она решила форсировать осуществление давно задуманного плана: прогнать шаха из Закавказья, обогнуть будто клещами с запада и востока Главный Кавказский хребет и сомкнуть их на кабардинской равнине. Начались открытые осmano-крымские провокации против Кабарды и Дагестана.

Еще в 1730 г. султан Ахмед III низложил не справившегося с покорением Кабарды крымского хана Саадат-Гирея и на его место возвел известного захватническими вожделениями Каплан-Гирея. Обычно смена ханов в Крыму сопровождалась кровавыми распрями, так как разные ветви дома Гиреев враждовали из-за власти. На этот раз, опасаясь Каплан-Гирея, сын свергнутого хана Салих-Гирей бежал в Кабарду к своему тестю Ислам-беку Мисостову. С ним ушли ногаи и более 200 казаков⁸⁸, что послужило Крыму удобным поводом для вторжения в Кабарду.

Летом 1731 г. 7-тысячное крымское войско подступило к границам Кабарды и потребовало выслать беглого султана Салих-Гирея с ногаями, выдать убийц племянников хана Бахти-Гирея — Дели-Салтана и Шабат-Гирея-Салтана⁸⁹, а «за кровь двух Салтанов» дать выкуп из расчета по одному ясырю от каждого двора Большой Кабарды. По полученным данным, за этим отрядом войск шла еще «орда о двухстах тысячах с ханским сыном» во главе⁹⁰.

Однако кабардинцы не дрогнули перед грозным врагом, организовали оборону и одновременно обратились за помощью к русскому правительству.

10 сентября 1731 г. в Петербурге спешно был созван «Тайный совет» с участием императрицы Анны Иоанновны для обсуждения кабардинских дел. На совете было решено взять кабардинцев «под защиту России», а «есть ли есть нужда, — дать им пороху и свинцу с тремя пушками в помощь». Одновременно правительство Анны Иоанновны уполномочило своего резидента в Константинополе И. И. Неплюева заявить Порте энергичный протест и потребовать, чтобы «оныя орды не токмо возвращены были, но впредь бы заказано было никаких движений не чинить»⁹¹.

Позиция России по поводу нападения крымских войск оказала сильное впечатление в Османской империи, и султан приказал крымскому хану срочно отвести войска от границ Кабарды. Но вскоре верховный визирь заявил И. И. Неплюеву, что войска хана отозваны ошибочно, так как «обе Кабарды — Большая и Малая — суть турецкие, принадлежащие ханам крымским»⁹². Тогда русский резидент представил Порте копию с архивного документа о добровольном присоединении всей Кабарды к России еще в середине XVI в.⁹³

Таким образом, в самом начале 30-х годов XVIII в. кабардинский вопрос получил особую остроту. Какова же была позиция самих кабардинцев? Все симпатии народа и главы княжества Ислам-бека Мисостова склонялись к России, и это подтверждается всем ходом дальнейших событий.

В целях укрепления кабардино-русских связей, уточнения политического статуса Кабарды в составе Российской империи и возможной военной помощи перед лицом нависшей угрозы Мисостов в 1731 г. отправил в Петербург посольство Магомета Атажукина. Русское правительство вновь подтвердило Кабарде свое покровительство и заверило, что окажет военную помощь против общего врага⁹⁴.

Оттоманская Порта и зависимое от нее Крымское ханство делали все возможное, чтобы не допустить сближения Кабарды с Россией, и предлог для вмешательства во внутренние дела Кабарды был найден. В 1732 г., когда скончался старший князь Кабарды Мисостов, совет князей и узденей («хаса») избрал на его место «Татархан-бека — сына Бек-мурзы»⁹⁵.

По старшинству лет право княжения принадлежало князю Арслан-беку Кайтукину, находившемуся в изгнании в Крыму. Последний прибег к помощи Каплан-Гирея, который признал А. Кайтукина единственным

законным претендентом на княжение в Кабарде, и, по словам источника, хан ему «отдал все орды и черкес, живущих в горах... абазин» и с почетом отпустил его в Кабарду, чтобы привести ее в подданство Порты с помощью внушительной военной силы⁹⁶. В ответ на незаконные действия крымского хана русское правительство ввело свои войска в Кабарду.

К этому времени ирано-турецкая война вступила в новую фазу. Османы понесли огромные потери. Был заключен и Рештский договор. Перепуганная этими обстоятельствами Порта решила отправить Фети-Гирей-Салтана с войском в тыл шахских войск через Северный Кавказ. В связи с этим в апреле 1734 г. русский резидент в Константинополе «сильную протестацию чинил против проходу татар... в Персию через... Кабарду и Дагестан...», но протест был грубо отклонен. «Елико касается до Кабарды Большой и Малой,— заявил верховный визирь И. И. Неплюеву,— оныя де суть ханская. Того ради Россия мешатца не для чего, о чем вам, резиденту, неоднократно объявлено» и добавил: спорить, мол поздно, «татарские войска еще в марте... выступили в поход итти через Кабарду, Кумыкию и Дагестан к Ширвану»⁹⁷.

Османский отряд, однако, ничего не достиг. 11 июля 1734 г. в районе современного г. Грозного османо-крымские войска были атакованы русскими войсками. В ходе сражения татары были разбиты и обращены в бегство, оставив на поле боя 12 боевых знамен. Однако командующий русскими войсками князь Гессен-Гамбургский не только не закрепил одержанную на поле сражения победу, но неожиданно вернулся в крепость Святого Креста и тем самым позволил побежденным ограбить гребенские городки и забрать в плен сотни людей, после чего часть татар двинулась обратно в Крым, а другие ушли к Шемахе. Однако пленные и донской казачий отряд в 2 тыс. человек, окруженный татарами и калмыками, были освобождены кабардинцами во главе с Магомедом Кургокиным⁹⁸.

В этих условиях Османская империя поспешила покончить с иранской войной и укрепиться на Северном Кавказе. Это создало новую напряженность на Северном Кавказе. Уже с 1734 г. Порта и Россия находились на грани войны, а в следующем, 1735 г. султан распорядился двинуть крымские войска в Кабарду. Именно бесцеремонное вторжение крымских войск в Кабарду положило начало русско-турецкой войне 1736—1739 гг.

Участие кабардинцев в военных действиях русских войск. Новый русский резидент А. А. Вишняков сообщал из Константинополя, что 15 мая 1735 г. крымский хан Каплан-Гирей выступил в поход с 60-тысячным войском и легкой артиллерией⁹⁹. В надежде поднять горцев Северного Кавказа на борьбу с Россией он рассылал ко всем народам Северного Кавказа «призывные письма». В одном из таких писем, направленном в Чечню, говорилось: «Почтенный Айдемир-бек, прочие военные люди и весь чеченский народ, мы, благодаря богу, с правоверным войском из Крыма выступили и намерение имеем итти в ваши края... По прибытии близ Кубани богомольца нашего Хаджи-Сулеймана в вашу сторону отправили. И когда оной к вам прибудет и словесно наш приказ выслушаете, тогда имеете во всякой предосторожности и готовности пребывать и нашего прибытия ожидать»¹⁰⁰.

В середине августа 1735 г. Каплан-Гирей, увеличив свои силы до 80 тыс. человек, перешел р. Лабу и на исходе месяца оккупировал Кабарду. Кабардинцы хотя и обязались «по 100 всадников с одним князем» во главе выставлять от каждого княжества¹⁰¹, но фактически не дали

хану ни одного всадника, так как все это было своего рода дипломатическим ходом, согласованным с командующим на Кавказе В. Я. Левашовым.

В тех конкретно-исторических условиях, сложившихся к моменту вторжения крымцев на Северный Кавказ, план генерала В. Я. Левашова — воздержаться от военных действий с противником, а кабардинцев склонить формально признать протекторат Крыма — был правильным тактическим решением, ибо противник намного превосходил на Кавказе силы России вместе с кабардинцами и рассчитывать на успех на поле боя не приходилось. Необходимо было во что бы то ни стало ослабить военную мощь крымского хана. В связи с этим возникла необходимость вернуть из Крыма наследника калмыцкого хана Дондук Омба. Известно, что он с 1721 г. находился в Крыму со своим улусом в качестве вассала и исполнял почти во всех военных операциях хана. В 1735 г., учитывая это, кабардинские князья М. Кургокин и К. Атажукин, используя свое родство с ним, уговорили Омба вернуться в пределы России. Вскоре он был избран калмыцким ханом и принял участие в начавшейся войне во главе более чем 20 тыс. всадников¹⁰². Эти заслуги кабардинских князей были высоко оценены русским правительством.

6 октября 1735 г. 40-тысячное русское войско под командованием В. Леонтьева двинулось в Крым, держа курс на Перекоп. Хотя из-за погодных условий экспедиция и не достигла цели, но следствием ее оказалось успешное возвращение Каплан-Гирея из Ирана.

13 апреля 1736 г. императрица Анна Иоанновна призвала кабардинцев подняться на борьбу с общим врагом. Кабардинцы изъявили полную готовность вступить в войну на стороне России. Даже враждовавшие между собой князья помирились и ответили царице: «мы на того неприятеля будем наступать сами неприятельски и в том свой живот не пожалеем»¹⁰³.

Почти одновременно с грамотой российской императрицы в Кабарду прибыл посланец Крыма Айдемир-мурза с письмом от Каплан-Гирея, в котором хан выражал полную надежду, что кабардинцы, согласно данной ему в 1735 г. присяге, поднимутся на борьбу против России. На письмо был дан весьма уклончивый ответ: «Ныне русские сильны калмыками, для того мы к ним и перешли... А ежели вы будете сильны против них, то и мы будем ваши»¹⁰⁴.

Хотя происшедшее в Крыму в 1735 г. событие и было фактически началом русско-турецкой войны, но формально она была объявлена весной 1736 г. В этой войне Россия добивалась отмены Прутского договора 1711 г., выхода в Черное море и обеспечения безопасности своих южных рубежей.

Военные действия начались одновременно в Крыму, Приазовье и на Кубани. 15 мая генерал-фельдмаршал Б.-Х. Миних повел свою армию на Перекоп. Другая армия под командованием генерал-фельдмаршала П. П. Ласси осадила Азов, а на Кубань двинулись Дондук Омба с калмыками, кабардинцы и терские казаки. Общее наблюдение за этими иррегулярными войсками возложено было на атамана Войска Донского Данила Ефремова с подчинением его генералу П. П. Ласси. На Кубани и в Приазовье кочевали многочисленные ногайские племена, подвластные Крыму, с общим населением более полумиллиона человек. Они могли создать серьезную угрозу войскам, осаждавшим Азов. Чтобы прикрыть эту осаду и предупредить возможность появления войск противника из Прикубанья, необходимо было держать в этом районе силы, способные отвлечь их натиск.

24 марта 1736 г. генерал В. Я. Левашов повел к Азову войско из Прикаспия. С ним ушли два конных отряда: один из Большой Кабарды под командой кн. Мисоста Кургокина, а другой — из Малой Кабарды во главе с кн. Кильчукой; оба отряда участвовали во взятии крепости Азов. Третий отряд в полторы тысячи всадников действовал на Кубани. Четвертый — из 600 конных — соединился с калмыками Дондука Омбы.

Первая встреча с противником на Кубани произошла 3 мая 1736 г. Ногаи Салтан-Улу «без жен и детей, военных людей более 10 000 человек» заслонили путь наступающим войскам. Как доносили Д. Ефремов, «в короткой схватке кубанские татары Салтан-Улу были побеждены войсками кабардинцев и калмыков»¹⁰⁵. Но победа оказалась неполной. Ногаи прикинулись нейтральными и начали переговоры об условиях перехода в подданство России. Ранее они были русско-подданными, но непосредственно подчинялись калмыкам, которым платили дань и лишь потом ушли на Кубань под покровительство Крыма. На этом основании Дондук Омба требовал, чтобы ногаи перекочевали к Волге и возобновили выплату дани.

Пока велись переговоры, к Салтан-Улу подоспел на помощь отряд Навруз-Улу. Они укрепились в труднодоступных местах и прервали переговоры. Двинуться дальше, имея в тылу такое количество неприятеля, было опасно. Брошенные на приступ против ногаев семейские терские казаки и «охочены» с уроном отступили.

Тогда атаман Д. Ефремов обратился к кабардинскому князю М. Кургокину, чтобы он послал свой отряд на штурм ногайских укреплений. Однако М. Кургокин и К. Атажукин «вызвались уладить дело без крови». В сопровождении своих узденей, калмыцких зайсангов, знатных казаков, они прошли в стан ногаев и уладили конфликт. По этому поводу Д. Ефремов писал, что «ония татары от вышеописанных кабардинских владельцев... в подданство е. и. в. склонились», выдали в качестве заложников «500 всадников из самых знатных мурз» с условием: по окончании войны «туркам их не выдавать» и разрешить кочевать близ Кабарды. Соблюдать эти условия присягу дали кабардинские князья, присутствовавшие при этом калмыцкие зайсанги и казаки¹⁰⁶.

Сильное ногайское племя Навруз-Улу, в котором насчитывалось более 15 тысяч человек, решило не сдаваться. Ногаи расположились в труднодоступных местах, надежно укрыли жен, детей, скот, построили искусственные укрепления и решили оказать сопротивление. 10 дней длилось сражение. Жертвы были с обеих сторон, но на 11-й день ногайцы вынуждены были запросить мира, перейти в подданство России и выделить 2-тысячный отряд для участия в войне против Османской империи и Крымского ханства¹⁰⁷.

Важнейшим итогом кампании 1736 г. на Кубани было обеспечение спокойного развития азовской операции. Д. Ефремов восторженно рапортовал об этом главнокомандующему: «Ныне кубанским татарам не токмо к сикурсу Азова дороги пересекаютца, но самим приходит до того, где б себя скрыть могли»¹⁰⁸. В правительственных кругах Петербурга высоко оценили ход военных действий на Кубани. Русский дипломат М. П. Бестужев даже осведомил шведского короля о победах над кубанцами как значительном успехе русского оружия¹⁰⁹.

Тем временем на основных участках войны русские нанесли мощный удар по Крыму. К концу мая 1736 г. армия Б.-Х. Миниха приступом овладела Перекопом. Вслед за ним пали Вахчисарай, Акмечеть и Кинбурн. 20 июня П. П. Ласси взял османскую цитадель на Азове¹¹⁰. Эти события имели большой международный резонанс. Прежде всего фран-

дузская дипломатия, не скупясь на посулы, подстрекала Османскую империю и Швецию против России. Появились и явные симптомы турецко-шведского сближения.

Под влиянием одержанных Россией побед Австрия стала сговорчивее. 5 января 1737 г. была подписана Венская конвенция, которая оформила союз Австрии, России, Польши и Венеции против Порты. И все же Россия не хотела продолжать войну ввиду серьезных внутренних затруднений. Правительство Анны Иоанновны, отказавшись от планов Б.-Х. Миниха относительно широких территориальных приобретений, желало на весьма умеренных условиях заключить мир. И Порта была истощена иранской войной и внутренними неурядицами, но, подстрекаемая Францией, отказалась от переговоров, поэтому, несмотря на плохое снабжение армии и растянутость ее коммуникаций, Россия была вынуждена продолжать войну.

Кампания началась успешно. 2 июня 1737 г. русские войска приступом овладели крепостью Очаков и отрезали сообщение Порты с Крымом по суше. Другая русская армия вступила в Крым через Перекоп, Сиваш и нанесла поражение хану.

Вскоре Австрия вступила в войну и захватила принадлежащую османам крепость Нисса. Эти события встревожили Оттоманскую империю. Султан решил начать переговоры. 5 августа 1737 г. в Немирове открылся мирный конгресс. Русская делегация потребовала Крым, Кубань и прибрежные земли до Дуная, а для Молдавии и Валахии — независимость под покровительством России. Австрийская сторона неожиданно и вопреки Венской конвенции предъявила претензии на Дунайские княжества, на что Россия не согласилась. Порта, видя противоречия между союзниками, отказалась уступить Очаков России. Таким образом, занятые Австрией на конгрессе позиции и враждебная деятельность французской дипломатии сорвали переговоры о мире.

Не лучше обстояли дела и на кавказском направлении. В 1737 г. в Кабарде вспыхнула эпидемия чумы. Гвардии капитан А. Лопухин, на которого была возложена организация кампании 1737 г., побоялся ехать в чумную область, и связь с Кабардой была прервана. Порта этим воспользовалась для засылки своих эмиссаров на Кубань с письмами султана и хана. Вслед за ними прибыл султан Фети-Гирей для подготовки «сильного сикурса» по Азову¹¹. Опираясь на крупную ногайскую орду мурзы Мусы и остатки племен Навруз-Улу, султан стал угрожать Кабарде. Охваченная чумой Кабарда оборонялась от них все лето и осень 1737 г.

Белградский мирный договор. Затянувшаяся война была непопулярна ни в Османской империи, ни в России. В 1738 г. к большим трудностям, испытываемым армией и правительством Анны Иоанновны, прибавился ряд серьезных проблем внутривосточного и международного характера. Поэтому русское правительство, стремясь найти выход из войны без ущерба своему международному престижу, склонялось к мирным переговорам, даже на условиях вывода своих войск из Очакова.

В то же время Россия оставалась союзницей Австрии, чьи войска находились в самом плачевном состоянии. Именно по ее просьбе в июне 1738 г. армия Б.-Х. Миниха начала наступление на Днестре.

В течение лета 1738 г. союзники нанесли ряд поражений противнику, которые, однако, не дали существенных результатов. В сентябре Б.-Х. Миних отвел свои войска к русским рубежам на Украине, оставив Очаков и Кинбурн. В связи с этим другой части русской армии ничего не оставалось, как уйти из Крыма.

Неудачи военной кампании 1738 г. были обусловлены серьезными причинами. Эпидемия чумы уносила массы людей в союзнических армиях. Между двумя генерал-фельдмаршалами Б.-Х. Минихом и П. П. Ласки не было согласия. Внутри страны нарастало недовольство русского дворянства засильем иностранцев. Франция, которая взяла на себя посредничество в переговорах между воюющими странами, делала все, чтобы сорвать переговоры и организовать нападение Швеции на Россию. Реваншисты, одержавшие победу на выборах шведского законодательного органа, открыто готовились к вооруженному конфликту. Четко обозначилось турецко-шведское сближение. И, наконец, Австрия не была в состоянии продолжать войну и вела закулисные переговоры о сепаратном мире.

Неудачи на основных театрах войны отразились на положении в Прикубанье. В 1736 г. из-за «морного поветрия» русское командование не посыпало туда ни казаков, ни калмыков. С весны 1738 г. два кабардинских князя — М. Кургокин и К. Алеев — сдерживали натиск крупной ногайской орды мурзы Мусы с остатками наврузовцев и западных адыгов. Дондук Омба с калмыками и на этот раз пришел им на помощь. Ногаи потерпели поражение, сложили оружие, признали подданство России, выдали аманатов и перекочевали на земли, контролируемые Россией.

Важным событием кампании 1738 г. было возвращение абазинцев в Кабарду, насильственно переселенных еще в 1721—1722 гг. ханом Саадат-Гиреем. Русское правительство по достоинству оценило это событие, и сама императрица поздравила кабардинцев с одержанной победой над врагом¹¹².

Весной 1739 г. кабардинцы с добровольно к ним присоединившимися калмыками совершили поход на Кубань. Ими руководил А. Кайтукин. В декабре он писал Анне Ивановне, что с «калмаским ханом» Омба «ходили за реку Лабу. И на вершину реки Хевз ходили. Пять тысяч безланейских аулов, да бегбайских две тысячи аулов взяли...»¹¹³.

Летом 1739 г. последовало нападение на Кабарду со стороны Крыма. А. Кайтукин сообщал, что «крымские войска Фети-Гирей-салтана... да кубанские татары сераскира Казы-Гирей-салтана купно с темиргоевскими черкасы» напали на летние пастбища кабардинцев и угнали «двести тысяч овец, семь тысяч коров... и взяли в полон пятьсот душ»¹¹⁴.

По предписанию русского правительства калмыки пришли на помощь кабардинцам. 20 августа 1739 г. А. Кайтукин повел объединенные силы кабардинцев и калмыков на противника, который был достигнут на р. Лабе. Крымскими войсками командовал Казы-Гирей-салтан. Он занимал укрепленную позицию и намеревался лишь обороняться, но, когда он увидел численное превосходство своего войска, перешел в наступление. Как передает в своем донесении А. Кайтукин, «тех татар разбили и прогнали. Много до смерти побито... и в полон взято... а салтана Казы-Гирей раненого до смерти побили ж...»¹¹⁵.

На основном фронте 1739 год был ознаменован крупными победами русского оружия. 17 августа в битве под Ставучанами османы были разбиты и обращены в паническое бегство, после чего крепость Хотин сдалась без боя и русские войска вступили в Молдавию.

Эти успехи позволили России потребовать на переговорах о мире Азов, Очаков и Кинбурн. Но в это время, 1 сентября 1739 г., Австрия заключила сепаратный мир с Османской империей ценой больших уступок. Вопрос о заключении военного союза между Портой и Швецией в принципе был решен, о чем в Петербурге знали хорошо. В том же году Франция ввела в Балтийское море 5 военных кораблей. 10 октября 6-тысячное шведское войско было переброшено в Финляндию.

В такой обстановке правительство Анны Иоанновны отвергло планы о продолжении военных действий и 18(29) сентября 1739 г. ратифицировало Белградский мирный трактат¹¹⁶.

Условия Белградского мира далеко не соответствовали успехам русских войск. Россия не получила ни выхода в Черное море, ни права держать на нем свой флот. Даже штурмом взятый Азов был объявлен с его окрестностями нейтральной зоной. Более того, Кабарда, официально находившаяся под покровительством России и воевавшая все три года на стороне России, была отторгнута от нее согласно шестому пункту Белградского мира. «О обеих Кабардах — говорится в нем, — т. е. Большой и Малой — и кабардинском народе со обеих сторон согласенность, чтобы быть тем Кабардам вольными и не быть под владением ни одной, ни другой империи, а токмо за барьеру между обеими империями служить имеют. И что от другой стороны Блистательной Порты туркам и татарам в оныя не вступать и оных не беспокоивать також и от Всероссийской империи оныя в покое оставлены будут. Но что, однакож, по древнему обыкновению браны будут во Всероссийскую империю от них, кабардинцев, для спокойного их пребывания аманаты. Оттоманской Порте также позволяется для такой же притчины брать от них таких же аманатов. А ежели помянутые кабардинцы притчину жалобы подадут одной или другой державе, каждой позволяется наказать».

Предоставленная Кабарде «независимость» была простой фикцией, рассчитанной на реванш в будущем. Русско-турецкое соперничество из-за Кабарды не прекратилось. Прямым следствием этого было обострение распрей, усугубление раскола, завершившееся в 1753 г. официальным разделом Большой Кабарды на два самостоятельных владения¹¹⁷.

Как отмечалось, русское правительство перед войной ставило скромную цель — возвращение Азова, приобретение выхода в Черное море и обеспечение безопасности своих южных границ. Война 1736—1739 гг. не разрешила поставленных задач полностью, но она показала всему миру, что османские войска не могут впредь вторгаться в пределы России безнаказанно.

¹ ЦГАДА. Ф. Турецкие дела. 1704 г. Д. 9. Л. 3.

² КРО. М., 1957. Т. 2. С. 4, 5.

³ П и Б. М., 1950, Т. 9. Вып. 2. С. 688—689.

⁴ КРО. Т. 2. С. 6.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ *Мухаммед Хасан-хан. Тарихи Мунтазами Насири. Тегеран, 1892. Т. 2. С. 229. На перс. яз.*

⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 35. Ч. 1. Л. 51.

¹⁰ ЦГАДА. Ф. Персидские дела. 1719 г. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 3.

¹¹ РДО. Махачкала, 1958. С. 225, 226.

¹² Там же. С. 234.

¹³ КРО. Т. 2. С. 22.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ КРО. Т. 2. С. 31.

¹⁶ УЗ ИИЯЛ ДФАН. Махачкала, 1963. Т. 11. С. 128.

¹⁷ ЦГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. 2. Кн. 54. Л. 645—646.

¹⁸ Вестник Европы, 1868. Т. 2. С. 172.

¹⁹ ЦГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. 2. Кн. 54. Л. 641.

²⁰ РДО. С. 240, 241.

²¹ ЦГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. 1. Кн. 54. Л. 667.

²² РДО. Сб. документов. Махачкала, 1958/Сост. Р. Г. Маршаев. С. 240—243.

²³ КРО. Т. 2. С. 35.

²⁴ АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722 г. Л. 4, 41.

²⁵ ЦГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. 1. Кн. 30. Л. 75.

²⁶ Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 49. С. 93.

²⁷ КРО. Т. 2. С. 20, 30, 31; РДО. С. 230—243.

²⁸ АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722 г. Д. 4. Л. 41.

²⁹ Там же. Л. 33; РДО. С. 244—246.

³⁰ АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722 г. Д. 6. Ч. 2. Л. 139; Очерки истории СССР: Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 606.

³¹ *Бутков П. Г. Материалы по новой*

- истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Т. 1. С. 21—23.
- 32 ЦГАДА. Ф. Сношения России с Персией. 1723 г. Д. 17. Л. 620.
- 33 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1722 г. Оп. 77/1. Д. 18. Л. 37, 67.
- 34 ЦГАДА. Ф. Кабинет Петра I. Отд. 1. Кн. 30. Л. 218—224.
- 35 *Гаджиев В. Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 113.
- 36 Походный журнал имп. Петра I за 1722 г. С. 64 // *Лысков В. П.* Персидский поход Петра I 1722—1723 гг. М., 1951. С. 153—154.
- 37 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722 г. Д. 4. Л. 11.
- 38 Русский архив. 1888. Т. 1. С. 372.
- 39 АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. 1722 г. Д. 6. Ч. 1. Л. 234.
- 40 ЦГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 30. Л. 368.
- 41 *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 53, 88.
- 42 Хроника войн Джара. Баку, 1931. С. 12.
- 43 ИГЭД. Махачкала, 1958. С. 103.
- 44 Там же.
- 45 КРО. Т. 2. С. 37—40; РДО. С. 281, 282.
- 46 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 955.
- 47 *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 84.
- 48 *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 7. С. 955.
- 49 *Гаджиев В. Г.* «Дербент-наме» Мирва Хайдара Визирова // ВИД. Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 291, 292.
- 50 РДО. С. 270.
- 51 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1723 г. Д. 6. Л. 58.
- 52 Там же.
- 53 Там же. 1730 г. Д. 2. Л. 30.
- 54 Там же. 1731 г. Д. 8. Л. 194.
- 55 Там же. Д. 7. Л. 371.
- 56 Там же. Л. 479.
- 57 Там же. Л. 13.
- 58 *Алкадари Г.* Асари-Дагестан. Махачкала, 1926.
- 59 *Hantzer.* Histoire de l'empire Ottoman depuis son origine jusqu'à nos jours... Р., 1839. Т. 15. Р. 485.
- 60 *Алкадари Г.* Указ. соч. С. 74.
- 61 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1735 г. Д. 6. Л. 7—8, 39.
- 62 Там же. 1736 г. Д. 8. Л. 410.
- 63 Хроника войн Джара. С. 27.
- 64 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1738 г. Д. 7. Л. 755.
- 65 Там же. Д. 3. Л. 32.
- 66 *Алкадари Г.* Указ. соч. С. 79.
- 67 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741 г. Д. 7. Л. 181.
- 68 ЦГА ДАССР. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 10, 11.
- 69 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741 г. Д. 7. Л. 227.
- 70 Там же. Л. 299.
- 71 *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 223.
- 72 ЦГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 65. Л. 25.
- 73 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741 г. Д. 7. Л. 285, 286.
- 74 Там же. Д. 3. Л. 13.
- 75 *Бутков П. Г.* Указ. соч. Ч. 1. С. 223.
- 76 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741 г. Д. 7. Л. 282.
- 77 Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 96. С. 579.
- 78 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741 г. Д. 7. Л. 318. Намек на убитого Ибрагим-хана.— Авт.
- 79 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1741 г. Д. 7. Л. 318.
- 80 Там же. Л. 410.
- 81 Там же. Л. 441, 470, 471.
- 82 [*Hanway J.*] Herrn Jonas Hanway ruverlaessige beschreibung seiner Reisen... Leipzig, 1754. S. 409.
- 83 Русский архив. 1839. Т. 3. С. 373, 381.
- 84 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1743 г. Д. 7. Л. 143.
- 85 ЦГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 8. Л. 29.
- 86 Там же. Д. 6. Л. 52.
- 87 АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1744 г. Д. 4. Л. 226.
- 88 АВПР. Ф. Кабардинские дела. 1730—1733 гг. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.
- 89 Бахмы-Гирей и Шабат-Гирей были зарублены Ислам-беком Мисостовым в 1729 г. во время грабительского нападения на Кабарду.— Авт.
- 90 АВПР. Ф. Кабардинские дела. 1730—1733 гг. Оп. 1. Д. 1. Л. 7—8; 1731 г. Д. 1. Л. 13—14, 14 об.
- 91 Там же. 1731 г. Д. 1. Л. 13—14, 14 об.
- 92 Там же. Л. 23.
- 93 КРО. Т. 2. С. 146—147.
- 94 Там же. С. 69—71.
- 95 Там же. С. 65.
- 96 АВПР. Ф. Кабардинские дела. 1731—1733 гг. Оп. 1. Д. 1. Л. 13 об.
- 97 Там же. Л. 8—9.
- 98 Там же. Л. 45 об.
- 99 ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 45. Л. 47.
- 100 Л. 92.
- 101 АВПР. Ф. Кабардинские дела. 1736 г. Д. 1. Л. 1, 2, 6.
- 102 Там же. 1734 г. Д. 2. Л. 4, 5; Д. 3. Л. 1, 2, 20—21.
- 103 Там же. 1737 г. Д. 3. Л. 4, 4 об.
- 104 Там же. Д. 2. Л. 11.
- 105 ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 47. Л. 13, 15—17.
- 106 Там же. Л. 15, 16.
- 107 Там же. Л. 21.
- 108 Там же. Л. 17.
- 109 *Некрасов Г. А.* Роль России в европейской международной политике, 1725—1739 гг. М., 1976. С. 252.
- 110 Там же. С. 245—247.
- 111 ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 47. Л. 25—27.
- 112 КРО. Т. 2. С. 97.
- 113 АВПР. Ф. Кабардинские дела. 1739 г. Д. 1. Л. 15.
- 114 Там же. Л. 24—25.
- 115 ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 47. Л. 90.
- 116 ПСЗ-I. СПб., 1835. Т. 10. С. 899—904.
- 117 АВПР. Ф. Кабардинские дела. Оп. 1. 1753 г. Д. 7. Л. 220—234.

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.1. Процесс присоединения
северокавказских народов к России

Укрепление политических связей народов Северного Кавказа с Россией. Белградский мирный договор 1739 г., объявивший Кабарду нейтральным «барьером» между Турцией и Россией, серьезно осложнил внешнеполитическое положение народов Северного Кавказа. Нарушая условия договора, султан активизировал свои действия, направленные на овладение Северным Кавказом. В 40—50-х годах XVIII в. османы совершали разорительные набеги на Северо-Западный Кавказ, добываясь у адыгских народов дани и политического вассалитета. Активизировались и крымские ханы. Набеги османов и крымских татар сопровождались насильственным насаждением среди горцев мусульманства. Увеличивая размеры дани (взимаемой пленниками и лошадьми у отдельных адыгских племен), они стремились установить свое господство и в других районах Северного Кавказа. Крымские ханы, свидетельствует К. Пейсонель, «делали безуспешные попытки к полному покорению этих народов»¹.

В то же время на Восточном Кавказе, как отмечалось выше, полчища огромной армии шаха Надира стремились покорить Дагестан и расширить агрессию на север.

В этих крайне тяжелых условиях среди горцев Северного Кавказа росла и укреплялась политическая ориентация на Россию. Покровительство России для народов Северного Кавказа становилось практической необходимостью. Вместе с тем немалую роль в укреплении русско-кавказских отношений играл постоянный, крайне полезный для горцев рост торгово-экономических связей.

В начале 40-х годов XVIII в., как указывалось выше, от владетелей Дагестана — шамхала, удмия, майсума, ханов Аварии (Мехтули и других) — в Петербург прибыло несколько посольств с просьбой принять их под покровительство России². В 1744 г. Костиковский владетель Алиша Хамзин обещал императрице Елизавете Петровне и ее наследникам «верным, добрым и послушным подданным быть, и везде, и всегда е. и. в. верно и прилежно, по крайней моей силе и возможности, и от всяких противных случаев интересы е. и. в. предостерегать и оборонять»³. Еще раньше, в 1742 г., в Петербург прибыла депутация кабардинских князей, возглавляемая Мухаммедом Садыковым, с просьбой о защите от набегов крымских ханов. В ответ русские власти заверили кабардинцев, что они не будут оставлены «без защищения», и отправили в Кабарду солдат под начальством бригадира П. Кольцова. В те же годы чеченские сельские общества добились русского покровительства и в знак верности присягнули России, а в залог послали аманатов⁴.

В 1743 г. «начальный чеченский владелец Айдемир» заверил кавказскую администрацию в своей верности и обещал в случае приближения неприятеля выступить против него. Русское правительство, боясь осложнения международных отношений, официально не объявляло о присоединении владений Северного Кавказа, хотя и оказывало им помощь и поддержку. И не случайно, когда «кубанский сераскир пришел с войском...

к кабардинским деревням» и потребовал от них дань, то те отказались, заявив, что «они подданные российские».

По этой же причине бесленевцы, абазинцы и ногоайцы не были отнесены к числу народов, «крымского хана точно» подданных⁵. В 1747 г. от Крыма «отложились темиргойцы, абазыкеи, бжедухи, сапсыхи, убыхи» и, объединившись с другими народами, готовы были оказать сопротивление хану⁶. В том же году русское правительство разрешило принимать осетин и ингушей в подданство России. В 1748 г. астраханский губернатор Брилкин разрешил «чеченцам и гребенчуковцам» переселиться «на чистые места».

В 1747—1749 гг. решением Коллегии иностранных дел как подданным России было установлено годовое жалованье Асланбеку Айдемирову, Али-беку и Али-султану Кабулатовым, Турлову и тридцати «узденям чеченским»⁷. Брагунские же владельцы «по примеру своих предков постоянно придерживались стороны российской»⁸.

Сближение народов Северного Кавказа с Россией шло вразрез с планами и намерениями правящих кругов Порты и Крымского ханства. Они всевозможными средствами, в том числе и вооруженной силой, пытались помешать укреплению дружеских отношений горских народов Северного Кавказа с русским народом. Этим, пожалуй, и объяснялась причина предпринятого крымским ханом похода 12-тысячного войска на Северо-Западный Кавказ. Однако все попытки, предпринимаемые Портой и крымским ханом, не достигали своей цели.

В 1749—1752 гг. в Петербург прибыло осетинское посольство, которым руководили З. Элиханов и другие известные общественные и политические деятели Осетии XVIII в.⁹

В Петербурге они вели переговоры по самым различным вопросам, но основной задачей посольства был вопрос о присоединении Осетии к России. Добываясь положительного разрешения этого сложного в тех условиях вопроса, посольство, со своей стороны, уверяло, что Осетия готова при необходимости выставить 30-тысячную армию для участия в войнах против султана и шаха.

Переговоры завершились тем, что предгорная равнина Центрального Кавказа, бассейн рек Ардон и Фиагдон признавались русским правительством землями «вольными и свободными». Переселение осетин в эти районы поддерживалось русским правительством. Была достигнута договоренность о торговле: осетинам разрешалось приезжать в Кизляр и Астрахань и вести беспощипинную торговлю.

Со своей стороны, члены посольства обещали, что Осетия, как и раньше, будет держаться «российской стороны». Они обязывались поощрять свой народ к «принятию святого крещения» и склонять его быть доброжелательным к российской стороне.

В середине XVIII в. подданство России подтвердили и другие владельцы Северного Кавказа. В 1750—1751 гг. шамхал тарковский Хасбулат «искал русского покровительства». В 1753 г. владетель Аварии Магомед-Муса-хан и Сурхай-хан Казикумухский просили о принятии их «с подвластными в русское подданство»¹⁰. В 1756 г. собравшиеся от предгорных ингушей в присутствии игумена Григория «все старшины и протчий народ учинил е. и. в. подданству... присягу и просили чтоб под протекцию е. и. в. приняты были, исчисляемы как состоящие в российском подданстве чеченцы»¹¹.

Это, однако, не означало, что все жители Северного Кавказа ориентировались на Россию. Имелись и такие, которые придерживались протурецкой ориентации. К их числу относились представители местного му-

сульманского духовенства и часть феодалов, которые поддерживали торгово-экономические связи и обращались за помощью к Порте. Так, андереевский владетель, резиденция которого являлась центром работорговли на Северо-Восточном Кавказе, посылал к крымскому хану и к турецкому султану письма с просьбой прислать военную помощь для взятия Дербента и Баку. Точно такую же политику вели некоторые феодалы Северо-Западного Кавказа, связанные торговлей рабами с Крымом и Портой.

Общеизвестно, что в середине XVIII в. на Северном Кавказе очень часто вспыхивали междоусобицы. Причем каждая из борющихся сторон обращалась к России за помощью и поддержкой. Но стоило кавказскому командованию поддержать одну из группировок, как другая начинала искать поддержки у Порты и Крыма. Так было в Кабарде в период борьбы между кашкатавской и баксанской фамильными группами. Учитывая, что поддержка кашкатавской фамилии русскими властями может вызвать недовольство Порты, государственный канцлер И. П. Бестужев-Рюмин обратился к кабардинским владетелям кашкатавской группы с требованием прекратить борьбу. Поддержка и помощь русского правительства Каргли-Кахетинскому царству вызывали недовольство феодальных владетелей Дагестана и всего Восточного Кавказа. Они старались вызвать возмущение и поднять против России народные массы. Так было весной 1758 г. Некоторые феодалы Чечено-Ингушетии пытались организовать антирусское выступление, но безуспешно, ибо, по словам современника, «чеченцы ... войне быть не желают, токмо же желают быть в смиреннии и подданстве»¹².

Все это, однако, не меняло характера русско-северокавказских отношений. Более тесными стали отношения шамхала тарковского и владетелей Засулакской Кумыкии Дагестана с Россией. В 1764 г. еще более укрепили связи с Россией владетели нагорного Дагестана: ханы Казикумухский, Аварский¹³ и др. В 1762 г. в Кизляр прибыло ингушское посольство с целью добиться принятия в подданство России Ингушетии. С этого времени кавказские власти считали, что ингуши «ни турецкой, ни персидской державам не подвластны... и России принадлежали»¹⁴.

В 50—80-х годах XVIII в. русско-осетинские отношения стали разносторонними по характеру. Вместе с политическими вопросами решались и экономические задачи. Одним из важнейших был вопрос о переселении осетин на русскую пограничную линию. Согласно указу Екатерины II (1762 г.)¹⁵, осетины и ингуши получили право переселяться с гор и поселяться в урочище Моздок и Мекень, так как эти места «принадлежат бесспорно к здешним границам и к поселению удобные».

В 1763 г. русское правительство приступило к проведению в жизнь этого указа: началось переселение горцев в урочище Моздок. Одновременно велось строительство крепости Моздок и укрепленной линии. Была создана горская моздокская команда из крещеных горцев.

Уже в 1764 г. в Моздоке поселилось 200 душ мужского и женского пола, преимущественно из осетин и кабардинцев. В последующие годы число горских переселенцев быстро возрастало. Русское правительство, которое всячески поощряло переселение горцев, предоставляло им деньги и земельные участки.

Большую часть переселенцев составляли зависимые крестьяне. Указом 1762 г. предоставлялись им «вольности» при условии принятия христианства. Это сделало Моздок притягательной силой для угнетенных крестьян.

В 60-х годах XIX в. Россия наряду с укреплением военно-политических позиций приступила к практическому осуществлению на Северном Кавказе своих экономических планов.

В 1768 г. русским правительством была снаряжена в Осетию экспедиция во главе со Степаном Ванявиным. После тщательных исследований члены экспедиции пришли к твердому убеждению о наличии здесь богатых свинцовых и серебряных рудных месторождений и даже золота, запасы которого, по их мнению, были весьма значительными. В ноябре того же года руководитель экспедиции доложил в Петербург лично Екатерине II о рудных месторождениях Осетии.

Первая русско-турецкая война и народы Северного Кавказа. Во второй половине XVIII в. обострилась борьба России с Османской империей за решение черноморской проблемы. Это было связано с изменением внешнеполитического курса названных государств, определявшегося их социально-экономическим развитием и внутренней политикой господствующих классов.

В России в этот период шло одновременное развитие феодальных и капиталистических производственных отношений, поскольку резервы феодализма еще не были исчерпаны. Выросло производство сельскохозяйственной продукции за счет усиления эксплуатации крестьян и расширения посевных площадей. Мелкотоварное производство перерастало в мануфактурное. Развитие земледелия, промышленности способствовало интенсивному общественному разделению труда. Все это стимулировало рост внутренней и внешней торговли.

Стремление помещиков к расширению своих земельных владений, необходимость в свободном выходе к Черному морю для вывоза сельскохозяйственной продукции и потребность в обороне южных границ от агрессивных нападений крымских татар заставили царское правительство во второй половине XVIII в. выдвинуть на первый план внешней политики черноморскую проблему, звеньями которой были крымский и кавказский вопросы. Вместе с тем царское правительство стремилось активными действиями на международной арене укрепить свой престиж в глазах дворянства и отвлечь внимание народных масс от классовой борьбы.

В это время традиционная агрессивная внешняя политика Османской империи усилилась из-за социально-экономического и политического кризиса в стране. По словам К. Маркса, «исследования Гаммера неопровержимо доказывают, что организация Турецкой империи находилась тогда в состоянии разложения и что уже за некоторое время до этого эпохе оттоманского могущества и величия быстро приходил конец»¹⁶. Господство в стране самых отсталых феодальных отношений было тормозом для новых производительных сил. Слабое развитие внутренней торговли привело к падению ремесленного производства, к упадку городов, сельское хозяйство деградировало. Внешняя торговля была монополизирована иностранными купцами. Разложение феодальной системы в Османской империи, однако, не сопровождалось сколько-нибудь заметным развитием капиталистических отношений. Экономическая отсталость обуславливала политическую раздробленность Порты, обострявшуюся ее многонациональным составом. Султанское правительство искало выхода из внутреннего кризиса в захватнических войнах.

Северо-Западный Кавказ был для османов плацдармом для нападения на Россию с юга и для дальнейшего продвижения на Кавказ. Важным орудием захватнической политики Османской империи на Северном Кавказе и юге России было вассальное Крымское ханство.

Враждебную по отношению к России и народам Кавказа политику Османской империи в своих корыстных целях поддерживали ряд западноевропейских стран. Однако наибольшую активность в Константинополе проявляли Англия и Франция. Занятые захватническими войнами в Америке и Индии, они предпочитали поддерживать единство и нерасчлененность Порты, противодействуя стремлению угнетенных народов к получению самостоятельности и созданию независимых государств. В экономической и политической отсталости Порты все более теряла самостоятельность во внешней политике и становилась орудием в руках западноевропейских государств.

Однако между Англией и Францией вдобавок к их прежним противоречиям возникло еще соперничество за преобладающее влияние над Османской империей.

Франция в лице Русского государства видела конкурента на Ближнем Востоке. Сближение России с Англией в 60-х годах XVIII в. было второй серьезной причиной обострения франко-русских отношений. Позиция Англии по отношению к Российской империи была двойственной. С одной стороны, она была заинтересована в торговых связях с Россией и хотела с ее помощью ослабить позиции Франции, с другой — она не желала и не хотела допустить укрепления России на Черном море. Союзницей Франции была Австрия. Все попытки русской дипломатии добиться соглашения с последней окончились неудачей. Но царскому правительству удалось заключить союзный договор в 1764 г. с Пруссией, не имевшей непосредственных интересов в Турции и Швеции и стремившейся с помощью Российской империи решить проблему Польши в своих интересах.

Международная обстановка на Кавказе осложнялась еще и тем, что на его территорию продолжал претендовать и шахский Иран.

Обстановка на международной арене, в которой происходила борьба России и Порты, по словам Ф. Энгельса, была сложной, так как наличие в русской внешнеполитической программе трех задач — черноморской, польской и шведской — сталкивало ее со ~~многими~~ западноевропейскими странами. Но вместе с тем она была довольно благоприятной, так как Россия была окружена относительно более слабыми в экономическом отношении государствами, такими, как Швеция, Польша, Порта и Крым¹⁷.

В сентябре 1768 г. под давлением Франции Османская империя вступила в войну с Россией. Военные действия начались в 1769 г. сразу на Балканах, Кавказе, в Подолии и Приазовье. До начала военных действий и особенно в период войны османы старались «привлечь на свою сторону племена кавказские и приготовить из этого элемента силу против русских»¹⁸. В начале войны султан обратился к кабардинским князьям с призывом быть «покорными, послушными» и помогать войскам Порты и Крыма. По его приказу на Северный Кавказ были посланы многочисленные агенты. «От турков, — сообщает современник, — разосланы еще недавно чиновные люди к Куба-хану (Фет-Али-хану. — *Авт.*), который Дербентом владеет и лезгинцев (горцев Дагестана. — *Авт.*) уговорит, чтоб и они вооружились против России в пользу Порты»¹⁹. Но, несмотря на умелую антирусскую пропаганду, османам не удалось поднять горцев на борьбу с Россией. Историкограф Османской империи Джевдет-паша объяснял это следующим образом: «Кроме того, что обстоятельства не благоприятствовали этим видам, сами люди, стоявшие в то время во главе правительства, как по понятиям своим, так и по действиям, не способны были исполнить дела подобной важности».

Однако главной причиной провала агрессивной политики султана было нежелание народных масс Северного Кавказа поддержать ее. «Черный народ, — говорилось в одном из документов, — о подданстве Крыму (вассалу Порты. — Авт.) и слышать не хотел»²⁰. Об этом же свидетельствуют и многочисленные факты о вступлении народов Северного Кавказа в подданство России. Так, в 1768 г. «все старшины и народ» чеченский, «надеясь на высочайшую е. и. в. милость», решили «состоять в прежней своей верности и данную присягу навсегда сохранять будут без нарушения... ежели и настоящий владелец Росланбек Айдемиров на какие-либо продерзости поступит, то и его за владельца считать и с ним сообщаться не будут»²¹.

В 1768—1769 гг. с просьбой о принятии их в подданство России обращались шамхал тарковский Муртузали, дербентский Фетали-хан, казанщенинский, эндереевский, костековский и другие владельцы. В 1769 г. подданными России стали мысылбайцы (часть которых была переселена по рекам Чегем и Урух) и абазинцы-тапанта.

Большая часть кабардинских князей также сохранила верность России. Лишь некоторые из них — князья Мисост Бамат, Джамбулат Кайтуко и другие — готовы были принять сторону султана и крымского хана. «Зато народ, — как доносили толмач-разведчик, — явно говорит, если Кабарда отдастся под власть крымскому [хагу], они все напротив того передадутся к России»²². В период русско-турецкой войны сближения с Россией добивались также осетины.

Мало того, народы Северного Кавказа оказывали посильную помощь русским войскам. При поддержке ногайцев, например, русские войска овладели укреплением Кошыл. Вместе с Кубанским казачьим корпусом генерала Медема в военных действиях на Северном Кавказе против османов участвовал отряд чеченцев во главе с Аслапбеком Айдемировым. А ингушские отряды принимали участие в составе грузинской армии в боевых действиях против войск султана в Закавказье.

Тем временем русские войска и военно-морской флот одержали ряд блестящих побед над османами. Стотысячная армия крымского хана Крым-Гирея, вторгшаяся в пределы Украины и донских земель, была разгромлена. В марте 1769 г. Приазовье было очищено от войск Порты. Действовавший в Грузии отряд Тотлебена овладел Кутаиси и изгнал османов из Имеретии. На Северном Кавказе серьезных успехов достигли войска под командованием генерала Медема. В июле 1769 г. Медем в урочище Ешкюкюк одержал победу над кабардинскими феодалами, уклонившимися от подданства России. После чего кабардинцы вновь «присягнули на верность России».

В начале войны Государственный совет принял решение добиться независимости Крымского ханства от Порты. Осуществляя этот план, русские власти на Северном Кавказе способствовали переселению освободившихся от вассальной зависимости султана ногайцев на Правобережную Кубань (ногайцы, угнетаемые крымской знатью и ханом, часто восставали против них и поддерживали восстания, происходившие в Крымском ханстве). Тем самым удалось удалить ногайцев как крупную, хотя и не всегда надежную военную силу от татар в связи с предстоящей кампанией в Крыму, ускорить отложение от Порты кубанских ногайцев и усилить охрану русских границ от нападения горцев. Решение этой задачи облегчалось тем, что она совпадала с желанием самих ногайцев. Вместе с тем русское правительство было готово согласиться на избрание ногайцами собственного хана и на известный сепаратизм Кубани²³. Независимое от Крыма и дружественное России Кубанское ханство, обладая зна-

чительной военной силой, существенно помогло бы России в решении крымского вопроса. В 1771 г. русские войска заняли все стратегически важные пункты в Крыму. Хан Селим-Гирей бежал в Турцию. Татары под давлением русских войск, введенных на Крымский полуостров, отложились от Порты. Новый хан Сахиб-Гирей подписал союзный договор с Россией, по условиям которого Крымское ханство вступало под покровительство России. В связи с этим русское правительство отказалось от осуществления плана отделения Кубани от Крыма.

Понятно, что Османская империя не хотела признавать независимость Крыма. Она не могла примириться с потерей важного плацдарма на южных границах Российской империи. В связи с этим османы решили использовать Северо-Западный Кавказ как плацдарм для возвращения своих утраченных позиций. Султанское правительство намеряло создать здесь удельное ханство для кандидата на крымский престол Девлет-Гирея. В поддержку ему были даны значительные военные силы. Летом 1774 г. объединенные войска османов и татар вторглись в Кабарду. Обойдя Моздок, они напали на станицу Наурскую, но были отбиты казаками. Затем русские войска, поддержанные ногайцами и кабардинцами, разгромили войска противника и избавили тем самым народы Северного Кавказа от нависшей над ними угрозы.

Кючук-Кайнарджийский договор. Окончательное присоединение Кабарды к России. Потерпев поражение на суше и море, Османская империя вынуждена была пойти на мирные переговоры с Россией, которые происходили в Фокшанах и в Бухаресте. Однако османы не соглашались на самостоятельность Крыма и сохранение за Россией портов на Черном море. Поэтому переговоры были прерваны и возобновлены военные действия. В 1774 г. П. А. Румянцев успешно форсировал Дунай, а А. В. Суворов одержал блестящую победу при Козлуджи. Султанские войска во главе с великим визирем были окружены в крепости Шумлы. Высокой Порте ничего не оставалось как пойти на переговоры. Через 5 дней, 10 июля 1774 г., в болгарском сел. Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор, состоявший из 28 статей и двух статей секретного приложения²⁴. По условиям Кючук-Кайнарджийского договора Крым был признан «вольным и совершенно независимым от всякой посторонней власти». К России отходили участки Азовского побережья, а также крепости Керчь и Ени-кале, территория между Днепром и Бугом. За османами остался полуостров Тамань, крепость и порт Очаков. Молдавия и Валахия возвращались Порте, но за Россией сохранялось право при необходимости оказывать покровительство этим княжествам. Ограждались также права Греческого архипелага. Объявлялась амнистия всем тем, кто в какой бы то ни было мере помогал России во время войны. Те части Грузии, которые были заняты русскими войсками, признавались «принадлежащими тем, кому они издревле принадлежали». Порта «торжественно и навсегда» отказывалась взимать с Грузии бесчеловечную дань «отроками и отроковицами» и всякого рода другие подати.

Согласно ст. 21 договора, окончательное решение вопроса о политическом статусе Кабарды предоставлялось «на волю хана крымского с советом его и с старшинами татарскими». Это означало признание условий договора 1772 г. между русским правительством и крымским ханом, по которому Большая и Малая Кабарда признавались подданными Российской империи²⁵. Этим актом завершилось юридическое оформление присоединения Кабарды к России.

Ногайцы, переселившиеся из Бессарабии на Правобережную Кубань, в 1770 г. были признаны независимыми от Порты и от России. Черкесия пока еще формально оставалась зависимой от Османской Порты, хотя большая часть ее фактически не была зависима от султана.

Подписание Кючук-Кайнарджийского договора было крупным успехом России. Несомненно, Османская империя вынуждена была бы принять еще более тяжелые условия, если бы русское правительство не было занято европейскими делами, а главное — подавлением восстания под руководством Е. Пугачева.

Кючук-Кайнарджийский договор имел важное значение не только для России и Кабарды, но и для всех народов Кавказа. Он подорвал престиж султана, содействовал подъему освободительной борьбы в данном регионе, укреплению его экономических связей с Россией. Договор явился также важным этапом в решении черноморской проблемы. Он усилил позиции России на Северо-Западном Кавказе. Продвижение русской государственной границы на Северный Кавказ обеспечивало безопасность южных земель страны. Возвращение Кабарды в состав России обеспечивало прочный тыл для решения вопроса о Правобережной Кубани. Включение Центрального Предкавказья в состав России способствовало дальнейшему укреплению экономических связей Кавказа с Россией. С этого времени влияние России здесь росло с каждым годом.

Присоединение Северной Осетии к России. К середине XVIII в. укрепились русско-осетинские отношения. Большинство населения Осетии ориентировалось на Россию и неоднократно обращалось к русскому правительству с просьбой принять их под свою власть и покровительство.

В начале 1770 г. старшины Восточной Осетии обратились к кизлярскому коменданту И. Немичу с «доношением», в котором писали, что их общества имеют «усердное желание поступить в вечное е. и. в. подданство» и что они «желают крестница». Старшинам был выдан «открытый лист», подтверждавший их русское подданство. Россия была заинтересована в присоединении Осетии, которая занимала важное стратегическое положение для связи с Закавказьем. В ходе русско-турецкой войны царское командование использовало эту территорию для беспрепятственного продвижения войск, военных транспортов в Грузию. Исходя из этого, в период заключения договора с Портой русское правительство ставило перед дипломатами задачу, чтобы «те места осетинские старались выговорить в вечное и беспрекословное владение Российское»²⁶.

Кючук-Кайнарджийский договор, закреплявший права России на Кабарду, предрешил успешное завершение начавшегося еще до того процесса присоединения Осетии к России. В статьях этого мирного трактата она не была упомянута, однако Коллегия иностранных дел считала, что «всякие в рассуждении их (осетин.— Авт.) меры свободные уже от зависимости соглашения с Портою и Крымом»²⁷. Эту же мысль высказал Екатерине II астраханский губернатор, писавший, что присоединение Осетии к России в свое время было «оставлено впредь до усмотрения удобного времени по окончании начатой с турками войны».

В соответствии с желанием осетинского народа русское правительство в октябре 1774 г. в крепости Моздок начало переговоры с Осетией. С русской стороны переговоры вел астраханский губернатор П. Н. Кречетников. Осетия была представлена посольством из 20 человек. В состав посольства входили не только влиятельные феодалы Андрей Цаликов, Бехтин-Гирей Есиев и другие, но и лица фарсаглагского (крестьянского) происхождения — Дшава Цопанов, Карагач Цегоев, Георгий Агнаев и др.

Разнородный в социальном отношении состав посольства свидетельствует о том, что идея присоединения Осетии к России поддерживалась всеми слоями осетинского народа.

В ходе переговоров обсуждались следующие вопросы: присоединение Осетии к Российской империи; переселение осетин в предгорную равнину Центрального Кавказа; создание военной крепости и форпостов для их защиты от нападения соседних феодалов. По всем этим вопросам была достигнута договоренность, нашедшая свое отражение в соответствующем документе. Члены осетинского посольства со своей стороны «передали» России свои «горы в вольное употребление»²⁸.

После переговоров руководитель Коллегии иностранных дел Н. И. Панин сообщал князю Г. А. Потемкину о политической «принадлежности осетинцев с их делами к ведомству Астраханскому», а губернатор П. Н. Кречетников в своем докладе Екатерине II подчеркивал, что присоединением Осетии к России «произойдет слава в.и.в. по всей той стране и приманит весьма многие народы, и распространит пределы е. и. в.»²⁹.

Добровольное вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. Вторая половина XVIII в. стала переломным этапом и в русско-чеченских отношениях. В 50—60-х годах чеченцы, ингуши, карабулаки не раз обращались к кавказской администрации с просьбой принять их в подданство России, присягали на верность и отдавали аманатов.

С началом первой русско-турецкой войны Чечня и Ингушетия вновь подняли вопрос о принятии их в подданство России. В 1768 г. «вместе со своими детьми и народом» повторно присягнул Али-султан Казбулатов. Его племянники, братья Алкойбековы, последовали его примеру и «отдали младшего Али-хана в аманаты»³⁰.

На верность России присягали также владельцы Багдыхан, Мамаш и другие³¹, а от имени чеченских обществ — старшины сел. Заука, Гельта, Алды, Карте. «Старшины с детьми и всем подвластным народом, — говорилось в тексте присяги, — ... самодержицы всероссийской Екатерины Алексеевны подданство подвергая себя всемирношестивейше, е.и.в. благоприятие обещаем впредь от сего времени пребывать к е.в. непременно навсегда в непоколебимой верности и усердности»³².

В 1769 г. к кизлярскому коменданту обратились представители ингушского народа с просьбой принять их в русское подданство. Вести переговоры с представителями Ингушетии было поручено кизлярскому коменданту. В феврале 1770 г. 24 ингушских старшин, возглавляемые Гарси Чопановым и Сурховом Мирзахановым, явились в Кизляр к коменданту, генералу И. Немичу, с «доношением», в котором писали, что они «присланные от всего народа их общества» и имеют «усердное желание поступить в вечное е.и.в. подданство» и что они «желают все генерально креститца». Старшины просили, чтобы к ним в Ингушетию был прислан «чиновный человек», могущий принять присягу на верность России от всего ингушского населения. Они при большом стечении народа подписали соглашение и от всех «старшин и народов» «ко усердию и в подданство е.и.в. присягали»³³. Впоследствии (в 1772 г.) старшины говорили: «Самопроизвольно или мы де в подданство е.и.в., не из принуждения, но самопроизвольно; в коем и ныне состоим непоколебимо...»³⁴. В 1771 г. во время движения войск под командованием капитана Дегостодия в Осетию 4 ингушских старшины, «ранее не подданных», от имени своих обществ принесли присягу в подданстве России³⁵.

Так в результате активной деятельности ингушских представителей и русских властей на Северном Кавказе Ингушетия вошла в состав России.

В 1771 г. свою верность России подтвердили карабулаки. «Они,— доносил капитан Дегостодия генералу Немичу,— при первом случае доказали себя всеми образами доброжелательными, прося старшины и народ чтобы приняты были в вечное е. и. в. подданство, обещаясь дать от себя аманат»³⁶. В следующем, 1772 г. большая часть карабулаков, принявших подданство России, переселились на плодородные предгорные равнины в районе урочища Кара-Яндар³⁷. В это же время усилилось переселение различных обществ Чечни в районе Терско-Сунженского междуречья. В 50—60-х годах XVIII в. по правобережью Терека возникло более 10 крупных селений численностью до 400 дворов (Девлет-Гиреевское, Верхний и Нижний Наур, Ногай-Мирза-Юрт и др.). Все переселившиеся по разрешению русского правительства стали подданными России и отныне никогда больше не теряли этого статуса. В них постоянно вливались выходцы обществ горной зоны края, известной в источниках под названием «Дальние Чечни». Жители равнин сохраняли тесную связь с сородичами, оставшимися в горах. Тем самым идея принятия российского подданства проникала практически во все (в том числе и высокогорные) общества Чечено-Ингушетии.

После победоносного окончания войны с Османской Портой и присоединения Кабарды и Осетии к России создались более благоприятные условия для включения Чечено-Ингушетии в состав Русского многонационального государства. Стремление заселить плодородные равнинные земли, наладить выгодные торгово-экономические связи, покончить с феодальными устоями определило неуклонный рост прорусской ориентации во всех слоях чеченского народа.

В 1778 г. вновь принесли присягу алдинцы и тогда же получили «высочайшее повеление переселиться на р. Сунжу» у слияния с ней р. Гойты. В 1779 г. гихинцы поселились на подвластной России территории напротив Науровской казачьей станицы³⁸, считаясь подданными российскими. Одновременно на р. Сунже (в районе современного г. Грозного) было основано ичкеринской фамилией Ахшпатай с. Сограчап-Юрт. В связи с массовым переселением было принято соглашение, по условиям которого все оседавшие на контролируемой Россией территории чеченцы и ингуши считались «подданными российскими» и отныне «были охраняемы от аксаевских владельцев». В кабардинскую присягу 9 декабря 1779 г. по настоянию русской администрации были внесены пункты, запрещавшие князьям «пускаться в воровские промыслы» на чеченцев и «притеснять по одному праву сильнейших ингушей»³⁹.

Таким образом, к 1780 г. на верность России присягнули почти все общества Чечни, подданство признали ингуши и карабулаки.

В 1780 г. в рапорте на имя князя Г. П. Потемкина кизлярский комендант А. М. Куроедов писал: «Троекратно от старшин присланы были ко мне письма с прошением о принятии их по-прежнему в подданство». В январе 1781 г. старшины сел. Большой Чечень и Аджи-аул, «учиня зверяемую присягу», обязались письменно быть вечно подданными России. «Мы, нижеименованные большие чеченские и аджи-аульские старшины и народ,— говорилось в присяге,— обещаемся и клянемся пресвятым Ал-Кораном, всемогущим богом и пророком МахOMETом о том, что, будучи из древних лет подданными всероссийскому престолу... просим сами о принятии себя в вечное подданство... Хотим и должны служить... вечно, верно и послушно... И пока живы пребудем, мы и потомки наши должны

добровольно защищать е. и. в. ... и отечество... И если бы против всякого чаяния и чтоб таковым из нас оказался, который бы, забыв страх божий и свою собственную должность и совесть верноподданного, предпринял бы кто-либо противу Отечества... стараться таковое зло предупредить и в надлежащих местах о том заблаговременно объявлять». Вместе с присягой старшины подписали развернутый документ актового характера, скрепивший обязательства сторон и состоявший из 11 статей. В нем были сформулированы основные принципы, на которых состоялось вхождение Чечни в состав России. Первая статья договора гласила: «Всем нам... старшинам и народу с детьми нашими и потомками быть в вечном подданстве... верными и усердными во всю жизнь и потомков наших». Чеченцы обязывались защищать интересы нового отечества, и «ни под каким видом дружбы и согласия не иметь с его врагами. Быть с подданными России кумыками, кабардинцами, осетинцами в добром согласии», а в случае ссор «разбираться во всем по древним кумыкским обычаям». Кавказская администрация обещала чеченцам «позволить без препятствий приезжать для торговли в Кизляр, Моздок и прочие российские места. И никаких обид не чинить, считать и принимать... везде как вечно и верноподданных»⁴⁰. Этот документ имел чрезвычайно важное значение; он не только сформулировал договорные условия между Россией и чеченским союзом сельских обществ, но и урегулировал ряд вопросов, связанных с политическим объединением чеченских обществ вокруг сельской общины Большой Чечни. Однако у начальствующего над Моздокской линией генерал-майора Фабрициана, в чьем подчинении находился кизлярский комендант, документ вызвал неожиданную реакцию: по поводу заключения договора Фабрициан писал Куроедову: «Сии кондиции основаны не так, как с толпою их чеченских народов, но точно как с равною державою»⁴¹. Однако выпады Фабрициана не могли умалить значение договора. Русское правительство, будучи заинтересовано в присоединении Северо-Восточного Кавказа, поощряло инициативу по приведению к присяге горских народов, в том числе чеченцев, ингушей. Об этом убедительно свидетельствует принятие в подданство и других обществ Чечено-Ингушетии. На верность России в это время вновь присягнули гребенчуковцы, чехинцы и наиболее крупные союзы сельских обществ (качалыки и др.). В письме кизлярскому коменданту, подписанном 20 качалыковскими старшинами, говорилось: «Что ты скажешь от нашего великого правителя, тому мы и подчиняемся»⁴². Таким образом, длившийся многие десятилетия процесс добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России в 1781 г. завершился (см. карту 7, с. 348).

Русско-дагестанские отношения. В период русско-турецкой войны народы Дагестана также обращались к русским властям с просьбой о принятии их в подданство России. После окончания войны эти обращения участились. Кавказская администрация ознакомила кумыкский и другие народы с условиями Кючук-Кайнарджийского договора, и они «сим известиям были обрадованы»⁴³. С этого времени феодальные владельцы и старшины союзов сельских общин Дагестана стали наперебой обращаться к России, добываясь ее покровительства. Русское правительство охотно принимало послов, всячески поощряло сближение их с Россией, но, не желая обострять международные отношения, не ропсало официально объявить о присоединении Дагестана к России. Между тем на Северо-Восточном Кавказе не затихали феодальные междоусобицы. При этом каждая из участвующих в борьбе сторон в письмах к русским властям на Кавказе обвиняла противника в измене России. В этом потоке взаим-

ных обвинений не так уж легко было разобраться и определить истинного виновника междоусобиц. Причем поддержка русскими властями одной стороны сразу же ставила в оппозицию к кавказскому командованию другую сторону. Такое случилось во время междоусобной борьбы между феодалами нагорного Дагестана с Фет-Али-ханом дербентским. Известно, что Фет-Али-хан при поддержке шамхала тарковского, уцмья Кайтага, кадия Табасарана занял г. Дербент. Позже между Фет-Али-ханом и кайтагским владельцем произошел разрыв. Усиление Фет-Али-хана в результате объединения ряда владений Азербайджана встревожило владельцев Дагестана. В 1774 г. на Гавдушанском поле близ Худата между Фет-Али-ханом и владельцами Кайтага, Кумуха, Казанища и других владений произошло сражение. Разбитый наголову Фет-Али-хан бежал в Сальяны и оттуда обратился с письмом к Екатерине II: он просил принять его в русское подданство и оказать ему помощь.

Вскоре владелец Кайтага Амир-Гамза осадил Дербент, куда тайно перебрался Фет-Али-хан. Осада Дербента продолжалась 9 месяцев. Сознавая безвыходность своего положения, Фет-Али-хан снова обратился за помощью к русскому командованию и тарковскому владельцу. Шамхал попытался оказать помощь Фет-Али-хану, но не достиг успеха. Тогда и он попросил кавказское командование оказать помощь дербентскому владельцу. При этом тарковский владелец обещал со своим войском соединиться с российской армией⁴⁴. Россия приняла сторону Фет-Али-хана и потребовала от осаждавших Дербент прекратить борьбу. Естественно, что с этим шагом русских властей горские феодалы не были согласны, но не считаться с требованием России они не посмели. Так что вмешательство России помогло Фет-Али-хану, но в то же время обострило ее отношения с уцмием Кайтага.

В 1774 г. уцмий задержал действительного члена Российской Академии наук С. Г. Гмелина. А на предложение кизлярского коменданта отпустить задержанного уцмий Амир-Гамза, в свою очередь, потребовал вернуть ему 200 семейств, бежавших из Кайтага в Кизляр еще в середине XVIII в. или уплатить выкуп 50 тыс. руб. Чтобы не осложнять взаимоотношений с горскими народами Дагестана, Екатерина II запретила поход на Кайтаг. «Этим,— писала она генералу Медему,— подали бы при нынешних спокойных обстоятельствах вид войны на нашей с Персией границах. Поэтому необходимо вам остеречься от всех в рассуждение хайдакского владельца мер, могущих утихшее дело возобновить и распространить напрасной заботе и беспокойству»⁴⁵. Пока шли переговоры, С. Г. Гмелин скончался летом 1774 г.

Русские власти решили наказать уцмья и его сообщников. Но при этом кавказскому командованию было дано специальное указание, чтобы при движении войск «не возбуждать горцев», не допускать «разные на границе затруднительства». А для «приласкания и нужных разведований в народах горских»⁴⁶ было выделено 5 тыс. руб.

Весной 1775 г. русские войска под командованием генерала Медема и отряд шамхала тарковского в местечке Иран-Хараб (в 16 км от Дербента) разбили уцмья Кайтага. В лагерь русских войск явился Фет-Али-хан: он отправил императрице ключи от Дербента и вновь просил принять его под покровительство России. Сам он со своим войском присоединился к отрядам майора Криднера и направился в Кайтаг. Разбив уцмья Амир-Гамзу и Магомед-хана казикумухского, Криднер и Фет-Али-хан двинулись в Табасаран. Русское правительство вновь обратило внимание командования на необходимость снисходительного отношения к горцам, дабы предотвратить их возмущение. «Сколько возможно воздер-

живаться от обвинения целых обществ, а больше относить оные на частных людей... Для их обуздания употребление строгости не всегда полезно». Однако командование не всегда соблюдало эти указания.

В Табасаране Криднер и Фет-Али-хан попали в засаду и понесли большие потери. Несмотря на это, уцмий Кайтага, хан Казикумуха, кади Табасарана оказались не в состоянии продолжать борьбу и запросили мира. Однако они выдвинули условие, которое сводилось к тому, чтобы Фет-Али-хан «не в Дербенте, а в Кубе, в ему принадлежащем месте был, ему тогда и аманатов дать в состоянии и быть верным по всем удовольствиям сделают»⁴⁷. Это было оценено русскими властями как желание феодалов отторгнуть Дербент от владений Фет-Али-хана. Русское правительство отвергло эти условия, потребовав, чтобы Дербент оставался во владении Фет-Али-хана. Это решение русского правительства было не по душе феодалам, соперничавшим с Фет-Али-ханом. И тем не менее они вынуждены были уступить.

Вскоре после этого уцмий Кайтага Амир-Гамва и Рустем-кади Табасаранский «присягнули на верное подданство России и представили в Дербент аманатов». Но русское правительство, не желая осложнять отношений с Персией и Портой, «предписало генералу де Медему не считать подданство этих двух владельцев действительным и возвратить аманатов. В тех же видах не принято было подданство Фет-Али-хана и возвращены ему ключи Дербента»⁴⁸. Тем не менее по просьбе Фет-Али-хана в помощь ему, а также для обеспечения торговли России на Восточном Кавказе в Дербенте был оставлен отряд в 500 человек с четырьмя орудиями. Основные же силы русских войск были возвращены в Кизляр.

Помощь, оказанная Россией Фет-Али-хану, сыграла роль не только в восстановлении его сильно пошатнувшегося положения, но и способствовала «усилению власти и влияния его на восточную часть Кавказа»⁴⁹. Все это, и особенно наличие русского гарнизона в Дербенте, вызывало тревогу в правящих кругах султанской Порты и шахского Ирана. Они потребовали вывода русских войск из Дербента. Русское правительство, учитывая, что с Портой недавно заключен мир, решилось пойти на уступки. И весной 1776 г. отряд русских войск был выведен из Дербента. Вместе с тем, чтобы закрыть путь для вмешательства Порты или Ирана в дела Северо-Восточного Кавказа, русские власти добивались примирения феодальных владетелей Дагестана. Кавказскому командованию дважды (в марте и апреле 1776 г.) удалось провести в с. Дарбах переговоры, в которых участвовали Фет-Али-хан дербентский, шамхал тарковский Муртазали, владетель Буйнака Бамат, уцмий Кайтага Амир-Хамза, казикумухский Магомед-хан, табасаранский кадий Рустем и др. Принимал участие в них и представитель России майор Фромгольм. В итоге этих переговоров было достигнуто соглашение и приняты обязательства об урегулировании взаимоотношений. Уцмий Кайтага, хан Казикумуха, кадий Табасарана обещали не посягать на владения дербентского хана «и никакой обиды его подданным, равно и ему не чинить». В свою очередь, Фет-Али-хан клялся на соседние земли не нападать. Обе стороны договорились обеспечить безопасность транзитной торговли. В обязательствах особо были оговорены и интересы России: «Русским подданным, равно как и прочим христианского закона людям как торговым, так и проезжающим для других дел через границы наши, также никакого грабительства и захвата не делать и кроме подлежащего по прежним установлениям, не брать»⁵⁰. Это соглашение должно было обеспечить мир и спокойствие, способствовать развитию торгово-экономических связей на Восточном Кавказе, расширению русской торговли с Кавказом и странами Ближнего Востока.

Однако в тех реальных условиях одними переговорами невозможно было достигнуть примирения: слишком уж сильны были противоречия между феодальными владетелями. Уцмий и кади, как писал Фромгольд в донесении в Россию, «показывают себя охотными, а скрытно обходятся хитростью и с великой злостью, так что нельзя никак положиться на их присягу, подписки и обещания». В то же время Фет-Али-хан мечтает «всех своих неприятелей под свою власть привести»⁵¹. И действительно, между ними вскоре разгорелась борьба. Каждый хотел поставить правителем в Табасаранском майсумстве своего ставленника. Поддержка, оказанная Россией кандидатуре владетелей Дербента, сыграла решающее значение: майсумом был поставлен Магомед-Гусейн-бек.

Естественно, что у русского правительства вызывало недовольство поведение феодалов Дагестана, соперничавших с дербентским владетелем. Однако русское командование не пресекало его, ибо полагало, что, опираясь на владетелей Засулакской Кумыкии, шамхала тарковского, майсума Табасарана и хана дербентского, Россия без особых затрат и вооруженного вмешательства сумеет оказать политическое влияние и на других феодальных владетелей Дагестана. Тем самым появлялась возможность добиться мира на Северо-Восточном Кавказе, а следовательно, и расширить торговлю в данном районе. Именно поэтому, когда Магомед-хан Казикумухский в 1776 г. стал сколачивать коалицию феодалов против Фет-Али-хана, кизлярский комендант предупредил его «не нападать на дербентского хана, который стоит под протекцией России». Казикумухский Магомед-хан, «видя, что в сие дело вступается Россия», вынужден был отказаться от своих планов и вернуться в свое владение⁵².

В то же время русское правительство отклонило просьбу Фет-Али-хана о военной помощи для расширения ханства за счет территориальных захватов соседних владений. Позже кизлярскому коменданту удалось восстановить мир между аксаевскими и эндреевскими владетелями.

Из сказанного видно, что часть владений — Эндреевское, Аксаевское, Костековское, Тарковское — находились в подданстве России. Это подтверждалось и тем, что указанные феодальные владетели утверждались русским правительством и тем, что в знак «верности и доброжелательства» получали из России жалованье. В их распоряжении имелись русские отряды, именуемые в официальной переписке «караулами»⁵³. Дербентский хан и майсум Табасарана хотя и не были приняты в подданство, но находились под протекцией России. Кайтагский уцмий, кадий Табасарана, так же как и владетели нагорного Дагестана, были включены в орбиту кавказской политики России.

2. Народы Северного Кавказа и России в конце XVIII в.

Военно-административные меры русского правительства на Северном Кавказе. Подписав Кючук-Кайнарджийский мир и рассчитывая на его пересмотр, султан медлил с ратификацией трактата. Османская империя все еще надеялась вернуть под свою власть Крым. Учитывая все это, русская дипломатия вновь решила вернуться к плану отделения Кубани от Крыма. 8 ноября 1774 г. последовал рескрипт Екатерины II начать это отделение⁵⁴. Это было одним из обстоятельств, заставивших султана ратифицировать договор в январе 1775 г., что и отменило реализацию плана русского правительства в отношении Правобережной Кубани.

В мае 1775 г. Девлет-Гирей при поддержке османского десанта захватил ханский престол. В свою очередь, русское правительство решило ускорить возведение на крымский престол своего сторонника Шагин-Гирея. Чтобы проложить ему путь в Крым, было решено использовать Правобережную Кубань, где ногайцы должны были провозгласить его ханом.

Таким образом, оба государства предприняли возможные меры, чтобы решить вопрос о присоединении Крыма в свою пользу. В связи с этим и для Порты, и для России возрастало стратегическое значение Северо-Западного Кавказа.

В сентябре 1777 г. не без участия османов в Крыму вспыхнуло восстание против Шагин-Гирея, поводом к которому послужила организация им постоянного войска. Восстание перекинулось на Кубань. Чтобы прекратить волнения ногайцев, ликвидировать опасность вторжения в Прикубанье османов, создать условия для возможного отделения Правобережной Кубани от Крыма, в этот район был направлен фельдмаршал А. В. Суворов⁵⁵. Он должен был продолжить строительство пограничной Азово-Моздокской линии от Ставрополя к Азову.

Убедившись в том, что со стороны народов Закубанья России не грозит серьезная опасность, А. В. Суворов предложил перенести западную часть этой линии на р. Кубань. Верховное командование утвердило его проект, и в короткий срок были построены кубанские укрепления.

В 1778 г. замыслы султанского правительства заключить союз с черкесами и поднять их вместе с ногайцами на борьбу с Россией провалились. Доброжелательное отношение большей части населения Северо-Западного Кавказа, его отказ от союза с Портой позволили русскому командованию оперативно действовать в Крыму. Попытка османов укрепиться в Крыму окончилась неудачей.

Это обстоятельство и изменившаяся международная обстановка заставили султанское правительство подписать в июне 1779 г. Айналы-Кавказскую конвенцию, которая в основном подтвердила условия Кючук-Кайнарджийского договора. Высокая Порта согласилась на независимость Крыма. Однако в 80-х годах из-за Крыма вновь резко обострились русско-турецкие отношения.

Исторические события показали, что шел процесс политического и экономического сближения местных народов с Россией. Это позволило русскому правительству при благоприятно сложившихся условиях в 1783 г. мирным путем присоединить Крымское ханство. Этому успеху способствовала также осторожная и гибкая политика русской дипломатии.

С присоединением Крымского ханства Россия не только освободилась от непосредственной опасности нападения со стороны султана и ханов Крыма, но и стала господствовать в Северном Причерноморье. С утверждением царской власти на Правобережной Кубани завершилось присоединение степного Предкавказья к России.

В 1783 г. в крепости Георгиевск был заключен «Дружественный договор», оформивший протекторат России над Каргли-Кахетинским царством (Восточная Грузия). Грузинский царь Ираклий II признал покровительство России и отказался от самостоятельной внешней политики, обязавшись своими войсками служить русской императрице. В свою очередь, царское правительство ручалось за сохранение целостности владений Ираклия II. Грузии предоставлялась полная внутренняя автономия. Особо важное значение имели 4 сепаратные статьи. Россия обязывалась защищать Грузию в случае войны, а при ведении мирных переговоров

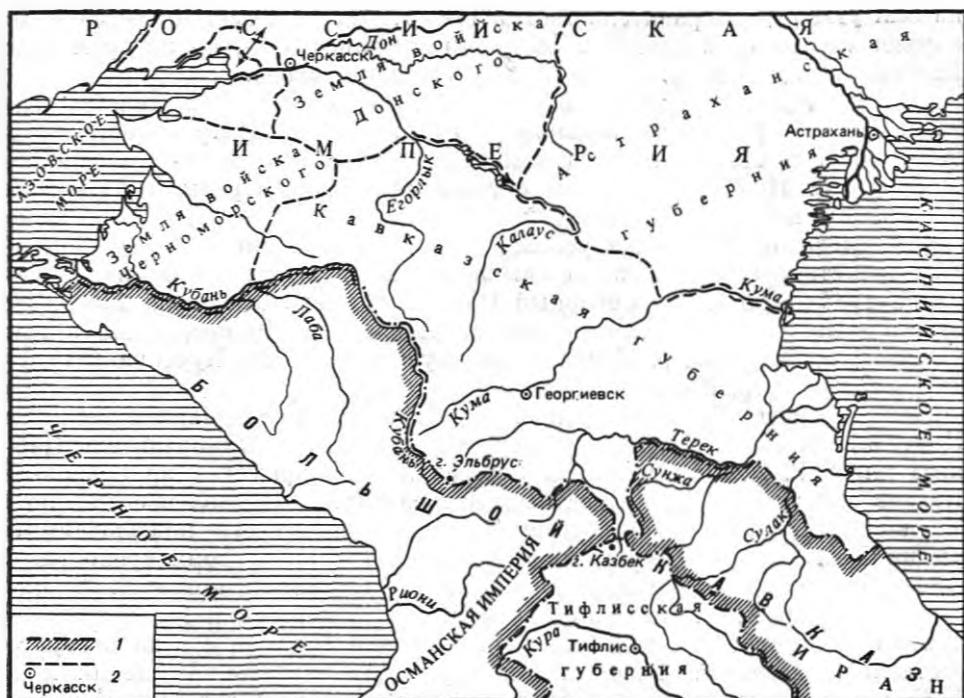
настаивать на возвращении Восточной Грузии владений, издавна ей принадлежавших, но отторгнутых Османской Портой. Георгиевский трактат, положивший «начало добровольному присоединению Грузии к России»⁵⁶, имел огромное значение для всех народов Кавказа. На Восточном Кавказе, свидетельствует Тумановский, распространился слух, что «русское войско собирается туда ити и весь тамошний народ, купечество и земледельцы (кроме тех, которые имеют власть), все... говорят, что они с великой радостью ищут русское войско»⁵⁷. Как только стало известно о подписании Георгиевского трактата (наиболее влиятельные феодальные владетели Кавказа были извещены), владетели Дагестана письмами засвидетельствовали свою верность России. Шамхал тарковский Мургузали писал: «Я со всеми своими сыновьями и братьями и всеми мне принадлежащими людьми верно и усердно е.и.в. служить намерен»⁵⁸. Аварский Умма-хан, обращаясь с просьбой принять его под протекцию России, писал: «Во всех сторонах... войско мое и я сам, сколько сил моих станет, служить готов»⁵⁹. Кавказское командование получало письма аналогичного содержания и от других владетелей.

Если до 1783 г. крымский вопрос был первоочередным в решении черноморской проблемы, то после присоединения Крыма к России на первый план был выдвинут кавказский. Царизм отводил Правобережной Кубани большую роль в укреплении своего положения на Северном Кавказе и в защите Крыма. Для османов Левобережная Кубань стала плацдармом для возвращения татарского господства в Крыму и для проникновения на Северный Кавказ. В 1781 г. в Анапе была сооружена первоклассная крепость, сосредоточив в ней значительные воинские силы. Были укреплены крепости Сунджук-кале, Сухум-кале, Поти и Батуми и созданы новые редуты между р. Риони и о. Палеостомом. Причем строительством крепостных сооружений и обучением артиллерийскому мастерству янычар султана руководили иностранные офицеры. В то же время большие воинские силы сосредоточивались в Анатолии и особенно в Ахалцихском папшалыке. Наряду с подготовкой к войне османы усилили идеологическую обработку населения, призывая к «священной войне» (газавату) против «неверных». В ход были пущены все средства: запугивание, обман, подкуп. Рядовым горцам, поступившим на службу к османам, обещали выплачивать по 50 руб. Большое число агентов Порты засылалось на Северный Кавказ под видом мулл, дервишей, сеидов, шейхов. Все они должны были в политических интересах Порты «долгом веры» вызывать ненависть к русским, поднимать горцев на защиту ислама от посягательства «неверных».

Учитывая все это, русское правительство предприняло на Северном Кавказе ряд мер оборонительного характера, реорганизовало и усилило Кавказскую линию.

В 1777 г. на громадном пространстве между Азовом и Моздоком, тогда еще ничем не прикрытом, было начато возведение линии военных укреплений, в которых были поселены казаки с Волги и Хопра. Из переселившихся волжских казаков был образован Волжский казачий полк, расселившийся в пяти укрепленных станицах: Екатерининской (впоследствии Екатериноградской), Павловской, Марневской, Георгиевской и Эндереевской. Из хоперских казаков был сформирован Хоперский казачий полк, занявший другие пять укрепленных станиц: Александровскую, Северную, Ставропольскую, Московскую и Донецкую. Таким образом, сооружение Азово-Моздокской линии не только усилило охрану русских владений на Северном Кавказе, но и положило начало возникновению здесь новых административных центров и городов, которые уже к концу

Карта 8. Северный Кавказ в 1802 г.

1 — Государственная граница Российской империи в 1802 г., 2 — Границы и центры губерний и областей

века приобрели важное значение (Ставрополь, Георгиевск, Екатериноград). Параллельно с укреплением русских границ на Северном Кавказе проводилось упорядочение их административного гражданского управления. В 1780 г. в связи с новым административным делением России было решено разделить и Астраханскую губернию, куда входил и Ставропольский край. Астраханская губерния до 1780 г. была весьма обширной по своим размерам, включая огромную территорию — почти весь юго-восток европейской части Российской империи, начиная от Саратовской области на севере до р. Терек на юге, от земли донских казаков на западе до берегов Каспийского моря на востоке. Эта огромная губерния была теперь разделена на две: Астраханскую и Саратовскую, генерал-губернатором которых был назначен князь Г. А. Потемкин, до этого считавшийся астраханским генерал-губернатором (карта 8).

После разделения Астраханской губернии кавказские дела, издавна входившие в непосредственное ведение астраханского губернатора, стали занимать еще большее место в его деятельности. В феврале 1784 г. генерал П. С. Потемкин, являвшийся главным начальником Кавказской линии и командиром Кубанского корпуса, был по предложению князя Г. А. Потемкина назначен исправляющим должность генерал-губернатора саратовского и кавказского. Ему было поручено подготовить проект открытия на Кавказе особого наместничества. В том же, 1784 г. П. С. Потемкин представил правительству проект об учреждении Кавказского наместничества с широкой программой его деятельности, включавшей ряд важных административных, политических, экономических и культурных мероприятий по развитию Кавказского края. Проект П. С. Потемки-

на был утвержден правительством в 1785 г. Однако наместничество было образовано только в январе 1786 г. Его административным центром стал Екатеринбург, возведенный в ранг губернского города.

В эти же дни наряду с правительственной колонизацией степей Предкавказья было разрешено вольным переселенцам из Центральной России переезжать в места, находившиеся под прикрытием вновь основанных укреплений. Правительственное обращение к однодворцам и казенным крестьянам центральных губерний России переселяться на кавказские земли имело значительный успех. Сразу же изъявили желание переселиться в степное Предкавказье свыше 23 тыс. душ мужского пола. В течение 1783—1786 гг. на Северный Кавказ переселилось около 1250 душ обоего пола. Они основали за линией укрепления 10 поселений, в том числе Прохладную на р. Малке, Незлобную на р. Золке, Курскую и Государственную на р. Куме.

На Северный Кавказ стали переселять своих крестьян помещики Центральной России. Началу этому положил верховный правитель Кавказа князь Г. А. Потемкин. Он переселил «для примера» на Северный Кавказ 400 душ своих крепостных, основавших с. Привольное (позднее Маслов Кут). Вслед за ним, стремясь закрепить за собой пожалованные им на Кавказе земли, стали переселять в этот край своих крепостных и екатерининские вельможи — князь А. А. Безбородко, князь А. А. Бяземский, граф А. Р. Воронцов, граф И. В. Чернышев и др. И тем не менее основную массу поселенцев на Северном Кавказе и в дальнейшем составляли казенные крестьяне и отставные солдаты. Последними в 1785 г. были заселены 7, в 1786 г. — 16 и в 1787 г. — 4 селения. К концу 80-х годов было основано на Кавказе 34 поселения с общим количеством жителей 30 тыс. человек.

После заключения Георгиевского трактата перед русским правительством встал в качестве первоочередного вопрос об открытии удобной и безопасной дороги по Дарьяльскому ущелью в Грузию. Сознвая это, русское правительство в 1784 г. построило на дороге от Моздока до входа в Дарьяльское ущелье ряд укрепленных пунктов, в том числе крепость Владикавказ. Вместе с тем на протяжении всего 1783 г. велась напряженная работа по исправлению, улучшению и расширению дороги по Тереку в Грузию (по маршруту нынешней Военно-Грузинской дороги). В результате этих усилий вместо с трудом проходимой пешеходной и вьючной тропы была проведена колесная дорога, которая дала возможность перебросить в Грузию вспомогательные русские войска и необходимое для них снаряжение.

В это же время народы Северного Кавказа были вновь приведены к присяге на верность России. В 1779 г. на верность России присягали кабардинские князья, в 1782—1785 гг. — владетели и старшины сельских общин Чечено-Ингушетии, в 1782 г. — ногайцы и жители владений Дагестана: эндереевцы, костековцы, аксаевцы, а также Андийский союз сельских общин.

В 1784 г. решило также документально оформить свое вхождение в состав России шамхальство Тарковское. Но оно было несколько отсрочено в связи со смертью шамхала Муртузали. Его преемник Багат продолжил переговоры. В 1786 г. в Тарках в присутствии народа и представителя кавказской администрации поручика Филатова он принял обязательство и дал присягу на верность и подданство России⁶⁰. Торжественный официальный прием в честь посланника шамхала, который привез этот документ, завершил оформление принятия шамхальства под протекторат России.

В это же время подданства России добивались удмий Кайтага, ханы Аварии, Казикумуха и др. «Я, Амир-Гамза,— писал удмий Кайтага П. С. Потемкину,— с четырьмя моими сыновьями, со всеми моими подчиненными, обещаю к службе е.и.в. всегда готовым против неприятелей ее быть неприятелем, а против друзей другом»⁶¹. Аварский владетель Умма-хан заверял, что превзойдет всех «князей и прочих народов» службой и будет «усерднее оказывать услуги» России⁶².

Движение в Чечне под водительством шейха Мансура (Ушурмы). В последней четверти XVIII в. в Чечено-Ингушетии, как и на всем Северном Кавказе, в связи с углублением феодализации общества обострились социальные противоречия. Феодалы и феодализирующаяся знать сельских общин делали все, чтобы использовать в своих корыстных интересах разобщенность трудящихся масс. Социальные противоречия осложнялись и непрекращавшиеся на Северо-Восточном Кавказе феодальные междоусобицы, в которые вовлекались и трудящиеся горцы. Усиление феодального гнета со стороны владетелей и старшин и увеличение податей, всевозможные штрафы — все это вызывало протест трудящихся масс. Горские крестьяне оказывали сопротивление и при сборе ясака силой⁶³. Неутихавшая классовая борьба, как отмечалось выше, нередко принимала форму открытых вооруженных восстаний.

Нарастающая классовая борьба заставила горских феодалов искать военной помощи для подавления выступления крестьян у царской администрации. В 1755 г., например, чеченские князья Чопан и Магомед Турловы, уздени и другие богатые и знатные чеченцы решали поселиться ближе к русским укреплениям. При этом княжеские уздени заявили представителю русских властей ротмистру Батырову, что если им будут даны гарантии, то они заставили бы и крестьян поселиться при владельцах⁶⁴.

За помощью к русским властям обращалось и горское крестьянство. В своих обращениях к кавказской администрации оно просило не разрешать произвольного увеличения податей и считать их от лихоимства феодалов. В 1768 г. крестьяне подали жалобу русским властям на своего владетеля Али-султана. «Алисултановой никакой правоты нет,— говорилось в прошении,— и он их разорет понапрасну и народ совсем обманывает, почему они его и за владельца принимать и почитать не хотят»⁶⁵. В свою очередь, владетели и старшины, обвиняя простых горцев в нарушении порядка, отслушания и измене России, просили силою оружия наказать и принудить крестьян к покорности.

Кавказская администрация охотно принимала эти взаимные жалобы, но за редким исключением оказывала помощь и поддержку представителям господствующего класса. Для охраны феодалов выделялись отряды казаков. Однако кавказское командование вину отдельных лиц зачастую перекладывало на все общество и предпринимало по отношению к нему суровые меры, которые иногда задевали интересы феодалов и феодализирующейся верхушки. Объясняя свое недовольство, владетель Али-султан писал: «Видели мы наперед сего немалые себе обиды во время бытности господина генерала де-Медема к притеснению нашему, что под предлогом убийства нами армянина взыскано с нас напрасно до 6 тыс. баранов, да 180 руб. денег. Да сверх того, захватили у узденя нашего аксаевские владельцы наглým образом до шести же тысяч баранов и пять человек „ерысей“, да отняли у нас хлебопашные места, состоящие за рекой Койсу; да и других обид было нам не мало»⁶⁶.

В ряде случаев феодалы, движимые чувством личной обиды, поднимали мятежи против русских властей. Такими по характеру были выступления князя Айдемира в 1758 г., Али-султана — в 1768 г. Естественно, что при таких выступлениях больше всего страдали народные массы. Поэтому при любой возможности трудящиеся горцы стремились размежеваться с феодалами. Так, в 1768 г. они объявили русским властям, что они никогда «сообщниками алисултанскими быть не желают и подражать ему не хотят, а надеясь на выс[очайшие] е.и.в. милость и благоволение, имеют состоять в прежней своей верности»⁶⁷.

Среди горских феодалов и феодализирующейся верхушки были и такие, которые враждебно относились к России, настраивали трудящихся горцев против русских. Против России была настроена и большая часть местного мусульманского духовенства. Они обычно и возглавляли группы таких недоброжелателей. При этом духовенство руководствовалось корыстными интересами: боязнь лишиться своих доходов и привилегий, стремлением захватить власть и монопольное право эксплуатировать горских крестьян.

Социальные противоречия еще больше усугубились вмешательством зарубежных государств. Султанское правительство, никогда, не оставлявшее мысль прибрать к рукам Кавказ, изо всех сил старалось помешать укреплению позиций России на Северном Кавказе. Готовясь к новой войне с Россией, османы активизировали подрывную деятельность на Кавказе. В начале 80-х годов XVIII в. на Северный Кавказ было заслано большое число эмиссаров Порты, которые чаще всего выступали под видом шейхов, дервишей, мулл. Они вели разнузданную антирусскую пропаганду, призывали «правверных» выступить в «защиту от посягательств неверных». В письме к феодалам Северо-Восточного Кавказа ахалцыхский Сулейман-паша писал: «Всякий, кто в ревности своей идет истреблять врагов, угоден богу, а кто поразит одного из неверных, тот получит отпущение грехов: вечный рай будет воздаянием»⁶⁸. Антирусская пропаганда подкреплялась щедрыми подарками султана. Только одному Умма-хану аварскому было передано денег 500 кит⁶⁹.

В такой обстановке в 1785 г. в Чечне развернулось движение под руководством жителя чеченского сел. Алды Ушурмы (шейх Мансур). В своих публичных проповедях он, наряду с пропагандой общемусульманских догм, призывал подняться на «священную войну». Религиозные проповеди вместе с демагогическим пророчеством об «избавлении правверных от гнета и притеснений» нашли отклик среди разобщенных и отсталых горцев. В аул Алды стали стекаться недовольные своим положением чеченцы. К Ушурме примкнула и часть кабардинцев и кумыков. Позднее аксаевские и эндереевские кумыки, объясняя причины, побудившие их примкнуть к шейху Мансору, писали, что они терпели обиды и притеснения от владетелей, «просили им запретить отнимать у нас безвинно скот наш; за воровство же и шалости наложить на творящих оное штраф... Но не видя укрощения, принужденными наплись, согласясь с другими, присягнуть имаму с тем, чтобы разбирались ссоры и тяжбы по закону... включая при этом и то, чтоб быть к России в верности»⁷⁰.

В движении шейха Мансура сразу же ведущее место заняли представители мусульманского духовенства, а также такие феодалы, как кумыкский владетель Али-султан, кабардинский князь Дол, осетинский алдар А. Дударов и другие, а также феодализирующаяся знать Чечни. Сообщая о движении Ушурмы, неплохо осведомленный в делах Кавказа османский комендант Сунджук-кале писал великому визирю Порты, что «шейх Мансур смог привлечь наивные элементы к себе, а также любителей во-

ровства и грабежей»⁷¹. Таким образом, социальная и национальная база движения Ушурмы оказалась довольно пестрой. Но, несмотря на это, наибольшее число участников движения составляло горское крестьянство, что и определило его антифеодалную направленность. Сумевшие захватить руководство движением мусульманское духовенство и феодалы надеялись использовать стремления трудящихся масс в своих корыстных интересах.

Первоначально предполагалось, что Ушурма совершит поход в горы и в Кабарду «для приведения всех тамошних жителей в магометанский закон». Кавказское командование не без опасения следило за всем происходящим в Чечне. Вначале оно пыталось уговорить горцев оставить Ушурму, но безуспешно. Затем оно направило против шейха отряд под командованием полковника Пиери с заданием захватить «лжепророка... и восстановить нарушенное в том крае спокойствие». При этом «весьма желательно, — говорилось в предписании командования, — чтобы дело сие было кончено без пролития крови»⁷². Пиери легко удалось занять сел. Алды, но на обратном пути он был окружен в лесистом горном ущелье и разбит.

Слух об этой победе распространился с необычайной быстротой. Сподвижники Ушурмы не преминули представить эту победу как исполнение пророчества шейха. Все это способствовало росту авторитета Ушурмы, что привело к увеличению количества восставших. Это был наивысший подъем движения.

Стремясь развить успех, Ушурма 15 июля 1785 г. решил штурмом взять крепость Кизляр. Но штурм был отбит. Ушурме удалось занять лишь Каргинский редут. Неудачной оказалась и его попытка овладеть укреплением Григориополис. Несмотря на это, 19—20 августа он вторично напал на Кизляр. Но и на этот раз он был вынужден отступить с большими потерями.

Тогда Ушурма направляется в Большую Кабарду, надеясь привлечь к движению новые силы. Однако 2 ноября в районе Татартупа он потерпел новое поражение от русских войск.

Эти неудачи оказали острезвляющее воздействие на участников движения. Становилось очевидным, что пророчествам Ушурмы и возлагавшимся на него надеждам горцев не суждено было сбыться. Предводитель движения ничего не сделал для ослабления гнета местных феодалов. Его религиозный фанатизм, требования строгого соблюдения установлений шариата, призывы к «священной войне» против «неверных» уже не имели успеха. Антирусская пропаганда не находила сторонников среди горцев. Народные массы убеждались, что бессмысленная борьба не может им принести ничего, кроме разорения и смерти. В связи с этим начался массовый отход горцев от движения: они «рассыпались по своим домам»⁷³.

В этой обстановке Ушурма прибег к новому методу мобилизации сил. Под угрозой наказания горские аулы с каждой мечети обязаны были выставлять по 2 человека и отдавать девятую часть хлеба и урожая. А Аксаевская, Эндереевская, Костиковская и Брагунская деревни обязаны были посылать по 10 человек с мечети и платить по 60 коп. со двора. Утверждают, что Ушурма решился на такой шаг по подсказке Порты, однако прямых указаний на это нет. Достоверно известно, что в начале 1786 г. к Ушурме приезжал агент султана, но о чем они договаривались и какие советы он давал предводителю повстанцев, осталось неизвестным. Однако даже эти крайние меры не принесли желаемых результатов. Они лишь на некоторое время стабилизировали положение Ушурмы.

Но уже к середине 1786 г. социальная база движения стала неуклонно сужаться. Многие участники движения стали обращаться к кавказскому командованию с просьбой о прощении. Ближайшие сподвижники шейха — князь Дол, Али-султан, Хаджа-Муртазали, Чопанов — и другие феодалы покинули повстанцев и перешли на сторону русских властей.

Расчитывая привлечь горцев на свою сторону, Мансур стал распространять слухи о скором прибытии на помощь ему войск султана и шаха. Но, по свидетельству князя Дола, «никто ему в том не верит и не собирается»⁷⁴. Не имели успеха и неоднократные обращения Ушурмы с просьбой о помощи к соседним народам. «Ты предлагаешь мне и дагестанскому народу, — отвечал ему Умма-хан Аварский, — чтобы подобно населению подчиняющихся тебе чеченских районов и отсюда народы пошли ... сражаться с русскими ... Но, известно, что подобные действия перед русской державой не достигнут цели и станут причиной гибели дагестанцев. Поэтому в твоём деле я не могу быть тебе союзником»⁷⁵. Аналогичные ответы дали Ушурме шамхал тарковский, хан казикумухский, кадий табасаранский и др. Об этом были осведомлены и царские власти. «О собрании же пророка разведал, — писал П. С. Потемкин, — кроме чеченцев никого нет»⁷⁶.

В сентябре 1786 г. Ушурма ездил в Анапу по приглашению турецкого коменданта⁷⁷. Османы хотели использовать это движение горцев в своих интересах. Однако после возвращения Ушурмы в Чечню положение его еще более ухудшилось. Теперь от Ушурмы отошли и чеченцы. Даже в родном сел. Алды он стал приниматься «от народа без того почтения и доверенности, какую они прежде ему чинили».

В этих условиях он отправил кавказскому командованию своего шурина Этта Батырмурзина с просьбой о помиловании. Однако генерал П. С. Потемкин отклонил эту просьбу и потребовал безоговорочной сдачи. Непонятно, чем руководствовался главнокомандующий, но несомненно одно — решение его было ошибочным хотя бы потому, что оно затягивало борьбу в то время, когда внешнеполитическая обстановка все более и более обострялась.

Ведя подготовку к войне с Россией, османы надеялись привлечь на свою сторону народы Кавказа. Большие надежды они возлагали на шейха Мансура. Ободренный обещаниями Порты, шейх сделал попытку вновь поднять горцев на борьбу. Он уверял их, что в скором времени придут многочисленные войска султана, а также отряды шамхала тарковского, хана аварского и других владетелей Дагестана. Эти заверения он сопровождал религиозно-догматическим воззванием. Однако народные массы уже ему не верили. Попытки шейха поднять горцев Северо-Восточного Кавказа на антирусскую борьбу не имели успеха. В результате летом 1787 г. Ушурма вынужден был бежать из Чечни в Закубанье.

Оказавшись среди западных адыгов, Ушурма продолжал свою антирусскую деятельность. Своими проповедями он пытался вызвать ненависть к «неверным», призывал подняться на борьбу с Россией, уверял в скором ее поражении. Накануне русско-турецкой войны 1787—1791 гг. такая деятельность шейха отвечала интересам султанского правительства, которое рассматривало Левобережную Кубань как плацдарм для нападения на Россию. Поэтому оно всячески поощряло и направляло действия шейха Мансура.

Северный Кавказ и вторая русско-турецкая война. В августе 1787 г., опираясь на поддержку Англии и Франции, Османская империя объяви-

ла войну России. Накануне войны обстановка на Северном Кавказе сложилась в пользу России. Ушурма, не поддержанный горским крестьянством Северо-Восточного Кавказа, вынужден был прекратить военные действия. Феодалы и феодализирующиеся верхи Чечни, Кабарды, Засулакской Кумыкии присягнули на верность России, а некоторые из них даже обязались участвовать в совместных военных действиях против неприятеля. К кавказскому командованию обратились владетели Дагестана — кайтагский удмий и дербентский хан — с просьбой принять их в подданство России. В 1787 г. прибыли посланники Умма-хана аварского, казикумухского Магомед-хана «для повергания себя в зависимость е.и.в.»⁷⁸. С письмами, в которых предлагали свои услуги и просили принять их в русское подданство, обратились владетели Табасарана⁷⁹. Того же добивались едисанские ногайцы⁸⁰.

Несмотря на такую обстановку, Османская Порта готовила наступление горцев. Она усилила подрывную антирусскую деятельность, используя при этом подкуп. Только в один Дагестан эмиссары султана привезли для раздачи владетелям 80 тыс. червонцев, 30 халатов и другие подарки⁸¹. Однако поднять горцев Дагестана на борьбу против России они не смогли. «Письма, в которых искали моей дружбы, — доносил П. С. Потемкин, — были получены от всех владельцев Дагестана»⁸².

Открыто отказались от поддержки османов в войне и другие народы Северного Кавказа. Более того, некоторые владетели предложили России «воинские услуги». Даже зарубежные авторы, фальсифицирующие историю русско-кавказских взаимоотношений, вынуждены признать, что «положение турок на Западном Кавказе было довольно затруднительное ввиду недоверия, которое они питали один к другому: турки, адыги, ногаи, татары»⁸³.

Основным театром военных действий русско-турецкой войны был дунайский фронт. В Закавказье османы не смогли открыть фронт. На Северо-Западном Кавказе они решили нанести удар русским войскам силами горцев во главе с шейхом Мансуром. Кавказское командование, узнав о намерениях османов, внезапным ударом нанесло поражение Ушурме. На этом закончилась бесславная роль Ушурмы в военных операциях. С этого времени османы использовали его только для религиозной антирусской пропаганды.

Во время похода русских войск во главе с генералом А. П. Текелли в Закавказье в октябре 1787 г. на их стороне действовало 9 кабардинских сотен под командованием кабардинца по происхождению бригадира Горича. На сторону России перешли некоторые абазинские и бесленеевские владетели с им подвластными народами, а также «горские башильбайцы, кипчаки, ногайцы»⁸⁴.

Весной 1788 г. османы планировали направить крупные воинские силы через Северо-Западный Кавказ для захвата Крыма. Большие надежды при этом они по-прежнему возлагали на помощь горцев Северного Кавказа. Чтобы поднять их на борьбу с Россией, сюда было направлено большое количество эмиссаров султана. Активизировал свои действия и Ушурма, побывав у абазинцев, наврузовцев и призывая их принять участие в военных действиях против России. Обращался он с письмами-призывами и к народам Центрального и Северо-Восточного Кавказа. В одном из них говорилось, «чтоб здешние жители веру свою крепко содержали и соблюдали и с русскими не мирились». В Дагестан, в частности, к аварскому хану было прислано от турецкого двора много денег с просьбой, чтобы он помог шейху⁸⁵.

Однако надеждам османов не суждено было сбыться. Им так и не удалось организовать на Северном Кавказе антирусское выступление. «Все горские народы, — доносил 1 ноября 1788 г. командующий войсками Кавказской линии генерал П. А. Текелли, — за всеми обращениями остались при своих местах»⁸⁶. В том числе и горцев Дагестана ни щедрыми подарками, ни угрозами эмиссары султана не смогли поднять на борьбу против России. Стало ясно, как признает Джевдет-паша, что ханы Дагестана и Азербайджана «оказались сторонниками Эрикли-хана (Ираклия II. — Авт.) и что желанного союза вполне добиться было нельзя»⁸⁷.

Используя благоприятную обстановку для отвлечения внимания неприятеля от Тавриды, русское командование предприняло в 1788 г. поход на Анапу. И хотя войскам, возглавляемым генералом Текелли, не удалось овладеть турецкой крепостью, этот поход имел большое значение: часть западных адыгов, абазинцев, закубанских ногайцев добровольно перешли в подданство России. Победа России на Балканах, действия русских войск на Кавказском фронте и отрицательное отношение народов Кавказа к османам расстроили планы Порты по захвату Крыма.

Поэтому летом 1790 г. султанское правительство изменило первоначальный план по овладению Крымом и предприняло наступление в глубь Северного Кавказа. При этом османы рассматривали Левобережную Кубань как удобный плацдарм для вторжения в Кабарду и прорыва Кавказской линии. Они рассчитывали на то, что закубанцы значительно пополнят ряды войск султана, а другие народы Северного Кавказа поднимут всеобщее антирусское восстание. С этой целью шейх Мансур совершил поездку в Чечню, где пытался мобилизовать горцев для нападения на г. Кизляр⁸⁸. Однако надежды османов и на этот раз не оправдались. Ушурма не смог поднять горцев Чечни и Дагестана и вынужден был вернуться в Анапу ни с чем. Письма командующего турецкими войсками Батал-паши и шейха нашли отклик только у части местной знати, сумевшей склонить к борьбе совершенно незначительную часть горцев. Большая же часть западных адыгов и все другие народы Северного Кавказа отказались поддержать османов. Такая позиция народов Северного Кавказа способствовала победам русских войск.

30 сентября 1790 г. русские войска под командованием И. И. Германа разбили при р. Тахтамыш (близ современного г. Черкаска) превосходящую по численности армию османов. Вместе с русскими солдатами сражалось много горцев и конница ногайцев. 22 июля 1791 г. войска под командованием И. В. Гудовича взяли штурмом крепость Анапу. Здесь и был пленен Ушурма. Он был отправлен в Петербург, заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и умер в апреле 1794 г.

Вместе с русскими под Анапой против османов сражались кабардинцы, осетины, дагестанцы и др. При штурме крепости отличился отряд под командованием Атажука Хамурзина. Русское правительство отметило наградами и чинами кабардинцев — И. Седакаева, А. Атажукина, М. Татарханова, Т. Наурузова, Д. Мадарова, Т. Таусулганова и других, осетин — Е. Кабатиева, А. Туганова, К. Байгиреева и др., астраханского татарина Т. Аймурзина, брагунского — А. Тахмадова, дагестанцев — Г. Чепалова, М. Ахматханова, У. Хамзина, И. Аджиева, А. Алхазова, Д. Таймасханова⁸⁹.

Блестящие победы русских войск под командованием великого русского полководца А. В. Суворова при Кинбурне, Фокшанах, Рымнике и Измаиле, победы русского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова у Керченского пролива, у мыса Киликия, победы русского оружия на Кавказском фронте принудили Порту просить мира.

29 декабря 1791 г. в Яссах между Россией и Османской империей был подписан мирный договор⁹⁰. Он подтвердил условия Кючук-Кайнарджийского договора, утвердил присоединение к России Крыма и территории между реками Буг и Днестр, признал протекторат России над Молдавией и Валахией. Однако условия Ясского договора не соответствовали успехам русского оружия. Россия не получила территориальных приращений на Северо-Западном Кавказе. Она признала зависимость закубанских народов от Порты. Эти уступки русской дипломатии объяснялись осложнившимся положением внутри страны и стремлением вместе с европейскими государствами подавить Великую Французскую буржуазную революцию конца XVIII в. Но Ясский договор имел все же большое значение для России и народов Кавказа. Россия прочно закрепила свои позиции в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Это значительно ослабило влияние султана на горцев. Даже признание по договору зависимости народов Закубанья от Порты носило чисто формальный характер. Значительная часть западных адыгов не признавала этой зависимости и стремилась к присоединению к России. Ясский договор закреплял вхождение Кабарды, Балкарии, Осетии, Карачая в состав России. Указом от 28 февраля 1792 г. Екатерина II разрешила принять под протекторат России народы Северного Кавказа. «Не оружием, — подчеркивалось в указе, — а паче правосудием и справедливостью, нужно приобретать их (горцев. — Авт.) к себе доверенность». Для этого требовалось «всячески ласкать и привлекать к себе лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличиями... Со всей серьезностью следить, чтобы ни от войск наших, ни от казакв не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам»⁹¹.

Такая политика русского правительства нашла живой отклик у народов Северного Кавказа. В 1791 г. в Петербург прибыла делегация, состоявшая из владетелей Засулакской Кумыкии, шамхала тарковского, хана дербентского и других владетелей Северо-Восточного Кавказа с целью решить вопрос о подданстве России. 19 апреля 1793 г. генерал Гудович вновь принял присяги «на вечное подданство России» от кумыкских князей и шамхала тарковского. Последний был произведен в чин тайного советника с годовым жалованьем в 6 тыс. руб. Приставом к шамхалу был определен майор Минаев. В октябре 1793 г. дербентский Ших-Али-хан в присутствии русского офицера присягнул на верность России⁹². Однако царское правительство, занятое борьбой с буржуазной Францией и не желавшее осложнять свое внешнеполитическое положение, дало указание не принимать в подданство России владений, находящихся в «западно-южной стороне» Каспийского моря.

Нашествие Ага-Мухаммед-хана на Закавказье. Поход В. А. Зубова на Восточный Кавказ. В 80-х годах XVIII в. после продолжительной и кровопролитной междоусобной борьбы к власти в Иране пришел Ага-Мухаммед-хан Каджар. Жестокий, презиравший весь род человеческого восточный деспот открыто заявил о своих намерениях завоевать Кавказ. Готовясь к войне, он потребовал от владетелей Кавказа подчиниться Ирану. Тем же, кто откажется признать его «верховную власть», он угрожал разорением и истреблением.

В то же время на Кавказе действовали эмиссары Порты. Они распространяли фирман султана Селима III, адресованный ко всем мусульманским народам Северного Кавказа. В нем говорилось, что султан отправил посланника к русскому двору «с требованием отказаться от Крыма и Кабарды». Если же Россия на то не согласится, то весной 1794 г. он

начнет войну. Его поддержит персидский государь Ага-Мухаммед-хан, короли Франции и других держав. Он призывал народы Северного Кавказа готовиться к войне с Россией.

В этой обстановке русское правительство потребовало, чтобы Ага-Мухаммед-хан прекратил свои посягательства «на области, к Каспийскому морю прилежащие, и на владетелей, скипетру российскому подвластных... царя Карталинского, шамхала, усмия, ханов дербентского, бакинского, тальшинского, шущинского и других, в Азербайджане находящихся», и что посягательства на них будут рассматриваться как действия, направленные против России⁹³.

Владетели Азербайджана и царь Грузии не только отвергли требования властелина Ирана, но и «дали торжественный обет не подчиниться Ага-Мухаммед-хану»⁹⁴. Самым решительным образом отклонили требование шаха и султана владетели Дагестана и другие народы Северного Кавказа⁹⁵. Только один Ших-Али-хан, которого шах обещал сделать ханом всего Ширвана, перешел на сторону властелина Ирана.

Русское правительство поддержало свободолюбивые устремления народов Кавказа. Кавказскому командованию было приказано «всех ... приверженных к России владетелей Кавказа... содержать в единомыслии и благонамеренности и оказывать им военную помощь»⁹⁶.

К лету 1795 г. Ага-Мухаммед-хан собрал огромную армию и вторгся на Кавказ. Активизировала свои действия и Оттоманская Порта. Под видом защиты своей территории султан приказал сосредоточить в пограничных районах войска, «артиллерию и... воинские припасы». Одновременно Порта отправила Ага-Мухаммед-хану продовольствие для войска. Все это показывало, что над Северным Кавказом нависла двойная угроза порабощения — со стороны шахского Ирана и султанской Османской империи.

В Закавказье Ага-Мухаммед-хан встретил упорное сопротивление. Несмотря на неоднократные попытки, ему так и не удалось захватить крепость Шушу. Азербайджанское и армянское население, действуя с исключительным единодушием и мужеством, отбило все атаки полчищ Ага-Мухаммед-хана. Поэтому он вынужден был оставить осажденную Шушу и направить свои войска против Грузии с твердым намерением подчинить ее своей власти.

12 сентября 1795 г. после двухдневных боев войска Ага-Мухаммед-хана ворвались в Тифлис, разграбили и сожгли его. Жестокости захватчиков не было предела. «Бродя по городу, — свидетельствует очевидец событий Артемий Араратский, — ...я не встретился ни с одним живым человеком, кроме некоторых измученных стариков, коих неприятли, допрашивая, где есть у них богатства или деньги, делали над ними различные тиранства. Город почти весь выжжен — и еще дымился, а воздух от гниющих убитых тел, по жаркому времени, совершенно несносен и даже заразителен. Сие ужасное позорище остановило меня». Из 61 тыс. жителей города осталось всего лишь 35 тыс. Остальные были убиты или угнаны в плен⁹⁷.

После этого Ага-Мухаммед-хан потребовал покорности от народов Дагестана. В случае неподчинения его воле он грозил «смертью, разорением и разрушением сел и деревень подобно тому, какое учинил в Грузии»⁹⁸.

Владетели Дагестана единодушно отвергли его требования, приняли решение оказывать сопротивление и обратились с просьбой о помощи к России.

В Петербурге было принято решение не допустить захвата шахским Ираном кавказских владений. В ноябре 1795 г. русским войскам на Кавказе было предписано охранять Грузию, Ширван и Баку. В предписании говорилось: «Оградить безопасностью и не оставить без покровительства подданного нашего шамхала тарковского, уцмья кайтагского и самого хана дербентского». В Грузию были отправлены русские войска под командованием Сырехнева, а в Дагестан — отряд под начальством генерал-майора Савельева. Владетелям Дагестана было предложено привести в боевую готовность свои воинские силы, чтобы при необходимости совместно с русскими войсками отразить нападение неприятеля.

Шамхал, уцмий, кадий Табасарана, кадий акушинский, ханы мехтулинский и аварский «изъявили готовность исполнить» указания кавказского командования⁹⁹. Русское правительство, понимая, что отряды по своей малочисленности не в состоянии будут дать должный отпор иранским войскам, решило снарядить экспедиционный корпус под командованием генерал-поручика В. А. Зубова. Ему же были подчинены отряды русских войск, находившихся в Грузии и Прикаспии, и русский флот на Каспийском море.

15 апреля 1796 г. русские войска под командованием генерал-поручика В. А. Зубова выступили из Кизляра. Командующему было приказано, чтобы «при движении войск соблюдаемо было безукоризненное поведение, чтобы никакие притеснения жителям не делали, проявляли строгую справедливость, внимание к просьбам их ... Привлекать всеми способами и наиболее утверждать в верности шамхала, уцмья, ханов казикумухского и аварского... Стараясь примирить различных владетелей и определить каждому ограничение в его владениях, долженствующе образовать бытие каждого, дабы положить конец междоусобным [войнам], доселе от притязаний проистекающих, обязать их... не собирать войска и на нападать на соседственных себе ханов, равномерно в подданстве России находящихся, стараясь все их распри справедливым посредничеством решать и не допускать никого захватывать собственности другого»¹⁰⁰.

Военные силы владетелей Дагестана — шамхала тарковского Магомед-хана, уцмья Кайтага Рустам-хана, табасаранского Рустам-кадия — присоединились к русским войскам. Всюду в Дагестане встречая только «помощь и содействие»¹⁰¹, русские войска подошли к Дербенту. Ших-Али-хан дербентский, несмотря на то что «жители требовали отдачи города», решил оказать сопротивление. Однако Ага-Мухаммед-хан ушел в Иран. 10 мая русские войска при содействии владетелей Дагестана после непродолжительной осады взяли Дербент. Вслед за этим были взяты Куба и Баку. В ноябре 1796 г. русские войска подошли к берегам Куры (ниже Джавада).

Столь большие успехи корпуса В. А. Зубова объяснялись тем обстоятельством, что большая часть населения Дагестана и Азербайджана оказывала ему всяческую поддержку. В подданстве России оно видело гарантию от нападения иранских войск и ханских междоусобиц.

В столь благоприятный для России момент неожиданно умерла Екатерина II. Вступивший на престол Павел I отдал приказ о прекращении похода и возвращении русского корпуса в Россию. Отзывая русские войска с Кавказа, Павел I поначалу, по-видимому, руководствовался личными соображениями — делать все наперекор планам Екатерины II. Но возможно, что в международной обстановке того времени русский император, нацелившись на борьбу с революционной Францией, не хотел ссориться с Англией, которая была против усиления позиций России на Ближнем Востоке. Вывод русских войск для народов Кавказа имел не-

желательные последствия. Положение в Дагестане резко ухудшилось. Ага-Мухаммед-хан стал вновь угрожать народам Кавказа. В одном из фирманов, разосланных ко всем владельцам, он объявил, что «российское войско, убоясь могущаго им последовать от меня одоления, принуждено было возвратиться вспять... я буду скоро в Азербайджане, и всегда не оставлю послушных мне моею милостью, а противников строго буду наказывать»¹⁰².

Весной 1797 г. Ага-Мухаммед-хан вторгся в Карабах, занял крепость Шушу. Участь несчастных шушинцев ожидала и жителей Дагестана. Однако осуществить свои планы Ага-Мухаммед-хану не удалось, так как вскоре в Шуше он был убит, а войско его с награбленным добром ушло в Иран.

Освоение русскими и украинскими поселенцами Предкавказья. После заключения мира 1791 г., который закрепил новую границу России по р. Кубань, царское правительство решило Правобережную Кубань заселить казаками. В 1792 г. особой грамотой Екатерины II этот район был дарован «в вечное владение» Черноморскому казачьему войску, созданному из казаков Запорожской Сечи. Отданная во владение казаков область получила название Черномории. Она простиралась от правого берега р. Кубань на юге до берегов Азовского и Черного морей на западе и р. Еи на севере.

Черноморцы в том же, 1792 г. начали переселение на Кубань, и к 1794 г. ими было основано здесь 40 куреней, в которых поселилось около 17 тыс. казаков. Центром нового края стал город Екатеринодар (ныне Краснодар). Для охраны границы по Кубани была создана кордонная линия, включавшая в себя около 60 постов и батарей до 100 пикетов. Следуя по бесчисленным извилинам Кубани, она протянулась от устья Кубани до впадения в нее Табы, где охрана русской границы переходила в руки Кавказского линейного казачества.

В 1794 г. на линии было основано 6 станиц: Воровсколеская, Прочнокопская, Темнолеская, Кавказская, Темижбековская и Григориополиская, которые были заселены донскими казаками. Под защитой казачьих крепостей и станиц началось заселение этого степного района и другими группами населения. Стремясь разрешить земельный вопрос в центральных губерниях, царизм всячески поощрял переселение в Предкавказье государственных крестьян. На первых порах основная масса оседала в Ставропольской губернии. В 1784 г. здесь было основано 8 новых поселений государственных крестьян, а в конце 1790 г.—уже более 60 с числом жителей до 40 тыс.

Продолжалась раздача земель русским помещикам и перевод ими на новые земли своих крестьян из центральных губерний. Те помещики, которые не в состоянии были переселить своих крестьян, добивались закрепления за ними вольных поселений. В своем большинстве это были беглые крестьяне и преследуемые правительством раскольники. По указу от 12 декабря 1796 г. во всех южных губерниях, в том числе и Кавказской, переходы крестьян были запрещены. Однако крепостное население Предкавказья по сравнению с другими областями было небольшим и составляло около 5 тыс. человек.

В 1798 г. Кавказская линия была укреплена одной военной линией по р. Малке. Она состояла из шести редутов: Соленобродского, Беломечетского, Зольского, Етоцкого, Новоучрежденного и Касаевского. Создание Малкинской кордонной линии позволило сблизить военные линии, проходившие по Тереку и Кубани. Вместе с тем она обеспечила лучшую

охрану Кавказских минеральных вод, где еще в 1780 г. было основано Константиногорское укрепление.

Заселение степного Предкавказья казачьим и крестьянским населением привело к довольно быстрому хозяйственному развитию края, что стало заметно уже в конце XVIII в.

Бескрайние степные просторы и благоприятные климатические условия способствовали распространению животноводства и земледелия. Скот, как правило, был малопродуктивным, но зато выносливым и не требовавшим большого ухода. Правда, в самом конце века стали разводить улучшенные породы рогатого скота и мериносов. У казаков, помимо того, имелись строевые лошади.

На первых порах земледелие развивалось медленными темпами, так как требовалось время, чтобы освоить целину и приспособиться к местным условиям. Однако переселенцы опирались не только на свой опыт, но и на все лучшее, что было у горских народов. Поэтому уже в конце столетия, хотя хозяйство было и экстенсивным, урожаи пшеницы были довольно высокими — сам-4 — сам-5. Хорошие урожаи давали и другие культуры — рожь, овес, ячмень, просо. Все это способствовало постепенному превращению степного Предкавказья в один из важных районов земледелия и животноводства в стране.

Постепенно возникали отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции, — мукомольная, кожевенная, салотопенная, шерстобойная, маслобойная и винокуренная. Однако до конца века заметных успехов в развитии обрабатывающей промышленности не наблюдалось.

С 80-х годов XVIII в. получил развитие промысловый лов красной и белой рыбы с обработкой ее на месте лова. На базе развития сельского хозяйства и промыслов возник обмен, появлялись центры торговли — крупные села и города.

В экономическом развитии Северного Кавказа немалую роль в XVIII в. стали играть переселившиеся из Закавказья грузины и армяне. В 1789 г. в Кизляре и его окрестностях насчитывалось их уже 4582 человека, что составляло 54,1% всего населения. В Моздоке проживали 1050 армян и грузин, что составляло 55,6% населения этого города. В 80-х годах XVIII в. в Кизлярском и Моздокском уездах насчитывалось более 10% армян. Они занимались главным образом виноградарством и шелководством, отчасти скотоводством и земледелием. Терские казаки и соседние горцы немало полезных сведений и опыта заимствовали и у армян, и у грузин.

Среди казачьей бедноты терского казачества большое распространение получили раскол и оппозиционные настроения. Выступления против крепостнических порядков и самодержавия проходили в это время и в форме старообрядничества. Казаки видели в служителях православной церкви опору царизма. Их отрицательное отношение к православному духовенству очень ярко проявилось в 1763 г., когда 740 казаков гребенских станиц отказалось пойти в церковь на исповедь. Такое массовое выступление казачества против официальной православной церкви произвело большой переполох среди начальства. Ряды недовольных продолжали пополняться. Царская администрация сама способствовала в немалой степени этому. Во второй половине XVIII в. она стала высылать на Терек раскольников. Они-то и образовали самостоятельные секты среди казаков¹⁰³.

Классовая борьба особенно обострилась в последней четверти XVIII в. Одной из причин, вызвавших восстание яицких казаков в 1772 г., яви-

лась обременительная служба в далеком крае. Они ежегодно должны были посылать по 500 человек на Кавказскую линию.

Накануне Крестьянской войны на Тереке побывал Е. И. Пугачев с целью узнать положение казаков и выявить, можно ли поднять их на борьбу против самодержавия. Он появился тайно в станице Ицерской в конце декабря 1771 г. Здесь жили его земляки, переселившиеся донские казаки, которые охотно его приняли.

Емельян Пугачев узнал, что положение казаков было тяжелым: обзаводились куренем и другим имуществом без помощи казны, денежное жалованье и «хлебную дачу» получали меньше, чем коренные терские казаки. После многочисленных и безуспешных жалоб начальству на свое тяжелое положение казаки станиц Ицерской, Галюгаевской и Наурской подняли восстание. Оно было подавлено, а 50 казаков отправлены в Кизляр на расправу.

В начале февраля 1772 г. казаки попросили Е. И. Пугачева поехать в Петербург с ходатайством о повышении денежного жалованья. Станичники снарядили его в дорогу, и он отправился в Моздок. Но там он был арестован. С помощью солдата охраны Лаптева он бежал. А через год началась Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева. После разгрома под Казанью Пугачев двинулся на юг к Астрахани, рассчитывая взять Астрахань и увеличить свои силы за счет донских и терских казаков: он был уверен, что они присоединятся к нему. Однако Пугачеву не суждено было вторично побывать на Северном Кавказе. После подавления Крестьянской войны часть ее участников бежала на Терек. В районе Терека были найдены медали и кресты, которыми Пугачев награждал участников восстания «за отличие и услуги»¹⁰⁴.

Для того чтобы предотвратить волнения народных масс, правительство Екатерины II принимает ряд мер к укреплению монархии и дворянской диктатуры как в центре, так и на местах. Усилился произвол со стороны царской администрации. Казачья старшина захватила общинные земли. Все это отразилось на беднейших слоях донского и терского казачества.

На притеснения донские казаки ответили «есаульским бунтом», охватившим половину донских станиц и продолжавшимся около двух лет — с 1792 по 1794 г. Эти волнения донских казаков были направлены не только против царизма, но и против произвола со стороны старшин и казачьей верхушки.

Боролись за свои права, за улучшение условий жизни и черноморские казаки. Об этом свидетельствует «персидский» бунт двух казачьих полков. В результате тяжелых условий похода летом 1797 г. домой возвратилась половина казаков. Они и потребовали от войсковых властей удовлетворения за все обиды и притеснения. 6 августа 1797 г. в Екатеринодаре участники похода, к которым примкнули другие казаки и городские низы, открыто выступили против начальства. Восставшие вышли из города и образовали лагерь. Однако отсутствие единства дало возможность войсковому атаману Котляровскому, используя и демагогию, и помощь солдат, заставить казаков разойтись по домам. Правда, казакам удалось послать в Петербург в качестве депутатов своих руководителей Дундука, Шмалько и др. Вскоре начались суд и расправа. Из 292 арестованных 55 умерло во время следствия, другие были отправлены в Сибирь на каторгу или жестоко наказаны на месте.

- ¹ АБК. Нальчик, 1974. С. 199.
- ² ЦГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 65. Л. 3, 4; АВПР. Ф. Сношения России с Персией. 1743 г. Д. 3. Л. 472; Д. 4. Л. 348.
- ³ АВПР. Ф. Кумыцкие дела. 1743—1745 гг. Оп. 1. Д. 2. Л. 917.
- ⁴ Там же. Ф. Кизлярские дела. 1746 г. Оп. 155/1. Д. 5. Л. 23.
- ⁵ КРО. М., 1957. Т. 2. С. 129.
- ⁶ Там же. С. 143.
- ⁷ ЦГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 74.
- ⁸ Бутков П. Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Т. 1. С. 258.
- ⁹ АВПР. Ф. Осетинские дела. Оп. 128/2. 1743—1752 гг. Д. 3. Л. 99.
- ¹⁰ Там же. Ф. Кумыцкие дела. 1757 г. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—3.
- ¹¹ Там же. Ф. Осетинские дела. Оп. 128/2. 1767—1783 гг. Д. 1. Л. 233.
- ¹² ЗТОЛКС, Владикавказ, № 11. С. 101—102.
- ¹³ ЦГА ДАССР. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 3318. Д. 154. Ч. 1. Л. 4078; Ч. 2. Л. 3.
- ¹⁴ Материалы по истории Осетии, XVIII в. Сост. Г. А. Кокляев. Владикавказ, 1926. Т. 1. С. 40.
- ¹⁵ АВПР. Ф. Кизлярско-Моздокские дела. Оп. 118. 1762—1782 гг. Д. 1. Л. 18; ЦГА ДАССР. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 331, Л. 37—40; Д. 524. Л. 36—37.
- ¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 262.
- ¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 18.
- ¹⁸ Джеведет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи с 1192 по 1202 г. хиджры // Рус. арх. 1888. Т. 1. С. 572.
- ¹⁹ Там же. С. 372.
- ²⁰ АКАК. Тифлис, 1867. Т. 1. С. 82.
- ²¹ АВПР. Ф. Кабардинские дела. Оп. 15/1. 1766—1768 гг. Д. Б/н. Л. 11—24.
- ²² КРО. Т. 2. С. 290—291.
- ²³ Архив Государственного совета. СПб., 1913. Т. 1. Ч. 1. С. 97.
- ²⁴ Договора России с Востоком, политические и торговые // Сост. Т. Юзефович. СПб., 1879. С. 15—24.
- ²⁵ АВПР. Ф. Сношения с Турцией. Оп. 89/8. Д. 1723. Л. 67—70.
- ²⁶ АВПР. Ф. Осетинские дела. Оп. 128/2. 1762—1783 гг. Д. 1. Л. 416—418.
- ²⁷ Там же. Л. 408.
- ²⁸ Там же. Л. 800, 820, 821; Оп. 128/1. 1775 г. Д. 1. Л. 70.
- ²⁹ Там же. Оп. 128/2. Д. 1. Л. 855.
- ³⁰ АВПР. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115/1. 1766—1768 гг. Д. 3. Л. 9.
- ³¹ АВПР. Ф. Кумыцкие дела. Оп. 121/1. 1759—1781 гг. Д. 1. Л. 12.
- ³² ЦГА ДАССР. Ф. 379. Оп. 1. Д. 807. Л. 64.
- ³³ АВПР. Ф. Осетинские дела. Оп. 128/2. 1765—1783 гг. Д. 1. Л. 1223, 1226, 1227.
- ³⁴ Там же. Д. 2. Л. 2.
- ³⁵ АВПР. Ф. Сношения России с Грузией. Оп. 110/2. 1768—1774 гг. Д. 7. Л. 4.
- ³⁶ ЦГА ДАССР. Ф. 379. Оп. 1. Д. 807. Л. 87.
- ³⁷ Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 303.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Бутков П. Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Т. 2. С. 60—63.
- ⁴⁰ ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 243. Л. 1—7; Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI—начале XX в. Сб. статей. Грозный, 1981. С. 106—112.
- ⁴¹ ЦГАДА. Ф. 23. Оп. 2. Л. 9. Ч. 17/2. С. 175—176.
- ⁴² ЦГА ДАССР. Ф. 379. Оп. 1. Д. 2709. Л. 36.
- ⁴³ АКАК. Т. 1. С. 89.
- ⁴⁴ ЦГАДА. Ф. Персидские дела. Оп. 1. Д. 47. Л. 75.
- ⁴⁵ Сб. РИО. СПб., 1911. Т. 135. С. 376—377.
- ⁴⁶ Там же. 1892. Т. 35. Ч. 8. С. 207—213.
- ⁴⁷ ЦГАДА. Ф. Персидские дела. Оп. 1. Д. 470. Л. 69—74.
- ⁴⁸ ЦГА ДАССР. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 15; АЭО. Ч. 2. СПб., 1869. С. 787—789.
- ⁴⁹ Бакиханов А. К. Гюлистан-наме. Баку, 1927. С. 134.
- ⁵⁰ ЦГАДА. Ф. Персидские дела. 1776—1777 гг. Оп. 1. Д. 478. Л. 58.
- ⁵¹ Там же. Л. 58.
- ⁵² Там же. Л. 104—107.
- ⁵³ ЦГА ДАССР. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 2922. Л. 9; Д. 4078. Ч. 2. Л. 5.
- ⁵⁴ Сб. РИО. Т. 135. С. 266.
- ⁵⁵ ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 208. Л. 14.
- ⁵⁶ Шеварднадзе Э. А. Интернационалистическое воспитание масс // Коммунист. 1977. № 13. С. 45.
- ⁵⁷ Изв. АН АССР. Сер. ист. 1940. № 10. С. 132.
- ⁵⁸ ЦГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2. Л. 279.
- ⁵⁹ Там же. Л. 161.
- ⁶⁰ АВПР. Ф. Кизлярские и Моздокские дела. 1784—1785 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 2.
- ⁶¹ ЦГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 2. Л. 254.
- ⁶² Там же. Л. 28, 136.
- ⁶³ ЦГА ДАССР. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 2709. Л. 43.
- ⁶⁴ Там же. Д. 2901. Ч. 2. Л. 45.
- ⁶⁵ АВПР. Ф. Кабардинские дела. 1776—1778 гг. Оп. 115/1. Д. Б/н. Л. 24.
- ⁶⁶ ЦГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 12. Л. 261.
- ⁶⁷ АВПР. Ф. Кабардинские дела. 1776—1778 гг. Оп. 115/1. Д. Б/н. Л. 24.
- ⁶⁸ Смирнов Н. А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопр. истории. 1950. № 10. С. 20.
- ⁶⁹ Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 178.

- Каждый кис («мешочек») содержал 500 турецких пиастров.
- ⁷⁰ ЦГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 12. Л. 329.
- ⁷¹ Документ из турецкого архива. Цит. по кн.: *Vennigsen A. Un mouvement populaire au Caucase au XVIII s. // Cahiers du monde russe et soviétique. P., 1964. Vol. 5, 62. P. 193.*
- ⁷² ЦГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 10. Л. 177.
- ⁷³ Там же. Разряд 23. Ч. 18. Л. 257.
- ⁷⁴ *Вопр. истории, 1950. № 10. С. 33.*
- ⁷⁵ *Алкадари Г. Асарн Дагестан. Махачкала, 1926. С. 113—114.*
- ⁷⁶ ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 366. Ч. 2. Л. 65.
- ⁷⁷ *Vennigsen A. Op. cit. P. 40; Смирнов Н. А. Указ. соч., С. 50.*
- ⁷⁸ ЦГВИА. Ф. 51. Д. 416. Ч. 1. Л. 184, 336; Ч. 2. Л. 65; Д. 481. Л. 18—21, 290—291, 416.
- ⁷⁹ Там же. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 2377. Л. 296.
- ⁸⁰ *Бутков П. Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Т. 3. С. 202.*
- ⁸¹ ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 436. Л. 17.
- ⁸² Там же. Оп. 1. Д. 477. Л. 9; Д. 481. Л. 106.
- ⁸³ *Vennigsen A. Op. cit. P. 46.*
- ⁸⁴ КРО. М., 1957. Т. 2. С. 369.
- ⁸⁵ Там же. С. 368—371.
- ⁸⁶ ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 481. Л. 82.
- ⁸⁷ *Джесдег-паша. Указ. соч. С. 391.*
- ⁸⁸ ЦГА ДАССР. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 2578. Л. 8.
- ⁸⁹ КРО. Т. 2. С. 376—378.
- ⁹⁰ Договоры России с Востоком, политические и торговые. С. 41—49.
- ⁹¹ АКАК. Тифлис, 1879. Т. 2. С. 1123—1124.
- ⁹² Там же. С. 294, 295.
- ⁹³ *Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 331.*
- ⁹⁴ *Мирза-Адигизал-бек. Карабах-наме. Баку, 1950. С. 77.*
- ⁹⁵ ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 15. Л. 42.
- ⁹⁶ *Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 332.*
- ⁹⁷ Жизнь Артемья Арабатского. Л., 1980. С. 103.
- ⁹⁸ ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 2801. Л. 2.
- ⁹⁹ ЦГА ДАССР. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 18, 19.
- ¹⁰⁰ ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 2799. Л. 5—24.
- ¹⁰¹ *Алкадари Г. Указ. соч. С. 102.*
- ¹⁰² *Бутков П. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 425.*
- ¹⁰³ ЦГА СОАССР. Ф. 12. Оп. 8. Д. 107. Л. 2.
- ¹⁰⁴ *Магродин В. В. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. // Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2. С. 254.*

КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В XVI—XVIII ВВ.

1. Материальная культура

Поселения и жилища. Народы Северного Кавказа в XVI—XVIII вв. жили в сельских поселениях, и лишь незначительная часть их проживала в городах и крепостях — Дербент, Тарки, Тамань, Темрюк и др. Под стенами города-крепости Терки возникли слободы с местным северокавказским населением: Черкесская (кабардинская), Окоцкая (чечено-ингушская), Татарская (кумыкская, ногайская и др.) и Новокрепченская (со смешанным северокавказским населением, принявшим православие).

Кроме г. Терки, на Северном Кавказе периодически то возникали, то сносились и другие русские крепости-городки: Сунженский острог (на месте старого — Терского), крепостцы на реках Койсу-Сулак, Мезбур, Маньч и др.¹ Однако в силу различных причин, о которых речь шла выше, они так и не превратились в крупные поселения городского типа.

В 1722—1735 гг. на берегу р. Сулак функционировала крепость Святой Крест с казачьими и горскими слободами. В 1735 г. начато строительство крепости Кизляр, а в 1763 г. — Моздок, превратившихся в крупные экономические и культурные центры Северного Кавказа. Развивались и старые города. В Дербенте, например, к концу XVIII в. насчитывалось 2 тыс. домов при 10 тыс. населения².

Сельские поселения народов Северного Кавказа располагались в равнинной, предгорной, горной и высокогорной зонах.

Выбор места для поселения, его площадь и форма зависели от рельефа.

В горной части Дагестана, Чечни, Осетии, Балкарии как в планировке поселения в целом, так и в расположении жилых и хозяйственных построек преобладала вертикальная зональность, в селениях же на равнине — горизонтальная. В большинстве случаев поселения строились с системой укреплений, форма которой зависела от топографии местности. Рвом и валом были окружены казачьи городки на Тереке и поселения некрасовских казаков близ Анапы. Ногайские стойбища, адыгские селения и некоторые селения в равнинном Дагестане были обнесены плетнем.

В центральной и восточной частях горной полосы Северного Кавказа по-прежнему для обороны служили боевые башни. Их строили в одних случаях для защиты определенной территории или сельской общины, а в других — отдельной семьи. В большинстве случаев семейные башни встречаются в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии.

Горные поселения отличались теснотой, повышенной этажностью строений, почти полным отсутствием дворов, сколько-нибудь значительных площадей, узостью и кривизной улиц. Из-за недостатка места строения нередко смыкались над улицами, которые порой вместе с перекрестками превращались в длинные, извилистые и темные тоннели.

В описываемое время начался процесс переселения чеченцев, ингушей и осетин в предгорные районы, в результате которого у них появились селения с просторными усадьбами.

Однако и равнинные, и предгорные поселения имели искусственные укрепления. Адыги селились компактно, придавая своим селениям форму круга или квадрата. По его периметру располагались жилища, фасадная часть которых была обращена внутрь селения, а в середине размещались обширный двор для скота, колодцы, зерновые ямы, площадь и т. п. В других случаях поселения, не имевшие естественной защиты, окружались одной общей оградой, которая сооружалась из высокой и прочной плетневой стены, иногда в несколько (до семи) рядов, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. В некоторых случаях расстояние между плетневыми заборами засыпалось землей. Такие укрепленные поселения-крепости имели на противоположных концах сторожевые плетневые башни с постоянным караулом.

В XVIII в. отдельные кабардинские деревни имели каменные укрепления³. Вместе с тем у адыгов были селения и без укреплений. Крепости Тамань, Темрюк и Анапа имели кирпичные стены, а Сунджук-кале (на месте Новороссийска) — земляной вал.

В горной части Северного Кавказа преобладали поселения небольших размеров, а в предгорьях — более крупные, иногда по несколько сотен домов. В равнинных местах селения адыгов, осетин, чеченцев и ингушей, народов Дагестана занимали большую площадь.

В XVII—XVIII вв. интенсивно развивался процесс образования отселков и хуторов. У балкарцев, осетин и адыгов жители таких вновь образованных поселений нередко принадлежали к одному роду и были однофамильцами. В Дагестане же в хуторах и отселках преобладал территориальный принцип заселения.

↑ В каждом селении имелась хотя бы маленькая площадь, на которой собирались жители для решения общесельских дел. В Дагестане на этих же площадях обычно располагались мечети.

Жители горных районов (балкарцы, чеченцы, ингуши, отчасти народы Дагестана и др.) нередко выносили свои хозяйственные службы за черту села, на одно общее для всех или для группы дворов место. Усадьбы прикубанских адыгов и кабардинцев имели форму неправильного четырехугольника с самыми неожиданными выступами. При усадьбе имелся небольшой огород и сад. Вся же усадьба окружалась одной общей оградой с воротами со стороны дороги и несколькими «перелазами» (для сообщения с соседями).

По своему этническому составу населенные пункты Северного Кавказа в XVI—XVIII вв. в основном состояли из представителей одного народа, хотя встречались и полиэтнические селения. Так, в кабардинских деревнях жило немало осетин, кумыков, лакцев, даргинцев, чеченцев и ингушей, а в селениях Чечено-Ингушетии и Дагестана жили кабардинцы, балкарцы, осетины и др.

Совместная жизнь в одних и тех же населенных пунктах оказала большое влияние на формирование общих черт в материальной и духовной культуре соседних северокавказских народов.

В планировке жилища в начале рассматриваемого периода преобладали двухкамерные конструкции, в которых одна служила в качестве кладовой. В дальнейшем увеличение числа камер было связано с развитием семьи и ее дроблением.

Чаще всего встречалась двух- и трехкамерная планировка с отведением комнат нижнего этажа под хозяйственные нужды. В одноэтажных жилищах Кабарды, Адыгеи, Черкесии имелось и большее количество камер (длинный дом), одна из которых являлась главной, сохранившей в значительной степени былую универсальность функций комнаты

патриархальной семьи (остальные камеры предназначались для отдельных молодых семей, кухни, комнаты для гостей и т. п.).

Народы Северного Кавказа для постройки своих жилищ и хозяйственных построек использовали различные строительные материалы. Большая часть жителей нагорного Дагестана, Чечено-Ингушетии, Осетии, отчасти Балкарии для строительства использовали камень. Обычно стены клались на глиняном, реже известковом растворе, а иногда и насухо. Жилые постройки в равнинной зоне Центрального и Южного Дагестана возводились из саманного (глинобитного) кирпича. Саманные здания строились одноэтажными и двухэтажными. В первом случае они имели крытый хлев и двор, во втором — внизу находились хозяйственные помещения, а наверху — жилье. Внешне двухэтажные дома выглядели в виде уступчатой постройки, так как обширный хлев пристраивался к основному зданию или занимал срединное положение между возвышающимися жилыми помещениями.

В ряде мест строители применяли противосейсмические меры, устраивая специальные швы и кладку брусьев-прокладок. В равнинных районах Дагестана жилища адыгов строились из плетня, с последующей его обмазкой (турлук) глиной, смешанной с соломой. В отдельных районах Черкесии вплоть до второй половины XVII в. встречались турлучные дома с двойными плетневыми стенами, пространство между которыми заполнялось глиной. В лесистых районах Осетии, Балкарии, Карачая, некоторых горных адыгов (абадзехи, шапсуги) и отчасти высокогорного Дагестана преобладала срубная техника строительства. Срубные деревянные дома имелись и у гребенских казаков.

Если в каменных домах крыши были высокие, глиняные (балка из бревна), то в турлучных и срубных домах преобладали скатные кровли, причем в турлучных они, как правило, покрывались соломой, тростником или обмазывались глиной, а в срубных домах крылись дранкой. В некоторых районах Балкарии, Карачая двухскатная кровля образовывалась толстыми досками, засыпалась землей, причем такая кровля бытовала и в каменном жилище, заменившем деревянное. В промежуточных зонах (или в районах с убывающим количеством леса) наблюдалось комбинированное каменно-деревянное строительство, при этом первый этаж строился из камня, второй — из дерева, турлука и сочетания турлучных перегородок с каменными стенами (предгорный и местами высокогорный Дагестан, Балкария).

Из огромного количества строительных приемов большой интерес представляют чисто каменные перекрытия, арочные и на каменных столбах, ложные каменные своды (нагорный Дагестан, Чечено-Ингушетия и др.), деревянные каркасы каменных жилищ, венцеобразные, срубные (в крестовину), деревянные колонны (высокогорный Дагестан, Балкария), каменные столбы и колонны, нередко фигурные (горный Дагестан, Чечено-Ингушетия, Осетия) и др.

Особняком стоит жилище ногайцев. Это войлочная юрта с решетчатой основой из прутьев. Вверху находилось отверстие для выхода дыма. При перекочевках юрту водружали на верблюдов или верблюжки повозки.

Интерьер жилища состоял из очага, топившегося дровами или кизяком, циновок, войлоков или ковров, украшавших стены и постеленных на полу, одеял, матерчатых или кожаных матрацев и подушек, уложенных стопой, нередко в специальной нише. Бедняки спали на подстилке из травы или же на тулупах, которыми и покрывались.

В убранстве северокавказских жилищ в большой степени прослеживаются местные особенности, этническое своеобразие и традиции. В горном Дагестане у аварцев, даргинцев, лакцев и других доминирующее значение имели центральный столб и резные лари, особенно в Дагестане и Осетии, порою представляющие собой целые помещения — отсеки с многочисленными отделениями для разных припасов и продуктов (а в некоторых районах резные плиты дымара). У кумыков — очаг с глиняными лепными украшениями и полки для постелей. В целом для Дагестана значительна и роль гончарной посуды (чего совсем нет, например, в Кабарде и Балкарии), медных котлов, посудных полок и стенок. В Кабарде, Адыгее, Осетии, Балкарии важное значение придавалось низеньким столикам и стульям, надочажной цепи (особенно в Осетии), открытым висячим шкафам вместо полок (в Адыгее), деревянным резным изделиям (Осетия, Кабарда), узорным войлокам с аппликациями (Балкария, Карачай, Кабарда, ногайцы) и др. Тем не менее следует отметить весьма осязаемое композиционное единство планировки и внутреннего убранства жилища у всех северокавказских народов, особенно в однотипных природно-экономических зонах. Если в доме имелась отдельная парадная (кунацкая) комната, лучшие вещи — паласы, ковры, оружие, сундуки, кубки и т. п. — собирались здесь.

Интересными памятниками архитектуры были надмогильные памятники — склепы и мавзолеи. В Дагестане (Южном) — это так называемые пиры — квадратные постройки со стенами, переходящими в купол; более колоритны склепы Северной Осетии и особенно Чечено-Ингушетии («малх-кат» — солнечная могила); большие прямоугольные постройки — домики с двухскатной шиферной крышей, иногда двухэтажные с каменными полками внутри стен, на которые кладут покойников (иногда до сотни в одном доме), нередко такие «пиры» образуют целые поселки — города мертвых.

В целом следует отметить значительный прогресс в развитии типологии и планировки северокавказского жилища в исследуемый период, усиление роли общественных факторов в его эволюции (от жилища большой патриархальной семьи к жилищу малой семьи), развитию отдельных его форм и элементов.

Одежда и вооружение. Одежда, отвечая нравственным, бытовым и эстетическим запросам локальных групп населения Северного Кавказа, содержала много общесеверокавказских черт, и, кроме того, ее покррой нередко подвергался влиянию моды, шедшей из соседних стран. Одежда изготовлялась из местных и привозных материалов (шелк, парча, бархат, сукно, холст, бязь и другие ткани).

Серые или цветные рубашки и штаны со вздержкой шили из холста, бязи или шерстяной ткани. Отмечено, что в первой половине XVII в. адыги предпочитали красные рубахи, а во второй половине этого же века — черные. Сверху надевали суконные, холщовые или шелковые кафтаны с разрезными рукавами, а у осетин — иногда со сборками. Ингуши надевали в отдельных случаях два халата, один из которых был стеганным. Суконные кафтаны дагестанцев шились черного или серого цвета, но феодалы ходили также и в шелковых — зеленого цвета. Дидойцы предпочитали черные одежды. Гребенские казаки носили то же, что и адыги. Пояса употреблялись шерстяные, холщовые или шелковые, скрученные жгутом или сложенные в несколько слоев, а также и кожаные с металлическими пряжками. В непогоду поверх кафтана или халата надевали короткую бурку, которую носили на одном плече и поворачивали ее в

ту сторону, откуда был ветер или дождь. Носили и овечьи шубы (преимущественно старики), иногда шерстью наружу. Головными уборами служили шапки из меха ягнят, лисиц, куниц, фетровые и стеганые суконные колпаки, низкие тюбетейки и (преимущественно в Дагестане) чалмы.

Обувь состояла из суконных или кожаных ноговиц и поршней из сыромятной кожи с плетеной подошвой. В поршни подстиляли пучок сена. Богатые вместо поршней носили чувяки из цветного сафьяна, иногда с металлическими аппликациями. Реже ходили в сапогах на кожаной или деревянной подошве с подковками. В Дагестане бытовали и шлепанцы без задников.

Мужской костюм дополнялся непременно вооружением: не только знать, но и мало-мальски зажиточные люди имели кольчуги или иногда пластинчатые латы, а также шлемы с мисюркой и поручи. В XVII в. дагестанцы и адыги пользовались щитами. Ингуши и в XVIII в. носили при себе круглые деревянные щиты, обтянутые кожей. В XVII в. происходил процесс активного вытеснения луков и стрел огнестрельным оружием. Луки были сложными, с роговыми обкладками. Длина одного из сохранившихся луков того времени равна 1,3 м. В XVIII в. большинство мужчин на Северном Кавказе уже имели ружья, а то и пистолеты, но луки также находились в употреблении. Кое у кого были на вооружении фитильные ружья. В крепостях Дербент, Терки, Святой Крест, Сунженский городок, Темрюк, Тамань, Сунджук-кале имелись пушки. В 20-х годах XVIII в. пушки были и у некрасовских казаков.

Массовым оружием была сабля с перекрестием, того же типа, что и на Ближнем Востоке и в Восточной Европе. Специфически кавказский эфес (без перекрытия) до XIX в. неизвестен. В XVIII в. носили и кинжалы с прямым и изогнутым лезвием. Копья и дротики, хорошо известные в XVII в., потом постепенно выходили из обихода. В ингушском погребении обнаружен боевой топорик в деревянном чехле. В Дагестане и в Ингушетии были известны круглые пращевые камни (диаметром 4 см).

Кроме оружия, мужчины носили при себе нож в кожаном чехле, трут, кремь, бритву нескладную или складную, оселок, костяную или деревянную пороховницу.

Авторы XVII в. сообщают, что адыгейцы на голове выбривали полосу ото лба до затылка, а по бокам отпускали длинные волосы, нередко заплетенные в одну косу. Длинные волосы носили тогда причерноморские абазины, а в Кабарде брили и голову, и бороду. Дагестанцы ходили с бородой и даже старались не общаться с теми, кто ее брил.

Одежда женщин, несмотря на локальные различия, так же как и у мужчин, имела много общего. То были хлопчатобумажные или холщовые сорочки, узкие холщовые шаровары и длинный (иногда стеганный) кафтан или халат из хлопчатобумажной ткани. Кабардинская княгиня в 1638 г. носила черный кафтан, подбитый собольим мехом. Зимой многие ходили в бараньих шубах. Летом кабардинки ходили в одних сорочках, с вырезом спереди до пояса. У дагестанок бывали «красиво расшитые шелком куртки». В 1728 г. было отмечено ношение адыгейскими женщинами «особого рода корсета» (К. Главани).

Большим разнообразием отличались женские головные уборы и украшения. У ингушей был распространен «курхаре». Это войлочный головной убор в виде сужающегося кверху и загибающегося вперед рога. Осетинки, кроме платков, носили и округлые шапочки разной вышины из простеганной ткани. Свообразен головной убор карачаевок и балка-

рок, изготовлявшийся из войлока (иногда обшитого кожей) с конусообразным навершием из серебряной или бронзовой пластинки, соединенный и украшенный камнями в высоких оправках или инкрустацией из бисера. На конце конуса возвышался невысокий столбик, иногда тоже с камнями. Шапочки адыгских женщин из шелка и парчи украшались галунами, серебром, а иногда имели навершие в виде металлического стержня, обметанного шнурком.

Женщины украшали себя стеклянными и янтарными бусами, ожерельями из агата, рога, пестрых камешков и серебряных монет, бронзовыми браслетами, серебряными, медными и оловянными перстнями, различными цепочками, серьгами, височными серповидными подвесками и металлическими нагрудными украшениями.

Из женских причесок лучше известны адыгейские. В 1634 г. девушки и замужние женщины в Адыгее ходили с распущенными волосами. Кабардинки в Терках в 1638 г. носили два длинных крученых локона. Там же в 1669 г. видели кабардинок, которые заплетали волосы в 7 или 8 косичек. Носение двух кос адыгскими женщинами было отмечено в 1711 и в 1722 гг. Кумыкские девушки в 1638 г. заплетали волосы в 40 косичек. Адыгские женщины в XVII в. красили руки хной. В женских захоронениях на Северном Кавказе XVII—XVIII вв. часто находили деревянные и костяные гребни, зеркальца, наперстки, иголки, мотки ниток и ножницы. Иногда эти предметы находили в кيسетах из кожи и ткани.

Пища. Продукты питания, обихода и кушанья горцев сохранились в обиходе прочно и не вытеснялись полностью даже при значительных изменениях в их быте. Важнейшей сельскохозяйственной культурой у адыгов, как отмечалось выше, было просо, хотя высевались и пшеница, и полба. Поэтому основным продуктом питания — «хлебом» адыгов — по-прежнему была «паста». Из пшена варили похлебку «хантхупс», а из просяной муки пекли лепешки. В XVI—XVIII вв. просо сеяли и осетины, и ряд народов Дагестана. Однако в горных районах — Карачае (и части Дагестана, Балкарии и Осетии) — основной пищевой культурой был ячмень, из которого пекли лепешки. Способы приготовления мучных блюд были различными. Карачаевцы, балкарцы, чеченцы, народы Дагестана, отчасти адыги любили кушанья из жареного теста, осетины — из печеного. В нагорном Дагестане большое распространение имело толокно — мука из прожаренного зерна.

В Дагестане возделывался и употреблялся рис.

Все народы Северного Кавказа употребляли мясо домашних и диких животных. Наилучшим видом мяса считалась баранина, на втором месте стояла говядина. У ногайцев, карачаевцев и балкарцев, а отчасти и в Кабарде в пищу употреблялась и конина. Приготовление блюд из мяса как домашних, так и диких животных было приблизительно одинаковым у всех народов Северного Кавказа. В полевых условиях его жарили на вертеле целиком, большими кусками или в виде шашлыка. Дома же предпочитали варить мясо в котле кусками. Внутренности использовали для приготовления колбас и других кушаний. Однако мясо не являлось повседневной пищей не только всего населения, но даже социальной верхушки. Адыгские народы из птицы — кур, индюков, гусей, уток — готовили вкусные праздничные блюда.

Хотя рыболовством и занималось население, живущее на побережье Черного и Каспийского морей, в устьях рек, но все же рыба не играла большой роли в питании северокавказского горца.

Широкое распространение имела молочная пища в виде заквашенного молока, сыра из коровьего или овечьего молока, масла, однако способы их приготовления были различными. В Кабарде в этот период предпочитали твердые просушенные у очага сыры; карачаевцы, балкарцы и осетины любили свежие мягкие сыры, а при заготовлении впрок они держали сыр в тузлуке — соленом айране; в Дагестане больше был распространен овечий сыр и отчасти коровий, высушенный в виде шариков, пластин или кругов, а также в рассоле из сыворотки или овечьего молока. Наряду с маслом горцы для жарения чаще всего употребляли курдючный и нутряной жиры.

Большинство народов Северного Кавказа, и особенно адыгейцы, и в предгорной Чечне вместо сахара использовали мед, а также и как лекарство, и при приготовлении хмельных напитков. По свидетельству путешественников, горцы отличались воздержанностью в употреблении хмельных напитков. Осетины, карачаевцы и балкарцы варили пиво из ячменя, адыги делали брагу из проса (иногда с медом), редко — араку из плодов; в Дагестане готовили брагу, безалкогольный напиток из зерна, виноградное вино. Но повседневными напитками служили айран, кефир, кислое молоко. Ногайцы всем напиткам предпочитали кумыс.

Социальные различия в питании отдельных групп населения были значительны, особенно в отношении мяса, но в XVI—XVIII вв. сохранился обычай делиться охотничьей добычей, посылать соседям куски мяса при забое скотины, а на свадьбу и поминки мог прийти каждый желающий. Совместным принятием пищи отмечался и ряд общественных актов: например, примирение кровников, принятие в род, общественная помощь при постройке дома и т. п. Каждая трапеза в семье и особенно при приеме гостей подчинялась определенному ритуалу, при котором руководство столом осуществлял старший по возрасту или по социальному положению. Сдержанность в еде и в питье, осуждение жадности, нетерпения и тем более обжорства находят свое отражение в фольклоре горцев. Известной спецификой народов Северного Кавказа являлось то, что в приготовлении пищи участвовали не только женщины, но и мужчины. Мужская молодежь получала соответствующую подготовку во время коллективных мужских работ (сенокос, пахота), охоты, отгонного скотоводства и воинских походов.

2. Общинный и семейный быт

Семья и семейные обряды. В XVI—XVIII вв. у народов Северного Кавказа, за исключением Дагестана, продолжала сохраняться семейная община. По свидетельству П. С. Потемкина, у кабардинцев «каждое семейство от прадеда и до позднего поколения живет нераздельно и пищу употребляет из одного котла и по сему самому здесь народ не говорит „сколько семей или дворов“, но „сколько котлов“»⁴. О «многолюдных» осетинских семействах писал в 1781 г. Штедер⁵.

Для семейной общины по-прежнему была характерна общинно-семейная собственность. В ней господствовали коллективное производство и потребление, общинное управление хозяйством. В семейных общинах насчитывалось от 15 до 100 человек, главой являлся самый старший ее член — отец неразделенных братьев, управляющий всеми хозяйственными делами общины и опирающийся на семейный совет, состоявший из взрослых мужчин. Вторым лицом, обладавшим большой властью в общине, была жена главы семьи, руководившая женскими работами.

Наряду с семейной общиной в XVII—XVIII вв. у горцев Северного Кавказа существовала и малая, или индивидуальная, семья. Ее главой и полновластным хозяином являлся отец, которому беспрекословно подчинялись все члены семьи.

Личные взаимоотношения в малой семье, как и в большой, в основном были патриархальными. Личностные отношения в семьях народов Северного Кавказа строились на строгом иерархическом принципе подчинения младших старшим.

Брак у адыгов, осетин, балкарцев, карачаевцев, абазинцев, чеченцев, ингушей, погайцев был экзогамным, распространявшимся на род как отца, так и матери; даже отдаленные родственники не могли вступать между собой в брак. У народов же Дагестана широко был распространен обычай эндогамии: предпочтение брака в пределах одного тухума, т. е. в среде своей родственной группы (ортокузенные и кросскузенные браки). Кроме того, у многих народов Северного Кавказа существовали и другие брачные ограничения. Например, люди, связанные узами аталычества, также не имели права вступать в брак друг с другом. Запрещался брак и между усыновленными и членами фамилии усыновителей. Необходимым условием брака было сословное равенство бракосочетающихся. Вместе с тем у горцев бытовали традиции левирата и сорората*.

В семейном быту народов Северного Кавказа широкое распространение имели обычаи избегания. Мужчины и женщины жили врозь, в разных компатах. В присутствии родителей и старших муж вообще избегал встреч и разговоров с женой, а при посторонних делал вид, что ее не замечает. В свою очередь, жена избегала встреч и разговоров со старшими родственниками и близкими соседями мужа, даже их имена для нее были запретны⁶. Существовало избегание и между родителями и детьми. Отец в присутствии посторонних не брал на руки детей, не называл их по имени, а всячески выказывал внешнее безразличие по отношению к ним, поскольку для мужчины считалось постыдным демонстрировать свою любовь и привязанность к детям.

Рождение ребенка (особенно мальчика) отмечалось как важное событие. У горцев бытовали обряды, связанные с первым завязыванием в люльку, прорезанием зубов, первым бритьем волос, первым шагом, достижением совершеннолетия и т. д. В выполнении этих обрядов у различных северокавказских народов встречались свои локальные особенности: в одних — участвовали в основном мужчины, в других — женщины, в третьих — и взрослые, и дети, и т. д., но при всех случаях церемонии были многолюдными и сопровождались пиршеством, скачками, играми и т. п.

Процесс воспитания подрастающего поколения протекал под непосредственным влиянием всего уклада жизни, окружающей среды, трудовой деятельности, обычаев. При этом большое внимание уделялось физическому, трудовому и нравственному воспитанию детей. Учили владеть оружием, ездить верхом, преодолевать всевозможные трудности и лишения.

Семейное воспитание дополнялось общественным. Общество влияло на детей через самые различные каналы — кунацкую, сборища на свадьбах, аульных сходах и в местах проведения досуга.

* *Левират* (от лат. *levir* — деверь, брат мужа) — вторичный брак с членом рода умершего мужа.

Сорорат (от лат. *soror* — сестра) — обычай вступления в брак одновременно или последовательно с двумя (и более) женщинами, состоящими между собою в родстве (родные или двоюродные сестры).

Похоронные обряды горцев Северного Кавказа были также весьма различными. Большинство народов Дагестана, например, хоронили своих умерших по мусульманскому обряду, осетины-христиане — по христианскому, а остальные в XVI—XVII вв. сочетали языческие, христианские и частично мусульманские элементы в погребальной обрядности. Даже у кабардинцев в XVIII в. похоронные обряды сохраняли много архаических языческих элементов. Обычно же в честь умершего устраивали поминки через неделю, на 40-й день и через год. У осетин и адыгов в память умершего в один из поминальных дней (обычно в день годовых поминок) устраивались скачки с призами⁷.

Аталычество. В общественном быту народов Северного Кавказа важное место занимал институт аталычества. Оно бытовало среди адыгов, абазин, осетин, балкарцев, карачаевцев, кумыков и кайтагских даргинцев. В отличие от предыдущих эпох в изучаемое время аталычество все более и более приобретало ярко выраженный классовый характер. Теперь оно наиболее устойчиво удерживалось в среде господствующей феодальной верхушки. У кумыков, например, этот обычай имел место только в среде беков. Если ранее феодалы выбирали воспитателей для своих детей из своего сословия, то со временем стали выбирать из зависимых сословий. Князь отдавал детей на воспитание дворянину, дворянин — крестьянину.

Мальчик рос в доме аталыка обычно до совершеннолетия, девочка — до замужества. Аталык кормил, одевал и воспитывал своего питомца бесплатно, заботясь о нем даже больше, чем о своих детях. Главной обязанностью воспитателя считалась подготовка из своего «названного сына» хорошего воина, поэтому с 6 лет ребенка учили стрельбе, верховой езде и борьбе, переносить голод, холод, зной и усталость. Девочек с малых лет знакомили с правилами этикета, учили умению вести домашнее хозяйство, шить, вязать, готовить. Между аталыком и воспитанником возникали близкие отношения, не уступающие кровному родству, причем воспитанник был даже больше привязан к аталыку, чем к своим родителям. Кроме того, воспитанник считался родственником не только семьи аталыка, но и всего его рода. У адыгов и осетин воспитанник и дети аталыка считались молочными братьями.

Кровная месть. В XVI—XVIII вв. у народов Северного Кавказа кровно-родственные связи были прочными. Члены фамилии (патронимии) оказывали друг другу помощь, защищали друг друга, а в случае убийства, увечья или оскорбления чести обязаны были отомстить, ибо обида, нанесенная члену той или иной фамилии, рассматривалась как общая обида для всех ее членов. Говоря словами Ф. Энгельса, «в деле защиты своей безопасности отдельный человек полагался на покровительство рода и мог рассчитывать на это; тот, кто причинял зло ему, причинял зло всему роду. Отсюда, из кровных уз рода, возникла обязанность кровной мести...»⁸.

Отступавшего от обычая кровной мести наказывали всеобщим презрением или даже изгоняли из обществ⁹. Месть считалась священной обязанностью каждого родственника убитого.

Кровомщение иногда длилось десятилетиями и приводило к истреблению целых родов, оно причиняло народу огромный ущерб, поэтому сельская община принимала все меры для примирения кровников. Уже в XVIII в. встречались примеры, когда кровомщение заменялось выкупом за кровь. В XVIII в. делались также попытки ограничить круг родст-

венников, на которых распространялось кровомщение. Все чаще и чаще месть направлялась непосредственно на самого виновника преступления.

Гостеприимство. Куначество. Самое широкое распространение у всех народов Северного Кавказа имело гостеприимство. Удовлетворяя потребности всех социальных слоев, этот обычай долгое время играл весьма важную роль в общественной жизни горцев, особенно в условиях феодальной междоусобицы, экономической и территориальной разобщенности.

В основе обычая гостеприимства лежали известные общечеловеческие категории нравственности, что делало его весьма популярным далеко за пределами Кавказа. Любой человек мог остановиться в качестве гостя в любом горском жилище, где его принимали с большим радушием. Даже убийца и тот мог пользоваться в полной мере обычаями гостеприимства в доме его кровного врага¹⁰. Горцы, даже самые бедные, всегда были рады приезду гостя, считая, что вместе с ним приходит благо.

Ограбивший или обидевший гостя подвергался суровому наказанию.

Народы Северного Кавказа для гостя строили специальное помещение — кунацкую — или выделяли одну из комнат жилища.

Весьма значительную роль в общественной жизни горцев играло в XVI—XVII вв. куначество. Тот, кто хоть раз воспользовался гостеприимством другого, становился его «кунаком», и в обязанность их обоих входила взаимная поддержка в разных житейских случаях.

У адыгов лица, пожелавшие быть кунаками, давали друг другу клятву и совершали специальный обряд, согласно которому в чашку с брагой опускали золотые монеты и пили из нее по очереди. У чеченцев и ингушей лица, вступившие в куначеские отношения, обменивались оружием, боеприпасами, давали клятву или слово быть друзьями-кунаками.

С куначеством был непосредственно связан обычай куначеского патроната, получивший распространение в XVIII в., например, у адыгов. Суть его заключалась в том, что слабые семьи (в основном тлюкотлей) под влиянием разных обстоятельств (преследование, угроза закрепощения, необходимость спасения от кровной мести) на правах гостеприимства вступали под покровительство влиятельного и знатного феодала. Лица, связанные обычаем патроната, считались кунаками, но между ними уже не существовало дружеских связей и равноправия, свойственных обычному куначеству, ибо кунак в этом случае становился добровольным вассалом того или иного феодала.

Общественные игры и обряды. Большое место в жизни горцев занимали различные общественные игры и обряды. У различных народов Северного Кавказа они имели много общих черт, но вместе с тем отличались и своеобразием.

Горцы выражали в обрядах свои взгляды на жизнь, на Вселенную. Адыги, например, совершали множество обрядов, посвященных Мэзытху — богу лесов, Зекіуэтху — богу наездничества, Емышу — покровителю овец, Ахину — покровителю рогатого скота, Шибле — богу грома и молнии, Тхагалегу — покровителю земледелия, Глепшу — покровителю кузнецов¹¹. Они также праздновали начало и окончание пахоты (весенний праздник «Баррак»), посева, уборки и сенокосения, стрижки овец, выход на ток. Многие праздники и гулянья у адыгов сопровождались жертвоприношением, пиршеством, танцами, скачками, джигитовкой, состязаниями в стрельбе, метанием копья, поднятием тяжестей и т. д.

Осетины совершали обряды — «хархы-дзуар», «ног-дзуар», «фаринджи-дзуар», «гудзи-дзуар», «уациклы-дзуар» (бог плодородия), «фалвари-дзуар» (покровитель мелкого рогатого скота), связанные с сельскохозяйственными работами, весенний праздник, летний праздник — в начале сенокоса и после окончания жатвы и в конце ноября — в честь бога — покровителя мужчин-воинов Уастырджи. Они сопровождались пиршеством, весельем, скачками.

В Дагестане были популярны обряды, связанные с полевыми работами. Даргинцы, аварцы, лакцы отмечали праздники первой борозды — «хъуба-хруми», «оц-бай», лезгины — «праздник черешни». Проводились праздники жатвы или сбора урожая, сопровождавшиеся спортивными состязаниями. Многие весенние праздники, проходившие на открытом воздухе, сопровождались разжиганием костров, песнями молодежи и взрослых, музыкой зурны и барабанов. Мужчины состязались в метании камня, стрельбе, верховой езде, джигитовке, беге, а победители получали призы — испеченную из теста большую куклу. У табасаранцев отмечался праздник конопля, также включавший различные спортивные состязания, песни, танцы.

Карачаевцы и балкарцы совершали обряды, посвященные Даулету — богу земли, Апсаты — богу охоты, Эрирею — богу молотбы, Аймушу — покровителю овец, Долаю — покровителю крупного рогатого скота, Шибле — богу грома, Элпе — божеству молнии. Они весьма торжественно отмечали языческий праздник «Эллири-Чопна», где молящиеся, взявшись за руки, танцевали вокруг камня с возгласом «Эллири-Чопна!», после чего устраивались празднества с жертвоприношениями, песнями и танцами.

У абазин были известны обряды, посвященные подателю дождя, покровителям охотников, кузнецов и земледельцев. Они, как и адыги, в честь раненого устраивали шумные гулянья с песнями и танцами, называвшиеся «дадрыщ» или «чапшара». Чеченцы и ингуши совершали обряды с жертвоприношениями, ритуальными пиршествами, скачками, джигитовками и т. п. в честь божества молний и грома — Сели, скотоводства — Тамыш-Ерды, плодородия — Тушולי.

Эти игры и празднества свидетельствуют о сохранении в XVI—XVIII вв. у народов Северного Кавказа многих языческих обрядов, в какой-то мере переплетавшихся с христианскими.

3. Народное творчество

Зодчество и прикладное искусство. В XVI—XVIII вв. полностью сложился архитектурный облик дагестанского аула со всеми особенностями архитектоники зданий. Архитектура жилищ нагорного Дагестана довольно декоративна, хотя плоскости стен мало нарушались проемами — световые отверстия делались в кровле, балконы, двери, тимпаны украшались выбитыми на камнях петроглифами с изображением людей, животных, геометризованных и орнаментальных мотивов. Одним из важных элементов горской архитектуры служили арочные конструкции. В ряде мест для декора стен употреблялись каменные цельновысеченные кольца как своеобразные символы прочности дома. Деревянным несущим конструкциям в виде консолей придавали плавные очертания. Ворота, деревянные проемы, детали балконов украшались резьбой. Это — солярные (солнечные) знаки, кружочки, розетки, лабиринты, спирали, стилизованные цветы, кресты. Естественно, оживляя здание, каждый из этих элементов

имел вполне определенное значение. Рельефными жгутами украшался столб, занимавший центральную часть жилища.

Богатой резьбой покрывались капители колонн, а также пристенные очаги и камни. Особенно красивы каменные доски в сел. Кубачи: на хорошо отшлифованном шифере почти черного цвета симметрично вьется орнамент — то широкими лопастями, то отделяясь от основной линии узора бутонем или цветком и сходя на нет тонкими усиками. Ни одна каменная доска, созданная в Кубачах, не похожа на другую, но для нее характерна П-образная композиция с мелким или крупным узорочьем. Кубачинский орнамент состоит из множества элементов — симметричных «голов», «листьев», крупных завитков со средним утолщением, розетки и многолепесткового цветка. Эти элементы, варьируясь и обогащаясь за счет прихотливых изгибов несущих их веток, и создают неповторимый образный строй местного узора. По своему существу такая орнаментика носит растительный характер. Однако этот орнамент не был порождением только кубачинцев. Действительно, исходя из изобразительных («пиктографических») форм в нем оказалось накопленным все богатство исторически воспринятых и местных, и пришлых декоративных мотивов. У каждого из народов Дагестана они, эти мотивы, были интерпретированы несколько по-своему и дополнены исконными пиктографическими элементами.

Своеобразны архитектура и ее декор и у народов Южного Дагестана. В Табасаране строили дома, стены которых имели деревянные прокладки. Они проходили вдоль всей постройки, членив ее на ритмические горизонтальные ярусы. Архитектурное звучание увеличивалось и за счет симметричного расположения проемов и обрамления их разными деревянными рамами. Особенно богата резьба покрывала порталы. На них с удивительной точностью справа и слева варьировались элементы плетенки в виде тугой косы, хитроумно перевитых кругов, петель и перекрестий, дополненных крестами, розетками, углами или повторяющимися клубками спиралей. Подбалки балконов и консоли карнизов покрывались орнаментом. По своим контурам они, скорее всего, близки головам животных — то одинарным (у консолей), то двойным и обращенным в противоположные стороны. Декор построек лезгин состоял из столбов с капителями, обладающими «двуголовым» или волотным абрисом. Стены зданий изредка оживлялись вставками из рядов косо положенного речного булыжника. Нижние этажи часто представляли собой сложные системы арочных переплетений и сводов. Южные кумыки возводили двухэтажные каменные дома. Перекрытия в них держались на опоре с узорчатой верхней частью (средний столб). Подбалкам придавали прочность и красивую форму. Каминные печи дома украшались лепным узором и, может быть, окрашивались даже цветными глинами. Иногда лепкой бывала покрыта и небольшая часть стен.

Что же касается северных кумыков, то, как отмечалось выше, они в основном строили одноэтажные и слегка заглубленные в землю жилые помещения из самана с внутренними турлучными перегородками.

К концу XVIII в. чеченцы и ингуши перестали воздвигать башенные постройки. Но жилые и боевые башни, построенные в описываемое время, мало чем отличались от более ранних сооружений. В связи с появлением огнестрельного оружия у башен изменились формы выступающих амбразур и бойниц, но декор каменных построек, оставаясь в пределах национального вкуса, продолжал подчиняться старым строительным канонам. Характерные для Чечено-Ингушетии высокие боевые башни с пирамидально-ступенчатым покрытием и более низкие жилые башни с

Рис. 1. Средневековый башенный комплекс с. Эри. Джераховское ущелье, Ингушетия

плоской кровлей (рис. 1) всегда богато декорированы. Редкие башни не украшены вставками из скульптурных головок животных, скорее всего овец (сел. Верхний Кокадой и Кёденой). Наиболее оригинален и неповторим декор боевых построек — «шахматный» узор в виде треугольника и ромбов с выборкой камней. Вероятно и то, что при ремонте и строительстве новых башен использовали камни с петроглифами, взятые из более старых зданий. Оживляли постройки и искусно выбитые арочные камни, которыми были перекрыты дверные и оконные проемы.

Помимо башен, в горах Чечено-Ингушетии строили двухэтажные дома удлиненных пропорций, а в равнинной части — турлучные, с плетеным каркасом, обмазанным глиной.

В горной Осетии башенная архитектура имеет свои особенности. Вероятно в XVII—XVIII вв. башни строились не очень часто, в это время происходило усложнение формы и декора башен. Боевые башни у осетин были не очень высокими, их четырехугольные стены завершались плоским перекрытием. Декорированы башенные постройки довольно бедно. Это редкие тяги и небольшие отрезки поясов из выбранных камней «через один» или выполненных в той же технике ромбов и треугольников. Стены построек оживляются арочными конструкциями над проемами и бойницами разных форм. Петроглифы на башнях встречаются редко (рис. 2).

Основная масса осетин жила в каменных домах — хадзорах, архитектура которых была довольно простой. В них были деревянные резные столбы, иногда с волютообразными капителями, покрытые геометрическим (угловатым) и солярным узором. Отдельные башенные постройки имелись в Карачае. Любопытно, что одна из башен — «Адиюх» у сел. Хабез — была построена в 1760 г. по заказу кабардинского князя Темрюка — Аджи Бамагова. Декор у этой башни отсутствует, и большого художественного интереса она не представляет. Боевые башенные

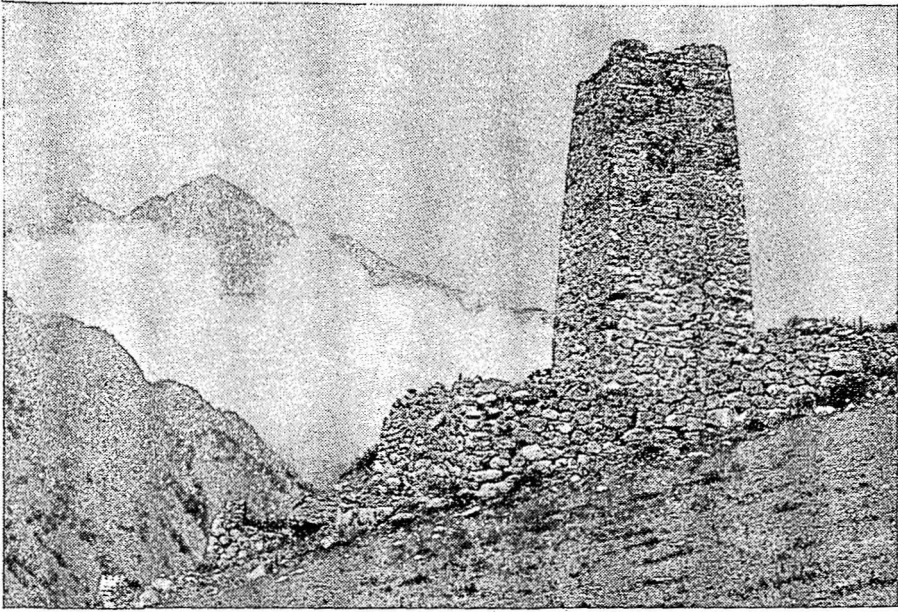

Рис. 2. Боевая башня Козовых (XVI—XVII вв.). Дигорское ущелье

постройки имелись и в Балкарии. Особенно красива башня «Абай-кала» в с. Верхняя Балкария, построенная, скорее всего, в начале XVII в. Декор ее скуп, но выразителен. Она украшена «выемчатыми» поясами и крестообразными углублениями. Об адыгских постройках описываемого времени говорить трудно, они не сохранились. Однако имеющиеся данные позволяют думать, что в XVI—XVIII вв. дома адыгов, включая и кабардинцев, делались продуманно, со вкусом. Части дома украшались искусственным орнаментальным плетением; при обмазке помещений использовались цветные глины.

В XVI—XVII вв. и особенно в XVIII в. в связи с укреплением позиций ислама и христианства усиливается строительство мечетей, храмов, церквей. Однако больше всего мечетей было построено в Дагестане. Но где бы ни возводились мечети, они всегда превышали по своим размерам остальные дома, строились из лучших материалов, становясь архитектурной доминантой селения. И в разных районах мечети строились по-разному.

Если мечети Южного Дагестана по конструктивным и стилевым признакам продолжали форму мечетей Азербайджана и стран Ближнего Востока, то мечети, построенные в других местах Дагестана и Северного Кавказа, строились в лучших традициях местной жилищной архитектуры. В строительстве церквей на Северном Кавказе в описываемое время соблюдалась традиция средневековой храмовой архитектуры.

В XVII—XVIII вв. в Дагестане в резиденциях феодальных владельцев — Тарках, Кумухе, Хунзахе и других — были построены дома-дворцы правителей: шамхала, ханов и беков. Эти дома-дворцы выделялись среди остальных строений не только своими размерами, но и формой, планировкой и качеством строительства. Они обычно строились из тесаного камня, относительно высокими, с дверьми, украшенными резьбой.

Из остальной массы строений выделялись и усадьбы феодалов других народов Северного Кавказа. Они имели обширные усадьбы с многочисленными постройками и лучше отделанным жильем, тогда как усадьбы основной массы населения были незначительны и построек в них было меньше.

Однако среди памятников строительного искусства Северного Кавказа выделяется дворец Фатали-хана в цитадели Дербента. Построенные из отесанного камня стены и потолки внутренних помещений дворца были покрыты росписью с изображением охотничьих сцен, цветов и т. д. В рамы окон были вставлены цветные стекла.

Выдающимся памятником зодчества XVIII в. является построенный в 1787—1788 гг. в Дербенте над могилой Тутибике (жены Фатали-хана) мавзолей. В описываемое время мавзолеев были и в других местах Дагестана, например в с. Хучни.

Интересными памятниками архитектуры были уже известные нам «пиры» — надмогильные склепы Южного Дагестана, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

Значительное развитие на Северном Кавказе в описываемое время получило декоративное искусство. В Дагестане было несколько керамических центров.

В лакском сел. Балхар обжигали посуду разной емкости — от крупной тарной до специальных мисок для омовения ног. Роспись наносили в два цвета: красной глиной членили декор на ритмические части, белой наносили основной узор в виде волны, солнц, кустарников и цветов, стилизованных «куропатов» и т. д. (рис. 3).

Другим центром гончарного дела было сел. Селевкент. Местная керамика по форме отличалась от балкарской, но роспись ее намного беднее — красноглинянные линейные пояски, точки и мазки. Большую художественную ценность представляют массивные блюда, покрытые струящейся поливой от зелено-коричневого до серо-желтого тона. По их широким краям «скачут» рельефные стилизованные кони, идут быки, располагаются «древа жизни», птицы и пр.

В XVII—XVIII вв. подобные блюда выделялись в большом количестве, как полагают, в сел. Испиг или в сел. Эндери. Однако в лезгинском сел. Испиг и в табасаранском сел. Джули производилась также посуда с внутренней поливой.

У многих народов Северного Кавказа в XVI—XVIII вв. была развита резьба по дереву на различных бытовых предметах, утвари, а также архитектурная резьба. В Дагестане сохранились такие памятники — резные столбы и двери мечетей в сел. Тшиг, Тама, Ашты и других, остатки кафедры в мечети с. Ицари, в Северной Осетии — столбы в святилище Реком. Большую роль, особенно у аварцев, частично у чеченцев, горцев осетин и балкарцев, как отмечалось выше, играло резное дерево: опорные столбы, подбалки, закрома, лари, сундуки, кресло для старшего в доме и т. д. Преобладал геометрический орнамент — розетки, спирали, круги, завитки рогов и др. Для резьбы по дереву в Южном Дагестане, особенно в Табасаране, был типичным узор из плетенки, указывающий на широкие культурные связи. Резьбой украшались и чаши, и черпаки, ручки которых, особенно у осетин и балкарцев, имели форму голов животных — козлов и баранов. В ингушских святилищах встречались резные из дерева птицы, известно также деревянное изображение богини Тушоли. Резьба по дереву у чеченцев имела сходство с изделиями соседних народов Дагестана и горцев Грузии — хевсуров.

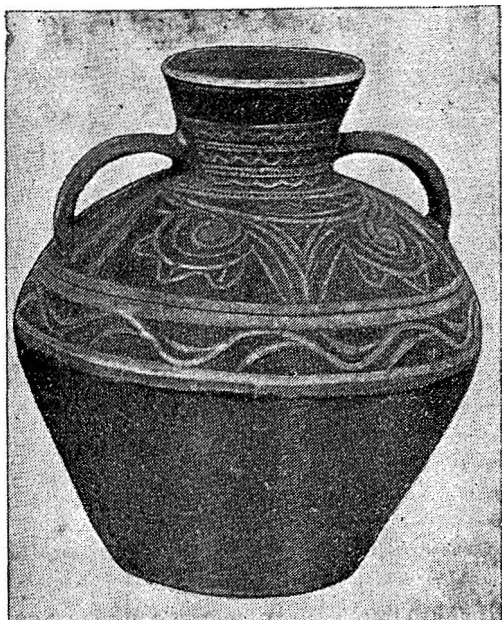

Рис. 3. Балхарская керамика (XVIII в.)

ся надмогильные памятники — столбы или стелы, украшенные резьбой орнаментального характера с надписями, а иногда и изображениями различных предметов. Это искусство достигло наибольшего развития в Дагестане, Чечено-Ингушетии и Осетии.

В Чечено-Ингушетии чаще можно было видеть геометрические и растительные узоры. В Дагестане тоже встречалось такое сочетание узоров, но в XVIII в. геометрический орнамент был почти вытеснен растительным, трактовка которого отличалась своеобразием в разных районах края. Традиционный геометрический орнамент в то же время обогащался новыми мотивами. В Осетии наряду с геометрическими и растительными узорами в верхней части каменной плиты часто вырезались различного рода розетки.

Ювелирное дело у народов Северного Кавказа было связано с отделкой оружия, изготовлением украшений и бытовых предметов — кувшинов, подносов. Наибольшего развития ювелирное искусство достигло у народов Дагестана и адыгов. Для украшения женщин мастера делали из золота и серебра наперстки шапочек, бляшки и пластинки, нашивавшиеся на платья, нагрудные застёжки, пояса, кольца, серьги, перстни и т. п. Из приемов обработки металла были известны литье, гравировка, чернь, зернение, применение штампов и суансонов, украшения камнями.

Ювелирное и оружейное производство в Дагестане было развито повсеместно, и почти в каждом селении имелись свои мастера; но основными центрами ювелирного искусства были Кумух, Кубачи, Годатль, Ахты. Особого мастерства достигли кубачинские златокузнецы, искусство которых имело много общего с лакской художественной обработкой металлов. В отличие от них аварские мастера украшали свои изделия более сдержанно и более скромными средствами. Они в своем оружейном и ювелирном искусстве не употребляли золото, и основную роль при художественной обработке металлов и их украшении играло искусство

На Северном Кавказе, особенно у народов Дагестана, было высоко развито искусство резьбы по камню, служившее для украшения мечетей и жилищ богатых людей. Оно было характерно для всех районов Дагестана, но основными его центрами считались Дербент, Кубачи, Ругуджа и др. В Чечне, Ингушетии и Осетии в наземных каменных склепах, башнях, жилых постройках встречаются петроглифы — линейные рисунки, очевидно имевшие характер оберегов (круги с крестами внутри, спирали, елочки, концентрические круги, различные геометрические фигуры) и очертания человеческой ладони. В средневековых замках, склепах и святилищах ингушей встречались и изображения человеческих голов или лиц, изваянные из камня. Своеобразными, но очень интересными образцами резьбы по камню являются

черни. В Дагестане способом литья делали массивные котлы (с. Кубачи); аварцы и лакцы изготовляли всевозможную утварь из меди: тазы, кумганы, кувшины, подносы и др. Эти предметы почти всегда были покрыты чеканным или литым узором в виде кругов, зигзагов, «стрел», отходящих от горла и распластанных по тулову, волн и пр. Иногда чеканка заменялась гравировкой, и тогда по тулову кувшинов скользили «солнца», вились листья и «летели» птички. Подобную посуду производили в лакских селах Казикумух, Табахлу, Хури и др. На местах спая деталей мастера наносили узор, имитируя монолитность вещи.

Всеми названными видами прикладного искусства на Северном Кавказе занимались, как правило, мужчины. Кроме того, они, главным образом седельщики, владели и мастерством тиснения по коже с помощью специальных штампов, изготовленных из рога или металла и ряда других несложных инструментов. Тиснением украшались тебеньки седел, колчаны и налучия, кожаные сумки, иногда обувь. Судя по сохранившимся образцам XVIII в., преобладал геометрический орнамент, причем этот вид искусства был особенно характерен для адыгских народов. Женщины на Северном Кавказе в основном изготовляли предметы, связанные с внутренним убранством жилища: циновки из тростника, украшенные геометрическим орнаментом (адыги, чеченцы, ингуши, осетины); узорные войлоки, исполненные способом вваливания узора, аппликации или мозаики. Первые два способа были характерны для карачаевцев, балкарцев и ногайцев, последний — для чеченцев и ингушей. В Дагестане лакцы изготовляли валяные узорные войлоки, кумыки — узорные войлоки-арбабаши. Прием аппликации применялся и для украшения изделий из кожи и ткани. Во время раскопок «города мертвых» у сел. Даргеас в Осетии и отдельных захоронений в разных пунктах были обнаружены образцы туалетных сумочек, обшитых тесьмой и покрытых вышивкой цветными нитями с неизменным «рогатым звериным узором».

Путешественники XVI—XVIII вв. писали о черкешенках и кабардинках как о замечательных мастерицах золотого шитья по ткани и коже. Вышивкой и галунами они отделывали одежду, предметы домашнего убранства, военного и конского снаряжения, отличавшиеся изяществом узоров и высоким качеством работы. Золотое шитье было развито и в Дагестане. Неповторимым своеобразием отличались вышивки шелком по холсту, швом «внастил» для подушек, известные под условным наименованием «кайтагские», бытовавшие и у других народов Дагестана. Техника и орнамент этих вышивок, сохранивший весьма архаические мотивы, не имеют аналогии у других народов Кавказа. До нас дошли отдельные факты, говорящие о вышивках этого времени в Чечено-Ингушетии, исполненных бисером и золотыми нитями в виде крупного растительного узора.

Заметное развитие получило искусство ковроделия в Южном Дагестане. Здесь изготовляли безворсовые и ворсовые ковры. Это паласы с геометрическим узором внутри полос и обрамляющей рамой, «сумахи» — обладающие мягким сочетанием красок при строго повторяющемся узоре. Очевидно, в XVII—XVIII вв. ворсовые ковры получали названия по местам их изготовления в зависимости от колорита, композиции и декоративных особенностей. Таковы «ахты», «рутул», «микрах», «рутуль» и др. Повторяемость красочных пятен и ритмика узора, отвечающая законам симметрии, строго ограничены рамочным обрамлением. В элементах орнамента, также имеющих свои местные названия, можно заметить животных, хищных птиц, голубей, уток, бычьи головы, рога разных форм, а также листья, цветы, завитки, «солнца» и пр.

Ковроделами занимались лакцы, даргинцы, аварцы и другие народы Дагестана. В кумыкских селах Эндери, Казанище и других вырабатывались ворсовые ковры со сдержанным колоритом и крупным рисунком. Однако наибольшее развитие здесь получили войлочные ковры «арбабаши» с врезанным растительным и животным узором.

Красотой и разнообразием узоров отличались полосатые подстилки, ленты для носки кувшинов, выделяемые женщинами сел. Балхара и Короды. Широкое распространение в Дагестане имело и узорное вязание (носки и обувь), отражавшее не только этническую, но и локальную специфику.

Достаточно сопоставить развитой растительный узор кубачинцев, заполняющий все пространство предмета, и более крупный, монументальный и лаконичный стиль изделий селений Центрального Нагорного Дагестана.

Войлоки и войлочные ковры чеченцев и ингушей по технике исполнения аналогичны кумыкским «арбабашам», но у них более крупный рисунок. Войлоки их обладают двусторонней и четверосторонней симметрией, имея прямоугольные обрамления.

Копшмы и войлочные ковры изготавливали осетины. Ритмично повторяющийся «рогатый» орнамент на них менее подвержен симметрии, чем на изделиях Чечено-Ингушетии. На войлоках Балкарии и Карачая узор большей частью вваливался в основную копшму, создавая, таким образом, промежуточный тон, скрадывающий границы между орнаментом и фоном. Использовалась шерсть натуральных цветов — черная и белая, белая и бурая с вкраплениями, окрашенными в более яркие тона. Композиция узора носит малоугловатый характер с мотивами спирали, креста, рогов, тамг и «солнца».

У адыгов войлоки украшались аппликациями. Это был традиционный адыгский узор, основу которого составляют растительные элементы — трилистники, усики дикого винограда, несложные цветочные розетки, а также ромбы, треугольники и «рогатые» мотивы. Они симметрично располагаются по фону, отходя на тонких стеблях от композиционной оси или центра. Кроме того, адыги изготавливали декоративные циновки из цветной болотной травы (синего, коричневого цветов светлых тонов) и соломы. Орнаментированные циновки имели осевую композицию (по вертикали), рисунок справа и слева у них совпадал, образуя ритмично повторяющуюся фигуру.

Устное народное творчество. Замечательным плодом народного творчества, игравшим большую роль в духовной жизни народов в XVI—XVIII вв., являлся богатый и разнообразный фольклор Северного Кавказа.

Фольклор горцев свидетельствует о близких контактах между отдельными народностями и этническими группами. У народов Северного Кавказа много типологически и идейно-художественно совпадающих произведений устного народного творчества. Эта общность прослеживается в целом ряде обрядов — ритуальных комплексов, связанных с древними формами жизни и быта горцев, как, например, рождение ребенка, женитьба или похороны, а также в обрядово-ритуальных установлениях, календарных и аграрно-производственных празднествах. Все эти и другие обрядовые циклы сопровождалась и закреплялись словесным творчеством, главным образом поэзией. Сама по себе культовая поэзия служила составной частью всех обрядово-ритуальных действий, организовывала их, придавала им определенную систему и завершенность. Поэтическая

фактура культовой поэзии всех горцев одинакова и по форме, и по содержанию.

Общесеверокавказскими мотивами в фольклоре различных народов являются еще бытовавшие в рассматриваемое время прометеевские мотивы, сказания о прикованном великане, циклопах, былинных паленицах — богатырях, сражающихся с драконами, достающих небесный огонь, зерно, орудия труда и т. д. Общим достоянием почти всех народов и народностей Северного Кавказа является героический эпос о нартах.

Однако сказанное вовсе не означало, что фольклор северокавказских народов во всех направлениях и жанрах развивался в одном русле, что он был представлен у всех народов всеми видами и формами народно-поэтического творчества, был единообразен и тематически, и по своим идейно-художественным устремлениям. Естественно, каждый народ отражал в своем творчестве те факты и события своей жизни, которые непосредственно касались его судьбы и имели для него важное историческое значение. В такой же степени каждый народ выражал свои идейно-философские и нравственно-этические взгляды на жизнь. Художественное мышление народа формировалось непосредственно в его словесной культуре — в песнях, сказаниях, преданиях, сказках, новеллах, пословицах и поговорках и загадках.

В XVI—XVIII вв. в горском фольклоре о сарматах, гуннах, хазарах и других пришлых народах сохранились лишь какие-то небольшие фрагменты в виде реминисценций, а о борьбе с татаро-монгольскими ордами имелись целые циклы преданий. Правда, порой сказания и песни, посвященные этому периоду, нередко исторические происшествия контаминируются, накладываясь на более ранние события или на факты более поздние по времени.

Нашествие на Северный Кавказ в XIV в. Тимура и его сражения с одним из золотоордынских ханов Тохтамышем также оставили значительный след в горском фольклоре. О нашествии Тимура имеются песни и сказания у всех народов региона. В чечено-ингушских сказаниях «Капава Тимура Хромого», «Легенда о Хромом Тимуре (Астха-Темир) и его сыне», «Тамерлан на Кавказе» и других повествуется о походах Тимура на Северный Кавказ и его войнах с горцами. Его образ преподносится фольклором реалистически, он изображается кровавым завоевателем.

Важно отметить, что в борьбе против захватчиков горское народное творчество выдвигало героические образы женщин. Таково поэтическое сказание лакцев о «Парту Патиме», которая, одевшись в кольчугу и шлем, возглавила бой горцев против орд Тимура; адыгская женщина Лапин, переодевшись в мужской наряд, выступила на единоборство с борцом хана, как и ее ногайский эпический дублет Ян-Бикеш¹², и др. В XVI—XVIII вв. у народов Северного Кавказа сложились все основные жанры фольклора, но особенно бурно развивались историко-героические жанры (песни, сказания, предания и т. д.). Сама жизнь горских народов — бесконечные стычки, сражения, войны во имя защиты своей земли и свободы, неутраченные феодальные междоусобицы, — все это создавало благоприятную почву для дальнейшего интенсивного развития в фольклоре историко-героического начала. Этому в определенной мере способствовало и усиливающееся социальное и имущественное расслоение горского общества, нарастание классовой борьбы внутри народов Северного Кавказа.

В XVI—XVIII вв. возникли песни и сказания о завоевателях — шахе Аббасе и Надир-шахе. В осетинском фольклоре содержится описание по-

хода шаха Аббаса по горной Осетии, хотя, как известно, сам шах не бывал в этих краях, туда доходили лишь его отдельные отряды. В дагестанском фольклоре отложился пласт легенд, сказов и песен, посвященных борьбе дагестанцев против другого завоевателя — Надир-шаха. Аварская песня «Сражение с Надир-шахом» и лакская «Песня о герое Муртазали» воссоздают картины этой героической борьбы, в основе которой лежат реальные исторические факты. У чеченцев и ингушей до сих пор сохранились предания о нашествии «несметных полчищ врагов на закованных в броню лошадях». О борьбе с татаро-монгольскими ордами и крымско-османскими завоевателями имеется большое число сказаний и песен у адыгских народов. Героические песни «Кербек», «Кашкатауское сражение», «Битва под Татартупом», предания «Лапин», «Крымцы в Кабарде», «Мапуко», «Посещение Бахчисарая», «Мщение Кургоко» и другие говорят о тяжелой и продолжительной борьбе адыгов за свою независимость. Рассказы о героической борьбе народов Северного Кавказа с полчищами султана, иранского шаха и крымского хана содержат осетинские, карачаево-балкарские песни и предания.

В конце XVI в. произошло сближение народов Северного Кавказа с русскими поселенцами, а затем и добровольное присоединение адыгских народов к России. В фольклоре адыгов эти события передаются как в жанре прозаическом, так и в жанре песенно-поэтическом (песня «О Темрюке, сыне Ильдара» и др.).

Если ранние жанры фольклора представляли народы Северного Кавказа в основном монолитно-цельными и мотивы социального неравенства прослеживаются недостаточно четко, то уже начиная с XVI в. в фольклоре довольно определенно обозначается тенденция к подобной дифференциации. Вначале она выступает в устном творчестве горцев в виде отдельных образов героев-одиночек, противопоставляющих себя и свои действия и поступки феодальной верхушке. Одним из таких героев является адыгский Андемиркан (третья четверть XVI в.), которому посвящен целый цикл сказаний и песен о его борьбе с князьями Кабарды¹³. Однако он еще не выступал предводителем крестьянской массы, хотя и оставался выразителем ее идей. Его образ еще во многом овеян традициями нартской эпической культуры, он кое-где мифологичен и идеализирован. Таким же одиноким героем, ведущим борьбу против феодалов, является Кочас Хатхев, которому посвящено несколько адыгских песен. Антифеодальный характер носит и «Песня о славном тфокотле».

В конце XVII в. в условиях обострившейся борьбы между крестьянами и феодалами в Дагестане сложилась героическая песня о Хочбаре, вожде Гидатлинского союза сельских общин, решительно выступившем против аварского нудал-хана. Он возглавил борьбу независимых крестьян и сделался для аварцев, даргинцев и лакцев народным героем. К тому же жанру относятся лакские песни о табахлинском Кайдаре и возглавляемом им восстании против казикумухских ханов в XVIII в. и о «Султане из Хуна», воспевающие война, отважно боровшегося против ненавистных народу казикумухских ханов, и кабардинская песня о «Баштамакском» восстании (1767 г.), в котором участвовали около 10 тыс. крестьян, и о восстании 1754 г. под руководством Мамырыко Дамалая, который возглавил «Джадугуридэ» («Войско в заскорузлых тулупах»). В этой песне поется:

Живется нам плохо, нам трудно и больно,
Мы плачем под гнетом князей и дворян,
«Живется нам плохо, терпеть нам довольно!» —
Разгневался гневом горячим Пшикан.

Ой-ой, Дамалей, он могуч и бесстрашен,
 Уходит, покинув свой дом, Дамалей,
 Людей собирает он с пастбищ и пашен,
 Ведет он в сражение крестьянских людей.
 Испуг и сумятица в княжеском стане,
 Крестьяне приходят с великой войной.
 Бегут от повстанцев князя и дворяне.
 И прячутся в трепете в чаще лесной ¹⁴.

Борьба адыгских крестьян против своих угнетателей нашла свое отражение и в песнях и преданиях, посвященных Бзюкской битве 1796 г.

Наряду с песнями, повествующими о борьбе зависимых сословий против своих собственных угнетателей, горский фольклор XVI—XVIII вв. знает и песни, в которых воспеваются борьба против кабардинских, аварских и казикумухских феодалов, эксплуатировавших не только своих крестьян, но и соседние народы. Таковы осетинские — «Песня Софья» и «Песни о пастухе черной горы»; чечено-ингушские — «Песня о Мадиеве Жамирзе», песни «Свержение княжения Мусоста Адиевым Сурхо», «Свержение княжения Кагермана вождем Балугу», у балкарцев — «Песня про Атабия» и т. д.

Вместе с тем в фольклоре горцев немало песен, преданий, в которых отображены дружба и взаимопомощь народов Северного Кавказа. В чечено-ингушских песнях героям в их борьбе за независимость помогают представители других народов («тарковский молодой (удалой сын)», «русский честный офицер», «грузинский удалец» или «русский храбрый казак»). В песне о кабардинце Сосле и «вдовьем сыне» — чеченце прославляется верность дружбе, а в другом варианте поется о дружбе кабардинца, чеченца и кумыка ¹⁵.

В кабардинских народных сказаниях «Дохшукю Бгуншоков», «Жанбелат», «Андемиркан», «Князь Амфоко Тасултанов» повествуется о большой дружбе между кабардинцами, прославляются мужество, честь, воинская доблесть ¹⁶.

Значительное место в устно-поэтическом творчестве адыгов и народов Дагестана занимали так называемые песни о набегах. В одних из них нашли свое отражение набеги горцев на иноземных захватчиков, угрожавших их свободе и независимости, в других — описание феодальных набегов. Причем песни о набегах на соседей, возникшие в феодально-клерикальных кругах Северного Кавказа, антинародны и реакционны. В них, как правило, пропагандируются набеги, предпринимаемые в целях грабежа и захвата пленных, восхваляются феодалы — организаторы набегов, объявляется подвигом убийство или пленение иноверца. Совершенно иное освещение феодальные набеги получали в песнях, сложившихся в среде трудящегося масс. В них осуждается сама идея набегов, приносящих трудовому люду смерть и разорение. «Добыча от набегов и уносится набегом», «или карман пополнится серебром, или череп набьется песком», — говорится в них. Поэтому почти в каждой песне отец, мать, сестра и жена не соглашаются отпустить сына, брата или мужа в набег, прячут коня, доспехи, делают все от них зависящее, чтобы феодалы — организаторы набегов — оставили его в покое.

Наряду с историко-героическими песнями в народной поэзии горцев Северного Кавказа большое место занимали лирические, трудовые и религиозные песни. Последние посвящались языческим божествам (богам грома и молнии, охоты и т. д.).

Большое распространение среди горцев Северного Кавказа имели и сказки, отразившие их жизнь в самых различных проявлениях. Волшеб-

ные, бытовые, сатирические сказки и сказки о животных, о чудовищах-великанах были популярны как среди детей, так и взрослых. Распространенным жанром горского фольклора описываемого времени были и причитания, сохранившиеся и после принятия горцами ислама. Из обрядовой поэзии наибольший интерес представляли свадебные песни и частушки, создававшиеся на протяжении многих веков.

Кроме историко-героических образов, горский фольклор хорошо знал и так называемых народных мудрецов. Адыгам известен Лиуан из рода Бжехатлоковых, который, по сказаниям, как и Илья Муромец, ровно тридцать лет сиднем сидел у очага и только потом заговорил. Ему приписываются такие изречения: «Будет война: чуваки из сыромятной кожи пойдут войной против тляхстен (сафьяновой обуви), и чуваки победят». В народе имело широкое распространение и другое его изречение: «Русские будут жить на нашей земле, и наши жены и их жены станут брать друг у друга сита... Русские навсегда останутся на нашей земле... Те, кто не покинет своей земли, берегов Баксана-реки, те и составят население нашей земли. Поэтому не покидайте своей земли, берегов Баксана-реки, не уходите от русских»¹⁷. О другом народном мудреце, жившем в конце XVII и в первой половине XVIII в., Джабаги Казаного, имеются целые циклы сказаний, юморесок, анекдотов, пословиц и поговорок.

Таким образом, XVI—XVIII вв. для северокавказских народов были периодом дальнейшего интенсивного развития всех форм и жанров фольклора, с преобладающим значением историко-героического песенного пласта: XVI—XVIII вв.— это и период становления художественных композиций горского фольклора, период наиболее широкого развития его жанрового своеобразия, стилей и форм устного народного творчества, в которых преобладающими мотивами выступают борьба северокавказских народов против чужеземных захватчиков за свою свободу и независимость, борьба угнетенных сословий против гнета местных феодалов.

Музыка, музыкальные инструменты и танцы. В музыкальной культуре народов Северного Кавказа следует прежде всего различать вокальное и инструментальное искусство, причем при определенной самобытности ее у каждого из народов края в целом она имела много общего, обусловленного историческими связями.

В песенном фольклоре северокавказских народов повсеместно бытовали трудовые, обрядовые, лирические и другие жанры. Преобладающей формой вокального исполнительства было сольное и двухголосное пение с инструментальным сопровождением и без него (в Дагестане в основном бытовало одnogолосное пение). Традиционное двухголосие слагалось из основной, ведущей партии солиста и относительно самостоятельного, обычно сдержанного хорового сопровождения, создававшего музыкальный фон (адыгейский «ежью» и осетинский «хъырнын»). При этом хоровая партия могла звучать на выдержанном звуке или в виде органного пункта, иметь собственный мелодический рисунок, или носить антифонный характер, чередуясь с солистом музыкальными фразами в виде диалога, и т. д. В их соотношениях наиболее характерны интервалы: унисон в октаве, квинта и кварта.

Интонационная близость музыки народов Северного Кавказа прослеживалась в единообразии типичных ладовых и метроритмических структур. Наиболее распространены диатонические лады натуральных мажора и минора, встречаются лидийский, дорийский, миксолидийский, фригийский и другие мелодические лады. За исключением Дагестана, не типичен интервал увеличенной секунды. В многообразии ритмических фигур

наиболее четко выделяются синкопы (больше в танцевальной музыке) и триоли, при этом ритмика мелодий песен в первую очередь зависела от такта.

Главными хранителями, создателями и распространителями музыкальной культуры у народов Северного Кавказа были народные певцы.

Музыкальный инструментарий народов Северного Кавказа был богат и разнообразен, основное назначение его состояло в исполнении танцевальной музыки и аккомпанировании народным песням. У каждого из народов региона во множестве музыкальных инструментов можно найти однотипные представители ныне принятой классификации. Из духовых инструментов были известны: продольные открытые и свистковые флейты, инструменты с бьющимися одинарным и двойным язычками и рог мундштучные; из группы струнных: щипковые двух-трехструнные, щипковые угловые арфы (8, 12, 14, 16, 24-струнные), смычковые (двух-трехструнные); из группы мембранных: ударные типа бубна, двухстороннего барабана и литавр; и из группы самозвучащих: ударные типа трещотки.

Танцы у народов Северного Кавказа, будучи самым массовым видом искусства, являлись любимым развлечением, и без них не обходилось ни одно общественное или семейное торжество. Зародившись в глубокой древности, хореография народов Северного Кавказа создавалась и оттачивалась веками, вырабатывая множество интересных исполнительских форм и приемов. Труд и быт, условия и образ жизни, героика наездничества и войн, стойкость духа и чувство достоинства, гордость и самообладание — все это отразилось в народных танцах.

Если женским танцам присущи плавность и мягкость движений, грациозное изящество и подчеркнутая скромность, то в мужских танцах больше выражены динамика, ловкость и строгая красота, движения их более резки, порывисты и в то же время в них ярко подчеркнута почтительная обходительность с женщинами. Из богатого хореографического арсенала особо выделялись более древние культовые или обрядовые торжественно-медленные хороводные пляски, имевшие широкое распространение среди адыгов, карачаевцев, балкарцев и осетин, как адыгские «уджи»: «шиблеудж» — пляска в честь бога грома, «тхашхоудж» — в честь великого бога; «нартудж», «уджурай» — свадебная круговая пляска; карачаевские и балкарские «сандрак» и «абюзех»; осетинские «нартан-симд», «тымбал-симд», «дошпай» (пляска, исполнявшаяся вокруг пораженного молнией человека), «чепема», «устытыкафт»; лакская «гиргучу». В то же время в Чечено-Ингушетии и в Дагестане отсутствовали танцы типа адыгского «уджи», карачаево-балкарских «абдзек» и осетинских «симд», где мужчины брали бы женщин за руки (или под руки).

Повсеместное распространение на Северном Кавказе имели парные танцы, носившие более развлекательный характер. Они могли быть или плавными, или быстрыми, темпераментными, требовавшими большого исполнительского мастерства, и носили обычно обобщающее название «танец». К местным названиям иногда добавлялись слова, обозначающие или характер танца, или место его бытования. В хореографии народов Северного Кавказа важное место занимали танцы на носках (на подвернутых пальцах ног), известных у всех горцев под общим названием «леагинка».

4. Языки. Письменность. Наука. Общественно-политическая мысль

Языки народов Северного Кавказа. Языки народов Северного Кавказа, как мы уже знаем, делятся на ряд групп: к северо-западной ветви абхазско-адыгской группы иберийско-кавказской семьи языков относятся адыги и абазинцы. Причем адыгов по их языку можно разделить на кабардинцев и адыгейцев, отдельные группы которых имели свои диалектальные особенности. К восточно-иранской группе индоевропейской системы языков относится язык осетин, делящийся на иранский и дигорский диалекты. Ираноязычными были таты и горские евреи Дагестана. Тюркоязычны — балкарцы, карачаевцы, кумыки, ногайцы, теркемейцы и азербайджанцы.

Близкородственные языки чеченцев и ингушей вместе с большинством языков Дагестана составляют восточную ветвь иберийско-кавказской семьи языков. Языки же народов Дагестана подразделяются на несколько групп: 1) аваро-андо-дидойскую (аварцы, андийцы, ахвахи, багулалы, ботлихцы, годоберины, каратины, тиндалы, чамалалы, дидойцы, бежтины, гинцхцы, гуIZEБЦЫ, хваршины); 2) даргинскую (даргинцы, кайтагп, кубачинцы); 3) лезгинскую (лезгины, табасараны, рутулы, агулы, цахуры, арчинцы); 4) лакскую.

Краткий словарь языка приморских абазин «садаша», приведенный в сочинении турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, дает основание считать, что часть абазин говорила на убыхском языке. Из сочинения этого же Эвлия Челеби следует, что бжедуги были двуязычны — говорили по-абазински и по-адыгейски. Среди северокавказских абазин, по всей вероятности, был распространен и кабардинский язык. Не случайно кабардинские князья в 1748 г. заявили, что «абазинцы разговор имеют такой же, как и мы». Немного ранее, в 1743 г., кабардинские князья утверждали, что шапсуги «имеют особливый язык». Это, очевидно, говорит о том, что в то время шапсугский диалект имел большее своеобразие.

Кабардинский язык зафиксирован в словнике, составленном в 1688 г. немецким врачом Дрешером. Это словник дает возможность предполагать, что некоторые фонетические особенности кабардинского языка того времени сближают его с хакучинским и особенно шапсугским диалектами нашего времени. В 1638 г. А. Олеарий писал, что адыги в Терках «почти все умеют говорить по-русски», а, по словам Эвлия Челеби (1666 г.), в Малой Кабарде пользовались и грузинским языком. Де-ля-Мотре в 1711 г. сообщал, что в адыгскую речь проникли некоторые русские, татарские и персидские слова. По сведениям И. Гербера (1728 г.), адыги «начали татарский и турецкий язык употреблять».

О гребенских казаках второй половины XVII в. известно, что «посредством браков они настолько смешались с татарами, что их прежняя русская речь теперь превратилась в ломаный язык, смешанный с татарским», а в документе 1744 г. сказано, что терские казаки владеют адыгским и татарским языками.

Сохранившиеся от XVII и первой половины XVIII в. памятники аварского, лакского и даргинского языков еще ждут от специалистов подробной лингвистической характеристики. Пока что было отмечено существование в XVII в. у аварцев межплеменного разговорного диалекта болмацп, у лакцев — утраченных позже некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностей, у кумыков — употребление отдельных элементов, свойственных татарскому языку, а у даргинцев —

существование смешанного сюргинско-уркарахско-кайтагского диалекта. Современники сообщают о многоязычии жителей кумыкского сел. Эндерй и знании азербайджанского языка жителями Южного Дагестана.

Кроме обычного разговорного языка, народы Северного Кавказа употребляли местные жаргоны и условные языки. Адыгские феодалы, например, во время набегов разговаривали «на особом жаргоне, непонятном для других, а во время охоты — на охотничьем (цакиуэбзэ) в целях обмана дичи и злых духов». Особый «охотничий» язык имелся и у осетин.

Письменность. Народы Северного Кавказа не имели своей письменности, которая могла бы способствовать их языковой и этнической консолидации, поэтому они пользовались другими письменными языками, особенно для своих внешних сношений. Адыги, абазины, ногайцы, балкарцы и карачаевцы с XVII в. в дипломатических сношениях использовали русский язык и русскую письменность (с помощью местных и русских толмачей и писцов). В горной Чечне и Ингушетии, как указывалось выше, бытовала грузинская письменность, а в XVI в. к адыгам, балкарцам, карачаевцам, равнинным и предгорным чеченцам в связи с начавшимся процессом их исламизации стала проникать арабская письменность, получившая более широкое распространение лишь в XVII и особенно в XVIII в. (на надмогильных каменных плитах чеченских кладбищ, например, ранние мусульманские эпитафии датированы началом XVII в.). Грузинская письменность, имевшая распространение и в Дагестане (особенно в его западной части), к XVI в. была вытеснена арабской, что было связано с завершением процесса исламизации Дагестана. Как и у адыгов, у абазин, балкарцев, карачаевцев, ногайцев, чеченцев и ингушей она обслуживала лишь нужды религии, делопроизводства, официальной и частной переписки. Вся дипломатическая переписка чеченцев с Россией, как это видно по сохранившимся в архивах документам, в XVIII в. составлялась на арабском и кумыкском языках арабской графикой. Вместе с тем на Северном Кавказе довольно широкое распространение имела персидская (в районе Дербента) и турецкая письменность, чаще всего в северо-западной и центральной частях Кавказа.

В XVI—XVIII вв. делались попытки приспособить арабский алфавит для передачи слов дагестанских языков. В первой половине XVII в. на даргинском языке был написан «Свод заповедных законов Кайтага Дарго»¹⁸.

До недавнего времени в Кумухе сохранялась высеченная в 1663—1664 гг. пространная эпитафия на лакском языке. В 1734 г. был переведен лечебник с арабского на лакский язык. Мухаммад из с. Убра (ум. в 1733 г.) оставил после себя стихотворение на лакском языке, написанное арабской графикой.

В XVII в. писали по-аварски Шабан из сел. Обода, Тайиб из сел. Харохи (ум. в 1668 г.), Мухаммад из сел. Кудугли (1633—1706), Хасан из сел. Кудали (ум. в 1700 г.). Есть предположение, что Дауд из сел. Усипа (ум. в 1758 г.) переводил с арабского на даргинский язык труды по философии, логике и даже произведения художественной литературы Востока.

В конце XVII в. появились рукописи «Дербент-наме» на лакском языке. К XVIII в. относится большая рукопись Дамадана Мугинского на лакском языке. В XVI в. Т. Омаров сделал попытку создания письменности на аварском языке, а в XVIII в. Дибир-кади из Хунзаха начертал алфавит для аварского языка из 38 букв и перевел на аварский язык «Калила и Димна».

К концу XVIII в. создание в Дагестане системы письма на арабской графической основе («аджам») было завершено. До нас дошла также надпись, сделанная арабским прифтом на верхнебалкарском диалекте карачаево-балкарского языка. В ней говорится о праве князя Исмаила Урусбиева на феодальное владение¹⁹. Во второй половине XVIII в. принимались меры и для создания письма для осетин. Инициаторами этого были миссионеры Осетинской духовной комиссии, занимавшиеся распространением христианства среди осетин. Моздокским архиепископом Гаем (Гайос Бараташвили) совместно со священником Павлом Гонцауровым (Кесаевым) была составлена осетинская азбука на основе церковно-славянского алфавита. Они же перевели на осетинский язык «Начальное учение человеком, хотящим учиться книга божественного писания». Это была первая осетинская книга, напечатанная в 1798 г. в Московской синодальной типографии.

Школа и наука. В XVI—XVIII вв. в Дагестане функционировала сеть мусульманских школ, начальных («мактаба») и с многолетним сроком обучения («медресе»). Причем к концу XVIII в. не было здесь почти ни одного селения, где бы не было примечетских школ. В центрах феодальных владений и союзов сельских общин имелось даже несколько таких школ. Примечетские школы, для открытия которых не требовалось никакого разрешения властей, содержались на средства родителей и пожертвования верующих. В то время как мактабы в основном давали навыки механического чтения Корана и весьма элементарные навыки письма, медресе представляли своего рода средние духовные школы, в которых изучали Коран, арабскую грамматику, логику, мусульманское право, географию, астрономию и другие науки с богословских позиций ортодоксального ислама. Не многие из обучавшихся в медресе путем упорного труда, переходя от одного учителя к другому, добивались заметных успехов в изучении восточных языков, и прежде всего арабского языка, права, философии, истории, географии и других наук.

В XVII и особенно в XVIII в. увеличился привоз из ближневосточных стран в Дагестан рукописных книг по различным отраслям знания. В это же время множество списков различных рукописных книг изготовляли и местные переписчики. В связи с этим стала развиваться каллиграфия, переплетное дело, на местах возникали библиотеки, причем большая часть рукописей сосредоточивалась при мечетях и в примечетских школах.

Крупные для своего времени библиотеки были при казикумухской, хунзахской, усишинской, тшигской и других мечетях. Однако в XVIII в. в Дагестане были и частные библиотеки. Согласно дошедшим до нас сведениям, библиотеки, где имелись книги по самым различным отраслям знания, имелись у Магомеда в сел. Убра, Ибрагим-Гаджи — в Урода, Алима — в Хунзахе и у других.

В XVI—XVIII вв. на Северном Кавказе продолжался процесс накопления и развития народных знаний. Особенно горские народы преуспевали в накоплении опытных знаний, в изучении природы, ее фауны и флоры, выработке солнечного и лунного календаря. Определенных успехов достигло и врачевание. В памятниках XVI—XVII вв. Дагестана упоминаются лекари²⁰. Имея в виду кумыкское сел. Эндери, Эвлия Челеби свидетельствует: «Искусные врачи и спускающие [дурную] кровь хирурги [здесь] несравненны»²¹. Говоря о горцах вообще, Н. Витсен подчеркивал, что их «женщины выдают себя за врачей и хирургов»²². Еще до знакомства европейцев с оспопрививанием примитивная форма его

была знакома Переднему Востоку. Прибегали к ней и адыги. «Я,— писал в 1711 г. де-ля-Потре,— нашел случай ознакомиться с оспопрививанием у черкесов в одном селении, где... производили прививку... девочке четырех или пяти лет. Сначала ей дали немного слабительного». То были «сухие листья воловьего языка, которые они варили... с кореньями и медом. Девочку отнесли к... мальчику трех лет, который был болен этой болезнью. Старая женщина... взяла три иголки, связанные вместе, которыми она, во-первых, сделала укол под ложечку маленькой девочке, во-вторых, в левую грудь против сердца, в-третьих, в пупок, в-четвертых, в правую ладонь, в-пятых, в лодыжку левой ноги, пока не пошла кровь, с которой она смешала гной... из оспинки больного. Затем она приложила к уколочным и кровотокающим местам сухие листья коровника, привязав сверху две кожи новорожденных ягнят, после чего мать завернула ее в одно из кожаных покрывал... и... унесла ее к себе... Ее должны были держать в тепле, кормить лишь кашей... из тминной муки, с двумя третями воды и одной третью овечьего молока, ей не давали пить ничего, кроме прохладительного отвара ... из воловьего языка (растение.— *Авт.*), немного лакрицы и коровника (растение.— *Авт.*) ...Оспа не преминет благополучно уйти небольшими количествами на седьмой или позднее, — чаще всего 5-й или 6-й день и даже раньше»²³.

В описываемое время особенно заметных успехов достигла наука в Дагестане. Выдающийся ориенталист И. Ю. Крачковский говорил даже о своеобразном «Ренессансе» средневековой арабской культуры в Дагестане в конце XVI — начале XVII в. Естественно, что подъем этот происходил на фоне общего подъема арабоязычной науки на Северном Кавказе, на фоне волны, которая, по словам того же И. Ю. Крачковского, «с XVI в. постепенно создавала в Дагестане, Чечне, Ингушетии, отчасти Кабарде и Черкесии местную оригинальную литературу на арабском языке»²⁴.

Научные интересы дагестанских ученых были довольно обширными, они владели уже всей полнотой общеарабского наследия средних веков. В равной степени их интересовали и науки грамматические и естественные. Алимь Дагестана были известны и за пределами Северного Кавказа. В конце XVIII в. в Дамаске и Алеппо обосновалось не менее «пяти дагестанцев... в качестве преподавателей арабского языка и канонических наук. Некоторые из них были известны своими научными трудами на арабском языке»²⁵. Наиболее крупными центрами науки Дагестана были Дербент, Кумух, Согратль, Усипа, Хунзах, Ахты, Акуша.

Здесь получили развитие также астрономия, физика, математика и гуманитарные науки: философия, логика, право, история, география, риторика. В них особенно четко проявлялось классовое размежевание, борьба демократического, прогрессивного и реакционного направлений. Последнее было не только богословским, религиозно-идеалистическим, враждебным науке и познанию вообще, но и общественно-реакционным, проповедующим изначальность и богоданность существующего строя, в том числе деление на богатых и бедных, угнетателей и угнетаемых. Рационалистическое прогрессивное направление было представлено более крупными учеными. В представлениях об общественной жизни они были настроены критически, отстаивали справедливость, право угнетенных на борьбу с угнетением, национальным гнетом, осуждали феодальный произвол, были патриотами и считали себя представителями всего народа, нередко сами принимали участие в освободительной борьбе народных масс против феодального и национального гнета. Их в какой-то степени можно разделить на две школы: Магомеда Кудутлинского, тяготеющего

к гуманитарным наукам, и Дамадана Мугинского — к естественнонаучным. Наиболее выдающимся из них был Магомед Кудутлинский (ум. в 1706 г. в Алеппо), прославившийся трактатами по арабской филологии, занимавшийся риторикой, логикой, философией, правом, был известен своими выступлениями против адата, за шариат, но в собственном, демократическом толковании. Дамадан Мугинский (ум. в 1708 г.) — ученый-энциклопедист, «основоположник математических, астрономических и медицинских наук в Дагестане», в философии придерживался учения о «двойственности истины», выдвинутого и обоснованного Ибн-Рушдом; он очень высоко оценивал место науки в обществе вплоть до того, что ошибочно считал ее главной преобразующей силой общества и человека, выступал за демократизацию шариата, осуждал гнет, феодальные набеги.

Магомед Убринский (ум. в 1733 г.) — автор ряда трудов по филологии, праву и философии — был поэтом и известен как идейный вдохновитель борьбы против феодального засилья; Дауд Усишинский (ум. в 1767 г.) — философ-рационалист, филолог, выступал за равноправие всех сословий, классов и народов и против мусульманской исключительности; Саид Гидатлинский (ум. в 1770 г.) — ученый, известный своими общественными взглядами, выступал против крупной частной собственности, за экономическое и гражданское равноправие, против унижения женщин и сыграл большую роль в организации сопротивления Надир-шаху.

В XVI—XVIII вв. были записаны адаты в Кайтагском удмийстве, в Аварском ханстве, в «вольных обществах» Гидатль и Келеб и в других. В это же время был составлен ряд исторических сочинений. Большую ценность представляют хроники «Дербент-наме» о событиях раннесредневековой истории всего Дагестана; «История войн Джара» (на арабском языке) о борьбе горцев Дагестана против Надир-шаха; хронограф из Шираза о событиях в Южном Дагестане; «Родословие Рустем-хана удмия» о генеалогии кайтагских владетелей. В XVIII в. в Дагестане было составлено немало исторических хроник, посвященных описанию событий, происходивших в феодальных владениях или даже в том или ином ауле, — о военных столкновениях, междоусобицах, эпидемиях, землетрясениях.

Видным общественным деятелем Кабарды был Джабаги Казанок, хорошо известный всем адыгам, балкарцам, карачаевцам, осетинам и кумыкам. Будучи советником старшего князя Кабарды Аслан-бека Кайтукина, Джабаги Казанок добивался укрепления связей Кабарды с Россией, объединения всех феодалов и их ориентации на Русское государство.

На стремление отдельных представителей феодальной верхушки заключить союз с Турцией он отвечал: «Зачем нам искать дальнего родственника, когда рядом добрый и сильный сосед — старший брат», подразумевая под последним русский народ.

В своих публичных выступлениях Джабаги Казанок призывал к установлению союза между народами, отказу от набегов друг на друга, а также к урегулированию спорных вопросов, в том числе и земельных, мирным путем. Будучи избран председателем народного суда — «хейже», Джабаги Казанок внимательно следил за постановлениями и решениями шариатского суда — «мехкеме», находил в них несправедливость и злоупотребления, которые публично критиковал.

Джабаги Казанок выступал и против вредных обычаев: калыма, многоженства и кровной мести. Многочисленные сказания о нем говорят о его демократических устремлениях, гуманизме, последовательности в защите интересов зависимых сословий. В Кабарде до наших дней сохранились устные изречения мудреца под названием «Так сказал Джабаги», авторство которых приписывается Джабаги Казанок.

Таким образом, в XVI—XVIII вв. у народов Северного Кавказа наблюдается заметное оживление общественной мысли, связанное с развитием социальных отношений и обострением классовой борьбы, интенсифицируется процесс накопления народных знаний, происходят определенные успехи в развитии науки. Однако в целом наука на Северном Кавказе ввиду невысокого уровня экономического и общественно-культурного развития и отсутствия связей с европейской и русской наукой сильно отставала от мировой науки того времени.

5. Религиозные верования

Религия народов Северного Кавказа к XVI—XVIII вв. была различной. Горцы Дагестана, ногайцы, чеченцы (кроме жителей соседних с Грузией районов) исповедовали ислам, причем население Восточной и предгорной Чечни и предгорной Ингушетии было мусульманским еще в XVI в., в то время как большинство населения горной Чечено-Ингушетии приняло ислам лишь в XVII—XVIII вв. В Осетию ислам проник преимущественно в среду феодалов, да и то главным образом дигорских, где он впервые фиксируется с 1741 г. Что же касается Балкарии и Карачая, то ислам стал проникать к ним, видимо, в конце XVII — начале XVIII в. Старейший мусульманский памятник в Балкарии относится к 1734 г. В Кабарде большая часть населения была обращена в ислам еще в XVII в. Адыги и абазинцы в XVI—XVIII вв. считались полухристианами-полумусульманами. Ислам, начавший проникать к ним, вероятно, с XIV в., хотя и насаждался крымскими ханами огнем и мечом, не стал здесь господствующей религией и в XVII в., когда из Кабарды он стал распространяться среди части осетин-дигорцев, балкарцев и карачаевцев.

В 1744 г. в Петербурге был принят указ об отправке миссионеров в Осетию для «восстановления» там христианства. За 1745—1749 гг. православные миссионеры окрестили 1019 человек. Центром христианской пропаганды среди осетин с самого его основания стал Моздок. Находясь там, Осетинская миссия продолжала деятельность по христианизации почти до конца XVIII в. Еще ранее Осетия подверглась христианизации со стороны Грузии. Сохранился колокол, пожертвованный в 1663 г. грузинским царем Георгием жителям Цейского ущелья «для молитвы, кои соберутся сюда... из Дигорци и Двалетии». Кавказская администрация проводила также политику христианизации кабардинцев, чеченцев и ингушей, переселявшихся в Моздок и другие поселения, местных беглых крепостных крестьян, а также кабардинцев, уезжавших на службу в Москву. Однако их число было незначительным.

Среди населения Северного Кавказа в ту пору было много и немусульман, которые придерживались первобытных верований, смешанных с пережитками средневекового христианства. Были и такие, которые формально исповедовали ислам, но не отказывались и от доисламских культовых обрядов и представлений. И не случайно поэтому западноевропейские путешественники, посетившие Северный Кавказ не только в XVII, но даже и в XVIII в., не могли понять, какую религию исповедуют народы этого края (в частности, адыги) — языческую, христианскую или мусульманскую?

Все это говорит о том, что ислам не смог искоренить многие народные традиции и обряды, а также популярные культы, которые он был вынужден приспособить к своим догматам, придав им мусульманское звучание, а в некоторых случаях даже канонизировав их. В этот период со-

хранился культ предков, тоже со временем исламизированный; бытовала персонификация и обожествление предметов и явлений природы (горы, деревья, молнии, гром и пр.). В Кайтаге у адыгов сохранились священные деревья и целые рощи, у которых совершались все общественные торжественные акты, в том числе и мусульманские. Эти рощи заменяли храмы, в них совершались жертвоприношения и молебствия²⁸.

Хотя к концу XVIII в. народы Северного Кавказа, за исключением части осетин, считались мусульманами, все они продолжали исполнять многие языческие обряды и почитать различные местные божества. В каждом племени имелись общие, сельские, фамильные и даже семейные божества и покровители. Почти каждое такое божество, например в Северной Осетии, имело свое святилище (кувандон), которым служили наваленная куча камней или просто большой камень, дерево, гора, пещера, а также древняя христианская церковь или часовня. В честь этих божеств ежегодно в определенные дни приносили в жертву мелкий и крупный рогатый скот и устраивали совместные пиршества и молебствия. Одни из этих божеств считались покровителями хлебопашества, другие — скотоводства, третьи — домашнего очага и т. д.

В языческом пантеоне горцев встречалась целая галерея функционально схожих божеств и покровителей, духов и патронов: осетинский бог охоты Афсати имеет в карачаево-балкарской мифологии аналог в лице Афсаты, а общеадыгский Зекіэтхэ (бог наездничества и войны) однотипен и совпадает с осетинским Уастырджи. Чечено-ингушское божество грома и молнии Селы обнаруживает своего двойника в адыгском Шибле, а также в осетинском Уацилле, балкарском Илие и т. д. Это объяснялось тем, что стадильное развитие мифологии у многих северокавказских народов исторически шло в одном русле и в основном единообразно.

Мифологические персонажи у горцев Северного Кавказа законсервировались на стадии представляемых или воображаемых существ, отражая, таким образом, лишь словесное, а не художественное их бытие. Исключительный интерес представляют «производственные» покровители и божества. Покровителем кузнечного ремесла у осетин был Курдалагон, адыгов — Тлепп, балкарцев и карачаевцев — Дебет. У чеченцев и ингушей богиня Тушולי олицетворяла плодородие, у балкаро-карачаевцев ей соответствовал Даулет, осетин — Уацилла, адыгов — Тхаголедж (своих покровителей и богов имели моря, речные воды, пчеловодство и т. д.). Все это показывает, что в мифологии горцев космогонические и эпические персонажи выступали с одними и теми же функциями и «производственными» направлениями.

Языческие и христианские святые в Чечено-Ингушетии, исключенные в эпоху господства ислама из пантеона официальных святых, продолжали, однако, функционировать в народном быту наряду с официальными культурами мусульманской религии. При этом они сильно «деградировали» по рангу, превратившись в обычных домовых, водяных, покровителей животных, различных ремесел и т. д., сохраняя, однако, некоторые свои прежние функции. Таковы чечено-ингушские «святые»: Элта, Махал-Ерды, Талмыш-Ерды, Мятсели, Галш-Ерды и другие, ошибочно рассматриваемые некоторыми исследователями как первобытные языческие божества.

Вместе с тем было известно возникшее еще в раннем средневековье абстрактное единобожие. Главным божеством адыги считали Тхашхо, карачаевцы и балкарцы — Тейри, абазины — Ячва, чеченцы и ингуши — Дела, осетины — Хуцау. В честь «всемогущего творца» адыги осенью

устраивали общественные моления у священных деревьев (до него они не распоряжались хлебом нового урожая); в отличие от остальных божеств главный бог никогда не покидал небо.

Среди мусульман Северного Кавказа даже в конце XVIII в. сохранились многочисленные остатки христианства. Адыги почитали за пророка Аус Герга, т. е. Иисуса, пророка Илию называли Яллия.

Особое уважение оказывалось христианскому святому Георгию, именем которого балкарцы называли вторник. Именем Марии — христианской богородицы — назван не только определенный день недели («мэрэм»), но и многие места, где были установлены каменные столбы или сложенные груды валунов, почитаемые как священные. Как и у православных, у кабардинцев и балкарцев «мэрэм» (день Марии) считали праздничным, нерабочим днем.

Весьма архаическими чертами отличались и некоторые погребальные обряды горцев Северного Кавказа, такие, как посвящение коня покойнику, обрезание кос у вдовы, скачки, стрельба в цель и т. п. Естественно, что в процессе утверждения новой религии погребальный обряд подвергался переосмыслению, а затем частичной и, наконец, полной замене. Однако в высокогорных частях Центрального и Западного Кавказа до конца XVIII в. не исчез домусульманский погребальный обряд.

В XVI—XVIII вв. большую силу еще имела охранительная и подражательная магия, особенно культ железа и обряды, связанные с сельским хозяйством. В условиях Северного Кавказа сохранились многочисленные предпосылки и для бытования имитативных магических обрядов, призванных обеспечить успех в сельскохозяйственном производстве. К ним относились обряды вызывания (и прекращения) дождя, вызывание солнца, разработанный культово-производственный сельскохозяйственный календарь, система магических оберегов для скота.

Наиболее сценически разработанными и богатыми обрядовыми действиями были обряды «первой борозды» или «первого плуга», окончания пахоты, начала сенокосения. Для жителей Южного Дагестана и адыгов был характерен весенний праздник Нового года с персонализацией зимы и лета (холода и тепла), с их спором-диалогом, выкапыванием подснежников, разжиганием костров и перепрыгиванием через них. Примечательно, что ареалы распространения обрядов «первой борозды» и весеннего Нового года не совпадают — широкое бытование одного почти исключает бытование другого.

Таким образом, в XVI—XVIII вв. религия горцев Северного Кавказа была в основном многослойной. Отсталым формам патриархально-родового быта и феодально-крепостнической эпохе соответствовали и ограниченные представления этих народов об окружающем мире. Утверждение и распространение религиозных верований способствовали насаждению невежества и суеверий в народных массах Северного Кавказа, что отвечало социальным нуждам правящей верхушки. Как христианство, так и ислам способствовали укреплению власти феодалов, закреплению трудящихся масс, поддержанию среди них духа покорности и повиновения власти имущим.

6. Культура и быт северокавказского казачества и населения русских крепостей и поселений

Бытовая культура. На жизнь и быт терско-гребенского казачества к середине XVI—XVIII в. определенное влияние оказали частые войны Ирана и Порты, набеги крымских татар, междоусобная борьба горских феодалов, активное участие местного населения в формировании казачества. При этом казачий быт, являвшийся специфической вариацией традиционного русского крестьянского быта, сохранил многие черты последнего и внес в него немало и своего.

Для своих поселений казаки использовали естественно укрепленные пункты, особенно на малых реках и протоках: острова, речные мысы, крутые и высокие берега, защищенные оврагами и болотами. Они селились также и на возвышенных местах — гребнях гор, и в ущельях (урочищах) Наур, Мекен и др.

Со временем укрепленные лагеря гребенцов и терцев стали постоянными казачьими «городками», застроенными землянками и шалапами. В памяти старожилы они сохранились под названием «зимников», т. е. зимних, более прочных и стационарных жилищ с загонами для скота. Эти городки окружались оборонительными рвами, колючими терновыми изгородями и частоколами, внутри которых располагались казачьи землянки-курени — видимо, наиболее архаичное жилище русских поселенцев в крае. Курени представляли собой небольшие однокамерные земляные или полуземляные строения без окон, с открытыми очагами из камней на земляном и глинобитном основании, с земляными или же глинобитными «лавками» вдоль стен, иногда укрепляемых плетнями, обмазанными глиной или кизяком (дымовое отверстие вверху на случай непогоды закрывалось куском дерна или «квачом» — пучком сена и соломой).

Кубанские (черноморские) казаки при устройстве своих селений придерживались старых запорожских традиций. Даже свое название их поселения получали от бывших запорожских куреней (38 из 40 вновь заложённых на Кубани селений повторили старое название). Здесь в условиях военного времени принимались необходимые меры защиты, станицы окружались рвами и земляными валами, обсаживались колючими кустарниками, а в нескольких местах вал перерезался воротами, охранявшимися казачьими караулами.

Иной была планировка и устройство «государевых городков» — крепостей на Северном Кавказе, таких, как Сунженский острог²⁷ или крепость Терки, одно из самых ранних описаний которой сделал Федот Котов²⁸. На основании этого и других свидетельств можно сделать вывод, что вначале Терский городок строился как типичный русский «государев» городок-крепость, каких много в то время возводилось на границах и во вновь освоенных и приобретенных «землицах» по Нижнему Дону и Волге, Яику, на Северном Кавказе и в Сибири. В Терском городке в основном бытовали типичные русские рубленые избы с чердаками, сенями и амбарами.

С самого начала своего образования северокавказское казачество отличалось пестрым этническим составом, о чем говорят даже официальные правительственные документы, сообщения путешественников и «сказки» самих казаков. В числе населения городков-крепостей по Терку и Сунже наряду с русскими здесь проживали кабардинцы, ногайцы, кумыки, чеченцы, ингуши и др.²⁹

Это приводило к тому, что с самого начала беглая казачья вольница оказалась не только снаружи, но и изнутри в иноэтническом окружении, живя в непосредственном соседстве с коренным населением края. И это не могло не сказаться на материальной и духовной культуре различных групп северокавказского казачества. Естественно, что в его быт и культуру в этом случае проникали самые разнообразные элементы культуры местного населения, как, в свою очередь, русские и украинские элементы культуры со временем проникали и в среду соседнего горского населения, способствуя инфильтрации и взаимообогащению культур северокавказских народов и русского населения края. Гребенцы ставили свои дома по-русски, но они заимствовали у горцев, в частности у кабардинцев, сам характер внутреннего убранства дома: в одном углу было собрано и развешано по стенам оружие и доспехи, в другом — возвышались постели и одеяла, сложенные ровными килами, а на самом видном месте красовалась на полочках тщательно вычищенная и парадно расставленная посуда. Одновременно в доме удерживалась традиционная русская печь с широким устьем, просторные лавки, правда, по-кавказски покрытые коврами, стол, а в красном углу возвышался киот с образами.

Смешанный этнический состав казачества отразился и на бытовании в старых казачьих поселениях типично кавказских построек. Так, с самого начала большое распространение здесь получили «сакли», строившиеся по местному образцу из сырцового кирпича или турлука, обмазанного глиной. Сакли имели плоскую крышу, нижнее основание которой зачастую было для нижерасположенной сакли потолком. Встречались сакли с плоскими крышами и на два ската, с небольшим уклоном кровли. Выполняя на раннем этапе роль жилых помещений, сакли постепенно превращались в подсобные строения, используемые для различных хозяйственных нужд.

В отдельных районах Северного Кавказа, особенно на Тереке, в то время богатым лесами, почти повсеместно в «государевых городках» бытовали типичные русские рубленые избы, вытянутые в плане и состоящие из одного или двух жилых помещений, соединенных сенями. Постепенно известное влияние на планировку жилищ оказали также приемы домостроительства донского казачества с переселением на Северный Кавказ начиная с 20—30-х годов XVIII в. части донских казаков и «иногородних» из южных районов страны. К концу XVIII в. на Тереке, а затем и на Кубани (восточные районы линейных станиц) уже встречались большие по размеру «круглые» донские дома, рассчитанные на большесемейные коллективы.

В одежде терских и кубанских казаков при преобладании в ней восточнославянского комплекса можно проследить и некоторые локальные отличия: например, в восточных и западных районах Северного Кавказа у кубанского казачества в одежде рельефнее проступают украинские черты, в то время как в станицах по Тереку и в отдельных казачьих поселениях восточной Кубани заметнее русские черты и сильнее чувствуется местное кавказское влияние.

Традиционная мужская одежда рядовых казаков на Тереке состояла вначале из длинной до колен русской холщовой рубахи с прямым или косым разрезом ворота (сорочка с различными вариантами покроя) и прямым рукавом³⁰. Рубаху казаки заправляли в штаны или в шаровары, хотя старообрядцы предпочитали носить ее по старинке — навыпуск. Обязательной принадлежностью мужской казачьей одежды был узкий, кавказского типа пояс, популярный на Тереке и Кубани. Штаны-шаровары (особенно у кубанцев) русского и украинского «широченного» по-

кроя шились чаще всего из холста. Старинной верхней одеждой мужчин был чекмень-зипун («свитка», «жупан» у кубанцев). Одновременно такая одежда являлась и форменной для северокавказского казачества. Головным убором у казаков чаще всего была шапка куполообразной формы, широко распространенной у татар и ногайцев (колпак), а затем и меховая папаха (типа «кубанки»), такая же, как и у соседних горских народов Северного Кавказа. Обувь — лапти, сапоги, башмаки, «ходаки» из сыромятной кожи с пришивной подошвой (типа бродней) и черевки. Кроме того, казаки часто на местный манер подвешивали к кавказскому поясу кинжал и саблю (с которыми не расставались никогда) и носили кушак. Со временем «кавказские» черты в одежде гребенцев и терцев усиливаются, как об этом писал в XVIII в. И.-Ф. Миллер. По его словам, одежда и оружие казаков были «на черкесский манер» — по образцу и подобию одежды и оружия их соседей-кабардинцев³¹.

Простотой и незамысловатостью отличался и костюм казачки, состоявший из рубашки-сорочки старорусского покроя (чаще всего с прямыми поликами), выполнявшей одновременно роль нательной и верхней одежды. Покрой женских рубах отличался некоторым разнообразием и варьировался в западных и восточных областях Северного Кавказа. Так, в западных станицах у кубанского и части терского казачества традиционной женской одеждой были блузка и юбка, более типичные для костюма украинцев и белорусов (здесь же казачки носили и фартуки — передник «завеска», передник с грудной).

В числе украшений отмечены украинские монисты, ленты и т. п. Обычной же верхней одеждой казачек на Тереке являлся женский зипун, ладно облегающий фигуру, на металлических застежках — по кавказскому образцу. Голову принято было покрывать домотканым платком, из-под которого видна «кавказская» шапочка, поскольку без головного убора женщина, как и у горцев, не имела права показаться на улице и даже быть дома простоволосой в присутствии свекра и свекрови. Украшений казачки носили много: серебряные пояса, серьги, бусы (мониста), кольца, чеченские и дагестанские браслеты, в чем явно прослеживалось кавказское влияние (особенно у гребенцев)³². В обычае было сурьмить брови и ресницы, отбеливать и сильно румянить лицо специальными приготовленными по местным кавказским рецептам косметическими составами — казачки были весьма искусны в косметике.

Одно из самых ранних упоминаний о пище русского населения Северного Кавказа содержится в документах начала XVII в., из которых следует, что в период «Смутного» времени на Руси жители Терского городка покупали просо у кабардинских и кумыцких людей, с которыми поддерживали тесные хозяйственно-экономические отношения, и жили вполне независимо от «государевой дачи» благодаря помощи и поддержке местного населения³³. Видимо, к этому времени восходит традиция изготавливать из «сорочинского шпена» казачью саламату, квашу, кулагу, напоминающие по способу приготовления пшеничную «пасту» у соседних адыгских и других народов Северного Кавказа. Определенную роль в пище казаков играл и привозной хлеб.

В условиях постоянных набегов крымских татар и османских отрядов и их местных союзников, междоусобных распри феодальных владельцев, в которых принимали участие и казаки, земледелие в казачьих городках по Тереку и Сунже было весьма неперспективным делом и основным богатством у гребенцев, как и у их соседей-кабардинцев, долгое время являлся скот (крупный рогатый, овцы, козы, лошади). Поэтому в начальный период в пищевом рационе казачества на Северном Кавказе преобла-

дало мясо, получаемое как продукт скотоводства и добываемое на охоте, молочные продукты, а также рыба и дикорастущие овощи и фрукты, которыми был в то время так богат Северный Кавказ³⁴.

Выше указывалось, что у некоторых народов Северного Кавказа в описываемое время были хорошо развиты овощеводство и садоводство, которые позже получили также широкое развитие и у русского населения края, и это отразилось на пищевом рационе терских и кубанских казаков. В их обеденном меню можно было встретить капусту, свеклу, огурцы, баклажаны, перец, лук, чеснок, фасоль, горох, местные кулинарные травы. Как местное, так и русское население края в изобилии запасало на зиму фрукты и овощи в свежем и консервированном виде, используя различные способы их хранения, в том числе и типично восточнославянские — квашение, соление, маринование.

Большое развитие в крае со временем получило бахчеводство — выращивание тыкв, дынь, арбузов и баклажанов, из которых приготавливалось много различных блюд и деликатесов. Фрукты дикорастущие и окультуренные употреблялись свежими, сушились, варились в виде компотов («узвар»), из них готовились варенья и начинки для мучных изделий, различные подливы и соусы к мясным и мучным блюдам.

Со временем в терских и кубанских станицах было освоено и виноградарство; это привело к развитию в середине XVIII в. в казачьих районах виноделия, и прежде всего в старожильческих станицах Кизлярско-Гребенского полка. Из напитков, помимо вин различных сортов (особой популярностью у казаков, в частности, пользовалось молодое вино «чихарь»), из винограда гналась крепкая водка, из выжимок приготавливались хмельная брага, квас.

Семейная обрядность. В период формирования терско-гребенского казачества и чуть ли не до середины XVIII в. в крае преобладала малая форма семьи, о чем, в частности, говорят и официальные источники того времени. Судя по ним, семьи казаков состояли из двух поколений — родителей и детей, т. е. отмечены типично малые семьи, насчитывающие от трех до шести человек (четверо детей максимум).

Часть браков вначале, судя по некоторым данным, заключалась в результате умыкания невест у соседей-горцев, часть совершалась по добровольному согласию. Во многих случаях казаки имели возможность вступить в родственные отношения с семьями «показавшихся» выходцев из среды местных народов, прибывавших на постоянное жительство в казачьи городки, а также с их родственниками и кунаками, остававшимися в горских обществах. Следы подобных брачных союзов — смешанных браков — четко прослеживаются в антропологическом типе населения старожильческих станиц Кизлярско-Гребенского полка (Червленная, Гребенская, Шадринская, Курдюковская и др.).

У первых русских поселенцев на Тереке свадебные обряды отличались определенной простотой. Зачастую сам акт заключения брака у терцев, как и у донцов, состоял в объявлении на казачьем «кругу» о желании казака и казачки стать мужем и женой. В знак защиты и покровительства казак, как это было положено, прикрывал женщину полой своего кафтана. Эта сугубо народная форма заключения гражданского брака долгое время сохранялась в казачьей староверческой среде, отвергавшей церковное «таинство» брака. Известны были примеры и еще одной архаической (языческой по своей сути) формы заключения брака, бытовавшей на Дону и Тереке — «венчание» вокруг березы или вербы. Иногда

же брак вообще не заключался, когда жена умыкалась или же попадала в плен как «законная» военная добыча.

Заемствованные «горские» черты в свадебной обрядности северокавказского казачества, и в первую очередь терского, можно видеть в характере праздничной одежды жениха и невесты, в одаривании молодых (у гребенцов, как и у горцев, в число даров обязательно входили предметы домашнего обихода: изготовленные из металла кувшины, тазика, блюда и т. п.), в некоторых деталях свадебного обряда, например возведении невесты на белый войлок (как у тюркоязычных народов Северного Кавказа), во всем внешнем антураже казачьей свадьбы: джигитовка, стрельба из ружей и пистолетов, исполнение кавказских ташцев.

На основе укрепления экономических, культурных и семейно-родственных связей между русским и северокавказским населением края у казачества некоторых станиц вошло в обычай куначество, побратимство, гостеприимство и даже аталычество.

Большую роль в повседневной жизни вольных казачьих обществ еще на раннем этапе их истории в крае играла казачья община, или «курень», регламентировавший все нормы казачьего быта с их устойчивыми традициями коллективизма и взаимопомощи, начиная от трудовой деятельности — совместный выпас скота, артельное рыболовство, охота, воинское казачье «односумье», «складничество», различные «помощи» и «спрягательство» — и кончая разнообразными их проявлениями в общественной жизни казачьих городков и станиц — например, общестаничные праздники и торжества, совместное проведение досуга — посиделки, вечерки — и кулачные бои — «кулачки» на Тереке.

Как известно, большую часть населения терских и кубанских станиц в прошлом по вероисповеданию составляли православные и старообрядцы. Последние начали селиться в крае с середины XVII в., особенно после подавления Крестьянской войны под руководством С. П. Разина, считая эту Южную «Украину» — Дон и Яик — «заповедным» для себя местом. На Кубани старообрядцы появились в начале XVIII в. Кроме них, в более позднее время на Тереке и Кубани селились различные общины сектантов: духоборы, хлысты и др. Судя по источникам, наибольшей консервативностью в исполнении религиозных обрядов и предписаний веры отличались старообрядцы и сектанты, хотя в целом религиозность казачества была меньшей, чем у «иногородних» — государственных крестьян-однодворцев, прибывавших на Северный Кавказ в 80-х годах XVIII в. из центральных и южных черноземных губерний России.

Помимо этого, на все стороны быта населения казачьих станиц Северного Кавказа большое влияние оказывали разнообразные и многоликие элементы архаических восточнославянских языческих верований, к которым затем добавились и некоторые местные северокавказские верования, составив в целом своеобразный пласт бытования казачьих суеверий, встречаемых исследователями в пережиточной форме даже в XX в.

Фольклор. Старейшим группам русского казачества — донского, терского, яицкого — присуще известное единство фольклора (репертуар, жанровый и сюжетный состав, тематика и система образов). В то же время терский фольклор представляет специфическое самостоятельное образование, истоки которого восходят к тем районам Южной или Средней России, откуда приплыли на Терек первые русские обитатели северокавказских гребней.

Если в терско-гребенских станицах бытовал преимущественно великорусский фольклор, впрочем как и на Восточной Кубани, в ее липейных

станциях, то в западных кубанских районах, населенных преимущественно потомками запорожских казаков, сохранялся украинский фольклор. В то же время некоторая часть русских и украинских народных песен составляла общеказачий северокавказский репертуар.

Одним из любимых и широко распространенных жанров казачьего фольклора на Тереке и Кубани были исторические, военные и бытовые песни, репертуар которых отличался большим богатством и разнообразием. В жанровом отношении песенный фольклор, например, терских казаков можно разделить на обрядовые календарные песни, былины или героические песни на былинные сюжеты, исторические и лирические песни. К календарной обрядовой поэзии относились известные на Руси и на Украине «колядки», «щедривки» или «маланки», исполняемые во время святок; их разделяло пели женщины и мужчины в ночь под Новый год, хоровые пасхальные песни, гадальные песни семицко-троицких обрядов, различные свадебные, венчальные и др.³⁵

Одной из любопытных особенностей героического фольклора терско-гребенских казаков было сохранение среди них былин и песен на былинные сюжеты.

Примечательно и то, что наиболее мощный пласт былинного эпоса на Тереке отмечен у старожильческого гребенского казачества на территории бывшего Кизлярско-Гребенского округа, чему пока трудно найти объяснение. Также на раннем этапе сложения терско-гребенского казачества у него появились и исторические песни, отражавшие героическую борьбу казачества с многочисленными врагами. В этих песнях отчетливо звучит не только тема патриотизма, любви к родине, но и борьбы с классовыми врагами, причем видное место в них занимают образы Степана Разина и других вождей крестьянских восстаний XVI—XVIII вв.

Популярны были на Тереке и Кубани и казачьи лирические песни, исполнявшиеся дома, на различных работах, в походах. Этот песенный жанр был самым разнообразным и широко распространенным в казачьей среде терских и кубанских станиц — хоровые, плясовые, протяжные и т. п.; наибольшей популярностью при этом пользовались военно-бытовые лирические песни, отражавшие тяжелую казачью судьбу, безвременную смерть где-нибудь на чужбине, трудную долю казачьих вдов и сирот. Сюда же можно отнести так называемую пейзажную лирику о Тереке и Кубани, с которыми были связаны как со своей новой родиной: судьбы казачества, отражавшую любовь казаков к родному краю и верность ему, различные песни-баллады и др. Одним словом, «песенный фольклор Терека в целом несет на себе сильнейший отпечаток традиционного, складывавшегося многими десятилетиями, во многом своеобразного казачьего образа жизни — способов хозяйствования, бытовых основ, социальных и семейных взаимоотношений, общего характера культуры»³⁶.

Таким образом, этническая неоднородность северокавказского терско-гребенского и кубанского казачества, различные исторические условия и время появления этих двух групп восточнославянского населения на Северном Кавказе, разная продолжительность периодов их формирования и адаптации к природно-экологическому и этническому окружению в восточной и западной частях исследуемого региона — все это нашло свое заметное отражение в специфике культуры и быта терско-гребенского и кубанского казачества (при их безусловно общих чертах). В первую очередь, это заметно отразилось на различном включении в их быт и культуру доли местных северокавказских культурно-бытовых элементов, что было связано с той или иной ролью коренного и этнически неоднородного населения Кавказа в формировании названий групп северокавказского

казахства (при наличии определенных общекавказских черт, заимствованных русским населением Северного Кавказа).

Именно под этим углом зрения — активного взаимодействия и взаимовлияния восточнославянских (русских, украинских и белорусских) черт в культуре и быту северокавказского казачества с местными, заимствованными «кавказскими» чертами, в первую очередь народов Северного Кавказа, и следует рассматривать известные на сегодняшний день историко-этнографические материалы по культуре и быту восточнославянского населения Северного Кавказа. В целом в середине XVI в. получает новый стимул известный исторический процесс взаимообогащения культур многих кавказских народов и культур русского и украинского народов, начало которого восходит к домонгольскому периоду истории Русского государства.

* * *

К концу XVIII в. на Северном Кавказе значительно упрочились позиции России и в большой мере было подорвано бывшее влияние шахского Ирана и Османской империи. Усилилась ориентация на Россию многих владетелей и союзов горских сельских обществ. Большинство их приняли российское подданство и не раз возобновляли эти присяги, но сохраняли свое местное управление и порядки. Ускорилось заселение Предкавказья и некоторых областей Северного Кавказа русскими казаками, крестьянами и ремесленниками.

В конце XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. борьба шахского Ирана и Османской империи за господство на Северном Кавказе окончилась их полным поражением.

Возрастание военно-политической мощи России со второй половины XVIII в. опиралось уже на развитие в ней капиталистического уклада и на связанные с этим успехи промышленности и торговли. В конце XVIII в. крепостническая система и самодержавие в России достигли наибольшей силы, но тогда же проявились и признаки начинавшегося внутри империи кризиса крепостнических порядков, затянувшегося на долгое время.

С конца XVIII — начала XIX в. в судьбах народов Северного Кавказа наступил новый этап, связанный с завершением вхождения феодальных владений и союзов горских сельских обществ этого региона в состав России. Шахский Иран и Османская империя вынуждены были по мирным договорам с Россией отказаться от притязаний на Северный Кавказ и Закавказье, признать их входящими в границы России.

В XIX в. происходили новые процессы — вовлечение Северного Кавказа в общероссийский рынок, переход к насаждению царским правительством своей военно-административной власти над горскими народами, что вызвало сильное вооруженное сопротивление, вылившееся в антиколонизаторское и антифеодальное движение ряда горских народов против царизма и местных феодалов, вступивших в союз с царизмом.

В то же время, вопреки реакционной политике царизма, сложились условия для распространения влияния передовой русской культуры и освободительного движения на северокавказские народы, для дальнейшего развития связей между русским народом и горским населением, для взаимного обогащения культур. Все эти явления, а также дальнейшее значение для народов Северного Кавказа революционного движения в России в период капитализма освещаются в книге «История народов Северного Кавказа (Конец XVIII в.— 1917 г.)», являющейся продолжением данного труда.

- ¹ КРО. М., 1957. Т. 1. С. 65—68, 401, 402.
- ² ИГЭД. Махачкала, 1958. С. 216—218.
- ³ КРО. М., 1957. Т. 2. С. 194.
- ⁴ Там же. Т. 2. С. 361.
- ⁵ ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 32.
- ⁶ АВК. Нальчик, 1974. С. 73—77, 297 и след.
- ⁷ Хан-Гирей. Избр. произведения. Нальчик, 1974. С. 206.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 89.
- ⁹ Даллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1786—1788. Ч. 2. С. 321.
- ¹⁰ Джiovанни Лука. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов и грузин // АВК. С. 717; Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. // ОГРИП. С. 127.
- ¹¹ Хан-Гирей. Указ. соч. С. 172—176.
- ¹² Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927. Вып. 2. С. 74; Песни далеких лет. Орджоникидзе, 1974. С. 58; Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1959. С. 106; Песни народов Дагестана. Л., 1970. С. 413.
- ¹³ Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936. С. 283—322.
- ¹⁴ Антология кабардинской поэзии. М., 1957. С. 72.
- ¹⁵ СО НИИ. Орджоникидзе, 1960. Т. 22. Вып. 2. С. 150—153 и след.
- ¹⁶ ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. 6. С. 8, 17, 25, 54, 55, 64.
- ¹⁷ Кабардинский фольклор. С. 269.
- ¹⁸ Магомедов Р. М. Памятники истории и письменности даргинцев в XVII в. Махачкала, 1964.
- ¹⁹ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1. Надпись 442.
- ²⁰ Кодекс законов Ума-хана Аварского. Махачкала, 1948. С. 8.
- ²¹ Эвлия Челеби. Книга путешествия... М., 1979. Вып. 2. С. 115.
- ²² ОГРИП. С. 553.
- ²³ АВК. С. 142—143.
- ²⁴ Крачковский И. Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. Соч. М.; Л., 1960. Т. 6. С. 612.
- ²⁵ Там же. С. 610.
- ²⁶ АВК. С. 141—142, 162, 170 и след.
- ²⁷ КРО. Т. 1. С. 302, 314—315, 368, 419; ЦГАДА. Ф. Кумыцкие дела. Оп. 1. 1653 г. Д. 1. Л. 277—279.
- ²⁸ Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С. 33.
- ²⁹ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 413—417; Кумыцкие дела. Оп. 1. 1632 г. Д. 1. Л. 111—118; КРО. Т. 1. С. 256, 257. М., 1957. Т. 2. С. 104, 167—169, 180, 221, 238, 318—319, 356 и след.
- ³⁰ К сожалению, сведения об одежде рядового казачества на Тереке и Кубани в XVI—XVIII вв. можно почерпнуть лишь из рисунков и гравюр путешественников XVIII в., да скудных упоминаний в официальных документах того времени (например, в описях погребального имущества и в описании «помпнок», в перечнях ввозимых предметов торговли, причем наибольшее отражение в источниках нашли данные по одежде казаков и наименьшее — иногородних).
- ³¹ ЦГАДА. Ф. Портфели Г.-Ф. Миллера. Д. 757/30 (Описание гребенских казаков).
- ³² КРО. Т. 2. С. 363, 359—364; СМОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. С. 258.
- ³³ ЦГАДА. Ф. Ногайские дела. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 416, 417; КРО. Т. 1. С. 120, 227 и след.
- ³⁴ КРО. Т. 1. С. 192; ЦГАДА. Ф. Кумыцкие дела. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 66, 70.
- ³⁵ Песни Терека: Песни гребенских и сунженских казаков. Грозный, 1974. С. 12; Песни гребенских казаков. Грозный, 1946; Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948.
- ³⁶ Песни Терека: Песни гребенских и сунженских казаков. С. 8.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Список сокращений

- АВК — Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.
- АВПР — Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР
- АИ — Акты исторические
- АКАК — Акты Кавказской археографической комиссии
- АО — Археологические открытия
- АС — Археологический сборник
- АЭС — Археолого-этнографический сборник
- БдЧ — Библиотека для чтения
- ВАИ — Вестник археологии и истории
- ВВ — Византийский временник
- ВЕ — Вестник Европы
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВИ — Вопросы истории
- ВИД — Вестник истории Дагестана
- ВИЭД — Вопросы истории и этнографии Дагестана
- ВИС — Военно-исторический сборник
- ВИЧИ — Вопросы истории Чечено-Ингушетии
- ВС — Военный сборник
- ГАААО — Государственный архив Адыгейской автономной области
- ГАКК — Государственный архив Краснодарского края
- ГАКЧАО — Государственный архив Карачаево-Черкесской автономной области
- ГАРО — Государственный архив Ростовской области
- ГАСК — Государственный архив Ставропольского края
- ГДИД — Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, СПб., 1891
- ГИМ — Государственный Исторический музей
- ДНР — Древняя и новая Россия
- ДЧИ — Древности Чечено-Ингушетии
- ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества
- ЗКОИРГО — Записки Кавказского отдела имп. Русского географического общества
- ЗООИДР — Записки Одесского общества истории и древностей российских
- ЗТОЛКС — Записки Терского общества любителей казачьей старины
- ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР
- ИАК — Известия археологической комиссии
- ИВ — Исторический вестник
- ИВ ЮО НИИ — Исторический вестник Юго-Осетинского научно-исследовательского института
- ИГАИМК — Известия гос. академического Института материнской культуры
- ИГЭД — История, география и этнография Дагестана
- ИЖ — Исторический журнал
- ИЗ — Исторические записки

- ИЛ — Историческая летопись
- ИО — Историческое обозрение
- ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории, этнографии
- ИОРРИП — Известия Общества ревнителей русского исторического просвещения
- ИРАО — Известия Русского археологического общества
- ИРГО — Известия Русского географического общества
- ИСО НИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
- ИСКНЦ ВШ — Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия
Общественные науки
- КВ — Кавказский вестник
- КК — Кавказский календарь
- КРО — Кабардино-русские отношения
- Куб. К. — Кубанский календарь
- КС — Кавказский сборник
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН
СССР
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
- Куб. сб. — Кубанский сборник
- КЭС — Кавказский этнографический сборник
- МАД — Материалы по археологии Дагестана
- МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
- МАК — Материалы по археологии Кавказа
- МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
- МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края
- ОАК — Отчеты Археологической комиссии
- ОГРИП — Осетины глазами русских и иностранных путешественников
- П и Б — Письма и бумаги имп. Петра Великого
- ПСА — Проблемы скифской археологии
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РА — Русский архив
- РДО — Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.
- РВ — Русский вестник
- РС — Русская старина
- РФ — Рукописный фонд
- СА — Советская археология (журн. ИА АН СССР) —
- САИ — Свод археологических источников
- Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия
- СКАЭ — Северокавказская археологическая экспедиция
- СМИЗО — Сборник материалов по истории Золотой Орды
- СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
- ССК — Сборник сведений о Кавказе
- ССИК — Сборник статей по истории Кабарды
- ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах
- ССССТ — Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии
- ССТО — Сборник сведений о Терской области
- СЭ — Советская этнография
- ТВОИАО — Труды Восточного отделения имп. Археологического общества
- ТКЧНИИ — Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института
- УЗ ИВ — Ученые записки Института востоковедения
- УЗ ИИЯЛ ДФАН — Ученые записки Института истории, языка и литературы Даге-
станского филиала АН СССР

- УЗ КВ НИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики
 УЗ К НИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
 УЗ ЧИГПИ — Ученые записки Чечено-Ингушского государственного педагогического института
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЦГА ДАССР — Центральный государственный архив Дагестанской АССР
 ЦГА КБАССР — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской АССР
 ЦГА СО АССР — Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР
 ЦГА ЧИАССР — Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР
 ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив в Ленинграде
 ЦГИА ГССР — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР
 ЦГИА ССРСР — Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

II. Хронология событий

- 500—200 тыс. лет назад — первичное заселение Кавказа
 150—80 тыс. лет назад — широкое расселение людей на Кавказе в ашельскую эпоху
 VI тыс. до н. э. — появление первых земледельческих поселений
 V—IV тыс. до н. э. — расцвет раннеземледельческой культуры на Северо-Восточном Кавказе
- III тыс. до н. э. — майкопская и куро-аракская культура
 2400—1200 гг. до н. э. — дольменная и северокавказская культуры
- II тыс. до н. э. — катакомбная культура
 вторая половина II тыс. до н. э. — каякентско-хорочевская культура
 рубеж II и I тыс. до н. э. —
 середина I тыс. до н. э. — колхидская и прикубанская культура
 конец II — конец I тыс. до н. э. — кобанская культура
- IX—VI вв. до н. э. — государства Урарту и Манна
 VIII—VII вв. до н. э. — производственно освоение железа
 VIII—VII вв. до н. э. — складывание протомеотских племен
 VIII—VII вв. до н. э. — возникновение укрепленного поселения на Дербентском холме
- 70-е годы VII в. — возникновение государства Мидия
 до начала VII в. до н. э. — киммерийцы
 VIII—III вв. до н. э. — господство скифов в низовьях Дона и северных районах Предкавказья
- 633 г. до н. э. — вторжение скифов через Дагестан в Закавказье и Переднюю Азию
 512 г. до н. э. — война скифских и союзных с ними племен с персидским царем Дарием Гигастасом
- конец V в. до н. э. — образование Боспорского царства
 V в. до н. э. — предполагаемое Синдское государство
- 438 г. — конец II в. до н. э. — династия Спартакидов в Боспорском царстве
 конец IV в. до н. э. — складывание Армянского царства
 IV в. до н. э. — образование Кавказской Албании
 начало III в. до н. э. — образование Иберии
- III в. до н. э. — начало III в. н. э. — сарматы
 88—64 г. до н. э. — участие кавказских народов в войнах понтийского царя Митридата IV Евпатора с римлянами
- I в. н. э. — появление на Кавказе алан
 35 г. — помощь сарматов иберийскому царю Ферасману в борьбе с Парфией
 49 г. — поражение сираков от римлян и аорсов

- вторая половина II в. н. э. — освобождение Албании от римлян
 193 г. — поражение сираков от боспорского царя Савромата II
 226 г. — образование Сасанидского царства
- III в. н. э. — передвижение готов с севера в Причерноморье
 середина III в. н. э. — борьба Рима и Сасанидов за влияние на Кавказе
 354 г. — первое упоминание булгарских племен на Кавказе
 375 г. — начало вторжения гуннов на Кавказ
- IV—VII вв. н. э. — Великое переселение народов. «Царство» гуннов в Дагестане
- V—VI вв. н. э. — возникновение «царств» Дагестана: Лакз, Табасаран, Зприхгерац, Кайтаг, Гумык, Серир, Дербент, Маскут
- VI в. — складывание Тюркского каганата
 — начало «Великого шелкового пути»
 — сасанидские укрепления в Дербенте
- VI в. — образование Аварского каганата
- VI—VII вв. — зарождение раннефеодальных отношений у некоторых племен Северного Кавказа и начало проникновения христианства
- 632—642 гг. — расцвет «Великой Булгарии» при владетеле Кубрате
- середина VII в. — 965 г. — Хазарский каганат
- 40-е годы VII—VIII в. — участие народов Северного Кавказа в арабо-хазарских войнах
- VII в. — начало проникновения ислама на Северный Кавказ
 723 г. — поход арабов против алан
- 816—837 гг. — восстание крестьян в Азербайджане под предводительством Бабека
- 944 г. — образование Тмутараканского княжества
- середина IX в. — освобождение Дагестана от власти Арабского халифата
- X—XIII в. — Аланское царство
- 944—953 гг. — восстание горожан в Дербенте
- 964—966 гг. — поход князя Святослава на хазар, ясов и косогов
- 989—990 гг. — движение горожан Дербента во главе с гияльским проповедником ислама Муса Тузи
- 1019—1065 гг. — жители Дербента 4 раза изгоняли из города эмира
- 1022 г. — успешный поход тмутараканского князя Мстислава Храброго против косогов
- середина XI в. — появление в Предкавказье половцев (кыпчаков)
- 1067 г. — захват Дербента сельджуками
- 1071 г. — вторичный захват Дербента сельджуками
- 1089—1125 гг. — царствование в Грузии Давида IV Строителя
- 1122 г. — победа над сельджуками объединенных грузинских, ширванских и дагестанских войск во главе с грузинским царем Давидом IV Строителем
- 1184—1213 гг. — царствование в Грузии царицы Тамар
- начало XIII в. — образование раннефеодального Монгольского государства
- 1220—1222 гг. — вторжение монголов на Кавказ
- 31 мая 1223 г. — битва на р. Калке
- 1235 г. — путешествие доминиканского монаха Юлиана по Алании
- 1237—1240 гг. — нашествие татаро-монголов на Восточную Европу и Северный Кавказ
- 1238—1239 гг. — захват татаро-монголами после долгой осады столицы алан г. Мегет (М-к-с)
- октябрь — декабрь 1239 г. — защита агульского сел. Рича объединенными силами горцев
- апрель 1240 г. — взятие татаро-монголами Кумуха после длительной осады
- XIII—XIV вв. — возникновение генуэзских колоний в Крыму и на Кавказе

- 1256 г.— середина XIV в. — государство Хулагидов (Хулагуидов)
- 1262—1357 гг.— война Хулагидов и Золотой Орды на Северо-Восточном Кавказе
- 8 февраля 1278 г. — подавление войсками Менгу-Тимура восстания жителей ясского города Дедякова
- 8 сентября 1380 г. — Куликовская битва
- 1382—1417 гг.— Ибрахим I Дербенди — основатель династии ширваншахов
- 1385 г. — поход Тохтамыша на Северо-Восточный Кавказ и Закавказье
- 1388 г. — сражение войск Тимура и Тохтамыша на р. Самур
- 1391 г. — сражение в местности Кундузга между Тимуром и Тохтамышем
- 1394—1396 гг. — борьба народов Кавказа против нашествия Тимура
- 15 апреля 1395 г. — разгром Тимуром войск Тохтамыша на р. Терек
- Осень 1395 г. — поход Тимура на адыгов
- 1404 г. — прибытие в Дербент русских купцов
- 1417—1462 гг. — правление ширваншаха Халилгулаха
- 1432 г. — отражение жителями Цахура войск Кара-Кююнгу
- 1447—1460 гг.— сефевидский шейх Джунейд
- 1457 г. — восстание адыгов против господства Генух
- 1460 г. — поражение войск шейха Джунейда на р. Самур от войск ширваншаха
- 1460—1488 гг. — сефевидский шейх Хейдар (Хайдар)
- 1462—1500 гг. — правление ширваншаха Фаррух-Ясара Дербенди
- 1465 г. — посольство ширваншаха Фаррух-Ясара Дербенди во главе с Хасан-беком в Москву
- 1466 г. — ответное русское посольство во главе с Василием Паниным
- 1467 г. — пребывание в Дербенте Афанасия Никитина
- 1475 г. — разгром османами Кафы и других генуэзских колоний
- 1480 г. — освобождение Русского государства от татаро-монгольского ига
- 1487—1488 гг. — походы шейха Хейдара на Северный Кавказ, закончившиеся поражением сефевидов и гибелью Хейдара
- 1500—1501 гг. — первый поход сефевидов на Ширван
- 1502—1736 гг. — сефевидское государство
- 23 августа 1514 г. — поражение сефевидского шаха Исмаила I от османов на Чалдыранской равнине вблизи Баку
- 1517 г. — подчинение Ширвана иракским шахом и нашествие на Южный Дагестан и Грузию
- ноябрь 1552 г. — первое посольство адыгов в Москву с просьбой о присоединении к России
- 1553 г. — отказ крестьян с. Тпиг платить харадж (подать) казику-мухскому шамхалу
- 1553—1554 гг. — поход крымского хана на адыгов (пятиторских черкесов)
- 1557 г. — добровольное присоединение адыгов к России
- 1557 г. — признание Большой Ногайской Ордой зависимости от Русского государства
- 1558—1583 гг. — участие адыгов и ногайцев на стороне Русского государства в Ливонской войне
- 1561 г. — брак Ивана IV Грозного с дочерью Темрюка Идарова Кученей (Гошаней) — царицей Марией Темрюковной
- 1564 г. — шерт на верность Русскому государству Малого Ногай (Казыева улуса)
- 1567 г. — шерт на верность Русскому государству шамхала и тюменского князя

- 1569 г. — неудачный поход крымско-османских войск на Астрахань и Кабарду
- 1570 г. — вторжение крымского хана Девлет-Гирея в Кабарду и гибель Темрюка Идарова
- 1578 г. — подтверждение кабардинцами верности Русскому государству
- 1582 г. — поражение османов от объединенных сил лакцев, аварцев и даргинцев
- 1585 г. — опустошение Южного Дагестана османами
- 1587—1629 гг. — правление шаха Ирана Аббаса I
- 1588 г. — присяги на верность Русскому государству Ших-мурзы Окоцкого и ингушского владетеля Султан-мурзы, положившие начало вхождению чеченцев и ингушей в состав России
- основание Терского городка в дельте Терека
- 1594 г. — включение в состав Русского государства тюменского владения
- 1595 г. — гибель Ших-мурзы и переселение окончан в Терки. Неудачный поход на Дагестан воеводы А. Хворостинина
- 1602—1603 гг. — посольство Сурхая — шамхала тарковского, кафыр-кумыкского владетеля Андия и эндереевского Султан-Махмуда с просьбой о русском подданстве
- 1604—1605 гг. — поход воеводы И. М. Бутурлина на Дагестан
- 1605 г. — посольство Батая-мурзы Окоцкого в Москву
- 1606—1607 гг. — Крестьянская война под руководством И. И. Болотникова
- 1607—1608 гг. — первые столкновения горцев Дагестана с войсками шаха Аббаса I
- 1610 г. — присяга на верность Русскому государству тарковских владетелей
- 1610—1611 гг. — расправа шахских войск с табасаранцами
- 1611—1612 гг. — поход войск шаха Аббаса I на Дагестан
- 1614 г. — подтверждение верности Русскому государству дагестанских владетелей
- 1614—1615 гг. — поход Ирана на Грузию и Дагестан
- 1614—1615 гг. — присяги на верность Русскому государству западных адыгов
- 1615 г. — вручение Сунчалею Канклычевичу царской грамоты о признании его князем над «черкесами и окочанами»
- 1616 г. — съезд дагестанских владетелей в Тарках
- принятие в русское подданство Султан-Махмуда Эндереевского
- 1616—1635 гг. — вхождение в состав России владений Дагестана: шамхальства, Аварского ханства, Кайтагского уцмийства, Табаранского майсумства и др.
- 1616—1639 гг. — борьба (с небольшими перерывами) в Закавказье между шахским Ираном и Османской империей
- 1623—1625 гг. — восстание в Грузии против Сефевидов под руководством Георгия Саакадзе
- 1629 г. — первое упоминание в русской летописи о Балкарии и балкарцах
- 1633 г. — присяга на верность Русскому государству уцмия Кайтага Рустем-хана
- съезд дагестанских владетелей в Эндерее
- 1634 г. — повторные присяги западных адыгов и абазин Русскому государству
- 1635 г. — подтверждение русского подданства Кайтагским уцмийством
- 1637—1642 гг. — «Азовское сиденье» донских казаков
- 1639 г. — первое письменное известие о Карачае и карачаевцах

- 1642 г. — утверждение Сурхая тарковского шамхалом
- 1646 г. — участие воинов Северного Кавказа во главе с кабардинским князем Муцалом Черкасским в борьбе с крымским царевичем Инят-Гиреем
- 1652 г. — нападение шахских войск на Сунженский острог
- 1658 г. — присяга дженгутайского владетеля Ахмед-хана Мехтиева и казанищенского владетеля Будая на верность Русскому государству
- 1667—1671 гг. — Крестьянская война под руководством Степана Разина
- 1670 г. — совместный поход русских войск и народов Кавказа на Крым
- 1671 г. — вторжение крымских войск в Кабарду
- 1672—1673 гг. — набег на Крым кабардинского князя Каспулата с участием калмыцкого отряда
- 1674—1675 гг. — участие в походах русского войска против Крыма и Азова кабардинского отряда Каспулата Муцаловича
- 1676—1681 гг. — участие народов Северного Кавказа на стороне России в русско-турецкой войне
- 1687 и 1689 гг. — два похода русских войск на Крым с участием отряда северокавказцев
- 1695 и 1696 гг. — Азовские походы Петра I
- 1700 г. — русско-турецкий договор о перемирии
- 1707 г. — набег крымского хана Каплан-Гирея на Кабарду, а Наиб-султана — на гребенских казаков
- 1707—1708 гг. — Крестьянская война под руководством Кондратия Булавина
- 1708 г. — участие чеченцев в народном восстании башкир
- 1711 г. — Прутский поход
- 1711—1712 гг. — антишахское восстание в Ширване и Дагестане
- 1720 г. — вторжение крымских войск в Кабарду
- 1722—1723 гг. — персидский поход Петра I
- 1722—1735 гг. — строительство крепости Святой Крест
- 1726 г. — принятие русского подданства кубинским ханом Хусейн-Али-ханом
- 1727 г. — утверждение Портой владетелем Шемахи Сурхай-хана
- 1727 г. — принятие русского подданства владетелем Аварии
- 1731 г. — принятие русского подданства андийцами
- 1732—1734 гг. — первое иранское нашествие шаха Надира на Дагестан
- 1735 г. — основание г. Кизляра
- 1735—1736 гг. — второе нашествие иранского шаха Надира на Дагестан
- 1735—1739 гг. — русско-турецкая война. Начало строительства Кавказской укрепленной линии
- 1735 г. — разгром чеченцами войск крымского хана в Хан-Калимском ущелье
- 1736 г. — антифеодальное восстание кубинцев и лезгин
- 1736—1739 гг. — антииранское восстание и убийство ставленника шаха Надира беглербега Ширвана Мехти-Кули-хана
- 1741—1743 гг. — крах похода иранского шаха Надира в Дагестан
- 1744—1745 гг. — карательные экспедиции шаха Надира в Дагестан
- 4 мая 1747 г. — убийство в результате заговора шаха Надира и распад его державы
- 1749—1752 гг. — осетинское посольство в Россию с просьбой о принятии в подданство
- 1753 г. — официальный раздел Большой Кабарды на два самостоятельных феодальных владения
- 40—50-е годы XVIII в. — усиление набегов крымцев и османов на Северо-Западный Кавказ

- 1754 г. — восстание крестьян под руководством Мамсырыко Дамаля
- 1762 г. — добровольное вхождение ингушей в состав России. Указ Екатерины II о праве переселения ингушей и осетин с гор на плоскость — в урочища Моздок и Мекень
- 1763 г. — строительство крепости Моздок на левом берегу р. Терек
- 1765 г. — открыта первая школа в Моздоке
- 1767 г. — «Баштамакское» восстание крестьян
- 1768—1774 гг. — русско-турецкая война
- 1773—1775 гг. — Крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева
- 10 июля 1774 г. — Кючук-Кайнарджийский мир, оформивший в международно-правовом отношении присоединение Кабарды к России
- 1774 г. — добровольное присоединение к России Осетии. Поражение в междоусобном сражении близ Худата Фет-Али-хана от владетелей Кайтага, Кумуха, Казанища и др.
- 1775 г. — походы русских войск генерала Медема и шамхала Тарковского в Кайтаг и Чечню
- 1777 г. — основание Ставрополя. Сооружение Азово-Моздокской укрепленной линии
- 21 января 1781 г. — присяга на принятие в подданство России старшин Большой Чечни и Аджи-аула, завершение процесса добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России
- август 1783 г. — Георгиевский трактат между Россией и Грузией
- 1783 г. — присоединение Крыма. Вхождение в состав России Правобережной Кубани
- 1783—1786 гг. — окончательное документальное оформление вхождения приморских владетелей Дагестана в состав России
- 1784 г. — основание г. Владикавказа
- 1785 г. — начало восстания горцев под руководством шейха Мансура (Ушурмы)
- 1785 г. — учреждение Кавказского наместничества с центром в Екатеринограде
- 1787 г. — образование из бывших запорожцев Черноморского казачьего войска
- 1787—1791 гг. — русско-турецкая война
- 1791—1796 гг. — антифеодальное восстание шапсугских крестьян
- 1792—1793 гг. — переселение Черноморского казачьего войска на Кубань
- 1793 г. — основание Екатеринодара
- 1773—1774 гг. — пребывание академика П.-С. Палласа на Северном Кавказе

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Ааран, «царь» казар 146
 Аббага, ильхан 205
 Аббас, дядя пророка Мухаммеда 208, 212
 Аббас I, шах Ирана 320—323, 342
 Аббас II, шах Ирана 323, 324, 345, 346
 Аббас III, шах Ирана 419
 Аббас-шах 485
 Абд-Ал-Малик Ал-Хашили 171
 Абд-Ал-хан 240
 Абд-Ар-Рахман ибн-Рабиа, араб. полководец 126
 Абдаул, таубий 349
 Абували-Ага, сын казначея Крыма 383
 Абул-Гази, хан Хивинский 242
 Абу-Бакр Мухаммед Ал-Дербенди 179
 Абу-л-Атахи 254
 Абу-л-Музаффар, эмир Дербента 155
 Абу-ль-Фида 237
 Абу-Муслим, шейх 209, 211, 252
 Абу-Хамид Ал-Гарнати (Ал-Гарнати) 154, 154, 158—160, 178
 Авар, сын Тогармы 119
 Ага-Али 325
 Ага Мухаммед-бек, правитель Дербента 311
 Ага-Мухаммед-хан (Ага-Мамед-хан) Каждар, шах Ирана 459, 460, 462
 Агилор, сын Тогармы 119
 Агнаев Георгий, осет. посол 442
 Аджибек, посол Ирана 323
 Аджиев И. 458
 Адиль-Гирей, шамхал 292, 409, 410, 416
 Айдабул, балкарский владетель 294
 Айдаровичи (Идаровичи, Айдаровы, Идаровы), кабард. князья 336
 Айдарович-Нарчов, Евбузлуков, кабард. князь 337
 Айдемир, начальник чеченский владетель 435, 454
 Айдемир эндереевский, шамхал 292, 303, 344, 345, 393
 Айдемир-бек 428
 Айдемир-Мурза, посол Крыма 429
 Айдемировы, фамилия 302
 Аймурзин Т. 458
 Айтек, черкесский мурза 349
 Акабчу, легенд. родоначальник кабард. князей 297
 Ак-Майсум-хан, майсум Табасарана 294
 Аксайские князья 369
 Аксак-Тимур *см.* Тимур
 Ал-Асад, атабек, правитель Дербента 193
 Ала-Тимур, золотоордынский военачальник 208
 Албирь, окоцкий мурза 352
 Албирюй, мурза окоцкий 295
- Алга, начальный человек шибутских «кабаков» 351
 Ал-Джаррах ибн Абдуллах Ал-Хакими 127
 Ал-Гарнати *см.* Абу-Хамид, Ал-Гарнати
 Алди-Гирей, наследник крымского хана 318, 319
 Алегук, кабардин. владетель 339
 Алегукины, владетели 297
 Алегучо Шегануков (Алегуч-мурза Шегануков), кабард. князь 296, 303, 326, 337, 338, 349, 351
 Алеев К., кабард. кн. 432
 Александр, груз. царь 308
 Александр, имеретин. царь 350
 Александр, кахетин. князь 274
 Александр, царь Кахетины 341
 Александр Македонский 22, 252
 Алексей Михайлович, царь 323, 338, 340, 351, 352
 Алешка Каторжный, атаман повстанцев 361
 Али, лакец; автор араб. рукописи «Конспект» 254
 Алиатт, мидийский царь 64
 Алибек, балкарский владетель 296
 Али-бек, чечен. владетель 436
 Алибек казикумухский 293, 342—344
 Алибек Турлов, владетель Чачана 295
 Али-паша, сераскир 418
 Ал-Истахри, араб. автор 119, 161
 Али-Султан, чечен. владетель 453, 454
 Али-Султан, сподвижник Мансура 456
 Али-Султан Козбулатов, чечен. владетель 436, 443
 Али-хан Турлов, владетель Чачана 295
 Алкадари Г. 419, 422
 Алипа Хамзин, костановский владетель 435
 Алкас Клехстанов, кабард. князь 303, 341
 Алкас-Мирза, правитель Ширвана 312
 Алкас-мурза Бегиев 339
 Ал-Масуди (Масуди), араб. автор 21, 150, 151, 154, 156, 159, 161—165, 178
 Ал-Мукаддаси, араб. автор 158
 Ал-Омари, араб. путешественник 157, 224, 226
 Алхазов А. 458
 Алхан, шибутский мурза 352
 Алхас, шибут 352
 Альглычевичи 241
 Альбирой, сын шамхала 343
 Амир-Аслан-хан 421
 Амир-Гамза, удмурт. Кайтага 447, 448, 453, 446
 Амир-Султан, нуцал Аварии 209, 211, 241

* Указатель составил Р. Г. Маршаев.

- Амир-Хамза 211, 241
 Амир-хан, сторонник Ахмад-Багадура 211, 241
 Амир-хан-Султан, удмий 323, 324, 345
 Амир-Чупан, сын Алибека, удмий 213
 Амман Марцеллин 93, 94, 116
 Андемиркан, легенд. герой адыгов 486
 Андий, сын Сурхая, кафыркумукский владетель, затем шамхал 292, 344
 Андрей Каспулатович (кн. Черкасский) 362
 Андуник, родонач. аварских нудалов 241, 242
 Анворовы, узденский род 292, 338
 Анисимов Н. А. 14
 Анна Иоанновна, имп. 427, 429, 431, 433
 Аоховы, кабард. князь 338
 Апраксин П. А., ген. 408, 409
 Аппш (Апшита, Абшита Вэреков), балкар. владетель 439
 Аргун, ильхан 210
 Арифари, дарь фатеев (или сираков) 77
 Арсланбек Кайтухин 427
 Артемий Араратский 460
 Артугай Айдабулов 351, 352
 Археанактады, династия в Восточной Боспоре 76
 Арчил II, кахетинский царь 308, 352
 Ал-Асад, владетель Дербента
 Асламбек Кайтухин, кабард. князь 296
 Асламбек Комметов, кабард. владетель 413
 Аслан Карабегов, дигор. мурза 296
 Асланбек Айдемиров, чечен. владетель 436
 Аслан-бек Кайтухин, кабард. князь 494
 Асламбек-мурза Багаматов, кафыркумукский владетель 304
 Аспарух (Аспар-Хрук), хан 117
 Атажук Хамурзин 458
 Атажукин А. 458
 Атажукин К. 429
 Атажукин Магомед 427
 Аттила, вождь гуннов 96
 Афоня, приемный сын С. Разина 363
 Африбуруз ибн-Тахмурас, правитель Дербента 213
 Ахмад б. Али Мервези, медник 160
 Ахмад-Багадур Ахты, сын удмий Кайтага 211, 212, 240, 241
 Ахматханов М. 458
 Ахматкан, кумык. кн. 347
 Ахмед, сын Абд-Ал-Малика Ал-Хашшли, эмир Дербента 171
 Ахмед, сын Ибрахима 254
 Ахмед III, турецкий султан 407, 418, 427
 Ахмед-паша 314
 Ахмед-хан, удмий 420, 423
 Ахмедхан Мехтиев Дженгутайский 346
 Ахмет-хан 343
 Ахриев Г. 14
 Ах-с-б-р бин Хиздан, владетель Кала-Курейша 208
 Ахтиев Г. 14
 Ацимгуко 332
 Ахтиев Г. 15
 Ашпна Хаздия, династия 120
 Аш-Шаффи 253
 Бабай, хан булгар 117
 Багамет-мурза кафыркумукский 345
 Багдыхан, чечен. владетель 443
 Баграт IV, грузинский царь 263, 264
 Баграт VI, грузинский царь 151
 Бадархан, кайтагский посол 357
 Байар-Аббас (Йар-Аббас, Байрам-паш), сын нудала Аварии 209
 Байгериев К. 458
 Бамат, владетель Буйнака 447, 448
 Баранцев, шибут 351
 Бараташвили Гайос, архиепископ моздокский 492
 Барбаро Иосафат 224, 225, 235, 237, 248, 272
 Бариджан, осетин. правитель Гори 265
 Бархудар-султан, дербентский правитель 322
 Багай, мурза окоцкий 295, 347
 Баташевы 301
 Баторий Стефан, польск. король 269, 315
 Батый (Бату-хан), монг. хан 150, 193, 194, 204, 206
 Батырмурзин Этта 456
 Батыров, ротмистр 453
 Бахти-гирей, племянник хана 427
 Башки Баг-Камбулат, ногайский хан 298
 Беберды, черкес. князь 236
 Беберды, правитель области Кремуз 237
 Бевбородко А. А., кн. 452
 Безрука Каммурзин, кабард. кн. 339
 Бейк-Болат 290
 Бекби, предводитель восстановивших 396
 Бекмурза Джамбулатов, кабард. кн. 326
 Бекевич-Черкасский А., кн. 408, 409, 418
 Бенгузов Р. Ж. 106
 Белинский В. Г. 12
 Беной, тайп 239
 Бердыбек, золотоордынский полководец 212
 Берке, хан Золотой Орды 197, 204, 205, 210
 Бестужев-Рюмин И. П., канцлер 437
 Бестужев М. П., дипломат 430
 Бехтин-Гирей Еснев 442
 Биберди (Бибардра), феод. фамилия 277, 298
 Биз-л, сын Тогармы 119
 Бий-мурза Исцереков 354
 Бийтемеров, окоцкий мурза 352
 Бильзибек, черкесский кн. 236
 Биха-ханум 266
 Б-л-г-д, сын Тогармы 119
 Боарикс, царица савиров 98, 100, 104, 105
 Воба, атаман повстанцев 361
 Боллещий, правитель Боспора 122
 Болотников И. И. 359, 360
 Болотоко, родонач. княжеского рода 297
 Бонифаций XII, папа римский 207
 Братищев В., рус. резидент 424, 425
 Бреневский, польск. посол 269
 Броневский С. М. 380, 382, 383
 Брылкин О. И., астраханский губернатор 384, 436
 Буачидзе Н. Г. 14
 Будаи, владетель Буйнака 346, 414
 Будаи, владетель казанищенский 346

- Будаи, шамхал 303, 340
 Будаичи Сунчалеевич 358
 Будачив, ерпелинский князь 343
 Бузанд Фавстос 93
 Буйнакский У. Д. 14
 Букдай, монг. полководец 194
 Бури, монг. царевич 194
 Буриберди из Буракана, правитель асов 215
 Бурхан-мирза 312
 Бурцов М. И., терский воевода 346
 Бутай (Будай-хан) Баматов (или Бий-багоматов), шамхал 292, 358
 Бутков П. Г. 422
 Бутлер Д., капитан 362
 Бутурлин И. М., воевода 342
 Буянок Сенька, атаман повстанцев 363

 Ванявин Степан, рук. экспед. в Осетию 438
 Варданас, купец 357
 Василий Иванович Шуйский, царь 336, 360
 Вассаф, персид. историк 206
 Вахтаг V, царь Картли 308
 Вахтаг VI, царь Картли 371, 404
 Вахушти Багратиони 152, 283, 306, 370, 380
 Вельяминов Н., воевода 293
 Вепимин, хазарский «царь» 150
 Взрахт см. Миллен
 Видонова Е. С. 245
 Витсен Н. 492
 Вишняков А. А., рус. резидент 428
 Волковский Федор, посол 350, 351
 Волинский А. П. 409—412, 417, 418
 Воронцов А. Р., гр. 452
 Вяземский А. А., кн. 452

 Габсбурги, австрийская династия 315
 Гадаборшевы, ингушск. тухумы 302
 Газан-хан, ильхан 206, 208—210, 232
 Гайдар-бек 423
 Гакатай, царь 76
 Галистан, карачаевский мураа 296, 350
 Гаммер, австр. историк 438
 Гани-хан абдальский 422
 Гарей Чопанов, чечен. старшина 443
 Гаркави А. 121
 Гевонд 104
 Георгий II, царь Имеретии 308
 Георгий III, грузинский царь 150, 263, 264
 Георгий IV Лапа, грузинский царь 189, 189—191, 261
 Георгий V Блистательный, грузинский царь 262, 264
 Георгий VI, грузинский царь 264
 Георгий VII, грузинский царь 265
 Георгий XI, царь Картли 308
 Георгий XII, царь Картли и Кахетии 404
 Георгий Пяперти 164
 Гербер И. Г. 415, 418
 Герей (Гирей), сын «Черного князя» 341
 Герман И. И. 458

 Германарих, вожь остготов 94
 Геродот 21, 64, 75
 Герольд Г., рудознатец 349
 Гершасп. ширваншах 211
 Гессен-Гамбургский, кн. 428
 Гизольфи, гелуза, род 266
 Гизольфи Заккария, князь Матреги 269
 Гирей (Гарей), династия крым. ханов 270
 Гирей, кумыкский правитель 305, 321
 Гирей Сурхаев (Гирей тарковский) 293, 337, 342, 343, 358
 Глеб, кн. тмутараканский 180
 Гленис, гуипский «царь» 105
 Гмелин С.-Г., академик 446
 Голицын Б. А., кн. 339
 Голицын М. М. 420
 Головин Петр, терский воевода 336, 359
 Горд, утигурский кн. 100
 Горчаков Илья см. Илейка Муромец («царевич Петр»)
 Грибоедов А. С. 11, 12
 Григорий, настоятель монастыря 124
 Григорий (Сунчалеи), сын Сунчалея Янглычевича, воевода в Астрахани 339
 Григорис, епископ 114
 Гудович И. В. 458
 Гуюк-хан, монг. вел. хан 194

 Давид, грузинский царевич 352
 Давид, эристав, потом царь Кахетии 265
 Давид IV Строитель, грузинский царь 149, 264
 Давид VI Нарин, грузинский царь 264, 265
 Давид VII Улу, грузинский царь 197, 205, 264
 Давид Сослан 263, 264
 Давлет-Гирей 408
 Дадзани, правитель Мпигрелли 303
 Дамадан Мугинский (Мухинский) 493, 494

 Дамалея, кабард. эпич. герой 486
 Д'Асколи Э. Д. 281, 297, 298
 Дауд, дарг. ученый 491
 Дауд Усиинский, дарг. ученый 494
 Дахадаев М. 14
 Дашков, терский воевода 289, 334, 349
 Девлет-Гирей, владетель 401
 Давлет-Гирей, крым. хан 319, 335, 449
 Дегостодия, капитан 443
 Делл-Салтан 427
 Деметре, груз. царь 155
 Дербенди, династия ширваншахов 240, 274
 Джабаги Казанок (Жабаги Казаногов) 494
 Джавахишвили Иван, груз. феодал 262
 Джалал Ад-Дин, хорезмшах 189, 192, 193, 264
 Джамбулат Кайтуко, кабард. князь 440
 Джанибек (Джани-бег, Джамбек), хан Золотой Орды 212
 Джантемар, абазин. феод. род 277, 298
 Джаныш-мурза Бабуков 339
 Джеба, монг. полководец 150, 189, 191
 Джевдет-паша, турец. историк 414, 439, 458

- Джеблет-паша 414
 Джеханшах, эмир 215
 Дживанни де-Лукка 313
 Джовани делла Валле 267
 Джуаншер, груз. историк 149, 151
 Джувейни Алаэддин Ата Малик, перс. историк 194
 Джуке (Джека), сын Ногая 206
 Джунейд ас-Сефеви, шейх 250, 259, 260
 Джучи, хан Кыпчакской Орды 194, 242—243
 Джучиды, золотоордынская династия 204
 Дибир-Нади из Хунзаха 491
 Дидоэти, эристав 265
 Дикеев, шибут 351
 Дмитрий (Нанш) Мамстрюкович 338
 Дмитрий Самопожертвователь, грузинский царь 209
 Долгорукий В. В., кн. 416, 425
 Домонук, сын Темрюка 341
 Дондук Омба, калмыцкий хан 429, 432
 Данилов Ивашка, предводитель отряда восставших 363
 Дорголеи Диди, аланский царь 151
 Дорн В. А. 121
 Дрешер, врач 490
 Дударов А., осетинский алдар 454
 Дударуко (Даруко), абазин, феодал, род 277, 298
 Дундука, казак 464
 Дюба де-Монпере 383
- Еврашнов М., купец 411
 Евпаторий, сатрап 116
 Евфимий, груз. католикос 234
 Едигей, правитель Золотой Орды 235
 Езбуллаев Тутарыка 332
 Екатерина I, имп. 425
 Екатерина II, имп. 397, 437, 438, 442, 443, 448, 459, 464
 Елбуздук, карачаевский мурза 296, 350
 Елизавета Петровна, имп. 435
 Елчи Федот, посол 296, 350
 Епифаний 137
 Епифаний, епископ 352
 Епифаний, монах 123, 137
 Ерошкин Л. Ф. 418
 Ефрем, патриарх Грузии 239
 Ефремов Жанила, атаман Войска Донского 429, 430
- Жабачи Казанок, кабард. нар. мудрец 488
 Жданов Ю. А. 12
 Жидовинов В., посол 350, 351
- Закария (Закарийе) ибн-Мухаммед ал-Казвини 256
 Заруцкий И. М., атаман 336
 Засулич В. А. 168
 Затышко Лаварсанов, шибут 349
 Захарий, таманский владетель 275
 Захарий Ритор 96, 103, 104, 105, 116
 Захарьев, дьяк 350
 Захаров, майсум табасаранский 294
 Земарх, византийский посол 102
- Зиновьев Микита, стрелецкий сотник 347
 Знур, сын Тогармы 119
 Зорсин, царь сираков 85
 Зубов В. А., ген. поручик 461
 Зульфигир-шах Караманлы, правитель Шемахи 320
- Ибаков, кабард. кн. 349
 Ибаковы, кабард. феодал, род 297
 Ибн-Ал-Асир, араб. историк 191, 192, 196
 Ибн-Ал-Надим, араб. автор 179
 Ибн-Баттута Мухаммед ибн-Абдаллах ибн-Мухаммед ибн-Ибрагим, араб. путешественник 198, 199, 210, 212, 272
 Ибн-Исхак ан-Надин, автор библиогр. свода 147
 Ибн-Руста, Абу-Али-Ахмед, араб. географ 178
 Ибн-Хаукаль 119, 135, 161, 163, 169
 Ибн-Хордадбех, Абу-аль-Касим Убайд Алла, араб. географ 146
 Ибрагим (Ибрахим) I Дербенди, ширваншах 232, 240, 256—258
 Ибрагим-Диван, предводитель горцев Дагестана 421
 Ибрагим-хан, брат Надира 420, 421
 Иван Васильевич III, вел. кн. Московский 273, 274
 Иван IV Васильевич Грозный, царь 303, 319, 330
 Иван-Август, царевич-самозванец 360
 Иван Алексеевич, царь 340
 Иванов Андрей, дьяк 349
 Иванов Илья, предводитель отряда восставших 363
 Иванз, груз. полководец 189
 Идрис, сын Ахмеда, переписчик 253
 Идриси (Аль-Идриси), Абу-Абдаллах-Мухаммед, араб. географ 157, 158, 163
 Иевлев, дьяк 350
 Измаил, кн. Большой Ногайской Орды 333
 Илейка Муромец (И. И. Горчаков, «царевич Петр») 359—361
 Ильдар, кабард. мурза 349
 Ильдар Куденетович, кабард. кн. 357
 Ильдар тарковский (Илдар Сурхаев) 292, 293, 323, 342, 344, 345, 356
 Ильдар, шамхал тарковский 419, 420
 Ильдей, шибут 351
 Имам-Кули-бек дербентский 414, 417
 Инал, родоначальник бесленеевских и темиргоевских князей 237
 Инал, родоначальник кабардинских князей 402
- Интериано Георгий (Джорджо) 225, 234, 236, 245, 246, 248, 249, 253
 Иоанн де-Галонифонтибус, архиепископ 234—236, 238, 248, 252, 253, 268
 Иоанн Малала 100, 116
 Иоанн Никитинский 117
 Иоанн Цимисхий, визант. имп. 122, 176
 Иоанникий 180
 Иосиф, хазарский каган 119, 121, 158, 169
 Иосиф Флавий 85

- Ираклий II, царь Картлии и Кахетии 404, 405, 449, 458
 Иран-шах 411
 Искандер, правитель Кара-Кююклу 259
 Искендер Мунши, перс. историк 260
 Исламбек Мисостов, кабард. владетель 412, 427
 Ислам-мурза 325
 Исмаил, дигорец 351
 Исмаил I Сефевид, шах Ирана 314, 312
 Истеми, западнотюркский каган 101, 102
 Исхак, сын Хасана, строитель 161
 Ишерим (Ушарым-мурза), окоцкий мурза 295
- Иакут, ал-Хамави ар-Руми Ибн-Абдаллах 154, 157, 165
 Йезди. см. Шериф Ад-Дин Йезди.
 Йусуф Ардабили 258
 Йусуф ибн-Мухаммед Гянджинский, ширванский правовед 256
- Кабардцевы, кабард. феодал. род 301
 Кабардцы 237
 Кабибов Е. 458
 Кавад 98, 101
 Кавсар-шах 195
 Кадав, монг. царевич 193, 194
 Кадибелди, адыг. князь 269
 Кадыберды, черкесский князь 236
 Казаналап, аксайский владетель 393
 Казаналып (Казаналий), эндереевский владетель 304, 323, 324, 345, 346
 Казанишевы, кабард. феодал. род 301
 Казембек А. К. 121
 Казим-Гирей-салтан, сераскир 432
 Казим-мурза Доруков 339
 Казыев, кабард. князь 337
 Казыевы, кабард. кн. 337
 Казый Пшеашпоков, кабард. князь 335-337, 341
 Кайдар, лакск. эпич. герой 486
 Кайтук, кабард. князь 303
 Кайтуки Атажук 432
 Кайтукин Арсланбек, князь 427
 Кайтукин Казый, сын Пшеашпоки 335-337, 341
 Кайтукин Пшеашпока, князь 303, 335, 340
 Кайтукин Янсох (Жансох) 335, 341
 Кайтуко-Тохтамышев, кабард. князь 289
 Калабек Кепов 395
 Калам Ал-Бурзи ап-Ширвани, переписчик 258
 Калмыков Б. Э. 14, 98
 Калмыковы, кабард. феодал. род 301
 Калужкин И. П. 421-424
 Камбулат Идаров (Камбулат Айдарович), кабард. князь 296, 303, 335, 338
 Камбулат, сын Пшимахи, кабард. князь 296
 Кампредион, франц. посланник 412
 Кандих, аварский посол 98
 Кансуковы, жанеевские князья 297
 Кантемир Д. К. 418
 Кантемир-мурза, бесленеевец 339
 Кануков Канклыч, кн. 333
- Кануков Машук, кн. 332, 334
 Каншов Битемрюкович (Каншов-мурза), кабард. князь 349
 Каплан-Гирей, крым. хан 407, 408, 427-429
 Карагач Цегоев, член осет. посольства 442
 Караджаевы, фамилия 371
 Карамзин Н. М. 340
 Каракиши Турурав 294
 Караса, ногайский хан 278
 Кара-Юсуф, правитель Кара-Кююклу 258
 Кардан Индороков, кабард. посол 336
 Кардос, армянский проповедник 113
 Карпини Джованни да ПIANO 174, 195, 198, 225, 271, 272
 Каспулат Муцалович, князь см. Черкасский К. М., кн.
 Касторий, рим. географ 123
 Кахру, брат нуцала Аварии 209
 Каврич III, царь Кахетии 152
 Кегострой Бийтемиров 295
 Келмамет Ибаков, кабард. князь 297
 Келмамет (Кельмамет) Куденетович Черкасский, кабард. князь 303, 357
 Кемпфер Энгельберт, нем. путешественник 280
 Кертебей, черкесск. князь 237
 Кесаев К. 14
 Кесраниды, династия ширваншахов 211, 212
 Кикин И. В., астраханский губернатор 411
 Кильчука, кабард. кн. 430
 Киракос Гандзакечи, арм. историк 189, 191
 Киров С. М. 14, 15
 Кишнек С. К. 105
 К-кр-иладж, царь Алании 165
 Клавихо Р. Г., де 267
 Клапрот Ю. 121, 376
 Клехстанов Алхас, князь 303, 341
 Клехстановы, кабард. феодал. род 336
 Клыч (Кълычтраа), феодал. фамилия у абазин 277, 298
 Ключарев, посол 350
 Кольцов П., бригадир 435
 Кондырев Ж., воевода 353
 Коноко, князь 297
 Константин, груз. царь 258
 Константин II, визант. имп. 117
 Константин VII Багрянородный, визант. имп. 116, 122, 145, 146, 151
 Консух-мурза Байбердиев 339
 Контарини Амброджо 244, 273, 274
 Корчок Кончоккин, малокабард. владетель 375
 Короленко Н. Г. 387
 Котиевы, ингуш. тухумы 301-302
 Котляровский, войсковой атаман Черноморского казачьего войска 464
 Котов Ф. А., купец 280, 498
 Кожостров, окоцкий мурза 352
 Кочас Хатхе, кабард. эпич. герой 486
 Кошкин И., стрелецкий голова 338
 Крачковский И. Ю. 493

Кречетников П. Н., астраханский губернатор 443
 Криднер, майор 446, 447
 Крым-Гирей, крым. хан 440
 Крым-шевал 342
 Куба-хан см. Фат-Али-хан дербентский
 Кубра, князь гуннов 117
 Кубрат, болгарский владетель 116
 Куденецка (из рода Айдаровичей) 337
 Куденефовичи 337
 Куденека, сын жанеевского князя. 332
 Куденет Камбулатов 331, 335
 Куйбшпев В. В. 15
 Кукля Иван, атаман гребенск. казаков 363
 Куыкковы, кабард. феод. род 301
 Курбский А. М., кн. 317
 Кургакин Магомет, кабард. князь 428
 Курдюк Иванов 329
 Куредов А. М., кизлярский комендант 444
 Курчалой, тайп 239
 Кученей (Гошапей), дочь Темрюка Идарова — русск. царица Мария Темрюковна, жена Ивана IV Грозного 334
 Кячраа (Кячраа), абазин. феод. род 298
 Лаварсканко Языев, шибут 349
 Лавр, царевич-самозванец 360
 Ломберти Аркаджело 238, 277
 Ласси П. П., ген.-фельдм. 429, 432
 Лев III, визант. имп. 107
 Лев III Исавр 124
 Лев Маноцкий, рук. восстания 373
 Леван, царь Кахети 308
 Левашов В. Я. 428, 430
 Левкон I, царь Веспора 76, 77
 Лекшвили, груз. феод. род 308
 Ленин В. И. 13, 14, 15
 Леонтьев В., команд. русск. войсками 429
 Лермонтов М. Ю. 11, 12, 13
 Лжедмитрий I 336, 347, 366
 Лжедмитрий II 336
 Лидан, адыг. нар. мудрец 488
 Лымачай, беженка из Осетии 197
 Лопухин А. И., капитан 417, 418, 431
 Лоо (Люевы), феодальн. фамилия абазин 277, 298
 Лоов (Левов) 339
 Луарсаб I, царь Картли 313
 Лукян, сотник 321
 Лукке Джованни, де см. Дживованни де-Лукка
 Лютф-али-хан 423
 Магмет-Мирза 343
 Магомет Атажукин 427
 Магомед Кудутлинский 493
 Магомет Кургакин, кабард. кн. 428
 Магомед Убринский, даг. ученый 494
 Магомед-Муса-хан, владетель Аварии 436
 Магомед-хан казикумухский 394, 437, 446, 448, 457
 Магомед-хан, сын уцмий 420
 Мадаров Д. 458
 Мазепа, гетман Украины 408
 Макарий, епископ 113

Малала Иоанн см. Иоанн Малала
 Мальгин Борис, русский посол в Большую Кабарду 338
 Мальсагашвили, фамилия 264
 Мамай-хан, золотоордынский темник 213
 Мамстрюк, сын Темрюка Идарова 335
 Мамсуров С. Г. 14
 Маниах, согдийский посол 101, 102
 Манкастро 268
 Маноцкий Лев, рук. восст. казаков 373
 Мансур, сын Абд Ал-Малика, дербентский эмир 171
 Мансур (Ушурма) шейх 396, 453—455, 457, 458
 Мансур-бек, султан Дербента 312
 Маныцкий Л., атаман повстанцев 363
 Маран-шах, мирза, военачальник Тимура 215, 216
 Марзбан ибн-Мухаммад, основатель династии Саларидов 171
 Марино Ковали 308
 Маркварт И. 119, 121
 Марко Поло, итал. путешественник 207
 Марко Россо, рус. посол 274
 Маркс К. 12, 109, 168, 138, 214, 273, 274, 299, 311, 312, 328, 343, 438
 Маслама ибн-абд-ал-Малик, арабский полководец 127
 Масуди см. Ал-Масуди
 Матфей Махмар из Эттингена 281
 Матюшкин, ген. 414, 415
 Махмуд Салтан, правитель Шемахи 274
 Махмуд Хивалугский, хронист 252, 257
 Машук Кауков, кабард. князь 332, 334
 Медем, ген. 440, 446, 453
 Мелхиседек I, католикос Грузии 177
 Менадр Византиец 99, 102
 Меньши-Гирей, крымск. хан 270
 Менгу-Темир, хан Золотой Орды 195, 201, 205
 Менгу-хан (-каан), монг. царевич 193, 194, 202
 Мерван ибн-Муххамед, полководец, вполн. халиф Мерван II 127, 128
 Мервези, семья ремесленников-медников, 160
 Мереч Бичоев, предводитель восстания 395
 Мехти Аварский (Мехтей-князь) 342, 343
 Мехти-Кули-хан, правитель Ширвана 421
 Мехти-шамхал 394
 Мехтихан, личный секретарь шаха 423
 Мехтули 435
 Мехтулинский, хан 461
 Миллен (Верзахт), адыг. князь 235, 236
 Миллер В. Ф. 180
 Миллер И. Ф. 500
 Милославский Ф. А., русск. посол в Иране 346
 Мин, китайская династия 207
 Минаев, майор 459
 Минин К. (Кузьма Минин Захарьев Су-хорук) 343
 Миних Б. Х., ген.-фельдмаршал 429
 Минорский В. Ф. 147
 Мирза-Мехти-хан, перс. историк 414

- Мисост, кабард. князь 358, 363
 Мисост Бамат, кабард. князь 440
 Мисост Курюкши, кабард. князь 429, 430, 432
 Мисостов, кабард. князь 404
 Мисюк, атаман повстанцев 363
 Митридат VI, понтийский царь 81
 Митридат VIII, понтийский царь 85
 Михаил Алегукович (Черкасский), казавский воевода 339
 Михаил VIII Палеолог, визант. имп. 202
 Михаил Сирийский 119
 Михаил Ярославич, вел. кн. тверской 198, 201, 271
 Михаил Федорович (Романов), царь 336, 337, 339—345, 357
 Миштек Марина 336
 Мовсес Каланкатвази (Моисей Каганкатвази), арм. историк 101, 119
 Мовсес Хоренацц, арм. историк 119, 132
 Молчанов Михайло, стрелецкий голова 352
 Мровели Леонти, груз. историк 151
 Мстислав Владимирович, тмутаракан. князь 147, 151
 Муагерия (Муила), утигурский князь 100
 Мудар Алкасов, кабард. князь 322
 Мударовы, кабард. феод. род 306, 338
 Музани 253
 Музаффар-султан, правитель Дербента 312
 Мурад III, турецкий султан 313, 319
 Мурад-султан 408
 Муралея 351
 Мурат, посол кахетинского царя 274
 Мурат-Гирей, крым. хан (XVI в.) 341
 Мурат-Гирей (Мурад-Гирей), крым. хан (XVII в.) 354
 Мурза Отлепушкин Левов (Лоов) 339
 Муртазали 486
 Муртазали, сын Сурхая 421, 424
 Муртазали, шамхал тарковский (XVIII в.) 440, 450
 Муса, ногайский мурза 432
 Муса Тузи, проповедник ислама 171
 Муса Пшигатешев, предводитель восстания 395
 Мусин-Пушкин, астраханский воевода 408
 Мусост Казыев, кабард. князь 326
 Мустафа-Лала-паша 313
 Мухамед Хасан-хан, перс. историк 409
 Мухаммад, пророк, основатель ислама 208
 Мухаммад-Султан, мирза, военачальник Тимура 215
 Мухаммад-Султан (Магомед-Хан), уцмий Кайтага 211, 241, 257
 Мухаммад-хан, сторонник Ахмад-Багадура 211, 241
 Мухаммад-шамхал бин Турурав, родонач. нуцалов 294
 Мухаммед, авар. ученый 491
 Мухаммед из Кумуха, автор. соч. на араб. и лакск. яз. 254
 Мухаммед, хорезмшах 189
 Мухаммед Садиков, кабард. посол 435
 Мухаммед аш-Ширвани, переписчик 258
 Мухаммед-Али-хан 422
 Мухаммед-бек, внук уцмий 232, 257
 Мухаммед-Гирей (Магомед-Гирей), крымский хан 313, 314, 341
 Мухаммед Рафи, хронист 242, 252, 254
 Муцал Судчалевиич Янгличев (Черкасский) 304, 337, 338, 353, 354, 357—358
 Мышецкий, посол 350
 Навруз-улу, ногайский хан 430
 Надир (Тахмасп-Кули-хан), шах Ирана 375, 418, 420—422, 424—426, 435, 485, 486
 Нартчов Езбузлуков, кабард. князь 284
 Нарышкины 339
 Наурузов Т. 458
 Немич И., кваларский комендант 442, 443
 Нешлюев И. И., русский посол в Турции 412—414, 420, 427, 428
 Низам ад-Дин Шамп (Шамк), перс. автор 199, 213—215
 Низами Гянджеви Ильяс Юсиф, азерб. поэт 254
 Никитин Афанасий, русск. путешественник по Индии 273, 274
 Никифор, визант. историк 116
 Никифор, патриарх 117, 119
 Николай I, имп. 13
 Николай Мистяк 164
 Ният (Иният)-Гирей, крым. царевич 353
 Новосильцев Лука, воевода 335
 Ногай, золотоордынский темник 204, 206, 242, 243
 Ногмов Ш. Б. 237, 333
 Оболенский В. А., терский воевода 351
 Олеарий (Эльшлегер) Адам 281, 286, 490
 Омар Г., авар. ученый 491
 Орахелашвили М. 14
 Орган, князь гуннов 117
 Орджоникидзе Г. К. 14, 15
 Осипбагатар, военач. 265
 Осиповик, царевич-самозванец 360
 Осман-паша, турец. военач. 314, 341
 Остерман А. И., канцлер 420
 Павел I, имп. 461
 Панин Василий, посол Ивана III 274
 Панин Н. И. 443
 Пареджан и Бакатор, дети Лимачей, беженцы из Осетии 197
 Парской, тайп 239
 Педерико, перей 234
 Пейсонель М. 381, 382, 385, 386, 435
 Перисад I, боспорский царь 77
 Перисад V, боспорский царь 81
 Петр I, имп. 18, 339, 340, 355, 369, 393, 408—415, 417
 Петров Осип, довской атаман 354
 Петрозон, черкесский кн. 236
 Плиний Старший 83, 84
 Плутарх 83
 Пожарский Д. М., князь 343

- Пожарский С. Р., князь, стольник 353, 354, 357
 Попацкий, служитель кагана 121
 Порошин Федор, дьяк 350, 351
 Потанов Н. А., ген., кизлярск. комендант 377, 395
 Потарский С., князь 353
 Потемкин Г. А., князь 443, 444, 451, 452, 456, 457
 Потемкин П. С., ген. 473
 Прозоровский И. С., астраханск. воевода 361, 362
 Прозоровский П., терский воевода 361, 362
 Прокопий Кесарийский 97, 113, 122—124
 Псевдо-Арриан 105
 Псевдо-Скилак 73
 Птоломей Клавдий 22, 84, 89, 91, 93, 123
 Пугачев Е. И. 442, 464
 Пулад, владетель 216, 239, 248, 249
 Пушкин А. С. 11, 12
 Пшеапшюка Кайтукин, кабард. князь 303, 335, 340
 Пшимаха Канбулатович Апшита, кабард. князь 296, 337, 349
- Радзивилл Януш, литовский гетман 338
 Разин С. Т. 359—363, 502
 Рашид, владетель Дербента 192
 Рашид Ад-Дин, перс. историк 191—195, 198, 205, 209, 210, 232, 236
 Редед, касожский кн. 148, 164
 Ржевский, воевода 317, 334
 Риза-Кули, сын Надир-шаха 420
 Ризия Квеншвили, ксаанский эристав 237, 263
 Росланбек Айдемиров 401, 440
 Ростислав Владимирович, тмутараканский князь 148
 Рубрук Гиљом (Виллем), фламанд. путешественник 174, 195, 205, 226, 271
 Румянцев П. А. 441
 Рустам (Рустем)-хан кайтагский (составитель кодекса) 286—288, 292, 293, 299, 300, 302, 323, 344, 345
 Рустем-кади табасаранский 447
 Рустем-хан, уцмий (конец XVIII в.) 461
 Русудан, царица Грузии 261
 Русудан, груз. княжна 404
 Русудани, адыгск. владетель 308
- Саадег-Гирей 341, 427, 432
 Савир, сын Тогармы 119
 Саммак 81
 Садр Ад-Дин Сулайман ал-Лакзи, правовед 210
 Санд Гидатлинский 494
 Салариды, династия 171
 Салих-Гирей, сын крым. хана 427
 Салнук (Михаил), сын Темрюка Идарова 334
 Салтан-Махмуд Эндеринский 410
 Салтан-Улу, ногайский хан 430
 Салтыков Т. С., казан. губернатор 410
 Самофлович Иван, гетман Украины 354
 Санесон, царь маскутов 93
- Сардар-бек-Кырккуафшар, хан Ширвана 421
 Саралан-Мурза Левов, абазин. владетель 339
 Саратан, сын Амир-Султана 211
 Саркис Джекели, спаласар 205
 Саросий (Сарозий), алап. царь 98, 102, 104
 Сартан, правитель Аварии 199
 Сартан-мурза 339
 Сатир I, боспор. царь 76
 Сатхис, военач. 265
 Сафа-Гирей, сын крым. хана 341
 Святослав Игоревич, вел. кн. киевский 146, 147, 151, 164
 Себастаци, арм. историк 191
 Седакаев И. 458
 Селим I, турецкий султан 312
 Селим II, турецкий султан 459
 Селим-Гирей, крымский хан 441
 Сефевиды 258—261, 311—314, 316, 321, 323, 342
 Сефн I, шах Ирана 322, 323
 Сефи Ад-Дин, шейх 259
 Сефи-Мирза, сын шаха Хусейна Сефевиды 425
- Сибок, князь жанеевский 332, 334
 Сигизмунд-Август, польск. король 315, 317
 Си-л-ц (Янь-бу) 194
 Сифи-хан-Султан, иран. военач. 422
 Сюзоруко Тапсаруков, из рода Таусултановых 335
- Соймонов Ф. И. 418
 Спартокиды, царская династия в Боспоре 76, 77
- Стирак, гунский царь 105
 Страбон 21, 72—74, 77, 79, 83, 84, 89, 90
 Стрейс Ян Исен, голланд. путешественник 307, 361
- Стрешнев Т. Н., боярин 339
 Субэдэй (Субудай), монг. полководец 150, 189, 191
- Суворов А. В. 441, 449, 458
 Сулейман I Кануни, турецкий султан 313
- Сулейман-паша ахалцхский 454
 Сулейман-мурза, брат нуцала 349
 Султан-Ахмед, уцмий Кайтага 293
 Султан-Ахмед-хан, уцмий кайтагский 293
 Султан-бек, сын Худайнада 250
 Султан-Махмуд утомьшский (Султан-Магмут отемьшский), влад. 414, 416
- Султан-Махмуд (Султан-Магмут, Султан-Магамет) эндереевский 292, 322, 341—345, 347, 349, 416
- Султан-Мурад, правитель Ширвана 421
 Султан-Мурва (Салтан-мурва), ингуш. владетель 295, 347
- Султан-Мут, эндереевский владетель 301
 Султан-Мухаммад-хан см. Мухаммад-Султан, уцмий Кайтага
- Сунчалеевичи, кабард. феодал. род 297, 337, 338
- Сунчалеевич, кабард. князь 357
 Сунчалеи Янглычев см. Черкасский С. Я., кн.

- Сурака, аварский нуцал 209
 Сурхай карабудахентский 342
 Сурхай Мирзоханов, чечен. старшина 443
 Сурхай тарковский 292, 293, 341, 342, 345, 346, 357
 Сурхай-хан казикумухский 409, 411, 413, 415, 416, 418—421, 423, 436
 Сусли, шибут 352
- Тавбурла Темиргозин, узденъ 347
 Тадж-Ад-Дин, архитектор 213, 257
 Таэрют, кабард. кн. 333
 Таймасханов Д. 458
 Тамар, груз. царица 152, 261, 264
 Тама-Тогдай 206, 207, 210
 Тамбиевы, кабард. феоц. род 301
 Тамерлан *см.* Тимур
 Танашук, адыг. князь 332
 Тапсорук, кабард. князь 303
 Тарков В., драгун 363
 Тарсаидж, кн. 205
 Татархан Арасланов, кабард. мурза 280, 284, 357
 Татархан-бек, сын Бекмурзы 427
 Татарханов М. 458
 Татищев Михаил, посол 349
 Тауримовы дети 296
 Таусултанов Т. 458
 Таусултанов, кабард. князь 404
 Таусултановы, князья 337
 Тахмадов А. 458
 Тахмасп-Кули-хан. *см.* Надир
 Тахмосиб (Тахмасп) II, шах Ирана 419
 Тацит Корнелий 83
 Тегинабей Алегуков 326
 Теймураз I, царь Кавкази 350—352
 Теймураз II, царь Кавкази 404
 Текелли П. А., ген. 457, 458
 Темрюк Идаров (Темрюк Ильдарович, Темрюк Айдарович), кабард. князь 296, 303, 318, 330, 332—335, 337, 338, 340, 341
 Теодоро (Манкупа), князь 268
 Тетбу де-Мариньи 382
 Тиверий III Алсимар, визант. имп. 107
 Тигран, царь Армении 91
 Тимур (Тамерлан, Аксак-Темир, Ахсак-Темир) 23, 198, 201, 213—217, 223, 232, 233, 238, 248, 249, 252, 256, 261, 264, 265, 272, 485
 Тирас, сын Тогармы 119
 Тиргатао, царица 76
 Тихонов Д. И. 372
 Тогарма, сын Иафета 119
 Токлуй, тюменский кн. 294
 Токта (Тохта)-хан, хан Золотой Орды 206, 272
 Толочанов Никифор, стольник, посол в Грузии 350
 Толстой Л. Н. 11—13
 Томулдук, посол шамхала 348, 356
 Тотлебен 440
 Тохтамыш, хан Золотой Орды 201, 210, 213—215, 217, 256, 276, 485
 Точиевы, ингуш. тухумы 302
 Т-р-на, сын Тогармы 119
 Туганов А. 458
- Тугановы, фамилия 370
 Тукар, правитель черкесов 193
 Туляков Д. 362
 Тумановский 450
 Тумцов 351
 Турлов, чеченск. влад. 436
 Турлов Алейхан-мурза, авар. влад. 346
 Турлов Али-бис, чеченск. влад. 295
 Турлов Али-хан, чеченск. влад. 295
 Турлов Алхан-мурза, чеченск. влад. 352
 Турлов Магомет, чечен. влад. 453
 Турлов-мурза, «Чернова князя сын» 349
 Турлов Хотбар, чеченск. влад. 295
 Турловы, чечен. феоц. род 295
 Тутарык Евбузлюев 332
 Тути-бике, жена Фат-Али-хана 481
 Тюген Атяков, тюменск. князь 295
- Увейс (Увайс) I, султан 267
 Угэдэй, монгольский великий хан 194
 Угин (Угуз), сын Тогармы 119
 Узбек, хан Золотой Орды 198, 201, 210—212, 271
 Уйтёв 351
 Умма-хан аварский (XVII в.) 286, 299, 301
 Умма-хан аварский (XVIII в.) 399, 450, 456, 457
 Урака, ногайский хан 278
 Ус Василий, атаман восставших 362
 Утурку (Удурку), золотоордынский военач. 216, 249
 Ушаков Ф. Ф. 458
 Ушарым-мурза 346
 Ушурма *см.* Мансур, шейх
- Фабрициан**, ген.-майор 445
Фавстос Бузанд, арм. историк 93
Фадлон, эмир Аррана 151
Фарасман, иберийск. царь 85
Фаргадт, купец 354
Фаррух-Ясар, ширваншах 257, 260, 271, 311
Фархад-паша, турецк. военач. 314
Фат-Али-хан (Фет-Али-хан) кубинский и дербентский 394, 422, 439, 440, 446
Фаты-Гирей, крымск. военач. 419
Федор, епископ 178, 234
Федор Иванович, царь 319, 346
Феофан Исповедник 104, 105, 116, 119, 121, 122
Феофилакт Симонатта 98
Фети-Гирей-Салтан 428, 431, 432
Филатов, поручик 452
Фирдоуси Абуль-касим 253, 254
Флетчер Джилл 355
Фома Мецонский 259
Фритч С., рудознатец 349
Фундуклулу, турецк. историк 407
- Хагани Ширвани, Бадл (Ибрагим) Эфендигин, поэт 254
 Хаджа-Муртазали, сподвижник шейха Мансура 456
 Хаджи-Дауд 409, 411, 413—415
 Хаджи-Девлет Гирей, крымск. хан 270
 Хаджи-Сейф-Ад-Дин, эмир 215

- Хаджи-Сулейман 428
 Хазар, сын Тогармы 119
 Хайдар, шейх 259
 Хайдер Везиров 417
 Хамл-бек, удмий Кайтага 274, 312
 Халиллуллах I, ширваншах 257, 259
 Хамза, дядя пророка Мухаммада 208, 212, 213
 Хамзин У. 458
 Хан-Гирей 393
 Хасан, авар. ученый 354
 Хасан-бек, посол ширваншаха 274
 Хасбулат, шамхал тарковский 419, 425, 436
 Хасдай ибн Шафрут, придворный кордовского халифа 121
 Хачака-мурза 339
 Хватов, дьяк 350, 351
 Хворостинин А., воевода 303, 341
 Хипров Я. И., воевода 354
 Ходождуко (Хатождуко), кабард. кн. 303, 325, 326, 337, 351
 Хорошай (Карашей, Борис), сын Камбулата Идарова 335
 Хосров I Ануширван 101, 107, 120, 132
 Хосров II, армянский царь 93
 Хосров-хан шемахинский 324
 Хохлов Василий 336
 Хочбар 290
 Хочбар, авар. эпич. герой 486
 Хочбар (Гурлов), владетель Чачана 295
 Хубилай, монг. великий хан 207
 Хубраат (Кубрат) 117
 Хулагиды (Хулагуиды), династия ильханов 204, 206
 Хулагу-хан, ильхан 204, 205
 Хусейн-Али-хан кубинский 416
 Хусейн-хан, майсум Табасарана 294
 Хутлу-Шах-Нойн, татар. полководец 265
 Хэйввей Д. 320, 324, 424
- Паликов Андрей, член посольства 442
 Паголов Г. А. 14
 Печой (Цейой), тайп 239
 Церетели, груз. князь 265
 Чопанов Дшава, член осет. посольства 442
 Цоторой, чеченск. тайп 239
- Чапалов Г., эндереевский владетель 458
 Чахрухадзе, груз. поэт 264
 Чегемовы, кабард. феод. род 301
 Чешай, окоцкий мурза 352
 Черемисянов И. С., воевода 340
 Черкасский Андрей Каспулатович 362
 Черкасский Григорий (Сунчалей), сын Сунчалей Англычева, князь 339
 Черкасский Иван Борисович, князь, боярин 338
 Черкасский Камбулат, кабард. князь 304
 Черкасский Каспулат Муцалович, мурза, кабард. князь 304, 326, 338, 346, 354, 355, 361
 Черкасский Кельмамет (Кельмамет) Куденетович, кабард. князь 303, 337
 Черкасский Михаил Алегужович, князь, боярин 339
- Черкасский Михаил (Салпук) Темрюкович, князь 334
 Черкасский Сунчалей Янглычев, кабард. князь 288, 293, 304, 331, 336-339, 343, 347
 Черкасский Шельх Сунчалеевич, кабард. князь 337, 338
 Черкасский Яков (Урускан) Куденетович, князь, боярин, воевода 338, 354
 Черкешивили, груз. феод. род 308
 Черкес Тукаре, адыгейский князь (эмпр) 236
 Черкесов Василий, кизлярск. дворянин 377
 Черный Михаил, гонец И. М. Заруцкого 336
 Чернышев И. В., гр. 452
 Чибирка, дигорец 351
 Чингис-хан, монг. великий хан 23, 188, 189, 214, 243, 252
 Чобан, ильханский полководец 211, 212
 Чолог, родоначальник груз. княж. фамилии 265
 Чолокашвили, груз. феод. род 265
 Чопан, чеченск. князь 453
 Чопан-шамхал 292, 393
 Чопанов, сподвижник Мансура 456
- Шабан, аварск. ученый 491
 Шабат-Гирей-Салтан 427
 Шава-ага, предводитель восставших 290
 Шавназовы, чеченск. феод. род 302
 Шагин-Гирей, крымск. царевич 322, 337, 344, 345
 Шагин-Гирей, крымск. хан 449
 Шаебдин, посол шемахин. правителя 274
 Шалин-Али, груз. феодал 265
 Шамс-ад-Дин Ниям Ад-Дин Шамп 11, 13
 Шамс Ад-Дин Джувейни 194, 206
 Шамсей, посол удмий 344
 Шамхаловы, кабард. феод. род 301
 Шандоров 351
 Шапур I, шахиншах 91
 Шапур II, шахиншах 91
 Шахматов Г., гонец царя 343
 Шевель Федор 329
 Шевченко Т. Г. 13
 Шейх-шах, сын ширваншаха 311
 Шелудяк Ф., атаман восставших 362
 Шергир, царь леков 108, 132
 Шереметев И. В., воевода 317
 Шерипов А. 14
 Шериф ад-Дин Йезди, перс. автор 199, 213, 215-217, 232
 Шетарди-де-Ла 423
 Шильтбергер Иоганн 203, 235, 252, 267
 Шинази 258
 Ших-Али-хан дербентский 459-461
 Шихназар, шемахинский хан 321
 Шмалько, казак 464
 Шолох Сунчалеевич, кабард. кн. 337, 338
 Шолох Тапсаруков, кабард. князь 297, 336
 Шолох Таусултанов, кабард. князь 296, 303, 336, 337, 342
 Шолоховы, кабард. феод. род 338

- Штедер Л. 371, 395, 473
Штейлин Я., путешественник 381
- Щепотьев Андрей, посол в Черкессию
332, 333
- Эвлия Челеби, турецкий путешественник
201, 276, 278, 280-283, 290, 294, 297, 298,
490, 492
- Эвнон, царь аорсов 85
- Эделлуг 272
- Элиханов З., осетинский посол 436
- Эломари, путешественник 271, 272
- Эльбездук 332
- Эльдар-бек, эндереевский влад. 394
- Эльмурза Черкасский, кабард. влад. 413
- Эльча, эмир 257
- Энгельс Ф. 8, 45, 49, 273, 288, 439, 475
- Эндереевские князья 369
- Юлиан, доминиканский монах 157, 164,
168, 176, 178, 235, 249, 253, 257
- Юстин I, визант. имп. 100
- Юстиниан I, визант. имп. 100
- Юстиниан II, визант. имп. 107, 121
- Юсуп-хан, шемахинский правитель 322
- Юшумут, брат ильхана Абага 205
- Яков (Урускан) Куденетович Черкас-
ский 338, 354
- Яковлев Корнила, донской атаман 354
- Якуб, султан Ак-Коюнлу 260
- Якубовский А. Я., востоковед 147
- Янсох Кайтукин, кабард. князь 335, 341
- Янтемир-мурзин, абазин. мурза 339
- Яр Ахмед, правитель Дербента 311
- Ярослав Владимирович Мудрый, вел.
князь киевск. 147, 148
- Ярослав Всеволодович, вел. князь 271

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Абад, с. 314
 абадзехи 366, 367, 389, 393, 397
 Абаза, гора 356
 абазги *см.* абхазы 113
 Абазгия *см.* Абхазия 122, 123
 Абазы, абазыны 370, 380, 391, 432, 436, 439, 474, 491, 495
 Абазы, абазинские черкесы, абазинцы, абазыны северокавказские 339
 Абаса, местн. 216
 Абаста Табиста, мест. 349
 Абин, р. 276, 297, 367
 Абхаз, Абхазия, абхазы 102, 123, 151, 169, 198, 264, 368, 403
 Абурган, р. 276
 Авария 153, 165, 169, 170, 174, 177, 194—196, 208, 209, 211, 216, 234, 241, 242, 253, 287, 294, 295, 301, 308, 341, 344, 345, 379, 392, 400, 416, 419, 420, 423, 435
 Аварский каганат 98, 99
 Аварское ханство (нуцальство) 155, 232, 241, 292, 294, 300, 398, 399
 авары 98, 99
 аварцы 372, 374, 387, 477, 481, 484
 Авир *см.* Авария
 Австрийская империя 315
 Агачкалинский мог. (арх.) 166
 Агванья 189
 Агипшбагой, с. о.
 Агой, мог. (арх.) 107
 Аграхан, залив Каспийского моря 413, 414
 Агул, с. 195
 агулы 372
 Адагум, р. 367
 адале 366, 367
 Адамп, «кабак» 280
 адамиевцы 367
 Адем, местн. 356
 Аджи-Аул, а. 392, 444
 Аднох, городище 137, 157, 161, 163, 166, 167
 Адлер, г. 29, 35, 173
 Адыгей 9, 10, 35, 63, 194, 243, 301, 366, 470
 адыги (адыгейцы) 72, 88, 95, 100, 137, 378, 385, 387, 397, 468, 472, 474, 476, 480, 487, 497
- Азербайджан 8, 28, 29, 86, 91, 96, 161, 189, 209, 213, 214, 227, 256—259, 306—309, 312—314, 320, 323, 355, 357, 372, 374, 402—404, 409, 413, 415, 416, 418, 420, 421, 425, 440, 460, 462, 480
 Азербайджан Северный 18, 101, 267
 Азигиреева орда *см.* Крымское ханство 270
 Азия 21, 64, 70, 75, 81, 94, 161, 188, 236
 Азия Западная 189
 Азия Малая 50, 64, 86, 95, 97
 Азия Передняя 7, 21—23, 33, 39, 40, 42, 44, 48, 49, 50, 55, 64, 65, 71, 91, 101
 Азия Средняя 8, 50, 79, 93, 94
 Азия Юго-Западная 37
 Азов, г. 202, 215, 244, 270, 277, 318, 326, 328, 333, 334, 337, 341, 353—355, 357, 407, 409, 413, 429, 430, 432, 433, 450
 Азово-Моздокская укрепленная линия 449
 Азовское море (Меотида) 72, 73, 161, 202, 226, 230, 244, 266, 271, 280, 366, 369, 426, 462
 Азыхская пещера 28
 Аймагинское ущелье 423
 акациры 94
 Аккпские горы 239
 аккпцы (аккисы) (*см.* также ококи) 372
 Ак-Кююглу, гос. 259, 260
 Акмечеть, г. 430
 Аксаевское влад. 292, 398, 413
 Аксай, с. 74, 301, 403, 418, 455
 Аксай, р. 135, 239, 277, 278, 306, 371, 372
 Акташ, долина р. 133, 277, 372
 Акумшинский р-н 217
 Акуша, с. 154, 289, 384, 420, 423, 493
 Акушинский (Акуша-Дарго) с. с. о. 154, 231, 293, 294, 400, 416
 Алагир 309
 Алагирское ущелье 263, 370, 371
 Алазань, р., долина 309, 316
 Аландон (Алонта) *см.* нижнее течение Терка
 Алания (Аланский союз, Аланская земля, Аланское государство, Аланское царство, Алькеч) 113, 119, 145, 146, 149,

* Указатель составил Р. Г. Маршаев. Принятые сокращения: а.— аул; (арх.) — археологическое наименование; влад.— владение, владетель; в. о.— вольное общество; г.— город; губ.— губерния; гос.— государство; дер.— деревня; каз.— казачий; кн.— князь, княжеский, княжеское; креп.— крепость; м.— местоположение; мест.— местечко; местн.— местность; мог.— могильник; о.— остров; обл.— область; оз.— озеро; п-ов — полуостров; пос.— поселение, поселок; р.— река; р-н — район; с.— село, селение; с. о.— сельское общество; с. с. о.— союз сельских обществ; ст.— станция; стан.— станция; терр.— территория; укреп.— укрепление; хут.— хутор.

- 150, 151, 152, 153, 154, 156, 157, 159, 161, 162, 163, 164, 165, 168, 170, 172, 176, 177, 178, 195, 197, 207, 234, 238
- Алания Восточная 172
- Алания Западная 146, 151, 170, 172, 174, 199
- Аланская митрополия (епархия) 146, 176, 170, 173, 179, 234
- Аланские ворота *см.* Дарьяльский проход
- аланы (ясы) 85, 86, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 103, 104, 123, 138
- Ал-Баб (Дербент) 155, 156, 163, 171, 179
- албаны 83, 90
- Ал-Байда 121
- Алды (Алдынская дер. в Чечне) 372, 448, 454, 455
- Александровская ст., креп. 450
- Алкасовы «кабаки» 277
- Ал-Хакх *см.* Хакх 208
- Аллушта (Ялыста), г. 334
- Алтыкисёк абаза 293
- Алхан-Кала (арх.) 86, 157, 166, 172
- Алыкльчевичей удел 241
- Амация, г. (Амвросиевка, ст.) 313
- Амгата 173
- Америка 439
- Амешта, с. 395
- Амоль, г. 162
- Амсар, с. 250
- Амузги, с. 160, 227, 281, 311, 384
- Анапа, г. креп. 73, 75, 202, 203, 266, 270, 276, 279, 280, 286, 306, 366, 367, 369, 373, 385, 450, 456, 458, 467, 468
- Анапские горы 276
- Анатолия 313, 386, 450
- Анатолия Восточная 50
- Англия 282, 315, 414, 439, 456, 461
- Андал, с. с. о. 241
- Андадал 423
- Анди, с. 227, 281, 282, 294, 384
- Андийский с. с. о. 452
- Андийский хребет 151, 153, 207
- Андийское Койсу 209, 216
- андийцы 372, 416
- Андреевская, дер. *см.* Эндрей
- Андрей-аул, городище (арх.) (Эндерп). дер. в Дагестане 128, 133, 134, 138, 159
- Ансалта, а. 301, 384
- Антхир, р. 367
- Анцух, с. 177, 421
- Авчас, р. 29
- аорсы 78, 79, 82, 84, 85, 89, 90
- Апсия (часть совр. Абхазии) 102
- Апшерон 95, 258
- Арабский халифат 129, 138, 179
- Аравия 199, 282
- Аравы, р. 370
- Арагское эриставство 306, 403, 405
- Аракс, р. 50, 421
- Аральское море 161
- Аргеш, терр. 214
- Аргуданское городище (арх.) 160, 166, 167, 172
- Аргун, долина р. 135, 153, 167, 295, 309, 316, 329, 351, 371, 401
- Аргунское ущелье 153, 352, 356, 401, 402
- Ардебиль, г. 189, 260, 308, 418
- Ардон, р. 177, 277, 370, 436
- Арзрум, г. 413
- Аристов, каз. городок 329
- Аркас, поселение (арх.) 159, 166
- Аркис, с. 237
- Аркит, с. 384
- Армавирское городище (арх.) 173
- Армения 8, 28, 85, 86, 91, 96, 112, 126, 134, 161, 193, 197, 258, 259, 306, 307, 323, 403, 409, 415, 416, 420
- Армхи, р. 125, 351
- армяне 373, 416, 424
- Арран (ар-Ран) 151, 155, 161, 188, 192, 256, 264
- Артская гавань 306
- Аршты, с. о. 209
- Ассы, ущелье 372
- Ассинская котловина, мог. (арх.) 177, 402
- Ассирия 64
- Ассокай, р. 367, 368
- Астанкул, с. 372
- Астраханская губ. 416, 451
- Астраханское ханство 217
- Астрахань, г. 244, 273, 281, 306, 307, 315, 316, 318, 319, 336, 339-341, 353, 355-358, 362, 363, 374, 382, 403, 404, 413, 417, 423, 436, 464
- Атага, р. 295
- Атропатена 86
- Ауховское с. о. Ауки, дер. в Ингушетии 277, 372
- Афанасьев, каз. городок 329
- Афганистан 189
- Афины, г. 77
- Афинс, р. (Большой Шапсуг) 367
- Ахалцихский папалык 450
- Ахардей, р. (ныне р. Маныч или Кубань) 79
- ахвахцы 372
- Ахенское поселение (арх.) 404
- Ахты, с. 174, 240, 250, 257, 307, 322, 384, 419, 482, 493
- Ахуцс, р. 335
- Ахви (ныне г. Туапсе) 72, 73, 105
- Ахэулт, р. 105
- Ача-бети, тер. с. 405
- Ачикулак, стоянка (арх.) 371
- Ачикулак, урочище 369
- Ачу, креп. 280, 369
- Ашты, с. 481
- Баб ал-Абваб (Ал-Баб) (*см.* также Дербент) 161, 163, 171
- Бавлугайское городище (арх.) 133
- Багдад, г. 147
- Багдадский халифат 193
- Байда-ал (Белая) (*см.* также Семендер) 163
- Байлакан, г. 189
- Байрым, с. 245, 246
- Баклух, с. о. 241
- Баксан, р., терр. 74, 175, 277, 278, 367, 368
- Баксанские городища (арх.) 166, 167
- Баксанское ущелье (*см.* также р. Баксан) 277, 349, 370, 403
- Баку, г. 162, 213, 257, 258, 307, 314, 319, 342, 374, 404, 415, 427, 437, 461

- Бакулалское (Багулалское) владение 241
 Балакасан 91
 Балкана (Черекское ущелье) см. Малка 216
 Балканы 64, 458
 Балкария 107, 224, 225, 229, 231, 232, 234, 243-245, 263, 285, 290, 291, 296, 329, 349, 351, 352
 Балкарское ущелье см. Балка, р. 237, 277, 351
 Балкарцы 370, 380, 385, 403, 439, 472-474, 477, 491
 Балта, мог. (арх.) 123, 371
 Балтийское море 433
 Балх, г. 188, 282
 Балхар, с. 227-229, 281, 384, 481, 484
 Бальчиркин, г. 215
 Баматулинский бейлик 293, 398
 Баниста, с. 262
 Баранцева, «деревня» 351
 Барматов, каз. городок 329
 Баршалия см. Берсилля
 Баскани, ущелье 370
 Басра, г. 131
 Батарно, г. 203
 Баташюрт, с. 301
 Батуми, креп. 450
 Бахчисарай, г. 355, 430
 Башлы, с. 289, 322, 344
 Башовское укреп. 258
 Бежгон, р. 176
 бежтинь 372
 Бзенгневское ущелье 370
 Бейсу, р. 266
 Бекмурзиной фамилии влад. 402
 Белая, р. 29, 329, 367
 Белая Орда 213
 Беленджер, г. 120, 126, 134
 Белиджи, станция 108, 120
 Белореченская, ст. (ныне г. Белореченск) 164, 173, 245
 Белстойной, влад. 297
 Берсилля, страна 119, 120, 121
 бесленевцы 367, 376, 391, 436
 Бессарабия 373, 442
 Бешкенд, обл. (Бешкуйские горы) 216, 276
 Бештамак, креп., урочище 395
 Бештау, гора (Бештоу, Бештовы горы) 356, 370
 Бжегогайское городище (арх.) 173
 бжедути 366, 376, 436
 Бзенги, с. 175
 бзенгивцы 370
 Бзызь, р. 278, 368
 Бишт, мог. (арх.) 152
 Болгария 373
 болгары см. булгары
 Большая Орда 217, 270, 369
 Большой Зеленчук, р. 55, 146, 149, 158, 176, 203, 267, 277, 368-370
 Большой Чечен, а. 392, 444, 445
 Борисовский мог. 107
 Боровск, г. 360
 Бородинская, ст. 373
 Борукины поселения 368
 Веспор Киммерийский (см. также Керченский пролив) 76, 77, 78, 79, 81, 87, 99, 100, 103, 113, 236
 Веспорское царство 76, 77, 78, 80, 95
 Ботлих, с. 384
 ботлихцы 372
 Брагунская, дер. 372, 455
 Буг, р. 441, 459
 Бугундур, р. 367
 Буденновск, г. 199
 Будут, с. 420
 Буйнак, с. 58, 302, 306
 Буйнакский бейлик 398
 Буйнакское пос. (арх.) (ныне г. Буйнакск) 398
 Булгар, г. 162, 192, 215, 282
 Булгария Волжская 117, 126, 162
 булгары 96, 98, 104, 116, 117, 119
 Булулгуевское городище (арх.) 166
 Бухара, г. 188, 189, 234, 282
 Бухарест, г. 441
 Бухарское ханство 316
 Быльмский мог., городище 166, 173, 197
 вайнахи см. кусты (кцсты)
 Валахия 431, 441, 459
 Варада, дер. 239, 284
 Варацан, г. (см. также Урцекп, пос.) 112, 118
 Вассилово, с. 371
 Ватшило, с. 371
 Великий Волжский путь 23
 Великий Устюг, г. 384
 Великий шелковый путь 213
 Великое море восточное см. Каспийское море
 Венев, г. 360
 Венеция 43, 202, 230, 315
 Верилля, страна 117
 Верхнедзулатское городище (арх.) (см. также Татаргун) 160, 198, 201, 205, 230, 234, 235, 243, 244, 248
 Верхнечирюртовское городище (арх.) 109, 113, 133, 134, 166
 Верхний Дай, мог. (арх.) 107
 Верхний Даттых, мог. (арх.) 152, 153, 157, 166
 Верхний Кокадой, с. 479
 Верхняя Рутха, мог. (арх.) 107, 138
 Византия 7, 95, 97, 98, 99, 100, 102, 107, 112, 124, 129, 130, 135, 136, 146, 148, 151, 153, 162, 176, 199, 202, 230, 235
 Вильно, г. 338
 Висла, бассейн р. 94
 Витихар, с. 405
 Вихли, с. 384
 Владикавказ, г. 13, 452
 Военно-Грузинская дорога 194
 Военно-Осетинская дорога 194
 Военно-Сухумская дорога 194
 Волга, р. 94, 97, 102, 117, 128, 134, 147, 161, 202, 230, 273, 317, 325, 328-330, 337, 360-363, 369, 373, 423, 430
 Волжско-Астраханско-Ширванский торговый путь 316
 Волжско-Каспийский торговый путь 145, 316
 Восма, р. 360

- Восток 12, 23, 44, 45, 79, 95, 96, 102
 Восток Ближний 48, 70
 Вырка, р. 360
 Вюртембергское княжество 231
 Вязанов. каз. городок 328
- Гавдушанское поле 446
 Гагринский хребет 368
 Гагры, г. 122
 Гако, с. 294
 Галанчож, с. о. 371
 галашевцы (см. также чеченцы) 371
 галгаевцы см. ингуши
 Галла, мог. (арх.) 177, 263
 Галюгаевская, ст. 464
 Гатлукайское городище (арх.) 105
 Гатын-кале, мог. (арх.) 348
 Гвардейские курганы, городище (арх.) 172
- Гданьск, г. 282
 Гезеафег, терр. 351
 Геленджик, г. 122, 203, 267
 Геленджикский залив 367
 Гельта, с. 443
 гениохи 73
 Генуя, г. 202, 230, 267, 268, 269
 Георгиевск, г. (позже станция) 373, 449, 451
- Герменчук, р. 295
 Гехи, р. 371, 372
 Гид, с. о. 393
 Гидатлинский, с. с. о. 234, 286, 287, 289, 294, 494
- Гижгидский мог., городище (арх.) 107, 166, 173
- Гизельдон, р. 263, 277, 370
 Гильяр, с. 405
 Гилян, г. 178, 259, 308, 374, 417
 Гиляч, мог., городище (арх.) 107, 137, 138, 161, 167, 172, 175
- Гимринский хребет 207
 Главный Кавказский хребет 151, 172, 197, 199, 203, 209, 261, 267, 278, 351, 366, 426
 Гладковский, каз. городок 329
 Годоберинцы 372
 Гойты, р. 444
 Гольй гребень, урочища 329
 Голландия см. Нидерланды
 Голотль, с. 241, 384
 Голхер, с. 405
 Гоор, с. 229
 Гори, г. 265
 Горская АССР 15
 горцы Северного Кавказа 11, 12, 18, 25
 готы 94, 95
 готы тетраксыты (см. также остготы) 113
 Гопатль, с. 241, 263, 384, 482
 Гребенская, ст. 501
 Гребни казачьи 329, 360
 греки 375
 Гремячая, р. 329
 Греция 97
 Григориопольская, стан. 462
 Гродно, г. 338
 Грозный, г. 13, 103, 428, 444
 груаины 24, 373, 374
- Грузия 8, 23, 25, 85, 86, 89, 91, 96, 126, 127, 131, 134, 135, 136, 149–153, 155, 161, 167, 176, 189, 192, 193, 197, 205, 211, 212, 239, 259, 261–265, 282, 305, 306, 308, 309, 312, 314, 320–322, 347, 349, 370, 372, 400, 403, 404, 405, 407, 409, 415, 416, 420, 441, 442, 446, 450, 452, 460, 461, 495
- Грузия Восточная 25, 309, 313, 320, 323
 Губдеи, с. 389, 394, 420
 Губленское бейликство 293
 Гумбет, с. 209, 294
 Гумик, «царство» (см. Кумух) 125, 126, 150, 153–155, 170
- Гумс, р. (Гудермес) 239
 Гумси-Корт, городище (арх.) 157
 Гунделан, поселение (арх.) 166, 237, 367
 гунны (хунны) 91, 93, 94, 95, 96, 100, 104, 119, 485
- Гургели, р. 372
 Гюлбен (Голбина), г. 334
 Гурджистан см. Грузия
 Гюльгерычай, р. 208, 212
- Дагестан 9, 18, 22, 23, 29, 30, 32, 34, 35, 37, 38, 40, 41, 42, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 61, 62, 65, 66, 67, 68, 69, 72, 75, 78, 82, 83, 84, 85, 86, 88, 89, 90, 91, 95, 96, 100, 101, 108, 109, 111, 113, 114, 120, 123, 125, 132, 145, 149, 151–155, 158, 159, 160, 161, 165–167, 169, 170, 174, 175, 177–179, 191, 193–197, 203–214, 216, 217, 223–227, 229, 230, 232–235, 239–244, 248–250, 252–254, 256–265, 273, 277–296, 299–309, 311–314, 316, 318, 320–325, 335, 337, 338, 340–346, 353, 355–358, 374, 375, 376, 378, 379, 380, 382, 387, 388, 389, 394, 395, 402, 403, 405, 407, 408, 412, 413, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 426, 428, 435, 437, 445, 446, 450, 457, 458, 461, 462, 467, 468, 469, 470, 471, 473, 475, 477, 478, 480, 482, 483, 484, 489, 490, 492, 493, 495
- Дагестан горный 208, 307, 309
 Дагестан Приморский (Прикаспийский) 210, 211, 226, 322
- Дагестан Северный 145, 161, 301, 345
 Дагестан Южный 170, 191, 204, 206, 209, 213, 233–234, 239, 240, 242, 250, 252, 254, 259, 274, 281, 307–309, 312, 313, 319, 320, 322, 323, 420, 480, 491, 497
- Дагестанская АССР 154
 Дагомыс, р. 369
 дандарии 81, 85
 Дания 282, 426
 Даргавс, сляп (арх.) 370
 Даргаас, сел. 302
 даргинцы 332, 387, 477, 484
 Дарьяльский проход 82, 84, 86, 89, 95, 128, 152
- Датун, с. 177
 Двалетия 177
 Двин, г. 193
 Девек-Елеме, с. с. о. 294
 Девлетгиреевское, пос. (позже Старый Юрт) 372
 Децилов, г. 360

Демяков, г. (Верхний Джулат, Татаргун)
195, 198, 201, 205—207

Дейлам 163

Дербент, влад. («царство») 293

Дербент, г. 22, 52, 56, 83, 86, 89, 96, 97, 99,
101, 108, 109, 111, 114, 118, 126, 127, 132,
136, 147, 149, 153—158, 204—206, 209—213,
217, 224, 230, 239, 240, 244, 250, 252—254,
257, 260—264, 273, 274, 282, 286, 293, 302,
306, 308, 311—314, 316, 319—321, 340—342,
350, 355

Дербентский проход 84, 86, 91, 101, 193,
194, 207, 214, 259

Дербентский эмират 154, 155

Дербентское ханство 373, 414, 459

Дервели, епископство 235

Деркела, креп. 217

Дешт-и-Кыпчаг, степи 149, 225, 272

Джавское ущелье 370

Джамбулатово кн. влад. 402

джантемировцы 368

Джарега, с. 262

Джаро-Белоканы, с. о. 278, 372, 420, 421,
422

Джасар 261

Дженгутайское влад. 241, 293

Дженгутай, с. 420

Джидан см. Кайтаг

Джиниха 415, 421

Джоджора, р. 370

Джулат, обл. 201, 203, 235, 267

Джули, с. 481

Джурджан 163

Джучи, улус 194, 217

Даурдукетия (Горная Ингушетия, см.
также дурдзуки) 152

Дигорское ущелье 351, 371

Дигория, дигорцы 65, 232, 277, 283, 352,
370, 390

Дизгор, склеп 302

Дикеева деревня 284, 351

Дискуррия, г. 21

Дманиси 197, 264

Днепр, р. 94, 148, 192, 230, 317, 326, 334,
354, 407, 431, 441

Днестр, р. 326, 459

Додзу, с. 262

Докушара, с. 240

Дон (Тана, Танаис), р. 18, 33, 70, 81, 94,
98, 99, 117, 123, 134, 147, 148, 202, 215,
278, 328, 330, 334, 353, 354, 359—363, 373,
374, 423, 502

Донбасс 29

Донгат, урочище 159

Донецкая, ст. 450

Донифарс, мог. (арх.) 107

Дооб-Солнцедар, мыс 173

Древнерусское государство см. Киевская
Русь

Дубаюрт, с. 153, 160

Дудурковой, стоянка (арх.) 302

Дунай, р. 94, 96, 97, 98, 117, 119, 202, 431,
441

Дунайские княжества 431

Дургелл, с. 213

дурдзуки (см. также вайнахи, кусты) 125

Дур-дур, р. 368

Дусрах, местн. 420

Евразия 45, 68, 72

Европа 21, 70, 81, 161, 188, 202, 204, 267,
268, 273

Европа Восточная 7, 21, 23, 45, 48, 64, 78,
93, 94, 96, 100, 148, 153, 174, 188, 189, 194,
230, 270, 316

Европа Западная 18, 49, 315, 356

Европа Центральная 49, 64, 162, 315

Европа Юго-Восточная 48, 58, 64, 101, 148,
150, 151, 257

Евфрат, р. 311

егерукавцы 366

Египет 162, 199, 204, 230, 268, 312

Еголкас, мог. (арх.) 152

Егорлык, р. 180

Екатеринодар, г. (ныне Краснодар) 13

Екепцокская Нижняя Абаза 293

Екепцокская Средняя Абаза 298

Елец, г. 215

Елецкое городище (арх.) 322, 323

Елису, с. 278

Елисуйский султанат 309

Ерохинские «кабаки» 348

Ессентуки, г. 149, 250

Жанеевское общество 297

жанеевцы 366, 367

Жинвани 197, 264

Загеми 306

**Закавказье 7, 8, 12, 22, 23, 24, 25, 28, 34,
37, 40, 42, 43, 44, 50, 54, 55, 64, 65, 68, 70,
71, 74, 80, 82, 86, 88, 90, 91, 95, 96, 98, 101,
107, 109, 118, 121, 127, 130, 136, 138, 146,
147, 152, 153, 156, 161, 163, 177, 189, 192,
194, 201, 204, 205, 207, 213, 214, 230, 231,
240, 257, 259, 261, 273, 282, 301, 302, 305—
309, 312, 314, 316, 319—322, 324, 330, 336,
341, 342, 347, 356, 357, 381, 383, 402, 403,
419, 421, 425, 442, 463**

Закавказье Центральное 316

**Закубанье 88, 105, 207, 224, 228, 229, 234,
250, 253, 280, 367, 373, 374, 375, 378, 397,
459**

Запад 9, 94

Запорожское казачье войско 373

Зарир (Бата, Суджук-кале) 266

Заука, с. 443

Заур, урочище 371

Заюковский мог. (арх.) 159, 167

Зеленчук Большой, р. 299

Зеленчук Большой, ущелье 157, 278

**Зирихгеран, «царство» 125, 126, 153, 154,
159, 160, 178, 213, 217, 234, 242**

зихи 72, 73, 100, 113, 122

**Зихия (Зикхия) 137, 145, 148, 156, 176,
226, 269**

Змейское, пос. (арх.) 166, 172

**Золотая Орда 23, 198, 199, 201, 202, 204—
206, 208—215, 217, 223, 233, 237, 242, 244,
269—273**

Ибаковы «кабаки» 349

- Иберия 112, 214
 Иверская земля 274, 306, 333
 Избербаш, г. 118
 Иль, р. 276, 367
 Ильичевское городище (арх.) 173, 176
 Имеретия 261, 265, 308, 313, 351
 Ингушетия 152, 153, 161, 177, 207, 235, 262, 263, 283, 351, 360, 437, 443, 444, 495
 Ингуши 25, 371, 385, 403, 471
 Инжалагул, городище (арх.) 167
 Инджик-Зеленчук, р. 298
 Индия 23, 162, 201, 422, 439
 Инхо, с. 395
 Ирак 127, 162, 199, 234, 258, 259
 Иран 5, 8, 11, 12, 18, 19, 23, 24, 44, 50, 95, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 120, 124, 127, 129, 130, 139, 147, 161-163, 178, 189, 201, 203, 214, 217, 230, 234, 258, 261, 267, 276, 282, 286, 293, 305, 311-317, 319-325, 334, 341-346, 375, 385, 407, 409, 412, 414, 418-420, 424-426, 429, 439, 459, 461, 462
 Иран Северный 102, 189
 Иран-Хараб, с. 446
 Ирганай, мог. (арх.) 224
 Ислам-Кермен, с. 317
 Испания 199, 201
 Испиг (Испик) с. 227, 228, 281
 Исправная, ст. 176
 Исфаган, г. 320, 321
 Италия 201, 268
 Итиль (Саксин), г. 128, 146, 147
 Итиль, р. см. Волга, р.
 Ихрек, с. 234, 253, 254
 ичкеринцы 372
 Ичкерия (Юго-Восточная Чечня) 75, 78, 82, 87, 88, 151, 216, 371, 380, 401
 Ицари, с. 250, 258, 481
 Ишкарт 389
 Ишха-аул, а. 301
 Ицарская, ст. 464
 Ицарский каз. городок, ст. 329
- Йемен 234, 254
- Кабала, а. 404, 415, 419
 Кабарда 9, 24, 40, 103, 227, 231, 232, 236, 237, 245, 253, 277, 281-285, 288-290, 292, 296-299, 301-304, 306, 317-319, 321, 322, 325, 326, 329, 331, 333-337, 343-346, 349, 351-353, 355, 356, 358, 370, 371, 374, 377, 381, 382, 385, 387, 394, 400, 402, 404, 407, 409, 410, 426, 427, 428, 431, 432, 433, 435, 440-442, 444, 457, 458, 459, 468, 470, 473, 494, 495
 Кабарда Алегукина 297, 351
 Кабарда Анзорова 351
 Кабарда Большая 277, 283, 296, 326, 337, 430, 433, 441
 Кабарда Малая 277, 296, 297, 337, 338, 367, 368, 490
 Кабарда Шолоховая (Келмаметова) (см. также Ибаковые «кабаки») 297, 322, 337
 Кабардино-Балкария 9, 23, 47, 49, 66, 85, 89, 103, 135, 136, 157, 158, 166, 167, 200, 216, 227, 229, 263
 кабардинцы 24, 366, 367, 368, 371, 374, 375, 376, 377, 389, 408, 410, 458
 Кабк(х), гора (см. Кавказ) 145, 147
- Кавказ 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 31, 33, 37, 42, 48, 54, 56, 58, 60, 62, 64, 65, 68, 70, 74, 75, 83, 85, 86, 93, 99, 101, 123, 149-151, 154, 161, 162, 169, 172, 176, 178, 192-194, 197, 202, 203, 209, 210, 217, 237, 238, 256, 259, 261, 266, 268, 269, 271-274, 295, 304-306, 311-317, 320-322, 324, 325, 330-332, 336, 339, 341, 343, 345, 347, 348, 350, 353, 381, 384, 386, 389, 396, 409, 412, 416, 419, 439, 442, 459, 476, 483
- Кавказ Восточный 22, 83, 100, 101, 145, 147, 204, 243, 248, 250, 282, 316, 322
 Кавказ Западный 21, 28, 49, 52
 Кавказ Северный 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18-21, 22, 23, 24, 25, 30, 32, 33, 34, 35, 37-41, 43-45, 47, 50, 51, 52, 54, 56, 60-68, 70-72, 77-81, 84, 85, 86, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 100, 102, 103, 104, 110, 112, 114, 116, 117, 123, 124, 127, 128, 130, 132, 134, 135, 138, 139, 144-151, 156, 158-161, 163-165, 167-179, 188-200, 203, 204, 206, 209, 210, 213, 215, 217, 223-231, 233-238, 242-244, 246-250, 252-254, 256-258, 260-267, 269, 276, 286, 287, 289-292, 295, 298-309, 311, 313-320, 322-326, 328, 330-334, 336, 338, 339, 345, 349, 350, 352-356, 358, 363, 366, 369, 373-376, 379, 380, 382-388, 390, 392, 393, 396, 398, 401-404, 407-409, 424, 428, 429, 435, 436, 438-441, 452, 454, 456, 457, 460, 463, 464, 467-469, 471-476, 481, 482, 485, 487-489, 492, 495-502, 504
- Кавказ Северо-Западный 8, 18, 33, 35, 44, 45, 47, 54, 63, 64, 72, 74, 75, 79, 82, 84, 86, 95, 100, 102, 104, 147, 148, 162, 163, 172, 173, 176, 178, 193, 197, 198, 202, 207, 215, 217, 224-226, 229-231, 234, 236, 243, 246, 266-269, 278, 281, 283, 297, 302, 306, 313, 317, 334, 335, 389, 435, 436, 438, 442, 459
- Кавказ Северо-Восточный 35, 50, 52, 56, 58, 62, 64, 66, 75, 82, 83, 84, 86, 89, 99, 103, 104, 144, 172, 177, 204-207, 209, 213, 224, 229, 242, 273, 278, 303, 315, 320, 321, 323-325, 352, 355, 357, 416, 417, 437, 448, 453, 456, 457
- Кавказ Центральный 25, 27, 47, 56, 62, 66-68, 74, 81, 82, 84, 88, 89, 95, 103, 137, 150, 158, 162, 172, 174, 196-198, 201, 203, 206, 217, 223-225, 227, 229, 234, 236, 243, 248, 250, 252, 261, 265, 267, 282, 296, 325, 346, 350, 352, 353
- Кавказская Албания 108, 121, 126, 127, 133, 134
 Кавказская губ. 369, 373
 Кавказская дорога 273
 Кавказская епархия 234
 Кавказский хребет 54, 62, 65, 72, 82, 109, 366, 371
 Кадар, г. 224
 казаки (запорожские, донские, черноморские, кубанские, терские, гребенские) 9, 10, 13, 19, 24, 25, 373, 375
 Казакия 282
 Каванское ханство 23, 217
 Кавань, г. 315, 319, 464
 Казбек, гора 84, 124

- Казикумухское Койсу, р. 154, 208
 Казикумухское шамхальство 208, 217, 252, 254, 289, 312
 Казикумухское ханство 387, 398, 399
 Кайтаг (Хайдак), «царство» 125, 126, 241, 213, 235, 241, 242, 274, 289, 292, 293, 300, 312, 313, 321, 323, 324, 344, 345, 379, 387, 395, 372, 394, 420, 421, 423, 446, 496
 Кайтукиной фамилии влад. 402
 Кала-Корейш, с. 161, 175, 208, 241, 250—252
 Калаус, р. 373
 Калка, р. 192
 Калканы, с. о. 280, 356
 калмыки 369, 373
 Калмыцкие степи 161
 Калуга, г. 360
 Камбилеевка, р. 371
 Каменномостная стоянка, мог. (арх.) 29
 Кац, горы см. Кавказ
 Каппадокия 86
 Капчугай, кр. 216
 Карабах 189, 257, 260, 313
 Карабудахкент, с. 355, 389, 394
 Карабудахкентский бейлик 293, 398
 карабулаки (орстойцы) 371, 372, 380, 391, 444
 Караджаево, с. 371
 Кара-Кайтаг 209, 372
 Каракорум, г. 271
 Кара-Кюнюлу 258, 259
 Кара-Кюре 161, 175
 Каранай, с. 389
 караногаи (яманцы) 369
 Карата, с. с. о. 289
 каратицы 372
 Карах (Уркарах) 147, 153, 154, 155
 Карачаево-Черкесия 9, 102, 103, 111, 135, 137, 166, 167, 174, 178, 215, 227, 263, 298, 350
 карачаевцы 370, 380, 385, 403, 472, 473, 477, 491
 Карачай 108, 124, 203, 225, 226, 228, 229, 231, 232, 234, 237, 246, 262, 267, 277, 290, 296, 301, 349, 350, 385, 387, 459, 469, 470, 472, 484
 Карачаевская, ст. 274
 Караша, с. 395
 Каргалинская, ст. 373
 Карт-Джурт, с. 237
 Картли (Картлия, Картлийское царство) 261, 306, 313, 316, 402, 404
 Картли-Кахетинское царство 437, 449
 Карча-Кала, укреп. 237
 Касахия, страна 145
 касоги (касахи, кашаки) (см. также адыги) 196
 Каспий, прибрежные районы 109, 374
 Каспийские (Албанские) ворота (см. также Дербент) 96, 104, 123
 Каспийское море 9, 23, 34, 67, 97, 108, 110, 145, 147, 161, 162, 180, 189, 190, 203, 213, 214, 216, 226, 230, 242, 244, 267, 271, 273, 278, 280, 282, 292, 302, 307, 308, 314, 316, 328, 329, 342, 350, 355, 360, 361, 363, 366, 388, 412, 424, 459, 461, 472
 Кафа, г. 202, 203, 213, 230, 266, 268—270, 274, 334, 386
 Кафыркумух, г. 345
 Кахетия (Кахетинское царство) 152, 261, 265, 306, 308, 316, 321, 350, 351, 421
 Кахш, с. 404
 Кахиб, с. 229, 384
 Качкальковский хребет 239, 372
 качкальковцы 400
 Капкатау, с. 237
 Кая, с. 384
 Кванада, мог. (арх.) 177
 Кезеной, с. 479
 Келебское, с. о. 287
 Кемиргой («Кумурговецкая земляца», Темиргой, Темирга), влад. 297
 Кевхи, мог. (арх.) 152, 153
 Кельи, г. 75, 76, 95, 100
 Кербета, с. 262
 керкеты 72, 73
 Кераунские горы (северо-восточные отроги Кавказа) 83
 Керченский пролив 76, 81, 100, 180, 194
 Керчь, г. 75, 116, 270, 407, 441
 Кефар, р. 203
 Кидиб, с. 294
 Киев, г. 326, 339, 354, 355
 Киевская Русь (Русское государство) 7, 23
 Кизилка, р. 54
 Кизляр, г. 348, 373, 374, 386, 393, 403, 418, 422, 423, 425, 430, 445, 455, 461
 Кизляр перевозов 306, 358
 Кизляр-Гребенской округ 503
 Кизлярский уезд 463
 Киликия, земля 230
 киммерийцы 23, 64, 70, 97
 Кинбурн, г. 430, 431
 кипчакы (погайцы) 457
 Кир-Кольский мог. (арх.) 107
 Кирьянов, кв. городок 329
 Кисловодск, г. 62, 66, 103, 136, 274
 Кистаури, местн. 264
 Китай 79, 93, 102, 130, 161, 201, 202, 203, 207, 217, 267, 282
 Кишпек, с. 106
 Клин-Яр, мог. (арх.) 172
 Клухорский перевал 95, 102, 135, 151, 230, 261, 403
 Кобан, с. 371
 Ковно, г. 338
 Корджори, с. 262
 Кодорский перевал 402
 Койсинский острог 342
 Койсу, р. 278, 306, 321, 323, 453, 467
 Койсубульское общество 393
 Коло, пос. 393
 Коломна, г. 361
 Колосовка, мог. (арх.) 105, 160, 173
 Колхиды 28, 29
 Комек, епископство 235
 Константинополь, г. 98, 99, 100, 101, 113, 116, 151, 161, 176, 270, 386, 387, 413, 418, 427, 428, 439
 Копа (Копарно), г. 202, 203, 266, 268
 Копыл, укреп. 440
 Копыл, местн. 373

- Корода, с. 484
 Костюковская, дер. 292, 398, 413, 448
 Кошыхабльское городище (арх.) 105, 173
 Краков, г. 282
 Красная Поляна 173
 Краснодар, г. 176
 Краснодарский край 123
 Крemuk, обл. 224, 237
 Крестовый перевал 161, 350, 402, 403
 Кривая, р. 175
 Кривавлы, а. 393
 Крым 7, 32, 71, 76, 81, 94, 95, 99, 121, 122, 137, 162, 194, 202, 215, 230, 269, 270, 272, 297, 314, 315, 327, 328, 319, 321, 323, 326, 331, 334, 335, 337, 341, 344, 350, 353, 354, 368, 369, 374, 375, 381, 383, 408, 409, 423, 429, 439-442, 443, 449, 457, 459
 Крым Восточный 148
 Крымское ханство 5, 8, 11, 18, 23, 24, 217, 266, 269, 270, 276, 297, 311, 313, 316-319, 322, 325, 326, 330, 331, 334, 335, 350, 353, 354, 386, 387, 427, 430, 438, 440, 441, 449
 Ксань (Ксани), р. 263, 370
 Ксанское эриставство 403, 405
 Куба, а. 314, 404, 405, 419, 447
 Куба, ногайское подразделение 298
 Кубань, р. 25, 52, 63, 66, 68, 72, 73, 74, 76, 77, 79, 81, 87, 88, 94, 95, 96, 100, 102, 103, 110, 135, 146, 148, 149, 157, 161, 172, 173, 176, 177, 198, 199, 203, 226, 266, 276-279, 297, 313, 335, 350, 363, 366, 368-370, 373, 376-378, 380, 385, 395, 397, 408, 428-430, 432, 440, 442, 449, 450, 458, 462, 499, 502, 503
 Кубань, левобережье 456
 Кубати, с. 396
 Кубачи, с. 126, 129, 160, 213, 227-229, 250, 253, 258, 281, 384, 404, 416
 кубачинцы 372
 Кубина, а. 149
 Кубинское ханство 373
 Кударо I, III, пещеры (арх.) 28, 31, 370
 Кукса, р. 66
 Кулган 312
 Кули, креп. 216
 Куликово поле 23, 213
 Кума, р. 74, 75, 149, 157, 161, 178, 199, 216, 277, 361, 363, 366-370, 395, 452
 Кумбулта, мог. (арх.) 107
 Кумторкалинский бейлик 293
 Кумух, г. 150, 153, 195, 208, 211-213, 227, 234, 242, 254, 282, 292, 293, 306, 307, 314, 341, 345, 374, 384, 404, 420, 423, 425, 446, 453, 478, 480, 482, 483, 491, 493
 кумыки 24, 372, 374, 378, 379, 380, 398, 483
 Кумыкия 278, 298, 302, 308, 321, 345, 358, 392
 Кунди, с. 384
 Кундузча, местн. 214
 Кундуки, Кундукские «кабаки» (повже Хатюкой, Гатюкой, Атукан) 297
 Кура, р. 50, 96, 204, 205, 211, 212, 214, 258, 309, 373, 412
 Курах, с. 252, 257
 Курахский с. с. о. 212
 Курах-чай, р. 154
 Курджипс, р. 367
 Курдистан 258
 Курдюковская, ст. 501
 Курдюковский городок 329, 361
 Курджин, р. 367
 Курш, р. 367, 368
 Кургатинское ущелье 370, 371
 Куртатия 309
 Курушское общество 213
 кусты (хисты, вайнахи см. дзурдзуки) 125
 Куткашен, с. 420
 кутригуры 96, 97, 100
 Куфис (Кофис, Кубанирсу), р. см. Кубань 116
 Кывбурунские городища (арх.) 157-159, 237
 Кызылбапское государство (см. также Иран) 346
 Кызылкаинское городище 107, 166
 кыпчаки (половцы) 148, 149, 169, 457
 Кюра, обл. 195, 240
 Кючук-Кайнарджи, с. 441, 442
 Лаба Белая (Большая), р. 198, 277, 335, 366, 367, 369, 432
 Лаба Малая, р. 368
 Лавина (устье р. Нечепсыхо) 105, 107, 124
 Лака, «царство» 108, 125, 132, 153, 154, 155, 157, 165, 170
 лакцы 374, 477, 483, 484
 Ларс, с. 295, 347, 350, 371
 Левашинское-плато, городища (арх.) 166, 207
 Левонтьев каз. городок 329
 Лежги, мог. (арх.) 152
 лезгины 372, 387, 394, 477
 Лекетская дорога 261
 Лекзистан 206, 209, 258
 Ленинград, г. 17
 Ленинохабльский мог. (арх.) 105
 Лескен, р. 367
 Лачинкайское городище (арх.) 172
 Литва 318, 328, 381
 Личинская, с. 237
 Локопа см. Копа (Копарио)
 Лотар, г. 202, 203, 266
 Лоу, р. 368, 369
 Лучек, с. 244
 Лыпыг, пос. 159, 161, 173
 Мааста Молч, а. 263
 Мага, г. 230
 Магас, г. 151, 163, 199, 207
 Магате, мог. (арх.) 152, 179
 Маджалис, с. 241, 293, 420
 Маджар, г. 199, 200, 201, 230, 234, 243, 250, 253, 271, 272, 274
 Маза, с. 213
 Майкоп, г. 23, 45, 50
 Майртуп, с. 274
 Майский, г. 200
 Майсты, с. о. 371
 Малка, р. 149, 198, 236, 274, 277, 303, 367-370
 Малкар, волость 370
 Малхиста (Малх), с. о. 239, 371
 Мамхонский перевал 403
 мамхеки 366, 367

- Манас, мог. 109
 Мангышлак 278
 Маньч, р. 75, 79
 Мапа см. Анапа 202, 203, 266
 Марневская, ст. 450
 Мариенбург, г. 334
 Мартан, р. 135
 Мартан-Чуйское пос., мог. (арх.) 130, 153, 162
 Маруха верховье, р. 158, 203
 Марухский перевал 161, 261
 Марьянская, ст. 373
 Маскут (Маскат), влад. («царство») 108
 маскуты 85, 86, 91, 93, 95, 96
 Маслов-Кут см. Привольное, сел.
 Матраха (Матарха, Матрага, Матрега, Матрига, Таматарха, Тмутаракань) 121, 122, 202, 203, 226, 230, 234, 235, 266, 269, 270, 313
 Матрега см. Матраха
 Матрика см. Тамань
 Махачкала, г. 96, 127
 Махкеты, мог. (арх.) 348
 Махорский перевал 261
 Махческ, склеп (арх.) 302
 Мачина см. Китай
 Мегеб, с. 423
 Медведица, р. 328
 Медвеженский каз. городок 329
 Мекень, урочище 437
 Меотиды (см. также Азовское море) 73
 меоты 72, 73, 77, 79, 81, 84, 85, 87, 88, 95
 Меревинская «земля» 348
 Месопотамия 44, 48
 Мехтулинское ханство (см. также Дженгутайское влад.) 293, 424
 Мзымта, р. 173, 368
 мнатлы, с. 372
 мидия 64, 355
 Мика, креп. 217
 Микаха, епископство 235
 Микрах, с. 227, 240, 250, 384
 Мильтен, г. 334
 Минеральные Воды, г. 102
 Мянгрелия 264, 303, 350, 351
 Мирмекий, г. 75
 Мискинджи, с. 240, 258
 Мисостово, кн. влад. 402
 Мигу, с. 262
 Мичкисская «земля» 348, 351
 мичкиквы (мычигип) см. чеченцы
 Мишпеш, с. 250
 Могоголи, мог. (арх.) 152
 Моздок, г. 308, 371, 373, 375, 386, 393–395, 403, 437, 441, 442, 445, 450, 452, 463, 464, 495
 Моздокская степь 298
 Мокрая Буйвола, р. 199
 Молдавия 94, 374, 431, 432, 441, 459
 Монголия 93, 192, 207
 Мошкастро (г. Аккерман) 268, 270
 Москва, г. 16, 17, 24, 176, 272–274, 288, 295, 303, 314, 317, 322, 328, 330, 332–338, 340–345, 347, 350–360, 495
 Мосох, с. 395
 Мохда, с. 153, 179
 мохоши 366, 367
 Мутан 189, 420, 425
- Муги, с. 250
 Мударовы «кабак» 306
 Мужичи, мог. (арх.) 152
 Мулдинская «земля» 348
 Муртазовых села 368
 Мылкинцы, с. о. 280, 356
 Мысхако, мыс 173
 Мычигыч см. Чечня
 Мюшкюр, терр. 415
- Назрань, р. 312, 368
 Найман, ногайское подразделение 298
 Нальчик, г. 47, 50, 60, 139, 167, 274
 Нальчик, р. 367
 Нарская котловина 207
 натухайцы 366, 367, 378, 389, 393, 397
 Наурская, ст. 373, 441, 464
 Наурский каз. городок 329
 Нахичевань (Кавказская) 127, 313
 Нахичевань-на-Дону, г. 373
 Нахчаматеанк (см. также чеченцы) 125
 Нашхе с. о. 371
 Недрех, р. 372
 Некрасовское городище (арх.) 105, 173
 Немиров, кр. 431
 Нергес, креп. 217
 Нечепсухе, р. 122
 Нидерланды 282, 308
 Нижнеархызское городище (арх.) 157, 159, 161, 163, 166, 172, 173, 176, 178
 Нижнечечемский мог. (арх.) 159, 161
 Нижний Джуглат, селище (арх.) 136, 157, 163, 200, 201, 216, 234, 243, 250, 257
 Нижний Новгород, г. 361
 Нпкопсис, р. 145
 Нпкопсия, г. 137
 Нпсса, кр. 431
 Нпфрей, г. 75
 Новгород, г. 274
 Новобжегокаевский мог. 105
 Новочелшевское городище (арх.) 105
 Новогладковская, ст. 405
 Новокрещенская слобода (в Терках) 331, 467
 Новокрещенское, с. 301
 Новомихайловское городище (арх.) 105, 107
 Ногайская Орда 217, 243, 244, 278, 298
 Ногайская Орда Большая (Большой Ногай) 278, 324, 333, 337, 341, 350
 Ногайская Орда Малая (Малый Ногай) 278, 298, 303, 322, 337, 339, 341, 350, 353
 ногайцы 369, 370, 372, 373, 374, 380, 385, 436, 442, 457, 458, 473, 474, 491, 495
 Нузал, с. 263
 Нуху, г. 307, 404
- Облакакуадж, с. о. 368
 Обох, с. 423
 Обурские горы 276
 Овечьи воды (р. Койсу-Сулак) 340
 Осветия см. Алаши (Осетия) 149, 238, 265
 овсы (см. алаши) 370
 ококи (окочане), см. также аккинцы 372
 Окоцкая «земля» 289, 295, 348

- Окопная слобода 331, 356, 467, 474
 Оксая каз. городок 329
 Октябрьское городище (арх.) 136, 172
 Оросай Булак, р. 372
 Орджоникидзевское городище (арх.) 172
 Орта, с. 395
 Орстой тухкум (джаммаат) 400
 осетины 114, 370, 371, 375, 385, 387, 403, 458, 474, 477
 Осетия 197, 207, 224, 225, 229, 231, 237, 238, 250, 253, 262–264, 283, 285, 288, 290, 296, 301, 306, 308, 309, 349, 351, 356, 380, 387, 390, 396, 404, 419, 436, 438, 443, 444, 459, 467, 470, 479, 482, 483, 495
 Осетия горная 207
 Осетия Северная 9, 29, 30, 50, 55, 61, 62, 65, 66, 69, 84, 88, 89, 103, 107, 123, 131, 166, 167, 177, 198, 201, 227, 229, 234, 238, 253, 262, 263, 316, 321, 442, 467, 470, 481, 496, 498
 Осетия Южная 197, 277
 Османская империя (Оттоманская Порта, Турция) 5, 8, 11, 12, 18, 19, 23, 24, 217, 235, 261, 270, 276, 305, 311, 314–319, 321–323, 326, 334, 334, 342, 354, 355, 386, 415, 418, 425, 426, 427, 428, 431, 432, 438, 439, 459
 Отрар, г. 189
 Отчавская «земля» 295, 348
 Очаков, г. 407, 431, 441
 Очамчира, г. 52
- Павловская, ст. 373, 450
 Пагры, гавань 107
 Падар, с. 372
 Палестина 50
 Памет, мог. 152
 Панкисская долина 350
 Пантикапей, г. 75, 76
 Папагия, страна 145
 Партав, г. 114
 Парфия 35, 86, 91
 Паучной, с. 239
 Перекоп 429, 430
 Переяславль-Залесский, г. 360
 Переяславль-Рязанский, г. 360
 Персия (с.м. Иран) 98, 199, 361, 373, 384, 403, 414, 417, 423
 персы (иранцы) 95, 98, 102, 104
 Песчанка, местн. около Нальчика 136
 Петербург, г. 12, 397, 413, 422, 427, 430, 435, 436, 438, 458, 459, 461, 495
 Пеше, г. 202, 266
 Пешинские «кбаки» 306
 Пилас, мест. 314
 Пицунда, г. 63
 Пицундская епархия 234
 Плиево, с. 250
 Поволжье 9, 18, 23, 48, 55, 64, 71, 100, 214, 215
 Подкумка, р. 368
 Подлик, р. 250
 Поднепровье 71
 Подонье 44, 48, 64, 71, 85
 Подунавье 85
 половцы с.м. кыпчаки (кипчаки)
 Польша (с.м. также Речь Посполитая) 282, 315, 318, 325, 326, 336, 346, 355, 381, 383, 426, 431, 439
- Понтийское море (с.м. Черное море) 121
 Понтийское царство 81
 Потанов каз. городок 329
 Потн, креп. 450
 Преградное, с. 180
 Преградный стан, укреп. 176, 374
 Предкавказье 10, 21–25, 35, 40, 65, 70, 71, 78, 79, 82, 85, 86, 94, 96, 99, 100, 103, 106, 107, 110, 116, 118, 148, 149, 161, 173, 176, 210, 211, 212, 223, 234, 236, 253, 278, 369, 452, 462, 463
 Приазовье 29, 33, 40, 44, 73, 85, 95, 96, 100, 117, 148, 149, 198, 226, 429, 439
 Прибалтика 94
 Приволжье 7
 Привольное сел. (позднее Маслов-Кут) 452
 Приднепровье 55
 Приднестровье 32
 Придонье 7
 Прикаспий 90, 96, 161, 402, 415, 420, 430
 Прикаспий Северный 70, 82, 85, 102, 119, 203, 267
 Прикаспийская низменность 96
 Прикаспийский торговый путь 89, 101, 230
 Прикубанье 23, 28, 29, 30, 31, 33, 47, 50, 55, 62, 64, 66–68, 69, 73, 75, 77, 78, 79, 81, 85, 86, 87, 88, 116, 117, 145, 148, 149, 175, 198, 223–226, 236, 429, 449
 Прикубанье Среднее 280
 Приуралье 93, 94, 100
 Приуралье Южное 78
 Причерноморье 28, 29, 30, 31, 32, 52, 64, 88, 96, 97, 107, 119, 153, 173, 198, 202, 268, 269, 278, 366, 367, 459
 Причерноморье Северное 8, 18, 49, 68, 70, 71, 75, 78, 79, 80, 94, 95, 98, 162, 202, 204, 270
 Прохладная, с. 452
 Пруссия 439
 Прут, р. 409
 Псеашхо, перевал 151
 Пседаху (Пседех), р. 368, 369
 Псекупс, р. 29, 367
 Псыгансу, р. 351
 Пчельна, р. 360
 Пшавия 153
 Пшада, р. 366
 Пшикуйхабльское городище (арх.) 105
 Пшиш, р. 29, 367
 Пяндж-и-Хасан, местн. 281, 282
 Пятигорск, г. 149, 176, 274
 Пятигорье (Бештау) 47, 66, 74, 100, 103, 158, 172, 193, 216, 234, 236, 277, 278, 299, 316, 366–369, 375
 Рача, с. 351, 403
 Речь Посполитая 315, 343
 Рига, г. 334, 338
 Рим, г. 81, 207
 Рим-Гора, городище (арх.) 154, 160, 163, 166, 172, 174
 римляне 81, 99
 Римская империя 87, 94, 97

- Рион, р. 161, 450
 Рича, с. 161, 175, 195, 208, 229, 250, 257
 Родос, о. 78, 230
 Россия 5-14, 18-21, 23, 24, 25, 74, 231, 256, 270-272, 274-276, 282, 289, 292, 295, 302, 304, 308, 313, 315-320, 322-326, 328, 330-359, 361, 362, 374, 381, 383, 386, 389, 396, 397, 403, 407, 409-411, 415-417, 420-422, 426, 427, 429, 431-433, 435, 438-443, 445, 448, 449, 452-454, 456, 457, 459, 460, 502
 Рубас, бассейн р. 108, 125, 154, 372
 Ругуджа, с. 167, 177, 263, 384, 482
 Румелия 380
 Румское (Византийское) море 145
 Русская равнина 33
 русские 54, 373
 Русский Север 330
 Русь (см. также Киевская Русь) 23, 144, 148, 149, 162, 163, 178, 192, 193, 195, 201, 215, 267, 271-274, 319, 328, 336, 356
 Рутул, с. 175, 208, 234, 240, 250
 Рутульский р-н 263
 Рутульское в. о. 395
 рутулы 372
 Сабла, р. 370
 савиры (сувар, субар, сибир) 97, 98, 100, 104, 118, 119
 савроматы 73-75, 78-83, 85-90, 103
 саджа (садзы, джилеты) 368
 Садон, мог. (арх.) 123
 Саксин, г. 162
 Салатавия 207, 241
 Салатовские горы 372
 Самарканд, г. 188, 189, 214
 Самур, р. 154, 208-210, 212, 213, 257, 260, 261, 313, 341, 372, 382
 Самурская долина 312, 322, 420
 Самухроне, терр. 405
 Самсхе-Саатабаго, княжество 261, 313
 сацарийцы (тсанары) 128
 Сай-Джорджия, г. 202, 266
 Санта-Круче, г. 202, 266
 Санчаро, перевал 151
 Сарай, г. 202, 210, 234, 271
 Сарай-Берке, г. 216, 272
 Саратовская область 451
 Саратовская, ст. 29, 203, 267
 Сарафанников каз. городок 329
 Сарир, влад. (царство), позднее Авария 108, 125, 126, 150, 153-157, 165, 169, 170, 208
 сарматы 117, 484
 сасаниды 91, 97, 101, 125, 130
 Саситль, с. 294
 Сахана, с. 262
 Сванетия 125, 264, 351, 403
 Святой Крест, креп. 369, 373, 374, 414, 416-418, 428, 467, 471
 Севастополь Великий (Севастополис) (см. также Сухуми) 123, 202, 230, 266, 268, 270
 Северное, ст. 450
 Семендер, г. 121, 129, 146, 158, 161, 163
 Семенов каз. городок 329
 Сенная, ст. 121
 Сентинская гора, мог. 107
 Сенты, хут. 173
 Серебряные пруды 360
 сибирь см. савиры
 Сибирь 328, 464
 Сибирь Западная 97
 Сигитмынское городище (арх.) 109, 138
 Сигют, аул 393
 Сильда, с. 294
 Симонов каз. городок 329
 Синд 73, 76, 281
 Синдика, гос. 22, 76
 Синдская гавань (Горгиппия), см. Анапа
 сираки 78, 81, 84, 85, 86
 Сирья 48, 50, 95, 162, 230
 Сихид см. Зихия
 склфы 23, 64, 70, 73, 79, 81, 83, 90
 Славенская река (см. Дон) 128
 Слепов каз. городок 329
 Советское городище (арх.) 172
 Согд, г. 102
 согдицы 102
 Согратль, с. 314, 423, 493
 Солдайя, г. 266
 Соленое озеро (Туалук) 324
 Сонская земля 289, 306
 Сочи, г. 63, 173
 Сочи, р. 366, 368
 Сочхери, с. 265
 Средиземноморье 50, 230, 268
 Средиземноморье Восточное 90
 Ставрополь, г. 14, 78, 176, 451
 Ставрополье 25, 55, 56, 157, 234
 Ставропольский край 149, 180, 199
 Ставучаны 432
 Сталинград, г. 16
 Стамбул см. Константинополь
 Старогладковская, ст. 409
 Старолесское городище (арх.) 136, 166
 Старые Молды 363
 Степанов, каз. городок 329
 Стигор, с. о. 284
 Субай «кабак» 280
 Судак, г. 192
 Сулак, р. 50, 54, 58, 68, 83, 119, 120, 128, 133, 214, 278, 284, 314, 369, 372, 413, 417, 467
 Сулевкент, с. 271, 284
 Сунджа, г. 149
 Сунджук-кале, г. креп. 450
 Сунжа, бассейн, р. 74, 103, 135, 149, 157, 198, 237, 277, 303, 306, 309, 319, 322, 329, 330, 335, 341, 344, 360, 366, 368, 372, 444, 500
 Сунженский острог 277, 306, 342, 345, 346, 467, 498
 Сурхах-Алиюрт, городище (арх.) 167
 Сурь, с. 372
 Сухум-кале, креп. (ныне г. Сухуми) 102, 450
 Сыгнак, г. 189
 Сырга-меер, р. 167
 Таабыста «землица» 329
 Табасаран, влад. кадия («царство», май-сумство) 108, 125, 132, 153-157, 165, 170, 208, 213, 240, 252, 257, 260, 289, 294, 312, 378, 379, 399, 405, 416, 420, 423, 457, 481

- Уруп, р., с. 73, 149, 151, 176, 277, 368—370
 Урух, р. 277, 351, 367, 371
 Урдеки, пос. (арх.) 109, 136, 138
 Усиша, с. 289, 321, 493
 Усть-Лабинская, ст. 373
 Усть-Псекупское городище (арх.) 173
 Усть-Сююнг, р. (среднее течение р. Терек) 329
 Устьюрт, плато 102
 утшугуры 96, 97, 98, 100
 Уччулан, с. 237
 Ушкалой, мог. (арх.) 152
 Ушкуджа, обл. 217
- Фанагория, г. 75, 76, 86, 95, 100, 117
 Фарс, р. 259, 368
 Фат, р. (нижнее течение р. Кубань) 77
 Феллин, г. 334
 Феодосия, г. 76
 Фиагдон, р. 277, 368, 370, 436
 Филан, влад. 153—155, 208
 Флягдон, р. 263
 Фокшаны 441
 Фортанга, р., ущелье 152, 371
 Фракия 97
 Франция 32, 315, 401, 409, 414, 426, 432, 456, 459, 460
 Фургоуг, мог. 152
 Фяппи, тухкум, джамаат 400
- Хавсы, влад. 306
 Хаджи-Аул (Алгул), а. 372
 Хаджи-Тархан, г. 216
 Хазарский каганат 117, 118, 121, 122, 126, 128, 135, 138, 145, 146, 149, 153, 154, 164, 169
 хазары 116, 117, 119, 127, 133, 485
 Хамадан, провинция 419, 421
 Хамидиевское городище (арх.) 136, 157, 159, 172, 201
 Ханская, ст. 203
 Хан-тебе, местн. 373
 Харахи (Харохи), с. 395
 Харбук, с. 227, 384
 Харьков, г. 326, 354
 Хасаут, городище (арх.) 135
 Хатай (Северный Китай) 157, 282
 хатикаевцы 366, 367
 Хашват-аул, а. 372
 хваршаны 372
 Хевсуретия 153, 262
 хегацы 366, 367
 Хлах, а. 393
 Хив, городище (арх.) 167
 Хивинское ханство 278
 Хиналуг (Хиналук), с. 312, 420
 Хинд (см. Индия) 281
 Хиндалал, с. с. о. 289, 393
 Хиндах, с. 395
 Хирзак, с. 237
 Хири, с. с. о. 241
 Хнов, с. 257
 Хода, креп. 264
 Ходжент, г. 189
 Хомская, ст. 203, 267
 Хопер, р. 328
 Хорасан, г. 162, 241, 418
- Хоредж, с. 250
 Хорезм 162, 163, 189, 230
 Хоста, р. 369
 Хотан (см. Китай) 282
 Хочод, с. 241
 Хпедж, г. 250
 Хрюг, с. 240
 Худат, с. 446
 Хулам, волость 244, 370
 Хулхулау, ущелье 153, 371, 372, 401
 Хумаринское городище (арх.) 135, 136, 147, 154, 159, 166, 172, 173
 Хумрадж см. Хунзах
 Хунзах, г. 374, 480, 493
 Хунзах, мог. 177, 208, 209, 224, 234, 241, 250, 263, 314, 345
 Хури, с. 229, 483
 Хуринг-Халаг, с. 384
 Хусыр, волость 370
 Хучни, с. 384, 481
 Хуштада, с. с. о. 241
- Царев каз. городок 329
 Царипцын, г. 363
 Царская, ст. 203
 Цатаних, терр. 393
 Цахур, с. 179, 208, 209, 213, 234, 250, 253, 254, 256, 259, 289, 324, 372, 393
 Цебельда 203, 267, 404
 цезы (дидойцы) 372
 Цекоб, с. 393
 Цемес, р. 366, 367
 Печа-Ахк, пос. (арх.) 152, 153, 159, 169
 Печой, с. (Кешен-аул) 239
 Повкра, с. 384
 Пой-Педе, мог. (арх.) 152, 179
 Пудухар, с. 384
 Цховата, с. 263
- Чалдыранская равнина 312
 Чамбакло, г. 266
 чамалалы 372
 Чамлыкская, ст. 253
 Чангы-Аргун, ущелье 306
 Чангы-Аргун, верховья р. 153
 Чачана земли (Уваровское меньшее влад.) 295
 Чебарлой, тухкум, джамаат, с. с. о. 371, 399, 400
 Чегем, р. 238
 Чегема, ущелье 349, 367, 370
 Червленая, мог. (арх.) 501
 Червленая, ст. 373, 409
 Червленный каз. городок 329, 361
 Черек, р. 277, 367
 Черек Балкарский, р. 351, 367
 Черек Ваятский, р. 370
 Черкасск, г. 353
 Черкасская слобода (в Терках) 331, 374, 467
 Черкасское, с. 301
 Черкесия 9, 217, 236, 265, 269, 276, 318, 356, 375, 376, 378, 382, 383, 388, 389, 397, 407, 468
 черкесы 369, 376, 380
 Черная, р. 329
 Чернигов, г. 148

- Черное море 9, 64, 72, 97, 110, 122, 161, 199,
 202, 213, 226, 230, 236, 244, 268, 270, 271,
 321, 322, 388, 407, 426, 433, 439, 441, 462,
 472
 Черноморское казачье войско 377, 378
 Черноморское побережье 9, 23, 50, 67, 72,
 73, 75, 76, 84, 88, 95, 145, 162, 173, 249,
 250, 253
 Черноморское побережье Кавказа 270
 Черные горы 207
 Черные земли 161, 294, 341
 Чесвин, г. 334
 Чехия 282
 Чечен-Ауул (Большая Чечня), а. 491
 Чечено-Ингушетия 107, 108, 114, 130, 135,
 136, 149, 152, 153, 157, 166—169, 172, 174,
 178, 179, 216, 225, 227, 229, 231, 234, 239,
 250, 262, 263, 274, 280, 283, 285, 287, 288,
 290, 291, 295, 301, 302, 306, 309, 338, 347,
 348, 380, 387, 391, 392, 437, 443, 452, 453,
 467, 468, 469, 479, 481, 482, 483, 493, 496
 Чечен-Тала, р. 295
 чеченцы 13, 24, 25, 371, 374, 385, 439, 453,
 472, 495
 Чечень, городище (арх.) 352
 Чечень, о. 280, 302, 329, 360, 361
 Чечня 9, 55, 56, 57, 58, 62, 66, 123, 152,
 153, 158, 205—207, 227, 234, 239, 246, 252,
 281, 283, 284, 291, 295, 301, 302, 305, 348,
 349, 374, 428, 445, 454, 457, 458, 467
 Чибик, р. 367
 Чимп, ущелье 370
 Чина (Китай) 282
 Чинахой, мог. (арх.) 130
 Чингисские «кабаки» 306
 Чираг, с. о. 307
 Чирах-чай, р. 154
 Чиркей, с. 372
 Чми, с. 123
 Чми, мог. (арх.) 371
 Чобан, с. 278
 Чох, с. 307, 384, 483
 Чугуев, г. 326, 354

 Шабран, терр. 321
 Шадрин каз. городок 329, 361, 409, 501
 Шалущка, р. 367
 Шамшахар, городище (арх. 109)
 Шандан, влад. 154, 169
 Шандорова дер. 351
 шапсуги 366, 367, 378, 389, 393

 Шарой, с. о. 371
 Шатгора см. Казбек 306
 Шатили, с. 262
 Шатой-Кубуты, тухкум, джамаат 371, 400
 Шахе (Малый Шапсуг), р. 367, 369
 Швеция 282, 343, 346, 409, 426, 432, 439
 шевкальство см. Казикумухское, Тарков-
 ское (шамхальство)
 Шевлев каз. городок 329
 шегаки 280
 Шеки 257, 306, 313, 403, 404, 420, 425
 Шемаха, г. 189, 213, 256, 259, 260, 306—
 308, 313, 319—321, 340, 342, 355, 357, 403,
 404, 411, 413, 415, 418, 420, 424, 425, 428,
 Шемахинское ханство см. Ширван
 Шибут (Шибутская земля), с. о. 284, 348,
 352
 Шида-Картли, провинция 309
 Шида-Кახети, провинция 309
 Шинах, с. 227, 256
 Ширван (Шемахинское ханство) 125, 147,
 154—156, 161, 163, 165, 166, 178, 179, 189,
 190, 192, 204—206, 211—213, 240, 256—261,
 264, 274, 306—308, 311—314, 316, 321, 407,
 409, 415, 418, 419, 421, 425, 428, 461
 Шихкереи, с. 371
 Шуан, мог. 152
 Шумы, кр. 441
 Шуша, креп. 460, 462

 Эгикал 179
 Эльбрус, гора 84, 124, 172, 215, 277
 Эльхотово, ст. 195, 201, 237, 245, 316
 Эльхотовские ворота 161, 205
 Энджек, с. 280
 Эндереевское влад. 292, 344, 346, 398, 448
 Эндрей (Эндерей, Эндери, Андреевская
 дер.) 282, 286, 292, 302, 342, 355, 374, 403,
 404, 418, 455, 481, 484, 491, 492
 Эрмес, г. 334
 Эрпелинский бейлик 398
 Эрпель, с. 389
 Эттинген, г. 281

 Янк (Урал), р. 328, 330, 360, 361, 369
 Яицкий каз. городок 361
 Яманкул, р. 367, 368
 Яман-су, мог. (арх.) 277, 288, 295
 Ярыксу (Ярак-су), долина, р. 133, 239
 Ясенова Поляна, мог. (арх.) 105
 ясы (см. аланы) 196

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к серии	5
ВВЕДЕНИЕ	21

Раздел I

ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫЙ СТРОЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Глава I

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ОХОТНИКИ И СОБИРАТЕЛИ	27
1. Формирование Кавказа. Периодизация каменного века	27
Нижний палеолит (28). Средний палеолит (мустьерская эпоха) (29). Население Северного Кавказа в верхнем палеолите и мезолите (32).	

Глава II

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И СКОТОВОДЫ	35
1. Племена Северного Кавказа в эпоху неолита и энеолита	35
Неолит (35). Энеолит (40).	

Глава III

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-СКОТОВОДЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ	45
1. Этноплеменные общности в эпоху ранней бронзы	45
Племена майкопской культуры (45). Племена куро-аракской культуры (50).	
2. Северный Кавказ в эпоху средней бронзы	52
Дольменная культура (52). Северокавказская культура (54). Катакомбная культура (55). Племена горной Чечни и Дагестана (56). Каякентско-хорочевская культура (58). Искусство эпохи бронзы (60).	
3. Эпоха поздней бронзы	61
Кобанская культура (62). Племена Дагестана и Юго-Восточной Чечни (62). Прикубанская культура (63). Киммерийцы (64).	

Глава IV

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОГО СТРОЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ	66
1. Освоение железа и его социально-экономические последствия	66
Последствия освоения железа на Северном Кавказе (66). Скифы на Северном Кавказе и их контакты с местными племенами (70).	
2. Племена Северного Кавказа	72
Синды и меоты (72). Племена кобанской культуры (74). Племена Северо-Восточного Кавказа (75).	
3. Греческая колонизация	75
Греческие колонии на Черноморском побережье Кавказа (75). Восточное царство (76). Связи племен Северного Кавказа с греческими колониями (77).	
4. Северный Кавказ в конце I тысячелетия до н. э.	78
Расселение сарматов в степях Северного Кавказа (78). Взаимоотношения сарматов с местными племенами (79). Сарматы и Боспор (81). Местные племена горных районов Центрального и Северо-Восточного Кавказа (82). Дагестан в составе Кавказской Албании (83).	

5. Население Северного Кавказа в начале нашей эры	84
Этническая карта Северного Кавказа (84). Сираки и аорсы в событиях рубежа нашей эры (84). Ранние аланы на Северном Кавказе (85). Меотские племена в начале нашей эры (87). Население Центрального Кавказа (88). Дагестан в первые века нашей эры (89). Хозяйственные занятия (89).	

Раздел II

СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава V

«ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ» И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ	93
1. Нашествие кочевых племен	93
Гунны на Северном Кавказе (93). Болгары. Утигуры и кутригуры (96). Савиры (97). Авары. Тюркоты (98).	
2. Северный Кавказ в ирано-византийских отношениях в середине I тысячелетия нашей эры	100
Агрессия Византии на Северо-Западном Кавказе (100). Экспансия Ирана в Южном Дагестане (100). Война Византии и Западно-Тюркского каганата против Ирана (101).	
3. Зарождение феодальных отношений	103
Углубление социального неравенства (103). Социальное развитие местного населения (105).	
4. Культура и быт. Проникновение христианства	110
Типы поселений (111). Быт и прикладное искусство (112). Народные верования и проникновение христианства (112). Нартский эпос (114).	

Глава VI

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В VII—IX ВВ. АРАБО-ХАЗАРСКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	116
1. Булгары и хазары	116
2. Местное население в VII—IX вв.	122
3. Арабо-хазарские отношения с народами Северного Кавказа	126
4. Проблемы экономики и социально-экономических отношений у народов Северного Кавказа периода господства хазар	128
5. Культура и быт народов Кавказа VII—IX вв.	132

Глава VII

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В X — НАЧАЛЕ XIII В.	144
1. Освобождение народов Северного Кавказа от иноземной зависимости и русско-кавказские связи	144
2. Кыпчаки и раннефеодальное Аланское государство	148
3. Вайнахи и народы Дагестана в X—XII вв.	151
4. Хозяйство и социальный строй народов Северного Кавказа в X—XII вв.	156
5. Культура и быт. Христианство. Ислам	172

Глава VIII

ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ. СОПРОТИВЛЕНИЕ МЕСТНЫХ НАРОДОВ ЗАВОЕВАТЕЛЯМ (XIII—XIV ВВ.)	188
1. Первый поход татаро-монголов в Восточную Европу и разгром аланов и половцев	188
2. Второй поход татаро-монголов	193
3. Этнические процессы на Северном Кавказе в период татаро-монгольского шага	196

4. Борьба с татаро-монголами и ослабление Золотой Орды	204
5. Опустошительные нашествия полчищ Тимура	214

Глава IX

ХОЗЯЙСТВО, ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КAVKAZA В XIII—XV ВВ.	223
--	-----

1. Социально-экономические отношения	223
Земледелие и скотоводство (223). Охота, рыболовство и пчеловодство (226). Ремесленное производство (226). Торговля (229). Социальные отношения (231). Религия и религиозные верования (233).	
2. Политическое устройство	236
Черкесия (236). Кабарда (236). Балкарцы и карачаевцы (237). Северная Осетия (238). Чечено-Ингушетия (239). Владения Дагестана. Дербент и Южный Дагестан (239). Майсумство Табасарана (240). Уцмийство Кайтагское (240). Аварское нуцальство (241). Шамхальство (242). Тюменское княжество (242). Ногайцы (242).	
3. Культура и быт	243
Поселения и жилища (243). Транспорт (244). Одежда и вооружение (244). Пища (246). Семейный и общественный быт (248). Прикладное искусство (250). Фольклор (252). Памятники письменности (253).	

Глава X

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КAVKAZA С ЗАКАВКАЗЬЕМ, ГЕНУЭЗСКИМИ КОЛОНИЯМИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И РОССИЕЙ	256
--	-----

1. Взаимоотношения народов Северного Кавказа с Закавказьем	256
Связи народов Северного Кавказа с Азербайджаном (256). Борьба Ширвана и Дагестана против Кара-Кохлю и первых сефевидов (258). Грузино-северокавказские отношения (261).	
2. Взаимоотношения народов Северного Кавказа с генуэзскими колониями и Крымским ханством	266
Отношения народов Северо-Западного Кавказа с генуэзскими колониями в XIV—XV вв. (266). Борьба народов Северного Кавказа с Крымским ханством (269).	
3. Русско-северокавказские отношения	270
Северокавказско-русские связи в XIII—XIV вв. (270). Укрепление русско-северокавказских отношений в XV в. (272).	

Раздел III

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КAVKAZA В XVI—XVII ВВ.

АГРЕССИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ, КРЫМСКОГО ХАНСТВА И ИРАНА. НАЧАЛО ПРИСОЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КAVKAZA К РОССИИ

Глава XI

УГЛУБЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ	276
---	-----

1. Этническая карта Северного Кавказа в XVI—XVII вв.	276
Расселение народов Северного Кавказа (276).	
2. Развитие экономики	279
Земледелие и скотоводство (279). Промыслы (280). Торговля (281).	
3. Социальные отношения	283
Класс феодалов (283). Крестьянство и его категории (285). Классовая борьба (289).	
4. Углубление феодальной раздробленности	290
Политический строй феодальных владений (290). Распад шамхальства (292). Уцмийство Кайтагское (293). Дербентское владение (293). Распад майсумст-	

ва Табасаранского (294). Ханство Аварское (294). Тюменское владение (295). Территория Чечено-Ингушетии (295). Центральный Кавказ (296). Образование Большой и Малой Кабарды (296). Северо-западные адыги (297). Политические образования абазин (298). Ногайские улусы (298). Обычное право (299).	
5. Взаимоотношения народов Северного Кавказа между собой и с Закавказьем	301
Взаимоотношения северо-кавказских народов между собой (301). Взаимоотношения народов Северного Кавказа и Закавказья (305).	

Глава XII

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКЕ XVI—XVII ВВ.	311
1. Международная обстановка	311
Борьба Ирана и Османской Порты за овладение Кавказом (311). Северный Кавказ во внешней политике западноевропейских держав (315). Политика России на Северном Кавказе (315).	
2. Борьба народов Северного Кавказа за свою независимость	320
Война Ирана и Порты в первой половине XVII в. и Северный Кавказ (320). Стремление Ирана покорить Дагестан (323). Агрессивная политика Османской Порты и Крымского ханства на Северном Кавказе во второй половине XVII в. (325).	

Глава XIII

НАЧАЛО ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ К РОССИИ В XVI—XVII ВВ.	328
1. Первые русские поселения и крепости на Северном Кавказе	328
Образование казачества (328). Терский городок (330).	
2. Добровольное присоединение адыгов к России	331
Причины сближения Кабарды с Россией (331). Добровольное присоединение адыгов к России (332).	
3. Адыго-кабардино-русские политические отношения в XVII в.	335
Русско-кабардинские отношения (335). Кабардинские князья на русской службе (338). Взаимоотношения западных адыгов с Россией (339).	
4. Дагестано-русские политические отношения в XVI—XVII вв.	340
Взаимоотношения владетелей Дагестана с Россией в XVI — начале XVII в. (340). Начало вхождения Дагестана в состав России (343).	
5. Политические связи народов Центрального Кавказа с Россией	346
Взаимоотношения чеченцев и ингушей с Россией (346). Взаимоотношения России с Осетией, Балкарией и Карачаем (349). Русско-ногайские отношения (350). Укрепление связей народов Центрального Кавказа с Россией в первой половине XVII в. (350). Участие народов Северного Кавказа в борьбе Русского государства с Крымским ханством и в русско-турецкой войне 1678—1681 гг. (353).	
6. Экономические связи северокавказских народов с Россией в XVI—XVII вв.	355
Торгово-экономические связи (355). Экономические связи горцев с русским населением Северного Кавказа (358).	
7. Терский городок, терско-гребенское и донское казачество и классовая борьба в России в XVII в.	359
Участие терско-гребенского и донского казачества в первой Крестьянской войне (359). Терско-гребенские и донские казаки в Крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина (360). Классовая борьба в конце XVII в. (362).	

Глава XIV

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XVIII В.	366
1. Территория и население	366
Адыги (366). Абазины (368). Ногайцы (369). Балкарцы и карачаевцы (370).	

Осетины (370). Чеченцы и ингуши (371). Народы Дагестана (372). Переселение на Северный Кавказ русских, украинцев, армян, грузин и других народов (373). Городское население (374).	
2. Экономическое развитие Северного Кавказа в XVIII в.	375
Земледелие (375). Скотоводство (380). Пчеловодство и охота (381). Домашняя промышленность и ремесло (384). Отходничество (384). Торговля (385).	
3. Классы и классовая борьба	387
Классовая структура (387). Формы классовой борьбы (393).	
4. Политический строй	398
5. Взаимоотношения народов Северного Кавказа и Закавказья	402

Глава XV

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И ШАХСКИМ ИРАНОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В. . . . .

1. Русско-кавказские отношения и османско-крымская агрессия в первые десятилетия XVIII в.	407
Внешнеполитическая обстановка на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в. (407). Антииранское выступление в Дагестане (411).	
2. Петр I в Прикаспии	412
Поход русских войск на побережье Каспийского моря (412). Последствия присоединения Прикаспия к России (415).	
3. Нашествия шаха Надира и его поражение от горцев Дагестана	418
Первый поход Надира на Дагестан (418). Второй поход Надира на Дагестан (420). Разгром войск Надира в Дагестане (422).	
4. Русско-турецкая война 1736—1739 гг. и народы Северного Кавказа	426
Кабарда в русско-турецко-крымских отношениях (426). Участие кабардинцев в военных действиях русских войск (428). Белградский мирный договор (431).	

Глава XVI

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В. . . . .

1. Процесс присоединения северокавказских народов к России	435
Укрепление политических связей народов Северного Кавказа с Россией (435). Первая русско-турецкая война и народы Северного Кавказа (438). Кючук-Кайнарджийский договор. Окончательное присоединение Кабарды к России (441). Присоединение Северной Осетии к России (442). Добровольное вхождение Чечено-Ингушетии в состав России (443). Русско-дагестанские отношения (445).	
2. Народы Северного Кавказа и России в конце XVIII в.	448
Военно-административные меры русского правительства на Северном Кавказе (448). Движение в Чечне под водительством шейха Мансура (Ушурмы) (453). Северный Кавказ и вторая русско-турецкая война (456). Нашествие Ага-Мухаммед-хана на Закавказье. Поход В. А. Зубова на Восточный Кавказ (459). Освоение русскими и украинскими поселенцами Предкавказья (462).	

Глава XVII

КУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVI—XVIII ВВ. . . . .

1. Материальная культура	467
Поселения и жилища (467). Одежда и вооружение (470). Пища (472).	
2. Общинный и семейный быт	473
Семья и семейные обряды (473). Аталычество (475). Кровавая месть (475). Гостеприимство. Куначество (476). Общественные игры и обряды (476).	
3. Народное творчество	477
Зодчество и прикладное искусство (477). Устное народное творчество (484). Музыка, музыкальные инструменты и танцы (488).	
4. Языки. Письменность. Наука. Общественно-политическая мысль	490
Языки народов Северного Кавказа (490). Письменность (491). Школа и наука (492).	

5. Религиозные верования	495
6. Культура и быт северокавказского казачества и населения русских крепостей и поселений	498
Бытовая культура (498). Семейная обрядность (501). Фольклор (502).	
ПРИЛОЖЕНИЯ	506
I. Список сокращений	506
II. Хронология событий	508
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	514
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	525

Научное издание

ИСТОРИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА с древнейших времен до конца XVIII в.

Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства *М. М. Медведев*. Художник *Г. Н. Валлас*.
Художественный редактор *Н. Н. Власик*. Технический редактор *И. Н. Жмуркина*
Корректоры *Е. Н. Белоусова*, *Г. Н. Джиоева*

ИБ № 3252

Сдано в набор 13.02.87. Подписано к печати 14.05.87. А-01795. Формат 70×100^{1/16}
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая
Усл. печ. л. 44,2. Усл. кр. отг. 45,5. Уч.-изд. л. 49,1. Тираж 14 000 экз. Тип. зак. 178
Цена 3 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

